НА
КЛАСС

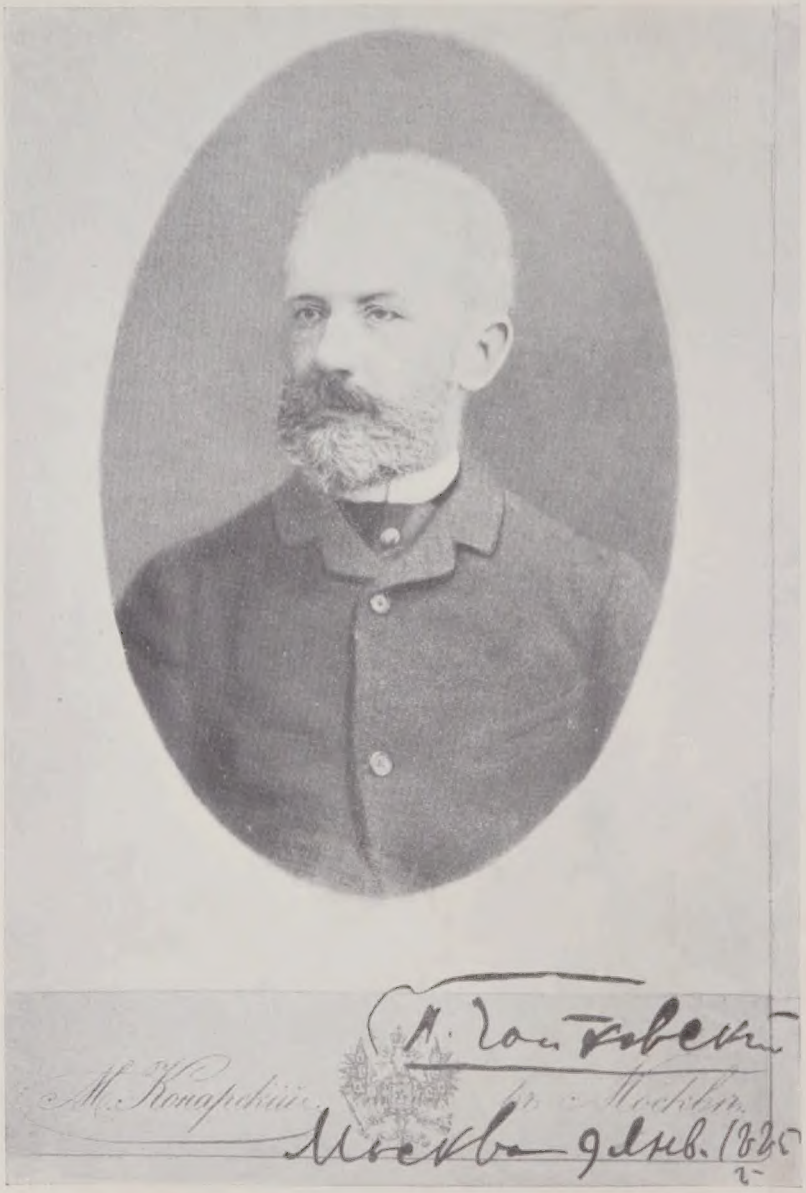
П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ПЕРЕПИСКА
с Н. Ф. фон МЕКК
1882–1890

1930

МУЗЫКА

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

ACADEMIA
Москва — Ленинград



П. И. Чайковский

С фотографии 1885 г.

БИБЛИОТЕКА МУЗ. ТЕАТРА

78
4.15

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

III

1882—1890

Редакция и примечания
В. А. Жданова и Н. Т. Жегина

7317

ACADEMIA
1936

1980

Труды Дома-Музея П. И. Чайковского

Супер-обложка и переплет по рисункам А. Толокопникова

ОТ РЕДАКЦИИ

Третьим томом заканчивается полная публикация переписки П. И. Чайковского с Н. Ф. фон-Мекк. Том охватывает период в восемь с половиной лет, с 1882 по 1890 гг.,—до разрыва. За первые пять лет знакомства было семьсот писем, а за следующий период, почти в два раза больший, только пятьсот. С каждым годом количество уменьшалось и с его и с ее стороны. Характер переписки менялся. Нет уже той насыщенности и напряженности, которыми письма отличались в самые первые годы. Под конец они идут от случая к случаю. Письма Чайковского становятся более сдержанными и дают, главным образом, внешнюю канву его жизни.

В психике Чайковского многое изменилось за эти годы. Он стал более замкнут, не чувствовал прежней потребности в откровенных беседах. Изменился тон его писем даже к братьям, которым раньше до предела обнажал свою внутреннюю жизнь. Им и другим корреспондентам (круг их значительно расширился) он охотно писал о внешних событиях, о музыкальных интересах, но всегда держал на почтительном расстоянии от себя.

Три оперы, балет, семь крупных оркестровых произведений, не считая мелких инструментальных и вокальных опусов, создано Чайковским за эти годы. Процесс творчества и дальнейшие судьбы новых творений нашли яркое отражение в публикуемых документах. Огромная потребность работы сопровождалась у Чайковского неврастеническим отчаянием, падением веры в свои силы, возобновлявшимся подъемом и опять отвращением к новым замыслам. Почти всегда в такой атмосфере создавались его произведения,— это хорошо видно в публикуемой книге.

В предыдущих томах мы видели рост популярности Чайковского, здесь видим, как популярность постепенно превращалась в славу, за-

крепленную несколькими полными триумфа артистическими турне по Европе. Новые произведения Чайковский представлял Москве и Петербургу. Публика восторженно встречала автора, а потом автора-дирижера,— с неизменными овациями, венками, подношениями, но самые произведения часто оставались в тени. Критика была единодушной. Мало кто хотел признать в Чайковском то, чем он так дорожил, — отрицали в нем талант оперного композитора, ставя на первое место как симфониста. Чайковский воспринимал это как самую жестокую несправедливость, как травлю, мучился, но опять принимался за новый труд. Эта сторона творческой биографии Чайковского представлена в книге тоже с исчерпывающей полнотой. Его общественные взгляды, безнадежно отсталые, не уходящие дальше шаблонных, примитивных формулировок «Московских ведомостей», также предельно здесь обнажены. Но важно отметить, что если, с одной стороны, Чайковский твердит о том, что «нигилистов нужно истреблять» (письмо № 6), то, с другой, он не может не сознаться в том, «до чего жизнь в нашей дорогой России невыносима» (письмо № 36). В своих политических воззрениях Чайковский—обыватель, испуганный революционным движением, но вместе с тем возмущающийся теми оскорблениями, которые ему наносит грубый произвол крепостнической реакции восьмидесятых годов. И Чайковский, на собственном примере узнав, как бесполезно доказывать свою правоту городовому, приходит к меланхолическому выводу: «в настоящее время даже самому мирному гражданину тяжело живется в России. Поневоле вздохнешь о странах, где живется свободнее» (письмо № 36).

С другой стороны, Н. Ф. фон-Мекк, в семидесятых годах щеголявшая тем, что она является «поклонницей Чернышевского» и «сторонницей Писарева» (т. I, стр. 24), теперь, в период восьмидесятых годов, выступает как ярая представительница реакции, верноподданной самодержавия.

Переписка Чайковского с фон-Мекк оборвалась неожиданно. Вопрос о причине разрыва освещен в комментарии.

В третьем томе текст и комментарий приготовлены по тому же принципу, как и в предыдущих томах. Сохранены те же условные сокращения. Ни одно из писем Мекк за эти годы не было опубликовано. Отрывки из писем Чайковского впервые публиковались во втором и третьем томах его биографии, составленной М. И. Чайковским. Почти полностью опубликованы были №№ 169, 171, 192, 195, 216, 266, 277, 278, 281, 306, 311, 313, 315, 322, 327, 362, 381, 402, 412, 420, 434, 437, 448, 452, 481, 490, 492, 497; в значительных отрывках №№ 6, 10, 16, 21, 23, 25, 51, 92, 94, 96, 107, 109, 110, 112, 126, 129, 134, 137, 143, 147, 160, 163, 173, 179, 180, 184, 191, 206, 214, 233, 238, 239, 241, 246, 247, 257, 261, 269, 272, 276, 280, 316, 320, 348, 352, 359, 376, 379, 387, 404, 430, 435, 444, 467, 473, 484 и в небольших цитатах №№ 4, 11, 36, 44, 46, 53

67, 69, 76, 85, 87, 88, 90, 95, 100, 130, 131, 136, 148, 155, 164, 166, 167, 168, 199, 211, 217, 235, 237, 253, 254, 283, 291, 293, 294, 297, 300, 305, 312, 317, 332, 334, 339, 345, 346, 360, 366, 367, 369, 371, 372, 382, 399, 401, 424, 451, 460, 461, 469, 471, 475, 480, 487, 489.

Ряд сведений для аннотированного указателя получен от Н. П. Чулкова. Помощь в редакторской работе оказывал Н. М. Шеманин и в выверке текстов — В. Т. Жегина.

Редакторы с чувством глубокой благодарности вспоминают М. М. Ипполитова-Иванова, принимавшего живое участие в издании всей переписки.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ПЕРЕПИСКА
с Н. Ф. фон-МЕКК

1882 год

1. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
3 января 1882 г.

Мой милый, несравненный друг, четвертый день, что собираюсь писать Вам, но несносная головная боль не давала исполнить этого желания, и сегодня решаюсь взяться за перо только для того, чтобы поздравить Вас, дорогой мой, с наступившим Новым годом и пожелать Вам всех возможных благ жизни в этом и во многих будущих годах. Вам первому я пишу в наступившем году и очень жалею, что мне не удалось написать Вам в самый день Нового года для того, чтобы чаще писать в продолжение года.

Вчера у нас состоялся спектакль. Очень было забавно, и все вышли хорошо из своих ролей, в особенности подходил к своей роли Сашок и исполнял ее очень хорошо.

Время так летит, что просто больно становится: моим мальчикам через три дня уже уезжать надо, а кажется,—только что приехали. Накануне Нового года у нас была елка, а после нее концерт, в котором Соня сыграла сонату Appassionata Бетховена и Ваш Chant sans paroles, и очень недурно сыграла. Она могла бы быть хорошею исполнительницею, но нисколько не работает,—правда, ей и некогда, у нее весь день занят другими уроками.

Посылаю Вам, милый друг мой, все последние фотографии. Соня выпросила у меня Вашу фотографию. Не сниметесь ли Вы, дорогой, в Риме? Также мне очень было бы приятно получить и фотографию Модеста Ильича. Если он будет сниматься, то попросите у него, милый друг мой, и для меня.

До свидания, несравненный мой, пошли Вам бог здоровья, спокойствия, радостей. Всею душою Вас горячо любящая

Н. ф.-Мекк.

2. Чайковский — Мекк

1882 г. января 5—6. Рим.

Рим,
5 января 1882 г.

Дорогой, милый друг! Получил присланные Вами карточки. Усердно благодарю Вас за них; они доставили мне величайшее удовольствие. Ваш Воличка имеет самую милую детскую физионо-

мню, какую можно себе представить. Усматриваю из портрета Милочки, что она очень выросла и развилась физически; весьма вероятно, что она теперь уже перестала быть тем особенным, оригинально-милым ребенком, каким была прежде, и, судя по серьезному выражению лица, мне кажется, что она, должно быть, в умственном отношении шагнула далеко. Радуюсь, что на смену к ней явился приносящий Вам столько радостей Воличка. Нет ничего более отраднаго, как присутствие симпатичнаго ребенка в семействе. Я не без сжимания сердца думаю о том, что в семействе сестры скоро уже не будет никакого б е б и. Ее сын Юрий достиг уже шестилетняго возраста, и на смену его уже нельзя ожидать другого столь же милого ребенка. Софья Карловна уже окончательно сделалась взрослой барышней и притом, надо сказать правду, очень хорошенькой барышней. Потрудитесь передать Юлье Карловне мою благодарность за ее портрет. Что касается меня, то обещаюсь Вам, дорогая моя, в весьма скором времени сняться. Мне нужно будет узнать, кто здесь действительно хороший фотограф. Знаю, что наиболее известный и модный, A l l e s s a n d i, снимает очень скверно. Коля, воспитанник Модеста, снимался у него, и, несмотря на весьма дорогую цену, портрет вышел никуда не годный. Модест тоже собирается сняться, и, как только будут готовы его и мой портрет, я пришлю Вам, милый друг, самые первые экземпляры.

6 января.

Я кончил сегодня утром черновые эскизы своего трио[1]. Теперь займусь перепиской своей Всенощной, написанной еще летом и которую до сих пор не успел переписать[2]. Пусть трио немножко полежит; оно выиграет от того, что я на время расстанусь с ним. Затем примусь за его отделку и, как только будет готово, сниму с него копию и пришлю Вам.

Милый друг, я с Модестом мечтаем после здешнего карнавала поехать пожить несколько времени в Флоренции. Вместе с этим письмом я посылаю также письмецо с просьбой побывать в вилле B o n c i a n i[3] и узнать, свободна ли она.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

3. Мекк — Чайковскому.

Флоренция,
11 января 1882 г.

Опять я давно не писала Вам, милый, несравненный друг, но мне теперь приходится так много писать по делам, что для удовольствия не остается никакой возможности. Саша моя поехала в Берлин по моим

делам, и мне приходится писать ей каждый день длиннейшее письмо, так что голова становится как оловом налитая, потому что, кроме процесса писания, надо еще думать, соображать, считать и т. д. и т. д., что все очень утомительно. Саша оставила своих детишек у меня, чему я ужасно рада: как-то жизнь больше интереса получает, когда надо заботиться об этих милых существах.

У четвертой моей дочери, Лидии Левис, родился еще сын, уже четвертый, а всех детей пять. Слава богу, — все хорошо.

Мальчики мои уехали, и мне было очень тяжело прощаться с ними: время теперь такое смутное; и страшно и грустно. Сегодня получила телеграмму, что доехали хорошо. Теперь я не скоро их увижу: только через пять месяцев, в июне. А тут и Саша на другой день после них уехала. Что за женщина эта Саша, Вы себе представить не можете, милый друг мой, что это за удивительная натура! Впрочем, Вы легко можете себе это представить, потому что у Вас сестра такая же. Не думайте, дорогой мой, что во мне говорит пристрастие матери,— нет, оно мне совсем не свойственно. Как ни я ни любила кого-нибудь, я все-таки всегда вижу недостатки того человека, но это, в самом деле, такая натура, которой нельзя не удивляться: она не живет для себя, но вся для других. Все свои очень большие способности, ум, сердце — она все отдает для других, и какая тяжелая доля досталась этому прекрасному, благородному сердцу: муж всегда больной, хворый, везде скучающий. Она няньчится с ним как с ребенком, старается всячески забавлять, развлекать и в то же время не спускает глаз с детей, она первая нянюшка для них. В делах, в имении всем занимается она. Я боюсь ужасно за ее силы и здоровье, а тут еще и мне пришлось взвалить на нее часть весьма значительных дел, а она так заботится обо мне, что мне не надо даже обращаться к ней с просьбою сделать то или другое. Она предупреждает это, и с такою любовью, с такою деликатностью, что Вы и не почувствуете, что Вам делают о г р о м н е й ш у ю услугу. Боже мой, как она заслуживает счастья и как мало пользуется им. Подкрепи господь хоть ее силы и здоровье.

Нового у нас ничего. Погода продолжает быть великолепная. Я так рада, что детки могут много гулять. Я также очень много бываю на воздухе.

Читали ли Вы, милый друг мой, письмо вел. кн. Константина Николаевича в газете «Italie» (римское издание)? Как глупо и неуместно выносить сор из избы, и как неприятно режет выражение о Франции: «ma seconde patrie»*; слишком уж скоро она сделалась его p a t r i e. Как нам не везут в России Константины.

Будьте [здоровы], мой милый, дорогой друг, и не забывайте всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Милочка хотя действительно очень выросла и о ч е н ь развилась умственно, но душою осталась с о в е р ш е н н ы м ребенком, так что часто удивляет сопоставление весьма тонкого наблюдательного ума с самыми детскими симпатиями. Она теперь в восторге, что здесь Сашины дети; самый большой ее друг из них это Маня, старший, но она очень любит играть и с Юзею,— вторым. Все мои барышни свидетельствуют Вам их глубокое почтение.

---

* моя вторая родина.

4. *Чайковский — Мекк*

Рим,
13 января 1882 г.

Дорогой друг! Мне только что принесли пробную кабинетную карточку мою, которую я хотел сегодня же выслать Вам, но она вышла до того неудачно (как показалось мне и Модесту), что я решился сняться еще раз завтра.

Прошу Вас, милый друг мой, поблагодарить от меня Владисл[ава] Альберт[овича] за ответ на письмо мое. Условия г. Bonciani весьма соблазняют меня, но я еще не могу сказать наверное, что поселюсь у него. У нас является еще один проект. Тетка Коли, родная сестра его матери, живущая с мужем-французом в Алжире, убедительно просит нас приехать погостить к ней. У нее там имение и хороший дом на берегу моря, и в наше распоряжение она предоставляет совершенно отдельный флигель. Модесту и Коле очень хочется туда отправиться, да и я весьма непрочь побывать в новой и, судя по описанию, прелестной местности. Если мы на это решимся, то приедем во Флоренцию лишь на несколько дней, а потом в Ливорно, Марсель и Алжир — морем. Теперь мы ждем ответа на письмо Модеста к этой госпоже, в котором он просит у нее подробных сведений о нашем устройстве.

Я кончил свое трио и принялся с большим усердием за переписку его. Теперь, когда вещь уже написана, я довольно уверенно могу сказать, что сочинение это во всяком случае недурно. Боюсь только, что, так поздно обратившись к новому роду камерной музыки и целый век свой писавши для оркестра, я погрешил в отношении применения данного состава инструментов к музыке моей. Одним словом, боюсь, не есть ли это симфоническая музыка, только прилаженная к трио, а не прямо на него рассчитанная. Я очень хлопотал, чтобы этого не было, но не знаю, что вышло!

Надеюсь, милый друг, что следующая моя карточка выйдет удачнее.

Дорогая моя! прошу Вас, когда Вы удручены делами и не имеете времени, не пишите мне вовсе. Ради бога, всячески покойте себя.

Безгранично преданный

П. Чайковский.

5. *Мекк — Чайковскому*

Флоренция,
14 января 1882 г.

Милый, дорогой друг! Посылаю Вам французскую брошюру «La vérité aux nihilistes», которая мне очень понравилась. Жаль только, что

автор слишком делает ударение на б о г а, которого эти субъекты совсем не признают, и с ними надо держаться только на почве рационализма. Я очень желала бы распространить эту статью как можно больше в России. Я читаю теперь журналы нигилистов, издаваемые в Женеве, и возмущаюсь невообразимо этою ложью и подлостью, какими они наполнены. Бедная наша земля, в какие руки она попадает. Мое сердце ужасно неспокойно: все то, что предвидится в России, наполняет душу ужасом, а у меня там столько детей.

Жизнь наша сделалась очень тиха и совершенно однообразна, но я такую-то и люблю; скучно только, что постоянная возня с прислугою. На днях я отправила во-свояси целую колонию французов, два лакея и горничную, и одного из этих лакеев, именно которому мы больше всех доверяли, в вагон в н е с л и,— так был мертвецки пьян. Как сильно эти люди отравляют жизнь. В «Figaro» пишут, что в Париже теперь больше всего берут китайцев на службу, потому что французы уже сделались никуда не годны.

У нас по ночам очень холодно, а днем на солнце жарко.

Скоро карнавал. У нас готовится много увеселений. Не знаю, поеду ли я в Рим на карнавал; очень не хочется с теплого места трогаться. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем Вас бесконечно любящая

Н. ф.-Мекк.

6. *Чайковский — Мекк*

1882 г. января 16—20. Рим. 16/28 января 1882 г.

Милый, дорогой друг! Я только что получил присланную Вами брошюру, которую прочел с удовольствием, ибо она написана тепло и полна сочувствия к России и русским. Но не могу не заметить, что, как средство против нигилизма, она не имеет никакого значения. Автор говорит с нигилистами таким языком, которого они понять не могут, точно так же, как никакие меры убеждения не могут тигра превратить в овцу или заставить какого-нибудь кровожадного людоеда Новой Зеландии полюбить ближнего христианскою любовью. Всякий «н и г и л и с т», прочтя добродушное к нему обращение автора, скажет ему приблизительно следующее: «Любезнейший, всё, что вы говорите о бесплодности наших убийств и взрываний на воздух, говорили нам на все лады тысячи проповедников, газет, брошюр и книг; мы знаем также, что Людовик XIV был добрый король, а Александр II — добрый царь, освободивший крепостных крестьян,— и всё-таки мы останемся теми же убийцами и взрывателями, ибо наше призвание — убивать, взрывать во имя идеи всяческого истребления и ослабления существующего порядка вещей».

Читали ли Вы, друг мой, последний том труда Т э н а о революции?[1] Никто так превосходно не делал характеристики бессмысленно тупых, крайних анархистов и революционеров, как этот писатель. Многое из того, что говорит Тэн о французах 1793 г.

и о значении ничтожной шайки анархистов, совершавших неслыханные преступления в виду огромного большинства нации, пораженной удивлением и бессильной остановить их гнусную деятельность, всё это совершенно применимо и к нашим нигилистам.

Автор брошюры говорит много непреложных истин и говорит их хорошо, но ничего нового он не высказал. Что касается его попытки убедить нигилистов, то она совершенно тщетная. Нигилистов нужно истреблять, другого средства против этого зла нет.

20 января.

Посылаю Вам, дорогой друг, мою карточку. Модест говорит мне, что она неудачна, т. е. что я имею на ней выражение хищное и почти кровожадное; но если так, то вина не фотографии, которая очень хороша (тот же Schemboche, у которого и Ваши снимались), а моя. Я не умею позировать, волнуюсь, и в мускулах щек происходит какая-то судорога, вследствие чего я и вышел более толстым, чем в самом деле. Прилагаю также карточку Модеста с Колей. На будущей неделе я вышлю мои портреты всем Вашим. Простите, милый друг, что фотография вышла неудачна, но я три раза ходил пересниматься, и всё выходит не так, как следует.

Ваш бесконечно Вас любящий

П. Чайковский.

7. *Мекк — Чайковскому*

Флоренция,
23 января 1882 г.

Бессчетно раз благодарю Вас, мой милый, несравненный друг, за Ваше дорогое для меня изображение и прошу Вас также очень, очень поблагодарить от меня Модеста Ильича за его фотографию. К сожалению, Ваш портрет, милый друг мой, действительно очень неудачен. Я решительно не могу признать в нем того Петра Ильича, с которым мне однажды в Москве посчастливилось сидеть рядом в ложе, при консерваторском спектакле в Малом театре. Боже мой, как я была счастлива тогда этим близким присутствием человека, от музыки которого я приходила в такой восторг. (Тогда я знала только Вашу музыку, милый друг мой.) Хотя это счастье продолжалось не более одного часа, потому что Вы скоро ушли из ложи, но я воспользовалась им вполне, потому что Вы сидели прямо лицом ко мне, и взор Ваш задумчиво устремлялся куда-то, в какую-то незримую даль. Вы, казалось, не замечали никого и ничего вокруг себя, и это давало мне возможность не сводить с Вас глаз, налюбоваться Вами вполне. Я была в восторге от этого соответствия Вашей музыки с выражением лица. Для меня подтверждалось мое убеждение, что Вы искренни в своей музыке, что в ней выражается Ваша душа, что Вы ею не преследуете никаких целей, а удовлетворяете потребность собственной натуры и высказываете Ваш внутренний мир. С этого вечера я стала Вас обожать, а когда узнала

Вас как человека, то — боготворить. Такую божественную гармонию, как в Вашем существе, можно найти только в Вашей музыке. Извините, милый друг мой, за это увлечение и за это отступление. Возвращаюсь к фотографии. Если можно было бы сказать, что я давно Вас не видала, что Вы изменились, то вот мои барышни, которые позже меня встречали Вас в Париже, также решительно не признают Вас в этом портрете; главное, в чем мы все сходимся, это то, что глаза не Ваши, а они-то и дают весь характер лицу. Жаль, очень жаль, но все-таки это изображение мне дорого, потому что оно сделано с Вас. Мои барышни благодарят Вас от всего сердца за обещание прислать им Ваши портреты. Модест Ильич, должно быть, похож, потому что фотография имеет совершенно натуральный, непринужденный вид.

Коля очень, так сказать, возмужал. Поправился ли он? Вспоминает ли он мать? Где его маленькая сестра?

С Вашим мнением насчет брошюры, которую я Вам послала, я совершенно согласна, милый друг мой, и желала бы распространить ее в России для того только, чтобы удержать иных из тех, которые находятся на дороге к нигилизму, чтобы они увидели, как относятся к их деятельности иностранцы и к тому же республиканец. Он говорит, что нигилисты — зло и вред для всего мира. Я хочу указать еще не совсем погибшим юношам не новые истины, а отношения к ним людей, менее заинтересованных лично в их пропаганде, следовательно, которым они больше поверят, чем русским.

Приходится кончить письмо: подан завтрак, другие ждут меня. До будущего письма, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы и не забывайте безмерно любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

8. Чайковский — Мекк

1882 г. января 25—26. Рим.

Рим,
25 января/6 февраля 1882 г.

Дорогой, милый друг! Я в большом огорчении, что пришлось послать Вам столь неудачную фотографию. Утешаю себя только тем, что хочу попробовать сняться в другой фотографии, которую очень хвалят. Но только позвольте мне это сделать, когда я вполне окончу свое трио, коим я теперь так занят, что оно поглотило на время все мои силы. Когда я буду покойнее, то, может быть, и лучше буду позировать и сумею предотвратить то хищное выражение лица, которое делает мои последние портреты мало похожими.

По поводу трио я хотел сказать Вам еще вот что. У меня было намеренье отдать мою рукопись переписать здесь для Вас, и, если не ошибаюсь, я так и написал Вам. Но не лучше, дорогая моя, чтобы я послал рукопись, как только она готова будет, в Москву, в печать, чтобы как можно скорее оно вышло в свет в таком виде, чтобы Вам легко было его разбирать?[1] Кажется, в настоящее время у Вас не устраивается трио за отсутствием виолончелиста, так что особенно торопиться мне нечего. Главное,

я боюсь, что переписка задержит дело; я по опыту знаю, как здесь надувают переписчики. Два года тому назад я отдавал переписать финал своей переделанной Второй симфонии, и переписчик продержал ее два месяца! Впрочем, дорогая моя, умоляю Вас сказать откровенно, и если Вы почему-либо пожелали бы иметь копию с трио до напечатания, то нечего и говорить, что я с радостью, готовностью поступлю так, как Вам угодно.

Вы спрашиваете, дорогой друг, про Колю. Скажу Вам, что портреты этого мальчика никогда или редко (подобно моим) бывают схожи. Они всегда изображают его лицо с оттенком какой-то тупости. Между тем, мальчик этот обладает поразительным умом, некоторые свойства которого просто феноменальны. Именно, более всего поражает в нем память. Благодаря ей он обладает такой невероятной массой сведений по всем отраслям наук, какой наверно не обладает почти никто из мальчиков его возраста. Особенно его занимает история и некоторые естественные науки, например, ботаника. По части истории — это ходячий исторический лексикон. Когда мне или Модесту нужно вспомнить, когда и где произошел тот или другой факт, мы всегда обращаемся к нему в случае, если память на хронологию изменяет нам, и он без запинки, с величайшею точностью ответит самым точным и положительным образом. Он знает по этой части такие подробности, которые лишь самым редким специалистам хорошо известны. Например, кто знает историю всех н а п с годами вступления на престол, с изъяснением родства их и отношений к другим государям? Коля знает всё это до мелочной точности. Иногда недоумеваешь, откуда у него набрались все эти сведения! Случается, что в разговоре захочешь сообщить ему какое-либо историческое сведение, и почти всегда происходит неожиданный сюрприз: сведение это ему давно известно и в такой точности, что становишься втупик. Например, сегодня, за обедом, я хотел сказать ему, что Екатерина II была русская писательница. Каково было мое изумление, когда он тотчас же назвал мне все ее сочинения и г о д а (!!!), в которые они были написаны. Вообще, в умственном отношении это мальчик, одаренный необыкновенно богато и развивающийся не по дням, а по часам. Говорит он теперь ясно, насколько это для глухонемого от рождения возможно, и очень хорошо понимает то, что ему говорят другие, лишь бы говорили тихо и явственно двигали губами. Что касается физического развития, то оно оставляет желать очень многого. Здоровье его весьма шатко; растет он вяло, цвет лица малокровный, и сил для мальчика его лет (ему тринадцать) у него очень немного. С матерью он в переписке; сохранил к ней нежность, но уже давно привык к совершившемуся факту и перестал ему удивляться и сокрушаться. Но, нужно ска-

зать правду, еще никогда, кажется, не было матери, столь мало чадолюбивой, как его мать. Она никогда не обижала и не мучила его, но никогда и не любила, как следует.

26 января.

Сообщу Вам, дорогая моя, два известия, касающиеся моих братьев. Модест уже третий день в постели. Он страдает сильнейшим геморроидальным припадком, причиняющим сильные страдания и самым раздражительным образом действующим на нервы. Лечит его очень хороший доктор Эркардт, и теперь ему, слава богу, лучше. Но болезнь не так скоро еще совсем его оставит, и это сообщает нашей жизни теперь очень печальный характер.

От брата Анатолия получил вчера телеграмму, извещающую меня, что он объявлен женихом девицы Коншиной. Про эту девицу я давно уже слышал много хорошего, и, кажется, можно надеяться, что брак этот будет счастливый. Я надеюсь также, что он благодетельным образом подействует на сильно упавший дух Анатолия, который постоянно страдал неопределенной тоской и тщетно старался заглушить ее в вихре самой суетной жизни. Боюсь успокоиться в слепой уверенности, что этот брак уврачует все его нравственные недуги, но в самом деле, судя по тому, что он не влюблен в эту барышню, а любит ее любовью, основанною на сознании ее достоинств, а также судя по всему, что я о ней слышал, можно надеяться, что всё будет хорошо. Из Вашей телеграммы вижу, что Коля и Саша сбираются в Киев. Очень, очень радуюсь этому, но боюсь только, чтобы они не нашли сестру мою больной. Здоровье ее в последнее время опять нехорошо.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!

Ваш П. Чайковский.

9. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
26 января 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Сегодня я послала Вам телеграмму с просьбою телеграфировать мне адрес Александры Ильиничны в Киеве; а это потому, что вчера вечером получила телеграмму от Коли, в которой он пишет мне, что они получили позволение ехать на масленицу в Киев, и спрашивает [у] меня адрес Александры Ильиничны, а я сама его не знаю. Я очень рада, что они, наконец, могут познакомиться со всем семейством Александры Ильиничны; я считаю, что это, кроме того, что принесет им большое удовольствие, будет и очень полезно. Вероятно, они могут пробыть в Киеве не больше трех дней, но и это лучше, чем ничего.

Какова у Вас температура, милый друг мой? У нас уже недели две

как очень низкая, и я страдаю невыносимо, мои нервы пришли в очень дурное состояние; у меня это можно видеть даже по почерку.

Мой бедный Воличка выдержал в Вене воспаление в легких, и, вообразите, друг мой, это седьмое (?!) воспаление в его жизни, а ему четыре года. Несчастная жизнь предстоит этому существу. Бедный ребенок похудел, кашляет, голос такой глухой; ужасно я боюсь за него, но мил, деликатен, ласков, как всегда.

Саша моя теперь в Париже, также по моим делам, а дела эти состоят в том, что я хочу часть своего русского капитала перевести на иностранные ренты, и в Берлине она уже купила для меня таких бумаг, теперь покупает в Париже. Я делаю это ввиду такого шаткого положения нашего бедного отечества. Из Сашиных детей не совсем [здоров] маленький, Леля, и меня это ужасно беспокоит. Правда, у него первые зубки режутся, а всё-таки страшно, особенно без матери. Ей, бедной, по этим делам придется еще довольно долго прождать в Париже, а она его терпеть не может, и к тому же я воображаю, как она соскучилась без детей. Но она так деликатна, что ни одним словом не даст никогда почувствовать своей жертвы.

Как я соскучилась без музыки, когда бы вы знали, милый друг мой; я думаю, что главным образом поэтому и нервы мои пришли в отвратительное состояние. Музыка для меня — облегчение в горе, наслаждение, отдых от забот и всех тяжелых впечатлений, и когда ее нет, я лишена вполне хороших минут и только страдаю от дурных сторон жизни.

Вчера в здешнем симфоническом собрании играли «Арагонскую хоту» Глинки, и, вообразите, милый друг мой, публика не удостоила ее ни одним аплодисментом.

Вы, вероятно, знаете, дорогой мой, что в Москве в концерте в пользу Фонда играли Вашу струнную серенаду[1]. Как я жалею, что не слышала. Там она наверно восхитила бы меня, потому что на фортепиано пропадает очень значительная сторона ее — это звуковая прелесть.

До свидания, мой несравненный, дорогой друг. Всегда и везде горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Что, Ваша поездка в Алжир состоится ли? Это, конечно, очень интересное путешествие.

10. Чайковский — Мекк

Рим,
30 января 1882 г.

Дорогой, милый друг мой! Все эти последние дни были у нас невеселые, так как наш Коля совсем расклеился. Он и кашлял, и страшными головными болями страдал, и аппетит потерял. Приходилось несколько раз посылать за доктором. Теперь ему, слава богу, лучше. Кстати, о докторах. С Модестом был следующий случай. Еще до моего приезда Коля страдал расстройством нервной системы, и брату посоветовали обратиться к американскому доктору Томсену, практикующему зимой в Риме и живущему у нас в гостинице. Доктор этот посоветовал целую систему лечения втираниями морских солей. Кроме того, он нашел нужным сделать ему ту

операцию, которую по еврейскому обычаю делают младенцам мужского пола. Операция эта самая пустяшная, это гораздо менее сложно, чем, например, выдернуть зуб. Г-н Томсен, сделавши ее и после того побывав у нас несколько раз без всякого приглашения, прислал счет в пятьсот франков! Каково шарлатанство? Модест заплатил тотчас же, но прервал с ним всякие сношения, и теперь Коля находится под наблюдением очень милого доктора-немца, говорящего по-русски.

Вам, конечно, известен здешний пианист Сгамбати? Он устроил серию квартетных сеансов, которые Модест усердно посещает и всякий раз остается очень доволен выбором пьес. Вчера ему нельзя было оставить Колю, и так как в программе стоял новый квартет Сгамбати, то меня это заинтересовало, и я пошел вместо него. Квартет оказался очень слаб. Это совершенно ученическая техника, полнейшее отсутствие изобретательности, гармонии, претендующие на оригинальность, но в сущности безобразные; одним словом, я не только остался недоволен, но был возмущен тем, что публично исполняется такое никуда не годное сочинение. Между тем, сидевший на видном месте, окруженный целым букетом дам-поклонниц знаменитый аббат Лист притворялся самым хитрым образом, что восторгается. Как мне не нравится в Листе эта черта! Он никогда не говорит правды и всегда всё безусловно одобряет. Мне пишут и говорят, что с моей стороны нехорошо, что, живя в одном городе с Листом, я не посещаю его. Но не пойду к нему ни за что, ибо на его сладкие комплименты нужно отвечать тоже лестью и ложью, а куда как это мне противно. Притом же у него вечный раут, и все здешние русские дамы постоянно сидят у него, а дам этих я избегаю, так как в прошлом году немало пострадал от их зазываний.

Благодарю Вас, дорогая, за вырезки из газеты. Они очень обрадовали и утешили меня. Трио мое подвигается, и работа эта доставляет мне большую отраду. Трио будет состоять всего из двух частей. Вторая часть — тема с большим количеством вариаций, из которых последняя будет финалом всей пьесы.

Будьте здоровы, драгоценный друг мой!

Ваш П. Чайковский.

11. Чайковский — Мекк

1882 г. февраля 1—3. Рим.

1/13 февраля 1882 г.
Понедельник.

Дорогой, милый друг!

Вся эта неделя проходит для меня самым неприятным образом. Брат Модест все болен, очень страдает от мучительных болей;

нервы у него страшно расстроены, и он стал так худ и бледен, что жалко смотреть на него. Доктор успокаивает и постоянно говорит, что ничего серьезного нет, но, тем не менее, мне очень тяжело и грустно.

Карнавал здесь начался очень неблестящим образом. На Corso в субботу и сегодня народу было не особенно много, и настоящего оживления пока нет. Кидание мучных шариков, называемых coriandoli, повидимому, выходит из моды. Может быть, когда начнется бросание цветов, оживления будет больше. Так как Модест нездоров, то мне очень много приходится быть с Колей, и вследствие этого занятия мои подвигаются мало, хотя трио почти совершенно готово.

3 февраля.

Сегодня Модесту гораздо лучше. Я начинаю надеяться, что это наступило окончательное выздоровление. Другой мой брат, Анатолий, вероятно, так сильно увлечен своим положением счастливого женишка, что не находит времени писать мне. С тех пор, как я получил от него денешу о помолвке, он не написал мне ни единого слова, и мне совершенно неизвестно, как он проводит свое время и что чувствует, сделавшись женихом очень милой девушки.

Милый друг! На будущей неделе, во вторник вечером, в самый Mardi gras*, я решился уехать в Неаполь один. Поищу там подходящее помещение для Модеста и его свиты, выпишу их, и проведем там несколько недель, после чего я мечтаю отправиться на несколько дней в Флоренцию, и, наконец, в Швейцарию, в Clarens, где я давно не был и куда меня очень тянет. Это такой милый, тихий уголок!

Итак, дорогая моя, примите во внимание, что с будущей недели мне следует адресовать poste restante в Неаполь до тех пор, пока не пришлю Вам моего точного адреса.

Здесь появился один русский, некто Флеров, фельетонист Моск[овских] ведом[остей]», знакомства с которым я избежать не мог, дабы не принести ему обиды и огорчения. Приходится с ним видаться. Впрочем, он так деликатен, что не могу пожаловаться на него. Он сообщил мне, что Катков сделан тайным советником и что его, в самом деле, прочат в министры. Странно всё то, что у нас происходит. Я, например, решительно не понимаю, как можно так бестактно преследовать газету «Голос».

---

* последний день масленицы

Вместо того, чтобы уронить ее в глазах русского общества, это преследование только усугубляет ее значение. «Порядок» умолк тоже [1].

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

12. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
4 февраля 1882 г.

Поздравляю Вас, милый, дорогой друг, с помолвкой Анатолия Ильича. Дай бог, чтобы в этом браке он нашел то удовлетворение и то счастье, которых ему все недоставало в жизни.

Насчет Вашего Trio, дорогой друг мой, я нахожу Ваш проект отличным, чтобы скорее напечатать его, потому что теперь я и не могла бы составить его, так как у меня нет ни пианиста, ни виолончелиста, а дать его в руки здешним виртуозам я не решусь, и буду ждать, пока у меня будет опять Бюссик или Бюсиков, как его прозвали Коля и Саша. А как бы мне хотелось скорее слышать это Trio, первое Ваше Trio. Я совсем изнемогаю от тоски здесь без музыки; как ни здесь ни хорошо, но без музыки нигде нельзя существовать благополучно.

Мои мальчики теперь в Киеве, но только на три дня; как бы мне хотелось заглянуть теперь туда, где они. Дай бог, чтобы Александру Ильиничну они нашли здоровою. Сегодня я получила телеграмму от Саши, что она завтра приезжает. Я очень рада и для себя, и для нее; она, бедная, целый месяц не видит детей, а для нее это ужасное лишение. Лиза (Володина) еще не вернулась из Ниццы, а я надеюсь, что через неделю приедет и Володя.

Удачно ли идет у Вас карнавал, милый друг мой? У нас очень неудачно. Сегодня первый Corso, и на дворе дождь идет, так что если не прояснится, то, вероятно, ничего и не будет; а это очень жаль: меня так интересовало это увеселение.

У меня ко всем моим недугам прибавилось еще новое страдание — сильнейшая боль, да еще в правой руке, должно быть, ревматизм, и мучит меня по ночам. Старость — не радость; уж как я это чувствую.

Как здоровье Модеста Ильича? От души желаю ему совершенно излечиться от своего мучительного недуга.

Сейчас получила от Ивана Ивановича рапортичку с баллами Макса и Миши за три недели, с тех пор как они уехали отсюда. Баллы очень хорошие, всё большею частью одиннадцать и двенадцать, хотя у Миши затесалась и одна семерка из латыни, но это только одна. Эти мальчуганы вообще учатся очень хорошо. Я за них, т. е. за всех четырех, ужасно боюсь при теперешнем политическом состоянии нашей бедной России. По своему чувству я бы сейчас взяла их всех сюда к себе, но, с другой стороны, боюсь им портить будущность, в особенности Коле и Саше, которые уже близки к окончанию курсов. Я очень боюсь 1 марта, как годовщины того страшного, бесчеловечного события, которое устроили эти враги человечества — нигилисты. Будет, наверно, какая-

нибудь процессия к месту катастрофы, а таких-то случаев они и ищут. Ах, какое тяжелое время!

До свидания, милый, несравненный друг мой. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

13. Чайковский — Мекк

1882 г. февраля 7—8. Рим.

Рим,
7/19 февраля 1882 г.

Дорогая моя! Через три дня я уезжаю в Неаполь и прошу, в случае если здоровье позволит, написать мне, адресуя уже туда на poste restante. Но, ради бога, если Вам трудно писать по случаю боли в руке, не стесняйтесь [не] отвечать на мои письма. Если бы даже целые месяцы прошли без письма от Вас, я бы и не подумал жаловаться, лишь бы мне знать, что Вы делаете и как себя чувствуете, а ведь снабдить меня сведениями может всегда Вл[адислав] Альб[ертович]. Я еду в Неаполь один и, только когда приищу подходящее помещение, выпишу Модеста с Колей. Мы думаем после Неаполя, как я уже, кажется, писал Вам, ехать во Флоренцию и, наконец, в Швейцарию.

Скажу Вам, милый друг, про неожиданную новость, удивившую меня на днях. Племянница Вера очутилась неожиданно из Парижа в Киеве. Причины те, что великий князь живет в Париже с своей любовницей, женщиной, как говорят, очень хорошей, но делавшей положение жены адъютанта великого князя очень неловким. В Петербурге начали при дворе сплетничать, что великий князь женил своего адъютанта на девушке, которая ему нравилась, дабы иметь ее около себя. Сплетни эти дошли до Верного мужа, и он поспешил увезти ее в Россию, как для того, чтобы вывести из неловкого отношения к любовнице великого князя, с которой он живет в Париже открыто, так и для того, чтобы прекратились подлые придворные сплетни. В Киеве, в доме сестры, теперь царствует радость по поводу приезда молодых. Милые сыновья Ваши, вероятно, видели их там. Как мне приятно думать, что Ваши мальчики познакомились, наконец, с семейством сестры.

Я отправил свое трио в Москву и теперь с величайшим усердием принялся за переписку моей Всеподданной. Здесь находится фельетонист «Моск[овских] вед[омостей]» г. Флеров, от знакомства с которым мне невозможно было отказаться. Это очень расстраивает меня, и я рад, что уезжаю в Неаполь.

Карнавал здешний очень стал оживлен. Сегодня езда с киданием цветов происходила не на Corso, а на великолепной Via Nazionale, и зрелище было полно интереса. Вечерняя иллю-

минация этой улицы изумительно красива. Погода стоит обворожительная; думаю, что и у Вас хорошо. По крайней мере, от всей души желаю этого.

8 20 февраля.

Вчера я восхищался погодой, а сегодня совершенно неожиданно подул северный порывистый ветер, испортивший и веселье на Corso и все вообще карнавальные празднества. Сегодня получил я письмо от брата Анатолия, дышащее такой полнотой счастья, такой пламенной любовью к своей невесте, что мне сделалось весело на душе[1]. Всё более и более мне начинает казаться, что, в самом деле, он, наконец, найдет удовлетворение тех смутных стремлений, от неудовлетворения которых он вечно страдал и тосковал. Для меня будет величайшим благом, если брат Анатолий перестанет терзать меня своим томлением и тоской; я бесплодно всегда мучился нравственно, упрекая себя за то, что не умел успокоить и утешить его. Но это было невозможно. Не братская любовь, а любовь хорошей женской души только одна может принести утоление той жажды счастия, которую он испытывал. Знаю, милый друг, как Вы неблагоприятно относитесь к браку, знаю, как пессимистический взгляд Ваш основателен, и всё-таки тасаю себя надеждой, что брак Анатолия будет счастливым исключением. А брат Модест всё болен; слабость, бледность и худоба его пугают меня, но доктор Эркардт успокаивает меня. Он предписал ему теперь лечение водой Arezzo (железистой), и я надеюсь, что перемена места и морской воздух будут ему полезны.

Будьте здоровы, дорогой друг.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Ради бога, будьте здоровы!

14. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
11 февраля 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Посылаю Вам еще вырезку из «Московских ведомостей», находящуюся в корреспонденции из Берлина. Как меня всё это радует! На днях я получила письма от моих двух мальчиков из Киева, и они так характерны, что я позволяю себе, милый друг мой, послать Вам их в подлиннике. В этих письмах Вы увидите, как в зеркале, характеры обоих. Первый (Коля) всегда полон впечатлениями действительности, жизнь у него бьет ключом, быстро все воспринимает, приходит в восторг, и если мечтает, то о действительной жизни. Другой (Сашок) почти никогда не замечает действительности, всегда отвлечен своими думами, витает в своем внутреннем мире, в своей страсти к музыке, к природе,

к путешествиям; он мечтателен, как немец, а по внешности холоден, как англичанин. Заметьте, милый друг, что Коля под влиянием своего восторга летит на всех парах в будущее и теперь уже выпрашивает позволение после экзамена поехать в деревню к Александре Ильиничне, а Сашок, точно кровный англичанин, говорит, что а он тогда поедет в Швецию. Коля весь охвачен впечатлениями настоящего, а Сашок в нем заметил только, что — замужняя дочь, да и то имя переврал — назвал Марьей Львовной вместо Веры Львовны, приехала с мужем из Парижа. Всё же свое письмо он посвятил той же страстно любимой музыке и воспоминанию последнего впечатления перед отъездом из Петербурга. Я уверена, конечно, милый друг мой, что Вы будете вполне снисходительны к его музыкальным рассуждениям, потому что ведь он мальчик — не человек еще, это только зарождающиеся мысли в нем. Никому другому я бы и не дала читать этих детских впечатлений.

Прошу Вас, дорогой мой, когда будете писать Александре Ильиничне, передать ей и Льву Васильевичу мою глубочайшую благодарность за ласковый прием моим детям. Я ценю это так глубоко, как только может мать, благодарная за своих детей. Мне очень жаль их, т. е. моих мальчиков, что так мало времени они могли пользоваться этим удовольствием.

У нас карнавал, когда, наконец, состоялся, был очень удачен, но, наоборот, как у Вас. Corso с киданьем цветов было несколько вяло, а самое оживленное, до заразительных дурачеств, были coriandoli. А чрезвычайно красиво и эффектно было заключение карнавала — вечернее шествие с декорациями из разноцветных фонарей, с музыкою, и сжигание Falo*. Вообще, это были очень веселые дни, а теперь это я в большом беспокойстве: у Саши захворал старший мальчик Маня простудою, у него воспаление бронхита и легкая angine. Саша боится, плачет, беспокоится, и я мучусь за нее.

У нас изо дня [в день] пасмурно и холодно.

Скажите, милый друг мой, кто такая Наталья Андреевна, Ваш друг, о которой пишет Коля? Вы мне никогда ничего об ней не говорили. Вы теперь в Неаполе, и я завидую Вам. Я очень его люблю. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный. Всею душою безмерно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

По прочтении писем моих мальчиков прошу Вас, милый друг мой, вернуть мне их назад.

15. Чайковский — Мекк

[Неаполь]
11/23 февраля 1882 г.

Дорогой, милый друг!

Я в такой суете, что пока не устроюсь, пока не приедет Модест и всё у нас не войдет в нормальную колею, — не в состоянии написать Вам обстоятельно. Сегодня сообщаю лишь свой новый адрес: Napoli. Posilippo. Villa Postiglione. Я опишу Вам в следующем письме это восхитительное помещение. Не знаю,

---

* фейерверка.

как окажется дальше, но покамест я в восторге от него. Переезжаю в виллу Postiglione в воскресенье, когда приедет Модест, а теперь пока живу в Grand Hôtel — новая очень несимпатичная гостиница.

Какое ужасное впечатление я вынес из последнего дня карнавала на Corso. Падение лошадей и людей, о коем Вы, вероятно, читали в «Italie», случилось на глазах у меня. Это было ужасно, и я до сих пор содрогаюсь от ужаса и от злобы на плохую распорядительность городских властей, не принявших никаких мер для предупреждения подобных случаев!

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

16. Чайковский — Мекк

Неаполь,
13/25 февраля 1882 г.

Дорогой, бесценный друг! Я очень, очень стосковался, не имея так давно известий о Вас. Здоровы ли Вы? Покойны ли Вы? Каковы известия из России? Надеюсь завтра получить от Вас весточку. Опишу Вам новое наше жилище.

На Posilippo, на самом высоком месте дороги, идущей вдоль берега по направлению к Байе, между виллами есть одна, принадлежавшая некогда князю Purriapoli, а теперь купленная неким г. Postiglione, который устроил в ней нечто вроде швейцарского пансиона. Вилла эта находится на таком месте, что вся красивая до самой высшей степени совокупность Неаполя и Везувия со всеми их окрестностями открывается перед окнами вполне. За относительно недорогую цену я нанял целый этаж, состоящий из шести просторных, чисто, хотя и просто убранных комнат; при этом хозяин дает нам всё нужное, т. е. пищу, белье и т. д. Кроме нас, в вилле живет еще двенадцать человек, но так далеко от нас, что по временам мне кажется, как будто вилла эта наша и что мы здесь полные хозяева. Тишина в этой местности абсолютная, до такой степени, что вчера вечером, когда Модеста еще не было, мне было немножко жутко и страшно. От Неаполя, т. е. начала Riviera di Chiaia, мы находимся на расстоянии часа ходьбы, и это немножко неудобно, но зато какое счастье быть обеспеченным от визитов, не слышать шума большой гостиницы, быть удаленным от суеты города, а главное, какой неисчерпаемый источник чистейшего наслаждения — любоваться этим несравненным зрелищем, которое во всей своей красе развертывается перед нашими окнами! Весь Неаполь, Везувий, Кастелламаре, Сорренто —

перед нами! Вчера во время захода солнца картина была до того божественно хороша, что я плакал от наплыва чувства благодарности к богу, посылающему мне это счастье. Правда, что во многих отношениях Неаполь для жизни менее приятен, чем Флоренция и Рим, правда, что народ здесь несимпатичен, что нищие не дают прохода, но для нас, удалившихся из города, всё это незаметно. Мы избегли всех неприятных сторон шумного Неаполя и наслаждаемся в полной мере всеми его красотами. Чувствую, что работать в Неаполе я буду плохо. Недаром этот город не принес никаких услуг ни науке, ни искусству. Чтобы написать книгу, картину, оперу, нужно иметь возможность углубляться в себя, забыв всё окружающее. Возможно ли это в Неаполе? Я не могу оторваться от окна, даже читать не хочется! Сидишь и смотришь, и хотелось бы смотреть без конца!

И могу ли, дорогая моя, хоть на минуту забыть, кому я обязан этими счастливыми часами и днями, ради которых забываешь горестные стороны жизни? Уверяю Вас, что никогда так сильно и упорно мысль моя не витает около Вас, как в минуты горестей и в минуты радостей. Для первых — мысль об Вас есть утешение и опора, для вторых — Вы то орудие благодетельного провидения, перед которым испытываешь потребность благодарственно преклониться.

11 часов вечера.

Модест привез мне письмо из Киева, где мне подробно описывают пребывание Ваших милейших мальчиков в этом городе. Они очаровали всех, начиная от сестры с мужем и кончая младшим из племянников, своей симпатичностью. Как я желал бы, чтобы и они вынесли из своего пребывания в Киеве приятное впечатление. Весьма любопытно знать, заметили ли они ненормальное, странное, болезненное состояние Тани. Боюсь, что она обдавала холодом веселую, здоровую молодежь, веселившуюся по случаю масленицы и приезда Ваших сыновей. Таково ее свойство! Стоит этой несчастной, хотя, в сущности, чудесной по природе, девушке появиться среди людей, чтобы всем тотчас же сделалось неловко и жутко.

Я был здесь раз в S.-Carlo, слышал там вечного «Трубадура» и видел балет «Excelsior», великолепно поставленный, но невыразимо глупый по сюжету. Автор балета задался идеей обрисовать борьбу света науки с тьмой невежества. И эта борьба, кончающаяся, разумеется, торжеством науки, изображается посредством танцев и разных па!

И в солнце есть пятна, а потому неудивительно, что оказываются уже некоторые недостатки в нашем помещении, которое я так

расхвалил Вам вначале. Я страшно постыдною слабостью до безумия (буквально) бояться мышей. Представьте же, друг мой, что в ту минуту, как пишу Вам, над головой у меня, над потолком происходят на чердаке, должно быть, эволюции целой армии мышей. Если хоть одна из них попадет ко мне в комнату, я осужден на мучительную, бессонную ночь. Не дай, господи!

Будьте здоровы, дорогой, неоцененный друг!

Ваш П. Ч.

P. S. Только что собрался бросить в ящик предыдущие два листика, как получил Ваше дорогое письмо. Поспешаю благодарить Вас, друг мой, за присылку милейших писем сыновей Ваших. Действительно, в высшей степени любопытно видеть в этих письмах отражение двух столь противоположных характеров. Начиная с почерков, столь непохожих один на другой, все в этих письмах противоположно одно другому: и почерк, и содержание, и отношение к действительности! Рассуждения Саши о музыке очень заинтересовали меня. Не всё, что он говорит, верно, но всё остроумно. Некоторые мысли очень оригинальны, например, о выборе сюжета для оперы. Видно, что он много думает вообще и о музыке в особенности. Нечего и говорить, что сердце мое радовалось, когда я прочел выражения его сочувствия к моей музыке.

Как меня глубоко радует, что Коля так полюбил семью, мне столь близкую! Он с такой теплотой говорит о них!

Вы спрашиваете, дорогая моя, кто Наталья Андреевна, о которой пишет Коля. Наталья Андр[еевна]—старая девица, дочь небогатого помещика в окрестностях Каменки. Это очень толстая, здоровая, простая, честная, хорошая особа, без всякого образования, но очень не лишенная ума. Она уже несколько лет как живет в доме сестры в качестве друга дома. Она питает к сестре моей какую-то фанатическую любовь и привязанность, готовую на всякие жертвы. С тех пор, как сестра больна, Нат[алья] Андр[еевна] сделалась для нее необходимостью, так как никто не обладает в семье таким стальным здоровьем, которое позволяло бы во время долгих болезней сестры не отходить от нее ни днем, ни ночью ни на одну минуту. Во всех путешествиях на воды за границу Нат[алья] Андр[еевна] всегда сопровождает сестру, и я не раз писал Вам о ней, например, нынешним летом по поводу болезней и путешествия сестры в Карлсбад. Мы с ней в переписке: она взялась каждую неделю, день за день описывать мне всё, что делается в доме Давыдовых, и в Риме каждую среду аккуратно я получал ее письма. Письма эти, немножко безграмотные, но всегда полные интереснейших подробностей и обличающие в На-

т[алье] Андр[еевне] большую природную наблюдательность, доставляют мне большое удовольствие.

Сегодня всю ночь и весь день бушевала жестокая неожиданная буря. Теперь небо разъясняется. Завтра опять будет хорошо.

Весь Ваш П. Чайковский.

17. Мекк — Чайковскому

1882 г. февраля 20? Флоренция.

[Начало не сохранилось.] в особенности для такого характера, как его, наклонного к скуке. При таком состоянии он может разнообразить себе жизнь, так что некогда и скучать будет. Говорит мне это мой Володя, который приехал третьего дня; пробудет он здесь, вероятно, до воскресенья и тогда с женою уедет немного по Италии и потом в Россию.

Из нашего бедного отечества вести самые тяжелые: на бирже полнейший застой, никто и ничего не покупает, все ждут коронации и все в каком-то оцепенении. Мне необходимо продать часть процентных бумаг, но невозможно сбыть ни одной акции, даже ни одной Рязанской, а это роскошнейшая и любимейшая бумага в Москве и почти накануне дивиденда, очень значительного в этом году,— и буквально ни одной нельзя продать. Все в страхе. Говорят, что наш старичок В. А. Долгоруков заявил государю, что он ручаться никак не может, чтобы откуда-нибудь не стрельнули, а в иностранных газетах даже сочинили такой анекдот, что он, т. е. В[ладимир] А[ндреевич], для безопасности советовал государю ехать из Петербурга не по железной дороге, а по шоссе, окопать его с обеих сторон канавами и обставить вышками. Должно быть, ему показалось, что социалисты — жуки, которые не переползают через канавы. Но, конечно, это выдумки в насмешку над нашим добрым стариком. Коронация назначена на 20 мая, всё готовят к этому дню, в Москве нанимают дома, но все говорят, что коронация будет отложена. Во всем неопределенность, неизвестность, страх и темнота. Вспоминается стих Мицкевича:

«Ciemno wszędzie, głucho wszędzie.
Coto będzie, coto będzie!»[1]
(«Темно всюду, глухо всюду.
Что-то будет, что-то будет!»)

Дай только бог, чтобы то, что будет, кончилось хорошо. Моя душа не знает покоя, потому что у меня столько дорогого в России.

Место, где вы живете в Неаполе, милый друг мой, я очень хорошо знаю. Это самое любимое мое место, и я, где бы ни была каждый день, но уже по дороге в Posilippo всегда попаду. Я люблю ужасно всю эту дорогу от Chiaia до Nisid'ы, и этот вид на повороте дороги напротив Низиды меня приводит в восторг каждый раз, когда я его вижу, и сколько дум наводит он, сколько жизненных драм проходит в мыслях при этом здании на острове, над морем, где находятся заключенные aux travaux forcés*. Я люблю делать такой тур: от Chiaia, около дворца de la Reine Jeanne до Низиды и дальше кругом через Piedigratta вернуться в город.

---

* на принудительных работах

Были ли Вы, друг мой, на Capri, в grotte d'azur или в которой-нибудь из этих гротов? Это очаровательно. Если Вы поедете туда на пароходе, то, отъехавши на десять минут расстояния от города, обернитесь и посмотрите на Неаполь. Это восхитительный вид, чувствуешь, что действительно voir Naples et mourir!* Собираетесь ли Вы на кратер Везувия? Это очень интересно, но небезопасно. От души желаю, дорогой друг мой, чтобы Ваши враги — мыши не беспокоили Вас своими визитами. У нас их так же много, но в кладовых, где сохраняется провизия, в гостиные же они [не] заходят. До свидания в письме, милый, бесценный друг мой. Будьте здоровы и покойны. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Вчера уехал наш студент в Петербург, потому что имел отпуск только до 26 февраля. Мне очень жаль его лишиться, потому что он очень хороший юноша, и к тому — теперь хлопоты искать другого, да и бог знает, на какого наткнешь.

18. Чайковский — Мекк

Неаполь,
21 февраля/5 марта [1882 г.]

Дорогой, милый друг!

Со мной случилась одна из тех неприятностей, которые никакими средствами, никакой тактикой, основанной на опытности, предотвратить нельзя в такой стране, как Италия вообще и Неаполь в особенности. После недельного пребывания на вилле Postiglione я спросил счет, и мне принесли нечто, изумившее и возмутившее меня до крайности. Я очень обстоятельно и подробно условился с хозяином насчет того, что нам нужно и сколько нужно за это платить. Представьте, что этого уговора, к сожалению, не написанного на бумаге, как будто и не бывало. Счет был вдвое больше той цены, на которую мы согласились. Разумеется, я заплатил, ибо совершенно бесполезно было доказывать мошеннику, что он поступил бесчестно, и спорить об десятках франков мне с ним не хотелось. Но на другой же день, т. е. вчера, мы переехали в город, в Hôtel Métropole. Мне очень жаль виллы Postiglione. Хотя она была на расстоянии часа ходьбы от начала Riviera di Chiaia, и это представляло большое неудобство, но зато ничего лучшего нельзя было представить себе в отношении положения, тишины, простора! Тем не менее, я рад, что выбрался из этого вертепа разбойников, где, в довершение всех неприятностей, хозяин и его помощник наделали мне дер-

* увидеть Неаполь и умереть!

зостей на прощанье. Еще никогда ничего подобного со мной не случалось, и я был бы страшно расстроен, если б не сказочная красота Неаполя, моря, Везувия... Теперь сижу у окна, смотрю на море, на дальний берег, и, несмотря на скверную погоду, всё это так чудно хорошо, что неприятный эпизод с виллой Postiglione успел уже кануть в пучину забвения.

Я нанял помещение в Hôtel Métropole у самого Castello del Nuovo! Нам здесь гораздо теснее, вид не так обширен, нет того покоя, каким мы наслаждались на Posilippo, но всё-таки хорошо.

Будьте здоровы, безгранично любимый друг мой!

П. Чайковский.

19. Чайковский — Мекк

Неаполь,
22 февраля/6 марта 1882 г.

Дорогая моя! Что за прелесть, что за очаровательная личность Ваш Саша![1] Как он умен, как наблюдателен, как верна его характеристика семейства сестры! Но, главное, как мил и трогателен тон его переписки с Вами. Это не те сухие, подобные докладу подчиненного начальнику, письма, какие по большей части пишут дети родителям, когда они пришли в такой возраст, что уже утратилась прежняя детская потребность именно матери открывать тайники своего сердца! Видно, что Вы для него не только решительница и повелительница его судьбы, которую он уважает и любит, потому что родителей следует уважать, любить и повиноваться им. Видно, что Вы для него его лучший, ближайший друг, которому более, чем кому-либо, хочется поверить всё, что есть на сердце и на уме. И еще знаете, что я скажу Вам по поводу писем Саши? Весьма часто, почти всегда, мальчики его возраста, как бы ни любили и ни уважали свою мать, уже должны многое скрывать от нее, многое умалчивать. У Саши нет ничего такого, что он не мог бы передать и сообщить Вам. Письмо его дышит девственною чистотою чувств и мыслей. Простите меня, дорогая! Я не мог удержаться, чтобы не показать этого письма Модесту, и на него оно произвело то же чарующее впечатление. Натура Саши очень родственна Вашей. Мне кажется, что он во многих отношениях более, чем кто-либо из Ваших мальчиков, похож на Вас. Как я радовался, читая слова Вашего сына Коли, касающиеся Анны. И здесь он проявил ту решительность и мужественную прямоту, которые ему свой-

ственны. Радуюсь безмерно, что он «к Вашим услугам», и скажу Вам, дорогая моя, что исполнение этого желания нашего и сестра и Лев Вас[ильевич] считают величайшим счастием. Они совершенно очарованы Колей и Сашей. Сестра пишет: «До какой степени тронул нас приезд Н. и А. Мекк, я сказать не могу. Ну, что за чудные дети! Я с радостным чувством заглядываю вперед и мечтаю об осуществлении наших предположений. Надо быть такими, каковы они есть, чтобы, не скучая и не сожалея, провести с нами четыре из немногих своих свободных дней, да еще всё уверяя нас, что им с нами хорошо. Когда будешь писать Н. Ф., скажи ей, [что] мы все горячо благодарим ее за то, что она позволила своим мальчикам порадовать нас своим посещением. В Каменку они дали слово быть в конце мая»[2].

Какие Ваши планы, друг мой? Возможно ли будет Вашим сыновьям исполнить это обещание?

На Капри я никогда еще не был, но буду. На Везувий ровно год тому назад я подымался по «Funicolora» и был на самом краю кратера. Это зрелище поразительно страшно, но снова восходить до самого кратера я не намерен. На меня сделали отвратительное впечатление четыре гида, которые тащили меня к кратеру и потом, отошедши оттуда немного, в душной серной атмосфере, на расстоянии нескольких вершков от потока еще не остывшей лавы, извергнутой в предыдущую ночь, стали требовать от меня противузаконно (ибо за них вперед платится) денег и весьма нагло заставили заплатить какую-то феноменально большую сумму. Как только позволит погода, которая очень нехороша, я собираюсь прежде всего в Помпею, которую люблю до страсти. Но, увы! Кажется, не скоро мы дождемся хорошей погоды. Неаполитанцы предсказывают целый месяц скверной погоды.

Милый друг! Мне кажется, что цифра приданого невесты Анатолия, сообщенная Вам Вл[адимиром] Карл[овичем], преувеличена. Брат пишет мне, что отец обещал дочери давать ей семь тысяч в год. Но тут тоже преувеличена скромность размеров ее будущего состояния. Я склонен думать, что нужно взять середину между двумя крайностями. Во всяком случае, они материально обеспечены, но меня радует всё, что мне пишут о нравственных качествах братниной невесты, гораздо более, чем ее богатство.

От всей души благодарю Вас, дорогой друг, за письмо Саши и возвращаю его Вам.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

20. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
27 февраля 1882 г.

Как я счастлива и как признательна Вам, мой милый, несравненный друг, за Ваши добрые слова о моем Саше. Это правда, что он хороший мальчик, но, к сожалению, милый друг мой, Вы всё-таки считаете его л у ч ш е, чем он есть. Вы ошибаетесь, думая, что ему нечего скрывать от меня, — нет, общественная рутина так преследует молодых людей, что трудно от нее защититься, а потому и у него есть такие действия, о которых ни я с ним не заговариваю, ни он мне не сообщает, а доходит это до меня посторонними путями. Вы совершенно верно определили, что он больше всех моих сыновей похож на меня своею натурою, хотя характер у него и другой, чем у меня. Он гораздо спокойнее, медленнее меня, но его вкусы, симпатии, увлечения совсем те же, что и у меня, поэтому мы с ним лучше всего и понимаем друг друга. Мне очень приятно, что Модест Ильич также нашел в нем что-нибудь хорошее.

Насчет приданого M-lle Коншиной я также думаю, что слухи преувеличены, но если поверить и половине их, то всё же хорошо, и скажу, милый друг, что я больше радуюсь за него тому, что он получит хорошее состояние, потому что нравственные достоинства его невесты, о которых Вы говорите, через месяц после свадьбы, tout au plus*, потеряют для него всякое значение, — так всегда бывает. Разве мужья когда-нибудь ц е н я т нравственные достоинства своих жен? Сколько я наблюдала, так еще дольше других любят г л у п ы х и т о л с т ы х жен. Уж на что больше иметь нравственных, семейных добродетелей, как моя дочь Саша, — это идеал женщины, такой любви, такой безответной преданности, заботливости и нежности к мужу, детям и всем близким ей людям д н е м с о г н е м не найдешь, — а посмотрели бы Вы на ее мужа. Вы подумали бы, что это н е с ч а с т н е й ш и й человек в мире. Везде ему нехорошо, вечно он раздражен, ничем ему угодить нельзя. Она пянчится с ним, как с ребенком, нет жертвы, которой бы она не принесла, а он все поет, и она только втихомолку от него плачет, плачет, а перед ним всегда с веселым лицом. Все заботы с детьми, с хозяйством, по имению, с капиталами — всё лежит на ней о д н о й, и все ему нехорошо, и сам не знает, чего хочет. А мне кажется, что у Анатолия Ильича такой же характер. Но и всяких характеров мужчины не только не ценят нравственных достоинств своих жен, но они для них — как бельмо на глазу, совершенно л и ш н е е.

Как мне жаль, мой милый друг, что Вам пришлось лишиться пребывания на Posilippo. Но какие мошенники эти итальянцы: в Неаполе они все каморристы, так что нечего было посылать министра внутренних дел уничтожить каморру** в Неаполе и мафию*** в Палермо; надо всех Неаполь и Палермо смести с лица земли. Долго ли Вы пробудете в Неаполе, милый друг мой?

Насчет поездки моих мальчиков после экзаменов к Александре Ильиничне в Каменку, я надеюсь, что это состоится, и Коле ужасно хочется. Я предполагаю в начале апреля, когда уедет моя Саша в Россию,

---

* самое большее

** Тайная организация бандитского характера на юге Италии.

*** [illegible] Сицилии.

переехать недели на три или четыре в Cannes, на Средиземное море, а на лето думаю поехать к Северному морю, в Trouville или Dieppe — в те места, одним словом.

Рука моя всё меня мучит; доктор запрещает делать движения, но я не хочу этого исполнять.

Как я счастлива, что мои мальчики заслужили милостивый отзыв Александры Ильиничны. Дай бог, чтобы моя заветная мечта осуществилась, но боюсь ужасно, милый друг мой, что и Анну Львовну похитит кто-нибудь раньше, чем Коля окончит Училище. И Коля и я, мы ужасно жалеем, что Александра Ильинична не живет зиму в Петербурге, где молодежь могла бы лучше познакомиться и прочнее сблизиться, но, конечно, на всё судьба. До свидания, милый мой, бесценный друг. Безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

21. Чайковский — Мекк

1882 г. февраля 27—28. Неаполь.

Неаполь,
27 февраля/11 марта 1882 г.

Дорогая моя! Я получил Вашу депешу на другой день по отсылке к Вам моего последнего письма, в которое вложил письмо Саши. Я решил тогда, что, вероятно, письмо мое дошло до Вас тотчас после того, как Вы мне телеграфировали, и надеюсь, что так оно и было. Но только сегодня мне пришло на ум, что мне следовало бы тогда же депешей отвечать на вопрос Ваш. Простите, что я этого не сделал. Несмотря на то, что мы с г. Postiglione расстались лютыми врагами, письма доходят до меня очень аккуратно, благодаря тому, что в день переезда я отправил на почту комиссионера, коему поручил устроить, чтобы все письма, адресованные на виллу Postiglione, доставлялись сюда. В новом нашем помещении нам далеко не так просторно, как было на Posilippo, но я очень доволен чистотой, порядочностью этой гостиницы и крайнею любезностью ее хозяина.

В Неаполе заниматься с выдержкой, усидчиво и в установленные часы, как это я делал в Риме, невозможно, особенно, когда наступит такая дивная, сказочно-чудная погода, как та, которою мы пользуемся вот уже три дня. Я почти ничего здесь не делаю и даже не стыжусь своего безделья. Неаполь не дает возможности заниматься; своим шумом, своей красотой и яркостью красок он отвлекает ум от работы. Поэтому я никогда не согласился бы прожить здесь долго, так как долгое безделье для меня невыносимо. Но человек, приезжающий сюда на несколько дней, должен оставить всякое помышление о труде, если этот труд требует умственного напряжения. Возможно ли думать о наилучшем способе гармонизации церковных мелодий Обихода (чем я собирался здесь заняться), или о выборе оперного сюжета, или о форме будущего

симфонического сочинения, когда по целым часам не оторвешься от окна, глядя на это чудное синее море, слегка подернутое зыбью, на Везувий, красующийся во всем своем величии, словом, на всю эту несравненную красоту. Мы совершили несколько интереснейших прогулок, а именно: были 1) в Геркуланум, 2) в Пуццоле, Байе и на Мизене и 3) в Camaldoli. Не знаю, совершали ли Вы поездку в этот покинутый, опустелый монастырь, с которого открывается грандиозно-роскошный вид на весь залив с его берегами и островами. Не говоря об этом виде, и самая поездка и потом пешеходная прогулка по тропинке, с обеих сторон которой, среди травы, мы находили массы фиалок и других весенних цветов, была удивительно приятна.

Не знаю хорошенько, вследствие чего и на основании какого права все неаполитанские монастыри секуляризованы*, но только мне это очень досадно. Монастыри эти много утратили, перестав быть убежищем старичков капуцинов. Когда я был в Camaldoli в первый раз, в 1874 г.[1], там еще было три монаха, принимавшие туристов; в монастыре был порядок и следы забот и хозяйственного управления. Теперь не осталось ни одного, и нас принимал какой-то весьма несимпатичный казенный сторож. Монастырь и сад заброшены, везде беспорядок, нечистота, и отсутствие отцов капуцинов значительно уменьшает поэтичность впечатления. Монастырь, как место, куда человек удаляется от суеты мира ради созерцательной аскетической жизни, мне симпатичен. Знаю, что есть монахи лицемеры, тунеядцы, развратники, но что из этого следует, кроме того, что всё несовершенно в этом мире? И во всяком случае не понимаю, по какому праву из такого роскошного, много веков процветавшего монастыря, как, например, здесь S.-Martino, можно прогнать монахов и из их художественно прекрасного и примененного к монашеской жизни здания сделать плохой музей? Когда в S.-Martino я вошел в чудную капеллу, в течение нескольких столетий украшавшуюся монахами, и увидел спящего около алтаря сторожа в шапке, мне было досадно и противно. И в Camaldoli я сердился на мудрых правителей, бесцеремонно изгоняющих монахов из принадлежавшего им жилища.

Воскресенье, 28-го.

Только что получил Ваше письмо. Вы спрашиваете, сколько времени пробуду в Неаполе? Около двух недель. После того отправлюсь с братом и его свитой в Флоренцию, где водворю его на несколько недель. Сам же, пробыв в Флоренции несколько дней, отправлюсь в Москву к свадьбе брата, который этого не-

---

* Секуляризация — переход из духовного в светское владение.

пременно желает. Так как свадьба назначена на 4 апреля, то, дабы несколько дней пробыть с братом, мне необходимо приблизительно к 25 марта быть в Москве.

Сегодня я был в Помпее и испытал великое наслаждение. До отъезда непременно еще раз там побываю.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Безгранично Вам преданный

П. Чайковский.

22. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
7/19 марта 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Я давно Вам не писала, но моя рука так мучит меня, что я поневоле должна исполнять предписание доктора поменьше делать движения рукою. Втирание, которое я употребляю, мало помогает, а других средств, как обыкновенно против первых болезней, кажется, нет.

Вчера уехали Володя с Лизою и увезли моего дорогого Воличку. Не могу выразить Вам, милый друг мой, с какою тоскою я рассталась с этим милым, нежным ребенком, и он также, это несравненное дитя, совсем пригорюнился при расставании и на вопрос, о чем он так печален,— отвечал, что ему очень грустно уезжать отсюда, так что его уже утешали, что ведь мы же увидимся, не навеки расстаемся. Ах, какой это милый, деликатный ребенок. Теперь у нас ужасно опустело и потускнела жизнь. В этой огромной даче нас всего пятеро, мне уже хочется скорее уехать отсюда, тем более что эта сушь, с страшным солнечным припеком, очень дурно действует на здоровье; надо уходить к морю, к большому резервуару влаги.

Что сталось с Вашим проектом проехаться в Алжир, милый друг мой, отчего он расстроился?

На Camaldoli я никогда не была и только всегда любовалась на него с дороги на Posilippo и собиралась туда съездить, но каждый раз лень нападала. Относительно уничтожения монахов я совершенно согласна с Вами, милый друг мой, что касается поэтической и мечтательной стороны жизни; с точки же зрения политико-экономической я нахожу их уничтожение *[конец не сохранился]*.

23. Чайковский — Мекк

Неаполь,
7/19 марта 1882 г.

Дорогой, милый друг! Доживаю теперь последние неаполь-ские дни. В среду или четверг мы предполагаем съездить на Капри, оттуда в Сорренто на два дня, через Castellamare вернуться и тотчас же уехать во Флоренцию.

Сегодня я окончил совершенно свою музыку, к всенощ-

нему бдению, которую начинал было еще летом, потом оставил и только здесь снова за нее взялся. Очень трудно работать в Неаполе. Не говоря уже о том, что красоты Неаполя рассеивают, отрывают от дела, есть еще одно обстоятельство, препятствующее заниматься,— это не смолкаемые ни на минуту шарманки, которые иногда доводят меня до отчаяния. Случается, что их две, даже три разом играют, да еще где-нибудь поют, а там невдалеке берсальеры* шагистикой занимаются и трубят неустанно от 8 часов утра до 12. Однакож, несмотря на всё это, мне так хотелось поскорей окончить начатую работу, что в последние дни я занимался очень усердно и успел совершенно окончить свой труд.

В свободные от занятий и прогулок часы я прочел очень интересную недавно вышедшую книгу о Bellini. Книга эта написана его другом, восьмидесятилетним старцем Florimo![1] Я всегда питал большую симпатию к Беллини. Еще ребенком я плакал от силы чувства, которое возбуждали во мне изящные, всегда проникнутые меланхолией мелодии его. И до сих пор, несмотря на многие его недостатки, на плоские его аккомпанементы, на площадные, банальные стретты его ансамблей, на грубость и пошлость речитативов, у меня сохранилась симпатия к его музыке. О жизни его, кроме того, что умер он рано и был чувствительным, добрым человеком, я ничего не знал. В книге Florimo, кроме биографии Беллини, напечатана и его довольно обширная переписка. И вот я принялся читать с большим удовольствием описание жизни композитора, с давних пор окруженного в моем воображении ореолом какой-то особенной поэтичности. Мне казалось, что Bellini должен был быть в жизни таким же детски-благодушным существом, каким был Моцарт. Увы! Пришлось вытерпеть разочарование. Оказывается, что, несмотря на всю свою талантливость, Беллини был очень дюжинная личность. Он весь поглощен в самообожание, восхищается каждым своим тактом, не переносит совершенно никаких осуждений своей музыки, повсюду видит врагов, интриганов и завистников, хотя успех не покидал его ни на один почти день от самого начала его карьеры до самого конца. Судя по письмам, он никого не любил, ни о ком никогда не заботился, и вообще для него вне того, что касалось его интересов, как бы ничего не существовало. Замечательно, что автор книги, повидимому, вовсе и не заметил, какое неблагоприятное чувство к Беллини возбуждают его письма,—иначе он бы не напечатал их.

Другая книга, которую я читаю с величайшим удовольствием, это «На горах», Мельникова. Какое удивительное знание быта

---

* итальянские стрелки

русского и какое спокойное, объективное отношение у автора к огромному количеству изображаемых им лиц! Раскольники разных сект, купцы, мужики, монахи и монахини, дворяне—все эти люди, как живые, проходят перед читателем, и каждый говорит и делает не то, что автор им навязывает, дабы оттенить и выразить собственный взгляд и убеждения, а то, что действительно эти люди должны говорить и делать. В наше время такая редкость подобные нетенденциозные произведения!

10 часов вечера.

Всё более и более знакомясь с Неаполем, я прихожу к заключению, что, несмотря на всю его красоту, долго жить в нем неудобно, и не только потому, что так много шума, но также и потому, что все прогулки требуют нескольких часов. Здесь нельзя, как в Риме, бродить по городу и вне города. На этой неделе мы не совершили никакой большой поездки, и когда приходилось ради моциона ходить, то я затруднялся, куда направить стопы свои. По городу ходить — беспокойно, а за город, кроме Posilippo (которое после истории с Postiglione мне неприятно), идти решительно некуда. Еще что отравляет здешние прогулки, это нищие, которые не только пристают, но показывают свои раны и уродства, а это для меня очень тяжелое и неприятное впечатление. Но зато сидеть у окна, у себя, и смотреть на море, на Везувий, особенно рано утром и перед закатом солнца—это такое блаженство, ради которого все недостатки Неаполя, как города, можно простить и позабыть. В театрах здесь ничего интересного нет. На днях возобновили давно забытую оперу Mercadante «Orazii e Curiazii», и газеты с шумом и треском заговорили об этом возобновлении, как о какой-то новой эре в искусстве. Соблазненный газетными отзывами, я пошел в S.-Carlo. И что ж оказалось? Этот удивительнейший и притом, судя по газетам, превосходно исполненный chef-d'oeuvre — не что иное, как самая пошлая и рутинная итальянская опера, в сравнении с которой Травиата и Трубадур — великие произведения! Исполнение ниже всякой посредственности.

Дорогая моя! Желаю Вам от всей души наслаждаться весной, которая во Флоренции должна быть восхитительна.

Будьте здоровы!

Безмерно Вас любящий

П. Чайковский.

P. S. Видели ли Вы Сарру Бернар?

24. Чайковский — Мекк

Неаполь,
9/21 марта [1882 г.]

Дорогая моя! Вчера получил письмо Ваше. Мне хочется сказать Вам по поводу болезни руки Вашей, что я Вас прошу, умоляю не писать мне ни единой строчки, пока боль не оставит Вас совершенно. Разумеется, я буду продолжать писать Вам попрежнему. Писать письма к Вам для меня не только удовольствие, но потребность. Это вошло в мои привычки до такой степени, что я не могу себе и представить жизни без периодической письменной беседы с Вами. Дай бог, чтобы несносная боль руки оставила Вас поскорее!

Вы спрашиваете, почему мы не поехали в Алжир? Отец Модестиного воспитанника написал Модесту, что он не желает этого. Он в ссоре с сестрой своей бывшей жены и не хочет, чтобы его сын жил в доме женщины, которую считает себе враждебной. Ссора эта недавняя. Когда он разошелся с женой, то был с сестрой ее в хороших отношениях и одно время даже приглашал ее в Петербург, чтобы занять место хозяйки его дома. Модесту пришлось подчиниться этому запрещению, а один я не захотел туда ехать. Через два дня мы едем пароходом в Капри, оттуда в Сорренто.

Как я сердился недавно на некоего г. Флерова, сотрудника «Моск[овских] вед[омостей]», приехавшего в Рим незадолго до моего отъезда оттуда. Для меня нет ничего ненавистнее, как выставление меня напоказ перед публикой. Между тем, этот господин, рассказывая читателям «Моск[овских] вед[омостей]» о своих римских прогулках, вздумал изобразить меня выигрывающим на Piazza Navona пикули и на другой день похваляющим эти пикули[1]. Во-первых, этого никогда не было, во-вторых, если б и было, кому могут быть интересны пикули, выигрываемые мною в лотерею? В-третьих, можно ли так бесцеремонно выставлять напоказ человека, который об том только и думает, чтобы его особой никто не занимался! Конечно, это такая мелочь, которая прошла незамеченной, но я всё-таки крайне был раздражен бесцеремонностью г. Флерова.

Будьте здоровы, дорогая моя, и, ради бога, не беспокойтесь отвечать на мои письма.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский

Простите, ради бога, небрежность писания!!!

25. Чайковский — Мекк

Флоренция,
17/29 марта [1882 г.]

Дорогой друг!

После трехдневного пребывания в Сорренто, где меня преследовала весьма неблагоприятная погода, я провел двое суток в Неаполе, и вчера вечером мы приехали сюда. Остановились в Hôtel Washington, ибо в любезном мне Hôtel de Milan все занято. Я проведу здесь еще три дня, т. е. девятнадцатого вечером еду в Россию. Тяжело мне было расставаться с Сорренто. Несмотря на постоянные дожди, ветры и непогоду, я всё-таки очарован, и не только красотой местности, но тишиной, спокойствием, которые так приятно было найти после шума Неаполя. Я дал себе слово, если останусь жив, провести там в будущем году несколько недель и именно в это время, весной, когда цветут апельсинные, лимонные деревья, когда отовсюду несется запах весенних цветов, и на горах красуется свежая весенняя зелень. В хорошую погоду это, должно быть, рай земной! Очень жаль, что свадьба моего брата случилась именно в начале апреля. Будь она ранее, я бы дождался его здесь, в Италии, так как в день свадьбы они уезжают за границу; будь она позднее, я бы мог еще пожить и в Сорренто и здесь. Никогда еще Италия не казалась мне так прекрасна, как в этот раз!

Получил я телеграфическое известие из Москвы, что в день кончины Ник[олая] Гр[игорьевича] (11 марта) там играли в консерватории мое трио, которое всем очень понравилось. Очень радуюсь этому.

Милый, бесценный друг! Надеюсь, что Вы здоровы. Прошу Вас передать Влад[иславу] Альберт[овичу], что мне очень приятно было бы, если бы он зашел ко мне сегодня между двумя и четырьмя часами. Прошу Вас, дорогая, не пишите мне в ответ ни слова, берегите руку Вашу. От Влад[ислава] Альб[ертовича] я буду иметь о Вас сведения.

Ваш П. Чайковский.

26. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
17 марта 1882 г.

Не могу воздержаться, чтобы не написать Вам, как я рада Вашему приезду, мой несравненный друг, но в то же время, как печалит меня то, что так ненадолго. Hôtel Washington есть милый для меня Hôtel,

потому что там жила моя Саша, а теперь он будет для меня еще вдвое милее.

Сегодня будут исполнять в Pergola «Stabat Mater» Rossini. Я замышляю поехать послушать, я люблю это сочинение.

Получила письмо от Коли, в котором он просит меня спросить Вас, милый друг мой, разрешения, может ли он в одном из Ваших романсов сделать маленькое изменение, соответственно своему голосу, так как для него он немножко высок, а сам он не смеет распорядиться. В чем состоит это переложение, покажет Вам, дорогой мой, Влад[ислав] Альб[ертович] на самом романсе; он, т. е. Вл[адислав] Альб[ертович], конечно, явится к Вам в два часа, приблизительно.

Завтра я ожидаю Сашу из Ливорно, но она остановится на Fornabuoni в Hôtel du Nord. Извините, дорогой мой, за уродливое писанье, но рука моя всё плоха, и, как кажется, это уж так и останется.

Как мне жаль, что я еще не могу слышать Вашего trio. Будьте здоровы, бесценный мой. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

27. Чайковский — Мекк

1882 г. марта 18. Флоренция.

Дорогой друг! Бюджетную сумму февральскую я получил от Вас уже давно. Если помните, милый друг, Вы тогда совершенно основательно предвидели понижение курса (что и оправдалось на деле) и послали мне бюджетную сумму еще месяца полтора тому назад.

Ваш П. Чайковский.

Я уезжаю в субботу. Решил остаться лишний денек. Так жаль покидать Италию!

28. Мекк — Чайковскому

1882 г. марта 20. Флоренция.

[Начало не сохранилось] обедню, и невысокоумные головы наших высокопоставленных лиц придумали для отказа такой мотив, что как же слушатели будут сидеть во время обедни??!!! Бедное наше отечество!

Вообразите, милый друг, что моя Саша также поселилась в Hôtel Washington. Ее муж, по приезде, был в тринадцати гостиницах и нигде не нашел свободных комнат. Впрочем, в Hôtel de la Paix была одна комната в 25 fr., но это слишком дорого. Саша мне говорила вчера, что встретила Вас на лестнице и узнала, хотя видела, как она говорит, лет пятнадцать назад, но я не знаю, верна ли ее хронология.

Мне ужасно хочется купить имение. Это бесприютное положение, да еще и на старости лет, очень тяжело; мне хочется домой, а дома у меня нет. Сегодня вы уезжаете, и скоро мне предстоит и другое горе. Саша моя уедет, мне очень тяжело с нею расстаться. Желаю Вам от души, милый друг мой, вполне хорошего здоровья, счастливого пути,

радостного свидания с родными и всего, всего хорошего. Поздравляю Вас с наступающим праздником и искренно желаю провести его наилучшим образом. Всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Все мои барышни шлют Вам поклоны и самые искренние пожелания всего хорошего. Прошу Вас, милый друг, передать мой искренний привет Модесту Ильичу.

Сейчас прочла в газетах заметку, которую и посылаю Вам, милый друг мой. Вероятно, в этом концерте позже и был мой Сашок.

29. Чайковский — Мекк

Флоренция,
20 марта [1882 г.]

Дорогой друг! Пишу Вам лишь несколько слов, чтобы сказать, что, уезжая сегодня из Италии, я не могу удержаться, чтоб не поблагодарить Вас, дорогая моя, за всё, чем я Вам обязан. Эти четыре месяца, проведенные мною в Италии, оставят во мне чрезвычайно приятные воспоминания. Я отдохнул, чувствую себя бодрым и сильным физически и морально! Еду с грустью. Ничего особенно веселого не предстоит мне в России; свадьба брата и сопряженная с ней суета пугают меня.

Затем еду опять на лето и на часть осени в Каменку, куда и прошу Вас адресовать мне письма, если больная рука позволит Вам писать. Ради бога, милый друг, берегите свою руку.

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесконечно дорогой друг. Благодарю Вас!

Ваш П. Чайковский.

30. Чайковский — Мекк

Вена,
22 марта 1882 г.

Дорогая моя! Я очень необстоятельно ответил в день отъезда на письмо Ваше. Во-первых, не поблагодарил Вас за поклон, посылаемый Вашими барышнями, во-вторых, кажется, не дал Вам точного ответа на вопрос Ваш, что предполагаю теперь делать. Итак, милый друг мой, потрудитесь передать Юлье Карловне и младшим барышням благодарность за память обо мне. Во-вторых, скажите, пожалуйста, им, что я оттого не послал им в свое время моих римских карточек, что ненавижу эту неудавшуюся фотографию, на которой, по словам Модеста, я имею хищное выражение лица. Думаю сняться в Москве и, если на этот раз снимусь удачнее, тотчас же Вам и им пришлю свои изображения.

На вопрос о моих планах скажу следующее.

В Москве пробуду недели две и оттуда еду в Каменку, куда всё семейство переезжает тотчас после пасхи. Заранее знаю, что в Каменке уже мне не будет так хорошо, как прежде. Дело в том, что племянница хуже, чем когда-либо, отравляет себя морфином, а своих родителей и всех живущих с ней — своими болезненными припадками, ежедневно повторяющимися вследствие морфина. Эта несчастная девушка как будто для того только и живет на свете, чтобы и себя и других терзать. Уже давно отлетел от дома сестры и зятя тот дух идеального семейного мира и счастия, который в нем прежде находился постоянно и делал пребывание мое в нем счастливым и приятным. Заранее знаю, что мне там будет невесело и горько, но я так их всех люблю, а с другой стороны, и они так все меня любят и дорожат моим пребыванием, что не могу не водвориться у них попрежнему на всё лето и часть осени. Если б я этого не сделал, то причинил бы всему семейству величайшее огорчение.

Я доехал сюда благополучно, но, должно быть, от недостатка движения всё время страдал и еще теперь страдаю сильной головной болью.

Дорогая, бесценная! Да благословит Вас бог.

Беспредельно Вас любящий

П. Чайковский.

Потрудитесь передать поклоны и сердечные приветствия всем Вашим.

31. Чайковский — Мекк

Москва,
31 марта [1882 г.]

Дорогой друг! Прошу Вас простить меня, если после пятидневного пребывания в Москве я только сегодня собрался написать Вам. Всё хотелось найти свободный часочек, чтобы отвести душу в беседе с Вами, но я попал здесь в такой круговорот суетливой, хотя и совершенно праздной жизни, что некогда и с мыслями собраться. Это объясняется тем, что родство у невесты моего брата огромное, и все хотят, чтобы я у них бывал. Ежедневно я приглашаем на завтраки, обеды, вечера. Отказывать нет возможности, и вот я суетливо сную по Москве из одного дома в другой, терпеливо перенося эту адскую жизнь, ибо она будет продолжаться недолго, так как свадьба состоится 4 апреля. Состояние духа моего ужасное. Всё это утомляет, раздражает меня до крайней степени, но что делать! Приходится терпеть. Впрочем, я должен ска-

зать, что круг людей, в который я попал, в сущности, довольно симпатичен. Семейство Коншиных и все их многочисленные родные, принадлежащие к классу богатого купечества,— люди очень почтенные, образованные, порядочные. Но, к несчастию, их ужасно много, и мне после пятимесячного житья в Италии, где мне было так хорошо, свободно и покойно, трудно переносить многолюдное общество. Невеста брата, девушка очень милая, держит себя чрезвычайно просто. Будучи от природы молчалива, не старается пересилить себя и вследствие этого говорит всегда искренно, просто; с братом обращается чрезвычайно нежно и заботливо, из чего я заключаю, что это натура очень тонкая. Она уже теперь поняла совершенно натуру Анатолия; она знает уже, что прежде всего это человек, требующий ласки, нежной заботливости о нем. Он, повидимому, совершенно счастлив.

Завтра начнут съезжаться мои родные. Приедет и сестра с Таней, и Лев Вас[ильевич], и старший брат Николай.

Милый, дорогой друг! Хотелось бы мне знать, что Вы теперь делаете. Скоро ли соберетесь уехать из Флоренции, здоровы ли Вы? Потрудитесь, начиная с следующего письма, адресовать мне уже не в Москву, а в Каменку.

Об Италии я вспоминаю как об очаровательном сновидении. Многое, многое хотелось бы мне сказать Вам по поводу болезненных ощущений, испытываемых мною по отношению нашего отечества. Но лучше скажу это, когда буду покойнее и свободнее.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

32. Чайковский — Мекк

1882 г. апреля 3—5. Москва.

Москва,
3 апреля.

Дорогой, милый, бесценный друг! Хочу сказать Вам слова два о впечатлении, произведенном милыми сыновьями Вашими на сестру и всё ее семейство. Вчера приехали сюда Лев Вас[ильевич], сестра и старшие племянницы Таня и Анна. Весь вечер провел я с ними, много говорили про Колю и Сашу, и мне хочется передать Вам сущность того, что говорилось. Сыновья Ваши совершенно очаровали их всех. Подобно тому, как Саша в письме к Вам очень верно отметил черты каждого члена семейства сестры, подобно тому и они со своей стороны очень тонко определяют характеристические черты сыновей Ваших. Как и следовало ожидать, каждый из них нравится по-своему. Коля со своей цельной, живой, горячей натурой успел сразу внушить им всем больше теплой

симпатии, чем Саша, но зато все заинтересованы этим последним и понимают, что он не такой человек, качества которого открываются сразу. Дружба обоих братьев производит самое милое впечатление. Сестра говорит, что, по ее наблюдениям, Коля как бы признает нечто вроде умственного превосходства брата и подчиняется его авторитету, когда дело идет о книгах, об искусстве, вообще о серьезных материях. Лев Васильевич шутя говорит, что эти мальчики были бы совершенством, если бы не так много музыканили. Он находит, что это единственный их недостаток. Меня более всего радует, что Коля и Саша в три-четыре дня успели сделаться для всех них людьми близкими и дорогими. Спросил я Анну, как ей нравится Коля и хотела ли бы она, чтобы он впоследствии сделался ее мужем. Она отвечала, нимало не запинаясь, что очень бы хотела и готова ждать окончания его курса с терпением, хотя и предпочла бы, чтобы это случилось скорее. Теперь Анна собирается ехать гостить в Петербург к кузине моей, гр. Литке. Позволите ли Вы Коле бывать в доме моей кузины и видеться с Анной? Заранее знаю, дорогая моя, что Вы на это согласитесь, но боюсь только, что если в Коле зародилась искра серьезного чувства к Анне, то как бы эти посещения не помешали его занятиям!

5 апреля.

Вчера произошла свадьба брата. Это была весьма утомительная процедура. В четыре часа совершилась церемония в церкви Александровского училища; в шесть часов начался бесконечный торжественный обед, продолжавшийся до девятого часа. Потом пришлось ждать до двенадцати часов, ибо только в этот час отходит поезд в Варшаву. Теперь они уже далеко. Если я не ошибаюсь, Анатолию очень посчастливилось. Жена его очень симпатична и будет для него (если он того захочет) опорой и радостью его жизни.

Я живу праздно, суетливо и очень желал бы поскорей уехать, но останусь по делам еще с неделю.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Безгранично любящий Вас
П. Чайковский.

33. Мекк — Чайковскому

Женева.
6 апреля 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам из любимого моего города Женевы, в который мы прибыли третьего дня вечером. К сожалению, погода так дурна, что я не могу ощущать удовольствия от нахождения

и своим давним мечтам. Вы, верно, рады, что она больше не выхо-дит на сцену.

А Вы теперь в милой Каменке, дорогой мой. Как я завидую Вам, что Вы находитесь в России и в той Украине, которая всегда мне будет мила и дорога. Я до сих пор не могу свыкнуться с потерею Браилова и московского дома, и, когда минутами сознаю это, мне очень больно. Около Москвы мне ищут имение, но ведь это не будет ни Подолия, ни Браилов. Я никак не ожидала, что для меня на конце моей жизни произойдет такой переворот и что я окажусь между небом и землею, так что даже мыслью некуда приткнуться, приурочиться, — а в старости трудно свыкаться с новыми положениями.

От своих мальчиков я давно не получала известий, потому что я теперь в передвижении и не могла дать им адреса. Последнее письмо от Коли было полно воспоминаниями о семействе Александры Ильиничны и выражениями желания поехать в Каменку. Он влюблен по уши в Анну Львовну и ждет не дождется лета. Милый друг мой, напишите мне пожалуйста, какой взгляд и отношение к моему бедному влюбленному юноше лично у Анны Львовны. Мне очень бы хотелось знать, на что он может надеяться в будущем. В этом месяце 16-го ему кончится девятнадцать лет,— немного еще, но нынешние поколения все раньше и раньше развиваются.

Сегодня я послала Влад[ислава] Альб[ертовича] в Vevey искать для нас помещение. Говорят, в нынешнем году такая масса иностранцев живет зиму в Vevey и в Montreux, что всё переполнено, и я боюсь, что нам будет там очень дурно.

До свидания, мой милый, несравненный друг. Пишу Вам мало потому, что рука моя всё плоха. Как холодно, так мне хуже. Будьте здоровы, дорогой мой. Пишите пожалуйста в Vevey, poste restante и не забудьте, милый друг, написать про мнение Анны Львовны, т. е. понравился ли ей мой Коля и вспоминает ли она его. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

31. *Мекк — Чайковскому*

Веве,
Женевское озеро.
15 апреля 1882 г.

Дорогой мой, милый друг! Теперь пришли для меня такие плохие времена, что я могу Вам писать только самые коротенькие письма и то редко: рука моя все не исправляется, я думаю, потому, что очень холодно, и я совершенно не могу долго писать,— рука совсем немеет.

Я решила отсюда ехать в Москву, потому что мне все присылают сведения об имениях и мне очень хочется купить одно из них — маленькое, но с хорошею усадьбою, около Москвы, близ Подольска; так я еду в Москву, чтобы решить это дело. За него теперь очень энергично принялась моя Саша и зовет меня убедительно приехать в Москву, и я предполагаю выехать отсюда 20-го этого месяца, остановиться дня на два в Мюнхене, потом дня на три в Вене, оттуда в Петербург дня на четыре, а затем в Москву 4 или 5 мая, и если Вы, дорогой мой, захотите меня очень утешить, то напишите мне к этому времени в Москву по следующему адресу: в Малый Кисельный переулок, дом фон-Мекк, в квартиру г-на Фроловского, на мое имя.

У нас очень холодно, всего семь градусов тепла, и при этом дожди и бури, так что я без сожаления оставлю Швейцарию, хотя, обыкновенно, очень люблю ее. Мы почти каждый день ездим в Clarens, и я всегда смотрю на Pension Richelieu и думаю о Вас, мой дорогой друг.

На днях я получила в четыре руки симфонию «Johanna d'Arc» Moszkowskiego. Знаете Вы этого пианиста и композитора, Петр Ильич? Мне он очень нравится; из его симфоний до сих пор я знала только «Krönungsmarsch», очень красивый и торжественный; самой симфонии я еще не пробовала. Здесь бывают симфонические концерты в Montreux, в новом Casino, или, как на нем значится, Cursaal. Внутри его устроен очень миленький театрик, и по четвергам и субботам даются концерты оркестровые, и солисты играют. В прошлую субботу должны были играть виолончельную сонату Рубинштейна. Мы нечаянно приехали в Casino Montreux, узнали о концерте и взяли билет на ложу, но надо было долго ждать, и мы уехали. Концерты бывают в три часа дня.

Как жаль, дорогой мой, что Вас нет в Clarens, когда мы в Vevey. Сегодня я послала Влад[ислава] Альб[ертовича] в Женеву кончить дела с моим банкиром. У нас тут помещение маленькое, всего семь комнат, но хорошо тем, что оно rez-de-chaussée* с выходом прямо на террасу, на сторону озера.

До свидания, милый, дорогой друг мой. Надеюсь найти от Вас весточку в Москве. Будьте здоровы и не забывайте безгранично Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Пахульский кончил свою сцену из «Спартака». Мне нравятся многие там мотивы, но я все твержу ему, что лучше бы он занимался побольше т е о р и е ю музыки.

35. Мекк — Чайковскому

Веве,
Женевское озеро.
16 апреля 1882 г.

Милый, несравненный друг! Вообразите, что Ваше письмо от 3 апреля из Москвы я получила только вчера вечером, т. е. 15 апреля. Это потому, что оно побывало в Ruschiano и оттуда уже дошло до меня. Я вчера утром послала Вам письмо и вечером получила Ваше, в котором нашла полный ответ на вопрос, который я Вам сделала в письме в Каменку по поводу мнения Анны Львовны насчет моего Коли. Очень, очень благодарю Вас, дорогой мой друг, за сообщение мне такого приятного отзыва со стороны милой Анны Львовны по поводу моей мечты. Коля был бы в упоении радости узнать такой ответ, но я не сообщу в п о л н е того, что сказала Анна Львовна,— пусть лучше старается заслуживать это, пусть это будет целью достижения. В какой бы он пришел восторг, если бы узнал, что Анна Львовна собирается в Петербург, но Вы совершенно верно напомнили мне о его занятиях, дорогой друг мой; главное, что у него теперь экзамены идут, и я боюсь чем-нибудь

* на первом этаже

отвлечь его от усердного занятия. Он, бедный, сегодня, в день своего рождения, сдает историю римского права, и я ужасно боюсь за его экзамены, потому что очень трудны. Поэтому я не буду торопиться сообщать ему о приезде Анны Львовны в Петербург. Я прошу Вас, дорогой мой, написать мне скорее, если возможно, в Вену, poste restante, но нет,— в Вену нельзя успеть, то не откажите, дорогой мой, написать мне в Петербург на имя Коли, на Пантелеймоновскую, дом № 11, кв. 16: первое — когда Анна Львовна будет в Петербурге, второе — какой адрес графини Литке, и третье — возвратится ли Анна Львовна к 1 июня в Каменку, так как тогда мои мальчики, оба или, быть может, Коля один (так как Саше надо спешить к морским купаньям), приедут в Каменку. Какое удовольствие мне доставляют все эти мечты. Пошли господь осуществление их к счастью и благополучию этих детей.

Во вторник, т. е. двадцатого, я предполагаю выехать отсюда и ехать по тому маршруту, который послала Вам вчера, милый друг мой.

До свидания, пожалуйста напишите мне в Петербург. Отдохнули ли Вы, дорогой мой, от московской суеты? Теперь мне также предстоит суета и, конечно, много неприятного,— это уже принадлежность Москвы. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

36. Чайковский — Мекк

1882 г. апреля 16—26. Москва — Каменка.

Москва,
16 апреля.

Дорогой, бесценный, милый друг! Я совсем стосковался по Вас. Вот уже три недели, что я в Москве, а ведь ни единого прямого от Вас известия не имею с самого выезда из Флоренции. Конечно, всё это по моей вине; я убежден, что в Каменке меня ждет весточка от Вас, но скоро ли я попаду в Каменку? Работы у меня набралось непомерно много. И трио (которое однажды я прослушал в исполнении Танеева, Гржимали и Фитценхагена) я исправляю основательным образом, и увертюру свою корректирую разом в трех видах (партитура и переложение для четырех и двух рук), а главное, опять поневоле приходится возиться с Бортнянским[1]. Дело в том, что хотя я еще в октябре совершенно отказался от первых, самых мучительных корректур, но всё-таки издание это лежит на моей ответственности, и последнюю корректуру приходится делать самому, причем я натыкаюсь на мириады всякого рода погрешностей, а так как за пять месяцев моего отсутствия из Москвы набралось огромное множество еще не просмотренных мной номеров, то никак не успею с ними справиться, а между тем, не хочется ехать в Каменку, не освободившись вполне от этой заботы. Всё несчастие в том, что во всей Москве не найдется ни одного корректора, на которого можно было бы положиться с уверенностью. Те, на кого я возложил труд первых корректур, далеко не оправдали моего доверия. Вероятно, однакоже,

что дней через пять усиленной работы я справлюсь с Бортнянским и уеду в Каменку, где меня ждут с большим нетерпением.

Где Вы, дорогая моя? Из письма Модеста знаю только, что Вы уехали в Швейцарию, а куда — мне неизвестно. Пишу Вам и решительно не знаю, куда пошлю письмо, но писать к Вам так для меня привычно и необходимо, что всё-таки пишу. Ах, друг мой, если бы Вы знали, как мне тяжко здесь оставаться, как меня тяготит эта московская жизнь и как я жажду свободы и тишины деревенской жизни!

От братьев не имею давно никаких известий и начинаю беспокоиться о Модесте, который в последнее время всё хворал во Флоренции. Телеграфировал ему третьего дня и до сих пор не имею ответа.

17 апреля.

Я прихожу к заключению, что как ни любишь свое отечество, как ни соболезнуешь ему, но есть такие причины, которые многомесячные пребывания на чужбине заставляют считать счастием. Достаточно будет Вам рассказать два происшедшие со мной случая, чтобы показать, до чего жизнь в нашей дорогой России невыносима. Случай первый — следующий. Давался тут концерт из сочинений Глинки в манеже, и сбор предназначался на увеличение капитала для построения ему памятника. Я туда отправился и, прослушав первую часть, направился к выходу, чтобы уйти, но около самого выхода остановился и обернулся, чтобы посмотреть на общий вид манежа. В ту же минуту какой-то распорядитель подошел ко мне и спросил мой билет. «Да ведь я ухожу, и билет мой уже бросил».— «Пожалуйте билет, или потрудитесь заплатить». Я попробовал еще протестовать, как вдруг полицейский подошел ко мне и громким голосом крикнул: «Извольте подчиниться требованиям распорядителя и не заводить скандалов». Я опять начал было протестовать, но полицейский и распорядитель закричали на меня грозными начальственными голосами, как будто я в самом деле имел вид жулика, пробравшегося на даровщинку. Что оставалось делать! Я заплатил и ушел, крайне раздраженный и обиженный этой сценой.

Другой случай. Я шел во втором часу ночи по Варварке с Фитценхагеном от Юргенсона, и мы разговаривали, как вдруг какой-то дворник зычным голосом крикнул нам: «Ну, вы, черти, проваливайте, что вы тут орете на всю улицу!» Когда же я, в свою очередь, крикнул, чтобы он замолчал и не говорил дерзостей, то послышался целый град ругательств, брани, угроз отвести нас в квартал... Я послал Фитценхагена за городовым, чтобы сказать ему, в чем дело, и записать имя дворника, но сей блюститель

порядка принял сторону дворника, и нам не осталось ничего, как со стыдом ретироваться... На другой день я хотел жаловаться, но мне посоветовали оставить это намерение. Конечно, оба эти случая — пустяки, но они дадут Вам понятие о том, как в настоящее время даже самому мирному гражданину тяжело живется в России. Поневоле вздохнешь о странах, где живется свободнее и где подобные случаи немыслимы.

Москва, 20 апреля.

Вчера я получил от племянницы Веры телеграмму из трех слов: «Ландыши расцветают. Вера». К счастию, работа моя приходит к концу, и завтра можно будет уехать в Каменку. Нельзя изобразить, дорогой друг, до чего я счастлив, что могу наконец удалиться от здешней томительной суеты и отдохнуть в деревне, на свободе. Сестра остается еще в Киеве; она будет ожидать конца экзаменов моих племянников. Я буду жить в Каменке пока лишь в обществе Льва Вас[ильевича] и Веры, которая с мужем поселилась там на все время своей беременности, разрешение коей ожидается в конце осени.

Вчера из газет узнал о смерти зятя Льва Васильевича, адмирала Бутакова, который был женат на родной сестре его, Вере Васильевне. Эта смерть очень меня опечалила, так как Бутаков был одна из самых милых личностей на свете. Боюсь, что известие это смертельно огорчит старушку Алекс[андру] Ивановну, мать Льва Вас[ильевича], которой именно теперь нужно полное спокойствие духа, так как на днях предстоит операция снятия катаракта с одного из глаз ее. Бедная слепая старушка! Будет ли она благополучно вынесет эту операцию, если от нее не скроют горя, постигшего любимую дочь ее!

[illegible], 25 апреля.

Вчера отпраздновал день своего рождения в Киеве. Мне минуло сорок два года. Сегодня утром приехал сюда и нашел три письма Ваших, за которые тем более благодарю Вас, дорогая, несравненная, что Вам так трудно дается теперь писание. Ради бога, не стесняйтесь со мной и вовсе не пишите, лишь поручайте от времени до времени Влад[иславу] Альб[ертовичу] давать мне о Вас известия.

Поспешаю ответить на три Ваши вопроса: 1) Анна теперь в Петербурге; 2) адрес гр. Литке: угол Английского проспекта и Офицерской, № 60 и 3) Анна в мае должна вернуться, но, впрочем, с точностью это неизвестно. Она задержана в Петербурге катастрофой, случившейся с ее теткой Бутаковой, сестрой Л[ьва] В[асильевича], потерявшей неожиданно мужа. Чтобы встретиться

Анне в Каменку, нужно, чтобы явился случай ей с кем-нибудь ехать. Когда этот вопрос определится, я поспешу ответить Вам. А пока до свидания, дорогой друг мой!

Ваш навсегда

П. Чайковский.

37. Мекк — Чайковскому

С.-Петербург,
5 мая 1882 г.

Дорогой, безгранично любимый друг! Наконец я добралась до Петербурга, но здоровье мое в продолжение пути и здесь очень дурно; хочется отдохнуть, посидеть на месте.

В Петербурге Коля передал мне Ваше дорогое письмо, за которое премного благодарю Вас, милый друг мой. Узнав из Вашего письма, что Анна Львовна в Петербурге, я не сказала об этом Коле, потому что он готовился сдавать экзамен из русского права, и я боялась помешать успеху, а вчера, когда он явился сообщить мне, что экзамен сдал и получил одиннадцать, я в награду сказала ему, что Анна Львовна в Петербурге. Он пришел в восторг и сейчас же полетел к одному из своих товарищей, родственнику графа Литке, просить его представить Колю графине, но, увы, оказалось, что этот товарищ хотя и родственник, но не бывает в доме у графа Литке. Явиться же прямо одному, не имея на это никакого права, позволения или приглашения, мой бедный юноша никак не может решиться, и потому он просил меня послать Вам телеграмму с просьбою дать ему какое-нибудь поручение к Вашей кузине, милый друг мой, для того, чтобы он мог с ним явиться в дом. Не откажите, дорогой мой, сделать это для нас обоих, т. е. для Коли и для меня.

Сегодня я уезжаю в Москву и прошу Вас, дорогой мой, писать мне туда на почту, до востребования. Я еще сама не знаю своего адреса, а как только узнаю, сообщу Вам.

Я просила дать ответ прямо Коле в Петербург: это для ускорения возможности явиться ему в дом гр. Литке, так как он в большом нетерпении.

P. S. Вот было забыла передать Вам просьбу моего Коли: сообщить мне, когда день именин и рождения Анны Львовны. Не откажите, дорогой мой. А сколько лет точно Анне Львовне? Если Вам неудобно, дорогой мой, дать ему поручение телеграммою, то не можете ли Вы прислать на его имя, с передачею, письмо к графине Литке? Я не знаю, имеете ли Вы адрес моих детей в Петербурге, то повторяю его: Пантелеймоновская, дом № 11, кв. 16.

Погода здесь очень холодная. Все мои, слава богу, здоровы; все мечтают о том, чтобы купить имение. В Москву к моему приезду приедет и моя Саша: она все хлопочет найти мне имение.

Как это ужасно всё, что Вы мне рассказали, друг мой, о Ваших приключениях в Москве. Вы не поверите, с каким страхом я приехала в Россию. В Москве к тому же, как кажется, мне наняли никуда не годную квартиру, так что даже и отдохнуть нельзя будет. Всё это меня очень обескураживает.

Дорогой мой, я Вас попрошу plaider la cause de mon fils Nicolas

près de M-lle Jeanne* в том смысле, чтобы она знала, что Коле неизвестно было о ее приезде в Петербург и чтобы она не могла подумать, что он не спешит ее видеть. До свидания, мой бесценный. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. фон-Мекк.

38. Чайковский — Мекк

Каменка,
5 мая 1882 г.

Милый, дорогой друг!

Полагаю, что письмецо это застанет Вас в Москве и, надеюсь, в добром здоровье. Дай бог, чтобы покупка имения удалась Вам и чтобы Вам удалось свить себе русское теплое гнездышко. Климат подмосковных деревень далеко не соответствует требованиям Вашего здоровья, но зато там множество хорошеньких уголков, и я понимаю, что именно там Вы желаете устроить себе приятное пристанище для лета.

У нас здесь всё погибает от засухи; с 7 марта не было ни одного дождя. Не один раз мне приходило в голову, что хоть и очень жаль, что Вы лишились Браилова, но зато Вы избавлены от тех тяжелых минут, которые теперь переживают все хозяева здешнего края. Лев Вас[ильевич] в отчаянии. Сегодня он даже уезжает в Киев, чтобы не видеть погибающих полей каменских и вербовских.

Я наслаждаюсь, насколько возможно при этом безотрадном состоянии здешней природы, деревенской свободой и тишиной. Живем мы здесь в очень маленьком обществе, т. е. Лев Вас[ильевич], Вера с мужем и я с Модестом. Последний приехал сюда вскоре после меня прямо из Флоренции. Здоровье его очень беспокоит меня. Всю зиму и всю весну в Риме, в Неаполе и во Флоренции он недомогал, а теперь, едва приехал, как пришлось его уложить в постель и даже совершить довольно мучительную операцию — разрезание нарыва, который образовался у него на спине. В скором времени он покидает нас, а в конце месяца мы ждем сюда сестру с остальным семейством.

Дорогая моя! Племянница Анна живет теперь у тетки своей Бутаковой, недавно лишившейся мужа и убитой горем. Она страшно дорожит присутствием любимой племянницы, и бог весть, когда отпустит от себя. Поэтому невозможно сказать теперь, будет ли она в конце месяца и в начале будущего в Каменке. Впрочем,

---

* замолвить словечко за моего сына Николая перед мадемуазель Жанн [Анной]

в течение месяца это обстоятельство разъяснится. В случае, если Анна ко времени, когда Ваши мальчики кончат экзамены, будет еще в Петербурге, не позволите ли Вы, чтобы Коля посетил г-жу Бутакову и повидался с Анной у ней? Если Вам это угодно, то это вполне возможно.

Я еще покамест ничего или почти ничего не делаю. Вероятно, примусь в скором времени за что-нибудь большое, быть может, оперу.

Будьте здоровы, покойны и счастливы, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

39. Мекк — Чайковскому

Москва,
11 мая 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Вот уже пять дней, что я в Москве, но никакого имения себе не нашла. Посылаю осматривать, навожу справки, ищу изо всех сил, но все безуспешно, потому что *такого* имения, как мне надо, не находится, а мне надо, чтобы в имении была *роскошная усадьба*, потому что некуда девать своего движимого имущества, которое и по количеству и по качеству требует роскошного помещения.

Вчера получила Ваше дорогое письмо, за которое премного благодарю Вас, дорогой мой. Что это бедный Модест Ильич расхворался? От души желаю ему самого скорого выздоровления. Я здесь сижу почти без воздуха, потому что Вы знаете, милый друг мой, что у нас в Москве ни гулять, ни кататься не возможно, а квартира у меня отвратительная: тесно, неудобно, неизящно, так что пребывание мое здесь очень неаппетитно.

Ах да, вчера я получила письмо от Коли, в котором он пишет, что получил письмо от Александры Ильиничны с позволением отправиться с визитом к Анне Львовне, чем он сейчас же и воспользовался. Мой юноша в восторге от возможности видеть Анну Львовну, и я прошу Вас, дорогой мой, передать мою искреннейшую благодарность Александре Ильиничне за то, что она вошла в печальное положение моего молодого человека и захотела помочь ему, а он был в большом горе, когда мы и рѣшились послать Вам телеграмму. Ему хотелось ужасно видеть А[нну] Л[ьвовну], но в то же время он никак не мог решиться явиться туда без всякого права и говорит мне: «Ну что, если меня спросят: что Вам угодно? — что я буду отвечать?» И я совершенно понимала его положение и разделяла его нерешительность. Теперь, слава богу, всё это устроилось.

Как мне жаль Льва Васильевича, что он так горюет о своем хозяйстве. Да, Вы правы, милый друг, что мне покойнее, что я продала Браилов[1]. Теперь, когда приходит лето, я очень тоскую о Браилове, но *не жалею* ни одной минуты, что продала его. Говорят, князь Горчаков опять желает продать его с уступкою ста тысяч с цены, которую он мне заплатил, т. е. миллион триста тысяч рублей, но я всё-таки не куплю у него.

Коля был еще у графини Литке; Анна Львовна говорила ему, что,

вероятно, переедет к М-me Бутаковой. Если А[нна] Л[ьвовна] не приедет в начале июня в Каменку, то, вероятно же, приедет в половине или в конце лета, то Коля тогда и поедет в Каменку, так как за границу мы летом едва ли поедем. Только я попрошу Вас, милый друг мой, держать меня в курсе местопребывания Анны Львовны. До свидания, мой несравненный, будьте здоровы. Всею душою безмерно Вас любящая

П. Ф.-Мекк.

P. S. Если Вы будете писать оперу, милый друг, то какой сюжет Вы готовите?

40. Чайковский — Мекк

1882 г. мая 17—18. Каменка.

Каменка, 17 мая.

Дорогой друг! Только из письма Вашего узнал я, что Коля уже виделся с Анной и что у него была по этому поводу переписка с сестрой. Радуюсь, что свидание это состоялось для обоюдного их удовольствия, и дай бог, чтобы теперешняя их взаимная склонность укрепилась, и к тому времени, когда возможно будет осуществление нашей мечты,— чтобы они были не только людьми, внешним образом соединенными узами брака, но чтобы они были и старыми друзьями, сознательно и прочно связанными крепкою связью дружбы.

Сейчас видел старушку, Алекс[андру] Ивановну Давыдову, которой три недели тому назад сделали глазную операцию (снятие катаракта) и к которой до сих пор никого не пускали, так что я видел ее в первый раз после операции. Тяжело ей было вынести и операцию, и еще тяжелее теперь дожидаться в почти постоянной обязательной неподвижности, чтобы оперированный глаз зажил. Но зато какая радость, что эта чудная восьмидесятилетняя старушка после двухлетней полной слепоты снова увидела свет божий, снова будет жить настоящею жизнью. К сожалению, радость эта омрачается мыслью, что, выздоровевши, она должна будет узнать о несчастии ее дочери Бутаковой, лишившейся своего превосходного, добрейшего мужа. Теперь грустную истину скрывают от нее.

18 мая.

Слава богу, теперь хозяйственные дела Каменки и Вербовки спасены. На прошлой неделе выпал хороший дождик, вследствие которого уже давно посеянные, но не взошедшие бураки взошли, а вчера был другой дождь, так что сырости хватит надолго! В этом отношении стало покойно, но бедному моему зятю никогда нет полного покоя вследствие постоянных болезней племянницы Тани.

которая вообще причиняет много горя и тревог всем своим близким своею болезненностью и последствиями этого ужасного морфина, без которого она и дня прожить не может. Сегодня все оставшиеся в Киеве члены семьи должны были приехать в Каменку, но вместо того пришла депеша, в которой сестра моя настоятельно приглашает мужа поскорее ехать в Киев (он сейчас же, бедный, уехал), так как Таня больна, и она теряет голову, не зная, что делать с этой несчастной девушкой, как будто обреченной страдать вечно и вечно заставлять страдать других. Просто в отчаянье приходишь, когда о ней думаешь. Было время, когда семья эта была невозмутимо и безгранично счастлива. Но с тех пор, как выросла Таня и начала прежде томиться о чем-то и о чем-то неопределенно тосковать, а потом отравлять себя этим проклятым ядом,— отлетело от них счастье![1] И болезни сестры моей бедной суть прямой результат тревог, причиняемых Таней.

Простите, дорогая, что вхожу в эти семейные подробности, но ведь я член их семьи, и всё, что у них происходит, отражается и на мне, и я не могу умалчивать перед Вами о моих беспокойствах.

Потрудитесь, дорогой друг, при случае в двух-трех словах написать Ваше мнение о выборе «Мазепы»[2].

Ваш до гроба

П. Чайковский.

41. Мекк — Чайковскому

Красновидово,
20 мая 1882 г.

Милый, бесценный друг мой! Пишу Вам от моего Володи. Здесь так хорошо, местоположение прелестное, зелень такая свежая, сирени цветут и издают аромат восхитительный, соловьи поют у самого балкона, словом, рай земной. Я отдыхаю от душных и гадких комнат московской квартиры, и только забота о покупке имения и неудачи в поисках портят мне мои наслаждения.

На днях я получила письмо от Коли с выражениями самой горячей благодарности к Вам, дорогой мой, за Ваше письмо и телеграмму, в которых Вы явились для него ангелом-спасителем как раз в то время, когда он был в большом горе и не знал, как выйти из него, потому что он был у М-те Бутаковой и не получил приглашения продолжать свои посещения и был в отчаянии, и вдруг, говорит, как с неба падает телеграмма, а потом и письмо от Петра Ильича. Благодарю Вас тысячу раз, мой добрый, несравненный друг, что Вы так воскресили моего бедного юношу. Он теперь в упоении от пребывания Анны Львовны в Петербурге, а я ему все напоминаю об экзаменах. До сих пор, слава богу, идет недурно; из энциклопедии получил двенадцать. Завтра я ожидаю приезда Миши, который сегодня кончает свои экзамены; 25-го приедет Макс, а к 1 июня—Коля и Саша.

Здесь все мои, слава богу, здоровы. Воличка всё такой же милый,

задушевный ребенок. Вчера Володя и Лиза поехали на открытие выставки в Москву[1], завтра вернутся. Хозяйство, усадьба, парк и прочее содержатся у Володи в удивительном порядке и чистоте. У него в имении один только недостаток, это то, что дом не каменный, а маленькая деревянная дача, но и то он теперь отстраивает каменный дом в другом имении, лежащем от Красновидова через реку. Вообще всё другое, как оранжереи, цветники, скотоводство, птицеводство, конный завод, леса,— всё в отличном порядке, вполне в моем вкусе. Я не знаю, заметили ли Вы, милый друг мой, что я очень люблю порядок; я враг всякой беспорядочности, неясности, неопределенности, не могу ни привыкнуть, ни мириться с ними, и в этом отношении мне было очень трудно хозяйничать в Браилове,— там невозможно было завести порядок, до того люди были распущены.

Рука не дает дальше писать. До свидания, дорогой мой, несравненный. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Корреспонденцию прошу Вас, дорогой мой, адресовать в Москву попрежнему на Лубянку, в дом Мосолова. Приедете ли Вы на выставку?

42. Мекк — Чайковскому

Красновидово,
24 мая 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Вчера получила Ваше милое письмо, за которое премного благодарю Вас. Я еще у Володи, но завтра покидаю этот милый уголок, чтобы засесть опять в душной и пыльной Москве, но делаю это для того, чтобы скорее решить что-нибудь в своих делах,— найду ли имение, или придется опять убираться за границу, чего мне вовсе не хотелось бы, так как летом нет необходимости уезжать из России, и мне ужасно хотелось бы отдохнуть от житья в чужой собственности, даже на чужой мебели; это больно, утомительно. До сих пор мне еще ничего не нашлось, хотя человека четыре разъезжают по разным губерниям искать для меня имения, и продается их масса, но это все какие-то разоренные гнезда.

На днях мне привезли Мишу. Экзамены он окончил отлично, последний предмет, арифметику, его даже не спрашивали и без экзамена перевели. Этот субъектик учится очень хорошо. После завтра привезут и Макса.

Как мне жаль бедной Александры Ильиничны. Боже мой, сколько бывает горя с детьми, да и без горя с ними не бывает,— если не [со] своими собственными, то с благоприобретенными. Знаете, милый друг, что мне говорил мой доктор насчет морфина? Что дети у тех барышень, которые принимают морфин, бывают наклонны к помешательству. Какая это ужасная вещь; ведь она себе загораживает дорогу к замужеству, а между тем, это одно могло бы ей поправить жизнь. Господи, чего только не существует на свете для мучения людей!

Как поживают молодые, Анатолий Ильич со своей супругою, где они и довольны ли друг другом? У Вас ли еще Модест Ильич?

Третьего дня я послала Влад[ислава] Альб[ертовича] смотреть три имения разом. Из-за моих дел он также не может заниматься музыкою, а без него и мне обойтись невозможно.

Дорогой мой, должно быть, я не получила одного из Ваших писем. Вы спрашиваете мое мнение о выборе «Мазепы», а я об этом ничего не знаю. Догадываюсь, что, вероятно, Вы выбрали этот сюжет для оперы, и думаю, что это отличный выбор, хотя личность эта очень мрачная, такого характера, который никогда еще не попадал под Ваше перо, но у Вас, милый друг, она наверное выйдет вполне удачно. Напишите мне, пожалуйста, дорогой мой, угадала ли я, для чего Вы выбрали Мазепу, и выведете ли Вы также и Карла XII; этот мне нравится очень,— капитальная натура. Будьте здоровы, мой дорогой, хороший, и не забывайте безгранично Вас любящей

Н. ф.-Мекк.

43. Чайковский — Мекк

1882 г. мая 23—27. Каменка.

Каменка,
23 мая.

Дорогой, милый друг!

У нас вот уже второй день так холодно, что по ночам ожидают морозов и боятся за свекловицу, которая вследствие засухи и поздних посевов только что начинает всходить. Воображаю, как теперь должно быть холодно у Вас! Бедный друг! Могу себе представить, как жительство в несимпатичном помещении, в соединении с холодом, должно быть Вам неспосно. Дай бог, чтобы Вы могли поскорее куда-нибудь уехать! Я лично мало страдаю от холода, ибо если это и отравляет удовольствие прогулки, то зато хорошо сплю, тогда как в жаркое время лета страдаю всегда бессонницей.

Занятия мои идут понемножку; пишу, дело подвигается, но... но всё-таки часто мне приходит в голову, что какая-то для меня самого неосязательная, но несомненная перемена произошла во мне. Нет более той легкости, того наслаждения в работе, благодаря которому для меня незаметно пролетали дни и часы. Утешаю себя тем, что если мои последующие писания будут менее согреты истинным чувством, чем прежние, то зато они выиграют в фактуре, будут обдуманнее, зрелее. Впрочем, надо сказать, что в этом году мне здесь трудно так устроиться, чтобы не мешали моим занятиям. Дети играют и бегают у самых окон моих; с обеих сторон у меня соседи, близость которых стесняет. Когда я сочиняю, то люблю, чтобы ничто и никто не мешал играть, петь, словом, чтобы я чувствовал себя совершенно удаленным от всего остального мира. Теперь, вследствие пребывания здесь беременной племянницы Веры, нам пришлось потесниться, и мне не так свободно, как прежде. Как часто думаю я о Симаках! Вот где мне хорошо писалось бы! Никогда не забуду я счастливых дней, там проведенных.

27 мая.

Опять настала пора жестокой засухи; опять начинают опасаться, что свекловичные плантации погибнут, опять я грущу за бедного Льва Вас[ильевича] и опять радуюсь, что Вы, мой дорогой друг, можете спокойно взирать на враждебность элементов к здешнему хозяйству.

Весьма может статься, что в скором времени я поеду к Модесту и, вероятно, надолго. Во-первых, Модест, которому теперь приходится давать отпор бесконечным интригам, направленным против интересов его питомца со стороны его матери и других родственников Конради, очень зовет меня к себе, а во-вторых, там мне будет удобнее погрузиться в свою работу. Жаль будет мне надолго покидать свое насиженное гнездышко и милых здешних сожителей, но в Каменке вообще трудно всецело отдаться делу (и я никогда здесь не мог писать ничего большого; я только оркестровал здесь сочинения, написанные в другом месте), а в нынешнем году, вследствие тесноты, шума детей, приехавших на вакации и играющих целый день под моими окнами, и разных других причин, я почти не могу вовсе работать. Итак, недели через полторы я, вероятно, уеду недель на шесть, и в свое время извещу Вас, дорогая моя, о своем адресе.

Будьте здоровы, дорогой друг, и дай Вам бог успеха в делах Ваших. Анна писала вчера, что посещения Коли доставляют ей величайшее удовольствие.

Безгранично Вам преданный
П. Чайковский.

44. Чайковский — Мекк

1882 г. мая 29 — июня 3. Каменка. 29 мая.

Действительно, дорогой друг мой, одно из моих писем, то, в котором я сообщал Вам о выборе «Мазепы» для оперы, пропало. Вы спрашиваете меня, дорогая моя, почему я выбрал именно этот сюжет? Это произошло таким образом. Еще год тому назад К. Ю. Давыдов (директор Петерб[ургской] консерв[атории]) прислал мне либретто «Мазепа», переделанное Бурениным из поэмы Пушкина «Полтава»[1]. Мне оно тогда мало понравилось, и хотя я пытался кое-какие сцены положить на музыку, но дело как-то не клеилось, я оставался холоден к сюжету и, наконец, оставил и думать о нем. В течение года я много раз собирался отыскать другой сюжет для оперы, но тщетно. А между тем, хотелось приняться именно за оперу, и вот в один прекрасный

день я перечел либретто, перечел поэму Пушкина, был тронут некоторыми красивыми сценами и стихами и начал со сцены между Марией и Мазепой, которая без изменения перенесена из поэмы в либретто. Хотя я до сих пор еще ни разу не испытал того глубокого авторского наслаждения, которое мне причинял, например, «Евг[ений] Онегин», когда я писал его; хотя вообще сочинение подвигается тихо, и особенного влечения к своим действующим лицам я не имею, но пишу, потому что теперь уже начал, и притом сознаю, что кое-что мне всё-таки удалось. Относительно Карла XII должен разочаровать Вас, друг мой. Его у меня не будет, ибо к драме между Мазепой, Марией и Кочубеем он имеет только косвенное отношение.

Бедный Модест переживает очень трудное время. Сегодня я получил от него отчаянное письмо. Дело в том, что, если помните, покойный Конради развелся с женой, и она совершенно равнодушно перенесла разлуку с детьми своими. Теперь интерес заставляет ее желать получить в свои руки опекунство над детьми и дочку Веру взять к себе. Между тем, Конради оставил завещание, которым он устранил ее, на случай своей смерти, от всякой власти над детьми и их имуществом. Но душеприказчики его, движимые какими-то темными побуждениями, вместо того, чтобы исполнить волю покойного, хлопочут, чтобы завещание *не было утверждено* и чтобы бывшая г-жа Конради была назначена опекуншей. Модест, живущий с детьми в деревне, должен защищать их от разных интриганов-родственников, являющихся, чтобы насильно или хитростью увезти детей. Он исполняет свой долг, ибо, пока не решится, утверждено или не утверждено будет завещание, семейный совет тотчас после смерти Конради положил, что ничего менять нельзя. Теперь же они так нагло хотят нарушить свое же собственное постановление, что Модесту даже пришлось обратиться к предводителю дворянства и просить его защиты. Разумеется, ему теперь пришлось также рассориться с большинством этих родственников, и вообще неприятностей и забот так много, что я боюсь, как бы бедный мой Модя не разболелся. Он и без того все недомогает.

Анатолий на пути к нам.

3 июня.

Я получил о Модесте новые сведения, приведшие меня в немалое уныние. Неприятностей все больше и больше, он совершенно одинок и, будучи болен, потерял голову и зовет меня. Завтра еду туда. Мне кажется, что придется сделать ему операцию, так как у него вследствие нарыва образовалась фистула, а этого запускать не следует. Что касается его положения, то

боюсь, что как ни тяжело, как ни ужасно будет для него разлучиться с Колей, но придется решиться на эту крайность. Все это невыразимо смущает и беспокоит меня. Я уехал бы сейчас же, если б брат Анатолий не приехал сюда только что из Парижа с женой. Повидимому, они счастливы и любят друг друга; жалко только, что она очень слабая и болезненная.

Не знаю, сколько времени останусь с Модестом, но полагаю, что не менее недель двух, и потому прилагаю свой адрес: Полтавская губерния, Константиноградского уезда, ст. Ново-Николаевка, оттуда в Гранкино, П. И. Ч.

Двухнедельный срок я предполагаю на тот случай, что Модесту придется, оправившись от болезни, оставить дом, в коем он живет. Если же все кончится благополучно, т. е. духовное завещание, которым Модест назначен опекуном, будет утверждено и права его воспитанника на оставленное имение не будут от него отняты (чего, повидимому, добивается г-жа Брюллова, мать Коли), то, может быть, я останусь там гораздо дольше. Последнее было бы мне теперь очень кстати, так как, по стечению различных обстоятельств, мне здесь, в Каменке, этим летом буквально нет места. Сестра и зять так бесконечно добры ко мне, что, разумеется, никогда и не намекнут на то, чтобы я уступил свое помещение и перешел в другое, но я чувствую, что это необходимо. Дошло до того, что из-за меня они все теснятся, и Лев Васильевич даже не имеет угла, где бы ему можно было заняться. А мне, как нарочно, теперь нужен для работы простор, спокойствие и отдельность помещения. Очень может быть, что, отчаявшись найти этим летом в России деревенский уголок, где бы ничто мне не мешало отдаться работе, я уеду куда-нибудь в Швейцарию. Увы! Без Алеши мне так неудобно и жутко жить в одиночестве на чужбине.

Будьте здоровы, дорогой, безгранично любимый друг мой.

Ваш П. Чайковский.

45. Чайковский — Мекк

Каменка,
4 июня [1882 г.]

Простите, дорогая моя, за это, может быть, неуместное уведомление, но у меня засела в голову мысль, что июньская бюджетная сумма была Вами послана в виде перевода на банк, в простом письме, которое пропало. Дело в том, что обыкновенно я получал бюджетные суммы раньше срока, а сегодня 4 июня, и посланный, еженедельно ездящий в Смелу за страховой кор-

респонденцией, ничего мне не привез. Потрудитесь, дорогой друг, уведомить, когда было послано письмо с переводом, если таковое было, дабы, в случае пропажи, можно было произвести расследование. В случае же, если Вы не посылали мне еще ничего, то прошу Вас и не посылать до моего уведомления из Гранкина, куда я сегодня еду.

Ради бога, простите, но я очень беспокоюсь о пропаже письма (что нынче беспрестанно случается) и потому решился обратиться к Вам с вопросом.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

46. *Чайковский — Мекк*

1882 г. июня 7—9. Гранкино.

Гранкино.
7 июня 1882 г.

Милый, дорогой друг! Вчера я приехал сюда, в деревню, принадлежащую по наследству от отца воспитаннику Модеста Коле. Ехал я сюда с большим волнением, ибо, во-первых, знал, что брат очень расстроен всеми бывшими здесь неприятностями, во-вторых, боялся, что найду его больным. Однакоже, слава богу, застал его в довольно порядочном состоянии как физически, так и нравственно. Г-жа Брюллова (мать Коли) была здесь. Вооруженная разрешениями и всякого рода официальными подтверждениями ее опекунских прав, она явилась в дом полной хозяйкой и распорядительницей как личности детей, так и их имущества. Дочь она увезла, а сыну позволила в принадлежащем ему имении несколько времени еще прогостить, но с тем, чтобы по первому требованию он явился к ней в Павловск, где она проживает на даче у своего теперешнего мужа. Говорят, что закон на ее стороне. Пусть так, но в таком случае законы официальные не всегда согласны с законами здравого смысла. Она формально развелась с первым мужем и формально отреклась от прав на детей. Покойник, будучи в здравом уме и памяти, распорядился судьбой и имуществом детей так, чтобы она ни в каком случае не вмешивалась ни в их воспитание, ни в распоряжение их имуществом, и, тем не менее, какой-то непостижимо странный закон требует, чтобы воля покойного не была уважена ни в чем. И теперь еще, в довершение всего, она требует, чтобы дети ее вошли в чуждое им семейство ее теперешнего мужа! Бедный Коля, любящий до страсти свою деревню, хотел бы жить большую часть года у себя, но закон требует, чтобы он жил у г. Брюллова, которого он инстинктивно ненавидел прежде, а теперь ненавидит сознательно как виновника разлада

между родителями. Все это нахожу очень несправедливым и очень возмутительным. Еще если б в данном случае мать была бы, по крайней мере, действительно любящей и нежной матерью, но в том-то и дело, что ею руководит исключительно интерес.

Здоровье Модеста требует, чтобы он принял некоторые серьезные меры, но я ожидал худшего и очень был обрадован, увидев его на ногах и довольно бодрым. Через несколько времени я хочу, однакоже, свезти его в Харьков, чтобы посоветоваться с хорошим доктором.

Гранкино не имеет никаких особенных прелестей. Это крошечный оазис среди бесконечной степи. Сад недурен, но очень еще молод. Лесу нет кругом на расстоянии сотен верст. Но зато здесь тихо до того, что даже днем ни единый звук, кроме шелеста листвы, не нарушает тишины. После каменского многолюдства и суеты мне очень приятно было очутиться в деревенском уединении. Купанье есть довольно изрядное. Заниматься будет очень удобно.

Покойный Конради похоронен в саду, близко от дома. Это придает усадьбе несколько грустный характер. Я останусь здесь, вероятно, недели три.

В день моего отъезда я получил (Вы, вероятно, очень этому удивитесь, дорогая моя) от Вас две телеграммы, в которых Вы меня просите телеграфировать Коле насчет посещения гр. Литке. В первую минуту я никак не мог понять, что все это значит. Но когда стал внимательно их просматривать, то оказалось, что это телеграммы, отправленные Вами еще 5 мая, но адресованные в Смелу. Помню, что тогда в письме Вашем, где Вы поручали мне устроить свидание Коли с Анной, Вы упоминали о посланной мне телеграмме, которую я, однакоже, тогда не получил, и думал, что Вы почему-либо решили не посылать депеши и ограничиться письмом. Теперь вижу, что Вы мне телеграфировали, но не в Каменку, а в Смелу, где на телеграфе не знают о моем существовании, и поэтому телеграммы пропутешествовали целый месяц, прежде чем дошли до меня. Недоразумение произошло оттого, милый друг, что, когда Вы в прошлом году проживали за границей, я на случай надобности просил Вас адресовать депеши в Смелу, для пересылки в Каменку. Дело в том, что телеграммы на иностранных языках в Каменку не принимаются. Находясь же в России, нужно адресовать депеши так же, как и простые письма, в Каменку прямо.

9 июня.

Мне чрезвычайно нравится здешняя тишина и приволье. Вот настоящая деревенская жизнь. Я уже начал заниматься и надеюсь,

что здесь дело пойдет у меня быстро и хорошо. Прогулки здешние чрезвычайно однообразны: кроме бесконечной ровной степи ничего нет. Сад будет большой и великолепный, но он еще очень молод. Но степь так хороша вечером или под вечер, воздух так чист, что я на это не жалуюсь. Почта ходит сюда раз в неделю, газет не получается, и потому живешь в совершенной изолированности от всего мира, и это имеет для меня много прелести. Подчас я испытываю здесь, только в бесконечно меньшей степени, те ощущения полного довольства, которые в такой сильной степени и так постоянно испытывал, когда живал в Браилове и особенно в Симаках. Боже мой, как тяжко подумать, что уже никогда, никогда не повторятся эти полосы столь невыразимого блаженства и счастия!

Боюсь, что, пожалуй, письмо из Каменки, в коем я сообщил мой адрес, не дошло, и поэтому еще раз прилагаю его.

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

Адрес: Полтавской губ., Константиноградского уезда, почт. ст. Ново-Николаевка, оттуда в Граникино, П. И. Ч.

47. Чайковский — Мекк

Граникино,
16 июня 1882 г.

Дорогая моя! Я получил Ваше письмо из Плещеева еще четыре дня тому назад, но не мог отвечать раньше потому, что почта отсюда ходит только два раза в неделю[1]. Как Вы можете, милый друг, просить у меня извинения? Напротив, я на коленях должен просить у Вас прощения за беспокойство — и в какое время! Как раз, когда Вы были в суете переездов и водворения. Но дело в том, что, привыкши получать от Вас бюджетную сумму всегда приблизительно двумя неделями раньше, а в то же время зная, как часто стали теперь не доходить письма, я вообразил, что Вы мне прислали в простом письме перевод, и испугался. Прошу Вас убедительно, дорогой друг, простить меня за то, что я причинил Вам всё это беспокойство. Я уезжал тогда из Каменки, не знал, что предпринять для разъяснения недоумений моих и не нашел другого способа, как прямо спросить Вас.

Так как я не знаю наверное, сколько еще дней пробуду здесь, ибо и положение самого Модеста таково, что, может быть,

не сегодня — завтра ему придется ехать в Петербург по делам, то попрошу Вас, дорогая моя, бюджетную сумму послать в Каменку, где приблизительно дней через десять я, наверное почти, буду, а если письмо придет и раньше меня, то это ничего. Мне по некоторым причинам удобнее получить перевод, но если это составляет хоть малейшее затруднение, то пожалуйста пришлите бумажки. Всякие непростые письма нужно адресовать в Смелу. Еще по этому поводу не могу не прибавить следующее. Весьма может быть, что по случаю покупки имения и обзаведения Вам так много нужно наличных денег, что даже и моя бюджетная сумма стесняет Вас. Знайте, дорогая моя, что для меня совершенно убийственна мысль, что из-за меня Вы хоть одну минуту испытаете затруднение. Я могу ждать сколько угодно. И вообще для меня в бесконечной степени легче перенести всякое лишение, чем смущаться мыслью, что Вы из-за меня потерпите хотя бы малейшее стеснение. Ради бога, поступайте в отношении меня, как с другом, столь крепко и беззаветно Вам преданным и так любящим Вас, что для меня Ваше полное спокойствие и благосостояние есть необходимое условие моего спокойствия и счастия.

Пишу Вам совершенно больной; вчера целый день пролежал. Не знаю, чему приписать мое нездоровье; думаю, что простудился, купаясь. Однако жар проходит, и завтра надеюсь совсем оправиться. По получении сего письмеца, не пишите мне более сюда, а в Каменку.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Как я рад, что у Вас теперь есть гнездышко!

48. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
24 июня 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Спешу написать Вам несколько слов и послать перевод через моих мальчиков, которые едут в Каменку через два часа. Благодарю Вас бесконечно, мой бесценный друг, за то, что Вы не сердитесь на меня за мою непростительную забывчивость.

Коля и Сашок, в особенности, конечно, Коля, выпросили у меня позволение ехать скорее в Каменку. Коля влюблен по уши и недавно был в отчаянии до слез: Анна Львовна проехала в Москве и обратилась к нему с поручением, согласно его же просьбе, о вагоне, а он в это время был в Плещееве и получил записку Анны Львовны через несколько дней после ее проезда в Москве, и я Вас попрошу очень, очень, милый друг мой, оказать моему бедному юноше заступничество перед А[нной] Л[ьвовной], чтобы оправдать его в этой неисправности,

потому что он был в ужасном горе. Если Вы будете в Каменке во время их пребывания там, то я надеюсь, дорогой мой, что, конечно, Вы не только не будете стесняться видеть их, но если и без этого их присутствие там надоест Вам, то Вы скажете им, чтобы они уезжали. А для того, чтобы никого не ставить в затруднение передать им Ваше поручение, будьте так добры, напишите им на клочке бумаги, что, мол, милые люди, пора Вам уезжать. Пожалуйста, не церемоньтесь с ними, дорогой мой. Вы этим очень меня успокоите.

Благодарю Вас очень, добрый мой друг, за выраженное Вами удовольствие в том, что я имею опять гнездышко, и скажу Вам с особенною радостью, что это прелестный уголок. Как бы я желала, мой дорогой, чтобы Вы осветили мне это гнездышко Вашим посещением ему и чтобы оно Вам понравилось,— тогда я бы окончательно полюбила его. Не знаю еще сама, как бы, в какое время это приладить, но хотелось бы мне этого очень, очень.

Вчера от меня уехала моя Саша. Она заезжала ко мне на два дня проездом в Москву, куда ей предписал доктор немедленно переехать, потому что в ее беременности явился симптом, требующий постоянного наблюдения доктора, и она поселилась в Сокольниках на моей даче.

Бедный Модест Ильич, как гадко с ним поступают. Я не знаю, милый друг мой, кто Вам сказал, что закон за мать Коли? При данных обстоятельствах, что мать развелась с их отцом, предоставила ему детей, а себе приобрела другого мужа, она не может иметь на них обыкновенных прав матери, она лишилась их и уже ни в каком случае не может отменить волю их отца, который именно сохранил права над детьми. Не верьте, милый друг, тем, которые Вам говорят о ее правах по закону; этот закон относится к матерям вообще, а она составляет исключение и уже никак не может опираться на этот закон. Пусть Модест Ильич не дает ей Колю,— жаль ведь бедного мальчика.

У нас второй день плохая погода.

Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

49. Чайковский — Мекк

Гранкино,
24 июня [1882 г.]

Я все еще здесь, дорогая моя! Мне бы совсем хорошо было здесь, по крайней мере, совершенно покойно и удобно для занятий, но меня сокрушает Модест. Кроме того обстоятельства, что у него образовалась фистула и что необходимо будет сделать операцию, меня вообще смущает его худоба, слабость, болезненность. Все перенесенные им от матери его воспитанника и ее приспешников неприятности имели на него подавляющее влияние. Подобно мне, он совершенно не умеет спокойно и философски взирать на проявления всякого рода неправды, слишком волнуется, раздражается и теряется. Читая недавно полученное от

душеприказчика покойного Конради письмо, в котором тот, движимый какими-то непонятными побуждениями, требует от Модеста, чтобы он вместе с ним нарушил волю завещателя в ущерб детям, но на пользу г-жи Брюлловой (матери), Модест побледнел, как скатерть, и едва не лишился чувств и потом целый день проболел. Чтобы все это покончить, ему необходимо поехать в Петербург и так или иначе уяснить дело и определить свое положение. Я не могу решиться пустить его одного, и как мне это ни тяжело, но провожу его до Петербурга и в первое время хочу быть около него до тех пор, пока он не успокоится и не решит, расставаться ему с Колей, или оставаться при нем. Не знаю еще, когда мы предпримем эту поездку, но думаю, что в начале июля. Между тем, мне и в Каменку нужно заехать, так как меня ожидают там письма, и в том числе Ваше. Не знаю, как все это устроится, но прошу Вас, дорогая моя, не трудиться писать мне до тех пор, пока я не напишу Вам чего-нибудь решительного. Завтра придет почта, и я надеюсь получить от Вас какое-нибудь известие. Мне так интересно знать, как Вы устроились на новом пепелище, нравится ли Вам оно и какие Ваши планы, т. е. долго ли останетесь в Плещееве.

Из Каменки имею очень мало известий. Знаю только, что сестра со своей спутницей уехала уже в Карлсбад, перед отъездом пролежавши, однако, дня три в постели. Я очень рад, что она, наконец, в Карлсбаде; эти воды одни только могут поддержать и даже совершенно исцелить ее. Пишут мне, что после бесконечной засухи теперь в Каменке другая крайность: дожди и грозы, из коих одна побила градом несколько сот десятин пшеницы. Здесь я воочию узнал, что за ужасное бедствие х л е б н ы й ж у к, которого, слава богу, в Каменке еще не знают. Это хуже серого жука, уничтожающего свекловицу. Работаю я насколько возможно усердно; теперь опера подвинулась настолько, что, если останусь жив и здоров, осенью начну инструментовку.

Будьте здоровы, дорогой друг.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

50. Чайковский — Мекк

Граникио,
26 июня [1882 г.]

Дорогой друг! Пишу Вам лишь несколько слов. Модесту приходится продлить здесь свое пребывание вследствие разных причин, а так как я не могу его оставить, то и я здесь останусь

еще довольно долго, а потому прошу Вас, в случае, если Вам угодно будет написать мне, адресовать попрежнему. Если же Вы уже писали мне в Каменку, то письмо мне перешлют сюда.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

Надеюсь, что Вы здоровы и довольны своим новым местопребыванием.

51. Чайковский — Мекк

Гранкино,
30 июня [1882 г.]

Милый, дорогой, бесценный друг! Я очень соскучился, так давно не имея от Вас известий; думаю, что Вы писали мне один раз в Каменку, и надеюсь, что с завтрашней почтой получу его.

Третьего дня я был в большом волнении. Модесту сделали довольно серьезную и мучительную операцию. Совершена она уездным молодым врачом, не внушавшим мне никакого доверия, но так как нельзя было откладывать дела, то пришлось обратиться к нему. Не знаю, хорошо ли он сделал то, что было нужно, но надеюсь, что недаром бедному брату пришлось вытерпеть резню. Дня через три или четыре мы узнаем, каковы результаты операции и можно ли считать Модеста окончательно вылечившимся.

Теперь стоят здесь такие жары, каких давно не приходилось мне испытывать, и, как всегда в подобных случаях, я чувствую себя нехорошо и, главное, сплю очень плохо. Тем не менее, пребывание в Гранкине мне приятно. Степь так хороша под вечер и рано утром! Воздух здесь в сравнении с каменским так чист, и, потом, я так люблю настоящее деревенское захолустье, столь глухое, что точно будто находишься в какой-то первобытной стране.

Из Каменки имею очень редкие известия, но, кажется, там все благополучно в доме. Зато в хозяйстве случилась невзгода: град, побивший двести пятьдесят десятин пшеницы. О сестре моей знаю только, что она уже в Карлсбаде и начала лечение.

Работаю очень усердно и аккуратно. Мало-помалу у меня появилось если не пылкое увлечение к моему сюжету, то, по крайней мере, теплое отношение к действующим лицам. Как мать, которая тем более любит ребенка, чем более он причинил ей забот, тревог и волнений, я уже испытываю отеческую нежность к новому своему музыкальному чаду, столько раз причинявшему

мне тяжелые минуты разочарования в себе самом, и почти до отчаяния, а теперь, несмотря на всё это, уже порядочно и здорово растущему.

Будьте здоровы, дорогая.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

52. *Мекк — Чайковскому*

Плещеево,
5 июля 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Как мне больно, как тяжело, что я не могу, как прежде, в более счастливое время для меня, писать Вам часто и длинные письма, но рука моя в таком состоянии, что я после каждых двух строчек должна ей давать отойти, и я с горем убеждаюсь, что потеряю ее совсем. Никакие средства не помогают, и она приходит всё в худшее и худшее состояние. И самое горькое для меня в этом положении будет лишение возможности беседовать с Вами, мой дорогой, единственный друг. С Вами я отводила душу, отдыхала, вознаграждала себя за много, много горя, которое имею в жизни, и потерять это единственное утешение — очень больно и обидно.

Я написала Вам в Каменку, милый друг мой, через Колю и Сашу, которые уехали туда неделю назад. В письме я послала и перевод Вам на бюджетную сумму, и немножко боюсь, чтобы письмо это не затерялось в Каменке без Александры Ильиничны.

Мальчикам моим чрезвычайно весело в Каменке. Коле не хочется уезжать. Я отсрочила им отъезд оттуда до четверга, 8 июля. Коля пишет мне, что Вас ждали в Каменке очень нетерпеливо. Бедный Модест Ильич, как мне жаль его. Я ужасно боюсь всяких операций; дай господи, чтобы он поправился как можно скорее и вполне.

У меня очень хорошо, и я ужасно желала бы показать Вам мой новый уголок. Я с каждым днем всё более и более привязываюсь к нему; это не грандиозно, как Браилов, но чрезвычайно милый, изящный и в высшей степени благоустроенный уголок, а я это ужасно люблю. Природа прелестная, растительность густая, роскошная, река чистая, глубокая, одним словом, прелесть как хорошо. Саша прозвала Плещеево le petit Trianon, но я нахожу, что оно красивее Trianon, потому что местоположение лучше.

Мы уже начинаем входить в колею обыкновенной жизни. В Каменку я писала Вам о моей Саше и дурном состоянии ее беременности, вследствие которого она поселилась в Сокольниках на моей даче, чтобы быть на глазах у акушера, а теперь, в прошлое воскресенье, она разрешилась опять сыном (это уже четвертый) на седьмом месяце. Ребенок жив, но, конечно, с ним очень много хлопот. Саша, слава богу, чувствует себя хорошо.

Вы, вероятно, читали в газетах, милый друг мой, об ужасном несчастии на Московско-Курской дороге, где погибло около ста человек[1]. Это ужасно — эти железные дороги. Читали ли Вы также о смерти Скобелева? Мне очень жаль его; придет война с Пруссией, и его будет очень недоставать. В Москве в день его смерти сильно распространился слух, что его отравили немцы, но потом разъяснилось, и теперь говорят, что он умер от кутежа[2].

У нас также очень жарко: от тридцати пяти до тридцати семи градусов на солнце.

Как меня интересует Ваша новая опера, дорогой мой. Это еще первый опыт Ваш в такой личности, как Мазепа. Я очень радуюсь, что Вы наконец увлекаетесь Вашей работой. Очень должно быть скучно творить что-нибудь без любви к предмету, и я боялась, что выйдет холодно, но теперь я спокойна.

До свидания, бесценный, дорогой мой друг. Будьте здоровы и спокойны. Горячо всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

53. Чайковский — Мекк

Гранкино,
5 июля 1882 г.

Дорогой, милый друг! Вот уже месяц, что я не имею от Вас никакого известия и, признаюсь, начинаю грустить и беспокоиться. Впрочем, я, конечно, сам виноват, ибо просил Вас писать в Каменку, а между тем, сижу все еще здесь. Вероятно, завтра почта привезет мне всё, адресованное в Каменку, и в том числе весточку от Вас, дорогая моя. Но нет худа без добра. Никогда так сильно я не чувствую, как горячо люблю Вас, как мне дорого Ваше спокойствие и счастие, как когда долго остаюсь без известий о Вас, и сознание живости и силы этого чувства отрадно мне.

Здесь у нас всё идет довольно благополучно, т. е. Модест после своей операции поправляется, живем тихо, однообразно, я работаю довольно успешно. Дни за днями уходят, оставляя за собой приятное сознание, что время не пропало. О Петербурге мы и не думаем. Опекуны Коли и во главе их мать его как будто забыли и о нем и о его воспитателе. Денег на дорогу и на содержание вовсе не посылают, даже жалование, заработанное Модестом за несколько месяцев, не выдают ему, и, таким образом, мы продолжаем поживать здесь в неизвестности, как и что будет далее. Конечно, Модесту нужно поехать в Петербург, нужно хотя бы и ценой тяжелой борьбы завоевать себе свободу и обеспеченность его питомца, но так как ехать нельзя, то поневоле приходится благодушествовать в мирном деревенском захолустье. Я рад, что приехал сюда. Без меня Модест, мой бедный, очень бы тосковал и страдал нравственно ввиду щекотливости его положения, неизвестности, страха всяческих интриг и недобросовестных поступков со стороны тех, кто, под предлогом заботливости о благосостоянии сирот, хочет эксплоатировать добро их... Я бы мог кое-что порассказать Вам про этих поистине презренных людей, да не стоит тратить время и без пользы расстраивать себя.

О смерти Скобелева мы узнали здесь только через неделю после плачевной катастрофы. Давно уже я не был поражен чьей-нибудь смертью так сильно, как в этот раз. При горестном безлюдье, коим страдает Россия, каково лишиться той личности, на которой сосредоточивалась любовь целого народа, на которой было основано столько надежд! Как капризно и взбалмошно выбирает смерть свои жертвы!

На этой неделе я надеюсь вчерне окончить второе действие оперы; засим останется написать еще целое большое действие в трех картинах. Надеюсь окончить этот труд к началу осени, а там уеду в какой-нибудь заграничный мирный уголок, например, в Clarens, и примусь за инструментовку.

Будьте здоровы, дорогая.

Безгранично Вам преданный
П. Чайковский.

54. *Чайковский — Мекк*

1882 г. июля 12—13. Гранкино.

Гранкино,
12 июля 1882 г.

Милый, дорогой друг! Получил я письмо Ваше, привезенное Колей в Каменку и высланное мне оттуда сюда. Благодарю Вас, милый друг, как за самое письмо, так и за вложенный в него перевод. Несказанно радуюсь тому, что Плещеево Вам нравится и что, наконец, Вы имеете в России уголок, благодаря которому у Вас есть теперь почва под ногами. Я так хорошо понимаю, как после продажи Браилова и московского дома Вам дико, странно и болезненно-неприятно было очутиться на родине в качестве гостьи и даже жить в меблированных комнатах. Я теперь покоен за Вас. Нечего и говорить, что буду до крайности доволен и счастлив, если окажется возможность мне погостить в Плещееве, и заранее знаю, что оно должно мне очень понравиться.

Как я рад, что Коля и Саша погостили в Каменке и что им там не было скучно. Лев Вас[ильевич] пишет мне, что они все, со своей стороны, были очень рады принимать этих милых гостей.

А я, милый друг, до сих пор всё еще не знаю, куда отсюда поеду и когда. Модест опять нездоров. После операции все шло хорошо две недели, а теперь опять у него открылась боль, опять пришлось посылать за доктором, и, бог знает, когда он настолько поправится, что в состоянии будет ехать. Как мне ни тяжело будет долго оставаться без известий о Вас, но и сегодня я еще не могу дать Вам какого-либо точного адреса, ибо все-таки не знаю, поеду ли с Модестом в Петербург или в Каменку.

Вернее, однакоже, что провожу Модеста, дождусь, пока его дела устроятся и он будет покойнее, а потом уж надолго в Каменку. В последнее время я предаюсь поневоле меланхолии. Постоянное нездоровье брата, щекотливое его положение, неизвестность, наконец, и слишком безотрадно плоская степь, среди которой живу вот уже полтора месяца,— все это начинает отравлять мое пребывание, и в глубине души я буду счастлив уехать, хотя предпочел бы по этой жаре не предпринимать дальнего петербургского пути, а ехать прямо в Каменку.

13 июля.

Пишу Вам, дорогая моя, в самом адском состоянии духа. Брату гораздо хуже. Кроме местных страданий от фистулы, у него жар и вообще отвратительное состояние. Бедный Модест! Вот уже несколько месяцев, что он постоянно болен.

Об чем я не могу думать без боли в сердце, так это о Вашей больной руке. Друг мой, умоляю Вас относительно переписки со мной считать себя нисколько не обязанной отвечать мне на мои письма. Ведь я могу всегда от Влад[ислава] Альб[ертовича] получить сведения о Вас! Как это ни грустно, но я лучше готов вовсе лишиться писем, написанных Вашей собственной рукой, чем при каждом Вашем письме мучиться мыслью, что Вы утомляли писанием Вашу больную руку.

Сегодня я окончил вторую треть оперы, т. е. одно из трех действий. Я мечтаю, дорогая моя, окончивши черновые эскизы оперы и повидавши всех, кого нужно в России, отправиться в Италию позднею осенью и там во Флоренции или Риме устроиться на несколько времени удобно в отношении работы (т. е. так, чтобы никакая музыка и никакой шум соседей не мешал), засесть за инструментовку оперы, а весной сдать ее в театральную дирекцию. Только не знаю, в случае, если Модест поселится на зиму в Петербурге, как сделать, чтоб не быть совершенно одному. Вероятно, придется нанять какого-нибудь русского слугу.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай Вам бог хорошенько отдыхать и наслаждаться Вашим милым Petit Trianon.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

55. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
13 июля 1882 г.

Милый, дорогой друг! Вчера получила Ваше письмо. Глубоко благодарю Вас, мой милый, несравненный, за всё выраженное в нем. Ваша

дружба есть свет и теплота моей жизни. Да вознаградит Вас бог за всё добро, которое Вы мне делаете.

Как мне жаль бедного Модеста Ильича, какое отвратительное положение неизвестности, неопределенности и зависимости от чужого произвола. Но знаете, милый друг мой, я недавно спрашивала моего поверенного по делам, Островского, насчет прав этой матери по закону, как Вам говорили, и он говорит, что она никаких прав ни на детей, ни на их имущество не имеет, раз она развелась с их отцом и вышла за другого. Так пусть Модест Ильич действует против ее прав по законам, и это будет правильнее.

Радуюсь я безмерно, что Ваши занятия идут успешно, что опера подвигается вперед. Она меня до крайности интересует. Знаете ли Вы, милый друг мой, попури, сделанное Пабстом на Вашего «Евгения Онегина»? Говорят, очень талантливая работа.

Моя Саша третьего дня приехала ко мне, а вчера ее новорожденному сделалось нехорошо, и она опять уехала в Москву к доктору, а трех старших детей оставила у меня. Ее маленького назвали Адамом, потому что один из предков графа Бенингсена носил это имя; в сокращении его зовут Адя.

Вообразите, милый друг мой, что я до сих пор не была на выставке. Чувствую, что надо съездить, но из деревни всегда так не хочется ехать в Москву, что я всё откладываю.

Мои мальчики в таком восторге от каменских жителей, что совсем и возвращаться не хотят, всё просят отсрочек. Последнюю я дала по желанию Льва Васильевича, от которого получила телеграмму о том, чтобы позволить им остаться еще, после уже раз сделанной отсрочки. Я, конечно, ответила искреннею благодарностью и разрешением остаться еще до сегодняшнего дня. Коля влюблен уже выше ушей. Одно из своих писем из Каменки он начинает следующими словами: «Дорогая мамочка, участь моя решена: или Анна Львовна, или никто!» А я его всё понемножку стараюсь сдерживать, чтобы курс окончил. Сашонку также ужасно нравится в Каменке. Петр Ильич, вот было бы хорошо, если бы мне двух из Ваших барышень приобрести в свое семейство: А[нну] Л[ьвовну] для Коли, а Наташу для Саши. Какого Вы мнения, мой друг, о таком родстве для браков? Я не признаю здесь никакого родства, вообще я ужасно не люблю браков в родстве, т. е. кровосмешения; и в нравственном и в физиологическом отношениях они мне в высшей степени антипатичны, но здесь нет никакого кровосмешения.

Рука моя совсем одеревянела, и я должна кончить. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем горячо и неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

56. *Чайковский — Мекк*

Граикино,
20 июля [1882 г.]

Премного благодарю Вас, дорогой друг, за письмо Ваше от 13-го. Только мысль о том, что письмо это утомило больную руку Вашу, несколько испортила удовольствие, им доставленное. Прошу Вас убедительно ограничиваться в письмах Ваших ко мне

несколькими строчками, дабы радость моя при получении известий от Вас была всегда полная.

Вы спрашиваете, милый друг, какого я мнения насчет того брака, который Вы предполагаете между Сашей и Наташей. Само собою разумеется, что сочетание двух родных братьев с двумя родными сестрами не заключает в себе ровно ничего предосудительного и ничего не имеет общего с так называемым кровосмешением. Но я не знаю, как к подобным бракам относится наш закон и считается ли это дозволенным. По поводу мысли Вашей соединить Сашу с Тасей я скажу Вам откровенно приблизительно то же, что говорил еще три года тому назад, когда между Вами и мной шла речь о Тасе, как о будущей возможной супруге для Коли. Я смело готов дать руку на отсечение в залог того, что Анна — хорошая, умная девушка, способная сделать счастливым Колю. Но далеко я не уверен в том, что Тася желательна, как подруга жизни для Саши. Саша Ваш — натура тонкая, нежная, артистическая, нуждающаяся в нежном сочувствии, в подруге, способной отзываться на все его духовные потребности, которые, сколько можно судить по всему, что я знаю о Саше, будут многосложны и глубоки. Про Тасю я могу хорошего сказать только одно: у нее, в сущности, очень доброе сердце, но именно в сущности, так как в домашнем быту своем, в обхождении с членами семьи и в особенности с прислугой, она не выказывает добросердечия. Нужно ее хорошо знать, чтобы быть уверенным, что когда-нибудь хорошие качества сердца ее будут высказываться более решительно. Еще одна хорошая черта в ней сказывалась всегда очень решительно: она очень добросовестна в исполнении своих учебных обязанностей, очень прилежна и старательна. Но рядом с этими хорошими качествами у нее такая масса весьма серьезных недостатков, что я решительно не беру на себя рекомендовать ее Вам как особу, достойную быть женой Саши. Разумеется, она еще девочка; всё это может отчасти сгладиться, отчасти измениться. В настоящее же время эта девочка смущает нас всех неровностью своего нрава, резкостью своих суждений о людях и склонностью к злоречию, отсутствием простоты и естественности в обхождении с чужими, какою-то фанаберией аристократизма, которой, бог весть, откуда она набралась, высокомерием и даже подчас жестокостью по отношению к низшим, отсутствием всяких серьезных стремлений к каким-либо идеалам. В ходе ее воспитания была сделана большая и теперь непоправимая ошибка. Никому так не нужна была дисциплина хорошо организованной школы, как ей, и если б сестра оставила бы ее три года тому назад в Annenschule или отдала бы ее в институт, быть может, она была бы теперь совсем другим человеком.

Вы не можете сомневаться, милый, дорогой мой друг, в моем желании, чтобы Тася сделалась женой такого превосходного юноши, как Саша, но я считаю долгом высказаться Вам откровенно относительно этого плана. Положа руку на сердце, я должен Вам сказать, что Тася в том виде, как она есть теперь, не сулит ничего особенного для счастья своего будущего мужа, но я не могу ручаться за то, что она не изменится. Такие коренные перевороты в женских натурах возможны, и я не поручусь за то, что через два или три года не буду энергически рекомендовать вам Тасю в belle-fille*. Но покамест могу ограничиться только желанием, чтобы мысль Ваша осуществилась и чтобы Саша сделался близок семье, которую я люблю, как бы сам был ее членом. Пусть этот вопрос остается покамест открытым; со временем увидим, насколько возможно будет осуществление мысли Вашей.

Здоровье Модеста продолжает быть мало утешительным. Мы решили подождать до конца этой недели и, смотря по тому, как он будет себя чувствовать, выедем в воскресенье—или все вместе в Каменку, или же они поедут в Москву, а я в Каменку, где мне, во всяком случае, необходимо быть. Из Каменки я поеду в Киев, где должен получить из банка бюджетную сумму и устроить все мои финансовые дела, а потом я или снова возвращусь в Каменку, чтобы засесть за работу и окончить вчерне всю оперу, или же поеду в Москву и Петербург, смотря по тому, будет ли Модест во мне нуждаться в Петербурге, или нет. Итак, адрес мой покамест: Каменка.

Про брата Анатолия сообщу Вам, что жена его беременна. Его это радует, но, как вижу из писем его, ее — нет. Анатолий огорчен тем, что она недовольна своей беременностью, и боится, чтобы это не было признаком отсутствия серьезности и нежных материнских инстинктов. Бог знает! Я недостаточно хорошо ее знаю, чтобы понять, в чем тут дело, но признаюсь, что и меня это пугает.

Будьте здоровы, дорогая.

Безгранично Вам преданный
П. Чайковский.

Что бы Влад[иславу] ** Альб[ертовичу] когда-нибудь мне написать? Что он поделывает? Как чувствует себя Юлия Карловна? Что хорошенькая барышня Софья Карловна и нансимпатичнейшая Милочка? На все эти вопросы прошу ответа не от Вас, а от В[ладислава] А[льбертовича], если он вздумает написать.

---

* невестки
** *В подлиннике ошибочно:* Стан[иславу]

57. *Мекк — Чайковскому*

Плещеево,
[illegible] июля 1882 г.

Милый, бесценный друг! Пишу Вам наудачу и потому коротенькое письмецо; не знаю, найдет ли оно Вас в Гранкине, или ему суждено будет затеряться в поисках за Вами.

Мои мальчики вернулись из Каменки очарованные донельзя. Даже Сашок вышел из своей английской respectability *, совсем оживился, и оба теперь только и мечтают, как бы второй раз поехать в Каменку. Лев Васильевич был так любезен, что пригласил их приехать еще, когда Александра Ильинична вернется, и они ждут не дождутся известия об этом. Я не знаю, как и благодарить Льва Васильевича за его ласки и снисхождение к моим юношам. Я так рада этому знакомству для моих сыновей. Я не помню, дорогой мой, писала ли я Вам о моей мечте д в о й н о г о способа нам породниться — посредством соединения Коли с Анною и Сашонка с Тасею? Как бы это было хорошо; напишите, милый друг, мне Ваше мнение об этом.

Вообразите, дорогой мой, что у меня до сих пор нет Вашего T r i o в четыре руки. Я ужасно сердита на этого противного Юргенсона, что он до сих пор не напечатал его; как это нехорошо с его стороны. Я теперь в неделю по три раза посылаю к нему спросить, не готово ли, и всё получаю в ответ, что еще нет; ужасная досада!

Как меня интересует Ваша новая опера, милый друг мой, хотя вообще я о п е р ы недолюбливаю и всегда предпочитаю им с и м ф о н и и, даже п р о г р а м м н ы е, а больше всего я люблю с в о б о д н ы е симфонии, потому что при них и я свободна чувствовать, что мне угодно, а ведь музыка, как с в о б о д н о е и с к у с с т в о, и должна предоставлять эту с в о б о д у не одному автору, но и слушателю.

Но вот уж я как попала на музыку, так забываю и время, и расстояние, и свои намерения, и свою больную руку, словом, в е с ь м и р, кроме того, что составляет м о й мир, мою жизнь, мое всё, потому что это в с ё не зависит ни от кого и есть — музыка. Каждый день, когда я гуляю в своем прелестном, тенистом парке, я думаю о Вас, мой милый друг, и мне ужасно хочется показать Вам мой изящный уголок. У меня здесь всё миниатюрно, но это такой хорошенький, грациозный миниатюрчик, что не налюбуешься на него. Здесь премилая природа, и меня несказанно радует то, что на севере России в о з м о ж н о жить летом.

Будьте здоровы, мой дорогой, дай бог Вам скорее успокоиться насчет Модеста Ильича и прожить хорошо остаток лета. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

58. *Чайковский — Мекк*

Каменка,
27 июля 1882 г.

Дорогой, милый друг!

Вчера я приехал в Каменку вместе с братом Модестом и его воспитанником. На первых порах пришлось испытать сильнейшее

---

* чопорности

огорчение и тревогу, хотя, к счастью, теперь начинаем все успокаиваться. За три дня до моего приезда племянник мой Володя, мой любимец, чудный ребенок, упал с крыши большого недостроенного дома и только каким-то чудом не умер на месте. Он лазил туда вместе со своим двоюродным братом искать гнезд голубиных, и когда случилось падение, то он, не будучи в силах встать, просил своего товарища принести воды и никому не говорить, дабы не испугать мамы. Когда пришли на место, где он лежал, то застали его без чувств и без сознания, но целым, без всякого повреждения, хотя всё тело в синяках. В продолжение трех суток он был в очень опасном положении, так как доктор ожидал воспаления в мозгу. Благодаря множеству пиявок и льду удалось предотвратить беду, и теперь, несмотря на столь сильную слабость, что, когда я пришел к нему, он только мог улыбнуться и не в силах был сказать ни одного слова, он — вне опасности; по крайней мере, доктор на это надеется. Бедный мальчик проявил столько ангельской доброты, столько любви к родителям, что мы все без слез не можем говорить о нем. Не могу Вам передать, как я был испуган и поражен этим происшествием, а также, как теперь я счастлив, что можно быть почти уверенным в благополучном исходе. Сестра моя воротилась в Каменку как раз накануне этого случая, и Вы можете себе представить, друг мой, как она была потрясена!

Сыновья Ваши оставили здесь такое по себе отрадное воспоминание, что не проходит пяти минут, чтобы о них не говорили. Конца нет воспоминаниям о тысяче разных веселых происшествий, сопряженных с их пребыванием здесь. Все очарованы их чудным характером, милою непринужденностью их обращения, веселостью, которую они вносили в препровождение каждого часа, проведенного здесь. Разумеется, одни предпочитают Колю, другие — Сашу (замечательно, что Тася питает восторженную симпатию к последнему), но несомненно то, что оба всех их совершенно очаровали. Таня говорила мне, что всего более ее трогает в сыновьях Ваших их безграничная любовь к Вам. Я очень, очень радуюсь этому впечатлению, произведенному Колей и Сашей.

В Праге дают мою «Орлеанскую Деву». Сестра моя на возвратном пути из Карлсбада останавливалась на один день в этом городе и слышала «Деву». Судя по ее подробному рассказу, видно, что опера обставлена довольно бедно, но очень старательно и добросовестно. Певцы, хоры, оркестр, костюмы, танцы — всё это не превосходит уровня посредственности. Но в общем впечатление приятное [1].

Мне кажется, что я теперь останусь некоторое время в Каменке. Мне хочется окончить здесь эскизы оперы и уж потом,

осенью, уехать через Москву за границу, с тем чтобы там заняться инструментовкой оперы.

Бедный Модест всё не может поправиться. Здешний доктор сегодня его осматривал и предпринимает какое-то новое лечение.

Будьте здоровы, дорогая моя! Ради бога, не трудите Вашу больную руку, не пишите мне сами, убедительно прошу Вас о том.

Ваш П. Чайковский.

59. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
2 августа 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Вчера получила Ваше письмо, из которого вижу, что мои мальчики найдут Вас уже в Каменке, поэтому опять прошу Вас, дорогой мой, не принуждать себя нисколько для знакомства с ними; если Вам будет неудобно их присутствие там, то не только не пускать их к себе, но и предложить им убраться в Плещеево. Я надеюсь, милый друг мой, что Вы не захотите огорчить меня мыслью, что мои дети беспокоят Вас, человека, за спокойствие которого я отдала бы свое собственное (если бы оно было у меня); им, конечно, также было бы это тяжело, потому что они знают, как я Вас люблю.

Невыразимо мне приятно было читать в Вашем письме, милый друг мой, что мои мальчики понравились в Каменке; я так дорожу для них этим знакомством потому, что считаю его в высшей степени полезным и благотворным для них. То, что Вы пишете, друг мой, о Тасе, меня нисколько не запугивает, потому что мне видится в ней капитальная натура, я вижу в ней силу. И сознаюсь Вам, я больше всего не люблю и в мужчинах и в женщинах ничтожества; по-моему, это хуже порочности, потому что в этом может всё дурное заключаться. Я думаю, что тенденции ко внешности у нее пройдут, а серьезные свойства останутся прочными. Если же у нее характер немножко и резок, то это-то и указывает на силу и расстраивать счастья не будет, потому что у Сашонка очень спокойный характер, так что я всё-таки буду лелеять эту мечту.

Вообразите, милый друг мой, какая пытка для меня: в воскресенье концерт на выставке; исполнять будут исключительно Ваши сочинения. Мне хочется слышать их смертельно, а ехать боюсь — зала устроена так, что отдельных лож нет, а быть близко других людей для меня в Москве опасно: меня стерегут с разными просьбами. Например, ловит меня Гербер, знаете, друг мой, инспектор музыки при театрах, пристает, чтобы я ему дала тысячу рублей на приданое для дочери, писал мне об этом во Флоренцию; я отказала. Как только я приехала в Москву, сейчас явился ко мне, его не приняли. И, таким образом, есть много личностей, которые стерегут случая поймать меня, а это для меня невыносимо. И вот я осуждена относительно Вашей музыки: «источник видеть пред собой и жажду чувствовать Тантала». Боже мой, как это обидно.

Да, я забыла еще сказать по поводу моей мечты о браке моего Саши с Тасею, что, я думаю, в Синоде это пройдет, так как теперь

Nové české divadlo.

Dnes v pátek 28. července 1882. Mimo předplacení.

Ve prospech prvního kapelníka p.

Adolfa Čecha.

Po prvé:

Panna Orleanská.

[illegible] ve 4 dějstvích, dle *Schillera od Zakrzeského*. [illegible] složil *Petr Čajkovský*. [illegible] Elektrické osvětlení řídí universitní [illegible]

OSOBY:

[illegible]

TANCE [illegible]

[illegible]

Na dov[illegible]

Vstupenky prodávají se od 9 do 1 hod. [illegible] českém divadle a od 6. hod. v Novém českém divadle.

Začátek v 7 h. **Konec po půl 10. h.**

[illegible]

Starý a mladý kos.

Афиша представления «Орлеанской девы» [illegible] в Праге. 1882 г.

даже двоюродным разрешают жениться, а в моем проекте нет никакого родства.

То, что Вы мне пишете, друг мой, о жене Анат[олия] Ильича, мне также не нравится,— это указывает пустую натуру. Дай бог, чтобы мы ошибались. Бедный, милый Боб, какую катастрофу он выдержал. Каково ему теперь? Прошло ли это бесследно? Бедная Александра Ильинична! Мои мальчики также восхищаются умом и остроумием Володи.

У меня, слава богу, все здоровы. Я всё вожусь со своим маленьким хозяйством и радуюсь своему уголку. В настоящее время делают фотографии, и я сейчас пришлю Вам, дорогой мой, как только будут готовы. Одну из них, с моею особою, я специально заказала для Вас, милый друг мой, потому что она изображает момент из самой домашней жизни, а именно, когда я пью утренний кофе на террасе и всегда думаю о Вас.

Погода второй день очень хорошая; у нас мило, хорошо. Ах, если бы Вы тут побывали! Хотелось бы очень еще много, много Вам писать, дорогой мой, и у меня всегда много есть чего писать Вам, но рука отказывается передавать мысли. Будьте здоровы, мой бесценный, и не забывайте всем сердцем беспредельно Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Я бы писала Вам чаще, если бы была в состоянии писать очень мало, но мое желание делиться с Вами своими мыслями, проектами, впечатлениями est plus fort que moi *.

60. Чайковский — Мекк

Каменка,
3 августа 1882 г.

Дорогой, милый друг мой!

Вчера утром приехали сюда Ваши чудные сыновья. Мне еще вчера вечером хотелось Вам написать о том неотразимо обаятельном впечатлении, которое с первой же минуты они произвели на меня, но я нарочно удержался, чтобы, более близко познакомившись, обстоятельнее написать про испытанные впечатления. Я очень трудно знакомлюсь с людьми, хотя бы они и были юношами. Но я не знаю, оттого ли, что это именно Ваши дети, или таково свойство этих милейших юношей, но только с первой же минуты я почувствовал себя с ними в какой-то общей, родственной сфере, так что мне казалось, будто они на моих глазах выросли. И в самом деле, замечательно скоро они сделались здесь в доме совсем своими. Они здесь не гости, которые как бы ни были милы и дороги, а всё-таки гости, требующие, чтобы ими занимались, а следовательно, чтобы с ними несколько стеснялись, а как будто близкие милейшие родственники. Теперь уже

* сильнее меня

я их люблю от всей души не только как Ваших сыновей, но самих по себе, как юношей, самых симпатичных, которых когда-либо встречал. Если б из писем Ваших, а в особенности из одного собственного письма Саши, которое Вы мне однажды присылали, я бы уже не был ознакомлен с ними, то, сравнивая их обоих, отдал бы решительное предпочтение Коле (хотя прежде, по детским карточкам, скорее Саша был моим любимцем). Коля ходит в каком-то ореоле светлой нравственной чистоты; вся его личность имеет свойство сразу привлекать к себе сердце; как-то тепло и отрадно становится, смотря на него, особенно когда он улыбается и с жаром говорит. Саша на первый взгляд менее симпатичен и, будучи сдержан, застенчив и серьезен, не так быстро овладевает сердцем людей, с коими сталкивается, как его брат, но так как я уже знал, сколько чудных свойств ума и сердца в нем скрывается, то весьма скоро он сделался мне точно так же мил, как и Коля, и, право, я не знаю теперь, могу ли я отдать предпочтение тому или другому из них. Они как-то очень удачно оттеняют и дополняют один другого, и видеть их вместе тем более приятно, что они так дружны между собою и так любят друг друга. Сегодня, например, Саша играл мне мой концертный вальс, вещь очень трудную, длинную и неблагодарную, и случилось, что память ему изменила, и он некоторое время немножко путался и не знал, как перейти к средней части вальса. Нужно было видеть, как милый Коля страдал за Сашу и как ему хотелось, чтобы брат выказал свое уменье в полном свете. Меня это ужасно тронуло.

Сколько я знаю, вижу и понимаю, Анна очень серьезно, сознательно полюбила Колю. Они чрезвычайно мило держат себя друг с другом, с такой искренней непринужденностью, так просто, как будто с детства друг с другом знакомы и предназначены один для другого. Весь дом, начиная от Льва Вас[ильевича] и кончая Юрием, находится в праздничном настроении по случаю их приезда. Все их любят, всем присутствие их доставляет отраду и искреннюю радость.

Я нахожу, что голос у Коли очень хорош и достоин того, чтобы им заняться. В его голосе есть то качество, которое — редкость между русскими голосами: это то, что называется тембр, т. е. в нем своеобразная, теплая окраска. Но голос этот — еще хороший сырой материал, с которым ему трудно справляться. Он не знает никаких приемов, которые нужны для того, чтобы уметь по произволу усиливать, ослаблять голос, придавать ему то или другое выражение. Позвольте, друг мой, весьма рекомендовать Вам приискание для него хорошего учителя; в Петербурге они име-

ются. Что касается Саши, то более всего меня поражает его фанатическая любовь к музыке, его вечная готовность играть, слушать музыку или, по крайней мере, говорить о ней. Играет он весьма порядочно, т. е. обладает уже весьма почтенным механизмом, и в нем есть задатки самого тонкого и глубокого понимания музыки. Ему, по моему мнению, тоже нужен хороший, опытный учитель, и если он будет во время своего пребывания в Училище поддерживать свою технику упражнением (даже час в день было бы для того достаточно), то может сделаться хорошим пианистом, а если по окончании курса в Училище займется серьезнее, т. е. посвятит музыке значительную часть времени, то, при его любви к ней, мне кажется, что из него может выйти и настоящий артист. Обоим им, но особенно Саше, необходимо, хотя бы понемножку, знакомиться с теорией музыки.

Я получил телеграммы и письма, в коих меня так усердно зовут в Москву к будущему воскресенью (когда должен состояться концерт из моих сочинений), что у меня не хватило духу отказать, и я решился ненадолго съездить. Выезжаю в четверг, так что в Москве буду в субботу, и оттуда тотчас же напишу Вам.

Потрудитесь, дорогая моя, передать Влад[иславу] Альберт[овичу], что я ему несказанно благодарен за милейшее письмо его и буду ему отвечать весьма скоро. Пьесу его мы вчера с Сашей проиграли и будем еще играть. Она очень миленькая.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Племянник мой Володя, благодаря бога, поправился, но я очень боюсь, чтобы происшествие, о коем я Вам писал, не отозвалось впоследствии.

Лев Вас[ильевич] по делам едет в Москву, вероятно, в одно время со мной, но вряд ли сестра пустит Колю и Сашу так скоро. С Вашего позволения она надеется, что они погостят несколько подольше.

П. Ч.

61. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
7 августа 1882 г.

Милый, несравненный друг мой! Сейчас получила Ваше дорогое письмо, и хотя совсем больна, но не могу удержаться, чтобы не выразить Вам тех чувств, которые оно во мне возбудило. Со слезами благодарности читала я всё то, что Вы пишете о моих мальчиках;

доброта и нежность, с которою Вы говорите о них, до того дороги мне, что я и выразить этого словами не умею. Читая Ваше письмо, я могла только проговорить: господи, что это за человек, что за сердце! В благодарность я могу только просить бога, чтобы он как можно чаще доставлял Вам такие счастливые минуты, какие доставили Вы мне Вашим письмом, милый, дорогой, несравненный друг!

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, в котором я Вам выражала свое горе о том, что не могу быть в Вашем концерте? Если еще не получили, милый друг, то Влад[ислав] Альберт[ович] отчасти объяснит Вам, почему я должна лишиться такого величайшего для меня наслаждения. А тут еще сегодня третий день страшно болит голова; для меня это — ужасная болезнь, потому что при ней я вся больна.

Я телеграфировала мальчикам, чтобы они в среду приехали к Саше в Гурьево, потому что Лида с мужем во вторник едет туда же, а сейчас получила от Коли телеграмму с просьбою, нельзя ли им отсрочить выезд из Каменки, и я не знаю, как быть: и их очень жаль лишить такого огромного удовольствия, и Саше жаль отказать,—она очень просила, чтобы они приехали, когда Лида будет у нее.

Я надеюсь, дорогой мой, что Вы себя н и с к о л ь к о не принуждали для знакомства с моими мальчиками, я-то этого уж ни за что не желала бы, потому что вполне понимаю Вас, потому что сама я так дика, что, вообразите, милый друг, что для меня ужасно тягостно присутствие здесь моего зятя Левиса; отчасти этому я и обязана своею головною болью. Он, к тому же, такой немецкий барон, такой чопорный гвардеец, что для меня совершенно отравлена радость свидания с дочерью, и такою милою, доброю, как моя Лида. С нею здесь двое детей, премилые мальчики пяти и четырех лет, но совершенные немчики, так что с трудом говорят по-русски; это так печально.

Где Вы остановитесь в Москве, дорогой мой,— у Анатолия Ильича или нет? Скажите мне об этом через Влад[ислава] Альб[ертовича]. Сказавши про Анат[олия] Ильича, я вспомнила о неудовольствии его жены на свое положение и при этом вспомнила то, что выразил по поводу д е т е й один из любимых моих авторов, он же и критик, Ахшарумов. Знакомы Вы с ним, милый друг мой? Он сказал очень умно, что «любовь без детей есть блуд». Не правда ли, что это верно?

Я начала леченье для своей руки, так называемое m a s s a g e — это в некотором роде гимнастика; пока я еще не чувствую облегчения, но только третий день что начала.

Сегодня Левисы и Юля с Сонею поехали в Москву: первые — на выставку, а вторые — в доме разбирать вещи; сегодня же вечером вернутся. Лида поет здесь, и я наслаждаюсь, слушая ее. У нее, так же как у Коли, очень красивый голос по timbr'у и необыкновенная способность п о д р а ж а н и я хорошим певцам. У нее нет, так сказать, с о з н а т е л ь н о й музыкальности, как у Саши, например, но и с к у с с т в о п о д р а ж а н и я удивительное.

Будьте здоровы, дорогой мой. Завтра, я думаю, и мыслями буду в Вашем концерте. Боже мой, какой я несчастный человек, что не могу быть там en personne*. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* лично

62. Чайковский — Мекк

Москва,
10 августа [1882 г.]

Дорогой, бесценный друг!

Чтобы дать Вам понятие о том, до какой степени я здесь живу в вихре бессмысленно утомительной суеты, скажу лишь одно: вот уже третий день, что я хочу написать Вам и имею сказать нечто весьма серьезное, и едва только теперь нахожу свободную минутку.

Из всего, что слышал от Вас самих, от Коли, Саши и Влад[ислава] Альбертовича о больной руке Вашей, я прихожу к заключению, что массаж есть наидействительнейшее средство к исцелению болезни Вашей. Знаю, что Вы к этому средству уже обратились, но мне хочется сообщить Вам, что в Амстердаме есть доктор Mezger, величайший авторитет по этой части, производящий буквально чудеса своим лечением. Я могу указать Вам на графиню Бобринскую, которая была обречена на вечное онемение ноги и которую он исцелил совершенно. К нему стекаются со всех концов Европы, и общий голос говорит, что это не только гениальный диагност и превосходный врач для известных болезней, но что это вместе с тем необычайно добросовестный человек. Умоляю Вас, дорогая моя, прибегнуть к этому врачу, съездить в Амстердам и выдержать у него курс лечения. Кто знает, быть может, благодаря ему через несколько времени не останется никаких следов болезни Вашей?

Сегодня я увижу знакомую мне г-жу Кондратьеву, ездившую к нему нынче весной и воспылавшую к нему благоговейным восторгом, расспрошу ее о разных подробностях и сообщу Вам. Про концерт Вл[адислав] Альб[ертович] сообщит Вам сведения[1]. Как в этот день, так и потом и теперь я страдал и страдаю нравственно, как всегда здесь. Вероятно, в четверг поеду в Петербург с Модестом. В случае, если нужен будет мой адрес, прошу адресовать П. И. Юргенсону, для передачи.

Будьте здоровы, дорогая! Завтра еще напишу.

П. Ч.

63. Чайковский — Мекк

[Москва]
11 августа [1882 г.]

Вчера мне принесли пересланные сюда два письма Ваших, дорогая моя, добрая, несравненная Надежда Филаретовна! Зная теперь, как Вам трудно писать, я тем более был тронут этими

дорогими письмами. Как я хотел бы, чтобы рука Ваша выздоровела! Сегодня я опять видел г-жу Кондратьеву и говорил с ней про Мецгера (Mezger). Она сообщила мне несколько поразительных казусов, в коих проявилась целительная сила, свойственная этому врачу. Все эти казусы более или менее аналогичны с Вашим недугом, и я все более и более проникаюсь убеждением, что Mezger может помочь Вам, дорогой друг! Очень вероятно, что врач, массирующий Вас теперь, есть ученик Mezger'a (он говорил г-же Кондратьевой, что имеет в России двух учеников), но, по собственному его мнению, в массаже не всё зависит от знания, а также и от особых индивидуальных целительных свойств его личности. Быть может, сила эта имеет нечто общее с магнетизмом? Как бы то ни было, но я только о том и мечтаю, чтобы Вы побывали в Амстердаме у доктора Мецгера, хотя, вместе с тем, и так жаль отрывать Вас от полюбившегося Вам Плещеева. С нетерпением ожидаю фотографию, которую Вы обещаете мне и за которую заранее от всей души благодарю Вас, дорогая моя!

Кроме обычного тревожного состояния духа, я эти дни еще испытал беспокойство по поводу брата Анатолия, который очень серьезно было заболел острым воспалением желудка. Приходилось и у него на даче в парке сидеть и в городе бывать, так что я донельзя утомился и, в особенности, по утрам чувствую такую нравственную усталость, что хотелось бы исчезнуть с лица земли. Уверяю Вас, милый друг, что каждый день, проводимый мною таким образом, отнимает у меня месяц жизни.

Вчера приехал Лев Вас[ильевич] и сообщил, что Коля и Саша продолжают очаровывать Каменку своим присутствием. Они телеграфически уговорились с гр. Бенингсен, как и когда им к ней приехать.

Я решил в Петербург не ехать и, как только кончу здесь свои корректуры, отправиться в Каменку. Это удастся мне не ранее будущей недели.

Желаю Вам всякого блага, дорогой друг мой!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Я очень доволен исполнением моего скрипичного концерта Бродским.

64. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
12 августа 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Только вчера получила Ваше письмо с указанием адреса в Москве и пишу сегодня наудачу, так как Вы предполагаете уехать в четверг, но я думаю, что, быть может, Вам перешлют письмо.

Не знаю, как и благодарить Вас, мой бесценный, за Ваше участие к моему здоровью и сведения, которые Вы мне даете об амстердамском докторе. Я очень бы желала воспользоваться ими, потому что состояние мое о ч е н ь т я ж е л о, и я тем более благодарю Вас, мой милый, добрый друг. В настоящее время я еще очень огорчена тем, что вижу, что не могу долго прожить в России: у меня опять начался тот кашель, который так мучил меня в прошлом году и вследствие которого доктор послал меня как можно скорее за границу. Ужасно тяжело это насильное expatriation *. Мне не хочется н и к у д а ехать, мне невыразимо тяжело расстаться с моими детьми после того, в особенности, когда я целое лето провела вблизи их всех. Наконец, мне нечего делать за границею, а мне скучно б е з д е л а, я не могу выносить б е з д е й с т в и я, а беспощадная судьба и знать ничего не хочет: как пойдет валить на одного человека все недуги, так без конца и без жалости. Я возмущена ужасно этим несчастным бессилием людей.

С каким невыразимым восторгом я слушала рассказы Влад[ислава] Альб[ертовича] о тех горячих, неудержимых овациях, которые публика оказывала Вам, мой несравненный друг, в воскресном концерте. Как я рада, что Вас умеют ценить, но как мне больно, что я, несчастная пария, не могу вместе с другими восхищаться Вашим гением: всё та же безжалостная судьба доставила мне и то плачевное положение, что я не могу свободно показываться на люди. Мне кажется, милый друг мой, что Вы не получили моего последнего письма в Каменке, в котором я писала об этом предмете несколько подробнее.

Третьего дня я послала к Коле с Сашей человека с письмом, для того чтобы предложить Саше поехать из Каменки прямо в Биарриц для купанья в море, чтобы не терять времени на проезд в Москву и отсюда опять на юг Европы. А это потому я предлагаю ему, что он пишет мне, что у него опять дает себя чувствовать ревматизм в сочленениях, а я так его боюсь; бедный Сашок уже столько мучился с ним в прошлом году, что я подумать не могу без ужаса. Он с таким восторгом пишет мне о своем знакомстве с Вами, мой несравненный друг, что я опять безгранично [благодарю] Вас за доброту к ним. Вот его собственные выражения в письме: «Наконец исполнилась моя заветная мечта — знакомство с Петром Ильичем. Я должен признаться, что то, что я в действительности нашел, превзошло все мои ожидания. Я думал найти человека образованного, умного, доброго, но такого светлого ума, такой безграничной доброты я никак не мог ожидать. Накопление таких высоких качеств в одном человеке ясно указывает на высшее назначение его природы» и т. д. Дальше он мне рассказывает, что играл Вам Ваш вальс, и говорит: «Конечно, как можно было и ожидать, сыграл его хуже, чем я его играл в Плещееве,— мужества у меня нехватило на то, чтобы сыграть его так, как я мог». Бедный мой Сашок, воображаю, как у него руки дрожали, а я очень бы желала, дорогой мой, чтобы Вы Сашу полюбили не меньше Коли; у меня с ним больше

---

* удаление из отечества

общего, чем с кем-либо из моих детей. Сейчас получила телеграмму от Коли, [что] Александра Ильинична едет завтра в Одессу.

Хотелось бы писать еще, да рука немеет. Будьте здоровы, мой милый, добрый, дорогой друг. Всем сердцем неизменно Вас любящая

Надежда ф.-Мекк.

65. *Чайковский — Мекк*

Москва.
17 августа [1882 г.]
3 часа ночи.

Дорогой, милый друг мой!

После десятидневного пребывания в Москве я, наконец, завтра уезжаю в Каменку, совершенно измученный как работой (я должен был тщательно корректировать два раза мое трио и кое-что из Бортнянского, который, наконец, кончен), так и бессмысленно суетливой жизнью, которую вел здесь. Чем более я привыкаю к свободной жизни в деревне и за границей, тем тяжелее становятся мне мои, хотя бы и самые кратковременные, пребывания в Москве. На сей раз, появившись с первого дня приезда на концертной эстраде, мне невозможно было прожить инкогнито, и оказалось совершенно необходимым удовлетворить желанию множества лиц, хотевших меня видеть. Между тем, нужно было усиленно работать и к тому же ежедневно бывать у брата Анатолия, который живет на даче. Представьте же себе, друг мой, до чего мне беспокойно и трудно было здесь прожить. Прибавьте еще к этому, что Алеша мой вот уже две недели лежит больной в больнице в Всехсвятском и что я навещал его почти ежедневно. В результате вышел какой-то совершенно безумный образ жизни, от которого я утомлен до совершенного истощения нравственных сил[1].

Модест уехал в Петербург в четверг прошлой недели; через день, в субботу, уехали туда же Лев Васильевич с Таней, а в пятницу случилась катастрофа[2]. Сестра и все каменские пришли в испуг и беспокойство; я уже получил несколько телеграмм, на которые послал успокоительные ответы.

Я принужден отложить свидание и беседу с Влад[иславом] Альберт[овичем] до следующего моего приезда. В настоящее время я способен только сесть в вагон и проспать до самой Каменки. Очень ему кланяюсь и прошу извинить, что не даю ему свидания в Подольске[3].

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

Юльсе Карловне, Коле, Саше, Софье Карловне, Милочке — всем шлю привет свой.

66. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
18 августа 1882 г.

Пишу Вам лишь несколько слов, мой милый, бесценный друг, потому что имею времени только полчаса. Чем больше я слушаю и читаю рассказов о Вашем концерте, милый друг мой, тем более горюю о том, что я не могла его слышать; в особенности мне ужасно жаль скрипичного концерта, который меня так восхищает. Эта Canzonetta — это такая прелесть, такая поэзия, что мне до слез больно, что я ее не слышала; потом мне ужасно нравится вторая тема первой части концерта,— да всё, все там великолепно.

Еще и еще благодарю Вас безгранично, мой несравненный друг, за все сведения о докторе Мецгере. Мой доктор — не ученик его, а знает его по его сочинениям и говорит, конечно, что это очень дельный человек; но сознаюсь Вам, милый друг мой, что мне немножко не нравится то, что он говорит о своем особенном индивидуальном свойстве: это отчасти пахнет шарлатанством и расчетом. Для большего выяснения этой личности я очень бы желала знать, каких он лет и какой внешности. Если Вы увидите М-me Кондратьеву, не откажите, дорогой мой, спросить у нее эти две вещи, и также будьте так добры, мой бесценный, напишите мне, каких лет и какой внешности сама М-me Кондратьева. Для меня очень важно решить этот вопрос лечения у д-ра Мецгера моей больной руки. Я вообще очень боюсь иностранных докторов. Вы знаете сами, дорогой мой, каковы они, то я и боюсь закабалиться к одному из таких. С другой стороны, так хотелось бы вылечить свою руку, что я и не знаю, что делать.

Я, вероятно, к 1 сентября перееду совсем в Москву, потому что меня кашель уже начал мучить, и поэтому же мне придется, вероятно, раньше ехать за границу. Боюсь опоздать с письмом. До свидания, мой милый, бесподобный друг. Будьте здоровы и спокойны. Всем сердцем горячо Вас любящая

Надежда фон-Мекк.

Пишу Вам через Владислава Альбертовича, который едет специально к Вам в Москву, мой милый друг.

67. Чайковский — Мекк

Киев,
20 августа [1882 г.]

Пишу к Вам из милого Киева, дорогая моя! Я остановился здесь на денек для некоторых необходимых покупок, коих не успел сделать в Москве, а отчасти и по любви к Киеву, и чтобы еще несколько продлить полноту одиночества.

Как только я очутился один в маленьком купе вагона, в котором сюда доехал, так сейчас же почувствовал совершенное облегчение от всех моих московских мук, и мне трудно описать Вам словами, какое глубокое счастье и наслаждение испытал я в те-

чение этих двух дней переезда. Так усладительно было сознавать, что не обязан никуда идти, не обязан говорить и слушать, что говорят другие, что никто не потревожит мою свободу!.. Впрочем, Вы меня понимаете, милый друг!

Влад[ислав] Альберт[ович] застал меня за час до отъезда, уже в состоянии душевного просветления, когда я предвкушал наслаждение бегства из Москвы. Мне невыразимо приятно было его видеть: ведь он за час до того видел Вас и говорил с Вами. Получить весточку от Вас в ту минуту, когда ко мне снова возвращалась свобода, которой я обязан Вам, моей благодетельнице, моему лучшему другу,—в этом было такое радостное, светлое чувство! Никакими словами никогда мне не высказать, как я Вас чту и как благодарен Вам!

Теперь отвечу Вам на вопрос о М-me Кондратьевой. Это женщина средних лет (ей сорок один год), некрасивой, но симпатичной наружности. Она очень слабенькая, очень худая, нервная. К Мецгеру она поехала по совету гр. Бобринской, но предварительно описала ему из Рима свою болезнь, весьма неопределенную и которую ни один врач еще никогда не мог уразуметь. Мецгер отвечал ей, что массаж не сможет помочь ей, и советовал не ехать, но гр. Бобринская уговорила ее всё-таки съездить, и Мецгер, осмотрев ее, сказал, что у нее нет ничего, кроме застарелого катара желудка, отражающегося на нервной системе особыми индивидуальными явлениями. Он не хотел ее массировать и, только уступая ее просьбам, дал несколько сеансов, а потом посоветовал ей Киссинген, где она и была с пользой для своего здоровья. Тем не менее, М-me Кондратьева уверовала в какую-то особую магнетическую силу его и приписывает ему хорошее состояние ее здоровья. Но что действительно изумительно, так это излечение ноги гр. Бобринской, которую два года тому назад я видел на костылях, а теперь она совершенно здорова. О летах Мецгера я спрошу у М-me Кондратьевой и напишу. Кажется, он немолод.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

68. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
21 августа 1882 г.

Мой милый, несравненный друг! Вчера получила Ваше дорогое письмо из Киева и читала его с невыразимым счастьем и благодарностью. Вы — мой благодетель, потому что Вы один доставляете

мне светлые минуты нравственного наслаждения, Вы мирите меня с жизнью, с людьми, даете мне забывать всякое зло, поддерживаете мою веру в идеал, потому что я вижу его в Вас. В Вашем нравственном облике я вижу свое божество, Ваша музыка, Ваш гений открывают мне небо; в Вас я получаю все нравственные удовлетворения, и без Вас моя жизнь была бы непроглядная тьма. Не примите этого за увлечение, за утрировку, милый друг мой; уверяю Вас, что это буквально верно. Раскрывать перед Вами мою жизнь и ее аксессуары во всей их наготе мне не хочется, но поверьте мне на слово, дорогой мой, что в моей жизни Вы играете роль солнца, и да будете Вы благословенны за это, пусть святое провидение снизольет на Вас все свои блага и пошлет Вам все душевные наслаждения!

Коля мой вернулся вчера из своего долгого отсутствия, грустный от разлуки с Анной, но полный надежд и мечтаний о будущем. Жаль мне будет его, если эти мечты не сбудутся. Он так любит и так верит. Мои предостережения и напоминания, что ведь еще два года ждать, что бог знает, что может случиться в это время, остаются бездейственными, он полон надежд и веры в Анну Львовну. Теперь ему, бедненькому, будет очень тяжело и не видать и ничего не знать, поэтому прошу Вас, дорогой мой, не откажите мне в горячей моей просьбе: пишите мне как можно больше про Анну и про ее внутреннее отношение к моему бедному юноше, чтобы я могла ему давать какие-нибудь сведения, да попросите Александру Ильиничну, чтобы она позволила Анне иногда написать Коле письмецо, конечно, ничего не значащее, а просто к хорошему, близкому знакомому; ведь это ни к чему не обязывает. А для него огромное благо: он будет лучше заниматься. Мне очень жаль моего бедного мальчика, и я прошу Вас, дорогой мой, как моего истинного, единственного друга, принять его под свое покровительство и ходатайствовать за него у Александры Ильиничны и Анны Львовны.

Сегодня Коля, Юля и Соня поехали в Москву по делам, а в субботу я предполагаю переехать совсем в город, для того чтобы собираться за границу. А бедного моего Сашонка я хочу совсем взять из Петербурга и из Училища, потому что его ревматизм пугает меня, а он не пройдет до тех пор, пока он будет на зиму возвращаться в Петербург. Ему этого очень не хочется, но я хочу твердо стоять на своем и во всяком случае уже эту зиму никак не отпущу его в Петербург, а возьму с собою за границу; я уже телеграфировала ему, чтобы приехал. Прошу Вас, дорогой мой, адресовать мне теперь всё в Москву, на Мясницкую, в собственный дом.

У нас погода великолепная, но ночи и утра холодные.

Еще и еще благодарю Вас, мой бесценный, за сведения о д-ре Мецгере и М-me Кондратьевой. К доктору Мецгеру я хочу сейчас послать моего Сашу, так что он, вероятно, раньше меня уедет за границу. Я очень рассчитываю, что ему против его ревматизма поможет massage. Свое лечение я также продолжаю, и хотя в весьма незначительной степени, но чувствую облегчение; а всё-таки писать больше не могу, и потому — до следующего письма. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг, и не забывайте безгранично Вас любящую

Надежду ф.-Мекк.

P. S. Не откажите, мой добрый, хороший друг, исполнить мои просьбы, относящиеся к Коле.

69. Чайковский — Мекк

1882 г. августа 22—25. Каменка.

Каменка,
22 августа 1882 г.

Дорогой, несравненный друг!

Ах, как мне хорошо, свободно здесь вздохнулось! Как я был рад увидеть свою милую комнатку, к которой так привык! Какое счастье опять начать жить так, как тебе хочется, а не так, как хотят и велят другие! Какое наслаждение иметь возможность без помехи работать, читать, играть, гулять, быть самим собою, а не играть в течение дня тысячу раз то ту, то другую роль. Какая ложь и бессмыслица жизнь в обществе! Говори, когда хочется молчать, будь любезен и притворяйся тронутым любезностью других, когда так и хочется убежать от них подальше; сиди, когда хочешь ходить, ходи, когда тебя тянет отдохнуть, голодай, когда хочешь есть, ешь и пей, когда нужно спать,— словом, от первой минуты пробуждения до самого последнего момента отхода ко сну насилуй себя всячески во имя обязательств по отношению к обществу! Да и сон является не как отдых, а как неизбежное исполнение обычая, причем он иногда и вовсе отказывается явиться, и эту каторгу большинство людей любит и вне ее жить не хочет!

Из семейства сестры здесь пока только Анна, Тася и Юрий. Все остальные разъехались: кто в Севастополе, кто в Москве и Петербурге. С некоторым беспокойством ожидаем известий от племянницы Веры, которая на днях должна родить. Бедный мой племянник Митька срезался на переэкзаменовке из латыни и страшно огорчен, почти до отчаяния. Он всю зиму и всё лето проболел перемежающейся лихорадкой, и неудивительно, что не мог хорошенько приготовиться. Я хочу теперь всеми мерами советовать отцу и матери, чтобы обоих мальчиков отдали куда-нибудь в закрытое заведение и лучше всего, если бы в Училище правоведения, где теперь в лице Коли, Саши, а также Макса и Миши, у них есть покровители. Жизнь в Киеве, где ради увеселения вечно скучающей Тани у них в доме царит самая горячечная светская суета, совсем нездорова для таких мальчиков, которым всего более нужна правильная, строго дисциплинированная жизнь. Пусть уж лучше живут в суровом петербургском климате, лишь бы только во-время вставали, во-время спать ложились и вообще вели бы жизнь ровную и правильную.

25 августа.

Сегодня получили мы письмо от сестры, в коем есть известия и о Ваших милых мальчиках. Сестра с умилением говорит о за-

ботах, о нежном уходе, о тысяче услуг, которые Коля оказывал ей во время пути. Саша из Евпатории переехал в Севастополь и там будет купаться; его присутствие доставляет сестре и всем ее сожителям величайшую отраду. Мы здесь с Анной беспрестанно говорим о сыновьях Ваших. Какая милая, хорошая девушка эта Анна, и как я желаю, чтобы наши мечты осуществились! По наслаждению, которое она испытывает, говоря со мной про Колю и про всевозможные подробности, касающиеся Вас и всего Вашего семейства, по блеску глаз ее и веселой, счастливой улыбке, которой озаряется ее милое, умное лицо, когда я вспоминаю про Колю или говорю про мою симпатию к нему, для меня ясно, что она серьезно его любит и что желания ее совершенно сходятся с нашими, хотя, видимо, она избегает прямо и определенно упоминать о том, что может случиться через два года. Быть может, ее немножко страшат эти долгие два года! В возрасте, в котором она находится, два года кажутся вечностью! Мне хорошо с нею живется. Анна — одна из тех девушек, которые ни одной секунды дня не проводят без дела. Если ей поручат что-нибудь по хозяйству или уход за больным, она отдается этой заботе, но рядом с ней всегда или работа или книга, и как только возможно, она принимается за то или за другое. Читает она с толком, избегает легкого чтения, предпочитает исторические и даже философские книги, причем делает выписки, чтобы удержать в памяти прочитанное. Подобно мне, она очень любит ходить пешком и тоже одна. По временам занимается и музыкой и играет очень порядочно, хотя мало к ней способна: игра ее немного груба и деревянна. Никогда она не скучает; обладает чудесным здоровьем, отличным аппетитом и спит умеренно. Как приятно, весело и отрадно смотреть на нее, особенно, когда рядом с ней вечно скучающая, вечно занятая лишь своим туалетом, вечно томящаяся и, так сказать, киснущая старшая сестра ее Таня! А между тем, Таня по природным данным более даровитая и многосторонняя натура. В ней есть в зародыше всё, чтобы быть счастливейшей девушкой, способной лишь радовать всех близких своих, а между тем, она источник всех горестей и всех невзгод, случающихся в этом доме.

На днях буду писать Владиславу Альбертовичу насчет «Молитвы Маргариты»; я уже несколько раз проиграл и пропел ее. Есть значительные достоинства, но и недостатки. Обо всём этом побеседую с ним подробно.

Я начал успешно свои занятия и думаю, что недели через четыре опера вчерне будет совсем готова.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Я написал М-me Кондратьевой насчет Мецгера и, получивши ответ ее, сообщу Вам подробности.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

70. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
28 августа 1882 г.

Мой дорогой, несравненный друг! Как я радуюсь при мысли, что Вы теперь находитесь в милой Каменке и можете отдохнуть от московской суеты и утомления. Каменка сделалась для меня еще милее с тех пор, как мои дети нашли в ней такой добрый, ласковый привет, что она сделалась для них близкою, как бы второю родною семьею. Пусть благословение божие почиет всегда над этим патриархальным уголком.

Напишите мне, дорогой мой, что у Вас поделывается. Вернулись ли Лев Васильевич и Татьяна Львовна? Что поделывает Анна? Вспоминает ли Колю? А он только и думает, что об ней: в день по нескольку раз смотрит ее фотографию, и любимый разговор его есть об ней. Дорогой мой Петр Ильич, не откажите мне в огромном удовольствии, пришлите мне фотографии Татьяны и Анны Львовны в маскарадных костюмах. Если у Вас их нет, милый друг мой, то выхлопочите для меня у Александры Ильиничны разрешение (на бумажке) получить у Мезера в Киеве эти фотографии; они прелестны, и мне очень бы хотелось [их] иметь. Разрешилась ли Вера Львовна и благополучно ли? Кого бог дал? Пожалуйста, дорогой мой, пишите мне как можно больше о семействе А[лександры] И[льиничны]. Как она решила насчет мальчиков — отдаст ли их в Петербург? Я была [бы] очень рада, если бы она решила их поселить вместе с моими. Мои мальчики, наконец, все собрались, но теперь не надолго: во вторник уедут в Петербург. Но Сашу я не отпущу больше туда и, вероятно, совсем возьму его из Училища, так как у него оказались уже неправильности в сердце вследствие ревматизма, а его ревматизм ничем не излечится до тех пор, пока он будет зиму проводить в Петербурге: этот климат для него невозможен. Я очень желала бы, чтобы было возможно провести зиму в Вене, но боюсь, что будет недостаточно тепло для меня, а в Италию мне ужасно не хочется ехать,— так далеко от детей.

Вчера же приехал мой любимец Achille Debussy, и я ему очень рада. Теперь я буду много слушать музыки, и он, кроме того, оживляет весь дом. Это парижанин с головы до ног, типичный парижский gamin*, очень остроумен, отличный подражатель, презабавно и совершенно характерно представляет Gounod, Ambroise Thomas и проч., всегда в духе, всегда и всем доволен и смешит всю публику невообразимо; премилый характер.

На днях у меня была старшая моя дочь Лиза, которая за Иолшиным, с двумя премиленькими детьми, мальчиком и девочкой, и в особенности девочка — это совершенная куколка. Они живут в Петербурге и приехали в Москву на выставку. Вообразите, милый друг мой, что

---

* уличный мальчишка

я до сих пор не была на выставке; мне так *некуда* не хочется из моего Плещеева, что вот я и не могла выбраться на выставку. Теперь мы, вероятно, только через неделю переедем в Москву, потому что в доме не всё готово, но адресовать всё-таки прошу Вас в Москву. До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы и веселы и не забывайте всем сердцем и горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Коля, Сашок, Юля, Соня и Милочка шлют Вам их задушевное уважение. Коля и Саша говорят о Вас с каким-то благоговением. У них лица принимают особенное выражение, когда они говорят или слушают о Вас.

71. Чайковский — Мекк

Каменка,
28 августа 1882 г.

Милый, дорогой друг мой!

Получивши Ваше письмо, как всегда, до крайности меня обрадовавшее, я сказал Анне, что Коля желал бы войти с ней в переписку. В качестве еще очень молоденькой девушки, она не смеет решиться на это без позволения матери, к которой она об этом написала. Когда получится ответ сестры, я тотчас Вас о нем уведомлю. Я совершенно с Вами согласен, дорогая моя, в том, что корреспонденция эта, лишь бы только она не была настолько деятельна, чтобы отнимать у Коли время от его занятий, не заключает в себе ничего, кроме самого естественного собеседования двух хорошо знакомых между собой людей. Надеюсь, что и сестра взглянет на вопрос этот так же просто и прямо, как мы с Вами. Что касается чувств Анны к Коле, то я уже писал Вам, милый друг, о том, что в горячности и прочности их я не сомневаюсь ни на минуту. Анна не из тех девушек, которые ничем другим, кроме сердечных дел, не занимаются, и, повидимому, конфиденций избегает; к тому же, она очень сдержанна и не позволяет, чтобы беспрепятственно проникали в тайники ее сердца. Поэтому хотя ни единого раза я не позволил себе адресовать ей вопрос: любит ли она Колю?— совсем прямо, хотя мне даже как-то неловко толковать с ней о наших планах, ввиду ее крайней молодости и двухгодичного срока, до которого сначала нужно дожить, чтобы иметь право беседовать об этом предмете, тем не менее, я *знаю*, что она горячо симпатизирует Коле и очень будет счастлива, если то, о чем мы теперь мечтаем, осуществится. Скажите, дорогая моя, Вашему чудному, милому, симпатичнейшему Коле, чтобы он был спокоен, не сомневался бы в сочувствии к нему Анны и продолжал бы верить в нее.

Как я рассеян! Вчера написал большое письмо Влад[иславу]

Альберт[овичу] и адресовал его в Плещеево, тогда как Вы уже переехали в Москву! Надеюсь, что его вскорости перешлют в Москву. Пожалуйста, милый друг, скажите Влад[иславу] Альберт[овичу], чтобы он не огорчался на мою критику. Каждый начинающий автор должен пережить много горьких минут, вроде той, которую он испытает, прочтя мое письмо. Шуман восемь раз переделывал свою Первую симфонию по указанию Мендельсона, придирчиво критиковавшего ее.

Безмерно радуюсь, что хоть некоторое облегчение принес Вам массаж.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

72. Чайковский — Мекк

1882 г. августа 31 — сентября 2. Каменка.

Каменка,
31 августа 1882 г.

Дорогая моя! Получил сегодня письмо Ваше и, судя по нескольким вопросам, в нем заключающимся, боюсь, что одно или два из моих писем к Вам пропали. Я Вам, кажется, на другой день по приезде сюда писал о всех каменских, об Анне в особенности. Очень жаль, если письмо это пропало.

Сегодня утром пришло радостное известие, что Вера наша разрешилась от бремени дочкой, которую назвали И р и н о й. У меня отлегло от сердца. Как ни обыкновенен процесс рождения ребенка, а все-таки в последнее время перед родами всегда бывает страшно, а особенно, когда это первые роды. Вся Каменка сегодня утром предавалась ликованию по поводу радостного известия. В телеграмме сказано, что мать и ребенок совершенно здоровы. Слава богу! А Лев Вас[ильевич] где-то в дороге и не знает, что сделался дедом; вероятно, завтра он приедет, и можно себе представить, до чего этот нежнейший из отцов будет рад и счастлив. Один только человек решительно изъявил свое неудовольствие по поводу рождения моей внучатной племянницы, это Ю р и й. Он очень хотел, чтоб у него родился племянник, и был совершенно разочарован, когда узнал, что родилась девочка.

2 сентября.

Милый друг мой! Я не знаю, помните ли Вы (но я, наверное, Вам в свое время писал о том), что два года тому назад, приблизительно в это же время, я страдал особого рода головной болью, которая появлялась, как только я делал малейшее умственное напряжение[1]. Дошло до того, что несколько дней я принужден был

ровно ничего не делать и только с помощью шпанской мушки и отдыха отделался от этой боли. Теперь я боюсь, чтоб у меня не началось то же самое: хотя не в столь сильной степени (тогда я до сумасшествия страдал), но голова начинает побаливать. Произошло это оттого, что я слишком много работал, торопясь и все недоделанное в опере окончить, и еще кое-какие маленькие сочиненьица написать (о коих меня просил Юргенсон)[2], да к тому же случилось так, что у меня всё это время была очень сложная переписка, между прочим, с одним господином, взвалившим на меня помещение одной ученицы в консерваторию[3]. По этому поводу произошло странное недоразумение, о котором я когда-нибудь Вам расскажу и которое повлекло за собой бессчетное количество писем и к нему и ко всем начальствующим лицам консерватории. Теперь, чтобы дать себе отдых, я хочу несколько дней как можно меньше дела делать и вовсе воздержаться от писем. Вот почему на милейшее письмо Вашего сына Саши, полученное мною сегодня утром и требующее обстоятельного ответа, я не буду отвечать тотчас, а лишь через неделю. Потрудитесь, дорогая моя, сообщить ему об этом и вместе с тем передать ему живейшую благодарность за то, что он написал мне это чудесное письмо.

Мы теряемся в догадках насчет Льва Вас[ильевича] и Тани. В последнем письме он сообщает, что 29-го выезжает из Москвы, а между тем, до сих пор нет ни его, ни известий о нем. Я даже начинаю беспокоиться.

Поручение Ваше касательно портретов племянниц я исполнил и вчера выслал Вам страховым письмом карточки Тани, Анны, Юрия, а также Мити и Володи.

От г-жи Кондратьевой до сих пор не имею ответа на мои вопросы о докторе Мецгере.

Как мне жаль бедного Колю! Могу себе представить, какое чувство сиротелости он испытывает без своего брата.

Будьте здоровы, дорогая, добрая, милая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

73. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
3 сентября 1882 г.

Милый, бесценный друг! Вчера получила Ваше дорогое письмо и, как всегда, должна благодарить Вас глубоко, бесконечно. Вы всегда Вашим чутким, нежным сердцем поймете всё и отнесетесь ко всем с светлым, теплым взглядом, не подчиняющимся никаким рутинам и ни

каким расчетам. Я говорю по поводу переписки Коли с Анною, и при этом же случае я хочу несколько пространнее поговорить с Вами, мой единственный друг, о нашем проекте и моем отношении к нему, потому что мне надо знать, так ли же относится к этому делу и Александра Ильинична, или, быть может, она найдет его слишком рыцарским, средневековым. Я отношусь к нашему проекту так, что если я избрала будущую подругу для своего сына, то, если надо было бы ждать не два года, а пять лет, я бы не стала уже высматривать другой невесты для него и ни единого раза не допустила бы до себя и мысли, что если явится что-нибудь более, как бы это выразиться, блестящее, соблазнительное, то можно направить сына и туда,— о нет,— я не только буду говорить ему, чтобы он оставался в е р н ы м своему чувству, но я буду оберегать его от всякого соблазна, отдалять возможность изменить своему чувству, а с другой стороны, буду делать всё, чтобы дать возможность развиться и окрепнуть чувству его к той девушке, которую я же избрала для него, а к этому служат свидания, переписка, сближение, и, повторяю, я делала бы всё это, если бы надо было ждать и пять лет, а не короткие два года, которые промелькнут, как два месяца. Вот мое отношение к данному предмету, дорогой мой. Я готова согласиться, что оно не п р а к т и ч н о, но это — м о е понятие. Я не ищу для своего сына ни блеска, ни удовлетворения тщеславия, напротив, когда год назад я увидела, что он может жениться на девушке, штемпелеванной аристократке, княжне, со связями, с положением, я сейчас же старалась его отвлечь оттуда, хотя это семейство превосходное, но среду эту я не считаю обеспечивающей семейное счастье. А я для него ищу возможного счастья в браке, поэтому, раз выбравши для него подругу, я уже не буду смущаться никакими соображениями, а буду твердою рукою вести свое дело к заданной цели. Если при всех моих стараниях это всё-таки не удастся, я пожалею, но не упрекну себя ни в чем. Теперь, мой дорогой, я опять обращаюсь к Вашей драгоценной для меня дружбе; я уверена, что Вы в с е понимаете, ч т о я чувствую и к а к чувствую, и что мои з а в е т н ы е интересы и чувства Вы всегда побережете и оградите от всякого горя. Я прошу Вас убедительно сделать наблюдение, как относится Александра Ильинична к предмету, о котором я только что говорила. Ведь Вы понимаете, дорогой мой, что мне это н а д о знать, потому что я в этом случае как будто ответственна за спокойствие и благосостояние моего сына, и мне надо знать, как его н а п р а в л я т ь в этом случае, может ли он относиться к данному предмету как к чему-то п р о ч н о м у и н е у к л о н н о м у, насколько это в человеческих силах заключается, или это есть вещь совсем фражильная (fragile) *, подвергнутая многим обстоятельствам. Вы, конечно, дорогой друг мой, не будете спрашивать п р я м о Александру Ильиничну об этом, потому что п р я м о й вопрос возбуждает страх, как будто о б я з а т е л ь с т в а, тогда как никто из нас, понятно, не может обязаться ни на что: для каждого человека могут быть о б я з а т е л ь н ы известные действия, но никогда не результаты их или последствия. И то, что Вы узнаете о мнении Александры Ильиничны в данном случае, не откажите, мой бесценный, сообщить мне с п о л н о ю о т к р о в е н н о с т ь ю.

Мои мальчики, кроме Саши, уехали в Петербург. Очень скучно без них. Благодарю Вас безгранично, мой дорогой, за Ваше письмо к Коле, которое я не распечатала, впрочем, и сейчас же послала ему. Это для него будет радость неописанная. Сашок просил у меня позво-

* хрупкая, ломкая

ле́ния писать Вам, мой милый друг. Я ему разрешила, потому что надеюсь, что Вы, по своей доброте, простите ему это желание, и ведь, конечно, Вы не будете себя беспокоить ответами, когда не расположены писать.

Вы поручаете мне, дорогой мой, утешить Влад[ислава] Альб[ертовича] в Вашей критике. Да ведь он в восторге от нее, он молится на Вас, без энтузиазма, без слез он не может говорить о Вашей дивной доброте. Как,— говорит,— такое светило, такой колосс не погнушался таким червяком, как я (это его точное выражение): не только до мельчайших подробностей обратил внимание на всё, но с такою неподражаемою деликатностью объяснил мне правило сочетания ударений музыки и слов». Он давал мне читать Ваше письмо, мой несравненный человек, и я изумлялась, и только и можешь всегда сказать: господи, что это за человек!

В субботу, т. е. завтра, я переезжаю в Москву. В прошлую субботу не переехала потому, что дом в Москве не был готов. Погода у нас необыкновенная, среди дня жарко, как летом. До свидания, мой милый, дорогой, несравненный. Будьте здоровы и покойны. Всем сердцем беспредельно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Как Вы скоро работаете, друг мой, это поразительно: давно ли Вы начали оперу, и уже конец близится.

74. Мекк — Чайковскому

Москва,
7 сентября 1882 г.

Милый, дорогой, несравненный друг мой! Не знаю, как и благодарить Вас за восхитительные фотографии, которые Вы мне прислали; это такая прелесть, что глаз отвести не хочется. Татьяна Львовна — красавица, как и всегда, Анна — прелестна, как ангел божий, залетевший на землю; ее милое, невинное выражение лица очаровательно. Юрий — это картина, что за красота! Митя и Боб — самые прелестные гимназистики, которых природа когда-либо создавала. Это замечательно, какое это семейство красавцев; природа как будто специально занялась ими, чтобы показать миру, какие чудеса она может создавать — восхитительно! Поздравляю Вас еще раз, мой дорогой, с новым членом семейства, произведшим Вас в чин д е д у ш к и. Дай господи ребенку всякого счастия на земле, а родителям всегда радости и утешения от него.

Теперь перехожу к главному предмету и главной цели этого письма. Прошу Вас, умоляю, мой дорогой, бесподобный друг, н е п и с а т ь никому из нас до тех пор, пока Ваша голова совершенно излечится и не останется даже ни малейшей наклонности к головным болям. Вы до того деликатны, что, право, становится совестно. Ну, как же Вы можете извиняться перед моим Сашей, перед ребенком, который не смеет и думать считаться с Вами чем бы то ни было. Он, писавши к Вам, удовлетворял своему страстному желанию и, конечно, не надеялся на ответ совсем, а уже и не мечтал о скором. Теперь же я прошу Вас всеми силами души, мой милый, дорогой, н е п и ш и т е мне н и к о г д а, когда Вы нездоровы; берегите свое здоровье прежде всего и пуще всего. Ведь Ваша жизнь и здоровье необходимы для моего

счастья на земле, они слишком дороги для меня, для того, чтобы я могла равнодушно смотреть, как Вы их тратите на удовольствие другим; пожалуйста, мой хороший, дорогой, не пишите.

Я свою руку сама сглазила: как приехала в Москву, так она стала хуже. Вообще мне ужасно жаль Плещеева: так там было хорошо. У меня, слава богу, все здоровы. Вчера я была на выставке, и она мне совсем не понравилась: в произведениях нет ничего особенного, а обставлена она отвратительно. Завтра приезжает государь. За границу я выберусь, вероятно, не ранее 20-го. Коля приезжал на несколько часов; так мне жаль его,— бедному грустно одному. От Вашего письма он в восторге. Благодарю Вас глубоко, мой милый, дорогой, за Ваше доброе, такое ласковое отношение к моим детям; меня глубоко это трогает. Будьте здоровы, мой бесценный, и исполните мою просьбу, не пишите мне; раньше месяца я не жду от Вас письма. Всем сердцем беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

75. Чайковский — Мекк

Каменка,
9 сентября 1882 г.

Милый, дорогой друг! Прежде всего позвольте поблагодарить Вас от всей души за поздравительную телеграмму Вашу. Голова моя, слава богу, здорова совсем, и я снова могу дозволить себе и работать и письма писать, так что Саше на его письмо я уже ответил и надеюсь, что он получил его.

Теперь передам Вам, что мне пишет г-жа Кондратьева о докторе Мецгере. Она отвечает мне по пунктам. 1) О летах доктора она никогда не справлялась, но, судя по наружности, полагает, что ему около сорока лет. 2) Он сам не приписывает себе, как оказывается, никакой особенной магнетической силы, но все его пациенты, ощущая во время его сеансов какое-то необыкновенно приятное состояние нервов, подозревают в нем эту силу. 3) Наружность его некрасива, но г-жа К[ондратьева] находит его симпатичным. 4) Он очень учтив, ласков, весел и оригинален. Славится не только как специалист по массажу, но также и как вообще превосходный диагност. Вот, милый друг, сведения, на верность которых Вы вполне можете положиться, и я ласкаю себя надеждой, что Мецгеру суждено вполне излечить Вас от Вашего недуга.

Касательно Вашего поручения узнать, как сестра относится к вопросу о женитьбе Коли на Анне, покамест скажу только одно, что сестра, как и всё их семейство, питает к Коле самую искреннюю, горячую симпатию, и мне нечего осведомляться насчет этого у нее, ибо я достоверно знаю, что она и Лев Васильевич от всей души были бы счастливы и рады, если б это могло устроиться. Но как она смотрит на неизбежность двухгодичного ожидания и как желает

влиять на Аню: заставлять ли ее уже теперь серьезно смотреть на Колю как на будущего жениха, или только будет пассивна, хотя и сочувственно, смотреть на их сближение,—этого, дорогая моя, я не знаю в настоящую минуту, ибо обстоятельства сложились так, что мы в течение этого лета с сестрой почти вовсе не виделись. Я хотел ей написать об этом сейчас же и даже просить ее прямо Вам ответить на беспокоящий Вас вопрос, но решил, что лучше это отложить до того времени, когда Вера (которая, как оказывается, очень тяжело перенесла роды и до сих пор еще очень слаба, так что и ребенка кормить не может) совсем оправится и сестра совсем успокоится. С Анной я, как писал уже Вам, не считаю себя в праве говорить о Коле иначе, как об общем и милом друге. Во всяком случае, дорогая моя, будьте покойны; я вполне уверен, что если Коля в предстоящие два года останется верен своему чувству, то он будет принят à bras ouverts* и родителями и милой девушкой, которой посчастливилось внушить любовь этому чудному юноше.

Работа моя подвигается, но не могу скрыть, что я очень утомлен. Когда вполне окончу черновую работу и останется только приняться за инструментовку, мечтаю через Москву и Петербург проехать в Италию и там на полной и совершенной свободе заняться этим.

Будьте здоровы, дорогая!

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

76. Чайковский — Мекк

Каменка,
14 сентября [1882 г.]

Дорогой, бесценный друг!

Хотя Вы в последнем письме запрещаете мне писать Вам, но так как я, слава богу, теперь совсем здоров, то без всякого ущерба для своего физического благосостояния могу повиноваться влечению сердца, которое заставляет меня обращаться к Вам письменно по старой привычке, сделавшейся уже неотложной потребностью моей жизни. Так как, действительно, от напряжения всех своих духовных и умственных сил, направленных к опере моей, я чувствую большое утомление и должен на время по возможности сократить свою переписку, тем не менее, писать Вам для меня не труд, а радость

---

* с открытыми объятиями

и удовлетворение сердечной потребности. Если бы снова наступили головные боли, обещаю Вам опять на время вовсе прекратить писание чего бы то ни было.

Никогда еще так трудно мне не давалось какое-нибудь большое сочинение, как эта опера. Уж не знаю, падение ли это способностей, или, быть может, я стал строже к себе, но, припоминая, как прежде без малейшего усилия я работал, как для меня были совершенно неведомы хотя бы кратковременные минуты недоверия к себе и отчаяния в своих силах,— я не могу не заметить, что стал другим человеком. В прежнее время я предавался труду сочинительства так же просто и в силу таких же естественных условий, на основании каких рыба плавает в воде, а птица летает в воздухе. Теперь не то. Теперь я подобен человеку, несущему на себе хотя и дорогую, но тяжелую ношу, которую во что бы то ни стало нужно донести до конца. Я и донесу ее, но часто боюсь, что силы мои уже надломлены и поневоле придется остановиться.

Дорогая моя, я в отчаянии, что до сих пор не могу прямо и точно ответить Вам на вопрос Ваш о возможности переписки Коли с Анной. Не знаю, рассеянность ли это со стороны сестры, почта ли что-нибудь напутала, но хотя и были письма от сестры и в них она писала о Коле и говорила, что он вступил в переписку с ней и с Нат[альей] Андреевной Плесской (другом сестры), но на вопрос, считает ли она возможным переписку Анны с Колей, ответа прямого нет. Я думаю, что теперь уже лучше дождусь ее возвращения в Каменку, которое вскоре состоится, и тогда, поговорив об этом обстоятельно, решим вопрос и напишем Вам. Я бы очень желал, чтобы по миновании всех беспокойств и забот о Вере, сестра собралась бы написать Вам свою profession de foi касательно Анны и Коли. Во всяком случае, дорогая моя, знайте и верьте, что Вы имеете во мне самого горячего защитника сердечных интересов Коли, которые, впрочем, в защите не нуждаются, так как (не касаясь самой Анны, в теплой симпатии которой к Коле я не сомневаюсь) все члены семьи поголовно влюблены в Колю.

Позвольте мне высказать неодобрение Вашему проекту жить зимой в Вене. Венская зима слишком сурова для Вас. Ведь Ваше здоровье требует именно итальянской зимы и даже, пожалуй, не флорентинской, а римской, или, что еще лучше, мессинской. Знаю, дорогая моя, что Вы избираете Вену не ради себя, а ради Саши, но нельзя ли устроить так, чтобы и Саша эту зиму провел с Вами в Италии? Простите, что вмешиваюсь в не касающееся меня непосредственно, но мне так бы хотелось, чтобы Вы были здоровы и чтобы Вы могли дышать чистым воздухом.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

77. Мекк — Чайковскому

Москва,
19 сентября 1882 г.

Милый, бесценный друг! Простите, что так долго не писала Вам, но мне это время так нездоровилось, что, я думала, и за границу ехать не придется. Я, как по обыкновению, в Россини простудилась, и очень мне было плохо, но, однако, теперь лучше, но сильно кашляю и чувствую большую слабость. Предполагаю выехать за границу послезавтра, г. е. 21-го во вторник, если ничто не помешает. Сегодня приедет мой Коля, привезет мне подписать прошение о выходе Саши из Училища. Очень мне, очень больно делать этот шаг, но что же делать. Просила, чтобы ему позволили докончить курс в Училище в России, но занимаясь там, где будет требовать его здоровье,— мне отказали; а казалось бы, скорее надо было бы помочь желанию матери и самого юноши сделать образование в России, но, к сожалению, у нас этого не поощряют, и теперь мы должны искать, как ему окончить курс за границею. Я думаю, что теперь он перейдет на техническую дорогу, так как специальные науки он выбрал, но нигде еще не начал; место, где он должен будет делать свое образование, предполагается Вена.

Не знаю, как и благодарить Вас, милый, добрый, несравненный друг, за Ваше ласковое, отеческое отношение к моим сыновьям. Ваше письмо к Саше меня до глубины души тронуло; никакая мать не могла бы лучших советов ему давать, чем Вы, мой добрый, благородный друг, и все это с такою теплотою, с такою нежностью, что вызывало слезы благодарности у меня на глаза. А как эта доброта полезно действует на только что развивающееся сердце, которому, как растению, необходимы свет и теплота, и Вы, мой дорогой, всё это доставляете ему, моему сыну; пусть Вас бог наградит в десять раз.

Колю мне очень, очень жаль. Он грустит от одиночества и от беспокойства за будущее; когда он долго ничего не знает из Каменки, он приходит в беспокойство, грустит. Бедный мальчик, как заботы рано приходят к людям. Домашние мои все, слава богу, здоровы. Своим домом я также очень довольна. Я его всегда очень любила и так довольна тем, что опять в нем нахожусь. Вероятно, в конце октября или начале ноября переедет моя Саша в Москву и ко мне в дом пожить некоторое время и отсюда также за границу, туда же, где и мы будем, т. е. в Вену. Ее маленький недоносочек, Адя (Адам), растет и полнеет, но я всё-таки боюсь, что он будет очень слабенький. Володя в настоящее время в Москве, а также и моя старшая дочь Лиза Иолшина. В этом году мне посчастливилось довольно много видеть своих детей, и всех,— это большая для меня радость.

Погода у нас удивительно теплая, сегодня даже с утра восемь градусов тепла; дал бы бог подольше такой температуры. Я послала Вам, милый друг мой, альбом моего Плещеева. Желала бы очень, чтобы оно Вам понравилось, но фотографии сделаны нехорошо; в натуре оно гораздо лучше. Я очень жалею, что не сделала надписей под каждым видом, чтобы объяснить Вам, какая постройка, но я в такой суете здесь, что и забыла сделать это; поправлю немножко теперь: 1) дом с подъездами, обросшими диким виноградом, есть главный дом, 2) дом с зубцами наверху есть флигель, в котором жили учителя и были комнаты для гостей, 3) дом пониже первых двух есть помещение управляющего (отца Владислава Альбертовича), 4) маленький балкончик, обвитый зеленью, есть мой балкончик из моего кабинета; перед

ним замечательная пихта, 5) большая терраса, убранная растениями, проходит около столовой, гостиной и моей спальни; в углублении ее находится моя особа за кофеем; этот вид сделан специально для Вас, мой дорогой. Второй альбом с видами посылает Коля Анне Львовне и просит милостиво принять его. Надеюсь, мой дорогой, что Вы не забудете моей просьбы насчет переписки Коли с Анною; мне уж очень жаль моего бедного мальчика. Коля поручил мне очень просить Вас, милый друг мой, дать ему весточку, когда Вы будете в Петербурге; ведь адрес их Вы знаете, дорогой? Коля был раза три у Модеста Ильича и ни разу не застал его дома.

Дорогой мой, теперь я попрошу Вас написать мне, если Вы будете так добры, одно письмо в Вену, poste restante, а дальше я сообщу Вам мой адрес. Прилагаю здесь бюджетную сумму. До свидания, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы, покойны, веселы и не забывайте всем сердцем безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Юля, Саша, Соня и Милочка шлют Вам их задушевное почтение и желание доброго здравия. Соне на днях кончилось пятнадцать лет; мне как-то не верится.

Не откажите сообщить мне, дойдет ли до Вас прилагаемый перевод.

78. Чайковский — Мекк

Каменка,
1882 г. сентября 22—24. Каменка. 22 сентября 1882 г.

Дорогой, милый друг!

Сегодня утром получил Ваше письмо со вложением бюджетной суммы, о чем и поспешаю уведомить Вас, принося Вам бесконечную мою благодарность.

Так как вчера Вы должны были выехать, то сегодня воображаю Вас уже едущей по направлению к Варшаве. Дай бог, чтобы поездка эта совершилась вполне благополучно. Мне приятно думать, что Вы во-время уезжаете от русской зимы, но насколько я был бы более рад, если бы Вы ехали в Италию, которая, как мне кажется, одна только удовлетворяет требования Вашего организма. Впрочем, я очень мало знаю Вену и, быть может, ошибаюсь, воображая ее зиму холодной. Зато Вена—очень прятный город в отношении музыкальном, и я надеюсь, что здоровье позволит Вам наслаждаться слушанием превосходнейшей венской оперы и некоторых концертов. Для Саши же пребывание в Вене будет очень полезно во всех отношениях, и как ни жаль, что он не может окончить училищного курса, но, по крайней мере, хорошо то, что для его музыкального развития Вена представит много благоприятных условий.

Мы находимся в тревожном состоянии по поводу известий о болезни сестры. Она должна была двадцать третьего выехать из

Ялты на пароходе, которым командует мой брат Ипполит, но вчера мы получили две телеграммы, из коих в первой уведомляют, что она очень нездорова и просит Льва Вас[ильевича] приехать, а во второй — что ей лучше и что приезд Льва Вас[ильевича] не необходим. Как нарочно, Лев Вас[ильевич] уехал несколько дней тому назад в Киев и всё не возвращается. Мы телеграфировали ему и не знаем, как он решит. В течение двух дней я и Анна тщательно скрывали неприятные известия от Тани, которая вот уже месяц как постоянно недомогает, и мы боялись ее расстраивать; но она подслушала наш разговор, узнала правду, и теперь я вдвойне тревожусь: и за сестру и за Таню. Несчастная эта девушка! Представьте, друг мой, что она уже более месяца буквально ничего не ест: у нее непобедимое отвращение ко всякой пище. Как она живет, чем поддерживается ее организм, просто непостижимо! Говорят, что во всём этом нет ничего серьезного, что всё это нервы, но, тем не менее, сердце болит, когда на нее смотришь.

Зато Анна бесконечно радует меня: целый день занята то уроками, которые она дает Тасе и еще одной бедной девочке, то хозяйством, то чтением серьезной книги, и вместе с тем всегда здорова, весела, всем приятна и полезна; это в самом деле хорошая девушка, способная осчастливить своего будущего мужа. Я сообщил ей известие, что нам предстоит получение плещеевских видов; она очень радуется этому. Она сказала мне сегодня, что иногда до слез умиляется, думая о Коле и его любви к ней, и что она его ужасно любит. У нас здесь лежат два письма Коли, адресованные к Н. А. Плесской; Анна их унесла к себе. Я не подал виду, что заметил это, но вижу уже по одному [этому], что она дорожит всем, что от него исходит. К сожалению, до приезда Н. А. Плесской нельзя будет узнать, что заключается в его письмах.

С нетерпением жду возвращения сестры, чтобы поговорить с ней обстоятельно об Анне и Коле.

24 сентября.

Вчера утром приехал Лев Вас[ильевич], и в то же время пришла телеграмма от сестры, что она выехала из Севастополя. Известие это всех успокоило и обрадовало, но не надолго. Вечером пришла телеграмма из Одессы, что бедная сестра очень сильно снова заболела в Одессе; предполагают, что у нее опять камни идут из печени. Это страшно мучительное состояние, и боли столь ужасные, что невыносимо видеть ее страдания. Сама по себе болезнь эта хотя тяжкая, но не смертельная, однакоже, кто знает, насколько такой уже ослабленный организм, как у сестры, может вынести несколько суток страдания? Я очень, очень боюсь за нее. Лев В[ас]

с[ильевич] уже уехал в Одессу. Какое счастие, что около больной есть такой преданный и ловкий в ухаживании за больными друг, как Наталья Андреевна Плесская!

Я получил письма из Петербурга от Направника и Каменской. Ввиду неимения в петербургской опере драматического сопрано, дирекция предложила певице Каменской снова партию Орлеанской Девы, от которой она отказалась по причине высоты партии. Теперь они просят, чтобы я переделал роль для mezzo-soprano. На днях получу партитуру, и придется заняться этой несимпатичной работой. Очень тяжело вещь, которую привык воображать в окраске известной тональности, переносить в другой тон, менять модуляции и т. д. Но что делать! Приходится подчиниться необходимости.

Надеюсь, дорогой друг, что Вы благополучно совершили переезд до Вены. Если молитва любящего человека может оберечь от всякого неблагополучия того, за кого приносится молитва, то я надеюсь, что и я до некоторой степени привлекаю на Вас божие благословение, ибо ежедневно горячо молюсь за Вас подателю всяких благ.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

79. Мекк — Чайковскому

Вена,
1 октября 1882 г.

Милый, несравненный друг! Вчера я получила Ваше дорогое письмо, и оно произвело на меня чарующее действие. Все то, что Вы пишете мне про Анну, до того мне нравится, так бесконечно радует меня, что я могу только просить бога, чтобы он дал осуществиться моим мечтам на счастье наших детей. Мой Коля также утешает меня чрезвычайно своими письмами; он становится таким серьезным, так искренно и так неуклонно любит Анну, как я и не ожидала. Он пишет почти каждый день, и я вижу из его писем, что все его существо, все его думы наполнены чувством к Анне, он только и живет ожиданием будущего и воспоминаниями прошлого. Его нисколько не пугают два года по отношению к себе, он уверен в себе, но на него часто набегают облака от неизвестности настроения с другой стороны, и мне больно, что я не могу прогонять этих облаков, успокаивать его. Я могу только ручаться ему за то, что Вы, мой добрый, благородный друг, стоите за него и будете всегда поддерживать его интересы.

Как мне жаль, как больно за бедную Александру Ильиничну. После Вашего письма о ее болезни я всё нахожусь в состоянии беспокойства; какая ужасная это болезнь. Пошли ей господи как можно скорее облегчение и успокоение, бедная страдалица! Как меня трогает и как я Вам бесконечно благодарна, милый, дорогой друг мой, за Ваше теплое, доброе участие к моему здоровью. Конечно, Италия по кли-

мату больше всего удовлетворяет требованиям моего разбитого организма, но для нервов, так сказать, там слишком скучно, поэтому я уже прошлою весною, находясь еще во Флоренции, решила попробовать жить в Вене. Зимою, конечно, если уже мне совсем плохо станет от холода, то придется опять бежать в Италию, но я этого очень не желала бы, потому что Вы знаете, милый друг мой, что я отэльной жизни не выношу, поэтому я наняла квартиру, купила свою мебель, посуду, всё хозяйство. Мне это обойдется от двадцати до двадцати пяти тысяч гульденов, и бросить всё это мне бы не хотелось, но человек — раб обстоятельств. Теперь бедному Владиславу Альбертовичу так много дела, что он во-время ни пообедать, ни позавтракать не может, потому что все дни меня он устраивает, и совсем один, потому что особа, которая по своим летам и своему положению в жизни могла бы быть практична и полезна в делах (моя гувернантка Юлия Францевна, о которой Вы имеете некоторое понятие), к несчастью, так занята своею собственною особою, так мечтает еще о женихах (ей сорок шесть лет), о любви, что только и повторяет везде, что она так неопытна, что остается только пожалеть, что бывают люди, которые так поздно развиваются, а бедному Влад[иславу] Альб[ертовичу] очень тяжко.

Как мне жаль Вас, мой милый, дорогой друг, что Вы должны делать такую скучную работу, как транспонировка партий Иоанны д'Арк; бедная наша Россия, даже голосов у нее хороших нет! Больно, тяжело выговорить, но приходится сознаться, что ничего у нас хорошего нет, все только сырые материалы. Я была ужасно огорчена, побывавши в Москве на выставке. Это такая скудость изобретательности, такой застой, что в Вене и Париже без всяких выставок видишь каждый год гораздо больше нового, вновь приобретенного, чем у нас на выставке, к которой готовились сколько времени; до слез больно. А здесь как хорошо, Петр Ильич, видишь, что человеческий организм работает всеми своими частями, что человек живет недаром, что у него работает не один желудок, а и мозг также, а у нас какая-то спячка, от которой люди пробуждаются только для того, чтобы съесть, выпить и опять спать. Это мое больное место — горе за наше бедное отечество.

Когда я немножко устрою здесь квартиру, то хочу проехаться в Париж и Амстердам, но не для того, чтобы делать там массаж, потому что это леченье требует очень много времени и мне бы не хотелось засесть в Амстердаме, а я хочу показать Сашонка Мецгеру.

До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы, веселы и не забывайте бесконечно Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Адрес мой: Вена, Franzensring, № 18.

80. Чайковский — Мекк

1882 г. сентября 28 — октября 8. Каменка.

Каменка,
28 сентября.

Я только что вернулся из Киева, куда ездил на два дня, и, вошедши в свою комнату, нашел на столе превосходнейший плещеевский альбом. Благодарю, несчетно раз благодарю Вас, дорогой,

милый, бесценный друг, за этот роскошный и в то же время милый сердцу моему подарок. Какая превосходная мысль была у Вас украсить виды Плещеева и комнаты портретами Вашими. Это сообщает альбому особенную цену, это так оживляет его, что как будто в шапке-невидимке прогулялся по комнатам и по саду и увидел не только Ваше обиталище, но и самих дорогих обитателей. Анна в совершенном восторге от подарка и поручает мне выразить Вам свою самую восторженную благодарность. Коле я сегодня написал и его тоже благодарил от нее. Я надеюсь, что по приезде сестры она (т. е. Анна) сама поблагодарит Колю письменно.

Я уехал в Киев в большом беспокойстве насчет сестры, которая накануне телеграфировала, что очень больна, и вызвала к себе Льва Васильевича. Но на другой день получил известие, что сестре лучше после того, как из нее вышло т р и к а м н я. Нет худа без добра. Уж если эти камни успели у нее опять образоваться в печени, то, по крайней мере, следует благодарить бога за хороший исход. На этот раз страдания, предшествующие выходу камней, были очень кратковременны. Лев Васильевич телеграфирует, что в скором времени они все вместе вернутся в Каменку.

8 октября.

Прошло более недели с тех пор, как я написал Вам, дорогая моя, предыдущие строки, и все они прошли для меня как один серый, долгий, томительный день. Я Вам писал уже в предыдущем письме (если не ошибаюсь), что петербургская дирекция театров, ввиду отсутствия драматического сопрано, просила меня переделать партию И о а н н ы для меццо-сопрано. Сначала я думал, что мне придется лишь распорядиться о транспонировке на тон вниз нескольких номеров. Но, получив партитуру и обстоятельные указания практичного и опытного Направника, какие должны быть перемены, я увидел, что мне придется чуть не пол-оперы переинструментовать. Это ужаснуло меня, так [как] нет ничего скучнее и неприятнее, как вновь трудиться над вещью, которая уже давно написана и к которой авторское чувство успело остынуть. Но делать было нечего; интересы моей оперы требовали, чтобы я превозмог себя, и я превозмог. Десять дней просидел я прикованный к столу своему над этой томительной работой, и нужно было в самом деле геройское усилие воли, чтобы сделать всё, что я успел сделать в этот короткий срок. А торопиться было необходимо для того, чтобы в Петербурге успели во-время переписать партии оркестра, переучить многое заново и поставить оперу на новой сцене Большого театра, куда теперь приютилась русская опера. Наконец вчера всё это было окончено, уложено и отправлено в Петербург, и я чувствую такое же облегчение, как человек, страдавший несколько дней сряду зубною болью, после того как ему вырвали зуб [1]. Но уста-

ность моя такова, что теперь несколько дней придется проводить в совершенной праздности, и даже письма писать буду только Вам и двум братьям.

Семейство у нас теперь в полном сборе. Неделю тому назад сестра и Лев Вас[ильевич] возвратились, ко всеобщей радости. Бедная сестра моя выдержала опять неописанные страдания и привезла с собой три ужасающей величины камня, которые вышли у нее из печени. Теперь она чувствует себя хорошо, насколько это возможно при ее слабости и общем истощении сил. Замечательна сила живучести в этой слабой, нервной натуре! Почти девять десятых своей жизни она больна, а между тем, как только освободится от страданий, предается кипучей домашней деятельности и успевает сделать так много, как и многие здоровые не сумеют.

Я говорил сестре о Ваших тревогах насчет прочности отношений Коли и Анны. Она собирается сама писать Вам и с полною откровенностью высказать свои чувства и мысли по поводу этого обстоятельства. Одно только скажу Вам, дорогая моя, это то, чтобы Вы были совершенно уверены в том, что и сестра и Лев Вас[ильевич] уж, конечно, не менее Вас желают, чтобы наши мечты осуществились, а что касается Анны, то я имею полное основание уверить Вас в том, что чувство ее к Коле п р о ч н о, насколько п р о ч н о с т ь чувств возможна в этом мире. Милый Коля! какие прелестные письма пишет он Нат. Андр. Плесской! Какая это чудная, любящая, обаятельно-симпатичная натура!

Ввиду того, что Вена Вам нравится и что Вы будете жить там у себя дома, а не в отеле, я мирюсь с мыслью, что Вы не в Италии. Дай бог, чтобы зима была нехолодная. Здесь у нас вот уже более недели мороз, снег и ветер. Ах, этот ужасный, вечный каменский ветер. Он причиной того, что мне невозможно здесь долго оставаться, так как без обычной двухчасовой прогулки я буквально жить не могу, а здесь ветер так постоянен, резок и силен, что я должен иногда обходиться без движения на чистом воздухе.

До свиданья, дорогая! Ваш до гроба

П. Чайковский.

Потрудитесь передать всем Вашим поклоны мои и приветствия.

81. Мекк — Чайковскому

Париж,
14 октября 1882 г.

Милый, дорогой друг мой! Я от Вас уж очень, очень давно не получала никакого известия, и это меня очень беспокоит. Все ли у Вас благополучно, как здоровье Александры Ильиничны? Напишите, доро-

гон, два слова. Адресовать прошу Вас в Вену, Grand Hôtel, а оттуда мне сейчас перешлют письмо.

Мой бедный Коля также в тревоге. На днях получила от него печальную телеграмму, что он две недели ничего не знает об Каменке, что не имею ли я каких-нибудь известий. Бедный мальчик уже с этих лет тревожится, тоскует; уж пусть бы горе и заботы были принадлежностью стариков, а хотя бы молодые жили весело и беззаботно, так нет,— живут только беззаботно те люди, которые на птиц похожи. Вообще мой бедный Коля скучает ужасно; брата нет, и он совершенно одинок, не с кем поделиться никаким своим чувством, впечатлением, беспокойством. Милый, дорогой друг мой, я надеюсь, что Вы не забыли похлопотать за моего бедного юношу насчет переписки его с Анною. Это для меня очень живой вопрос, потому что мне так жаль моего бедного ребенка: совсем один, и даже хуже, чем один, потому что окружен враждебным элементом, а к этому еще постоянное беспокойство и страх о том, что делается в Каменке, не забыли ли его, не явился ли уже кто-либо другой. Я боюсь очень, чтобы это не дурно подействовало на его занятия. Ах, я еще и не поблагодарила Вас, мой добрый, несравненный друг, за Ваше письмо к Коле. Оно было для него как манна небесная; он ужасно благодарен Вам за него, и я также не знаю, как и благодарить Вас, мой дорогой, за Вашу всегдашнюю доброту и участие к моим детям.

Да, я сказала о враждебных элементах около Коли. Вас это, быть может, удивит, друг мой, но, к сожалению, нельзя найти на свете людей, которые могли бы заменять детям родителей. Я выбрала очень хорошего и почтенного человека, которому поручила своих детей в Петербурге, но каждый заботится более о себе, чем о чужих детях, т. е. о своем властолюбии, деспотизме,— так и Ив[ан] Ив[анович]. Он не может помириться с тем, что Коле двадцатый год и что ферула Ив[ана] Ив[ановича] становится излишнею, а в особенности тут его супруга подстрекает его, и вдвоем делают Коле всякие неприятности, устраивают над ним какую-то инквизицию, подсмотры, так что тот, бедный, при всей необыкновенной доброте своего характера, иногда теряет терпение. Мне жаль его невыразимо, но я ничего не могу сделать, чтобы избавить его от этого положения, потому что для Макса и Миши необходимо иметь кого-нибудь в доме. Ах, боже мой, сколько горя бывает в жизни.

Скажите, дорогой мой, что у Анны нет слишком большой самонадеянности и самоуверенности в характере? Пишите, мой бесценный, мне побольше об ней и, пожалуйста, всю истину, если явится какой-нибудь конкурент Коли.

Вот я опять в Париже. Каждый день вспоминаю о том времени, когда Вы жили в Hôtel Meurice. Боже мой, неужели никогда ничто подобное не повторится? Я рада быть в Париже, потому что очень люблю его, хотя французов терпеть не могу,—это такие самохвалы, такие нахалы, что просто противно, но город со всеми своими произведениями, со всею кипучею жизнью —бесподобен!

Погода здесь дурная, пасмурно, дождливо, хотя, конечно, не холодно, двенадцать градусов тепла. Рука моя пришла в самое дурное состояние. Всё, что массаж принес пользы, теперь от холода пропало, и вернулось прежнее дурное состояние. Я из Парижа вернусь опять в Вену, чтобы скорее устроиться на одном месте, а то эти путешествия в дурную погоду вредят здоровью. Быть может, Сашок с компанией проедутся в Амстердам, т. е. через Амстердам вернутся в Вену, а я остановлюсь дня на два в Мюнхене по делам со своим банком.

До свидания, мой милый, несравненный, дорогой друг. Будьте здоровы, веселы, покойны и не забывайте всем сердцем беспредельно любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Не забудьте, дорогой мой, похлопотать за моего бедного Колю; его положение такое печальное, бедное мое дитя!

82. Чайковский — Мекк

Каменка,
14 октября [1882 г.]

Милый и дорогой мой друг!

Надеюсь, что письмо, которое написала Вам сестра моя, дошло до Вас. Я просил ее высказать Вам с полной откровенностью ее чувства и мысли насчет отношений между Колей и Анной, и уверен, что она так и сделала. Не знаю, какое впечатление произведет на Вас письмо это, но радуюсь тому, что она вошла в непосредственные письменные сношения с Вами. Это, во всяком случае, самый лучший способ уяснить положение дела и укрепить сближение между нашими детьми, полюбившими друг друга.

Вчера я получил письмо от Коли и вчера же отвечал ему. Случилось, что несколько его писем лежали в Каменке без ответа, вследствие того, что болезнь сестры задержала ее вместе с Натальей Андреевной Плесской в Одессе. Приехавши, она тотчас же написала ему, но или письмо не дошло, или не успело еще дойти, и Коля, подумавший, что, верно, сестре моей хуже, пришел в беспокойство и просил меня дать ему сведений о них. Кроме того, я получил перед этим письмом еще другое от него, и знаете, друг мой, что для меня большое удовольствие получать и читать его письма. Достоинство их не в том, что он обладает каким-нибудь особенно блестящим литературным стилем, а в том, что он в письмах своих высказывается целиком, совершенно так же, как в разговоре. Он пишет, как говорит, так что, прочтя его письмо, кажется, как будто только что виделся с ним, и впечатление от них остается такое же, как и от беседы с ним. Это, в самом деле, замечательно цельная, прямая, симпатичная натура, и чем больше узнаешь его, тем больше любишь. Нас всех очень интересует, что означает Ваша телеграмма к Коле, возвещающая приезд Саши в Петербург, и я просил Колю поскорее сообщить нам все подробности об этом.

У нас здесь всё благополучно, и даже можно сказать, что давно уже не было такой полосы полного благополучия, как теперь. Дай бог, чтобы полоса эта протянулась как можно дольше! Анна поглощена своей сложной педагогической деятельностью. Пока еще

не приехал приглашенный для мальчиков учитель, и Анна занимается ежедневно по нескольку часов с братьями; кроме того, она учит Тасю и еще одну бедную девочку, и всё это она делает с самым пылким усердием и любовью к делу. Вообще нельзя достаточно нахвалиться Анной. Так утешительно видеть, как она каждую минуту своей жизни старается сделать полезной и для других и для себя!

Я отдохнул несколько от утомления, причиненного мне «Орлеанской Девой», и теперь понемножку начинаю приниматься за инструментовку новой оперы.

Состояние духа моего было бы и превосходно, если бы не беспокойство по поводу брата Модеста. Он, бедный, всё недомогает и хотя на ногах, но постоянно нехорошо себя чувствует. Притом же, подобно мне, он ненавидит Петербург, петербургскую жизнь и очень тяготится тем, что прикован к этому ненавистному городу интересами его воспитанника.

Об Италии он мечтает как об обетованной земле, но, увы, в нынешнем году, во всяком случае, он не попадет туда. Для меня это очень горько, и без Модеста Италия в моих глазах теряет половину цены своей.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш бесконечно Вам преданный

П. Чайковский.

83. Чайковский — Мекк

Каменка.
20 октября [1882 г.]

Дорогой друг! Сегодня получил Ваше парижское письмо, из коего вижу, что Вы не получаете моих писем, а также, что письмо сестры не дошло до Вас. Я писал Вам, по обычаю, не менее раза в неделю и адресовал в Вену, Franzensring, № 18. Теперь Вы пишете, чтобы я адресовал в Вену в Гранд-отель. Никак не могу понять, отчего, уж раз что в Вену, то нужно адресовать в Grand Hôtel, а не на Вашу квартиру. И отчего, если Вы говорите, что письмо Вам перешлют, то не даете мне знать, куда именно? Ведь короче было бы прямо указать мне, куда Вы едете и когда. В письме Вашем я усматриваю, что Вы хотите вернуться в Вену, а между тем говорите, что из Вены Вам перешлют письмо. Я решительно становлюсь втупик и решаюсь ждать разъяснения: не произошло ли тут, по рассеянности, ошибки, не в парижский ли Grand Hôtel Вы велите адресовать? А пока

посылаю в оба Гранд-отеля два коротеньких письмеца. Подробнее же буду писать, когда узнаю наверное, где Вы, и с этою целью пишу Коле и прошу у него разъяснения.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Ради бога, простите небрежность письма; тороплюсь, чтобы сегодня же отправить.

84. Чайковский — Мекк

1882 г. октября 19—26. Каменка.

Каменка,
19 октября.

Дорогой, бесценный, милый друг!

Наслаждаетесь ли Вы в Вене такою же чудною, совершенно летней погодой, какая теперь у нас? После трех недель ужаснейшего северо-восточного ветра, приносившего каждую ночь мороз и гибель листве и зелени, вдруг сделалась такая погода, какая бывает в конце января или начале февраля в Риме. Мне тем более это усладительно, что (уж решительно не знаю отчего) всё последнее время я был в неопределенно-мрачном состоянии духа, на что-то раздражался, на что-то сердился и, одним словом, являл из себя, должно быть, очень неприятного человека, хотя все здешние, по любви своей и деликатности, притворялись, что не замечали, или и в самом деле не замечали этого. Как бы то ни было, но внезапно наставшая чудная итальянская погода совершенно излечила меня, и я опять стал самим собою. Ах, друг мой, какое для меня ужасное лишение, что мой Алеша в солдатах! С каким бы наслаждением я сейчас же уехал бы в милую Италию, если б Алеша был со мной! Ехать туда в совершенном одиночестве как-то страшно мне и жутко. А собственно говоря, мне даже следовало бы уехать, ибо случилось так, что я своим присутствием положительно стесняю семью, и как они ни милы и ни родственно-нежны ко мне, но несомненно, что, уехавши, я бы дал возможность им устроиться как следует. Представьте, до какой степени тесно они живут, что даже гувернера, приглашенного для Мити и Володи, некуда поместить, и пришлось (конечно, из-за меня) дать ему квартиру на местечке. Итак, ехать нужно, ехать хочется, но страшно и грустно. Поживу еще несколько дней здесь, поеду в Москву и Петербург для свиданья с братьями, а там увидим!

20 октября.

Получил сегодня Ваше письмо, дорогой друг, и нахожусь в совершенном недоумении, что делать. Вы пишете, что не получаете

от меня писем, а между тем, я, как Вы приказывали, одно письмо адресовал в poste restante, другие же, по получении адреса,— в Вену, Franzensring, 18. Сестра написала Вам полторы недели тому назад большое письмо и отправила его по тому же адресу. Неужели эти письма пропали? Теперь Вы говорите, чтобы я адресовал в Вену, в Grand Hôtel и что оттуда Вам письма посылают. Но если Ваша квартира на Franzensring, почему нужно адресовать в Grand Hôtel? Долго обдумывая это непонятное для меня обстоятельство, я, наконец, пришел к заключению, что Вы велите писать в Париж, в Grand Hôtel и, по рассеянности, написали — в Вену. Но опять-таки не знаю, сколько времени Вы остаетесь в Париже и в который из двух Гранд-отелей писать. Решаюсь подождать разъяснения обстоятельств, а покамест напишу в оба отеля по коротенькому письмецу.

Я должен откровенно сказать Вам, дорогой друг, что немножко сержусь на Вас. Отчего Вы не хотите побывать в Амстердаме у Мецгера? Уж раз что Вы решились из Вены совершить поездку, отчего Вы не хотите кстати и о своем здоровье подумать, которое стольким людям так дорого? Кто знает, быть может, Вы добровольно лишаете себя быстрой и легкой возможности полного излечения?

22 октября.

Вы спрашиваете, самоуверенна ли Анна? Могу смело отвечать отрицательно на этот вопрос. Во-первых, о своей наружности она того мнения, что нет в ней ничего хорошего, и действительно она искренно в это верит, весьма мало о своей красоте заботится и нимало не огорчается мыслью, что нехороша. Может быть, именно поэтому, несмотря на то, что она действительно далеко не хорошенькая, а только одаренная симпатичным выражением лица и чудесными глазами,— нравится она, однакоже, гораздо больше своей старшей сестры Тани, которую, однакож, можно назвать почти совершенной красавицей. Во-вторых, Анна одарена тем особого рода благородным самолюбием, свойственным избранным натурам, которое заставляет их неустанно стремиться к идеалу совершенства и вечно сокрушаться о своих недостатках. Это именно самолюбие, если хотите, но уж никак не самоуверенность.

При случае скажите, дорогая моя, почему Вы мне сделали этот вопрос. Я улыбнулся, когда прочел Ваш другой вопрос: нет ли другого претендента на руку ее? Ведь мы здесь живем не только по-деревенски, но и при совершенном отсутствии соседей вообще и молодых людей в частности. До сих пор еще никаких ухаживателей у Анны не было, если не считать одного, средних лет, киевского товарища прокурора, князя Ливена, который

бывал в доме Льва Вас[ильевича] в прошлом году и был очень дружен с Анной, находя [ее] очень умным и милым ребенком. Но что у этого господина нет мысли жениться вообще и предложить соединиться узами брака с Анной в особенности, за это я Вам ручаюсь. Во всяком случае, этот Ливен — единственный мужчина, обращавший на Анну некоторое внимание. В свет она до сих пор не ездила, и мне совершенно достоверно известно, что она мечтает и думает исключительно о Коле, и неоднократно выражала мысль, что для нее величайшее счастье, что встретилась с Колей и что ей выпало на долю иметь право рассчитывать на такого милого супруга. Она питает к Вам пламенные чувства любви. Когда сестра писала к Вам, она спросила, кому она пишет, и, узнавши, что к Вам, сказала: «Скажи Н[адежде] Ф[иларетовне], что я целую ее ручки»!

Сколько я ни думал и ни делал попыток объяснить себе, что значит, что Вы велите мне адресовать письма в Вену, в Grand Hôtel, так ни до какого разрешения вопроса и не дошел. Я даже не могу предположить, что до переезда на свою квартиру Вы временно пребывали в Grand Hôtel, ибо я знаю, что Вы с давних пор всегда останавливаетесь в Hôtel Métropole.

26 октября.

Сейчас получил телеграмму от Коли, из которой понял, что всё недоразумение произошло лишь оттого, что мне не было известно, что Вы в сей приезд жили и до сих пор живете в Grand Hôtel.

Имею только время написать эти несколько слов.

Дай бог Вам, дорогой друг, поскорее как можно лучше устроиться в новом помещении.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

85. Чайковский — Мекк

1882 г. октября 30 — ноября 3. Каменка.

Каменка,
30 октября.

Дорогой, милый друг! Из телеграммы Коли я знаю, что Вы в Вене. Радуюсь, что Вы, наконец, дома, и забочусь только о том, чтобы погода благоприятствовала Вам. Очень боюсь, что венская зима Вам не понравится. У нас всё время стоит чудесная, теплая погода, так что я свои прогулки совершаю в одном сюртуке. Мне всё еще не хочется уезжать из Каменки, и я думаю, что, по крайней мере, еще недели две останусь здесь. Ах, если бы можно было

мне прямо отсюда отправиться в Италию, как бы это хорошо было. Увы, по разным причинам мне нельзя миновать Москвы и Петербурга. Хотя там и живут столь близкие мне люди, как братья Анатолий и Модест, но, во-первых, я, как водится, очень мало буду жить в их обществе, а во-вторых, оба они, судя по письмам, очень невеселы. У Модеста есть серьезные причины быть в тревоге и недовольстве. Отношения его к матери его воспитанника обострились до того, что произошел окончательный разрыв, и даже в скором времени, кажется, процесс начнется. Положение Модеста очень щекотливо. С одной стороны, в интересах своего воспитанника, он должен всячески препятствовать его матери вмешиваться в дела его, ибо не подлежит сомнению, что эта женщина очень дурная, детей не любящая и преследующая личные цели. С другой стороны, невозможно восстановлять сына против матери, тем более, что сын этот, под влиянием самого же Модеста, питает к матери подобающую любовь и уважение. Но, во всяком случае, бедному Модесту, прикованному к Петербургу необходимостью [иметь] учителей для своего Коли, который теперь с величайшим успехом начал учиться серьезно у лучших петербургских учителей, очень тяжело особенно оттого, что жизнь в Италии приучила его к свободе, которой он совершенно теперь лишен и не имеет вовсе времени для своих литературных работ. Что касается Анатолия, то этот странный человек, в сущности, должен бы был считать себя совершенно счастливым, но он имеет талант выдумать себе причины для горевания, когда никакого горя нет. Теперь он считает себя несчастным, потому что жена его беременна и ощущает свойственные этому положению некоторые болезненные проявления. Всю жизнь он только и мечтал о том, как бы сделаться отцом, и теперь, когда это счастье близко к осуществлению, он приходит в отчаяние и пишет мне письма, нередко очень огорчающие и беспокоящие меня.

Модест очень часто видится с Колей, которого он душевно полюбил. Да нельзя и не любить этого чудесного юношу. Какие чудные письма он пишет Наталье Андреевне Плесской! Сколько в них теплоты, сердечности, прямоты, искренности! Какая правдивость, какая простота и безыскусственность!

Мое трио игралось в Москве, и Танеев (мнением которого я очень дорожу), исполнявший его в первом квартетном вечере, пишет мне о достоинствах его восторженный отзыв. Меня это ужасно обрадовало. Он говорит, что вообще все музыканты московские очень хвалят это трио[1].

2 ноября.

Письмо Ваше, дорогая моя, произвело на меня невеселое впечатление. Меня очень, очень беспокоит больная рука Ваша, и к тому же, признаться, немножко мне досадно, что Вы не посовето-

вались с амстердамским массёром, что Вы избрали местом жительства Вену, где Вам недостаточно тепло, одним словом, что Вы слишком мало печетесь о своем здоровье. Я приписываю ухудшение состояния руки Вашей холоду. Надеюсь, что когда пройдет зима, Вам будет лучше; но когда еще настанет весна и лето, а до тех пор больно думать, что Вы будете страдать. Не посоветуетесь ли Вы в Вене с какой-нибудь медицинскою знаменитостью? Прошу Вас, убедительно прошу писать мне как можно меньше, по десять строчек в месяц,— я и тем буду доволен совершенно.

Я передал сестре Ваше желание насчет переписки Коли с Анной. Надеюсь, что оно будет исполнено. Здесь уже мечтают о предстоящем сюда приезде Коли в декабре.

3 ноября.

Сегодня у нас настоящий мороз. В доме все погружены в беспокойство и грусть, ибо сестра нездорова. У нее возобновились боли в боку, и от страха, что придется опять выносить такие страдания, какие недавно она испытала в Одессе, у нее какая-то нервная лихорадка и жар. Вчера она еще была совершенно здорова, между прочим, написала к Коле письмо, в котором и Анна должна была приписать несколько строчек, а сегодня уж с утра нездорова. Как это убийственно грустно!

Моя работа понемногу подвигается вперед. Через несколько дней надеюсь окончить партитуру первого действия оперы, что составит третью часть всего дела. Я думаю, дорогая моя, что если бог продлит мою жизнь, то опер больше писать я не буду ни в каком случае. Я не скажу, подобно Вам и многим другим, что опера есть низший род музыкального искусства, и нахожу, что, напротив, соединяя в себе столь много различных элементов, служащих одной цели, опера едва ли всё-таки не самая богатая музыкальная форма. Но чувствую, что я лично всё-таки более склонен к симфоническому роду. По крайней мере, несомненно то, что я чувствую себя свободнее, самостоятельнее, когда не подчиняюсь требованиям и условиям сценичности.

Направник пишет мне, что в Праге возобновляют «Орлеанскую Деву», которую уже давали в прошлом сезоне, и советует мне съездить послушать ее. Мне очень бы этого хотелось, но так как за границу я поеду не отсюда, а из Петербурга, то едва ли будет удобно заезжать в Прагу.

Друг мой! Кончаю ж письмо, прося Вас убедительнейше беречь Вашу руку и не писать мне вовсе до тех пор, пока не почувствуете облегчения.

Молю бога, чтобы Вы были здоровы и покойны.

Безгранично преданный и любящий

П. Чайковский.

86. Мекк — Чайковскому

Вена,
7 ноября 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Целую неделю я раньше встаю, чтобы писать Вам, и до сей минуты никак не могла дойти до этого. Вы не можете себе представить, сколько препятствий мне надо побороть, чтобы получить возможность исполнить свое личное желание, собственное побуждение. Вся моя жизнь есть постоянное отречение, убиение своей личности, да, впрочем, ведь это доля всех семейных людей, а у кого еще так много всяких дел, то и тем более.

Не знаю, как и благодарить Вас, мой единственный, несравненный друг, за то, что Вы сердитесь на меня за Мецгера, но, как я Вам уже объясняла, это именно есть лечение, от которого скоро никак нельзя отделаться; minimum понадобилось бы при моих летах, когда всякие болезни упорнее, три месяца. На такой срок я не могла бы поселиться в Амстердаме, тем более, что для моего же здоровья было необходимо отдохнуть от передвижений и суеты на одном месте и в своей квартире, так как Hôtel'и для меня невыносимы. Насчет же массажа вообще мне сказал доктор Остроумов (профессор) в Москве, чтобы я не думала, что та обстановка, которою окружают это лечение за границею, имела какое-нибудь существенное значение, что то, что могут делать дома, действует точно так же, как и массаж в заведении какого-нибудь знаменитого доктора, и, конечно, это верно. Вот я и делаю дома по четыре раза в день по указанию доктора, которого я привезла с собою из Подольска (московского), поклонника массажа, но доктор мой послезавтра уезжает в Москву по требованию начальства.

Я наконец написала ответ Александре Ильиничне. Что за чудная эта женщина! При ее уме, энергии, практичности — какая доброта, какая мягкость! С этою женщиною я позволяю себе сравнивать только одну, это мою дочь Сашу, которая также со способностями мужчины соединяет сердце женщины, и уверяю Вас, дорогой друг мой, что она также чудесная, редкая женщина.

Боюсь, что мое письмо уже не застанет Вас в Каменке, а если еще найдет, то я посоветую Вам, милый друг мой, приезжайте к нам в Вену; право, здесь хорошо. Погода, конечно, дурная, да ведь где же она теперь хорошая? В Италии также, наверно, идут дожди и ветер, только температура на четыре-пять градусов выше. У нас сегодня утром было два градуса мороза, поэтому солнце светит, и теперь теплее.

Вы желаете знать, дорогой мой, почему я Вас спрашивала о самонадеянности Анны, то это потому, что Модест Ильич в разговоре с Колею в Петербурге выразил, что Анна самонадеянна. Коля, рассказывая мне еще в Москве о своих свиданиях с Модестом Ильичом, рассказал и это, а я подумала, что Вы, вероятно, Анну знаете лучше, чем Модест Ильич, и хотела узнать об этом точнее. Всё, что Вы мне написали по этому предмету, дорогой мой, чрезвычайно меня радует и нравится мне. На днях я получила письма от моего Коли, все наполненные выражениями его любви к Анне, и одно из них заканчивается так: «Я просто живу ею одною». И это не преувеличено, он только и думает о ней, во всех своих будущих планах, проектах ему хочется знать, как бы это нашла Анна Львовна, все свои впечатления он хотел бы делить с нею, время считает до

свидания с нею, одним словом, у него нет ни одной мысли, ни одного чувства, в которых бы она не участвовала. Мне кажется, я-то с уверенностью могу сказать, что Коля не изменится и через два года; следовательно, исполнение моей мечты почти всецело находится в руках Александры Ильиничны и ее влияния на Анну. Я всё надеюсь на Вашу поддержку, дорогой мой, в интересах моего юноши.

Я, кажется, Вам писала, что совсем устроилась в квартире и очень довольна ею, хотя она и недостаточно велика для меня, так что троих служащих я поместила отдельно. Влад[ислав] Альб[ертович] начал уроки контрапункта у профессора, кажется Крена, но не ручаюсь, что имя верно. Занимается с усердием и увлечением, которые я, конечно, всячески поддерживаю.

Музыки в Вене так много, что не успеваешь всю переслушать. Сегодня мы едем в «Кармен», Лукка поет. Соня и Милочка также начали свои уроки с язычниками, т. е. англичанином, французом и итальянцем; вообще всё вошло в свою колею. Сашок ходит аккуратно в университет. Сегодня я послала его с Влад[ославом] Альб[ертовичем] смотреть имение; здесь очень много продается их, а я бы непрочь купить. До свидания, дорогой, бесценный мой. Приезжайте в Вену, а пока будьте здоровы и не забывайте всем сердцем безмерно любящую Вас

П. ф.-Мекк.

87. Чайковский — Мекк

1882 г. ноября 9—10. Каменка. 9 ноября.

Милый, бесценный друг!

Бедная сестра моя опять вынесла довольно серьезную болезнь, но, слава богу, на этот раз страдала недолго, и теперь она уже на положении здорового человека. Надолго ли только! Во время болезни получила она письмо Ваше и говорила мне, что чем больше Вас узнает, тем более проникается удивлением и горячей симпатией к Вам. Но она, всё-таки, как бы ни желала быть совершенно согласной с Вами в отношении известного вопроса, но говорит, что не вполне разделяет взгляд Ваш по этому предмету. Знаете ли, дорогая моя, чему я приписываю этот страх ее теперь же начать серьезно признавать Анну как бы уже принадлежащей Коле? Я приписываю это тяжелому, ужасному воспоминанию о расстроившемся браке Тани с Трубецким. Они так обманулись в этом молодом человеке, они так верили в его глубокую привязанность к Тане, так полюбили его и потом выдержали такое страшное разочарование, вынесли так много самых горьких и ужасных минут, повлиявших роковым [образом]* на здоровье бедной Тани и сестры моей. Конечно, и сестра и Лев Васильевич оценили чудные качества Коли, конечно, они будут рады и счастливы до бесконечности,

* *В подлиннике описка:* вопрос

когда Анна сделается его женой, но после испытанной ими горести, право, простительно, если иногда всё-таки им в душу закрадывается сомнение: «А что, если Коля только детски увлекается и чувство его непрочно? Что, если он, будучи связан обетом, данным Анне, начнет тяготиться к тому времени, когда настанет срок соединиться неразрывными узами?» Вот почему, мне кажется, несмотря на то, что уж, конечно, не менее Вас они желают осуществления наших планов, несмотря на восторженное чувство симпатии к Вам, они страшатся поступить так, как бы факт сватовства Коли с Анной уже совершился. Но будьте покойны, дорогая моя! Как бы ни расходились Вы в некоторых частностях с родителями Анны, поверьте, что всё сбудется согласно нашим желаниям и что Анна терпеливо будет ждать конца Колиного учения и уж, конечно, никто не сумеет занять в ее сердце место, принадлежащее Коле.

10 ноября.

Направник уведомляет меня, что в Праге возобновляют «Орлеанскую Деву» на зимнем театре[1], а с другой стороны, Юргенсон пишет мне, что очень хотел бы вместе со мной туда съездить, да мне и самому хотелось бы послушать свою оперу на чужбине. Очень может быть, что на будущей неделе я отправлюсь прямо отсюда в Прагу вместе с Юргенсоном и с ним же вернусь в Москву, где мне необходимо повидаться с братом, так же, как и в Петербурге.

Погода стоит ужасная и, что особенно неприятно, грязь такова, что нужно поистине геройское самоотверженье, чтобы ходить пешком. Я всё-таки аккуратно отхаживаю свои два часа в день, но чего это мне стоит! Италия всё более и более притягивает меня и, несмотря на некоторый страх одиночества, которое на сей раз будет полное, я всё-таки не миную Рима.

Получил ли Саша ответ мой? Потрудитесь, дорогой друг, передать Юлье Карловне и всем Вашим мои приветствия. Радуюсь, что Вл[адислав] Альберт[ович] принялся за контрапункт.

Будьте здоровы, дорогая моя, и покойны насчет Коли.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Так как, во всяком случае, на будущей неделе я отсюда уеду, то прошу Вас не писать мне до тех пор, пока не сообщу Вам, куда еду.

88. Чайковский — Мекк

Киев,
17 ноября 1882 г.

Дорогой друг! Простите, что пишу Вам лишь коротенькую весточку о себе. Я совершенно болен. Выехал я из Каменки с намерением съездить в Прагу для слушания «Орлеанской Девы». Приехав сюда, нашел извещение, что ехать в Прагу еще рано, и решился тотчас же отправиться в Москву. Но вдруг почувствовал нездоровье: лихорадочное состояние, отвращение к пище и т. п. Тотчас же принял все меры, и сегодня мне уже лучше, хотя ощущаю какую-то непостижимую слабость физическую и умственную. Ничему иному не могу приписать это нездоровье, как тому обстоятельству, что всякое уклонение от правильно установленного порядка жизни отзывается на мне неблагоприятно.

Попрошу Вас, дорогая моя, посылать мне известия о Вашем здоровье в Москву, адресуя Юргенсону (Неглинный проезд, № 10). Еще решительно не знаю, долго ли останусь в Москве, Петербурге, поеду ли за границу, и когда и куда.

Безгранично благодарен Вам за приглашение в Вену, но если это и придется, то — скорее на возвратном пути из Италии, если я в нее попаду. Если поеду за границу из Петербурга, то хочу ехать на Берлин и Париж, куда меня усиленно зовет мой некогда очень близкий друг, теперь очень одинокий и несчастный человек — Ларош.

Приехавши в Москву, тотчас напишу Вам. Ради бога, простите, дорогой друг, небрежность писания. Чувствую себя очень скверно и думаю, что сон поправит меня. Сейчас ложусь спать.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

89. Мекк — Чайковскому

Вена,
24 ноября 1882 г.

Дорогой, несравненный друг! Пишу Вам в самом радужном настроении духа. Саша моя приехала ко мне, а Вы знаете, как я счастлива, когда она около меня: ее ласки и нежность отогревают мне душу и доставляют блаженство надолго. Она приехала одна, т. е. без своего семейства, а с моим братом Владимиром. Приехала она на три дня, но я уговорила ее погостить недельку.

Бедная страдалица Александра Ильинична опять промучилась со своею болезнью; дай бог, чтобы это было последний раз. Очень, очень Вас благодарю, бесценный друг мой, за Ваше милое, всегда теплое участие к моим желаниям, тревогам и сомнениям по предмету

будущности наших детей. То, что Вы мне объяснили о побуждении Александры Ильиничны, по которому она стесняется допустить переписку, я совершенно поняла и теперь более не настаиваю на этом, если у Александры Ильиничны существует хотя тень сомнения в прочности чувства Коли. Я вполне признаю, что я была неправа, упрашивая так позволить вести переписку, потому что я упустила из виду, что хотя мы обе матери и обе одинаково заботимся о счастье наших детей, но что у меня — сын, а у Александры Ильиничны — дочь, и что общественное отношение к мужчине и девушке совершенно различно. Насколько для одного не требуется никакой осторожности относительно своей репутации, потому что всё позволяется, настолько другой надо быть осторожною и бережливою со своею репутациею. В оправдание свое, милый друг мой, я скажу только то, что Вам уже давно известно: я забыла об этом различии, потому что я его не делаю, а об общественном мнении я не забочусь никогда, но вполне понимаю, что люди, которые живут в свете, между другими людьми, конечно, должны заботиться об нем. Поэтому прошу Вас, милый друг мой, передать глубокоуважаемой мною Александре Ильиничне, что я еще раз прошу ее извинить мне мою настойчивость, и отдаю совершенно в ее руки и ее усмотрение весь этот предмет.

Сашок получил Ваше письмо, дорогой мой. И он и я безгранично благодарны Вам за Ваши добрые, теплые советы; всё, что вы ему советуете, может быть взято как программа для точного исполнения, потому что всё вполне полезно для него. Насчет его немецкого языка Вы не беспокойтесь, дорогой мой: он владеет им вполне хорошо, хотя из скромности и говорит: «Ну, всё же не совсем хорошо». Но это только скромность, потому что они от самого рождения всегда находились на руках немок и немцев, и последний их гувернер, которого я отпустила в прошлом июне, был немец (швейцарец) и доктор юриспруденции Гретенер, тот, о котором, помните, дорогой мой, я Вам писала, что вздумал влюбиться в Соню, за что я его единственно и отпустила,— потому что был премилый молодой человек во всех отношениях и очень образован.

А мы также сделали запрос в Прагу о том, когда пойдет Ваша «Орлеанская Дева», но не получили еще ответа. Мы хотели также съездить туда. Дорогой мой, если Вам будет известно, когда пойдет Ваша «Jeanne d'Arc», не откажите телеграммою сообщить мне это; я бы очень хотела быть на этом представлении.

У нас погода нехорошая: туман, слякоть. Вся моя учащаяся молодежь занимается аккуратно своими уроками. У Сони новый учитель для фортепиано, потому что Debussy уехал в Париж. До свидания, милый, бесценный друг мой. Горячо всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

90. Чайковский — Мекк

1882 г. ноября 22—26. Москва.

Москва,
22 ноября.

Дорогой, милый друг мой! Я выехал из Киева совершенно больной, проболел дорогой и сюда явился в плохом состоянии здоровья, но сегодня, слава богу, чувствую себя уже совсем хорошо. Благо-

даря тому, что болезнь помешала мне показаться в концерте Муз[ыкального] общ[ества], кроме самых близких людей никто еще не знает о моем здесь пребывании, и потому я еще не испытываю обычных моих терзаний.

Брат Анатолий и жена его произвели на меня очень благоприятное впечатление. Они несомненно и крепко любят друг друга, живут очень мило, в изящной обстановке и оба пользуются вожделенным здравием. Давно уже Анатолий так не радовал и не утешал меня, как в это свидание. Хоть и теперь он уж заранее трепещет при мысли о предстоящих родах своей жены и смотрит на это столь обычное, естественное явление как на нечто бедственное и ужасное, но всё же видно, что женитьба успокоительно повлияла на его беспокойный нрав и что он счастлив, насколько можно быть счастливым при подобном характере.

Сегодня я испытал глубокое художественное наслаждение: слышал «Дон-Жуана» в Большом театре. Знаю, дорогая моя, что Вы не большая охотница до Моцарта и что Вам непонятна, как многим другим музыкальным натурам, красота Моцартовской музыки, но совершенно искренно скажу Вам, что никто, кроме этого светлозарного гения, не способен так усладить мою душу, так потрясти и тронуть меня! Очень может быть, что причина столь сильного действия на меня этой музыки заключается не столько в присущей ей степени красоты, а и в том обстоятельстве, что Моцарт был первым композитором, с которым я ознакомился в ранней молодости (а ведь известно, что эти первые музыкальные восторги имеют свойство запечатлеваться на целую жизнь), но как бы то ни было, а «Дон-Жуан» всегда был и остался для меня лучшей оперой из всех существующих, и потому нельзя Вам передать всю силу испытанного мной наслаждения. Исполнение было очень порядочное; особенно приятно то, что оркестр и хоры идут теперь хорошо и что оперы хорошо разучиваются, так что ансамбль прекрасный.

Погода стоит зимняя, т. е. порядочный мороз и порядочная санная дорога. Видел сегодня моего бедного Алешу. Вот уже два года, что он тянет эту тяжелую лямку, и привычка сделала свое. Конечно, он мечтает о свободе как о величайшем благополучии, но свыкся с казарменной жизнью, совершенно здоров и весел. Это меня очень утешило и обрадовало. Еще два года придется ему, однако, прослужить.

26 ноября.

Я познакомился с Эрдмансдерфером, заменившим здесь Ник[олая] Григ[орьевича] в качестве дирижера симфонических концертов. Это очень даровитый человек, сумевший сразу привлечь

к себе сердца и музыкантов и публики. Последняя, будучи очень легкомысленна, принимает Эрдмансдерфера с таким энтузиазмом, как будто старается показать, что ценит его гораздо больше Ник[олая] Григ[орьевича], которого никогда так восторженно не принимали. Вообще Москва не только уже привыкла к утрате Ник[олая] Григ[орьевича], но как будто начинает позабывать его. Это грустно.

Только первые дни удалось мне провести здесь приятно. Очень скоро начались обычные разрывания меня на части, и я уже снова такой же мученик, каким всегда бываю в Москве и Петербурге. Дело дошло до того, что вчера и сегодня я даже просто болен от этой сумасшедшей жизни и начинаю подумывать о бегстве из Москвы.

Дорогая моя, что за чудный человек Ваш Коля! Модест в каждом письме своем говорит про бесконечную доброту его. Вот что он пишет мне в письме, полученном вчера: «Моя поддержка и во время болезни и во время всего остального был Коля Мекк. Я тебе не могу передать в должных выражениях всю душевную красоту этого мальчика». Сегодня опять он пишет мне и на этот раз, говоря о Мише, Максе, Личковых, так выражается про Вас: «Над[ежда] Фил[аретовна] в моих глазах сделалась человеком, равного которому я не знаю. Здесь во всём отражается ее необычайный ум и поистине изумительное сердце. Я благоговею перед ней» [1].

Позвольте мне, бесценный друг, поблагодарить Вас за гостеприимство, ласки и заботы, которые Коля как бы от имени Вас оказывал моему бедному брату во время болезни его. Дружба Коли доставляет Модесту так много отрады, что мирит его с Петербургом, который он глубоко ненавидит.

Я останусь в Москве еще несколько дней. Попрошу Вас, дорогой друг, продолжать адресовать мне сюда, к Юргенсону.

Желаю Вам здоровия, спокойствия и всякого блага.

Ваш беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

91. Мекк — Чайковскому

Вена,
4 декабря 1882 г.

Милый, дорогой друг! Пишу Вам коротенькое письмецо, потому что не надеюсь, чтобы оно еще застало Вас в Москве, судя по Вашему последнему письму.

Прежде всего позвольте мне, дорогой мой, просить Вас передать мою искреннейшую сердечную благодарность Модесту Ильичу за его ласки и доброту к моему бедному, одинокому Коле. Он только и отогревается около Модеста Ильича теперь, когда с ним нет брата, с которым он от колыбели привык делиться всем, и когда всё семейство так далеко. Коля пишет мне с такою благодарностью, с такою любовью о Модесте Ильиче, что я не знаю, как благодарить его.

Третьего дня уехала моя Саша; грустно и тоскливо мне без нее, но что делать-то! Скоро, бог даст, приедут мои мальчики, опять всё оживится. На обратном пути я разрешила Коле заехать в Каменку, с позволения Александры Ильиничны. Он мечтает об этом свидании, ждет не дождется его. Он пишет мне, что был в квартетном собрании и слышал Ваше «trio», милый друг мой, и с энтузиазмом говорит о нем; он выражается, что, слушая эту музыку, он не знал, где он находится. Вообразите, милый друг мой, что у меня до сих пор нет этого trio. Я очень сердита за него на Юргенсона; до самого отъезда из России я посылала к нему каждую неделю за ним и всё получала ответ, что еще не напечатан; из Вены несколько раз обращалась и никак не могу получить его. Теперь Коля пишет, что привезет ноты. В Петербурге его исполняли Танеев, Барцевич и Вержбилович.

В Вене слишком много музыки, так что нельзя успеть везде попасть. Одновременно назначают квартетные собрания и какую-нибудь Вагнеровскую оперу; вообще Вагнера здесь дают по три раза в неделю. Я получила также ответ из Праги, что неизвестно еще, когда будут давать «Орлеанскую Деву», так как примадонна, которая должна исполнять эту роль, находится теперь в Варшаве.

Здесь такие туманы и темнота, что сейчас, в восемь часов утра, я пишу Вам с огнем. Сашок и Влад[ислав] Альб[ертович] ездили провожать Сашу до границы, вчера вернулись. Влад[ислав] Альб[ертович] очень усердно занимается, написал уже бесчисленное множество фуг, и профессор им доволен. Меня очень радует, что он имеет теперь возможность заниматься систематически. У Сашонка с сегодняшнего дня начинаются уже рождественские вакации.

Мой кашель ухудшился: должно быть, я простудилась на этих днях, так что второй день не выхожу на воздух. До свидания, милый, бесценный друг. Как мне жаль, что Вас опять терзают в Москве. От души желаю скорее отдохнуть и быть вполне здоровым. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

92. Чайковский — Мекк

Москва,
5 декабря [1882 г.]

Дорогой, бесценный друг! Надеюсь, что Вы простите меня, что пишу лишь коротенькое письмецо, будучи совершенно неспособен вести из Москвы осмысленную беседу. Как и всегда, я здесь ужасно утомлен физически и нравственно, тягочусь невыразимо жизнью в обществе и теряю способность излагать мысли и чувства письменно. Ко всякого рода утомительным препровождениям времени прибавилось еще то, что в течение нескольких дней я ежедневно

сидел по нескольку часов у художника Маковского, который писал мой портрет. Портрет этот заказал Маковскому известный коллекционер П. М. Третьяков, и отказаться было неловко. Вы можете себе представить, до чего мне трудно было сидеть по нескольку часов без движения, если и одна минута фотографического сеанса так ужасала меня! Но зато портрет, кажется, удался вполне.

Уж не помню, писал ли я Вам, что в предпрошлом концерте давали мою сюиту, которая была сыграна очень хорошо и имела большой успех. Эрдмансдерфер оказался очень хорошим дирижером, однакож, я нахожу, что как московская публика, так и московская пресса преувеличивают его достоинства[1]. Во всяком случае, он никак не выше покойного Ник[олая] Григ[орьевича], хотя здесь теперь принято утверждать, что оркестр стал неузнаваем, что никогда симфонии не исполнялись в таком совершенстве, как теперь, и т. д.

Сегодня была заупокойная обедня по Ник[олае] Григ[орьевиче], на которой и я присутствовал. Завтра все консерваторские преподаватели собираются в Даниловский монастырь, дабы отслужить панихиду на могиле Н[иколая] Г[ригорьевича]. Я тоже там буду.

Работа моя всё еще не кончена, и вряд ли можно будет уехать ранее будущей недели. Потрудитесь, дорогой друг, передать Сашонку, что я очень, очень благодарен ему за милейшее письмо, но отвечать теперь не могу.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

Из Каменки имею невеселые известия. Сестра опять была очень больна.

93. Мекк — Чайковскому

Вена,
11 декабря 1882 г.

Милый, бесценный друг! Вчера получила Ваше дорогое письмо, из которого увидела, что Вы еще в Москве, и потому спешу написать Вам, пока Вы еще не уехали.

С каким восторгом, до слез, я читаю всегда описания оваций, делаемых Вам по поводу того или другого Вашего произведения. Так и теперь, слушая описание приема, сделанного Вам публикою в Москве при исполнении Вашей сюиты, я глотала каждое слово, приходила в восторг заочно, но в то же время мне было невыразимо жаль Вас, мой бедный, бесподобный друг. Я знаю, как Вам это тяжело, я знаю, что Вы мученик своей славы, и, боже мой, какие бывают различные люди на свете. Другие готовы полжизни отдать за десятую долю тех восторгов, какие оказывают Вам, а Вы бы даром

их отдали кому-нибудь, лишь [бы] они не терзали Вас. О, как это меня восхищает, как сочувственно, как понятно мне! А всё-таки я радуюсь несказанно, когда вижу, что Вашу музыку ценят как следует.

У нас сегодня снег лежит и ноль градусов температуры. Я не выезжаю еще и ужасно соскучилась сидеть всё в комнате. Что же это, бедная Александра Ильинична опять больна была? А знаете, милый друг мой, это странно сказать, но положительно мне кажется, ей сделалось хуже после того, что она два сезона пробыла в Карлсбаде. Что бы ей полечиться у Möring'a в Киеве; он очень сведущий и добросовестный профессор. У меня, слава богу, всё здоровы, кроме меня самой.

Милый друг мой, не откажите, пожалуйста, писать мне в Ваших письмах побольше об каменских обитателях и об Анне в отдельности. Мне очень интересно знать всё, что их касается: где находятся, куда предполагаются поездки, кто что делает,— всё, всё. Вот и теперь мне очень бы хотелось знать, что Митя и Бобик, посещают ли гимназию, и если да, то с кем они находятся в Киеве. Также — повезут ли Тасю в институт и когда и кто повезет? Пожалуйста, дорогой мой, не откажите мне в удовольствии знать о людях, которых я так искренно люблю и уважаю.

Как меня оскорбляет и возмущает теперешнее отношение публики к бедному Николаю Григорьевичу. Оказывай после этого услуги обществу, если в любую минуту мода на нового человека может все их стереть и уничтожить. Эх, люди, исчадие крокодилов!

Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Горячо, всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Получили ли Вы мои письма в Москве, милый друг мой? Я послала их два, это третье.

94. Чайковский — Мекк

1882 г. декабря 12—13. Москва.

Москва,
12 декабря.

Дорогая моя! Получил вчера письмо Ваше. Вы поручаете мне благодарить Модеста за дружбу, оказываемую им Коле. Но ведь Коля Модесту ничем не обязан. Брату не удалось до сих пор оказать ему никакой дружеской услуги, но зато получил он от Коли неисчислимую массу услуг, участия, нравственной поддержки в тяжкие минуты, и уж, конечно, не Коля Модесту, а Модест Коле обязан до бесконечности. Зато нет ни единого письма, где бы Модест с умилением не говорил об удивительной доброте и сердечности Вашего чудного сына.

Я всё еще в Москве. Кончил наконец свою работу и завтра вечером уезжаю, усталый до последней степени, иногда почти до безумия. Из Каменки имел подробные сведения, так как на днях племянница Таня проездом в Петербург была здесь. Сестра была опять очень тяжко больна и опять без пользы: камней не вышло. Остальные все здоровы. Ждут с нетерпением приезда Коли в январе.

13 декабря.

Здесь стоят такие лютые морозы, каких я давно не запомню. Я настолько отвык от них, что очень страдаю от холода и с немалым нетерпением жду итальянской зимы.

Присутствовал здесь на трех симфонических концертах и настолько теперь познакомился с Эрдмансдерфером, что могу верно оценить его. Это дирижер очень ловкий, очень опытный и умелый, но не могу не сознавать, что москвичи преувеличивают его достоинства. На него теперь мода, которая вряд ли долго продержится. Недостатки его следующие: 1) он слишком заботится о внешних эффектах и немножко потакает вкусам публики к преувеличению нюансов. Так, например, он *pp* доводит до того, что ни гармонии, ни мелодии подчас вовсе не слышно, а лишь едва достигает до слуха какая-то тень звука. Это ужасно эффектно, но едва ли художественно, 2) он черезчур немец; программы его слишком немецкие, и, например, французскую музыку он вовсе не исполняет, а к русской (за исключением меня) относится небрежно. Так, например, вчера увертюра Танеева была сыграна очень грубо, а плохая вещь Вагнера — превосходно[1]. Первую он едва проиграл на репетиции, второю занялся с любовью.

Сегодня вечером еду и из Петербурга буду писать Вам.

Дай Вам бог здоровья и всяких благ.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

95. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
25 декабря [1882 г.]

Я думаю, что Вы весьма удивитесь, несравненный, дорогой сердцу моему друг мой, узнав из настоящего письма моего, что я всё еще в Петербурге. Неудачен был настоящий приезд мой в эту мрачную, холодную столицу. С самого первого дня приезда я начал чувствовать себя нехорошо, но кое-как бодрился и вел жизнь здорового человека; только всё приходилось откладывать день отъезда. Но в день, когда я проводил сыновей Ваших в Москву, пришлось разболеться более серьезно, и вот уже почти неделю я не выхожу из дому. Я думаю, что никакой доктор в мире не слыхал о странной болезни, которою я и до сих пор страдаю. У меня сделался сильнейший насморк, сопряженный с головною болью. Сначала я вовсе утратил обоняние, а потом оно возвратилось, но какое-то извращенное, сделавшее все з а п а х и для меня столь невообразимо отвратительными, что с утра до вечера меня

тошнило, и, наконец, желудок вовсе отказался принимать пищу. При этом была легкая лихорадка и жар. Несколько дней я ничего не мог есть и очень ослабел и похудел. Теперь мне лучше, но всё же я не могу выехать, сижу дома (у брата Модеста) и только изредка в карете ненадолго выезжаю. Я полагаю, что эта (впрочем, нисколько не ужасная) болезнь есть сочетание простуды с расстройством нервной системы от неправильной и суетливобестолковой жизни, которую организм мой решительно не переносит. Хотел выехать завтра, но обоняние всё еще не сделалось нормальным, и есть внутренний жар. Боюсь снова простудиться и потому откладываю свой отъезд до вторника, 28 числа. Досадно, что, как нарочно, морозы стоят очень сильные, и вследствие того я не могу пользоваться чистым воздухом и двигаться, согласно усвоенным мною гигиеническим правилам. Так как я живу у Модеста, то мне здесь очень хорошо, и состояние духа моего весьма изрядное, но меня тяготит невольное бездействие и мучит мысль, что столько времени прошло даром. Вот уже полтора месяца, как я выехал из Каменки, и во всё это время не сделал ровно ничего!

Брат Модест, который так много перенес потрясений и нравственных мук, мечтает хоть ненадолго съездить за границу. Я очень советую ему привести этот план в исполнение, и, по всей вероятности, поездка эта осуществится, так что Коля, возвратившись в Петербург, уже не найдет его здесь. Коля Вам, вероятно, расскажет, дорогая моя, подробности о всех материальных и моральных невзгодах, посетивших Модеста в недавнее время. Когда я слушал рассказ его об сцене с г-жой Брюлловой и ее мужем, то недоумевал, как бедный Модест мог выдержать всю эту трагическую историю. За столько лет неусыпных трудов и забот, за всю любовь, которую он выказал к своему воспитаннику, за всё бескорыстное самоотвержение свое заслужить лишь обиды и невыразимые оскорбления, — это что-то до такой степени жестоко несправедливое, что я, слушая его повествование, немел от ужаса. А тут еще операция, невозможность оставаться дома по причине аукционной продажи вещей Конради, превратившей его бывшую квартиру в магазин, — всё это разом свалилось на голову бедного Модеста, и, поистине, Коля был его ангелом-хранителем и утешителем. Он проявил по отношению к Модесту столько ангельской доброты, оказал ему так много нравственной поддержки и самых нежных попечений, что я до слез умиляюсь, думая об этом. Отныне Коля сделался для меня не только милым, симпатичным юношей, близким мне, потому что он — Ваш сын и будущий супруг племянницы, но он для меня предмет удивления и самой нежной родственной любви. Редко случалось сталкиваться с обладателем такого золотого сердца, каким его снабдила природа и Ваше воспитание.

Я познакомился с Максом и Мишей; очень симпатичные и милые эти мальчики!

Всё это время я решительно не мог писать писем и на время лишился письменного общения с Каменкой. Имею о них известия только через Таню, находящуюся здесь. Сестра опять была очень больна и так страдала от болей печени, что был день, когда она впала в полную прострацию, так что пульс почти не бился и опасались даже за жизнь ее. Потом боли прошли, но камней не вышло, и значит, ей предстоят новые страдания. Племянница Таня, к всеобщему нашему удивлению, совершенно здорова и весела. Живет она у тетки Бутаковой и, кажется, намерена здесь еще долго остаться. Я радуюсь, что она и сестра разлучены друг с другом: им обеим всегда бывает лучше, когда они не вместе.

В первые дни моего пребывания здесь я раза два был в театрах и, между прочим, видел прелестную оперу «Кармен», очень хорошо исполненную в Мариинском театре. Опера моя «Орлеанская Дева» репетируется и должна быть возобновлена на днях, но главная исполнительница, Каменская, нездорова, и уже несколько раз оперу ставили на репертуар и потом снова откладывали.

План у меня такой. Во вторник 28 числа я поеду через Берлин в Париж и там буду дожидаться Модеста, который около 10 января, вероятно, тоже выедет, и мы вместе направимся в Италию. Ларош, находящийся здесь, рекомендовал мне хорошую, недорогую гостиницу, в коей я и поселюсь в Париже, и прошу Вас, дорогая моя, адресовать туда, в случае если будете писать. Адрес: Rue Richepance, près la Madeleine, Hôtel Richepance.

Приношу Вам поздравления мои с Новым годом и желаю Вам, дорогая моя, всевозможных благ. Всем Вашим передайте мои горячие приветствия.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Быть может, Коля приедет в Каменку раньше, нежели я успею дать туда подробные о себе известия. В таком случае, прошу его сообщить им обо мне всё, что он знает.

96. Чайковский — Мекк

Берлин,
31 декабря [1882 г.]

Дорогой, милый, лучший друг мой!

Хотя буду сегодня телеграфировать Вам, но и письменно хочу пожелать Вам на Новый год всяческого счастия, здоровья и полного

успеха во всех делах Ваших. Попрошу Вас и всем Вашим близким передать мои поздравления. Вот уже второй день, что я в Берлине. Переезд сюда совершил вполне благополучно, остановился здесь, чтобы один день отдохнуть, но вчерашнее представление в опере (давали «Тристан и Изольду» Вагнера, которую я никогда не видал) заставило меня остаться еще лишний день. Опера эта нисколько мне не понравилась, но я всё-таки рад, что видел ее, ибо представление это способствовало мне уяснить себе еще более взгляд на Вагнера, об котором я уже давно имею определенное мнение, но, не слышав всех его опер на сцене, боялся, что мнение это не вполне основательно. В кратких словах мнение это такое. Вагнер, несмотря на свой громадный творческий дар, на свой ум, стихотворческий талант, образование, принес искусству вообще и опере в особенности лишь отрицательные заслуги. Он научил нас, что прежние рутинные формы оперной музыки не имеют ни эстетических, ни логических raisons d'être. Но если нельзя писать оперы, как прежде, то следует ли их писать, как Вагнер? Отвечаю решительно: нет. Заставлять нас четыре часа сряду слушать бесконечную симфонию, богатую роскошными оркестровыми красотами, но бедную ясно и просто изложенными мыслями; заставлять певцов четыре часа сряду петь не самостоятельные мелодии, а прилаженные к симфонии потки, причем нередко потки эти, хотя и высокие, совершенно заглушаются громами оркестра, — это уж, конечно, не тот идеал, к которому современным авторам следует стремиться. Вагнер перенес центр тяжести со сцены в оркестр, а так как это очевидная нелепость, то его знаменитая оперная реформа, если не считать вышеупомянутого отрицательного результата, равняется нулю. Что касается драматического интереса его опер, то я признаю всех их очень ничтожными и подчас ребячески-наивными, но нигде еще я не испытал такой скуки, как в «Тристан и Изольде». Это самая томительная и пустейшая канитель, без движения, без жизни, положительно не способная заинтересовать зрителя и вызвать сердечное участие к действующим лицам. По всему видно было, что и публика (хотя и немецкая) очень скучала, но после каждого действия раздавались громы рукоплесканий. Чем объяснить это, — недоумеваю. Вероятно, патриотическим сочувствием к художнику, который, в самом деле, всю жизнь свою посвятил поэтизированию германизма [1].

Я распростился с Модестом не надолго. Он предполагает выехать в начале месяца, и перспектива близкого свидания с Модестом несказанно радует меня. Но оставил я его грустным и как бы колеблющимся. С одной стороны, он чувствует неотложную потребность отдохнуть и освежиться, с другой, ему тяжко впервые надолго разлучиться с его воспитанником, которого он любит больше всего

на свете. Однакож я взял с брата слово приехать ко мне в Париж во что бы то ни стало, ибо я вижу ясно, что для здоровья его отдохновение совершенно необходимо.

К тому времени, когда это письмо придет к Вам, Коля уже будет собираться в Каменку. Желаю ему счастливого переезда и прошу его передать каменским жителям от меня приветствия.

Будьте здоровы, дорогой друг мой, это главное. Буду невыразимо рад получить от Вас известия в Париже (Rue Richepance, Hôtel Richepance, près la Madeleine).

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Прошу скрыть от Влад[ислава] Альб[ертовича] мое мнение о Вагнере. Боюсь, что он возненавидит меня.

1883 год

97. Мекк — Чайковскому

Вена,
2 января 1883 г.

Первый, кому я пишу в этом году, это Вы, мой дорогой, несравненный друг, и я считаю для себя это самым лучшим предзнаменованием. Благодарю Вас, дорогой мой, за Ваше милое внимание, за поздравление (телеграммою и письмом) и Ваши добрые пожелания. Примите также мое поздравление и самое горячее желание Вам здоровья, спокойствия и исполнения самых задушевных желаний Ваших. А знаете, милый друг мой, мне кажется, что у Вас нет никаких желаний: самый живой интерес Ваш в жизни — это музыка, и в ней Вам не остается ничего желать, а всё другое для Вас есть второстепенное. Не так ли?

Как я рада, что Вы поправились и вырвались из этого гадкого Петербурга. Очень бы я желала также, чтобы Модест Ильич решился бросить свое неблагодарное самопожертвование. Ни в настоящем, ни в будущем ничего хорошего, отрадного он не найдет в нем, напротив, потратит лучшие годы жизни, силы, здоровье и ничего в обмен не получит.

А знаете, милый друг мой, что мы, быть может, съедемся в Риме. Мне приходится уходить из Вены из-за моего здоровья; кашель не оставляет меня, к нему — я еще простужаюсь, должна сидеть в комнате без воздуха, нервы расстраиваются до крайности. А так как теперь образование Сашонка не обязывает меня сидеть здесь, потому что я всё-таки решила, что он вернется в Петербург, в свое Училище, то я и собираюсь уехать в Италию после отъезда мальчиков обратно. Насчет Сашонка я потому пришла к такому решению, что второй знаменитый венский доктор (первым я звала Бамбергера) Nothnagel сказал так же, как и первый, что у Сашонка сердце совершенно здорово, ревматизм самый ничтожный и что он вообще совсем здоров, а это ведь и было рычагом, который двигал всем моим путешествием и обязывал меня выбрать место, которое и для здоровья и для образования Саши было бы удовлетворительно. Теперь же, так как здоровье его позволяет на будущий год опять поступить в Училище, то нет надобности держаться за здешний университет, тем более, что он занимался здесь очень неохотно,— он все только и мечтал, как бы вернуться в Училище.

Коля говорил мне, дорогой мой, что Вы как-то выразили намерение весну провести около Москвы. Это меня очень обрадовало и дало мне мысль просить Вас осчастливить мое Плещеево Вашим пребыванием, так как мы раньше мая никак не попадем туда, а он мне говорил, что Вы как будто март и апрель предполагали прожить около Москвы. У меня, право, очень мило в Плещееве, и я, конечно, старалась бы доставить Вам полное спокойствие. Неловкости в этом не могло бы быть никакой, так как теперь многие знают, что Вы знакомы с моими сыновьями, следовательно, вполне натурально, что они, так много уважая Вас, просили осветить наше Плещеево Вашим присутствием. Для всех, кто Вам может быть нужен из Москвы, очень легко приезжать к Вам: всего ведь час езды. А если бы Вы еще пригласили с собою и Модеста Ильича, вот чудесно было бы, тогда бы Вы не скучали, дорогой мой. Пожалуйста, сделайте так,—как я буду рада! А насчет Модеста Ильича я хочу попенять Вам, милый друг мой. Вы пишете, что он имел материальные затруднения; отчего же он не захотел сказать Коле два слова, чтобы он доставил ему то, что надо? Ведь Коля был бы счастлив услужить ему чем только может, а он так недружески поступил относительно его; мне это очень, очень печально. Коля хотя очень молод, но ведь он умеет различать людей, и обожание его к Вам и к Модесту Ильичу беззаветно.

Я счастлива теперь, что мои дети здесь, но расстаться с ними мне будет очень тяжело, потому что теперь очень надолго и я должна опять уехать от них так далеко. Вчера, т. е. в день Нового года, у нас был домашний маскарад, танцы, гаданья и проч. и проч. шалости. Уезжают мои мальчики седьмого, все трое вместе до Варшавы, оттуда Коля повернет в Киев и Каменку, а Макс и Миша с Иван[ом] Иван[овичем], который выедет к ним навстречу в Варшаву, отправятся в Петербург. Коля замышляет прогостить в Каменке (если его не выгонят) до 23 января, а тогда, вероятно, вместе с Львом Васильевичем — в Петербург.

У нас было очень холодно в продолжение недели, мороз доходил до восьми градусов, но со вчерашнего дня температура опять выше нуля. Простите дорогой мой, что так безобразно пишу: этому причиною моя больная рука. До свидания, мой бесценный, добрый, хороший друг. Будьте здоровы и веселы. Всею душою безгранично Вас любящая

Надежда ф.-Мекк.

98. Чайковский — Мекк

1883 г. января 3—5. Париж.

Париж,
3/15 января 1883 г.

Дорогой, милый друг! Вчера вечером я приехал в Париж. Последний день, проведенный в Берлине, был для меня очень тяжек. Тоска одиночества напала на меня, и никогда так сильно, как в этот день, я не чувствовал, как мне недостает моего Алеши. Еще томительнее была дорога, так как пришлось (по собственной вине) попасть не на тот поезд, где мог бы найти отдельное купе. Промучился целые сутки в сидячем положении и в тесноте. Зато погода чем больше на юг, тем пленительнее делалась, а пере-

ехавши границу, попал в совершенную весну. Вечером, уже в Париже, гулял в одном сюртуке по бульвару, но это оказалось не надолго. Сегодня тоже тепло, но с утра идет нескончаемый мелкий дождик. Отель Richepance, рекомендованный мне Ларошем, оказался довольно милым, недорогим отелем, но, к сожалению, имеющим комнаты с окнами, исключительно выходящими на улицу, и притом весьма шумную, так как это в двух шагах [от] Madeleine. Притом в комнатах так темно, что даже у окна я едва мог прочитать утреннюю газету. Меня ожидало здесь письмо брата Анатолия, в котором было вложено письмо Льва Васильевича от 13 декабря. В письме этом он описывает болезнь сестры. Оказывается, что на этот раз она так страдала, как никогда еще, и была одна ночь, когда начали отчаиваться в ее жизни. Никто не спал; все молились и плакали. Бедная, бедная, и конца этому не предвидится! Страдания были опять тщетны: камней не вышло.

Завтра мне предстоит большое музыкальное наслаждение: в Opéra Comique пойдет «Свадьба Фигаро» Моцарта, с превосходной старушкой Miolan-Carvalho в роли графини. Я заранее предвкушаю бездну удовольствия. Как много величавой красоты в этой бесхитростной музыке и как мало, наоборот, действительной художественности в сложной партитуре «Тристана и Изольды»!

5/17 января.

Получил Ваше письмо, дорогая моя, и много благодарю за него. Несказанно радуюсь известию, что Вы собираетесь в Италию. Мне приятно думать, что Вы погреетесь теплым итальянским солнышком, и, вместе, необыкновенно отрадно узнать, что Саша снова попадет в Училище. Признаюсь, я никак не мог помириться с мыслью, что он больше не правовед, а венский студиозус. Мне кажется, что, несмотря на бодрую энергию, с которой он принялся не только слушать, но даже и записывать немецкие лекции, ему было нелегко приучиться к чуждому языку и к новым учебным приемам.

Бесконечно благодарю Вас, дорогой друг, за предложение пожить в Плещееве. У меня, действительно, был план прожить если не всё лето, то, по крайней мере, одну часть его где-нибудь в деревне под Москвой, и я даже поручил брату и некоторым знакомым подыскать мне какой-нибудь домик (флигель бывшей господской усадьбы или что-нибудь в этом роде), который я бы мог нанять и как-нибудь устроить для временного пребывания. Мне очень, очень хочется этого, так как, несмотря на всю мою привязанность к каменским родным, самая Каменка — это лишенное всякой прелести жидовское гнездо, очень мне стала тошна и противна, но не знаю, хватит ли мужества решиться на такое смелое предприятие. Боюсь, что не в силах буду устоять, если родные

будут усиленно звать в Каменку. Но, во всяком случае, я не собираюсь в Россию ранее половины апреля. Можете ли Вы сомневаться, что для меня было бы ни с чем не сравнимым наслаждением побывать в Плещееве, но боюсь, дорогая моя, что мое пребывание там причинит Вам всё-таки некоторые хлопоты. Позвольте мне определенно отвечать на вопрос, буду я или не буду в Плещееве, несколько позднее, когда приблизится время к отъезду в Россию и я буду точно знать: 1) решусь ли я нанять дачу, 2) или попрежнему буду проводить всё лето в Каменке, 3) когда выедет Модест из Петербурга, и можно ли будет и ему также воспользоваться приглашением Вашим, — одним словом, когда все обстоятельства, касающиеся распределения жизни на лето, уяснятся. А покамест тысячу раз благодарю Вас, дорогой друг, за себя и за Модеста, которому приглашение Ваше передам устно, ибо скоро он, вероятно, будет здесь.

Я вчера был в Opéra Comique и испытал тем более сильное наслаждение, что исполнение оперы превосходно. В первом антракте я услышал, что кто-то, сидящий сзади меня в партере, зовет меня по фамилии. Поворачиваюсь в испуге, что натолкнулся на знакомого, и не сразу узнаю обращающегося ко мне. Это был вел. кн. Конст[антин] Николаевич, недавно приехавший сюда из Италии. Я был непомерно изумлен встрече этой. Он был необычайно мил, любезен, очарователен. В начале каждого антракта затем он уводил меня на площадку курить и беседовал со мной, как самый простой смертный. Оказывается, что он ужасно любит Париж именно за то, что здесь его не замечают и ему беспрепятственно можно держать себя частным человеком. Удивительно умен, мил и приятен этот человек. Так как он изъявил желание часто со мной видеться, то, испугавшись, как бы не пришлось, попав к нему, попасть вообще в о б щ е с т в о, я должен был солгать, что на днях уезжаю. Сегодня был у него, не застав, расписался, и думаю, что этим и кончится.

Я начал работать с большим увлечением и вот два дня сряду писал по шести часов в день. Вообще я весьма доволен здешним пребыванием.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш до гроба
П. Ч.

99. Мекк — Чайковскому

Вена,
6 января 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! В прошлом моем письме я забыла ответить Вам по поводу Вашего нежелания, чтобы я рассказала Влад[иславу] Алб[ертовичу] Ваше мнение о Вагнере. Я, конечно, исполню

Ваше приказание, дорогой мой, но мне очень жаль, что Вы мне это запрещаете, потому что для него было бы весьма полезно слышать Ваши мнения, возненавидеть же Вас он бы никак не мог, потому что Ваши мнения он считает такими авторитетными, что даже никакой критике не подвергает, а принимает их как закон.

Мое собственное отношение к Вагнеру совершенно согласно с Вашим, милый друг мой. Я нахожу его крупнейшим музыкальным талантом, но реформы, которые он выдумывает для оперы, я нахожу шарлатанством, продуктом его безграничного самолюбия и желания отличаться чем-нибудь необыкновенным, так что у него, по поговорке, ум за разум зашел. Натуральная школа, которую он проводит в опере, совсем не применима к такому искусству, как музыка; если надо, чтобы в опере люди говорили, а не пели, так зачем же тогда и опера? Пусть и будет только драма, а музыка сама по себе, в симфонической форме. Что же касается его сюжетов, то я их терпеть не могу, потому что это все сказки, которые могут занимать только до семилетнего возраста. Какой может быть драматизм в том, чего совсем не может быть? Будить красавиц поцелуями, разговаривать с птичками, сражаться с чудовищами — очень глупо, потому что невозможно. Из его опер больше всех мне нравится «Meistersinger», потому что там человеческий сюжет, и музыка мне очень нравится. Вообще же музыка Вагнера раздражает мне нервы, приводит в какое-то беспокойство, потому что в ней есть что-то загадочное, во что хочется проникнуть, но она никогда меня не восхищает, не уносит в небо, не приводит в такое состояние, что хочется и плакать и смеяться, хочется весь мир обнять, хочется повергнуться в прах — и так и умереть, как это бывает со мною при Вашей музыке и при многих сочинениях Шумана. Между последними в такое состояние приводит меня «Frühlingslied» Шумана; я каждый [раз] заставляю Колю петь мне эту песню и испытываю ощущение невыразимое.

Завтра мои мальчики уезжают; ужасно грустно. Я предполагаю уехать во вторник или среду, т. е. 11-го или 12-го, и прошу Вас, дорогой мой, если будете писать, адресовать мне в Рим, poste restante.

[У] Влад[ислава] Альб[ертовича] занятия идут здесь очень хорошо: систематично, аккуратно, всё закончено, и для него мне ужасно жаль, что я должна уехать,— но что мне делать!

У нас стало опять тепло, но всё-таки снег падает. Все мои свидетельствуют Вам их глубочайшее почтение. Коля ждет не дождется попасть в Каменку.

Да, вот я вспомнила вопрос, который давно собиралась Вам сделать, дорогой мой: отчего Вы ничего не пишете для арфы? Ведь это прелестный инструмент, а литература его ужасно бедна. Кроме Parish-Alvars и еще одного автора, которого имени в эту минуту не помню, никого еще нет.

Но до свидания, бесценный мой, хороший, несравненный. Будьте здоровы и не забывайте горячо любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

100. Чайковский — Мекк

Париж,
11/23 января 1883 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вот уже полторы недели, что я в Париже, а мне кажется, как будто я здесь живу целых два месяца. Это не оттого, чтобы я скучал, напротив, я весьма, весьма доволен своим времяпровождением. Но со второго дня пребывания в Париже я завел такой строгий, определенный порядок жизни, держусь его так упорно и так абсолютно оборонен от всяких помех, что мне представляется, как будто очень давно всё это установилось. Если позволите, я Вам расскажу, как я провожу время, не отступая ни на минуту от распределения часов. Ровно в восемь встаю и, одевшись, пью чай и читаю утреннюю газету. В девять с половиной сажусь заниматься и работаю до двенадцати. Иду завтракать в один и тот же ресторан постоянно. Гуляю до двух с половиной, куда глаза глядят. Париж так велик, и мне так интересно изучать его различные кварталы, что не замечаю, как время проходит. Пришедши домой, еще раз пью чай и в три часа сажусь писать до шести. Работа идет у меня очень хорошо, и едва ли уже не целая половина действия оркестрована. В шесть иду обедать и после того ежедневно почти бываю в том или другом театре. Возвратившись домой, читаю, пишу письма и в час пополуночи ложусь. Подобный образ жизни мне весьма по душе; и если б только не приходилось так страдать от холода, то я бы охотно прожил бы здесь два или три месяца. Но Италия и особенно Рим всё-таки несравненно милее моему сердцу Парижа, и потому я здесь долго не засижусь. Модест приезжает послезавтра. Вероятно, мы проведем здесь с ним еще с неделю или дней десять, так как мне хочется, чтобы он хорошенько узнал Париж, и потом уедем в Италию. Я очень боюсь за Модеста, боюсь, что он будет болезненно сильно тосковать и беспокоиться о своем Коле и что эта тоска испортит всё удовольствие поездки. Жду его с большим нетерпением.

Есть поговорка: pas de nouvelles — bonnes nouvelles *. На этом основании я ласкаю себя надеждой, что в Каменке всё обстоит благополучно. Но никогда еще мне не приходилось так долго оставаться без известий о них, как теперь. Вы знаете, дорогой друг, что у меня в лице Натальи Андреевны Плесской есть постоянный каменский корреспондент, сообщающий мне день за день всё, что там делается. Между тем, на сей раз корреспондент мой или ленится писать, или боится сообщать невеселые известия, или же сердится

* нет известий — хорошие известия

на меня, быть может, за то, что я хочу летом жить не в Каменке (о чем, впрочем, я еще не писал в Каменку, но, может быть, слух дошел уже до них). Дай бог, чтобы второе из этих предположений было неверно. На днях я видел во сне, что сестра умерла, и с такой поразительной ясностью и живостью, что проснулся весь в слезах.

А я сейчас вернулся из Opéra Comique, где вторично слушал «Свадьбу Фигаро», и, если еще будут давать, то пойду еще и еще, и еще. Знаю, что мое поклонение Моцарту удивляет Вас, милый друг. Да я и сам удивляюсь, что такой надломленный, не совсем нравственно и умственно здоровый человек, как я, сумел сохранить в себе способность наслаждаться Моцартом, не обладающим ни глубиной, ни силой Бетховена, ни теплотой и страстностью Шумана, ни блеском Мейербера, Берлиоза, Вагнера и т. д. Не оттого ли это, что «Дон-Жуан» был первой оперой, давшей толчок моему музыкальному чувству, открывшей мне целый неведомый дотоле горизонт высшей музыкальной красоты? Моцарт не подавляет, не потрясает меня, но пленяет, радует, согревает. Слушая его музыку, я как будто совершаю хороший поступок. Трудно передать, в чем состоит его благотворное действие на меня, но оно несомненно благотворно, и чем дольше я живу, чем больше знакомлюсь с ним, тем больше люблю его.

Вы спрашиваете, отчего я не пишу для арфы. Милый друг, арфа есть инструмент необычайно красивый по тембру и имеющий свойство поэтизировать внешним образом звучность оркестра. Но она не может быть самостоятельным инструментом, ибо не имеет вовсе мелодических свойств, а лишь исключительно годна для гармонии. Правда, арфисты, как Парнш-Альварс, пишут для нее фантазии из опер, где и мелодия есть, но это натяжка. Аккорды, арпеджии — вот тесная сфера арфы, следовательно, она годится лишь как аккомпанемент [1].

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог, чтобы Италия восстановила Ваши силы.

Здесь ужасно холодно сегодня.

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

101. Чайковский — Мекк

Париж,
15/27 января 1883 г.

Милый, дорогой друг!

На днях я отправил к Вам письмо в Рим, а сегодня получил Вашу телеграмму из Флоренции, на которую тотчас же ответил.

Брата Модеста до сих пор еще нет. Так как мне хочется, чтобы он здесь несколько дней остался и посмотрел бы на Париж, то я и полагаю, что не ранее, как через дней десять мы отсюда уедем; так я и телеграфировал Вам. Но само собою разумеется, что если для того дела, о котором Вы извещаете меня, нужно, чтобы я был в Италии, то я сейчас же могу собраться и уехать. Итак, буду ждать письма Вашего.

Меня немножко беспокоит, что Модест до сих пор не едет. Он должен был приехать в четверг, и я с большим волнением прождал его всё утро. Наконец пришла телеграмма из Берлина, что «obstacles imprévus»* его задержали, но где произошла задержка, в Берлине или в Петербурге, этого я не мог узнать. Решил, что, наверно, он заболел дорогой, и депешей просил его уведомить, что именно задержало. Ответ был, чтобы я не беспокоился, что он совершенно здоров и на днях будет. Вот я и жду его и, признаться, всё-таки беспокоюсь от неизвестности.

Из Каменки никто ничего мне не пишет, и я начинаю подозревать, что там что-нибудь неладно; никак нельзя объяснить себе, каким образом даже Наталья Андреевна ни разу не написала мне. Если Вы имеете сведения о Каменке, то, ради бога, дорогой друг, поделитесь ими со мной.

Что за отвратительные политические безобразия творятся во Франции! Из-за того, что всеми презираемый принц Наполеон насмешил весь мир своим манифестом, они хотят теперь изгнать всех принцев и в том числе всё семейство Орлеанское, столь почтенное и далекое от всяких интриг[1]. Меня ужасно возмущает теперешнее правительство французское вообще и их бессмысленное гонение на принцев в особенности.

Дойдет ли это письмецо до Вас? Как хорошо бы было, если бы Вы застали в Риме карнавал!

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

102. Мекк — Чайковскому

Рим,
20 января 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Хочу написать Вам хоть несколько слов, чтобы поблагодарить Вас очень, очень за Ваши дорогие письма. Я получила их два: одно, адресованное в Рим, и второе, адресованное во Флоренцию, которое мне переслали уже в Рим. Много писать потому не могу, что у нас такой холод в комнатах, что у меня стынут не только

---

* «непредвиденные препятствия»

руки, но и мозг. Я отогреваюсь только на воздухе, потому что там одинаковая температура, как и в комнате: и там и там по десять градусов тепла. В Рим мы и приехали для карнавала, но он в нынешнем году так вял, так скучен, что и смотреть нечего, хотя всё-таки это нам не мешало вчера с нашего балкона раскидать шестьсот букетиков цветов, но всё же экипажей было мало.

Очень, очень Вам благодарна, дорогой друг мой, за Вашу готовность приехать сейчас в Италию для моего дела, но оно состоит только в том, что я хотела воспользоваться Вашим приездом в Рим, чтобы препроводить Вам бюджетную сумму, но так как, повидимому, мы не будем одновременно в Риме, то не откажите, дорогой мой, сообщить мне, куда Вам лучше послать ее. Я, вероятно, останусь в Риме до среды, т. е. до 26 января, а в среду предполагаю выехать в Неаполь и на обратном пути едва ли остановлюсь в Риме. В Неаполе я предполагаю пробыть от десяти до четырнадцати дней, тогда в Ниццу, с коротенькими остановками в Генуе, и еще не знаю где, а в Ницце я хочу остаться до 1 апреля, тогда опять в Вену и в конце апреля в Москву, а в половине мая в Плещеево.

Вчера я получила письмо от Коли из Каменки, вследствие которого сейчас телеграфировала Вам, но, вероятно, Вы уже и сами теперь получили оттуда известия. Бедная Александра Ильинична опять страдала, но, слава богу, по крайней мере, что камень вышел; дал бы бог, чтобы это был последний.

А какое, должно быть, прелестное существо наша Анна (Вы позволите мне так называть ее?). Коля пишет, что она всё время болезни матери ухаживала за нею, так что ночи не спала около ее кровати, а днем дает уроки сестре и занимается хозяйством. Как это ужасно хорошо, и как будет счастлив мой Коля, если ему достанется такая жена. Он в совершенном упоении от своего пребывания в Каменке, восклицает: «Как здесь чудно хорошо — и описать невозможно!» Любовь и молодость — счастливое время. Наталья Андреевна Вам так долго не писала, друг мой, вероятно, потому, что Коля пишет, что сперва она ухаживала за больною матерью, а после ее смерти и сама заболела; теперь всё лучше. Да, Митя и Бобик также были больны; зимою люди только и делают, что хворают.

Приезжайте, дорогой мой, скорее в Рим, здесь на воздухе отогреетесь, природа такая зеленая, что теряешь сознание о времени года: это сентябрь, а не январь. Восхитительный этот Рим. Вчера мы были на площади Капитолия и на Monte Pincio — это два места, которые я обожаю. Наверное, Модест Ильич теперь уже с Вами и Вы успокоились, мой дорогой. Напишите мне, что его задержало, и прошу Вас передать ему мой самый искренний, дружеский поклон.

Об действиях французского правительства мы постоянно читаем в «Figaro», и мне оно совершенно так же несимпатично, как и Вам, милый друг мой. Хоть бы они скорее у себя устроили монархию.

А что, Вас больше не беспокоит Константин Николаевич? Из описания Вашего образа жизни в Париже, милый друг мой, я вижу, что Вы спите очень мало — всего семь часов (от часу до восьми), работая от пяти до шести часов в день и делая очень много моциона. Поэтому я убедительно прошу Вас, мой бесценный, очень обратить на это внимание: Вам необходимо спать minimum восемь часов, при Вашей нервности еще к тому же. Пожалуйста, дорогой мой, берегите Ваше здоровье для Ваших родных, для меня, для всего человечества, которому Вы доставляете такие отрадные, счастливые минуты. Да сохранит Вас бог на долгие, долгие годы.

До свидания в следующем письме, дорогой мой, несравненный. Когда я Вам пишу, то я вижу Вас, чувствую. Будьте здоровы, покойны, веселы. Всегда и везде всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

103. Чайковский — Мекк

1883 г. января 19—21. Париж.

Париж,
19/31 января 1883 г.

Милый, бесценный друг!

Теперь для меня объяснилось, что именно задержало брата Модеста и почему он так долго оставлял меня в неизвестности относительно своего приезда. Он приехал третьего дня не один, а с племянницей Таней. Эта бедная девушка, в последнее время пребывавшая в Петербурге, чувствовала такую слабость, такие невозможные нервные страдания, что добрый Модест решился взять ее с собой за границу, с целью, главнейшим образом, повидать знаменитого доктора, специалиста по части болезней душевных вообще и происходящих от морфина в особенности, и узнать от него, можно ли спасти бедную Таню. Но так как он знал, что Таня — мое больное место и что всё это очень огорчит меня, то не хотел ранее времени пугать и беспокоить меня, а решился прямо ко мне привезти ее в Париж, чтобы сразу для меня было ясно, что мы не только можем, но должны пожертвовать своим спокойствием ради того, чтобы попытаться спасти Таню, и не только ее, но и ее родителей, которые так любят ее, что смерть или сумасшествие ее (или то или другое должно рано или поздно придти, если не бороться энергически) и их убьют. Итак, Таня здесь, и теперь наше заграничное пребывание будет находиться в зависимости от указания Шарко, к которому сегодня Таня отправляется с Модестом. Если он захочет заняться ею и наблюдать за ней, то придется остаться в Париже до тех пор, пока это будет нужно. Если же он посоветует более теплый климат и тишину, тогда мы поедем в Италию[1].

21 января/2 февраля.

Шарко сказал Тане, что вылечить ее можно, но что в настоящее время она еще слишком слаба, чтобы выдержать крайне мучительный способ лечения. Он советует ей сначала хорошенько отдохнуть от путешествия, провести, сидя по возможности дома, несколько недель, а в конце будущего месяца поступить в его заведение, и он обещается, что если она подчинится всем требованиям лечебного курса, то к весне будет здорова. Итак, дорогая

моя, в Италии мне быть не придется. Следуя эгоистическим внушениям, я бы, конечно, мог отправиться в Рим, куда меня так и тянет, а Таню оставить здесь с Модестом и находящейся при ней девушкой, но покинуть бедного Модеста, которому придется выдержать много тяжелых минут в сожительстве с этой несчастной племянницей, один вид которой расстраивает и отравляет каждое мгновение жизни, я не могу.

Я еще не могу привыкнуть к новым порядкам жизни, обусловленным присутствием Тани, и занятия всё это время идут так плохо, да и здоровье что-то не совсем хорошо.

Не знаю, как и благодарить Вас, бесценный друг, за телеграмму с счастливым известием о сестре. Дай Вам бог всякого блага и здоровья.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Париж,
24 января/5 февраля 1883 г.

Представьте себе мое смущение, дорогая моя. Сейчас, открыв мой бювар, чтобы начать писать Вам, я нашел еще не отправленным предыдущий лист, написанный еще давно, на прошлой неделе. Между тем, помню, что я Вам какое-то письмо отправил. По всей вероятности, я что-то напутал, и к Вам адресовал письмо, назначенное или брату Анатолию, или сестре, или что-нибудь вроде этого. Приезд Тани, беспокойство, постоянная тревога — всё это сделало меня крайне рассеянным, и этим объясняется, что я запутался в своей корреспонденции.

Из предыдущего листа Вы уже увидите, дорогой друг, что судьба устроила мне неожиданно такую комбинацию, что с надеждой на Италию я принужден распроститься и остаться на неопределенное время в Париже. Это очень грустно, но делать нечего! Зато есть надежда, что племянница Таня выздоровеет, к общей радости всей семьи. Я очень люблю Париж, но не надолго. Не знаю, как он мне покажется после нескольких месяцев. Боюсь, что шум и суета утомят меня. В настоящее время, по случаю последних дней карнавала, он очень оживлен, и, к счастию, погода стоит такая чудная, что хоть бы и в Италии.

Мой милый Модест, который глубоко тронут Вашим поклоном и поручает мне передать его искреннейшую благодарность, требует, чтобы я ни в чем не нарушал установленного порядка жизни, и все заботы о Тане взял на себя. Плохой это будет отдых для него, а он в нем очень нуждался. Он покамест легко переносит разлуку со своим воспитанником: заботы о Тане, Париж, который он не

знал,— всё это отвлекает его мысли от Коли, но я очень боюсь, что позднее он начнет тосковать о нем и страдать от этой разлуки. Вообще же он чувствует себя хорошо и собирается хорошенько позаняться своими литературными работами, а именно: кончить повесть и написать задуманную давно комедию.

Вы удивляетесь, дорогой друг, что я мало сплю, и говорите, что нужно спать больше. Но таков мой организм: он не требует более шести часов сна, и этого мне вполне достаточно, чтобы восстановлять свои физические и умственные силы.

Адресую это письмо в Рим, poste restante, в той надежде, что до среды оно еще дойдет туда, а если не дойдет, то его перешлют Вам.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Попрошу Вас сюда адресовать бюджетную сумму и заранее благодарю Вас за нее.

104. Чайковский — Мекк

Париж,
26 января/7 февраля 1883 г.

Дорогой друг! Я третьего дня послал Вам письмо и, не зная, в каком отеле Вы жили в Риме, адресовал его на poste restante. Дойдет ли оно до Вас? Если да, то из него Вы узнаете, что рассеянность моя — причиной тому, что письмо мое, написанное неделю тому назад, я догадался отправить только третьего дня. В письме этом я уведомляю Вас о том, что Модест наконец приехал, но не один, а с больной племянницей Таней, которую он решился во что бы то ни стало везти в Париж и показать доктору Шарко, ибо в последнее время она была так плоха в Петербурге, что, казалось, неминуемо должно последовать или сумасшествие или смерть. Поступок этот достоин величайшего одобрения, так как бедный Модест вместо двухмесячного отдыха принял на себя необыкновенно трудную и тяжелую заботу. Но зато есть надежда вылечить бедную Таню. Шарко положительно берется за ее исцеление. Так как я должен разделить с Модестом его заботы о Тане, то в Италию уже не поеду, а останусь здесь до тех пор, пока окажется нужно.

Вчера Париж был очень оживлен по случаю Mardi gras. На бульварах шумела и неистовствовала громадная толпа народа. Но что это за карнавал в сравнении с римским! Уже одно то, что

вчера было так холодно, что следовало бы ходить в шубе, тогда как в Риме в это время уже даже весна дает себя чувствовать. И веселье далеко не то бесшабашное, увлекающее, симпатичное, какое в Риме. По газетам вижу, что римская публика недовольна отменой corso dei barberi*. И действительно, этот остаток старины следовало бы удержать, ибо если бы только принимались должные меры, несчастий (как в прошлом году) не случалось бы.

Как я завидую Вам, дорогая моя! Как здесь сегодня грустно! Целый день льет холодный дождь с ветром, грязью на улице, со свинцово-серым небом. Когда подумаешь о неаполитанском солнце, об красоте всего открывающегося теперь перед Вами вида,—просто до слез жалко, что роковые обстоятельства удерживают в Париже. Впрочем, грешно жаловаться. Есть и в Париже много хорошего, а главное, хорошо, что есть всегда возможность развлечься от грустных мыслей, мучительного страха за будущее и вообще того безотрадного настроения, которым проникаешься дома, рядом с Таней. Ах, милый друг, если бы Вы знали, как много было дано природой этой девушке, чтобы быть образцом женской прелести, нравственной и физической, и как тяжело видеть ее в этом положении. К счастию, в Каменке не подозревают серьезности ее положения и, видимо, рады и покойны, зная, что она с нами в Париже, куда ей всегда очень хотелось.

Я не совсем хорошо понимаю: с Вами Саша или уже уехал в Петербург? Если он с Вами, то потрудитесь сказать ему, чтобы он простил мне, что я до сих пор не отвечал на его последнее письмо. Письмо это требовало ответа, а на какие именно вопросы, не помню, ибо оставил его в России. Не напишет ли он мне еще раз?

Ваш до гроба
П. Чайковский.

105. Мекк — Чайковскому

Неаполь,
28 января 1883 г.

Милый, бесценный друг мой! Вот я и в Неаполе. Здесь так хорошо, что просто таешь от восторга; теплота удивительная, море, горы и все картины этого чудного города приводят меня всегда в восторг. Как мне жаль Вас, мой дорогой, что Вы лишаетесь наслаждения быть в Италии, но, боже мой, какие же Вы люди и что за сердца у Вас, обоих братьев: закабалить себя, превратить в garde-malade**, лишить себя не только величайшего удовольствия, но и необходимой потребности подышать теплым итальянским воздухом, отнять у себя покой,

* бегов во время римского карнавала
** сиделку

стеснить весь строй своей жизни, и всё это только из дружбы к сестре, из заботливости об ее спокойствии, да это просто поразительно в теперешнее время! Если бы еще дело шло о том, чтобы прославиться, прогреметь по всему миру, а то для безвестного, но, боже мой, какого высокого чувства любви к ближнему. О, как я благоговею перед Вами, как бы я была счастлива, если бы у меня были такие братья!

Вчера мне прислали Ваше письмо из Рима, милый друг мой, за которое я бесконечно благодарю Вас, но писем Ваших к кому-либо другому, по ошибке посланных ко мне, я не получала никаких, следовательно, они пошли по своему назначению.

Вчера мы ездили к Nisid'e, проезжали Villa Postiglione и вспоминали о Вас, мой милый, дорогой. Ведь, кажется, оттуда Вы ушли из-за мышей и имели неприятность с хозяином. Бедный мой Коля теперь уже расстался с Каменкою. Ему грустно, потому что нет надежды скоро увидеться.

Благодарю Вас, мой милый, дорогой, что Вы не отнимаете у меня надежды иметь Вас своим гостем в Плещееве. Я буду очень счастлива, если это состоится, а что касается хлопот, то прошу Вас и не думать об них, потому что никаких не доставит. А на дальнейшее Ваше пребывание летом около Москвы не согласитесь ли Вы, друг мой, поручить мне нанять для Вас или именно, как Вы желаете, господскую усадьбу, т. е. дом, или же один флигель со всем нужным для хозяйства и очень запущенным садом; дом очень старый, но большой, а флигель совсем новый, но маленький, только в три комнаты. Именье это находится в трех верстах от моего Плещеева, места там вообще очень красивые, и природа довольно богата растительностью. Я думаю, что Вам понравится. Именье, о котором я говорю, называется «Ордынцы» и принадлежит г-же Сукочевой, вдове доктора. Если Вы вздумаете, мой дорогой, решиться на это, то поручите мне, и я прикажу нанять. А около города Подольска есть большой лес, в котором расположены хорошенькие дачи на горе, над самой рекой Пахрою, в которой отличное купанье и местоположение очень красивое, то, быть может, не захотите ли Вы лучше здесь,— то также, дорогой мой, поручите мне, и я через отца Влад[ислава] Альб[ертовича] (моего управляющего в Плещееве) устрою и это.

Мне сегодня очень нездоровится, поэтому кончаю письмо. Дай бог, чтобы все жертвы, которые Вы теперь приносите, вознаграждались полным успехом, и Татьяна Львовна излечилась бы совершенно от всех своих недугов. Будьте здоровы, мой несравненный, и не забывайте глубоко и горячо любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

106. Мекк — Чайковскому

Неаполь,
2 февраля 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Вчера послала я Вам перевод и надеюсь, что Вы не удивились, получивши его без письма, если помните, дорогой мой, что я большею частию посылаю переводы отдельно от писем на тот случай, что если перевод пропадет, то чтобы письмо не ходило по рукам.

Из писем, полученных мною от Саши и Коли, я с большим удовольствием узнала, что моя Саша познакомилась со Львом Васильe-

вичем и Тасею, и случилось это таким образом. Саша из Колиных писем знала о дне проезда их в Москве, и к этому часу ее муж поехал на станцию просить Л[ьва] В[асильевича], чтобы он заехал к ним обедать и провести те несколько часов, которые приходятся между двумя поездами, курским и петербургским, на что Л[ев] В[асильевич] и согласился. Саше Лев Васильевич очень понравился, об Тасе она выражается: «Тася еще ребенок, но очень миленький ребенок». Мне так приятно, что они познакомились. Если я сама, по несчастному состоянию своего организма, не могу доставить себе этого удовольствия, то очень радуюсь, когда другие близкие мне люди пользуются им.

Хотя мне и жаль дразнить Вас, милый, дорогой мой, но я не могу не сказать, что здесь до того хорошо, что, кажется, всю жизнь не выехал бы отсюда, но это, конечно, только кажется, потому что, с другой стороны, нет города, в котором бы так постоянно сменялись ощущения восторга до слез с отвращением до тошноты; всё, что есть природа,— восхитительно, всё, что делается людьми,— отвратительно. Вообще Италия весьма не цивилизована, но Неаполь в особенности; наша Флоренция всё-таки гораздо благоустроеннее, и вообще северная и средняя Италия более цивилизованы и чище, чем южная. Я, как и телеграфировала Вам, предполагаю уехать в субботу до Пизы, там остановлюсь на один день, тогда в Геную, там остановлюсь [на] два дня и затем в Ниццу, где останусь до начала мая; тогда в Вену недели на две или на три, и в конце мая в Москву. Я отодвинула свое возвращение в Россию на целый месяц, потому что в мае объявлена уже коронация, и я считаю благоразумнее не быть в России это время. Если Вы, дорогой мой, все еще предполагаете прожить весну и лето около Москвы, то я тем более прошу Вас избрать для весны мое Плещеево, так как я ранее 25 мая туда не попаду, а дальше сделать так, как я Вам предлагала, милый друг мой, т. е. поручить мне нанять Вам дачу; у нас прелестные места, и роскошь растительности совершенно напоминает Украину. Коля мне пишет, что ему говорила Александра Ильинична, что Ипполит Ильич желал бы переменить род службы, то скажите, пожалуйста, дорогой мой, какой оклад жалованья получает он. Это на тот случай, если я узнаю о каком-нибудь подходящем для него месте, то первым делом надо знать, какое жалованье он желает получать.

Скажите, милый друг, читали Вы последнее сочинение Альфонса Доде «Проповедница»? Если нет, то не хотите ли, я пришлю Вам «Русский вестник», где помещен этот перевод?[1] Я ужасно люблю этого автора. Из всей французской нации я обожаю двух людей: Альфонса Доде и Жоржа Бизе, всё остальное терпеть не могу, т. е. я очень люблю музыку Берлиоза, но его самого как человека терпеть не могу,— такой же нахал и самохвал, как все они. На днях мы были в San-Carlo, давали «Roi de Lahore», и, признаюсь, дорогой мой, мне даже стало обидно, что Вы, человек с таким золотым сердцем, с таким богатым внутренним содержанием, можете восхищаться такою бессодержательною музыкою, как французская. Ведь это только подбор нот по известным правилам, а я такой музыки не признаю, потому что музыка должна быть жизнь и чувство, а не толчение воды, с целью показать, что умеет делать контрапункты, модуляции, органные пункты (которые особенно любят французы) и т. д. и т. д. По-моему, музыка, которая ничего не выражает, ничего не стоит. Простите, дорогой мой, что я так говорю против Вашего вкуса, но зачем Вы так снисходительны, когда Вы имеете полное право быть очень строги!

Сашок со мною, и я, главным образом, для его удовольствия поехала и в Неаполь, в котором он был только ребенком. Я передала ему Ваше поручение, дорогой мой; он очень благодарит Вас за внимание, но говорит, что Вы ему ответили уже давно на его письмо и на все вопросы в нем.

Сегодня идет дождь, но всё-таки тепло. Если всё будет благополучно, то я надеюсь быть в Ницце около 10 февраля и прошу Вас, дорогой мой, адресовать мне туда пока poste restante, а дальше я Вам сообщу адрес. До свидания, мой бесценный, милый друг. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Не знаете ли Вы, друг мой, где находится московский Губерт? Влад[ислав] Альб[ертович] искал его в Риме во всех гостиницах и даже через полицию и нигде не нашел его, а ему писали, что он в Риме,— то не знаете ли Вы, где он?

Не хотите ли Вы, друг мой, выбрать каких-нибудь р у с с к и х журналов? У меня их масса, и я могу прислать Вам; есть «Русский вестник», «Русская мысль», «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Отечественные записки» и «Дело».

107. Чайковский — Мекк

1883 г. января 31 — февраля 9. Париж.

Париж,
31 января/12 февраля 1883 г.

Дорогой, лучший друг мой!

Благодарю Вас от глубины души и за приглашение в Плещеево и за предложение нанять для меня дачу вблизи Плещеева. И то и другое несказанно пленительно, и мне так бы хотелось сейчас же сказать Вам, что и тем и другим я воспользуюсь. Но позвольте мне более определенно отвечать на этот вопрос несколько позднее. Относительно Плещеева, ввиду необходимости дождаться здесь, в Париже, полного выздоровления Тани, я даже не знаю, успею ли я пожить в нем до Вашего приезда. Бог знает еще, когда Таня вполне выздоровеет. Модест, ввиду своих обязанностей к делу воспитания своего Коли, не может оставаться здесь более двух месяцев, а так как уже более двух недель со дня его выезда прошло, то, следовательно, в начале марта он уедет, и тогда я непременно дождусь здесь до тех пор, пока Таня будет здорова, и сам отвезу ее в Каменку. Что же касается дачи, то, уезжая из Москвы, я поручил брату Анатолию поискать что-нибудь для меня, и он мечтает найти какой-нибудь домик или флигелек вблизи той местности, где он будет жить с женой. Перспектива иметь меня своим соседом доставляет ему такую радость, что я не решаюсь отнять ее у него. Притом же, он принялся с таким

рвением за поиски, что в каждом письме сообщает мне о результатах их, и весьма может статься, что теперь, когда я Вам пишу это письмо, он уже что-нибудь нанял для меня. Итак, сначала я спрошу его, в каком положении дело о приискании мне помещения, спрошу также, не нашел ли уже он что-нибудь для себя и в какой именно местности, посоветую ему искать для себя дачу вблизи Подольска, и как было бы хорошо, если б я мог исполнить и его и мое желание, т. е. иметь возможность жить недалеко от него и, вместе с тем, вблизи Плещеева. Откровенно говоря, из двух предлагаемых Вами мест, хотя запущенный сад Ордынцев меня ужасно пленяет, но еще больше соблазняет меня купанье в реке Пахре (купанье мне не только приятно, но и удивительно полезно), и потому я склонен выбрать не Ордынцы, а дачу в подольском лесу. Боже, как приятно думать обо всем этом, но как далеко еще до этого.

Вчера мы отвезли Таню в maison de santé* в Passy. За два дня до этого мы уже ездили туда с братом, чтобы посмотреть на это заведение и выбрать комнату. Странные люди эти французы. Хозяин заведения и его дочь приняли нас так нелюбезно и показали нам такое ужасное помещение для Тани, что мы собрались уже уехать, но когда они это увидели, то вдруг тон переменился, посыпались предложения лучших комнат, обещания превосходного ухода за больной и т. д. Тогда мы, удовольствовавшись небольшой, но чистенькой комнаткой, заключили условие. Но вчера, когда мы привезли Таню, комната оказалась неприготовленной, встречи ни от кого не последовало, прислуги невозможно было дозвониться. Это произвело на нас столь тяжелое впечатление, что мы уже собирались уехать, но тут вдруг появились и два доктора, и прислуга, и ухаживание... Таня решилась попробовать остаться в этом заведении, а что дальше будет — увидим, и если по прошествии нескольких дней окажется, что они больше обещают, чем делают, то мы возьмем ее оттуда. До чего было жаль ее, бедную, оставлять в заведении одну,—не передать словами. Она призналась нам, что ощущала вчера чувство, напомнившее ей первый день поступления в пансион. Разумеется, мы каждый день будем навещать ее и, быть может, даже впоследствии переедем поближе к Passy, если не в самое Пасси.

Дорогая моя! Вы очень преувеличиваете мои заслуги в этом деле. Если есть заслуга, то это со стороны Модеста, который взял на себя одного все хлопоты и заботы. Я только, так сказать, состою при нем. Да и во всяком случае то, что мы делаем, есть обязанность и долг, который всякий должен был бы исполнить.

* лечебницу

2/14 февраля.

Вчера пришлось вынести много нравственной муки. Навестивши Таню, мы застали ее в ужасном состоянии. Накануне вечером ей уменьшили в первый раз дозу морфина, а вчера дали еще меньше. Хотя уменьшение дозы ничтожное, но она страдала ужасно: кричала, рвала на себе волосы, беспрестанно впадала в обморочное состояние, бредила, одним словом, это было что-то до того ужасное, что я не знаю, как я выдержал это впечатление. Но доктора, навещавшие ее, остались непреклонны: прописывали опиум и разные успокоительные средства, но прием морфина не увеличили. Сегодня утром приезжала к нам девушка ее за некоторыми вещами и с известием, что хотя всю ночь она не спала и ее рвало, но к утру она несколько успокоилась и заснула. Так как она нуждается в постоянном уходе, и притом женском, а девушка ее совершенно выбилась из сил, здешней же garde-malade она не хочет, то мы с Модестом решились выписать из Петербурга одну очень почтенную старую девушку, бывшую воспитательницей сестры Модестиного воспитанника. Сейчас мы послали ей телеграмму. Нужно, чтобы как об этой выписке, так и вообще о состоянии Тани никто из каменских не знал сущей правды, и потому, дорогая моя, если будете писать об этом Коле, то так, чтобы он не доводил это до сведения каменских жителей.

5 февраля.

Третьего дня утром получил lettre chargée, а вчера письмо Ваше, дорогой друг! От всей души благодарю за то и другое. Благодарю также за приглашение весною в Плещеево. Если б Вы знали, как пламенно я желаю, чтобы мне можно было погостить у Вас! Но, как я уже объяснил выше, мне неизвестно, буду ли я в России в апреле и мае, ибо мы находимся в зависимости от состояния здоровья Тани. Если, даст бог, удастся вернуться домой к пасхе, то из Москвы прямо проеду в Плещеево, а затем, разумеется, для меня было бы в высшей степени желательно воспользоваться Вашим предложением жить вблизи Плещеева на даче. Дай бог, чтобы так вышло! «Проповедницу» я не читал, хотя книга эта в подлиннике есть у меня. Но она внушает мне какое-то предубеждение, которого никак не могу победить. Автор тут, конечно, непричем, но все эти редстокщины, «Armées du Salut»* и т. п. секты крайне антипатичны, и так как я знаю, что Доде (которого я люблю так же, как и Вы) изобразил одну из подобных сект, то и за книгу его приниматься не хочется.

---

* «Армии спасения»

Относительно французской музыки скажу в свое оправдание следующее. Я не столько увлекаюсь всей массой произведений, исходящих из новой французской школы, и каждым из композиторов в отдельности, сколько тем веянием новизны и свежести, которое вообще чувствуется теперь в музыке французов. Мне нравится их стремление к эклектизму, то чувство меры, которого они держатся, их готовность отстать от вековой рутины, но с тем, чтобы оставаться в пределах изящного. У них нет того безобразия, до которого у нас дошли некоторые авторы, вообразившие, что новизна и оригинальность состоит в попрании ногами всего, что до сих пор признавалось условием музыкальной красоты. Если же мы сравним новую французскую школу с тем, что теперь пишется в Германии, то нельзя, в самом деле, не признать, что у немцев музыка в страшном упадке и что дальше вечного переливания из пустого в порожнее элементов, внесенных Мендельсоном и Шуманом, с одной стороны, и Листом и Вагнером, с другой, — они ничего не делают. Во Франции, напротив, слышится что-то новое и иногда очень интересное, свежее, сильное. Бизе, конечно, целой головой выше их всех, но всё же Massenet, Delibes, Guiraud, Lalo, Godard, St-Saëns и др.—люди с талантом и, главное, люди, во всяком случае далекие от сухой рутинной манеры современных немцев.

Боже мой, до чего Вы добры, друг мой! Прослышали о том, что брат Ипполит мечтает о другом месте, и уже думаете об удовлетворении его мечты. Ипполит получает, если не ошибаюсь, тысячи полторы жалования и, кроме того, проценты со сбора за каждый рейс, что составит в целом тысячи четыре в год. Впрочем, я напишу ему, чтобы получить более точные сведения. Служба его, действительно, тяжелая, и для него была бы большим благодеянием перемена, но я не знаю, решится ли он оставить Одессу, где у него дом, недавно им отстроенный и которым он сам управляет. Всё это я узнаю и напишу Вам, добрый друг!

Вы окажете мне невыразимое удовольствие присылкой русских журналов, и если это не лишит Вас самих чтения, то буду несказанно рад получить их, тем более, что Таня нуждается в чтении.

В последние дни здоровье Тани лучше, благодаря тому, что доктора дают ей снотворные лекарства, и сон очень подкрепил ее. В последний раз я видел ее третьего дня и, должно быть, на возвратном пути от нее простудился, и вот уже третий день не выхожу из комнаты; чувствую лихорадочное состояние, жар и легкую ревматическую боль в щеке. Впрочем, нездоровье это самое незначительное. Модест ежедневно навещает нашу больную и вчера остался очень доволен ее значительно улучшившимся состоянием.

7 февраля.

Слава богу, Тане гораздо лучше. Я только что был у нее. В течение недели лечение прошло столь успешно, что прием морфина уже уменьшен на семьдесят пять миллиграммов, и она довольствуется этим уменьшенным приемом. Только первые дни были ужасны, теперь нет ничего особенного. Разумеется, это ей дается нелегко и терпеть всё-таки приходится, но что меня радует несказанно, это то, что она оказалась способной бороться с своей слабостью. Признаюсь, я думал, что у нее нехватит сил.

Вы удивительно верно выразились о Неаполе, что в нем постоянно чередуются ощущения величайшего восторга с отвращением и что виновники последнего — тамошние люди. На меня они так сильно подействовали, что я нисколько не стремлюсь побывать в Неаполе, и если удастся как-нибудь осуществить мечту мою пожить в Сорренто, то проеду через Неаполь, не остановившись. Одно воспоминание о вилле Postiglione приводит меня в трепет негодования и ужаса.

9 февраля.

Русская компаньонка, которую мы выписали для Тани, приехала. Это большое для нас облегчение.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай Вам бог всего лучшего.

Ваш П. Чайковский.

108. Мекк — Чайковскому

Ницца,
13 февраля 1883 г.

Тысячу раз благодарю Вас, мой милый, бесценный друг, за дорогое письмо Ваше, которое я нашла в Ницце по своем приезде сюда. Я в совершенном восторге от Ниццы: эта теплота, эти пальмы, апельсинные рощи, море, цветущие сады и цветники приводят меня в какое-то опьянение. К тому же, знаете, эта итальянская природа с французской культурой составляют прелестное соединение. Я французов терпеть не могу, но всё же нельзя не признать, что это передовой народ во всем, и в особенности, когда приедешь прямо из Неаполя, то с удовольствием отдыхаешь от тамошнего неблагоустройства. Только я в большом горе о том, что никак не нахожу для себя дачи; в нынешнем году так переполнена Ницца, что ничего такого, что мне надо, и найти нельзя, так что придется уже поместиться кое-как с разными лишениями на одной из тех дач, которые уцелели от набегов иностранцев. Но я надеюсь, что за эти лишения меня вознаградит божественное солнце и голубое море. Бедный, бедный мой друг, что Вы не можете пользоваться тем же солнцем. Но Вас, Ваше чудное сердце будет награждено тем благом, к которому Вы приведете бедную Татьяну Львовну; дай господи, чтобы она была совершенно исцелена от своего недуга и чтобы жизнь ее устроилась сообразно потребностям сердца. Так мне

жаль ее, эту молодую, исковерканную жизнь; пошли ей господи успокоение и удовлетворение.

Вы, вероятно, уже знаете теперь, дорогой мой, о смерти Рихарда Вагнера и, вероятно, читали, что его похоронили в Байрейте на его вилле, что он состояния никакого не оставил, потому что проживал больше, чем получал, но для семейства остается сто тысяч марок годового дохода, но так как он завещания никакого не оставил, то бедная жена будет зависеть от опеки над детьми. По всей дороге от Венеции до Байрейта во всех городах его тело встречали всевозможные депутации; из Вены от театральной дирекции и Музыкального общества был прислан Рихтер. Не стало музыкального колосса, но он умер вовремя, во-первых, по летам и, во-вторых, пока не исписался.

Вообразите, милый друг мой, что здесь уже купаются в море; погода чудная все эти дни. Я живу пока в Hôtel de la Mediterannée на Promenade des Anglais. Каждый день Влад[ислав] Альб[ертович] и Сашок ездят искать дач, вчера ездили в Monte-Carlo, но нигде вполне подходящей для меня не находится. Сегодня они поедут еще в Cannes искать, но я не имею надежды и на это, потому что, говорят, и там переполнено.

Сегодня я пошлю Вам журналы, дорогой мой.

Коля пишет, что Тася блистательно поступила в институт. Моя Соня завела переписку с Тасею; я считаю, что это будет для нее очень полезно. Коля пишет, что он несколько дней занимался с Тасею перед ее поступлением в институт и что она отлично занимается.

Здесь каждый день играет оркестр в Jardin public.

Извините, дорогой мой, за такое неопрятное письмо, но моим нервам всегда бывает трудно ладить с какими-нибудь лишениями. До свидания, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы и веселы. Дай Вам бог скорее быть обрадованным выздоровлением Татьяны Львовны. Всем сердцем горячо и неизменно Вас любящая

Надежда ф.-Мекк.

109. Чайковский — Мекк

1883 г. февраля 14—16. Париж.

Париж,
14/26 февраля 1883 г.

Милый, добрый, дорогой друг!

Не знаю, успел ли я написать Вам в последнем письме моем о новой тревоге, которую я испытал. Уже давно я подозревал, что мой бедный солдат Алеша болен, так как несколько времени не было от него писем. Вдруг получаю письмо от брата Анатолия, который извещает меня, что Алеша при смерти, болен воспалением в легких, что он был у него в госпитале, но до палаты, в которой лежит Алеша, не дошел, боясь тифозной заразы (жена его в это время должна была родить), а видел лишь фельдшера. Последний сказал Анатолию, что через несколько [дней] воспоследует кризис, и обещал дать знать, какой ход примет болезнь, а брат должен был об этом известии сообщить мне телеграммой. Между письмом и телеграммой прошло два очень тяжелых для меня дня,

так как я почему-то был уверен, что бедный мой слуга не останется в живых, и приготовился твердо перенести эту потерю. Но, кажется, бог и на этот раз отвратил от меня грозившую мне горесть. Через два дня после письма я получил известие, что перелом болезни благоприятный и что Алеша вне опасности. Теперь я написал в Москву, чтобы брат и Юргенсон похлопотали о годовом отпуске для Алеши. Сильное воспаление в легких часто имеет последствием чахотку, а так как Алеша очень некрепкого сложения, то можно этого опасаться, и я хотел бы, чтобы он летом не служил, а отдыхал и укреплялся.

Больная наша в последние дни опять нехорошо себя чувствует, но большим облегчением и для нее и для нас то, что при ней теперь есть очень почтенная и симпатичная личность, оказывающая ей всевозможные попечения и услуги, в лице выписанной нами г-жи Молас. Таня очень полюбила ее и весьма довольна ее сообществом.

Работа моя подвигается черепашьим шагом. Я думал, что к концу февраля опера моя будет готова, теперь вижу, что раньше, как к маю, не успею ее окончить.

16/28 февраля 1883 г.

Радуюсь, что Ницца Вам нравится. Как местность, это действительно восхитительный уголок. Желаю, чтобы поиски виллы были успешны. Если в Ницце и Канне ничего не окажется, то не поискать ли между San Remo и Bordighera? Хотя это уже Италия, но порядки все французские, а помнится, там чудные есть места.

С нами случилось на днях курьезное происшествие. Возвращаясь поздно вечером домой, мы наткнулись на женщину средних лет, очень бедно, но чисто одетую, которая лежала в изнеможении на тротуаре. Когда мы ее подняли и она пришла в себя и могла говорить, то сказала, что целый день бегала по Парижу, ища работы, целый день ничего не ела и лишилась сил и сознания от этого. Мы дали ей немножко денег, купили хлеба и отправили в фиакре домой. На другой день Модест ходил собирать о ней сведения, и concierge * дома, в котором она живет, отзывалась о ней как об очень несчастной, но хорошей женщине. На другой день она пришла к нам, и мы снова дали ей денег, чтобы могла прожить до приискания работы. После того я обратился к хозяйке нашего отеля (очень симпатичной даме) за советом, и она берется доказать, что женщина эта сыграла с нами ловкую комедию, что

* швейцар, привратник

подобные надувательства часто делаются и иностранцы попадаются впросак. Увидим! Меня очень интересует этот вопрос [1].

Брату Анатолию бог дал дочку.

Будьте здоровы, покойны и счастливы, дорогой друг! Дай бог Вам всего лучшего.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

110. Чайковский — Мекк

1883 г. февраля 21—24. Париж.

Париж,
21 февраля.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Из письма Влад[ислава] Альберт[овича] вижу, что в настоящее время здоровье Ваше нехорошо. Вы не поверите, как это меня беспокоит и огорчает! Дай бог, чтобы Ницца и тамошнее солнце и море благодетельно на Вас подействовали. Дай бог, чтобы хоть несколько времени никакие тревоги и заботы не нарушали Вашего покоя!

У нас здесь всё довольно благополучно. Нельзя сказать, чтобы племянница совсем хорошо себя чувствовала, но мы ожидали гораздо худшего. Что в особенности приятно, это то, что нам посчастливилось в выборе доктора для специального ухода за Таней. Доктор этот необыкновенно заботлив, до того, что иногда по четыре раза в день навещает ее, а третьего дня он оказал ей такую услугу, которой и за большие деньги нельзя добиться, а именно, привез к ней вечером своего учителя, знаменитого Шарко, который довольно долго просидел и обстоятельно осмотрел больную. Еще хорошо то, что компаньонка, которую мы выписали для Тани, чрезвычайно ей понравилась. Мы очень боялись, что[бы] известие о выписке этой почтенной особы не было принято в Каменке как признак ухудшения в здоровье Тани, и потому пришлось прибегнуть к лжи и написать туда, что компаньонка эта совершенно случайно очутилась в Париже и что мы оставили ее при больной, ввиду того, что она совершенно свободна. По письмам из Каменки видно, что нужно с крайней осторожностью извещать их о Тане. При малейше беспокоящем известии сестра моя делается больна, а болезнь ее такого рода, что нужно всячески щадить ее материнскую чувствительность.

Недавно получил я очень подробное и интересное письмо от племянницы Анны. Она говорит, между прочим, о пребывании там Коли и о том, что чем более узнает его, тем более любит. Да, нельзя не любить этого человека всем сердцем! На днях по поводу

беспокойств, о которых брат Модест писал ему по поводу щемящего чувства тоски, испытываемой им, когда он думает о своем воспитаннике, оставленном на попечении чужих людей, сын Ваш Коля пишет ему, что беспокоиться нельзя, ибо он близко. Мы оба до слез были тронуты этим письмом. Без громких слов, без фраз, совершенно просто, как будто иначе и быть не может, Коля дает понять, что зорко следит за всем, что делается у Модеста, и что он заменит для его воспитанника брата моего, если нужда того потребует. Вы себе представить не можете, до чего эти несколько слов Коли благодетельно подействовали на Модеста. Чувствуется, что Коля, и один только Коля, своею готовностью хотя бы издали следить за его мальчиком, мог внушить ему уверенность, что отсутствие его не будет чувствительно. Экое золотое сердце у него.

Мне очень понравилась характеристика Коли, которую делает в письме ко мне мой старый приятель Кондратьев. Я ее выписываю: «Кстати о Николае Мекк. Какой он практичный и как он все умеет, и как он сознает свою силу,—так и хочется сказать: возьми ты меня, голубчик, в полное свое распоряжение, делай что хочешь и с моим именем и с временем, и пусть всё будет по-твоему»[1].

Я думаю, что никогда еще восемнадцатилетний юноша не внушал зрелому человеку такого впечатления, какое способен, как видно из предыдущих строк, производить Коля.

24 февраля.

Какой милый Владислав Альбертович! На мою просьбу написать мне подробнее о состоянии Вашего здоровья он прислал мне обширное письмо с обстоятельным описанием всего, что в настоящую минуту Вы испытываете. Письмо это значительно успокоило меня, ибо, с свойственной мне способностью всякие невзгоды видеть преувеличенно, я вообразил гораздо худшее. Теперь я вполне уверен, бесценный, горячо любимый друг мой, что при благоприятных обстоятельствах Вы можете очень скоро совершенно оправиться. Молю бога, чтобы ничто не нарушало Вашего душевного мира, а ведь здоровье Ваше в полной зависимости от состояния души Вашей.

Читаю в газетах, что даже в Ницце был снег; вот это уж некстати для Вас, не затем Вы приехали в Ниццу. Что касается Парижа, то здесь самая несносная погода, с бешеными порывами северного ветра, нагоняющего снег, град и проникающего даже в комнаты. Приходится сидеть весь день у камина, спасаясь от ужасного холода.

Я еще не слышал новой оперы St-Saëns'a, которую на днях

дали в Grand Opéra. Судя по газетам, видно, что опера имела настоящий успех. Я не ожидал этого, ибо хорошо знаком с другими операми его: «Samson et Dalila», «Etienne Marcel» и «Princesse jaune»,—и все эти три оперы внушили мне убеждение, что St-Saëns вряд ли может создать что-нибудь замечательное в сфере драматической музыки. На будущей неделе пойду послушать его оперу и сообщу Вам о своих впечатлениях[2].

По случаю смерти Вагнера, он внезапно сделался кумиром парижской публики. Все три воскресные концерта (Pasdeloup, Colonne и Lamoureux) посвящают всю свою программу Вагнеру, и успех громадный. Курьезные люди! Непременно нужно умереть, чтобы заслужить их внимание! В здешней Académie des Beaux Arts по случаю смерти другого композитора, Флотова, открылась вакансия иностранного корреспондента, и Gounod в числе пяти кандидатов представил и меня, но я чести этой не удостоился. Большинством голосов выбрали Лимпандера, бельгийского композитора.

Дай Вам бог здоровья, здоровья и здоровья, драгоценный друг!

Ваш П. Чайковский.

111. Чайковский — Мекк

1883 г. марта 3—4. Париж.

Париж,
3/15 марта 1883 г.

Дорогой, милый друг! Не может быть погоды ужаснее той, которая держится в Париже уже, по крайней мере, две недели и, повидимому, еще долго будет продолжаться. Неужели и у Вас в Ницце так же дурно? Перечитываю свой прошлогодний дневник[1] и вижу, что в Неаполе в это время, год тому назад, была уже совсем летняя погода. Что за чудные прогулки мы делали, что за красота была! А здесь бесконечный дождь, холод, по временам снег, ветер, и, разумеется, всё это отражается на душевном настроении.

Здоровье Тани не ухудшается, но и не улучшается. Уменьшение морфинных доз на время прекратилось, так как она потеряла опять сон, по ночам бредит, страдает постоянной тошнотой, и доктор нашел невозможным без вреда для нее продолжать уменьшение приемов морфина. Видно по всему, что еще долго продлится это лечение, и конца ему не предвидится.

О близких своих из России имею хорошие известия. В Каменке всё благополучно, и Лев Васильевич пишет, что, приехавши домой после почти двухмесячного отсутствия, он нашел сестру мою очень поправившейся. У брата Анатолия жена после родов поправилась, и ребенок совсем здоров. Алеша мой тоже, слава богу, выздоровел,

и я просил Анатолия похлопотать, чтобы ему дали годовой отпуск для поправки.

Начинаю помышлять о возвращении в Россию. Как только начинается весна, меня всегда влечет домой, в нашу бедную, но всё-таки бесконечно милую родину. Только, увы, едва ли в скором времени можно будет уехать из Парижа.

4/16 марта.

Сейчас Модест получил письмо от Коли (Вашего сына), в коем он пишет, что беспокоится о Вашем здоровье и огорчается, что не принимается достаточно мер к поправлению его. Как больно читать это! Как сжимается мое сердце при мысли, что Вы страдаете, и, как нарочно, даже солнце недостаточно греет Вас, ибо, судя по газетам, и в Ницце холодно. Здесь опять ночью был мороз, а вчера вечером снег шел.

В воскресенье ожидаются большие беспорядки и демонстрации[2]. Быть может, и на этот раз всё ограничится безоружными скопищами и платоническими манифестациями, но в воздухе парижском чувствуется веяние революции, и если не сейчас, то всё-таки в близком будущем предстоят волнения серьезные. Общее недовольство существующим порядком вещей сказывается во всем. Консервативные и радикальные газеты одинаково ненавидят теперешнее правительство, и что оно не удержится — это верно, но и заменить его некем. Франция точно так же, как и Россия, нуждается в сильной, выходящей из ряда политической личности. Пока был Гамбетта, олицетворявший в себе современную Францию со всеми ее недостатками и достоинствами, всё было покойно. Одни с любовью, другие с завистью и недоброжелательством, но все чувствовали, что в конце концов власть перейдет к нему. Теперь во главе правительства — целый ряд людей, равно ничтожных и пошлых.

Получил я сочинения Влад[ислава] Альберт[овича]. Потрудитесь передать ему, дорогой друг, что я поверхностно уже просмотрел их и радуюсь несомненным и значительным успехам, сделанным им. Впоследствии напишу ему подробно.

Ради бога, будьте здоровы, милый друг, — это мое главнейшее и пламенное желание.

Ваш П. Чайковский.

112. Чайковский — Мекк

Париж,
9/21 марта [1883 г.]

Я так и думал, дорогой друг мой, что Вы или нездоровы, или очень расстроены известием о болезни Миши. Мне кажется, что Вас тщетно так растревожили. У мальчиков, быстро растущих,

очень часто бывает временное расстройство, и состояние это очень далеко от того, что называют пороком сердца. Я совершенно убежден, что такой чудесного сложения мальчик, как Миша, не может носить в себе зародыша серьезной болезни. Молю бога, чтобы Вы поскорее успокоились.

На меня низверглись два неожиданных и очень тяготящих меня труда. Город Москва заказал мне торжественный марш для исполнения на празднике, который будет дан государю в Сокольниках, а коронационная комиссия прислала мне текст большой кантаты, слова которой написаны Майковым, а музыку к ней убедительно просят меня написать. Едва я успел примириться с мыслью, что нужно оторваться от оперы для марша, как вдруг получаю письмо от президента комиссии по поводу кантаты. Первая мысль моя была — отказаться, но потом я решил, что во что бы то ни стало нужно постараться и обе работы исполнить к сроку [1]. Мне известно из достоверных источников, что государь весьма расположен ко мне (т. е. к моей музыке), и я бы не хотел, чтобы ему донесли, что я отказался. Обе работы, особенно кантата, должны быть исполнены с быстротой, которая приводит меня в ужас. Мне предстоит недель шесть выбиваться из сил, проводить бессонные ночи, утомляться до изнеможения. Впрочем, если я увижу, что здоровье мое пошатнется, то, разумеется, откажусь. Ведь, во всяком случае, если не я, то никто другой не напишет, и, следовательно, я не буду мучиться мыслью, что помешаю другому исполнить заказ. Президент комиссии так и говорит в письме своем, что я один могу выручить их из затруднения, ибо Антон Рубинштейн отказался ввиду краткости срока и указал на меня [2]. Кантата эта должна быть исполнена в Грановитой палате, когда, по обычаю, государь обедает один, в виду всех участников церемонии. Я уже начал сегодня писать и то и другое. Между тем, здоровье Тани совсем не таково, чтобы я обладал спокойствием, потребным для такого египетского труда. Если бы случилось, что она бы вдруг начала серьезно поправляться, я с радостью уехал бы поработать в Швейцарию. Париж очень мало годится при таких обстоятельствах.

Наконец здесь наступила весна или, по крайней мере, нечто похожее на весну, ибо всё-таки еще приходится топить камин, дабы не страдать от холода. Радуюсь Вашему плану приобрести виллу на берегу Средиземного моря.

Поверьте, милый друг, что, несмотря на все мои беспокойства, тревоги и усиленные труды, я более чем когда-либо думаю о Вас, сострадаю Вам и беспокоюсь о Вашем здоровье. Поэтому Вы не поверите, как я рад был письму Влад[ислава] Альб[ертовича], которому завтра или послезавтра напишу. Прошу Вас и впредь,

Когда Вы нездоровы, поручить ему или Саше извещать меня о Вас.

Будьте покойны и верьте, что нездоровье Миши несерьезно.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Убедительно прошу Вас как можно дольше не писать мне. Я очень, очень понимаю, как малейшее напряжение может расстроить Вас при этих обстоятельствах.

113. Мекк — Чайковскому

Ницца,
11 марта 1883 г.

Милый, бесценный друг! Если бы Вы знали, как мне больно, как тяжело, что я не могу писать Вам так часто, как бы мне хотелось, как необходимо мне. Переписка с Вами есть мое единственное утешение, единственная радость, но проходят целые недели, что я каждый вечер собираюсь назавтра писать Вам, а наутро-то мое первое состояние таково, что я двух слов связать не могу, то является неожиданно необходимость писать деловое письмо или отвечать кому-нибудь из своих детей на кучу вопросов, и таким образом теперь судьба у меня отнимает и последнее благо, которое я имела. Теперь же это время я до крайности расстроена и огорчена болезнью моего бедного Миши. Коля и Саша (дочь) скрывали от меня истину, но это совершенно напрасно, потому что от матери скрыть невозможно, а только для меня протянули дольше это чувство томления, смертельного беспокойства, когда видишь, что от тебя что-то скрывают. Теперь я знаю всё его состояние и, конечно, прихожу в ужас за его настоящее и будущее. Болезнь сердца у него произошла от такого порока, который очень часто бывает у мальчиков и при котором теперь требуется такой бдительный присмотр и наблюдение за ним, которых и вполовину достигнуть трудно, то что же будет с ним, с этим несчастным ребенком! Я хлопочу теперь изо всех сил найти добросовестного, внимательного гувернера для него, так как он должен оставить Петербург и будет находиться при мне. Не знаете ли Вы, мой добрый, дорогой друг, кого-нибудь для этого назначения? Или не можете ли Вы сделать мне величайшее одолжение — поискать в Париже благонадежного француза? Это для меня самый важный вопрос теперь. Но, конечно, милый друг мой, я не смею и просить Вас употреблять для этих поисков каких-нибудь особенных усилий и хлопот, а если бы представился случай спросить, узнать и достать, то не откажите, дорогой мой, воспользоваться таким случаем. Мне надо поручить двух мальчиков, потому что и Макса я также возьму из Петербурга; я слишком напугана уже двумя, получившими ревматизм. Сашок, вероятно, также не вернется больше в Петербург, потому что доктор, который у меня в доме, всё твердит, что это был бы слишком большой риск для его здоровья.

Вот еще вопрос, о котором я хотела сказать Вам: не попросите ли Вы Александру Ильиничну взять Тасю обратно из института? До того мне жаль этого ребенка, что ко всем моим тревогам еще у меня сердце ноет за нее. Коля пишет мне, что она так похудела, так печальна, что

жалость смотреть на нее. Теперь ведь она в лазарете, бедное дитя! За что и к чему так мучить ребенка, что с нее, со всей этой премудрости, которую она там произойдет? Для того, чтобы любить мужа и беречь детей, надо быть только дочерью хорошей матери, а не ученою девицею. Упросите, дорогой мой, Александру Ильиничну, чтобы она сжалилась над бедным ребенком. Простите, если я говорю некстати, но мне так жаль бедную девочку.

Как это печально, что у Вас такая дурная погода. У нас о ч е н ь тепло и о ч е н ь много солнца. Правда, недели две назад два дня падал снег, в тени лежал очень долго, но все же меньше четырех градусов тепла ночью не было. Я наняла дачу в Cannes для будущей зимы, потому что иначе нельзя иметь хорошего, здорового помещения; теперь у нас отвратительная квартира, потому что ничего лучшего нельзя было достать, всё занято. Цены на хорошие виллы ужасно высоки, за эту, которую я наняла в Cannes, с меня берут двадцать пять тысяч франков за зимний сезон; правда, вилла роскошная, но все же и цена ужасная.

Я должна кончить. Голова в отчаянном положении, сегодня я ночь очень дурно провела, а как бы хотелось еще о многом, многом поговорить. Будьте здоровы, мой бесценный, милый, хороший друг. Всем сердцем горячо и безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

114. Чайковский — Мекк

1883 г. марта 14—16. Париж.

Париж,
14/26 марта 1883 г.

Дорогой, бесценный друг!

Прежде чем обратиться к Вам с просьбою, которая стоила мне многих мучительных колебаний, я должен написать маленькое предисловие. Когда брат Модест, решившись взять с собою племянницу Таню за границу, написал о том Льву Васильевичу, последний решительно отказал отпустить ее, говоря, что средства не позволяют. Действительно, киевская жизнь до того расстроила его дела, а хозяйственный год столь плохой, что он временно очень затруднен. Потом, когда Модест подробнее выяснил ему необходимость увезти Таню, он дал позволение и прислал тысячу рублей, говоря, что это всё, что он может теперь дать, и если окажется этого мало, то просил, чтобы мы взяли на себя все лишние против этой суммы расходы, с тем, что впоследствии он с нами рассчитается. Модест, рассчитывая, что его, моих и Таниных денег будет достаточно, приехал в Париж. Но мы очень скоро увидели, что рано или поздно далеко перешагнем за пределы наших наличных денег, и я давно предвидел, что мне придется принять экстраординарные меры, чтобы покрыть все наши расходы. Танино пребывание в дорогой (хотя и очень плохой) maison de santé, доктора, лечение и тысяча ежедневных непредвиденных расходов, обусловливающихся состоянием Тани, наконец, наши собственные необходи-

мые потребности, при дороговизне парижской жизни, которой я не ожидал и не предвидел, все это совершенно нарушило мой бюджет. Обращаться к Льву Васильевичу не могу, ибо кроме того, что знаю его затруднительное положение, я считаю себя слишком обязанным ему за многолетнее гостеприимство, чтобы не пощадить по возможности его интересы. Да, наконец, и он и сестра вовсе и не подозревают всей серьезности болезненного состояния Тани, и чтобы выяснить, почему мы на нее так много тратим, пришлось бы нанести им убийственное горе, а этого тем более нельзя, что сестра больна и единственное условие ее выздоровления — отсутствие тревог за Таню. В настоящее время у меня осталось несколько сот франков, с которыми до конца месяца я дотяну, а затем, кроме Вас, мне не к кому обратиться. Город Москва, заказавший мне торжественный марш для празднования коронации, предложил мне пятьсот рублей. Не знаю, одобрите ли Вы меня, милый друг, но я отклонил вознаграждение за этот труд, находя, что город Москва в подобных случаях должен платить или, по меньшей мере, пять тысяч или ничего. Коронационная комиссия ничего не предложила мне за кантату. Словом, никакого близкого заработка не предвидится, ибо я могу получить от Юргенсона за право издания оперы «Мазепа» известную сумму лишь только, когда опера будет готова, а раньше лета она готова быть не может. Занимать у него мне, по некоторым соображениям, весьма неприятно. И вот, дорогая моя, я принужден беспокоить Вас, да еще в такое время, когда у Вас так много горестей и забот на душе! Просьба же состоит в том, что бюджетную сумму, вместо 1 июня, я просил бы Вас прислать мне в конце текущего месяца. Невыразимо совестно беспокоить Вас и, быть может, хоть слегка, но всё-таки нарушить и Ваш бюджет, но необходимость принуждает меня обратиться к Вам. Если бы это оказалось возможным, то я был бы совершенно покоен и денег этих вполне достало бы мне, чтобы обеспечить еще несколько времени пребывание и лечение Тани, а также наши с Модестом здешние траты и путевые издержки. Что касается лета, то, во-первых, я буду иметь деньги, когда кончу оперу, а во-вторых, устроюсь так, что до глубокой осени не буду в них вовсе нуждаться. Словом, чтобы выйти победителем из затруднительного финансового положения, мне только нужно двумя месяцами раньше иметь в руках деньги, на которые я рассчитывал в июне. И я буду несказанно благодарен Вам, если Вы найдете это возможным.

16 марта.

Касательно Таси я скажу Вам откровенно, милый друг, что мне очень жаль ее и я очень понимаю всю жуткость испытываемой

ею тоски. Но тем не менее, хорошо зная характер этой девочки, в сущности доброй и хорошей, но очень своенравной и избалованной, скажу Вам, что для нее будет сущим благодеянием пробыть года два под казенной дисциплиной. Мне жаль ее, как бывает жаль ребенка, которому нужно выдержать операцию: операция эта мучительна, но она спасет ее. Позвольте мне не вдаваться в разные грустные подробности, но уверяю Вас, что лучше, чтобы она потосковала по дому, чем чтобы ее туда вернули. Тася выростала, когда сестра моя была уже больна, и воспитание ее было не так ведено, как бы следовало. Я уже имел случай говорить Вам, что девочка эта из тех натур, которые требуют, чтобы за ними был строгий присмотр и неослабное наблюдение. К несчастию, долгое время некому было серьезно ею заняться, а когда подоспела Анна, которая явилась домой с твердо взятым намерением перевоспитать Тасю, уже было поздно. Она уже настолько выросла, настолько привыкла к безграничной свободе поступать всегда, как ей хочется, что Анна с ней не могла справиться. Нет, поверьте, дорогой друг, что институт может совершенно искоренить все Тасины недостатки, в сущности, исправимые, но под условием, чтобы она была на время отдалена от дому. Между прочими странностями этой девочки я должен Вам сказать, что она поставила себе за образец свою сестру Таню, которой она поклоняется как кумиру. Ей представляется, что нет ничего совершеннее и лучше, как отравлять себя морфином, читать с утра до вечера романы, быть всегда праздной, заботиться о туалете с преувеличенным усердием и т. д. И может ли она приучиться смотреть на это иначе, если она живет в доме, где, вследствие безграничной любви родителей к старшей дочери, никогда никто не смеет громко осуждать подобного рода девическую жизнь. Уже этого одного достаточно для того, чтобы желать временного удаления Таси из дому. Разумеется, если бы ее тоска приняла бы болезненный характер, то ее взяли бы. Но слышно, что она начинает привыкать к новой жизни.

Тем не менее, дорогой, добрый друг, я всё-таки сообщу Ваши сочувственные слова о Тасе ее родителям, которые, конечно, будут глубоко тронуты Вашим участием. Ах, дорогая моя, как часто я с болью сердца думаю об этих двух чудных людях (я говорю о сестре и Льве Васильевиче), столько времени пользовавшихся ничем не смущаемым счастием и теперь, вот уже несколько лет, обреченных на непрерывные мучения вследствие тревог за свою несчастную Таню! И знаете, я не предвижу, чтобы она выздоровела. Положим, она теперь уже меньше поглощает морфина, но ценою чего! Вместо морфина ей дают другие наркотики. Дело тут не в самом морфине, а в каких-то роковых свойствах этой

девушки, заставляющих ее поневоле губить так или иначе и свое здоровье и счастье целой семьи.

Я с величайшей готовностью возьмусь приискивать гувернера, но научите, как это сделать! Я никого не вижу и никого не знаю. Можно ли пойти в контору рекомендаций? Годится ли этот способ приискиванья? Если да, то, конечно, пойду, и прошу Вас, милый друг, дать мне на этот счет инструкцию.

Радуюсь, что Вы обеспечены насчет помещения для будущей зимы.

С любовью лелею мечту погостить в мае у Вас в Плещееве. Молю бога, чтобы здоровье Миши восстановилось поскорее.

Я работаю с лихорадочною деятельностью.

Безграничпо преданный

П. Чайковский.

115. Мекк — Чайковскому

Ницца,
18 марта 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Простите мне еще раз мое неуместное заступничество за Тасю. После Вашего письма я совершенно поняла, что для нее очень полезно побыть некоторое время вдали от дома, пока она установится и окрепнет. Скажу Вам при этом, дорогой мой, другое мое беспокойство. Этот морфин пугает меня ужасно, и я страшно боюсь, чтобы Анна также не соблазнилась им, поэтому я прошу Вас убедительно, мой милый, добрый друг, который способен понять все мои чувства и тревоги и который знает, что Анна теперь уже для меня близка и дорога, употребите всё Ваше влияние на нее, чтобы никак не допустить ее до этой отравы, до этой пагубы; ведь это ужасно, ведь вся жизнь погибнет. Мне очень больно лишать надежды, но признаюсь, что я совсем не надеюсь, чтобы доктора вылечили Татьяну Львовну. Пожалуйста, мой дорогой, в Ваших письмах к Анне предохраняйте ее от этого зла, оберегите ее жизнь от гибели.

Насчет первой части Вашего письма мне очень больно, мой дорогой, что Вы могли колебаться хотя одну минуту сообщить мне о Ваших затруднениях, и я повторяю свою убедительнейшую просьбу: при малейших затруднениях такого рода, как теперь, докажите мне Вашу дружбу—сообщите мне о Ваших делах, и Вы сделаете мне этим огромное одолжение. Нарушить моего бюджета такая пустая сумма не может. Пожалуйста, мой бесценный, не считайте так математически сроков посылки Вам; если понадобится сверх всех сроков, так умоляю Вас, только сообщите мне. Перевод посылаю при письме, так как здесь его читать не могут.

Об Мише я получаю всё одни и те же сведения, он всё в одном положении. Насчет гувернера очень и очень благодарю Вас, мой дорогой, за Вашу готовность помочь мне, но я никак не просила искать его, а если случайно Вы услышали бы о каком-нибудь подходящем, то не откажите сообщить мне. У нас очень светлая и днем теплая погода, но по ночам холодно. Не пишу больше, потому что мне вчера очень засыпало глаза пылью и песком, так как был сильней-

ший ветер, и это мое несчастье здесь — этот ужасный, постоянный ветер. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг. Всем сердцем бесконечно Вас любящая.

Н. ф.-Мекк.

P. S. Какой торгашеский узкий масштаб у нашей Москвы. Я покраснела за нее, когда прочла в Вашем письме предложение Вам пятисот рублей за марш. Это из рук вон — первому композитору в мире предложить такую сумму и за сочинение к такому торжеству! Вот уж наша Москва, и сама она рабская, и воззрения у нее рабские.

Как у меня болит сердце за Вас, дорогой мой, когда я думаю, что Вы находитесь в таком напряжении и тревоге. Подкрепи Вас господь.

116. Чайковский — Мекк

Париж,
21 марта*/2 апреля 1883 г.

Вчера получил я письмо Ваше со вложением перевода, милый, дорогой друг! Благодарю Вас от глубины души за великое одолжение, а также за все сочувственные слова Ваши ко мне, проникнутые такой бесконечной добротой и теплым дружеским чувством, что, читая их, я был до слез тронут. Простите, ради бога, если первою частью своего прошлого письма я навел хоть мгновенную тень неудовольствия на себя. Я колебался не потому, что совестился перед Вами. Я знаю, что всякое обращение мое к Вам встретит всегда сочувствие и готовность отозваться на него, но мне совестно, так сказать, перед самим собою и досадно, что, получая такие обильные средства для жизни, я всё-таки по временам выхожу из своего бюджета и не умею сводить концы с концами. А главное, мне известно, как много у Вас теперь забот и тревог, и так не хотелось хоть на минуту увеличивать своей просьбой сумму забот этих.

Убедительно прошу Вас раз навсегда быть совершенно покойной насчет Анны. Ничего того, чего Вы страшитесь за нее, не может быть никоим образом. Это натура, не имеющая ничего общего ни с болезненной эксцентричностью старшей сестры, ни с взбалмошностью и неровностью Таниного характера. Анна есть прямая противуположность Тани. Насколько последняя всегда тяготилась течением ровной и простой деревенской жизни и вечно заботилась о том, как бы убить время, настолько Анна дорожит каждым мгновением дня и всегда сокрушается, что времени так мало для всего, что она хотела бы сделать. Деятельность ее необыкновенно сильна и разнообразна. Она всё хо-

* *В подлиннике ошибочно:* 20 марта

чет знать, всё уметь, и вместе с тем у нее есть потребность быть полезной, вследствие чего она не знает скуки и никакой надобности в наркотиках никогда испытывать не будет. Кроме того, пример Тани был для нее, при ее уме и здравом смысле, отрицательно полезен. Она часто говорит, что Таня как будто нарочно старается показать ей наглядно, чего не следует делать и чего следует избегать девушке, желающей быть здоровой и счастливой. Это вообще здоровая, цельная натура, имеющая много родственных черт с Вашим сыном Колей, и сочетание этих двух душ будет очень отрадным явлением.

Здоровье Тани в последние дни нехорошо. Она так слаба, что бывают часы дня, когда не в силах говорить и глаза отказываются видеть. Последнее явление пугает меня. Доктор объясняет это уменьшением морфиновой дозы и обещается, что всё пойдет лучше через несколько времени.

Я кончил сочинение кантаты и марша и принялся за оркестровку. Нередко работа утомляет меня до крайности, но на здоровье жаловаться не могу. В последнем письме Вашем почерк руки твердый. Мне хочется думать, что Вам теперь лучше, что Вы чувствуете себя крепче и бодрее, тогда как почерк предыдущего письма выражал как бы сильную усталость. Дай бог, чтобы так было.

Еще раз благодарю Вас, дорогая моя!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

117. Чайковский — Мекк

Париж,
26 марта 1883 г.

Дорогой, бесценный друг!

Вчера я получил письмо от Наталии Андреевны Плесской, в коем она пишет, между прочим, что, по известиям от Коли, Мише лучше. Как это меня обрадовало! Дай бог, чтобы он поскорей поправился и чтобы у Вас просветлело на душе.

Про себя могу сообщить Вам то утешительное известие, что работы мои, вызванные предстоящими торжествами коронации, идут столь успешно, что скоро я от них совсем буду свободен. Мне очень помогло то обстоятельство, что слова кантаты, написанные Майковым, очень красивы и поэтичны. Есть маленькая патриотическая хвастливость, но вместе с тем вся пьеса глубоко прочувствована и написана оригинально. В ней есть свежесть и искренность тона, давшая и мне возможность не только отделаться

от трудной задачи кое-как, лишь бы было соблюдено приличие, но и вложить в мою музыку долю чувства, согретого чудесными стихами Майкова. Полагая, что, быть может, Вам будет небезынтересно прочесть это стихотворение, я прилагаю его к настоящему письму.

Здоровье нашей больной всё это последнее время нехорошо. Пришлось остановиться в постепенном уменьшении приемов морфина и ждать, чтобы силы ее хоть несколько восстановились. Мне это в особенности потому обидно и грустно, что Модест, который страшно истосковался по своем воспитаннике, не может уехать, а, между тем, ему не только хочется, но и нужно уехать, ибо отсутствие его начинает давать себя чувствовать, и в Петербурге его ожидают с величайшим нетерпением. Одного меня он ни за что не хочет оставить с Таней, пока ей не будет гораздо лучше, хоть я и уговариваю его ехать. Вообще эта неизвестность о том, когда мы получим свободу и возможность с спокойным сердцем оставить здесь нашу племянницу с ее компаньонкой и девушкой, чрезвычайно тягостна. Что делать! Нужно ждать и надеяться, что наконец она несколько укрепится и в состоянии будет без нас продолжать свое лечение.

Несколько дней здесь было превосходных, совсем весенних, а теперь опять стало холодно.

Позвольте мне Вас горячо поблагодарить за много приятных минут, проведенных здесь иногда за чтением присланных Вами книг и в особенности за «Русский архив», в котором я нашел много весьма интересных статей. Эти же книги послужили и для развлечения Тани, которая, впрочем, имеет обыкновение не читать, а как-то непостижимо скоро п о ж и р а т ь книги, и притом исключительно повести и романы. Часто мы с Модестом решительно теряемся, когда она поручает нам купить ей роман. За исключением вновь выходящих, она все их читала, а между тем постоянно нуждается в чтении. Кстати о книгах; прикажете переслать Вам в Ниццу находящиеся у меня журналы Ваши или отвезти их в Россию и доставить в Плещеево?

Теперь я скоро буду иметь возможность пересмотреть все сочинения Влад[ислава] Альберт[овича], имеющиеся у меня, и прислать ему свой отзыв о них.

Будьте здоровы, драгоценный друг мой!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Потрудитесь, милый друг, передать мой сердечный привет Юльс Карловне, Саше, Пахульскому, Милочке (которая, должно быть, очень выросла) и всем Вашим.

118. Мекк — Чайковскому

Ницца,
31 марта 1883 г.

Дорогой, несравненный друг мой! От всей души благодарю Вас за присылку мне текста Вашей кантаты. Мне чрезвычайно интересно знать в с ё, касающееся Вас и Ваших занятий. Я ужасно рада, что Вы кончаете этот труд, и у меня как будто гора с плеч свалилась. Теперь отдохните, дорогой мой, хорошенько, не изнуряйте себя. Очень я рада также, что стихотворение Вам понравилось; это, конечно, еще более послужит к красоте музыки. Только потому я и пожалела, что не буду на коронации в Москве, что не услышу Вашего м а р ш а, а кантаты, конечно, мне не пришлось бы слышать и там. Дорогой мой, если эти две вещи будут перекладывать для фортепиано, то прикажите сделать в четыре руки. Я всё еще не теряю надежды играть когда-нибудь сама; недавно я играла с Сашонком один номер из Вашей сюиты и была в восторге неописанном.

Насчет книг, милый друг мой, я думаю, будет удобнее всего, чтобы Вы перед отъездом из Парижа передали их моему chargé d'affaires* M. Aufrag, а я сделаю распоряжение, как с ними поступить. Если это Вам удобно, то вот адрес: M. A u f r a g, B o u l e v a r d St.-M a r t i n 19, M o n s i e u r E d m o n d A u f r a g. Если же это Вам неудобно, то сделайте, как Вам удобнее, а для меня совершенно всё равно, пришлете ли Вы мне их за границею, или отвезете в Москву. Я хочу уехать отсюда во вторник 5-го (нашего) апреля, поэтому прошу Вас, дорогой мой, адресовать мне всё в Вену, F r a n z e n s r i n g, 18.

Очень меня интересует, как Вы найдете увертюру моего питомца Влад[ислава] Альб[ертовича]. Теперь в Вене он, вероятно, опять будет заниматься с профессором, хотя я так же, как и Вы, друг мой, совсем не одобряю этого господина, но в Вене его очень почитают и л у ч ш е г о не имеют, а я нахожу, что лучше что-нибудь, чем ничего.

Из Петербурга я не получаю очень успокоительных известий. Выздоровление (если оно будет) идет так медленно, что возбуждает скорее опасение, чем успокоение, и вообще будущность этого ребенка с его болезнью сердца так безотрадна, так тяжела, что и жизнь не в радость. Ему в с ё запрещают, и такое végétation**, которое ему предписывается, невыносимо, его выдержать нельзя живому человеку. Ужасное испытание посылает мне провидение, даже умереть спокойно нельзя, оставляя такого мученика. Здесь у меня все, слава богу, здоровы, мечтают о Плещееве. Все мои глубоко благодарят Вас за память об них. Милочка, действительно, выросла и начинает обращать внимание на свою нравственность. Так недавно она записала в свой журнал: «Réglementations. Lois. 1) Ne pas être fâchée lorsque Julie fait les observations»***. Не помню, какие второй и третий пункты; всего внесено три, но первый характерен, так как она взяла привычку, когда Юля ее распечет за что-нибудь, надуться на нее, и поэтому она себе по своим юридическим понятиям составила кодекс, в котором первое место занимает такая статья, которою она сама очень недовольна. Но вообще она совершенный ребенок, любит

* поверенному
** прозябание
*** «Правила. Законы. 1) Не сердиться, когда Юля делает замечания».

кукол до страсти. Теперь я ей купила маленькую собачку (Cara), для того чтобы ей было с кем побегать, так как доктор всё говорит, что она мало делает моциона, и она возится с этою собачонкою как с живым человеком, а творение очень некрасивое, какая-то порода griffe. mais très laide *. Зато Соня и растет и развивается, сделалась совсем взрослою барышнею, но, как и Милочке, не с кем пошалить, так и бедной Соне скучно. Сашок к святой поедет в Петербург помочь Коле ухаживать за Мишею. Бедному Коле — очень трудное время: экзамены и хлопоты с больным братом. Теперь в Петербурге моя Саша, и она ухаживает за Мишею. Эта женщина везде успевает быть полезна, но меня очень тревожит то, что она сама, по своей фотографии, очень похудела, и я понимаю почему: она так тревожится за Мишу и за меня, что ей самой это стоит здоровья.

На днях мы Вам послали еще книг, дорогой мой; мы посылаем Вам их по мере прочтения.

Выздоровел ли совсем Ваш Алеша, милый друг мой, и отпустят ли его к Вам на лето? Как я буду рада и за Вас и за него, если это удастся, дай бог. Как мне жаль Вас, дорогой мой, что Вы не можете уехать в Швейцарию; дай бог, чтобы скорее это было возможно. Будьте здоровы, мой бесценный, и не забывайте безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

119. Чайковский — Мекк

Париж,
6 апреля [1883 г.]
(В кафе близ Gare du Nord)

Дорогой, лучший друг мой!

Пишу Вам, только что проводивши брата Модеста. Мне очень хотелось написать Вам, но я не решился пойти домой, зная наперед, как убийственно грустно мне будут первые часы по отъезде брата провести в том месте, которое так живо будет мне напоминать его. Вообще всё это последнее время было и продолжает быть для меня очень трудным. Нужно Вам сказать, милый друг, что, как оказывается теперь, племяннице моей необходимо сделать довольно мучительную и сложную операцию вследствие образующегося у ней какого-то огромного нарыва, причиненного подкожными вспрыскиваниями морфина. Модест хотел непременно дождаться исхода этой операции, а, между тем, ее с каждым днем всё откладывают далее, а его усиленно призывают в Петербург к его воспитаннику. Мучимый неизвестностью, тоской по своем питомце и, вместе, страхом за Таню и за меня, оставляемого одним при этой трудной больной, он совсем исстрадался и наконец

* но очень безобразная

заболел. Тогда я решился, как только ему будет лучше, заставить его ехать, и так и сделал. Сейчас он уехал. Мне будет очень тяжело без него первые часы, но зато я рад, что он, наконец, может вернуться к своим обязанностям. Сам же я еще несколько времени должен остаться. Нужно, чтобы операция совершилась, чтобы Таня успела немного от нее оправиться, и только тогда я буду иметь возможность уехать в Россию. Мечта побывать в Швейцарии уже оставлена мной. К величайшему моему счастию, я успел отправить уже свои заказные работы, и с этой стороны, по крайней мере, совершенно свободен.

Сегодня Модест получил от милого сына Вашего Коли телеграфическое известие, что он у е з ж а е т, но куда, мы не знаем. Вероятно, к Вам в Вену; если да, то потрудитесь сказать ему, что письмо его на прошлой неделе я получил и отвечал ему. Модесту грустно было разочароваться в надежде увидеться сейчас же по приезде в Петербург с Колей, но приятно думать, во-первых, что Коля с Вами, а во-вторых, что, если он решился разлучиться с Мишей, значит последнему лучше! Дай бог, чтобы это так было и чтобы вообще Вам и всем Вашим было хорошо, чтобы Вы были покойны, здоровы, счастливы! Я об этом молю бога при всякой моей молитве и хочу верить, что молитвы мои доходят до него.

Потрудитесь, дорогая моя, передать Влад[иславу] Альб[ертовичу], что я надеюсь дня через три прислать все его писания, находящиеся у меня, и при них свой критический отзыв обо всём этом [1].

Несчетно раз благодарю за книги. По миновании надобности, я поступлю с ними согласно Вашему указанию.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

120. Мекк — Чайковскому

Вена,
14 апреля 1883 г.

Милый, несравненный друг мой! Вот я и опять в Вене. При возвращении сюда я испытала чувство удовольствия вернуться д о м о й, так как здесь только стены чужие, а всё остальное в квартире с в о е, а Вы знаете, как всякому человеку приятна своя собственность. При этом случае я и вдалась в размышление о том, какое извращение самого общего человеческого свойства делают те люди, которые поклоняются Прудону и взяли себе девизом его напыщенную фразу: «l a p r o p r i é t é

c'est le vol»*. Ну, что за абсурд! Каждому человеку, как развитому, так и совсем неразвитому, нет ничего дороже своей собственности; и поговорка сложилась: «свое всё хорошо». А ведь целое учение (если только нигилизм может быть учением) построили на этой фразе, которая сама есть только мыльный пузырь; экое печальное время!

Вы совершенно угадали, дорогой мой, что Коля приедет ко мне, но только Мише нисколько не лучше, он точно застыл в одном положении. Но Коле на смену поехал Сашок в Петербург. Коля приедет, потому что он, к несчастию, должен был отложить свои экзамены до осени, так как вследствие болезни Миши он не мог приготовить вполне уголовное право, а профессор-экзаменатор, которого я ненавижу всеми силами души,— Таганцев. Это зверь лютый, а не человек: ему испортить всю будущность молодого человека доставляет какое-то наслаждение. Он в прошлом году провалил шесть человек, несмотря на то, что всё начальство и сам принц [были] очень этим недовольны, но, знаете, бывают такие злые твари, которые для того и живут на свете, чтобы делать несчастье другим. Я боюсь ужасно, что он и в августе нагадит Коле, а первые два экзамена он сдал отлично: одиннадцать и двенадцать.

Состояние бедного моего Миши меня также приводит в отчаяние; его выздоровление не подвигается ни на шаг. Позвали еще одного петербургского доктора, Рагозина, и, наконец, привозили из Москвы Захарьина. Все обещают медленное выздоровление, а между тем выздоровление вовсе не наступает, потому что то как будто лучше, то опять хуже; боже мой, что изо всего этого будет. Сашок уехал третьего дня; мне очень грустно было расстаться с ним.

Погода в Вене холодная, ветер страшный. Во Флоренции я провела три восхитительных дня; там было так жарко и так хорошо вообще, что мне уезжать не хотелось. Когда я вернусь в Россию, я не знаю. Меня пугает, что коронация будет отложена. Сохрани господи, так как от нее зависит мое возвращение, потому что для моих сыновей нет никакой опасности пробыть этот период в России, так как молодежь будут приголублять, и взять с них нечего, а вся опасность была бы для тех детей, которые находятся и находились бы в то время при мне, так как у меня есть что грабить, и потому я считаю слишком рискованным находиться в России в это время.

Как мне жаль Вас, дорогой мой, что Вы остались один и в таком ужасном положении, какое доставляет болезнь Татьяны Львовны. Но, однако, надо же Вам как-нибудь устроить, чтобы иметь возможность уехать, невозможно же, чтобы Вы были сиделкою при больной. Подумайте о себе, дорогой мой, Ваша жизнь слишком нужна для человечества, да я боюсь, что и жертву-то Вашу приносите бесполезную: от этих шарлатанов-докторов ничего хорошего нельзя дождаться.

Как я рада, что Вы отправили все Ваши работы, и как бы мне хотелось услышать их. Влад[ислав] Альб[ертович] хотя, конечно, очень огорчен своими неудачными работами, но горячо благодарен Вам за Ваше участие и внимание к его трудам, и я также от всего сердца благодарю Вас, мой добрый, бесподобный друг, за Вашу беспримерную доброту к моему protégé и за ту правду, которую Вы ему высказываете. К несчастью, он попал в Вене на профессора, которого все превозносят, но который мне с самого начала не понравился

* «собственность — воровство»

тем, что он всё хвалит, что ему Пах[ульский] подносит, и ничего не поправляет. Теперь он опять занимается с ним; это хорошо только потому, что принуждает его работать, лучшего же профессора здесь и найти нельзя. К тому же, ему огромный вред, по моим наблюдениям, доставляет Вагнер, который, конечно, может увлекать такую энтузиастичную натуру, как у Влад[ислава] Альб[ертовича], но пользы принести не может, а наоборот, только сбивает с пути. Здесь же, в Вене, на беду, по несколько раз в неделю слышишь Вагнера. Но я очень много пользы ожидаю для него из Вашего письма. Конечно, еще мешает трезвости взгляда его — это разнородность занятий: нести службу секретаря, заниматься финансовыми, хозяйственными делами, и в то же время сочинять музыку — довольно трудно. И понятно, что музыкальные занятия делаются чем-то горячечным, нервным, и мысль не может действовать спокойно, но что делать и с этим: жизнь никто не может устроить себе как надо,— вот и Вы, бедный мой, сидите в Париже, когда хотели бы ехать в Россию. Когда, наконец, Вы вырветесь из Парижа, то не проедете ли Вы через Вену, дорогой мой, ведь Вам всё равно каким путем ехать?

Будьте здоровы, мой несравненный, дорогой друг. Юля, Соня и Милочка посылают Вам самое задушевное уважение. Всею душою неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Коля должен приехать в субботу.

Поздравляю Вас, мой дорогой, с наступающим праздником и желаю Вам от души провести его как можно лучше.

121. Чайковский — Мекк

Париж,
16 апреля 1883 г.

Христос воскресе!

Дай бог, дорогая моя, чтобы праздник этот принес Вам радостное успокоение насчет Миши, чтобы Вы были здоровы и благополучны. В первый раз в жизни пришлось мне провести страстную неделю и встретить пасху вне России. Это для меня немалое лишение; с самых ранних лет я всегда особенно любил праздник этот и испытываю чувство зависти, когда помышляю о тех, которые теперь встречают его в России.

В здешних делах моих не произошло никакого изменения. Таня всё в том же положении, и разве только тому радоваться можно, что нет ухудшения. Операция, о которой я писал Вам, предстоит во всяком случае в более или менее отдаленном будущем. Вот это-то мне особенно и тяжело, что я решительно не могу предвидеть, когда мне можно будет спокойно оставить ее здесь одну на попечении ее компаньонки.

Первые дни по отъезде брата я очень скучал, но меня спасает работа моя, и все мои часы, за исключением тех, которые посвящаю посещениям Тани, отдаю работе. Мне хочется, чтобы опера эта могла идти в будущем сезоне, а для этого необходимо, чтобы партитура была готова как можно скорее. Признаться сказать, я очень утомлен всей этой лихорадочной поспешностью, с которой мне пришлось писать в последнее время разом и два коронационных сочинения и оперу. С каким наслаждением зато буду отдыхать летом в России, в деревне, особенно, если мне удастся возвратиться домой с сердцем спокойным насчет Тани. Хотя, увы, сомневаюсь, что когда-нибудь можно будет вполне быть покойным на ее счет. Это — существо, обреченное, повидимому, на неудачи, несчастия, болезни.

Сейчас мне принесли письмо Ваше, дорогая моя, и я премного Вам благодарен за него. Вы не поверите, сколько я радости испытываю, когда получаю от Вас такие письма, как сегодня, т. е. написанные твердым почерком, отражающие в себе более спокойное настроение и лучшее состояние здоровья.

То, что Вы говорите о коммунизме, совершенно верно. Более бессмысленной утопии, чего-нибудь более несогласного с естественными свойствами человеческой натуры нельзя выдумать. И как, должно быть, скучна и невыносимо бесцветна будет жизнь, когда воцарится (если только воцарится) это имущественное равенство. Ведь жизнь есть борьба за существование, и если допустить, что борьбы этой не будет, то и жизни не будет, а лишь бессмысленное произрастание. Но мне кажется, что до сколько-нибудь серьезного осуществления этих учений еще очень далеко.

Мне было очень тяжело написать такое длинное порицание Влад[ославу] Альберт[овичу] за все труды его. Вообще, вопрос о его будущих музыкальных занятиях требует с моей стороны подробного обсуждения, и я отлагаю это до лета, когда досуга будет много, да, кроме того, нужно устное обсуждение. В письме очень трудно высказать массу технических подробностей, на которые хотелось бы указать ему.

Поверьте, дорогая моя, что не бесполезную жертву приношу, оставаясь здесь. Что-нибудь одно: или я должен оставаться, пока не будет лучше, или вызвать отца или мать ее, а это последнее — невозможно!

Прошу Вас, дорогой друг, передать мои поздравления всем Вашим, а Колю троекратно лобызаю по обычаю.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

Здесь погода стоит отвратительная.

122. Чайковский — Мекк

[Париж]
23 апреля 1883 г.
Суббота.

Милый, дорогой друг мой!

Всё из того же Парижа пишу Вам и решительно еще не предвижу, когда можно будет уехать. Положение племянницы Тани то же самое. Оставить ее нет никакой возможности хотя бы уже оттого, что находящаяся при ней компаньонка, присутствие которой я считаю необходимым (ибо это превосходнейший человек, оказывающий Тане не только услуги и заботы, но и совершенно родственные ласки), объявила, что ни за что не согласна остаться с ней одна, боясь ответственности перед родителями, с коими даже вовсе не знакома.

Точно так же всё я целый день сижу за работой, задавшись целью окончить мою оперу и таким образом осмыслить мое здешнее пребывание. Работаю я до утомления и отупения, но зато велико будет душевное мое наслаждение, когда, бог даст, возвращусь в Россию успокоенный и насчет Тани и насчет оперы.

Не могу Вам выразить, дорогой друг, до чего я был обрадован благоприятными известиями о состоянии здоровья Вашего Миши. Имею о нем ежедневные сведения от Модеста, который не пропускает ни одного дня без письма ко мне, и в каждом письме пишет последние известия. Какое было мне счастье, когда я прочел, что он выпил две чашки чаю. Ведь это было первое проявление а п п е т и т а после столь долгого времени, а аппетит — несомненный признак выздоровления. Если б Миша был для меня не более как знакомый мне симпатичный мальчик, то и то с великой радостью я принимал бы известия об улучшении в ходе болезни. Но он Ваш сын; я знаю, что Ваше собственное благосостояние в совершенной зависимости от него, и поэтому неудивительно, что участие мое к нему самое горячее.

Погода весьма мало благоприятствует мне в Париже. Настоящей весны до сих пор еще нет, и северный лютый ветер немилосердно дует безостановочно.

Недавно испытал я большую тревогу и страх. Генерал Рихтер телеграфировал мне, что кантата моя (которую я послал уже давно вместе с другими партитурами) не пришла и что он боится, не пропала ли она. Не могу Вам изобразить моего отчаянья. Я уже решил, что, наверное, и кантата, и марш, и целое действие оперы пропали! Но пришлось провести только одну бессонную ночь. На другой день утром пришла телеграмма, что всё дошло в целости.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог, чтобы Миша скорее выздоравливал.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Всем Вашим, и милому Коле в том числе, усердные поклоны и приветствия.

123. Мекк — Чайковскому

Вена,
26 апреля 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Я опять осиротела: после Синодика приехал Коля, но промелькнул и исчез, как метеор. Он пробыл целую неделю, но это время пролетело, как один день, и теперь опять грустно и тяжело. Будущее также нерадостно: положение моего бедного Миши таково, что не на радость я вернусь на родину. Ему бывает лучше случайно, на о д и н д е н ь, в общем же его состояние не только не улучшается, но становится всё более угрожающим. Он ничего не ест, а если его уговорят проглотить несколько чайных ложечек чего-нибудь, то его рвет, так что уже дошло до того, что его питают искусственным образом посредством ирригатора, так что как меня ни стараются уверить, что ему лучше, но я вижу, что положение его более чем опасно.

За Вас, мой бедный, дорогой друг, у меня также сердце болит. Когда же кончится Ваше заключение, когда Вам можно будет увидеть родные поля, вздохнуть родным воздухом? Как здоровье Татьяны Львовны? Когда Вы думаете уехать из Парижа? Нашел ли Анатолий Ильич дачу и где, если нашел? Думаете ли Вы еще осчастливить мое Плещеево своим присутствием? Я так же в заключении, как Вы: жду — не дождусь возможности вернуться домой, а меня пугают, что коронация будет отложена до 29 мая; это будет ужасно. В Вене вообще жить очень хорошо. Квартира у нас отличная (только очень высоко), для стола и вообще для всякого комфорта можно достать все самое отборное, музыки очень много, для прогулки мест много очень красивых, но это всё не то, что д о м а, по поговорке: «в гостях хорошо, а дома лучше». У нас очень тепло, но часто идут дожди.

Скажите, милый друг мой, узнали Вы что-нибудь о той женщине, которую как-то Вы с Модестом Ильичом подняли на тротуаре? Сказала ли она правду, или это был обман? А насчет предположенной мною французской культуры в Ницце я сильно ошиблась,— она о ч е н ь неблагоустроена. А ввело меня в заблуждение то обстоятельство, что на второй же день нашего приезда, вставши рано утром, я увидела, что п о л и в а ю т улицу. Меня это восхитило, но потом что же оказалось и в этом отношении — что поливают о д и н р а з в день, рано утром, и, конечно, при горячем солнце и постоянном ветре эта поливка высыхает через два часа бесследно, и во весь день несчастные люди обречены глотать ужасную известковую пыль, которая страшно вредна и для легких и для глаз, так что Вы на каждом шагу встречаете людей, больных глазами. И во всех отношениях Ницца весьма неблагоустроена, а народ, как везде во Франции, отвратительный, грубый, нахальный, самоуверенный, бессердечный, так что жизнь там очень

непривлекательна, и после нее Вена делает еще более приятное впечатление. Но где всегда мило и хорошо, это во Флоренции; это удивительно симпатичный город, я с таким наслаждением провела теперь там три дня.

Святую неделю мы провели очень хорошо, потому что здесь был Коля и всё оживлял. Он много пел для меня, и большею частию Ваши романсы. Читаете ли Вы, милый друг мой, «Русские ведомости»? Там постоянно помещаются музыкальные критики Левенсона, и недавно он писал о последнем квартетном собрании и говорил о квартете Танеева и затем о Ваших сочинениях [1]. Если хотите, дорогой мой, я пришлю Вам этот номер. Этот Левенсон есть присяжный поверенный, и почему он трактует о музыке, я не знаю, и насколько он сведущ в музыкальном искусстве, я не понимаю, но во всяком случае видно, что он обширно знаком с музыкальною литературою. Он, должно быть, брат или cousin девицы Левенсон, пианистки, бывшей (еще в Ваше время) ученицею московской консерватории.

Хотелось бы еще много, много писать Вам, дорогой друг мой, но голова очень устала, и чувствую необходимость пить кофе, так как я всегда пишу только на тощий желудок. Будьте здоровы, дорогой мой, хороший, дай Вам бог скорее успокоиться в Ваших заботах и вернуться на родину. Всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

124. Чайковский — Мекк

Париж,
29 апреля/11 мая [1883 г.]

Дорогая моя! Наконец я могу надеяться, что в конце будущей недели можно будет уехать. Операция, которая так страшила меня, исхода которой я боялся выше всякого описания, совершилась и вполне благополучно [1]. Подробностей не буду Вам рассказывать: это очень тяжело, да к тому же я и сам хорошенько не понимаю, в чем дело; знаю только, что это всё — последствия морфина и что специальные женские органы были угрожаемы. Слава богу, эта забота спала с плеч моих. Теперь дождусь, чтобы племянница несколько окрепла, и тогда уеду. А уж как мне хочется в Россию! Бедный мой Алексей давно уже ожидает меня. Я, между прочим, ужасно виноват перед Вами, милый друг! Вы как-то про него спрашивали, а я ведь, кажется, не отвечал Вам! Алеша пролежал в больнице до начала великого поста, а затем без всяких просьб и хлопот с его стороны, по причине слабости, был отпущен на год на поправку. Узнав об этом, я приказал ему ехать в деревню и к святой вернуться в Москву, в которой и я полагал тогда уже быть. Но этого не случилось, и он, бедный, ожидает меня с великим нетерпением.

Милый друг мой! С крайним прискорбием я должен отказать себе в удовольствии погостить в Плещееве теперь, весной. Боясь

коронационной суеты, тем более, что, как автор кантаты, я косвенным образом в ней участвую, я полагаю, что пробуду в Петербурге с неделю у брата Модеста, пока всё это кончится. Засим прямо проеду в деревню Подушкино по Смоленской железной дороге, где брат Анатолий нанял дачу, приготовил мне комнату и с нетерпением ждет меня. Они уже туда переехали. Мне как-то неловко было бы после многомесячной разлуки не прямо к брату отправиться, да к тому же почти вслед затем Вы сами приедете в Плещеево. Поэтому я мечтаю, что с Вашего позволения поживу в Плещееве скорее осенью, после того как Вы переедете в Канну. Но вообще все мои планы пока еще очень смутны, и покамест знаю и радуюсь одному только — тому, что на будущей неделе, числа шестого или седьмого, надеюсь, можно будет выехать.

Если бы Вы знали, дорогой друг, до чего Париж мне надоел! Быть может, если бы погода была хорошая, то он бы мне не казался таким постылым. Но погода всё время скверная, несколько дней было дождливых, мрачных, холодных, да и сегодня еще небо серое, и, кажется, опять бесконечный дождь будет. Впрочем, чтобы наслаждаться Парижем и окрестностями, нужно быть свободным. Я же во всем Париже только и знаю, что свою гостиницу и эту скучную дорогу в Passy, куда каждый день, иногда по два раза, приходится отправляться. Работа моя почти кончена. Вероятно, завтра отправлю партитуру в Москву.

По мнению Модеста, ухудшение в здоровье Миши было всё-таки относительное. Он находит, что, во всяком случае, он теперь лучше, чем был три недели тому назад, когда Модест приехал. Всеми силами души жажду его скорейшего и полного выздоровления.

По совету хозяйки нашей гостиницы, наведшей справки о женщине, которую мы подняли на бульваре, я еще один последний раз послал ей денег и сказал, чтобы она не являлась, пока не принесет доказательств, что работает на каком-нибудь месте. Нет сомнения, что это женщина, мало достойная сочувствия.

Русских ведомостей» не читаю, но о статьях г. Левенсона имею понятие и лично его знаю. Это дилетант, очень искренно любящий музыку, окруживший себя книгами, касающимися истории искусства, и щеголяющий своими сведениями. Но, сколько помнится, статьи его часто поражали меня рядом с кажущеюся ученостью каким-то отсутствием тонкого чутья и понимания.

Что касается сестры его, моей бывшей ученицы, то я очень люблю ее. Это отличная, с очень добрым сердцем девушка, искренно и страстно любящая музыку, но вместе с тем легкомысленная и иногда бестолково увлекающаяся, вследствие чего

и терпит постоянные неудачи. Я изредка переписываюсь с ней[2]. Между прочим, я хочу просить Вас, дорогая моя, при случае рекомендовать ее как учительницу кому-либо из Ваших близких, например гр. Бенингсен, если она для своих детей будет в таковой нуждаться. Бедная Левенсон страшно бедствует, не имея вовсе уроков и лишенная покровительства консерватории, которая почему-то, несмотря на мое заступничество, не благоволит к ней. Я на днях получил от нее письмо, из коего нетрудно усмотреть, что она очень нуждается.

Завтра Pasdeloup дает концерт, в котором вся вторая часть посвящена русской музыке. Из моих сочинений исполняется Andante первого квартета. Я не могу быть на этом концерте, ибо в эти часы должен быть у Тани.

Дай Вам бог здоровья и всякого благополучия, бесценный, милый друг, а главное, хороших известий о Мише.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

125. Мекк — Чайковскому

Вена.
1 мая 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою горячую благодарность за Ваше доброе, теплое участие к моему бедному Мише и ту драгоценную для меня дружбу ко мне, которую Вы при этом выражаете. Да, Вы верно говорите, дорогой мой, что мое спокойствие, здоровье и даже жизнь зависят от благосостояния моих детей. Последние известия о моем бедном мальчике были разного свойства. Одно (от старшей моей дочери) повергло меня в отчаяние, другое, от Коли, несколько ободрило меня, а вчера телеграмма за подписью самого Миши еще более утешила меня, но все-таки это только колебания, в общем же его состояние очень плохо, тем более, что уже и доктора не находят, что с ним делать. Я ничего больше не желаю теперь, как перевезти его к себе, в Вену, и писала об этом в Петербург; не знаю, что скажут доктора.

В моем последнем письме, дорогой мой, Вы неверно поняли мое выражение о бесполезности Вашей жертвы относительно Татьяны Львовны. Я сказала это в том смысле, что я боюсь, что эти шарлатаны-доктора не сумеют избавить ее от ее недуга, и в таком случае Ваша громадная жертва не достигнет цели. Что же касается докторов, я их ненавижу и не верю им ни на грош; это не друзья человечества, а враги человечества, им надо, чтобы люди страдали и мучились. Я лично имею полное право и основание так относиться к ним: они сгубили здоровье у меня, обращаясь с моею нервною системою как с струнами арфы; они играли на них для того, чтобы расстроить инструмент, а опять настроить они не умеют. Они теперь дают и даже отчасти способствуют умирать моему ребенку, от природы крепкому, здоровому мальчику, и при том условии, что их призвали

при первом ничтожном расстройстве, следовательно, время уже никак не было потеряно, и теперь три месяца с ним возятся лучшие доктора России и ничего не могут достигнуть. Вы скажете, друг мой, что они не могут избавлять от смерти, так нет — по смыслу и цели науки они должны избавлять от смерти тогда, когда помощь призвана во-время и когда, по закону природы, человеку еще рано умирать. Если же и тут это зависит только от воли провидения, так нет же никакой цели и обращаться к науке. Да и в самом деле, ведь их наука так недалеко ушла, она достигла только критических результатов: они знают то, что происходит в человеческом организме, но управлять этим, регулировать и помогать, в случае надобности, они еще не научились. По этой части до сих пор мы видим только то, что то, что находили весьма полезным и пропагандировали год, два года назад, теперь закидывают грязью и кричат, что в этом-то и был величайший вред, что этим губили людей, и обратно: то, что прежде находили вредным, теперь навязывают людям; вот Вам и прогресс науки! А ведь истина может быть только одна, вот и извольте ее отыскивать в этом лабиринте; а к несчастью, человек слаб и, когда тонет, хватается за соломинку. Вот почему и я обращаюсь к этим врагам человечества. Простите, дорогой мой, мой взрыв против этой касты. Вы, кажется, очень веруете в медицину, да у меня и у самой доктор в доме, но я с ним никогда не говорю о своем здоровье.

Влад[ислав] Альб[ертович] узнал от своего профессора Крена, что в одной лейпцигской газете есть Ваша биография, друг мой, с портретом. Он, т. е. Влад[ислав] Альб[ертович], достал эти номера, и я посылаю Вам их, дорогой мой; быть может, Вам будет интересно взглянуть и проверить. Напишите мне, милый друг, пожалуйста, верно ли составлена Ваша биография; это всё тот же Левенсон писал, которого статью в «Русских ведомостях» прилагаю здесь.

Вы, может быть, прежде слышали, друг мой, что «Русские ведомости» принадлежали моему Володе, но теперь он продал их уже в октябре месяце, и я очень рада, что он развязался с этим делом, хотя он понес сто пятьдесят тысяч рублей убытка, но, по крайней мере, кончились дальнейшие убытки.

До свидания, бесценный мой, милый друг. Будьте здоровы и спокойны. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

126. Чайковский — Мекк

Париж,
3 мая 1883 г.

Благодарю Вас несчетно, дорогой, милый, добрый друг, за книги, за немецкую газету и номер «Русск[их] ведом[остей]». Право, нужна Ваша ангельская доброта, чтобы, быв столь обеспокоенной болезнью Миши, иметь время еще беспокоиться о мне и снабжать мои досуги чтением. Я до глубины души тронут этим. Благодарю также добрейшую Юлию Карловну, дающую себе труд адресовать мне всю эту массу книг! Особенное удовольствие мне

доставил «Исторический вестник». Как мне кажется, и в Русской мысли» я найду много для себя интересного.

Безмерно радуюсь лучшим известиям о Мише, полученным в одно время и от Вас и от брата Модеста, который навестил его в день, когда писал мне, вместе с своим Колей и с моими племянниками, а Коля (Конради) пишет мне о нем следующее сегодня:

«Мише Мекку лучше. Я его вчера видел. Он был весел. Я не заметил в нем перемены. Кажется, Модест преувеличивал болезнь».

Статья немецкой газеты, написанная Левенсоном, за исключением самых незначительных неточностей, сообщает верные биографические сведения обо мне. Еще осенью, в Каменке, я получил ряд вопросных пунктов от Танеева, которого просил о том Левенсон: когда я родился, кто были отец и мать и т. д. Теперь я вижу, что это было нужно для немецкой газеты. Статья Левенсона с лестным отзывом обо мне всё-таки мне немножко неприятна. Я не люблю, когда повторяется давно установившийся обо мне приговор, что я неспособен к драматической музыке или что я подслуживался к публике. И что значит иметь драматическую способность? Повидимому, г. Левенсон — вагнерист и, вероятно, считает Вагнера великим мастером по этой части? Я же утверждаю совершенно противное. Вагнер — гениальный талант, но совершенно лишенный умения писать для сцены, т. е. широко, просто и так, чтобы не преобладал оркестр, который у него взял всё на себя, певцам же предоставляет роль говорящих манекенов. Что касается того, что будто бы я старался когда-нибудь бить на эффект, нравиться массам, то по чистой совести могу сказать, что неповинен в этом. Я всегда писал и пишу с любовью и искренно, никогда не заботясь о том, как отнесется к этому публика. Ибо в ту минуту, когда я пишу и согрет своим авторским чувством, мне представляется, что и все те, которые будут слушать, испытают на себе отражение того, что я чувствовал. При этом иногда я воображаю себе то или другое лицо из лиц, сочувствием которых дорожу, например Вас, но никогда я не старался спускаться до низменных потребностей массы публики. Если оперная музыка от времени до времени привлекает меня, то, значит, я нисколько не менее способен к ней, чем к другим отраслям. Если же я терпел на этом поприще неудачи, то это только доказывает, что, вообще, я еще очень далек от совершенства и впадаю в ошибки, сочиняя оперы, точно так же, как делаю их и в симфонических и камерных сочинениях, среди коих тоже есть весьма много неудачного. Если мне суждено еще прожить несколько лет, то, может быть, я дождусь, что моя

Орлеанская Дева» найдет подходящую исполнительницу или что «Мазепа» будет как следует поставлен и исполнен, и тогда, быть может, перестанут утверждать, что я неспособен написать хорошую оперу. Но сознаю трудность победить предубеждение против меня как оперного автора. Оно доходит до того, что г. Левенсон, не имея еще ни малейшего понятия о моей новой опере, утверждает, что она тщетная жертва оперному Молоху!!!

Состояние племянницы Тани положительно улучшается, и я надеюсь дней через шесть иметь возможность выехать. Попрошу Вас, дорогая моя, если будете писать мне, то адресовать в Москву на имя Юргенсона (Неглинная, № 10), с передачей мне. Во время пребывания в Петербурге я буду часто видеть Колю и Сашу и буду от них иметь о Вас сведения.

Эти дни погода стоит удивительно хорошая, и нужно отдать справедливость Парижу, он теперь удивительно хорош благодаря массе свежей весенней зелени. Если бы Таня могла больше гулять и дышать чистым воздухом, то я убежден, что она скоро набралась бы сил, но ей нужно пролежать еще, по крайней мере, недели две.

Не скажу, чтобы я слепо веровал в медицину, но не так безнадежно смотрю на нее, как Вы. Вообще я докторов боюсь и стараюсь по возможности обойтись без них, и особенно не люблю тех, которые имеют претензию быть способными лечить верными средствами всё, что угодно. Но честный врач, сознающий всё несовершенство своей науки, внимательно относящийся к пациенту, чуждый шарлатанства (а таких я знаю и укажу, например, на лучшего из всех мне известных врачей—Каменского), внушает мне доверие и уважение. Хуже всего знаменитости: вот кого я боюсь. Впрочем, относительно Миши я возлагаю все свои надежды не на врачей, а на его юность и здоровую натуру.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог хороших известий.

Ваш П. Чайковский.

Я буду еще писать Вам из Парижа.

Оперу я совершенно окончил и уже отослал в Москву.

Еще раз благодарю Вас и Юлью Карловну.

127. Чайковский — Мекк

Париж,
8 мая 1883 г.

Милый, дорогой друг мой!

Приходится снова прибегнуть к Вашей помощи. Я принял, казалось, все меры, чтобы обеспечить Таню и совершить свой пе-

ресд в Петербург, но оказывается, что мне нужно еще около тысячи франков для всего этого, и притом нужно как можно скорее, чтобы иметь возможность выехать завтра или послезавтра. И вот ничего другого придумать не могу, как обратиться к Вам. Простите, ради бога! Дело не в сумме этой, которая, я знаю, не может затруднить Вас, а в том, что всё же это некоторое беспокойство для Вас. И потом мне так не хочется нарушать установленные бюджетные порядки. Но в свое оправдание могу только сказать, что я жертва неожиданного, рокового стечения обстоятельств...[1]

Для моего полного душевного спокойствия прошу Вас, дорогая моя, не забыть, что я прошу у Вас на этот раз часть бюджетной суммы, приходящейся на октябрь. Я знаю, что Вы не любите входить в подобные мелочные расчеты, но, простите меня, мне до крайности нежелательно выходить из бюджета. И без того уже я так безмерно наделен средствами к самой привольной жизни.

Я очень, очень рад, что могу уехать. Но к радости этой примешивается очень много грустных ноток. Из них укажу Вам на главную, и только Вам одной, да еще брату Модесту решаюсь поверить это. Племянница моя Таня, вероятно, будет виновницей того, что я не буду больше постоянным обитателем Каменки. Я не беру на себя право в чем-либо обвинять ее. Всякий человек действует в жизни в силу своих природных качеств, воспитания, обстоятельств. Но одно знаю: единственное мое желание — быть всегда как можно дальше от нее. Я могу ее жалеть, но я не могу ее любить. Жить рядом с нею для меня мука, ибо я должен насиловать себя, скрывать свои истинные чувства, лгать, а жить во лжи выше сил моих. Пока она будет в доме родителей (а это, вероятно, будет всегда, ибо едва ли можно надеяться, что она выйдет замуж), Каменка для меня закрыта. По крайней мере, так мне кажется теперь. Чувство это очень мучительное, ибо не только родство, не только нежнейшая любовь ко всему остальному семейству, но и привычка сделали то, что только там я считаю себя дома. Дай бог, чтобы чувство это изменилось и чтобы болезненно мучительное ощущение, которое один вид этой непостижимой девушки внушает мне, притупилось. Но теперь, прожив при ней более четырех месяцев, об одном только и мечтаю, одного только желаю — быть как можно подальше от нее.

Здоровье ее лучше. В этом отношении я совершенно покоен и уезжаю с легким сердцем.

Я намерен переждать коронацию в Петербурге, затем гостить на даче у брата Анатолия, позднее у Модеста, а затем осенью

мечтаю пожить, и чем дольше, тем лучше, в Плещееве. Если это возможно, то заранее прошу Вас дозволить мне это.

О моем намерении вовсе не пребывать в Каменке никому, кроме брата Модеста и Вас, я не говорю, и прошу Вас, дорогой друг, не говорить этого Коле. Я причинил бы этим большое огорчение людям, которых люблю самой горячей любовью. Придется выдумывать предлоги, чтобы, не огорчая их, избегать Каменки. Быть может даже, временно я посещу их, но жить у них по-прежнему не могу.

Господи, что за счастье, что за радость эти хорошие известия о Мише! Не могу выразить Вам, до чего они радуют меня.

Будьте здоровы, дорогая! Сейчас иду телеграфировать Вам о деньгах. Благодарю заранее. Прощайте.

Ваш П. Чайковский.

128. Чайковский — Мекк

Париж,
9 мая [1885 г.]

Не нищешь слов, чтобы благодарить Вас, дорогой друг! Вам я обязан уже в течение многих лет всем тем, что делает человека свободным, здоровым, обеспеченным от тех помех, которые и более сильным художникам мешали достигать своих целей! Вам я обязан тем, что во всякие тяжелые минуты жизни я имею перед глазами пример человека, воплотившего в себе высшую христианскую добродетель, т. е. вечно жертвующего своим благом для блага других, а мысль эта постоянно ободряет меня и мирит с жизнью! Теперь Вам же я обязан тем, что удалось принести услугу в высшей степени дорогим и близким мне людям. Быть может, только впоследствии Вы узнаете всю в е л и к о с т ь услуги, которую только благодаря Вам я мог принести. Таня вернется в семейство ф и з и ч е с к и здоровая. И этого достаточно, чтобы возвратилось хотя подобие счастия и мира в это несчастное семейство. Как Вы видите из вчерашнего письма моего, я смотрю на Таню как на человека, в нравственном отношении жалкого. Нередко бывали минуты в течение этой зимы, когда я мирился даже с мыслью о смерти ее. Для н е е лучше было бы н е ж и т ь. Но что мне она! Нужно, чтобы отец и мать ее, люди, которые по своим достоинствам стоят высоко, очень высоко, могли ж и т ь и б л а г о д е н с т в о в а т ь. А для этого нужно, чтобы о н а, Таня, ж и л а. В своем родительском ослеплении (недостаток, за который нельзя их порицать, ибо в основе его лежит естественное влечение) они никогда не узнают с у щ н о с т ь ее ду-

шевных качеств. Для них прежде всего нужно, чтобы она была здорова. И этого мы, кажется, достигнем. Если же главы семейства будут благоденствовать, то и вся эта чудная (за одним исключением) семья будет счастлива и благополучна.

Я еду завтра. Быть может, я остановлюсь в Кельне для отдыха, ибо в последние дни я очень устал нравственно. Уже давно мечтал я посмотреть на Кельнский собор, который всегда привлекал меня в высшей степени. Остановлюсь также в Берлине. Из Кельна или из Берлина буду писать Вам.

Простите, милый, бесконечно любимый друг, если во вчерашнем письме я чем-нибудь затронул Вашу душу не от мира сего своими арифметическими расчетами. Знаю, что Вы не любите этого. Но чем Вы добрее и великодушнее, чем менее Вы способны в чем бы то ни было отказать, тем менее хочется прибегать к Вам, которая и без того уже одарила меня столькими благами!

Простите меня.

Люблю Вас всеми силами души.

Ваш П. Чайковский.

129. Чайковский — Мекк

Берлин,
12/24 мая 1883 г.

Дорогой, милый друг!

Вчера вечером приехал сюда, не приведши в исполнение плана остановиться в Кельне, в чем весьма раскаиваюсь, ибо утро было чудное, и мне кажется, что я бы испытал много наслаждения от осмотра этого чудного Кельнского собора.

Берлин после Парижа кажется мне совершенной пустыней, точно будто из столицы попал в глухую провинцию. Тем не менее, очень хорошо себя здесь чувствую. Так приятно обернуться назад и видеть много горестных минут, часов и дней, отошедших в даль прошлого! Впереди у меня отдых, спокойная жизнь в деревне, и только мысль о Каменке немножко смущает меня. Очень привык я проводить большую часть жизни среди этого семейства, и грустно думать, что этого больше не будет. Впрочем, кто знает? Быть может, всё устроится и уладится со временем так, что я снова сделаюсь близким членом дорогой мне семьи.

Так приятно читать в газетах известия о благополучном, блестящем въезде царя в Москву. Несмотря на принятые меры, я всё же иногда побаивался, что найдутся безумцы, которые не затруднятся посягнуть на жизнь его. Ведь так легко из окна дать выстрел, и можно ли было поручиться, что в эту громадную

голпу зрителей не вмешается хитростью злоумышленник. Но, слава богу, всё благополучно.

Во многих парижских газетах усердно распускали слух, что Ант. Рубинштейн отказался написать кантату для дня коронации, не сочувствуя виновнику торжества. Так как у Ант. Руб[инштейна] дети воспитываются в России и это могло бы повредить ему вообще, ибо клевета, как известно, как бы ни была неосновательна, всегда оставляет за собой след, то я послал в газету «Gaulois» в день отъезда коротенькое опровержение этого факта. Не знаю, напечатали ли его[1].

Сегодня дают «Лоэнгрина», которого я считаю лучшим из всех сочинений Вагнера и, вероятно, пойду послушать.

Завтра еду в Петербург.

Будьте здоровы, дорогая! Еще, еще и еще... и бессчетно благодарю Вас за всё!!!

Ваш П. Чайковский.

130. Чайковский — Мекк

Петербург,
19 мая [1883 г.]

Дорогой, бесценный друг!

Вот уже я несколько дней в Петербурге и живу у брата Модеста. Никогда или, по крайней мере, давно Петербург не казался мне так сносным и почти приятным, как в этот приезд. Всё, придающее Петербургу его официальное значение, переехало в Москву. Множество людей, с которыми неизбежно пришлось бы сталкиваться, отсутствуют, и я имею возможность проводить время только с своими родными и близкими. Жаль только, что не застал я милых моему сердцу сыновей Ваших. Известия из Москвы — благополучный исход коронационных торжеств — радует сердце мое. Признаюсь, что мне лестно и приятно было быть заглазным участником этих торжеств в качестве автора кантаты. Я питаю к государю тем бо́льшую симпатию и любовь, что мне известно из достоверных источников, что он, с своей стороны, благоволит к моей музыке, и я очень рад, что на меня пал жребий положить на музыку кантату. Все эти приятные ощущения, соединенные с наслаждением полного отдыха от долгих трудов и от тягостей, испытанных по поводу четырехмесячной службы в качестве garde-malade при Тане, всё это вместе делает то, что я давно не чувствовал себя так хорошо, как в эти дни. Притом же, и погода стоит такая чудная!

Я намерен пробыть здесь еще несколько дней, а затем прямо поеду в деревню Подушкино, где поселился брат Анатолий с семейством и где он с нетерпением ожидает меня, так же как и Алеша. Последнего я хотел выписать в Петербург, но брат Анатолий, который по случаю участия в некоторых коронационных торжествах должен быть почти постоянно в городе, просил меня уступить ему Алешу, который в деревне оберегает мою belle-soeur* и племянницу.

Судя по тому, что мне пишут Анатолий и Алеша, Подушкино (где мы будем жить) имеет превосходное местоположение и должно очень понравиться мне.

У меня нет покамест ни малейшей охоты приниматься за какое-нибудь новое сочинение, да я и не нахожу еще нужным думать об этом. Никогда еще, кажется, я так не заслуживал права на отдых и dolce far niente**, как теперь.

Таня до сих пор ни разу не написала ни мне, ни Модесту, но мы знаем из письма ее компаньонки, что здоровье ее хорошо, так что и с этой стороны я покоен, насколько можно быть покойным насчет ее. Милые мои племянники Митя и Володя выдержали экзамен и поступили в приготовительный класс Училища правоведения. К сожалению, я их не застал уже.

Желаю Вам, дорогая моя, скорейшего возвращения в Россию. Надеюсь, что Мишино выздоровление идет хорошо. Будьте здоровы, дорогой друг. Благодарю Вас за всё!

Ваш П. Чайковский.

131. Мекк — Чайковскому

Вена,
21 мая 1883 г.

Дорогой мой, милый друг! Бесконечно благодарю Вас за все Ваши письма из Парижа, Берлина и Петербурга, которые я имела величайшее удовольствие все получить. Я сама не писала Вам давно, потому что, правду сказать, я не очень охотно пишу через Москву, потому что не уверена в аккуратной доставке Вам письма, и потому убедительно прошу Вас, дорогой мой, как только Вы фиксируетесь на одном месте, дать мне Ваш непосредственный адрес.

Меня также радует несказанно благополучный ряд празднеств в нашей матушке-Москве, но успокоюсь я вполне только тогда, когда все, и выезд из Москвы, совершится благополучно; дай господи, чтобы все было радостно и спокойно.

Посылаю Вам, милый друг мой, вырезку из газеты «Новое время»,

---

* [illegible]
** [illegible] праздность

хотя уже очень давнюю, но Вы, вероятно, будучи в Париже, не читали этого маленького сообщения по поводу Вашей кантаты, но мне понравилась эта, хотя очень короткая, фраза об Вас. Насчет же Антона Рубинштейна здесь говорится не то, что во французской газете, и я думаю, это гораздо правильнее: «пробовал, не смог и отказался»[1]. Коротко и верно.

Я до сих пор не могу себе простить, милый друг мой, что послала Вам немецкий листок с Вашею биографиею. Если бы я могла только подумать, что Вас может огорчить мнение какого-нибудь Левенсона о Вашей неспособности к опере (???!!!), то ни за что бы я не послала Вам этого листка, но мне и в голову это не могло войти. Я представляла себе, что Вы можете только рассмеяться, увидя, как пирожник шьет сапоги и как авторитетно решает, что первейший талант в мире неспособен к тому, что делает. Вот он-то так неспособен к тому, что делает, потому что если он неспособен понять красоты Вашей музыки, так и не берись быть критиком, тем более, что он музыки и с научной стороны ведь вовсе не знает. Неужели Вы думаете, друг мой, что кто-нибудь еще, кроме таких же шутов, как Левенсон, относится так же к Вашим операм, как он? Да и его критика — на что же она похожа? Разве он указывает на то или другое, что было бы дурно, неприлично, несообразно? Нет, ничего; он только с ученым видом дурака (извините за этот парафраз) решает, что Вы (??) неспособны писать оперы, но ведь он сам себе не дает отчета в том, что говорит; он говорит это только для того, чтобы показаться ученым, он просто дрянной жидок и больше ничего. И Вы могли огорчиться его словами, друг мой? — Й, это уже не стоит.

Меня очень радует, что Вы не хотите пока приниматься ни за какую работу, я ужасно забочусь о том, чтобы Вы отдыхали как можно больше. Вам, вероятно, известно, друг мой, что вел. кн. Константин был в консерватории и выразил желание слышать Ваш Trio, что и было исполнено[2]. Как мне хочется скорее познакомиться с Вашею кантатою!

Как Вы меня обрадовали, мой милый, дорогой друг, Вашим обещанием погостить у меня в Плещееве осенью. И говорить нечего, что я приглашаю, приглашаю Вас самым горячим, задушевным образом исполнить это непременно, милый, добрый друг мой, и это будет чудесно, если Вы поживете в Плещееве хотя бы до декабря, потому что дом теплый и в нем можно отлично жить хоть всю зиму. Если Вам там покажется уютно, то, быть может, Вы и проживете всю зиму, дорогой мой? Ведь там так близко до Москвы, где находится Анатолий Ильич; к тому же ведь с Вами, вероятно, будет жить Алеша, если он отпущен на год,— так что Вы, быть может, и не соскучились бы. Книг у меня там множество, роялей два, лошадей целая конюшня, сливки и масло отличные, одним словом, кроме общества (которого Вы и не жаждете) всё есть. Благодарю, благодарю бессчетно раз, мой дорогой, бесценный друг, за это радостное обещание.

Об Мише я не очень хорошие известия получаю: улучшение опять остановилось, он все слаб, ходить не может, устает даже от того, что сидит на балконе; страшно, страшно за него. Коля теперь счастлив, я думаю, до упоения, потому что находится в Каменке. Он выедет ко мне навстречу в Варшаву, а в июле уже заранее отпросился поехать опять в Каменку к именинам Анны. Сашок, вероятно, поедет летом в Либаву на морские купанья, а также и Милочку я пошлю с ним и с ее старою бонною туда же на купанье, потому что она

худенькая, фражильная, что я боюсь за нее. Жить они будут в Либаве вместе с Лидой и ее мужем.

У Коли всё нелады с Личковыми, и, конечно, как всегда, обе стороны виноваты. Старшие не хотят идти за временем и понять, что дети растут и делаются взрослыми, а всё хотят относиться к двадцатилетнему юноше, как к тринадцатилетнему мальчику, и самым бестактным образом выказывают свою власть и значение, а молодой, по молодости, горячится и волнуется, так что я намерена развести их. М-me Личкова очень несимпатичная женщина, и она, главным образом, и подстрекает мужа, который находится совершенно у нее под башмаком. Я, вероятно, возьму Макса к себе, Коля последний год проживет у кого-нибудь, хотя я еще не решила у кого, а Иван Иван[ович] пусть живет на покое с пенсионом.

Однако, пора кончить. Простите, дорогой мой, что так дурно написано: перо ужасное, а я всё уложила, другого нет. Прошу Вас теперь адресовать мне в Плещеево: Подольск, Моск. губ. в Плещеево, на мое имя. Я хочу выехать тридцать первого, остановиться в Варшаве на один день и четвертого быть в Москве. Будьте здоровы, мой милый, дорогой. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

132. Чайковский — Мекк

Петербург,
24 мая [1883 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Оставшись в Петербурге дольше, чем предполагал, я тем самым лишаю себя известий о Вас, ибо, вероятно, в Москве меня ожидает письмо от Вас. Я оттого так долго всё не еду в Москву, что очень боюсь московского многолюдства и опасаюсь, чтобы меня не заставили там являться к великим мира сего за получением благодарности по поводу кантаты. Я бы чрезвычайно желал обойтись без наград, благодарностей и т. д. Такого рода труды теряют всё свое значение, когда за ними следует мзда. Между тем, Анатолий усиленно зовет меня в Москву: с ним случилась неприятность, он очень огорчен и расстроен и желал бы меня видеть. Неприятность же состоит в том, что, неправильно поняв текст манифеста, он выпустил из Смирительного дома тридцать восемь человек, не имевших на то права, и теперь страшится ответственности. Со свойственною ему склонностью преувеличивать всякую маленькую невзгоду, он считает себя чуть не погибшим человеком. Но, наученный опытом, я решаюсь всё же продлить еще дня на три мое пребывание здесь. По всей вероятности, ничего особенно трагического не случится с братом, ибо, как я слышу, и здесь случилось несколько подобных ошибок, не повлекших за собой никаких тяжелых последствий. В конце недели я буду в Москве.

Я уже писал Вам, дорогой друг, что Петербург на сей раз мне приятен благодаря своей пустоте, отсутствию множества лиц, столкновения с коими мне тягостны, а главное, благодаря удивительнейшей погоде, которая стоит здесь всё это время. Мы сделали с братом Модестом и его воспитанником несколько очаровательных поездок в окрестности, т. е. в Петергоф, Павловск и т. д., и удовольствие для меня было тем более сильное, что в Париже, кроме ежедневного странствования между Rue Richepanse и Passy, я ничего не видел в течение многих месяцев.

Я предаюсь полному отдохновению и праздности. Покамест еще нет никакой охоты не только работать, но даже думать о работе.

Мы давно не имеем известий о Мише. Надеюсь, что ему хорошо в деревне. От души желаю, чтобы и Вы скорее перенеслись в свое симпатичное Плещеево.

Дай бог Вам здоровья и счастливого переезда, милый друг.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Говорят, что кантата моя была отлично исполнена и что государь остался очень доволен.

133. Чайковский — Мекк

1883 г. июня 1—8. Подушкино.

Москва (Подушкино),
1 июня 1883 г.

Прежде всего позвольте, дорогая моя, выразить Вам радость мою по поводу помолвки наших милых, близких нашему сердцу детей. Теперь, когда этот вопрос решен, я могу признаться Вам, что Анна немножко смущала и беспокоила меня, и я даже имел с ней зимой переписку по этому поводу. Коля был ей всегда очень симпатичен, она сознавала, что для нее будет величайшим счастием быть его женой, но, по всей вероятности, этот мальчик не совсем подходил под то идеальное представление супруга, которое ее головка носила в себе. Девочки, такие молодые, как она, обыкновенно мечтают о зрелом, мужественном человеке и на юношей смотрят свысока. Вероятно, от этого Анна, любя всей душой Колю и сознавая себя счастливой, всё-таки как бы сожалела о чем-то и как-то нерешительно отдавала свою судьбу в его руки. Я ей предсказывал, что отношение ее к Коле совершенно изменится и она вполне отдаст ему свое сердце, как только привыкнет к мысли, что он, именно он и никто другой не может быть ее будущим мужем. И вот теперь, когда дело окончательно решено, она пишет

мне следующее: «Ужасно хорошо стало жить теперь на свете; всякие страхи, всякие сомнения — всё исчезло». Письмо, в котором находятся эти слова, написано ими обоими. Оно дышит полнотою юношеского счастья, самою горячею взаимною любовью, и нельзя не быть глубоко тронутым, читая его. Безмерно радуюсь этому и поздравляю Вас, дорогой друг мой. Я убежден, что, будучи вполне успокоен на этот счет, Коле будет теперь легко докончить с успехом свое ученье.

Вот уже третий день, что я нахожусь в Подушкине у брата [1]. Местность здесь восхитительная: холмистая, лесистая; купанье превосходно и тишина полнейшая. Я как ребенок наслаждаюсь всеми этими прелестями, и вчера буквально целый день пространствовал по лесам, окружающим усадьбу, в которой мы живем. Свидание с братом и женой его доставило мне большое удовольствие. Они совершенно счастливы, и это семейное счастье самым благотворным образом повлияло на Анатолия. Он сделался гораздо покойнее; суетливость исчезла, видно, что жена и дочь внушают ему глубокое, прочное чувство любви, и я начинаю надеяться, что чувство это не эфемерное, что он способен быть счастливым семьянином. Дочка их — прелестный здоровый ребенок. Я очень рад, что нахожусь среди них, но при мысли о Каменке сердце сжимается. Все тамошние выражают в своих письмах глубокое сокрушение, что я не живу лето с ними. Это меня трогает, и, несмотря на всю неприглядность и безотрадность Каменки, очень часто мне хочется очутиться там в своей комнатке, во всей той обстановке, к которой я давно привык, и среди всех этих милых людей.

Безгранично благодарен Вам, дорогой друг, за приглашение пожить в Плещееве. Конечно, я им воспользуюсь и с наслаждением помышляю о жизни в Вашем доме. Алешу моего я нашел совершенно здоровым. Всё лето, осень и зиму он проживет при мне и только в марте должен будет явиться в полк и прослужить еще несколько месяцев. Вы можете себе представить, как мне приятно теперь иметь при себе этого милого моему сердцу слугу и, вместе, верного и преданного друга! С ним жить в Плещееве мне будет невыразимо приятно. Не люблю далеко заглядывать в будущее, но мне кажется, что часть зимы я проведу в Каменке, а другую, бóльшую, в Плещееве. Заранее знаю, что присутствие Тани отравит мне удовольствие пребывания в Каменке, но зато я так люблю жить в обществе остальных членов семьи, и мне так больно было бы огорчить их решительным отказом приехать хоть на время. Ужасно хотелось бы мне увидеть теперь Колю и Анну вместе. Быть может, я найду возможным летом побывать там в то время, когда и Коля там будет.

Третьего дня я видел Колю. Он сообщил мне грустные известия, касающиеся Вас. Вам теперь не до писем, дорогая моя, и я чувствую себя неспособным говорить что-либо о себе. Могу только сказать Вам, что никто живее меня не принимает участия в Ваших радостях, так же как и в горестях, ибо люблю Вас, друг мой, всей силой души моей. Молю бога, чтобы он сохранил Вас, поддержал бы в горестях, если суждено Вам быть постигнутой ими, и дал Вам силы еще много лет жить для счастия стольких людей.

Бесконечно любящий Вас
П. Чайковский.

Адрес: Смоленская жел. дор., близ Москвы, ст. Одинцово, оттуда в село Подушкино.

134. *Чайковский — Мекк*

Подушкино,
15 июня 1883 г.

Милый, бесценный друг!

Я мог бы сказать, что совершенно доволен своей жизнью в теперешней обстановке, если б не мысль о Вас, которая никогда не оставляет меня. Знаю и чувствую, что Вы огорчены, встревожены, больны физически и нравственно, сокрушаюсь, что бессилен отвратить от Вас тревоги и беспокойства, и остается только молить бога за Вас, дорогая моя![1] Это я и делаю постоянно. В молодости своей я часто негодовал на кажущуюся нам несправедливость, с которою провидение распределяет среди человечества счастье и несчастье. Впоследствии, я дошел понемногу до того убеждения, что мы с нашей земной, ограниченной точки зрения не можем понимать целей и поводов, которыми руководится божественная мудрость, ведущая нас по пути жизни. Посылаемые нам бедствия и страдания не суть бессмысленные случайности; они нужны для нашего же блага, и как бы это благо ни было далеко от нас, но когда-нибудь мы узнаем и оценим его. Опыт уже научил меня, что даже в этой жизни весьма часто конечный результат многих страданий и горестей — благо. Но кроме этой жизни, быть может, есть и другая, и хотя ум мой не постигает, в какой форме она проявится, но сердце, инстинкт, необходимое

отвращение к смерти (понимаемой в смысле окончательного прекращения бытия) заставляют меня верить в нее. Быть может, только там поймем всё то, что здесь нам казалось непостижимо несправедливым и жестоким. А покамест мы можем только молиться, благодарить, когда бог посылает нам счастие, и покоряться, когда нам или дорогим и близким нашим приходится терпеть горести. Благодарю бога, давшего мне это понимание. Если б его не было, жизнь была бы очень тягостна. Если б я не знал, что Вы, лучший из людей, наиболее достойный счастья, подвергаетесь горестям не по слепому капризу бессмысленной судьбы, а в силу непонятной для ограниченного ума моего божественной цели, то оставалось бы только безнадежное отчаяние и отвращение к жизни. Я научился никогда не роптать на бога, но постоянно молиться ему за близких и дорогих мне людей.

Про себя скажу Вам, дорогой друг, что я весьма доволен своим пребыванием в Подушкине. Местность, как, вероятно, Вы узнали от Коли и Саши, в самом деле восхитительная. Согласие и взаимная любовь между братом и женою его радуют меня. Признаюсь, я не ожидал от брата, что он будет таким безупречно-хорошим семьянином. Женитьба его на женщине, оказавшейся очень хорошей, сделала его другим человеком. Он стал покойнее, ровнее, серьезнее. Раздражительность и болезненная суетливость исчезли. Мне кажется, что счастье его очень прочно. Дочка их — прелестный, милый ребенок, которого я уже начинаю нежно любить.

Праздность начинает уже немножко тяготить меня, я достаточно отдохнул и подумываю о новом каком-нибудь сочинении; вероятно, напишу что-нибудь в симфоническом роде. Заниматься было бы мне здесь очень удобно, но одно жаль — у нас здесь постоянно гости, и гости эти не всегда приятные и близкие. Нередко также и нам приходится ездить в гости. К сожалению, я не умею отказывать в просьбах о посещении, да и как отказать, когда, например, приглашает к себе усиленно отец моей belle-soeur? Вчера пришлось ехать к нему с утра в Кунцево, и целый день пропал, а я, как нарочно, был очень расположен к работе. В пятницу я буду в Москве на несколько часов и надеюсь повидаться с Влад[иславом] Альберт[овичем], которому пишу сейчас приглашение приехать ко мне между двумя и четырьмя часами. Очень хочется иметь подробные сведения о Вас, дорогая моя!

А Вас прошу убедительно не давать себе труда писать мне до тех пор, пока не будете успокоены. Дай бог Вам всякого блага, дорогой, безгранично любимый друг мой!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

135. Мекк — Чайковскому

[Москва]
23 июня 1883 г.
Сокольники.

Дорогой друг мой! Несчастье совершилось, но я спокойна, потому что я и сама скоро умру и разлука будет непродолжительна. Я так и не видала моего бедного мальчика, меня к нему не пустили, и хорошо сделали,— слишком много было бы сразу двух смертей, а я бы не вынесла вида его смерти; теперь же я отношусь к его отсутствию как к кратковременной разлуке.

Мы еще в Сокольниках. Я не надеялась на свои силы, чтобы увидеть Плещеево, но, наконец, надо перебраться на место, и послезавтра мы предполагаем выехать туда.

Я очень желала бы получить Ваши письма, дорогой друг, они были бы мне утешением в моей невыносимой тоске.

Мой ревматизм всё усиливается, теперь болит нога, так что я с грудом хожу. Холод, конечно, не благоприятствует этой болезни; несчастная наша родина — вечно холодно.

Коля занимается своим курсом, а Сашок музыкою, остальные вполне отдыхают, ничего не делают. Я нашла здесь француза, взятого для Миши, но которого я теперь оставляю для Макса; кажется, порядочный человек. Вчера договорила англичанку для Милочки, молодую девушку,— старые англичанки очень деспотичны.

Очень радуюсь, что Вам нравится в Подушкине и что Анатолий Ильич нашел у семейной пристани успокоение своим нервам.

Наша Анна привлекает меня к себе всё больше и больше. Это такое милое создание, такое теплое сердце, что я не нарадуюсь, читая ее письма; пошли им бог счастья и радости.

Больше не пишу, потому что в голове пустота, а в сердце нескончаемая тоска. Надеюсь, дорогой мой, что Вы не будете со мною считаться письмами. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Я, вероятно, оставлю Макса при себе, я слишком напугана петербургским климатом.

136. Чайковский — Мекк

Подушкино,
27 июня [1883 г.]

Дорогой, лучший друг мой! Мне не хотелось в первое время после испытанного Вами несчастия тревожить Вас своими письмами. В таких случаях обращаться с словами утешенья неуместно. Говорить о живейшем участии к горести столь дорогого человека, как Вы, излишне, ибо я знаю, что Вы в нем не сомневаетесь. Вот почему я предпочел некоторое время вовсе не писать Вам, а теперь, если позволите, снова начну от времени до времени извещать Вас о себе, прося Вас вовсе не беспокоиться отвечать мне, ибо через Колю и Влад[ислава] Альбертовича я могу иметь о Вас

известия, коих, впрочем, уже давно лишен, вероятно, потому, что почта к нам ходит очень неисправно. Я писал к Коле и жду от него хотя бы коротенького ответа.

Я продолжаю быть в полной мере довольным своим здешним житьем. Чем более знакомлюсь с этой восхитительной по живописности и обилию лесов местностью, тем более наслаждаюсь ею. Занятия мои состоят теперь в корректуре «Мазепы», который печатается с большой поспешностью. Опера эта пойдет в будущем сезоне и в Москве и в Петербурге, и роли уже розданы. Понемножку начинаю также писать новую сюиту, но торопиться не намерен. Племянница моя внушает мне очень сильную симпатию. Это необыкновенно милый ребеночек, между прочим замечательный необычайно ранним проявлением страсти к музыке. Музыка не только развлекает и забавляет ее, но в самом деле доводит до ощущения какого-то блаженства, которое она готова длить до бесконечности. Иногда мне приходится очень подолгу ей играть и играть, ибо, как только останавливаюсь, она очень энергически изъявляет желание слушать еще и еще, так что иногда до усталости услаждаю ее музыкой. Вообще же она здоровый, но до крайности нервный ребенок. Придется очень много заботиться об укреплении посредством здорового воспитания ее нервной системы. Оба родителя в ней души не чают.

Очень давно не имею сведений о Каменке, о сестре, Тане и т. д. Если Коля из писем Анны может что-нибудь сообщить мне, буду ему очень благодарен.

Едва я поставил точку после предыдущей строчки, как мне принесли письмо от Вас и от Коли. Мне больно было читать письмо Ваше, дорогая моя! Зачем Вы говорите о смерти! Нет, Вы должны жить для счастия всех остальных детей Ваших, и я молю бога, чтобы он послал Вам твердость в перенесении Вашего горя и продлил Вашу жизнь как можно долее для счастия столь многих людей. Что касается меня лично, то, право, не могу себе представить, чтобы для меня могли быть в жизни радости, если Вас не будет, и сердце мне говорит, что Вы ошибаетесь, считая свой конец близким.

Признаюсь Вам, что я только тогда буду покоен за Вас вполне, когда Вы будете в подходящем для Вашего организма климате. Это лето не предвещает быть хорошим, и я буду радоваться, когда Вы уедете из России.

Дай бог Вам поскорее и как можно покойнее устроиться в Плещееве.

Беспредельно Вам преданный и любящий
П. Чайковский.

Коле буду писать завтра.

137. Чайковский — Мекк

Подушкино,
8 июля 1883 г.

Дорогой, милый друг!

Только что расстался с милыми сыновьями Вашими, доставившими нам всем величайшее удовольствие своим посещением. Коля очень возмужал в течение месяца, что я его не видел. Сашок, как мне кажется, поправился в сравнении с прошлым годом. Мы с ним помузицировали немножко, и я с удовольствием заметил, что он очень хорошо читает ноты. Он играл мне также два своих маленьких сочинения, свидетельствующие о хорошо одаренной музыкальной натуре и о том, что вообще за этот год он значительно подвинулся в своем музыкальном развитии. Коля очень звал меня ехать вместе с ним в Каменку, и признаюсь, что мне очень тяжело отказаться от этой совместной поездки. Кроме того, что я соскучился о своих каменских родных и рад бы был их видеть, мне грустно, что я не увижу Колю с Анной вместе. Что делать! Мне необходимо окончить как можно скорее корректуру оперы моей, которую нужно к августу приготовить непременно. Не знаю, писал ли я Вам, дорогой друг, что на этот раз мне вовсе не пришлось не только хлопотать, но хотя бы представлять свою оперу для постановки в дирекцию театров. Дирекция сама сделала авансы, и даже случилось так, что московская дирекция с петербургской пререкаются в своем желании взять первую постановку. Я предпочел начать на сей раз с Москвы, во-первых, потому, что теперь состав здешней оперы нисколько не хуже петербургского, а во-вторых, потому, что хочется отдалить надобность долгого пребывания в Петербурге.

Вы, вероятно, слышали, милый друг, что прошлой зимой в Москве происходили ссоры и пререкания в музыкальном мире и что результатом всего этого вышла отставка директора консерватории Губерта[1]. Этот Губерт был очень не на месте; по личным свойствам своим он — прекрасный профессор, весьма сведущий, образованный музыкант, очень добрый и умный человек, но никуда не годный администратор, и я предчувствовал, что рано или поздно он должен будет оставить свое директорство. Но с ним поступили при этом очень оскорбительно для его самолюбия, а главное, грустно то, что обстоятельства принудили его совсем оставить службу при консерватории, которая давала ему средства к жизни. Питая к нему дружеское расположение, я хотел устроить, чтобы его просили возвратиться в консерваторию в качестве про-

фессора, и для этой цели устроил совещание с представителями консерваторского начальства, ради которого ездил в Москву, на два дня. Я вынес из этого совещания самое грустное впечатление. С тех пор, как нет в консерватории настоящей главы, она сделалась вместилищем интриганства, всякого рода дрязг и сплетней. Пошли в ход мелочные препирательства, соперничанья, столкновения разных мелких амбиций, и страсти так разыгрались, что мое предложение пригласить Губерта, основанное и на справедливости, и на пользе для всего учреждения, и, наконец, на требованиях простого здравого смысла, встретило множество препятствий для осуществления. Сколько при этом я наслушался сплетней, нареканий, дрянных, мелких дрязг, этого Вы себе представить не можете! Благодарю судьбу, поставившую меня вдалеке от всего этого, но ужасно сокрушаюсь о бедном Губерте, сделавшемся жертвой духа интриги, воцарившегося в консерватории. Не хочу, однакоже, терять надежду и на днях поеду к директору Муз[ыкального] общ[ества] Алексееву, имеющему преобладающее влияние в дирекции Общества. Он очень враждебен к Губерту, но человек самостоятельный и умный, и я, быть может, сумею убедить его в разумности моих стараний возвратить консерватории умного, честного и полезного деятеля.

Я узнал от Коли, что племянница Таня до сих пор еще в Париже. Решительно не понимаю, что с ней делается, и очень любопытствую узнать, в чем дело. Она ни разу мне не написала, и мне ничего не известно. Коля говорил мне, что Вы объясняете эту задержку докторским расчетом, но едва ли это так, дорогая моя. Насколько небрежны, беззастенчивы парижские знаменитости, настолько доктор Ferré, специально пользующий Таню, к ней внимателен. Правда, что и он заставляет платить дорого, но нужно отдать ему ту справедливость, что он в последнее время моего пребывания в Париже выказал к своей пациентке много искреннего сочувствия и заботливости, и я не могу предположить, чтобы он из корысти ее удерживал в Париже. Скорее я подозреваю, что он опять привозил к ней какую-нибудь знаменитость, и эта последняя почему-либо нашла нужным продлить Танино пребывание в Париже. Впрочем, и то может быть, что Таня, бросивши морфин, усиленно стала принимать другие наркотики и, в самом деле, настолько расстроила себя, что нуждается в поправлении.

Надеюсь, милый друг, что когда всё будет устроено в Плещееве, Вы несколько времени хорошо проведете в новом русском уголке своем, а там наступит отъезд в теплые страны, где мне всегда отрадно воображать Вас. А мне ранее весны вряд ли придется уехать в Италию, которая более чем когда-либо привлекает меня.

От глубины души желаю Вам здоровья и спокойствия, дорогая моя!

Беспредельно преданный Вам
П. Чайковский.

Потрудитесь передать мой искренний привет Юлье Карловне и всем Вашим.

138. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
14 июля 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Я опять Вам давно не писала, но здоровье мое всё плохо. Поделались спазмы в груди, потом головная боль, по обыкновению, на несколько [дней], после нее слабость и т. д. Нога моя (в которой развился ревматизм) также не дает мне покоя и лишает возможности гулять и пользоваться удовольствием пребывания в своей деревне, но все-таки мне очень хорошо здесь после долгого шатания на чужбине, где ничего нет своего. Я с таким удовольствием смотрю кругом, где всё — свое, хотя наша бедная Россия и не доставляет ничего отрадного в настоящее время. В людях видишь только растление, равнодушие, тупой эгоизм, мелочность и ничтожество, природа всё такая же скупая, неприветливая, но удовольствие выйти на свою террасу, снимать сливки с своего молока, пройтись по своему парку так велико, что вознаграждает за многое дурное. Вы скажете, быть может, друг мой, что я крепостничка, то я с этим соглашусь: я не терплю пролетариата, при освобождении крестьян я самым горячим образом стояла за освобождение их с землею.

Милый, дорогой мой, как мне жаль Вас по отношению к племяннице Вашей Тане. За столько забот, лишений себе и попечений об ней получить такое холодное невнимание куда как больно, но что делать, дорогой мой, молодые люди — эгоисты. Вы не совсем верно поняли, друг мой, мое предположение, что доктор из расчета удерживает ее; я подразумевала не денежный расчет, а мне чувствуется, что он ухаживает за нею. Да пусть бы она вышла за него замуж — это было бы очень счастливо: для нее единственное спасение — выйти замуж.

Наша милая Анна продолжает меня радовать всем, что я узнаю об ней. Она выражает мне столько любви и ласки, что я очень боюсь, чтобы она не разочаровалась очень сильно при личном свидании,— я очень несимпатична при личных сношениях, потому что у меня нет никакой женственности, во-вторых, я не умею быть ласкова, и этот характер перешел ко всему семейству. У меня все как будто боятся быть аффектированными и сентиментальными, и поэтому общий характер отношений в семействе есть товарищеский, мужской, так сказать, и ко всему этому я не знаю, милый друг мой, известно ли Вам, что я очень дурно слышу, что делает также личные сношения со мною очень неудобными и утомительными. И по состоянию своего здоровья я не могу быть постоянным членом общества, я не могу говорить много, потому что утомляюсь, и, вообще, в своем образе жизни я должна соблюдать самый строгий режим, что всегда очень скучно для других, а мне так хотелось бы, чтобы Анне было хорошо у нас.

Мне весьма приятны Ваши отзывы, дорогой друг мой, Ваши снисходительные отзывы о музыкальных способностях моего Сашонка, но я Вас очень попрошу, так как Вы, конечно, имеете большое влияние на него, не поощрять еще теперь его к сочинительству. Мне не нравится его тенденция сочинять, тогда как он даже не все элементарные правила музыки знает. Я не признаю самородков и, во всяком случае, не люблю, когда человек хочет без труда что-нибудь приобретать, поэтому я из Вашего письма сообщила ему только то, что Вы выразили на части хорошего разбирания нот, и прошу Вас усердно, дорогой мой, при каждом случае употребить Ваше влияние на то, чтобы совершенно изгнать из него дух сочинительства до тех пор, пока он не изучит теорию музыки вполне и всю. Я не могу себе простить, что толкнула на композиторство бедного Влад[ислава] Альб[ертовича]. Теперь уже он не в состоянии приняться опять за скрипку и оторваться от творчества, и сколько мук, бедный, выносит от несоответствия запросов с средствами удовлетворения; вся жизнь отравляется этим.

Сегодня Коля и Сашок едут к Володе на именины в Красновидово. Мой Величка — все такой же восхитительный, деликатный и чуткий ребенок, как был и прежде; его скоро опять привезут ко мне погостить. До свидания в следующем письме, дорогой мой. Будьте здоровы и не забывайте всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

139. Чайковский — Мекк

Подушкино,
17 июля 1883 г.

Милый, дорогой мой друг!

Пишу Вам, будучи не совсем здоров. Несколько дней тому назад я ездил в Подольск к моему приятелю Кондратьеву, который болен и просил побывать у него. Вероятно, какой-нибудь сквозной ветер в вагоне насквозь продул меня, ибо после этой поездки я вернулся нездоровым и с тех пор всё немножко недомогаю. Это легкое нездоровье, а также чрезмерное обилие гостей, в последнее время непрерывно следующих один за другими, помешали моей корректурной работе, которая, к ужасу моему, подвигается тихо. Не любопытно ли это в самом деле, что в России нет ни одного человека, на которого я мог бы возложить с уверенностью в успехе это дело? В Германии при каждом хорошем издателе есть несколько корректоров, и никогда там авторы не теряют целых месяцев на возню с гравированием своих сочинений. У Юргенсона нет и никогда не было ни одного хорошего корректора, хотя он всегда хлопочет об этом. Опыт научил меня, что, если я хочу видеть свою вещь изданною без ошибок, как следует, мне не следует вверяться никому, кроме себя. Пишу Вам об этом, дорогая моя, потому что всё мое время теперь уходит на эти ужасные, доводящие

до уныния корректуры. Они испортили мне всё это лето, они мешают мне как следует отдохнуть от зимних трудов.

Недавно я получил официальное уведомление, что государь пожаловал мне из кабинета его величества драгоценный подарок за коронационную кантату. Каков этот подарок, я еще не знаю, ибо не получил его. В свое время я скажу Вам о том.

Очень неприятные известия имею о Тане, но, к сожалению, только косвенные, идущие из Каменки. Туда правды никогда не пишут, да и нельзя, ввиду болезненного состояния сестры. Мне лично Таня не писала ни разу. Боюсь, что состояние хуже, чем думают в Каменке, и очень беспокоюсь об этом. Я останусь в Подушкине до 10 августа. К тому времени надеюсь кончить корректуры мои. Затем поеду к брату Николаю (Курск. губ.) на два дня, к брату Модесту недели на две и только тогда уже в Каменку.

Подушкино продолжает мне нравиться, и, если бы не постоянные гости (всё это родные моей belle-soeur), я бы очень наслаждался здешней жизнью.

Будьте здоровы, дорогая моя, и дай бог Вам всякого благополучия.

Ваш до гроба
П. Ч.

140. Чайковский — Мекк

Подушкино,
18 июля 1883 г.

Только что отправил вчера письмецо мое к Вам, дорогой, милый друг мой, как получил Ваше и от души благодарю Вас за него. Мне ужасно горестно, что Вы всё нездоровы. Как нарочно, лето у нас здесь дождливое, изменчивое, совсем неблагоприятное для Вас. Вам нужно постоянно голубое небо, больше света и теплоты, и я почему-то всё желаю, чтобы Вы поскорее были в Италии. Конечно, я понимаю удовольствие жить у себя в своей деревне, но всё более и более убеждаюсь, что Вам нужно постоянное пребывание в жарком южном климате.

Я начинаю думать, дорогая моя, что мне едва ли не благоразумно будет отложить гощение в Плещееве до будущего года. Весьма жаль, что обстоятельства помешали мне побывать там, согласно нашему предположению, весной, в апреле. Впоследствии я с наслаждением лелеял мысль пожить у Вас осенью и даже зимой. Теперь начинаю сомневаться, что это окажется удобным и возможным. Как я писал Вам, 10 августа я двинусь из Москвы по направлению к Каменке, в которую меня в каждом письме так

усиленно, так настоятельно зовут, где ждут меня с таким нетерпением, что мне тяжело было бы надолго откладывать возвращение свое в лоно семейства, с которым уже много лет провожу большую часть жизни. Между тем, если не поехать к ним надолго, а лишь навестить и возвратиться в Москву и Плещеево, то этим я не удовлетворю их желания, которое состоит именно в том, чтобы я попрежнему п о ж и л в Каменке. Итак, я желал бы, приехавши в Каменку, остаться там месяца два. Затем в ноябре начнется в Москве постановка «М а з е п ы», на которой я буду присутствовать. Конечно, для меня нет ничего более желательного, как жить зимой в деревне, в Вашем доме, особенно ввиду того, что Алеша теперь при мне. Это — форма жизни, которая для меня в высшей степени пленительна, и, не будь постановки оперы, я бы не задумался попросить у Вас позволения это сделать. Но ведь мне почти каждый день нужно будет присутствовать на репетициях; удобно ли будет мне ежедневно предпринимать поездку из Подольска в Москву и обратно, и не испортят ли мне эти беспрестанные уезжания удовольствие жизни в деревне? После Москвы придется для той же оперы ехать в Петербург, а затем, в конце зимы, я мечтаю побывать в Италии, и я думаю, что лучше всего, если отложу до весны воплощение мечты моей погостить в Плещееве. Боюсь, дорогая моя, что, имея в виду приютить меня в Плещееве, Вы, быть может, удержите для меня лишнего слугу или вообще не оставите дом свой на зимнем положении. Быть может, даже теперь Вы уже собирались распорядиться насчет принятия меня, и вот, во избежание всякого рода недоразумений, я бы хотел решить окончательно вопрос о моем пребывании в Плещееве — сейчас же. Вовсе отказываться от возможности уединиться в течение осени и зимы к Вам в деревню мне бы тоже не хотелось. В заключение, я бы хотел просить о следующем. Нельзя ли Вам приказать лицу, которому Вы поручаете управление Плещеевым (если не ошибаюсь, отцу Влад[ислава] Альб[ертовича]), чтобы, в случае если я попрошусь туда осенью или зимой, он бы дал мне приют в какой-нибудь одной комнатке дома, а также помещение для прислуги? Кто знает? Быть может, Лев Вас[ильевич] и сестра внезапно вздумают переехать еще осенью в Петербург, быть может, почему-либо постановка оперы моей не состоится, одним словом, обстоятельства могут сложиться так, что я буду нуждаться в приюте у Вас. В таком случае, наняв кухарку и взяв Алешу, я бы тотчас отправился в Плещеево. Теперь мне остается резюмировать всё это многословие, которое, боюсь, утомило Вас. Обстоятельства принуждают меня воздержаться от точного указания времени, когда бы в близком будущем я мог бы ехать на житье в Плещеево. Откладываю это удовольствие до будущего года. Но, на всякий

случай, я просил бы Вас, дорогая моя, разрешить во всякое время Вашему управляющему пустить меня в какой-нибудь уголок дома. Простите, что утомил Вас многословием.

Сашок приятно изумил меня, сыграв мне два небольших отрывочка своего сочинения. До сих пор я знал о нем, что он музыкален, что он хорошо разбирает и страстно предан музыке, которая составляет главный интерес его жизни, так что, по всей вероятности, он будет музыкантом. Но, признаюсь, я был не такого, как теперь, высокого мнения о степени его способностей до того, как он сыграл мне свои два отрывка. Однакож, я еще очень далек от усматриванья в нем серьезного композиторского дара. Так как Сашок мечтает быть теоретиком и критиком, то ему необходимо будет писать. В прошлом году я имел случай подробно объяснить ему всю пропасть, которая разделяет музыканта, изучающего теорию сочинения практически, от композитора. Каждый хороший музыкант, а особенно теоретик-критик, должен испробовать себя во всех родах сочинения. Но далеко не каждый музыкант, хотя бы и изучивший глубоко все отрасли музыкальной науки, одарен творческим даром. Однакоже, и для того, чтобы скромно, без всяких поползновений на настоящее творчество, испытывать себя в писании, чтобы изучать практически теорию сочинения, нужно иметь все-таки значительные способности к музыке и тонкую музыкальную организацию, без которой немыслим теоретик-критик по этой части. Вот в этой-то степени способностей, нужных для Саши ввиду его мечты быть критиком, я и не был вполне уверен. Теперь я в ней уверен и невольно высказал ему свое удовольствие, когда он дал мне случай успокоиться насчет этого. Будьте уверены, дорогая моя, что поощрять его на сочинительство в том смысле, что он может быть композитором-творцом, я не буду. Много я знал людей, терпевших тяжелые разочарования в своих стремлениях к авторству; знаю, как эти разочарования тяжелы и убийственны, и всегда старался быть осторожным в подобных случаях.

По этому поводу я подумал о Влад[иславе] Альбертовиче. Уже давно собирался я поговорить о нем с Вами обстоятельно. Но отлагаю это до другого времени, ибо вопрос этот серьезный и требует очень подробного рассмотрения. Однакож, скажу Вам, дорогая моя, что ни на единое мгновение не могу допустить мысли, чтобы Вы тут в чем-нибудь были виноваты, как Вы говорите. Виноваты не Вы, не Влад[ислав] Альб[ертович], не я, а просто стечение обстоятельств и самая натура Влад[ислава] Альбертовича, очень музыкальная, но недостаточно определенно склонная к той или другой музыкальной отрасли.

Я был глубоко умилен, дорогая моя, читая Ваши строки,

где Вы выражаете боязнь, чтобы Анна не разочаровалась в Вас при личном знакомстве. Будьте покойны, бесценный друг. Анна не из тех, которые любят и ценят людей за их способ обращения с ними. Анна Вас глубоко чтит, ибо отчасти через меня, а еще больше через Колю, она знает Вас. Она знает также, что Вы ее любите. Она будет счастлива в Вашей близости,— не сомневайтесь в этом.

Алексей мой в здоровье совершенно поправился. Нельзя выразить Вам, до чего он чувствует себя счастливым, освободившись от своего солдатства. Мне вдвойне приятно видеть около себя преданного мне и притом абсолютно счастливого человека.

Будьте здоровы и счастливы, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

Коле и Сашонку желаю счастливого пути!

141. Чайковский — Мекк

[Подушкино]
27 июля [1883 г.]

Милый, дорогой друг!

На меня разом обрушилось несколько денежных потерь, заставляющих снова обратиться к Вам за помощью, и просьба моя состоит в том, чтобы Вы потрудились прислать мне тысячу рублей, крайне мне нужных. Затруднения мои временные, и я надеюсь в скором времени совершенно поправиться, но в настоящую минуту не нахожу другого способа выпутаться, как обратившись к Вам. В октябре попрошу Вас денег мне не присылать, ибо, во-первых, продолжаю пламенно желать не выходить из пределов бюджета, а во-вторых, к тому времени у меня будут заработанные деньги.

Не могу не рассказать Вам главную неприятность, случившуюся со мной третьего дня в Москве. Нужно Вам сказать, что недавно мне пришлось послать в Париж крупную сумму, Вы догадываетесь,— кому[1]. Я принужден был сделать заем, а уплатить его хотел из денег, которые ожидал из коронационной комиссии за сочинение кантаты. Вместо денег мне прислали перстень с бриллиантом. Так как мне очень не хотелось совсем расстаться с этим царским подарком, то я решился заложить его и с этой целью отправился третьего дня в отделение Кредитного общества для залога движимостей. Там я получил триста семьдесят пять рублей, которые и положил в свой бумажник. Через несколько часов бумажник вместе с деньгами и с квитанцией исчез. Не могу Вам

выразить, сколько я был огорчен этим. Все поиски не привели ни к чему. Осталась только возможность предупредить выкуп кольца тем, кто найдет бумажник, посредством соблюдения некоторых формальностей, которые я и исполнил. Это один из неприятнейших дней, когда-либо мной проведенных. Не говорю уже о том, что мне и самая процедура закладывания была чрезвычайно неприятна, но потеря, тщетные поиски, хлопоты о спасении кольца—всё это оставило во мне такое чувство, как будто я совершил какой-то неблаговидный поступок. А ко всему этому еще присоединилось п е р в о е мое денежное недоразумение с Юргенсоном по поводу моих авторских отношений к нему как издателю. До сих пор я еще никогда не имел причины быть недовольным им. Теперь случилось, что я совершенно справедливо и основательно могу считать себя очень обиженным им в денежном отношении. Между тем, многолетние дружеские отношения мешают мне вступиться за права свои. Ненавистнее дрязг из-за денег нет ничего на свете...[2]

Я просил бы Вас, дорогая моя, прислать мне просимую мной сумму сюда, по моему обычному адресу, но, если возможно, в виде чека на какой-нибудь банк, ибо, не будучи здесь нигде прописан, я не могу получать денежных пакетов. Да и вообще, в этой форме мне удобнее и приятнее было бы получить эту сумму. А теперь, прежде чем перейду к другому, умоляю Вас простить меня за причиняемое мной беспокойство, именно за беспокойство, ибо совершенно уверен в том, что Вы никогда не посетуете на меня за то, что прибегаю к дружеской помощи Вашей. Итак, простите ради бога!

Я до сих пор еще не вполне оправился от лихорадки, которая вот уже скоро две недели преследует меня. Страданий она мне причиняет весьма немного, но скверно отражается на нравственном и душевном состоянии моем. К тому же, она заставила меня отступиться от моего обычного образа жизни, а это всегда дурно влияет на меня. Уже одно то, что купаться нельзя, весьма большое для меня лишение. До сих пор еще поглощен корректурой «Мазепы», и не ранее, как недели через две, совсем покончу с этой обузой. Мне чрезвычайно приятно думать, что Коля и Сашок в Каменке. Согласно Колиному обещанию, жду письма его оттуда.

Будьте здоровы, дорогой, добрый друг, и пожалуйста простите за беспокойство.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

142. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
29 июля 1883 г.

Милый, бесценный друг мой! Как мне жаль Вас во всех Ваших неприятностях. Идеальным и поэтичным натурам, как Ваша, конечно, в высшей степени неподходящи такие дрязги, как закладывание вещей и т. п., и я не могу не попенять Вам опять, милый, дорогой друг мой, за то, что Вы не обратились ко мне прежде, чем подвергать себя такой процедуре. Вы знаете, как я желала бы оградить Вас от всяких неприятностей в жизни и какое было бы для меня счастье оказывать Вам какие-нибудь услуги. Спешу послать чек и только на тысячу рублей, потому что я никогда не доверяю нашим русским почтам, когда посылаю денежные документы незастрахованными; я всегда ожидаю, что они могут пропасть, и поэтому, как обыкновенно, посылаю чек отдельно и прошу Вас, дорогой мой, если Вы его не получите, сейчас уведомить меня, и я вышлю другой.

Какие известия Вы получили из Парижа, каково состояние Татьяны Львовны? Бедная Александра Ильинична, едва ли она скоро успокоится за это дитя. Я от Коли не получила еще ни одного письма, но с нашими почтами это неудивительно. Он, я думаю, на седьмом небе от счастия, что находится с Анною, и мне ужасно жаль его, когда я думаю, что уже половина времени его пребывания в Каменке пролетела. Время так быстро летит, что даже жутко становится; мне так не хочется уезжать из своего Плещеева, так не хочется, чтобы лето кончилось.

Касательно вопроса о том, чтобы Вы могли, дорогой друг мой, во всякое время поселиться в Плещееве, я сделаю все распоряжения и, конечно, всегда буду рада иметь Вас своим гостем, но мне жаль, что зимою Плещеево не может произвести на Вас хорошего впечатления; я думаю, что занесенный снежными сугробами он имеет очень печальный вид, и прогулки невозможны.

Как мне жаль бедного Губерта, что он потерял место, и как Вы добры, дорогой мой, и всегда готовы заботиться о других. Мне очень было бы интересно знать, что Вам удалось сделать у директора Алексеева.

Это время у нас холодно. Что это Вы хвораете, дорогой мой, обращались ли Вы к доктору и употребляете ли Вы что-нибудь против Вашей лихорадки, принимаете ли Вы хинин, или это, быть может, гастрическая лихорадка?

У меня в настоящее время гостят четверо детей моей Саши, которая, бедная, должна была везти своего мужа в Франценсбад пить железные воды и делать ванны. Он так малокровен, ее муж, что постоянно болен, и она, бедная, никогда не знает покоя; так и теперь она приехала ко мне с детьми погостить на неделю, а муж ее поехал к своей матери в Новгородскую губернию. Вдруг через три дня оттуда телеграмма, что граф нездоров. Она летит туда (а это около Бологова, на Николаевской дороге), зовет доктора, тот советует ехать в Франценсбад, и она, бедная, вместо отдыха у меня в Плещееве, должна была бросить детей (что для нее ужасно тяжело) и везти его во Франценсбад, потому что без нее он не может ехать. Боже мой, какая чудная натура у этой женщины, и как ей тяжело на свете.

До свидания, мой милый, дорогой друг мой. Дай вам бог скорее избавиться от Вашей лихорадки и кончить корректуру «Мазепы». Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

143. Чайковский — Мекк

Подушкино,
1 августа 1883 г.

Милый, дорогой друг!

Оба письма Ваши получил. Бесконечно благодарю Вас за исполнение просьбы моей и убедительно прошу не сетовать за то, что в подобных случаях не прямо прибегаю к Вам, а предварительно пытаюсь (к сожалению, неудачно) выручать себя другими путями. Это происходит оттого, что мне, во-первых, не хочется беспокоить Вас, во-вторых, мне чрезвычайно совестно, что, быв благодаря Вам так широко обеспечен от денежной нужды, ухитряюсь всё-таки от времени до времени путаться в финансовых делах своих. В мои годы такого рода легкомысленное отношение к материальной стороне жизни непростительно и постыдно. Единственное оправдание мое — обстоятельства, не зависящие от моей воли, заставляющие не ради себя, а ради других выходить из своей нормы и запутываться в делах своих.

Я публиковал в газетах о потере своей и назначил третью часть тому, кто доставит в магазин Юргенсона. Никто не явился.

Таня, наконец, в Каменке. Меня уведомляет об этом находящаяся при ней компаньонка. Субсидия моя, без которой они не могли бы двинуться в путь, была получена во-время. Путешествие они совершили благополучно, но Таня продолжает дурно себя чувствовать и по временам страдает сильным нервным расстройством. Оба родителя в восхищении, что она дома, и покамест в Вербовке царит, повидимому, самое счастливое всеобщее настроение. Но сердце мне говорит, что это не надолго. Там, где Таня находится, не может быть долгое благополучие.

Если судьба моя приведет меня зимой в Плещеево, то не опасайтесь, дорогая моя, чтобы я не оценил его. Русский зимний пейзаж имеет для меня много прелести, и на время очутиться в тихом деревенском доме зимой, это имеет своего рода прелесть. А впрочем, я не теряю надежды и весной или ранней осенью побывать там.

Здоровье мое всё это время не совсем хорошо. Благодаря хинину я несколько времени был совсем здоров, но вчера с самого утра начал чувствовать ломоту во всем теле и лихора-

дочное состояние. Вечером снова прибег к хинину. Ночь провел скверную. Но всё это сущие пустяки, о коих и говорить не стоит.

Мои хлопоты о водворении Губерта в консерватории в качестве профессора не привели покамест ни к чему. И сам Губерт, повидимому, считает для себя слишком трудным и тяжелым вступить снова в среду людей, по большей части ему очень враждебных, да и в консерватории его очень не хотят, и даже те немногие, которые сохранили к нему дружеское расположение, уверяют меня, что он так себя поставил, что возвращение его мыслимо разве только со временем, когда поуляжется буря, разыгравшаяся этой зимой в московском музыкальном мире. Что касается Алексеева, то он на мои вопросы отвечал очень уклончиво и сказал, что, конечно, не будет мешать Губерту вернуться профессором, но уверен, что сам Губерт этого не захочет. Сейчас я получил от последнего письмецо, в коем извещает, что только что приехал в Москву и желает меня видеть. Если здоровье позволит, завтра отправляюсь в Москву.

Мне от души жаль бедную Александру Карловну. Нельзя не умиляться перед ее энергиею и цельным, сильным характером. Когда возвратятся Коля и Сашок, я очень бы желал повидать их, и попрошу их убедительно навестить меня в Подушкине. Бедный брат Модест пишет мне, что по причине двухмесячного бездождия и страшной засухи ему очень невесело живется в Гранкине. Он с нетерпением ждет меня.

Еще раз бесконечно благодарю Вас, дорогая моя, за всю безмерность Вашей доброты ко мне.

Ваш П. Чайковский.

144. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
2 августа 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам десять слов, чтобы попросить Вас дать мне два ответа: 1) получили ли Вы мой чек? 2) оставили ли Вы в Париже журналы, которые я Вам посылала из Вены и Ниццы? Мой Monsieur Layrig ничего мне не пишет о книгах. О переводе, дорогой мой, я попрошу Вас отметить мне, если возможно, телеграммой в двух словах: «пакет получен», если он получен, и в трех словах, если не получен. На другой день после чека я послала и письмо и боюсь, что ничто не дошло до Вас.

Вам, вероятно, уже известно, друг мой, что Татьяна Львовна вернулась в Каменку и что, кажется, ей лучше; мне пишут о том мои мальчики. Будьте здоровы, дорогой мой, простите, что делаю Вам беспокойство, но я боюсь, что Вы не получили того, что Вам надо. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

145. Чайковский — Мекк

Подушкино,
4 августа [1883 г.]

Спешу уведомить Вас, дорогой друг мой, что как письмо Ваше, так и пакет с чеком я получил еще несколько дней тому назад (в воскресенье) и на другой же день утром отправил к Вам письмо, в коем благодарил за бесконечную снисходительность Вашу ко мне. Надеюсь, что это письмо дошло до Вас. Если же нет, то позвольте теперь принести Вам глубочайшую благодарность. Что касается книг Ваших, то, уезжая, я их все собрал и временно отдал в распоряжение племянницы Тани, нуждавшейся в чтении, с тем, чтобы потом она их отправила к M-r Aufrag, адрес коего с этой целью я оставил Таниной компаньонке. Надеюсь, что они добросовестно исполнили это распоряжение мое, но верный ответ буду иметь возможность дать, когда снесусь письменно с Каменкой. Сейчас же напишу Тане насчет этого. Ради бога, простите, если произойдет задержка в возвращении книг, но, во всяком случае, уверен, что они не пропали.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

146. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
8 августа 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Простите меня, ради бога, что я наделала Вам беспокойства своею суетою об чеке, но меня так мучила мысль, что Вам нужны деньги, а Вы их не получаете, что я решилась просить Вас телеграфировать мне, и только что послала Вам свою записку, как получила Ваше письмо, а всему причиною наши российские порядки, при которых письма идут по два дня там, где они за границею дошли бы в два часа.

Мальчики мои вернулись из Каменки, и Коля самым усиленным образом принимается за занятия к экзамену, но я ужасно боюсь их; чем более приближается это время, тем более я трепещу и беспокоюсь. Осталось только три недели, а ему надо пройти все предметы и повторить еще раз уголовное право, и я боюсь, боюсь, что он не выдержит. Простите меня, дорогой мой, если я не отпущу их к Вам, потому что для этой поездки необходимо потерять два дня, так как по расписанию поездов нельзя вернуться в один день в Плещеево, а надо ночевать в Москве. Поэтому я прошу Вас усердно, милый друг мой, сообщить мне, когда Вы будете проезжать нашу Подольскую станцию, чтобы Коля и Сашок могли выехать туда повидаться с Вами; я хочу доставить им хотя это удовольствие взамен того, которого лишаю.

С Сашоиком у меня также теперь хлопоты, чтобы устроить для него возможность дома пройти юридический курс. Для этого я хочу взять студента юридического факультета, окончившего курс в этом году; не знаю, удастся ли, хотя вообще, конечно, их много, но порядочных мало. 10 сентября Соне кончается шестнадцать лет, она освобождается от опеки. Я так рада, что одним номером меньше для сношений с этою противною дворянскою опекою, которая имеет все свойства самой мещанской. При этом мне опять некоторые хлопоты предстоят, но это, по крайней мере, для освобождения себя от больших хлопот.

У меня все, слава богу, здоровы. Все барышни и мальчики свидетельствуют Вам их глубочайшее почтение. Коля влюблен более чем когда-либо и очень огорчен разлукою. До свидания, мой драгоценный, милый друг. Не забывайте всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

147. Чайковский — Мекк

[Подушкино]
10 августа 1883 г.

Дорогая моя!

Мои планы несколько изменились, и ещё не так скоро я отсюда выеду. Причиною этому то, что Модест, у которого я собирался провести две недели, не дождавшись меня, уехал в Каменку. Вследствие того я уступил просьбе брата Анатолия и жены его погостить у них еще две недели, те самые, которые я хотел провести в Гранкине у Модеста.

Вы поступили, дорогая моя, совсем правильно, не дозволив Коле ехать сюда. Пусть, в самом деле, не теряет времени, дабы успешно выдержать экзамен. Если я выеду в Каменку раньше, чем он в Петербург, то увижусь с ним при проезде через Подольск. Если же он раньше уедет, то повидаюсь с ним на вокзале, когда он будет уезжать.

Вчера в дирекции театров назначено было совещание по вопросу о постановке «Мазепы», на которое и я был приглашен. Собрались все: декоратор, капельмейстеры, режиссеры, костюмеры, и в кабинете у управляющего театральной конторой мы просидели около двух часов, обсуждая подробности постановки. Меня приятно удивляет, но вместе с тем приводит в недоумение то усердие, старание, почти энтузиазм, с которым весь этот театральный мир относится к моей новой опере. Прежде, бывало, мне приходилось хлопотать, просить, делать несноснейшие визиты к театральным тузам, дабы опера была принята и поставлена. Теперь, без всякого с моей стороны аванса, обе дирекции, и петербургская и московская, с каким-то непостижимым рвением хватаются за мою оперу. Мне рассказывали вчера, что петербургская дирекция даже

командировала декоратора Бочарова, чтобы изучить эффекты лунного освещения в Малороссии для последнего акта «Мазепы». Решительно не понимаю источника такого благоприятного ко мне отношения театральных сфер, но тут должна быть какая-нибудь тайная причина, и я не могу придумать ничего другого, как то, что, быть может, сам государь выразил желание, чтобы мою оперу поставили на обеих столичных сценах как можно лучше. Корректуру я кончил, и первый напечатанный экземпляр, который получу, я отправлю к Вам, дорогой друг мой! Теперь мне бы следовало предаться отдыху и несколько времени провести праздно. Но бес композиторства овладел мной с непобедимой силой, и все свободные часы дня я отдаю своему новому симфоническому сочинению — сюите[1]. Через несколько дней я надеюсь ее начерно кончить и в Каменке заняться инструментовкой.

Здоровье мое теперь совсем хорошо, но недавно у меня был такой ужасный припадок какой-то нервной головной боли, что мне казалось, что я умираю. В полном изнеможении я заснул, не имев силы даже раздеться, и утром проснулся здоровым. Я думаю, что всё мое довольно долго длившееся недомогание было ничто иное, как нервное раздражение от корректуры и от случившихся со мной неприятностей.

Всем Вашим шлю сердечные приветствия. Заранее поздравляю Софью Карловну с совершеннолетием, а Вас, милый друг, с освобождением от сношений с опекой. Будьте здоровы, милый, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

Я узнал от Губерта, что Вл[адислав] Альб[ертович] занимается с ним. Весьма радуюсь этому.

148. Чайковский — Мекк

Подушкино,
19 августа [1883 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Весь минувший месяц (с 15 июля) мне не везло с моим здоровьем, и до сих пор еще не могу разделаться с лихорадкой. Сегодня у меня с утра начался опять пароксизм, но, благодаря хинину, уже гораздо слабее предыдущего. Конечно, невелики страдания, причиняемые этой болезнью, однакож желательно было бы поскорее окончательно выздороветь. До тех пор, пока не буду уверен в полном восстановлении здоровья, не могу помышлять о назначении дня отъезда, и весьма может статься, что дождусь здесь брата

Модеста, который в двадцатых числах, проездом в Петербург, будет здесь.

Потерпев неудачу в своих планах водворить Губерта в консерватории сейчас же, я принимаюсь теперь за хлопоты о приглашении в консерваторию профессором теории другого теоретика, еще более нуждающегося в прочном положении. На днях я получил письмо от Ларош, которого, по статьям его, Вы, вероятно, знаете, в коем он убедительно просит меня постараться о приглашении его сюда. Этот Ларош, наделенный от природы гениальным талантом и умом, но совершенно лишенный характера, силы воли, до того в последнее время опустился, что, встретив его в мае в Петербурге, я был в совершенном отчаянии за него. Вот уже три года, что он живет, ровно ничего не делая, то в России, то за границей, находясь в полной зависимости от женщины, с которой его столкнула злая судьба, которую он давно не любит, но оставить которую не может, потому что работать он не в силах вследствие совершенного падения умственных сил и энергии, а жизнь с нею обеспечивает его, по крайней мере, от крайней нужды. Теперь он пытается снова пожить трудом своим и думает, что ведение теоретического класса ему по силам. С одной стороны, хочется, чтобы желание его исполнилось, и я очень расположен хлопотать о нем, с другой же стороны, я знаю заранее, что Ларош—человек погибший, не способный больше ни к какой деятельности. Письмо его и тронуло и потрясло меня, и в то же время очень затруднило. Я, конечно, сделаю всё возможное, чтобы попытались испробовать его в качестве профессора, но как брать на себя ответственность за него, когда я заранее знаю, что он не выдержит и одного месяца? Вы не поверите, милый друг, до чего тяжело видеть падение человека, так богато наделенного всякими талантами и которому жизнь улыбалась бы постоянно, если б страшная язва обломовщины не загубила его!

Из писем Коли и Модеста вижу, что мои недобрые предчувствия оправдались и что даже излеченная от морфиномании Таня всё-таки внесла в семью заботы и горести. Модест пишет, что она стала как будто совершенно чужда семье, что какая-то пропасть легла между нею и остальными ее членами, что она для родителей какой-то очень им дорогой и близкий, но все же г о с т ь, с которым они не знают, что делать, чтобы он хоть сколько-нибудь сносно себя чувствовал среди них. Она отравляет им каждое мгновение жизни своим скучающим страдальческим видом, сознанием их бессилия придти ей на помощь. Ужасно горестно это.

У нас есть двоюродная сестра по отцу, с которой мы с детства не виделись; она же и крестная мать сестры. Старушка эта, имея восемьдесят лет от роду, вздумала продать домик, в котором много лет жила в глухой провинции, и переехать жить в Каменку.

Нельзя отказать одинокой старушке в приюте, нельзя не удовлетворить ее потребность провести последние годы жизни в родной среде, но меня очень заботит и пугает эта новая обуза, павшая на плечи бедной сестре моей!

Модест в восторженных выражениях говорит об Анне, о том, как чувство ее к Коле, теперь свободно проявляемое, придало ей совершенно новую прелесть, и как, сохранив все прежние чудесные качества, она сделалась какой-то совсем другой, гораздо более обаятельной, чем прежде; точно какие-то крылья у нее выросли. Она даже очень похорошела. Слава богу, что она радует и утешает отца и мать, сокрушенных положением старшей дочери.

Здешняя моя племянница — несказанно прелестный ребенок. С каждым днем я всё более восхищаюсь ею.

Будьте здоровы, бесценный друг! Я так счастлив, что Вы теперь лучше прежнего себя чувствуете!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

149. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
20 августа 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Как меня огорчает и беспокоит Ваша болезнь. Ради бога, берегите себя, ведь Вы, вероятно, знаете, какая лихорадка капризная болезнь, а теперь к тому же такой страшный холод; несчастная наша родина, у нее даже и лета нет! Это очень хорошо, что Вам дают хинин, но всё-таки самая строгая осторожность необходима. Предупреждал ли Вас доктор, милый друг мой, что от хинина делается шум в ушах? Дай господи, чтобы эта гадкая болезнь Вас как можно скорее и совершенно бесследно освободила от себя.

Я не знаю, как и благодарить Вас, мой добрый, несравненный друг, за обещание прислать мне первый экземпляр «Мазепы». Меня ужасно интересует это сочинение, тем более, что оно имеет русский сюжет, а уж в русской и, конечно, в малороссийской музыке Вы — бесподобный хозяин. Буду ждать с нетерпением напечатания оперы.

Как меня радует, что наши глупые дирекции наконец взялись за ум и засуетились о постановке «Мазепы», а то просто стыдно перед Европою: на всем свете дорожат с в о и м и стараются поощрять его, а у нас капитальнейшие произведения гениального таланта с огромными затруднениями допускаются на сцену, а отыскивают и ставят пустейшие, сладенькие итальянские оперы. Нехорошо у нас, нехорошо. Я люблю свою родину т о л ь к о потому, что она родина, но н и ч т о не радует в ней.

Вообразите, милый друг мой, что я напрасно радовалась Сонином совершеннолетию; оно состоит только в том, что замуж может выйти, а о п е к а еще не снимается до семнадцати лет,— такая досада!

Как ли меня ни интересует Ваша вторая сюита, дорогой мой, я очень люблю эту форму сочинения, но я убедительно Вас прошу,

драгоценный друг мой, отдохните, дайте своей болезни совсем уйти от Вас, а то ведь если Вы осложните Вашу лихорадку первыми припадками, то Вам совсем и надолго запретят заниматься, так ведь лучше же свои силы тратить понемногу и надолго, чем убивать их сразу. Насчет постановки «Мазепы» нет сомнения, что она производится по инициативе государя.

Простите, дорогой мой, если я сделаю Вам вопрос, который, быть может, Вы найдете неуместным: выкупили ли Вы перстень? Мне очень интересно это знать и очень хочется, чтобы он был уже у Вас на пальце; еще раз простите, дорогой, но всё, что касается Вас, не есть любопытство.

Как я понимаю Ваши колебания насчет Ларош. Да, этот человек — одна из многих жертв слабой воли. Я думаю, всё-таки, что если Вам удастся сделать его профессором, то большого риска в этом нет, так как его неусидчивость вреда и зла никому не принесет, кроме его же самого.

Коля занимается усердно, а я всё больше и больше боюсь, чем ближе приближается экзамен. Сашок занимается исключительно музыкою; в настоящее время он учит сонату Шумана G-moll'ную и много играет в четыре руки с Генрихом Пахульским. Мой секретарь продолжает аккуратно ездить к Губерту, и я ожидаю для него много пользы от этих уроков. Губерт — такой хорошей школы и хороших традиций человек.

Пожалуйста, дорогой мой, выздоравливайте скорее, да хранит Вас бог. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

150. Чайковский — Мекк

[Подушкино]
23 августа [1883 г.]

Милый, дорогой друг!

Благодарю Вас от всей души за заботу о моем здоровье. Оно, слава богу, теперь, кажется, совсем хорошо; по крайней мере, вот уже несколько дней, что никаких лихорадочных пароксизмов не было и только иногда чувствую боль в ногах, хотя в очень слабой степени. Что касается Вашего совета отдохнуть, то я ему уже воспоследовал и решился до Каменки не работать больше. Причина, почему я так хотел бы поскорее кончить ее, та, что если моя инструментовка не будет готова к зимнему сезону, то мне не удастся услышать ее в бытность мою в Москве, а мне очень бы хотелось послушать эту вещь, так как в оркестре я употребил некоторые новые комбинации, очень интересующие меня. Но, авось, в Вербовке и в Каменке справлюсь.

Перстень я не выкупил и не могу выкупить до 25 октября. Таков закон, которому следуют в Кредитном обществе. Я был вместе с Юргенсоном у одного из директоров этого учреждения и пытался добиться разрешения выкупить вещь сейчас, но он реши-

тельно отказал. Дело в том, что в случае если нашедший бумажник или лицо, которому нашедший продаст квитанцию, явится за получением заложенной вещи, то в этом ему будет отказано. Но если он захочет требовать выдачи судом, то кольцо может быть потребовано судебной властью, и в течение трех месяцев оно должно оставаться там, где находится, именно на сей случай. Еще много причин привел этот директор, по которым он считает себя не в праве допустить теперь выкуп. Во всяком случае, явится ли кто-нибудь с квитанцией или нет, но нет никакого сомнения, что 25 октября оно будет снова моей собственностью. До тех пор нужно ждать и ограничиваться сожалением о случившемся.

Я недавно послал на почту с мало известным человеком два письма, из коих одно к брату Николаю, другое к Владисл[аву] Альберт[овичу]. Ни на то, ни на другое ответа не получил; вероятно, посланный не положил писем в ящик. Мне интересно знать, дорогая моя, когда Вы предполагаете ехать и каков Ваш маршрут. Не потрудится ли Влад[ислав] Альберт[ович] ответить мне на этот вопрос.

Всем Вашим шлю сердечные приветствия. Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

151. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
31 августа 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Мне очень, очень грустно: мальчики мои уехали, в доме стало пусто, а на душе тяжело. Теперь, после несчастной доли моего бедненького Миши, я еще с бо́льшим страхом отпускаю детей в Петербург. Хорошо еще, что Сашок вернется, но и Макса я отпустила только на время, и если Коля окончит курс в Училище, то я его, т. е. Макса, возьму домой, и пусть дома сделает свое образование или за границею, но там, где не надо сдавать экзаменов, потому что по всем моим долголетним наблюдениям я вывела убеждение, что ничто так не разрушает здоровье юношества, как экзамены, и они же приводят к тому, что молодые люди бросают заведения и курсы, не окончивши их. Я никогда не знала и не знаю ни одного мальчика, хотя бы самого здорового и хладнокровного, который бы не приходил в самое нервное, разрушительное состояние. В особенности теперь, когда с каждым поколением человечество делается слабее и слабее, эти экзамены убивают им четверть жизни, между тем как можно быть образованным и даже ученым à volonté *, и не сдавая экзаменов. В Гейдельберге, в университете, например, вовсе не сдают экзаменов, кроме, конечно, если Вы хотите получить

* по желанию

какую-нибудь ученую степень, магистра, доктора, то вы обязаны представить сочинение по своей специальности, а ведь это не действует так на нервы, как экзамен из самых элементарных предметов. Простите, друг мой, что я Вам надоедаю своею критикою, но для меня это такой чувствительный предмет, который меня давно уже мучит.

Надеюсь, что Ваше здоровье, мой дорогой, совсем восстановилось. Погода такая благоприятная, что лихорадка должна пройти, к тому же Вы имели эти дни большую радость в приезде Модеста Ильича, а душевное состояние также имеет большое влияние на физическое. Дай бог, чтобы мое письмо нашло Вас совсем здоровым и веселым. Моя Саша вернулась из Франценсбада и также забрала своих детей и уехала в свое Гурьево, чем очень довольна и счастлива; ее энергичная и трудолюбивая натура не выносит бездействия, поэтому она терпеть не может заграницу. Слава богу, по крайней мере, что пребывание в Франценсбаде принесло большую пользу ее мужу, но, тем не менее, ей придется еще несколько сезонов свозить его туда.

Наша юная парочка радует меня безмерно. Они так мило относятся друг к другу, так внимательно обдумывают предстоящую им жизнь, что je n'ai qu'à m'applaudir * за мою мысль, а за выбор я Вам обязана, мой дорогой, несравненный друг. Вы мне указали именно Анну; дай господи, чтобы наши надежды и ожидания вполне оправдались. Они пишут друг другу очень усердно, но Коля, конечно, не дает мне читать писем, но многое рассказывает, что Анна пишет, и всё так мило, что я не нарадуюсь. За Колин экзамен я дрожу, как перед самым страшным событием, и жаль мне его ужасно; эти экзамены жизнь отравляют.

У меня гостит брат Александр с женою и с двумя старшими сыновьями, из которых один кончил весною курс на юридическом факультете Петербургского университета, а другой кончит в будущем мае в инженерном институте; они оба отлично учатся.

Влад[ислав] Альб[ертович], кажется, Вам написал, дорогой мой, о моих заграничных проектах, хотя я еще не остановилась на выборе: поеду ли я из Вены на Париж, чтобы проехаться в Toulouse, Monpellier, Marseille и Avignon. Так как я ищу именьица или дачи для зимнего пребывания на юге Франции, то надо несколько ознакомиться с местностью. Или поеду из Вены прямо на Флоренцию, в Cannes, где, как Вы знаете, у меня уже нанята дача еще в апреле, когда мы были там. Есть много вилл, очень хорошеньких и очень дешево около Флоренции, но язык стеснителен, тем более, что детям надо делать образование, и на французском языке они могут заниматься всеми предметами, а на итальянском — нет, и для меня было бы очень стеснительно иметь сношения с предлежащими властями, не зная языка; а имея собственность, это неизбежно. У меня есть теперь гувернер-француз в доме, кажется, очень порядочный человек; зовут его Monsieur Jean Vivés, ему лет сорок, но очень живой и говорливый, что для детей всегда хорошо.

Будьте здоровы, мой милый, дорогой, жму Вам руку. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* я могу только аплодировать себе

152. Чайковский — Мекк

Москва,
1 сентября [1883 г.]

Дорогой, милый друг!

Простите, ради бога, что едва успею написать Вам лишь несколько слов. В последние дни жизнь моя сложилась так, что даже Вам не удалось мне посвятить досужий часок. Пришлось провести два дня в Москве по делам, а также для встречи брата Модеста. С ним вместе приехал я в Подушкино и тут нашел извещение от Коли (Вашего сына), что проедут мои племянники и что он в этот день сам уезжает. Я рвался в Москву, но был так страшно утомлен, так ужасно нервен, что меня не пустили. Мне до крайности неприятно, что не удалось ни повидаться с милыми племянниками, ни повидаться с дорогим моему сердцу Колей. А всё-таки я хорошо сделал, что не поехал, ибо в ту же ночь у меня снова появились признаки лихорадки.

Сегодня мы все приехали в Москву, а завтра я уезжаю в Каменку, куда и прошу Вас адресовать мне письма. Модест должен был уехать сегодня, но у его воспитанника Коли страшная мигрень, и пришлось ему отложить отъезд до завтра. Я рад, что еду, ибо чувствую потребность в перемене места и впечатлений, но очень всё-таки сожалею о Подушкине, где приятно, несмотря на частое нездоровье, провел три месяца.

Прошу Вас, дорогой друг, передать Юлье Карловне и всем Вашим мои приветствия. Вам желаю от глубины души здоровья и спокойствия!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

153. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
5 сентября 1883 г.

Дорогой, несравненный друг! Вчера я совсем неожиданно была несказанно обрадована получением Вашего «Мазепы». Благодарю Вас тысячу раз от всей души, мой добрый, бесподобный друг, за такой драгоценный подарок и за ту радость, которую Вы мне им доставили, но как мне было больно и грустно при этом, что мое разрушенное здоровье не позволяло мне сейчас сесть за рояль и насладиться всегда божественными звуками Вашей фантазии. К несчастью, у меня в настоящую минуту нет никакого пианиста: Генрих Пахульский уже уехал в Москву к своему курсу, а Сашок в Петербурге, так что я сперва пожирала глазами Ваше произведение, а потом мне показался так хорош дуэт Марии с Мазепою, что я посадила Влад[ислава] Аль-

б[ертовича] и Колю сыграть мне его соединенными силами. Они, конечно, очень путали, каждый заботился о своей партии, но друг о друге — нисколько, так что получались гармонии очень необыкновенного свойства, но, тем не менее, было очень хорошо. Благодарю, благодарю Вас бессчетно раз, милый, дорогой друг мой. Теперь Влад[ислав] Альб[ертович] обещал мне (что, конечно, для него самого очень полезно) разобрать Klavierauszug и играть мне.

Об фиаско Коли Вам уже известно, дорогой мой. Мне и жаль, что он не кончил, и, с другой стороны, мне стало спокойнее за него, потому что он, бедный, приходил в такое нервное состояние, что я боялась за него. Учиться — ничего, но экзамены держать — невозможно, в особенности, когда существуют такие бессердечные люди, как великий профессор Таганцев. Положим, что Коля говорит, что он действительно путался, но справедливый человек никогда не будет судить о прилежании и знании ученика по экзаменам, а по годовым занятиям. Коля занимался так усердно, что я часто забывала, что он находится в Плещееве, и он знал свои предметы; я об этом могла судить из разговоров, которые я проверяла, и всегда оказывалось верным то, что он говорил. Теперь мое желание есть, чтобы он вышел из Училища, потому что, по моему убеждению и опыту, сидеть второй год в классе может быть только вредно, но никогда не полезно, и, во всяком случае, целый год жизни пропадает совсем даром, и гораздо лучше употребить его на практическую жизнь. Поэтому я совершенно согласна на то, чтобы он постарался пристроиться к железной дороге и этот год подготовил бы себя к такой деятельности. То, чему он уже выучился, не пропадет оттого, что г-ну Таганцеву не угодно было его пропустить в последний класс, и образование его будет довольно солидное, на юридическую же карьеру он всё равно не готовился. Самое подходящее для его характера занятие это есть именно по железным дорогам и вообще по живым делам, так зачем же терять время научиться этому? Я еще не получила от Вас ответа на мою телеграмму с вопросом о мнении Александры Ильиничны и Льва Васильевича по этому предмету, но если они другого взгляда, чем я, то я прошу Вас очень, дорогой мой, ходатайствовать перед ними за моего Колю, чтобы они не настаивали на том, чтобы он кончал курс. Из этого ничего хорошего не выйдет, потому что ничто не гарантирует нам, что Таганцев пропустит его на будущее время, а он замучается. Предполагаемый срок свадьбы, конечно, не изменится от caverdac'a, случившегося с Колею, и он этот год употребит на то, чтобы отыскать себе занятие и устроить гнездышко для будущей жизни. Вчера он уехал опять в Петербург, потому что начальство отпустило его до пятого числа.

Дорогой мой, Коля мне говорил, что Вы, быть может, приедете в ноябре в Плещеево, а я хочу предложить Вам, не лучше ли было бы Вам пожить тут октябрь месяц? Я ужасно боюсь зимнего времени, потому что убеждена, что Вам не будет хорошо в деревне. Всё заносит снегом, всё в сугробах, так что даже гулять негде; всю террасу, которая находится перед главными комнатами, необходимо обшивать досками, потому что иначе ее занесет всю снегом и будут подмокать комнаты, а это — и вид очень неприятный, и в комнатах темнота. Если Вы найдете, что удобнее прожить в Плещееве октябрь, то я буду несказанно рада, если же Вам удобнее пробыть здесь ноябрь, то я прошу Вас, дорогой мой, нисколько не стесняясь, сказать мне это, так как Вы знаете, что Вы у меня всегда желанный и дорогой гость. Я на днях послала Вам письмо в Подушкино, не

знаю, перешлют ли Вам его. Сегодня погода хмурится, и я в страхе, что хорошие дни кончились. Мы всё это время ходим сами убирать сено (это в т о р о й раз в лето); моих барышень это очень занимает, и действительно премилая забава. Сегодня у меня именины старшей дочери, Лизы Иолшиной, а через пять дней шестнадцатилетие Сони. Законный возраст для выхода замуж; нет ли у Вас хорошего жениха, друг мой?

До свидания, мой дорогой, бесценный. Всем сердцем беспредельно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

154. Чайковский — Мекк

Вербовка,
6 сентября 1883 г.

Я получил Ваше последнее письмо, дорогая моя, садясь в вагон на Курской дороге, и прочел его тотчас после того, как в Подольске расстался с бедным Колей, сокрушенным своей неудачей. Всё, что Вы говорите об экзаменах и о тех страданиях, которые они причиняют молодежи, показалось мне тем более верным, что, пока Коля рассказывал мне о претерпенном им мучении, я именно думал то, что Вы пишете мне. В мое время экзамены в Училище правоведения были даже не лотерея, где бы всё зависело от удачно вынутого номера, а просто комедия. Всё было основано на узаконившихся традициях разнообразного мошенничества, в котором очень часто принимали участие и сами преподаватели, входившие в стачку с учениками. Теперь дело ведется несколько честнее, но зато жестокости гораздо больше. Этот Таганцев, который видит перед собой знающего, но почему-то потерявшегося ученика, и вместо ободрения окончательно сбивающий его своим молчанием, возмущает меня до глубины души. Не знаю, каково Коля знал остальные предметы, но что он твердо знал уголовное право, в этом я не сомневаюсь, ибо мы с братом Анатолием имели тому доказательства. Впечатление, которое производит на меня неудача Коли, сводится к жалости. Мне жаль его не потому, чтобы я считал для его будущности важным, что он с р е з а л с я, а потому, что ничего нет тяжелее для молодого человека, как сознавать себя жертвой несправедливости и бессмысленно-злобного притеснения. Время, разумеется, сгладит тяжелое впечатление, но теперь он должен испытывать очень горькое чувство, и мне было невыразимо жаль его. Что касается Вас, дорогая моя, то я в первую минуту очень огорчился и испугался за Вас, но потом догадался, что Вы перенесете эту неудачу с свойственною Вам силою духа, и я до крайности был рад, когда Влад[ислав] Альберт[ович] в Подольске подтвердил мое предположение.

Хотя у меня был билет прямого сообщения до Фастова, но, подъезжая к Киеву, я почувствовал потребность в отдыхе и решился на сутки там остаться, вследствие чего приехал в Каменку через день после Вашей телеграммы и запоздал ответом на нее. Здесь все отнеслись к случаю с Колей так же, как и я. Всем жаль его, потому что он должен был страдать от неудачи; никому и в ум не пришло хоть на секунду посетовать на него. Анна, конечно, поплакала даже, жалея своего милого Колю. Оба родителя вполне согласны с Вашим взглядом и находят, что Коле нужно оставить Училище.

По случаю именин Лизаветы Васильевны я провел весь вчерашний день в Каменке, а в Вербовку приехал только вечером. Мне чрезвычайно приятно находиться в семье, к совместной жизни с которой я так свыкся. Но не могу выразить Вам, до чего здешняя природа кажется мне неприглядна и безотрадна после прелестей милого нашего лесного севера. К тому же, семь недель не было дождя, и зелени совсем нет. С завтрашнего дня принимаюсь за работу. Сестру я нашел очень поправившеюся, а Анну похорошевшей.

Будьте здоровы и покойны, милый, бесценный друг.

Ваш П. Чайковский.

155. Чайковский — Мекк

1883 г. сентября 8—10. Вербовка.

Вербовка,
8 сентября.

Дорогой, милый друг мой! Вот уж четвертые сутки, что я сюда приехал, и мне кажется, как будто никогда и не расставался с этой родной мне семьей: до того скоро я вновь сроднился с их жизнью и со всеми их общими и частными интересами. Анна производит на меня самое отрадное впечатление. Всё, что прежде в ней было еще не установившегося, резкого, угловатого, теперь сгладилось, смягчилось, и даже в отношении внешности она стала еще милее прежнего. Помните ли, милый друг, что однажды Вы спрашивали меня, правда ли, что Анна самоуверенна. Я Вам отвечал тогда, что Анна этим недостатком вовсе не страдает и что, наоборот, будучи одарена тем благородным самолюбием, которое заставляет людей совершенствоваться, сознательно относясь к своим недостаткам, она скорее, напротив, склонна преувеличивать свои недостатки и вечно быть недовольна собой. И это совершенная правда, но, действительно, в обращении с людьми у Анны была некоторая резкость, особенно при спорах о чем-либо, касающемся научных сфер. Постоянное первенство в институте, где она счита-

лась непоколебимым авторитетом, приучило ее несколько свысока относиться к знанию и умственной компетентности других людей. Теперь и эта шероховатость совершенно стушевалась. Довольно долго Анна не решалась окончательно отдать свое сердце Коле, и хотя питала к нему с самого начала теплое сочувствие, но не сразу могла привыкнуть к мысли, что с ним суждено ей связаться на всю жизнь. Зато теперь она вполне отдалась своему чувству, и чем менее об этом говорит, тем яснее для меня, что чувство это коренится глубоко и что это для нее святыня, которую ей нет охоты открывать всякому и в каждую минуту.

В этом отношении она совершенная противуположность своей старшей сестры Тани. Последняя всегда выставляла напоказ свою влюбленность в того или другого. И не далее, как теперь, она и мне и всем поверяет свою новую сердечную тайну, которая хотя и перестала быть тайной, ибо все это в доме знают, но я всё же сообщаю ее Вам конфиденциально. Дорогая моя! Ваши догадки были справедливы. Оказывается, что доктор Ferré любит ее и что она платит ему взаимностью. Я был так слеп, что, видевши их в Париже ежедневно, не подозревал этого. В настоящее время они не в переписке. Таня говорит, что не могла решиться принять его предложение жениться на ней, боясь, что родителям этот брак будет не по душе, но, не хотев также и отказать ему, она уехала из Парижа, не предуведомив его и не оставив своего адреса. Признаюсь, что прочности ее любви к Ferré я не доверяю, но ввиду того, что он человек хороший и дельный, я бы рад был, если б она вышла за него замуж. Поэтому я нисколько не против проекта Тани поехать на эту зиму в Париж лечиться у тех же докторов, которые успели в точности понять ее болезненное состояние. Но, с другой стороны, как-то жутко и страшно отпускать эту сумасбродную девушку в Париж одну, без родных. Особа, находящаяся при ней, очень достойная и превосходная женщина, но она в глазах Тани не авторитет, а только добрая и любящая подруга. Дело в том, что я застал Таню совершенно больной, страдающей бессонницей, не принимающей никакой пищи, слабой до последней степени. Бедная сестра в отчаянии и от забот и горести при виде постоянно больной дочери сама начинает снова скверно себя чувствовать. Все сознают и чувствуют, что их нужно скорее разъединить, и вот Таня сама изъявила желание ехать в Париж, где Шарко, Тарнье и Ферре будут лечить ее, а Лев Вас[ильевич], несмотря на нежелание жить опять несколько месяцев без нежно любимой дочери, должен был дать согласие на зимовку в Париже. Теперь уже идут хлопоты о паспортах, и в непродолжительном будущем она уедет. Да, дорогая моя, и жаль, и жутко, и страшно, а всё-таки все мы невольно желаем, чтобы

она скорее оставила дом родительский. Пока она в доме, нет ни минуты покоя и счастия. По крайней мере, когда она будет далеко, можно лелеять надежду, что она вылечится, что брак с Ferré состоится. Здесь вид ее внушает отчаянье...

10 сентября.

В Вербовке стало веселее. Таня, пролежав несколько дней в состоянии полного нервного расстройства и заставив мать свою пролить целые потоки слез, решилась переехать на время в Каменку, чтобы быть поближе к доктору. И что значит для такой натуры перемена! Поздно вечером Лев Вас[ильевич] прислал сюда записочку, в которой извещает, что Таня в Каменке совершенно здорова и весела. Достаточно этого переезда и перемены обстановки, на время занявших ее, чтобы болезнь как рукой сняло. Конечно, это не надолго. Но, к счастию, она скоро уедет в Париж.

Получил вчера дорогое письмо Ваше. По зрелом рассуждении я думаю, дорогая моя, что ни в октябре, ни в ноябре я не поеду в Плещеево. Октябрь мне хочется остаться здесь, ибо если б я теперь сказал моим милым здешним родным, что из двух месяцев, которые я предположил провести с ними, один я отнимаю, то это было бы для них большим огорчением. В ноябре, несмотря на зимнюю обстановку, я бы с величайшим наслаждением пожил в Плещееве, но почти ежедневно придется бывать на репетициях оперы, и необходимость часто ездить испортит мне удовольствие пребывания в деревне. А затем не знаю, что со мной будет, но если бы обстоятельства сложились так, что я бы имел нужду отдохнуть и укрыться в деревенской тиши, то думаю, что Вы мне разрешите это во всякое время, и позвольте, дорогая моя, рассчитывать на это! Во всяком случае, от души благодарю за приглашение, и дай бог, чтобы мне удалось им воспользоваться.

Относительно оперы моей скажу Вам, дорогой друг, что Вы с первого разу попали на номер, который я считаю лучшим. Сцена Мазепы с Марией, благодаря чудным стихам Пушкина, будет, мне кажется, и на сцене производить впечатление. К сожалению, Вам не придется видеть «Мазепу» на театре. Позвольте, милый друг, указать на другие отдельные места оперы, с которыми удобнее всего знакомиться по клавираусцугу. Сюда относятся: в первом действии 1) дуэт Марии с Андреем, 2) ариозо Мазепы; во втором действии 1) сцена в тюрьме, 2) сцена Марии с матерью; в третьем действии финальный дуэт.

Я принялся теперь за инструментовку сюиты. Жизнь моя вошла уже в правильную колею. В общем она очень приятна. Мне чрезвычайно приятно было увидеться с племянницей Верой и внучкой Риной, о которой Вы, вероятно, слышали от Коли. Вера всегда

была милейшим существом, и вместе с Анной они составляют лучшие украшения семейства. Если в лице Тани бог послал сестре и зятю предмет частых огорчений, то эти два члена семьи приносят им, напротив, одни чистейшие радости.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам хорошо провести этот месяц в России, а затем — счастливого путешествия.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

156. Чайковский — Мекк

Вербовка,
16 сентября 1883 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сейчас послали мы Вам по телеграфу поздравление, а теперь и письменно позвольте поздравить Вас, а также Софью Карловну, по поводу которой я должен просить у Вас извинения, дорогая моя. В Вашем последнем письме Вы спрашиваете меня, не имею ли я в виду жениха для нее. На этот вопрос я, вероятно, оттого забыл ответить, что всё равно должен отвечать на него покамест отрицательно. Мне кажется, милый друг, что дело о приискании подходящей партии для Софьи Карловны Вам удобно будет поручить Коле и Анне в будущем году. Если я не ошибаюсь, была даже речь о том, чтобы Соф[ья] Карл[овна] несколько времени пожила у них. Во всяком случае, я уверен, что Коля и Анна сумеют как следует и ко всеобщему удовольствию устроить это дело. Как далеко, в каком туманном будущем представлялось мне когда-то осуществление нашей мечты о том, чтобы Коля породнился с семейством сестры, и вот мы уже, можно сказать, накануне этого осуществления. И как необыкновенно скоро Коля сделался для всех нас близким и родным, точно будто мы многие годы жили вместе и он никогда не был чужд интимным интересам семьи нашей!

Я очень, очень доволен своим пребыванием в Вербовке, и если бы не вид погибающих от засухи полей, то удовольствие было бы полнейшее. А дождя всё нет и нет, и до сих пор еще озимого хлеба не сеяли, а где и посеян, так еще хуже вышло, ибо зерно погибло.

Я, конечно, уже никогда в жизни не буду больше писать опер, а если и напишу, увлекшись случайно каким-нибудь сюжетом, то предпочту, чтобы оперу эту не ставили вовсе, пока я жив. Предчувствую, что по поводу постановки «Мазепы» мне придется много страдать, по крайней мере, в Петербурге. Да неприятности уже начались. Меня хотели заставить отдать главную роль певице

Рааб, которую я не люблю и как певицу и как необычайно коварного человека, причинившего мне много неприятностей при постановке «Орлеанской Девы». Я решительно отказал и написал Направнику, что буду официально ходатайствовать о том, чтобы оперу мою вовсе не ставили, если не хотят подчиниться моим требованиям в распределении ролей [1]. Не знаю, что из всего этого выйдет, но уверен, что пребывание в Петербурге будет для меня новой пыткой.

С нетерпением ожидаем Колю.

Будьте здоровы и благополучны, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

157. Чайковский — Мекк

1883 г. сентября 21—22. Вербовка.

Вербовка,
21 сентября.

Милый, дорогой друг мой!

Коля, который приехал вчера утром, имел со мной вечером беседу, сущность которой мне хочется сейчас же передать Вам. Отведя меня в сторону, он таинственно сообщил мне, что имеет одно пламенное желание (разделяемое и Анной), исполнение которого зависит от Вас, но сам он не решается обратиться к Вам с своей просьбой, а просит меня, как бы по моей собственной инициативе, ходатайствовать о следующем. Им обоим хочется приблизить срок свадьбы и венчаться не 1 июня, как было предположено, а в двадцатых числах апреля. Есть несколько причин, по которым я и в самом деле нахожу, что удовлетворение Колиного желания возможно. Во-первых, и в самом деле они достаточно долго прождут свадьбы, и ввиду того, что Коля теперь свободен, нет необходимости откладывать ее непременно до 1 июня. Во-вторых, им хотелось бы прямо из Каменки проехать за границу, к Вам, тогда как в июне им для свидания с Вами нужно ехать в Москву, и при этом нельзя будет избегнуть встреч с разными родными и знакомыми, чего им вовсе не хочется. В-третьих, в случае если свадьба будет 1 июня, то Коля говорит, что ему необходимо позвать стольких ближайших родных, что им в Каменке и места не найдется, а в апреле, за исключением Александры Карловны и Сашонка, некому будет приехать, и этим способом сам собой разрешится трудный вопрос о том, как поместить таких ему близких и милых людей, которых присутствием он очень дорожит, а между тем не знает, как их здесь устроить, в случае если они приедут. Есть еще разные аргументы, более или менее основательные, которые он приводил (например, что моей сестре удобнее будет ехать

в Карлсбад в мае, чем в июне), но подкладка всех этих доводов — что он горит нетерпением дожить до дня свадьбы. Нетерпение это столь естественно, что я не могу не сочувствовать Колиной просьбе и решился с своей стороны просить Вас об этом. Вместе с тем, прошу Вас, дорогой друг, не выдавать меня Коле и поступить при разрешении этого вопроса так, как будто я, в самом деле, не по его уговору, а по собственному побуждению обратился к Вам с этой просьбой.

Не могу передать Вам, до чего мне приятно видеть нашу милую парочку. Они так счастливы, так симпатичны и вместе с тем отношения их так непринужденно просты, что не нарадуешься, смотря на них, и всё кажется, что как будто они созданы друг для друга.

22 сентября.

Только что уехали все каменские гости, приезжавшие для присутствования при обручении Коли с Анной. Маленькое торжество оставило во всех самое приятное впечатление. Старая, почтеннейшая бабушка Александра Ивановна приезжала тоже. За обедом мы все пили за Ваше здоровье. Все без исключения в восторге от Коли и радуются счастию Анны. Третьего дня Таня уехала за границу. Я и рад, что она уехала, и вместе страшусь за нее, и, наконец, как-то болезненно жаль эту бедную, несчастную девушку.

Дай бог Вам здоровья и всякого благополучия, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

158. Мекк — Чайковскому

Москва,
24 сентября 1883 г.

Милый, дорогой мой друг! Наконец я могу написать Вам несколько слов, а то сперва переезд в Москву и масса нахлынувших дел, потом мои и другие именины, потом головная боль, потом приезд моей Саши, всё это не давало мне возможности присесть спокойно на час времени. Вчера вечером уехала моя Саша, избавленная от страшной двухнедельной зубной боли, с которою приехала, потому что решилась вырвать два зуба; я так рада, что она так храбро поступила. Мне было очень тяжело расставаться с нею теперь так надолго, и я в мои лета уже никогда не могу быть уверена, что увижу ее еще. На меня очень тяжелое впечатление произвела на днях смерть одного из знакомых мне докторов, Степанова. Два месяца назад он был у меня, повидимому, здоровый, веселый, далеко не старый, лет сорока, и вдруг мне говорят в один несчастный день, что сегодня хоронят доктора Степанова; это меня очень поразило и как-то обескуражило относительно себя. Говорят, у него, т. е. доктора Степанова, была болезнь сердца. Жена его также при смерти от чахотки, и бедные дети, шесть человек, из которых младшему три года, остаются полными сиротами. Печальна доля человека!

Два дня назад мои дети были на «Евгении Онегине» в Большом театре. Юля не была, потому что Саша приехала в тот вечер, а я не была потому, что Вы знаете, милый друг мой, что я не люблю сценической обстановки для хороших музыкальных произведений. С восторгом слушаю Ваши оперы на фортепиано, но когда мне надо смотреть, как размахивают руками, склоняют голову на чье-нибудь плечо, растягивают слова и повторяют их без всякой надобности, у меня пропадает всякое впечатление музыки. Это искусство, как и все искусства, надо больше чувствовать, чем понимать, назначение его есть действовать на сердце и на нервы человека, следовательно, каждый человек имеет право на него, и по этому праву я не люблю слушать того, что толкует певец, а предпочитаю чувствовать то, что мне самой чувствуется под хорошую музыку, и уверяю Вас, милый друг мой, что это всегда бывает лучше того, что выражают на сцене. Никогда бы под такую чудную музыку, как письмо Татьяны, я не подумала, что оно выражает чувства провинциальной барышни, влюбившейся в столичного льва и желающей пошалить с ним. Ведь на свете бывают чувства поглубже и серьезнее такой влюбленности. А сцена поединка? По музыке это потрясающая драматическая сцена, а по сюжету — пустая донкихотская выходка: один вздумал поволочиться, а другой, как рыцарь, вломился в амбицию. У Пушкина стих так же прелестен, как Ваша музыка, но нравственное содержание ничтожно и пусто. Простите меня, дорогой мой, что я так выражаюсь о предметах Вам симпатичных, но поймите, милый друг, что я хочу только сказать, что Ваша музыка всегда неизмеримо выше сюжета. Когда я слушаю на фортепиано сцену поединка, я не могу передать никакими словами того, что ощущаю при этом. Я прихожу в такое состояние, в котором можно сказать только: «ah, je n'en peux plus!» *, когда же я читаю у Пушкина эту же сцену, я говорю только: «бедненький Ленский!» — и это сожаление относится к тому, что он сделался жертвою пустоты, ничтожества, рутины, но моего сердца не трогают эти трагикомедии. Но за меня моя Милочка в таком восторге от «Евгения Онегина» (на сцене), что не дает покоя Юле, всё пристает, чтобы она просила меня отпустить ее еще в это представление. Вернувшись из театра, на другое утро вытащила Пушкина и всё читает «Евгения Онегина», но каков вкус: ей больше всего понравилась сцена поединка.

Сашок и Влад[ислав] Альб[ертович] поехали проводить Сашу до Лаптева. Насчет жениха для моей Сони я действительно рассчитываю, что Анна мне это устроит, хотя к ним Соню я едва ли отпущу, потому что это будет для них слишком стеснительно: третий может только мешать. Может показаться странным, что я, враг браков, хлопочу женить и выдавать замуж своих детей, но я хлопочу не о том, чтобы выдать замуж Соню, потому что это она и без моих хлопот сделает, а о том, чтобы выбор был порядочный. Я не хочу такого жениха, который выберет Соню, потому что ее всякий выберет: она молоденькая, недурненькая, по-женски хорошо образована, а главное, богатая невеста, и если бы я захотела отворить свои двери для женихов, то их явилась бы такая масса, что я не знала бы, как от них избавиться, а я не хочу и такого жениха, которого выберет Соня, а хочу такого, которого назначу я, а Соне он понравится. Теперь же тороплюсь я с этим делом потому, что ведь не два же века

---

* Ах, я больше не могу!»

я буду жить, мои дни сочтены, и я могу не успеть пристроить Соню по своему желанию. Вот Вам мои соображения, милый друг мой; перед Вами я выкладываю все свои думы, потому что знаю, что Вы всё поймете, как никто.

Я предполагаю выехать 2 октября в воскресенье, поэтому прошу Вас, дорогой мой, так и соображать Вашу корреспонденцию. После Москвы прошу Вас адресовать в Вену, poste restante.

Как я буду рада, если Татьяна Львовна выйдет замуж за Monsieur Ferré. До свидания, мой несравненный, чудный друг. Будьте здоровы и не забывайте всем сердцем любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

Чуть было не забыла спросить Вас, дорогой мой, насчет бюджетных расчетов. Я не совсем твердо помню, в каком они положении, но мне кажется, что по октябрьскому сроку я не выслала Вам рублей двести. Так ли это,— и если так, то угодно ли Вам, чтобы я прислала эту сумму сейчас, для аккуратности, или прислать ее при февральском сроке, или, лучше всего, не могу ли я теперь послать Вам хотя часть февральской суммы плюс недосланные по октябрьскому сроку? Прошу Вас, дорогой мой, сказать мне без всякой церемонии, что для Вас удобнее; для меня же ничто не будет неудобным. А кажется, в октябре выкуп Вашего перстня. Не могу ли я это сделать?

Прошу Вас, дорогой мой, сказать моей милой дочке Анне, что я горячо обнимаю и прижимаю к сердцу. Теперь она и фактически становится всё ближе нам.

159. Чайковский — Мекк

Вербовка,
27 сентября [1883 г.]

Милый, дорогой друг!

Получил письмо Ваше незадолго до отъезда Коли. Не буду иметь времени писать Вам сегодня подробно и адресую следующее письмо в Вену. Относительно бюджетной суммы попрошу Вас, если это не представляет никакого затруднения, разделить ее на две части, как Вы пишете, и прислать половину февральской суммы теперь и половину 1 февраля.

От всей души благодарю за предложение позаботиться о выкупе перстня, но я не буду напрасно Вас беспокоить, потому что я поручил всё это дело Юргенсону, у которого хранится бумага, выданная мне на другой день после пропажи и удостоверяющая мои права на перстень. 25 октября Юргенсон его выкупит, и ему же я поручил продать его.

Будьте здоровы, дорогая моя, и дай Вам бог счастливого путешествия. Как я буду рад, когда узнаю, что Вы уже у себя в Канне.

Беспредельно преданный и любящий

П. Чайковский.

160. Чайковский — Мекк

1883 г. сентября 28—30. Вербовка.

Вербовка,
28 сентября

Милый, дорогой друг!

Большую пустоту оставил здесь по себе Коля. Анна имеет сегодня весьма грустный вид, и весь дом как-то приуныл после веселых дней, которые Коля украсил своим присутствием. Да и нашу взбалмошную, оригинальную, но, в сущности, всё-таки добрую Тасю жаль. Если помните, милый друг, я писал Вам в прошлом году, что считаю для Таси не только нужным, но и необходимым быть несколько времени вне дома. Но ту жалость, которую она в Вас возбуждала, и я тоже испытываю. Натура ее такова, что ей трудно сродниться с институтской обстановкой, и я заранее знаю, что она опять будет жестоко тосковать в первое время.

Скажу Вам откровенно, дорогая моя, что хотя я не только люблю слушать некоторые оперы, но и сам их пишу, однакож Ваш взгляд на несостоятельность театральной музыки, повидимому, несколько парадоксальный, мне нравится. Точно так же, как Вы, смотрит на оперу Лев Толстой, который очень советовал мне бросить погоню за театральными успехами, а в «Войне и мире» он заставляет свою героиню недоумевать и страдать от фальшивой условности оперного действия[1]. Человек, подобно Вам, живущий вне общества и вследствие того отрешившийся от всякой условности, или, подобно Толстому, проведший долгие годы безвыездно в деревне, занимаясь исключительно делами семейными, литературой и школьным делом, должен живее другого чувствовать всю фальшивость и лживость оперной формы. Да и я, когда пишу оперу, чувствую себя стесненным и несвободным, и мне кажется, что, в самом деле, не напишу более никогда оперы. Тем не менее, нужно признать, что многие первостепенные музыкальные красоты принадлежат драматическому роду музыки, и авторы их были вдохновлены именно драматическими мотивами. Если бы не было вовсе оперы, то не было бы «Дон-Жуана», «Свадьбы Фигаро», «Руслана» и т. д. Конечно, с точки зрения простого здравого смысла бессмысленно и глупо заставлять людей, действующих на сцене, которая должна отражать действительность, не говорить, а петь. Но к этому абсурду люди привыкли и, слушая секстет [из] «Дон-Жуана», я уж не думаю о том, что происходит нечто, нарушающее требование художественной правды, а просто наслаждаюсь красотами музыки и удивляюсь поразительному искусству, с которым Моцарт сумел каждой из шести партий секстета дать особый характер, оттенить резкими красками каждое действующее лицо так,

что, забыв отсутствие правды в самой сущности дела, я поражен глубиной условной правды, и восхищение заставляет умолкнуть мой рассудок.

Вы говорите, милый друг, что в «Евгении Онегине» мои музыкальные узоры лучше канвы, по которой они вышиты. Я же скажу Вам, что если моя музыка к «Евгению Онегину» имеет достоинства теплоты и поэтичности, то это потому, что мое чувство было согрето прелестью сюжета. Вообще мне кажется, что, признавая за текстом Пушкина только красоту стиха, Вы несправедливы. Татьяна—не только провинциальная барышня, влюбившаяся в столичного франта. Она — полная чистой женственной красоты девическая душа, еще не тронутая прикосновением к действительной жизни; это мечтательная натура, ищущая смутно идеала и страстно гоняющаяся за ним. Не видя ничего подходящего к идеалу, она остается неудовлетворенной, но покойной. Но стоило появиться лицу, по внешности отличающемуся от среды пошло-провинциальной, она вообразила, что это — идеал, и страсть охватила ее до самозабвения. Пушкин превосходно, гениально изобразил мощь этой девической любви, и я с самых ранних лет моих всегда бывал потрясен до глубины души глубокою поэтичностью Татьяны после появления Онегина. Итак, если я горел огнем вдохновения, когда писал сцену письма, то зажег этот огонь Пушкин, и откровенно Вам скажу, вовсе не из напускной скромности, а вполне сознательно, что если моя музыка заключает в себе хотя десятую долю той красоты, которая в самом сюжете, то я очень горжусь и доволен этим. В сцене поединка я тоже усматриваю нечто гораздо большее того, что Вы пишете. Разве не глубоко драматична и не трогательна смерть богато одаренного юноши из-за рокового столкновения с требованиями светского взгляда на честь? Разве нет драматического положения в том, что скучающий столичный лев от скуки, от мелочного раздражения, помимо воли, вследствие рокового стечения обстоятельств, отнимает жизнь у юноши, которого он, в сущности, любит! Всё это, если хотите, очень просто, даже обыденно, но простота и обыденность не исключают ни поэзии, ни драмы.

30 сентября.

Я остался в Вербовке на несколько дней один. Все наши переехали сегодня в Каменку, но так как мое помещение переделывалось, и до сих пор не готово, то пришлось остаться на несколько [дней]. Впрочем, мне очень хорошо в моем одиночестве, которое от времени до времени я не только люблю, но нуждаюсь в нем.

Я, конечно, не ожидаю от Вас, дорогая моя, писем с дороги и даже прошу Вас не утруждать себя ими до тех пор, пока совсем

не устроитесь на зиму, но мне хотелось бы знать подробно, что Вы предпримете после Вены и куда мне писать Вам. Я буду благодарен Влад[ославу] Альберт[овичу], если он меня о том уведомит.

Беспредельно преданный и любящий Вас

П. Чайковский.

161. Мекк — Чайковскому

Москва,
1 октября 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Прежде всего позвольте поговорить о деле. Из Вашего письма я увидела, что Вы продаете Ваш перстень, то позвольте мне его приобрести, милый друг мой, и если Вы согласны, то не откажите сделать распоряжение Юргенсону, чтобы по выкупе его он доставил перстень к моему брату Александру в Кисельный переулок, в его собственный дом, а брат мой выдаст ему расписку, что он получил эту вещь для передачи мне. Так как я не знаю, за какую цену Вы назначили его к продаже, то посылаю в прилагаемом переводе в счет уплаты за него восемьсот рублей и прошу Вас, дорогой мой, сообщить мне в Вену, сколько я должна еще дослать Вам за эту вещь. Остальная сумма по переводу составляется из недосланных по октябрьскому сроку двухсот рублей и в счет февральского срока тысяча рублей.

Насчет ускорения свадьбы наших милых детей я совершенно согласна, милый друг мой, что нет причины откладывать ее так надолго, и я только протестовала бы, если бы они хотели устроить ее в м а е. Этого месяца я суеверно боюсь для бракосочетания, и так как для меня примерами подтверждалось дурное свойство этого месяца, то на него я ни за что бы не согласилась, а против апреля я ничего не имею, но к гостям Коли на его свадьбе я попрошу позволения у Александры Ильиничны прибавить мою Соню, которая жаждет быть на Колиной свадьбе, и мне было бы жаль лишить ее этого удовольствия, а я могу ее отпустить с моею Сашею; а за границу за нею, вероятно, приедет брат мой Александр, и тогда вместе с Сашонком они могут отправиться в Россию. Коля вчера уехал в Петербург. Мне было очень, очень грустно расставаться с ним, я так долго теперь его не увижу, но уже это такая участь матерей — всё расставаться с детьми. Слава богу, что у меня теперь хоть два сына при мне.

Мои дети были опять в «Евгении Онегине», потому что Юля не могла быть в первый раз, а Милочка очень упрашивала свозить ее второй раз. Вы не можете себе представить, милый друг мой, какой великолепный слух у этой девочки. Она приезжает из театра и на другой день по слуху подбирает на рояле мотивы, которые ей понравились, и совершенно верно; теперь она всё играет арию Ленского. Успех «Евгения Онегина» громадный, билеты надо заказывать за несколько дней; театр был переполнен оба раза. Как это меня восхищает! Наконец-то наша публика начинает ценить и свое. Влад[ислав] Альб[ертович] был оба раза в «Евгении Онегине» и в восторге от инструментовки. Он кончил свои уроки с Губертом. Ах, à propos de*

---

* по поводу

Губерт я давно собираюсь спросить Вас и всё забываю: правда ли, что его жена перед своим замужеством за него выиграла на государственный билет семьдесят пять тысяч рублей? Я тогда слышала это от многих, но не всегда правду повторяют, Вы же, вероятно, это знаете достоверно, друг мой, а мне интересно это знать.

Если ничто не помешает, то я хочу выехать во вторник, в Варшаве остановлюсь на одну ночь для отдыха, потом в Вену, где пробуду до тех пор, пока дадут «Тристана и Изольду»,— так я обещала моей публике. Потом, вероятно, в Париж дня на три, оттуда в Toulouse, где мне надо посмотреть несколько рекомендованных мне дач, и потом в Cannes на всю зиму. Надеюсь, дорогой мой, что в Вене я найду от Вас письмо с ответом о перстне, а также и о выигрыше M-me Губерт. Скажите, что он собирается делать.

Прощайте до нового письма, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы и покойны. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Я очень рада, что Таня уехала; это лучше и для нее и для всех.

По обыкновению, я посылаю перевод в отдельном пакете.

162. Чайковский — Мекк

Каменка,
5 октября [1883 г.]

Дорогой, милый друг!

Сегодня переехал в Каменку и нашел два письма Ваши, из коих одно заключает в себе перевод. Премного, бесконечно благодарю Вас за него!

Относительно перстня будет исполнено согласно Вашему желанию. Двадцать пятого числа Юргенсон передаст его Александру Филаретовичу. В официальной бумаге, извещавшей меня о пожаловании перстня, он назван: драгоценный подарок в тысячу пятьсот рублей. Но я наверное знаю, что этой цены никто не даст за него. Юргенсон поручал своему петербургскому брату (по моей просьбе) узнать в кабинете его величества, не выдают ли они вместо подарка соответствующую ему сумму. На это отвечали, что они вместо пожалованных подарков денег не выдают, но что поставщик кабинета петербургский бриллиантщик Буц принимает поставленные им вещи назад, только выдает деньги с вычетом пятнадцати процентов. Следовательно мне бы он выдал вместо тысячи пятисот — тысячу двести семьдесят пять. Но я боюсь, что не совсем точно передаю то, что мне объяснял Юргенсон, а потому опасаюсь, что назначаю слишком большую сумму, и, если позволите, я сначала еще раз об этом осведомлюсь и потом напишу Вам. M-me Губерт ничего никогда

не выигрывала, но (il n'y a pas de fumée sans feu)* ее мать действительно несколько лет тому назад выиграла, только, кажется, не семьдесят пять тысяч, а меньше. Об этом тоже я разузнаю точнее.

Лев Васильевич заново отделал мое каменское помещение. Вследствие этого произошла задержка, и мне пришлось четверо суток прожить в Вербовке одному. Я усиленно работал и не заметил, как время прошло. Думаю, что инструментовка сюиты через неделю будет готова. Пишу наскоро, дабы сегодня же пошло письмо и застало бы Вас в Вене.

Бесконечно, глубоко благодарен Вам!

Ваш П. Чайковский.

Я ужасно радуюсь успеху «Онегина».

163. Чайковский — Мекк

1883 г. октября 11—19. Каменка.

Каменка,
11 октября.

Милый, дорогой друг мой! Так ли хорошо там, где Вы теперь находитесь, как у нас? Здесь вот уже несколько дней стоит такая чудная, теплая, ясная погода, какой в это время года я и не запомню. Благодаря теплу и хозяйственные дела идут хорошо. Хлеб, который только в самое недавнее время могли посеять, теперь взошел хорошо, и сердце Льва Васильевича, который приходил уже в совершенное отчаянье, покойно за будущую озимь.

Я, с своей стороны, как-то особенно наслаждаюсь этими хорошими днями. Быть может, это оттого, что моя работа почти кончена, и, следовательно, будучи совершенно покоен, я не поглощен пока еще новыми сочинительскими затеями, имею возможность живее чувствовать наслаждение от этих чудных осенних дней.

Сюита моя состоит из пяти частей, а именно следующих:

1) Jeu de tons,
2) Valse,
3) Scherzo burlesque,
4) Rêves d'enfant,
5) Danse baroque.

Оркестровку я уже кончил, теперь делаю переложение на четыре руки, и часть этой последней работы поручил г-же Губерт, которая уже не раз аранжировала мои вещи. В общем,

---

* (нет дыма без огня)

я очень, очень доволен этим сочинением, но, впрочем, это повторение всё той же истории, т. е. я очень нежно люблю всякое свое чадо тотчас после появления его на свет, пока оно вполне мое и никто его не знает, но как только оно сделалось достоянием публики, я охладеваю к нему.

19 октября.

Только что вернулся из Киева, куда ездил для получения денег и вообще по некоторым делам. Оттуда же я отправил уже в Москву мою новую сюиту. Пока я был в Киеве, все наши каменские тоже отсутствовали; они были в Елизаветграде на крестинах у племянницы Льва Васильевича, Вари Самберг. Приехавши вчера, я был очень обрадован веселым и бодрым видом сестры моей, которая в последнее время беспокоила меня своим смертельно-грустным настроением. Я тотчас же догадался, что от Тани письмо без дурных известий; так и вышло. Если б Таня имела более теплое и любящее сердце, она бы остерегалась без надобности своими пустячными жалобами на судьбу убийственно огорчать отца и мать. Нужно Вам сказать, дорогая моя, что ее роман с Ферре кончился довольно обидно для нее. Здесь она всем рассказывала о его безумной любви; но оказалось, что безумно влюбленный успел посвататься во время двухмесячного отсутствия молодую соотечественницу и, встретившись с Таней у доктора Шарко, сам весьма просто сообщил ей об этом. Отсюда отчаянный тон Таниных писем, чуть было опять до болезни не доведших сестру.

Я получил ответ от М-me Губерт; она никогда ничего не выиграла в государственную лотерею.

Погода продолжает стоять изумительная, и я в Киеве ходил по улицам, как в Италии зимой — без пальто.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

164. Чайковский — Мекк

Каменка,
25 октября [1883 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Думаю, что это письмо уже застанет Вас в Cannes. Желаю от всей души, чтобы пребывание Ваше там было для Вас во всех отношениях благоприятно.

У нас здесь всё идет благополучно. Погода стоит всё время чудная, солнечная, с легким приморозком по утрам. К сожалению, воздух в Каменке в это время года бывает до того заражен миазмами из гниющего Тясмина (реки каменской), что нужно очень, очень далеко уходить, чтобы подышать чистым воздухом.

Вероятно, в прошлом моем письме по поводу окончания сюиты я писал Вам, что теперь я заслужил право отдыхать, и этим правом намерен широко воспользоваться. Я это всякий раз говорю, когда освобождаюсь от большой работы, и с наслаждением помышляю о временном безделье. Но всякий раз это оказывается пустыми словами. Как только наступает отдых, я начинаю тяготиться бездельем, выдумываю новую работу, увлекаюсь ею и снова начинаю с излишнею и никому не нужною поспешностью стремиться к окончанию нового труда. Вероятно, мне суждено весь свой век торопиться что-то окончить; знаю, что это вредно отзывается и на моих нервах и на самых моих работах, но преодолеть себя не могу. Только в путешествии я поневоле настоящим образом отдыхаю, оттого-то мне всегда так полезны и благоприятны для здоровья всякие поездки, и от этого-то я, должно быть, никогда и нигде не буду жить оседло и кочевать буду до последнего своего дня. Я пишу теперь сборник детских песен, о коем уже давно помышлял[1]. Работа эта очень увлекает меня, и кажется, что песенки эти выходят удачно. Еще ничего не слышно о постановке «Мазепы», и я был бы чрезвычайно рад, если бы мне подольше можно было здесь остаться. Не могу без содрогания думать о предстоящих мне мучениях при разучивании «Мазепы», особенно Петербург меня пугает невыразимо.

Дай господи Вам здоровья и всяких благ, милый друг мой.

Ваш, беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

Многие мои письма стали пропадать; быть может, и Вы некоторых не получили.

Прошу Вас, дорогой друг, всем Вашим передать мои поклоны. Какая милая Софья Карловна, что пишет Анне; последняя ужасно тронута этим.

165. Мекк — Чайковскому

Cannes,
30 октября 1883 г.

Милый, бесценный друг мой! Наконец-то я могу написать Вам хоть несколько слов. Третьего дня мы добрались до Cannes, где я нашла Ваше дорогое письмо, за которое премного благодарю Вас,

милый друг мой. В настоящую минуту мы находимся в полном разгаре хлопот по устройству своей дачи. Остановились мы в гостинице, пока устроим всё на даче, и я надеюсь завтра перейти. Главный деятель в этом устройстве, как всегда, Владислав Альбертович; я же хотя ничего не исполняю сама, но всё назначаю сама, так что все обдумать, придумать и распорядиться — это уже находится à ma charge*. Погода и температура у нас прелестные, но этот хронический необузданный ветер приводит меня в отчаяние.

От своего бедного, одинокого Коли я получаю письма очень часто; теперь он ждет — не дождется приезда своей дорогой Анны. Меня очень радует, что он так усердно занимается своею службою, жаль мне только очень, что Блюменфельд или Блюменталь (вообразите, милый друг мой, что я ни за что не могу затвердить, которое из этих двух имен принадлежит начальнику Коли), что он уходит.

Очень Вам благодарна, дорогой мой, за сведение в ответ на мою просьбу о фальшивом выигрыше М-me Губерт, но, вероятно, этот слух именно взялся с того, что выиграла ее мать, как Вы мне писали, а она же, быть может, единственная дочь; ну вот для краткости и говорят, что она выиграла.

Благодарю Вас очень, очень, дорогой друг мой, за сообщение мне о Вашей новой сюите. Первый номер (Jeu de tons), должно быть, образцовый, потому что по этой части Вы неподражаемы: у Вас везде встречаются такие неожиданные и такие умные (извините за выражение) последования тонов, что подпрыгнешь на стуле от изумления, когда увидишь. Скажите, милый друг мой, что такое «Danse baroque», что это за Danse, я в первый раз встречаю такое название танца. Я с большим нетерпением буду ждать появления сюиты в четыре руки; для меня это единственное средство узнать Ваше сочинение. Я до сих пор еще не ознакомилась с «Мазепою»; такая суета, что никто не может толково присесть к роялю. Влад[ислав] Альб[ертович] составляет себе квартет, тогда я надеюсь побольше слушать музыки.

О Татьяне Львовне я уже много сокрушалась. В Париже я уже легко поняла, чем кончился роман, и бесконечно жаль мне ее, и боюсь я ужасно за нее; я не знаю, чего бы я не дала, чтобы для нее скорее нашелся порядочный человек в мужья, а то такая жизнь ее, как теперь, куда как опасна. Сашок очень часто бывал у Т[атьяны] Л[ьвовны] в Париже, Соня и Милочка также были у нее два раза, но застали дома один раз, потом в Opéra Comique, и Юля познакомилась с Т[атьяною] Л[ьвовною], и все, конечно, в один голос говорят, что она красавица; тем страшнее,— избави ее бог от недобрых людей.

Прошу Вас, дорогой мой, скажите нашей милой Анне, что я ее обнимаю крепко, крепко, как люблю, и что для меня служит отдыхом от тяжелых впечатлений и мыслей перенести свои думы на ее чистый, благородный образ. Я не только надеюсь, что она всегда будет такова, как теперь, но я ожидаю, что она сделается еще выше, еще лучше, чем теперь, потому что для ее теплого, благородного сердца расширится сфера деятельности.

Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг, и не забывайте всем сердцем безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

---

* на моей обязанности

166. Чайковский — Мекк

Каменка,
1 ноября [1883 г.]

Дорогой, бесценный друг!

Прежде всего позвольте сказать несколько слов о перстне. Сегодня утром я получил письмо от Юргенсона, которое очень раздражило меня и обеспокоило. Отвечая на мой вопрос о выкупе перстня, он пишет, что будто этого нельзя теперь сделать, а нужно ждать двадцатых чисел ноября, о чем, как он говорит, он уже прежде писал мне. Но или я письма его не получил, или (что гораздо вероятнее), по свойственной ему рассеянности, он смешал октябрь с ноябрем. Да и с какой стати нужно ждать еще месяц, когда именно был назначен трехмесячный срок, т. е. от 25 июля до 25 октября. Как бы то ни было, но я сейчас сам был на станции и отправил к Юргенсону телеграмму, прося его немедленно выкупить перстень и доставить по принадлежности, или дать мне объяснение, почему теперь не выдают перстня. А Вы, ради бога, простите, дорогая моя, если я невольно ввел Вас в обман, т. е. доставлю перстень месяцем позже.

Я был бы совершенно доволен и счастлив здесь, если б не та болезненная суетливая потребность в спешной работе, из-за которой без всякой надобности я страшно себя утомляю. Я, кажется, писал Вам, милый друг, что принялся за сочинение детских песенок. Это было бы приятным для меня отдохновением, если б тотчас же в пылу увлечения я не набросал множество эскизов, которые теперь жажду скорее выполнить. К чему эта торопливость? Чувствую, как это глупо, и не могу удержать своего бессмысленного рвения. Мало того. Вздумалось мне возобновить изучение английского языка; и это было бы хорошо, если б я делал свои, самим собой задаваемые уроки понемножку, на досуге. Нет, во мне загорелось неудержимое стремление поскорее выучиться настолько, чтобы свободно читать Диккенса, и вот я и этому занятию посвящаю несколько часов, так что буквально, за исключением обеда, завтрака и обязательной прогулки, я ни минуты не провожу иначе, как изо всей силы спеша что-то кончить. Это решительно болезненное явление. Но, к счастию, скоро моей лихорадочной деятельности будет положен поневоле предел, так как в скором времени предстоит вызов меня в Москву на постановку оперы.

Погода у нас стоит всё время удивительная. Вчера выпал порядочный дождь, а сегодня опять светло, тепло, чудно.

Жду с нетерпением известия о том, как Вы устроились и как себя чувствуете на новом месте. Откровенно должен признаться Вам, что, несмотря на все красоты местности и на климат, я не люблю ни Ниццы, ни Ментоны, ни Канны, и я не испытываю, думая о Вас, того радостного чувства, какие всегда имел, когда Вы жили в Италии, в настоящей Италии. Тем не менее рад, что Вам тепло. Будьте здоровы, дорогая,—это главное.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

167. Чайковский — Мекк

Каменка,
15 ноября [1883 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Завтра я уезжаю в Москву, если только здоровье, которое не совсем в порядке, поправится к завтрому совершенно. Хотелось бы очень еще несколько дней здесь остаться, дождаться Коли, который на днях должен быть здесь из Екатеринослава, да и как-то грустно расставаться с моей здешней уютной комнаткой и с милыми здешними родными, но меня усиленно просят быть в Москве в субботу. В этот день в Муз[ыкальном] общ[естве] исполняется моя Первая симфония. Не знаю, известно ли Вам это мое сочинение. Хотя оно во многих отношениях очень незрело, но, в сущности, содержательнее и лучше многих других, более зрелых. К сожалению, как партитура, так и четырехручное переложение изданы до крайности небрежно и до того переполнены опечаток, что едва играть возможно.

У нас наступила скверная малороссийская зима, т. е. океан слякоти, сырость и холод, но не сухой, как на севере. Там зима лютее, но гораздо приятнее. Я люблю две крайности зимы: или московскую или итальянскую. Кажется, что и в нынешнем году я буду лишен удовольствия прожить зимой несколько месяцев в Италии. Едва успею справиться с постановкой оперы в Москве, как нужно будет для той же цели спешить в Петербург, а там уж и великий пост наступит, приблизится день свадьбы Коли с Анной, и, может быть, не стоит будет ехать на короткое время за границу. Впрочем, я ничего еще не знаю, кроме того, что без ужаса, страха и волнения не могу помыслить о предстоящем пребывании в столицах.

Дня три тому назад я простудился и вот всё не могу вполне оправиться от легкого лихорадочного состояния. Но, вероятно, завтра я буду совершенно здоров.

Желаю Вам, бесценный друг, всякого благополучия. Теперь уже буду писать из Москвы.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Позвольте Вам рекомендовать, если Вы ее еще не читали, переписку княжны Туркестановой с Christin, которая печаталась в «Русском архиве» 1883 г.[1]

168. Чайковский — Мекк

Москва,
23 ноября [1883 г.]

Милый, дорогой, лучший друг мой!

Вот я и в Москве. Не удивляйтесь и простите, ради бога, что отныне до самого конца моего пребывания здесь и в Петербурге я буду писать Вам и не часто и не много. Как водится, я с утра до вечера нахожусь здесь среди бешеного коловращения городской жизни и не имею тихих, досужных часов для беседы с Вами. Буду только вкратце извещать Вас о всём происходящем со мной. Приехал я сюда в субботу на прошлой неделе. Присутствовал в концерте Музыкального общества, на коем исполнялась моя симфония, шестнадцать лет не исполнявшаяся[1]. Меня очень восторженно вызывали, и было это, как всегда, и приятно и лестно, но в то же время мучительно тяжело. Постановка оперы моей затянулась надолго. Так всегда бывает с казенной дирекцией театров: обещаются сделать очень много, очень хорошо и никаких обещаний не исполняют. Не только не происходит репетиций, но даже не начали писать декораций, и, по всей вероятности, ранее конца января моей опере не суждено быть исполненной.

Остановился я в гостинице Кокорева у Москворецкого моста, и попрошу Вас сюда адресовать мне письма, ибо я проживу всё это время здесь. Только теперь ненадолго съезжу в Петербург повидаться с братом Модестом и, может быть, похлопотать в дирекции театров насчет оперы. Засим весь декабрь и январь, вероятно, проведу в Москве.

Вчера в обществе первенствующих здешних музыкантов играл свою новую сюиту и заслужил большие похвалы.

Будьте здоровы, дорогая моя, и дай господи Вам всякого блага!

Ваш П. Чайковский.

169. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
2 декабря [1883 г.]

Пишу Вам из Петербурга, милый, дорогой друг мой! Приехал я сюда вчера исключительно для свидания с братом Модестом. Оперные мои дела затянулись, и постановка, как петербургская, так и московская, отложена в обеих столицах до второй половины января. Теперь мне, собственно, нечего делать ни здесь, ни там, и приходится сожалеть, что так рано уехал из Каменки, где бы мог спокойно и по-своему прожить до нового года. Здесь я узнал, что наши каменские и Коля должны весьма скоро приехать в Петербург и что будто бы 15 января предполагается свадьба. Всё это дошло до меня покамест в виде смутного слуха, очень удивившего меня, так как при моем отъезде из Каменки ничего подобного не предполагалось. Жду с нетерпением их приезда, чтобы наверное узнать, какие у них планы и предположения и вследствие чего вместо апреля свадьба будет в январе.

Невозможно мне выразить Вам, до чего гнетущее действие имеет на мое настроение Петербург. Кроме более или менее серьезных причин, делающих для меня пребывание в этой столице казенности тяжелым и почти невыносимым, прибавьте еще этот ужасный климат! В Москве уже давно установилась чудесная русская зима, здесь—ни снежинки, а между тем холодно, ветрено, мрачно, и утром до того темно, что едва писать можно у окна...

Может быть, у с п е х «Мазепы» (который для меня далеко еще не верен) вознаградит меня за все неприятности, которые ради этой оперы придется пережить, но я поклялся никогда больше не писать опер, из-за которых добровольно лишаю себя счастья жить на свободе.

Несколько дней тому назад кольцо мое выкуплено и доставлено к Александру Филаретовичу.

Как-то болезнь глаз Ваших? Не беспокою ли я Вас чтением писем моих? Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

170. Мекк — Чайковскому

Cannes,
5 декабря 1883 г.

Мой дорогой, несравненный друг! Простите ради бога, что я так давно Вам не писала, но если бы Вы знали и состояние моего здоровья, и кучу дел, которые я имею, и массу тяжелых минут и неприятностей,

которые я испытываю, то Вы простили бы меня. Вот и теперь я стараюсь писать, не глядя на бумагу, потому что один глаз совсем плох, и никакие средства не помогают, а между тем я хотя, как кажется, и редко пишу, но, тем не менее, мне приходится очень часто писать по пяти дней сряду, что, конечно, утомляет глаз ужасно, потому что болезнь его первая.

Мне тем более неприятно, что я так долго не писала Вам, что мне надо очень и очень просить у Вас прощенья за то, что я позволяю себе трактовать о Ваших сочинениях, как я это сделала в прошлом моем письме по поводу Вашей новой сюиты. Хотя в моих мнениях всегда заключается удивление и поклонение Вашим творениям, но мне показалось, что Вам не понравилось это в прошлом моем письме, но, дорогой мой, Вы же сами избаловали меня правом говорить всё, что я думаю и чувствую, с Вами одним я только и позволяю себе это.

Вчера мы были испуганы пожаром, случившимся у нас на даче, но слава богу, что еще никто не спал, и поэтому ограничилось одною комнатою, которая, однако, вся в разрушении. Пожар этот произошел в Сашонкиной комнате, и, должно быть, по неосторожности его человека (русского, конечно), загорелся занавес на кровати.

Вы уже знаете, милый друг мой, что я купила себе второе Плещеево во Франции. Я называю его так потому, что оно размерами подходит к Плещееву, но оно еще красивее,— это очень изящный уголок. Как бы я была счастлива, если бы Вы когда-нибудь заглянули ко мне туда. Именьице это, как Вы знаете, друг мой, находится в Touraine, а ведь Вы знаете, конечно, что Touraine, c'est le jardin de la France*, но климат там гораздо суровее, чем на берегу Средиземного моря. Когда мы были в Tours, там был мороз в пять градусов, но, конечно, на один день, а на другой уже было полтора градуса тепла, но для моих детей лучше, чтобы не было так слишком тепло, как в Cannes, потому что ведь им всё же придется жить в России, а мне надо быть осторожною.

Получили ли Вы, друг мой, мое последнее письмо в Каменку? Мне почему-то кажется, что нет.

Я должна буду ехать на днях опять в Tours, совершить купчую на Château Belair и войти во владение, и я с большим страхом поеду после вчерашнего пожара. Мне очень обидно, дорогой мой, что Вы с каким-то méfiance** относитесь к Cannes. У нас до того хорошо, что если бы не ветер, который бывает ужасен, то с этою страною расстаться бы нельзя. Я уверена, что если бы Вы могли очутиться в одном из здешних садов при частной даче, то Вы написали бы такое сочинение, которое бы с ума сводило человечество. Этот сад в этой природе до того восхитителен, что я немела от восторга. Нигде в Италии не существует ничего подобного.

Вы спрашивали, дорогой мой, известна ли мне Ваша Первая симфония, то она, конечно, у меня есть в четыре руки, но я принималась ее разыгрывать не менее десяти раз с разными пианистами и ни разу не могла окончить, так как она трудная. В оркестре я ее никогда не слышала. Debussy, этот французик-пианист, который жил у меня, всегда очень восхищался ею и всегда спрашивал меня, отчего Monsieur Чайковский переменил направление в музыке. Ведь, действительно, если Вас читать в Четвертой симфонии и в Первой, то Вы — два разные человека, но *я* больше люблю Четвертую симфонию. В ней Вы вполне

---

* Турен — это сад Франции

** недоверием

зрелый человек, не стремящийся, как ученик, выкладывать весь свой запас знаний, чтобы заставить сказать: «Ах, какой ученый!». В Четвертой симфонии слышишь просто человека самого с его думами, чувствами, впечатлениями, а Вы знаете, милый друг, что я больше всего люблю такую музыку. Но вот я опять трактую о Ваших сочинениях. Если Вам это неприятно, то, пожалуйста, дорогой мой, скажите мне это без церемонии, и я буду молчать.

Вам, конечно, известно, милый друг мой, что свадьба наших детей будет гораздо раньше, т. е., вероятно, около 15 января. Я очень рада этому; авось-либо я дождусь увидеть их. Не могу больше писать, хотя бы хотелось бесконечно говорить с Вами. До свидания в следующем письме, дорогой, бесценный друг мой. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Какая отвратительная эта дирекция, что оттягивает представление «Мазепы»; когда это у нас будет что-нибудь по-людски.

Вся моя публика свидетельствует Вам свое глубочайшее почтение. Влад[ислав] Альб[ертович] устроил себе квартет и теперь играет Haydn'a. Это очень полезно, но занимательно может быть только для музыканта.

171. Чайковский — Мекк

Москва,
11 декабря [1883 г.]

Как могли Вы думать, бесценный, лучший друг мой, что я могу на Вас сердиться за что бы то ни было, а тем более за высказываемые Вами мнения о моей музыке? Я могу с мнениями Вашими не соглашаться, но никак не гневаться за то, что они не всегда одинаковы с моими. Совершенно напротив, я всегда бываю глубоко тронут теплым чувством, с которым Вы говорите о моей авторской деятельности, а оригинальность и самостоятельность Ваших суждений мне всегда очень нравилась. Например, мне, несмотря на то, что я написал шесть опер, весьма нравится, что Вы считаете оперу, сравнительно с симфонической и камерной музыкой, низшим родом искусства. В сущности, я и сам всегда сознавал это и, кажется, навсегда теперь уж отказался от сценической музыки, хотя нельзя не признать, что опера имеет то преимущество, что дает возможность влиять на музыкальное чувство масс, тогда как симфонист имеет дело с избранной, малочисленной публикой.

Итак, будьте уверены, что мне не могло быть неприятно то, что Вы написали по поводу Второй сюиты, но только, к моему величайшему огорчению, письма Вашего, в котором заключается касающееся сюиты, я не получил, а почему — не знаю. Про-

надо ли оно на почте или мне забыли его переслать (в случае, если оно пришло в Каменку по моем отъезде), это мне неизвестно.

Живу я здесь не так, как бы хотелось, но всё же сносно. Жизнь в Москве могла бы даже быть мне приятна, если бы не неизбежная необходимость бывать в гостях и терять самым непроизводительным образом всё свое время.

Я мечтаю о весенней поездке за границу, и, быть может, мне удастся увидеть Ваш замок.

Об опере ни слуху ни духу. Для меня в высшей степени неприятно и неудобно во всех отношениях это замедление.

Невыразимо обрадован был письмом Вашим, но всё же умоляю Вас беречь глаза Ваши и писать как можно меньше.

Ваш П. Чайковский.

172. Мекк — Чайковскому

Tours.
15 декабря 1883 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Пишу Вам только несколько слов, потому что совсем больна, простудилась и теперь сижу в комнате и мучусь. Пишу Вам для того, дорогой мой, чтобы очень, очень от всего сердца поблагодарить Вас за исполнение моей просьбы и доставление перстня к брату моему; я очень буду счастлива обладанием вещи с таким значением, как эта, но только, дорогой мой, Вы мне ничего не пишете, сколько я Вам должна за эту вещь; не откажите сообщить мне это.

Мы приехали в Tours, чтобы делать купчую на Belair. В дороге я простудилась и теперь не могу выйти из комнаты, тогда как дела здесь очень много, надо устроить всё так, чтобы можно было в марте приехать, дожить до лета, и мне очень обидно, что я только из комнаты могу руководить всем и не могу поехать в свою собственность. Со мною приехали Юля и Сашок и, конечно, Влад[ислав] Альб[ертович], так как он — главный деятель в этом деле. Сашонка я взяла, главным образом, для того, чтобы оторвать его немножко от занятий, а то он с л и ш к о м усердно занимается. Я боюсь за его здоровье, а ему свойственны такие крайности,— как примется заниматься, так уж, не отрываясь от книги, никуда не выходит и ни на что другое не обращает внимания. Другие мои все, слава богу, здоровы. Соня ждет — не дождется Колиной свадьбы. Это такая эпоха в ее жизни: она никогда никакой свадьбы не видала. Я очень спешу здесь кончить все дела, чтобы успеть к празднику вернуться в Cannes к своей младшей публике. Макс также очень хорошо занимается; у него очень хороший профессор математических наук, отставной морской офицер, старик уже. Макс выпросил также позволение учиться на фортепиано играть. У них учительница музыки — хорошая пианистка, воспитанница парижской консерватории, молодая женщина. Мне очень хочется, вернувшись в Cannes, устроить побольше музыки в доме, квартетов, трио и игры на фортепиано solo; единственное мое развлечение, наслаждение и облегчение в жизни — это музыка. Перед

моим отъездом из Cannes. Вечером, мне играли Влад[ислав] Альб[ертович] и Сашок Andante из Вашего Третьего квартета. Что это за божественная музыка, и каким надо быть человеком, чтобы написать ее! Я доходила до изнеможения от восторга. Чего там нет, в этой музыке: там есть таинственность смерти, окруженная известною внешнею формою, там есть тоска о потере дорогого человека, там есть проблеск надежды на свидание в будущей жизни. Боже мой, как это всё хорошо! Никакими словами этого выразить нельзя, это надо быть отмеченным самим богом, для того чтобы творить такую музыку. Будьте Вы благословенны, тот, который доставляет измученному человечеству такие минуты божественного наслаждения. Я обожаю Вас, боготворю, я благодарна Вам до бесконечности!

Под таким воспоминанием ничего больше другого писать не возможно. Прощайте, мой бесценный, не забывайте горячо и беспредельно любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

173. Чайковский — Мекк

Москва,
21 декабря [1883 г.]

Милый, дорогой, бесценный друг!

Проходят дни за днями томительно скучной чередой, и вот уже более месяца, что я живу в Москве без всякого дела, не имея возможности даже хотя бы читать что-нибудь, не говоря уже о том, что я поневоле запустил всю свою корреспонденцию и, между прочим, так редко пишу Вам, дорогая моя! Но что же делать мне? С утра до вечера я должен то принимать к себе людей, имеющих до меня надобность, или бывать в гостях. У меня нехватает характеру, чтобы, рискуя обидеть или огорчить того или другого, решительно отказываться от приглашений, и вот в результате — масса бесплодно и тоскливо потраченного времени. Иногда я утомляюсь до отупения и полного умственного и нравственного изнеможения. И конца этому не предвидится, ибо до сих пор еще и речи нет о постановке оперы. Нет, не гожусь я в городские жители!

Здесь в одной гостинице со мной живет старый приятель мой Ларош. Я, кажется, писал Вам летом о том умственном упадке, в котором я нашел его в мае в Петербурге. Приглашение в число профессоров консерватории сначала несколько оживило его, и в «Моск[овских] вед[омостях]» в начале осени появилось несколько статеек его. Но вскоре он опять впал в состояние полнейшей неспособности к труду, и когда я приехал в Москву, то он всё свое время проводил, лежа в постели, ничего не делая и предаваясь мрачной ипохондрии. Недавно, чтобы возбудить его к деятельности, я предложил ему приходить к нему ежедневно

на два часа, дабы писать под его диктовку статью в «Русский вестник». Это так польстило и так тронуло его, что половина большой статьи, которую Вы, вероятно, прочтете в следующем номере «Русского вестника», уже готова и сдана в печать[1]. Меня очень занимает вообще вопрос об умственном возрождении этого необычайно, феноменально даровитого человека, но, к сожалению, сомневаюсь, чтобы без постоянных толчков, даваемых рукою дружественно расположенного человека, он мог что-нибудь теперь сделать. Ему нужна нянька. Эту роль я взял на себя, ибо свободен от дела. Когда уеду, знаю, что он снова впадет в обломовщину.

На днях я был очень тронут овацией, которую мне сделали в женской гимназии Фишер. Начальница этого заведения уже несколько раз писала мне письма с выражениями горячей симпатии к моей музыке. Теперь она убедила меня принять приглашение на музыкальный вечер в гимназии, и на днях я был там. Меня встретила г-жа Фишер, окруженная преподавательницами и пансионерками. После этого началось хоровое исполнение целого ряда моих сочинений. Пели эти девочки прелестно, и хоть мне и немножко неприятно было быть предметом всеобщего внимания, но я не мог не быть тронутым необыкновенно горячею симпатией, которую в течение всего вечера выражали мне все присутствовавшие.

Вы спрашиваете, дорогой друг, сколько Вы мне должны за перстень. Это слово странно звучит в моих ушах по отношению к Вам, но я вследствие разных причин и, в особенности, вследствие того, что опера моя вместо ноября пойдет лишь в феврале, потерпел такое разочарование в своих расчетах на обильную поспектакльную плату и, короче говоря, настолько нуждаюсь в деньгах, что без околичностей и прямо попрошу Вас при посылке половины февральской бюджетной суммы (первую половину Вы уже прислали мне) приложить к ней и остаток суммы, в которую я оцениваю перстень. Я писал Вам еще из Каменки, что из кабинета его величества мне выдали бы за перстень не тысячу пятьсот рублей, в которую он официально ценится, а лишь тысячу триста пятьдесят (т. е. с вычетом десяти процентов). Вы уже прислали мне вперед восемьсот рублей, следовательно, теперь я беру смелость просить у Вас еще пятьсот, которые, будучи приложены к половине февральской бюджетной суммы, составят тысячу пятьсот рублей. Эту сумму я бы попросил Вас прислать мне несколько ранее 1 февраля, ввиду действительно несколько затруднившегося финансового моего положения. Ради бога, простите бесцеремонность!

Недавно приехал Лев Васильевич. Брат Модест собирается

[быть на] праздники в Москве, чтобы отдохнуть от своей суетной петербургской жизни. Он, подобно мне, очень недолюбливает Северную Пальмиру и, подобно мне, любит Москву. Как ни тяжело мне вести здесь бестолковую и поневоле безделную жизнь, но моя симпатия к Москве остается всё же сильной и теплой. Есть какая-то особенная прелесть в этом оригинальном, странном городе, и кто раз проникся к нему любовью, тот, несмотря на всю грязь и все неудобства его, никогда его не разлюбит.

Поздравляю Вас, дорогая моя, с Новым годом и молю бога, чтобы он охранил Вас от всякого зла! Всем Вашим прошу передать мои благие пожелания.

Беспредельно преданный Вам
П. Чайковский.

174. Мекк — Чайковскому

Cannes,
23 декабря 1883 г.

Милый, несравненный друг мой! Возвратясь из Tours, я имела величайшую радость найти в Cannes Ваше дорогое письмо. Как мне обидно, что мои письма не все доходят до Вас. Когда несчастному человеку, как я, так редко достается возможность побеседовать по душе, то хотелось бы, чтобы это доходило по назначению*, и очень уж обидно, когда письма пропадают. (Как мне совестно за такое писанье, но эти перья меня совсем с панталыку сбили, а переписывать не по силам.)

Не подумайте, дорогой мой, чтобы я в своем пропавшем письме говорила что-нибудь невыгодное о Вашей новой сюите. Сохрани бог, это невозможно, напротив, я говорила Вам, что жду ее появления в четыре руки с величайшим нетерпением, потому что ужасно люблю такого рода музыку, и что меня особенно интересует номер Jeu de tons (кажется, так), потому что это у Вас бесподобно; в Ваших сочинениях встречаются постоянно такие неожиданные и такие у м н ы е последования, что подпрыгнешь на стуле от удивления, когда их увидишь [1].

Так вот мне показалось, дорогой мой, что Вам может не понравиться выражение «у м н ы е», потому что, конечно, иначе у Вас и быть не может, и не мне, pauvre ignorante**, делать такие определения, но я так привыкла писать Вам в с ё, как мне в голову приходит, что я никогда не останавливаюсь перед выражением.

Получили Вы, дорогой мой, еще одно мое письмо, посланное на днях?

А свадьба нашей милой парочки, кажется, будет еще раньше, одиннадцатого, как Коля пишет; когда бы ни была, пусть будет только на счастье. Приехать кому-нибудь за Сонею так трудно, что

---

* Простите, дорогой мой, мне попалась серия каких-то изумительных перьев, которые не пишут, а мажут. *(Примечание Мекк.)*

** бедной невежде

я решаюсь отпустить ее вдвоем с Сашонком. Бог даст, доедут благополучно, а там Соня сейчас поступит на попечение к Саше (Беннингсен), а также и нашей милой Анны. Теперь на свадьбе Вы познакомитесь, дорогой мой, с моею Сашею. Хотелось бы мне очень, очень, чтобы Вы нашли ее так, как она этого заслуживает, но прошу Вас заранее, милый друг мой, сказать мне Ваше мнение о всех моих совершенно откровенно.

У нас теплота удивительная, зелень и свежесть природы восхитительные. На днях я собираюсь прокатиться в Ниццу, чтобы доставить детям какое-нибудь развлечение на наши праздники.

Как я буду счастлива, дорогой, милый друг мой, если Вы освятите мой Belair Вашим присутствием и приедете погостить в нем весною. Мне очень совестно, что Вы называете его замком, милый друг мой. Это такой объектик, который можно назвать château, но нельзя называть замком, потому что у нас со словом замок соединяется понятие о чем-то грандиозном, значительном, а ведь это маленький помещичий домик, построенный в стиле Louis XIII. А ведь Вы, вероятно, знаете, милый друг мой, что это самый некрасивый стиль из всех французских стилей; поэтому, когда Вы подъедете к нему, то Вы никак не предположите того помещения, какое он заключает в себе, потому что он довольно поместителен. Но вообще Belair очень красив своим местоположением, необыкновенно поэтичным и в то же время веселым, полным жизни parce que vous savez, Touraine c'est donc le jardin de la France*. Эту фразу я слышала раз десять от каждого француза, с которым касалась речь [o] Touraine. Итак, дорогой мой, приведите в исполнение Ваше намерение, приезжайте погостить ко мне в Belair, и я полюблю его тогда еще больше.

До свидания, дорогой мой, несравненный друг. Будьте здоровы, спокойны и веселы. Как меня бесит эта возмутительная дирекция за действия с Вашею оперою. Когда это мы начнем ценить свое что-нибудь. Известно ли Вам, что в Париже составилось новое музыкальное общество под дирекциею целого совета, с председательством Beyer'a, а дирижировать оркестром будет Benjamin Godard? Программа общества есть исполнение de la musique contemporaine **, и на программе первого концерта стоит Ваша Первая сюита. Как меня это радует. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

175. Мекк — Чайковскому

Cannes,
30 декабря 1883 г.

Милый, бесценный друг! Я только что вернулась из Ниццы и нашла Ваше дорогое письмо в Cannes, вследствие которого поспешила послать Вам часть суммы февральского срока, а потому не всё, что так как я посылаю русскими бумажками, то я хочу сперва знать, дойдет ли до Вас эта посылка, потому что я боюсь нашего воровского чиновничества. И потому убедительно прошу Вас, дорогой мой, не отказать прислать мне телеграмму тотчас по получении этого пакета, если он благополучно дойдет до Вас, а также уведомить меня, глядя

---

* потому что, вы знаете, Турен — это же сад Франции

** современной музыки

по расчету времени, если и не дойдет. Тогда, во всяком случае, я вышлю Вам сейчас же и остальные суммы.

Послезавтра у нас Новый год. Примите, дорогой мой, мое задушевное поздравление и самое горячее желание провести этот год и много, много будущих в совершенном здоровье, благополучии и счастье, насколько оно возможно на земле. Если Модест Ильич с Вами, то прошу Вас, милый друг мой, передать ему мое душевное поздравление и искреннее желание всего, всего хорошего. Скажите, дорогой мой, я давно всё собираюсь спросить Вас, да всё забывала: отчего Модест Ильич не женится? Что это, по принципу или просто не пришлось еще?

Читали Вы, милый друг мой, в газете «Новое время» статью под названием «Французское нахальство», написанную по поводу постановки какой-то неизвестной и какого-то никому не известного автора оперы и написанную в ответ на статьи в французских газетах? Статья эта написана очень резко и о ч е н ь верно. Да вот, если Вы ее не читали, друг мой, так я Вам ее здесь прилагаю[1]. Какая отвратительная эта дирекция театров!

Больше не пишу, потому что глаза эти дни очень утомлены. До свидания, дорогой мой. Будьте здоровы, веселы, покойны. Всем сердцем горячо и беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. В пакете послано пятьсот рублей.

176. Чайковский — Мекк

Москва,
31 декабря 1883 г.

Дорогой, бесценный друг мой!

Завтра Новый год. Дай бог Вам всякого блага и всякого успеха в делах и начинаниях Ваших; дай бог Вам здоровья и спокойствия, а также полного благоденствия всему семейству Вашему. Про себя скажу Вам, что продолжаю вести праздную, лишенную всякого серьезного смысла жизнь, в ожидании постановки оперы, которая бог знает когда состоится. Бывают у меня от времени до времени режиссер и капельмейстер, толкуют о разных подробностях исполнения, но всё это одни слова, к делу до сих пор и не думают приступать. А я, между тем, теряю время, и вот уже целых два месяца прошли так, что кроме вечного утомления от суетной городской жизни, вечного недовольства самим собой (ибо праздная жизнь меня мучит, как сознание содеянного преступления) ничего не испытываю. Огромное количество времени отнимают у меня разные личности, претендующие на композиторство и ищущие моего одобрения и поощрения. Без преувеличения могу сказать, что ежедневно, по меньшей мере, два или три автора являются, чтобы играть мне свои многочисленные творения. Из всей этой массы людей, одержимых манией авторства,

за весьма немногими исключениями, ни в ком я не встретил серьезных задатков творчества. Так скучно всё это слушать и так неприятно говорить им нелестную для них правду!

Приезд брата Модеста очень утешает меня. Он пробудет до 8 января, и в этот день мы оба выедем в Петербург, чтобы присутствовать на свадьбе. Итак, через несколько дней осуществится наша мечта! Как всё это казалось далеким и гадательным когда-то! Как часто меня пугала мысль, что Коля и Анна соединятся на всю жизнь хотя и без принуждения, но и без сильного, прочного взаимного чувства любви! Самое удивительное во всем этом то, что план, задуманный нами, когда молодые люди были еще совсем чужды друг другу, осуществился так, как будто Вы предвидели, что они созданы друг для друга! Кажется, что нельзя сомневаться в их будущем счастии.

Будьте здоровы, дорогая моя! Всем Вашим шлю свой привет на Новый год.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

1884 год

177. Чайковский — Мекк

Москва,
6 января [1884 г.]

Дорогой, бесценный друг мой!

Вчера получил пакет с деньгами в целости, а сегодня письмо Ваше. Приношу Вам живейшую благодарность. Вследствие задержаний в постановке оперы, я сильно нуждался в этой помощи и очень был рад ей. Ходил телеграфировать Вам и тут-то только в первый раз подосадовал на себя за то, что не догадался ни разу спросить Ваш точный адрес, а всегда пишу Вам в poste restante. Туда я и телеграфировал Вам, и почему-то чиновник-телеграфист смущался этим и не сразу согласился принять депешу. В Петербурге я возьму Ваш адрес у Коли. Я еду в Петербург в понедельник, девятого числа; хотелось выехать дня за три до свадьбы, но девятого утром я должен быть в дирекции на совещании с капельмейстером и балетмейстером относительно постановки танцев в «Мазепе». Из этого Вы можете заключить, что хоть немножко начинают помышлять о моей бедной опере. Кажется, и хоровые спевки уже начались. Тотчас после свадьбы я вернусь сюда и прошу Вас попрежнему адресовать мне в Москву.

Вы спрашиваете, дорогой друг, отчего брат Модест не помышляет о женитьбе. Покамест он именно по принципу не думает об этом, так как ранее полного окончания Колиного образования считает невозможным вступать в брак. И мне кажется, что он прав, считая, что как бы не совсем справедливо будет, если новые сильные интересы отвлекут его от забот о своем питомце, к которому [он] питает безграничную привязанность.

Будьте здоровы, дорогая моя! Из Петербурга напишу Вам.

Ваш П. Чайковский.

178. Мекк — Чайковскому

Cannes,
11 января 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу вам несколько слов, потому что глаза мои плохи эти дни, а мне необходимо сообщить Вам, что я послала перевод на Ваше имя [не] в Москву, но перевод на петербургский банк Crédit Lyonnais, а это потому, что здесь ни у кого нет сношений с Москвою и никто не дает перевода на Москву, вообще здесь всего только два банкира и есть. В Москве же Вам, вероятно, в каждом банке дисконтируют этот перевод с маленькою комиссиею. Если нет, то, быть может, Вы поручите Модесту Ильичу получить в Петербурге, и в таком случае не забудьте, дорогой мой, сделать бланковую надпись на обороте векселя.

Не откажите, милый друг мой, при случае, навести справку, получили ли Александра Ильинична и Лев Васильевич мою телеграмму с поздравлением на Новый год. Я не получила никакого ответа и начинаю думать, что мои телеграммы пропадают. К Вам же, дорогой мой, у меня и до сих пор лежит приготовленная телеграмма с поздравлением на Новый год, но так как за день перед тем мне ответили из Москвы, что в Кокоревской гостинице об Вас ничего не знают, то я и не послала свою телеграмму к Вам на Новый год. У нас в России чудеса творятся.

Сегодня день свадьбы наших юных детей; пошли им господи всё возможное счастье в жизни! Будьте здоровы, дорогой мой. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Не откажите уведомить меня о получении перевода,— если возможно, то самою коротенькою телеграммою в двух словах.

179. Чайковский — Мекк

Москва,
14 января 1884 г.

Милый, дорогой друг!

Вчера я приехал в Москву и собирался тотчас по приезде описать Вам мои петербургские впечатления, но здесь я нашел ожидавшую меня официальную бумагу от дирекции театров, которая так раздражила и расстроила меня, что я целый день ходил как сумасшедший, всю ночь не спал, да и сегодня еще чувствую себя совершенно разбитым. Конечно, смешно и стыдно из пустяков так расстраиваться, но как в самом деле оставаться равнодушным, когда чувствуешь задетым свое чувство справедливости и самолюбие? Дело в том, что когда я, согласно приглашению дирекции, явился в контору театров (в ноябре), чтобы подписать условие о принятии на сцену «Мазепы», то узнал, что поспектакльная плата за эту оперу назначена гораздо меньше,

чем следует, на том основании, что опера в трех, а не в четырех актах. Когда я возразил, что моя опера, будучи в трех актах, тем не менее займет целый вечер, точно так же, как если бы она была в четырех или пяти, что мне ничего не стоило бы ради лишних десятков рублей разделить ее хотя бы и на целых десять действий, но что я держусь первоначального деления ради художественных требований текста и музыки, то мне предложили всё это изложить письменно, уверяя, что несомненно просьба моя будет удовлетворена. Я так и сделал. Теперь я получил официальное уведомление без всякого разъяснения причин, что г. министр двора, его сиятельство и т. д. изволил приказать отклонить мое ходатайство, точно будто я выпрашивал какую-нибудь подачку. И самый отказ и форма, в которой он изложен, глубоко оскорбили и обидели меня. Я вспомнил, как в прошлом году тот же министр был предупредителен, ласков и любезен ко мне, когда я был нужен для кантаты, и как тогда он не находил слов, чтобы польстить моему самолюбию! Вспомнил, как нищенски они вознаградили меня (ибо, по правде сказать, лучше бы было ничем не награждать меня, чем этим перстнем), вспомнил, как расточителен этот министр в отношении к иностранцам и как сравнительно суров и мало предупредителен к русским композиторам,— и всё это уязвило меня очень больно. В первую минуту я хотел взять назад свою партитуру и побежал советоваться к Юргенсону, который объяснил мне, что я юридически неправ это сделать. Потом я написал несколько проектов резких до дерзости писем, не мог остановиться ни на одном, и только сегодня почувствовал себя относительно покойным и написал, наконец, к директору театров письмо, в котором высказал свой протест против столь оскорбительного образа действий [1].

Ах, милый друг! Не дай бог иметь дело с театром, и, конечно, я в последний раз с ними связываюсь.

Довольно об них. Поговорю о впечатлении, произведенном на меня членами Вашей семьи. Симпатичнее всех, как, впрочем, я и ожидал, показалась мне Алекс[андра] Карловна. В ней есть что-то неизъяснимо притягательное: чувствуешь, что это — хороший человек в самом обширном смысле слова. Елизавета Карловна производит впечатление чрезвычайно доброй и кроткой женской души. Соня превзошла мои ожидания относительно внешности. Я знал, что она хорошенькая, но в действительности она куда лучше своих фотографий. Держала она себя с большим тактом, чрезвычайно просто и мило. Несколько молодых людей, прельщенных ее миловидностью и, вероятно, слухами, что она не бесприданница, увивались около нее с чрезмерным усердием. Мне казалось,

что это ей не особенно нравится и что она как будто давала им чувствовать, что они пересаливают. Прав ли я? Почему-то мне представляется, что звуком голоса в разговоре Соня напоминает Вас. Модест, когда я ему заметил это, сказал, что и он подумал об этом. Никаких подробностей о свадьбе не пишу, ибо знаю, что все они Вам известны.

Наконец начались репетиции моей оперы: по крайней мере, артисты ежедневно сходятся и повторяют свои партии. Обещают через неделю начать оркестровые репетиции, а в самом конце января поставить оперу.

Будьте здоровы, дорогой, безгранично любимый друг! Пишу Вам после бессонной ночи и прошу простить небрежность писания.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

180. Чайковский — Мекк

Москва,
20 января 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Простите, что не тотчас по получении письма Вашего и перевода (которые дошли до меня третьего дня) посылаю Вам выражение бесконечной своей благодарности. У меня теперь с усиленной лихорадочной деятельностью начались репетиции оперы, и вчера, например, от раннего утра до вечера я был занят оперой. Вследствие этого поневоле пришлось отложить до сегодня письмо к Вам. Благодарю вас, дорогой друг, и за письмо и за перевод от глубины души. Вы ошиблись в моих бюджетных счетах и прислали мне тысячу пятьсот рублей, тогда как мне оставалось получить из февральской суммы лишь тысячу рублей. Поэтому прошу Вас излишние пятьсот рублей отнести к июньской бюджетной сумме.

Я очень доволен покамест ходом репетиций «Мазепы». Артисты с необычайным усердием относятся к делу, и меня глубоко трогает восторженное сочувствие некоторых из них, особенно примадонны Павловской. Однакож, несмотря на всё это усердие, опера всё-таки едва-едва поспеет к началу февраля. С ужасом думаю, что после сильного первого напряжения, которое будет длиться еще около двух недель, я еще должен буду ехать в Петербург и там снова пережить все волнения и страдания автора, находящегося при постановке своей оперы. Модест советует мне после московского представления «Мазепы» в Петербург

не ехать, а отправляться поскорей куда-нибудь отдыхать, и я это, вероятно, так и сделаю. Я страшно утомлен нервами, и очень часто в последнее время мне кажется, что струны слишком натянуты, что они неожиданно могут порваться; какой-то неопределенный страх смерти на меня находит. Конечно, всё это пустяки, и, в сущности, я лишь устал, но совершенно здоров. Однакож, не следует доводить усталость до последних границ возможности.

Я написал в Петербург о разъяснении Вашего вопроса насчет новогодних телеграмм. Что касается не дошедшей до меня телеграммы Вашей, то ничем не могу объяснить иначе, как тем, что мою фамилию перепутали. Кстати, позвольте мне убедительно просить простить мне, что, бог знает почему, на этот раз не поздравил Вас депешей с Новым годом.

Будьте здоровы, дорогая моя. Простите, что пишу бессвязно и небрежно.

Ваш П. Чайковский.

181. Мекк — Чайковскому

Cannes,
22 января 1884 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Как невыразимо жаль мне Вас, и как глубоко я возмущена этою нахальною татарскою дирекциею. Теперь, когда даже Франция так поощряет и поддерживает своих композиторов, у нас в России всё свое топчут в грязь; то, что составляет гордость и славу нашей родины в чужих краях, у нас эти милые дирекции давят и жмут, точно нарочно хотят задавить все великое в России. Боже мой, как это невыносимо тяжело! Как жаль, милый друг мой, что Вы не можете поставить в Германии Вашего «Мазепу»: там лучше наших дирекций умеют ценить великие произведения.

Скажите, дорогой мой, получили ли Вы мое письмо из Tours, приблизительно около 15 декабря? Мне кажется, что многие мои письма не доходят до Вас, а это мне очень было бы досадно, и очень хотелось бы знать, почему это. Еще скажите, милый друг мой, имеют ли право все печатать в Париже Ваши сочинения? Влад[ислав] Альб[ертович] видел здесь, в Cannes, одну из Ваших маленьких пьес для фортепиано (из «Четырех времен года»), напечатанную каким-то неизвестным издателем. Ведь, кажется, в Париже только Брандус имеет право печатать Ваши сочинения?

Как я счастлива, что Вам понравилась моя Саша, и уверяю Вас, дорогой мой, что она вполне этого заслуживает. Насчет Сони и ее ухаживателей я думаю, что Вы совершенно правы, дорогой мой. Она еще не вернулась, но из ее писем я вижу, что ей именно не понравился тот, который больше всех ухаживал. Соня хотя и очень молода, но она такая барышня, что с нею надо держать ухо востро, как говорится, ее обморочить не так-то легко. Я жду теперь с большим нетерпением приезда моих молодых; они уже в Париже и дней через пять приедут ко мне. Около этого же времени, вероятно, вернутся

и Сашок с Сонею, под протекциею брата моего Александра, потому что я слишком боюсь два раза Соню посылать только с Сашонком в такую дальнюю [дорогу]. Меня ужасно радует Ваше сообщение, что Соня держала себя хорошо. Меня очень беспокоил этот первый дебют моей бедной затворницы, ведь она живет дома как в монастыре; подумайте, милый друг мой, что она даже ни на о д н о м детском балу н и к о г д а не была. Я очень боялась ее первого появления в общество довольно большое, и всё людей, ей совершенно незнакомых. Она с восторгом пишет мне, что она познакомилась с Вами и даже играла в винт. Я чрезвычайно благодарна Александре Ильиничне за ее добрый, родственный прием моей Соне; Саша и Соня, обе много пишут мне об этом. Саше ужасно понравилась Александра Ильинична. В настоящее время Соня и Сашок гостят у Саши в ее имении Гурьево. Я ужасно боюсь за мою бедную Сашу: она беременна, а последние ее роды были очень беспокойного характера, и я с ужасом думаю о той развязке, которая ей предстоит. 12 января мне бог дал еще внучку: у дочери моей Лиды родилась еще дочь. Это четырнадцатый внук у меня.

Простите, дорогой мой, что я так дурно пишу, но я никак не могу себе подобрать хорошего пера, все они царапают, а не пишут, такое горе.

Скажу Вам, милый друг мой, что наш общий, т. е. Ваш и мой, protégé Влад[ислав] Альб[ертович] очень усердно занимается теперь оркестром: сочиняет, инструментует и ставит на оркестр свои сочинения. Одно только он жалеет, что оркестрик очень маленький, всего двадцать пять человек, но зато они очень исполнительны, старательны и дешевы, по его средствам. Он также три раза в неделю играет квартеты. Я хочу, чтобы они мне сыграли который-нибудь из Ваших квартетов.

До свидания, дорогой мой, бесценный. Дай Вам бог лучшего успеха в Ваших начинаниях и полного душевного спокойствия. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

182. Мекк — Чайковскому

Cannes,
25 января 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам только два слова, потому что только что написала длиннейшее письмо сыну Володе и очень устала, а Вам, милый друг, я хочу сообщить, наконец, мой адрес, потому что в прошлом письме я опять забыла написать Вам его. Итак, мой адрес в Cannes есть: Villa Henri IV. Я очень люблю эту личность, но очень недовольна дачею. Расположена неудобно, тесно, всё, что в ней находится, сделано дурно, хотя она и принадлежит герцогу Пармскому, происходящему из фамилии Бурбонов. Поэтому у нас на даче л и л и и надоели мне невыносимо, они торчат везде; даже там, где надо ногами топтать, тоже красуются лилии. Но самое досадное есть то, что я заплатила за дачу двадцать пять тысяч франков за сезон и не имею никакого удобства.

В воскресенье приезжают мои милые детки Коля и Анна, я жду их с нетерпением. Будьте здоровы, дорогой мой. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. фон-Мекк.

183. Чайковский — Мекк

[Москва]
27 января 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера Сашок и Соф[ья] Карл[овна] выехали отсюда в Cannes, и я хотел в течение дня написать письмо и если не сам отвезти его на железную дорогу, то, по крайней мере, послать Алешу. Но с раннего утра до вечера я возился с оперой. Сначала должен был ездить смотреть приготовленные для оперы костюмы, потом быть на репетиции танцев в театральной школе, потом на репетиции в театре и вернулся домой уже слишком поздно, чтобы проводить Ваших детей или чтобы написать Вам.

Вчера была первая полная репетиция. Опера начинает слаживаться, хотя еще очень далеко до того, чтобы я вполне был удовлетворен. Во всяком случае, никак не могу пожаловаться на недостаток усердия и сочувствия. Все относятся к опере с любовью и совершенно искренним восторгом. Это меня тем более трогает, что в Петербурге при постановках всех моих предыдущих опер я привык встречать на каждом шагу козни, неудовольствия и обиды. Опера назначена на 3 февраля, но я не уверен, что это предположение исполнится, ибо еще много осталось работать. Не буду Вам ничего говорить о состоянии крайнего нервного напряжения, в котором я нахожусь. Я бываю иногда так утомлен, что почти теряю способность говорить, думать, соображать. Каждый час, почти каждую минуту говорю себе, что это последняя опера, которую я написал, и что не по моим силам и не по моему характеру переживать сложную махинацию оперной постановки. В Петербурге опера тоже репетируется, и меня зовут туда, но вряд ли я поеду. Думаю тотчас после первого представления ехать за границу. Жаль мне ужасно расставаться с бедным Алешей, который в скором времени должен вернуться на службу.

Думаю, что, когда это письмо придет к Вам, Коля с Анной уже будут находиться при Вас. Как я бы желал, чтобы Анна понравилась Вам!

Будьте здоровы, дорогая моя, и простите, ради бога, краткость и редкость моих писем. Ах, поскорее бы мне разделаться с оперой!

Ваш беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

Всем Вашим шлю сердечные приветствия. Обнимаю Колю и Анну.

184. Чайковский — Мекк

Москва,
3 февраля 1884 г.

Дорогой, бесценный друг!

Простите, ради бога, что давно не писал Вам. Вот уже неделя, что я нахожусь в таком до крайности возбужденном и нервном состоянии, что удивляюсь, как здоровье мое может вынести всё это! До третьегоднешнего вечера я только был взволнован и утомлен до последней степени репетициями. Но с этого вечера я и тайную, но глубокую горесть испытываю. Происходила генеральная репетиция «Мазепы» с дарovой публикой, наполнившей театр сверху донизу. Репетиция шла в музыкальном отношении очень недурно, но в сценическом — очень плохо, т. е. обстановка не слажена, антракты были бесконечные и на каждом шагу неурядица. От этого ли, или потому, что некоторые из артистов пели лишь вполголоса, но только меня поразила крайняя холодность публики. Из этого я вывел, что опера не имеет залога прочного и продолжительного успеха, и мысль эта угнетает и грызет меня теперь с невероятной силой. Сегодня первое представление. Завтра в концерте Эрдмансдерфера исполняется новая сюита [1], а шестого числа, в понедельник, «Мазепа» идет в Петербурге. Я могу попасть туда к первому представлению, но к репетиции уже не попаду, ибо последняя репетиция будет происходить завтра.

Я в нерешимости, ехать ли, согласно приглашению тамошних артистов, в Петербург? Если опера поставлена не так, как мне хочется, если произошли в музыкальном отношении неправильности, то исправить их я уже не могу. Значит, остается только ехать в Петербург ради вызовов, в случае успеха, или смертельного нового огорчения, в случае неуспеха. Я склоняюсь к мысли не ехать, но еще не решил. Об исходе сегодняшнего представления буду Вам телеграфировать. Очень может быть, что я в субботу, т. е. завтра, уеду за границу.

Я еще не ответил на два Ваших вопроса прошлого письма Вашего. Письмо из Тура я получил. Что касается моей вещицы, виденной Влад[иславом] Альберт[овичем] в Cannes, то это перепечатка незаконная, ибо право на мои сочинения во Франции принадлежит Брандусу.

Я слышал, что не невозможно, чтобы с Вашего разрешения Софья Карловна была помолвлена с Ал. Римским-Корсаковым. На случай, что Вы бы удостоили меня спросом моего мнения на этот счет, то я сказал бы, что Р[имский]-К[орсаков] — юноша очень мало мне знакомый и что ни дурного, ни хорошего о нем ничего не знаю, за исключением того, что он из очень почтенного и

хорошего семейства. Наружность его говорит скорее в его пользу. Но если позволите, то я советовал бы немного подождать и дать упрочиться чувству молодых людей, если таковое действительно согревает их отношения.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

185. Чайковский — Мекк

Берлин,
7/19 февраля 1884 г.

Милый, дорогой, бесценный друг! Становлюсь перед Вами на колена и прошу прощенья за то, что не исполнил своего намеренья телеграфировать тотчас после оперы об степени успеха ее. Прямо после представления происходил ужин, данный мне артистами, на коем я, несмотря на ужасную усталость, должен был присутствовать до пяти часов утра, а на другой день я не успел опомниться, как наступил час отъезда. Дорогой же я хотел телеграфировать из Смоленска и из Минска, но ни там, ни тут иностранную телеграмму не согласились принять, и, таким образом, пришлось отложить до Берлина.

«Мазепа» имел успех в том смысле, что и артистам и мне было сделано много оваций[1]. Не буду Вам описывать всё, что я испытал в этот день; просто едва не сошел с ума от волнения и страха. Братья, ввиду моего страшного нервного расстройства, уговорили меня не ехать в Петербург, а поскорее за границу. Я так и сделал и нисколько не раскаиваюсь в этом, ибо чувствую, что положительно был не в силах выдержать еще раз, без передышки, те же волнения. Здесь я нашел сегодня утром депешу от Модеста, в которой он извещает, что вчерашнее первое представление «Мазепы» в Петербурге имело тоже успех и что государь остался до конца и выразил полное удовольствие. Завтра я выезжаю в Париж и оттуда мне хотелось бы в Италию, и притом так, чтобы съехаться с Колей и Анной, если я им не буду расстраивать их tête-à-tête. Один я боюсь теперь быть и не могу скрыть, что хотя и путешествие и пребывание здесь, повидимому, должны были благодетельно подействовать на мои нервы, но я почему-то ощущаю страх и тоску от полного одиночества. Бедный Алексей опять надолго со мной расстался. Он страшно сокрушен этим.

Вы простите меня, дорогая моя, что я пока не пишу подробностей о «Мазепе». Не могу еще спокойно говорить обо всём

этом. Из исполнителей я особенно доволен Павловской. Это необычайно даровитая и умная артистка. Жду от Вас весточки в Париже.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш, беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

186. Мекк — Чайковскому

Cannes,
8 февраля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Как я счастлива, как рада, что Ваша опера шла и имела, конечно, большой успех, и как мне больно, как обидно, что я одна, несчастная изгнанница, лишена величайшего для меня удовольствия — слушать Вашу музыку. Теперь Вам надо отдохнуть, дорогой мой, оправиться от всех нервных терзаний и истомления, которые Вы выдержали за последнее время; дай бог, чтобы это прошло бесследно для Вашего здоровья.

Теперь скажу Вам о своей радости, милый друг мой,— Анна мне очень, очень нравится. В ней есть такая прелестная смесь самостоятельности и самоуверенности с какою-то детскою робостью и покорностью, что она совершенно очаровывает сердце. К тому же, в ней много ума, бездна такта, и везде видно прекрасное воспитание. Одним словом, я лучшего ничего не могла желать для моего сына и горячо благодарю бога, внушившего мне эту мысль, и Вас, мой дорогой друг, моего единственного пособника в этом важном деле и даже больше, чем пособника, потому что Вы именно указали мне Анну. Скажу беспристрастно, что и своим сыном я очень довольна. Он чудесно относится к своей жене, для него нет больше удовольствия, как сидеть с Анусею в своем гнездышке, нет другой заботы, как забота о жене, внимателен ко всем ее интересам до последней мелочи; слава богу, и я только молю господа, чтобы это было прочно и неизменно.

Скажу Вам, дорогой мой, еще одну семейную новость: у Сони также есть жених, которому она и я дали согласие,— это Римский-Корсаков, младший, которого Вы, вероятно, знаете и видели на свадьбе. Он был, кажется, один из les plus assidus*. Я не могу сказать, что Соня его л ю б и т, она такой ребенок, что она сама этого не распознает, но она хочет н е п р е м е н н о выйти за него замуж, потому что она всегда заявляла, что она непременно выйдет замуж, потому что о ч е н ь хочет иметь детей. Она наивна до забавности; рядом со способностью философствовать и размышлять о всяких нравственных предметах у нее такое детское неведение и недогадливость, что она смешит нас всех. Но, тем не менее, о н а э т о г о х о ч е т, а я никогда не отказываю своим детям в их желаниях, да я и сама ничего не имею п р о т и в этого. Отзывы об нем очень хорошие, влюблен он в Соню и с к р е н н о и горячо, ну и пошли бог совет да любовь.

Мои молодые собираются уехать в будущий четверг, 16 февраля, прямо в Рим, и Сашок с ними до Рима, оттуда они поедут в Неаполь, а он вернется в Cannes. У нас эти дни страшная буря, так что я два дня не выхожу из комнаты. У меня теперь очень оживленно;

---

* самых усердных ухаживателей

брат мой Александр также здесь. Но в Москве у меня горе: жена моего Володи очень больна, у нее воспаление брюшины. Мне так жаль и ее, бедненькую, и Володю, и моего милого Воличку; он так привязан к матери и так развит, что он, наверно, в большой тревоге. Сохрани ее, господь!

У меня здесь все, слава богу, здоровы. Владислава Альбертовича я послала вчера во Флоренцию посмотреть дачи для найма на будущую зиму, так как я не надеюсь, чтобы всю зиму можно было прожить в Touraine. Недавно мы слушали его сочинения на маленьком оркестре. Мне очень нравятся многие его мысли, но инструментовка, насколько я ее понимаю, конечно, оставляет многого желать. Здешние музыканты его очень расхвалили, и один из них, замечательный скрипач, который у Colonn'a, и играл в Лондоне у Вагнера, очень пристает к Влад[иславу] Альб[ертовичу], чтобы он приехал летом в Aix-les-bains, где всегда бывает Colonne со своим оркестром, и что он ему ручается (qu'il lui garantit) *, что Colonne поставит некоторые из его сочинений на свой оркестр.

А что Ваш Алеша, милый друг мой? Остался, или не отпустили его с Вами? Если нет, то, бедный мальчик, как ему должно быть тяжело. Будьте здоровы, мой несравненный, дорогой друг, отдохните хорошенько и не забывайте Вашу, всем сердцем горячо и неизменно любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Брат привез мне Ваш перстень; он так хорош, что я и не ожидала. Тысячу раз благодарю Вас за него, дорогой мой.

187. Чайковский — Мекк

Париж,
13 февраля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Понемножку начинаю приходить в себя, и если мало наслаждаюсь Парижем, чему препятствует отвратительная, серая, дождливая погода, то, по крайней мере, отдыхаю душой, умом и телом. Да мне, впрочем, и некогда много думать о себе, так как настоящее положение Таниного здоровья поглощает все мои мысли. Положение это, в сущности, трагическое. Здоровье ее очень плохо; вот уж несколько дней, что она не встает с постели. Кажется, что она во время пребывания Коли и Анны слишком много суетилась и двигалась, и теперь у нее расстройство каких-то женских органов, заставляющее ее сильно страдать и приковывающее к постели. По всей вероятности, ничего особенного нет, но ужасно то, что организм ее до того расслаблен и испорчен, что, повидимому, на полное выздоровление нечего рассчитывать. И что дальше будет? Все пришли к убеждению, что жить ей с родите-

* (что он ему гарантирует)

лями в Каменке невозможно. Оставаться в Париже, под предлогом лечения то холодной, то горячей водой, нет смысла, так как ни то, ни другое лечение не привели ни к чему. Куда ей ехать? Где жить? Что делать? Хуже всего то, что у нее нет никакого интереса в жизни и что ничто не занимает и не интересует ее. От семьи она в силу роковых обстоятельств оторвалась и, живя в среде ее, не приносит никому ни пользы, ни радости. Ни умственного, ни сердечного интереса в жизни она не имеет. Положение в самом деле трагическое и почти безвыходное, так как, при ее нездоровье, даже о замужестве она давно перестала мечтать.

Слышал я здесь новую оперу Massenet «Manon Lescaut». Судя по газетным отзывам, я приготовился услышать chef-d'oeuvre, тем более, что сюжет, как мне показалось, очень подходит к свойству таланта Massenet. Но пришлось испытать разочарование. Музыка очень тщательно, изящно и обдуманно написана. Но во всем этом ни единого проблеска настоящего вдохновения. К концу оперы, несмотря на превосходное исполнение, мне сделалось так скучно, что едва досидел до конца[1]. Вместе с тем, не мог отделаться от чувства зависти. Что за постановка, что за превосходное музыкальное исполнение, какие первоклассные артисты! Как далеко нам в этом отношении до французов!!!

По всей вероятности, я поеду в конце недели в Рим и догоню там Колю с Аней, но вполне точно еще этого не решил. Приношу Вам, дорогая моя, поздравление с помолвкой симпатичной Сони. Дай бог им счастия! Всем Вашим усердно кланяюсь.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Очень, очень рад успехам Владисл[ава] Альбертовича.

188. Мекк — Чайковскому

Cannes,
19 февраля 1881 г.

Милый, бесценный друг мой! Из телеграммы Вашей к Коле я узнала, что Вы еще в Париже и, как кажется, довольно долго пробудете там. Для себя лично я этому очень рада, потому что Париж близко к Cannes. Быть может, в Ваше пребывание в Париже будут исполнять Вашу Первую сюиту, потому что она на программе сезонных концертов этого нового Музыкального общества. Я еще не успела благодарить Вас очень, очень, мой милый, дорогой друг, за Ваше участие к судьбе моей Сони и Ваш добрый совет подождать с этим делом. Но мое здоровье в таком состоянии, что мне нельзя ничего откладывать в будущее, но, тем не менее, я Вам горячо благодарна, мой милый, добрый друг. Моя невеста продолжает нас смешить своими наивностями.

Теперь она мечтает о том, что у нее будут дети (потому что [illegible] она из-за этого и замуж хотела выйти) и рассчитывает, у кого раньше могут быть, у Анны или у нее, и рассуждает, что было бы очень хорошо, чтобы Саша (сестра) приехала к ней к ее разрешению, так как Саша знает, что надо делать в таком случае, а она не совсем. Так забавно слушать такие мечты, полные неведения и неопытности. Бедные девушки, бедные женщины, как мы бываем разочарованы!

Как я рада, дорогой мой, что Вам не понравилась опера Массне Манон Леско[1], потому что я терпеть не могу Массне.

Здесь много занимаются музыкой; тут живет Мари Башкирцева, и у нее очень много играют. Вчера у Владислава Альбер[товича] в его квартете играл один из ее посетителей, любитель, но ученик парижской консерватории, молодой виолончелист, голландец van Goens, говорят, превосходный виолончелист. Так вчера они играли Andante из Вашего Третьего квартета, и он был в восторге и сказал, что выпишет все Ваши квартеты и будет их играть в Париже, так как у него есть свой квартет. Я жду с нетерпением присылки из Москвы Вашей Второй сюиты, которая вышла в печати, в четыре руки.

Сегодня мои молодые уезжают, и Сашок с ними до Рима. Вероятно, на смену им приедет ко мне Володина жена Лиза с Воличкой. Я так буду рада им обоим, я очень люблю Володину жену, она очень миленькая, симпатичная и деликатная женщина; у нее много врагов и клеветников, но потому я еще больше люблю ее. Она была очень опасно больна воспалением в желудке, и теперь доктора посылают ее на юг. Будьте здоровы, мой дорогой, милый друг. Всем сердцем неизменно и горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

189. Чайковский — Мекк

Париж,
19 февраля [1884 г.]

Милый, дорогой друг!

Моя мечта о поездке в Италию не осуществилась. Главные причины этому те, что я не могу оставить здесь Таню одну в том состоянии, в каком она находится. Неделю тому назад двоюродный брат Льва Васильевича, проживающий здесь, испугавшись болезненного состояния Тани, написал отцу, чтобы он приехал. Когда он признался нам в этом, то мы с Таней, боясь впечатления, которое вызов этот произведет на мою сестру, и не видя особенной надобности в присутствии Льва Вас[ильевича], телеграфировали, что ехать не нужно. Таким образом, ответственность за Таню я как бы взял на себя и не могу ее оставить, пока она хоть сколько-нибудь не поправится. А она всё больна и больна, и бог знает, когда наступит полное выздоровление. Вместо отдыха и спокойствия я наткнулся здесь на огорчение и тревоги. Время провожу весьма невесело, чему немало способствуют [illegible] точные известия о представлении «Мазепы» в Петербурге. Мо-

дест, зная мою способность убиваться и падать духом при неуспехе, как оказывается, до крайности преувеличил, уведомив, что «Мазепа» и в Петербурге имел успех. В сущности, успеха не было; теперь это для меня ясно. Совершенно верно говорит Юргенсон в своем письме ко мне, что если бы я присутствовал в театре, то было бы гораздо больше внешних выражений успеха. Но что же мне было делать, когда случилось так, что я без передышки должен был выдержать после московского представления, стоившего мне невероятных мучительных волнений, еще такие же в Петербурге? [1]

Как бы то ни было, но этот относительный неуспех очень огорчает меня. Так как «Мазепа» — последняя опера, мною написанная, то мне так хотелось, чтобы она вполне удалась!

Я полагаю, дорогой друг, что в скором времени, как только Тане будет лучше и мы сообща решим, что ей делать, я, с своей стороны, уеду прямо в Каменку. Деревенская жизнь как нельзя больше подходит к моему теперешнему состоянию духа.

Будьте здоровы, бесценная и дорогая!

Ваш П. Чайковский.

Я написал Коле в Рим объяснение причины, почему я не поехал в Италию.

190. Мекк — Чайковскому

Cannes,
25 февраля 1884 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Как Вы поживаете в Париже? Холодно ли там или не очень? Я также скоро переселюсь в соседство Парижа и боюсь, боюсь ужасно, чтобы мне не было холодно. Будьте так добры, дорогой мой, не откажите написать мне два слова, какая температура в Париже. Мне очень хочется скорее перебраться в с в о й уголок, но, с другой стороны, здесь так тепло и до того хорошо, что жаль уехать отсюда, но, вероятно, я между 15 и 20 марта решусь всё-таки двинуться в путь. Молодые мои, кажется, хорошо проводят время в Риме, только жалуются, что везде очень переполнено и очень всё дорого. Брат мой всё еще здесь, и скоро, вероятно, приедет невестка, Лиза. Меня очень беспокоит, как она сделает эту дорогу после такой тяжелой болезни.

Милый, дорогой мой, если бы Вы вздумали л е т о м проехаться за границу, то сделайте мне эту величайшую радость, погостите у меня в Belair. Там летом должно быть очень хорошо, ведь это Touraine, а Вы знаете, что ни при одном французе нельзя назвать эту провинцию без того, чтобы он не заявил Вам, что Touraine c'est le jardin de la France. Я была бы так счастлива, если бы Вы осветили мой уголок Вашим пребыванием в нем.

А наше правительство опять переменило политику, опять вернулось к старой традиционной, к союзу с Пруссией и Австрией. Быть может,

это и р а з у м н о, но очень несимпатично, да, мне кажется, и непрочно; вся эта дружба может держаться только, пока жив император Вильгельм, а после него Пруссия доберется до России. Конечно, Ф р а н ц и я и без всяких союзов с Россией, по силе собственных обстоятельств, будет помогать России, да всё бы нам было вернее д р у ж и т ь с Францией.

Были ли Вы, друг мой, в концерте, в Châtelet или каких-нибудь других? Французы теперь становятся в а г н е р и с т а м и. Вы читали, вероятно, а может быть, и были в концерте консерватории, где исполняли из «Тристана и Изольды» Вагнера? У меня совсем музыки нет, только иногда Соня играет что-нибудь из Ваших сочинений. Она довольно много играет Ваших композиций. Будьте здоровы, дорогой мой, милый, и не забывайте всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

191. Чайковский — Мекк

Париж,
27 февраля 1884 г.

Вы спрашиваете, дорогой, милый друг мой, какова в Париже погода? Недели две сряду она была превосходна, т. е. сухая и теплая,— конечно, не столь теплая, как у Вас, но, однакож, почти весенняя. Со вчерашнего дня начались дожди, но не очень сильные и прекращающиеся к полудню.

Мне кажется, что Вы не получили моего последнего письма, в коем я писал Вам, почему я не поехал в Италию и остался в Париже. Меня удержала здесь, с одной стороны, болезнь Тани, с другой,—нечто вроде хандры и апатии, делающими для меня безразлично скучными всякие местопребывания. Мне хочется д о м о й. А где этот дом мой? Скорее всего всё-таки Каменка, и вот завтра я отправляюсь туда. Тане настолько лучше, что, ввиду забот добрейшей сожительницы ее и ввиду скорого приезда сюда Коли и Анны, я решаюсь оставить Париж.

Милый друг! Я начинаю мечтать о каком-нибудь прочном и постоянном устройстве своего собственного уголка. Кочующая жизнь начинает сильно тяготить меня. Будет ли это где-нибудь на окраине Москвы или где-нибудь подальше и поглуше, еще не знаю. Тысячи планов роятся в голове моей, но, так или иначе, нужно, наконец, жить у себя.

Вы спрашиваете, был ли я в каком-нибудь концерте? Нет, милый друг! В самые первые дни моего пребывания здесь я был в двух-трех театрах, но не вынес почти ничего из них, кроме скуки и усталости. С тех пор я все вечера провожу у Тани или у себя. Вообще, я испытываю нечто совершенно небывалое: именно скуку, апатию. Никуда не хочется, ничто не привлекает. По временам находило даже желание не то что смерти, но небытия. Знаю, что из этого состояния я тотчас выйду, как только появится

работа. Но и работать не хочется. Всё это результат усталости и нервного напряжения, в коем я долго находился.

Тысячу раз благодарю за приглашение погостить в Belair, но нынешним летом вряд ли я воспользуюсь им. Я сделался тяжел на подъем, и дальние поездки пугают меня, особенно при моем теперешнем одиночестве. По крайней мере, в эту минуту мне кажется, что я способен теперь только сидеть где-нибудь у себя, дома. Путешествие перестало освежать и приятно развлекать, как прежде. Вот почему я и натыкаюсь беспрестанно на мысль сделаться оседлым. Итак, благодарю Вас, дорогая моя, от всей души благодарю за приглашение. Знаю, что мне бы было у Вас как у Христа за пазухой, но предвижу, что, раз попавши на лето в Россию, я едва ли буду иметь духу в скором времени уехать снова за границу.

Вы справедливо замечаете, что французы сделались вагнеристами. Но в этом увлечении Вагнером, доходящем до того, что даже они охладели теперь к Берлиозу, несколько лет тому назад бывшему кумиром парижской концертной публики, есть что-то фальшивое, напускное, лишенное серьезного основания. Никогда не поверю, чтобы «Тристан и Изольда», опера, которая и на сцене невыносимо скучна и состоит из беспрерывного нытья, монотонностью своей доходящего до уныния,—никогда не поверю, чтобы эта опера могла в самом деле увлечь французскую публику. Мне кажется, что это какая-то комедия, что парижанам (в сущности падким до опереток Лекока и гривуазных шансонеток) лестно и приятно притворяться ценителями столь неудобоценимой музыки, как Вагнеровская последнего периода. Не было бы ничего удивительного, если б здесь привились к репертуару оперных театров такая превосходная опера, как «Лоэнгрин» или как «Тангейзер» и «Летучий Голландец». Мало-по-малу эти оперы, написанные первоклассным мастером, полные оригинальности и вдохновения, должны сделаться общим достоянием. Но оперы позднейшего периода, преисполненные лжи, по принципу фальшивые, лишенные художественной простоты и правды, могут держаться только в Германии, где имя Вагнера сделалось лозунгом немецкого патриотизма. Конечно, и тут дает себя беспрестанно чувствовать мощный талант, но всё-таки это есть не что иное, как произведения больного, дошедшего до мономании немца. Никогда француз, по натуре своей стремящийся в искусстве к простоте и ясности, не может сделаться крайним вагнеристом.

Прошу Вас, дорогая моя, писать мне в Каменку. Дай бог Вам здоровья и всякого благополучия.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

192. Чайковский — Мекк

[Париж]
29 февраля/12 марта 1884 г.

Милый, дорогой друг!

Я получил от Направника письмо, в котором он мне рассказывает, как государь сожалел и удивлялся, что меня не было в Петербурге, как он необыкновенно благосклонно относится к моей музыке и интересуется мной, как он велел поставить «Евгения Онегина», говоря, что это его любимая опера, и т. д. и т. д. Направник убеждает меня, что мне необходимо ехать в Петербург и явиться к государю. Чувствую, что если этого не сделаю, то буду мучиться мыслью, как бы государь не счел меня неблагодарным, и поэтому решаюсь ехать сегодня прямо в Петербург. Мне ужасно тяжело, и я должен сделать невероятное усилие, чтобы лишить себя возможности спокойно отдыхать в деревне и вместо того подвергнуться новым волнениям и тревогам. Но делать нечего!

Прошу Вас, дорогой друг, адресовать всё-таки в Каменку, ибо я очень недолго останусь в Петербурге.

Вам желаю спокойствия и полного благополучия.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

193. Чайковский — Мекк

Петербург,
8 марта [1884 г.]

Простите меня, дорогой, милый друг, что до сих пор не написал Вам из Петербурга. Я был все эти дни в таком неописанном волнении, так страдал от борьбы с своей дикостью и застенчивостью, что был как сумасшедший, и писать был не в состоянии. Сегодня я несколько покойнее, ибо главное сделано. Вчера я ездил в Гатчину и представлялся государю и государыне. И тот и другой были крайне ласковы, внимательны; я был тронут до глубины души участием, высказанным мне государем, но не могу выразить Вам, до чего убийственно ужасны были страдания от застенчивости. Государь говорил со мной очень долго, несколько раз повторял, что очень любит мою музыку, и вообще обласкал меня вполне. Сегодня я являлся вел. кн. Константину, завтра у него обедаю, а в субботу, вероятно, уеду в Москву. Ради бога, простите, что так мало, небрежно пишу. У меня душа не на

месте, и, пока не попаду в деревню и не отдохну настоящим образом, буду в состоянии полоумия. Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

194. Мекк — Чайковскому

Cannes,
9 марта 1881 г.

Милый, бесценный друг мой! Вы теперь, вероятно, уже в Каменке, отдыхаете душою и телом от всех волнений нынешней зимы и, в особенности, от последнего, если Вы представлялись государю. Боже мой, как мне жаль Вас, мой милый, бедный друг! Я и рада до бесконечности, что есть люди, которые умеют ценить Вас, но когда я думаю о том, что Вам приходится вынести за Вашу собственную славу и за те наслаждения, которые Вы же доставляете другим, я нахожу это жестоко несправедливым, и мне Вас ужасно жаль. Но, вероятно, теперь эти терзания кончились, и Вам тем слаще, тем приятнее отдохнуть; жаль только, что в нашей бедной России холод отравляет всё. Теперь мне пишут, что [там] по двадцать градусов мороза; это ужасно, здесь и представить себе невозможно такого холода,— у нас жара, как летом, на солнце двадцать восемь градусов тепла и в тени четырнадцать.

Соня и Сашок на днях играли мне Вашу Вторую сюиту, дорогой мой. Что за чудесное произведение, какое разнообразие и какая прелесть каждый номер, но самый поэтичный и чудный из них, это Сон ребенка,— что за прелесть! Когда слушаешь его, то думаешь: какой счастливый ребенок, которому снятся такие сны! Вальс прелестен, как все Ваши вальсы, какая грация, какая легкость, нежность! А замечательно, милый друг мой, что из всех танцев Вы лучше всего пишете вальсы, они у Вас восхитительны. Да, чуть было не забыла сказать, что мы на днях тут слушали Антона Рубинштейна,— вот колосс-то. Что касается исполнения музыки, то я на него очень зла за то, что он никогда не играет ничего Вашего, это такая гадкая зависть, которая роняет его совершенно, но, à part cela*, то, что он играет, изумительно под его пальцами. Он играл здесь в пользу бедных, но программа была огромная, так что, например, он сыграл две сонаты Бетховена (?!), из старых мастеров играл еще Баха и своего любимца Фильда, а я его терпеть не могу. Играл еще, конечно, Шумана, Шопена, Шуберта, Мендельсона и две маленькие вещицы свои, но из худших его сочинений. Публика была, конечно, в восторге.

Дня два назад уехала моя Соня с братом моим. Мне было очень грустно с нею расставаться, она такой ребенок, что и жаль и страшно ее отпускать от себя. В тот же день, как она уехала, приехала Лиза (Володина) с моим милым Воличкою. Что за удивительный этот ребенок: мил, добр, деликатен невообразимо и какие удивительные способности: теперь говорит по-английски как англичанин, пишет и читает по-английски, по-немецки и по-русски, а ему нет и семи лет; играет на фортепиано по слуху разные мотивы, играет в четыре руки с Юлею, для этого приносит ноты, развертывает их и ставит на pupitre, но играет всё наизусть; он знает ноты, но у него слух и память сильнее

* за исключением этого

его знания, поэтому он с нот играет по слуху. Удивительный ребенок, я так боюсь его такого преждевременного развития. Лиза выдержала ужасную болезнь (воспаление брюшины), но теперь, слава богу, совсем оправилась: свеженькая, хорошенькая, симпатичная, как всегда. Она очень милое создание, но испорченное докторами: от морфия у нее мозг не в нормальном состоянии. Коля и Анна в восторге от Неаполя; я надеюсь с ними увидеться еще в Париже. Уезжаю отсюда восемнадцатого сперва в Париж, потом в Тур, а потом в свой Belair. Прошу Вас, дорогой мой, адресовать мне теперь письма так *[конец не сохранился]*.

195. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
13 марта [1884 г.]

Милый, бесценный и дорогой друг!

Теперь я вполне успокоился и могу настоящим образом вести беседу с Вами. Какой я сумасшедший человек! Как всякое подобие невзгоды преувеличенно сильно на меня действует! Как мне совестно вспомнить отчаянье, которому я предавался в Париже только потому, что из газетных отзывов о петербургском представлении «Мазепы» я усмотрел несоответствие действительного успеха с моими ожиданиями! Теперь я вижу, что, несмотря на глухое недоброжелательство очень многих здешних музыкантов, несмотря на очень плохое исполнение, «Мазепа» здесь всё-таки понравился и никакого позора (как мне это казалось издали) не было. Не подлежит также сомнению, что здешняя критика (которая единодушно втоптала в грязь мою бедную оперу) не есть отражение общего мнения и что всё-таки есть и здесь немало людей, очень мне сочувственных. А что для меня в высшей степени приятно, так это то, что во главе этих сочувствующих людей сам государь. Оказывается вообще, что роптать мне не на что, а что, напротив, нужно только благодарить бога, изливающего на меня столько милостей.

Я остался в несимпатичном Петербурге гораздо более, чем думал, вследствие настоянй ближайших родственников. Думаю пробыть здесь еще дней пять, после чего поеду в Москву на неделю и потом в Каменку. Грустно только то, что так долго останусь без известий о Вас, дорогая моя, ибо только в Каменке получу письма от Вас.

Государь велел в будущем сезоне поставить «Онегина». Роли уже розданы и хоры уже разучиваются.

Я чувствую в себе прилив энергии и горю нетерпением приняться за какой-нибудь новый большой труд. Разумеется, только в Каменке можно будет приводить в исполнение эти намерения.

Читали ли Вы, дорогой друг, «Исповедь» графа Льва Толстого, которая несколько времени тому назад должна была быть напечатанной в журнале «Русская мысль», но вследствие требований цензуры не сделалась публичным достоянием? Она ходит в рукописи, и мне только здесь удалось, наконец, прочесть ее[1]. Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что муки сомнения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой и которые он так удивительно хорошо высказал в «Исповеди», и мне известны. Но у меня просветление пришло гораздо раньше, чем у Толстого, вероятно, потому, что голова моя проще устроена, чем у него, и еще постоянной потребности в труде я обязан тем, что страдал и мучился менее Толстого! Ежечасно и ежеминутно благодарю бога за то, что он дал мне веру в него. При моем малодушии и способности от ничтожного толчка падать духом до стремления к небытию, что̀ бы я был, если б не верил в бога и не предавался воле его?

Застанет ли Вас письмо это в Cannes? Думаю, что Вы скоро уже будете в Belair. Дай Вам бог здоровья и всякого благополучия, милый, дорогой друг!

Сестру я нашел в отличном состоянии. Вообще у моих близких всё было бы благополучно, если бы не Таня.

Всем Вашим посылаю свои приветствия.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

196. Чайковский — Мекк

[Москва]
23 марта 1884 г.

Дорогой, милый друг мой!

Вот уже четвертый день, что я в Москве, и до сих пор не собрался писать Вам, ибо, во-первых, с лихорадочною поспешностью работаю над некоторыми сценами «Мазепы», которые ввиду сценических условий я решился изменить и сократить, а во-вторых, я простудился и теперь уже второй день сижу дома, нездоровый[1]. Теперь мне лучше. Мне придется прожить здесь еще несколько дней, прежде чем кончу свою работу, а в конце будущей недели поеду в Каменку. Москва, несмотря на всю мою любовь к ней, показалась мне очень неприглядна в это время года. Нельзя Вам изобразить, до чего она грязна, непроездна, а в особенности, до чего ужасен здешний воздух вследствие таяния всего, что зимой было сковано морозом. Бедная наша родина! Как она обижена климатом.

Не могу не признаться Вам, что я теперь совершенно поглощен мыслью сделаться обладателем хотя бы самого крохотного кусочка земли с домиком. Я просил разных лиц подыскивать мне где-нибудь поблизости Москвы какой-нибудь хуторочек, и, если только что-нибудь подходящее найдется, я постараюсь основаться наконец у себя дома. В самом деле, я устал от кочеванья и уж не знаю, право, отчего и как, но только с некоторых пор только и думаю об своем уголке.

Дорогая моя! хотя я знаю, что у Вас есть гувернантка или гувернантки для Милочки, но всё-таки, на всякий случай, хочу рекомендовать Вам одну особу, к которой питаю величайшую симпатию. Особа эта— M-elle Emma Genton, проживавшая девять лет у Кондратьевых и теперь ищущая другого места. Это девушка средних лет, очень достаточно образованная, превосходно владеющая французским и английским языками, а со стороны нравственных качеств — безупречная. В случае, если бы Вам понадобилась француженка, не захотите ли взять ее? Прошу Вас, милый друг, ответить мне на этот вопрос. Всё это между нами, ибо она еще не сообщала M-me Кондратьевой о своем намерении покинуть их дом.

Брата и его семью я нашел здоровыми.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

Хотя Вы, вероятно, уже в Touraine, адресую письмо в Канну.

197. Мекк — Чайковскому

Belaïr,
6 апреля 1884 г.

Милый, несравненный друг мой! Простите, что я не сейчас отвечала Вам на Ваш вопрос по поводу M-elle Anna [Emma] Genton, но в новом своем помещении я нахожусь на бивуаке, потому что мои комнаты отделываются и мне негде пристроиться для писанья, и теперь я пишу в Юлином кабинете на ее бюро, чтобы уже не откладывать моего ответа к Вам. Я очень, очень сожалею, дорогой мой, что в эту минуту не могу взять M-elle Genton, потому что она, наверно, очень хорошая особа, так как Вы ее рекомендуете, но у меня при Милочке есть англичанка, молодая девушка, которая хоть живет у меня недавно, но, кажется, хорошая особа, и, во всяком случае, я еще не могу пожаловаться на нее и потому мне совестно ей отказывать. Если я узнаю где-нибудь хорошее место, то я буду держать на памяти M-elle Genton, но для этого я очень прошу Вас, дорогой мой, не отказать сообщить мне, какое жалованье получает M-elle Genton, так как мне, конечно, первым делом сделают этот вопрос.

Как это хорошо, милый друг мой, что Вам вздумалось завести свой уголок, это так нормально, естественно и так приятно. Номадами мы

быть только помады, людям же вообще необходим свой уголок, своя собственность, и богема возможна только в самых юных летах. Вы не можете себе представить, сколько радости, сколько наслаждения испытываю я теперь, находясь в своем уголке. У меня всего только пять коров, но как они мне кажутся красивыми, какое вкусное молоко, какие густые сливки. Полей у меня десять, но каждое из них est grand comme un mouchoir de poche*, но как они мне нравятся, как интересуют меня. В моем маленьком château как всё хорошо, как красиво! В Париже я купила кабинетного Erard'a, и если Вы, дорогой мой, когда-нибудь осчастливите мой Belair Вашим пребыванием в нем, то этот инструмент может достойно служить Вам. Но я отвлекаюсь своими личными восторгами от Вашего проекта, милый друг мой. Я буду ужасно рада, если Вам найдется что-нибудь подходящее, и надеюсь, добрый мой друг, что Вы не откажете мне в удовольствии prendre ma part à l'execution de cette bonne idée**. Как бы было хорошо, если бы нашлось около Плещеева; уверяю Вас, дорогой мой, что это самая красивая местность около Москвы. Если Вы в мае месяце будете поблизости Плещеева, не завернете ли Вы туда погостить у меня недельки две, так как я приеду в Россию не раньше 1 июня, а гостивши в Плещееве, Вы бы сами поискали для себя хуторочка; дай бог, чтобы это всё состоялось! В хозяйстве Вам очень может помочь Ваш Алеша: он молод, энергичен и легко справится со всем. Пожалуйста, дорогой мой, сообщите мне результаты Ваших поисков.

У нас очень холодно, по ночам только четыре градуса тепла, но, несмотря на это, я в восторге от своего Belair. Это такой прелестный кусочек, что нельзя довольно налюбоваться им, и как всё хорошо устроено; дал бы бог только скорее тепла. Жизнь здесь недорога, но профессора ужасно дороги, а мне их много надо для Макса, для Сашоика и для Милочки. Детям также очень нравится Belair.

Я ничего не знаю в настоящую минуту о Коле и Анне. Знаю только через Лиду, что они проехали в Рим, были у них, т. е. у Левисов, и что Анна им очень понравилась, а от них самих, с отъезда их из Парижа, не имею никаких известий.

К Вам первому, милый друг мой, я пишу из Belair; дал бы бог почаще это делать.

Как мне жаль Вас, дорогой мой, что Вы опять за работою над тем, что уже раз сделано, но, кажется, всегда так приходится с операми. Как я рада, как я горжусь, что Вы представлялись государю, дорогой мой, и как я довольна, что эта пытка кончилась для Вас, а то я боялась за Ваши нервы. Я думаю, что это письмо найдет Вас уже в Каменке. Поздравляю Вас, милый друг мой, с приближающимся праздником светлого христова воскресенья, от души желаю Вам встретить и провести его в совершенном здоровье и спокойствии душевном. В Каменке должно быть пусто, если Александра Ильинична еще не вернулась.

Пишу у окна, и очень холодно, поэтому кончаю. Будьте здоровы, мой дорогой, бесподобный друг. Всею душою неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* так же велико, как носовой платок

** принять мое участие в выполнении этой хорошей мысли

198. Чайковский — Мекк

1884 г. апреля 1—12. Москва — Каменка.

Москва.
1 апреля 1884 г.

Друг мой милый, дорогой!

Я совсем стосковался, быв так долго лишен прямых известий от Вас. Как я жалею, что не догадался раньше распорядиться о высылке всех писем, адресованных в Каменку, сюда. Но я никак не думал, что так долго проживу в Петербурге и Москве. Теперь все мои работы кончены (я, кажется, писал Вам, что сделал несколько капитальных изменений в «Мазепе»), и вся задержка за Алешей, который всё еще не может дождаться конца всех формальностей, сопряженных с получением свободы. Пасху надеюсь встретить в Каменке.

Погода несколько дней стояла здесь отличная, совсем весенняя, но со вчерашнего дня опять пошло несносное ненастье. Солнце наконец сделало то, чего московская полиция не хотела или не могла сделать: улицы очистились от снега, и ездить стало возможным.

Был здесь на прошлой неделе консерваторский спектакль. Давали «Волшебную Флейту» Моцарта. Исполнение было великолепное в отношении ансамбля и не особенно блестящее в отношении голосов солистов[1]. Бедность на голоса в нашем отечестве вообще приводит иногда в отчаянье. Я пока еще тверд в своем намерении не писать больше опер; уж одна уверенность в том, что не найдется у нас вполне хороших певцов и певиц, способна охладить самое горячее рвение к оперному делу. Как давно я ничего не делаю! Как хочется мне скорее приняться за новый труд!

Не знаю, дорогая моя, писал ли я Вам, что в Петербурге снимался у Левицкого, а здесь у Канарского сегодня. Если позволите, по получении карточек, я вышлю Вам экземпляры тех и других.

Мой старый приятель Ларош приводит меня в недоумение и отчаянье. Это совсем погибший человек. По целым неделям он не является в консерваторию, не будучи в состоянии победить лень, приковывающую его к постели. Он только спит и ест— в этом проходит вся его жизнь, да еще по целым часам предается мечтанию о сотнях тысяч, которые он неожиданно получит, и о том, как и на что будет тратить их. Ужаснее всего то, что ученики его и ученицы, ничего не сделавшие за весь год по причине постоянных манкировок, ропщут, и что консерваторское начальство в конце концов будет принуждено удалить его.

7 апреля.

После написания последних строчек я сделался нездоров и принужден был еще на несколько времени отложить свой отъезд. Не знаю, вследствие каких причин, но уж наверное не по причине излишеств и неосторожности, я страдаю уже давно, т. е. еще с пребывания в Петербурге, резким катаральным состоянием всех пищеварительных органов, но в последнее время это нездоровье обеспокоило меня весьма серьезно. Так как до лекарств и врачеваний я вообще не охотник, то решился полным воздержанием и строгой диетой прекратить болезненное состояние, и вот теперь уж мне гораздо, гораздо лучше.

Фотограф Канарский снял с меня на днях портреты во множестве поз и в различную величину. Когда они будут готовы, я выберу лучшие и пришлю Вам, дорогой друг!

Погода у нас совсем зимняя, и Вы не поверите, как это неблагоприятно отражается на состоянии духа. Всё покрыто снегом, на дворе стоит настоящий мороз. Бедная Россия!

На этой неделе я был на многих церковных службах и испытал большое, можно сказать, художественное наслаждение. Удивительно действует на душу православное богослужение, если оно обставлено так, как, например, здесь в Храме спасителя!

Письмо это не решаюсь посылать по старому адресу, ибо не знаю, где Вы, дорогой друг мой! Допишу его в Каменке по получении известий от Вас.

12 апреля.

Сегодня утром приехал в Каменку. Лев Васильевич, который очень скучает без семьи, до крайности рад был. Погода ужасная, т. е. страшно холодный пенстовый ветер. Тем не менее, мне приятно чувствовать себя в Каменке: точно будто после долгого плавания я очутился в гавани. По привязанности, которую я питаю к здешней своей комнатке, могу себе представить, как я буду любить свой собственный будущий домик. Вы спрашиваете, дорогая моя, привели ли к чему-нибудь мои поиски? Я принялся было очень горячо за это в Москве и видел двух комиссионеров, занимающихся посредничеством при продажах и покупках, но ничего подходящего не нашел. Теперь я решил не торопиться, а понемножку собирать сведения. Брат Анатолий взялся искать для меня близ Москвы то, что мне нужно. Благодарю Вас, милый, добрый друг, за предложение помочь в этом деле, но ведь и без того, именно благодаря Вам, я буду иметь возможность это сделать. Требования мои так невелики, что мне, конечно, с лихвою достаточно того, что имею, дабы моя мечта осуществилась.

Мне чрезвычайно приятно узнать, что Вы довольны своим по-

вым именем. Дай бог Вам найти в милом Belair все те условия, от которых зависит Ваше благосостояние. Если Вам очень там понравится, почему бы не провести Вам там всё лето и в этом году вовсе не ездить в Россию?

Премного благодарен за оба письма Ваши.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

M-lle Genton получала у Кондратьевых семьдесят пять рублей в месяц.

199. Чайковский — Мекк

1884 г. апреля 16—19. Каменка.

Каменка,
16 июля.

Милый, дорогой друг! Я и забыл в прошлом письме поблагодарить Вас за готовность содействовать к отысканию места для M-elle Genton. Условий ее я не знаю, но, кажется, она получала очень большое (для гувернантки) жалованье, чуть ли не семьдесят пять рублей в месяц. Весьма может быть, что она не погонится за большими деньгами и ради прочного места в хорошем семействе пойдет и за меньшую сумму. Я у ней спрошу об этом.

Нельзя себе представить ничего ужаснее погоды, на которую я попал здесь. Вот уже несколько дней сряду бушует какой-то бешеный северо-восточный ветер, ни на мгновение не умолкающий. Гулять почти нет возможности, и по ночам мороз, мешающий растительности. Деревья еще совершенно голы, и даже весенних первых цветов что-то не видно. Вообще, для постоянной оседлой жизни Каменка и вся местность эта по крайней сухости климата, вечному ветру, отсутствию сносной реки, а следовательно, и купанья, очень неблагоприятны, и если моя мечта осуществится, то, конечно, я предпочел бы устроиться где-нибудь на севере, поближе к Москве. Не знаю, удастся ли мне воспользоваться в мае месяце гостеприимным Плещеевским кровом, но если этого не случится, то буду просить Вас, дорогая моя, поручить Вл. Альб. Пахульскому узнать от кого-нибудь из плещеевских, нет ли поблизости подходящего к моим требованиям маленького хуторка[1]. С своей стороны, и брат Анатолий обещал делать поиски, и, может быть, моя мечта осуществится.

Я покамест еще не принялся за работу и только собираю кое-какие материалы для будущего симфонического сочинения, форма которого еще не определилась. Быть может, это будет симфония, а быть

[1] *Так в подлиннике.*

может, опять сюита. Последняя форма с некоторых пор сделалась для меня особенно симпатична вследствие свободы, которую она предоставляет автору не стесняться никакими традициями, условными приемами и установившимися правилами. Жаль только, что нет русского слова, способного заменить слово с ю и т а, скверно звучащее по-русски. Я много думал насчет этого и ничего не мог прискать[2].

Несмотря на скверную погоду, я наслаждаюсь деревенской тишиной и свободой и содрогаюсь от ужаса при воспоминании о всём испытанном мною в минувшие месяцы.

Вы несовсем справедливы к Антону Рубинштейну, дорогой друг. Правда, что он в течение длинного ряда годов нигде и никогда не играл никаких моих сочинений, но с некоторых пор он повсюду играет четыре из шести фортепианных пьес, когда-то мною написанных и ему посвященных. Правда, что эти пьесы, как нарочно, не из самых лучших. В Париже, в мою бытность там в марте, на первом из двух своих концертов он играл эти четыре пьесы.

От племянницы Тани всё нехорошие вести. Зато Коля и Анна всех радуют и приводят в восторг своим счастливым видом и трогательной взаимной любовью. Сестру ожидают здесь в конце этой недели; она везет с собой Володю, который так слаб и нервен, что она решилась взять его до экзаменов, дабы он хорошенько отдохнул.

19 апреля.

Наконец наступило подобие весны, хотя далеко еще не так тепло, как бы следовало для этого времени. А я покамест успел простудиться, и вот уж второй день нездоров; хотя и очень легко, но все же пришлось уплатить дань несносному каменскому ветру. Лев Васильевич уехал на ярмарку в Елисаветград, и я остался один в доме, а обедать хожу к старушке Александре Ивановне Давыдовой. Не нарадуешься, когда смотришь на эту восьмидесятилетнюю старушку, бодрую, живую, полную сил. Память ее необыкновенно свежа, и рассказы о старине так и льются, а в молодости своей она здесь видела много интересных исторических людей. Не далее, как сегодня, она мне подробно рассказывала про жизнь Пушкина в Каменке. Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным барским именьем, с усадьбой на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д. Никаких следов от всего этого не осталось. Тем не менее, если что скрашивает безотрадно скучную и лишенную всяких прелестей Каменку, так это именно исторический интерес ее прошлого.

В последние дни форма моего будущего симфонического со-

чинения определилась: это будет с ю и т а; я буду писать ее не торопясь, чтобы вышло нечто, особенно удачное.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг! Наслаждайтесь привольной жизнью в Вашем милом Belair (который я надеюсь рано или поздно посетить), укрепляйтесь, отдыхайте душевно и телесно. Всем Вашим шлю сердечный привет.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Что нового работает Влад[ислав] Альбертович?

200. Мекк — Чайковскому

Belair,
26 апреля 1884 г.

Милый, несравненный друг мой! Вчера вечером Сашок мне сказал, что это был день Вашего рожденья. Если это верно, то примите мое задушевное поздравление и самое горячее желание Вам долгих, долгих дней, здоровья, спокойствия и всего возможного благополучия. От души желаю, чтобы Вы как можно скорее устроились в с в о е м уютном, тепленьком уголке. Я была бы в совершенном упоении от своего пребывания в с в о е м Belair, если [бы] не холод, приводящий меня в изнеможение и отчаяние. Обыкновенно люди о т ж а р а приходят в изнеможение, а я — от холода. По ночам температура опускается до четырех градусов тепла, днем — то солнце, то дождь, а все эти дни и то и другое вместе; ужасно, бесчеловечно! Я не могу и в Россию вернуться из-за холода. У нас всё зелено, сирени цветут в развал, соловьи поют чудесно, а тепла всё-таки нет.

Лето я не могу провести в Belair, как Вы мне это советуете, дорогой мой, потому что это единственное время, в которое я могу повидаться с своими детьми, так как зимою для меня закрыт доступ в Россию. А как тяжело такое изгнание, Вы себе и представить не можете, друг мой, я отдала бы половину жизни за то, чтобы другую половину иметь возможность жить в своем отечестве. Как бы ни устраивать з д е с ь своего дома, я всё-таки чувствую себя в п о л н е д о м а только в России; зачем у нас такой климат невозможный.

Промучившись всю эту зиму с учителями для Макса, я увидела окончательно, что домашнее образование для мальчика не доведет его ни до какой цели, невозможно согласовать требований серьезного и солидного занятия известным курсом наук с житейскими требованиями других членов семьи,— хотя бы, например, необходимость менять местожительство для моего здоровья чрезвычайно вредна для занятий Макса: потеря времени в переездах, переменные учителя и проч., и проч. не дадут ему никогда дойти до желаемого экзамена; поэтому я решила опять его вернуть в Училище правоведения. Мне очень печально, что мое желание иметь хотя одного сына и н ж е н е р а не может осуществиться, но что делать, лбом стену не прошибешь.

Вероятно, Александра Ильинична теперь уже вернулась в Каменку? Как ее здоровье? Сохрани ее господь для блага стольких любящих ее. Моя Соня гостит теперь в Гурьеве у Саши Беннигсен. Она весела

и довольна своею участью. А. А. Римский-Корсаков был почти всё время там же, теперь, должно быть, уехал. Я очень желаю, чтобы он перешел в гвардию, о чем теперь и хлопочут.

Вы сокрушаетесь, дорогой мой, что так давно ничего не писали, то не торопитесь, отдохните, ведь Вы же только что кончили большую работу по переделке «Мазепы»; я так боюсь за Ваше здоровье. Меня опять мучил ревматизм в руке, так что я несколько дней не могла шевелить рукою; теперь прошло, но все поламывает от холода.

Я предполагаю уехать отсюда около 15 мая, но не знаю, как холод прекратится, а до того нельзя ехать в Россию. С нетерпением жду Вашей фотографии, дорогой мой, и благодарю от всего сердца за обещание прислать от обоих сеансов. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

201. Чайковский — Мекк

1881 г. апреля 24—27. Каменка.

Каменка,
24 апреля.

Милый, дорогой друг!

Каменка наша оживилась; наши петербургские жители третьего дня приехали. И странное дело, все в сборе, а чувствуется какая-то пустота. Я объясняю себе это тем, что нет трех старших дочерей. Они все три, не исключая и Тани, отрезанные ломти, тем не менее, никак не привыкнешь к их отсутствию, и всё кажется, что еще кого-то нужно ждать, чтобы всё было попрежнему. В семейной жизни одна из главных прелестей, чтобы были молодые девушки; они своей девственной прелестью и чистотой удивительно скрашивают будничную семейную обстановку, и без них, как велико бы ни было благополучие, недостает самого теплого элемента счастливой семейной жизни. Конечно, нельзя жалеть об отсутствии Тани, ибо она уже давно, кроме горестей, ничего не приносит семье, но было время, когда и она своей красотой, умом и талантливостью радовала и услаждала. А уж об Вере и Анне и говорить нечего; отсутствие их очень, очень чувствительно. Что касается Таси, то я ужасно боюсь за эту девочку, опасаясь, чтобы она не сделалась подобием своей старшей сестры.

27 апреля.

Я начал новое сочинение в форме с ю и т ы. Форма эта мне чрезвычайно симпатична, так как нисколько не стесняет и не требует подчинения каким-ли[бо] традициям и правилам. Сюита эта будет из пяти частей, из коих последняя — в а р и а ц и и.

Засуха продолжается; растительность подвинулась весьма слабо, а на свекловичных плантациях, где были отличные всходы, теперь свирепствуют серые жуки, этот бич здешнего хозяйства. Если

засуха продолжится, урожай будет очень плохой. Лев Васильевич уехал смотреть имение, если не ошибаюсь, для Коли (Вашего сына). Брат Анатолий тоже мечтает о покупке имения и именно в здешней местности. Охотно верю, что это — хорошее помещение капитала, но, с точки зрения приятности жизни, никому не посоветовал бы выбирать Киевскую губернию для приобретения недвижимого имения; разве только на берегу Днепра можно найти хорошенькие уголки.

А курс наш, несмотря на удачу подписки на заем, падает. Так как цель займа была именно подъем курса, то, следовательно, наше Министерство финансов, как справедливо доказывает Катков, сделало новую крупную ошибку.[1]

Третьего дня мне минуло сорок четыре года.[2]

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесценный друг мой!

Ваш П. Чайковский.

202. Мекк — Чайковскому

Belair,
29 апреля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Я только что отправила к Вам письмо, как получила Ваше, помеченное, вероятно, по рассеянности 16 и ю л я.

У нас наконец пришла летняя, но уже не теплота, а прямо ж а р а. Непосредственно с холода, в один прекрасный день, а именно, 24 апреля, сделалось жарко, как летом, и вчера в двенадцать часов дня было тридцать семь градусов по Реомюру на солнце. Я наслаждаюсь невыразимо. Если Вы, дорогой мой, поручите Влад[иславу] Альб[ертовичу] поискать Вам около Плещеева или вообще в Подольских странах хуторка, то он примется за это с полным рвением и может быть очень полезен, потому что он уже там много знает, так как для меня много пересмотрел. Как бы я хотела, чтобы это удалось. Скажите мне, дорогой мой, каким размером владения и какою суммою капитала задаетесь Вы при Ваших поисках? Это необходимо знать приблизительно, и вообще какие Ваши желания, например, должна ли быть н е п р е м е н н о р е к а и т. д?

Я очень рада, что Вы останавливаетесь для сочинения на сюите. Я также очень люблю эту форму (я употребляю это слово в о б щ е м смысле, а не в специально музыкальном) музыки; в сюитах не бывает с к у ч н ы х мест, как в других сочинениях. Недавно я писала в Москву, чтобы мне выслали Ваш Trio в четыре руки, и Юргенсон отвечал, что Trio и не делался в четыре руки; разве это правда? Скажите, милый друг мой, как называется один из номеров Вашей Второй сюиты: J e u d e t o n s или J e u d e s o n s? В печати стоят оба названия; это чудесный номер. Я очень мало слышу музыки. Сашок всё сидит над своим курсом и очень редко играет мне что-нибудь, Влад[ислав] Альб[ертович] не довольно бойкий пианист, хотя играет каждый день. Вы так добры ко всем, дорогой мой, что желаете знать, что и он работает. У него много начатых работ, но к концу не приходят, потому что ему и некогда,— теперь в Belair так много дела с устрой-

ством его, что он едва успевает присесть за работу, как приходит столяр, печник, драпировщик. И так целый день, так что он не может на полчаса сесть за работу с уверенностью, что его не оторвут от нее несколько раз; понятно, что при этом невозможно ничего обдумать, ни составить никакого плана. Но что мне делать? Я мучусь этим сознанием, но у меня нет никого, кем бы я могла заменить его. У него есть теперь начатая увертюра «Siegfried», в которой мне очень нравится похоронный марш. Потом увертюра «Кромвель»; теперь начал писать еще музыку к драме одного польского поэта, кажется, Словацкого (Slowackiego), не помню, как называется сочинение. Теперь и природа и местность здесь располагают ко всему поэтичному. У меня есть здесь аллея в парке, которая тянется полверсты. Вся в лесу, в тени, и ветра в ней никогда не бывает; когда в других местах ветер бушует как буря, в этой аллее абсолютная тишина.

Скажите, милый друг мой, Льву Васильевичу, что у меня сеют озимовый овес; знает ли он такой, я в первый раз вижу. У меня пшеница превосходная, но ведь мои поля величиной в носовой платок; озимовый овес также очень хорош. В пруде у меня ловятся карпы и угри, но прудок также маленький, а рыбы множество: в полчаса на удочку можно наловить целую груду. Как бы я желала, чтобы Вы когда-нибудь заглянули в мой Belair,— это такой прелестный уголок.

Пожалуйста, дорогой мой, напишите мне скорее насчет масштаба хуторка и капитала для него, который Вы желаете затратить. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем всегда Ваша

Н. ф.-Мекк.

203. Чайковский — Мекк

Каменка,
3 мая 1884 г.

Дорогой, милый друг!

Посылаю Вам экземпляры моих московских карточек. Я снимался также в Петербурге, но этих петербургских карточек (которые, кажется, особенно удачны) никак не могу до сих пор получить. Жена моего брата Николая после моего отъезда взялась их получить и раздала по произволу родным, а выписанную мной другую дюжину мне почему-то до сих пор не посылают.

Наконец, после многих несносных, холодных дней сегодня несколько потеплело, но дождя всё-таки нет, и настоящая весна никак не может войти в свои права. Повидимому, и у Вас не наступило еще столь нужное для Вас тепло. Я довольно усердно принялся за новую сюиту, но должен признаться, что повинуюсь не столько напору творческого вдохновения, сколько потребности в труде, без которого долго не могу жить. Вообще, я не без некоторого ужаса усматриваю в себе ослабление авторской силы и не могу не сознавать, что в этом отношении значительно состарился. [1] Следовало бы, вероятно, дать себе продолжительный от-

дых и без укоров совести пребывать некоторое время в праздности, но чем более я сомневаюсь в себе, тем более чувствую себя как бы обязанным работать и насиловать свое нерасположение. Что из этого всего выйдет, не знаю. Думал я отвлечь себя от сочинительства каким-нибудь литературно-музыкальным трудом, например, составлением руководства истории музыки или чего-нибудь в этом роде, но это потребовало бы многих месяцев предварительного чтения и притом на малознакомом мне немецком языке, и на всё это решимости не хватает.

Английским языком я снова стал заниматься и дошел до того, что могу уже довольно свободно читать. Надеюсь к концу лета сделать большие успехи. Это занятие мне очень приятно, и я очень горжусь тем, что без всякой посторонней помощи в три года понемножку добился цели.

У нас здесь все здоровы. От Анны имеем сведения, что она, кажется, беременна. Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Посылаю портреты Саше и Пахульскому.

204. Чайковский — Мекк

Каменка,
4 мая 1884 г.

Дорогой, милый друг!

Брат Анатолий поручает мне обратиться к Вам с просьбой, сущность которой Вы узнаете из прилагаемого при сем письма его. Весьма может статься, что просьба его неудобоисполнима, и в таком случае прошу извинить за беспокойство, но если бы, паче чаяния, оказалось, что когда-нибудь в самом деле Вы могли бы оказать могущественное содействие брату, то усердно прошу Вас не отказать ему в нем. Мне очень жаль Анатолия. При его крайней нервности и чувствительности ему и вообще прокурорские обязанности тяжело нести, но с тех пор, как его назначили состоять при политических следствиях, причем почти каждую неделю ему приходится присутствовать при обысках у нигилистов (где он всегда рискует даже жизнью), он сделался несчастнейшим человеком. Между тем, несмотря на усердие его к службе, подвигается он очень медленно, и начальство ограничивается одними любезностями вместо того, чтобы повышать его. Я бы очень был рад, если бы он мог переменить род службы. Посылая Вам письмо

его, я несколько смущаюсь уверенностью, с которой он говорит о силе моего ходатайствования перед Вами. Но ведь, с другой стороны, я и в самом деле сознаю, что Вы, лучший друг мой, не откажете нам в исполнении нашей просьбы, если последняя имеет шансы осуществления.

Сегодня у нас празднуют день рождения Льва Васильевича, но празднество вышло очень нерадостное. Получено известие, что Катя Базилевская, дочь двоюродной сестры моих племянниц, скончалась от дифтерита.

Будьте здоровы, дорогая моя, и простите за беспокойство.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

205. Мекк — Чайковскому

Belair.
8 мая 1884 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Через неделю я уезжаю из Belair и прошу Вас теперь адресовать мне в Плещеево, где я надеюсь быть к 1 июня, потому что по дороге остановлюсь в Париже, в Берлине, в Варшаве и, наконец, в Москве. Я не скажу, чтобы я с сожалением покидала Belair, потому что я еду в свою дорогую Москву, в свое милое Плещеево, а там я, конечно, больше д о м а, больше у с е б я. Весна в нынешнем году такая бесчеловечная, что просто в отчаяние приходишь: у нас с 24 апреля всё перемежается — то жара, доходящая до сорока градусов, то холод; сегодня, например, всего только девять градусов тепла, дождь льет, и нет надежды на лучшее. Как природа нигилилась и как сделалась беспорядочна, должно быть, также впала в нигилизм.

Я и радуюсь, что Вы принялись за новое сочинение, друг мой, и беспокоюсь, что Вы не довольно отдохнули и что как раз теперь, к лету, к жаркому времени, Вы будете изнурять себя работою; пошли Вам бог силы и здоровья. Нет ли чего-нибудь нового об уголке для Вас?

Я получаю очень часто письма от моей Сони. Слава богу, она, кажется, любит своего жениха и совершенно довольна своею участью, но, бедненькая, соскучилась без меня ужасно. Это первая ее разлука с своим семейством и так надолго; вот уже два месяца, что она уехала, и она, бедная, совсем терпение теряет. Как меня беспокоит, что наша Анна всё хворает, и бог знает, что это такое. Глядя на нее, я думала, что она крепкая, здоровая, а между тем, она всё нездорова; это ужасно — какое плохое нынешнее поколение! Вам, вероятно, известно, дорогой мой, что я своего Колю выбрала кандидатом на должность директора в Рязанское правление, с тем, что он будет заниматься наравне с директором. Я очень рада, что мне это удалось, потому что Коля будет иметь занятие, а я считаю это очень важным. Вследствие этого, молодые наши будут жить в Москве, вероятно, в моем доме,

Я теперь в больших хлопотах с укладкою к дороге, и к тому же надо оставить все распоряжения моему fermier* и садовнику — два главные чина у меня в Belair.

До свидания в следующем письме, милый, дорогой друг мой. Прошу Вас, не изнуряйте только себя работою. Будьте здоровы и спокойны. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

От всей души бесчетно раз благодарю Вас, дорогой мой, за Вашу фотографию, которую мне прислал Коля, вероятно, по Вашему приказанию. Фотография эта очень хороша, потому что Ваши чудные глаза глядят прямо в душу. Еще и еще благодарю Вас, мой бесценный, но всё-таки я жду и второй обещанной фотографии.

206. Чайковский — Мекк

Каменка,
9 мая 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Как Вы добры, как часто балуете меня письмами! Признаюсь, что, несмотря на всё удовольствие получать их, я даже несколько беспокоюсь, что Вы утомляете себя, ибо я знаю, как обширна Ваша корреспонденция и как мало времени Вы имеете возможность посвящать ей. Ради бога, не стесняйтесь количеством моих писем и, хотя бы я писал Вам ежедневно, Вы отвечайте только, когда совсем свободны от других письменных дел.

Вы говорите, милый друг, что Влад[ислав] Альбертович охотно будет содействовать отысканию для меня именьица, и спрашиваете, чего именно я желаю. Во-первых, прошу Вас передать Влад[иславу] Альберт[овичу] мою благодарность, а во-вторых, сообщаю Вам подробности относительно моих требований. Земли мне вовсе не нужно, т. е. я желаю иметь только домик с хорошеньким садом — немолодым. Непременно желательна река. Если будет близко лес, то тем лучше, но я подразумеваю, конечно, чужой лес, ибо, повторяю, владеть хочу лишь домиком и садом. Нужно, чтобы эта дачка или хуторок была совершенно отдельной усадьбой, а не в ряду других дач, а главное, необходимо, чтобы было недалеко от станции, так чтобы Москва была у меня всегда под рукой. Истратить на всё это я желал бы никак не более двух или трех тысяч. Самое же главное и существенное условие, это чтобы местность была симпатичная, красивая. Если дом где-нибудь низко, так что из окон никуда никакого вида нет, то он не подходит под мои требования. Близость фабрики тоже весьма нежелательна. Вот, кажется, и всё. Вы видите, дорогая моя, что, хотя мои требования скромны в смысле ценности имения, но они

* арендатору

довольно велики в других отношениях, и вообще мне начинает казаться, что довольно трудно будет найти желаемое. Тем более я буду благодарен Влад[ославу] Альбертовичу, если его дружеская помощь увенчает мои стремления успехом.

Трио мое для четырех рук не переложено, но непременно будет переложено.[1] Затруднение в том, что ужасно трудно найти человека, способного хорошо это сделать, а сам я никак не найду времени, чтобы этим заняться. Скажите мне, милый друг, не обещал ли я прежде уже Вам сделать это? Если да, то ради бога простите, что обещание до сих пор не исполнено, и будьте уверены, что так или иначе в самом близком будущем я позабочусь об удовлетворении Вашего желания.

Название первой части Второй сюиты Jeu de sons, а не Jeu de tons. Я очень сокрушаюсь об опечатке, ибо это совершенно два различных понятия: Jeu de tons предполагал бы обилие модуляций, а его-то именно и нет в данном случае.[2]

Я в высшей степени желал бы посмотреть на Belair или, лучше, пожить в нем некоторое время, но мне хотелось бы знать, дорогая моя, когда это возможно. Я думаю, что когда Вы будете уезжать из Belair, то он, вероятно, будет запираться, и мое появление там повлечет за собой беспорядок и неудобство. Лучше всего, вероятно, было бы поехать в Belair сейчас после Вашего выезда, т. е. теперь, или же весною, незадолго до Вашего возвращения там. К сожалению, теперь мне было бы по разным соображениям неудобно оставлять Россию, и поэтому, вероятно, лишь будущей весной можно будет привести в исполнение мое живейшее желание погостить у Вас во Франции. Вот и в Плещееве тоже мне ни разу еще не пришлось побывать. А с каким сжиманием сердца я вспоминаю о моих гощениях в Браилове и особенно в Симаках,— этого я не могу выразить. Так грустно сознавать невозвратимость этих чудных дней! Как поэтичны для меня воспоминания о них! Надеюсь, что письмо это еще застанет Вас в Belair.

Будьте здоровы, дорогая! Дай Бог Вам всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

207. Чайковский — Мекк

1884 г. мая 21—26. Каменка.

Каменка,
21 мая.

Меня очень беспокоит, милый друг мой, что я так некстати, как раз ко времени, когда Вы были заняты укладкой, послал Вам письмо брата Анатолия, да и вообще я, кажется, глупость сде-

лал, послав Вам его. Фантазия его, по всей вероятности, совершенно неудобоисполнима, и в результате выходит, что я только напрасно обеспокоил Вас одним лишним ответным письмом.[1]

Катастрофа на Николаевской линии произвела на меня самое тяжелое впечатление. С стеснением сердца думаю о всех близких, которым теперь придется ехать. Вот и брат Модест выезжает на днях из Петербурга, и Митя едет в Каменку, и Вы должны в скором времени проехать в Москву. Можно ли быть покойным насчет путешествующих в России, когда даже на самой главной линии возможны случаи, подобные происшедшему 13 мая?[2]

23 мая.

Я получил сегодня письмо от Владислава Альбертовича, в которое он вложил объявление из «Нового времени» о продающемся за двадцать одну тысячу рублей имении. Из этого я заключаю, дорогой друг, что Вы не получили того письма моего, в котором я писал об условиях, при соблюдении коих я желал бы приобресть клочок земли. Ценность его я обозначил в две тысячи рублей, и, следовательно, объявленное в «Нов[ом] вр[емени]» имение совсем к моим скромным требованиям не подходит.

По поводу этого я должен сказать Вам, дорогая моя, что по зрелом размышлении я решился отложить на неопределенное время исполнение моей мечты. В сущности, я поступил совершенно как малый ребенок, вообразив, что, еще не скопив никаких денег, можно приниматься за искание. Если и в самом деле можно за какие-нибудь две тысячи приобрести хутор, то, дабы сделать из него удобный и приятный для жилья дом, нужно, по всей вероятности, еще много тысяч истратить на устройство. У меня же никаких скопленных денег не имеется, и только теперь, когда ребяческое увлечение прошло, и когда многие, к коим я обращался с просьбой искать для меня имения, серьезно принялись за изыскания, я увидел, что еще не наступило время для приведения моих мечтаний в исполнение и что я был бы поставлен в самое неловкое положение, если бы напрасно побеспокоил тех, которые взялись тратить свое время на искание. Я знаю, милый друг, что̀ Вы на это мне ответите, и Вы даже уже предложили мне оказать помощь в покупке имения. Но этого я решительно не желал бы. Если я куплю имение, то на свои сбережения из своих столь больших доходов, что благоразумный человек уже давно бы на моем месте обзавелся бы хорошим имением. Я получаю так много, и если мои оперы прочно войдут в репертуар, то доходы мои еще настолько увеличатся, что мне можно будет назваться положительно богатым человеком, и, находясь в таком цветущем финансовом положении, было бы положительно бессовестно для достижения своих желаний еще обращаться к Вам,

виновнице моего благосостояния. Что касается какого-нибудь крупного займа, то я дал себе клятву никогда ни одной копейки не занимать.

Вывод из всего вышеизложенного, что нужно приняться за сбережения и, собрав несколько тысяч наличных денег, искать имение, а покамест просить всех тех, к кому я обращался с просьбой о содействии (в том числе и Влад[ислава] Альбертовича), отложить свою готовность оказать дружескую помощь до будущего времени, когда мое намерение сделаться собственником будет не ребяческой, идиллической фантазией, а настоящим делом.

Так как я говорю о деньгах, то позвольте мне напомнить Вам, дорогой друг, что из июньской бюджетной суммы следует выключить пятьсот рублей, переполученных мной зимою, и что остальную сумму я попрошу Вас теперь мне не посылать, так как я еду в начале июня на полтора месяца к брату Модесту. В половине июля я буду в Москве и тогда мне удобнее будет получить эти деньги.

Адрес мой следующий: Полтавской губ., Константиноградского уезда, почтовая ст. Ново-Николаевка, оттуда в Граикино, П. И. Ч.

26 мая.

В день, когда я писал предыдущие строки, был, наконец, сильный дождь, спасший поля, начинавшие, было, в самом деле гибнуть. Все повеселели вследствие этого, а то Лев Вас[ильевич] начинал впадать в мрачную меланхолию.

Я кончил сочинение сюиты и покамест отдыхаю, а в Граикине, в гостях у брата Модеста, примусь за оркестровку.

Про имение, приобретенное Колей, все, знающие местность, отзываются во всех отношениях очень хорошо. Я очень радуюсь за них, что они обзавелись, и так во-время, симпатичным имением. Надеюсь, что и мне от времени до времени придется гостить у них.

Мои занятия английским языком настолько успешны, что я уже довольно свободно читаю, и с каждым днем это занятие делается для меня легче и приятнее.

Надеюсь, дорогой, милый друг, что путешествие Ваше не очень утомило Вас, и желаю от всей души, чтобы пребывание Ваше в Плещееве доставило Вам отдохновение и отраду.

Всем Вашим усердно кланяюсь. Потрудитесь передать Саше, что я очень благодарен ему за милое письмо. Я на днях напишу ему.

Искренно желаю всякого счастия Софье Карловне.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

208. Чайковский — Мекк

Каменка,
7 июня 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу к Вам, будучи еще нездоровым, и потому извините за краткость и необстоятельность письма. У меня было нечто вроде воспаления в горле с сильнейшим жаром и такою ужасной болью в горле, что в течение суток я даже глоточка воды не мог проглотить. Теперь мне лучше, но чувствую себя очень слабым. Пришлось отложить свой отъезд из Каменки, но надеюсь, что завтра или послезавтра можно будет пуститься в недалекий путь.

Я думаю, дорогая моя, что Вы уже давно в Плещееве, и, если не ошибаюсь, Коля с Анной находятся у Вас. Пожалуйста, передайте им тысячу нежностей от меня. Как мне жаль, что мне не удается с ними видеться; и в Италии не пришлось, как я мечтал, попутешествовать с ними, и в Петербурге я их не дождался, и теперь, как раз, когда они поедут в июле на юг, я поеду на север к брату Анатолию.

Сестра, задержанная здесь болезнию Натальи Андреевны, сегодня, наконец, уехал в Карлсбад. Здоровье ее всё это время было отлично, и приходится всё больше и больше убеждаться в том, что чем дальше она от старшей дочери своей, тем лучше для нее. Какая грустная истина!

Черновую работу свою я кончил и в Гранкине, у Модеста, примусь за инструментовку.

Здесь идут теперь ежедневные дожди и особенно они благоприятствуют Вербовке, где, благодаря им, можно надеяться на превосходный урожай.

Будьте здоровы, дорогая! Дай бог Вам наслаждаться в Плещееве полнейшим спокойствием.

Ваш, беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

209. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
11 июня 1884 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Простите мне, бога ради, что я так долго Вам не писала, но если бы Вы знали, сколько дел обрушивается на меня всегда, когда я возвращаюсь в Россию, то Вы были бы снисходительны. В Москве меня буквально рвали на части с разными

и большею частию всеми неприятными делами; людская злоба, зависть и преследование меня приводят меня в изнеможение. Я не могу даже заботиться о своих детях, как всякая мать, и это возводят в уголовное преступление. Так было буквально по случаю выборов Коли кандидатом Рязанского правления, и всею этою низостью заправлял человек, которому я доставила возможность составить себе состояние. Неблагодарность так вот Saint-Just хотел возвести в уголовное преступление; да где же им понять такие высокие идеи.

Теперь я в своем милом Плещееве стараюсь отдохнуть, но еще невозможно, потому что тут Сонина свадьба начеку, а суета не прекращается. Также беспокоит меня ужасно предстоящее Сашино разрешение, так как последний ребенок у нее родился несовсем благополучно, преждевременно, но теперь, слава богу, этот детеныш, по имени Ада (Адам), такой миленький, такой умненький, что всех забавляет, Саша с мужем в Москве, в моем доме, а дети ее здесь у меня.

Очень мне жаль, дорогой мой, что Вы откладываете исполнение Вашего проекта на приобретение именьица. Мне так хотелось, чтобы Вы устроились, но всё же на это надежда не потеряна.

С бюджетною суммою я поступлю, как Вы приказываете, только прошу Вас, дорогой мой, сообщить мне, когда Вы будете в Москве, чтобы не пропустить этого удобного времени. Что здоровье Модеста Ильича? Прошла ли его лихорадка? От души желаю ему поправиться в деревне.

У нас такие дожди, что просто приводят в отчаяние, и из Belair мне пишут, что также дожди не дают убирать сено. Хотя Belair гораздо красивее Плещеева, но мне в Плещееве еще приятнее, чем в Belair, конечно, потому, что здесь всё свое, родное.

Как это ужасно, что Вы были так больны, дорогой мой, должно быть, Вы сильно простудились; сохрани Вас господь и пошли Вам полное выздоровление.

Моя Соня очень привязалась к своему жениху и теперь пока очень счастлива и весела. Мне ее жених также понравился. Он кажется серьезным, рассудительным молодым человеком, что очень полезно для Сони, потому что она очень жива и при этом бесконечно наивна, непрактична и неопытна. Мы хотели бы сделать свадьбу 1 июля, но это зависит от Сашиного разрешения. Мой будущий зять недавно был в Петербурге, где видел Веру Львовну, и говорил, что она очень похудела. Бедненькая, ей так много приходится быть без мужа, она скучает, конечно, и потому худеет. Кстати об них: по просьбе моего Коли я распорядилась, чтобы Николая Александровича Римского-Корсакова выбрали кандидатом в Моршанское правление с жалованьем три тысячи рублей в год и с тем, что он будет исполнять поручения Правления в Петербурге; конечно, эти занятия не будут обременительны для него, потому что там совсем нечего делать. Моя парочка,— Коля и Анна уехали в Киев. Анна такая славная, милая, я всё больше и больше люблю ее, и вообще я любуюсь и радуюсь на эту парочку; пошли им, господи, прочное и неизменное счастие.

До свидания, дорогой мой, милый друг. Будьте здоровы и не забывайте беспредельно любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

Как Вы скоро работаете, дорогой мой; это просто поразительно каждый раз, когда это видишь,— теперь уже кончили сюиту!

210. Чайковский — Мекк

Гранкино,
16 июня [1884 г.]

Милый, дорогой друг!

Мне чрезвычайно неприятно было узнать из Вашего письма об огорчениях и разочарованиях, Вами испытанных, и об расстройстве и утомлении, причиненном Вам неприятностями этими. Я вообще заметил, что Вам за границей живется покойнее, и, признаюсь, столько же всегда радуюсь, когда Вы туда едете, сколько сокрушаюсь и боюсь за Вас, когда Вы возвращаетесь в Россию. Дай бог, чтобы роды Александры Карловны прошли благополучно, чтобы Вы могли поскорее устроить свадьбу Софьи Карловны, чтобы затем Вы отдохнули и снова уехали в свой уголок на чужбине.

Я уже пятый день в Гранкине. После шумной, прозаической деловой, неблагоуханной Каменки чрезвычайно приятно очутиться в настоящей деревенской степной глуши, в прелестном, благоуханном оазисе, столь тихом и отдаленном, что мы только раз в неделю газеты и письма получаем. Мне очень здесь нравится, и я усердно гуляю, но и работаю не менее усердно. Кроме инструментовки сюиты, я принялся и за новое сочинение, а именно, за концерт для фортепиано.[1] Здоровье мое теперь хорошо, но я всё еще не совсем вошел в свою обычную колею и жду, чтобы установилась совсем хорошая погода, дабы купаться и вообще набираться сил. Здесь идут нескончаемые дожди, а вчера была гроза, длившаяся ровно четыре часа, с таким небывалым ливнем, что сад был весь наводнен, и сильным потоком снесло огород и множество всякого рода насаждений. Думаю пробыть здесь еще с месяц.

Я очень понимаю, дорогая моя, как Вы теперь обременены всякого рода заботами и хлопотами, и прошу Вас убедительно не отвечать мне на письма, пока не наступит период успокоения от всех предстоящих Вам волнений.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

211. Чайковский — Мекк

Гранкино,
26 июня [1884 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Кажется, я довольно давно уже не писал Вам. Жизнь здесь идет так однообразно, сегодня так похоже на завтра и на

вчера, что теряешь способность измерять время днями и неделями. Даже праздничные дни в такой глуши, где даже церкви нет, нисколько не отличаются от будних дней. Я люблю такого рода жизнь, и ничто так благотворно не действует на меня, как пребывание в деревенской глуши. Природа здесь степная, и хотя лес есть главный источник наслаждений от природы, но от времени до времени и степь имеет своеобразную прелесть, особенно вечером. Между тем, работы мои значительно подвигаются, и я надеюсь, что еще до наступления августа сюита моя будет вполне кончена. Модест тоже все свои досуги от обязательных занятий с воспитанником посвящает авторской работе. Он задумал уже довольно давно драму, сюжет которой в подробностях сообщил актрисе Стрепетовой, и та пришла в такой восторг от плана пьесы и от предназначенной для нее роли, что уговорила Модеста приняться за работу и к началу сезона представить пьесу в дирекцию театров. Он читал мне уже вполне готовые первые два действия, и, если я не ошибаюсь, драма в самом деле будет замечательная.

Письмо это придет к тому времени, когда Вы будете озабочены родами Алекс[андры] Карл[овны] и свадьбой Софьи Карл[овны]. От всей души желаю, чтобы всё это совершилось вполне благополучно. Писем от Вас, дорогая, я теперь не буду ждать. Останусь здесь до второй половины будущего месяца.

Будьте здоровы, милый друг!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Всем Вашим шлю поклоны и приветствия.

212. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
5 июля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Прежде всего сообщу Вам о том, что меня так беспокоило, как Вы знаете: Саша моя, слава богу, разрешилась благополучно и к тому же девочкою, чему я особенно рада, так как у нее уже есть четыре мальчика. Завтра должна быть Сонина свадьба; я не буду на ней, потому что, как Вы знаете, милый друг мой, для меня новые знакомства невозможны. Вчера все уехали на свадьбу, и остались только Юля и я, так как она меня никогда не оставляет, да и ей тоже новые знакомства слишком трудны. До сих пор я вполне довольна своим будущим зятем, Алексеем Александровичем Римским-Корсаковым, но, конечно, женихи всегда бывают хороши, а каков он будет мужем, это покажет будущее и этого вперед никогда нельзя знать.

Как я рада, что Вы довольны Вашею настоящею резиденциею, но не утомляйте себя слишком много работою, дорогой мой. Узнав

из Вашего письма, что Вы пишете фортепианный концерт, я задумалась над тем, кто же в Москве после Николая Григорьевича может играть его, и думаю, что только один Танеев, впрочем, Зилоти, вероятно, также. А Москва совсем забыла уже Николая Григорьевича, как это нехорошо. Но вот это — разница в музыкальной сфере между виртуозами и композиторами: композиторов никогда не забывают, а исполнители чередуются, один заменяется другим, и выбывшие исчезают бесследно. Ваша сюита, вероятно, будет исполняться нынешнею зимою?

Очень радуюсь я, что Модест Ильич также взялся опять за работу, было бы жаль зарывать в землю такой талант, как у него. Отчего Модест Ильич не пишет романов? С наблюдательностью, с живостью представления, какими он обладает, у него выходили бы прелестные романы, и он приобрел бы гораздо более популярности и известности. Ведь театральные сочинения очень ограниченному количеству людей могут быть известны, и оценить их можно только при хорошем исполнении, а следовательно, с ними могут ознакомиться только жители двух столиц, да и то такие, которые имеют средства посещать театр, тогда как романы могут читаться во всех закоулках России. Посоветуйте, дорогой мой, Модесту Ильичу писать романы; с каким бы удовольствием я их читала.

Читали ли Вы новый роман Альфонса Доде «Сафо»? Если не читали, то мне бесполезно говорить свое мнение об нем, а если читали, то напишите мне, милый друг мой, какое впечатление он на Вас произвел и какую мораль Вы вывели из него. Я за это сочинение очень упрекаю Альфонса Доде, хотя вообще о ч е н ь люблю его. Я из всей французской нации люблю только двух человек: Жоржа Бизе и Альфонса Доде. Не случилось ли Вам прочитать в «Figaro», что этот французик, который у меня несколько сезонов [жил], Achille D[illegible], получил prix de Rome за сочинение на сюжет «Enfant prodigue», которое очень расхваливают? И неудивительно: он о ч е н ь симпатичный мальчик и, живя у меня так много, он имел возможность значительно расширить свои музыкальные понятия и вкус знакомством с произведениями других стран, и он пользовался этим хорошо.

До свидания в будущем письме. Я надеюсь, что это найдет Вас еще в Гранкине. Будьте здоровы, мой милый, неизменный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. Ф. Мекк.

213. Чайковский — Мекк

Гранкино,
5 июля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Из письма Сашонка я узнал, что Ал[ександра] Карл[овна] благополучно разрешилась от бремени. Я искренно, от всей души порадовался этому, зная, какая теперь г о р а с плеч у Вас скатилась. Засим остается желать, чтобы Вы поскорее отдохнули от хлопот, сопряженных с свадьбой Соф[ьи] Карл[овны]. Полагаю, что к тому времени, когда придет это письмо, свадьба эта уже отойдет в область прошедшего, и от всей души поздравляю Вас,

дорогая моя, с обоими счастливыми событиями, т. е. с рождением Ксении и бракосочетанием Софьи Карловны.

Я продолжаю жить тихой деревенской жизнью и очень доволен как успешным ходом своей работы, которая ушла так далеко, что к концу месяца сюита моя будет вполне готова, так и вообще всем течением гранкинской жизни.

На днях меня очень обрадовало и тронуло известие, сообщенное мне издателем моим Юргенсоном. В течение зимы я нередко говорил, что хотел бы иметь в Москве хоть маленький постоянный свой уголочек, дабы не тяготиться жизнью в гостинице, когда приходится подолгу гостить в Москве. Юргенсон, как оказывается, с весны уже приступил в своем доме к постройке специально для меня маленького флигелька, который до конца жизни отдает в полное мое распоряжение. Я тем более рад этому, что место, где находится дом Юрг[енсона], очень мне симпатично, и вид оттуда на всю Москву великолепный.

Я выезжаю отсюда двадцатого числа прямо в Москву, т. е. не в самый город, а к брату Анатолию, живущему на даче по Московско-Курской линии.

Потрудитесь, дорогой друг, поздравить от меня новобрачных и передать мои приветствия Юлии Карловне и всем Вашим.

А Вам, милый друг, желаю спокойствия, здоровья и всякого благополучия.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Я очень рад, что Bussy получил prix de Rome.

214. Чайковский — Мекк

1884 г. июля 14—17. Гранкино.

Гранкино,
14 июля 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Весьма обрадован был получением письма Вашего. Еще раз поздравляю Вас с двумя счастливыми семейными событиями.

Я задался целью совершенно окончить до отъезда моего в Москву сюиту, дабы ехать и отдыхать дорогой и там с приятным сознанием удачно оконченного труда. Не знаю, насколько я увлечен теперь родительским чувством к этому новому детищу своему и насколько это чувство прочно, но мне кажется, что новая сюита далеко превзошла своих предшественниц и что, вообще, это вещь очень недурная. Мне кажется также, что она должна Вам по-

нравиться. К сожалению, Вы узнаете ее только по фортепианному переложению, а в этом виде все мои сочинения много теряют.

Концерт для фортепиано, о котором я Вам писал, я хочу писать осенью или даже зимой. Конечно, такого идеального исполнителя, как Н. Г. Руб[инштейн], я уже не дождусь, но есть один пианист, о котором я именно мечтал, когда у меня зародилась мысль концерта. Пианист этот некто д'Альбер, молодой человек, который приезжал прошлой зимой в Москву и которого я там много слышал и в концертах и в частном доме. По-моему, это гениальный пианист и настоящий наследник Рубинштейнов. Танеев (которого я ставлю вообще очень высоко как музыканта-теоретика, композитора и преподавателя), конечно, тоже может быть для меня подходящим исполнителем, хотя в нем нет той виртуозной жилки, которая и составляет сущность магического действия на публику выходящих из ряду исполнителей. Что касается Зилоти, то, между нами будь сказано, мне кажется (может быть, я и ошибаюсь), что это немножко вздутая местным, локальным патриотизмом знаменитость. Его игра не лишена внешнего блеска и силы в материальном смысле слова, но он не только не произвел на меня никакого серьезного впечатления, но, скорее, даже не понравился мне бесцветностью и ребячеством воспроизведения всего, им исполненного. Может быть, это потому, что он еще очень молод; во всяком случае, не об нем буду я мечтать, когда начну писать концерт свой.

17 июля.

Вы спрашиваете, милый друг, отчего брат Модест пишет не романы, а комедии. Его больше привлекает сцена, чем толстые журналы. На этот же раз его подвигнула на приведение в исполнение плана его пьесы актриса Стрепетова, которая очень его любит. Он сообщил ей идею своей драмы, она очень увлеклась ею и упросила и даже взяла с него слово приготовить к сезону эту пьесу, в которой для нее великолепная роль. Впрочем, драматическая форма отнюдь не мешает сочинению Модеста попасть на страницы журнала, и я надеюсь, что Вы ее прочтете.

Я уезжаю отсюда послезавтра, в пятницу, так что, когда Вы получите это письмо, я уже буду поблизости Вас. Адрес мой такой: Моск.-Курская жел. дор., ст. Климовка, оттуда в Скабеевку, имение г.г. Ершовых, П. И. Ч.

Если вы будете посылать мне бюджетную сумму, дорогой друг, то всего для меня удобнее было бы получить ее в Москве, куда я поеду вскоре после приезда в Скабеевку, и адресовать по-

прошу Вас в магазин Юргенсона, ибо, в противном случае, мне нельзя будет получить заказного письма, так как в Климовке почтовой конторы нет. Впрочем, если это неудобно, то я буду ждать удобного случая. Главное, чтобы для Вас никакого беспокойства по этому предмету не было. Я начинаю подумывать о поездке на воды в Виши. Хотя на здоровье вообще пожаловаться не могу, но катар желудка, коим я давно уже страдаю, несмотря на самую строгую гигиену, дает себя по временам чувствовать. Однажды лечение в Виши (в 1876 г.) очень помогло мне. Сюита моя почти вполне кончена.

Будьте здоровы, покойны, счастливы, дорогой, милый друг!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

215. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
23 июля 1884 г.

Милый, несравненный друг мой! Спешу написать Вам только несколько слов, потому что Владислав Альбертович сейчас едет в Москву, а я только что восстала от сна, потому что шесть часов утра.

Посылаю здесь чек на бюджетную сумму и прошу Вас, дорогой мой, не отказать уведомить меня о получении его. Как Вам понравилась Скабеевка, как Вы устроились? Узнала ли Вас Ваша племянница? Я очень рада, что Вы кончили сюиту и отдохнете вполне. Я совершенно уверена, дорогой мой, что Ваша сюита мне понравится, потому что мне ничьи сочинения так не нравятся, как Ваши. Что же касается неудовлетворительности впечатления при фортепианном переложении, то на это у меня иной взгляд, чем вообще у всех, но об нем я скажу Вам, когда буду иметь больше времени для писанья письма.

Саша еще гостит у меня. Ей, бедной, всё заботы с детьми. Теперь у двух мальчиков, Юрия и Леонтия, коклюш, а Вы знаете, вероятно, друг мой, что это очень тяжелая болезнь, и к тому же постоянный страх, чтобы другие не заразились. Она, бедная, ночи не спит из-за больных детей. Маленькая Кася — премиленькое созданьице, уже выражает намерение улыбаться. Сашок уехал в Каменку к именинам Анны, вернется около 3 августа. Саша уедет от меня 31 июля, и мы все, кроме Макса и его преподавателя Хрулева, поедем провожать ее до ее Гурьева, где и пробудем дня четыре. Муж ее в Франценсбаде лечится. Вам непременно надо исполнить Ваше намерение, дорогой мой, поехать в Виши попить воды. Я их также уважаю и пила четыре лета сряду, но здесь в России; мне они также помогали. Сегодня светит солнце и на душе веселее.

Будьте здоровы, дорогой мой, от души желаю Вам хорошо отдохнуть и запастись силами и здоровьем для всей зимы. Я очень рада, что Вы имеете хоть маленький уголочек в Москве. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

216. Чайковский — Мекк

Скабеево,
23 июля 1884 г.

Дорогой, милый друг!

В последнем письме Вы спрашивали, каково мое мнение о «Sapho» Daudet. Я эту книгу прочел только теперь в дороге и могу тотчас же высказать мнение о ней. Я давно уже охладел к Доде, а теперь, несмотря на его несомненный и сильный талант, он окончательно упал в моем мнении. Если бы Daudet не поставил во главе книги посвящения сыновьям, давая тем чувствовать, что она должна чему-то научить и от чего-то предостеречь их, то, прочтя «Sapho», я бы просто сказал, что Daudet очень бойко и картинно, а вдобавок и с большим сочувствием к герою и героине романа, описал их чувственность и развращенность. Но теперь, помня, кому посвящена книга, я возмущаюсь фарисейством, притворной добродетельностью автора. В сущности, угождая развращенному вкусу своей публики, он цинически откровенно рассказывает, как в Париже занимаются развратом, а притворяется, что пишет урок для своих сыновей, и хочет, чтобы думали, что им руководили нравственные цели и высокие побуждения оттолкнуть молодых людей от разврата. Побуждение было одно: написать книгу, заманчивую для развращенной французской публики и нажить как можно больше денег. И надо признаться, цель достигнута. Книга будет иметь громадный успех, подобно «Pot-bouille» Zola, романам Gui de Maupassant и произведениям всех вообще адептов новой французской школы. Если хорошенько вникнуть в изображенный автором круг людей и быт их, то окажется, что под прикрытием внешней правдивости и реализма сущность романа — ложь. Sapho — существо невозможное; по крайней мере, я такого дикого смешения честности с низостью, благородства чувств с подлостью не встречал. Но всё же автор, видимо, сочувствовал героине своей, и хотя, судя по посвящению, она должна, в конце концов, оттолкнуть и привести в ужас сыновей г. Доде, но, в действительности, она будет для них привлекательна. Зато ни для сыновей Daudet и ни для кого в мире не могут быть симпатичны добродетельные персонажи романа: скучная и дикая Divonne, невозможные сестры героя, их мать и др. От всех этих персонажей веет деланностью, искусственностью. Sapho — преувеличенное изображение парижской кокотки, но всё-таки кое-что в ней списано с действительности. В тех же лицах нет ничего живого. Бесцветнее всего вышла Irène. Каждый молодой человек, читая роман

Доде, поймет, что, в конце концов, Sapho победила в сердце Jean его невесту. Ничем Daudet не выдал своего фарисейства с такой очевидностью, как тем, что Irène, которой мы должны сочувствовать столь же сильно, как ненавидеть Sapho, написана, между тем, так, что невольно мы склоняемся на сторону развратной Sapho.

А засим, большого таланта и мастерства отнять у Доде невозможно, и, конечно, в «Sapho» найдется десятка три превосходно написанных страниц.

Вчера я приехал в Скабеево. Переезд совершился довольно благополучно, но, вследствие царствующей на наших железных дорогах безурядицы, багаж мой, сданный на одной станции Харьково-Азовской линии в Курск, где-то запропал. Начальник станции в Курске обещался мне всё это устроить, но так как в одном из сундуков находится моя партитура сюиты и эскизы фортепианного концерта, то я всё-таки беспокоюсь. Потерянные вещи могут быть заменены, по мере возможности, другими, но как вознаградить и утешить себя, если пропадет большой многомесячный труд! Буду, однакож, верить, что на днях сундуки мои придут в целости.

Перед самым моим отъездом из Гранкина я писал Вам, дорогая моя, и надеюсь, что письмо мое дошло до Вас.

Будьте здоровы, бесценный, дорогой друг!! Дай бог Вам всякого благополучия!

Безгранично любящий Вас
П. Чайковский.

217. Чайковский — Мекк

Скабеево,
28 июля [1884 г.]

Дорогой, милый друг мой!

Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше со вложением чека я получил, и приношу Вам за него глубокую мою благодарность. Я засиделся здесь, и по этой причине получил письмо только вчера. Мне так нравится Скабеевка, что, несмотря на множество дел, призывающих меня в Москву, я никак не могу собраться туда. В самом деле, это очаровательное местечко. Холод мне переносить совсем не мучительно, но когда думаю о Вас, то сердце мое сжимается, ибо знаю, как Вы страдаете.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Благодарю Вас от всей души.

Ваш П. Чайковский.

218. Чайковский — Мекк

Климовка,
1 августа [1884 г.[

Милый, дорогой друг мой!

Я только что вернулся из Москвы, куда ездил на один день по делам и, между прочим, получил из банка деньги, за которые еще раз приношу живейшую благодарность.

После нескольких месяцев отсутствия мне всегда доставляет большое удовольствие увидеть Москву. На этот раз она мне показалась более чистой, менее пыльной, чем это обыкновенно бывает летом. Вернулся я сюда с запасом книг и нотной бумаги, с тем чтобы весь месяц остаться в деревне, читать и понемножку заниматься своим концертом для фортепиано. Кроме того, я взялся руководить в течение предстоящего месяца занятиями Ларош, который гостит здесь. Чтобы заставить его работать, нужно в известные часы являться к нему, будить его (он всегда спит) и требовать, чтобы он немедленно начал диктовать (иначе, как диктуя, он работать не может). Одну статью с моей помощью он написал зимой, теперь заставлю его написать еще одну, и притом на тему, очень мне симпатичную, именно о Моцарте. Мы уже и начали ее и доведем непременно до конца. Конечно, исполнять должность няньки при облезшемся и опустившемся сорокалетнем ребенке довольно невесело, но изредка можно, ввиду того, что, несмотря на всю глубину своего умственного падения, Ларош всё-таки еще может писать о музыке лучше, чем кто-либо в России.

Мне очень приятно было узнать в Москве, что другой мой приятель из музыкантов, Губерт, лечился в Карлсбаде и получил большое облегчение. Жена его говорила мне, что он очень похудел (а ему это было нужно) и чувствует себя превосходно.

Моя племянница, прелестный, изящный, как фарфоровая куколка, ребенок, восхищает меня своей прелестью. Сначала она немножко дичилась меня, потом привыкла, и теперь мы — величайшие друзья. Здоровье ее некрепкое. Как бы нужно ей было солнце, воздух, но при столь ужасной погоде поневоле приходится держать ее взаперти.

Воображаю, дорогая моя, как неблагоприятно влияет на Ваше расположение духа этот несносный холод и сырость. Я рад буду за Вас, когда Вы попадете в более благорастворенный климат.

Будьте здоровы, милый, бесценный друг!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

Сюита моя уже гравируется.

219. Чайковский — Мекк

Скабеевка,
8 августа 1884 г.

Милый, бесценный друг!

С сокрушением думаю о том, как Вам тяжело живется при этом холоде. Вчера выглянуло солнце,— сегодня опять серо и мрачно. Что касается меня, то мне до того нравится вся здешняя местность, что, несмотря на неблагоприятную погоду, я очень доволен здешним моим местопребыванием. К тому же, и работа моя идет очень хорошо. Фортепианный концерт вчерне почти готов, и в скором времени примусь за инструментовку. Вообще моя вера в свои авторские силы, поколебавшаяся было, теперь снова упрочилась. Если бог пошлет мне здоровья, надеюсь еще сделать что-нибудь хорошее.

Не будете ли Вы так добры, дорогая моя, в следующий раз, когда вздумаете писать мне, сообщить какие-нибудь хотя самые краткие сведения о том, что делается в Каменке. Мне никто ничего не пишет. Лев Васильевич не ответил на мое последнее письмо, всегдашняя моя корреспондентка Нат. Андр. Плесская тоже почему-то не пишет, так что я ровно ничего не знаю и немножко беспокоюсь по поводу этого молчания.

Здоровье мое настолько хорошо, что я отложил покамест проект поездки в Виши.

То чувство неловкости и недовольства, которым я страдал прошлой зимой при мысли, что у меня нет своего собственного угла, начинает по временам овладевать мною опять. Но я стараюсь доказать себе, что настоящей причины недовольства нет, что весьма может быть, что, имея что-нибудь свое и основавшись на оседлое житье, я бы стал тяготиться им и искать перемены. Привычка вести кочевую жизнь так упрочилась во мне, что едва ли не самым благоразумным будет продолжать вести ее до конца жизни. Решительно еще не знаю, где буду кочевать в ближайшем будущем. Брат Анатолий с женой отправляются в конце этого месяца в Крым. Вероятнее всего, что я вместе с ними поеду до Каменки и там некоторое время останусь, а там, что дальше будет, не знаю. Но, во всяком случае, нужно будет присутствовать в Петербурге на постановке «Евгения Онегина». Я с обычным сжиманием сердца и страхом думаю об этом. Очень бы хотелось узнать, какие Ваши планы, милый друг, и когда Вы покидаете Плещеево?

Будьте здоровы, дорогая моя, и дай бог Вам всякого счастия и благополучия.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Позвольте Вам рекомендовать книгу, которую я читаю теперь с увлечением: «Муравьи, пчелы и осы», Леббока.[1]

220. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
9 августа 1884 г.

Милый, дорогой, друг мой! Я давно не писала Вам, и это потому, что я ездила к моей Саше в Гурьево, и хотя вернулась в воскресенье, но так холодно, что я не решалась писать, и теперь я с трудом двигаю пером, так руки озябли, но уж видно нам тепла не дождаться в нынешнем году. У Саши я провела время чудесно. Она своею жизнью, своею деятельностью производит такое отрадное впечатление, что каждое место, в котором она присутствует, кажется полным, светлым и теплым. Не примите, друг мой, за пристрастие то, что я говорю; нет, я не способна быть пристрастною, я не довольно добра или, вернее сказать, я слишком зла для этого и у меня слишком сильна потребность критически относиться к каждому предмету, при чем невозможно пристрастие, и при всей моей любви к своим детям, я не пристрастна ни к одному из них.

Третьего дня Коля приехал один из Каменки для занятий в Рязанском правлении, потому что Володя должен был уехать на Кавказ для здоровья. Колю очень забавляет его имение. Дай бог только, чтобы ему не пришлось слишком много своих средств тратить на него, тем более, что и так уже на покупку его он истратил больше половины всего своего состояния. Я была против этой покупки, потому что нахожу ее слишком преждевременною. Коля только что вступает в жизнь, только что получил в свое распоряжение свое состояние и не только не знает ни жизни, ни своих потребностей, но даже и себя самого еще хорошо не знает. Для чего было так торопиться бросить такую огромную часть своего состояния (сто семьдесят тысяч рублей) на приобретение чего бы то ни было, хотя бы золотых приисков. По-моему, надо было пожить, узнать условия жизни, ознакомиться с потребностями ее, короче говоря, узнать на опыте (а не с карандашом в руках), сколько доходов требуется для проживания. Узнать также несколько и себя и свои наклонности, вкусы, а главное, размер силы воли, потому что это очень надо в жизни вообще, а для имений в особенности, и тогда, получив возможность сознательно отнестись к предмету, можно покупать и имения. Теперь же я в постоянном страхе, и вполне основательно, что он запутается. Вы, быть может, друг мой, найдете странным, что я так забочусь о состоянии своих детей, но Вы поймете это, если знаете, что состояние, которое мы имеем, не есть наследственное, а что оно составлено нами, моим мужем и мною. Я имею право это сказать, потому что я не только помогала мужу в самой значительной доле в его делах, но по моей инициативе, по моему

крайнему настоянию, муж мой оставил казенную службу и принялся за постройку железных дорог. Это подтвердят Вам все, кто знал меня прежде. Огромными трудами, огромными заботами, лишениями, беспокойствами и всевозможными муками нам удалось составить о г р о м н о е состояние. Из него п о л о в и н у отняли добрые люди, потому что мой муж был добр и благороден, но до крайности слаб и доверчив, и так как он знал, что я бы против этого восстала, то он скрывал от меня долги, которые ему пришлось делать, и, таким образом, я только после его смерти узнала, что имеется шесть м и л л и о н о в долгов. Я боролась с ними пять лет, всё хотела, ничего не продавая, уплатить их, но это оказалось н е в о з м о ж н ы м, и я очутилась на краю разорения, о чем Вам известно, дорогой мой. Это было три года назад; тогда я решилась продать Либаво-Роменскую дорогу и Бранлов и уплатить остальные долги, потому что я раньше уже в эти пять лет уплатила много экономиями от жизни. Таким образом, вынесши много страданий, много бессонных ночей, мне удалось сохранить для детей порядочное состояние, то Вы поймете, дорогой мой, как было бы мне больно, если бы ц е л ь в с е й м о е й ж и з н и — обеспечить существование моих детей — не была достигнута и дети не сумели бы беречь то, что их родители такими тяжкими трудами д л я н и х приобретали. Вот почему я так боюсь теперь и за Колю.

Сегодня Сашок едет также на Кавказ, чтобы отвезти Лизу, Володину жену, к нему в Пятигорск. Это я посылаю ее к нему, потому что боюсь, что он не выдержит курса, так как одному скучно, а ему крайне необходимо заняться своим здоровьем.

Очень благодарю Вас, дорогой мой, за сообщение мне Вашего мнения о «Сафо» Альфонса Доде. К моему великому удовольствию, я увидела, что мы до такой степени о д и н а к о в о отнеслись к этому произведению, что мы даже одни и те же выражения употребляли для определения его значения. Когда мне прочли его, я так разозлилась на Доде, что пожелала ему, чтобы все его сыновья попали в руки кокоток. А я ужасно любила Альфонса Доде.

Я должна кончить письмо, чтобы идти пить чай, потому что уже чувствую тошноту.

Будьте здоровы, мой бесценный друг. Как я рада, что Вам так нравится Скабеевка. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

221. Мекк — Чайковскому

1881 г. августа 10? Плещеево.

Дорогой мой, милый друг, наши письма скрестились; я отправила Вам свое, а на другой день получила Ваше, и хотя я думаю, что Вам теперь уже известно про каменских жителей от Анатолия Ильича, так как он виделся в Москве с Колею, но я всё-таки считаю долгом сообщить Вам об них то, что мне известно. Лев Васильевич уехал в Париж за Татьяною Львовною, с тем чтобы привезти ее в Каменку, а потом она, кажется, будет гостить у Анны в Москве. Очень жаль, что Т[атьяна] Л[ьвовна] приедет в Каменку,— для здоровья Александры Ильиничны это как нехорошо, и теперь она себя несовсем хорошо чувствует, ей всё кажется, что у нее камни пойдут. Дети все, т. е

в Каменке, здоровы, Тася усердно занимается хозяйством. Свекловица нехороша от засухи, а пшеница очень хороша, но цена на нее плохая, по девяносто копеек за пуд. У Коли довольно хорошие результаты очень дурного хозяйства в Копылове. На земле, почти совсем неудобренной и очень дурно обработанной, рожь и пшеница дали хороший сбор.

15 августа мой Макс уезжает в Петербург, чтобы стараться поступить опять в Училище. Я не уверена, удастся ли это, потому что мне ответили из Училища (инспектор Шульц), что для допущения его к экзамену в шестой класс надо разрешение Совета и что меня уведомят об этом в конце августа. Говорят (в Училище), что он может поступить в седьмой класс, а мне бы не хотелось, чтобы он год потерял. Он окончил старший приготовительный и должен был перейти в седьмой класс, и тут я его взяла на год за границу.

Когда я уеду из России, я еще не знаю, дорогой мой, а проект мой на зиму такой. Первую половину зимы прожить в Вене, так чтобы рождественские праздники пробыть там, чтобы Максу ближе было приехать ко мне, а на вторую половину зимы и весну поехать в Belair. Всю зиму жить в Belair для детей слишком скучно — в маленьком городке Тур нет ни хорошего театра, ни концертов, чего в Вене можно иметь вдоволь, да и жить нигде нельзя так уютно и удобно, как в Вене, только одна и беда, что довольно холодно, но всё же ведь это не Москва. А здесь я теперь уже страдаю от холода ужасно, целый день руки отогреть не могу.

От Сони я имею известия очень часто. Они от жары страдают, у нее от жары на шее и на носу кожа лупится, и она говорит, что это «ужас как некрасиво». Они были в Швейцарии, а теперь, вероятно, в Голландии около Гааги, в Scheweningen, у моря; там и старшая моя дочь Лиза с семейством.

Благодарю Вас, дорогой мой, за указание мне книги для чтения, непременно приобрету ее. Будьте здоровы, милый, дорогой мой. Всем сердцем неизменно и всегда Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

222. Чайковский — Мекк

1881 г. августа 11—15. Скабеевка.

Скабеевка,
11 августа 1884 г.

Получил письмо Ваше, милый, дорогой друг! Очень, очень благодарен Вам за него. Мне весьма понятен страх и беспокойство, испытанные Вами по поводу покупки Колей именья. Подобно Вам, я нахожу, что Коля поторопился, но, кажется, это вообще недостаток Коли — слишком скоро переходить от задуманного дела к исполнению его. Нужно надеяться, что с годами эта юношеская прыть поуляжется. Что касается собственно нового имения его, то меня успокаивает то, что Лев Вас[ильевич], которого я считаю большим авторитетом в сельскохозяйственной специальности, нашел имение выгодным. Во всяком случае, жаль, что Льву Вас[ильевичу] пришлось содействовать делу, которое Вам было нежела-

тельно. Но я жил в Каменке, когда он ездил осматривать Копылово и решать вопрос о покупке его, и могу засвидетельствовать, что ему не было известно Ваше неодобрение Колиных проектов насчет покупки имения. Иначе он, конечно бы, не взял на себя это дело. Я надеюсь также, что Лев Вас[ильевич] будет руководить Колей, пока он еще молод и неопытен, и вообще примет живое участие в хозяйстве Копылова. Только из Вашего письма я узнал хоть что-нибудь о Каменке, а то я в самом деле начинал беспокоиться, не имея оттуда никаких известий.

15 августа.

Как Вы добры, дорогая моя! Вчера, возвратившись из Москвы, куда я ездил на двое суток, я нашел Ваше письмо с известиями о Каменке. Благодарю Вас от глубины души. Мне совестно, что я побеспокоил Вас напрасно, ибо, действительно, едва отправив к Вам мое письмо с вопросом о Каменке, я получил Ваше, а вслед затем возвратился из Москвы брат, видевшийся с Колей и узнавший от него, что̀ там делается. Как мне досадно, что я не был в Каменке, когда Лев Вас[ильевич] уезжал в Париж! Я бы самым убедительным образом доказал ему, что Таню необходимо оставить за границей, только, разумеется, не в Париже, где жизнь обходится слишком дорого. Никому так хорошо, к а к м н е, не известно, до какой степени Таню от семьи разделяет теперь бездонная пропасть, которую перешагнуть невозможно. И для ее, и для общего благоденствия необходимо, чтобы они жили врозь. Я не сочувствую также и житью Тани у Коли и Анны. Я з а р а н е е з н а ю, что для них всех это будет одна нестерпимая тягость. Но прошу Вас, дорогая моя, не говорить этого Коле; если дело уже решено, зачем я заранее буду пугать его и Анну?

Дай бог, чтобы поступление Макса в Училище устроилось. Позвольте мне откровенно сказать, что я не радуюсь Вашему проекту жить в Вене так долго. Я очень люблю, когда Вы в И т а л и и или когда Вы у с е б я в Плещееве или B e l a i r, но Вена мне, несмотря на все ее блестящие качества, очень антипатична и притом она для Вас слишком холодна. Больше всего я радуюсь за Вас, когда Вы проживаете в милой Италии.

Я видел в Москве моего приятеля Губерта, возвратившегося из Карлсбада. Он очень поправился. Я хлопочу о приискании для него какого-нибудь определенного занятия при Муз[ыкальном] Общ[естве], но покамест встречаю много затруднений как с его стороны, так и со стороны дирекции Общества. Но не теряю надежды.

Я кончил свой концерт вчерне и принимаюсь за инструментовку. Как идут занятия Влад[ислава] Альбертовича? Не хочет ли он показать мне что-нибудь? Я был бы очень рад назначить ему для этой цели свидание в Москве.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

Ваш П. Ч.

Сейчас узнал, что у нас будет сегодня Коля. Очень рад этому.

223. Чайковский — Мекк

Смабеево,
21 августа 1884 г.

Милый, дорогой друг мой!

Обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой. В прошлом письме я, кажется, уже писал Вам, что не знаю, что с собой делать в предстоящие осенние месяцы. Одно только знаю: смертельно не хочется жить в городе. В Каменку мне неудобно теперь ехать, во-первых, потому, что мне хотелось бы поскорее сдать издателю мой концерт, а там мне теперь работать неудобно, ввиду большого обилия приезжих. Во-вторых, мне просто там места нет. Вследствие приезда Тани, ожидаемого там гощения брата Анатолия, всё у них будет переполнено; да, наконец, мне очень не хочется вытеснять Анну с Колей из моих комнат, которые они занимают.

И вот ввиду всего этого я решаюсь просить у Вас позволения после Вашего отъезда пожить, хотя бы недолго, у Вас в Плещееве. Возможно ли это? В случае, если да, то не позволите ли Вы мне нанять кухарку и самому заботиться о своем продовольствии? Мне хотелось бы, чтобы Вы только назначили, какие комнаты в Вашем доме я могу занять, а затем не давали бы себе труда ни о чем заботиться. Так как сущность этого письма исключительно деловая, то не позволите ли Вы, чтобы вместо Вас ответил мне на вышеизложенные вопросы Владислав Альбертович? Теперь Вам скоро предстоят приготовления к отъезду, и Вам не до писем. Еще попрошу Вас не говорить о содержании этого письма Коле. Вообще, если мой проект погостить у Вас осуществится, то я напишу о том в Каменку, когда всё будет решено. Я сначала думал по отъезде брата остаться здесь, но это очень неудобно оказалось.

Простите за бесцеремонность. Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

224. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
22 августа 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! Спешу написать Вам несколько слов, чтобы сказать, что я буду счастлива, как давно не была, если Вы приедете погостить ко мне в Плещеево, и чем дольше, тем лучше. Прошу Вас горячо, дорогой мой, не лишать меня радости считать Вас своим гостем и не заботиться ни о чем; у нас в Подольске все можно [достать] и ни малейшего затруднения ничто не доставит, потому что и лошади и люди есть, принадлежащие к Плещееву. Только если у Вас есть в Скабеевке повар или кухарка, которые, вероятно, не нужны Анатолию Ильичу, так как они уезжают, то я была бы Вам весьма благодарна, дорогой мой, если бы Вы мне уступили такого субъекта, потому что хотя у меня здесь и есть кухарка, но я предпочла бы иметь другую. Прошу Вас, милый друг мой, написать мне два слова об этом предмете. Я только что хотела сама просить Вас приехать погостить в Плещеево, когда получила Ваше письмо. Я не просила Вас об этом раньше, потому что не знала точно, когда уеду из Плещеева, теперь же у меня решено уехать не позже 1 сентября, и потому с этого дня я прошу Вас, дорогой мой, распоряжаться моим уголком как бы своим собственным. Прошу Вас усердно, если бы Вы захотели иметь при себе кого-либо из друзей Ваших или пригласить Модеста Ильича погостить у Вас на обратном пути из Гранкина, исполнить это, не стесняясь никакими соображениями. У меня комнаты маленькие, но их так много, что хватит на пятнадцать человек, и я буду тем более рада и счастлива, чем менее Вы будете стесняться у меня в доме, да и Модеста Ильича я буду особенно рада иметь своим гостем: я к нему чувствую большую симпатию, да к тому же ведь мы и не чужие теперь. Пожалуйста, дорогой мой, будьте в Плещееве совсем как у себя в доме. Ведь вы знаете, как я счастлива, когда Вы находитесь у меня. Прошу Вас, милый друг мой, сообщить мне, в какой день и каким поездом Вы приедете в Плещеево, и тогда Влад[ислав] Альб[ертович] встретит Вас на станции в Подольске и отвезет в Плещеево.

От всего сердца благодарю Вас, дорогой мой, за Вашу доброту и участие к моему приемышу, Влад[иславу] Альб[ертовичу]. Он в настоящее время ничего не сочиняет, и я вижу вообще, что его обескуражили прошлогодние его занятия с Губертом. Он, т. е. Губерт, слишком жестко, слишком профессорски относился к его музыкальным порывам, к его молодым горячим увлечениям; он *никогда* и *ничего* не похвалил, он игнорировал *мысли*, он только критиковал форму изложения, т. е. научные стороны музыки. По-моему, это и неправильно и недобро. Я хочу сообщить Вам мой взгляд на этот предмет, милый друг мой, но, прежде чем сказать его, я должна оговориться, почему я считаю себя в праве судить об музыке. Музыка есть общее достояние, потому что ее свойство есть действовать на сердце, на чувства, ее призвание есть развивать эти чувства, смягчать нравы, так сказать, цивилизовать сердце. Только в таком смысле она и имеет право существования. Музыка — *не наука*, которая призвана открывать истины, в ней *нет истин*,— всё то истина, что хорошо, всё то хорошо, что нравится и что нравится *массам*, а не тесному кружку музыкантов, потому что, повторяю, музыка больше всякого другого искусства принадлежит *человечеству*, потому что она идет не-

посредственно к сердцу, а сердце у каждого есть, следовательно, каждый и может судить о музыке. Вот почему, дорогой мой, я позволяю себе говорить Вам, как я подразделяю музыкальную критику. В музыке есть две стороны: мысли — это дар божий, и изложение их — это дар науки. Может быть очень неумело и дурно изложение, но, тем не менее, красивая мысль сохраняет свое достоинство, и мне кажется, что добрый профессор должен и похвалить за красивую мысль, чтобы не отнимать бодрости, веры в себя у своего ученика, в особенности, если этот ученик — человек развитой вообще и такой впечатлительный в особенности, как Влад[ислав] Альб[ертович]. Я же, с своей стороны, по общему праву, как я выразила выше, утверждаю, что у него бывают очень красивые мысли. Красивыми я называю те, которые хватают за душу, раздражают нервы, и таких я у него знаю очень много, так что после его визитов к Губерту я его, т. е. Влад[ислава] Альб[ертовича], очень часто спрашивала: «а что он сказал о том или об этом мотиве?» — и всегда получала в ответ: «он ничего не сказал». А с научной стороны Губерт, конечно, всегда порицал, — ну, с этой стороны я не могу судить ничего, но что касается богатства фантазии, наплыва мыслей и часто очень трогающих, то у него их много. Мне могут сказать, что, вероятно, Губерту эти мысли не нравились. Я не буду отрицать этого, но скажу, что если у профессора совсем другой вкус, чем у его ученика, то он может только обескуражить своего ученика, что и произошло с Влад[ославом] Альб[ертовичем]. Мне его до бесконечности жаль. Человек всю свою душу, всего себя кладет в музыку, занимается он очень многим (по своей службе у меня), но любит, лелеет, боготворит музыку одну. Впрочем, несовсем верно; еще он очень бережет меня, о моем здоровье, о моем спокойствии, о моих развлечениях он заботится неустанно, неусыпно. Я горячо благодарна ему за его заботливость обо мне; только бог может его наградить за это. Вот Вам, дорогой мой, мои ощущения по поводу моего бедного воспитанника Влад[ислава] Альб[ертовича], и так как я увидела, какое действие на него произвели занятия с Губертом, то уже в нынешнем году я ему отсоветовала заниматься с ним.

Будьте здоровы, дорогой мой, несравненный. Не забудьте, пожалуйста, уведомить меня, в какой день и с каким поездом Вы приедете в Плещеево. Ведь Ваш Алеша будет с Вами? Всем сердцем беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

225. Чайковский — Мекк

[Скабеево]
23 августа [1884 г.]

Как я Вам глубоко благодарен, милый, бесценный друг, за ответ Ваш и за то, что Вы так скоро разрешили вопрос о моем будущем местопребывании, а вопрос этот начинал очень беспокоить и смущать меня. Я, конечно, не сомневался, что Вы окажете мне гостеприимство, но всё же был глубоко тронут и страшно обрадован письмом Вашим. Всякое Ваше одолжение Вы делаете так, что получить его есть не только удовлетворение желания или нужды,

но радость. Письмо пришло вечером, и я от радости, от предвидения всей прелести моего будущего житья почти всю ночь заснуть не мог. Благодарю Вас со всей горячностью, на какую способно мое сердце, полное любви и благодарности к Вам.

Если позволите, тотчас по Вашем выезде я водворюсь в Плещееве. 2 сентября я вышлю туда Алексея, а 3-го приеду с почтовым поездом, который приходит в Подольск около двенадцати часов дня. Сегодня утром я призвал повара, находящегося в услужении у брата Анатолия, и спросил его, желает ли он на время отсутствия своих господ прослужить при мне, на каковое предложение он изъявил полную готовность свою. Я принял его вместе с Алексеем. Брат Модест, находящийся здесь, поручает мне передать свою живейшую благодарность Вам за предложение погостить у Вас и свое крайнее сожаление, что он не может им воспользоваться. Ему необходимо не позже понедельника, 27-го числа, быть в Петербурге по делам его воспитанника, а затем с 1 сентября его Коля начнет свое учение, и ему невозможно покинуть его. Я чрезвычайно рад, что Вы позволяете мне приглашать кого-нибудь из своих друзей, и я с самого же начала воспользуюсь этим позволением, а именно, приглашу Л а р о ш а свободные дни свои проводить со мной. Я писал Вам, милый друг, что с помощью моей он пишет большую статью о Моцарте, и мне очень хочется, чтобы он ее как можно скорее кончил. Кроме того, частые посещения Лароша будут мне приятны в том отношении, что он занимается со мной английским языком, и благодаря ему я сделал уже за этот месяц большие успехи. Мы также много играем с ним в четыре руки, а это одно из любимейших моих удовольствий.

Так как при мне есть Алексей, то никакого другого слуги мне не нужно, и я даже позволю себе просить Вас, чтобы Вы разрешили мне ограничиваться и с к л ю ч и т е л ь н о его услугами. Я помню, что я о ч е н ь к о н ф у з и л с я в Браилове и Симаках, сидя один за обеденным столом и принимая услуги Марселя и Леона (которых, впрочем, очень любил), а так как я хотел бы жить в Плещееве совершенно как у себя дома, то всего бы приятнее и привольнее для меня было, если бы кроме Алексея никто бы мне не прислуживал. По крайней мере (дабы избегнуть чувства конфузливости), в о в р е м я о б е д а я бы желал обходиться без помощи состоящего при плещеевском доме слуги, а такой, вероятно, имеется у Вас. Простите, что я так настаиваю на этой подробности, но при моей застенчивости она имеет довольно важное значение. Вот, кажется, всё, о чем я должен просить Вас касательно моего устройства в Плещееве, а затем еще, еще и еще благодарю Вас, милый, дорогой друг!

По поводу Влад[ислава] Альберт[овича] и упадка духа, в коем

он находится по отношению к своим музыкальным занятиям, я скажу Вам, что я нередко думал о нем и нередко ж а л е л его, ибо по инстинкту знал и был уверен, что он часто должен мучительно страдать от несоответствия своих стремлений к композиторству с степенью достижения его целей. Весьма может быть, что Губерт относился к его работам лишь добросовестно, но безучастно, и этим профессорским, сухим отношением к плодам горячего и пылкого авторства содействовал деморализации, в которую Вл[адислав] Альб[ертович] впал. Но независимо от этого в музыкальном организме Вл[адислава] Альб[ертовича] есть что-то болезненное, ненормальное. Какая-то п р у ж и н к а отсутствует в механизме, и я нередко старался себе уяснить, в чем дело, но всегда безуспешно. Я никогда не сомневался в его талантливости. Если бы из всех виденных и внимательно мною просмотренных работ его я бы усмотрел, что недостаточная зрелость их зависит от недостатка способностей, я давно бы откровенно высказал ему мое неблагоприятное о степени его талантливости мнение. Услышать такой приговор от музыканта-специалиста очень тяжело для молодого человека, рвущегося к творческой деятельности, но лучше причинить ему это огорчение, чем неуместным поощрением обречь на длинный ряд неудач и разочарований. Но убеждения в недостаточности таланта Вл[адислава] Альб[ертовича] у меня нет, напротив, я всегда чувствовал в нем композиторскую жилку. Между тем, как редко случалось мне одобрять его сочинения! Как часто я должен был подвергать его работы довольно жесткой и злой критике! А между тем, как мне хотелось бы поощрять, хвалить, всячески воодушевлять его к композиторской деятельности! Не говоря уже о том, что я питаю к нему личное дружеское расположение, я знаю, что он — человек, сроднившийся с Вами, любимый Вами, и, следовательно, для меня бы вдвойне приятно было бы, если бы его стремления увенчались бы успехом. Между тем я больше критиковал, чем одобрял его. Что из всего этого следует? То, что в Вл[адиславе] Альб[ертовиче] есть талант, есть охота, есть рвение, ум, теплое чувство, но нет должного равновесия между всеми этими свойствами, вследствие какого-то для меня загадочного, можно сказать, органического порока его музыкальной натуры. Помню, что я возлагал большие надежды на строгую контрапунктическую школу. Не знаю почему: оттого ли, что его венский учитель был плох, или опять-таки вследствие всё той же больной или недостающей п р у ж и н к и механизма, но эти занятия не принесли ему большой пользы. Что теперь ему делать? Бороться ли с собой или, убедившись в бесплодности борьбы, отказаться от новых усилий,— не знаю. Но мне хотелось бы, чтобы он имел мужество еще б о р о т ь с я; без борьбы и страданий, без периоди-

ческих падений духа и бессилия не обошелся ни один художник. Если он верит в себя, если здоровье (а физическое здоровье имеет здесь большое значение) дозволяет ему бороться, пусть все-таки борется. И почему-то мне кажется, что в конце концов он может победить в этой борьбе.

Очень рад, что увижусь с ним и буду иметь случай поговорить с ним обстоятельно.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Беспредельно любящий и благодарный Вам

П. Чайковский.

P. S. Алексей просит позволения приглашать к себе от времени до времени гостить своего приятеля Степана, камердинера брата Анатолия. Не сомневаюсь, что Вы позволите, но всё же считаю долгом просить Вашего разрешения.

226. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
25 августа 1884 г.

Как я рада, дорогой мой, милый друг, что Вы приедете в Плещеево, только меня сокрушает, отчего Вы не приедете раньше, т. е. в тот же самый день, как мы уедем; мы должны выехать из Плещеева в одиннадцать с половиной часов, а Вы бы приехали в двенадцать. Но я, конечно, не настаиваю, дорогой мой, и как Вам удобнее, так Вы и приедете. Я уже счастлива тем, что знаю, что Вы приедете, и даже знаю, в какой день. Прошу Вас, милый друг мой, сказать Вашему Алексею, что я буду очень рада, чтобы он принимал здесь своих друзей, потому что уверена, что всё это будут хорошие люди. Вчера Коля уехал в Каменку, и, дорогой мой, простите, если он узнал о том, что Вас ожидают в Плещееве, но это не по моей вине. Я посылала Влад[ислава] Альб[ертовича] передать мои распоряжения его отцу по поводу Вашего приезда, а тот сообщил об этом старшему сыну, Генриху, а этот сказал Коле, потому что ехал с ним в одном поезде из Москвы. Но Коля, конечно, ничего не знает о том, что Вы писали о помещении в Каменке. Сашок вернется с Кавказа вместе с Володею в начале сентября. Соня должна быть на пути в Россию, но я боюсь ужасно, что ее задержит карантин на границе. Я буду очень рада, если Monsieur Laroche будет у Вас гостить; для игры с ним на фортепиано у меня есть много нот в четыре руки. Я оставлю, дорогой мой, ключи у всех библиотечных шкафов с книгами и нотами и прошу Вас распоряжаться ими, как угодно. Дал бы бог, чтобы погода поправилась. По приказанию Вашему, я не оставлю человека для услуг Вам, как предполагала, но здесь есть человек не комнатный, а помощник управляющего, через которого Алексей может получать всё, что будет надо. Человека этого зовут Ромашкин, но ни он и ни одна душа не будет Вас беспокоить, дорогой мой. Я так хочу, чтобы Вам было покойно и удобно у меня, и так жалею, что я не могу сама

за этим наблюдать. До свидания, мой милый, дорогой друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Прошу Вас, дорогой мой, передать мой душевный поклон Анатолию и Модесту Ильичам. Как мне жаль, что Модест Ильич не может погостить у меня также. Очень, очень благодарю Вас, дорогой мой, что Вы устроили для меня повара.

Скажите, милый друг мой, какой нации и откуда уроженец Ларош? Где он воспитывался, не товарищ ли он Вам по консерватории? Имя у него французское, а пишет он отличным русским языком. Я очень люблю читать его статьи; он так остроумно пишет, но с его музыкальными симпатиями я несовсем согласна, например, его восторгов к А. Рубинштейну, как к композитору, я не разделяю и не могу понять, как может такой сведущий и образованный музыкант, как Ларош, так восхищаться им, но — на вкус, на цвет товарища нет, хотя здесь дело идет не о вкусе, а о музыкальных достоинствах. Я очень люблю сочинения А. Рубинштейна, они сильно действуют на мои нервы, но с музыкальной стороны я ставлю их очень невысоко.

227. Чайковский — Мекк

Москва,
27 августа 1884 г.

Милый, дорогой друг!

Я получил письмо Ваше вчера утром перед самым выездом из Скабеевки в Москву и отвечаю Вам отсюда. Я приезжал для проводов брата Модеста, который уехал вчера в Петербург. Вы пишете, дорогой друг, что я могу приехать в Плещеево 1 сентября; само собой разумеется, что я так и сделаю. Я думал, что мне нельзя водвориться в Плещееве в день Вашего выезда, ввиду надобности привести дом на зимнее положение: оттого я и собирался переехать лишь 3 сентября. Но если это, оказывается, можно, то, конечно, для меня будет чрезвычайно приятно переехать 1 сентября. Переговоривши с Алексеем, я решился ехать не по железной дороге, а в экипаже прямо из Скабеевки в Плещеево. Так, как Вы пишете, я и сделаю, т. е. между двенадцатью и часом пополудни приеду. Мне, разумеется, было бы очень приятно, чтобы Владислав Альбертович присутствовал при моем водворении, но я боюсь стеснить Вас и его тем, что помешаю ему присутствовать при Вашем водворении в московском доме. Поэтому если Вы передумаете и найдете, что удобнее мне приехать в другой час дня, например, вечером или на другое утро (2 сентября), то покорно прошу уведомить меня о том.

Ларош учился со мной вместе в консерватории, и оба мы вошли в состав преподавателей Московской консерватории с первого года ее существования. Происхождения он нерусского, но

отец его был не француз, как можно думать, судя по фамилии, а немец, впрочем, обруселый. Мать его всю жизнь была гувернанткой, и теперь даже, будучи уже очень пожилой, она состоит гувернанткой в провинции. Между прочим, она долго жила в доме у Каткова в качестве воспитательницы его дочерей.

Через два часа еду в Скабеевку, а 1 сентября явлюсь в Плещеево. Заранее бессчетно благодарю за все радости, ожидающие меня там.

Беспредельно любящий и благодарный
П. Чайковский.

228. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
28 августа 1884 г.

Милый, дорогой мой! Простите мне, ради бога, что я сама звала Вас приехать раньше, а теперь сама же попрошу не приезжать первого числа, а — второго, в воскресенье, но эта Курская дорога такая гадкая, что я не знаю, с каким поездом мне удастся уехать из Плещеева, потому что эта противная дорога делает мне всякие каверзы с вагоном. Мне дают целые вагоны, и к какому поезду я хочу, не только во всей России, но во всей Европе, и только эта Курская дорога, хуже которой на свете нет, постоянно делает мне всякие прижимки и теперь они вот с этим и с тем поездом не могут дать отдельного вагона, а вот с таким-то могут, именно с тем, с которым я не хочу ехать, и не знаю, чем это решится. А надо Вам сказать, друг мой, что я никакого одолжения у них не прошу, потому что нас поедет семь человек, а они, т. е. эта торгашская дорога, берут с меня за двенадцать мест, для того чтобы дать целый вагон. Вы видите, что почти вдвое, тогда как все другие дороги дают мне целые и лучшие вагоны за то число мест, которое мне нужно, а эти и тут грабят; такая гадкая дорога. Самая милая дорога в России это — Московско-Брестская.

Прошу Вас, дорогой мой, написать мне два слова: к которому часу приготовить обед в воскресенье.

Так как Вы поедете на лошадях, то Влад[ислав] Альб[ертович] встретит Вас в самом Плещееве. Я Вас очень попрошу, дорогой мой, пройти с ним по всему дому; он вам укажет, кто где живет, и пожалуйста, милый друг, загляните и во флигель. Это моя гордость, потому что я его метаморфозировала; прежде это были собачьи конуры, в которых полагалось жить людям, а я превратила это в миленькие, как Вы увидите, комнаты, и мне хочется похвастаться ими перед Вами. Я так рада, что стоит теплая погода и Вам можно будет много гулять. Третьего дня приезжала Лиза (Володина) и взяла у меня моего дорогого Воличку, но я надеюсь, что мне его дадут на зиму, потому что его здоровье этого требует. От Сони вчера получила письмо из Варшавы уже; она приедет в Москву, вероятно, тридцать первого. Она, бедненькая, соскучилась без своих.

До свиданья, мой милый, несравненный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

229. Чайковский — Мекк

[Скабеево]
30 августа [1884 г.]
Утром.

Милый, дорогой друг!

Обстоятельства сложились так, что мне удобнее всего будет приехать в Плещеево в понедельник. Повар просит меня отпустить его на субботу и воскресенье в Москву, где у него жена и дети. С другой стороны, я получил от Танеева письмо, касающееся дела, требующего моего присутствия в Москве. (Я должен сыграть ему готовый уже вчерне концерт мой, который он будет играть в Муз[ыкальном] общ[естве] и сейчас же начнет учить.) [1] Таким образом, проводивши брата и жену его, в субботу я поеду в Москву, проведу там два дня и приеду в понедельник в Плещеево с почтовым поездом, т. е. выеду из Москвы в три часа. Алексей в это утро перевезет (в понедельник) мои вещи, повар отправится туда тоже с утра, так что когда я явлюсь в Плещеево, то буду иметь наслаждение сразу начать правильный образ жизни. Меня беспокоит только мысль, что Влад[иславу] Альбертовичу неудобно будет в это время быть в Плещееве, но, если не ошибаюсь, есть вечерний поезд, с которым ему можно будет возвратиться в Москву. Если же почему-нибудь ему нельзя будет приехать ко времени моего приезда, то покорнейше прошу написать мне два слова, когда ему [будет] удобнее, чтобы я совершил свой переезд. Очень бы хотелось в понедельник окончательно устроиться в Плещееве, но если нельзя, то я, конечно, подожду, сколько угодно.

Простите за беспорядочность писания; я тороплюсь, так как сейчас отправляюсь в Подольск к почтовому поезду на свидание с Митей и Володей Давыдовыми.

Будьте здоровы, дорогая моя, и дай бог Вам благополучно перебраться.

Ваш П. Чайковский.

Мне совестно, что я затрудняю Вас ответом. Не поручите ли Влад[иславу] Альб[ертовичу] написать словечко в ответ.

230. Мекк — Чайковскому

Москва,
2 сентября 1884 г.

Soyez le bienvenu *, мой милый, дорогой друг! Прошу Вашего снисхождения к моему маленькому уголочку. Конечно, это не то, что Браилов, но я очень люблю свое маленькое Плещеево и буду бесконечно

* Добро пожаловать

счастлива, если пребывание в нем принесет Вам хотя малейшее удовольствие. Дай бог, чтобы Ваше здоровье, погода и все обстоятельства способствовали хорошему впечатлению на Вас жизнью в Плещееве. Мне очень жаль только, что теперь очень некрасиво и на террасе, на моем балкончике и в саду: везде на лето убирают оранжерейными растениями, а теперь уже всё снято, и в саду Вы увидите только пустые горки; к тому же, дорожки заросли, засыпаны опадающим листом. Но я всё-таки, несмотря на все это, с большим горем покидала Плещеево.

Прошу Вас, дорогой мой, устроить Ваш кабинет в моем кабинете: у меня на столе и в столе вы найдете всё, что нужно для писанья, и я прошу Вас усердно пользоваться всем, что там имеется. На столе также Вы найдете, милый друг мой, список вин моего погреба, по которому прошу Вас назначать, каких вин Вам будет угодно для стола. У меня хороший погреб в Плещееве, и я Вас очень приглашаю заглянуть когда-нибудь в мои погреба; я ими очень горжусь. Ключи находятся у Альберта Игнатьевича, моего управляющего, и вы можете получить их, дорогой мой, через Алексея. Прошу Вас вообще, мой милый, несравненный друг, быть у меня в Плещееве как бы у себя дома, и я буду бесконечно благодарна Вам. Дай Вам бог здоровья, спокойствия, удовольствия. Всею душою всегда и безгранично Вас любящая

Надежда фон-Мекк.

P. S. На первое время я оставила своего буфетчика Аркадия Павлова в Плещееве для того, чтобы он мог указать Алексею всё, где что находится и каким путем доставать того, что понадобится, но он не будет Вас беспокоить, дорогой мой, он будет в сношениях только с Алексеем.

В Москве так гадко после Плещеева.

231. Чайковский — Мекк

Плещеево,
3 сентября [1884 г.

Дорогой, милый друг мой!

Я решительно не в силах высказать Вам в настоящей силе степень моего восторга от Плещеева. Хотя я ожидал самых приятных впечатлений, но действительность бесконечно превзошла мои ожидания. Дом Ваш в высшей степени симпатичен, и вся обстановка до такой степени сказочно прелестна и удобна, что мне кажется, как будто это сон, а не действительность. Знаю наперед, что я проведу здесь один из лучших периодов всей жизни моей. Влад[ислав] Альбертович показал мне все главнейшие достопримечательности Плещеева, а засим я изучу его во всей подробности. Парк с своими чудными старыми деревьями совершенно очаровал меня. Благодарю Вас, милый друг, за новые радости, которыми я Вам обязан. Не могу выразить Вам, до чего я тронут Вашей заботливостью и беспредельной добротой. Ничего более чудного

и идеального для меня придумать нельзя, как всё то, чем я пользуюсь в Плещееве.

Влад[ислав] Альберт[ович] показал мне несколько новых своих вещей, и мне приятно до крайности, что в них я увидел, наконец, серьезные достоинства и о г р о м н ы й успех сравнительно с прежними сочинениями. Особенно D-m o l l'н а я симфоническая фантазия мне очень понравилась.

Бессчетно благодарю Вас, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

232. Чайковский — Мекк

1884 г. сентября 4—6. Плещеево.

Плещеево,
4 сентября.

Милый, дорогой друг!

Я вчера так торопился, когда писал Вам (ибо не хотелось задерживать Владислава Альбертовича), что боюсь, что недостаточно выразил Вам всю мою благодарность за всё наслаждение, которое причиняет мне Плещеево. Сегодня я обстоятельно изучал дом и парк, вообще осваивался с новой обстановкой и не начинал еще заниматься. С завтрашнего дня жизнь моя потечет правильным течением.

Парк Ваш меня восхищает; он очень оригинален по своей форме продолговатой береговой полосы, а главное, богат старыми деревьями, некоторые из коих поистине великолепны. Сегодня утром, дойдя до забора, отделяющего парк от соседнего завода, я не устоял против желания продолжать прогулку вдоль реки и около самой воды обошел забор и, увлекаясь всё дальше и дальше, дошел до мельницы купца (кажется) Соболева, а затем и до самого Подольска. Вернулся тем же путем к обеду, чрезвычайно довольный этой прогулкой. Затем весь остальной день я ходил по дому, рассмотрел все Ваши альбомы, познакомился со всеми книжными шкапами и нотными этажерками, дабы знать, где что лежит, в случае охоты читать и играть. Заниматься я буду за В а ш и м столом, который ради большего света я подвинул несколько вперед. Мне чрезвычайно приятно, сидя за этим столом, думать, что, не далее как четыре дня тому назад, Вы тут сами сидели. Между книгами и нотами я узнал много старых Брайловских знакомых, и это доставило мне большое удовольствие.

Чувствительно благодарю Вас, дорогая моя, за дозволение пользоваться винами Вашего погреба. Я им воспользуюсь, но не злоупотреблю; я совсем не тонкий знаток в винах и могу довольствоваться более простыми сортами вин. Пусть Ваши великолепные

дорогие вина послужат к услаждению более тонких судей. Я же только в виде праздничного угощения буду с Вашего позволения ими иногда пользоваться. Очень рад был снова увидеть старого Брайловского знакомого, попугая. Как он мил, но как общипан; интересно знать, можно ли вылечить его от болезни, лишающей его перьев?

6 сентября.

Вчера я весь день был несовсем здоров, да и погода адская была. Сегодня хотя холодно, но всё же солнце светило, и я совершенно хорошо себя чувствую. Только сегодня я надлежащим образом принялся за работу, предварительно сделавши большую прогулку, а именно, через шоссе в город и оттуда другим путем, через мельницу, домой. Глубоко наслаждаюсь тишиной и свободой, а если погода исправится, в чем я не сомневаюсь, то лучшего и желать нельзя. Тысячу раз благодарю Вас, дорогая моя, за всё!

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

233. Чайковский — Мекк

1881 г. сентября 8—10. Плещеево.

Плещево,
8 сентября 1884 г.

Милый, дорогой друг!

Сегодня, слава богу, погода несколько получше. Я только что возвратился из Подольска, куда ходил отчасти ради прогулки, отчасти же, чтобы побывать в тамошней большой церкви. К службе, однакоже, я опоздал. Подольск сегодня по случаю базара очень оживлен, и мне было весело среди этой толпы, взиравшей на мое длинополое английское пальто с большим любопытством.

Ларош, который должен был приехать сегодня на два дня, телеграфировал, что не может быть. Меня это не особенно сокрушает, так как я давно не наслаждался одиночеством и покамест не испытываю еще ни малейшей потребности видеть кого бы то ни было.

Между прочими занятиями, я исполнил здесь два намерения, которые давно собирался осуществить, а именно, познакомился с двумя до сих пор бывшими мне неизвестными произведениями: «Хованщиной» Мусоргского и «Парсифалем» Вагнера. В «Хованщине» я нашел именно то, чего ожидал: претензию на реализм, своеобразно понимаемый и примененный, жалкую технику, бедность изобретения, от времени до времени талантливые эпизоды, но в море гармонической нескладицы и манерности, свой-

ственной кружку музыкантов, к которым Мусоргский принадлежал. Совсем другое впечатление производит «Парсиваль»: здесь имеешь дело с великим мастером, с гениальным, хотя и заблуждающимся художником. Богатство гармонии изумительное, чрезвычайное, слишком роскошное, в конце концов утомляющее даже специалиста, а что же должны чувствовать простые смертные, в течение трех часов угощаемые этим ни на минуту не прекращаемым потоком хитрейших гармонических фокусов? Мне всегда казалось, что вагнеристы из неспециалистов напускают на себя восторг, которого в глубине души не ощущают. Вагнер, по моему мнению, убил в себе огромную творческую силу теорией. Всякая предвзятая теория охлаждает непосредственное творческое чувство. Мог ли Вагнер отдаваться этому чувству, когда он разумом постиг какую-то особую теорию музыкальной драмы и музыкальной правды и ради этой якобы правды добровольно отрекся от всего того, что составляло силу и красоту музыки его предшественников. Если в опере певцы не поют, а говорят под оглушительный гром оркестра кое-как прилаженные, бесцветные последования нот на фоне великолепной, но бессвязной и бесформенной симфонии, то какая же это опера?

Но что меня окончательно приводит в изумление, это серьезность, с которой зафилософствовавшийся немец иллюстрирует музыкой самые невообразимо глупые сюжеты. Кого может тронуть хотя бы сюжет «Парсиваля», где вместо людей с знакомыми нам характерами и чувствами действуют сказочные личности, способные украсить содержание балета, но никак не драмы? Удивляюсь, как можно без смеха, или же, наоборот, без скуки слушать их бесконечно длинные монологи о различных чарах, под гнетом коих страдают все эти Кундри, Парсивали и т. д.??? Возможно ли сострадать им, принимать в них сердечное участие, любить или ненавидеть их? Конечно, нет, ибо их страдания, их чувства, их торжества или несчастия чужды нам совершенно. А то, что чуждо человеческому сердцу, не может быть источником музыкального вдохновения.

10 сентября.

Сегодня опять солнце, но холодный ветер совершенно отравляет удовольствие прогулки. Впрочем, я не могу жаловаться на дурную погоду: она нимало не мешает мне всё-таки всем родом жизни предпочитать жизнь в деревне, ибо в дурную погоду вдвойне приятно быть в своем home*; этот home делается особенно уютен и усладителен, когда знаешь, что вне его неприглядно, холодно или пасмурно.

---

* доме

Между прочими моими занятиями, я здесь имею возможность довольно много времени отдавать английскому языку, в котором мои успехи очень значительны; теперь я уж без затруднения и без ежеминутного заглядывания в лексикон могу читать Диккенса, романы которого в подлиннике приобрели для меня новую прелесть. Теперь я с величайшим удовольствием читаю «Копперфильда».

Вам уже, вероятно, известны, дорогой друг, подробности касательно нового разочарования в беременности Анны. Н. А. Плесская часто пишет мне, и я имею все сведения о каменском житье-бытье. Вижу по всему, что я хорошо сделал, дав Анне своим отсутствием возможность жить удобнее, чем где-либо, в моих комнатках; при ее теперешнем состоянии это было единственное место в доме, где она могла чувствовать себя покойно.

Засим, пожелав Вам, бесценный, дорогой друг, здоровья и всякого благополучия, остаюсь Ваш безгранично преданный

П. Чайковский.

Сейчас сюда привезли Вашу изумительную фисгармонию. Если это для меня, то я не знаю, как и благодарить Вас!!!!

234. Мекк — Чайковскому

Москва,
13 сентября 1884 г.

Милый, дорогой мой друг! Хотя я написала уже сегодня два письма, но всё-таки я хочу еще сказать Вам, что я безгранично рада, если Вам действительно нравится мое маленькое Плещеево. Но погода приводит меня в отчаяние, я именно от сентября ожидала много хорошего, а тут такое разочарование, и вред этой погоды сейчас оказывается на здоровье несчастного человечества. У моего брата заболел сын дифтеритом; это вдвойне неприятно: раз как болезнь, и два как болезнь отчасти заразительная, так что сношения с братом сделались очень затруднительными, а мне перед отъездом так много распоряжений надо оставить ему. Я назначила день выезда себе 22-го этого месяца. Еду я всё-таки в Вену, с остановкою для ночлега в Варшаве. Мне очень жаль, дорогой мой, что Вы не любите Вену, для меня же она имеет прелесть не только как хороший город, но с нею связано для меня дорогое, невозвратное воспоминание: в ней я видела в последний раз моего бедного Мишу и видела здоровым, веселым; они приезжали ко мне на рождественские праздники, и он был необыкновенно весел. Мы устроили маскарад, он был одет Мефистофелем и дурачился, шалил, как никогда, а вернувшись от меня, он в феврале заболел и уже не вставал больше с постели, и я не видела его больше на этой земле. Поэтому Вы поймете, милый друг мой, что Вена мне особенно дорога. Если бы я имела достаточно средств, я бы купила там дом, в котором я видела в последний раз своего ребенка, и каждый год приезжала бы

на некоторое время пожить в тех комнатах, которые для меня полны дорогим воспоминанием.

Вчера приехала моя Саша с своим Манею, старшим мальчиком. Я так рада ее приезду. Да, я, кажется, не писала Вам еще и о том, что Соня также приехала; она не переменилась нисколько, всё такая же маленькая девочка, как и была. Они очень любят друг друга и пока очень счастливы. Меня беспокоит только Сонино здоровье, она такая малокровная, такая нервная, что я очень боюсь за нее и в особенности боюсь для нее петербургского климата.

Мне очень жаль бедненьких Колю и Анну, что у них разрушилась надежда на их мечту, но это, конечно, дело поправимое, легко вознаградимое, тем более, что Анна, находясь теперь при Александре Ильиничне, будет вполне хорошо сбережена.

Мне, по обыкновению, ужасно не хочется уезжать из России, но что делать: когда осталось так мало жить, так бережешь эти остатки жизни. Здесь, в Москве, невозможно пользоваться воздухом, потому что, во-первых, он везде нечистый, нездоровый, а во-вторых, по нашим тротуарам ходить невозможно.

Рассказывал ли Вам Сашок что-нибудь о Кавказе, милый друг мой? Вот богатая, роскошная страна, но какие первобытные нравы и обычаи. Они сделали очень хорошую экскурсию, побывали даже в Баку, на Каспийском море.

Будьте [здоровы?], мой дорогой, несравненный друг. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Вам, конечно, известно также, что Татьяна Львовна теперь в Каменке.

Все что Вы пишете, дорогой мой, по поводу «Хованщины» Мусоргского и «Парсифаля» Вагнера, я чувствую точно так же. Мусоргский мне противен потому, что он не только нигилист, но он цинник в музыке, как, должно быть, был и в жизни. Вагнер меня восхищает как музыкант, но мне противны его тенденции. Это человек, которого природа наделила богатым, гениальным даром, и он вместо того, чтобы пользоваться им просто, благородно и изящно, всё старается придумать что-нибудь небывалое, удивить публику каким-нибудь кунштюком, ломается и кривляется, чтобы отличиться. Его сказки, конечно, неинтересны и не могут трогать сердца, хотя преобладающий характер, особенность его героев, как Парсифаль, Лоэнгрин, мне чрезвычайно симпатичны. Эта идеальная чистота, которою они обладают, есть мой культ.

Еще раз желаю Вам доброго здоровья, дорогой мой.

235. Чайковский — Мекк

1884 г. сентября 13—18. Плещеево.

Плещеево,
13 сентября.

Как рад я был видеть вчера Вашего милого сына Сашонка, дорогая хозяйка моя! В нем есть что-то особенно Вас напоминающее. Проснулся я в это утро совершенно больной (должно быть, я накануне простудился), но неожиданное маленькое волнение, испытанное при появлении Сашонка, подействовало на меня благо-

творно. Этот юный философ с своей добродушной серьезностью производит очень симпатичное впечатление. Алексею о нем говорила здешняя прислуга, что он очень «смирный барин». Это хороший отзыв; я замечал, что смирными простолюдины называют людей, особенно отличающихся добротой. Сашонок сказал мне, что он завидует мне и что он вполне понимает прелесть подобной жизни, и это должно быть именно так: он один из немногих, которым сообщество книг, нот, природы и своих мечтаний и мыслей должно нравиться больше человеческого общества. Мне кажется, что Саша Ваш будет хорошим человеком в самом обширном и серьезном значении слова.

14 сентября

Сегодня, наконец, превосходный, почти летний день, и я им вполне наслаждаюсь. Не досадно ли, что завтра я должен ехать в Москву, как раз когда погода исправилась!

Меня очень тронуло то, что Вы пишете о чувстве, которое питаете к Вене. Я очень часто здесь думаю о Мише и вспоминаю его. Я провожал их, когда они в конце декабря 1882 г. все четверо ехали к Вам в Вену, и помню, что любовался Мишей. Это был первый и последний раз, что я его видел (если не считать еще одного раза, когда я перед тем мельком его видел). Можно ли было думать тогда, что он так близок к могиле!

Вчера и сегодня я усиленно работал, чтобы успеть кончить до поездки в Москву свою новую пьесу. Я останусь в Москве двое суток.

18 сентября,
6 часов вечера.

Сейчас получил Ваше письмо со вложением бюджетной суммы. Благодарю Вас, дорогая моя, за всё, за всё.

Я провел в Москве два дня и вернулся сюда вчера вечером с величайшим удовольствием, ибо успел в два дня эти невероятно утомиться от суеты городской. Вместе со мной приезжал сюда Ларош и сегодня рано утром уехал; он остался в восторге от Плещеева.

Я получил от редакции парижской газеты «Gaulois» убедительную просьбу принять участие в издании альбома в пользу бедных музыкантов. Отказать было неловко, и весь сегодняшний день я посвящаю сочинению пьесы для этого альбома.[1]

Следующее письмо я напишу Вам уже в Вену, а теперь позвольте Вам пожелать, милый, бесценный друг, счастливого путешествия и всякого благополучия. Благодарю Вас глубоко за всё, чем обязан Вам!

Ваш П. Чайковский.

236. Мекк — Чайковскому

Москва,
18 сентября 1884 г.

Милый, дорогой друг мой! От всего сердца благодарю Вас за память обо мне. Вашу телеграмму я вчера имела удовольствие получить. День своих именин я провела очень весело, но сегодня мне грустно: моя Саша уехала, и я так долго не увижу ее. День моего отъезда остается без изменения,—суббота, 22-го числа. Увидев из Вашей телеграммы, что Вы находитесь в Москве, я хочу воспользоваться этим, милый друг мой, чтобы послать Вам бюджетную сумму по сроку 1 октября, так как из-за границы это делать гораздо труднее. Прошу Вас, дорогой мой, не откажите написать мне д в а с л о в а о получении этого пакета.

Вчера я получила также телеграммы от Александры Ильиничны и Льва Васильевича и от Коли с Анною. Не знаю, как здоровье Анны, Коля мне давно не писал. Володя мой в настоящее время выносит такое же разочарование, как и Коля: ему ужасно хочется иметь второго ребенка, и два месяца были в надежде, что это осуществится, а на этих днях эта надежда разрушилась. Бедный Володя очень огорчен.

Сашок вчера вернулся из Петербурга, об Максе привез мне удовлетворительные известия.

На днях идет «М а з е п а». Как бы мне хотелось слышать, но я и за свой будущий день не могу быть уверена. Больше не пишу, дорогой мой, потому что у меня очень много дела. Будьте здоровы, бесценный друг, и прошу не забывать всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

237. Чайковский — Мекк

Плещеево,
24 сентября 1884 г

Милый, дорогой друг!

Вот и опять промелькнула неделя с тех пор, как я возвратился из Москвы. Ничего фактически интересного не произошло. За исключением Л а р о ш а, приехавшего тогда со мной и оставшегося лишь один вечер, никто ко мне не приезжал; кроме Алексея, книг, нот, попугая и всей домашней обстановки (с коей я уже совершенно свыкся и чувствую себя в ней вполне дома), ничего и никого не видел, и вообще в течение минувшей недели я вполне наслаждался тем спокойствием и той свободой, которых жаждал, когда просил у Вас позволения жить в Плещееве. Погода мне благоприятствует; давно не запомню такой чудной осени. Хотя деревья почти все пожелтели, но листьев, благодаря тихой погоде, еще много, и парк принял своеобразную осеннюю окраску, полную безграничной прелести. Мои прогулки теперь — не только гигиеническая мера, но и величайшее удовольствие. Мне чрезвычайно

нравится находящееся в соседстве с Плещеевым именьице доктора Остроумова. Там с горы чудесный вид на даль и потом чрезвычайно приятно видеть, что хозяин заботится о своем уголке, проводит дороги, обсаживает их деревьями и т. д. Вот именно что-нибудь вроде этого именья хотел бы я приобресть, и надеюсь, что приведу в исполнение свое мечтание. То ощущение полного удовлетворения своих нравственных, умственных, материальных потребностей, которое я ощущаю в Плещееве, снова доказало мне, что лучше всего мне будет доживать свой век в деревне, в одиночестве. Близость Москвы имеет тут большое значение. Мне совсем не хочется туда ехать; с неудовольствием помышляю, что скоро придется опять съездить, но сознание, что большой, родной город на расстоянии часа езды, чрезвычайно приятно.

Вчера я ездил в Подольск к обедне. Очень хорошая церковь, весьма благопристойное пение и служба.

Давно я так много не читал и не находил такого удовольствия от чтения, как здесь. На днях мне хочется пригласить сюда на один вечер трех партнеров для винта, вероятно, Ларош, Губерта и Кашкина. Свою фортепианную концертную пьесу, я кончаю. Теперь мне предстоит множество корректур.

Будьте здоровы, дорогая! Дай бог Вам всякого блага!

Ваш П. Чайковский.

Благодарю Вас бесконечно за всё.

238. Чайковский — Мекк

1884 г. октября 1—3. Плещеево.

Плещеево,
1 октября 1884 г.

Милый, дорогой друг!

Наступили последние дни моего пребывания в Плещееве; меня зовут в Петербург и дирекция театров и Модест, который по поводу своей пьесы нуждается в свидании со мной. Я уезжаю отсюда в четверг четвертого числа, прямо в Петербург. Я не только ни разу не ездил в Москву с тех пор, как был там еще во время Вашего пребывания, не только никто у меня не был, но даже, вследствие какого-то непонятного недоразумения или неисправности почты, не имею оттуда никаких известий, а издатель мой, Юргенсон, еще две недели тому назад возвестивший, что высылает мне корректуру моей сюиты, не присылает ровно ничего, а на мои запросы,— почему это,— не отвечает. Не знаю, что это означает, но так как все свои работы я кончил, а новых начинать не хочется, то в последние дни я предаюсь полному отдохновению.

Очень много читаю, очень много играю, брожу по окрестностям (которые мне всё более и более нравятся) или по дому, более, чем когда-либо, наслаждаюсь одиночеством и тишиной и более, чем когда-либо, мечтаю поселиться навсегда в деревне. Погода испортилась; уже два дня сряду идет дождь. Признаться, я не особенно сокрушаюсь об этом. С тех пор, как себя помню, у меня всегда была какая-то болезненная любовь к осенней хмурой погоде, к пожелтелым и обнаженным деревьям, к своеобразно прелестному осеннему пейзажу.

Я прочел у Вас огромное число книг, особенно перечел много из старых русских беллетристов, причем я заметил в себе, что насколько окрепла во мне склонность к Льву Толстому, настолько я заметно охладел к Тургеневу. Почему это? — Не могу отдать себе отчета. Я прочел здесь также «Вильгельма Мейстера» Гёте, которого прежде не знал.

Величайшее наслаждение доставляет мне Ваша фисгармония. Ничего лучшего в этом роде я не видывал. Случается, что я засяду и до того увлекусь красотой некоторых регистров и разными их комбинациями, что не имею силы оторваться, по[ка] Алексей не позовет меня обедать или ужинать.

3 октября.

Последний вечер провожу я в Плещееве и ощущаю грусть вместе с страхом. После месяца полного уединения не так-то легко очутиться в омуте петербургской жизни. Сегодня я привел в порядок все книжные и нотные шкапы, т. е. возвратил и поставил на свое место всё, что брал из них. Вообще совесть моя совершенно спокойна относительно полнейшей целости всех вещей Ваших, за исключением одного проступка, в коем каюсь. Однажды ночью я хотел завести большие часы, висящие в моей спальне (они остановились, а я ужасно люблю ночью тик-так в часах), и так усердно вертел ключом, что гиря с треском свалилась, и часы требуют основательной починки. Алексей, которого я сейчас призывал, утверждает, что он с своей стороны тоже никакой ломки и порчи не произвел.

Я очень благодарен Ромашкину за его услуги и усердие.

Приношу Вам, бесценный, дорогой друг, самую горячую благодарность за то, что приютили меня в Плещееве, о котором я сохраню самое приятное воспоминание. Как часто в Петербурге я буду мысленно переноситься в этот тихий, милый дом. Благодарю еще и еще раз.

Адресую в poste restante. Будьте здоровы, дорогая моя, дай бог Вам всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

239. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
12 октября [1884 г.]

Милый, дорогой друг!

Уж если Вам в течение целой недели я не мог найти удобную минутку для письма, то из этого Вы можете заключить, до чего моя жизнь здесь исполнена всяческой суеты. Ежедневно с утра до пяти часов я на репетиции, а там обед у родственников, вечером опять в гостях, иногда в нескольких местах в один вечер, так что измученный возвращаюсь домой, а на другой день опять то же.

Я весьма доволен усердием всех артистов к моей опере и вообще я встречаю теперь в здешних театральных сферах гораздо больше сочувствия, чем в былое время, например, при постановке «Орлеанской Девы».[1] Первое представление «Онегина» назначено на пятницу 19-го октября. О житье в Плещееве вспоминаю как о приятном мимолетном сновидении. Решительно еще не знаю, что буду делать после того, как оно состоится: уеду ли в Москву, в Каменку, за границу. Если будете писать мне, милый друг, то адресуйте, пожалуйста, в Москву, к Юргенсону.

Племянница Вера всё еще в ожидании разрешения, которое может случиться с минуты на минуту. Однажды вечером я видел там Софью Карловну и играл с ней в винт. Она показалась мне совершенно довольной и счастливой. Я нахожу ее очень симпатичной.

Потрудитесь, дорогой друг, передать мою благодарность Сашонку за его милое письмо.

Дай бог Вам поскорее устроиться. Будьте здоровы, дорогая моя!

Всем сердцем преданный Вам
П. Чайковский.

240. Мекк — Чайковскому

Вена,
17 октября 1884 г.

Как мне жаль Вас, мой дорогой, несравненный друг, что Вас опять терзают в этом противном Петербурге, которого я терпеть не могу, да мне и есть за что не любить его. Послезавтра должно состояться представление «Евгения Онегина», и затем Вы отдохнете. Дай бог, чтобы на Ваше здоровье не повлияла дурно такая суета, да еще в таком гадком климате, как петербургский. А в Москве мне так и не удалось слышать «Мазепу». Представление было назначено, кажется, в четверг, я послала за билетами в понедельник утром, в кассе отвечали, что билетов еще не дают; я послала во вторник в девять часов утра, тогда ответили, что билеты уже все

розданы. Я рассердилась и просила брата Владимира, чтобы он съездил в кассу и потребовал объяснения, когда это успели раздать все билеты. Но Вы знаете, друг мой, наши отечественные обычаи: с казенными местами разговаривать нельзя — розданы, и дело с концом, и Вас знать не хотят. И вдруг в самый день представления, в двенадцать часов, присылают первый номер бельэтажа, а я тогда уже простудилась и не могла поехать, потому что, надо Вам сказать, что когда я себя готовлю к какому-нибудь удовольствию, то, чтобы не простудиться, я совсем не выхожу из комнаты, потому что для меня осенью в Москве выйти на воздух — это значит сейчас нажить простуду. Тут, когда я увидела, что билетов не дают, я поехала кататься в Сокольники и простудилась. Так благодаря нашим азиатским порядкам я и не могла слышать «Мазепу»; мои все были в театре, а я, несчастная, просидела дома.

Как-то недавно, дорогой мой, Вы выражали сожаление, что я не могу слышать Вашей Второй сюиты на оркестре, а только в фортепианном переложении, и заметили, что Ваши сочинения много теряют на фортепиано. С тех пор я всё собиралась написать Вам свое ощущение, я не говорю: свое отношение, потому что, как субъект не посвященный в науку музыки, я не имею права составлять *отношение* к предмету, а на ощущение каждый имеет бесконтрольное право. Так вот мое ощущение таково, что я больше люблю знакомиться с сочинением через фортепианное переложение, чем через оркестр. Я лучше могу разобрать все музыкальные стороны, потому что инструментовку я считаю только окраскою музыкальных мыслей, она есть то же, что колорит в картинах, она есть, так сказать, внешняя сторона музыки, в ней есть только звуковая прелесть. У меня есть стереотипная фраза: когда мне сочинение не понравилось на фортепиано и мне говорят, что, послушала бы я его на оркестре, — я говорю: да, на оркестре всё хорошо. И в самом деле, в оркестре и всякое ничтожество (по мысли) будет красиво,— но для уха, а ума не займет, тогда как, наоборот, хорошее сочинение по мысли, настроению и изобретательности и на фортепиано восхищает и удивляет. Конечно, я вполне понимаю, что уменье инструментовать есть дар избранных, и Ваша инструментовка меня всегда восхищает. У Вас оркестр, как из одного куска выточенный предмет, это цельность удивительная. Роскошь инструментовки такова, что, слушая шестьдесят-семьдесят человек, Вам кажется, что играют двести человек, и при этом никакого шаржа (я не люблю массивных, дебелых инструментовок). Одним словом, это чудо совершенства и слушать уже знакомое *[конец не сохранился]*.

241. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
22 октября 1884 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Как редко я пишу Вам! Как это непривычно и странно для меня, что я принужден лишь краткими и нечастыми извещениями ограничивать свою корреспонденцию с Вами.

«Евгений Онегин» прошел с успехом.[1] Меня вызывали

много и сделали овацию с поднесением венка. Мне, конечно, это было приятно, но, к сожалению, вся эта масса волнений и эмоций привела к тому, что со мной в театре случился страшный нервный припадок, от которого вот уж третий день не могу еще вполне оправиться. Исполнением и отношением ко мне дирекции и артистов я очень доволен. Лучше всех была Павловская и Прянишников. По случаю траура, государь не мог быть на первом представлении, но будет на втором, и мне говорят, да я и сам нахожу, что нужно до тех пор дождаться. Между тем, чувствую, что следовало бы поскорей поехать куда-нибудь отдохнуть.

Вера Римская-Корсакова, как Вы уже, вероятно, знаете, благополучно разрешилась от бремени. Я очень сожалел, что не мог услужить Софье Карловне ложей. Она была нездорова и не могла ехать.

В конце недели думаю уехать в Москву и потом, быть может, до самого Рождества пробуду в Каменке, куда хочу отправиться после недельного пребывания в Москве. Так как во всем этом нет ничего верного, то прошу Вас, дорогая моя, в случае, если будете писать, адресовать в Москву, в магазин Юргенсона.

Желаю Вам здоровья и всякого блага.

Неизменно и беспредельно преданный
П. Чайковский.

242. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
28 октября [1884 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Планы мои изменились. Я еду за границу, а не в Москву. Случилось это по той причине, что я дал слово навестить бедного Котека, страдающего чахоткой, живущего в Швейцарии, в Граубюнденском кантоне и умолявшего навестить его. Я хотел посетить его по дороге в Италию, в январе, но на днях я узнал, что он очень плох, и, боясь не застать его уже в живых, хочу поехать прямо туда, дабы впоследствии не мучиться укором совести, что я не исполнил желания умирающего. Бедный Котек! Летом еще я получил от него письмо, что у него чахотка, но что он надеется совершенно поправиться здоровьем, ибо болезнь захвачена во-время. Я верил этому, но оказалось, что, как все чахоточные, он считает себя вне опасности, тогда как смерть на носу. Я видел на днях одну из здешних музыкантш, встретившую Котека в Тироле летом, и от нее только я узнал истинную правду. А в то же время пришло письмо от бедного больного, живущего

в полном одиночестве и просящего как милости, чтобы я приехал. Я хочу и должен ехать, хотя это и очень тяжело. Думаю, если обстоятельства позволят, возвратиться в Москву в декабре и поселиться с Вашего позволения у Анны и Коли. А впрочем, всё зависит от того, в каком положении я найду бедного больного.

«Евгений Онегин» продолжает иметь здесь успех. Третьего дня было второе удачное представление.

Нет слов, чтобы высказать степень моей усталости от петербургской жизни.

Адрес мой: Schweiz, Graubünden, Davos Platz, Kurhaus Holzboer.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг.

Ваш П. Чайковский.

243. Чайковский — Мекк

Берлин,
3/15 ноября 1884 г.

Милый, бесценный друг!

Я только что приехал в Берлин, куда должен был прибыть тремя днями раньше, но меня уговорили остаться на лишних три дня в Петербурге, уверив, что государь наверное будет на четвертом представлении «Онегина». Однакож, представление это состоялось без государя. Никто не может понять, почему, выразивши желание, чтобы «Евг[ений] Он[егин]» был поставлен, и обещав быть на первом представлении, он до сих пор не приехал ни разу. Говорят, что Петербург для него в настоящее время опасен. Как бы то ни было, но я уехал из Петербурга под очень хорошим впечатлением. Не знаю, что будет дальше, но, судя по четырем блестящим первым представлениям, мой «Онегин» нравится петербургской публике и имеет настоящий успех, чего, признаться, я и не ожидал.

Получили ли Вы, дорогая моя, мое последнее письмо из Петербурга, в коем я извещал Вас, что еду прямо за границу для посещения Котека, который, говорят, очень плох и приговорен к печальному исходу болезни легких. Я намерен пробыть там недели две, заехать потом в Париж и, если возможно, к половине декабря вернуться в Москву, где пятнадцатого и двадцать второго исполняются два моих новых сочинения, очень интересующих меня.

Ужасно давно не имел я о Вас известий. Не знаю, доходят ли до Вас мои письма, адресуемые в Вену poste restante. Будучи обеспокоены болезнью Софьи Карловны, Вам теперь не до

писем, но, если Влад[ислав] Альб[ертович] или Сашок напишут мне что-нибудь о Вас и о себе, буду ужасно рад. Адрес: Schweiz, Graubünden, Davos Platz, Curhaus Holzboer.

Только недавно, в Петербурге, я, к величайшему моему огорчению, узнал, что между Вами и Каменскими моими родными произошли недоразумения, что Вы недовольны ими, что Вы имели причины огорчаться по поводу их отношений к Вам. Ах, боже, как это для меня убийственно грустно и неприятно. Мог ли я ожидать чего-нибудь подобного! Ведь косвенным образом вина в этих недоразумениях на меня падает, ибо ведь я был посредником между ими и Вами. Что сделать, что предпринять, чтобы рассеять неудовольствие? Знаю только одно: умышленной вины с их стороны тут не может быть. Они слишком любят и уважают Вас, чтобы сознательно огорчать Вас. Если я не ошибаюсь, уж если кого винить, так разве Анну. Она должна была предотвратить всякие недоразумения. Анна — отличный человек, но в ее характере есть какое-то отсутствие гибкости, неумение сдерживать проявления некоторой резкости, вследствие чего она иногда ненамеренно может раздражить и восстановить против себя. Надеюсь, что со временем всё сгладится и что Анна своими хорошими качествами и своей любовью к Вам сумеет разрешить диссонанс, зазвучавший в Ваших отношениях к Каменке. В одном только не сомневайтесь, дорогая моя: Анна, несмотря на все свои недостатки, личность честная и хорошая. Если б этого не было, я бы ни за что на свете не согласился содействовать ее браку с Колей. Причина неумения Анны быть оцененной в том, что у нее, благодаря недостаткам воспитания в родительском доме, где их всех всегда неумеренно баловали и неумеренно при них же превозносили, — преувеличенное, болезненное самолюбие и самомнение. Опыт смирит ее, и Вы увидите, что она будет для Коли хорошей женой, а для Вас — покорной и любящей дочерью. Извините, пожалуйста, что я вмешиваюсь в это дело, но мне невыразимо досадно и больно, что не всё так происходит, как я бы того хотел.

Я очень наслаждаюсь своим одиночеством и своей свободой. Здесь, в Берлине, меня ожидало письмо Котека, довольно бодрое и успокоительное. Но не следует забывать, что все чахоточные воображают себя накануне выздоровления.

Остаюсь здесь два дня, еду в Мюнхен, где тоже хочу остановиться, дабы посмотреть этот почти незнакомый мне город.

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесценный друг!

Всем Вашим усердно кланяюсь.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

244. Мекк — Чайковскому

Вена,
11 ноября 1884 г.

Простите, мой милый, бесценный друг, что я так долго не писала Вам в Graubünden, но у меня такая усиленная переписка с детьми это время, что я совсем изнемогаю от нее. Вот и сегодня это уже третье письмо, которое я пишу, не вставая от стола, но я не хочу уже откладывать написать Вам хотя несколько слов.

Соне моей лучше, слава богу, но она ужасно слаба, и это, конечно, меня до крайности беспокоит.

Я Вам писала в Москву, но, должно быть, Вам не переслали моего письма; боюсь, что и это не застанет Вас уже в Graubünden.

Бесконечно меня радуют успехи «Евгения Онегина», хотя, конечно, иначе и быть не должно. Я получила все Ваши письма, дорогой мой, из Петербурга и из Берлина и от всего сердца благодарю Вас за них. Мне очень, очень жаль, несравненный друг мой, что Вас беспокоили сообщением некоторых шероховатостей, происшедших между мною и Каменкою. Всё ведь так ничтожно, что об этом совсем и думать не стоит, и уже я никак не желала бы тревожить Вас этим. Мои отношения к каменским жителям отличные, и никаких следов промелькнувшей горечи не осталось. Всё, что Вы говорите, дорогой мой, об Анне, совершенно верно, так же как и несомненно то, что она есть и будет прекрасною женою, и Коля мой будет вполне счастлив с нею, что и есть самое главное.

Сашок занимается здесь теорнею музыки, он берет уроки у профессора консерватории Крена, у того же, с которым занимается и Влад[ислав] Альберт[ович]. Я не считаю его очень сведущим и способным, но для н а ч а л а он, конечно, вполне годится, да к тому же другого и трудно найти.

Простите, милый, дорогой друг, что сегодня пишу так коротко, но я с трудом держу перо в руках. Будьте здоровы, мой бесценный, и не забывайте безгранично любящего Вас друга

Н. ф.-Мекк.

P. S. Что Ваш больной, лучше ли ему?

245. Чайковский — Мекк

Давос,
12/24 ноября [1884 г.]

Дорогой, бесценный друг!

Вчера я наконец добрался в Давос. Это целое путешествие. После Мюнхена мне пришлось дважды ночевать (в Линдау и в Landquart) и потом восемь с половиной часов ехать в узенькой бричке, запряженной одной лошадью, в горы. Давос лежит очень высоко, среди суровой горной природы. Состоит он из ряда великолепнейших, переполненных гостями, гостиниц и нескольких частных вилл. В этой горной пустыне имеется масса превосходных магазинов, театр, своя собственная газета, всевозможные приспо-

собленные к климату увеселения, как то: каток, горы (montagnes russes) *, стрельбища и т. д. Зима здесь совершенно русская; всё завалено снегом и сегодня такой мороз, что я едва не отморозил ушей и носа. Не правда ли странно, что чахоточных людей вместо Ниццы, Ментоны, Алжира посылают на эту высоту, в этот суровый зимний климат? Между тем оказывается, что чистый, разжиженный, холодный горный воздух производит чудеса и что из ста больных шестьдесят выздоравливают в одну зиму совершенно. А всего страннее, что в такой морозный день, как сегодня, больные на воздухе, в легких платьях, иные даже вовсе без пальто. Они гуляют, катаются на коньках, скатываются с гор и, одним словом, держат себя так, как будто всё это происходит под лучами солнца Ниццы или Неаполя.

Что касается Котека, то я, к величайшему своему удовольствию, нашел его гораздо лучше, чем ожидал. Он на ногах, хотя не может свободно двигаться и с трудом поднимается по лестнице. Благодаря возбудившемуся от горного воздуха аппетиту, он хорошо питается и в общем чувствует себя несравненно лучше, но пораженное болезнью легкое поправляется очень туго. Вместо голоса у него какой-то глухой хрип, беспрестанный кашель и удушье. Состояние духа довольно бодрое, хотя часто на него находит и хандра при мысли о том, что по всей вероятности в одну зиму он здесь не поправится и придется еще весь будущий год прожить здесь. Во всяком случае, состояние его вовсе не безнадежно и несравненно лучше, чем я думал.

На меня Давос наводит уныние и ужас. Говорят, что вообще здоровым людям здесь как-то не живется. Я останусь здесь очень недолго. Вскоре опять напишу Вам. Благодарю за письмо в Москву, полученное мною только вчера. Будьте здоровы, дорогая!

Ваш П. Чайковский.

246. Чайковский — Мекк

Цюрих,
18/30 ноября [1884 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Вчера вечером я приехал в Цюрих, где хочу отдохнуть день и отправиться в Париж на несколько дней. Пребывание в Давосе было для меня довольно печально. И самая местность наводила на меня уныние, и отельный образ жизни, благодаря которому у меня оказалось множество знакомых (и в том числе две весьма не-

* (русские горы)

симпатичные русские дамы), и, наконец, больной мой, не перестающий с утра до вечера кашлять, — всё это, конечно, невесело. Я был накануне отъезда у доктора, который лечит Котека, и долго с ним беседовал. Он не признает его положение безнадежным и надеется на выздоровление, однакож нескоро; вероятно, ему придется еще год пробыть в Давосе. Теперь не столь ужасно положение легкого, как горла; опасаются больше еще горловой, чем грудной чахотки. А главное, что всё еще скверно, это ежедневная лихорадка; пока она не пройдет, нельзя быть покойным на его счет. Мне чрезвычайно жаль бедного молодого человека, рвущегося к деятельности и теряющего лучшее время жизни на борьбу с болезнью.

Путешествие мое сюда, т. е. пятичасовой спуск с гор на санях, было очень приятно. Здесь, в Цюрихе, сегодня жестокий мороз. Признаюсь, что вне России я ненавижу мороз и часто мечтаю об Италии, о Риме, куда злая судьба не дает мне попасть вот уже три года. Из Парижа я еду прямо в Россию, т. е. на несколько дней в Петербург и потом в Москву, где в декабре будут играть мою сюиту и фантазию, которые обе меня чрезвычайно интересуют. Имею известие, что «Евгений Онегин» продолжает нравиться публике, но не прессе. В Давосе мне попался фельетон газеты «Новости», в котором не музыкальный, а литературный фельетонист уничтожает меня впрах.[1] Из двух зол: нелюбовь публики или нелюбовь прессы—я, конечно, предпочитаю последнее, но часто недоумеваю, почему эти господа так меня не любят и почему с тех пор, как не пишет Ларош, я не встречаю о себе сочувственных отзывов в печати?

Будьте здоровы, дорогой, милый друг! Я чрезвычайно рад был получить в Давосе письмо Ваше и известие, что Софье Карловне лучше. Юлье Карловне, Сане, Влад[иславу] Альб[ертовичу], Людмиле Карловне прошу передать мои приветствия.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

247. Чайковский — Мекк

Париж,
24 ноября/6 декабря 1884 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Вот уже несколько дней, что я в Париже, в своем милом Hôtel Richepanse. Никого не вижу, нигде, кроме театра, не бываю и, признаюсь, очень рад одиночеству, которого не знаю с выезда из Плещеева. По утрам занимаюсь немножко, а именно,

соображаю те перемены, которым намерен подвергнуть свою оперу «Кузнец Вакула». Это одно из любимых моих детищ, но я не настолько слеп, чтобы не видеть капитальных недостатков, коими оно страдает и которые помешали ему остаться на репертуаре. Вот устранению-то этих недостатков я и хочу посвятить несколько месяцев, чтобы в будущем сезоне опера могла пойти в Москве.[1]

Бываю почти ежедневно в театре. Здешний Grand Opéra не то, что Венская опера: кроме пяти-шести чрезвычайно избитых опер, ничего не дают, и потому музыки слышу мало, но зато в драматических интересных спектаклях нет недостатка. Погода стоит отвратительная: дождь, грязь, туман. Останусь здесь еще около недели, после чего еду в Петербург и в Москву. После праздников мне хочется опять где-нибудь уединиться, чтобы энергически за работу приняться. Будет ли это в деревне, в России, или где-нибудь за границей, не знаю еще.

Как я счастлив и рад, что недоразумения, случившиеся между Вами и Каменкой, устранены. Меня очень мучило это обстоятельство. От всех своих имею хорошие известия. Бедный брат Модест не может дождаться, чтобы дали его пьесу. Обещают многое, но ничего не делают.

Будьте здоровы, дорогая! Дай Вам бог всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

248. Мекк — Чайковскому

Вена,
28 ноября 1884 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Так как я боюсь, что мое письмо не застанет уже Вас в Париже, то и пишу только несколько слов. Вообразите, дорогой мой, что Ваше письмо я получила только вчера, т. е. на третий день от того, как оно писано. У нас также погода пасмурная, но приятная: то морозы не свыше пяти градусов, то тепло до десяти градусов; гулять и кататься можно сколько угодно, что мы и делаем каждый день по два раза. Вчера я была в опере «Тристан и Изольда» Вагнера и, по обыкновению, не могла досидеть до конца, после двух актов уехала. Теперь идет целая серия представлений Вагнеровских опер, кажется, восьми. Я была также в «Lohengrin» и также не досидела до конца. А на прошлой неделе были оркестровые концерты Бюлова, который приезжал со своим оркестром на три концерта. Вот тут я с удовольствием бывала во всех трех концертах, хотя в одном должна была уехать, увы, от Восьмой симфонии Бетховена, но такая была духота, что невозможно было выдержать, а он, т. е. Бюлов, распорядился так странно, что эту симфонию поставил последнею. В этих концертах меня только сердила программа, в ней из новых композиторов преобладал Брамс, а я его терпеть не могу, а тут не только играли его симфонию,

вариации, так даже д в а фортепианных концерта; один исполнял Бюлов, другой сам Брамс и сам дирижировал своею симфониею. Ну, это меня бесило,— точно никого лучше его и на свете нет.

По поводу пьесы Модеста Ильича читали ли Вы, дорогой мой, что Федотова в Москве хочет поставить его пьесу на свой бенефис,— это было бы очень хорошо.

Я имею известия, что Александра Ильинична с Тасею были в Петербурге и навещали мою Соню, чему она, конечно, была очень рада. Здоровье моей бедненькой больной немножко лучше, но она всё еще в постели; недавно Саша к ней приезжала. Коля и Анна ждут Вас в Москву, дорогой мой. Я буду очень, очень рада, если Вы погостите у них в моем доме; Вы еще совсем не были у меня в этом доме. Я все забывала Вам сообщить, милый друг мой, свою радость, что мне дают моего дорогого Воличку с собою за границу; это такой чудный ребенок, что чем больше узнаешь его, тем больше любишь. Меня только сокрушает то, что он скучает об матери; он необыкновенно привязан к ней, только и мечтает о свидании с нею, считает каждый день, сколько осталось до их приезда; они обещали приехать ко мне на праздники. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. Всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

249. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
9 декабря 1884 г.

Простите, ради бога, дорогой, бесценный друг, что так давно не писал. В последние дни пребывания моего в Париже на меня совершенно неожиданно нашел припадок убийственной хандры и тоски, и в таком состоянии мне ничего бы не пришлось писать, кроме излияний самого грустного свойства, а я знаю, как подобные излияния противны и смешны под пером человека, которому, в сущности, всё улыбается и которому жаловаться решительно не на что. Результатом этого было то, что я ощутил неотложную потребность повидаться с своими петербургскими родными, прежде чем поеду в Москву, и вот я уже вторые сутки в Петербурге. Здесь я узнал, что послезавтра, в о в т о р н и к, будет представлена новая пьеса Модеста, и остаюсь еще, следовательно, несколько дней. Бедный брат Модест! Он испытывает теперь все столь хорошо мне известные страдания автора, которого пьеса ставится на к а з е н н о м театре. Кроме страха и волнения, причиняемого неизвестностью судьбы пьесы, ему приходится, как всегда, умирять раздражительные самолюбия гг. актеров и актрис, бороться с недоброжелательством театрального начальства и т. д. и т. д.

Сестру я нашел здоровой. «Е в г е н и й О н е г и н» всё еще продолжает интересовать и привлекать публику, чему я очень радуюсь.

Мне ужасно хочется поскорее деревни, одиночества, свободы. Вероятно, из Москвы поеду в Каменку.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш, беспредельно преданный
П. Чайковский.

250. Чайковский — Мекк

Москва,
18 декабря [1884 г.]

Милый, дорогой друг!

Вчера я приехал в Москву после десятидневного пребывания в Петербурге. Пьеса брата «Лизавета Николаевна» прошла с большим успехом.[1] По-моему, это очень талантливая, милая, симпатичная вещь, обладающая свойством сразу привлекать сердце зрителя. К сожалению, исполнение и постановка были далеко не безукоризненны. У главной актрисы, Стрепетовой, были очень хорошие минуты, но, в общем, она не была достаточно изящна и женственна. Во всяком случае, достоинства пьесы были замечены и оценены публикой. Что касается дирекции, то Модесту пришлось уже изведать всю горечь театральных интриг, дрязг и сплетен. Против него и против Стрепетовой очень неблагоприятно настроен Потехин, от которого всё зависит на драматической сцене, и, несмотря на блестящий успех, пьесу или вовсе не повторяют, или назначают неожиданно, так что на втором представлении, состоявшемся почти без объявлений, публики было мало, и бедный брат мой был очень огорчен. Газеты отнеслись к нему, за немногими исключениями, недружелюбно, и, по неопытности, он принимает всё это очень близко к сердцу.

Вчера мне Коля выслал навстречу карету, и я очень быстро очутился в своем симпатичном, уютном помещении внизу, в Вашем доме. Мне в высшей степени понравилось это помещение, и я сразу полюбил его, особенно мою угловую комнату, в коей сплю и пишу в настоящую минуту письмо это. И Коля, и Анна, и Иван Васильев так заботливо ко мне относятся, что я не знаю, как и благодарить их за гостеприимство, которое они оказывают мне во имя Ваше. А Вас, бесценный, лучший друг мой, благодарю от глубины души!

От Котека письма не имею, но зато получил письмо от одной русской дамы, живущей тоже в Давосе. Она сообщает, что Котек вновь заболел воспалением, что он очень плох, что надежды мало и что необходимо, чтобы кто-нибудь из родных приехал для ухода за ним. Но я очень хорошо знаю, что ни мать, ни сестры его

ехать не могут, даже если снабдить их деньгами. Не буду говорить Вам, как тяжело подействовало на меня это известие. Сознание своего бессилия оказать ему существенную помощь, мысль, что он, может быть, умирает один, среди чужих людей,—всё это удручает меня. Самому ехать? Это, быть может, следовало бы, но я чувствую, что у меня просто не хватит мужества снова совершить отдаленную поездку для того, чтобы видеть агонию человека, молодого, которому всё начинало улыбаться, которому так хочется жить! Послал депешу и жду ответного известия о ходе болезни.

Анну я застал не совсем здоровою и значительно огорченною разочарованием в надежде забеременеть. Таня довольно бодра, во всяком случае лучше прошлого года. Лев Вас[ильевич] здесь; он уезжает послезавтра.

Поздравляю Вас, дорогой друг, с наступающим праздником. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш, беспредельно Вас любящий

П. Чайковский.

251. Мекк — Чайковскому

Вена,
19 декабря 1884 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Пишу Вам коротенькое письмецо, потому что не уверена в том, что оно найдет Вас в Москве. Мне всё кажется, что Вы из Петербурга проедете, не останавливаясь, в Каменку, так как Вам хочется скорее в деревню, и я этому вполне сочувствую, я также всё мечтаю о деревне.

Дорогой мой, получили ли Вы мое письмо в Париже? На днях я испытала одно из самых дорогих мне ощущений, м у з ы к а л ь н о е ощущение, доходящее до экстаза, когда и плакать, и смеяться, и умереть хочется; и это было, слушая Ваши сочинения. Боже мой, как я бесконечно благодарна Вам за эти ощущения. Это мои единственные возвышенные, беззаветно блаженные минуты, это наслаждение есть единственная моя собственность, и никто не имеет права контроля над нею. И как я бываю счастлива, когда испытываю такие минуты. Будьте Вы благословенны во веки веков,— тот, который доставляет человечеству такое высокое наслаждение! Мы играли в четыре руки Вашу Четвертую симфонию и Славянский марш, и, несмотря на весьма плохое исполнение (играли Сашок и M-me Zdenegay, учительница музыки), я была в таком восторге, в таком волнении, что на другой день у меня болела голова. Из Ваших пьес, мои любимые сочинения это: Четвертая симфония, Первая сюита, Славянский марш и все три Andante во всех трех квартетах. Я буквально с у м а с х о ж у, когда слушаю эти вещи, но это сладкое сумасшествие, и из него желала бы никогда не выходить.

Знакома ли Вам, дорогой мой, опера Marschner'a «Vampyr»? ее нынешнюю зиму очень часто дают здесь. Это старый и уже не

существующий композитор, он очень похож на Вебера. В воскресенье дают «Die Königin von Saba» Goldmark'a, я хочу съездить. А утром в воскресенье в филармоническом концерте Рихтера будут играть увертюру из «Руслана и Людмилы» Глинки; я также хочу съездить, если достанем билеты. Поздравляю Вас, дорогой мой, с наступающим праздником и Новым годом и от всего сердца горячо желаю Вам всего, всего самого хорошего в жизни. Да сохранит господь Ваше здоровье на долгие годы. Не забывайте всею душою безгранично Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

Поздравляю от души с успехом пьесы Модеста Ильича. Слава богу, что он теперь может успокоиться. Я надеюсь, что ее напечатают в журналах.

252. *Мекк — Чайковскому*

Вена,
28 декабря 1884 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Пишу Вам только несколько слов, потому что не знаю, найдет ли уже мое письмо Вас в Москве. Поздравляю Вас, дорогой мой, с наступающим Новым годом, пошли Вам господь здоровья, спокойствия и всяких радостей и удовлетворений в жизни. Как я рада, как счастлива, что Вы осветите своим присутствием и мой московский дом, и как мне приятно, что Вам понравилось в нем, хотя, конечно, в Вас говорит Ваша всегдашняя доброта и деликатность: э т о т дом оставляет многого желать.

Вам, вероятно, уже известно, милый друг мой, что Котек скончался; у меня здесь прочли это в какой-то немецкой газете.

Я в настоящее время в больших хлопотах с поисками квартиры. Моя настоящая имеет крупный порок,— это дурное устройство самых необходимых мест, вследствие чего по временам воздух бывает дурной, а я этого ужасно боюсь, и потому теперь испытываю одно из самых н е с н о с н ы х положений — отыскивать квартиру. В Вене это так же трудно, как и везде, и вот я в отчаянии,— не находится ничего и ничего.

Погода у нас становится холоднее, сегодня ночью почти шесть градусов мороза, а вчера ртуть была на нуле. У меня все, слава богу, здоровы, была елка, дети были в восторге, я также получила от детей прелестные подарки. Соня обещает приехать к Новому году,— не знаю состоится ли это. А наши юные супруги отправились в Петербург повеселиться с родными; Христос с ними, пусть позабавятся. Дорогой мой, куда Вам адресовать теперь письма? Будьте здоровы, мой несравненный. Всею душою неизменно и горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

1885 год

253. Чайковский — Мекк

Москва,
1 января 1885 г.

Как давно не писал я Вам, мой бесценный, милый друг! Две причины препятствовали мне беседовать письменно с Вами. В самый сочельник утром я получил телеграмму о смерти Котека. Кроме того, что это известие поразило и сильно опечалило меня, на меня еще легла тягостная обязанность уведомить несчастных родителей о потере любимейшего старшего сына, бывшего уже и в материальном отношении поддержкой бедной семьи. Три дня целых я не решался на нанесение им страшного удара!.. Судя по ответной телеграмме, они в совершенном отчаянии... На меня всё это произвело бы подавляющее впечатление, если бы не случилось, что вследствие спешной потребности и неимения хороших корректоров, я не принужден был в течение нескольких дней сам делать труднейшую корректуру моей новой сюиты. Бюлов будет исполнять ее на днях в Петербурге в симфоническом концерте, и нужно, чтобы к пятому числу всё было готово. Оказалось, что за мое пребывание в Петербурге и за границей дело без меня ни на шаг не подвинулось, и вот пришлось засесть за мучительную, утомительнейшую работу. Я сердился, негодовал на г.г. граверов, на Юргенсона, утомлялся до чрезвычайности, но зато не имел времени постоянно думать и сокрушаться о смерти бедного Котека.

Несколько дней я провел у Вас в доме один, так как Коля с Анной ездили в Петербург. Я не могу не доложить Вам, что Ваш старый слуга Иван Васильев оказывает мне самую бдительную заботливость и что я очень тронут его стараниям, дабы в Вашем доме я был окружен всевозможным комфортом и удобствами.

Об Анне и Коле скажу покамест одно. Они живут душа в душу... Даже позволю себе заметить, что с л и ш к о м душа в душу.

Не без удивления заметил я с первого дня моего у них пребывания, что умственный и нравственный облик одного из супругов потерял свою индивидуальность, что супруг этот поет до такой степени в унисон с голосом другого, что нет такой подробности, на которой их взгляд, чувство, мнение разнилось бы хоть на волос. Отмечаю это явление, не анализируя и не обсуждая его. Конечно, хорошо, когда муж и жена составляют как бы две половины одного существа, но... мне и немножко жаль чего-то и немножко страшно, а главное, нужно еще подождать, чтобы высказаться на их счет безошибочно верно.[1] И то, что я сейчас написал, и то, что, быть может, напишу о них впоследствии, должно остаться между нами. Прошу Вас, дорогая моя, не давать им чувствовать, что я писал о них. Ко мне л и ч н о и тот и другой чрезвычайно милы и ласковы; и того и другого я очень люблю, хотел бы, чтобы можно было только радоваться, глядя на их единение и взаимную любовь,— но если мои радости иногда будут омрачены некоторыми тенями, если о тенях этих я буду иногда говорить с Вами, то простите, что некоторым образом насильственно врываюсь в Вашу семейную сферу. Мне так трудно быть неоткровенным с Вами!

В Каменку я решил покамест не ехать. Хочу попробовать поискать вблизи Москвы какую-нибудь маленькую усадебку для найма. Сегодня в полицейской газете вышла публикация от меня.[2] Если удастся найти что-нибудь подходящее, устроюсь в деревне и опытом узнаю, может ли одинокая деревенская жизнь удовлетворить меня настолько, чтобы раз навсегда я устроился таким образом. Если да, то с будущего года начну подыскивать маленькое имение для приобретения в собственность.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг, молю бога, чтобы он ниспослал Вам на предстоящий год всякого благополучия.

Ваш навсегда

П. Чайковский.

Благодарю Вас за теплые сочувственные слова о моей музыке в последнем письме Вашем.

254. Чайковский — Мекк

Москва,
5 января [1885 г.]

Дорогой, милый друг мой!

Не знаю, достаточно ли ясно я разъяснил в телеграмме мои планы. В будущую среду, 9-го числа, я еду в Петербург, для присутствования в концерте Муз[ыкального] общ[ества], где Бюлов будет играть мою новую сюиту. Останусь там около недели,

возвращусь в Москву и довольно долго здесь останусь. В настоящее время все помыслы мои устремлены на то, чтобы устроиться где-нибудь в деревне близ Москвы на постоянное жительство. Я не могу больше довольствоваться кочеванием и хочу во что бы то ни стало быть хоть где-нибудь у с е б я, д о м а. Так как я убедился, что к у п и т ь я покамест еще порядочного именьица не могу, то решился хоть нанять какую-нибудь усадьбу. С этой целью я пустил здесь в «Полицейском листке» публикацию, и предложений имею уже много. В понедельник еду осматривать одну усадьбу, которая, кажется, вполне подходит к моим требованиям, и если понравится, то вскоре по возвращении из Петербурга, может быть, и перееду.

Милый друг! Меня несколько мучит совесть по поводу моих неясных намеков на Колю и Аню в последнем письме. Теперь я могу Вам сказать, в чем дело, ибо имел объяснение с Анной и значительно успокоился насчет их. П е р е м е н а, о которой я писал Вам, состоит в том, что Коля оказался с л и ш к о м с л а б ы м и слишком п о д ч и н и в ш и м с я влиянию своей жены, а влияние это отразилось на нем неблагоприятно, как мне показалось. Прежде Коля казался мне необыкновенно симпатичным добряком, и в этом была его главная прелесть. Теперь я вдруг заметил, что в суждениях его о людях, в некоторых отзывах его появилась несвойственная его натуре резкость и иногда даже озлобленность. Из этого я заключил, что не Анна (которая, несмотря на многие свои превосходные качества, всегда страдала некоторою резкостью, излишком самолюбия) умягчилась под влиянием Коли, а, напротив, добрый и мягкий Коля заимствовал у Анны некоторые ее слабости и, главное, строгость, резкость, исключительность в суждениях. Это меня очень испугало и огорчило. Некоторое время я молчал, но дня три тому назад решился высказать Анне свою тревогу за их будущность и благополучие. К моему величайшему удовольствию, Анна приняла слова мои очень благодушно, нисколько не обиделась и, если я не ошибаюсь, отлично поняла, что не следует ей стараться изменить Колю, а, напротив, самой стараться быть более мягкой, уступчивой, доброй. В сущности, уверяю Вас, дорогая моя, что Анна от природы вполне хорошая, добрая, честная натура. Излишек самомнения и гордости происходит от обстоятельств ее жизни и воспитания. Я уверен, что, если действовать на нее убеждением, не молчать, а искренно указывать ее недостатки, как это я сделал теперь, она поймет свои ошибки и выкажет основные черты своей хорошей и богато наделенной умственными дарами природы. О, как бы я не желал, чтобы когда-нибудь, хоть мельком, Вы бы пожалели о том, что отдали Вашего добрейшего Колю Анне! Мысль, что когда-нибудь Вы раскаетесь в Вашем выборе, для меня убийственна.

Еще скажу Вам одно: Анна не изъявительна, и я боюсь, что она недостаточно умеет выразить Вам свою любовь, а между тем, я знаю, как она переполнена чувством любви и благодарности к Вам. Ради бога, никогда не сомневайтесь в этом.

Будьте здоровы и счастливы, бесценный друг мой!

Весь ваш

П. Чайковский.

255. Мекк — Чайковскому

Вена,
10 января 1885 г.

Дорогой мой, несравненный друг! От души благодарю Вас за то, что Вы откровенно высказываете мне Ваше мнение по предмету, касающемуся людей, близких нам обоим, и надеюсь, милый друг мой, что Вы и всегда будете так же откровенны. В настоящем случае открытие, которое Вы сделали, дорогой мой, для меня давно уже не новость: с первого приезда молодых ко мне в Cannes я уже заметила это, а летом, когда они жили у меня в Плещееве, для меня окончательно подтвердилось, что мой К[оля] совершенно под влиянием А[нны] и ее родителей. Я желала этого влияния и много раз выражала это К[оле], когда он сделался женихом, и вот почему. Я видела, что у К[оли] нет сильного характера и что он способен поддаваться влияниям, я очень боялась тех добрых людей, которые уже испортили жизнь моему бедному Володе, и потому я искала для К[оли] хорошую жену и из хорошего семейства, для того чтобы оградить его от дурных влияний, а напротив, поставить под благотворное влияние людей, которые естественно и логично должны заботиться о всём хорошем для него. Следовательно, то, что К[оля] совершенно под влиянием своей жены и ее родителей, меня не должно огорчать, но мне желательно при этом, чтобы влияния эти были направлены на то, что благородно и полезно для К[оли] как в материальном, так и нравственном отношении. Чтобы не отделяли К[олю] от его родных, не вооружали бы его против старшего брата, которому он много, много обязан, не подрывали бы моего авторитета и доверия К[оли] ко мне, что было бы очень дурно, потому что мой сын всем обязан мне: своею нравственностью, своим образованием, своим состоянием, своим положением. Кроме меня никогда никто не заботился о моих детях и никто ничего для них не делал, за исключением их брата Володи, который один помог мне выпутаться из бедственного положения, в котором я очутилась после смерти мужа и которому они обязаны своим настоящим благосостоянием, а Коля еще больше, чем другие, потому что кто же хлопотал за его кандидатуру в Рязан[ском] правлении и кто устроил это ему, как не Володя. Если кто-нибудь скажет, что ведь это моими акциями, то, конечно,— потому что у Володи своих нет,— но ведь вынуть акции из сундука нетрудно, а хлопотать, устроить всё дело и достигнуть цели — вот это потруднее. Кстати, при этом, дорогой мой, если Вам будет кто-нибудь говорить дурно про моего Володю, не верьте этому, так могут говорить только люди бессердечные. Володя — несчастный человек, но это золотое сердце и благороднейшая душа, он вредит только себе, но этот человек, как выражаются об нем простолюдины, «мухи не оби-

дит», а Вы знаете, что эти люди есть тонкие сердцеведы. Насчет его жены я также хочу, чтобы Вы имели правильное мнение, потому что она, бедненькая, также подвергается большим порицаниям, клевете и злобе людской, между тем как это — премилое, пресимпатичное существо. Эта женщина не получила никакого воспитания, кроме с в е т с к о г о, о нравственном не было и помину в доме, где она выросла. Мать — недалекая, пустая женщина, которая проживала сотни тысяч в год, сама не зная, куда они шли, вечно полный дом гостей, балы, наряды, и больше ничего; о детях заботы никакой, хотя для них брали француженок и англичанок и нарядили их, как кукол, но ведь это стоит только денег, а доходы у них были большие, при отце — от полутораста до двухсот тысяч в год; теперь она и состояние расстроила совершенно, хотя всё-таки и знать этого не хочет. И вот, выросши в такой среде и в таких привычках, моя бедная Лиза могла быть очень дурною женщиною, но ничего не бывало — у нее столько добрых, хороших инстинктов в ее собственной натуре, что она никогда не будет д у р н о ю женщиною. Это также страдалица в жизни, потому что в ней происходит постоянная борьба домашних привычек с ее благородными инстинктами. В результате это такое милое существо, на которое я, например, не могу сердиться; если мне бывает что-нибудь неприятно в их образе жизни, а это бывает часто, то это только пока я ее не вижу, а как только увижу, то ее милая деликатность, нежность, покорность совершенно обескураживают меня, и я только люблю ее, и мне только жаль это бедное молодое существо, которому живется так тяжело. Но этого ведь никто не поймет, что им живется тяжело, всякий Вам скажет: «Помилуйте, они живут очень весело, что им делается». А никто и не подумает и не сумеет поверить, какую борьбу, какие внутренние терзания выносят эти двое людей за свою так называемую веселую жизнь, а между тем, у этой бедненькой женщины нервы расстроены до того, что если к ней подойти с громким словом, так у нее судороги в лице делаются. Но ведь разве люди углубляются во что-нибудь, им нравится чесать языки на чей-нибудь счет, ну, и не отказывай себе в этом удовольствии, хотя бы другим ты этим вливал смертельный яд в душу, — не беда, и это позабавит; о, люди, люди, несчастные крокодилы!

Но я опять вернусь к Лизе. Кроме всех ее достоинств, я еще л и ч н о чрезвычайно ей благодарна за то, что она не только не отвлекает Володю от его родных, но она сама прильнула к его родным, она всячески поддерживает Володину привязанность и доверие ко мне, и я имею в Володе с а м о г о доброго и покорного из всех моих детей, а Вы согласитесь сами, дорогой мой, что добрый сын не может быть дурным человеком. А к тому же еще, Вы бы посмотрели, милый друг, что за ребенок их Воличка! Я, прожившая больше полстолетия на свете, никогда не встречала такого ребенка: что за чувствительность, что за доброта, какая деликатность и какая развитость необыкновенная! Он любит до страсти свою мать, и Вы бы посмотрели, до каких поэтических форм доходит эта привязанность, как он хранит каждую вещь, которая идет от нее. К нему нечаянно попадает носовой платок его мамы, как он обрадовался, как целовал его, с какою нежностью и как поэтично он обращается с ласковыми словами к ее портрету; это чудный, удивительный ребенок! И в то же время он совершенное дитя, у него нет никаких тенденций взрослых людей. Если бы Вы увидели этого ребенка, дорогой мой, Вы бы поняли, что у такого существа не могут быть д у р н ы е родители. У этого ребенка я нахожу один только порок и то не его личный,

а привитый воспитанием — это привычка к роскоши. Он не выносит белья не самого тонкого, он не может одевать других чулок, как шелковые, чистота для него требуется самая щепетильная, так что даже в вагоне ему меняется белье каждый день, и вид неопрятности возбуждает в нем крайнее отвращение.

Но, однако, простите, дорогой мой, я так увлеклась своими любимыми предметами, что и не подумала, что Вам-то ведь это всё мало интересно. Будьте здоровы, мой дорогой, и не забывайте всею душою горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

Простите, что письмо написано так неопрятно, но у меня очень дурное перо, к тому же я устала. На днях приехала моя Соня, слава богу, здоровая и веселая, только похудевшая.

256. Мекк — Чайковскому

Вена,
11 января 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Вчера я только что послала Вам письмо, как получила Ваше. Мне очень приятно то, что Вы пишете про Анну. Было бы большим и редким достоинством, если бы она сознавала свои недостатки и старалась в них исправиться. Мне также очень жаль, что я слишком горячо написала Вам, но, знаете, дорогой мой, у меня бывает так наболевши сердце, что иногда вырывается такой вопль души. Вы не знаете, как это тяжело никогда, во всю жизнь не видеть оценки своего труда, своей заботливости. Кладешь всего себя, свое здоровье, спокойствие, жизнь, все свои помыслы на то, чтобы другим было хорошо, и никогда не увидишь, чтобы это было замечено, признано. Но что же я опять впадаю в иеремиады*; это потому, что холодно. Я ужасно в эти дни страдаю. Вообразите, дорогой мой, два дня было по девять градусов мороза и теперь еще шесть.

Недавно мы были в концерте d'Albert'a, это очень хороший пианист, но Grünfeld более блестящ. В нынешнем сезоне мы слышали Bühlow'a, Brahms'a, Grünfeld'a и d'Albert'a. Первые два на меня никогда не производят впечатления; прослушавши их, скажешь только, что у обоих техника превосходная, но два последних мне очень понравились. Bühlow еще производит впечатление очень приличного человека, ну, а Brahms — всегда мясник.

Когда Вы вернетесь из Петербурга, дорогой мой, то я надеюсь, что адрес Ваш будет опять у К о л и, пока Вы себе приищете что-нибудь. Прошу Вас не отказать сообщить мне это, мне надо послать Вам перевод. Будьте здоровы, дорогой мой, и дай Вам бог скорее отдохнуть и устроиться. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Мне предстоит большое горе: разлука с моим дорогим Воличкою. Бедные родители так стосковались об нем, что я согласилась отпустить

---

* Жалобы.— Образное выражение, происходящее от названия книги «Плач Иеремии», приписываемой пророку ветхого завета.

его к ним, и на днях приедет одно доверенное лицо, M-elle Шишкина, взять его. Этот милый ребенок вносит такую радость и тепло, что, кажется, где он, там и благодать божия; он вливал бальзам в мою измученную душу.

Знаете ли, дорогой мой, что я, вероятно, поеду во Флоренцию месяца на два, если найду дачу. За последнее время я очень озябла здесь.

До свидания еще, дорогой мой.

257. *Чайковский — Мекк*

Москва,
18 января 1878 г.

Милый, дорогой друг мой!

Простите, ради бога, что так ленив и редко пишу Вам. Сегодня вернулся из Петербурга, где провел в лихорадочной суете восемь дней, и хотя ежедневно собирался писать Вам, но или препятствия или утомление (доходившее иногда до совершенного изнеможения) мешали мне браться за перо. Первые дни прошли в репетициях к концерту, на коем исполнялась новая моя сюита[1], и в приготовлениях к предстоявшей мне сильной эмоции. Тайное предчувствие говорило мне, что сюита моя должна понравиться и задеть за живое публику. Я и радовался и боялся этого. Но ожидания мои действительность далеко превзошла. Подобного торжества я еще никогда не испытывал; я видел, что вся масса публики была потрясена и благодарна мне. Эти мгновения суть лучшее украшение жизни артиста. Ради них стоит жить и трудиться. Но и утомление после бывает большое. На другой день я был совсем как больной. После того мне пришлось вынести еще несколько хороших впечатлений, хотя всё-таки я больше страдал, чем наслаждался сознанием своего возрастающего успеха. Желание куда-нибудь скрыться, жажда свободы, тишины, одиночества брали верх над ощущением удовлетворенного артистического самолюбия. Последний день пребывания в Петербурге был опять-таки и тяжелый и приятный. Происходила в этот день свадьба Панаевой с моим двоюродным племянником, Карцевым. После свадебного обеда я поехал прямо в Б[ольшой] Театр, где происходило пятнадцатое представление «Онегина» в присутствии государя, императрицы и других членов царской фамилии. Государь пожелал меня видеть, пробеседовал со мной очень долго, был ко мне в высшей степени ласков и благосклонен, с величайшим сочувствием и во всех подробностях расспрашивал о моей жизни и о музыкальных делах моих, после чего повел меня к императрице, которая в свою очередь оказала мне очень трогательное внимание.

На другой день, т. е. вчера, в четверг 17 числа, я выехал, и сегодня уже с утра нахожусь в Москве и, наконец, только вечером нашел свободу, чтобы писать Вам, моя дорогая, добрейшая, несравненная! Когда случается в последнее время, что я подолгу не пишу Вам, не заключайте из этого, милый друг мой, что я меньше думаю о Вас, чем прежде. Знайте, что ни ошеломляющий успех, ни неудачи и горести, ни безумная суета городской жизни не могут заслонить для меня всегда присущую мне мысль о Вас и о Вашем благодетельном влиянии на всю жизнь мою. В последнее время я думаю о Вас с горечью и грустью. Я нашел здесь письмо Ваше, отражающее те горести, которые Вам приходится испытывать. Еще до получения письма этого я вполне ясно понял положение вещей, неблаговидную роль и неблагодарность одних, самоослепление других, переходящее мало-по-малу в манию, а что всего ужаснее — свою неспособность помочь и исправить дело. Многие прежние мимолетные сомнения мои сделались ясною очевидностью. Мне тяжело и грустно говорить об этом, но когда-нибудь, когда я буду ко всему этому относиться покойнее, я побеседую с Вами и выскажу все, что у меня на сердце.

Будьте здоровы, дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

Я еще не знаю, куда поеду, но наверное уеду в скором времени, уеду куда-нибудь подальше. А покамест я живу у Вас в доме.

258. Мекк — Чайковскому

Вена,
22 января 1883 г.

Милый, дорогой друг мой! Вчера получила Вашу телеграмму и сегодня спешу послать Вам перевод, который ношу в кармане целую неделю, но не могла послать Вам, потому что не знала точно, где Вы находитесь. Теперь я надеюсь, что Вы опять у Коли, милый друг мой, и туда я и направляю это письмо с переводом. Сегодня уезжает моя Соня, мне очень грустно расставаться с нею, потому что я долго не увижу ее, и в это же время ей предстоит тяжелая развязка ее положения. Что-то бог даст, как это кончится после ее тяжкой болезни; невольно боишься за исход этого положения, а бояться при этом я не могу, сил уже нет. К тому же, в Петербурге пришлось бы жить в гостинице и оттуда ездить к Соне, так как у нее я никак бы не остановилась, а ездить несколько раз в день мне неудобно, поэтому приходится ее поручить милости божьей и попечениям мужа и старшей дочери моей, Лизы, которая и в эту болезнь ухаживала за нею.

Вчера мне прочли в газетах, что будет скоро исполняться Ваша Третья сюита, дорогой мой.[1] Как я завидую москвичам, что они услышат ее; это единственное, в чем я завидую им, во всём же остальном в нашем бедном отечестве так непривлекательно, так всё плохо, что сердцу больно. А свою поездку во Флоренцию я отменила на нынешнюю зиму, а наняла для будущей зимы там виллу у Porta St-Gallo, если Вы помните это место, дорогой мой. Отказала я ехать во Флоренцию потому, что никак не находилось дачи на таких условиях, как я хотела, так как сезон уже в половине, большинство дач нанято, а которые остались, там хозяевам не хочется их устраивать (настилать ковры и проч.) на короткое время.

Через час уезжает Соня, а потому я кончаю письмо. Будьте здоровы, дорогой мой, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Что, Ваши поиски квартиры в деревне увенчались ли успехом?

259. Мекк — Чайковскому

Вена,
27 января 1885 г.

Милый, бесценный друг мой! Горячо благодарю Вас за Вашу откровенность и доверие, будьте уверены, что я умею ценить одно и хранить другое. Всё то, что Вы мне пишете, как я Вам уже и говорила, дорогой мой, давно я поняла, сначала сбивчиво, а потом всё яснее, и затем, когда мои открытия стали подтверждаться фактами относительно меня самой и отзывами и мнениями других людей, тогда вся истина сделалась для меня ясною и несомненною, но прошу Вас, дорогой мой, нисколько не тревожиться этим и не мучить себя Вашим бессилием помочь этому, как Вы говорите. Мы с Вами и не можем ничего исправить, потому что нам пришлось бы бороться с такими авторитетами, до которых мы, по принципу, не захотим прикоснуться. Всё, что Вы можете делать, это не поддерживать этого самообожания, а я даже и этого не могу сделать, потому что от меня всё принимают нелюбезно. Я не могу при этом случае опять не провести маленькую параллель: я могу давать советы и выражать свои мнения Лизе (Володиной), потому что она без всяких ослеплений и пристрастий просто понимает, что хорошо, а что дурно, и всегда очень мило принимает все мои указания. Если она не все их исполняет, то это потому, что они бывают plus fort qu'elle*, она всегда искренно и горячо желает исполнить всё, что я ей советую, но силы воли не хватает. Итак, дорогой мой, мы можем только желать, чтобы жизнь обточила уголки и указала бы бесправие этой самоуверенности, но делать для этого мы ничего не можем. Не думайте, ради бога, чтобы я жалела о том, что случилось, и упрекала бы Вас, сохрани боже; да и в чем же упрекать? Ведь я искала только счастья для моего сына, и он счастлив, а для себя я и не мечтала ничего приобрести в этом случае, потому что я знала, что это невозможно. Я молю только бога, чтобы Коле не надоела эта ферула и этот эгоизм, тогда я буду

---

* сильнее, чем она

несчастлива, но пока он ослеплен,— он счастлив, и уже, конечно, я его не буду разочаровывать. Следовательно, мой милый, дорогой друг, пока всё обстоит благополучно, а что будет в будущем, того мы не знаем.

У нас опять тепло, погода чудесная, солнце греет великолепно, только очень грязно; в Вене далеко не так хорошо содержат улицы, как в Париже. Это время не было никаких концертов, так как теперь карнавал, то всё балы происходят, во всех сословиях, во всех корпорациях, во всех цехах, словом, всюду; на каждой улице Вы только и читаете объявления о балах и маскарадах. Читали ли Вы, дорогой мой, что молодой пианист d'Albert играл в Париже у Colonne в Châtelet и имел небывалый успех? Я предполагаю, что это потому только, что у него французская фамилия, так как таланто в французы ценить не умеют, а драпируются патриотизмом, так что, если бы его фамилия была не d'Albert, а, положим, хоть Albrecht, то его бы приняли холодно. Не люблю я этих французов; я очень люблю Париж, но французов терпеть не могу, из всей французской нации я люблю только четырех человек, это: George Bizet, Alphonse Daudet, Maximilien Robespierre и St-Just, и то на Daudet я сердита за его «Sapho».

Будьте здоровы, дорогой мой, милый друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Будет ли Ваша Третья сюита перекладываться в четыре руки для фортепиано?

260. Чайковский — Мекк

Москва,
28 января 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Перевод получил и приношу чувствительнейшую благодарность.

Кажется, поиски мои наконец увенчались успехом. Я нашел нечто, вполне подходящее к моим требованиям, а именно, небольшой, хорошо выстроенный дом под г. Звенигородом, среди необыкновенно красивой местности, на берегу Москвы-реки, с садом. Сообщение с Москвой по железной дороге и пятнадцать верст по шоссе. Мне предлагают купить его с рассрочкой, и так как цена вполне подходящая, то я, вероятно, и куплю его, но благоразумие заставляет меня сначала на один год нанять его, дабы узнать, нет ли каких неудобств и скрытых недостатков. Сегодня я еду осматривать дом и, судя по виденным мною рисункам и планам, решу дело, вероятно, очень скоро. Так как нужно будет весь дом меблировать и устраивать, а я этого не умею, то поручу всё это Алексею, а сам уеду на месяц или полтора и возвращусь уже в готовый дом. Хорошенько не решил еще, куда ехать, но необходимо где-нибудь уединиться для работы, и весьма может статься, что поеду в Италию.

Моя московская жизнь до крайности утомила меня. Не имею времени ни для работы, ни для чтения, а только с утра до вечера или принимаю гостей у себя, или сам принужден у кого-нибудь быть. Колю и Анну вижу мало. Они совершенно здоровы и веселы.

Когда будет решен мой отъезд, сообщу Вам свой адрес. Я вел переговоры о либретто будущей оперы, и, кажется, это дело у меня устроится с писателем Шпажинским[1].

Будьте здоровы, дорогая моя!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Надеюсь, что Вы получили мои письма о семействе Давыдовых.

261. Чайковский — Мекк

[Москва]
3 февраля 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Вся эта последняя неделя прошла для меня в мучительной нерешительности и колебаниях относительно своего будущего жилья. Дом, который мне предлагали нанять или купить и о котором я уведомлял Вас в своей телеграмме, оказался никуда негодным. Мне обещали там и великолепный вид, и большой сад, и близость реки, — и ничего этого не оказалось. Я испытал столь сильное разочарование в своих поисках за домом, что решил, было, уехать за границу и даже запасся для себя и Алексея паспортами, но какой-то непзъяснимый страх перед предстоявшим путешествием охватил меня так сильно, какая-то непонятная тоска так убийственно душила меня, что вчера я принял героическое решение и послал Алексея нанять дачу, о которой слышал, что она стоит в красивой местности и снабжена мебелью, посудой и всем, что нужно. Завтра я уезжаю в Петербург, через неделю всё будет готово, и я перееду надолго в свое жилище, повидимому, очень удобное, но, кажется, слишком большое для меня. Дача эта находится в селе Майданове, в двух верстах от города Клина. В доме масса комнат, отлично меблированных; при доме великолепный парк, вид из окон очень красивый. Вообще жилье будет, кажется, очень приятное, но меня пугает огромная масса комнат, которые придется отапливать в течение зимы. Вообще дом немножко слишком роскошен для меня. Как бы то ни было, но год придется там прожить, а если окажется, что содержание его пре-

нимает мои средства, успею найти в течение года что-нибудь более подходящее.

Благодарю Вас от всей души, дорогая моя, за гостеприимство, оказанное мне Вами в Москве.

Будущий мой адрес следующий: Московской губ., гор. Клин, оттуда в село Майданово.

Простите, бесценный друг, за недостаточность и бестолковость письма. Я донельзя утомлен московской жизнью. Дай Вам бог здоровья и всякого благополучия.

Ваш, безгранично преданный
П. Чайковский.

262. *Мекк — Чайковскому*

Вена,
4 февраля 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Не знаю, застанет ли Вас в Москве еще мое письмо, и потому пишу только несколько слов. Письмо Ваше с характеристиками я получила, дорогой мой, и тотчас по прочтении сожгла, для того чтобы случайно не попало никому в руки.

Я очень буду рада, милый друг мой, если Вы, наконец, устроитесь по своему желанию, но только я боюсь, что жизнь в деревне зимою покажется Вам невозможною, в особенности, если надо ехать пятнадцать верст от станции железной дороги, и потому Вы очень хорошо делаете, что хотите сперва нанять и сделать испытание такой жизни. Я, например, не люблю и боюсь людей, но я не могу выносить жизни в деревне зимою не только в наших русских убогих, занесенных снегом деревнях, но даже и в прелестной Франции, в такой деревне, как мой Château Belair; мне слишком жутко зимою, и вот в нынешнем году я и не поехала туда. Я постоянно ратую с моею Сашею за то, что она живет зимою в деревне, я нахожу это совсем противуестественным для человека развитого, но она любит хозяйство, любит земскую деятельность, к тому же, ей надо прежде всего, чтобы были здоровые у нее дети, а тогда и всё хорошо.

У нас сильно чувствуется приближение весны, среди дня солнце греет так горячо, что я совсем в восторге, а Влад[ислав] Альб[ертович] (который находится теперь по моему поручению в Belair) пишет, что там еще теплее. Я в нынешнюю зиму второй раз посылала его в Belair, это очень мешает его композиторским занятиям, но что мне делать: мне некому поручать еще такие дела. Сашок должен заниматься, чтобы окончить свое образование, и занимается усердно, а больше при мне никого и нет. С отъездом моего милого Волички у нас стало так тихо и скучно; бедной Миточке не с кем бегать и шуметь, и всем нам без него грустно.

Я хотела бы в начале апреля вернуться в Москву, но боюсь, что еще реки не освободятся от льда и земля не высохнет. Я, вероятно, поеду на Петербург, чтобы повидать тамошних детей.

Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

263. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
10 февраля 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Провел уже около недели в Петербурге в ожидании телеграммы от Алексея, который должен известить меня, что всё в Майданове готово, и я могу переехать. Еще в Москве меня начала преследовать особого рода головная боль, которая случалась и прежде, когда нервы мои приходили в окончательное расстройство. Боль эта, похожая на зубную невралгию, здесь довела меня до такого состояния, что минутами я просто с ума сходил. На сей раз поневоле пришлось отказаться как от приема гостей, так и от всяких посещений, за исключением ближайших родных. Заниматься я тоже вовсе не могу и даже это письмо пишу с напряжением и усилием. К счастью, скоро мне предстоит спокойствие, одиночество и свобода, а мне только это и нужно, чтобы в два-три дня совершенно поправиться.

Алексей Александрович и Софья Карловна заходили на днях ко мне, как раз в такую минуту, когда я не мог принять их, ибо с ума сходил от боли. Они приглашали меня в тот день пить у них чай, но мне невозможно было воспользоваться их приглашением. Завтра я буду у них.

Погода здесь стоит изумительно чудная. Хороший зимний день в России имеет для меня несказанную прелесть; сейчас я совершил большую прогулку, вследствие которой чувствую себя способным хотя несколько слов написать Вам, бесценный, дорогой друг! Следующее письмо напишу уже из Майданова.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

Адрес: Никол. жел. дор. ст. Клин, село Майданово.

264. Чайковский — Мекк

Майданово,
16 февраля 1885 г.

Пишу к Вам, неоцененный, милый друг мой, из своего убежища.[1] Я приехал сюда третьего дня утром. Первое впечатление от местности было приятное: дом стоит на возвышении, на берегу реки, в красивом местоположении и имеет сзади обширный парк. Но зато дом в первую минуту привел меня в некоторое отчаяние. Я привык жить если и не всегда в роскошных помещениях, но,

во всяком случае, в чистых, приличных. В здешнем же доме я нашел только претензию на роскошь, пестроту, безвкусие, грязь и непомерную запущенность. Конечно, следовало сначала посмотреть и не полагаться на рекомендации... К тому же, дом огромный, холодный, неуютный. Кое-как мы с Алексеем устроились в трех комнатках. Теперь уж начинаю привыкать и мириться с этой обстановкой. Но зато, что за наслаждение, что за чудный отдых доставляет мне это одиночество, эта тишина и свобода!!! Какое счастье быть у себя! Какое блаженство знать, что никто не придет, не помешает ни занятиям, ни чтению, ни прогулкам!..

Я понял теперь раз навсегда, что мечта моя поселиться на весь остальной век в русской деревне не есть мимолетный каприз, а настоящая потребность моей натуры. Разумеется, Майданово не есть венец моих желаний. Но год один я могу прожить и здесь, пока не приищу чего-нибудь вполне подходящего.

Погода стоит изумительно чудная. Днем, несмотря на морозный воздух, почти весеннее солнце заставляет снег таять, а ночи лунные, и я не могу Вам передать, до чего этот русский зимний пейзаж для меня пленителен!!

Я начал с горячим, пламенным усердием работать над «Вакулой». Головная боль почти прошла. Я совершенно счастлив.

Дай бог Вам, дорогая моя, быть здоровой и покойной.

Видел симпатичную Софью Карловну и пил у них чай.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

265. Мекк — Чайковскому

Вена,
25 февраля 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Поздравляю Вас с новосельем, дай бог, чтобы Вы нашли в нем здоровье, спокойствие и наслаждение. Я очень рада, что Вы довольны Вашим местопребыванием, тем более что я очень боялась, что жизнь в одном из таких захолустьев, какими изобилует наше бедное отечество, покажется Вам очень тяжелою. Ведь в наших провинциях ничего достать нельзя; я думаю, если Вам понадобится лист нотной бумаги, то и тот Вы должны выписывать из Москвы? Нехорошо у нас, нехорошо: темно, болотно, нехорошо в настоящем, мрачно в будущем. Поверите ли, дорогой мой, что я теперь смотрю на наше бедное отечество как на театр марионеток: собираются ученые общества, трактуют, толкуют о предметах первой важности, но [illegible], что поговорят, помашут руками, разойдутся и больше ничего не будет. Действительно, в России много предметов очень большой важности, настоятельно необходимых, но, с одной стороны, царствует лень и неподвижность, а с другой,— произвол; у нас в России теперь только и хорошо живется жидам, для тех настоящее

положение — это золотое дно. Невыразимо больно сознавать все это и не видеть в будущем никакого просвета, впереди — еще темнее. Знаете, дорогой мой, что меня пугает Ваше желание приобрести собственность, потому что я по собственному опыту и по бесконечным наблюдениям знаю, что иметь собственность — это иметь бесчисленное множество терзаний, мучений, неприятностей, несправедливостей и всего того, что человеку жизнь [illegible]. У меня были огромные собственности, я потеряла на них [illegible]; теперь у меня самые маленькие собственности, и я никогда не знаю покоя, благодаря им. Я была бы ужасно рада, если бы Коля решился продать Копылов, потому что это совершенно брошенные деньги: ему, т. е. Коле, он не доставляет ни занятия, ни удовольствия, ни дохода, потому что в доходы я не верю, а расчеты с родственниками вести очень трудно, потому что хотя Лев Васильевич гарантирует Коле десять тысяч рублей дохода, но ведь если имение не даст их, то ведь Коля не будет же требовать их от своего тестя. Очень, очень я желала бы, чтобы Коля продал это [illegible], но, конечно, очень трудно это сделать, потому что он встретит [illegible] сопротивление. И уж гораздо было бы для самого Коли [illegible], потому что доставляло ли ему занятие, это купить около Москвы маленькое имение, для которого было бы достаточно половины того капитала, который он затратил на Копылов, и в котором они могли бы жить, а то теперь у него есть имение в сто пятьдесят верст, а они нанимают дачу на лето по Рижской железной дороге, потому что, во-первых, Коле по службе нельзя ехать далеко, а во-вторых, в Копылове надо все заводить, т. е. истратить еще [illegible]. Теперь и подтверждается то, что я говорила, что надо было сперва познакомиться с своею жизнью, узнать, что в ней надо, а потом покупать имение, но Лев Васильевич не признавал этого, и вот теперь половина состояния брошена бесполезно; конечно, продать можно, но ведь такой цены, как заплочено, никто не даст. Но будет об этом, это слишком горький для меня предмет. Простите, дорогой мой, если я и Вас смутила им.

Я возвращусь к Вам, дорогой мой. Мне кажется, что если Вы в продолжение этого года найдете что-нибудь, что Вам понравится, то менее опасно было бы нанять на три, на четыре года. Конечно, иметь собственность очень приятно, но в этом заключается еще больше неприятностей, чем приятностей, в [illegible] для Вас, который не привык к такого рода дрязгам. Простите, милый друг мой, если я говорю не в тон к Вашему желанию, но я уверена, что Вы замучитесь в том положении, которое Вам [illegible] известно, и считаю долгом совести показать Вам [illegible] стороны медали.

У нас очень тепло, но ветер и иногда дождь мешают прогулкам. Я не помню, писала ли я Вам, что я наняла для будущей зимы дачу во Флоренции, Villa Ytringer, у porta St-Gallo, если Вы помните это место, друг мой. Я знаю эту дачу, я даже хотела купить ее. Вы можете заметить мне, дорогой мой, что я Вам отсоветываю покупать дачу, а сама хочу покупать, но мне с моим огромным штатом так трудно кочевать по квартирам, что поневоле приходится покупать, хотя у меня сложилось такое убеждение, что только тот и счастлив, у кого нет никакой собственности.

Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг, и всею душою горячо Вас любящую

Н. Ф-[illegible].

266. *Чайковский — Мекк*

Майданово,
5 марта 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Ваше последнее письмо заставило меня серьезно призадуматься. Вы тысячу раз правы: иметь собственность всё-таки более или менее стеснительно, и я верю Вам, что только тот может считать себя свободным, кто таковой не имеет. Но, с другой стороны, нужно же, наконец, хоть где-нибудь быть дома, у себя! Будь я способен жить постоянно в Москве, я бы нанял квартиру, устроил бы ее, и это был бы мой дом. Но в деревне недостаточно иметь, чтобы быть вполне у себя. Вот хоть бы здесь, в Майданове. Уж одно то, что здесь же, недалеко от меня хозяйка живет и, вдобавок, всячески навязывается на знакомство! Но кроме того ни посадить цветов, каких я хочу, ни построить беседочку, ни срубить дерево, где оно мне вид у мешает, я не могу. Не могу также запретить, чтобы посторонние гуляли под моими окнами в парке, ибо в этом же парке и другие дома есть, тоже отдающиеся внаем, ну, словом, не могу быть полным властелином тех нескольких квадратных саженей, которых мне было бы достаточно, лишь бы я знал, что они вполне мои. Вот почему я всё-таки думаю, что по исключительности моего характера и натуры, мне лучше всего иметь маленькую собственность, т. е. домик и сад ик, и хотя, повторяю, Ваше письмо смутило меня, но я не могу лишить себя надежды быть обладателем хотя бы крошечного кусочка земли. Что касается русского захолустья, о коем Вы пишете, то оно меня не пугает. Книгами, бумагой и т. п. нужно запасаться надолго из города, а насчет съестных припасов я крайне нетребователен.

С чем я окончательно не могу согласиться в Вашем письме, так это с тем, что у нас нехорошо, темно, болотно и т. д. Подобно тому, как какой-нибудь эскимос или самоед любит свой ледяной север, я люблю нашу русскую природу больше всякой другой, и русский зимний пейзаж имеет для меня ни с чем не сравнимую прелесть. Это, впрочем, нисколько не мешает мне любить и Швейцарию и Италию, но как-то иначе. Сегодня мне особенно трудно согласиться с Вами насчет невзрачности русской природы. День чудный, солнечный; снег блистает мириадами алмазов и слегка подтаивает. Из окна моего широкий вид на даль; нет, хорошо, просторно, всей грудью дышишь под этим необозримым горизонтом!

Мне кажется, дорогая моя, что Вы слишком мрачно и отчаянно смотрите на Россию вообще. Нет спору, что многое у нас оставляет желать, много у нас всякой неправды и всякого беспорядка. Но где же вполне хорошо? И можно ли указать хотя бы на одну страну, хоть бы в Европе, в которой бы всем во всех отношениях было хорошо?

Было время, когда я совершенно искренно верил в то, что для устранения произвола и водворения единости и порядка необходимы политические учреждения вроде земских соборов, парламентов, палат и т. д. и что стоит только завести что-нибудь подобное, и всё у нас будет великолепно и все почувствуют себя счастливыми. Теперь, не то чтобы я перешел в лагерь ультраконсерваторов, но, по крайней мере, я усомнился в безусловной пригодности этих учреждений. Вглядываясь в то, что происходит в других странах, я вижу, что везде есть масса недовольных, везде борьба партий, взаимная ненависть и все тот же произвол и тот же беспорядок в большей или меньшей степени. Из этого я заключаю, что идеала правительственного нет и что люди осуждены в этом отношении до конца веков испытывать разочарования. Нередка появляются великие люди, благодетели человечества, управляющие справедливо, благодушно, пекущиеся об общем благосостоянии, а не о своем благе. Но это редкие исключения. Во всяком случае, я убедился, что благополучие больших политических единиц зависит не от принципов и теорий, а от случайно попадающих по рождению или вследствие других причин во главу правления личностей. Одним словом, человечеству оказывает услугу человек же, а не олицетворяемый им принцип. Теперь спрашивается: есть ли у нас человек, на которого можно возлагать надежды? Я отвечаю: да, и человек этот государь. Он произвел на меня обаятельное впечатление как личность, но я и независимо от этих личных впечатлений склонен видеть в нем хорошего государя. Мне нравится осторожность, с какой он вводит новое и ломает старое. Мне нравится, что он не ищет популярности, мне нравится его безупречная жизнь и вообще то, что это честный и добрый человек...

Но, может быть, все мои политические рассуждения суть наивность человека, живущего вдали от прозы жизни и не способного видеть дальше своей узкой специальности.

Должен кончить, ибо сейчас идут на почту. Будьте здоровы, бесценный, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

267. Мекк — Чайковскому

Вена,
16 марта 1885 г.

Дорогой, бесценный друг мой! Когда я писала Вам мое последнее письмо по предмету приобретения собственности, я была побуждаема спокойною совестью, которая требовала, чтобы я предупредила Вас о том, что Вам неизвестно и что я хорошо знаю. Затем, дорогой мой, я совершенно согласна с Вами, что только в своем уголке можно быть вполне свободным и неприкосновенным, так сказать, и что только свою собственность можно устроить по своему вкусу и своим потребностям. При этом у меня выработалось жизнью то убеждение, что за всё, что хорошо, надо всегда платить чем-нибудь дурным, так что у меня сложилась такая поговорка, которую я часто употребляю: хорошего нельзя иметь даром. Поэтому, милый друг мой, я буду очень рада, если Вы не убоитесь моих предостережений и приобретете себе маленький хорошенький уголочек, который устроите по своему вкусу и будете из него услаждать жизнь человечеству Вашими чудными творениями; пошли Вам господи успеха и удачи.

Что касается Ваших политический мнений, дорогой мой, то я совершенно согласна с Вами, что форма правления не имеет большого значения для блага человечества; я давно уже убедилась, что даже это последнее слово либерального правления — республика — не обеспечивает людям самой простой элементарной неприкосновенности человеческого достоинства, и указала мне это Франция, cette grande République*, как они ее величают, в которой простой городовой, из грубости и неотесанности, а что хуже всего, из республиканского принципа, в театре, при входе, оскорбляет публику непозволительными выходками, и несчастная публика остается безнаказанно обижаемою, потому что ведь на всех брандмауэрах в Париже выставлено: liberté, egalité, fraternité**, и по их понятиям égalité состоит в том, чтобы грубый городовой мог подставлять свой кулак в лицо приличным людям. Это значит равенство, а они забыли, эти бесшабашные французы, определение свободы одним из благороднейших жирондистов: «свобода одного кончается там, где начинается право другого»; так вот это-то право они и забывают. Я терпеть не могу республики, потому что она под формою свободы и равенства злоупотребляет тем и другим. Из этого Вы видите, дорогой мой, что я монархистка, но в своем письме я вовсе не подразумевала правительства, а общество. Вот где-то участвовали, в особенности нравственный уровень так низок, что там-то темно и болотно. Там, в массе, в одних слоях — грубость, тяжеловесность, бесчувственность, в других — лень, ничтожество, полное отсутствие каких-либо принципов, сознаний, стремлений,— ничего, ничего. У нас в обществе царствует полнейший нигилизм; теперь Вы ни в чем и ни на кого опереться не можете. Вы не живете в провинции, друг мой, а заглянете, что делается там. Вы увидите, как люди, которых называют образованными и занимающие хорошее социальное положение, прямо, открыто воруют двадцать рублей, и это никого, кроме моей Саши, не возмущает. Так вот где болото и несчастье России!

---

* эта великая Республика

** свобода, равенство, братство

Я никогда не могу писать Вам мало, дорогой мой, и тогда только чувствую, что написала много, когда голова становится тяжелою.

Я хочу уехать отсюда в субботу на Святой и потому прошу Вас, милый друг мой, писать мне теперь в Москву, на Мясницкую, в мой дом.

У нас очень тепло, в тени двенадцать градусов тепла, деревья распускаются и трава уже давно зеленая. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

268. Мекк — Чайковскому

Вена,
21 марта 1885 г.

Пишу Вам только два слова, милый, дорогой друг мой, потому что я уже сегодня много писала. Я не знаю, получаете ли Вы газету «Новое время», если нет, то посылаю Вам критику Ваших сочинений, Иванова[1]. Мне всегда приятно видеть, когда кто-нибудь умеет ценить Вас. Он, т. е. г-н Иванов, только о Ваших детских романсах говорит вздор, но он, очевидно, не усвоил себе значения такого рода музыки, по крайней мере, он не так его понимает, как я. Я считаю, что она имеет образовательное значение, а ему кажется, что она назначается для забавы детей, так как он ожидает, что дети сами будут выбирать или не выбирать себе того или другого сочинения. Но во всем остальном он сумел понять Вас. Была также в «Русском вестнике» чудесная тирада о Ваших сочинениях Ларош[2]. Он написал ее, так сказать, по-дилетантски, именно так, как я бы написала, если бы пускалась высказывать свои мнения. Он ничего не говорит со стороны музыкальной, научной, потому что, конечно, эти стороны у Вас выше всякой критики, и никто на свете не может быть критиком Ваших сочинений, потому что все они — букашки в сравнении с Вами. Ларош, как умный человек, это понял, и потому восхищается только художественною, поэтичною прелестью, разнообразием Ваших сочинений и сам восхищается так красиво, так поэтично, что лучшей дани нельзя принести Вашему необъятному таланту. А должно быть, Ларош начинает исправляться от своей лени, потому что довольно много стал писать. Я этому радуюсь, потому что очень люблю его статьи и все их читаю.

Я теперь вся занята сборами в обратный путь в Россию. Будьте здоровы, милый бесценный друг мой, и не забывайте всею душою Вас любящую

Н. ф. Мекк.

269. Чайковский — Мекк

Майданово,
1885 г. апреля 3—9. Майданово. 3 апреля 1885 г.

Дорогой, бесценный друг!

После полуторанедельного странствования я вернулся, наконец, в свое Майданово. Всю Вербную и Страстную неделю я проработал,

не давая себе почти вовсе отдыха, чтобы во что бы то ни стало к празднику кончить. В Страстную субботу все было готово, и я приехал в Москву к заутрени несовсем здоровый. Проведши не особенно хорошо и весело праздники, в конце Пасхальной недели я отправился в Петербург, где мне необходимо было повидаться с Полонским, автором либретто «Кузнеца Вакулы», дабы испросить его разрешения на напечатание оперы в новом виде. Я провел в Петербурге около четырех дней, посвятив их свиданию с родными и обычной беготне, столь же скучной, сколько и утомительной. В понедельник на Фоминой уехал в Москву, чтобы присутствовать при встрече вел. кн. Константина Николаевича, приезжавшего для присутствования на консерваторском оперном спектакле. Так как я теперь состою членом дирекции Музыкального общества, то невозможно было избегнуть утомительного и тягостного для меня официального присутствования при приеме вел[икого] ки[язя]. Весь вчерашний день и всё сегодняшнее утро пришлось почти неотлучно быть при нем. Спектакль прошел недурно, но опера «Водовоз» очень скучная, и никаких выдающихся талантов по части пения не оказалось. Но зато сегодняшнее музыкальное утро в консерватории оставило во мне самое приятное впечатление. Вел[икий] князь был в совершенном восторге. Между прочим, и ему и мне очень понравился как пианист брат Владисл[ава] Альбертовича. Он чрезвычайно мило и изящно сыграл партию фортепиано в квартете Шумана. Один четырнадцатилетний мальчик, по фамилии Корещенко, обещает быть первоклассным талантом. Превосходно была исполнена соната Баха всеми учениками старшего скрипичного класса в унисон.

Проводив вел[икого] ки[язя] и не успев даже заехать к Коле и Анне (Колю, к моему величайшему удовольствию, я встретил по дороге к вокзалу), я поспешил к себе домой. Час тому назад приехал и в числе нескольких ожидавших меня писем нашел Ваше дорогое письмо, за которое премного благодарю Вас, драгоценный, милый друг мой.

Благодарю Вас от души за посылку статьи «Нов[ого] времени». Я ее читал уже прежде, и она доставила мне удовольствие теплотой тона. Я никогда не оскорбляюсь и не огорчаюсь печатным указанием моих недостатков, ибо сам превосходно сознаю их, но меня глубоко уязвляет враждебный и холодный тон, которым, например, бывают проникнуты отзывы обо мне г. Кюи. Вообще только с недавнего времени русские газеты (особенно петербургские) стали доброжелательно ко мне относиться. Сам г. Иванов, автор статьи «Нов[ого] вр[емени]», еще не очень давно писывал обо мне высокомерно, холодно и не особенно доброжелательно, несмотря на то, что когда-то в течение трех лет я давал ему в Москве да-

ровые уроки теории музыки и ничем, казалось бы, не заслужил враждебности. Никогда не забуду, как я был уязвлен его брашой статьей лет десять тому назад об моей опере «Кузнец Вакула».[1]

Ларош в этом году немного встрепенулся благодаря влиянию своей жены, глубоко любящей и преданной ему. Он написал несколько хороших статей и посещает свои консерваторские классы усерднее прежнего. Но во всём этом нет ничего прочного. По временам он попрежнему впадает в состояние полного умственного и нравственного бессилия, и хотя радуешься, когда он из него выходит, но боишься за него и предвидишь, что вспышка энергии не будет продолжительна. Во всяком случае, ему нужна нянька; сам по себе он, как малый ребенок, не может сделать ни шагу. В прошлом году от времени до времени я брал на себя эту роль няньки, пока жены его не было в Москве. Теперь жена воротилась, отношения его к ней превосходны, и она имеет на него самое благодетельное влияние. Но в том-то и дело, что и самые отношения эти непрочны. Весьма недавно они были на ножах и разъехались, было, навсегда.

9 апреля.

Только что вернулся из новой поездки в Москву. Там узнал я, что Вы уже в Москве, милый друг! Радуюсь, что Вы благополучно совершили свой путь. Я надеюсь, что мне удастся теперь дней десять провести в одиночестве и в работе.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

270. Чайковский — Мекк

Майданово,
15 апреля 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Я думаю, что, наконец, можно поздравить Вас с весной. Здесь в эти последние дни она дает себя чувствовать самым приятным образом. Признаюсь, я очень бы желал для Вас, чтобы Вы поскорее переехали в Плещеево. Милое Плещеево! Я сохранил о моем месячном пребывании там очень приятное, симпатичное воспоминание; теперь, когда начнут зеленеть деревья, там должно быть чудесно!

Милый друг, я, кажется, воспоследую Вашему совету и, от-

[illegible] знакомит мечту о приобретении недвижимой собственности, и[illegible] я отлечаю, сообразно с своими потребностями, небольшой [illegible] в г. Клину. Я нашел там домик, стоящий совершенно в стороне от города (так что даже соседей никаких не будет) с очень приятным видом и маленьким садиком, на берегу реки, и хочу [illegible] нанять и в течение лета устраивать его для зимнего жилья. Он требует некоторой перестройки и полной отделки, и мне доставит удовольствие приводить его в состояние удобообитаемости.

В настоящее время, согласно данному мной государю обещанию, я занимаюсь сочинением церковной музыки.[1] В конце месяца в моих руках будет либретто следующей моей оперы, которая будет называться «Чародейка». Оно будет заимствовано из пьесы того же названия, дававшейся с огромным успехом нынешней зимой в Петербурге и в Москве. Автор пьесы, Шпажинский, взялся переделать мне свою драму в оперное либретто, причем он многое изменит согласно моим указаниям.

Месяц май мне предстоит не особенно приятный. Я дал слово присутствовать на консерваторских экзаменах и должен это сделать, если своим директорством в Муз[ыкальном] общ[естве] намерен принести существенную пользу делу, а 20 мая нужно (хотя очень не хочется) быть на открытии памятника Глинки в Смоленске.

Будьте здоровы, бесценный, милый друг!

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

271. Юкк — Чайковскому

Москва,
18 апреля 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Как только я приехала в Россию, на меня посыпались разные недуги, между которыми особенно мучила меня головная боль, продолжавшаяся целую неделю с весьма малыми интервалами; это и мешало мне писать Вам до сих пор. Я получила оба Ваши дорогие письма, бесценный друг мой, и премного благодарю Вас за них.

Я всегда так нетерпеливо жду приезда в Россию, так мечтаю об нем, находясь за границей, а когда приезжаю, испытываю столько [illegible] ощущений, что на меня нападает какая-то апатия, [illegible] отчаяние, безнадежность; и в нынешнем году больше, чем в другие, но я не буду говорить Вам подробностей причин этих ощущений, потому что и Вам будет больно, а Ваше спокойствие мне дорого. Мне очень хотелось бы скорее, скорее уехать в Плещеево, но так холодно, там в парке лежит еще снег, так что было бы слишком [illegible] туда. Какой у нас ужасный климат! Я уезжала

из Вены, там было всё зелено, трава и кустарники вполне, а каштановые деревья уже распускались. У меня в Belair уже два месяца назад цвели фруктовые деревья, а здесь — холод, мертвенность, бедные мы, русские. Но, однако, я всё пищу перед Вами, это уже по-бабьему,— будет, довольно.

Я очень рада для консерватории, что Вы согласились быть директором, дорогой мой, потому что было бы очень жаль, если [бы] разрушилось здание, так успешно созданное бедным Николаем Григорьевичем, которого теперь все и забыли, и Вы один только можете поддержать и это здание и память о великом художнике и заслуженном деятеле. Не откажите, дорогой мой, написать мне, где похоронен Николай Григорьевич; кажется в Даниловом монастыре, то — где этот Данилов монастырь, я его не знаю.

Знакомы Вы, милый друг мой, с этою оперою г-жи Серовой, которую недавно давали в Москве, и как Вы ее находите? Говорят, она провалилась. Я нахожу, что она немножко поздно вздумала писать оперу; если бы она это сделала сейчас после его смерти, когда еще сохранялось обаяние ее мужа, ну, тогда еще по инерции ее приняли бы хорошо, а теперь ведь его и забыли; у человечества память коротка, а к благодарности оно и совсем неспособно.

Ваше намерение поселиться в Клину меня немножко шокирует, дорогой мой. Как Вам, человеку такому знаменитому и так широко заслуживающему свою знаменитость, поселиться в каком-нибудь ничтожном городишке, как Клин? Нет, это нельзя, на меня это производит такое впечатление, что Вы не поместитесь в Клину — Вы слишком крупный предмет для такого мелкого вместилища. Но, конечно, дорогой мой, если Вы находите, что Вам будет там хорошо, я постараюсь приучить себя к этой мысли; для этого, так как я не могу уменьшить Ваш объем, я постараюсь в своем воображении расширить Клин и представлять себе его чем-то вроде Versailles и Trianon, и так как я надеюсь, что меня судьба никогда не забросит в Клин, то я и имею возможность не разочаровываться в моей фантазии. Итак, дорогой мой, если Вы поселитесь в Клину, он будет для меня Версалем.

Вы пишете, дорогой мой, что будете находиться при экзаменах консерватории. По этому предмету у меня есть к Вам великая просьба. Так как мне говорили, да иначе и быть не может, что Вы в консерватории всесильны, то не откажите, милый, дорогой друг мой, оказать Вашу протекцию Генриху Пахульскому, которого игра Вам понравилась. Протекцию же надо оказать на то, чтобы ему дали хотя аттестат. Мне казалось бы, что не может быть и сомнения, что он его получит, но тем не менее, так как у нас в России всё деспотизм, то это подвергается сомнению, потому что профессора его не любят, а не любят за то, что он не умеет кланяться им и отыскивать их милостей. Так прошу Вас, дорогой мой, поддержите и защитите его. После экзаменов он, т. е. Генрих Пахульский, приедет ко мне в Плещеево, он каждое лето занимается у меня с детьми. Мне ужасно приятно слышать Ваше воспоминание о Плещееве.

Будьте здоровы, дорогой мой, сердечно жму Вам руку и прошу не забывать всею душою Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

Несравненный друг мой! Хотя я час назад написала Вам, что прошу Вашей протекции для получения аттестата Генриху Пахуль-

скому, но сейчас я узнала, что он идет на диплом, и потому я спешу поправить мою ошибку и еще более прошу Вас усердно, дорогой мой, окажите ему Ваше покровительство на получение диплома. Он так долго учится, что, я думаю, будет справедливо дать его ему; ведь он кончил курс консерватории в Варшаве и прошел второй курс в Москве, вначале еще у Николая Григорьевича, и в нынешнем году кончает. Извините меня, дорогой мой, за мою неаккуратность. Всегда и всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

272. Чайковский — Мекк

Майданово,
20 апреля 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Рад был очень получить письмо Ваше, но грустно узнать, что Вы неспокойны и что на душе тяжело у Вас. Догадываюсь о некоторых причинах Вашей грусти и, вместе, благодарен Вам за то, что Вы не входите в подробности о них. Мне в самом деле убийственно тяжело было бы читать их... Будучи бессилен и не властен помочь и поправить дело, я, конечно, предпочитаю не видеть и не знать. Много, много мог бы и я Вам сказать про горькие разочарования мои, про отчаяние, которое овладевает мной, когда думаю о некоторых близких, но и мне не хочется смущать и расстраивать Вас. Боже мой! Боже мой! Мог ли я ожидать всего, что теперь происходит!..

Вы удивляетесь, дорогая моя, что я хочу избрать Клин своим местопребыванием. Но дело в том, что Клин, в сущности, есть та же деревня, и домик, на который я имею виды, стоит совершенно в стороне, так что, когда мне угодно, я могу выйти в лес и поле, миновав город. Близость же лавок, аптеки, почты, телеграфа и станции есть большое удобство для человека, который лошадей не имеет. Дело в том, что мне, как я писал Вам, необходимо иметь, наконец, pied-à-terre. В Каменке я уже иначе не буду бывать, как гостем, а что касается приобретения собственной усадьбы, то благоразумие требует, чтобы я отложил это дело. А в своем клинском домике и садике я буду полновластным хозяином, как бы собственником.

Приехал брат Анатолий, и я должен отложить письмо до завтра.

20 апреля.

Оперу Серовой я знаю; она недавно принесла мне в дар экземпляр ее. Опера эта — престранное явление в мире искусства. Никак нельзя сказать, чтобы г-жа Серова была вовсе лишена та-

лаита. Я внимательно проиграл оперу, и на каждом шагу встречал хорошо задуманные сцены и отдельные подробности, но или отсутствие знания, или коренной порок музыкальной натуры автора делают то, что она решительно не умеет не только развить вполне мысль, но хотя бы сколько-нибудь сносно изложить ее. Никогда еще я не видал в печати более неуклюжих, безобразных гармоний, такого отсутствия связности, законченности, такого неизящного и неумелого письма. В беседе со мной она высказала недавно, что приписывает свои недостатки влиянию мужа, который из личной неприязни к Антону Рубинштейну, основавшему консерваторию, доказывал, что консерватории и вообще всякое учение не только излишни, но вредны и губительны. Г-жа Серова уверовала в эту ложь и ничему никогда не училась; она даже грамоты музыкальной не знает. И вот теперь она обратилась ко мне, прося давать ей уроки гармонии, контрапункта, инструментовки и т. д. Я решительно уклонился от этой чести и рекомендовал ей г. Аренского, с коим она собирается заниматься, начиная с будущей осени. Но, увы, ей уже за сорок лет, и трудно ожидать, чтобы она исправилась.[1]

Относительно Пахульского будьте покойны, милый друг. Не знаю хорошенько, каково его положение в консерватории и как на него там смотрят, но только в обиду я его не дам ни в каком случае. Игра его мне очень понравилась; надеюсь, что и в остальном он окажется хорош.

Ник. Григ. Руб[инштейн] похоронен в Даниловском монастыре, за Москвой-рекой. Едут туда по Пятницкой всё прямо до какой-то площади, откуда влево виден монастырь. Это не особенно далеко. Что касается самой могилы, то она у самого собора, на очень видном месте.

Какова погода! Мне жаль Вас, дорогой друг, жаль, что Вы так страдаете от русской непогоды, но знаете ли, что два года тому назад на второй день пасхи, 18/30 апреля была совершенно такая же погода; я усматриваю это из дневника и утешаюсь мыслью, что не в одной России бывает столь поздняя весна. Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам всякого благополучия!

Ваш до гроба
П. Чайковский.

273. Мекк — Чайковскому

Москва,
27 апреля 1885 г.

От всей души благодарю Вас, милый, дорогой друг мой, за обещание поддержать Генриха Пахульского. Вы очень добры, дорогой мой, и я бесконечно благодарна Вам. На днях Коля говорил мне, что Вы

были в Москве. Прошу Вас, милый друг мой, не отказать сообщить мне, когда Вы приедете в Москву для консерваторских экзаменов, и упомянуть Ваш адрес в Москве. Я хочу воспользоваться Вашим пребыванием в Москве, чтобы препроводить Вам lettre chargée, так как по почте у нас в России опасно посылать чек—сейчас своруют. Я хотела бы очень переехать в Плещеево через неделю, но боюсь, что мне это не удастся. Я ищу дом купить в Москве, но до сих пор ничего еще не нашла подходящего, а ищу для того, чтобы избавить своего сына Володю от шатанья по квартирам; его здоровье так разрушилось, пришло в такое ужасное состояние, что ему не по силам жить на квартирах.

Я пишу сегодня мало и дурно, а это потому, что я пью Виши и при этом я с трудом могу писать.

Очень благодарю Вас, дорогой мой, за сведение о месте нахождения могилы Николая Григорьевича; если погода позволит, я непременно съезжу туда. Вы утешаете меня, милый друг мой, тем, что два года назад 18/30 апреля была такая же холодная погода... но Вы забыли, дорогой мой, поставить—где, и я сама, стараясь припомнить, где Вы были весну 1883 года, думаю, что это было в Риме, то всё-таки это было далеко не то, что здесь. Ведь это был только относительный холод, а сравнительно с нашим было всё-таки тепло; ведь знаете ли, дорогой мой, что пять дней назад было три градуса мороза—это безжалостно и жестоко!

От души желаю Вам, дорогой мой, устроить, наконец, свою жизнь по своему желанию и потребностям; я буду любить даже и Клин, если Вы будете обитать в нем. Пошли Вам бог здоровья, спокойствия и долгих лет на Вашем чудесном поприще. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

274. Чайковский — Мекк

Майдановo,
28 апреля 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Наконец можно себя и Вас поздравить с хорошей весенней погодой, хотя всё-таки еще холодно.

Я ездил в Москву, потому что был вызван по делу о постановке моей оперы «Черевички» (переделанной из «Кузнеца Вакулы») в будущем сезоне. Приезжавший в Москву директор театров Всеволожский оказал мне большое внимание. Московское театральное начальство прошлой зимой очень поощряло меня в моем плане переделки и положительно обещало поставить оперу, вследствие чего я и засел за работу перед постом и неустанно трудился два месяца. Когда же я кончил работу, эти господа начали всячески уклоняться от исполнения своего обещания. Но Всеволожский распорядился не только о включении «Черевичек» в репертуар на будущий год, но и о том, чтобы обстановка была самая роскошная. Я присутствовал на заседании, в коем обсуждалась эта обстановка, и совершенно доволен и счастлив при

мысли, что моя опера (к которой я всегда питал особенную слабость) появится в самом блестящем виде. Директор командировал декоратора Вальца в Царское село для воспроизведения какой-то янтарной гостиной и залы тамошнего дворца.

Затем я оставался лишних три дня в Москве, ибо мои консерваторские коллеги хотели отпраздновать день моего рождения (мне минуло 25 апреля сорок пять лет) и дали мне роскошный ужин, от коего мне невозможно было уклониться. В этот же день я обедал с Вашим Колей у брата Анатолия. На другой день я вернулся домой.

Домой!! Увы, несмотря на многие хорошие условия, я не могу чувствовать себя дома в Майданове. Здесь существует, кроме моей, еще несколько дач, и они постепенно одна за другой нанимаются. Уже теперь я всячески избегаю сада, ибо неприятно встречаться с дачниками или с хозяйкой, постоянно в нем появляющейся. Летом я буду гулять исключительно за пределами усадьбы. В этом отношении мой клинский домик с моим отдельным садиком гораздо более подходит к моим требованиям.

Милый друг! 1 мая я приеду в Москву для празднования дня рождения брата Анатолия и пробуду до четырех часов следующего дня; 2-го числа с почтовым поездом поеду в Петербург для свидания с братом Модестом и другими лицами, вернусь в Майданово через три дня, а начиная с 10-го числа, буду почти безвыездно в Москве. Не угодно ли Вам будет, ввиду Вашего отъезда в Плещеево, прислать мне письмо Ваше 2 мая утром или же, если это неудобно, после 10-го числа, — как прикажете! Адрес брата: Арбат, близ Денежного переулка, дом Патрикеева.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам скорее быть в Плещееве.

Ваш П. Чайковский.

P. S. Местность, которую по рассеянности я забыл упомянуть, говоря о холоде 18-го числа, — не Рим, а Париж, где два года тому назад я прожил пять месяцев с больной племянницей Татьяной.

275. Чайковский — Мекк

Майданово,
30 апреля 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Я написал Вам вчера, что 1-го и 2-го мая буду в Москве и в этот день уезжаю в Петербург; но теперь я изменил свое

решение. Еду я прямо в Петербург в пятницу отсюда, а остающиеся два дня употреблю на переписывание и приведение в порядок либретто «Черевичек», которое прежде, чем начать печатать, должен показать Я. П. Полонскому (первоначальному автору либретто) в Петербурге. Таким образом в Москве я буду не раньше 10-го числа. Прошу Вас, дорогая моя, поступить относительно lettre chargée, как Вам покажется удобнее. Вперед благодарю Вас от глубины сердца!

Едва имею время написать эти несколько строк.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

276. Чайковский — Мекк

[Майданово]
9 мая 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня вернулся из Петербурга и, к величайшему своему удовольствию, нашел здесь растительность несравненно более подвинувшейся, чем в Петербурге. Там едва только еще травка пробивается, и всё время моего пребывания погода была холодная и неприятная.

Завтра еду в Москву и вплоть до конца экзаменов каждый будний день буду проводить в консерватории. Признаюсь, что после многих лет полной свободы даже и эти три недели, отрывающие меня от работы, значительно тяготят меня. Но что же делать? Если мое директорство в Музыкальном обществе может быть чем-нибудь полезно, то именно подобным высшим надзором за ходом консерваторского учения.

Читали ли Вы в газетах, дорогой друг, что недавно вышел в свет роман, действие которого происходит в Москве, в консерватории? Судя по отрывкам, которые мне случилось прочесть в одной газете, книга эта есть пасквиль на покойного Н. Г. Рубинштейна и его приближенных. Каков должен быть человек, который через четыре года после смерти несимпатичной ему личности не стыдится позорить память его клеветой, грязными сплетнями и инсинуациями. И добро бы, личность была бы в самом деле недостойная высоты положения, которое она занимала! Но, кажется, можно позабыть теперь все недостатки Ник[олая] Григорьевича ради услуги, оказанной им московской музыке.

Желаю Вам, дорогой мой друг, поскорее быть в Плещееве,

если Вас там еще нет. Письмо это я адресую в Москву в надежде, что, если Вы уже уехали, Вам тотчас перешлют его.

Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

277. Чайковский — Мекк

Москва,
18 мая 1885 г.
9 часов утра.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера утром Иван Васильев доставил мне письмо Ваше и деньги.[1] Благодарю от всей души!

Ежедневно присутствую на консерваторских экзаменах, и хотя это очень утомительно и по большей части скучно, но я радуюсь, что мало-по-малу для меня раскрывается положение учебного дела в консерватории. Одно, в чем приятно убедиться, это то, что, несмотря на незаменимую потерю Рубинштейна, консерватория не только существует, но, судя по повысившемуся, сравнительно с прежним, уровню талантов, отвечает действительной потребности в подобном учреждении. Уровень учеников настолько же повысился, насколько упала авторитетность профессоров и вообще начальства, а между тем учеников больше прежнего и дело упрочилось. Убедился я также в том, что Альбрехт не сумел поставить себя хорошо; он очень нелюбим учениками и очень мало уважаем профессорами. Почему это, — мне трудно понять, ибо я знаю Альбрехта за честного и страстно преданного своему делу человека. Как бы то ни было, но настоящий директор необходим, а откуда его взять? Более, чем когда-либо, оправдываю себя в том, что отказался от директорства консерватории, и вижу, что и дня не мог бы выдержать на этом месте. Вместе с тем не вижу, кто бы мог успешно занять его. Я предлагал директорство Римскому-Корсакову, который, будучи превосходным музыкантом, и человек, достойный всякого уважения, прямой, с характером, честный,—но он отказался.[2] Остается один Танеев, но он слишком молод, да и не желает стать во главе заведения, нуждающегося в опытном, ловком администраторе, каковым он себя не признает. Не знаю, чем всё это кончится!

Мне еще ни разу не пришлось присутствовать на экзаменах Пахульского. Из истории музыки он получил плохой балл, 2+. Боюсь, что это помешает ему получить диплом. Сегодня, кажется, назначен его фортепианный экзамен. Сейчас отправляюсь

в консерваторию. В воскресенье, завтра, еду в Смоленск. Ах, как все это утомительно и трудно для меня.

Радуюсь, дорогая моя, что Вам хорошо в Плещееве. Дай бог Вам всякого благополучия!

Благодарю еще и еще!

Ваш, безгранично Вам преданный

П. Чайковский.

278. Чайковский — Мекк

Москва,
26 мая [1885 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Простите, ради бога, что в последнее время так неаккуратно, неровно пишу Вам. Причиною тому — мои ежедневные с и д е н и я на консерваторских экзаменах, поездка в Смоленск и т. д.

В Смоленске я пробыл всего одни сутки. Убоявшись огромного стечения знакомых людей, не дававших мне ни одной минуты свободы и спокойствия, я бежал оттуда в самый день открытия памятника, и теперь, узнавши, что и в Смоленске дала себя чувствовать борьба различных музыкальных партий (и з к о и х я н е п р и н а д л е ж у н и к о д н о й), очень радуюсь, что не был свидетелем комически мелочных эпизодов этой борьбы, разразившихся на смоленском банкете.[1]

Теперь я весь погружен и поглощен консерваторскими делами. Мало радостного и много очень грустного вынес я из моих экзаменационных наблюдений. Чтобы не вдаваться в подробности, скучные, мелочные дрязги и т. д., скажу Вам, что к о н с е р в а т о р и я находится в состоянии полнейшего упадка и разложения. Главный виновник всего этого — А л ь б р е х т, оказавшийся безусловно неспособным стоять во главе учреждения. Он одинаково ненавидим и всеми преподавателями и всеми учениками. Не берусь разъяснять причины того и другого, но несомненно, что он не может больше оставаться директором консерватории. Я решил добиться назначения на эту должность Т а н е е в а, человека безупречной нравственной чистоты и превосходного музыканта, хотя слишком молодого. В нем я вижу якорь спасения к о н с е р в а т о р и и; если план мой удастся, она может рассчитывать на успешное дальнейшее существование. Если меня не послушают, я решил сам уйти из Музык[ального] общества.

В заключение скажу Вам то, что здесь, в Москве, не говорю никому. Более, чем когда-либо, я получил отвращение ко всякой

общественной деятельности. Боже мой, сколько разочарований и горьких несомненных истин узнал я!!!!!

Нет, в будущем году нужно будет опять убежать куда-нибудь подальше!

Будьте здоровы, дорогая моя! Ради бога, не сетуйте на мою письменную неаккуратность.

Ваш П. Чайковский.

279. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
30 мая 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Усердно прошу Вас никогда не стесняться письмами Вашими ко мне, и если Вам мало времени, то и совсем не писать, пока опять его не станет больше. Конечно, Ваши письма есть величайшее наслаждение для меня, дорогой мой, но я умею быть терпелива и на время отказаться от того, что вообще мне очень необходимо. Очень мне Вас жаль, милый друг мой, что Вам приходится так скучно трудиться над консерваторскими экзаменами и выносить такие печальные разочарования. А насчет директора для консерватории Вы не думаете, дорогой мой, что им мог бы быть Губерт,— потому что, я думаю, Танеев не только слишком молод, но он и недостаточно энергичен, жив и представителен? Ведь это последнее также необходимо, так как приходится принимать не только вел. кн. Константина Николаевича, но и иностранных принцев, а на это, мне кажется, Танеев совершенно не годится. Я думаю, его самого это только замучит, а дела всё-таки не поправит. Сверх того, ведь всё-таки, как Вы и сами говорите, надо вести постоянную борьбу с партиями, так что вообще недостаточно быть только хорошим музыкантом для того, чтобы хорошо управлять музыкальною консерваториею, надо много еще иметь других свойств, которых, как мне кажется, совсем нет у Танеева и которые, я думаю, скорее найдутся у Губерта. Есть другой человек, который, мне кажется, лучше этих двух подходил бы и по представительности, и по твердости характера, и по большим музыкальным сведениям к должности директора, это Клиндворт, но я не знаю, говорит ли он по-русски, и довольно ли хорошо и свободно для того, чтобы управлять русским учебным заведением. А что, Направник не годился бы на это место? Этот, вероятно, говорит хорошо по-русски. Я слыхала только, что он человек нехороший. Конечно, очень, очень трудно найти человека, подходящего во всех отношениях; Николая Григорьевича никто не заменит, это была сила во всех отношениях.

У меня теперь весь дом переполнен. Саша со всеми детьми у меня, а вчера приехала и Лиза (Володина жена) с Воличкою. Да, чуть было не забыла поделиться с Вами моею радостью, друг мой,—Соне бог

---

* Наставник моего маленького внука Мани Беннигсена сейчас поправил бы, что должно сказать суть, а не есть. Он очень забавный юноша немец, студент Дерптского университета, филолог и отлично знает и преподает Мане русскую грамматику, но так как не знает хорошо привычек языка, то ни за что не позволяет ему сказать есть во множественном числе,— по-немецки добросовестен. *(Примечание Мекк.)*

дня сына, и, слава богу, всё хорошо и благополучно, она счастлива и весела; сегодня—третий день. Назовут его, вероятно, Борисом, потому что она давно уже приготовила это имя. Я так рада, что это благополучно совершилось, я так боялась за нее. При ней была старшая моя дочь, Лиза. Как только Соня поправится, то они приедут всею семьею ко мне в Плещеево.

А погода все плохая: то жара в тридцать один градус, то вдруг десять градусов, и постоянно ветер страшный; совсем природа испортилась. Будьте здоровы, дорогой мой, от души желаю Вам скорее и как можно полнее отдохнуть от этих утомительных дрязг, которым Вы подвергаетесь теперь. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Не откажите, дорогой мой, помянуть в будущем письме Вашем о моем protégé Генрихе Пахульском. Простите за неопрятность письма, но переписывать не в силах. Я боюсь адресовать Вам письмо в консерваторию и думаю, что вернее будет, если я адресую в магазин Юргенсона.

280. Чайковский — Мекк

Москва,
31 мая 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Наконец кончилось мое бесконечно долгое и утомительное присутствование при консерваторских экзаменах. Уезжаю с приятным сознанием исполненного долга и уверенный, что принес консерватории пользу. Польза же эта состоит в следующем. Убедившись в совершенной неспособности Альбрехта стоять во главе учреждения, я решился во что бы то ни стало добиться назначения нового, настоящего директора. Так как из русских музыкантов кроме Танеева я не видел никого, кто бы был способен и достоин этого места (Римский-Корсаков отказался решительно), то я и принял меры, чтобы Танеев был избран. Сначала пришлось очень долго уговаривать его принять на себя должность директора; потом, когда я добился его согласия, нужно было поочередно всех директоров Русск[ого] музык[ального] общ[ества] настроить в пользу Танеева; затем я счел своей обязанностью приготовить Альбрехта к предстоявшей перемене; одним словом, у меня хватило энергии довести всё это дело до благополучного разрешения. Вчера Танеев избран дирекцией Русск[ого] муз[ыкального] общ[ества] в директоры консерватории. Но этим не кончились еще мои хлопоты. Я счел своим долгом возвратить Губерта к его прежней преподавательской деятельности. И это мне тоже удалось, хотя, как оно ни странно, я встретил со стороны Губерта очень энергический отпор, и мне стоило немалого труда убедить его

принять на себя несколько теоретических классов. Губерт предъявил такие условия, которые невозможно было бы принять, если б я не взял лично на себя ответственность за исполнение некоторых из них. Были еще некоторые обиженные самолюбия, затронутые амбиции. Всё это нужно было сгладить, умиротворить, действовать убеждением, просьбами, даже хитростями...

В результате — неописанное утомление и неудержимая жажда спокойствия и отдыха...

Однакож, раньше завтрашнего дня мне невозможно уехать; нужно исполнить несколько корректур, написать несколько писем.

Пахульский выдержал экзамен отлично (кроме истории музыки), и ему присужден не только диплом, но и медаль. На последнем экзамене он играл мой концерт и три прелюдии Шопена. Пианист он отличный, и если ему что̀ не достает, так это с и л ы. Пусть хорошенько отдохнет теперь и позаботится о своем здоровье.

Как холодно сегодня и какое меланхолическое настроение наводит эта погода!

Надеюсь, что Вы здоровы, дорогой друг мой! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно преданный и любящий Вас
П. Чайковский.

281. Чайковский — Мекк

Майданово,
2 июня [1885 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше задело меня за живое, и я не могу удержаться, чтобы тотчас же не ответить Вам. Случилось, что как раз в то время, когда я посылал Вам письмо мое с торжественным извещением о назначении Танеева директором и с горделивым приписыванием исключительно себе этой заслуги, Вы писали мне о непригодности Танеева. Прежде всего скажу Вам, почему из всех существующих кандидатов Т а н е е в один, по-моему, мог стать на место директора, а потом объясню, почему предлагаемые Вами кандидаты невозможны.

Прежде всего, Т а н е е в есть (особенно в Москве) музыкальная выдающаяся личность, заявившая себя и на поприще композиторском, и как виртуоз, и как талантливый дирижер, и, наконец, как энергический проповедник известных взглядов и стремлений, а именно, к л а с с и ч е с к и х. Потом, это человек необычайный нравственной чистоты и высокой честности, заслужившей ему всеобщее уважение. Наконец, это человек т в е р д о г о характера, неспособ-

ного уступить ни пяди из того, что он считает своим долгом. Разумеется, в том, что Вы говорите, есть значительная доля правды, например, насчет непредставительности его. Но, во-первых, мы еще не знаем, как он будет держать себя теперь, сделавшись главою целого учреждения, а во-вторых, можно примириться с некоторыми его недостатками, особенно молодостью, ввиду крупных достоинств.

Губерт, если помните, был более двух лет директором и оказался совершенно невозможным на этом месте. Это очень честный, умный, добросовестный преподаватель — и больше ничего. Большая ошибка была возведение его в сан директора. Больше всего ему мешает полнейшая безавторитетность, так как Губерт в глазах публики никогда и ничем не заявил себя. Кроме того, несмотря на его ум и много симпатичных качеств, он лишен того, что называется тактом, вследствие чего весь профессорский состав, за немногими исключениями, или враждовал против него, или ни в грош его не ставил. Продержаться он не мог; жаль только, что при удалении его с ним было поступлено очень неделикатно, грубо и жестоко. А главное, что мне всегда было больно и жалко, это то, что, возведши Губерта в директоры, его оторвали от его настоящей деятельности, т. е. профессорской, и что, оставивши директорство, он остался и без всяких средств к жизни. Два года тому назад я очень хлопотал, чтобы ему можно было вернуться в консерваторию профессором, но, несмотря на все усилия, ничего не мог сделать. Теперь, когда, казалось бы, время должно было сгладить многое, я всё-таки с величайшим трудом добился возвращения Губерта к преподавательской деятельности. И странно, что он в течение двух лет не мог додуматься, что если перед ним многие были виноваты, то и сам он во многом был виноват: Ошибки свои он позабыл, но не забыл нанесенных ему обид и отнесся к моему предложению получить снова дело и средства к существованию с такими чрезмерными, невозможными условиями, что едва-едва я мог кое-как уладить дело, да и то придется еще в сентябре мне много хлопотать о принятии его условий. Что касается до Направника и Клиндворта, то они оба имеют блестящие положения и никогда не променяют их на директорство консерватории. К тому же, по теперешнему новому уставу, директором консерватории может быть только русский подданный, а Клиндворт, будучи фанатическим немецким патриотом, никогда не согласится сделаться русским, да едва ли и желательно, чтобы в Москве немец был музыкальным главою.

Римский-Корсаков, который очень подходил бы под условия, на мое предложение сделаться директором решительно отказался. Таким образом, убежденный, с одной стороны, что без

директора консерватория существовать долее не может, а с другой,—что кроме Танеева никого в виду нет, я и пришел к заключению, что необходимо его избрать.

Вот, дорогой мой друг, что мне хотелось Вам высказать по поводу Вашего письма. Первый год будет труден для Танеева, но потом, когда и он привыкнет и к нему привыкнут, мне кажется, что из него выйдет хороший директор.

Чтобы поддержать авторитет Танеева, я решился войти снова в число профессоров, а именно, взял на себя класс свободного сочинения (безвозмездно). Это будет мало стеснять меня, ибо достаточно хоть раз в месяц являться в консерваторию и просматривать сочинения учеников высшего класса, коих бывает, обыкновенно, всего один или два. [1]

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

282. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
5 июня 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам несколько слов только для того, чтобы сказать Вам, что мне до крайности жаль, что мое последнее письмо пришло так не во-время и некстати к Вам. Уверяю Вас, дорогой мой, что я бесконтрольно и безусловно нахожу хорошим и полезным всё, что Вы сделали в консерватории, и что если я перечисляла разных личностей на должность директора консерватории, то я только хотела помочь Вашей памяти, потому что я видела, что Вы были в затруднении. Конечно, Вы лучше меня можете знать, кто годится, а кто нет в директора, я же о Танееве совсем ничего не могу судить, потому что я только видала его издали, и то лет десять назад, когда он был совсем юношею, я слыхала его игру и я слыхала также, что еще Николай Григорьевич готовил в нем будущего директора консерватории. Во всяком случае, Вы сделали великое дело, что убрали Альбрехта, потому что уж этот-то никуда не годится. Что же касается Вашего мнения, что неприятно иметь немца во главе консерватории, то я совершенно согласна с Вами; не только неприятно, но даже стыдно перед чужими людьми. Итак, дорогой мой, я от души поздравляю Вас с исполнением Вашего проекта и от души желаю, чтобы он послужил к полному процветанию консерватории.

Бесконечно благодарю Вас, мой милый, добрый друг, за протекцию, оказанную Вами Генриху Пахульскому. Медали уж я никак не ожидала, и я совершенно убеждена, что ею он обязан только Вашей справедливости, так как этим свойством не отличаются другие власти консерватории. Еще раз благодарю Вас от души, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы и не забывайте всею душою горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Каков холод! Я измучилась от него.

283. Чайковский — Мекк

Майданово,
13 июня 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Можно, наконец, поздравить Вас с великолепной погодой, по-видимому надолго установившейся. Я бы вдвое более наслаждался ею, если б Майданово мне было симпатично. Увы! И красивый парк, и хорошенькие виды, и чудесное купанье,—все это отравлено дачниками. В парк нельзя носу показать, чтобы не встретиться с соседями и соседками, так что он для меня вовсе не существует. Чувствуешь себя не дома, несвободным, и я беспрестанно упрекаю себя в поспешности и неосмотрительности моих действий, когда зимой я вздумал нанять дачу. Зимой-то было хорошо, но я должен был предвидеть лето и этих несносных дачников...

Мы находимся здесь в некотором волнении и беспокойстве. На прошлой неделе Анатолий получил уведомление из министерства, что министр назначил его прокурором в Тифлис и что государь должен был утвердить этот доклад еще в прошлый четверг. Анатолий привез нам сюда это известие, и все были очень обрадованы, ибо, раз что необходимо ехать в провинцию, лучше Тифлиса ничего нельзя выдумать. Между тем, доклад почему-то не состоялся, и решение дела было отложено до 12-го числа. Но вот уже и 13-е, а до сих пор еще никакой депеши нет. Моя бедная belle-soeur исстрадалась от томительной неизвестности...

Я погружен в новое большое симфоническое сочинение. Нужно Вам сказать, что я решил писать оперу на сюжет «Чародейки», и автор этой пьесы, Шпажинский, взялся написать мне либретто. К сожалению, он не мог мне в обещанное время доставить первое действие, и, дабы не терять времени, я начал еще в апреле делать эскизы для давно задуманной программной симфонии на тему «Манфреда» Байрона. Теперь я настолько уже увлекся этим сочинением, что опера, вероятно, надолго останется в стороне. Симфония эта потребует от меня огромного напряжения и труда, ибо задача очень сложная и серьезная.[1] Бывают минуты, когда мне кажется, что полезно мне было бы некоторое время ничего не писать, попутешествовать, отдохнуть... Но какое-то непреодолимое влечение к работе берет верх и приковывает к письменному столу и фортепиано.

Дорогой друг, передайте, пожалуйста, мой поклон Владиславу Альбертовичу и сожаление, что он не застал меня в Москве две

недели тому назад. В течение лета надеюсь повидаться с ним и узнать, в каком положении его музыкальные занятия.

Будьте здоровы, милый, бесценный друг мой!

Беспредельно преданный Вам
П. Чайковский.

284. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
26 июня 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Как мне редко приходится писать Вам, но у меня такое множество всякого писания, что я совсем изнемогаю от него, и потому проходит одна неделя за другою, что я не могу найти ни одного дня, чтобы написать Вам, мой несравненный друг.

Теперь Вы уже знаете, дорогой мой (к сожалению, не от меня первой), о той маленькой и мало ожиданной новости, которая явилась у меня в семействе; я говорю о женитьбе Сашонка. Не правда ли, что нельзя было ожидать, чтобы это случилось так рано, с таким философом, как он? Нас это не удивило, потому что он уже несколько времени ухаживал за своею теперешнею невестою, а Вас, вероятно, удивило. Я вполне одобряю его выбор и хочу надеяться, что он будет счастлив. Я же, конечно, опять если не совсем, то вполовину лишаюсь сына,— но что делать, такая уже моя доля; лишь бы сам был счастлив.

Я не помню, дорогой мой, благодарила ли я Вас за Вашу протекцию моему protégé Генриху Пахульскому. Я бесконечно благодарна Вам за него, милый, добрый друг мой, потому что, конечно, хороший результат его экзамена я всецело отношу к Вашей поддержке ему, так как другие г.г. профессора едва ли были бы справедливы к нему. Очень, очень благодарю Вас, милый, дорогой друг мой.

Я надеюсь, что теперь у Вас все успокоились насчет назначения Анатолия Ильича в Тифлис, так как об этом есть уже в газетах. От души желаю ему успехов по службе и приятной жизни; страна эта очень привлекательная и климат, должно быть, чудесный.

Меня ужасно радует, дорогой мой, что Вы опять пишете симфонию; это форма музыки, которую я больше всего люблю и больше всего считаю достойною такого пера, как Ваше. А знаете, дорогой мой, что мы видели в Вене на сцене «Манфреда» с музыкою Шумана, но мне не понравилось это соединение; и одно и другое, т. е. и литературное и музыкальное сочинение пострадало от этой насильной связи, и вышел какой-то непонятный charivari *.

Хотя погода теперь и очень жаркая, но так как по вечерам часто делается очень холодно, то у меня все с насморками, а я только что выдержала сильнейшую боль в руке (ревматическую).

Саша еще у меня, но в субботу уезжает. Моя бедная Соня опять хворает, после родов у нее сделался брюшной тиф, и опять болезнь почек давала себя чувствовать; теперь, слава богу, немного лучше. До свидания в будущем письме, милый, бесценный друг мой. Будьте здоровы и не забывайте горячо любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

---

* кошачий концерт

285. Чайковский — Мекк

С.-Майданово,
28 июня [1885 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Прежде всего позвольте Вас поздравить с помолвкой милого сына Вашего. Я бы раньше это сделал, да на прошлой неделе, вследствие мучительной невралгии в щеке, я решительно не мог пера взять в руки. Теперь я уже совсем здоров, слава богу, и вчера даже успел съездить в Москву по делу.

Всё, что я слышу про невесту Сашонка, а также про их взаимные отношения, мне очень нравится. Я надеюсь, дорогая моя, что они будут вполне счастливы. Признаюсь Вам, что я почему-то совсем неособенно удивился известию о помолвке. Мне и прежде приходило иногда в голову, что Сашок женится не как все другие, т. е. в зрелом, если не перезрелом возрасте, и вообще как-нибудь особенно, оригинально и притом не вследствие страстной вспышки, а под влиянием более спокойного и здравого чувства. Так оно и вышло.

Дня три тому назад я получил телеграмму от Коли, в коей он спрашивал, может ли Анна приехать к нам сюда на несколько дней. Я тотчас же отвечал, что мы очень рады. Однако, Анны до сих пор нет, и я не понимаю, отчего она не приехала.

Напрасно, дорогой друг, Вы благодарите меня за Генриха Пахульского. Уверяю Вас, что я ровно *ничего* не сделал, дабы ему воздана была справедливость. Он отлично играл, был вполне хорош в своем теоретическом классе, так что профессора на своем заседании (в коем я даже не присутствовал) единогласно присудили ему медаль.

Я всё еще тщетно стараюсь найти себе какой-нибудь прочный *pied-à-terre* около Москвы. Если поиски в течение следующих двух месяцев будут так же неудачны, то придется остаться в Майданове. Хозяйка предлагает мне взять дом, в коем она сама живет, и огородить меня забором от других дачников. Это мало улыбается мне, но что же делать!! Как тяжело мне выносить эти африканские *жары*, тем более, что вследствие посетившей меня болезни я не решаюсь купаться. Работа моя вследствие бывшего нездоровья приостановилась.

Умоляю Вас, милый друг, не стеснять себя ответами мне и писать только тогда, когда Вы совсем свободны. Будьте здоровы!

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

286. *Мекк — Чайковскому*

Плещеево,
3 июля 1885 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Простите меня, ради бога, что я относительно Вас становлюсь похожа на одну из тех попрошаек, для которых чем больше делают, тем больше они пристают; так и я опять к Вам с просьбою о Генрихе Пахульском. Этот молодой человек, как и все молодые люди, окончившие свое образование, не знает, куда деваться, не знает, где взять средств к жизни. Вы так сострадательны к человечеству и так добры ко мне, дорогой друг мой, что к Вам я и обращаюсь опять ходатайствовать за него: нельзя ли его пристроить преподавателем в консерватории? Быть может, кто-нибудь скоро выбудет или Вы найдете возможным увеличить персонал преподавателей, тогда не забудьте о моем protégé, дорогой мой, сделайте доброе дело и устройте человека, который до тридцати трех лет учился и трудился терпеливо, неутомимо и вполне заслужил себе право наконец пристать к берегу, отдохнуть хоть немного. Теперь пока он у меня, а потом останется еще в Москве, попробует искать себе уроков, но Вы знаете, милый друг мой, какой это непрочный кусок хлеба, и вот если бы еще он был преподавателем консерватории, тогда и уроков было бы легче достать, а так он не штемпелеванный — или не дают уроков, или хотят уж очень дешево платить. Простите, простите тысячу раз, мой добрый, несравненный друг, что я так пристаю к Вам, но жаль видеть, когда человек готов трудиться, сколько сил хватит, а труда не имеется; а он отличный преподаватель. У моих детей много перебывало учителей и в России и за границей (между ними был и Лангер молодой, т. е. сын). И он был лучшим из них, и как человек, это вполне порядочная личность, у него нет никаких наклонностей к кутежу, ни к интригам, это человек спокойный, занимающийся только своим делом и интересующийся только им. Еще и еще простите, но не откажите, дорогой, милый друг мой.

У меня стало пустее в доме. Саша со своею пятерочкою уехала, а сегодня уедут Юля, Макс и Лиза (Володина жена) в Петербург навестить Соню и узнать, когда же ее, наконец, привезут ко мне. Бог бедненькое существо эта Соня, в семнадцатилетнем возрасте всё больна и больна. Теперь пять недель лежит после родов, потому что у нее, как говорят доктора, кажется, брюшной тиф, наверно они не могут определить, и опять ее болезнь почек расходилась. Это ужасно, как плохи нынешние поколения.

Свадьба Сашонка будет 10-го числа, в среду, в Москве, в нашей приходской церкви, у Николы Мясницкого. Свадьба будет самая тихая, незаметная; единственное торжество будет сопровождать ее, это — чудовские певчие. После свадьбы сейчас они уедут за границу, вероятно, в Шотландию, родину Ани, моей будущей невестки, хотя ее родных там нет, они переселились в Америку, но они и едут для путешествия.

Будьте здоровы, мой милый, дорогой, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф. Мекк.

287. *Чайковский — Мекк*

Клин, Майданово.
6 июля [1885 г.]

Милый, дорогой, бесценный друг!

Я не только не в претензии, но очень рад, что Вы о чем-нибудь просите, и для меня не может быть большего удовольствия, как причинить что-либо приятное и угодное Вам. В настоящем случае мне тем легче хлопотать об исполнении Вашего желания, что я не сомневаюсь в серьезности и добросовестности Пахульского и уверен, что он будет хороший деятель в консерватории. Тем не менее, позвольте мне, милый друг, дать Вам положительный ответ в сентябре. В настоящее время, когда нет ни директора консерватории, ни директоров Музыкального общества, я не могу приступить к хлопотам о принятии Генриха Пахульского в число преподавателей консерватории. Одно могу Вам сказать: употреблю все свое влияние и значение, чтобы дело это устроилось, и надеюсь вполне, что так оно и будет.

Как мне жаль, что бедная Софья Карловна больна, и как горячо я желаю, чтобы она поскорее поправилась! Говорят, что она поедет в Карлсбад; я возлагаю большие надежды на это лечение.

Анна прогостила у нас три дня, из коих третий день я ее не видел, так как принужден был по делам отправиться в Москву.

У меня есть большая просьба к Владиславу Альбертовичу. Не найдет ли он возможным в течение лета посвятить несколько часов на поездку в Дубровицы (шесть верст от Подольска). Говорят, что место чудное и что имеются отдельные дачи, в коих и зимой можно жить. Так как я завален корректурой и работой, то мне трудно туда съездить, и он бы оказал мне величайшую услугу, если бы сделал это. Мне хочется знать, имеется ли там дом, отдельно расположенный, с отдельным садом, с красивым видом и с условиями для зимнего пребывания. Это не к спеху, и можно ждать сколько угодно. Вот я каков! Собираюсь оказать услугу его брату и, еще ничего не сделав, прошу отплаты! Несколько совестно, что так злоупотребляю его дружеским расположением, но мне в самом деле очень неудобно самому съездить.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Насчет Г. Пахульского будьте покойны; я не могу сомневаться, что дело это сладится.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

288. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
12 июля 1885 г.

Милый, дорогой, несравненный друг мой! Как Вы добры и как отзывчивы на всякие нужды человеческие! Я не знаю, как и благодарить Вас за Вашу дружбу и готовность оказать мне одолжение; меня несказанно обрадовало Ваше обещание устроить судьбу Генриха Пекульского. Для него это будет величайшее благодеяние, тем более, что с ним живет и мать его, которая постоянно больна и постоянно нуждается в докторе, а без Вашего благодетельного участия эти бедные люди ничего не достигли бы. Благодарю Вас бесконечно, дорогой, милый друг мой.

Я сегодня совсем больна, поездка на свадьбу моего Сашонка в Москву совсем меня расстроила. Жара и духота в московских комнатах были невыносимы, к тому же волнение, хлопоты и отступление от привычного режима — всё это расстроило меня, и я еще не могу оправиться от этого дня. Молодые мои уехали на другое утро. Бедному Сашонку сделалось дурно под венцом, так что его усадили на стул; он такой у меня слабенький.

Соня у меня, и хотя, слава богу, ей лучше, но вообще меня ужасно пугает ее здоровье; это такой нежный организм, который надо беречь как оранжерейный цветок,—и никакого запаса сил. Слава богу еще, что муж у нее такой добрый и заботливый об ней, как лучше и желать нельзя, но мне жаль его, бедного, что ему все время приходится возиться с больною женою: это так печально.

Насчет поездки в Дубровицы, дорогой мой, Влад[ислав] Альб[ертович] просил меня передать Вам, что он с величайшим наслаждением исполнит Ваше приказание и будет искать самым усердным образом. О результатах я сейчас [же] сообщу Вам. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

289. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
18 июля 1885 г.

Мой милый, несравненный друг! Всё это время Влад[ислав] Альб[ертович] ездил искать зимнего помещения для Вас, но без большого успеха. В Дубровицах из маленьких дач есть только одна с печами, но она переделана на дачу из кухни и потому низка и невзрачна. Затем есть только зимнее помещение в самом старинном доме, можно нанять весь бельэтаж, но это, конечно, слишком много для Вас, и они согласны отделить шесть комнат, но цену еще не могли определить. Влад[ислав] Альб[ертович] был в главной конторе князя Голицына в Москве, чтобы узнать цену. Там сказали, что сделают расчет, сколько им обойдется устроить зимние рамы и вообще всё для зимней жизни и тогда сообщат Влад[иславу] Альб[ертовичу] в Плещеево, но до сих пор еще нет уведомления. Надо полагать, что цена будет около шестисот рублей за год. Дрова можно покупать в самом имении, есть одна лошадь для разъездов за особую плату, можно иметь молоко и масло на месте. Кроме Дубровиц, Влад[ислав] Альб[ертович] ездил в Бутово, но там много

нет; там хозяин, генерал Савельев, сознался, что у него дачи простенькие, за сто пятьдесят рублей в лето. Я боюсь, дорогой мой, что зимою Вам будет очень неудобно в деревне, в наших глубоких снегах и при полном неблагоустройстве нашего бедного отечества; не было ли бы Вам удобнее зимовать за границею? В Дубровицах — место прелестное, но, конечно, летом. Если Вы всё-таки готовы остановиться на Дубровицах, то не приедете ли Вы взглянуть помещение, и если Вы уведомите Влад[ислава] Альб[ертовича] о времени Вашего приезда, то он выедет в Подольск на станцию встретить Вас и проводить в Дубровицы.

Я уезжаю во вторник совсем из Плещеева, переночую в Москве, и в среду — в дальнейший путь, в Эмс. Соне предписал доктор и эти воды, и потому я тороплюсь везти ее туда, чтобы она успела в теплое время отбыть курс питья и ванн. Оттуда я предполагаю поехать в Belair на осень и потом на зиму во Флоренцию. Соня, по совету доктора Остроумова, также останется зиму за границею. Ей, слава богу, лучше, но всё-таки она далеко не может назваться здоровою.

У меня суета и хаос во всем доме, как бывает обыкновенно перед скорым отъездом. Как бы я желала, дорогой мой, чтобы Вы нашли себе такой приют на зиму, которым Вы были бы совершенно довольны и где никто не докучал бы Вам.

Теперь уже отсюда мне не удастся написать Вам, милый друг мой, и потому до следующего письма из-за границы. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. Горячо желаю Вам успеха во всех Ваших желаниях. Всею душою безгранично Вас любящая

П. ф.-Мекк.

290. Чайковский — Мекк

Майданово,
19 июля [1885 г.]

Милый, дорогой друг!

Тысячу раз благодарю Вас за заботу о приискании для меня помещения. Если бы я знал, что Вы были так близки к сборам за границу, я бы не позволил себе отрывать от дела Владислава Альбертовича. Тем более раскаиваюсь в том, что беспокоил его и Вас, что, как оказывается, Дубровицы — совсем неподходящее для меня место. Там живет летом множество дачников, в том числе даже знакомые мне оказались, а я именно дачников-то и боюсь.

Итак, простите, дорогой друг, что беспокоил Вас.

Вы пишете, дорогая моя, что мне лучше зимовать за границей, чем жить погребенным в снегу. Но я хочу где-нибудь в России устроиться не для того, чтобы безвыездно жить, а для того, чтобы у меня был, наконец, свой угол, свой дом. Мне уж сорок пять лет, и я чувствую, что дальнейшее скитание по свету без собственного уголка, где бы были все мои вещи, книги, ноты, воспоминания,— словом, всё то, что составляет un chez soi*,— невозможно.

* домашний уют

Потребность эта во мне теперь до того сильна и неодолима, что я не буду покоен, пока не осную где-нибудь прочно. Это нисколько не помешает мне зимовать иногда в Италии или где бы то ни было. Напротив, сознание, что мне есть где укрыться, что я не бездомный скиталец, удвоит для меня удовольствие путешествий.

Но как трудно найти что-нибудь! Теперь мне предлагают усадьбу недалеко отсюда, в красивой местности, но не на реке. Кажется, я решусь нанять ее, и в конце лета начну устраиваться, т. е. меблировать, оклеивать и т. д., так чтобы осенью можно уже было переехать.

Мы до сих пор не можем опомниться от ужасов клинского пожара, которого были свидетелями. Я даже по мере сил участвовал в спасении имущества погорельцев.

Дай Вам бог, дорогая моя, благополучного, счастливого путешествия. Еще и еще благодарю Вас.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

291. Чайковский — Мекк

1885 г. августа 3—10. Майданово.

Майданово,
3 августа 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Еще не знаю хорошенько, куда писать Вам, но уже испытываю потребность в беседе с Вами и берусь за перо. Пишу Вам в три часа дня в такой темноте, как будто девять часов вечера. Вот уже несколько дней, что весь горизонт окутан какой-то дымчатой мглой, происходящей, как говорят, от лесных пожаров или горения торфяных болот. Мгла эта с каждым днем делается гуще, и я начинаю бояться, что мы все задохнемся в ней. На душу это действует угнетающим образом. Вообще расположение духа моего всё это время мрачное. Я работаю над очень трудной, сложной симфонической вещью (на сюжет Манфреда Байрона), имеющей притом столь трагический характер, что и я обратился временно в какого-то Манфреда[1]. Притом же, как водится, я надсаживаю грудь от торопливости в труде. Хочется безмерно привести его скорей к концу, и вот я напрягаю все свои силы... в результате чего сильное утомление. Это тот вечный cercle vicieux*, в коем я безвыходно вращаюсь. Если нет работы, я хандрю и скучаю,— если есть, я работаю через силу...

Вчера я имел сильное огорчение, даже до слез. Ваш сын Коля

---

* заколдованный (порочный) круг

несколько времени тому назад дал мне знать, что есть по Рязанской дороге среди необычайно красивой местности именьице, вполне, во всех отношениях подходящее к моим требованиям. Так как довольно долго я был нездоров и не мог сам поехать, то поручил брату Анатолию собрать справки и некоторые сведения. Коля обещал их достать и прислать, но прошло много дней, а от него письма не было. Тогда я послал человека напомнить об этом деле; Коля посоветовал немедленно ехать смотреть именье и решать дело. По нездоровью, я просил брата Анатолия поехать и устроить покупку. Вчера утром он уехал, и я, вполне уверенный, что через два-три дня сделаюсь собственником, предавался утешительным мечтаниям о будущем житье в собственном доме. Увы! К вечеру пришла депеша, что имение уже несколько дней продано. Не могу выразить Вам, как я был огорчен! Упущен случай единственный, подобного которому ожидать нельзя.

Не могу скрыть, что я в настоящее время сваливаю вину неудачи на Колю. Если бы он хотел, имение осталось бы за мной. Продавал его начальник дистанции Рязанской дороги, Колин знакомый, и ничего бы не стоило попросить его подождать меня или моего поверенного. Прошу Вас, дорогая моя, ни слова не писать об этом Коле; гнев мой (может быть, впрочем, и несправедливый) уляжется, и всё будет забыто, но в настоящее время, быв совершенно одурачен в этой истории и не зная хорошенько, почему и кем, я поневоле мечу свои перуны против бедного Коли, который заварил эту кашу.

10 августа.

Только что вернулся из поездки в Плещеево, куда меня почти насильно увлекли братья. Мне хотелось побывать в Плещееве, но я не люблю отрываться от работы, и отдыха для меня всё равно нет, пока сочинение не кончено. Поездка была для меня неудачна, так как и в дороге и в самом Плещееве я чувствовал себя очень нехорошо. Вообще за это лето я здоровьем своим похвастаться не могу: постоянно недомогаю. Тем не менее, я рад был снова увидеть милое Плещеево, где так хорошо провел несколько недель год тому назад. Анну я нашел очень бледной и похудевшей. С Колей имел откровенное объяснение по поводу неудовольствия на него, и так как он признал себя виноватым в некоторой оплошности, то гнев мой на этого добрейшего человека исчез как дым. Но более чем когда-либо сожалею, что упустил случай приобрести именьице, судя по описанию Коли, удивительно соответствующее моим требованиям.

Мне приятно было видеть цветущую здоровьем племянницу [illegible], которую я перед тем видел несколько месяцев тому

назад в Петербурге больной и слабенькой. Она наслаждалась бы своим житьем в Плещееве, если бы не смущалась мыслью, что, может быть, с ее стороны неделикатно заживаться со всей семьей у Вас слишком долго. Она советовалась со мной насчет этого, и, простите меня, дорогой друг, я позволил себе уверить ее, что Вам, отнюдь не неприятно, что она гостит в Вашем доме и что неделикатности с ее стороны нет никакой в том, что она, по ее выражению, злоупотребляет Вашим гостеприимством. Дабы вполне успокоить ее, я сказал ей, что напишу Вам об этом, и убежден, что Вы подтвердите мою уверенность в том, что ее пребывание в Плещееве Вам не неприятно.

Теперь я надолго останусь в Майданове, т. е. не тронусь отсюда, пока вполне не кончу своей работы.

Надеюсь, дорогая моя, что здоровье Ваше хорошо, что Софья Карловна поправляется и что Вы вообще довольны своим пребыванием в Эмсе.

От души желаю Вам, дорогой друг мой, всего лучшего.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

292. Мекк — Чайковскому

Эмс,
16 августа 1885 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Не знаю, как и благодарить Вас за Ваше письмо; я уже никак не надеялась получить его прежде, чем сообщу Вам свое местопребывание. Сама же я, как Вам и писал Владислав Альбертович, совсем стала инвалидом, и теперь вот уже почти две недели как меня мучит нарыв на пальце; один мне прорезали, а теперь готовится другой, и это мне до крайности раздражает нервы. Но я всё-таки хочу написать Вам хоть несколько слов, чтобы горячо поблагодарить Вас, дорогой мой, за Ваше милое письмо и сказать Вам по поводу пребывания Веры Львовны в Плещееве, что, конечно, Вы совершенно основательно поручились ей за меня и что мне не только не неприятно ее нахождение в Плещееве, но, напротив, очень приятно, чтобы мои близкие и близкие моих близких пользовались моею собственностью. В данном же случае я даже, к сожалению, не могу считать Веру Львовну своею гостьею, так как я предоставила Плещеево Коле.

Как ужасно жаль, дорогой мой, что Вам не удалась покупка имеьица на Рязанской дороге; дай бог, чтобы скорее нашлось что-нибудь другое.

Сегодня я ожидаю Сашонка с женою из Лондона. Они изъездили всю Шотландию, родину Ани, и Сашок в восторге от ее природы. Здесь, в Эмсе, также прелестно. Вот бы Вам приехать сюда, дорогой мой: какое множество прелестнейших прогулок и вообще какая роскошная природа. Я давно не жила в Германии и была поражена этим богатством природы и благоустройством города,— чудесно всё.

Сонино здоровье недурно, но общее состояние ее организма меня очень беспокоит: малокровие ужасное, и вся она такая хрупкая.

У нас довольно холодно, по ночам только двенадцать градусов, но дни очень жаркие. Мы пробудем здесь до 27-го этого месяца, потом — в Париж и в мой милый Belair. Поэтому прошу Вас, дорогой мой, после этого письма адресовать мне в Belair. Адреса, и здешний и Belair'ский, прилагаю отдельно. Будьте здоровы, бесценный, милый друг мой. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

293. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
31 августа 1885 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Из письма Владислава Альбертовича вижу, что Вы довольны Вашим пребыванием в Эмсе и что здоровье Ваше в хорошем состоянии. Чрезвычайно этому радуюсь и уверен, что в Вашем милом Belair Вы еще более укрепитесь и поправитесь.

Наконец-то, дорогой друг мой, судьба моя, т. е. вопрос о будущем моем более или менее постоянном местопребывании разрешился. После бесконечно долгих и неудачных розысков я принял предложение здешней хозяйки остаться в Майданове. Но жить я буду не в том неуклюжем, несимпатичном доме, где жил до сих пор, а в другом, где до сих пор она сама жила. Дом этот находится в стороне от других; мне будет огорожена значительная часть сада, в которой я буду распоряжаться совершенно произвольно, а самый дом еще летом она отделала заново. Хотя местность здешняя не особенно мне по сердцу, но ввиду близости большой станции, близости от города, в коем имеются и лавки, и почта, и телеграф, и доктор, и аптека, а главное, ввиду крайнего нежелания снова искать и откладывать, я решился нанять на два года предлагаемый дом. Он очень симпатичен и уютен, и мне кажется, что мне там будет хорошо и покойно. Теперь я забочусь об устройстве, а 15 сентября перееду. Если в течение будущих двух лет свыкнусь, то уж ничего и искать не буду и до конца дней останусь здесь; ведь, право, пора мне иметь хоть тень какой-нибудь оседлости. У нас здесь очень опустело. Брат Анатолий уехал на Кавказ, брат Модест с своим воспитанником — в Петербург, и теперь остались кроме меня только моя belle-soeur и маленькая племянница. 14 сентября и они уезжают на Кавказ, с 15-го я начинаю свою одинокую жизнь.

Меня очень беспокоит, как разрешится вопрос о приглашении Генриха Пахульского в преподаватели консерватории. Подробно

я пишу об этом Владиславу Альбертовичу, а Вас прошу верить, дорогая моя, что всё, что можно было сделать, я сделал и сделаю[1].

Симфония моя ушла настолько далеко, что я надеюсь к концу месяца вполне окончить ее. Надеюсь, что труды мои и старания были не тщетны и что я в самом деле написал удачную вещь.

Будьте здоровы, дорогой друг мой! Я просил Влад[ислава] Альбертовича извещать меня о Вас, а самих Вас убедительно прошу не утруждать себя писанием писем.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

294. Чайковский — Мекк

С. Маслово,
11 сентября 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Давно, давно не писал Вам. Поездки в Москву, хлопоты об устройстве будущего жилья, работа, которую хочется привести скорее к концу,— всё это мешало мне правильно вести корреспонденцию.

Прежде всего доложу Вам насчет Генриха Пахульского. Меня очень беспокоило это дело: я боялся, что данное Вам обещание не будет исполнено, и решил, что в случае, если мое энергическое настояние ни к чему не приведет, я выйду из состава дирекции. Однакож 6 сентября на заседании дирекции Пахульский принят в число преподавателей, и приглашение его состоялось. Пишу Вам это не для того, чтобы выставить свою заслугу, а вот для чего. В первое время у Пахульского не будет учеников, или, по крайней мере, я не могу ручаться, что они будут. Дело в том, что по числу поступивших на этот учебный год в новом преподавателе не встречалось надобности, но по мере увеличения числа учеников надобность даст себя чувствовать, и Пахульский получит учеников и часы занятий. Но пока этого не будет, ему придется довольствоваться званием консерваторского адъюнкта. Таким образом, хотя желание его и Ваше исполнилось, но относительно материального обеспечения Ваш protégé должен немножко подождать и, по возможности, добывать частные уроки. Верьте, дорогая моя, что я сделал всё, всё, всё возможное, и если результат получился пока неважный, то потому, что не в моей власти увеличить число учеников настолько, чтобы Пахульский получил класс и оплачиваемые часы занятий.

С наступлением настоящей хмурой и ненастной осени здоровье мое совершенно поправилось, и теперь кроме утомления от ра-

боты никаких болезненных проявлений я не испытываю. Прихожу к заключению, что для моей натуры л е т о — самое неблагоприятное время года и что ж а р ы действуют на мой организм зловредным образом. В самом деле, я замечал, что зимою, если только живу в деревне или за границей, я чувствую себя всегда лучше, чем летом, и уж, во всяком случае, раз навсегда я решился летом избегать работы, а странствовать и отдыхать.

Будущее мое жилище мало-помалу приходит в надлежащий вид, и кажется, что оно будет очень уютно и мило. С недостаточной красотой местности приходится мириться; я так устал искать и ждать, так не хочется на зиму снова оставаться бездомным странником!

15-го числа моя невестка уезжает на Кавказ; я поеду в Москву провожать ее и исполнить некоторые деловые надобности. В мое отсутствие Алексей окончательно устроит мой домик, и 19-го числа я водворюсь в своем уютном уголке. 17-го числа думаю побывать в Плещееве по случаю именин племянницы Веры.

Еще раз прошу Вас, дорогой друг мой, не сетовать на меня, если я не мог сразу доставить Генриху Пахульскому прочное положение в консерватории, и верить, что я в самом деле сделал всё, что мог, чтобы угодить Вам.

Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

295. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
22 сентября 1885 г.

Дорогой, несравненный друг! Тысячу раз благодарю Вас за Ваше дорогое для меня внимание и память о дне моего ангела; телеграмму Вашу я получила, и это сделало настоящим праздником для меня мои именины. Нас теперь так мало, что этот день прошел в совершенной тишине, хотя я по обыкновению получила подарки от Юли и Милочки, много букетов и массу телеграмм. Мы пили шампанское, играли в пирамидку на биллиарде и в рулетку, но всё это только вчетвером.

Горячо и глубоко благодарю Вас, дорогой мой, за исполнение моей просьбы относительно Генриха Пахульского; ничего лучшего я и ожидать не могла для него, и, конечно, теперь ему осталось только подождать, что нисколько не трудно, имея уже такую официальную заручку на место и обеспечение. Он теперь, должно быть, поедет на родину поконцертировать, а после 1 января, вероятно, приедет ко мне. У меня теперь здесь ездит на уроки к Милочке молодой пианист (которого я имя никак не могу затвердить); он учит Милочку и аккомпанирует Влад[иславу] Альб[ертовичу] в игре на скрипке, а я слушаю. Этот молодой человек замечателен тем, что он превосходно читает музыку и хороший испол-

нитель; он органист в соборе в Tours. Но вообще здесь мало музыки, и это очень скучно.

Правда ли, дорогой мой, что Вы обещали написать кантату к юбилею Училища правоведения? Мне это пишет Макс. Счастливые все те, которые слушают и будут слушать Вашу музыку. В каком положении Ваш «Манфред»?

Юля мне читает теперь биографию Шумана, и из нее я узнаю, что он также написал оперу, но что она не имела успеха. Это удивительно, однако, как всех композиторов соблазняют оперы, а я их так не люблю; второе, я думаю, еще больше удивительно, чем первое.

Я очень боюсь, что холера помешает мне ехать на зиму во Флоренцию, а я этого очень желала бы. Если же я не попаду во Флоренцию, то проведу зиму опять в Вене, так как у меня там нанята квартира и есть весь свой mobilier *. Прежде предполагалось, что Саша моя проживет зиму на моей квартире в Вене, но она отвильнула от этой поездки, потому что очень не любит ездить за границу, и к тому же, конечно, трудно с такими маленькими детьми.

У нас также сделалось холодно, но все же рано утром и без солнца девять и десять градусов тепла, а днем от семнадцати до двадцати, но много дождя идет. Это печально. Мне хочется проехаться в Nancy, но боюсь, что погода помешает. Будьте здоровы, мой милый, дорогой мой друг. Как я желаю, чтобы Вы могли хорошо устроиться в Майданове и чтобы никто не беспокоил Вас. Прошу Вас, дорогой мой, написать мне, к у д а я могу послать Вам перевод на бюджетную сумму, и простите мне, что несколько опаздываю. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

296. Чайковский — Мекк

Г. Клин, с. Майданово,
22 сентября 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Наконец давнишняя моя мечта осуществилась: я у с е б я, в д е р е в н е, и хотя мой дом не составляет моей собственности, но всё же в течение двух лет я буду иметь право распоряжаться им совершенно свободно, и во всяком случае то, что я теперь имею, есть нечто довольно близкое к осуществлению моей мечты. Домик чрезвычайно уютный, чистенький, хорошо меблированный. Часть мебели принадлежит собственнице Майданова, часть пришлось купить. Я снабдил свое хозяйство всем нужным. Мало-помалу буду украшать его и, кто знает, быть может, я весь свой век здесь останусь. Одно жаль: я всегда мечтал иметь из своих окон обширный, красивый вид,— этого здесь нет. Окна мои выходят в сад, и кроме деревьев, и то молодых, я из них ничего не вижу. Но что делать? Приходится мириться с этим недостатком. Зато самый дом необычайно симпатичный, и, особенно при вечернем освещении,

* домашняя обстановка.

он делается очаровательно уютен. Я позволил себе большую роскошь: буду держать пару лошадей, без которой очень мог бы обойтись, но, именно как роскошь, она имеет для меня большую цену. Я купил этих лошадей на самых выгодных условиях вместе со всей упряжью у жены Анатолия, которую на днях проводил на Кавказ. Мы провели с ней вместе пять дней в Москве; пришлось присутствовать на бесконечном ряде прощальных обедов и вечеров у ее родственников. А так как мне и работать пришлось в то же время (дабы приехать в Майданово к себе, вполне разделавшись с утомившим меня «Манфредом»), то 17-го числа я, к сожалению, не мог быть в Плещееве, где хотел отпраздновать именины Ваши и племянницы Веры. В день отъезда моей belle-soeur я видел Колю на вокзале; в этот же день я познакомился с Владимиром Карловичем, с коим до тех пор никогда не приходилось сталкиваться. Он произвел на меня очень симпатичное впечатление; оттого ли, что я был предупрежден Вами и общим мнением, но мне показалось, что доброта и сердечность звучит в самом голосе его и дает себя чувствовать во всей его внешности.

Я думаю прожить в Майданове с месяц и в конце октября отправиться в Каменку для присутствования на празднестве двадцатипятилетия супружеского сожительства сестры и Льва Васильевича.

Опера моя («Черевички») пойдет в Москве не ранее января, так что до тех пор я совершенно свободен. Весной мечтаю съездить в Италию.

Виделся в Москве с Генрихом Пахульским. Он принят преподавателем и получил отпуск на год. Повидимому, он совершенно доволен, чему я весьма радуюсь.

Будьте здоровым и счастливым, дорогой, бесценный друг!

Всем Вашим шлю свой привет.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

297. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
27 сентября 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Сейчас получил письмо Ваше, за которое премного благодарен Вам. Мне грустно было узнать из него, что Вы не поедете в Италию. Ведь, если не ошибаюсь, холера ослабевает, и, вероятно, зимой ее вовсе не будет. Неужели Вы снова будете лишены наслаждения подышать воздухом Италии? Мне самому так хочется

Италии, я ощущаю такую неотложную потребность в ней, что решил в конце зимы во что бы то ни стало отправиться месяца на три во Флоренцию, Рим и Неаполь. Теперь, когда я перестал опять бездомным скитальцем, путешествие будет иметь для меня двойную прелесть.

Я чрезвычайно доволен своим домиком, своим одиночеством и свободой, и беспрестанно благодарю бога, ниспославшего мне, наконец, то, чего я так давно жаждал. Работу свою я, наконец, вполне окончил и сдал для гравировки. Покамест отдыхаю, но уже подумываю приняться за новый труд. Готовое первое действие оперы «Чародейка» лежит передо мной, и я уже начинаю увлекаться предстоящей задачей[1]. Милый друг! Мне нравится высокомерное отношение Ваше к опере. Вы правы, относясь к этому, в сущности, ложному роду искусства недоброжелательно. Но есть нечто неудержимое, влекущее всех композиторов к опере: это то, что только она одна дает Вам средство сообщаться с массами публики. Мой «Манфред» будет сыгран раз-другой и надолго скроется, и никто, кроме горсти знатоков, посещающих симфонические концерты, не узнает его. Тогда как опера, и именно только опера, сближает вас с людьми, родит Вашу музыку с настоящей публикой, делает Вас достоянием не только отдельных маленьких кружков, но при благоприятных условиях — всего народа. Я думаю, что в этом стремлении нет ничего предосудительного, т. е. что не тщеславие руководило Шуманом, когда он писал «Геновефу», или Бетховеном, когда он сочинял своего «Фиделио», а естественное побуждение расширить круг своих слушателей, действовать на сердца по возможности большего числа людей. Не следует только при этом гоняться за внешними эффектами, а выбирать сюжеты, имеющие художественную цену, интересующие и задевающие за живое.

Я написал для училищного юбилея не кантату, а просто хор, который на празднике должны петь воспитанники. Текст для этого хора также пришлось написать самому[2].

Милый друг! Перевод бюджетной суммы всего проще послать в заказном письме прямо сюда, т. е. в г. Клин. Если же Вам почему-либо удобнее послать в Москву, то потрудитесь адресовать в магазин Юргенсона. Заранее бесконечно благодарю Вас.

Из письма Вл[адислава] Альб[ертовича] (которому прошу Вас передать поклон мой) вижу, что больная рука Ваша поправилась. Весьма радуюсь этому. Желаю Вам, дорогая моя, всякого благополучия!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

298. *Мекк — Чайковскому*

Château Belair,
6 октября 1885 г.

Милый, бесценный друг мой! Простите меня еще раз, что я так опаздываю с посылкою перевода, но в последнее время это уже не я виновата, а провинция. В нашем городишке Тур нельзя получить перевода в Россию, потому что редко кто и знает о существовании такой страны, поэтому перевод выписывали из Парижа, и на это понадобилось три дня. О, эта провинция, провинция! Я терпеть не могу маленьких городишек, так же как и мелких талантиков, и те и другие вечно во что-то лезут, что-то корчат из себя, хотят представиться большими и крупными, а ни сил, ни средств на это нет, — таков и наш Tours. А знаете, дорогой мой, под каким впечатлением я разразилась против мелких талантиков? Под впечатлением каталога, присланного мне Юргенсоном. Я выписала из Москвы Вашу Первую сюиту, и при этом Юргенсон прислал мне свой каталог. Я развернула его, но там пошли Acker'ы, Jungmann'ы, Spindler'ы, так мне просто противно стало, и я бросила его; и зачем это магазины держат такие произведения? А кстати, говоря о музыке, позвольте мне, дорогой мой, вступиться за симфонический род музыки, как Вы вступаетесь за оперный. Вы говорите, что Вашего «Манфреда» сыграют раз-другой, и потом он скроется надолго. Как Вы можете говорить так, когда Бетховенские симфонии играются и теперь и игрались всегда, и слушались и слушаются с величайшим наслаждением. Симфоническая музыка имеет не только свойство доставлять удовольствие, но она имеет и образовательное значение, и никогда не только Ваш «Манфред», не только хорошие симфонии и увертюры, но и никакие хорошие оркестровые сочинения никогда не пропадут и не потеряют своего места в музыкальной и педагогической литературе. Вот видите, дорогой мой, про «Геновефу» Шумана редко кто знает, а его «Манфреда» все знают; а ведь Ваш «Манфред» будет еще лучше, и уверяю Вас, милый друг мой, что впоследствии, когда Вас поставят выше Бетховена, это будет — за Ваши симфонические сочинения, а не за оперы. Симфония есть чистое искусство, а опера — реальное искусство, а я признаю реализм в жизни, но не люблю его в искусстве и не признаю в поэзии. Простите, дорогой мой, что я берусь трактовать о том, чего не понимаю, но я вступаюсь за свои чувства.

Как я рада, милый друг мой, что Вы устроились оседлым образом и что Вы довольны Вашим местопребыванием. Дай бог, чтобы ничто не нарушало Вашего спокойствия, Вашего уединения и мирной жизни. Я в своем маленьком Belair также блаженствую, хотя и сознаю постоянно, что мне следует продать его, но он так мил, что рука не поднимается. Вы не можете себе представить, дорогой мой, какой хорошенький этот холмик; и насколько у Вас мало видов из окон, настолько у меня их много кругом,—со всех сторон очень веселые, оживленные виды. К тому же, у меня прелестные коровки, провизия своя, чудесные фрукты, в особенности груши, дюшесы, великолепные. Поэтому я, как только идет дождь, я продаю Belair; когда выглядывает солнце и освещает эту бархатную траву, эти разноцветные деревья, я не продаю Belair. Это смешно, но естественно.

Как меня глубоко тронул Ваш отзыв о моем Володе и как я бесконечно счастлива, что он Вам тем и показался, что он есть; я Вам горячо благодарна, милый друг мой, за Ваш добрый отзыв о нем.

Все мои, слава богу, здоровы. Сашок, как видно из его писем, занимается очень усердно и успешно, Аня, жена его, немножко хворает, доктор находит малокровие, но [illegible].

Дорогой мой, перевод дали, как Вы увидите, на Banque de Commerce privé à Moscou; это, должно быть, Московский Купеческий банк. Я послала, как и прежде, чек отдельно, а письмо посылаю отдельно на случай, если бы перевод затерялся, то, чтобы Вы знали, что он был послан, а мы могли бы разыскивать его.

У нас второй день чудесная погода, рано утром морозило (два градуса тепла), а теперь, в восемь часов утра, уже пятнадцать градусов тепла, а среди дня вчера на солнце было тридцать семь градусов тепла,— чудесно! Мы очень много бываем на воздухе. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

299. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
7 октября 1885 г.

Дорогой друг мой! Вчера утром я писала Вам письмо в одном из своих ненормальных состояний и припоминаю, что я наделала путаницы слов, так например, припутала ни с того, ни с сего педагогику к симфонической музыке. Вероятно, есть и еще что-нибудь в этом роде, поэтому, дорогой мой, я хочу предупредить Вас для того, чтобы Вы не удивлялись на будущее время, если Вы встретите в моих письмах слова, употребленные не в своем смысле, т. е. путаницу в словах. Это потому, что мои нервы дошли до крайних пределов расстройства, и на меня находят пароксизмы такого хаоса в голове, что я извергаю кучу слов, не сознавая их. Обыкновенно я пишу только сейчас, вставши от ночного сна, и состояние головы зависит у меня от того, как проведена ночь. Поэтому, милый друг мой, прошу Вас извинить меня, если в моем вчерашнем письме есть и еще какие-нибудь нелепости, но оговорюсь при этом, что они бывают только в словах, а отношения мои к предметам не изменяются.

В «Figaro» предсказывают опять бури. Как это жаль: погода была такая хорошая. Не откажите, дорогой мой, сообщить мне, дойдет ли до Вас перевод. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

P. S. У меня на днях умерла племянница, Языкова, в Méran от чахотки. Так жаль, молодая женщина была, детей не осталось, один муж; она была рожденная Воронец, дочь моей сестры.

300. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
11 октября 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Получил сегодня перевод и письмо Ваше. Благодарю Вас от глубины души и извиняюсь за хлопоты, причиненные процедурой перевода.

Как мне завидно было, читая в письме Вашем о превосходной погоде и о том, как Вам хорошо в Belair, и в то же время радуюсь до крайности, что наконец Вы дождались столь нужного Вам тепла. Вполне же я буду покоен за Вас, когда, бог даст, Вы все-таки попадете во Флоренцию. А здесь уж давно осень; холодный северный ветер нескончаемо дует и по ночам воет в трубе. Не скажу, чтобы это не имело известной прелести, особенно, когда живешь в таком уютном прелестном домике, как мой, но зато мои ежедневные двухчасовые прогулки не особенно приятны. Еще, что мне несколько отравляет удовольствие гулять, это здешний народ и его образ жизни. Избы в здешней деревне самые жалкие, маленькие, темные; духота в них должна быть ужасная, и когда вспомнишь, что они восемь месяцев должны прожить в этой темноте и тесноте, сердце сжимается. Не знаю почему, но народ здесь особенно бедный. Земля по разделу с помещицей им досталась ужасная — голый песок: лесу нет вовсе, заработка никакого, так что большинство бедствует. Между тем, и это всего замечательнее, все они — и старики, и взрослые, и дети — имеют вполне счастливый и довольный вид; нисколько не жалуются на горемычную судьбу свою, и, чем менее они высказывают недовольства жизнью, тем более я их жалею и умиляюсь над смирением и долготерпением русского народа. У детей удивительно симпатичные лица. Школы нет, ближайшая школа отстоит на расстоянии шести верст. Жалко смотреть на этих детей, обреченных жить материально и умственно в вечном мраке и духоте. Хотелось бы что-нибудь сделать, и чувствуешь свое бессилие. Вот с этой стороны жизнь в русской деревне непривлекательна. Какая бездна разделяет нашего мужика и его быт от Ваших соседей фермеров, от французского поселянина!

А впрочем, мне лично живется попрежнему очень хорошо в моем до крайности симпатичном домике; настолько хорошо, что нередко в течение дня мне приходит в голову, что, как бы современные пессимисты ни отрицали возможность счастия, я могу служить живым опровержением этой якобы-аксиомы, ибо я в самом деле счастлив в своем отшельничестве потолику, поколику счастие доступно человеку. Быть свободным и иметь свой собственный приют — вот чего я всегда желал, и это имею, — значит, я счастлив. Желать большего было бы безумием и неблагодарностью.

Юргенсон в последнее время действительно уронил свое значение серьезного издателя, преследующего не торгашеские, а более почтенные цели. Представьте себе, милый друг, что он летом купил все издания фирмы Бернарда (за сорок пять тысяч), а эта фирма кроме модных, отчаянных пошлостей никогда ничего не издавала.

Теперь то и дело он объявляет о продаваемой им дряни. Между тем, покупка эта еще, бог знает, когда окупится, а теперь дела его в самом плачевном положении, и обстоятельство это неожиданным образом неприятно отразилось и на мне. Когда-нибудь я расскажу Вам это[1].

Насчет высшего значения симфонической и камерной музыки в сравнении с оперой я скажу еще следующее. Воздерживаться от писания опер есть своего рода геройство, и в наше время такой герой имеется, это Брамс. Кюи в одной статье своей совершенно верно сказал недавно, что как человек, как художник, преследующий только высшие цели, Брамс достоин уважения и удивления[2]. К сожалению, его творческий дар беден и не соответствует широте его стремлений. Тем не менее, он — герой. Во мне этого геройства нет, и сцена со всей ее мишурой всё-таки привлекает меня.

Через неделю я отправляюсь на три дня в Москву и оттуда в Каменку на празднование серебряной свадьбы. Вернусь около 10 ноября.

Будьте счастливы и здоровы, дорогой, бесценный друг мой. Благодарю Вас еще раз за всё; никогда ни на минуту не забываю я, кому после бога обязан тем счастием, о котором я писал выше.

Всем Вашим шлю приветствия.

Ваш П. Чайковский.

Banque de commerce privé есть не Купеческий банк, а Частный коммерческий. Как видите, перевели они название совершенно правильно. Из календаря вижу, что банк этот находится, однакож, в Петербурге, а не в Москве. Но я думаю, что и в Москве можно будет дисконтировать перевод.

301. Чайковский — Мекк

[Майданово]
13 октября 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Получил Ваше письмо, в коем Вы берете назад некоторые Ваши выражения по поводу преимущества симфонической музыки над оперной. Уверяю Вас, что, читая выражение Ваших мыслей, я ни секунды не остановился на какой-либо несообразности, ибо сущность того, что Вы хотели сказать, высказана чрезвычайно ясно и рельефно и слово «педагогическая» совершенно ускользнуло от моего внимания. Только перечтя Ваше письмо,

и заметил, что по недосмотру попало слово, которое в данном случае вовсе не нужно.

Меня огорчает, дорогая моя, что нервы Ваши, как Вы пишете, сильно расстроены; да и в самом значении, которое Вы придали столь пустой Вашей описке, сказывается болезненность. Отчего это? Что Вас теперь особенно расстраивает? Мне больно думать, что, имея все данные быть счастливой и покойной, Вы страдаете. У вас есть величайшее право на счастье, а именно сознание исполненного долга. Вы отдали жизнь Вашу детям и сделали из них хороших людей; Вы сделали и делаете так много добра; Ваши средства дают Вам полную свободу; Вы любите всё прекрасное и способны испытывать наслаждения, даваемые искусством. Господи, неужели всего этого мало для благополучия??? — Оказывается, что мало. Значит, есть нечто, мешающее Вам жить без нравственного страдания. И это «нечто» меня до крайности огорчает. Не поможет ли Вам Италия? Если холера перестала быть страшной, не попробуете ли Вы этого средства, иногда очень могущественного?

Еще я хочу Вас просить, дорогой друг, и просить самым энергическим образом,— не давать себе труда писать мне, когда Вы не совсем здоровы. Всякое усилие при расстроенности нервов пагубно, и я страшно терзаюсь при мысли, что Вы иногда из-за меня утомляете и расстраиваете себя.

Дай бог, чтобы Вам было хорошо. Не думаю, чтобы кто-либо более меня жаждал, чтобы Вы чувствовали себя счастливой и довольной.

Беспредельно преданный и благодарный
П. Чайковский.

302. Чайковский — Мекк

Харьков,
27 октября 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я думаю, Вы очень удивитесь, прочитавши на заголовке письма, что я попал в Харьков. Это произошло оттого, что я очень устал от людей, прожив в Москве шесть дней, и что перед тем, как очутиться в Каменке среди других, близких, но всё же многих людей, мне хотелось хоть одни сутки провести в одиночестве, в незнакомом городе. К тому же, мне надо было обдумать до Каменки один вопрос, требующий нескольких часов опять-таки в одиночестве. Я, кажется, писал Вам, что мною написан хор для правительственного юбилея. Теперь, когда до юбилея остался всего

с небольшим месяц, меня еще просят написать что-нибудь для оркестра. С одной стороны, писать эти вещи чрезвычайно скучно и неприятно, с другой — отказать неловко. И вот сегодня просидел над нотной бумагой несколько времени, [придумывая?] темы для марша, который я решил всё-таки написать и инструментовать в Каменке.

В Москве я присутствовал на первом концерте Муз[ыкального] общ[ества], который не особенно удался. Программа была мало интересная, серенькая, да и исполнение такое же[1]. Наш капельмейстер Эрдмансдерфер был в этот вечер не в духе. Затем от утра до позднего вечера я был среди людей, уставая до безумия и вздыхая о моем деревенском привольном житье. Как я уже, вероятно, писал Вам не раз, меня одолевают разные юные композиторы, желающие советов и указаний. По большей части это бывают заблуждающиеся насчет размера своих способностей юноши. Но на сей раз я напал на молодого человека, одаренного крупным творческим талантом. Это сын известного в коммерческом мире Москвы бывшего соседа Вашего по дому, Катуара. Ему двадцать четыре года, и время еще не ушло. Я уговорил его приняться серьезно за учение, и он, кажется, едет в Берлин.

Навестил Колю и Анну, помещение которых мне очень нравится. Анна уже в Каменке. Видел у них Александра Филаретовича.

Слышал в Москве, в частном театре, оперу Р[имского]-Корсакова «Снегурочка» в очень порядочном исполнении. Сегодня пойду в здешнюю оперу.

Застанет ли письмо это Вас в Belair? Во всяком случае, надеюсь, что оно дойдет до Вас.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Banque de Commerce privé оказался действительно, как Вы и писали, Купеческим банком. Я получил деньги без малейшего затруднения. Благодарю Вас, дорогая!!!

303. Чайковский — Мекк

Каменка,
5 ноября 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вот уже несколько дней, что я здесь. Всех своих нашел здоровыми и веселыми. Чрезвычайно приятно было увидеть вполне почти оправившуюся от болезни старушку Александру Ивановну

Давыдову, еще недавно внушавшую опасения за себя. Бог знает, придется ли еще раз увидеть эту превосходнейшую и глубоко мной уважаемую женщину. Ей идет уже восемьдесят пятый год, и хотя, как я сказал выше, она оправилась, но всё-таки силы ее с каждым годом слабеют, и едва ли она уже долго проживет.

В доме у Льва Вас[ильевича] большая перемена утешительного свойства. Племянница моя Таня, весь век свой лежавшая в постели и, кроме чтения романов, никогда больше ничего не делавшая, вдруг весьма деятельно и серьезно принялась за хозяйство. Встает рано, усердно хлопочет, весь день занята и старается всячески быть полезной. Не скрою, что для меня всё это имеет вид чего-то непрочного, ненормального и болезненно-лихорадочного, однакож, нельзя не похвалить ее за доброе намерение выйти, наконец, из того состояния праздности и тоскливого ничегонеделания, в котором она прежде всегда пребывала. Анну я застал уже здесь. Совершенно так же, как и прежде, когда она была девушкой, она не расстается с книгами и читает буквально целый день. Впрочем, вчера приехал Коля, и теперь время ее разделено между им и чтением.

Все мои книги, портреты, вещи, всё, что делало из моей комнатки в прежнее время мой единственный c h e z-s o i, уже уложено и отправлено в Майданово. Грустно, смотря на опустелые стены и шкапы, думать о безвозвратно канувших в прошедшее годах, но я ни одного мгновения не раскаивался в своей решимости жить отдельно. Моя любовь к здешним родным, конечно, никогда не угаснет, но по многим причинам я уже могу быть здесь только гостем. Прежней полной гармонии нет; мое отношение к семье изменилось, хотя, повторяю, люблю их попрежнему.

Завтра будем праздновать двадцатипятилетие. Предполагается молебен в доме, большой обед и бал. Дня через два после того я уеду в Москву, где проведу несколько дней, и потом в Майданово надолго.

Представьте, дорогой друг, что всё это время я должен был по нескольку часов дня жертвовать на сочинение «П р а в о в е д с к о г о м а р ш а» для юбилея. Сегодня утром кончил и отправил по назначению.

Надеюсь, дорогая моя, что Вы, слава богу, здоровы! Дай Вам бог всякого благополучия.

Ваш до гроба, беспредельно преданный

П. Чайковский.

304. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
13/25 ноября 1885 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Я давно не писала Вам, но это потому, что, во-первых, я знала, что Вы в Каменке, а во-вторых, мне так много приходится писать, что я совсем изнемогаю. Благодарю Вас от всей души, дорогой мой, что Вы не считаетесь со мною письмами; Ваше письмо из Каменки я также имела удовольствие получить. В предпоследнем Вашем письме, милый друг мой, Вы выразили по поводу моих нервов предположение, что у меня есть нечто, что действует на мои нервы, и Вы, по свойственной Вам чуткости и впечатлительности, совершенно угадали: у меня кроме массы разных неприятностей, которые бывают у всех, у кого много детей и много дел, есть два хронических душевных страдания, которые действительно терзают меня невыносимо и, конечно, действуют на нервы разрушительно. Оба они не истекают из моей личной жизни или чувств, но, что еще тяжелее, из жизни близких мне людей. Со всяким своим личным горем я сумела бы справиться, но тут я ничего не могу поделать и только волнуюсь и мучусь. Об одном из этих положений я не могу говорить, потому что это есть чужая тайна, о которой знаю только я одна, и я не считаю себя в праве выдавать ее. О другом же моем горе я буду говорить Вам, милый друг мой, потому что есть поговорка, что разделенное горе есть половина горя, а с кем же я и могу лучше разделить горе, как не с Вами, мой благородный друг. Это горе, это страдание у меня — есть несчастная доля моего бедного сына Володи, у которого столько врагов, что я в ужас прихожу от мысли о том времени, когда меня не станет на этом свете; кто защитит его, кто скажет за него хоть одно доброе слово? Вы, дорогой мой, с Вашим сердцем поймете, каково это страдание, когда мать страдает за своего ребенка, и такого доброго, с такою благородною душою, как этот. Он сам никого не трогает, ни про кого никогда слова дурного не скажет, не любит даже слышать, когда другие злословят. Я скажу буквально верно, математически точно, что нет на свете ни одного человека, которому бы он сделал зло. Простонародье, которое гораздо справедливее и честнее развитого сословия, говорит про него, что этот барин и мухи не обидит; а сколько есть людей, которым он делает абсолютное добро, и, между тем, его преследуют и клеветою, и интригами, и колкостями, и всяческою злобою так, что его, бедного, доводят иногда до слез тогда, когда эти преследования идут из лагеря близких людей. Он, например, для Коли сделал много добра, потому что устроил его положение в Правлении великолепным образом, так, как мы и не ожидали, и за это ему платят такою неблагодарностью, таким преследованием и злобою, что у меня сердце кровью обливается. И понятно, что один такой преследователь из близких людей делает зла больше, чем сто человек посторонних. Анна вообще не взлюбила всё семейство Мекк, она постоянно ведет какое-то соперничество между фамилиею Мекк и Давыдовых, и это совершенно неуместно, потому что мы, Мекк, ни с кем ничем не считаемся, никому себя не навязываем, ни у кого ничего не отнимаем, и если имя Мекк очень известно, то это по воле обстоятельств, а не по нашему старанию, и совершенно излишне с ее стороны раздражаться и доказывать нам всем, что ее отец очень известен и почитаем до такой степени, что «ведь в Киев-

ской губернии посидеть за одним столом с Давыдовым есть уже величайшая честь» (точные слова Анны). Всё это очень хорошо, и мы этого не оспариваем, а если и знаем что-нибудь *другое*, то молчим, и ненавидеть ей нас не за что. Но, конечно, ко всем этим мелким уколам я равнодушна, мне жаль только, что она себя так смешно держит; но ее озлобление против Володи и их образ действий против него меня глубоко возмущают и ужасно огорчают, потому что тут уже заставляют действовать Колю, а ведь он был такой благородный, такой добрый и так любил свое семейство, и теперь это всё разрушено. И вот это-то горе за моего бедного, доброго Володю, и это беспокойство за него не дает мне умереть спокойно. Я очень хорошо знаю, что бедный мой Володя — кутила и что он свою жизнь ведет очень неаккуратно, но ведь это, кроме *его*, никому зла не делает. Если Вам будут говорить, дорогой мой, что я нахожусь под влиянием Володи и что Володя меня обирает, то это всё есть самая возмутительная *ложь*, потому что под влиянием *никогда* и *ничьим* я в своей жизни не находилась и *никогда* не буду находиться, потому что это несвойственно моей натуре. Володя не *обирает* меня, потому что *никогда* и *ничего* не просит у меня, а когда я сама прихожу к нему на помощь в трудные минуты, то это потому, что я сама постоянно разузнаю стороною о его положении и знаю, когда ему уж очень трудно, и я помогаю ему тем, что я всё равно сама бы прожила. Он так добр и мягок, что *его* каждый человек может обобрать (что и делают постоянно), но уж он никого не оберет. Но, боже мой, об этом целые дни можно говорить, в особенности, у кого так наболело сердце, как у меня. Колю подзадоривают постоянно тем, что я *его не люблю*, что я люблю только Володю. Как это гадко, как неблагородно! А другие находят, что у меня Коля — любимчик; я же скажу, что я Колю ужасно люблю, он мне мил и дорог безгранично, мне жаль ужасно, что его оторвали от его родной семьи, мне больно, что его заставляют делать *неблагородные* поступки, пользуясь тем, что он любит свою жену безгранично и что у него слабый характер. Но как я ни безмерно люблю своих детей, *любимчиков* у меня всё-таки нет, и если я порицаю одного из своих детей за другого, то это только по чувству *справедливости*, которое у меня развито до бесконечности. Но в то же время, когда у меня сердце обливается кровью за бедного Володю, я плачу горячо и о бедном Коле, которого так изуродовали. А кажется, нетрудно было бы понять Анне такую простую, так сказать, *практическую* истину, что если она хочет, чтобы Коля уважал *ее* родных, то она должна уважать *его* родных. Она считает себя такою гениальною, а таких простых вещей не понимает.

Теперь, дорогой мой, я скажу самое главное. Прошу Вас усердно, горячо, именем нашей дружбы, ради бога, *ни одного слова* из моего письма *не* передавать Анне и вообще *с нею и с Колею* не говорить *никогда* и *ничего* про Володю, потому что это ее еще больше раздражает. Я уже имела несколько объяснений с нею в Москве летом и вынесла из них самое *безотрадное* впечатление; после них еще хуже стало, и потому повторяю мою горячую просьбу: ни из этого письма и *ни из каких моих писем* ни одного слова и ни о каком предмете не сообщать ни Анне, ни Коле ничего. А если Вы хотите, дорогой мой, сделать мне большое утешение относительно моего бедного Володи, то, при случае, между посторонними людьми, в обществе, вставьте доброе слово за моего бедного сына, который, кроме неблагодарности и злобы людской, ничего в жизни не получает. У него *один* друг на свете,— это я, и я очень мало могу защитить его,

потому что не живу в свете. Ваша же защита может много для него сделать, и клянусь Вам, дорогой мой, что это будет вполне справедливо и добросовестно, и Вам очень легко проверить это. Спросите кого хотите, даже тех людей, которые клевещут на него, сделал ли он кому-нибудь зло? И я ручаюсь, что такого человека не найдется, а за то, что он кутит, не умеет считать денег и ведет свою собственную жизнь беспорядочно, его можно только жалеть, потому что и это произошло от излишней доброты и мягкости, и страдает он сам душою невыразимо.

Прошу Вас еще, дорогой мой, никакого разговора о Володе с Анною или Колею не поднимать и из моих писем им ни слова не сообщать.

Я совсем устала от такого длинного письма и, в особенности, от тех ощущений, которые я прохожу, писавши их. Будьте здоровы, мой бесценный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

305. Чайковский — Мекк

Майданово,
19 ноября 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Вчера я возвратился к себе домой после месячного отсутствия и более чем когда-либо сознал, до какой степени я нуждался в обладании маленького уголка и до чего приятно после странствования и в суете проводимых дней очутиться у себя. Несмотря на глухую зимнюю пору, на невеселый пейзаж, на холод (ибо домик мой оказывается довольно холодным), я вполне доволен и счастлив, что возвратился к себе.

В Москве я провел около недели. Присутствовал на трех концертах. Первый из них дан возвратившимся из-за границы для отбывания воинской повинности Зилоти. Он сделал большие успехи. Затем был концерт Музыкального общества и квартетное утро, в коих участвовал превосходный парижский скрипач Марсик[1]. Все эти три концерта доставили мне тем большее удовольствие, что я давно не слышал хорошей музыки. Музыканту, пишущему так много, как я, очень нужно, полезно и отдохновительно послушать от времени до времени чужой музыки. Ничто так не вдохновляет меня, как слушание чужого превосходного произведения: хочется тотчас же попытаться написать что-нибудь, столь же хорошее.

В консерватории был несколько раз и, к величайшей радости, убедился, что Танеев такой директор, какой именно в настоящее время и при настоящих обстоятельствах нужен. Управление его обличает в нем стойкость, твердость, энергию и, вместе с тем, способность стоять выше всяких дрязг, мелких препирательств,

сплетен и т. д., а в последние годы ничем, кроме этого вздора, гг. профессора консерватории не занимались.

Об опере моей ни слуху, ни духу, и я начинаю думать, что в нынешнем сезоне она вовсе не пойдет.

Где-то Вы, дорогая моя? Дойдет ли это письмо прямо до Вас, или Вы уже покинули Belair? Как бы я рад был, если бы Вы решились поехать в Италию. Будьте здоровы, милый друг!

Ваш беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

306. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
11 декабря 1885 г.

Милый, дорогой друг!

Очень давно я не писал Вам. Всё последнее время я по горло погружен в корректуры симфонии своей «Манфред». Нужно во что бы то ни стало, чтобы она была готова к началу января, и ради этого я прикован к своему столу без отдыха. На несколько дней ездил в Москву по делам Музыкального общества. Между прочим, на меня было возложено очень неприятное поручение переговоров с Эрдмансдерфером о заключении с ним контракта на будущие три года. Нужно Вам сказать, что дела Музыкального общ[ества] очень непрочны. Рядом с ним понемножку упрочилось и возросло до серьезной конкуренции другое общество, под названием Филармонического. Результатом конкуренции—то, что в нынешнем сезоне число наших членов немного уменьшилось [1]. Это немного может превратиться в много, если не поддерживать престиж нашего общества. А между тем, консерватория содержится на доходы Муз[ыкального] общ[ества], и если эти доходы уменьшатся, то самому существованию ее грозит серьезная опасность. Эрдмансдерфер московской публике нравится; она к нему привыкла и очень полюбила его. Сознавая, что, за неимением у нас ни одного русского хорошего дирижера, он очень нужен, этот немец сделался очень требователен. Боясь лишиться его, мы поневоле должны сделать некоторые уступки, но требовалось, чтобы он кое-что уступил из своих требований. И вот я, в качестве человека, к которому он очень благоволит, был уполномочен вести переговоры и покончить дело. Это мне удалось! Но, боже, как было тяжело и трудно, и как я мало способен к делам подобного рода! Как бы то ни было, но этот действительно отличный капельмейстер остается еще на три года

в Москве, и нужно думать, что этим, покамест, обеспечен успех наших концертов.

На последнем концерте исполняли мою Третью сюиту, и публика сделала мне горячую овацию.

Опера моя вряд ли пойдет в этом сезоне. Оперный капельмейстер Альтани заболел серьезно; бог знает, когда оправится, а вследствие этой болезни в театре ничего не делается. Опера «Корделия» (Соловьева)[2], которая должна была идти раньше моей, до сих пор даже не репетируется, а сезон скоро начнет к концу подходить.

Я продолжаю быть вполне доволен своей жизнью здесь в деревне. Ничего лучшего, ничего более соответствующего моим требованиям нельзя придумать, как жизнь в деревне. С каждой поездкой в Москву я всё более и более убеждаюсь, как пагубно действует на меня городская суета. Всякий раз я возвращаюсь сюда совершенно больной, и немедленно воскресаю в своем тихом уголке. В последние дни стоят лунные ночи при тихой, безветренной погоде. Боже мой, до чего они хороши! Вообще русская зима имеет для меня особую прелесть, что, однакож, не мешает мне помышлять о путешествии весной за границу, т. е. в Италию. Думаю из Неаполя проехать морем в Константинополь, оттуда в Батум и по железной дороге в Тифлис к брату Анатолию, где меня уже теперь начинают ожидать с нетерпением.

Как-то Вы, здоровы, дорогая моя? Сознаюсь Вам, что иногда я беспокоюсь о Вас. Почему Вы так упорно остаетесь в Belair? Ведь, сколько я знаю, зимой там не должно Вам нравиться. Почему Вы не в Италии или, по крайней мере, не в Вене? По поводу этих вопросов разные тяжелые мысли приходили мне в голову.

Очень рад буду получить весточку о Вас.

Будьте здоровы и счастливы, насколько возможно.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

307. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
13/25 декабря 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Я так давно не имею от Вас никаких известий, что начинаю беспокоиться о Вашем здоровье. Успокойте меня, напишите, здоровы ли Вы и всё ли у Вас благополучно. Я сама и мои все здоровы. Володя с семейством уехал, и его пребывание оставило во мне самое горькое, самое тяжелое чувство: его здоровье так дурно, его нервы так расстроены, что я не могу быть спокойна ни одной минуты. Всё время, что он у меня пробыл, дней пять, у него были такие не-

вралгические боли головы, что он, при всем своем редком терпении, не мог вставать на ноги, и это так горько было для меня, потому что мне нет большего утешения, как провести хоть несколько часов с ним. Его необыкновенная доброта, его всепрощающая снисходительность действуют как бальзам на мою наболевшую душу, а тут, хотя и в болезни, он всё так же бесконечно добр, но мне смотреть на его страдания было ужасно. При таких расстроенных нервах ему необходимо душевное спокойствие, а где его взять?

Сегодня у нас здесь рождество, везде оживлено, всем весело. Скоро и наши праздники. Поздравляю Вас, дорогой мой, с наступающим праздником рождества и Новым годом, дай Вам бог всего, всего самого лучшего, а главное, здоровья и душевного спокойствия.

У нас вчера и сегодня стало холодно, т. е. ночью нуль градусов, а днем градусов пять тепла, а то была очень теплая и ясная погода,— днем было по двадцать три градуса тепла. Вообще у нас климат чудесный; он не такой уже теплый, как у Средиземного моря, главное, так сказать, timbre воздуха не такой расслабляющий, как там, но вполне теплый, с свежестью нашего конца марта. У нас климат очень похож с флоренским, и зима также зеленая: лавры, рододендрум, le haux (не знаю, как по-русски), магнолии, вся трава и много других растений остаются всю зиму зелеными. Я окончательно решила не ехать в Италию, потому что, как Вы теперь сами чувствуете, милый друг мой, что у себя лучше всего, так и мне очень не хотелось бросать мой собственный приют на чужую дачу. Я отдала уже нанятую мною дачу во Флоренции моему Сашонку для жизни, и они, бедные, очень жалуются на полнейшее расстройство этого помещения; несмотря на то, что до мая в ней жил два года князь Голицын, но камины все дымят, calorifère не греет, клопы, тараканы и муравьи осаждают их. Им, бедным, холодно и страшно вдвоем на такой огромной даче. К праздникам они приедут ко мне.

Владислав Альбертович вместе с пианистом, который у меня дает уроки, устроили квартет и каждую среду разучивают Ваш Третий квартет, и все эти господа в восторге от Вашей музыки, а они, кроме одного (вторая скрипка) любителя, все — настоящие музыканты. Первая скрипка — это венгерец, ученик Remenyi, отличный скрипач; виолончель — негр Jimenez, ученик лейпцигской консерватории, великолепный виолончелист. Влад[ислав] Альберт[ович] играет на альту, и для этого на последние свои сбережения купил в Париже чудесный альт. Мне ужасно жаль, что я не могу присутствовать при этих сеансах, но мне неловко — они собираются в квартире нашего пианиста, а к себе я не могу пригласить, потому что в деревню они не могут ездить,— все люди занятые, которые не могут терять времени на проезды. Но я надеюсь всё-таки услышать, если они будут играть перед публикою.

Пожалуйста, дорогой мой, напишите хоть слова два. Будьте здоровы, мой несравненный друг, и не забывайте всею душою Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Прошу Вас, дорогой мой, сожгите мое последнее письмо, в котором я писала о своих семейных делах и отношениях. Я также Ваше письмо сожгла, потому что никогда нельзя поручиться, чтобы не попалось кому-нибудь в руки.

308. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
18 декабря 1885 г.

Милый, дорогой друг мой! Вчера я получила Ваше письмо и совершенно успокоена им, что касается до Вашего здоровья и благосостояния, но крайне встревожена тем, что вижу из него, что Вы не получили моего предпоследнего письма, которое именно я никак не желала бы, чтобы попало в чужие руки, потому что в письме этом я говорила об особе, близкой нам обоим, и при этом выражала Вам свое горе, свою тоску и заботы по семейным отношениям, а мне до высшей степени неприятно, что письмо это не только не попало к Вам в руки, но, вероятно, попало к кому-нибудь другому. И я придумать не могу, какой это артист занимается этим; у нас здесь отдаются письма тому facteur, который приносит нам письма со станции; ему неинтересно открывать эти письма, потому что он не поймет их. Прошу Вас, дорогой мой, приказать поискать в Майданове или на станции в Клину, или не пересылали ли Вам писем в Каменку или еще куда-нибудь. Письмо это послано мною приблизительно около 10 ноября; ужасно это неприятно.

У нас сегодня чуть-чуть выпал снег по температуре на нуле. Горячо благодарю Вас, дорогой мой, за Ваше участие о моем здоровье, но я из Belair не уезжаю, потому что мне очень приятно находиться, во-первых, в своей собственности, а во-вторых, в деревне, где мы пользуемся и полнейшею свободою и воздухом целый день. Можно сказать, что мы живем на воздухе, потому что то окна отворены, то сами мы выходим гулять, то играем в крокет, то едем кататься, и только вечером сидим в комнатах. Для музыки здесь также довольно удобно: есть хорошие музыканты, и можно устроить что-нибудь. Ваша музыка находит горячих поклонников. Знаете, дорогой мой, на праздник рождества в парадной обедне в здешнем соборе наш пианист, он же и органист собора, сыграл Ваш марш из «Jeanne d'Arc», как вступление к обедне. Я очень жалею, что не была в церкви; он говорил, что этот марш очень хорош на органе. Он взял его из Clavierauszug'a всей оперы, который я ему дала, и вообще я ему дала много и других Ваших сочинений для фортепиано. Он в восторге от них, мне это нравится. Я играла с ним также в четыре руки нашу Четвертую симфонию, и мне было очень приятно видеть, как он восхищался ею. А у меня нет еще Вашей Третьей сюиты. Читали ли Вы, дорогой мой, что в Берлине также исполняли Вашу Третью сюиту, под дирижерством Клиндворта? Молодец он за это.

Я на днях послала Вам письмо, милый друг мой, и потому сегодня не пишу больше. Будьте здоровы и спокойны, дорогой, несравненный друг мой, и не забывайте горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Как мне жаль Вас, милый друг, за ту пытку, которую, я воображаю себе, Вы выдержали при переговорах с Эрдмансдерфером, но, слава богу, что это уже назади. Но как печально, что положение Музык[ального] общ[ества] так ухудшается. Как смерть одного только человека много разрушила; правда, этот один был и великий художник и энергичная натура.

309. Чайковский — Мекк

[Майданово]
23 декабря 1885 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сейчас получил письмо Ваше, в коем Вы высказываете беспокойство о письме, не дошедшем до меня. Поспешаю успокоить Вас. Мне кажется, что некоторые мои письма не дошли до Вас; Ваши же, если не ошибаюсь, я получил все. То письмо, в котором Вы писали о близких нам обоим людях, помечено 13/25 ноября. Я получил и отвечал Вам на него, и этот ответ до Вас, наверно, дошел, так как в предпоследнем письме Вашем Вы говорите мне, что сожгли его, а мне поручаете сжечь Ваше, что я сейчас и сделал[1]. Если было еще Ваше письмо о том же предмете, то действительно оно где-нибудь застряло, но мне кажется, что другого письма не было и что тут какое-то недоразумение. А впрочем, почта действительно неисправна, ибо одно или два письма, адресованные ко мне братом и его женой из Тифлиса, до меня не дошли.

Еще раз желаю вам, дорогой друг мой, хорошо встретить праздники и Новый год.

Меня очень успокоило то, что Вы пишете по поводу Вашего пребывания в Belair. Я боялся, что обстоятельства почему-либо принуждают Вас там оставаться, и, зная, как Вы любите свободу, беспокоился.

Будьте здоровы, дорогая моя! Юлье Карловне, Людмиле Карловне, Владиславу Альбертовичу шлю сердечные приветы.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

1886 год

310. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
7 января 1886 г.

Дорогой, несравненный друг! Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и от всего горячо Вас любящего сердца желаю Вам исполнения всех Ваших задушевных желаний, удовлетворения всех стремлений, спокойствия безмятежного и полнейшего здоровья. От души благодарю Вас, дорогой мой, за Вашу телеграмму на Новый год, но я не могла отвечать на нее по телеграфу, потому что едва ли можно посылать иностранные телеграммы в Майданово. Мы встретили и провели свои праздники хорошо, были Макс и Сашок с Анею; теперь опять все разъехались, и мы опять остались вчетвером. Милый друг мой, к большому моему горю, я не получила Вашего ответа на мое письмо, касающееся близких нам людей, и потому-то и думала, что Вы не получили моего письма, а сожгла я Ваше письмо еще год назад, письмо на такой же предмет. Мне до крайности обидно, что я не получила этого письма Вашего, так как этот предмет сильно трогает меня за сердце. Поищите, дорогой мой, не осталось ли оно где-нибудь у Вас на столе, или не забыл ли Ваш Алеша его отправить? Я очень желала бы его получить.

В бытность Сашонка, я много слушала игры в четыре руки на фортепиано, но я, впрочем, и сама играю с нашим пианистом Ваши сочинения и имею самообольщение находить, что никто, даже из профессиональных пианистов, не интерпретирует так верно нашу Четвертую симфонию, Вашего Второго квартета и одного номера из Первой сюиты, как я??!! Нет, но, право, без всяких шуток, никто с таким благоговением не относится к Вашей музыке, как я, и, вероятно, потому никто и не понимает ее так, как я. Другие понимают в Ваших сочинениях только музыкальные стороны, я же сверх того слышу в них и разделяю чувства, выражения, поэтому в финальной части нашей симфонии есть место, которое я боготворю и которого я не могу слышать, когда исполняют его без меня, потому что оно проходит бесцветно, гладко; выражения такого горя и мольбы, от которых сердце может надорваться, проходят незаметно, а когда я играю, то я каждого нового пианиста заставляю, требую, чтобы он сыграл это хорошо, и помогаю ему в этом своим аккомпанементом. О, музыка, музыка, какое это благо для человека! Сколько тяжелого, горького

она облегчает, заставляет забывать! Благословенны Вы, проводники этого божественного искусства, пусть бог наградит Вас за то врачевание, которое Вы доставляете человеческому сердцу.

Ваши сочинения, дорогой мой, очень пропагандируются в Touraine и в Париже; ученики Ваши горячо их распространяют: в Touraine — Владислав Альбертович, а в Париже, я думаю,— Брандуков, виолончелист. Недавно мне говорили, что в Париже играли Ваше trio, исполнителями были Marsick, Брандуков и не помню, кто пианист. Здесь же играют Ваш Третий квартет и недавно исполняли Вашу Струнную серенаду, и хотя играли только четырьмя инструментами, но, тем не менее, она привела в восторг слушателей. Это было в частном доме в Tours, куда Влад[ислава] Альб[ертовича] пригласили на вечер, и было много публики. Мой пианист на этом же вечере играл одну из Ваших фортепианных пьес, и вообще Ваша музыка здесь постоянно в ходу, потому что Влад[ислав] Альб[ертович] приобретает здесь большие знакомства, его часто приглашают, и это дает возможность знакомить публику с Вашим именем, потому что ведь Вы знаете, что они кроме своего французского ведь ничего не знают, где что делается, но надо отдать им справедливость, что умеют, по крайней мере, ценить то, что хорошо. Про музыкантов уже и говорить нечего, но и публика в восторге от Ваших сочинений.

Скажите, дорогой мой, почему Вы думали, что меня что-нибудь принуждает жить в Belair? Чему Вы приписывали? Мне очень интересно это знать, не откажите, милый друг, сообщить мне это. На днях я хочу проехаться в Париж и тогда возьму там перевод, дорогой мой, который сейчас и пошлю Вам; но если он день-другой запоздает, то простите это, милый друг мой, потому что здесь нельзя брать перевода. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Сашок всё слабенький в своем здоровье, но, конечно, не сумасшедший, как протрезвонили в Москве, к несчастью, всё те же близкие люди. Нет, голова его яснее и правильнее рассуждает, чем у многих других, а малокровен, и поэтому устает скоро, не может много выдерживать.

311. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
13 января 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Очень, очень давно не писал я Вам. Пребывание в Петербурге на этот раз было для меня как-то особенно тяжело и трудно. Во-первых, вскоре после прибытия, дня через два или три, я пришел в такое сильное нервное расстройство, что был один день, когда я пролежал, не будучи в состоянии двигаться, и брат Модест настолько испугался, что привозил ко мне известного доктора Бертенсона. Во-вторых, помимо нездоровья, отнявшего у меня не-

сколько дней, я, по обыкновению, так был утомлен бесконечными посещениями и посетителями, что решительно не в состоянии был беседовать письменно с кем бы то ни было, даже с Вами. Наконец с сегодняшнего утра я опять у себя в деревне и снова наслаждаюсь тишиной и свободой.

Никаких особенно приятных впечатлений из Петербурга я не вынес. Оперы мои почему-то вовсе в последнее время не даются, и это мне тем более обидно, что необычайный успех «Онегина» должен бы, казалось, поощрять дирекцию больше и чаще давать его. «Мазепу» во весь сезон не давали ни единого раза!!! Новую симфонию мою, «Манфред», играть там не собираются и совершенно игнорируют ее. Во всём этом я не вижу какой-либо враждебности ко мне, ибо врагов у меня вообще нет, а, скорее, какое-то невнимание, всё-таки несколько обидное для моего артистического самолюбия. Вообще, этот сезон для меня неблагоприятен. В Москве решено не давать в нынешнем сезоне оперу «Черевички» (а я так нетерпеливо ожидал этого!).

Теперь я хочу месяца два хорошо поработать над оперой и по возможности не выезжать из Майданова. В марте собираюсь поехать на Кавказ к брату Анатолию, провести там месяц и оттуда морем в Италию и Францию. Доктор Бертенсон сказал, что мне необходимо в нынешнем году пить воды в Виши, и я хочу непременно это исполнить, ибо здоровье мое в самом деле требует принятия каких-либо мер против всё увеличивающегося катара желудка. В начале июня надеюсь вернуться в Майданово и всё лето проработать, предварительно набравшись свежих сил в Виши.

Сообщу Вам, дорогой друг, очень обрадовавшее меня известие, полученное сегодня. Дело в том, что, видя деревенских детей в Майданове вечно праздными и без толку шляющимися, я уже давно начал переговоры с здешним «батюшкой» об устройстве школы. Оказалось, что это возможно, если я буду ежегодно жертвовать известную сумму. Я изъявил готовность на это; «батюшка» начал месяца два тому назад хлопоты, а теперь получен указ о разрешении открытия школы, и с этой недели уже начнется учение. Очень мне это приятно!

Вчера в Петербурге я был донельзя обрадован посещением сына Вашего Макса, который только что от Вас вернулся и сообщил утешительные о Вас известия.

Будьте здоровы и счастливы, дорогая моя!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Теперь я буду аккуратно писать Вам каждую неделю.

312. Чайковский — Мекк

Майданово,
14 января 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня получил Ваше заказное письмо и спешу ответить Вам. Теперь я ясно вижу, что большое письмо мое, в котором я писал о близких нам людях, пропало. Но я не особенно сожалею об этом. В письме этом я пытался утешить Вас и вместе с тем подробно рассказывал о том, как и я с своей стороны испытываю огорчения, изливающиеся из того же источника, о том, какая бездна образовалась между мной и ними!.. В сущности, это письмо, кажется, только еще больше расстроило бы Вас—и бог с ним!..

Вы спрашиваете, почему я выразился о Вас, что не принуждены ли Вы жить в Belair? Так как Вы ставите вопрос прямо, то я должен и отвечать прямо. Месяца полтора тому назад Анна говорила мне, что вследствие некоторых причин Ваше денежное положение чрезвычайно стесненное и что Вы поневоле должны оставаться на одном месте. Не могу Вам выразить, как это мне было тяжело узнать и как мне хотелось получить от Вас прямое подтверждение того, что говорила Анна. Не зная, имел ли я право обратиться к Вам с этим вопросом прямо, я и прибег к форме догадки, в которой сказалось мое беспокойство о Вас. Я очень тревожился и мучился в неизвестности... Быть свободным, жить так, как мне хочется, и где хочется, пользоваться всеми благами материальной обеспеченности, следовательно, быть вполне счастливым и в то же время думать, что Вы, именно Вы принуждены стеснять свою свободу,— это для меня просто убийственно!..

Милый друг! Благодарю Вас за теплые выражения Ваши о моей музыке. Нисколько не сомневаюсь, что Вы более чем кто-либо на свете верно и чутко отзываетесь на каждую мою музыкальную мысль, если она прочувствована, а я без ложной скромности могу сказать, что какие бы ни были у меня недостатки, но пишу я всегда искренно и не вследствие побуждений рассудочного свойства. Благодарю Вас также, дорогая моя, за стремление пропагандировать мою музыку в Вашей местности. По поводу Парижа Вы говорите, что, вероятно, Брандуков хлопочет о ней. Нет, есть другой человек, посвятивший себя популяризации во Франции моих сочинений. Некто M-r Félix Mackar, занимающийся музыкальной торговлей, движимый отчасти любовью к моим произведениям, отчасти, может быть, и расчетом (дай бог, чтобы расчет этот был верен), приобрел нынешним летом от Юргенсона

П. И. Чайковский

С фотографии 1886 г.

за довольно крупную сумму право на все мои сочинения для Франции. Он очень энергически хлопочет, пристает к гг. Lamoureux и Colonne, чтобы они меня играли, устраивает сеансы из моей музыки (прилагаю программу подобного сеанса), пишет мне восторженные письма и, одним словом, поставил целью своего существования привитие к французской публике моей музыки. Материальных выгод от всей этой хлопотни для меня нет никаких, но меня очень радует, что в лице г. Mackar'a я имею такого пламенного и деятельного поборника. Кстати, дорогая моя, если Вам представится надобность в нотах из Парижа, сделайте одолжение, обращайтесь к этому музыкальному торговцу (Paris, Passage des Panorama, 22, M-r Félix Mackar). Я был бы очень рад, если бы он сделался Вашим поставщиком нот. То и дело я получаю от него афиши концертов, где что-либо мое исполнялось, вырезки из газет, лестно отозвавшихся, и вообще между нами теперь идеть очень деятельная переписка[1]. Если буду в Париже весной, как предполагаю, познакомлюсь с ним. Судя по письмам, это должен быть очень милый и симпатичный человек.

Я произвел, согласно Вашему желанию, следствие о пропавшем письме, но совершенно тщетно. Только уверяю Вас, дорогая моя, что Алексей во всяком случае не виноват в пропаже. Он безусловно аккуратен и честен в этом отношении.

Сегодня был у меня здешний священник и пригласил на открытие школы, имеющее случиться в воскресенье девятнадцатого числа. Горжусь тем, что инициатива этого поистине хорошего дела была с моей стороны. Авось, из нашей школы толк выйдет. «Батюшка» здешний человек, кажется, хороший и умный, но, увы, подверженный столь распространенному у нас пороку пьянства. Только с этой стороны я опасаюсь за благополучие школы.

Всё более и более убеждаюсь, что мне совершенно необходимо будет полечиться весной в Виши. Здоровье мое нехорошо. Например, вчера и сегодня я совсем скверно себя чувствую вследствие отвратительного состояния желудка. Всего неприятнее то, что, несмотря на крайнюю осторожность и умеренность, мне всё-таки нездоровится. Впрочем, ничего серьезного в этом нет, и я нисколько не сомневаюсь, что лечение в Виши совершенно поправит меня.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой!

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

От души благодарю Владислава Альбертовича за старания познакомить жителей Тура с моей музыкой.

313. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
23 января 1886 г.

Дорогой, милый друг мой!

Пишу Вам под впечатлением прогулки, совершённой только что в окрестностях Майданова. После нескольких дней жестокого ветра с вьюгой, заставившего даже меня сидеть безвыходно дома, сегодня наступила дивная зимняя погода, один из тех зимних солнечных дней, которые своей невыразимой прелестью могут заставить забыть, что где-то на юге солнце, цветы и почти вечное лето. Я наслаждался до слез, и прогулка эта возымела на меня необычайно благотворное действие. Нужно Вам сказать, что я теперь совершенно поглощен своей новой работой (оперой «Чародейка») и, по скверной своей привычке, до того напрягаю свои силы, до того устаю к вечеру, что утомление отозвалось на нервах, и вчера я чувствовал себя отвратительно. К тому же, по причине ужасной погоды я мало двигался и мало дышал чистым воздухом. Но сегодняшний день воскресил меня совершенно, и я опять здоров и полон энергии к работе. К сожалению, завтра по делам мне необходимо ехать в Москву и остаться там несколько дней.

Школа, о которой я Вам писал, открыта двадцатого числа молебном, речью батюшки и раздачей, в виде поощрения, книжечек каждому из учеников. Их всего набралось пока двадцать восемь человек. Сегодня я провел всё утро в школе и присутствовал при уроках диакона и священника. Метода их преподавания оставляет желать весьма многого. В особенности меня поразил неистовый гвалт, происходящий во время учения, потому что диакон заставляет учеников громко выкрикивать то, что он тут же задает им выучить. Если бы я был учеником этого диакона в этой школе, я бы убежал от невыносимого шума. Но, будучи совершенно несведущим в педагогии, я воздерживаюсь от критики этой странной методы и рад, что как бы ни учились, а всё-таки учатся. Обращаются с детьми как диакон, так и священник очень мило, с патриархальной простотой и лаской.

Работа моя так быстро подвинулась, что два акта уже почти целиком готовы. Но остается их еще три. Будущий месяц еще проработаю над оперой, а в половине марта уеду на три месяца. Необходимо дать себе большой отдых, необходимо и полечиться в Виши. В одном из следующих концертов Муз[ыкального]

общества будут играть моего «Манфреда». Я очень волнуюсь при мысли о чрезвычайной трудности его.

Дай Вам бог всякого благополучия, дорогой, бесценный друг мой!

Ваш, беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

314. Мекк — Чайковскому

Belair,
28 января 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Пишу Вам только несколько слов, чтобы предупредить Вас, что вчера я послала перевод Вам в Майданово. Простите, ради бога, дорогой мой, что опаздываю с этим, но я в Париж сама не попала, потому что накануне моего отъезда выпал такой снег, что я боялась на железной дороге засесть в снегу,— они ведь здесь не умеют со снегом справляться, и поезда всегда опаздывают. Поэтому мне пришлось обратиться в Париж за переводом, но этот Crédit Lyonnais так рассердил меня своими непомерными требованиями, что я выписала перевод из своего банка в Мюнхене. Я говорю с в о е г о, потому, что с этим банком я имею постоянно дела, у них всегда есть мои деньги и мои бумаги на хранении. И вот по этим-то причинам перевод опаздывает.

Я не пишу Вам больше ничего, дорогой мой, потому что у меня есть спешное д е л о в о е писание, а как только я его кончу, так сейчас напишу Вам еще. Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

315. Чайковский — Мекк

Москва,
4 февраля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Спешу уведомить Вас, что сегодня, заехав по пути на станцию в Клинскую почту, я получил пакет с вложением п е р е в о д а. Так как ранее этого до меня дошло письмо Ваше, в коем Вы сообщаете, что перевод выслан н а к а н у н е, то, признаюсь, я несколько беспокоился мыслью о пропаже пакета с переводом. Тем более я был рад получить его.

Как мне трудно в этих случаях ограничиваться простым заявлением, «ч т о я п о л у ч и л и б л а г о д а р ю»! Если бы Вы только вполовину могли знать всю неизмеримость блага, которым я Вам обязан, всё неизмеримое значение той «с а м о с т о я т е л ь н о с т и» и свободы, которое вытекает из моего независимого положения[1]. Ведь жизнь есть непрерывная цепь маленьких дрязг, мелочных столкновений с людским эгоизмом и амбицией, и стоять

выше всего этого можно, только будучи самостоятельным и независимым. Как часто мне приходится говорить себе: хорошо, что так, а что если бы этого не было?

Не далее, как в самое последнее время, я имел несколько весьма неприятных столкновений, которые только оттого не привели к ссоре из-за мелочных расчетов и не подействовали на меня убийственно расстраивающим образом, что я мог пренебречь и стать выше нанесенного мне ущерба. Да, были десятки тысяч случаев из моей жизни за последние годы, когда особенно живо чувствовалось, как бесконечно я должен быть благодарным Вам. А между тем, я обыкновенно уведомляю Вас о получении, как будто это что-то должное мне. Нет пределов моей благодарности Вам, дорогая моя!

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш П. Чайковский.

Я напишу Вам из Майданова, почему так часто теперь бываю в Москве. Как это утомляет меня!

316. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
6 февраля 1886 г.

Милый, дорогой друг!

Я написал Вам из Москвы письмецо с извещением, что перевод мною получен; надеюсь, что письмецо это дошло, но на всякий случай еще раз спешу от глубины души поблагодарить Вас!

Сегодня вернулся из Москвы, куда теперь каждую неделю езжу и буду еще несколько раз ездить по случаю еженедельных концертов Рубинштейна. Если б дело было только в том, чтобы слушать этого удивительного пианиста, то, несмотря на неохоту часто покидать свое местожительство, я бы не тяготился поездками; но каждый раз приходится бывать на всевозможных обедах и ужинах, даваемых в честь Антона Григорьевича, а это, по большей части, невыносимо скучно и пагубно влияет на мое здоровье. В последнем концерте Рубинштейн играл виртуозные сочинения, т. е. Гензельта, Тальберга, Листа и т. д. Художественных достоинств во всём этом мало, но исполнение в самом деле удивительное. В предыдущем концерте игрались произведения Шумана, а в следующем—Шопена. Затем будет концерт, посвященный русской музыке, и этим закончится цикл этих, небывалых по громадности программ и трудности ее, концертов. Это придется на масленице. Не успеешь оглянуться, как наступит март,—я пред-

приму свое давно задуманное путешествие, и таким образом мне теперь до самого лета уж не придется серьезно работать. Я и рад этому, ибо живо сознаю необходимость поотдохнуть и полениться немножко, и вместе с тем жаль, что столько времени пропадет для о п е р ы, половину которой, однакоже, уже успел написать[1].

«М а н ф р е д» мой пойдет в симфоническом концерте 11 марта. Мне кажется, что это лучшее из всего мною написанного. Как бы я хотел, чтобы Вы услышали эту симфонию!

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

Беспредельно благодарный и преданный Вам

П. Чайковский.

317. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
14 февраля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я продолжаю кочевать еженедельно из Москвы в Майданово и из Майданова в Москву. Предстоит еще один, последний концерт, в котором между прочим Ант. Рубинштейн будет мои вещи играть, так что невозможно не быть[1]. Да, впрочем, если б только всё ограничивалось концертом, так оно бы, пожалуй, и приятно было ездить в Москву (ибо никогда еще Рубинштейн так превосходно не играл, как на этих исторических концертах), но положительно несносны все эти обеды и ужины, на коих из приличия надо быть и которые на мое здоровье действуют отвратительно. Сегодня я чувствую еще себя несколько лучше, но вчера я был совершенно болен, а расположение духа моего так скверно, как давно не было[2]. Странная вещь! Мне предстоит теперь большое трехмесячное путешествие, необыкновенно интересное; в прежнее время я бы радовался этой перспективе, теперь мне как-то жутко и страшно так далеко и долго ехать, и я не знаю, чего бы я не дал, чтобы можно было спокойно сидеть на месте. Всякая охота к работе в последние дни пропала, не хочется ни читать, ни играть, ни гулять. Хочется плакать. Просто нервы расстроены от поездок в Москву...

Праздник, данный Москвой Рубинштейну, очень удался. Он был, видимо, тронут любовью, которую так энергично, страстно выказала ему Москва. Нужно сказать правду, что Рубинштейн достоин воздаваемых ему почестей. Кроме того, что он исключительно одаренный художник, но и человек он безусловно честный, великодушный, стоящий и всегда стоявший выше всех тех отвра-

тительно-мелочных дрязг, которыми переполнена жизнь всевозможных музыкальных кружков. Если б Вы только [знали], до чего у нас в Москве дошли эти взаимные пререкания и мелкие ссоры между лицами, принадлежащими к музыкальному миру!

На последнем концерте Рубинштейна я видел Колю. Он сообщил мне, что Анна наверно беременна; теперь уж нельзя сомневаться в этом, и врачи приговорили ее три месяца пролежать в постели. Сестра моя приезжала в Москву и несколько дней прогостила у них. Мне очень хочется съездить перед моим большим путешествием в Петербург, но едва ли найду возможность и там побывать, и в Майданове хоть несколько дней отдохнуть, и быть на репетициях моего «Манфреда», который пойдет 11 марта, в день смерти Николая Григорьевича. А двенадцатого числа уж нужно ехать!

До отъезда я еще раза два напишу Вам, дорогая моя! А пока до свиданья. Будьте здоровы, счастливы, покойны.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Зима стоит довольно суровая, но было несколько дней удивительных. Теперь стало пасмурно, тоскливо.

318. Мекк — Чайковскому

Belair.
15/27 февраля 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Только что теперь я немного освободилась от делового писания, которое доводило меня до изнеможения, зато теперь я с наслаждением сажусь за письмо к Вам. Прежде всего горячо благодарю Вас, дорогой мой, за то, что Вы не считаетесь со мною письмами, и уверяю Вас, что это самое доброе дело, какое только можно сделать: тяжелых и неприятных писем я имею массу, а приятных, отогревающих душу — только от Вас.

Как бы и мне хотелось слышать Вашего «Манфреда». Это одно, чего я так жалею в Москве, это — Вашей музыки, которою здесь я могу только наслаждаться в четырехручном переложении. Скажите, дорогой мой, Ваша симфония «Манфред» будет с пением или один оркестр? Как только выйдет в четыре руки для фортепиано, я сейчас приобрету. Очень Вам благодарна, милый друг мой, за указание мне поставщика для нот, M. Mackar'a. Это для меня большое удобство получать их от него, потому что до сих пор я всё выписывала из Москвы или из Вены, и из Москвы должна была ждать три недели, а теперь я получаю их через два дня. Он очень быстро высылает, и уже много выписала от него Ваших сочинений, а также и других нот, и еще раз очень, очень благодарю Вас; мне, к тому же, очень приятно иметь дело с человеком, который умеет ценить Ваши произведения. А здесь, в Tours, Вы имеете страстного поклонника в особе того скрипача-венгерца, Plátanéy, о котором я Вам писала. От Ваших квартетов, в особенности

от Второго, он в таком восторге, что после него уж ничего и играть не хочет; в этом квартете участвует и его жена, как вторая скрипка, и Влад[ислав] Альб[ертович] говорит, что исполняет свое дело очень хорошо. А на днях они играли Ваш Первый квартет в таком составе: первая скрипка — Gradvalle (здешний concertmeister), вторая скрипка — Влад[ислав] Альб[ертович], alto — Plátanéy и виолончель — чудесный виолончелист, негр Jimenez; это, должно быть, было очень хорошо. Играли его в Château Beaumanair у тестя Plátanéy.

Какое хорошее дело Вы устроили в Майданове, друг мой, что завели там школу. Это так тяжело видеть такую безграмотность, какая у нас в России; подумайте только, друг мой, у меня служит давно горничная, русская молодая девушка из духовного звания, сестра священника и — безграмотная, тогда как другие две горничные у меня, одна из Вены, другая француженка,— и обе, конечно, грамотные. Во Франции теперь обязательно с шестилетнего возраста посылать детей в школу. Дай Вам господи здоровья и сил продолжать такие полезные дела. Ради бога, дорогой мой, не запускайте Вашего здоровья, непременно поезжайте в Виши; эти воды очень помогают. Я также часто пью их, но в России; а, конечно, на месте они гораздо полезнее.

От души благодарю Вас, дорогой мой, что Вы ответили мне откровенно на мой вопрос, почему я вынуждена сидеть в Belair, и прошу Вас усердно, мой несравненный друг, без всякого стеснения спрашивать прямо меня, о чем бы Вам ни хотелось знать. Если я не могу чего-либо Вам объяснить, я откровенно и отвечу Вам, что не могу сказать, но думаю, что я всё могу говорить Вам откровенно. Теперь вернемся к тому, что Вам сообщили по поводу моего пребывания в Belair. Сознайтесь, дорогой мой, что Вы не всё сказали мне об этом сообщении,— Вам говорили, что я стеснена в денежном отношении, потому что Володя меня обирает; не правда ли, дорогой мой, что я угадала, но это и неудивительно: ведь это стереотипная фраза у некоторых людей[1]. Так вот, дорогой мой, я скажу Вам, что не только Володя меня не разоряет, не только он никогда и ничего у меня не просит, но Володя и единственно Володя помог мне распутать и устроить дела после смерти моего мужа. Я не хочу сказать этим, что другие мои сыновья не хотели мне помочь в этом,— нет, но они были маленькие мальчики одиннадцати и двенадцати лет, и Володя, как старший и взрослый, хотя очень молодой (двадцати двух лет) заступил место своего отца, и когда оказалось, что дела в таком состоянии, что мы очутились на шаг от разорения, то все, которые заявляли себя нашими друзьями и преданными людьми, повернули оглобли в сторону, и одни повели интриги против нас, другие просто стали ловить рыбу в мутной воде, а третьи с печальным видом заявили, что ничего не могут сделать, чтобы остановить наше разорение, и таким образом я и Володя остались одни, да еще под градом пуль людской злобы и злорадного желания доконать нас. Но мы энергично вдвоем принялись за дело и с помощью только бога одного распутали и устроили всё так, что я и не знаю, как мне благодарить бога, и всё то, что Вам рассказывают о моем стесненном положении,—басни, выдуманные для того, чтобы обвинять Володю. Я скажу Вам, дорогой мой, сколько я проживаю в год, и Вы увидите, можно ли быть стесненною при этом. Я проживаю больше двухсот тысяч рублей в год; не правда ли, что можно, не стесняясь, жить, где угодно? Вам скажут, что у меня есть еще долги; да, это верно, но это есть аванс, который я беру из своих доходов и доходами же и уплачиваю их.

Так я теперь купила дом на свое имя, но для того, чтобы Володя жил в нем, потому что я не могу выносить, чтобы тот, кто есть теперь представитель нашего имени, у которого в руках сосредоточены все дела отца его, который логично занял перед обществом и правительством место своего отца, жил бы как мелкий чиновник, шатался бы по квартирам, не имел бы средств никого принять прилично. А Володе приходится принимать весьма высоких лиц, потому что, повторяю, ему пришлось продолжать роль своего отца, и я бы презирала сама себя, если бы я допустила своего старшего сына и представителя имени, весьма известного в Москве, до крайности и нищеты. И все те, которые имеют какое-нибудь соприкасание к имени Мекк, должны быть благодарны мне за то, что я поддерживаю положение этого имени, в лице его представителя, а position oblige*; мещанская обстановка для нашего имени была бы оскорбительна для памяти того человека, который сделал это имя так известным. И вот почему я даю Володе больше, чем другим своим детям, я даю ему на представительство, и все другие Мекк должны быть мне за это благодарны, а между тем я и теперь вижу, как в Москве недовольны за мою покупку дома, но, конечно, они делают этим то, что чем больше они ненавидят Володю, тем больше я буду заботиться о нем.

Вот Вам, дорогой мой, настоящая истина, я уверена, что Вы понимаете меня. А за мои средства прошу Вас, дорогой мой, не беспокоиться; я только и прошу бога, чтобы они до конца моей жизни остались такими, какие они есть теперь.

Через неделю ровно, в будущую субботу, 22 февраля, я хочу уехать отсюда в Вену, потому что там кончается срок моей квартиры, и я хочу найти другую. Прошу Вас, дорогой мой, следующие письма адресовать опять в Вену: Kaiser Josefstrasse, № 20. Простите, милый друг мой, что это письмо написано так неопрятно, но сегодня какой-то фатальный день: я всё капаю чернилами.

Вот написала-то Вам длинное послание, Вы устанете читать, но теперь до Вены не буду Вам писать, дорогой мой, потому что буду укладываться. По дороге я остановлюсь в Париже дня на три и в Вене, вероятно, буду к 1 марта. Будьте здоровы, мой дорогой, милый друг. Всею душою беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

319. Чайковский — Мекк

1886 г. февраля 21—25. Майданово.

С. Майданово,
21 февраля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Получил сейчас Ваше последнее большое письмо из Belair и прочел его с величайшим интересом и с понятною радостью. Теперь только я уверен, что Вы попрежнему пользуетесь большими средствами и не страдаете от необходимости стеснять свою свободу, что̀ для Вас после многих лет широкого материального раздолья было бы чрезвычайно тягостно. Радуюсь за Вас, дорогая моя, и испытываю полнейшее успокоение от тревоживших меня мыслей.

---

* положение обязывает

Что касается Вашего заступничества за Владимира Карловича, то скажу Вам, что я смутно всегда сознавал, что к нему очень многие относятся несправедливо и что в нападках на него кроется ревность, зависть, пристрастность. Теперь, после Вашего письма, положение его среди семьи окончательно разъяснилось для меня. Что касается публичных толков о нем, то из всего слышанного, а также из всего, что Вы о нем говорите, я вывожу заключение, что Вл[адимир] Карл[ович] — необычайно добрый человек. А так как больше всего в людях я ценю именно это качество, то моя симпатия к нему упрочилась раз навсегда.

Еще раз благодарю Вас, милый друг, за то, что Вы дали себе труд написать мне столь подробное и, вероятно, сильно утомившее Вас письмо.

Я опять провел несколько дней в Москве, присутствовал на последнем концерте Ант. Рубинштейна и на всех прощальных празднествах, устроенных в честь его. На этот раз программа его была посвящена русской музыке. Из моих сочинений он сыграл четыре пьесы, разумеется, бесподобно, но, признаюсь, выбор его мог бы быть удачнее и интереснее. Накануне концерта состоялся в консерватории церковно-музыкальный вечер, на котором один из лучших московских церковных хоров исполнил по программе, мной составленной, различные новейшие сочинения из области церковной музыки. В том числе и несколько моих новых вещей было очень хорошо спето. Вообще в последнее время наша духовная музыка начинает идти по хорошей дороге вперед. Виновником этого движения — сам государь, очень интересующийся совершенствованием ее и указывающий, по какому пути нужно идти. Со мной он дважды беседовал об этом предмете, и все мои последние вещи написаны по его приглашению и в том духе, которого он желает.

25 февраля.

Погода стоит удивительная. Начинается наша чудесная русская весна, и я с грустью помышляю о том, что скоро покину Майданово. Теперь только я понял, что поступил неосторожно, обещав брату Анатолию и его жене посетить их весной. Чем ближе срок отъезда, тем более сжимается мое сердце и тем сильнее хочется оставаться дома. Но меня ожидают с таким нетерпением, что отложить поездку невозможно.

Приветствую Вас в Вене и желаю Вам, дорогой друг, хорошо и со всяким благополучием прожить в Вашем любимом городе.

Будьте здоровы.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

320. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
13 марта [1886 г.]

Милый, дорогой друг!

Довольно давно не писал Вам по причине десятидневного пребывания в Москве и болезни. Я должен был встречать и принимать в консерватории нашего великого князя, и при этом так жестоко простудился, что целую неделю безвыходно просидел в комнате, страдая простудной лихорадкой и нервами. Затем последние два дня посвятил репетициям «Манфреда» и присутствовал на концерте, в коем он исполнялся[1]. Я доволен собой; мне кажется, что это лучшее мое симфоническое сочинение. Исполнено оно было прекрасно, но, как мне показалось, публика мало поняла его и относилась довольно холодно, хотя по окончании мне и была сделана овация. Но это скорее за прежние заслуги; собственно же «Манфред», повидимому, не особенно понравился.

Вчера я вернулся в Майданово вместе с братом Модестом, который приезжал в Москву слушать «Манфреда». Срок моего отъезда в дальний путь приближается, и, как я уже писал Вам, чем дальше, тем менее мне хочется уезжать, и я не знаю, чего бы я ни сделал, чтобы остаться дома. Но ехать по разным причинам совершенно необходимо, и около двадцатого числа я поеду.

Вчера перед отъездом я навестил Колю и Анну. Последняя, как Вам известно, лежит почти постоянно, очень похудела, но, кажется, чувствует себя хорошо.

В день, когда приезжал в Москву вел[икий] кн[язь], состоялся концерт учеников консерватории, на котором присутствовал и вел[икий] князь. Концерт этот произвел самое отрадное впечатление и доказал, какое драгоценное приобретение сделала консерватория в лице своего нового директора Танеева. Серьезность программы, полное отсутствие всякого шарлатанского битья на эффект (каковые явления встречались в последние годы и состояли в том, что перед публикой выставлялись не плоды консерваторского учения, а необработанный, но красивый материал, например красивые голоса едва начавшихся учиться), превосходно обученные хоры и оркестр—всё это произвело на вел[икого] кн[язя] и на всю публику впечатление самое благоприятное. Я горжусь тем, что консерватория мне обязана тем, что она теперь в столь хороших и достойных руках. Зато здоровье Танеева меня беспокоит: он очень утомлен и похудел до неузнаваемости.

Надеюсь, что Вы здоровы, дорогая моя! Дай Вам бог всякого благополучия. До отъезда я еще буду писать Вам.

Ваш, беспредельно Вам преданный.

П. Чайковский.

321. Чайковский — Мекк

Владикавказ,
29 марта [1886 г.]

Милый, дорогой друг!

Как давно я Вам не писал! Где Вы теперь? На всякий случай пишу Вам это письмецо в Вену. В Тифлисе надеюсь получить от Вас весточку и оттуда напишу более обстоятельно. Вот уже две недели, что я почти живу в вагоне. Был в Петербурге, день провел в Майданове, оттуда поехал в Москву и через два дня отправился в Таганрог, где провел два дня у брата Ипполита. Вчера приехал сюда и надеялся сегодня же выехать в Тифлис, но не достал экипажа и лошадей, и выеду завтра. Впрочем, не особенно сокрушаюсь от этой задержки. Погода чудная — совершенная весна. Горы в виду моей гостиницы (отвратительно грязной, хотя и считающейся лучшею), Казбек красуется во всем своем величии, вид изумительно чудный. Таганрог мне понравился. В распоряжении моего брата имеется пароход, на коем мы совершили чудесную прогулку по морю. Расположение моего духа чудесное, здоровье превосходно, одним словом, я чувствую, что путешествие это подействует на меня освежительно и благотворно. Алексея я взял с собой и очень рад, что благодаря этому обстоятельству все хлопоты и заботы о путешествии лежат не на мне.

Надеюсь, что это письмецо перешлют Вам из Вены, в случае если оно не застанет Вас.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

322. Чайковский — Мекк

1886 г. апреля 1—12. Тифлис.

Тифлис,
1 апреля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой! Из Владикавказа я писал Вам и адресовал свое письмо в Вену. Дошло ли оно до Вас? Если нет, то повторю здесь вкратце историю моего путешествия. Из Москвы

я выехал 23 марта прямо в Таганрог, где погостил двое суток у брата своего Ипполита. Оттуда проехал в Владикавказ, где поневоле должен был прожить около двух дней, ибо не мог достать лошадей и экипажа для переезда через горы. Наконец, в воскресенье, тридцатого числа утром я выехал. Так называемая Военно-Грузинская дорога, об которой так много приходилось читать и слышать, превзошла всякие мои ожидания. Знаменитое Дарьяльское ущелье, подъем в горы, в сферу снегов, спуск в долину Арагвы,— всё это изумительно хорошо, и притом до того разнообразны красоты этого пути! То испытываешь нечто вроде страха и ужаса, когда едешь между высочайшими гранитными утесами, у подошвы которых быстро и шумно течет Терек, то попадаешь в только что расчищенный между двумя снежными стенами путь и прячешься в шубу от пронизывающего до костей холода, то приезжаешь на почевку в очаровательную горную местность, где станция снабжена чистыми комнатами, в которых очень приятно отдохнуть; то, наконец, при спуске открываются виды на даль, столь поразительно красивые, что хочется плакать от восторга. Одним словом, трудно представить себе путешествие, более богатое сильными и приятными впечатлениями. К тому же дорога так превосходна, задержек на станциях нет, лошади везут превосходно.

Самый Тифлис мне тоже чрезвычайно нравится. Я нашел здесь все фруктовые деревья в цвету, остальные начинают зеленеть; солнце ярко сияет, в садах повсюду цветы,— словом, переход от Майданова, где я так недавно еще утопал в снегу, в эту южную природу производит обаятельное впечатление. По местоположению, а отчасти и форме построек, Тифлис напоминает некоторые итальянские города, особенно Флоренцию. Я успел уже сегодня исходить город настолько, что познакомился и с его европейскими кварталами, в коих улицы роскошны и магазины напоминают лучшие столичные, и с старыми кварталами, где проживают туземцы. Здесь узенькие улицы с бесчисленными лавками и ремесленными заведениями, работающими на виду у прохожих, кухни, в которых пекутся и варятся местные яства,— всё это напомнило мне переулочки Венеции и Генуи. В общем, Тифлис мне очень по сердцу. Что касается свидания с близкими, то понятно, что после полугодовой разлуки оно было мне тем более приятно, что я всех их нашел здоровыми, веселыми и счастливыми.

6 апреля.

Теперь я уже хорошо ознакомился с Тифлисом и всё наиболее замечательное видел. Был в здешних банях, устроенных на восточный лад, посетил наиболее замечательные церкви и, между прочим, армянскую, в которой меня очень заинтересовали особенности

богослужения вообще и пения в частности; был также в монастыре Давида, на горе, где похоронен Грибоедов; провел один вечер в концерте Музыкального общества, в котором весьма плохой и жидкий оркестр исполнял очень сложную программу при полном почти отсутствии публики. В Тифлисе живет несколько хороших, выдающихся музыкантов. Из них особенно выдаются Ипполитов-Иванов, талантливый композитор, и Корганов, армянин-пианист, бывший ученик Московской консерватории. Они оказывают мне всяческое внимание, и хотя я предпочел бы быть здесь инкогнито, но не могу не быть тронутым выражениями сочувствия и любви со стороны собратов по искусству. Вообще я не ожидал, что в Тифлисе мою музыку так хорошо знают. Оперы мои здесь играются больше, чем где-либо, и особенно «Мазепа» имеет большой успех. Всё это мне очень приятно и подкупает меня в пользу Тифлиса, который и без того мне очень нравится. Погода стоит всё время теплая, но переменчивая; деревья покрываются зеленью, цветов множество повсюду. Весна в полном разгаре.

12 апреля.

Христос воскресе! Поздравляю Вас, дорогой мой друг, с возвращением в Москву и с праздником. Думаю, что Вы уже в Москве и что телеграмма моя дошла до Вас, хотя верных известий о Вас уже очень давно нет у меня. Погода не благоприятствует празднику; сегодня с утра льет проливной дождь и дует холодный ветер. Я останусь здесь до 26-го числа. 27-го еду на пароходе из Батума в Константинополь и затем в Италию и Францию.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

323. Чайковский — Мекк

Тифлис,
23 апреля [1886 г.]

Дорогой, милый, бесценный друг!

Как давно я не имею никаких известий о Вас! Не знаю, в Москве ли Вы, в Плещееве ли? Не пропадают ли письма? Я думаю, что, по крайней мере, месяца полтора, как мне ничего не известно о Вашем здоровье, и в самом деле я немного беспокоюсь и грущу.

Мое пребывание в Тифлисе на исходе. Если бы не то обстоятельство, что мне здесь невозможно было скрываться и что поневоле я должен был вести более или менее светскую жизнь, то я бы мог назвать весь месяц, проведенный в Тифлисе, одним из приятнейших в жизни. Особенное удовольствие доставляет мне лицезрение совершенно безоблачного счастья, которым наслаждаются мои близкие, т. е. брат Анатолий и жена его. Затем мне продолжает в высшей степени нравиться самый Тифлис с его чудным южным климатом и крайней оригинальностью. Здешние музыканты оказывают мне такое внимание и уважение, которые не могут не быть очень для меня трогательными. В субботу, девятнадцатого числа, в здешнем театре было устроено в мою честь большое торжество. Сначала к разукрашенной цветами ложе моей подходили с речами, венками и драгоценным серебряным подарком депутаты от Музыкального общества, театра, публики и т. д. Потом состоялся концерт из моих сочинений с бесчисленными вызовами и овациями. После того был ужин по подписке. Всё это страшно меня утомило, но воспоминание об этом торжестве, подобного которому я еще никогда и нигде не удостоивался, будет мне на всю жизнь приятно [1].

В Италии—холера, вследствие чего пароходы, делающие рейсы между Константинополем и Марселем, в Неаполь не заходят. Итальянские же пароходы идут в Неаполь, но приходится несколько дней сидеть в карантине. Вследствие всего этого я, вероятно, в Италию не попаду, а проеду прямо в Марсель. Впрочем, всё это разъяснится для меня в Константинополе, откуда я Вам напишу, милый друг мой! Мне чрезвычайно неприятна эта неизвестность, так как я не знаю теперь, куда просить адресовать мне письма. Неужели я еще целый месяц останусь без всяких известий о Вас? Погода здесь стоит чудесная: все деревья убрались листьями и цветами; по улицам чувствуется их благоухание; в ясную погоду из Тифлиса хорошо видны Казбек и другие снежные вершины,— одним словом, здесь мне чудесно живется.

Адресую это письмо в Москву, как и предыдущие, в надежде, что если Вы в Плещееве, Вам их перешлют туда.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный, милый друг.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

324. Чайковский — Мекк

Море, близ Константинополя,
3 мая 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

29 апреля я выехал из Тифлиса, не получивши во всё мое пребывание ни одной строчки от Вас или об Вас. Единственно, что я знаю про Вас, это то, что в день пасхи Вы находились в Москве. Но здоровы ли Вы, как Вам в Москве живется,—про это я ничего не знаю и, признаться, немножко беспокоюсь. Ведь по крайней мере два месяца я не получал от Вас ни одной строчки! Ради бога, не примите это за упрек,— я далек от намеренья посетовать на Вас, но, по непривычке так долго ничего не знать про Вас, я беспокоюсь.

Брат и жена его проводили меня до Батума. Железная дорога на этом пути переваливает через горы и отличается необычайной живописностью. Самый Батум лежит в бухте, окруженной со всех сторон высокими лесистыми горами, из-за которых виден и снежный главный хребет. Климат, судя по пальмам, растущим в городском саду, близок к ниццкому. Провел там сутки и вечером тридцатого числа сел на французский пароход, идущий прямо в Марсель, с остановкой на сутки в Константинополе. Боясь холеры или, лучше сказать, карантина, установленного во Франции, пароходы эти не заходят в Италию, и, ввиду карантина и недостатка времени на путешествие по Италии, я решился на сей раз миновать ее и ехать прямо в Париж. В Константинополе мы будем завтра, а оттуда до Марселя шесть дней пути. До сих пор путешествие мое вполне благополучно; погода стоит удивительная, море тихо, как зеркало, берега красивые, наконец, и самый пароход достаточно удобен и комфортабелен. Останавливались мы уже несколько раз, и всего дольше в г. Трапезунде. Я с Алексеем съезжали на берег, обошли весь город, чрезвычайно характерный и оживленный, и взбирались на высокую гору, господствующую над городом и имеющую на вершине своей небольшой греческий монастырь. Эта экскурсия доставила мне большое удовольствие. Наконец-то я увидел настоящий восточный большой город, с базаром, с кофейнями, в коих курят наргиле и пьют кофе из крошечных чашечек, с шашлыком, который жарится тут же в лавочке на вертеле, и т. д. Самый народ турецкий мне скорее симпатичен, а собственно в Трапезунде я нашел, что туземцы необыкновенно красивы,— что же касается туземок, то так как они ходят с закрытыми лицами, то я их не видел.

Общество, среди которого я еду, довольно симпатично, осо-

бенно батумский турецкий консул, необыкновенно милый старик, превосходно говорящий по-французски и немножко по-русски. Еще едет семейство батумского купца-итальянца, состоящее из матери и трех дочерей неописанной красоты. Впрочем, я вижусь с ними только во время завтрака и обеда. В остальное время дня сижу в своей каюте или отыскиваю такой уголок на палубе, где можно уединиться, читать и смотреть на море и на гористый берег, виднеющийся всё время в некотором отдалении. Я еще не знаю, поеду ли из Марселя прямо в Париж или в Виши, но, во всяком случае, прошу Вас, дорогая моя, адресовать мне письма в Париж, 14, Rue Richepanse.

Я сохранил о Тифлисе и о моем месячном пребывании там самое отрадное воспоминание. Давно мне не приходилось среди городской жизни, несмотря на все докуки светской суеты, чувствовать себя столь веселым, бодрым и счастливым. Дело в том, что, по какому-то необыкновенно счастливому стечению обстоятельств, люди, с коими мне приходилось сталкиваться, необыкновенно милые и мало требовательные. Меня, по возможности, оставляли в покое настолько, что я даже мог немного заниматься.

Писал я Вам из Тифлиса несколько раз. Надеюсь, дорогая моя, что все эти письма Вы получили.

Завтра рано утром буду в Константинополе и пошлю оттуда письмо это.

Будьте здоровы, счастливы и не забывайте неизменно и безгранично Вам преданного

П. Чайковского.

325. Мекк — Чайковскому

Москва,
11/23 мая 1886 г.

Милый, дорогой, несравненный друг мой! Я уже и счет времени потеряла, сколько не писала Вам, но это совершенно не по моей вине, а потому, что Вы не давали мне Вашего адреса и отовсюду назначали Ваш выезд раньше, чем действительно выезжали. Так из Майданова Вы писали мне, что выезжаете 12 марта, и я получила это письмо так, что мое письмо Вас не могло бы уже застать в Майданове, а между тем Вы выехали после двадцатого. Потом я очень хотела написать Вам в Тифлис, но Вы не дали мне Вашего адреса, а Коли не было в Москве, они на другой день моего приезда уехали в Каменку, и я ни у кого не могла получить адреса Анатолия Ильича. Поэтому на пасху я послала Вам наудачу поздравительную телеграмму, адресуя просто: Тифлис, Петру Ильичу Чайковскому, в надежде на то, что, вероятно, Анатолия Ильича уже достаточно знают и телеграмма моя дойдет до Вас, но, как видно, Вы ее не получили. Я получила все Ваши письма и телеграмму на праздник и благодарю

Вас бесконечно, мой милый, дорогой друг, за то, что давали мне известия о себе, но прошу Вас усердно на будущее время давать мне возможность писать Вам, указывая мне средство, как адресовать мне, и указывая его заблаговременно, а то мне очень, очень грустно, когда я долго не могу писать Вам.

Мне ужасно было приятно узнать, что в Тифлисе Вам делали такие горячие овации; слава богу, что у нас, наконец, умеют ценить свое. Я еще ни в каком виде не успела познакомиться с «Манфредом», но если он вышел для фортепиано в четыре руки, то я его сейчас приобрету. Еще меня очень интересует Ваша фантазия для фортепиано с оркестром, о которой я узнала от Коли, так как он от нее в восторге. Анну я видела только несколько часов после моего приезда в Москву, потому что они уехали на другой день в Каменку, где Анна и пробудет до августа, а летом и Коля проедется в отпуск, чтобы побывать в Копылове. В настоящее время я занята покупкою домика для Коли и вчера кончила торг: за шестьдесят тысяч рублей маленький, но очень миленький домик на Малой Никитской, близко Садовой, а то по квартирам очень неприятно кочевать, в особенности, когда будет ребенок. Они очень счастливы этим ожиданием. Дай бог, чтобы все окончилось благополучно. Анна, действительно, очень похудела, но это к ней идет и, я думаю, лучше для ее здоровья. Сашу мою я еще не видала, но, по слухам, ее здоровье до крайности меня беспокоит. Нервы ее в страшном состоянии, и к тому же она опять в таком положении, а ведь это шестой уже; слишком тяжело. Соня со своим маленьким мальчиком теперь у меня, но на днях уедет в свое имение в Тверскую губернию. Я перееду в Плещеево, если бог позволит, в эту субботу, 17 мая, и прошу Вас, дорогой мой, туда адресовать мне письма. Сашок с женою в Петербурге, чтобы устроить с воинскою повинностью, для которой пришло время. Макс держит экзамены и очень неудачно: по-латыни опять провалился, меня это ужасно беспокоит, опять целое лето придется быть в страхе. Все остальные мои, слава богу, здоровы. Погода у нас теплая. Вчера я получила от Вас адрес, милый друг мой, и сегодня спешу написать Вам; надеюсь, что мое письмо Вас застанет еще в Париже. Пожалуйста, дорогой мой, непременно поезжайте в Виши. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

326. Чайковский — Мекк

Марсель,
13 мая 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Путешествие мое морем из Константинополя, продолжавшееся ровно неделю, можно назвать необыкновенно удачным. Погода стояла всё время великолепная. Только в продолжение одного дня (в Архипелаге) море волновалось и многие страдали морскою болезнью. Всё остальное время был полнейший штиль, и море в самом деле походило скорее на зеркало, чем на бездонную водяную массу. Самый интересный эпизод в этом плавании был проход Мессинского пролива. Мы подошли к нему в час ночи, а между тем, уже часов за десять до того издали было видно на совершенно

чистом горизонте вертикальное облако дыма, которое оказалось сильным извержением Этны. По мере того, как мы приближались, облако это делалось больше и явственнее, а после захождения солнца мы увидели и огонь, выходивший из кратера. Когда совсем стемнело, зрелище сделалось необычайно величественное и несколько страшное. Пока мы шли Мессинским проливом, а это продолжалось до самого восхода солнца, я не спал и смотрел на необычайную грозную картину извержения. Позднее мы проходили мимо вулкана Стромболи, который тоже дымился. Уже здесь, в Марселе, из газет я узнал подробности об вулканической драме, происходящей на Этне. Проход через пролив св. Бонифация (Les bouches de St.-Boniface) тоже очень интересен. Что касается парохода, на котором я ехал, то он оказался не первоклассным по удобствам, но весьма порядочным. Капитан и вся прислуга были очень любезны, вежливы и предупредительны. Пища обильная и хорошо приготовленная. В общем результате скажу, что путешествие пароходом при хорошей погоде чрезвычайно приятно и нимало не утомительно.

Марсель город хороший, оживленный и не лишенный интересности. Завтра отправляюсь в Париж, откуда вскоре напишу Вам. Очень хотелось бы знать, здоровы ли Вы; надеюсь в Париже иметь известия о Вас, бесценный, дорогой, милый друг!

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте меня.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

327. Чайковский — Мекк

Париж,
19 мая 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Приехавши сюда, я нашел драгоценное письмо Ваше, очень, очень меня обрадовавшее. Вы совершенно правильно обвиняете меня в том, что я своевременно не извещал Вас о перемене моих адресов. Вперед не буду забывать об этом.

Если Вы получили мое марсельское письмо, то, конечно, уже знаете, какой благополучный и во всех отношениях приятный переезд я сделал из Батума в Константинополь и Марсель. В этом последнем городе я прожил три дня и затем благополучно прибыл в Париж 16 мая и остановился в той же гостинице, где три года тому назад прожил почти всю зиму. Странное дело! Ничего особенно приятного в ту зиму не произошло; напротив, больная племянница Таня, которая была на моем попечении, причинила мне

[много] горестей и беспокойств. А между тем мне приятно жить в комнате, живо напоминающей то время; как-то жаль сознавать, что оно ушло в область прошлого, и почему-то хотелось бы, чтобы оно вернулось. Прошедшего всегда жаль, должно быть, оттого, что живее помнятся хорошие минуты, а всё неприятное забываешь... или, по крайней мере, стараешься забыть.

Мне придется здесь, согласно обещанию, познакомиться с моим издателем г. Маккаром, а через него и с различными лицами из парижского музыкального мира. Это очень мне не по нутру, и я хочу отдалить на несколько времени неизбежную тягость визитов и посещений, а покамест насладиться Парижем (который в это время года особенно хорош), как я делал это прежде, т. е. бродить по очаровательному городу совершенно одиноко и свободно. Так я и делаю[1]. Акации в цвету, каштаны отцветают, на улицах продается масса цветов, оживление необыкновенное, и благодаря чуднейшей погоде гулять мне чрезвычайно приятно. Это, однакож, нисколько не мешает мне мечтать о возвращении в Россию в возможно скором времени. В последние годы я как-то особенно сильно сжился с нашей милой Русью и чувствую, что уж теперь с каждым годом буду тяжелее на подъем.

Как приятно воочию убеждаться в успехе нашей литературы во Франции. На всех книжных étalages* красуются переводы Толстого, Тургенева, Достоевского, Писемского, Гончарова. В газетах беспрестанно встречаешь восторженные статьи о том или другом из этих писателей. Авось настанет такая пора и для русской музыки!

Я ничего не работаю и думаю, что это хорошо для моей усталой головы.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой! Дай бог Вам хорошо устроиться в Плещееве.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

328. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
29 мая 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Вчера получила Вашу телеграмму и сегодня посылаю Вам бюджетную сумму, но не переводом, а русскими кредитными бумажками, потому что, я думаю, это будет для Вас выгоднее разменять их в Париже, так как у нас в Москве ведь нет ни одного порядочного банка. Самый крупный из них, Купеческий, дает такие невозможные по низкости курса переводы, что противно

---

* витринах

обращаться к нему, а в Париже в каждой мелкой change* будут гораздо добросовестнее. Не откажите, дорогой мой, уведомить меня о получении; я, по обыкновению, для того и посылаю отдельно письмо, чтобы Вы знали о посылке денег.

Я наслаждаюсь свободою и прогулками в Плещееве, хотя в то же время меня страшно тянет на Рейн. Я не знаю, бывали ли Вы там, но ведь летом это божественная местность, и я не могу отделаться от мечты об ней. У меня в нынешнем году так много тревожных ожиданий: в этом месяце должна разрешиться моя Лида, в июне—Соня, а затем в сентябре—Саша и Анна. Страшно за всех за них, но больше всего я беспокоюсь о Саше: ее нервы в таком ужасном состоянии, что я и подумать не могу, как она вынесет эту тяжелую расправу.

Коля на днях уехал в Каменку и оттуда в свое Копылово на лето. Уехал он в совершенном восторге. Я купила для них в Москве маленький домик (в шестьдесят тысяч рублей), который ему, Коле, и мне также очень нравится: новый, отличной солидной постройки, весь каменный и все службы каменные, с паркетными полами, с хорошенькими обоями и потолками, довольно просторный и очень уютный. Анна еще не видала его, и потому я не знаю, как он понравится ей; дай бог, чтобы им жилось в нем хорошо. Коля уже всё перевез туда, и они в начале августа приедут прямо в этот дом; он находится на Малой Никитской, сейчас у Садовой.

Мой бедный Сашок сидит в Петербурге с женою из-за своей воинской повинности, и как раз сегодня его должны освидетельствовать, чтобы решить, годен ли он для военной службы. Мне очень жаль его,— это такая неприятная процедура, и я боюсь, чтобы его не простудили, у нас это время такая холодная погода. С Максом мне опять горе, опять не выдержал из латыни, ему никак не даются эти древние языки. Другие экзамены идут хорошо, а на латыни второй год проваливается; вероятно, дадут переэкзаменовку, но всё лето уже будет испорчено. Я всегда говорю, что у кого есть хоть трое детей, тот уже покоя никогда не знает, а у меня их десять, и я à la lettre** покоя никогда не знаю.

Наличное мое семейство, слава богу, здорово, но оно теперь так мало, что даже привыкнуть трудно; нас всего т р о е: я, Юля и Милочка. Конечно, в доме есть еще Юлия Францевна, гувернантка Милочки, о которой я Вам много раз писала, милый друг мой, и Генрих Пахульский, а Владислав Пахульский был две недели в отсутствии; я посылала его по делам в Берлин, и он только вчера вернулся. Он, бедный, также всё страдает и нервами и разными катарами, так что постоянно болен. Каждое поколение людей всё делается слабее и слабее, как это печально. Как мне жаль, дорогой мой, что Вам пребывание в Париже так портится визитами и новыми знакомствами. Какая эта скучная сторона жизни и как я счастлива, что избавлена от нее!

Я очень долго не получала от Вас ответа на мою телеграмму о присылке чека и очень беспокоилась о Вас; наконец вчера получила. Когда Вы поедете в Виши, друг мой? Прошу Вас очень не забыть сообщить мне Ваш адрес.

Я приобрела Вашего «Манфреда» в четыре руки и еще фантазию для фортепиано с оркестром, но в переложении для двух фортепиан. Я не знала об этом последнем сочинении, и мне сказал об нем Коля

---

* меняльной лавке
** буквально

в Москве. Я еще не слышала «Манфреда». Скажите, дорогой мой, Вы, конечно, знаете кантату Танеева на Иоанна Дамаскина,—хорошее это произведение? Я хочу купить это пение с фортепиано.

Будьте здоровы, милый, дорогой друг мой. Дай господи, чтобы лечение в Виши совсем избавило Вас от Ваших недугов и Вы вернулись бы на родину совсем возобновленным. Всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

329. Чайковский — Мекк

Париж,
3/15 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня утром получил письмо со вложением бюджетной суммы, за которую премного благодарю Вас. Извините, что я причинил Вам беспокойство просьбой послать ее сюда, но это оттого, что мне здесь нужны деньги. Еще и еще раз благодарю Вас, дорогая моя!

Я веду здесь жизнь весьма утомительную, часто бываю в гостях, и для приема гостей у себя должен даже был назначить известные часы дня. Из новых знакомств самое приятное для меня знакомство с Виардо, которая произвела на меня самое отрадное впечатление тем действительно теплым участием и сочувствием, которое она мне высказала[1]. Простота и искренность в ее обхождении совершенно пленили меня. Из музыкальных тузов очень любезно отнесся ко мне Ambroise Thomas и Lamoureux. Впрочем, вообще я не могу пожаловаться на недостаток внимания ко мне со стороны здешних артистов. Из русских ежедневно вижусь здесь с Брандуковым. Бедный юноша показался мне очень бледным, худым и истощенным. Несмотря на то, что в Париже он пользуется репутацией отличного виолончелиста, материальное положение его крайне стесненное, и он пламенно мечтает о переселении в Петербург или Москву, но, увы, там места заняты, и поневоле приходится оставаться в Париже, где, по крайней мере, он вращается в самом лучшем обществе и упрочивает свою репутацию.

Погода здесь стояла всё время очень дурная, а третьего дня было до того холодно, что я топил свой камин. Сегодня я был на похоронах Влад. Алекс. Давыдова, двоюродного брата Льва Вас[ильевича], которому покойник завещал свое именье в Гродненской губернии. Таким образом, состояние Льва Васильевича теперь значительно увеличится.

Через неделю надеюсь уехать в Россию, в которую стремлюсь всей душой.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

330. Чайковский — Мекк

Париж,
5 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг!

На другой день после получения бюджетной суммы я получил и дорогое письмо Ваше, за которое очень, очень благодарю Вас. Прошу Вас извинить меня, дорогая моя, за то, что, как вижу из письма Вашего, ответная телеграмма моя на вопрос о том, куда послать мне бюджетную сумму, долго не доходила до Вас и, быть может, причинила Вам беспокойство. Мысль эта очень огорчает меня, но я, ей-богу, не виноват и не понимаю, почему произошло это замедление.

Милый друг мой! Я решился опять отложить на неопределенное время мое лечение в Виши. Мне так хочется поскорее быть в России, что если бы теперь поехать лечиться, состояние моего духа было бы недостаточно покойно для того, чтобы лечение принесло действительную пользу. Мне слишком хочется теперь работать, не теряя времени, и поэтому через несколько дней я поспешу в Майданово. Впрочем, я должен сказать, что мое здоровье настолько в эту минуту хорошо, что поездку в Виши смело можно отложить на некоторое время.

Я усматриваю из письма Вашего, что в скором времени Вы покинете Плещеево, дабы провести часть лета на берегах Рейна. Мне кажется, дорогая моя, что, по природе Вашей, частые перемены места полезно влияют на Ваше здоровье, и поэтому я радуюсь при мысли, что Вы проведете несколько времени в действительно чудной местности.

Как Вы бесконечно добры и заботливы относительно детей своих! Как хорошо, что Вы устроили Колю в собственном хорошеньком уголке Москвы. Я отлично знаю приобретенный Вами домик, ибо долго жил как раз напротив[1].

Третьяго дня я адресовал Вам письмо на Мясницкую. Надеюсь, что оно дошло до Вас.

Дай бог, чтобы всё у Вас и у Ваших ближних было благополучно.

Я утомлен бесконечно и страстно стремлюсь к себе в деревню.

Будьте здоровы! Благодарю Вас от всего сердца.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

Бедный Баварский король!.. Какой трагический конец и какое злодейство вся эта история!!! [2]

331. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
8 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам только несколько слов, потому что не знаю, застанет ли эта записка Вас еще в Париже. Посылаю Вам, дорогой мой, вырезку из юмористического английского журнала Punch, который получает Юля и в котором по поводу игры А. Рубинштейна в Лондоне (с карикатурою на него) говорится, хотя вскользь, о Вас, но из этого видно, что В а с знают и за границею, и даже на этом туманном острове, которому нет дела ни до чего, что делается на континенте, В а с всё-таки знают,— это меня бесконечно радует.

Я узнала из письма Анны, что в Париже умер их дядюшка и что он свое состояние оставил ее отцу. Меня это очень радует, т. е. не то, что дядюшка умер, а то, что он свое состояние оставил Л. В. Давыдову. А скажите, дорогой мой, как велико это состояние, ведь об нем говорили, что он очень богат; дай бог, чтобы это подтвердилось. Когда Вы в Виши? Будьте здоровы, мой несравненный друг, крепко жму Вам руку. Всею душой Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Получили ли Вы, дорогой мой, русские бумажки на две тысячи рублей, которые я Вам послала?

332. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
1886 г. июня 17—18. Петербург—Майданово. 17 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера вечером я приехал в Петербург, где останусь два дня по поводу одного музыкального дела. Я невероятно рад своему возвращению в Россию, хотя с удовольствием думаю и о своем путешествии. Пребывание в Тифлисе и путешествие на пароходе представляются мне каким-то приятным сном. Что касается Парижа, то, несмотря на всё утомление и напряжение, испытанное там, я рад, что выдержал целый месяц шумной столичной жизни. Мне кажется, что для упрочения моих сочинений во Ф р а н ц и и я много теперь сделал, перестав быть для тамошних музыкантов каким-то отдаленным мифом, а—живым человеком. Сочувствия я видел там много. Мне очень советуют в будущем сезоне устроить u n e a u d i e n c e*, посвященную исключительно моим произведе-

* концерт

ним. Конечно, в массу парижской публики я еще вовсе не проник, но в более развитых музыкальных кружках меня знают, и многие проникнуты теплым сочувствием. Из наиболее выдающихся деятелей меня особенно тронуло внимание Ambroise Thomas и Léo Delibes.

Как странно после Парижа очутиться внезапно в июне в Петербурге. Зимой он так оживлен и блестящ,— теперь это совершенная пустыня. Что касается «белых ночей», то красоты в них много, но я во всю сегодняшнюю ночь, несмотря на трехдневное путешествие, не мог глаз сомкнуть. Не спится при этом непостижимом сочетании ночной тишины с дневным светом.

Дописываю это письмо в Майданове, куда собираюсь ехать завтра вечером.

Майданово, 18 июня.

Как я бесконечно рад, что наконец нахожусь у себя дома! Как мил и симпатичен кажется мне мой маленький домик, оставленный мной, когда еще везде кругом лежал снег, а теперь весь окруженный зеленью и цветами. Сегодня я привожу всё в обычный порядок, а с завтрашнего дня начинаю серьезно работать. Три месяца, проведенные мною вдали от дома,—совершенно потерянное время для работы, но зато я чувствую, что набрался новых сил и могу отдавать всё свое время труду без утомления. Хочу во что бы то ни стало окончить оперу вчерне к осени, чтобы всю следующую зиму посвятить инструментовке ее.

Будьте здоровы, милый, бесценный друг мой! Надеюсь, что Вам покойно живется в Плещееве.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

333. Мекк — Чайковскому

Гурьево,
22 июня 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Вчера я была обрадована получением Вашего дорогого письма, которое мне переслали сюда из Плещеева, и хотя, с одной стороны, я ужасно рада, что Вы также в России в то время, когда и я здесь, но, с другой, мне очень страшно, что Вы не поехали в Виши, потому [что] это всё же больше гарантировало бы Вам здоровье на зиму, но, конечно, бог даст, и так Вы проведете хорошую, покойную жизнь. Как меня радует, что Вы в Париже составили себе круг знакомства из людей так известных. Скажите, дорогой мой, что, Léo Delibes так же ли симпатичен в обращении, как лицом? По его фотографии, у него очень доброе, бесхитростное выражение. А Вы не видались с Ed. Colonne? Он, вероятно, где-нибудь на водах

со своим оркестром? Он бывает в Aix-les-Bains. Не дали ли Вы Lamoureux Вашего «Манфреда»? А каков Ваш Mackar? Я ужасно рада, что Вы дали себя узнать в Париже. А как жаль бедного Брандукова. Я думала, что он блаженствует в Париже, а между тем, как видно, далеко до этого. Et sa dame, что, она еще с ним или они разошлись? А что, Виардо вспоминает Тургенева? Видели ли Вы ее сына, Paul Viardot? Боже мой, сколько я Вам надавала вопросов, простите, дорогой мой, но это так интересно.

Я в настоящую минуту у моей Саши в гостях, в ее Гурьеве. Здесь очень хорошо, жаль только, что такой ужасный холод; вообразите, милый друг, что всего семь градусов тепла рано утром,—это ужасно для 22 июня; я зябну ужасно. Через неделю я буду дома, опять в Плещееве. Сашу свою я нашла очень загоревшею, но здоровье ее очень плохо и тревожит меня ужасно. Двое младших ее детей, Адя (Адам) и Кася (Ксения) — прелестные субъектики. У Адюши такая поэтическая и артистическая внешность: длинные вьющиеся каштановые волосики и задумчивые темнокарие глазки, а улыбнется — точно приласкает, такое милое существо. А самая маленькая двухлетняя девочка, Кася — миниатюрный портрет Саши, с черными, как уголь, глазками и совсем светлыми волосами, также курчавыми, как и у брата; всегда веселенькая, всегда смеется и все вопросы делает,— премиленький субъектик; пока единственная девочка между сыновьями.

Получили ли Вы, дорогой мой, мое письмо к Вам в Париж, в котором была вложена вырезка из английской газеты? Я думаю, что она не застала Вас уже в Париже. До свидания, дорогой мой, милый друг. Дай бог Вам набраться здоровья за летнее время и отдохнуть скорее от парижских утомлений. Всею душою всегда Вас бесконечно любящая

Н. ф.-Мекк.

334. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
28 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Меня весьма обрадовало, что на заголовке письма Вашего стоит Гурьево. Если Вы выехали из Плещеева, значит, что, слава богу, Вы совершенно здоровы. Грустно только было узнать из Вашего письма, что симпатичная Александра Карловна нехорошо себя чувствует.

С Léo Delibes я не виделся, и потому не могу отвечать на вопрос Ваш. Он был у меня, но не застал дома и оставил карточку с самой лестной надписью. На другой день я пошел к нему и тоже не застал его. Затем мы должны были видеться в консерватории, куда меня на фортепианный экзамен пригласил A. Thomas, но какое-то заседание Академии помешало ему явиться. Таким образом, Delibes очаровал меня своей любезностью (которую я ценю особенно, ибо после Бизе считаю его самым талантливым французским музыкантом), не видав меня.

Я виделся с Colonne несколько раз. Он был в отношении меня весьма любезен и между прочим выразил желанье устроить концерт из моих сочинений и просил меня послать ему в Aix-les-Bains несколько новых моих партитур, дабы в течение лета установить программу. При этом он постоянно жаловался на свою бедность и на страшную конкуренцию (concurence terrible) Lamoureux. Mackar говорил мне, что в этих словах заключается намек на взятку и что Colonne вообще пользуется репутацией очень не бескорыстного деятеля.

Что касается Lamoureux, то он тоже рассыпался в любезностях и надавал множество обещаний. Так как он вовсе не интересовался «Манфредом», то я и не начинал об этом разговора.

Относительно вопроса, вспоминает ли Виардо Тургенева, скажу Вам, что не только вспоминает, но почти всё время мы о нем говорили, и она подробно рассказывала, как они вместе писали «Песнь торжествующей любви». Писал ли я Вам, милый друг, что я провел два часа у Виардо в перелистывании подлинной партитуры Моцарта («Дон-Жуан»), которую еще лет тридцать тому назад муж Виардо случайно и очень дешево приобрел? Не могу выразить чувства, которое охватило меня при просмотре этой музыкальной святыни! Точно будто я пожал руку самого Моцарта и беседовал с ним. Поля Виардо я не видел, его не было в Париже.

Брандуков с своей сожительницей окончательно разошелся, но она живет на его счет в Германии.

Я очень доволен и счастлив, что нахожусь у себя. Принялся очень энергически за работу, но решил отныне вообще работать не так упорно, а именно, после своего обеда и большой прогулки я уж ничего не делаю, кроме чтения, писания писем и т. д. По крайней мере, летом я хочу не насиловать и не утомлять себя, подобно тому, как я делал, например, в прошлом году, сочиняя «Манфреда».

Слава богу, наступили теплые дни. Дай Вам бог здоровья и всякого благополучия, дорогая моя!

Ваш до гроба П. Чайковский.

335. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
7 июля 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Я очень рада, что Вы находитесь теперь в уголке, который Вы полюбили, но прошу Вас горячо, милый, дорогой друг мой, не утомлять себя работою, и уже если Вы не поехали в Vichy для здоровья, то стараться поправить его в Майданове. А что, Вы не пьете Vichy здесь? Ведь это всё же может принести Вам большую пользу.

У меня третий день болит голова, но я не хочу уже откладывать писать Вам, так как не знаю, когда она пройдет. Я, вероятно, скоро уеду за границу, куда-нибудь к морю, подышать морским воздухом, но это будет не надолго, потому что к 1 сентября я должна быть опять в Плещееве, чтобы взять к себе Сашиных детей на время ее разрешения, которое должно произойти в конце сентября. Для этого она приедет в Москву, а я возьму детей к себе в Плещеево, и так как по этому случаю мне придется остаться в России до октября месяца, то я и хочу проехаться теперь, потому что я давно уже не путешествовала летом, и к тому же мне, как человеку нервному, очень трудно просидеть полгода на одном месте. На днях у меня был Володя, который вернулся из Аахен. Вид у него хороший, но, конечно, летом все люди чувствуют себя лучше, а вот что скажет зима.

Я вижу, дорогой мой, что Вы не получили моего последнего письма в Париже; вероятно, оно уже не застало Вас там. В этом письме я, между прочим, спрашивала Вас, какого размера наследство, которое получил Лев Васильевич от двоюродного брата. Есть ли что-нибудь еще, кроме гродненского имения, есть ли капитал и как велико гродненское именье; ведь, говорят, он очень был богат?

Очень интересные знакомства Вы сделали в Париже, дорогой мой. А мой приятель Colonne оказывается каким попрошайкою. Конечно, он недаром плакался перед Вами на свою бедность и, я думаю, врал, потому что его же концерты всегда полны.

Как я живо сочувствую Вашему ощущению при просмотре партитуры «Дон-Жуана». Да, Моцарт был земной ангел. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою всегда Вас безгранично любящая

Н. Ф. Мекк.

336. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
8 июля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Ради бога, простите меня. Письмо, в коем Вы меня спрашивали о размере полученного Львом Васильевичем наследства, я получил в Париже перед самым моим отъездом и собирался ответить Вам, когда получу об этом предмете более точные сведения, и забыл предупредить Вас о том, что отвечу позднее. Теперь, хотя и прежде я знал приблизительно размер состояния покойного, я могу с большей уверенностью ответить Вам, что он никогда не был богат, но имел весьма порядочное именье, купленное им в Гродненской губернии в то время, когда служащим в Западном крае лицам делались всякие льготы ради руссификации края. Впоследствии он завел в нем порядочное хозяйство. Капиталов не имел никаких. Будучи очень переменчивого характера, он часто менял свои завещания, и их в настоящее время в Гродно имеется несколько. Так как в последнее время покойный сердился на Льва Васильевича за то, что он не исполнил какого-то каприза его, то думали, что,

быть может, в Париже есть еще новое завещание, лишающее Л[ьва] В[асильевича] наследства, но такового не оказалось. Таким образом, имение его перейдет в собственность Л[ьва] В[асильевича] и значительно увеличит его средства (оно, если не ошибаюсь, может приносить тысяч пять-шесть дохода), но не сделает его богатым. Сестра пишет мне, что французские родственники покойного требуют от Л[ьва] В[асильевича] большую сумму за то, что они в последние месяцы будто бы содержали и лечили его на свой счет. Бывший же камердинер его, француз, предъявил на Л[ьва] В[асильевича] иск в несколько тысяч рублей, которые будто бы истратил на поддержание хозяйства в имении и не успел получить их с умершего. Впрочем, в Каменке до сих пор еще не знают подробностей о размере унаследованного имущества, ибо завещание еще не вскрыто и не утверждено. Когда все разъяснится в точности, я сообщу Вам.

Милый друг! Я не буду пить воды Виши в деревне, ибо для успешного действия вод прежде всего нужно ничего не делать, а я теперь не могу не работать. Здоровье мое настолько хорошо, что можно еще подождать немного и будущей весной уже специально поехать лечиться на месте, и не имея никакой работы, требующей спешности.

Работа моя, слава богу, идет хорошо. Вырезку из английской газеты, присланную в Париж, я получил уже здесь. Премного благодарен Вам за нее.

Мне бы хотелось знать, дорогая моя, как идут музыкальные занятия Владислава Альбертовича. Когда он будет иметь свободную минутку, рад буду получить письмо от него.

Если Вы хотите купаться в одном из южных морей, то позвольте рекомендовать Вам Palavas, около Montpellier, в коем я был в 1876 году. Там качества воды и дна превосходные.

Дай бог Вам всякого благополучия, милый друг мой.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

337. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
13 июля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой! В эту субботу, девятнадцатого числа, я выезжаю за границу, на Рейн, на этот чудный Рейн, о котором мечтаю с самого начала лета. Я сделалась таким цыганом, что не могу уже просидеть полгода безвыездно на одном месте, а так как в нынешнем году я приехала в Россию в начале апреля и пробуду до начала октября, то это мне не по нервам, поэтому я и предпринимаю маленькое путешествие налегке и на короткое время, на один месяц, прибли-

зительно, так что в конце августа я вернусь опять в Плещеево и тогда пробуду здесь до октября. Эта неделя у меня очень суетная, потому что будут приезжать многие из своих по делам, так как я уезжаю. Погода у нас отвратительная; вероятно, и у Вас такая же. Ежедневные дожди портят сено и не дают убирать его, а для меня это очень невыгодно, так как всё мое хозяйство есть только травосеяние. Очень Вам благодарна, дорогой мой, за сообщение мне некоторых деталей насчет наследства, полученного Львом Васильевичем. Как, однако, трудно даже наследство получить, везде у людей разгораются глаза на чужую собственность, всегда хотят эксплоатировать чужую удачу; но, вероятно, это всё уладится благополучно.

Очень, очень благодарю Вас, милый друг мой, за Ваше внимание к моему protégé Владиславу Альбертовичу, но он, бедный, теперь так расстроен нервами, что музыкальные занятия его совершенно пропали. В нынешнее время нервы людей—это злоба времени, это—болезнь века, и вот он, бедный, делается жертвою этой жестокости судьбы, впадает в ипохондрию, прячется от людей, и при таком состоянии, конечно, невозможно никакое усидчивое занятие. Я даже не могу и передать ему Вашего милого, доброго внимания, потому что он и так всё мучается, что ничего не делает; но это, конечно, не относится к моим делам; в моих делах он делает всё, что надо, потому что они не требуют усидчивости, а, напротив,—движения и быстроты. Теперь мы едем за границу впятером: я, Юля, Милочка, Влад[ислав] Альб[ертович] и русский студент Махотин, который у меня в доме для занятий с Милочкою. Остаются в Плещееве Сашок с женою. Макс, еще студент, который занимается с Максом, и гувернантка Юлия Францевна, о которой я Вам уже писала прежде.

Скажите, дорогой мой, какою работою Вы заняты? Ведь я этого не знаю.

Очень, очень Вам благодарна, милый друг мой, за указание морского купанья, но я решила поехать на Рейн, тем более, что летом на таком крайнем юге было бы слишком жарко. Если Вам вздумается, дорогой мой, порадовать меня весточкою о себе, то прошу Вас адресовать мне в Coblentz, poste restante. Там будет мой pied-à-terre приблизительно до 15 августа, а потом я уеду назад в Россию, через Петербург, и, приблизительно, около двадцать седьмого должна быть опять в Плещееве. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг. Крепко жму Вам руку. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

338. Чайковский — Мекк

Москва,
29 июля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Приехавши вчера на один день в Москву, я принужден был остаться на один день еще, так как в течение двух дней, не переставая, шел столь ужасный дождь, что, во-первых, я не мог исполнить нескольких покупок и других дел, а во-вторых, боялся ехать домой, зная, что в сильные дожди между Клином и Майдановым сообщение очень затруднительно. Какое ужасное это лето! И как

эта несносная ненастная погода скверно влияет на состояние моего здоровья. Я постоянно недомогаю и никогда еще, мне кажется, мне не работалось так туго, как в последнее время.

В Москву я приехал, отчасти чтобы немного рассеяться, отчасти чтобы присутствовать на торжественном богослужении, в котором пел полный хор так называемого Хорового общества. Я состою теперь попечителем этого хора, и меня очень просили быть на этом богослужении, чтобы высказать свое мнение о новом регенте, управляющем этим хором. Исполнением я остался очень доволен, но выбор исполненных нумеров привел меня в отчаяние. Странное дело! В самом коренном и центральном русском городе не любят настоящего православного обиходного пения, а предпочитают какие-то безобразные концертные пьесы, написанные в итальянском стиле и притом грубо и бездарно. Как я ни хлопочу, чтобы подобные вещи были изгоняемы из церковно-музыкального репертуара, ничего нельзя сделать. Московские любители церковного пения любят именно эти безобразия и недовольны, когда им поется что-нибудь написанное чисто, правильно, в духе православного богослужения.

Москва имеет очень грустный, пустынный вид, наводящий на меня уныние. Сегодня еду к себе, но, увы, не радуюсь этому! Я должен Вам признаться, милый друг, что в последнее время на меня давно не бывалая хандра напала. В деревне я тоскую, здесь еще скучнее, никуда ехать не хочется — вообще ничто не привлекает и не радует. Думаю, что это — физическое недоброкачественное и следствие лихорадки, упорно преследовавшей меня в Майданове[1].

Кажется, дорогая моя, Вы назначили мне писать Вам в Coblentz, poste restante; у меня под рукой нет письма Вашего. Пишу Вам, ибо в тоске, охватившей меня, мне ужасно хочется хоть словечко сказать Вам. Пошлю письмо наудачу.

А может быть, и погода эта так убийственно влияет на меня!

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Надеюсь, что Вы Вашим путешествием довольны.

Ваш П. Чайковский.

339. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
4 августа 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Кажется, мое последнее письмо к Вам из Москвы было преисполнено печальных излияний чувств. Теперь, быть может, благодаря прекрасной погоде, наконец, повидимому, установившейся,

я стал гораздо веселее и бодрее духом. Работа тоже пошла лучше. В сущности, мне кажется, что Майданово, окруженное со всех сторон болотами, вредно действует на мой организм, и что мне представляется нравственным расстройством, есть не что иное, как отражение физического нездоровья. А я действительно и прошлое лето и настоящее почти постоянно недомогаю. Будущее лето буду жить где-нибудь в другом месте и вообще буду понемножку искать себе другого места для постоянного жительства. В Майданове стало пустынно: некоторые дачники уже уехали, испуганные отвратительной погодой. Но чем скорее они уедут все, тем приятнее для меня. Лучше всего мне бывает, когда я совершенно один и когда человеческое общество мне заменяют деревья, цветы, книги, ноты и т. д. Боже мой, как жизнь коротка! Сколько мне нужно еще сделать, прежде чем я почувствую, что пора остановиться! Сколько у меня планов! Когда я совершенно здоров, как, например, в настоящую минуту, мной овладевает лихорадочная жажда труда, и мысль о краткости человеческой жизни убийственно влияет на мою энергию. Прежде этого не было. Я верил в то, что могу и должен кончить всё, что замышляю, и потому порывы к творческому труду были продолжительнее и благотворнее. Надеюсь, как бы то ни было, что через месяц кончу вчерне оперу и примусь за инструментовку. Говорят, что не позже ноября пойдут «Черевички». Говорил ли я Вам, милый друг, что меня очень уговаривают самому разучить и продирижировать эту оперу? Не знаю, как буду к тому времени здоров, но мне очень бы хотелось победить свою болезненную застенчивость и исполнить предположение. Придется месяца два безвыездно прожить в Москве, и я хочу поискать себе меблированную квартиру, дабы переехать со всем своим хозяйством. Затем вернусь в Майданово и буду со всевозможной спешностью заниматься инструментовкой «Чародейки».

В конце этого месяца ко мне приедет на неделю Модест и его воспитанник.

Надеюсь, дорогая моя, что путешествие Ваше доставило Вам отдых и удовольствие и что погода благоприятствует Вам. Путешествие по Рейну удивительно интересно и приятно, и я завидую Вам немножко. А впрочем, в эту минуту и у нас хорошо.

Будьте здоровы.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

340. Мекк — Чайковскому

Висбаден,
5/17 августа 1886 г.

Мой милый, бесценный друг! Вчера я получила Ваше дорогое письмо, пересланное мне из Кобленца, и сказать Вам не могу, как глубоко меня огорчает и смущает дурное состояние Вашего духа. Боже мой, что это за век, что за жестокость природы; нервы и нервы замучивают людей и делают жизнь невыносимою. Уж Вам ли, кажется, не иметь удовлетворения в жизни. Господь бог послал Вам такой чудный роскошный талант, при котором Вы можете и не жить этою общею бедною жизнью, а создать себе свой отвлеченный мир, в котором будет и счастье, и наслаждение, и полное удовлетворение. Так нет же,— и Вы, Вы, который доставляете столько наслаждения другим, Вы сами страдаете, тоскуете; боже мой, где же справедливость?

Как жаль, дорогой мой, что Вы не побывали в Vichy: все-таки, быть может, это и облегчило бы Вас. Дай господи, чтобы эти недуги как можно скорее миновали и дали бы Вам полный отдых и вновь способность наслаждаться. Как жаль, милый друг мой, что Вы не на Рейне; здесь так хорошо, что можно забыть и себя самого, не только все невзгоды жизни. Я наслаждаюсь здесь невыразимо. У меня ведь две страсти: музыка и природа, и хотя я первой теперь совсем почти лишена, но зато вторая получает самое роскошное удовлетворение. О, Рейн, этот Рейн—награда страждущим на свете! Здесь до того хорошо, что и не расстался бы никогда с этим чудным Рейном, и между тем, я тороплюсь, тороплюсь, все увлекаюсь дальше, дальше, и скоро надо и назад. Хотя я, вероятно, немного просрочу против первоначального проекта, вернусь не к 1 сентября, а, быть может, к 5-му. Отсюда, из Висбаден, я поеду в Baden-Baden и оттуда уже обратно на север, но с остановками в Düsseldorf и Berlin, и так как я всё время в разъездах, то как мне ни печально долго не получать от Вас известия, дорогой друг мой, но я должна просить Вас не писать мне за границу, а написать, если возможно, к 5 сентября в Плещеево. Прошу Вас очень сообщить мне тогда о Вашем здоровье и состоянии духа.

Сейчас мы едем прокатиться во Франкфурт. До свидания в следующем письме. Будьте здоровы, ради бога, милый, дорогой друг мой. Всею душою бесконечно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

341. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
3 сентября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

С тех пор, что я не писал Вам, произошли некоторые для меня довольно важные события. Из них главное то, что я окончил свою оперу и что, следовательно, наслаждаюсь теперь сознанием освобождения от тяжелой заботы. Не знаю отчего, но с самого первого дня, когда я принялся за сочинение этой оперы, мне всё казалось, что я не окончу ее, что силы не хватит, что я выдохся и т. д.

Зато как приятно было закрыть черновую книгу, в которой я писал, и думать, что теперь осталось только оркестровать оперу, а это уж для меня почти не труд, скорее удовольствие. Кончивши оперу, я немедленно принялся за сочинение романсов. Нужно Вам сказать, что весною вел. князь Константин Константинович сообщил мне, что императрица желала бы, чтобы я ей посвятил одни романс, и вел[икий] кн[язь] весьма горячо советовал мне это сделать, причем взялся быть посредником. Освободившись от писания оперы, я поспешил исполнить желание ее величества, и теперь у меня уже написано десять романсов, которые переписываются и будут вскоре посланы вел[икому] князю [1].

16-го августа ко мне приехал брат Модест со своим воспитанником, и они прогостили у меня две недели. Брат Модест был в течение этого лета очень прилежен. Он написал собственную новую комедию и переделку для сцены одной повести А. Потехина, по просьбе последнего. Собственная его комедия мне чрезвычайно нравится, и по замыслу она очень оригинальна и нова. Он изобразил в ней энергическую девушку, устроившую свою жизнь совершенно самостоятельно, управляющую своим имением с искусством и успехом, живущую одиноко в деревне, в гордом отчуждении от людей. Сначала она поглощена своим делом и заботами о благе крестьян. Но когда всё это уже установилось и вошло в колею, она начинает тосковать, и является потребность любви. Но тут оказывается, что все те соседи и вообще лица ее сословия, с коими она сталкивается, до того мелкие, дряблые, лишенные мужественности людишки, что ни одного из них она полюбить не может. Зато в простом полуграмотном мужике она находит такой обширный ум, такую смелость, энергию и решительность, что безумно в него влюбляется. Отсюда целый ряд самых интересных компликаций. Пропасть, разделяющая образованного человека от невежественного, хотя бы и умного, простолюдина, мешает взаимной любви этих молодых людей увенчаться счастливым браком; оба по-своему приходят к сознанию этого и добровольно разлучаются навсегда. Очень живо, интересно и трогательно всё это сделано, и я предвижу, что комедия эта заставит много говорить о себе.

Говорят, что моя опера («Черевички») пойдет на московской сцене в ноябре, и меня очень уговаривают самому продирижировать на первом представлении. Мне хотелось бы попытаться сделать это, да боюсь за свои нервы.

Здоровье мое находится теперь в превосходном состоянии.

Надеюсь, дорогой друг мой, что и Вы чувствуете себя хорошо. Желательно, чтобы хорошая погода продержалась подольше и чтобы Вам приятно было пребывание в симпатичном Плещееве.

А я понемножку приискиваю себе новое местожительство. Уж очень досаждают мне соседи-дачники, особенно своей музыкой.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

342. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
6 сентября 1886 г.

Милый, несравненный друг мой! Вчера получила Ваше дорогое письмо и спешу написать Вам несколько слов. Третьего дня я приехала в Плещеево, но погода такая неудачная, в России я нашла такой холод, какого и не ожидала, потому что за границею, до самого Берлина включительно, мы страдали от жары, так что ночью спали с открытыми окнами, в комнате температура была двадцать три градуса по Реомюру, и вдруг попали в такой холод: у нас вчера и сегодня шесть и пять градусов тепла на дворе. Конечно, для моего здоровья это убийственно, но что еще хуже, это наши российские безобразия от людей. У меня рядом две фабрики, и надо полагать, что рабочие безобразничают, так что мы каждую ночь боимся, что на нас нападение сделают: то они бросают камни в моего ночного сторожа, то стреляют, так что я очень желала бы перебраться в Москву, если найду себе помещение, так как в моем доме слишком тесно для двух семейств, а у меня будут Сашины дети.

От души радуюсь, дорогой мой, что Вы кончили Вашу оперу, и от души сожалею, что не могу услышать ее, но наш варварский климат делает меня изгнанницею из моего отечества. Вот и теперь уже я простудилась при самой строгой осторожности, и больше всего я сожалею при своем изгнании, это именно того, что не могу слушать Ваших сочинений. Вчера Сашок показывал мне два новых Ваших фортепианных сочинения: одно, посвященное M-me Jürgenson, а другое—Marmontel'ю [1], но я еще не слышала их; сегодня он мне поиграет их. За границею я много слушала разных оркестров, из которых отличался самою лучшею программою висбаденский инструментальный оркестр, но за границею так же, как Вам, вероятно, известно, отличные духовые оркестры, военные. Между прочими оркестрами и сочинениями исполняли в Baden-Baden Polonaise Глинки из «Жизни за царя», и это сыграли очень плохо. Вообще за границею и летом можно слушать очень много музыки. Это путешествие в Германии было для меня непрерывным рядом наслаждений, эта очаровательная природа приводила меня в какой-то экстаз, от которого я очнулась только под петербургским пронзительным и холодным ветром.

Как мне хотелось бы прочитать новую комедию Модеста Ильича; она, вероятно, будет напечатана в каком-нибудь журнале; не откажите, дорогой мой, сообщить мне — в котором. Я скажу только, что я на месте Модеста Ильича отдала бы свою героиню замуж за ее предмета, потому что если она *могла полюбить* его, так уж, конечно, должна была победить пустой предрассудок кастового неравенства, потому что *существенное* неравенство заключается только в различном развитии, образовании, уме, доброте, благородстве и т. п. свойствах, а не в том же ведь—кто от кого родился. Героиня же Модеста Ильича по своей

деятельности и жизни представлена как личность передовая, и вдруг спотыкается на такой бессмысленной рутине, как неравенство происхождения. Мне кажется, что это несовсем логично,—это не цельная натура, а так, барышня с претензиями на прогресс. Простите, дорогой мой, что я позволяю себе критиковать произведение человека, который, конечно, лучше меня знал, что делал, и прошу Вас усердно не передавать моих слов Модесту Ильичу.

Завтра я ожидаю к себе семейство моей Саши, а она сама проедет прямо в Москву, где и будет ждать своего разрешения; теперь у меня две кандидатки для этого дела—Саша и Анна. Последнюю я видела теперь в Москве. Она, слава богу, чувствует себя хорошо, но очень худа в лице; как весною похудела, так и не поправляется. Они обе веселы, довольны, счастливы своим ожиданием, дай бог, чтобы всё было хорошо.

Проезжая в Клину, я смотрела на платформу, не гуляете ли Вы случайно там, но не видела Вас. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Крепко жму Вам руку. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Сейчас получила от Володи известие, что он получил орден св. Владимира как попечитель Дома сирот.

343. Чайковский — Мекк

Майданово,
9 сентября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше доставило мне чрезвычайное удовольствие. Мне приятно, что Вы испытали такое сильное наслаждение от поездки Вашей. Из этого я заключаю, что Вам путешествия в мало знакомые красивые места не только приятны, но полезны и даже необходимы. Ввиду этого у меня явилась смелость посоветовать Вам съездить будущей весной или ранней осенью на Кавказ. В первую минуту Вам покажется странно, что я предлагаю Вам план столь отдаленного путешествия, но уверяю Вас, что это вовсе не так трудно, как кажется. В своем вагоне Вы доедете до Владикавказа, а там совершите менее чем в сутки переезд через горы по знаменитой Военно-Грузинской дороге до Тифлиса в коляске, с проводниками, с остановками в комфортабельных станциях, причем я берусь через брата устроить, что на всех станциях Вам будут отводить царские комнаты. Много пишут и говорят про чудеса этой дороги, но действительность далеко превосходит все описания! Если бы Вы на это решились, то из Тифлиса можно проехать в Боржом и там прожить некоторое время. Говорят, что Боржом — верх красоты и что жизненные удобства там все имеются. Ввиду

дурной погоды и безобразий фабричных, о коих Вы пишете, я от души желаю, чтобы Вы поскорее переехали в Москву. Боже мой, да неужели в этом огромном Мясницком помещении Вам нельзя устроиться? Очень неприятно, имея свой дом, жить в гостинице.

А я всё-таки люблю вспоминать месяц, проведенный в Плещееве. Ровно два года тому назад я пользовался там гостеприимством Вашим и теперь по дневнику день за день воскрешаю в своей памяти все, что пережил там[1]. Но с еще бо́льшим, невыразимым наслаждением и умилением я вспоминаю свои многократные гощения у Вас в Браилове и особенно в Симаках[2]. О, эти Симаки! Никогда в жизни и нигде я не помню, чтобы я был так счастлив, как живя в этом уютном, прелестном домике!.. И всё это давно уж утонуло в океане прошлого.

А впрочем, грешно мне и на настоящее жаловаться. Теперь, когда все дачники перебрались в город, я очень доволен Майдановым и даже с дурной погодой мирюсь. Но я совершенно уверен, что еще будут чудесные осенние дни. Осенью я вообще чувствую себя гораздо лучше, чем летом. Как только в августе начало пахнуть осенью, так все мои болезни, от которых во всё лето я не мог отделаться, прошли совершенно.

Милый друг! Или я неверно изобразил Вам характер героини в пьесе моего брата, или Вы несовсем так прочли. Она не выходит замуж за предмета своей любви не вследствие восторжествовавшего предрассудка, а вследствие сознания, что она не может сделать его счастливым и испортит его простую, нормальную, здоровую жизнь, внеся в нее всю надломленность, болезненность и ненормальность современного интеллигента. А главное, будучи очень умен, и герой не только не старается соединиться с барышней узами Гименея, но боится и старается избегнуть этой чести. Всё это отлично, по-моему, выяснено у брата, но я не мог в кратком очерке воспроизвести с достаточной ясностью суть дела. Надеюсь, что комедия будет напечатана и что Вы ее прочтете.

Две моих новых пьески, о которых Вы пишете, суть безделки, написанные по особенным случаям, и вовсе не заслуживают Вашего внимания.

Дорогая моя! Ради бога, не утруждайте себя и не отвечайте на каждое мое письмо. Я ведь знаю, как огромна Ваша переписка и как Вам неудобно часто писать. Мне же позвольте по давно усвоенной привычке писать Вам приблизительно раз в неделю.

Будьте здоровы, благополучны и покойны!

Ваш до гроба

П. Чайковский.

344. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
22 сентября 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! От всего сердца горячо благодарю Вас за Ваше милое внимание ко мне и Вашу память обо мне. Вашу поздравительную телеграмму я получила в самый день моих именин, но не могла с е й ч а с благодарить Вас за нее, а хотела сделать это на другой день из Плещеева, но, когда вернулась туда, на меня обрушилось столько ожиданных и совсем неожиданных дел, что я только через три дня могла поблагодарить Вас за Ваше дорогое для меня внимание. Между прочими делами у меня явилось одно, которое, хотя и неважное, но всё-таки доставляет мне тревоги и хлопоты сверхкомплектные. Это—маленькое увлечение сына моего Макса, которое, во-первых, по своей преждевременности (ему только семнадцать лет), а во-вторых, потому, что c'est une affection m a l placée*, которым его эксплоатируют самым неприличным образом. Всё это требует вырвать его из рук этих шантажистов, следовательно, из Петербурга, и теперь я в больших хлопотах по этому предмету. Макс уже находится у меня, но я не знаю, дадут ли ему отпуск на всю зиму, а брать его из Училища мне не хочется, и ему этого не хочется. Вчера я послала в Петербург через брата моего докторское свидетельство и прошение директору дать сыну моему отпуск на неопределенное время для излечения от болезни; не знаю, что из этого выйдет. Если он получит отпуск, то уедет в Южную Америку вместе с Сашонком, который дождется его для этого в Париже. Да, у кого есть дети, тот никогда не знает покоя. В эти же дни хлопот о Максе я была в страшном беспокойстве за мою Сашу, потому что я знала, что она уже заболела, но очень долго не получала телеграммы. Теперь, слава богу, это бремя с души скатилось, бог дал ей дочь благополучно и хорошо. Теперь, когда я дождусь разрешения Анны, то могу уехать спокойнее, а здесь так холодно, что я всё время простужена, кашель и насморк не проходят. Если всё будет благополучно, я, вероятно, уеду около 10 октября и направлю свои стопы в Wiesbaden, потому что мне там ужасно понравилось, а оттуда решу, куда мне дальше двигаться; быть может, отправлюсь в Неаполь. В Австрии холера, и потому я не еду в Вену, и к тому же, сознаюсь, я сделалась таким цыганом, что не могу долго сидеть на одном месте.

Дорогой мой, посылаю Вам с этою же почтою чек на две тысячи (2000) рублей и прошу не отказать сообщить мне, дойдет ли он до Вас. Вы получите его, конечно, позже, чем это письмо, потому что с денежными пакетами проделывают разные формальности, но в банке Вы не будете иметь никакого затруднения. Этот банк (Волжско-Камский) находится на Ильинке, на площадке, там же, где и Купеческий банк. Простите, дорогой мой, что я надоедаю Вам этими описаниями, но я хочу облегчить Вам найти его.

У меня в доме, в Плещееве, очень тепло, и это большое счастье для меня. Завтра я поеду к Саше в Москву и повезу ей троих детей в гости.

Как меня и интересует и бесит вся эта возня с Болгарией[1]. Ужасно будет печально, если нам из-за этой дрянной страны придется с кем-нибудь войну вести, а ведь эти негодные Англия и Германия так и скалят зубы на нас. Эх, как это Россия не понимает, что ее естествен-

---

* это привязанность, п л о х о направленная

ная союзница есть Франция. Только при этом союзе и европейское равновесие не нарушалось бы, а то теперь этим объединением Германии оно совершенно нарушено; кто же теперь может сам на сам с нею справиться? Конечно, никто,—вот она и распоряжается всею Европою, ну, а под таким кулаком, как у г-на Бисмарка, никому не поздоровится. Правда, и глупая Франция также не понимает, что ее единственное спасение заключается в союзе с Россиею. Этот фигляр «Figaro» печатает статьи против России по болгарскому вопросу; как это идиотично! Замечательно, что людям труднее всего бывает понять самую простую истину, не понимают того, что лучшее есть всегда самое простое. Это то же, что и в музыке, и люди делают те же ошибки, что и в музыке: всё ищут чего-то особенно замысловатого и сложного, ну, и выходит чушь. Право, просто зло берет! Эта шутиха Франция тоже вместо того, чтобы посадить поскорее короля, сплотиться потеснее с Россиею, сообща отколотить хорошенько г-на Бисмарка, вернуть с него свои пять миллиардов и тогда благоденствовать,—она, напротив, рассылает теперь везде Фрейсине произносить республиканские речи, в городах выстраивают войска шпалерами для встречи—кого же? Какого-нибудь сапожника Фрейсине. Да, шуты они гороховые, ведь им внутренно стыдно до смерти, что они должны ему делать такие овации, что у них [нет] прирожденного короля, который бывает один в государстве и который и родился и воспитывался королем, к которому и идут такие почести. Всё это эти несчастные французы чувствуют более, чем кто-нибудь, обо всём этом они втайне плачут горючими слезами, но эти сапожники держат их в руках таким террором, что они и пикнуть не смеют о своих желаниях, и вот кричат: «Vive la Republique!»* A la Republique идет к ним так же, как к корове седло; как это всё противно! Не подумайте, дорогой мой, что я чем-нибудь раздражена и потому так выражаюсь. О нет! Это есть плод глубокого изучения французского народа, к которому я имею полную возможность, живя в Touraine, в сердце Франции. Я не скажу, чтобы я вынесла симпатию к этому народу, чтобы я жалела его,—нет, мне противно видеть, что этот народ, который послал на эшафот добрейшего и благороднейшего из людей, этот народ, который без жалости подкосил столько великих, выдающихся сил Франции, этот народ, из которого вышла Charlotte Corday, теперь не может справиться с горстью бездарных, бессовестных разночинцев, которые лишают народ не только свободы действий, но свободы слова, свободы мысли, потому что они боятся даже и думать о том, чего хотят. Им навязали республику, но отняли у них liberté, égalité, fraternité**. И этот, теперь ничтожный народ дает этим проходимцам играть собою, как стадом баранов; кричит: vive la Republique и вывешивает флаги для встречи... Вы подумаете: Генриха V, Людовика XIX?—О нет,—сапожника Фрейсине, потому что он, наверно, сапожник или, быть может, булочник. Да, это совсем не в духе французского народа. Франция—не Америка, она не так воспитывалась, у нее совсем другая история, другие традиции, а следовательно, и другие симпатии. Самые блестящие времена Франции были времена самого абсолютного, самого деспотичного монархизма, и каждый француз вздыхает о том времени, не может забыть его, ему стыдно идти встречать Фрейсине, после целой фаланги блестящих и настоящих королей. Французы не могут забыть того времени, когда Франция распоряжалась Европою, и слуховое щекотанье сло-

* «Да здравствует республика!»
** свободу, равенство, братство.

вом республика не может вознаградить стольких потерь для гордости, самолюбия, тщеславия и многих свойств, так присущих французам.

Вот те убеждения, которые я вынесла из своего ближайшего и короткого знакомства ныне с Францией, и я не могу простить французам, что они так измельчали. Но будет этих мудрствований; я думаю, я Вам ими ужасно надоела, дорогой мой, простите.

Коля и Анна говорили мне, что Вы недавно у них обедали. Не правда ли, милый друг мой, что эта парочка производит очень приятное впечатление: у них всё в гармонии, всё понятно, все ясно и все мило, конечно, откладывая в сторону всякие другие политические дела,— но только они сами по отношению друг к другу, со всею их жизнью. До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы и спокойны. Крепко жму Вам руку. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

345. Чайковский — Мекк

Майданово,
23 сентября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Последнее время ознаменовалось двумя поездками в Москву, вследствие которых весь строй моей жизни нарушился и, между прочим, задержался правильный ход моей корреспонденции. Если я не ошибаюсь, я давно Вам не писал. В первый раз я пробыл в Москве пять дней, очень устал; вернулся домой и едва успел немного придти в себя, как пришлось снова ехать в Москву на один день, по случаю торжественного представления «Демона» и приезда А. Рубинштейна [1]. Прослушать «Демона» не составляет вовсе неприятности, ибо я считаю эту оперу лучшей из Рубинштейновских, но несносен был ужин, на котором пришлось потом присутствовать. Эти ужины с бесконечными спичами и тостами, продолжающиеся до четырех часов ночи, несносны в высшей степени, и у меня сегодня весь день болит голова, так как нужно было встать в семь часов утра, чтобы поспеть на поезд.

В последний раз, что я видел Колю и Анну, они говорили, что ее разрешение от бремени ожидается в двадцатых числах; вчера я не успел к ним заехать, сегодня никакого известия не получил и немножко беспокоюсь. Дай бог, чтобы она и Александра Карловна поспешили успокоить двойное волнение и беспокойство, которые Вы должны теперь испытывать.

В Москве я ничего решительного не мог узнать относительно того, когда пойдет моя опера. Во главе дирекции стоит теперь личность очень несимпатичная, некто г. Майков, никогда театральными делами не занимавшийся, и бог весть, почему назначенный на это место. Судя по всему, это человек, очень нерасположенный к русским музыкантам вообще и ко мне (как мне гово-

рили) особенно, и я предчувствую, что при постановке оперы мне придется выдержать много неприятностей от него. В подобных случаях я всегда вспоминаю двух людей, враждебно относящихся к опере: Вас и Льва Толстого, и даю себе слово не писать больше опер, но непреодолимое влечение к театру берет потом верх, и я чувствую, что, пока перо держится в руке, я буду писать всё-таки больше опер, чем симфоний или квартетов. А между тем, как хорошо, как покойно не иметь дела с театром и с его дрязгами! Приступил к инструментовке «Чародейки». Теперь я надеюсь недели две безвыездно провести в деревне.

Судя по телеграмме из Москвы, я заключаю, что в ожидании прибавления в семействах сына и дочери Ваших Вы там, и потому адресую письмо на Мясницкую.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог, чтобы всё совершилось благополучно.

Ваш П. Чайковский.

Дом Колин мне чрезвычайно понравился.

346. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
26 сентября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше, а также конверт с чеком я сегодня получил. Примите живейшую, горячую благодарность мою. Благодарю Вас также за указание, как поступить с чеком. Затруднения тут никакого, конечно, не будет. Еще раз от всей глубины души благодарю Вас, дорогая моя!

Очень радуюсь благополучному разрешению от бремени Александры Карловны. Я тем больше радуюсь этому, что, значит, доктор Чиж теперь свободен и, наверное, будет присутствовать при разрешении Анны, которая именно боялась, что ее роды совпадут с родами Александры Карловны.

Позвольте мне сказать Вам, дорогой друг мой, что я уже давно заметил с чувством самой искренней радости, что тяжелые, болезненные ощущения, которые вызывала в Вас Анна, значительно сгладились. По тону, с которым Вы говорите о ней, я вижу, что справедливое неудовольствие Ваше против нее отошло в область прошлого. Дай бог, чтобы отныне ничего подобного прежнему, той поразительной бестактности, которую она выказала, войдя в Вашу семью, уже не было. Анна очень умна, и мне кажется, что она поняла свои ошибки и постарается исправить их. Что касается взаимной любви Анны и Коли, то действительно нельзя

сомневаться в прочности соединяющего их чувства. Ваша доброта восторжествовала над всеми тягостными недоразумениями, разъединявшими Вас от этой пары, и я имею полное основание надеяться, что мне уже не придется больше раскаиваться в том, что я был связующим звеном между двумя семьями. Нередко я страдал и мучился от сознания своей невольной вины, и теперь несказанно радуюсь перемене обстоятельств.

То, что Вы говорите о политике, совершенно верно. Естественность и логичность союза России с Францией так очевидна, что ее все сознают, и, рано или поздно, этот союз осуществится. Мне кажется, что наш государь стремится удержать до поры до времени мир во что бы то ни стало. И я очень радуюсь, что из-за негодного народишка он не хочет покамест воевать. А если нужен мир, то, очевидно, невозможно заключать официального союза с Францией, ибо этот союз уже сам по себе есть объявление войны. Французы тоже нуждаются в мире, и это обстоятельство и им мешает искренно броситься в объятия России. Такой шаг мог бы быть сделан только сильным и прочным правительством, а не такими господами, как Ферри, Фрейсине и т. д.

Как я радуюсь, что Вы собираетесь в Неаполь; я ужасно люблю, когда Вы живете в Италии. Очень и мне бы хотелось не сидеть так упорно на месте, как я это делаю с некоторых пор, но опять-таки мои оперы причиной тому, что я не могу уезжать зимой из России. В нынешнем году меня удерживают «Черевички». В будущем пойдет «Чародейка». Теперь я провожу, по крайней мере, семь часов дня за инструментовкой этой оперы. Но это работа мало утомительная; скорее, напротив, она наполняет приятным образом жизнь, нисколько не утомляя.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг. Еще раз глубоко благодарю Вас. Дай Вам бог всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Кажется, в прошлом письме я уже говорил, что дом, подаренный Вами Коле, мне очень, очень нравится.

347. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
3 октября 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! От всей души благодарю Вас за новое поздравление и также поздравляю Вас с третьею внучкою. Дай бог нашей молодой парочке радоваться и утешаться этим маленьким созданьицем, этим дорогим звеном их любви и счастья. Вы совершенно

верно угадали, дорогой мой, что мое неудовольствие против Ануси совершенно сгладилось. Я так довольна их собственною приличною и вполне семейною нравственною жизнью, что я не хочу и вспоминать дурного прошлого, тем более, что в настоящем я его не вижу, а что касается жизни самого Коли, то, конечно, ее благоустроенность, приличность и счастье вообще в самой значительной степени составляет заслугу женщины, жены, и за это я Анну очень люблю и очень высоко ценю. Дай господи, чтобы так было всегда, чтобы никогда ничто не изменилось в этой тихой, хорошей семейной жизни. Теперь они оба поглощены своею новою радостью, новыми заботами о дорогом существе. Я была у них. Ануся смотрит молодцом, кормит сама, и, слава богу, теперь явилось достаточно молока, а первые дни я боялась, чтобы ей не пришлось отказаться от этой весьма дорогой обязанности матери. Завтра я еду на крестины своей первой внучки—Мекк; до сих пор у меня был только один внук Мекк, а это первая внучка Мекк; но вообще это двадцать первая внучка,—благодать божья!

Я ужасно рада, что Вам понравился Колин дом, милый друг мой, он, действительно, очень приличный и симпатичный домик.

В среду я уезжаю совсем, и до того времени уже не успею написать Вам еще, дорогой мой, а пошлю Вам свое сердечное прости со станции Клин, когда буду проезжать там, потому что я поеду через Петербург, но не остановлюсь в Петербурге нисколько; боюсь тамошнего холода и потому перееду со станции на станцию. Но вот горе: я не знаю, с которой стороны от железной дороги находится Майданово, и не знаю, куда мне посылать свои задушевные, горячие приветы Вам, мой милый, неизменный друг. Ах, боже мой, я чуть не забыла горячо, от всего сердца поблагодарить Вас, дорогой мой, за Ваш совет съездить на Кавказ и за Вашу готовность устроить мне большой комфорт на пути. Меня очень тянет в эту чудную природу и пугает только эта дальность расстояния и путешествие в экипаже, но очень может быть, что я всё-таки соберусь съездить в эту весьма привлекательную страну. А знаете, дорогой мой, куда я теперь замышляю съездить? — В Мадрид! И это очень легко сделать: из Парижа полутора суток езды, и есть спальные вагоны, а не правда ли,— интересная страна; при мысли об ней так и слышится Хота Аррагонеза, а какая это прелесть!

Но вообще говоря, мои фантазии сменяются так быстро, что я и не знаю еще, куда поеду. Знаю только одно, что меня всегда тянет страстно на юг—туда, где солнце и цветы не изменяют человеку круглый год. Природа и музыка—это мой культ. В них мое божество, мое обожание, мое наслаждение и счастье, счастье без конца; только они и удовлетворяют меня в жизни.

Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Теперь напишу Вам из-за границы.

Как же Вы решили насчет дирижирования Вашей оперой самому? Но я не знаю, для чего Ваши друзья мучат Вас таким советом. По-моему, это не только излишне, но гораздо лучше не профанировать свою особу этим выступлением на эстраду, на глаза и суд всякой публики. Я считаю композитора слишком священною особою для того, чтобы выставляться так перед толпою. Простите, дорогой мой, если мое суждение некстати; нечаянно вырвалось. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Простите, что письмо написано так неопрятно, я очень тороплюсь, дел много.

348. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
5 октября [1886 г.]

Милый, дорогой, бесценный друг!

Мысль Ваша проехаться в Мадрид мне чрезвычайно нравится, и я очень рад, что Вы увидите новую страну, опоэтизированную столькими поэтами и музыкантами. Прочитав это известие в письме Вашем, я немедленно решил при первой возможности тоже побывать в Мадриде. О, эти оперы! Сколько из-за них страданий и лишений я испытываю! Например, то обстоятельство, что уже четыре года, будучи, в сущности, совершенно свободным, я не видел столь горячо любимой мной Италии и Рима,— это всё по вине моих опер, ради постановки которых и осень и зиму я постоянно задержан здесь. В такую погоду, как сегодня, нельзя без сжимания сердца думать о Риме, о солнце, цветах! Но зато я внутренно даю себе слово раз навсегда отказаться от писания опер, и надеюсь, что сдержу свое слово.

То, что Вы говорите о дирижировании моем, есть настоящий елей для раны моего сердца. Представьте себе, милый друг, что целую жизнь свою я всегда мучился и страдал от сознания своей неспособности к дирижированью. Мне казалось, что как-то стыдно и позорно не уметь владеть собой до того, что при одной мысли о выходе с палочкой перед публикой я трепещу от страха и ужаса. Чувствую, что и на этот раз, хоть я и дал обещание сам дирижировать, но когда время подойдет, не хватит смелости, и я откажусь. Но если так случится, мысль, что Вы и, вероятно, многие другие не видят в моей дирижерской бесталанности никакого стыда и несчастия, будет мне чрезвычайно утешительна.

Тороплюсь кончить это письмецо для того, чтобы оно могло еще дойти к Вам до Вашего отъезда. Мне хочется пожелать Вам, дорогая моя, самого счастливого, благополучного и приятного путешествия!

Майданово находится, проехавши Клин, сейчас же направо. Оно хорошо видно, но Вы будете ехать ночью.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш П. Чайковский.

Я до слез радуюсь тому, что̀ Вы пишете об Анне.

349. Мекк — Чайковскому

Висбаден,
19/31 октября 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Вот я и опять в Висбадене, в этом чудном месте, где такой мягкий воздух, такое горячее солнце, горы покрыты таким чудным густым лесом, луга такою зеленою бархатною травою, где всё дышит средневековою, легендарною Германиею. Ах, как здесь хорошо, дорогой мой! Сидя теперь в Майданове, Вы и представить себе не можете, как тут поэтично хорошо и как много музыки, какие серьезные программы. Вчера мы слушали Баха, Бетховена и очень красивую увертюру Reinecke к «König Manfred». Завтра будем слушать Пятую симфонию Бетховена, сцену из «Тристана и Изольды», скрипичный концерт Bruch'a в исполнении Sauret и потом его собственное сочинение для оркестра. Как жаль, что Вы не здесь, мой милый, дорогой друг. Одно только и отравляет мне мое наслаждение,— это жизнь в г о с т и н и ц е, потому что невозможно удовлетворить всем своим потребностям и привычкам. Я, например, ненавижу гостиничных кроватей, а нельзя же снабжать Hôtel'и своим mobilier, в особенности при такой частой перемене места, как она у меня делается; но что делать, — зато так многое вознаграждает меня за эти неудобства, что в выводе я всё-таки в восторге. На днях я поеду в Heidelberg на прогулку, дня на три, и вернусь опять сюда; это прелестный городок, и я давно не была в нем. В свой Belair, хотя он и очень мил, но я, вероятно, совсем не попаду, потому что там совсем нет музыки, а это слишком скучно для меня, и природа мало интересная, нечего смотреть и нечем восхищаться. А Вы знаете, дорогой мой, что у меня две радости на свете: музыка и природа; которую из них я больше люблю, трудно сказать, потому что одна пополняет другую, но обе они мне н е о б х о д и м ы.

Зимою я, вероятно, отправлюсь на юг, в Рим, в Ниццу. Ах, да, я и забыла сказать Вам, что об Испании я отложила попечение, потому что когда стали читать описания этой страны и указания путеводителей, то я убоялась, так как там прямо говорится, что д а м а м не советуют пускаться туда в путешествие, — ну, делать нечего, д а м а м везде плохо.

Вчера я получила письмо из Москвы, где пишут, что Анна, было, прихворнула, но что теперь лучше, а это меня очень встревожило, я послала телеграмму с вопросом, каково ее здоровье и малюточки, но еще ответа не получила. Сейчас подали мне письмо от Саши, где она пишет, что Анна, слава богу, теперь совсем здорова и что Коля неожиданно уехал в Копылово. Теперь меня это тревожит, — зачем в Копылово, и так экспромтом; значит что-нибудь случилось. Боже мой, боже мой, никогда нельзя быть покойным, одна тревога сменяется другою.

Из Москвы пишут, что там мороз и снег. Бедная наша страна, какая она суровая и жесткая, а тут солнце так ласково греет, трава такая зеленая. Если бы я могла еще здесь слушать Ваши сочинения, дорогой друг мой, то блаженство мое было бы безгранично! Будьте здоровы, дорогой мой, милый друг. Не забывайте всею душою горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Адресовать письма покорнейше прошу в Wiesbaden, poste restante, потому что там всегда знают наш адрес.

350. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
26 октября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера я получил здесь пересланное из Майданова письмо Ваше, чрезвычайно обрадовавшее меня, в особенности потому, что оно дышит довольством и отражает светлое настроение души Вашей. Сколько помнится, Висбаден действительно прелестный городок. Я был в нем только однажды не надолго и очень давно, еще до войны 1870 г., и помню, что был совершенно очарован. Очень доволен я также тем, что Вы собираетесь в Рим. Боже, как бы мне хотелось побывать в Италии вообще и в Риме в особенности! Но, увы, я сам сковал себе цепи, удерживающие меня в России; это мои оперы, ради которых я непременно должен быть зимой то в Москве, то в Петербурге.

Впрочем, теперь я попал в Петербург по другой причине. Если Вы помните, милый друг, уже и прежде со мной бывало, что от напряжения в работе или от другой причины у меня периодически появляется упорная головная боль совершенно особенного свойства. Она состоит в том, что как только я с полчаса внимательно поработаю, у меня является ощущение, как бы мне в мозг воткнули гвоздь, и эта боль столь мучительна, что уже о работе и думать нечего[1]. По опыту знаю, что против этого одно средство — бросить работу и на время уехать. После нескольких дней, заметивши, что прекратить занятия и уехать необходимо, я решил отправиться в Петербург, где и нахожусь уже больше недели, ровно ничего не делая. Как всегда, я здесь очень страдаю от суетной столичной жизни, тоскую о своем одиночестве и чуть не плачу, что столько времени пропадает даром для работы, но зато боль моя совершенно прекратилась. Придется, однакож, для окончательного выздоровления остаться еще несколько дней.

Я часто бываю в театрах, в опере,— всячески стараюсь развлекаться. Видел «Руслана и Людмилу» в новой, необыкновенно роскошной обстановке. Опера здесь процветает, т. е. очень привлекает публику, хотя по составу труппы оставляет желать очень многого. Отсюда я снова отправлюсь в Майданово и буду работать, пока не пригласят в Москву для репетиций оперы «Черевички». А затем мечтаю о путешествии за границу, но не знаю еще, как и куда!

Благодарю Вас, дорогой, бесценный друг, что вспомнили обо

мне и написали; я именно получил Ваше письмо, когда уже начинал беспокоиться о том, где Вы и как себя чувствуете.

Дай бог Вам всяческого благополучия.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Погода в Петербурге самая тоскливая, серая, с постоянным дождичком.

351. Мекк — Чайковскому

Висбаден,
2 ноября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой! Как больно мне было узнать из Вашего письма, что Вы опять хвораете. Ради бога, милый друг мой, берегите себя, занимайтесь поменьше; Вы уже так много доставили наслаждения человечеству, что уже имеете право хотя бы и ничего не делать. А мне так обидно, что я лишена теперь счастия слушать Ваши сочинения, что, признаюсь, я желала бы, чтобы Вы меньше сочиняли, — это своего рода ревность, но что делать? — человек слаб. Дай господи, чтобы Ваша головная боль совсем и навсегда оставила Вас.

В прошлом своем письме я забыла еще раз много и много поблагодарить Вас, мой милый, добрый друг, за Вашу протекцию Генриху Пахульскому, так как теперь ему уже дали занятие в консерватории. Бесконечно благодарю Вас, горячо уважаемый друг мой, за это выражение Вашей дружбы ко мне. А бедный Владислав Альбертович никак не может поправиться своими нервами, делается совсем ипохондриком, и хотя музыка есть его единственный культ, но и в ней он не находит облегчения своему постоянному беспокойству и тревогам. Какое зло дала природа людям — эти н е р в ы, и ведь никаких средств нет против них, — так люди и погибают.

Мы слушаем здесь каждый день, а иногда и два раза в день очень хороший оркестр, а третьего дня слушали и солистку Sophie Menther. Вы, вероятно, знаете эту артистку, дорогой мой? Она очень блестящая пианистка. Играла больше всего Листа. На прошлой неделе играл также Сарасате, но я не была в концерте, потому что только что вернулась в тот вечер из Heidelberg, куда я ездила искать для Милочки precepteur *. Гувернантка у нее есть, итальянка, M-elle Balmas, но она учит ее трем языкам: итальянскому, французскому и английскому, а в научных предметах она слаба, так я взяла из Гейдельбергского университета докторанта Sütterlin, молодого человека, от которого университет ожидает очень много; так, по крайней мере, заявил профессор, к которому я обратилась.

В тот же вечер, как играл Сарасате, исполняли также Ваш Andante из Первого квартета, но исполняли всем Streichorchestr'ом **, и Влад[ислав] Альб[ертович] говорил, что нехорошо исполняли; это очень жаль.

Я уже сегодня пишу второе письмо, а потому кончаю. Будьте здоровы, милый, дорогой друг мой, и не забывайте всею душою горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

---

* наставника

** струнным оркестром

352. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
4 ноября 1886 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Ради бога, простите меня, что пишу Вам так мало и редко. Я всё еще в Петербурге; кручусь в неистовом водовороте здешней жизни, и в довершение всех трудностей вот уж третий день, как совершенно болен и не могу уехать в свое милое деревенское уединение, о котором помышляю как о каком-то невероятном счастье и блаженстве. Надеюсь, однакоже, что в четверг шестого числа можно будет уехать. Завтра хотят в мою честь устроить празднество в здешнем Квартетном обществе. Это будет мое последнее петербургское испытание. А затем, едва успею несколько дней отдохнуть в Майданове, как уже придется ехать в Москву на репетиции оперы.

Но хотя я и очень устаю и очень утомляюсь от Петербурга, но не могу не сказать, что меня трогает глубокое сочувствие, которое я встречаю здесь повсюду, во всех кружках и сферах, с которыми сталкиваюсь. Приписываю это тому, что мою музыку здесь очень любят, и это, конечно, глубоко радует меня. Как далеки те времена, когда о постановке новой оперы мне приходилось хлопотать и просить! Теперь они еще ненаписанную оперу уже включают в репертуар будущего сезона и собираются роскошно обставить ее. Когда кончу постановку «Черевичек», поселюсь безвыездно в Майданове и буду с величайшею поспешностью оканчивать «Чародейку».

Будьте здоровы, дорогая моя, и ради бога простите, что не успеваю теперь правильно вести свою корреспонденцию с Вами.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

353. Чайковский — Мекк

Майданово,
10 ноября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Наконец я у себя дома, и нет слов, чтобы выразить, до чего я рад и доволен. Только здесь, в деревне, я чувствую себя самим собой, живу настоящей жизнью, перестаю носить какую-то маску светского человека, под которой скрывается неисправимый ненавистник света, по обстоятельствам принужденный от времени до времени как угорелый метаться среди этого самого света.

Как я уже писал Вам, милый друг, в прошлом письме, я, однако, не могу не замечать, как много выиграл я или, лучше сказать, моя музыка, в русском общественном мнении за последние годы. Отовсюду, на каждом шагу я встречал в Петербурге так много изъявлений сочувствия и любви, что нередко умилялся до слез. Высшим проявлением симпатий ко мне было устроенное в мою честь в Квартетном обществе торжество[1]. Вечер состоял из двух больших сочинений (квартета и трио) и мелких вещей. Энтузиазм был искренний, и я вышел оттуда подавленный чувством умиления и благодарности. Даже дня два после того был совершенно болен от испытанных волнений.

В высших сферах, кроме благоволящих ко мне государя и государыни, у меня есть особенный, специальный покровитель, а именно вел. кн. Константин Константинович. В это пребывание в Петербурге я нередко с ним виделся и бывал у него. Личность его необыкновенно обаятельна. Он талантливый поэт и недавно, под обозначением букв *К. Р.*, вышел сборник его стихотворений, имеющий большой успех и расхваленный всеми газетными и журнальными рецензентами. Он также и музыкой занимается и написал несколько очень миленьких романсов. Жена его — очень симпатичная молодая женщина, замечательная, между прочим, тем, что в два года она выучилась совершенно свободно говорить и читать по-русски. Несмотря на всю мою застенчивость, особенно с людьми из высоких сфер, я чувствовал себя в среде этих симпатичнейших августейших особ совершенно свободно и в беседе с ними находил истинное удовольствие.

Вся дирекция театров тоже всячески выражала при всяком удобном случае свою симпатию и готовность оказывать моим операм внимание. Прежде не то было.

Всё это, дорогая моя, я пишу Вам не для того, чтобы покичиться своими успехами, а ввиду того, что Вам не неприятно будет знать, что преданный и верный друг Ваш всё более и более завоевывает симпатий к его музыке. А ведь эти симпатии имеют благодетельное действие, особенно в такие годы, когда бороться с равнодушием и непониманием уже становится не по силам.

Опера «Гарольд» моего друга Направника, первого представления которой я хотел дождаться, опять отложена по болезни главной певицы, а теперь он и сам, бедный, расхворался. Так я и не мог дождаться ее. Мне самому предстоит в ближайшем будущем испытывать авторские волнения в Москве. Только дней шесть я отдохну в деревне.

Погода здесь печальная. Снега и солнца нет. Серо, туманно, дождливо. С нетерпением ожидаю настоящей зимы. Постараюсь

генерь, и по возвращении из Москвы работать умеренно, дабы [труд] не был в ущерб здоровью.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

Благодарю Вас от души, дорогой друг мой, за письмо Ваше. Меня очень огорчает ипохондрия бедного Влад[ислава] Альберт[овича]. Очень прошу Вас дружески поклониться ему от меня.

354. Мекк — Чайковскому

Баден-Баден.
21 ноября/3 декабря 1886 г.

Милый, несравненный друг мой! Бесконечно благодарю Вас за Ваши дорогие письма, которые я все получаю аккуратно, но простите, ради бога, что на два Ваши письма отвечаю одним, но у меня при моем огромном семействе такая большая переписка, что сил и средств не хватает писать часто, тем более, что сил-то с каждым годом уменьшается, старость всё дает себя чувствовать сильнее, а переписка всё увеличивается по мере того, как дети вырастают и становятся самостоятельными. Вы удивитесь, быть может, дорогой мой, что письмо это обозначено из Баден-Баден, но я приехала сюда для прогулки; так как вы знаете, что я не могу долго сидеть на одном месте, то мне захотелось посмотреть, какой вид имеет это очаровательное место зимою. И увы, уношу полнейшее разочарование: насколько оно восхитительно летом, настолько непривлекательно зимой. Тесно, безлюдно, холодно, снег лежит, — словом, некрасиво и неуютно. Завтра я уезжаю обратно в Висбаден, там гораздо приятнее и удобнее.

Перед отъездом из Висбаден мы были в очень интересном концерте. Cäcilien Verein. Исполняли ораторию Haydn «Jahreszeiten (Quatre Saisons)», и великолепно исполняли. Оркестр там чудесный, хоры, в особенности женский, превосходны, солисты отличные, а что касается отношения капельмейстера и всех артистов к исполняемому произведению, то уже лучше, как в Германии, нигде и найти нельзя; это было репетировано безукоризненно, несмотря на то, что в хорах масса любителей. Сегодня здесь мы пойдем также в симфонический концерт, но здесь оркестр гораздо хуже висбаденского, а будет играть солист — скрипач d'Angremont. В прошлую пятницу у нас в Wiesbaden играл Иоахим.

Как я счастлива, как горячо радуюсь тем овациям, какие Вам делали в Петербурге, дорогой друг мой. Я радуюсь вдвойне: за Россию, что она умеет ценить гениальный талант, и за Вас, мой бесценный друг, что Вы получаете эту оценку, а ведь самое дорогое удовлетворение для человека это быть оцененным. Пошли Вам господи здоровья, чтобы долго, долго пользоваться своими успехами и доставлять наслаждение миру.

Все мои в России помаленьку здоровы, а от американцев получили одно только письмо с Атлантического океана. Они все здоровы, были

в Лиссабоне на несколько часов. Пароход, на котором они едут, везет тысячу человек; вот громадный-то, это целая большая деревня.

До свидания, дорогой мой, милый друг, будьте здоровы, берегите себя, ради бога. Всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

355. Чайковский — Мекк

1890 г. ноября 14—24. Майданово—Москва.

С. Майданого.
14 ноября 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Не много радостей принесло мне мое возвращение в Майданово. Вместо здоровой, деятельной жизни — я всё нездоров. И ума не приложу, что это такое. Во-первых, при малейшем напряжении головы не только в работе, но и в чтении, у меня немедленно появляется та боль внутри головы, которую иначе нельзя сравнить, как с гвоздем, воткнутым в самую середину мозга. Во-вторых, пищеварительные органы мои становятся опять скверными. Одним словом, чтобы не входить в подробности, скажу только, что, несмотря на необходимость торопиться с инструментовкой оперы, я уже третий день не работаю. Надеюсь, что всё это пройдет и что моя несомненно здоровая, хотя и чересчур нервная натура скоро опять свое возьмет. Но придется поневоле умерить себя в работе. Несколько раз в эти дни передо мной восставал роковой и ужасный вопрос: «Ну, а что если здоровье расстроится до того, что совсем работать нельзя будет?» А я жизни без работы не могу себе представить! Впрочем, повторяю, милый друг мой, не придавайте всему, что я Вам сегодня пишу, слишком большого значения. Всякую напасть я всегда склонен видеть в преувеличенном виде.

Всё ждем зимы, а зима не приходит; погода стоит унылая, серая и содействует, вероятно, ненормальному состоянию моей нервной системы.

24 ноября.

Вот уж десять дней прошло с тех пор, как написаны предыдущие строки. После того моя головная боль дошла до ужасающей степени. Она не оставляла меня даже ночью. Я не мог ни спать хорошо, ни работать, ни читать, ни гулять и доходил до совершенного отчаянья, как вдруг, девятнадцатого числа получаю депешу, что меня требуют в Москву для репетиций оперы. В первую минуту я хотел ответить, что при репетициях оперы присутствовать не буду, и уеду за границу. Но в то же время я почув-

ствовал, что мне от испытанного волнения или от другой причины вдруг стало гораздо лучше. Через полчаса я почувствовал желание спать; лег и, проспавши отлично ночь, встал почти здоровым и уехал в Москву, прямо в Большой театр на репетицию. С тех пор мое здоровье находится в отличном состоянии. Не правда ли, дорогая моя, что вся эта странная болезнь есть не что иное, как те же вечные нервы. Я понял теперь раз навсегда, что, когда эта боль будет появляться, нужно бросать на время работу и уезжать. Достаточно перемены обстановки, чтобы боль прошла.

Теперь ежедневно идут репетиции (пока еще с фортепиано) «Черевичек». Опера будет дана, вероятно, в половине будущего месяца.

Я видел Колю, Анну и их дочку. Ребенок здоровый и очень симпатичный.

Вы не посетуете на меня, дорогой друг, что, пока будут происходить репетиции оперы, я поневоле буду неаккуратно вести свою корреспонденцию с Вами и ограничиваться лишь краткими извещениями о себе? Кроме репетиций, я все досужные часы посвящаю «Чародейке», которую должен кончить к сроку.

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесценный друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Здешний адрес мой: Большая московская гостиница.

356. Мекк — Чайковскому

Висбаден.
8/20 декабря 1886 г.

Милый, дорогой друг мой! Как это печально, что Ваше здоровье так неудовлетворительно нынешнюю зиму, и как жаль, что Вы летом не поехали в Виши, это бы Вам очень поправило здоровье на зиму. Но как наши организмы похожи, так это просто удивительно: у Вас точно такая же головная боль, как и у меня, и делается от тех же причин, как и у меня, и я именно вследствие такой головной боли и лишилась возможности читать, поэтому мне теперь и необходимы люди для чтения. Что эта головная боль есть нервная, в этом, конечно, нет сомнения. Дай господи, чтобы Ваши занятия в Москве надолго избавили Вас от этой мучительной головной боли.

Я могу похвастаться Вам, дорогой мой, что мы опередили Вас зимою: у нас со вчерашнего дня лежит снег. Ландшафт очень красивый, но всё-таки я предпочитаю видеть зеленую траву. А про Баден-Баден я слишком поторопилась заявить Вам, что там зимою нехорошо. Нет, даже и под снегом очаровательно, потому что когда мы поехали кататься и пошли гулять в горы, покрытые густым лесом, то это до того хорошо, что всё другое исчезает из воображения, а только при-

дник в немой восторг от этой чудной красоты природы, так что я уехала из Баден-Бадена опять очарованная и теперь отсюда, вероятно, через неделю уеду совсем, и в Баден-Баден на одну или две недели, а потом в Париж и, вероятно, в Ниццу, потому что меня тянет на юг неудержимо. Завтра я жду к себе своего сына Володю, и, конечно, можете себе представить, милый друг мой, с какою радостью. Он пробудет, вероятно, самое короткое время, но все-таки свидания с ним действуют на мою душу как бальзам, после которого долго чувствуешь себя хорошо.

Я все продолжаю здесь наслаждаться музыкою. В прошлую субботу в симфоническом концерте играл пианист Grunfeld; я его знаю по Вене, и его игра мне очень нравится. Здесь также отличный оркестр и превосходный капельмейстер Louis Lüstner. Теперь здесь ожидают праздника рождества, в Courhaus будет елка послезавтра, но я, к сожалению, на нее не попаду, потому что требуется быть одетою в бальный туалет, ну а до этого мы не охотницы. А в России отсутствие зимы производит много убытков и невыгод и в том числе и нам, несчастным акционерам железных дорог, так как подвоза хлеба нет: по бездорожице дороги ничего не возят, и доходы акционеров значительно уменьшаются. Чудит эта природа невообразимо: в Р о с с и и вдруг нет зимы, — где же ей быть после этого!

Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Прошу Вас усердно совсем не писать мне, пока Вы заняты репетициями, тем более, что я буду менять места теперь, и письма могут затеряться, а это было бы очень неприятно. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

357. Чайковский — Мекк

Москва.
9 декабря 1876 г.

Милый, дорогой друг мой!

Жизнь моя в Москве продолжает быть преисполненной заботами о постановке «Черевичек» и параллельно с этим усиленной работой над другой оперой, «Чародейкой». Если прибавить к этому неизбежные обеды, вечера, концерты, спектакли и т. д. и т. д., то понятно, что в результате — постоянное утомление, подчас доходящее до изнеможения. Однакож, несмотря на всё это, я, слава богу, совершенно здоров. Первое представление «Ч е р е в и ч е к» отложено до десятых чисел января, не потому, чтобы времени не было поставить оперу в декабре, а потому, что декабрь есть глухое предпраздничное время, для театра неблагоприятное. Оркестровая репетиция была покамест только одна, и я на ней дирижировал. Мне хотелось попытаться побороть свою болезненную застенчивость; я пересилил волнение и страх, был восторженно приветствуем музыкантами и, в конце концов, репетицию провел недурно. Посмотрим, что будет дальше и в состоянии ли я буду дирижировать и на представлении[1].

Вчера по случаю дня рождения Анны я у них обедал. У них было довольно много гостей. Кира чрезвычайно милый, здоровый, симпатичный ребенок, и теперь общее впечатление, производимое молодыми супругами, их взаимной любовью и счастием, в самом деле очень приятно. Сделавшись матерью, Анна стала вдруг как-то гораздо мягче. Шероховатости ее характера сгладились, можно надеяться, что в конце концов всё то, что в ней и в ее воздействии на мужа огорчало как Вас, так и меня, останется навсегда в области прошедшего.

Милый друг! Вчера только я узнал, что граф. Беннигсен не обитает в Вашем Мясницком доме. У меня была в начале осени мысль просить Вас позволить мне поселиться на всё время пребывания моего в Москве в нижних комнатах этого дома (где мне бесконечно покойнее и удобнее, чем в гостинице), но я не посмел заговорить с Вами об этом, ибо думал, что Алекс[андра] Карловна всю зиму проживет в Москве. Перед праздниками я уеду в Майданово и в начале января снова возвращусь в Москву. Простите за смелость, но мне хочется попроситься к Вам в жильцы недели на две или на три на Мясницкую. Возможно ли это? Я решаюсь на эту просьбу совсем не в видах экономии, а потому, что я там могу гораздо покойнее жить и вернее уединяться. Здесь отбою нет от посетителей.

Засим позвольте пожелать Вам, дорогой, милый друг, всяческих благ и, главное, здоровья.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

358. Мекк — Чайковскому

Висбаден.
14 декабря 1886 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Я в восторге от Вашего желания пожить у меня в Мясницком доме. Я уже так давно не пользовалась самым величайшим для меня удовольствием иметь Вас своим дорогим гостем, что считала уже это мечтою, и тем более теперь я бесконечно рада, что мои комнаты осветятся Вашим присутствием. В доме уже давно никого нет; Саша приезжала только к своему разрешению и через три недели уехала обратно в Гурьево. Прошу Вас, дорогой мой, занять комнаты, какие найдете удобнее, и распоряжаться и пользоваться всем, как у себя дома. У меня все попрежнему maître d'hôtel'ем* Иван Васильев, которого Вы знаете давно, милый друг мой, и который перед Вами благоговеет. Затем там есть только швейцар, хороший малый, при нем жена, и старинный мой дворник с рождественского дома[1], также с семейством. Ведь Иван Васильев теперь тоже женат и имеет маленькую дочку, лет пяти, которую любит без ума.

---

* дворецким

В Мекке, кажется, наконец пришла зима. У нас лежит снега так много, что железные дороги прекращали свое движение на некоторое время. На днях мы ездили кататься в горы на санях; это доставило мне огромное удовольствие, потому что погода была чудесная, дорога гладкая, как стол, лошади фыркали и летели, как стрела. Горы здесь очаровательные, потому что сплошь покрыты лесом, — словом, прогулка была прелестная. Володя еще у меня, но сегодня уезжает. Владислава Альбертовича я послала опять в Belair, так что мы остаемся опять одни женщины. Это очень неприятно и неудобно в гостинице, но что делать, — в Belair мне необходимо переменить fermier, — этот уж очень заворовался, но уходить не хочет и поэтому придумывает мне всякие chicaneries*.

Я ужасно рада, что опять пойдут Ваши оперы, дорогой мой, но как мне жаль Вас, что Вам приходится так насиловать себя; помоги Вам господи сил и здоровья. Скажите, дорогой мой, откуда Вы взяли сюжет Вашей «Чародейки»?

Я адресую это письмо в Майданово, думаю, что там оно вернее попадет к Вам, милый друг мой. Не пишу больше, потому что это время мне приходится писать до изнеможения сил, и глаза уже совсем отказываются от такой непосильной работы. Будьте здоровы, милый, бесценный друг мой. Всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Здешний капельмейстер исполнял со своим оркестром две увертюры Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмилу», и превосходно исполнил.

359. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
26 декабря 1886 г.

Милый, дорогой друг!

Не зная наверное, где Вы теперь, я всё-таки адресую в Висбаден, в надежде, что письмо перешлют к Вам. Во-первых, поздравляю Вас, дорогой, бесценный друг, с наступающим Новым годом, при пожеланиях Вам всяческого счастия и благополучия. Во-вторых, от глубины души благодарю Вас за дозволение пожить в Мясницком доме, в котором я появляюсь седьмого числа и останусь до тех пор, пока не состоится первое представление «Черевичек». Теперь уже решено, что, если здоровье позволит, я буду сам дирижировать на первом представлении. Было уже семь репетиций. Вы, дорогая моя, не одобряли моего намеренья подвергнуть себя всем волнениям и страхам дебютанта-дирижера. Будущее покажет, хорошо ли я сделал, что не послушался Вас. Очень может быть, что тяжелая борьба, которой я подверг себя самого с своей собственной застенчивостью, отразится впослед-

* дрязги

ствии неблагоприятным образом на моем здоровье и отнимет у меня несколько дней и месяцев жизни. Но каким-то роковым образом обстоятельства сложились так, что я не мог не попытаться переломить себя и в последний раз испытать себя на дирижерском месте. Этому способствовали и настояния друзей, и сознание, что если я выйду победителем из мучительной борьбы с самим собой, то могут из этого проистечь неисчислимые выгодные последствия для успеха моей музыки, и, наконец, какое-то непреодолимое желание доказать самому себе неосновательность моего убеждения в полной моей неспособности к капельмейстерству. А кто знает, может быть всё обойдется так, что и здоровье мое нисколько не пострадает. По крайней мере, всё последнее время оно было превосходно, несмотря на невероятное утомление и напряженность нервов. Я очень доволен отношением ко мне всех участвующих и искренним сочувствием, высказываемым на каждом шагу как певцами, так и артистами оркестра. Обставлена опера будет очень хорошо. Декорации превосходны, костюмы тоже. Всем этим я обязан прежнему директору, который еще два года тому назад распорядился о роскошной обстановке «Черевичек». Теперешняя московская дирекция не благоволит ко мне.

Теперь я чрезвычайно рад, что могу несколько дней отдохнуть у себя в деревне. Ко мне приехал гостить на все праздники брат Модест. С завтрашнего дня принимаюсь за «Чародейку», которой в Москве я мог отдавать лишь немногие свободные минуты. Будьте здоровы, дорогая моя! Дай Вам бог хорошо встретить Новый год!!!

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

1887 год

360. Чайковский — Мекк

Майданово,
5 января 1887 г.

Милый, дорогой, бесценный друг мой!

Сегодня Коля переслал мне Вашу телеграмму, которая очень обрадовала и тронула меня. Но мне очень совестно, что я, с своей стороны, не поздравил Вас депешей с Новым годом. Это произошло оттого, милый друг, что Вы мне писали, что находитесь на отъезде и адрес свой сообщите позднее. Теперь я вижу из телеграммы, что Вы еще в Висбадене, и поспешаю поблагодарить Вас от всей души за телеграмму Вашу.

Я провел у себя праздники с величайшим удовольствием: я очень нуждался в отдыхе, и эти двенадцать дней, проведенных в деревенской тишине, очень освежили меня. Тем не менее, работал я с величайшим усердием, т. е. всё продолжал писать свою Чародейку», которую к великому посту уже требуют в Петербург, чтобы немедленно начать разучивать хоры.

У меня гостили всё это время брат мой Модест и Ларош. Последний, как Вам небезызвестно, страдает болезнью Обломова. Он обленился и опустился до того, что принужден был оставить консерваторию, а статьи пишет, только если его заставляют, т. е. не дают ему спать, а он спать может безостановочно целыми сутками. Каждый день я посвящал полтора часа на то, что заставлял его диктовать статью о «Каменном госте» Даргомыжского, и в результате вышла очень хорошая статья, которую Вы прочтете в следующем нумере «Русского вестника»[1]. Модест тоже приводил в порядок свою комедию, так что мы все трое работали и сходились только к вечеру все вместе и занимались музыкой и чтением. Я сохраню об этом деревенском отдыхе самое приятное воспоминание. Послезавтра, седь-

мого числа, мы все едем в Москву. Модест останется до первого представления «Черевичек». Сегодня я телеграфировал Коле, чтобы он разрешил Модесту остановиться вместе со мной в Вашем Мясницком доме. Хотел об этом просить Вашего позволения, но не знал, куда адресовать депешу. Надеюсь, дорогая моя, что Вы простите мне, что я помещу Модеста в Вашем доме, прежде нежели придет ответ на позволение, которое я испрашиваю у Вас в этом письме.

С седьмого числа у меня ежедневные репетиции. Много придется испытать волнений, страхов и всякого рода тревог и беспокойств. После того приеду в Майданово и снова примусь за «Чародейку». Часто я жалуюсь на то, что мне приходится без отдыха работать. Но что бы я делал, если бы не было работы!!! В сущности, я без нее и дня прожить не могу.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

361. Мекк — Чайковскому

Париж,
6 января 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Поздравляю Вас с наступившим Новым годом и от души желаю Вам совершенного здоровья, полного спокойствия и успеха во всех Ваших желаниях и делах. Вы первый, которому я пишу в этом году, и я считаю это для себя хорошим предзнаменованием. Я надеюсь, дорогой мой, что это письмо найдет уже Вас в моем доме, и потому адресую туда. Очень, очень желаю, чтобы Вам было уютно и тепло в моем доме, дорогой гость мой, и прошу Вас устроиться как только можно удобнее и требовать всего, что Вам может понадобиться. Иван Васильев — очень преданный Вам слуга, и с удовольствием будет исполнять всё, что Вам угодно. Жалею очень, что не могу сама приготовить всё для Вас.

Я нахожусь наконец в Париже и, как всегда, браню его беспощадно, но люблю очень, а терпеть не могу всех его порядков или, вернее сказать, беспорядков, потому что эта беспорядочная жизнь и эти грубые, злые натуры здешнего населения совсем не годятся для меня. Но, впрочем, в эту минуту я злюсь на Париж за холод, который у них царствует в комнатах, потому что в таком холодном климате, какой здесь, они пробавляются одними каминчиками, и потому холодно так, что я едва перо держу в руках.

Прошу Вас, дорогой мой, если у Вас найдется свободная минутка, чтобы написать мне, то адресовать в Ниццу, poste restante, но больше всего прошу усердно никак не принуждаться писать мне, потому что ведь я же знаю, как Вы будете заняты при постановке Вашей оперы.

Меня ужасно радует, что «Черевички» будут так хорошо поставлены, но бесит меня, что нынешняя дирекция к Вам не благоволит, как Вы выражаетесь, милый друг мой. Вот уже надо сознаться, что нет нации на свете менее патриотичной, как Россия: именно того

и их любит, что свое; и того, что составляет гордость и радость [illegible] свое отечество, у нас очень мало ценят. Противно это!

Дай бог, чтобы Вы не очень утомились, дорогой мой, и остались бы довольны всем, чего надо для творца таких чудных произведений, как Ваши. Откуда Вы взяли сюжет «Чародейки», дорогой мой? Вероятно, она уже теперь кончена?

От Коли с Анною я имею довольно часто известия. Очень меня радует, милый друг мой, Ваш отзыв об нашей общей внучке Кирочке. Как это смешно, что у Вас есть внучка, и не первая даже. У меня это первая из фамилии фон-Мекк. До сих пор был один внук и теперь первая внучка. Мне очень бы хотелось увидеть мордочку этого милого созданьица, и Коля с Анною меня ужасно обрадовали обещанием приехать в мае ко мне в Belair. Дай бог, чтобы это исполнилось.

Вероятно, в четверг я уеду отсюда, но не прямо в Ниццу, а остановлюсь в Cannes, пока в Ницце мне будет приготовлено помещение. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Пошли Вам бог здоровья и всяких успехов. Всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

362. Чайковский — Мекк

Москва,
14 января 1887 г.

Милый, дорогой, бесценный друг мой!

Вот уже неделя, что я пользуюсь Вашим гостеприимством. Живу у Вас, как у Христа за пазухой. Не могу достаточно нахвалиться заботливостью о моем благополучии, оказываемою мне Колей, Анной, Александром Филаретовичем, Иваном Васильевым и проч. К сожалению, мне очень мало приходится быть дома: репетиции идут ежедневно. Каждое утро я отправляюсь погулять пешком, а в одиннадцать часов уже сижу в оркестре за дирижерским пюпитром. Кончается репетиция около четырех часов, после чего я нахожусь в столь утомленном состоянии, что, возвратившись домой, могу только лежать и слегка дремать в одиночестве. Затем, к вечеру силы возвращаются, и я только тут в состоянии принимать пищу. Чаще всего я обедаю у Коли и Анны; иногда бываю в театре.

Дирижерство дается мне, конечно, с некоторым трудом и требует сильного напряжения всей нервной системы. Но я не могу не признаться, что оно доставляет мне и значительную отраду. Во-первых, мне приятно сознание, что я поборол свою природную болезненную застенчивость. Во-вторых, автору новой оперы чрезвычайно приятно управлять самому ходом своего сочинения и не быть принужденным беспрестанно подходить к дирижеру, прося его исправить ту или другую ошибку. В-третьих, я вижу такие нели-

В подлиннике описка: 1886 г.

измерные изъявления сочувствия к себе на каждом шагу от всех участвующих, что это глубоко трогает и умиляет меня. Знаете ли, милый друг, что я гораздо меньше волнуюсь перед новой премьерой теперь, чем бывало прежде, когда я при репетициях бездействовал. Мне кажется, что если всё обойдется благополучно, то в результате получится не расстройство моих больных нервов, а, скорее, благоприятное на них воздействие. О результатах первого представления я буду Вам телеграфировать. А пока будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Беспредельно благодарный и любящий Вас

П. Чайковский.

36 3. Мекк — Чайковскому

Cannes.
17/27 Janvier 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Приехавши в Cannes, я имела удовольствие получить Ваше письмо, адресованное в Висбаден, и спешу отвечать Вам, дорогой мой, что мне доставляет величайшее удовольствие то, что Модест Ильич находится также с Вами у меня в доме. Soyez les bienvenus *, мои дорогие гости, ведь мы теперь не чужие, у нас есть общие близкие и дорогие люди, а следовательно, и общие интересы чувств. Как бы я желала, чтобы Ваше время в моем доме прошло приятно, хорошо, чтобы Вы не имели ни малейших неприятностей извне. Очень, очень мне будет интересно знать, как пройдет представление «Черевичек», т. е., вернее сказать, Ваше дирижирование оркестром. Мне Вас очень, очень жаль, дорогой мой, я понимаю, какое терзание Вы должны перейти; пошли Вам бог силы и здоровья. А после того на отдых приезжайте на юг, милый друг мой. Как здесь хорошо, как хорошо, боже мой, какие чудные уголки есть на земном шаре! Я наслаждаюсь невыразимо: эта теплота, эта зелень, розы приводят меня в упоение. Мы еще пока в Cannes, а в Ницце приискиваем дачу, но прошу Вас, дорогой мой, адресовать письма в Ниццу, poste restante, мне оттуда пересылают всю корреспонденцию. А что, Модест Ильич также поставит свою комедию? Вышло ли это сочинение в печати; если вышло, то не могу ли я, милый друг мой, побеспокоить Вас просьбою приказать моему Ивану Васильеву выслать мне сейчас эту книгу в Ниццу? Он знает, как это надо делать, потому что часто присылает мне книги и ноты, но только ему надо написать на бумажке название сочинений. Простите, дорогой мой, что беспокою Вас, но мне очень бы хотелось прочитать это сочинение, — я говорю о том, где барышня полюбила мужика; а быть может, после этой уже и другая написана?

Я стараюсь писать с воздержанием, потому что глаза всё никак не могу поправить. Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг, и не забывайте всею душою Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

P. S. Прошу Вас, дорогой мой, передать мой искренний, сердечный поклон Модесту Ильичу.

---

* Добро пожаловать.

364. Чайковский — Мекк

Москва.
22 января 1887 г.

Милый, дорогой друг!

На другой день после первого представления Черевичек* мы получили здесь известие о неожиданной смерти бедной моей племянницы Тани. Хотя мне, в сущности, часто приходило в голову, что для этой несчастной самый лучший и желанный исход был – смерть, но, тем не менее, я был глубоко потрясен известием. Она умерла в Петербурге, в зале Дворянского собрания, на bal-masqué*. Из того, что она была на балу, Вы видите, что она была на ногах и даже пыталась пользоваться общественными удовольствиями, но организм ее уже давно был подточен. Это была тень прежней Тани, морфий сгубил ее, и, так или иначе, трагический исход был неизбежен. С ума схожу при мысли о том, как перенесут это горе бедная сестра и зять... За Анну я тоже беспокоился, но, кажется, она перенесет его твердо. Любовь к ребенку поглотила ее всецело, и другим чувствам мало места...

Теперь скажу Вам, дорогая моя, несколько слов про «Черевички». В день представления я чувствовал себя совершенно больным и думал, что не в состоянии буду выдержать предстоящих волнений. Уж не знаю, как я дожил до вечера. В первую минуту, когда я появился в оркестре, мое волнение достигло крайних пределов. Но единодушная овация, сделанная мне артистами и публикой, ободрила меня. Увертюра вызвала шумные рукоплескания. Тут я мало-помалу начал успокаиваться и чем дальше, тем лучше исполнял свое дирижерское дело. Мне поднесли несметную массу венков, и вообще всякого рода оваций было более чем достаточно. Шло представление хорошо, хотя были кое-какие недочеты, вследствие страха, испытываемого в первое представление всеми исполнителями. Опера обставлена роскошно, и некоторые декорации привели публику в восторг. Говорят, милый друг мой, что будто бы я не лишен дирижерского таланта. Если это правда, то не странно ли, что, дожив почти до старости, я не только никогда не подозревал в себе подобного таланта, но был именно убежден в противном, т. е. в полной неспособности своей к дирижерству. Так как Вы получаете московские газеты, то я не буду входить в дальнейшие подробности об опере. Да мне и трудно отвлекать

---

* маскараде

[illegible] мысли от трагедии, происшедшей в Петербурге. Брат Модест телеграфирует мне, что племянник Володя, за которого я очень боялся, так как он болезненно впечатлителен и нервен, слава богу, здоров. Но Каменка, Каменка!!! Боже мой, что там должно происходить. Ведь родители тем более любили свою несчастную, больную дочь, чем менее она доставляла им радостей!

Милый друг мой! Брат Модест еще не кончил до сих пор переделки и поправки в своей комедии. Вероятно, она будет напечатана, и тогда, конечно, я пришлю ее Вам.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!!!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

365. Мекк — Чайковскому

Ницца.
28 января 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Как ужасно поражена я несчастьем, постигшим Александру Ильиничну. Бедная, бедная мать, сама такая слабая, так много страдает, а тут еще такое страшное горе; пошли ей господи сил перенести его. Бедная и Татьяна Львовна. Слишком рано рассчиталась с жизнью, хотя, с другой стороны, ей бог послал самую лучшую форму смерти, быструю; я всегда говорю, что так умирать могут только праведники, что это награда, которую бог дает им за безобидную жизнь.

Я сама совсем расклеилась это время и, между прочим, от [illegible] на воздухе, на ветру, охрипла так, что с трудом говорю, и это очень раздражает нервы. У нас второй день холодно, т. е. в шесть часов утра два градуса тепла только, но солнце каждый день, и на солнце двадцать градусов по Реомюру. Я переехала в Ниццу прямо на дачу, и, как всегда, с начала переезда много невзгод и беспорядков, и это особенно некстати при моем нездоровье.

Как Вы скоро покинули мой дом, милый друг мой. Я надеялась, что Вы погостите подольше, а Вы уже и уехали. Как горячо я радуюсь успеху Вашей новой деятельности на поприще дирижирования оркестром. Я нисколько не сомневалась, что это выйдет очень хорошо, но мне было ужасно жаль Ваших нервов, но слава богу, что всё это вышло хорошо. Когда же Вы за границу, милый друг мой?

А у меня теперь, в бытность мою в Париже, были также тяжелые душевные ощущения: у меня там умер родной племянник, Воронец, от чахотки, которую он носил в себе пятнадцать лет, и только благодаря теплому климату он мог просуществовать так долго, но вот последние года два он стал зимою засиживаться в Париже и вот не вынес этого.

Я посылаю, дорогой мой, как всегда, перевод отдельно и прошу Вас не отказать сообщить мне, дойдет ли он до Вас. Не пишу больше, потому что нездоровится. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

366. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
2 февраля 1887 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

После моего последнего письма к Вам я был так сначала смертью племянницы Тани, так утомлен всем предшествовавшим, что, право, не знаю, как у меня хватило силы продирижировать еще два раза своей оперой. Мысль, что я скоро буду в деревне, у себя, один, поддерживала меня. И зато нет слов, чтобы описать мою радость, когда, наконец, двадцать девятого числа утром я поехал домой. Здесь я должен остановиться и выразить Вам, дорогой друг, самую горячую благодарность за то, что Вы меня приютили в Вашем Мясницком доме. Мне во всех отношениях было там и приятно и удобно. Иваном Васильевым и остальной прислугой не могу достаточно нахвалиться.

Здесь я уже пятый день, но, увы, не отдыхаю, а напротив, с лихорадочной торопливостью работаю над «Чародейкой» и спять устаю, устаю и устаю, иногда до безумия. Правда, что без работы я скучаю и положительно жить не могу, но зачем обстоятельства так складываются, что мне всегда нужно торопиться, напрягать все свои силы и никогда почти не отдыхать настоящим образом? Теперь передо мной такая бесконечная вереница всяких задуманных, обещанных работ, что страшно и заглянуть в будущее. Как наша жизнь коротка! Теперь, когда я дошел, вероятно, до последней степени того совершенства, на какое способен,— поневоле уже приходится оглядываться назад и, видя, как много годов прожито, робко смотреть на дальнейший путь и спрашивать себя: успею ли, стоит ли?.. А между тем, только теперь, может быть, я могу писать так, чтобы не сомневаться в себе, верить в свои силы и свою умелость.

Слухи о том, что я не только могу дирижировать оркестром, но даже и порядочно дирижировать, перешли за пределы Москвы. Из Петербурга я получил приглашение от дирекции Филармонического общества дирижировать их годовым концертом, имеющим быть в посту и посвященным исключительно моим сочинениям. Просят они очень усиленно. Мне и страшно и, вместе, хочется (ибо, как я писал Вам, в этом есть своего рода сильное наслаждение), и жаль времени, которого потребуют приготовления и репетиции. Не знаю, решиться ли. А из Парижа меня зовет поскорее приехать мой издатель Mackar, который устраивает какую-то audition из моих сочинений. И туда тоже хочется, и нужно бы. Когда-нибудь я Вам расскажу, милый друг, что за коварный человек г. Colonne. У меня с ним очень курьезные сношения...

Дорогая моя! В Москве приходил ко мне скрипач Литвинов и обратился с просьбой, которую мне совестно передавать Вам, но, Вы простите меня, не передать ее я тоже не могу. Он желает купить скрипку; денег у него нет, и он почему-то питает слабую надежду, что Вы, если я Вас о том попрошу, поможете ему скрипку купить или же подарите одну из превосходных скрипок, которые у Вас есть. Я отвечал, что попросить — попрошу, но не обнадежил его, что просьба будет исполнена. Скрипач он очень талантливый; только оттого я и не мог ему отказать в посредничестве. Но, ради бога, не стесняйтесь нисколько моим посредничеством. Я ведь отлично знаю, что нет возможности удовлетворять все бесчисленные просьбы, Вам приносимые.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Анна и Коля очень обо мне заботились в Москве. Кира все милее и милее.

367. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
9 февраля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Простите, ради бога, что я до сих пор еще не поблагодарил Вас за бюджетную сумму, полученную мной в банке пять дней тому назад. Я уведомил Вас депешей о получении ее, но до сих пор не удосужился письменно поблагодарить Вас. Простите, ради бога! Я до того заработался, до того утомлен лихорадочно-торопливой работой, что у меня голова не на месте, и иногда мне кажется, что я с ума схожу. И отчего это я обречен вечно спешить и напрягаться до последней степени, когда другие работают, когда им бог на душу положит? В настоящее время, как я уже писал Вам, мне совершенно необходимо к первой неделе поста окончить переложение оперы «Чародейка», сделать корректуры ее и доставить оттиски в Петербург. А между тем, «Черевички» отняли у меня так много времени и так утомили меня!!! Впрочем, не буду жаловаться на судьбу, да и грешно жаловаться. Представьте себе, дорогой друг мой, что меня убедительно просят продирижировать в Петербурге на третьей неделе поста большой концерт, составленный исключительно из моих сочинений и что мне хочется испытать себя в качестве симфонического дирижера. Уж раз я начал, то отчего же не продолжать? Если, бог даст, и концерт сойдет так же благополучно, как опера, то значит, что я буду иметь возможность

при каком удобном случае личным участием содействовать успеху своих сочинений, а это очень важно, и если б я имел смелость в давно прошедшее время появляться в качестве капельмейстера, то кто знает, насколько решительнее и быстрее установилась бы моя репутация порядочного композитора? Я уж начинаю мечтать об устройстве, со временем, концертов за границей, да мало ли еще какие мечты у меня!.. О, если б мне теперь быть на двадцать лет моложе!!!

Одно несомненно, это то, что мои нервы изумительно окрепли и что то, об чем я и думать не мог прежде, теперь стало возможным. Само собою разумеется, что этим я обязан свободной и обеспеченной от забот о средствах жизни. И кто, как не Вы, дорогая моя, виновница всего хорошего, что судьба мне посылает!..

Концерт, о котором я писал, состоится в Петербурге 5 марта. Я мечтаю после того уехать за границу или на Кавказ.

Милый друг мой! Бывши в Москве, я опять у Вас останавливался, и если позволите, и впредь буду пользоваться Вашим гостеприимством. Не далее, как в конце этой недели, придется опять ехать в Москву.

Будьте здоровы, дорогая!

Ваш П. Чайковский.

368. Мекк — Чайковскому

Париж,
19 февраля/3 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Вам, вероятно, уже известно из газет, что по берегам Средиземного моря было землетрясение, и потому Вас не удивит, что я пишу это письмо из Парижа, куда мы убежали, так же как и почти все иностранцы, проживающие в Ницце, но только другие, несчастные, так были поражены ужасом и испугом, что бежали в одном белье, как были в кроватях, и так доехали и до Парижа. Мы же выждали, пока суматоха на железной дороге несколько улеглась, и тогда уехали, а те три дня, которые пробыли в Ницце, проводили на воздухе и ночевали на улице и в саду соседнего [illegible],— то в омнибусе, то в палатке, а последнюю ночь в фургоне для перевозки мебели. Половина населения Ниццы также устроилась бивуаком на площадях, на улицах и горах. Зрелище это было бы очень живописно, если бы можно было спокойно им любоваться.

Вчера я прочла в «Figaro» маленькое сообщение об audition, которую устроил Mackar из Вашей музыки, милый друг мой, и посылаю Вам эту вырезку. Меня радует видеть, что Вас умеют ценить. А что сделал Colonne? Напишите мне об этом, дорогой мой.

По поводу просьбы г-на Литвинова о том, чтобы я подарила ему сырницу, мне очень, очень жаль, дорогой мой, что я не могу исполнить

---

* владения

ее, и жаль потому, что эта просьба передана через Вас. Но простите, милый, хороший друг мой, исполнить не могу, потому что это было бы совершенно против моих принципов и навлекло бы мне очень много неприятных последствий. Не знаю, как бы объяснить Вам это, но попытаюсь. В деле подарков я никак не могу предоставить инициативу их тем, которым они делаются, потому что иначе у меня не хватило бы предметов для подарков, так как человечество слабо и очень многим хочется получать их; следовательно, как побуждение, так и исполнение в деле подарков я предоставляю только себе. Сама же я руководствуюсь очень простым и логичным чувством, чувством, так сказать, благодарности за художественное наслаждение, которое мне доставят. Я раздарила несколько скрипок, виолончель, арфу (которую специально выписала из Лондона), но это всё тем людям, которых я слушала и знала, г-на же Литвинова я никогда не слышала и совершенно не знаю. Я удивляюсь только тому, зачем он беспокоил Вас своею просьбою, тогда как он очень хорошо знаком в доме у моего брата Александра, и уже если хотел, то мог обратиться через него. Простите, дорогой мой, но это жидовский расчет, потому что ведь он жид. Но не стоит об этом говорить так много. Пожалуйста, милый, дорогой, только не сердитесь на меня.

Я здесь не слышала никакой музыки и не была ни в одном театре; мы все простужены, и время идет очень скучно. Я сижу здесь, пока приготовят и нагреют мой Château Belair. К тому же, я жду здесь приезда моего Володи и после свидания с ним уеду в Belair, где и останусь всё время до возвращения в Россию. Прошу Вас, дорогой мой, туда и адресовать мне, т. е. France, Mettray, Château Belair. Не пишу больше, потому что и в голове еще сумбур от ницких волнений и от простуды трудно дышать. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг, и не забывайте безгранично Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

369. Чайковский — Мекк

Москва,
20 февраля 1887 г

Милый, дорогой друг мой!

В тот же день, когда была получена здесь Ваша телеграмма, содержание ее и мне сделалось известно, ибо по моей просьбе Анна тотчас же сообщила мне его. Мы знаем и радуемся, что Вы здоровы и что всё благополучно, но как хочется узнать подробности о всем испытанном Вами в ужасные два дня между катастрофой и отъездом. Надеюсь, что Коля и Анна вскоре будут иметь об этом точные сведения.

Я знаю, милый друг мой, что у Вас теперь деловые заботы, отнимающие всё Ваше время, и потому пишу Вам не для того, чтобы вызвать на ответ, а чтобы выразить мою радость о благополучном исходе ницкой трагедии и чтобы сообщить кое-что о себе.

Вчера я приехал в Москву. В последнее время, в деревне, от

усталости и напряжения в работе у меня опять начались головные боли и опять прошли, как только я переменил место и обстановку. Я поглощен теперь корректурами «Чародейки», которую отвезу в воскресенье в Петербург. Там останусь я две недели. 5 марта состоится концерт Филармонического общества, посвященный исключительно моим сочинениям и которым я сам буду дирижировать. Как и перед дирижированием «Черевичек», я и волнуюсь и в то же время в глубине души желаю еще раз испытать себя в качестве капельмейстера.

За несколько дней до Вашего приезда в Париж там состоялся концерт из моих сочинений, устроенный г. Mackar'ом, моим парижским издателем. Мне пишут, что концерт этот очень удался[1]. Я весьма доволен энергическим образом действий Mackar'a. Он много делает для упрочения моей музыки во Франции.

Колю и Анну я нашел здоровыми и счастливыми. Девочка их процветает.

Милый, дорогой мой друг! Желаю Вам от глубины души успеха в делах Ваших и всяческого благополучия.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский

370. Мекк — Чайковскому

Belair,
2 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Вот я и опять в своем Belair, в своем маленьком уголке, в котором всё устроено по моим потребностям и привычкам, но, несмотря на то, что необыкновенно приятно иметь великолепные сливки и масло, чудесного Erard'a, свой биллиард, крокет и проч. и проч., я всё-таки не перестаю вздыхать об этом чудном юге, солнце и цветах, к которым я так стремилась и от которых так безжалостно и навсегда оторвала меня судьба, а между тем, мое здоровье пришло уже в такое состояние, что я только на крайнем юге и могу существовать без опасности для своей жизни. Теперь, как только мы перебрались на север, я сейчас же простудилась, и в настоящее время грудное состояние мое отвратительно, а погода делается все хуже и хуже и наконец вчера выпал снег, а сегодня два с половиной градуса мороза. Жестоко, безжалостно!

Но мой Belair'чик всё такой же миленький, кокетливый, как всегда, только музыки недостает и вообще по части развлечений очень schwach, вообще ведь во французских провинциях жизнь гораздо скучнее, чем в немецких. В Германии в самых маленьких местечках и городках Вы можете иметь и хорошую музыку и хороших музыкантов, а во Франции они очень много разглагольствуют о музыке, но эта страна совсем не музыкальная, и музыка у них только профессия, средство наживы. Я не люблю французов: их самопоклонение, самообожание мне до крайности противны.

А на бедном юге опять повторилось землетрясение, но был легкий

удар, а, по наблюдениям ученых, должен опять быть в марте. Далее же предсказывают, что в сентябре опять будут землетрясения в разных местах и даже в России. Теперь уже нельзя и знать, куда бежать.

У меня был мой Володя в Париже, по делам. Он пробыл у меня только два дня, но на меня всегда освежающе действует его пребывание у меня. Его безграничная снисходительность ко всем и ко всему и его беззаветная, бесконтрольная любовь ко мне мирят меня с жизнью и на долгое время служат мне утешением. Сашок и Макс все еще находятся в Америке, Сашок в Южной, а Макс в Нью-Йорке; должно быть, в марте вернутся в Россию. Меня очень радуют Ваши отзывы, дорогой мой, о нашей маленькой Кирушечке. Они так дороги мне, эти милые, невинные существа, пошли им господи счастья в жизни.

Очень мне интересно знать, как пройдет Вам новое дирижирование Вашего концерта в Петербурге. Конечно, я убеждена, что вполне хорошо, но всегда хочется знать как можно подробнее. А когда пойдет «Чародейка» и какой будет персонал?

Слышали Вы, милый друг мой, что этот мальчик, хотя и великолепный пианист, Зилоти, ж е н и л с я, но, говорят, блестящую партию сделал в смысле состояния: четыреста тысяч приданого получает; женился он или на Боткиной или на Третьяковой, в Москве,— не помню хорошенько.

Будьте здоровы, мой милый, дорогой друг. Всею душою Вас безгранично любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Я сейчас вспомнила, что Вы еще нескоро вернетесь в Майданово, поэтому подожду отсылать это письмо.

371. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
10 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Не стану начинать письма моего с извинений в том, что давно не писал. Все эти две недели, проведенные мной в Петербурге, были так переполнены всякого рода делами, вечно державшими меня вдали от дома и письменного стола, что даже Вам до сих пор не удалось написать хоть странички. Но я знаю, дорогой друг, что Вы поймете и простите мою невольную вину.

Дебютировать в качестве дирижера в Петербурге мне, как я, вероятно, писал Вам, и хотелось и в то же время было очень страшно. Иногда этот страх доходил до того, что я решался отказаться и уехать, считая себя неспособным победить свою робость. Всего ужаснее была для меня первая репетиция; ночь, предшествующую ей, я провел очень мучительную и беспокойную, и явился на репетицию в состоянии почти больного человека. Но, странное дело, стоило взойти на эстраду, взять палочку в руки (причем

артисты оркестра восторженно приветствовали меня), как весь страх мгновенно прошел, и, по отзыву всех, я исполнил свое дело хорошо. На следующих репетициях уверенность была полная. В самом концерте я, конечно, перед выходом волновался сильно, но это уже не был страх, а скорее предвкушение того глубокого художественного восторга, которое испытывает автор, стоящий во главе превосходного оркестра, с любовью и увлечением исполняющего его произведения. Наслаждение этого рода до последнего времени было мне неизвестно; оно так сильно и так необычайно, что выразить его словами невозможно. И если мне стоили громадной, тяжелой борьбы с самим собой мои попытки дирижированья, если они отняли от меня несколько лет жизни, то я о том не сожалею. Я испытал минуты безусловного счастия и блаженства. Публика и артисты во время концерта многократно выражали мне теплое сочувствие, и вообще вечер 5 марта будет на всегда самым сладким для меня воспоминанием [1].

Опера моя уже сдана в театр, и хоры репетируют ее; между тем, мне еще много нужно над ней поработать, ибо три действия еще не инструментованы. Завтра я отправляюсь в деревню и примусь энергически за работу. Опера пойдет в будущем октябре. Относительно персонала я еще хорошенько не решил, кому поручить главные роли; об этом у меня будет совещание с дирекцией.

Своих родных здешних я нашел, слава богу, здоровыми. Мой любимец Володя до сих пор еще, однакож, не оправился от впечатления, которое произвела на него смерть племянницы Тани. Моя горячая любовь к этому чудному мальчику всё растет. Трудно высказать, до чего у него чудная, тонкая, богатая симпатичностью натура. Но он до такой степени непохож на других мальчиков его возраста, он так болезненно впечатлителен, что иногда я боюсь за него [2].

Какой-то художник снял с мертвой Тани превосходный портрет. Теперь этот портрет фотографирован, и я хочу спросить Вас, милый друг, не прикажете ли доставить Вам один экземпляр. Портрет вышел и удивительно похож и в то же время изящен и художественно прекрасен [3].

Зилоти женился на дочери известного коллекционера картин, Третьяковой. В качестве свойственника (она двоюродная сестра жены моего брата Анатолия) я присутствовал на свадьбе. Не знаю, хорошо ли для будущих успехов Зилоти, что у него теперь в руках целое богатство?

Милый друг мой! Мне ни на секунду и в голову не приходило сердиться на Вас за неисполнение просьбы скрипача Литвинова. Ваш взгляд на его поступок совершенно правилен, и, когда я обращался к Вам с просьбой от его имени, я смутно чувствовал

то, что Вы пишете по поводу этого случая, но ввиду его действительной талантливости решился всё-таки обеспокоить Вас просьбой.

Радуюсь, дорогая моя, что после всего, испытанного Вами в Ницце, Вы достигли, наконец, уютного уголка своего. Дай бог, чтобы здоровье Ваше укрепилось поскорее.

Очень тяжелое впечатление испытала теперь вся Россия по поводу задержанных политических преступников и их, к счастью, неудавшейся попытки[1]. Не знаешь, чему больше удивляться: их возмутительной жестокости и злобе или их бессмысленности?

Завтра еду в Майданово. Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой.

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

372. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
12 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я опять к Вам с просьбой, а в чем она, Вы узнаете из прилагаемого письма. Письмо это пишет сестра покойного Котека. Я очень желал бы помочь ей, т. е. достать какое-нибудь место для ее мужа. Единственная моя надежда в том, что если Вы напишете словечко Владимиру Карловичу или Коле, то они найдут возможным поместить куда-нибудь г. Чистякова. Всё, что пишет сестра Котека, совершенно верно. Они действительно в крайности.

Я вырвался, наконец, из Петербурга и с сегодняшнего утра нахожусь в Майданове. Господи боже мой, что за счастье быть, наконец, себе полным господином своего времени, а не мячиком каким-то, который перескакивает из рук в руки...

В день моего отъезда из Петербурга я испытал очень грустное впечатление при прощании с моим другом Н. Д. Кондратьевым. Вот уже второй месяц, что он болен очень серьезно (у него водяная), и мне кажется, что мы виделись в последний раз. Он сам это чувствует, и, прощаясь со мной, горько плакал. Доктора не теряют, впрочем, надежды и говорят, что он еще может поправиться; но он так ужасно изменился, на лице его до того резко начертаны признаки приближающейся смерти, что мне трудно надеяться на выздоровление.

До сих пор еще не определилось, где и как я проведу весну и лето. Во всяком случае, до святой я не тронусь отсюда. Лето же, вероятно, проведу на Кавказе у брата Анатолия.

Императрица прислала мне на днях свой портрет с подписью, в роскошной раме. Я был очень тронут этим вниманием, особенно в такое время, когда государю и ей не до того, что[бы] обо мне думать.

Погода стоит весенняя, чудная!

Будьте здоровы, дорогая моя.

Ваш до гроба

П. Чайковский.

373. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
16 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Теперь Вас можно вполне поздравить с новым поприщем и новою славою на этом поприще. Вы дирижировали в двух столицах, самых развитых в музыкальном отношении во всей Европе, двумя оркестрами из самых лучших в Европе и стяжали себе новые триумфы, новые восторги. Поздравляю Вас с этою победою над самим собою и с теми успехами, которые были результатом этих побед. Я радуюсь бесконечно и жалею только о том, что не могла быть участницею тех восторгов, которые ощущала публика. Благодарю Вас горячо, дорогой друг мой, за предложение мне портрета Татьяны Львовны. Я буду Вам несказанно благодарна, если Вы пришлете мне его, и Вы этим доставите мне особенное удовольствие, и вот почему: на меня произвела ужасное, неотвязное впечатление одна фраза Коли по поводу смерти Татьяны Львовны, который, рассказывая в письме мне этот случай, говорит, что она умерла с улыбкою на губах. Это произвело на меня такое впечатление, у меня так сжалось сердце, мне стало так бесконечно жаль эту молодую жизнь, которая была так изуродована и исковеркана, что она даже смерть встретила с улыбкою. Боже мой, боже мой, сколько драматизма в этом, и какую жгучую тоску и сожаление поднимает это со дна души. Бедное, бедное создание, как мне невыразимо жаль ее; я до сих пор не могу освободиться от представления ее лица с улыбкою смерти на устах! И вдруг Вы предлагаете мне ее изображение именно в том виде, в каком она стоит неотступно перед моими глазами. Благодарю Вас, благодарю, мой милый, добрый друг, и прошу усердно прислать как можно скорее, но покорнейше прошу прислать в Москву, и не откажите, дорогой мой, на пакете выставить: оставить до приезда, потому что я боюсь, чтобы Иван Васильев, из аккуратности, не послал мне сюда, а я 7 апреля уезжаю из Belair и буду в Москве около 22 апреля, потому что по дороге заеду к дочери Лидии Левис-оф-Менар, которая живет в Риге. Я из ее восьми детей знаю только двоих, а шестерых совсем не видала и хочу посмотреть этих маленьких зверьков.

У нас погода никуда негодная, солнца видим очень мало, и потому растительность идет очень туго. Я надеюсь, что ко мне скоро приедут мои американцы, но я в большой тревоге теперь, зная, что они находятся на океане и Сашок должен ехать целый месяц. В настоящее время у меня находится Соня. У нее, бедненькой, также горе:

она потеряла маленькую девочку семи месяцев и, конечно, очень горюет; сама еще ребенок, а уже испытала несчастье лишиться своего ребенка.

До свидания, милый, дорогой друг мой. Будьте здоровы и счастливы и не забывайте всею душою всегда горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

374. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
19 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Я в совершенном отчаянии, что опять должна отказаться исполнить Ваше желание по предмету места для г-на Чистякова. Но, дорогой мой, Вам, вероятно, неизвестно, что в прошлом году я продала и последнюю железную дорогу, Моршанскую, которая принадлежала почти вполне мне и моим детям, и поэтому теперь ни у меня, ни у моих сыновей нет никаких мест, которые бы могли дать кому-либо. Если Вы имели в виду Рязанскую дорогу, то ведь там я только одна десятая всех акционеров, и к тому же там постоянно ведут такие интриги против меня, что я с трудом могу поддерживать своих двух сыновей и уже никак не могу раздавать места. Для большей наглядности и доказательности моих слов я расскажу Вам следующее. Есть на свете человек, не чужой и Вам, к которому я чувствую большую симпатию, человек этот—Николай Римский-Корсаков. Он несколько лет находился на службе в Моршанском обществе, но в прошлом году вследствие продажи дороги лишился этого занятия и жалованья и должен был, как Вам известно, поехать на целый почти год в кругосветное плаванье, оставив жену и детей. Как я уже сказала Вам, я имею к нему б о л ь ш у ю и о с н о в а т е л ь н у ю симпатию и горячо желала бы устроить его положение так, чтобы ему не надо было покидать свое семейство на такое долгое время, и между тем я не могу исполнить своего собственного желания. Вот почти год, что я и Володя думаем и придумываем, как бы его устроить на Рязанской дороге, но понятно, что при тех интригах и борьбе, которую против меня там ведут, стали бы преследовать и подвергли бы гонению того человека, который был бы поставлен мною, потому что так и делают теперь, и вот я сама при своем собственном желании устроить человека, вполне этого заслуживающего, не могу еще достигнуть этого. Надеюсь, дорогой мой, что для Вас теперь ясно, что ни я, ни мои сыновья не имеем никакой возможности доставлять места. Очень жаль, что г-н Чистяков в ы ш е л в о т с т а в к у из той службы, на которой находился,— всегда лучше держаться хотя плохого, но верного, чем рассчитывать на сомнительное.

От души поздравляю Вас, милый друг мой, с царскою милостью и радуюсь ей от всего сердца; а какая милая наша императрица.

Ужасно тяжело подействовало это разбойничье покушение не только на русских, но и здесь, во Франции; здешняя пресса приписывает это проискам князя Бисмарка и, вероятно, основательно. Тяжелые времена, когда-то они просветлятся. А наш курс какой убийственный. Пора бы придумать что-нибудь, чтобы поправить его; ведь Италия придумала же лет пять назад.

У нас всё еще холодно, хотя всё зеленеет. Будьте здоровы, мой милый, дорогой друг. Всею душою всегда горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

375. Чайковский — Мекк

Майданово.
23 марта 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня получил письмо Ваше. Вы ничего не пишете в нем про свое здоровье, но так как в предыдущих письмах Вы на него жаловались, то из Вашего умолчания заключаю, что теперь Вы хорошо себя чувствуете, чему от души радуюсь. А я должен немножко пожаловаться на свое здоровье. Не то чтобы я был всё это время болен, но та головная боль, о которой я Вам несколько раз писал зимой, сделалась у меня постоянной, как только я живу в деревне и работаю. Как только я уезжаю на один или два дня в Москву и бросаю работу, так боль эта проходит. Из этого несомненно вытекает то заключение, что мне бы следовало несколько месяцев предаться полнейшему бездействию. Но в том-то и дело, что жить без работы я решительно не могу, ибо на меня тотчас же нападает хандра и тоска, а эта болезнь хуже всякой головной боли. Притом же теперь, например, я не могу не работать усиленно. Опера моя разучивается уже; она пойдет в начале октября, и инструментовку необходимо окончить к лету. Впрочем, я надеюсь, что поездка на Кавказ, которую я предприму на фоминой неделе и благодаря которой поневоле несколько дней буду отдыхать от работы, хорошо подействует на меня.

Я провел два дня в Москве по своим делам и возвратился сегодня под очень грустным впечатлением. Мой бедный друг Ларош, в довершение всяких бед, сломал себе вчера утром руку. Перелом очень серьезный, и он очень страдает. Целый день вчера прошел в устройстве гипсовой перевязки, что сопровождалось большими для него мучениями. Я провел у него весь почти день и вследствие этого не успел побывать у Анны и Коли, у которых хотел вчера обедать.

Я немедленно сделаю распоряжение о доставлении Вам в Мясницкий дом портрета бедной Тани.

Вы правы, говоря, что судьба этой девушки полна драматизма. Боже мой, сколько горестей она и сама перенесла и причинила своим близким, а между тем судьба озаботилась, повидимому, особенно усердно о том, чтобы она была счастлива и [была] источником счастия для других! Есть о чем призадуматься по поводу Тани.

О несчастии, постигшем бедненькую Софью Карловну, я знал уже, ибо это случилось, когда я был в Петербурге.

До свиданья, дорогая моя!

Беспредельно преданный Вам
П. Чайковский.

376. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
24 апреля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вы, вероятно, очень удивитесь, узнав, что до сих пор я еще в Майданове. Уж около месяца тому назад я должен был уехать и вот всё еще здесь. Меня задержала моя работа, т. е. инструментовка оперы. Работа эта, в сущности, не особенно трудная, но очень кропотливая. И странно: чем я делаюсь старше, тем больше затрудняюсь в работе, становлюсь строже к себе, осторожнее, разборчивее в выборе красок и оттенков. Между тем, оказалось, что мне необходимо сдать до отъезда, по крайней мере, три четверти всей оперы (иначе она к сроку не может быть расписана на партии), и вот я решился сидеть у рабочего стола до тех пор, пока не сделаю, что требуется. Прошла страстная, святая недели, прошла и фоминая и следующая за ней, а я всё еще сижу за работой. Вот для подобных случаев житье в деревне есть сущее благодеяние. Ничто и никто меня не стесняет. Теперь, с наступлением весны, и здоровье мое стало превосходно. Чем ближе подвигаешься к старости, тем живее чувствуешь наслаждения от близости к природе. Никогда еще я так не упивался прелестью весны, просыпающихся произрастений, прилетающих птичек и всего вообще, что приносит русская весна, которая у нас, в самом деле, как-то особенно прекрасна и радостна. Между прочим, весне и тому подъему духа, который она причиняет, я приписываю то, что я почти перестал страдать от крайнего утомления и напряжения всех сил своих, которое сказывалось очень сильно и болезненно несколько недель тому назад. Уже более месяца я не выезжал из Майданова. Сен-Санс очень звал меня приехать в Москву, чтобы присутствовать на его двух концертах, но я учтивым образом отклонил это приглашение[1]. Дело в том, что бедному Сен-Сансу пришлось играть в пустой зале. Я знал наперед, что это так будет, знал также, что это болезненно подействует на бедного француза, и мне не хотелось быть свидетелем его огорчения. К тому же, не хотелось отрываться от работы.

Я имею почти ежедневно очень грустные известия о моем приятеле Кондратьеве, о котором, вероятно, не раз в своих письмах я говорил Вам, милый друг мой. Вот уж третий месяц, что он очень серьезно болен. В марте, когда я был в Петербурге, я ежедневно навещал его и с грустью видел, как болезнь мало-помалу подтачивает здоровый организм его. В последнее время болезнь усложнилась; пришлось устроить консультацию, на которой присутствовал

Боткин. Результат ее печальный. Болезнь эта есть так называемая болезнь Брайта, и она совершенно неизлечима, хотя больной может еще несколько времени и протянуть.

Послезавтра я отправляюсь на несколько дней в Москву, оттуда на время (дней на семь) в Каменку и потом на Кавказ, где и пробуду, вероятно, все лето. Прошу Вас, дорогой друг, если будете писать мне, адресовать в г. Тифлис, Окружной суд, А. И. Чайковскому, для передачи мне. Из Тифлиса мы в июне переедем в Боржом, и впоследствии я сообщу Вам свой боржомский адрес.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный и благодарный

П. Чайковский.

Завтра мне минет сорок семь лет.

377. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
30 апреля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Прежде всего позвольте Вас поздравить с недавним днем Вашего рожденья и пожелать Вам от всего сердца прежде всего здоровья, а затем успехов во всех Ваших планах, желаниях и намерениях. Дай Вам господи жить еще сто лет и доставлять человечеству то высокое наслаждение и отдохновение от жизни, которое они теперь получают в Вашей музыке.

Я приехала в Москву еще двадцать второго, но решительно была не в состоянии писать Вам, потому что находилась под гнетом таких душевных волнений, таких тяжелых ощущений, что могла бы выражать только свое возмущение и раздражение. Дело в том, что я приехала за неделю до рязанского собрания акционеров, на котором, как всегда, выбирается один из директоров, и по этому случаю здесь повели такую интригу и употребляли такие грязные, недостойные никакого порядочного человека средства, что становилось гадко и тошно. И запевалою во всех этих подлостях есть человек, который уже несколько лет пользуется большим благосостоянием, благодаря моему значению в Обществе, которое я употребляла на его пользу[1]. Такая черная неблагодарность и такие низкие средства, которые употреблялись, чтобы сделать зло семейству фон-Мекк, до того возмущали меня, что я хотела бы убежать на край света. И только сегодня, час назад, я почувствовала облегчение, потому что получила телеграмму из Москвы, что в Собрании акционеров всё-таки восторжествовала справедливость, т. е. прошел наш директор. А мне тем более были неприятны эти интриги, что человек, которого мы выбирали, обременен огромным семейством и не имеет никакого состояния, но, слава богу, по крайней мере, в конце концов он не лишен средств к жизни.

Сейчас, прочитавши Ваше письмо, милый друг мой, я вижу, что мое едва ли дойдет до Вас, и потому кончаю его. Я адресую на имя Коли, потому что не знаю Вашего московского адреса. Благодарю

Вас от всей души, дорогой мой, за портрет Татьяны Львовны, который я от Коли получила; он очень хорош. Бедное юное создание!

Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Крепко жму Вам руку. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

378. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
5 мая 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я еще зимой от Коли узнал, что против Вас в Общ[естве] Ряз[анской] жел[езной] дор[оги] была интрига, и очень интересовался узнать, чем всё это кончится. На днях, прочитав в газетах, что выбран в директоры г. Вилинбахов и кандидатом Коля, я написал последнему, прося его ответить мне, хорош ли этот результат, победа ли это Ваша или поражение. Тотчас после того я получил письмо Ваше, из которого узнал, что всё кончилось согласно Вашему желанию. От всей души радуюсь и поздравляю Вас.

После того, как я отправил Вам последнее письмо, я успел кончить оркестровку того действия, по окончании которого хотел уехать. Но мне показалось так неприятно ехать в дальний путь, имея на душе еще неконченную вполне оперу, а с другой стороны, я получил такие убедительные просьбы из Петербурга о том, чтобы поскорее представлена была вся инструментовка, что решился еще остаться в Майданове до тех пор, пока всё не будет сделано. Работаю упорнее и усерднее, чем когда-либо, но, благодаря правильному режиму и движению, чувствую себя хорошо, хотя по временам и испытываю сильную усталость и желание поскорее заслужить право ровно ничего не делать и беззаботно отдыхать.

Бедный мой приятель Кондратьев, о болезни коего я Вам писал, слабеет и близится к трагическому исходу с каждым часом. Я решился, прежде чем поеду в свое дальнее путешествие, побывать у него в Петербурге, ибо он очень желает меня видеть, да и мне хочется исполнить долг многолетней дружбы и, несмотря ни на что, навестить его. Я покидаю Майданово в субботу девятого числа, еду в Петербург и, пробывши там несколько, не заезжая к себе, уеду дальше по направлению к югу. Если будете писать мне, дорогой друг, адресуйте, пожалуйста, в г. Тифлис, Окружной суд, А. И. Чайковскому, для передачи П. И. Ч.

Желаю Вам, милый, дорогой друг мой, всякого благополучия и, главное, здоровья. Дни здесь стоят чудные; я радуюсь за Вас. Из Петербурга, вероятно, еще буду писать Вам.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

379. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
14 мая 1887 г

Милый, дорогой друг мой!

Я нашел своего больного друга Кондратьева в отчаянном положении. Вид его произвел на меня невыразимо тяжелое впечатление: в два месяца он до того изменился, что осталась только какая-то тень прежнего. Дни его сочтены, и надежды нет, по словам доктора, никакой, хотя болезнь может еще тянуться довольно долго. Он страшно обрадовался моему приезду, и почти плачет, когда я говорю, что скоро нужно уехать. Так как мое присутствие ему очень приятно (хотя и не нужно), то я теперь колеблюсь насчет назначения дня моего выезда. Однакож надеюсь в скором времени уехать. Если бы я остался здесь очень долго, то эта жертва дружбе была бы просто не по силам мне. На меня так сильно и болезненно действует всё это, что я чувствую себя совершенно расстроенным, плохо сплю и испытываю вообще сильное нервное расстройство.

Про здешнюю погоду ничего не буду говорить Вам, так как, вероятно, у Вас она так же хороша, как и здесь.

Большое для меня счастие, что я успел, наконец, кончить свою оперу; чувствую, что если бы еще неделя, и чаша была бы переполнена. В настоящую минуту у меня, разумеется, еще никакого помышления нет о будущих каких-нибудь сочинениях. С Майдановым (где мне этой весной было очень хорошо) я расстался без всякого сожаления, ибо в последние дни там появились дачники, и очарование разом исчезло. По всей вероятности, я уже туда не возвращусь, ибо будущую первую половину зимы мечтаю прожить за границей, а после того искать другого местопребывания.

Будьте здоровы, милый, дорогой друг мой! Дай бог, чтобы теплые дни продолжались,—я радуюсь за Вас.

Ваш, беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

380. Чайковский — Мекк

Москва,
20 мая 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Два дня тому назад я приехал в Москву, оставив моего больного приятеля в состоянии безнадежном, но таком, что печальный исход может случиться еще нескоро. Здесь я всё время недомогал чем-то вроде желудочной лихорадки, а может быть, это просто

первые мои дают себя чувствовать. Вчера я принял вечером сильный прием хинины, и утром мне было гораздо лучше, но теперь (четыре часа дня) опять чувствую лихорадку. Тем не менее, сегодня я уезжаю в дальнее путешествие, полагая, что рассеяние и развлечение будут для моей, впрочем очень невинной, болезни самым целительным средством. Еду я в Нижний-Новгород, оттуда по Волге до Астрахани, отсюда в Баку и по железной дороге в Тифлис. Я выбрал этот путь потому, что уже давно мечтал проехать пароходом по Волге. Мне придется ехать на пароходе «Александр II», который считается лучшим волжским пароходом.

Сегодня утром меня посетил Генрих Пахульский, от которого я узнал, что брат его болен и остался во Франции. Мне очень жаль его, и притом я думаю, что Вам, по привычке к услугам преданного и любящего Вас человека, очень недостает его. Что касается Генриха, то полчаса тому назад я говорил о нем с С. И. Танеевым. Последний несовсем доволен результатами его класса, но зато я с удовольствием узнал, что Танеев считает Пахульского очень способным к сочинению. Меня очень заинтересовало это, и приятно было видеть, что Танеев очень дорожит им. Но желательно, чтобы и класс его в будущем году шел совсем хорошо.

Дай Вам бог, бесценный друг мой, всяческого счастия и благополучия. Если будете писать мне, потрудитесь адресовать: Тифлис, Окружной суд, А. И. Чайковскому, для передачи П. И. Ч.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

381. Чайковский — Мекк

Каспийское море
28 мая 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Расскажу Вам вкратце про свое путешествие. Вот уже восемь суток я всё еду и лишь через два дня надеюсь добраться до Тифлиса. Нисколько не раскаиваюсь, что избрал столь отдаленный путь, ибо видел много нового и интересного.

Выехал я из Москвы двадцатого числа по Нижегородской дороге. С трудом достал место второго класса на переполненном пассажирами пароходе «Александр II». Пароход этот считается наилучшим ходоком, и оттого на нем всегда едет очень много народа. Мне было очень неудобно и тесно, но, в общем, я остался

всё-таки совершенно доволен своей волжской поездкой. Река теперь в полном разливе; местами берега так удалены один от другого, что река делается похожа на море. Действительно «Волга-матушка» есть нечто грандиозное, величаво-поэтическое. Правый берег гористый и представляет часто очень красивые ландшафты, но, конечно, в этом отношении невозможно и сравнивать Волгу с Рейном или даже Дунаем, Роной и т. п. Не в берегах красота, а в этой безграничной шири, в этой массе вод, неторопливо, без всякого бурления, а спокойно катящихся к морю. Мы достаточно долго останавливались в разных попутных городах, чтобы составить себе о них понятие. Больше всего мне понравилась Самара и еще маленький городок Вольск, в котором имеется один из лучших садов, когда-либо мной виденных. На пятые сутки мы пришли в Астрахань. Здесь мы пересели на маленький пароходик, идущий до того места, где устье Волги начинает уже быть морем, и тут снова перешли на шкуну, на которой вот уже двое суток я плыву. Каспийское море оказалось очень коварным. Ночью поднялась такая качка, что мне сделалось страшно. Каждую минуту казалось, что потрясаемый волнами пароход разобьется в мелкие дребезги; шум был такой, что во всю ночь нельзя было глаз сомкнуть. Однако морской болезни у меня не было, зато мой бедный Алексей был ее жертвою. Сегодня мы приедем в Баку, и, повидимому, волнение совсем стихло. Только завтра можно будет сесть в вагон и ехать в Тифлис, ибо сегодня мы уже к поезду не поспеем.

Вот Вам, бесценный друг мой, краткое описание моего путешествия. Оно несомненно имело благотворное влияние на здоровье мое, ибо развлекло и освежило меня. Будьте здоровы, дорогая!

Ваш П. Чайковский.

Мы идем теперь вдоль правого берега. Он живописен. Лунная ночь была вчера великолепна.

382. Чайковский — Мекк

Тифлис,
30 мая 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня я наконец приехал в Тифлис после десятидневного путешествия. Вы, вероятно, получили или почти в одно время с этим получите письмо мое, писанное на пароходе. После того, как я его написал, путешествие мое продолжалось самым благополучным образом до Баку. Этот город совершенно для меня не-

ожиданию оказался прелестным во всех отношениях, т. е. правильно и красиво обстроенным, чистым и при всём этом необычайно характерным, ибо восточный (а именно персидский) элемент так сильно там преобладает, что точно находишься где-нибудь по той стороне Каспийского моря. Одно только бедствие, это, что слишком мало зелени. Вечная засуха и каменистая почва делают то, что даже содержимый правительством чудесно распланированный Михайловский сад представляет грустное зрелище высохших деревьев и совершенно пожелтевшей травы. Купанье великолепное. На другой день по приезде я ездил осматривать местность, где добывается нефть и где несколько сот нефтяных колодцев и фонтанов выпускают ежеминутно сотни тысяч пудов нефти. Это грандиозное, хотя и мрачное зрелище. На мое счастье, накануне моего посещения огромный новый нефтяной фонтан стал бить на одном из участков, принадлежащих Ротшильду. (Немцы, евреи и армяне преобладают в среде нефтепромышленников.)

Дорога от Баку до Тифлиса идет по каменистой, пустынной местности.

Я нашел здесь письмо Ваше. Благодарю Вас за него, милый друг мой! Вы спрашиваете, как мне прислать бюджетную сумму? Прошу Вас, милый друг, поступить, как Вы найдете более удобным. Я еще несколько времени останусь в Тифлисе. Банки здесь имеются. Или, быть может, Вы найдете более удобным отложить бюджетную сумму до сентября, т. е. до моего возвращения в Москву? Ради бога, поступите так, как Вам покажется более подходящим.

Через несколько времени мы переедем в Боржом. Своих я нашел совершенно здоровыми. Племянница моя Таня очень поправилась и выросла.

Жара здесь стоит очень сильная.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш П. Чайковский.

Адресовать покорнейше прошу: Тифлис, Окружной суд, Анат. Ильичу Чайковскóму, для передачи П. И. Ч.

383. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
11 июня 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Наконец-то я получила от Вас ответ на мой вопрос. Вообразите, что Ваше письмо только на восьмой день до меня дошло, тогда как с юга Франции, от Владислава Альбертовича, я получаю их на пятый день; а Ваше письмо с парохода я

получила еще дня через три *после* второго Вашего письма. Благодарю Вас за них, дорогой мой; очень мне было интересно читать Ваше описание путешествия, но очень больно видеть имя Ротшильда в богатом царстве Кавказа. Я всё еще думала, что это утки насчет того, что он купил нефтяные заводы, так не хотелось верить этому, но из Вашего письма увидела, что это уже совершившийся факт. Печально за нашу русскую лень, недостаток предприимчивости, которая господствует снизу доверху, и, главное, за все неблагоустройство, всю неурядицу, которая царствует у нас и при которой письма из Тифлиса идут почти вдвое дольше, чем из Montpellier.

Насчет бюджетной суммы, дорогой мой, я всё-таки лучше пошлю Вам прямо деньгами, потому что мне очень неудобно теперь брать перевод, но мне надо знать, сколько времени Вы пробудете в Тифлисе, чтобы мой пакет не затерялся, поэтому я посылаю Вам вопрос, а денежный пакет, как всегда, пошлю отдельно. А я вижу, дорогой мой, что Вы одного моего письма, писанного раньше в Тифлис же, вовсе не получили. Как это неприятно такая неисправность почты.

У нас погода отвратительная, холод, дождливо, так что и в комнатах совсем сыро. Я пробуду в России до возвращения дочери моей Саши, которая в настоящее время находится в Ессентуках, на Кавказе, с мужем и четырьмя своими сыновьями, и все они пьют воды и берут ванны, а двух самых младших девочек она оставила у меня до своего возвращения, которое, вероятно, последует в конце июля. Неужели я Вам не писала, дорогой мой, что Владислав Альбертович не приехал со мною, а остался во Франции, чтобы употребить курс вод на юге Франции, которые ему назначил доктор? И Вы совершенно верно предполагаете, милый друг мой, что мне ужасно трудно без него. И как секретарь исполнял все мои дела и всё знал и изучил в совершенстве, и, кроме того, он был моим постоянным товарищем для игры на бильярде, в крокет, для чтения мне, прогулок и проч. Он знал все мои привычки, вкусы, был очень внимателен ко мне и очень берег меня, и мне теперь без него очень, очень тяжело, тем более что бо́льшая часть его работы падает теперь на Юлю, а у нее и так масса дела по хозяйству и по занятиям при мне, которые она и всегда имеет. Но в настоящее время она, бедная, так завалена работою, что не имеет времени ничего для себя сделать, ни почитать, ни поработать, ни даже гулять вдоволь. Вот вследствие этого положения мне был необходим человек, который бы хотя малую часть мог исполнять того, что делает обыкновенно Владислав Альбертович. И по этому поводу у меня было маленькое [столкновение?] с Танеевым, на которого я, милый друг мой, и хочу Вам пожаловаться как на Вашего protégé. Он держит себя таким китайским императором, таким недоступным божеством, каким никогда не был Николай Григорьевич Рубинштейн, человек, который сделал огромные и несомненные услуги и Москве и музыкальному искусству: он не только устроил в Москве консерваторию, основал Музыкальное общество, но он развил вкус публики к музыке, дал ей превосходное направление, сам трудился неутомимо и держал знамя искусства всегда высоко и, тем не менее, был доступен всегда и для всех, кто к нему обращался по делу, а с другой стороны, всегда заботился о том, чтобы доставить заработок бедному музыканту. Теперь же у Танеева дела, наверно, не больше, чем было у Николая Григорьевича, потому что ведь по проложенной и превосходно устроенной дороге идти-то нетрудно, так же, как и вербовать богатых протекторов (как С. И. фон-Дервиз) также нетрудно, в особенности когда есть люди, так падкие на почеты и звания покровителей, а к тому же

для Дервиза это даже было существенно полезно, потому что в последнем собрании акционеров, где вели такую недостойную интригу против меня, Дервиз и Ададуров выставили всю консерваторию против меня, и кто-то сострил, заметивши, что «наконец-то консерватория с голосами». И боже мой, какая на свете бывает неблагодарность! Главным предводителем всей консерваторской ватаги был Зверев, это тот человек, о котором мой сын Володя прошлое лето так заботился, хлопотал о его здоровье, поселил у себя на даче (на моей даче) в отдельном флигеле, потому что доктора ему предписали быть на чистом воздухе, был с ним внимателен, ласков, платил ему хорошее жалованье за ничтожные занятия с его десятилетним сыном, и этот господин за смешную ошибку, недогляд со стороны моей невестки Лизы разобиделся и разошелся. Но это все ничего,—как ему угодно, но добро-то ведь всё-таки осталось добром, и было уж очень гадко привести всю консерваторию с голосами миллионера Дервиза, для того [чтобы] помогать его интриге против нас.

Но я отдалилась от главного героя. Так вот: так как мне был необходим человек для товарищества мне, то я и хотела соединить эту службу с музыкою, т. е. взять музыканта-пианиста, который бы читал мне вслух и играл со мною в крокет; жалованье сто рублей в месяц на всём готовом и поездка за границу, что должно же быть интересно каждому развитому человеку. Для этого я просила брата моего Александра съездить к Танееву, просить его, не может ли он указать кого-нибудь (в прежнее время я таким способом обыкновенно получала). Брат едет к нему, говорят: нет дома; едет еще несколько раз—его не принимают; наконец получает ответ, чтобы обратился к секретарю (?). Не правда ли, что это весьма странно или, вернее сказать, весьма невежливо, потому что мой брат-старик, который прожил всю свою жизнь так, что каждый порядочный человек его уважает, а г. Танеев—молодой человек, о котором еще неизвестно, как он проживет свою жизнь. Но, тем не менее, брат мой идет к секретарю, тот выслушивает просьбу очень небрежно и делает какое-то замечание о ничтожности жалованья, а, между тем, я знаю, что первый виолончель в театральном оркестре получает сто рублей в месяц и должен жить на них. Ну, после таких приемов я уже ничего не ждала со стороны Танеева и просила продолжать поиски как-нибудь иначе, но в один прекрасный день получаю от брата уведомление, что Танеев прислал какого-то пианиста, по имени Завадского, который согласен на все мои условия, и брат спрашивает, взять ли его прямо для меня или прислать сперва в Плещеево, чтобы мне самой поговорить с ним. Я просила прислать. Приехал сейчас же. Я сказала ему, что в моих условиях написано больше, чем я буду требовать, как чтение и игра в крокет, но что это на всякий случай, и я желаю, чтобы это было обязательно для него. Всё хорошо, на всё согласен, за границу ехать очень желает. Спрашивает только, может ли он сам заниматься, есть ли инструмент и место, где бы он мог, никого не беспокоя, упражняться. Я говорю, что да, указываю ему павильон, где стоит рояль Беккера для этой именно цели. Как видите, дорогой мой, всё оговорено, во всём согласие, и на мой вопрос, когда же поступит на службу совсем, отвечает: через два или три дня, а быть может, и раньше. А через два дня присылает брату письмо, что Сергей Иванович Танеев не советует ему принять место у меня, потому что это очень скучно делать то, чего не хочешь, и не всегда иметь возможность делать то, что хочешь. Скажите, дорогой мой, видали Вы когда-нибудь такую службу, на которой никогда не приходилось бы делать

не хочешь, и не делать того, чего хочешь? Я никогда [illegible] Служба и есть принуждение и лишение абсолютной [illegible] а между тем, службы ищут и часто дорожат ею, и взгляд г-на Танеева на музыкантов как на какую-то божественную касту, с которою все должны нянчиться и беречь как фарфоровых куколок, по меньшей мере смешон. Во-первых, божественно искусство музыкальное, но не служители его, которые, наоборот, чаще оскверняют его, чем возвышают. Во-вторых, в музыкальном искусстве, как и во всяком другом, как и в ученом мире, есть единицы, которым человечество поклоняется, восхищается, заботится и бережет, но они очень редки, эти единицы, большинство же музыкантов составляет такую массу, которою хоть пруды запруживать можно и которым человечество ничем не обязано, и нянчиться с ними не за что.

Да, я думаю, едва ли г-н Танеев оказал добрую услугу бедному человеку тем, что лишил его места, и, уверяю Вас, дорогой мой, хорошего места. У меня служащие очень свободны, хорошо обставлены и пользуются всякими общественными удовольствиями на мой счет. Et j'ai tout bien de croire*, что этому молодому человеку не было бы дурно у меня, и было бы добрее со стороны г-на Танеева посоветовать ему хотя бы попробовать места и тогда решать, так как я и говорила, что первоначально я приглашаю на лето, а потом если сойдемся, то возьму и за границу. Ну вот, милый друг мой, как от человечества можно мало порядочного получить.

Будьте здоровы, милый, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

284. Чайковский — Мекк

Боржом,
13 июня 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Третьего дня я приехал в Боржом. В Тифлисе стояли такие несносные жары, и вообще в такое жаркое время пребывание в городе до того несносно, что я очень рад был уехать. Дорога до Боржома очень удобна и живописна. Самый же Боржом в первые часы после приезда показался мне мрачным и наводящим уныние. Я думаю, что всякий русский человек, привыкший к простору и широким горизонтам, должен почувствовать то же, что и я, когда он попадет в тесную долину, со всех сторон окруженную огромными горами. Но это ощущение жуткости прошло у меня на другое утро после первой же прогулки. Для любителя пеших прогулок здесь сущее раздолье. Парки великолепные и все они непосредственно переходят в густые, тенистые леса. Я в первое же утро до того увлекся чудной прогулкой по тропинке, приведшей меня в лес, а потом на открытое место, с которого открылся [illegible] прекрасный ландшафт, что уж навсегда влюбился

[illegible]

в Боржом. Разнообразие прогулок необычайное, и нигде почти не встречаешь людей, что мне в особенности и нравится. Кроме удивительных красот природы, здесь имеются и минеральные источники, из коих один совершенно подобен воде Виши, а так как я давно уже собирался попить воды, то и решился здесь выдержать курс лечения. Сегодня утром был у доктора, заведующего водами. Он очень обстоятельно осмотрел меня, долго постукивал и выслушивал и наконец пришел к заключению, что у меня печень несколько не в порядке, т. е. что вследствие давления желудка она попала куда-то, куда ей не следует. Я буду в течение шести недель пить по два раза в день воду и брать ежедневно теплые минеральные ванны. И то и другое я уже сегодня начал. Вода очень напоминает Виши; она щелочная, пропитана углекислотой и очень приятна на вкус. Чувствую я себя вообще очень хорошо, но часто грущу по поводу печальных вестей из Петербурга. Умер муж моей двоюродной сестры [1], с которою я всегда был особенно дружен, и всё продолжает умирать мой бедный приятель Кондратьев. Бедный брат мой Модест должен был в одно и то же время быть постоянно и при Кондратьеве и при двоюродной сестре, и бог знает еще, когда он освободится и попадет в Боржом, куда он собирается на лето вместе с своим воспитанником.

Как-то Вы здоровы, милый друг мой? Желаю Вам от души всяческого благополучия. Будьте счастливы!

Ваш П. Чайковский.

Я ровно ничего не делаю и намерен всё лето не принуждать себя к работе.

385. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
[illegible] 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Премного благодарю Вас за Ваш[illegible] телеграмму, в ответ на мою, и так как Вы в ней повторяете, что для Вас безразлично, когда получить бюджетную сумму, а я боюсь неисправности наших русских почт, то, если позволите, я оставлю заклеенный наглухо пакет Ивану Васильеву Бойкову у меня в доме на Мясницкой, в Москве, и попрошу Вас, дорогой мой, по Вашем приезде в Москву, зайти ко мне в дом и получить этот пакет от Ивана Васильева. Письма в пакете не будет, потому что он, вероятно, дойдет до Вас нескоро, так как я предполагаю уехать из России в конце июля, а Вы вернетесь в сентябре.

Простите мне, мой несравненный друг, если Вам было неприятно то, что я Вам написала про Танеева, но, знаете, так много набирается на душе тяжелого от всего злого и нелепого, что творится на свете, что иногда происходит взрыв и вырывается крик отчаяния, когда [illegible]

[1] [illegible]

шиваешь судьбу, где же найти, наконец, добро, справедливость, неподкупность, наконец, даже хотя бы простую приличность. Я когда приезжаю в Россию, то только и испытываю впечатления от этой людской злобы, мелочных преследований, зависти, какого-то змеиного шипения, которое слышится, хотя не всегда даже видишь, откуда оно идет. И за что это? Уверяю Вас, дорогой мой, что я никому зла не делаю, а в то же время видишь, как ищут милостей другого, вполне ничтожного и бессердечного человека. Почему это? Конечно, он гораздо богаче меня, но разве он от этого лучше меня?

Природа также восстала против меня, погода такая ужасная, что я также прихожу в отчаяние: дождь и холод как в глубокую осень, в комнатах сыро, у меня начинается опять ревматизм и, на несчастье, в правой руке. Совсем плохо, и я с нетерпеньем жду, когда уеду из России.

Петр Ильич, где это Боржом? Я не имею никакого понятия об этом месте. Что это, не у моря, хорошие там дачи, каменные или деревянные, всё можно иметь для жизни, живут ли там зимою? А каков Тифлис для жизни? Большой этот город, хороши там магазины, есть театр, бывают хорошие концерты? Извините, дорогой мой, за такую кучу вопросов, но если Вы ответите только на половину, то я в претензии не буду. А из Ессентуков Саша очень жалуется, что устроено всё очень дурно, ванн очень мало, в гостинице хозяйка несносная: кормит гадко и сама придирчива, и они переезжают в Кисловодск.

Будьте здоровы, дорогой мой, несравненный друг, и не забывайте всею душою Вас беспредельно любящую

Н. ф. Мекк.

386. Чайковский — Мекк

Боржом,
22 июня [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше и извещение о том, что бюджетная сумма находится у Ивана Васильева, я получил. Благодарю Вас от всего сердца!!!

Мне грустно, дорогая моя, что Вы испытываете огорчения и от людей и от природы. Припоминаю, что каждый раз, когда Вы на лето возвращаетесь на родину, она приносит Вам только неприятности как нравственные, так и физические. И я сегодня должен посетовать на некоторые темные стороны строя русской жизни. Ну, вот хоть бы почтовые беспорядки!!! Сколько писем пропадает! Сколько вследствие этого приходится терпеть неприятных сюрпризов и непоправимых недоразумений. В письме Вашем есть одно место, которого я совершенно не понимаю, вероятно, потому, что предыдущее письмо Ваше не дошло до меня. Вы объясняете, милый друг мой, сожаление, что написали что-то про Танеева. Между тем я не получал от Вас письма,

в котором Вы упоминали про Танеева. Так как мне в высшей степени любопытно знать, в чем заключается разгадка, то убедительно прошу Вас, дорогой, милый друг мой (если это не слишком неприятно Вам), вкратце объяснить мне, каким образом Танеев мог навлечь на себя Ваше неудовольствие. Дело в том, что я о Танееве самого лучшего мнения как об человеке; я считаю его безусловно хорошим и честным человеком, и мне было бы чрезвычайно грустно, если бы Вы возымели о нем нехорошее мнение. Не могу выразить Вам, до чего мне досадно на нашу почтовую неурядицу!

Вы спрашиваете про Боржом. Это есть маленький летний городок, еще очень недавно обстроившийся. Находится он среди необычайно живописной местности и принадлежит вел. кн. Михаилу Николаевичу, у которого здесь великолепный дворец. Составляющие самый городок здания суть дачи и виллы, из коих некоторые — каменные (например, наша дача). Больших и роскошных дач, впрочем, нет. Гостиниц несколько, но только одна из них сносная; остальные плохи. Местность боржомская есть ущелье речки Боржомки, впадающей здесь в р. Куру. Красота прогулок, их обилие и разнообразие превосходит всё, что можно вообразить. Главная прелесть всех прогулок есть обилие тени и чудный, пропитанный смолистыми испарениями воздух. Кроме всевозможных красот, есть в Боржоме минеральные воды, отлично организованные, а ванны так даже просто роскошные. Один из источников близко подходит к Вишг. и я, по совету здешнего доктора, пью его два раза в день по два стакана. Воды эти покамест действуют на меня очень хорошо. Впрочем, я о Боржоме не буду много распространяться, ибо высылаю Вам сегодня же книжечку, специально посвященную его описанию. О, как бы я желал, чтобы, читая эту книжечку, Вам захотелось бы побывать на Кавказе и чтобы в будущем году Вы совершили сюда поездку. Мне кажется, дорогая моя, что это путешествие, благодаря новизне впечатлений и невообразимой красоте Кавказа, имело бы на Вас самое благодетельное влияние. Удобств и комфорта при Ваших средствах Вы можете иметь сколько угодно.

Что касается Тифлиса, то это вполне европейский город, отлично устроенный, чистенький, с превосходным климатом, роскошными магазинами, отличной оперой (в прошлом году я слышал здесь образцовое исполнение «Мазепы»), одним словом, город, вполне отвечающий потребностям цивилизованного европейца. Но в то же время в Тифлисе рядом с европейскою частью города есть и настоящий, вполне характерный азиатский город. И это соединение Азии с Европой и составляет его главную прелесть. Про климат нужно еще заметить, что лето в Тифлисе слишком

[illegible] даже до того, что почти жить нельзя, зато зима совсем [illegible]ская, а самая лучшая часть года есть осень, т. е. октябрь и ноябрь. Я дал слово тифлисской дирекции театров приехать в ноябре дирижировать первым представлением «Чародейки» и радуюсь, что благодаря этому случаю увижу Тифлис в лучшее время года.

Возвращаясь к тому письму Вашему, которое до меня не дошло, я скажу, что в неполучении письма виновата почта, а не я, ибо, уезжая из Майданова, из Петербурга, из Москвы, из Тифлиса, я везде оставлял распоряжения о пересылке писем.

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесценный друг. Еще раз благодарю Вас за бюджетную сумму от всего моего сердца.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

287. *Чайковский — Мекк*

Бордо.
20 июня 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

В прошлом письме я сообщил Вам, что то письмо Ваше, где Вы говорите о Танееве, до меня не дошло. Сегодня оно получено мной, а почему так долго оно пролежало на тифлисской почте, я не понимаю. Читая подробности дела о приглашении Вами Завадского и о том, как Танеев поступил в этом случае, я глубоко сожалел, что не имею в настоящее время возможности разъяснить недоразумение и принужден отложить это до осени. Но за одно Вам ручаюсь. Танеев мог ошибиться, мог вследствие непонятной мне причины оказаться недостаточно вежливым относительно Александра Филаретовича, но того, что Вы в нем предполагаете, т. е. чванства, гордости, недоступности, нежелания оказать пользу ближнему и нуждающемуся, в нем нет. Мне очень жаль подумать, что, быть может, Вам никогда не придется иметь случай ближе узнать и оценить Танеева, но верьте, милый друг мой, что без преувеличения можно сказать, что в нравственном отношении эта личность есть безусловное совершенство. И превосходнейшие качества его тем более трудно оценить большинству людей, что он их не старается выказать, и только близкие ему люди знают, сколько бесконечной доброты, какой-то идеальной честности и, можно сказать, душевной красоты в этом невзрачном на вид, скромном человеке. Я не знаю ни одного случая за многие годы

моего знакомства с ним, который бы указал на что-нибудь вроде эгоизма, тщеславия, желания выставить себя напоказ с выгодной стороны, словом, на один из тех маленьких недостатков, которые свойственны огромному большинству людей, хотя бы и очень хороших. Одно только можно заметить про него неблагоприятного для впечатления, производимого им на людей. Он чрезвычайно тверд в своих правилах и даже несколько слишком прямолинеен в своих убеждениях. Не раз мне приходилось на него дуться (и не далее, как в нынешнем году мы разошлись с ним вследствие различных взглядов на один вопрос, касающийся благосостояния консерватории), но это происходит оттого, что он совершенно неспособен отступить от раз установившегося у него мнения о том, где в данном случае правда и справедливость[1]. Вероятно, и в деле о Завадском он вследствие какого-нибудь неизвестного мне обстоятельства вообразил, что следует поступить так, как он поступил, и, конечно, вообразить это он мог неосновательно. В таком случае,— это недоразумение, которое я в начале осени разъясню.

Вот что касается Зверева, то за него особенно заступаться не буду. В сущности, он добрый человек, но очень ничтожный, мелочно самолюбивый и склонный к дрязгам, сплетням и мелочным пререканиям. Мне было больно узнать, что он и его приятели так недостойно вели себя в общем собрании Ваших акционеров. Это ужасно мне обидно.

Будьте здоровы, дорогая мая, и, ради бога, не слишком огорчайтесь этим делом. Я непременно разъясню его в свое время.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

Меня ужасно поразила смерть бедного И. Г. фон-Дервиза.

388. *Чайковский — Мекк*

Боржоми
7 июня 1887 г.

Милый, дорогой друг!

Я сгоряча и забыл вчера коснуться той роли, которую, по словам Вашим, играла консерватория в интриге, устроенной против Вас Дервизом и Ададуровым. Я не был в Москве, когда всё это происходило, и потому ранее осени не узнаю точных подробностей дела, но уже и теперь могу совершенно точно

определить размеры преувеличения, которыми украсили люди, почему-то враждебные консерватории, рассказ, который был доведен до Вашего сведения. Повидимому, Вы предполагаете на основании этих рассказов, что консерватория была завербована г. фон-Дервизом под его знамена и что как она, так и г. фон-Дервиз нашли в этой неблаговидной стачке обоюдную пользу. Вам, повидимому, доложили, что именно Танеев добивался счастия иметь г. Дервиза в качестве покровителя консерватории. Насчет этого позвольте разъяснить Вам следующее. В начале прошлого сезона на заседании дирекции Муз[ыкального] общ[ества], в коем и я присутствовал, директор Третьяков сообщил нам, что на случай выбытия одного из директоров у него есть готовый кандидат, г. фон-Дервиз. В январе один из директоров, г. Барановский, вышел из состава дирекции, и в следующем общем собрании, состоявшемся в конце февраля, был директором избран Дервиз, о чем он был немедленно извещен. Совершенно неожиданно г. Дервиз ответил на это извещение, что за честь благодарит, но по обстоятельствам отказывается от нее. Что мы все желали иметь г. Дервиза директором,—это очень просто. Так как этот богач пожертвовал Петербургской консерватории двести тысяч, то мы надеялись, что, сделавшись директором, он такое же пожертвование сделает и Московской, а ведь эта бедная Московская консерватория страшно нуждается! Но этим всё и ограничивается. Никто из нас, кроме г. Третьякова, и в глаза не видал никогда Дервиза, никто из нас к нему не относился с просьбой о вступлении к нам в число директоров, и выбор его состоялся только потому, что он сам, в частном разговоре с Третьяковым, изъявил желание войти в состав дирекции.

Совершенно напрасно люди, недоброжелательные к консерватории (Господи! За что? Почему?), какие-то Зверевские дрязги раздули в дело всей консерватории. Повторяю, я еще не имею в руках фактов, но знаю очень хорошо, что только один Зверев с какими-нибудь своими учениками и собутыльниками и мог принять участие в интриге.

Ах, милый друг мой! Как всё это грустно и больно! Много бы я мог по этому поводу высказать, но пришлось бы войти, в свою очередь, в мелочные сплетни и личности. О Москва, Москва! Я начинаю иногда глубоко ненавидеть этот город, и есть за что.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

389. *Чайковский — Мекк*

Боржом.
1 июля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я неожиданным образом должен покинуть Боржом. Вам известно, в каком печальном состоянии находился мой друг Кондратьев в мае и июне. В конце прошлого месяца его, полуживого, с невероятною трудностью, перевезли в Ахен. Консилиум докторов нашел, что воды Ахена могут продлить его жизнь на несколько месяцев. Вчера пришла от него телеграмма, в которой он умоляет меня, если есть малейшая возможность, ехать к нему. Я не могу не исполнить воли умирающего человека и поэтому принял решение бросить свое лечение и с первым пароходом отправиться в Батум, Одессу, Дрезден, Ахен. Это неожиданное путешествие заставляет меня прибегнуть к Вам, дорогой друг, с нижеследующей просьбой. У меня нет денег на это путешествие, и потому я очень хотел бы получить бюджетную сумму. Вместе со мной до Одессы поедет Алексей, а оттуда он отправится в Москву и явится в Плещеево с письмецом от меня. Если это не слишком обеспокоит Вас, будьте столь добры, вручите ему сумму, а он уже распорядится отсылкой ее мне в Ахен и уплатою долга, который я здесь должен сделать вследствие неожиданно предпринятого дальнего путешествия. Ради бога, простите за беспокойство, но вследствие различных обстоятельств я принужден обратиться к Вам. Заранее благодарю Вас, дорогой друг мой.

Именины свои я отпраздновал невесело. У меня уже были в руках такие известия, из которых я заранее предвидел, что моему бедному больному в одиночестве и на чужбине нужно будет мое присутствие. Мне очень, очень, очень жаль покидать Боржом, но мысль, что я исполняю долг дружбы, мирит меня с необходимостью покинуть столь очаровательное место и столь милое моему сердцу общество.

Телеграмму Вашу я получил тоже вчера. Не отвечал Вам депешей, ибо рассчитал, что теперь уже Вы если не получили, то с часу на час должны получить мое письмо, из коего узнаете, что хотя не в свое время, но Ваше письмо с рассказом о столкновении с Танеевым дошло до меня.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Мой будущий адрес: Deutchland, Aachen, poste restante.

390. Чайковский — Мекк

Боржом,
5 июля [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Вероятно, Вы получили письмо мое, в котором я уведомлял Вас, что вследствие телеграммы от больного друга моего Кондратьева из Ахена я принужден покинуть Боржом и ехать в Ахен. Если письмо это не затерялось, то, вероятно, Вы уже простили меня за беспокойство, которое я принужден причинить Вам покорнейшей просьбой вручить подателю сего письма, Алексею, бюджетную сумму, в коей неожиданным образом я стал теперь очень нуждаться. Итак, дорогая моя, умоляю Вас извинить меня и исполнить мою просьбу! Алексею я дал инструкцию, как распорядиться этими деньгами. В понедельник 6 июля я еду в Батум, пароходом в Одессу, оттуда в Ахен. Адрес мой пока: Aachen, poste restante. С дороги и из Ахена буду писать Вам. Я очень, очень расстроен и печален. Но делать нечего, нужно расстаться с восхитительным, симпатичнейшим Боржомом.

Дай Вам бог всякого благополучия, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

391. Мекк — Чайковскому

188[illegible]. [illegible]. Плещеево.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам под самым тяжелым впечатлением: вчера совершенно неожиданно явился Владислав Альбертович, и в таком ужасном нервном состоянии, что я не могу без слез смотреть на него. Он всё боится, ему всё кажется, что против него все что-то замышляют, что его арестуют; равнодушен и безучастен ко всему, ни, молодчик, словом, неузнаваем, и смотреть на него мне надрывает душу. Он оставался во Франции, чтобы пользоваться водами внутрь и ваннами в Lamalou-les-Bains, это на юге Франции, около Montpellier. Взял там двадцать ванн, но брал их каждый день, без отдыха. Воды очень сильные, и это произвело ему такую ужасную excitation thermale*, как называет это его доктор во Франции, что и привело его в такое состояние, о котором я сказала выше. Как судьба жестока ко мне; она не только отнимает у меня человека, который берег меня и заботился обо мне как родной сын, но еще об нем теперь надо заботиться, и на него смотреть ужасно. Его болезнь вообще давно готовилась, потому что при врожденной нервности судьба еще его толкнула на музыку, это искусство убийственно для нервов.

Милый, дорогой мой друг, от всей души благодарю Вас за Ваше участие в моем моим невзгодам, но прошу Вас нисколько не беспокоиться моею жалобою на Танеева и ничего ему не высказывать и

[illegible]ждение от теплых ванн

осенью об этом предмете. Ведь я вовсе не для того писала Вам об этом, а просто делилась с Вами своею обидою, своим горем как с моим лучшим, добрым другом и как я привыкла уже много лет делиться с Вами всем, что меня и радует и печалит. А говорить ему ведь и бесполезно, так как Вы сами говорите, что он очень упорен в своих мнениях, а следовательно, и непоправим. У меня всё никого еще нет, и теперь мне еще более необходимо иметь кого-нибудь ввиду болезненного состояния Владислава Альбертовича. Невозможно рисковать ехать женщинам одним или хуже, чем одним,—с больным человеком на руках. Я, вероятно, возьму к себе одного виолончелиста Московской консерватории, который прежде у меня жил много раз летом и был со мною за границею, Данильченко. Он, конечно, мне мало может быть полезен, потому что не знает ни одного иностранного языка; но где же взять другого; другого такого, как Владислав Альбертович, я не нахожу, потому что этот у меня же и воспитывался, у меня изучил всю систему путешествий и иностранные языки и финансовые знания, и так как он о ч е н ь способен ко всему, всё очень быстро понимает и усваивает себе виолне, то из него выработался такой образцовый секретарь, что заменить его невозможно.

Погода у нас невыносимая, дожди доводят до отчаяния и температура очень низкая. Благодарю Вас тысячу раз, милый друг мой, и присылку мне описания Боржома; это очень интересно прочитать. Меня вообще Кавказ очень интересует, и я очень желала бы, чтобы им занялись и доставили ему европейское благоустройство, а то вот Вы пишете, что в Боржоме ванны устроены очень хорошо, это ведь это большая редкость на Кавказе, потому что на других водах, как в Ессентуках, Кисловодске, Пятигорске и проч., ванны устроены отвратительно, а между тем, какие целебные воды. Саша пишет мне теперь из Кисловодска об удивительном действии нарзана; она пользуется теперь этим источником и чувствует большую пользу. Она, вероятно, вернется семнадцатого, а я хочу уехать двадцать пятого этого месяца и, вероятно, прямо в Baden-Baden, а зиму желала бы провести в Wiesbaden, но я так боюсь в п е р е д что-нибудь считать верным: злая судьба одним взмахом какой-то магической палочки все опрокидывает, всё разрушает и ничего не дает взамен. Вот как этот несчастный Верный,—больше месяца всё продолжается землетрясение. Это ужасно. А в «Lug» читали Вы, друг мой, что тридцать пять домов обрушились в озеро? Нынешний год такой ужасный, тяжелый и не высокосный. По Апокалипсису, эти бедствия означают, что скоро конец мира будет. Сегодня должен приехать ко мне Коля, а Анна с Кирочкою находятся в Каменке; они убежали из Конылова, потому что там появился коклюш.

Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Благодарю Вас очень, очень за Ваши дорогие письма. Всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

392. Мекк — Чайковскому

[Плещеево]
17 июля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Простите, ради бога, что пишу Вам карандашом, но моя голова в таком ужасном состоянии, что я не могу наклонить ее, чтобы писать чернилами, а карандашом пишу стоя. Вчера был у меня в Плещееве Ваш Алексей, и я вручила ему паке

двумя тысячами рублей. Дай бог, чтобы Вы за ту огромную жертву, которую Вы приносите Вашему другу, нашли его поправившимся и с надеждами на выздоровление. Есть ли у него жена и семейство, т. е. я знаю, что он семейный человек, но при нем ли его семейство? Моему больному, Влад[иславу] Альб[ертовичу], слава богу, гораздо лучше благодаря заботливости и участия моего доброго Володи, но он всё-таки еще на руках у докторов.

Простите еще раз, дорогой мой, за мое неудовольствие на Вашего любимца Танеева, я беру его совершенно назад и отношу всю несостоятельность поступка только к самому г-ну Завадскому, по отзывам, которые я об нем слышала. Я взяла теперь виолончелиста Данильченко, как и писала Вам, и вчера уже имела удовольствие слушать музыку. Я собираюсь за границу очень усердно, но боюсь, что мое здоровье не позволит мне уехать; хочу взять с собою доктора.

Простите, дорогой мой, писать больше не могу. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг, и не забывайте всею душою Вас любящую

Надежду фон-Мекк.

'93. Чайковский — Мекк

Аахен.
[illegible] 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Прежде всего позвольте Вас от души поблагодарить за бюджетную сумму, которую уже дня три тому назад я получил по телеграфу. Очень, очень благодарю Вас!

Расскажу Вам про свое путешествие и про впечатления, испытываемые здесь.

6 июля я выехал из Боржома. Седьмого сел на пароход и приехал в Одессу на пятые сутки. Из Одессы выехал двенадцатого числа, в Вене остановился лишь на несколько часов и пятнадцатого числа, в среду, вечером приехал сюда. Всю дорогу я страшно тосковал и решительно не мог думать без слез об столь неожиданно покинутом Боржоме, где мне так хорошо жилось во всех отношениях. Здесь тоска моя прошла, ибо не до того. Мне приходится так много и постоянно быть при очень трудном больном, которому присутствие мое оказалось не только приятно, но просто необходимо, что некогда отвлекаться от забот и терзать себя воспоминаниями или сожалением о прошлом. Сознание исполненного долга дружбы мирит меня со всеми печальными сторонами моего здешнего пребывания. Я нашел своего больного в относительно хорошем состоянии; незадолго до моего приезда произошел в болезни неожиданный поворот, который дает возможность надеяться на выздоровление. Надежда эта шаткая, но доктор утверждает, что весьма возможно ее осуществление. Серные, самой высокой

температуры ванны имели очень благодетельное влияние на больного. Он стал бодрее, появился аппетит и сон, силы прибавилось. Тем не менее, его положение всё-таки очень серьезно. Не могу Вам выразить, до чего сильна была радость моего приятеля, когда я приехал. Несмотря на отличный уход, на прекрасного доктора, высказывающего ему самое дружеское сочувствие, он был одинок и очень страдал, не имея около себя близкого человека. Доктор говорит, что уже одно известие о моем приезде способствовало благоприятному повороту в ходе болезни.

Ахен — город, лишенный всякого интереса и всякой прелести. Нет ни реки, ни садов, ни роскошных улиц; очень мало исторических достопримечательностей и еще меньше живописных окрестностей. Но в качестве европейского города Ахен обладает комфортабельными гостиницами и всем тем, что в материальном отношении делает жизнь удобной и приятной.

Относительно будущего ничего еще не предвижу определенного. Очень бы хотелось в конце августа хоть ненадолго в Каменку попасть, но бог знает! Думаю, дорогая моя, что письмо это еще застанет Вас в Плещееве; если же нет, Вам, наверно, перешлют его. Желаю Вам всякого счастия и благополучия!!!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

394. *Чайковский — Мекк*

[Ахен]
29 июля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сомневаюсь, что это письмо еще застанет Вас в Плещееве, но на всякий случай пишу Вам, чтобы дать о себе кое-какие известия. Ничего веселого сообщить Вам не имею. Положение больного всё то же, т. е. ежедневно по нескольку раз приходится от розовых надежд переходить к отчаянию в выздоровлении его. Доктор не теряет надежды и всячески поддерживает падающий дух больного. Сегодня исполнилось две недели с тех пор, как я здесь, и я должен признаться, что не только не замечаю улучшения, но, скорее,— упадок сил, а худоба увеличилась до того, что страшно смотреть на моего бедного приятеля.

Вы спрашиваете, почему жена Кондратьева не приехала с ним. Это произошло оттого, что, во-первых, она не из тех женщин, которые умеют самоотверженно ухаживать за больными; во-вторых, она сама больная; в-третьих, пришлось бы тогда всем семейством ехать за границу, а в настоящее время курс таков, что приходится даже и состоятельным людям принимать его в расчет.

Я скучаю ужасно. Бывают минуты, когда, казалось бы, я готов, чтобы вырваться из этой ужасной скуки, но, с другой стороны, больной так бесконечно ценит мое присутствие, так счастлив, что я около него, что об отъезде я пока и речь не завожу. Мне кажется, что если бы я жил при тех же обстоятельствах в каком-нибудь уездном городке в России или во Франции, то менее тяготился бы этой жизнью. Я очень не люблю немцев, и все немецкое мне как-то не по нутру, хотя нельзя не признать, что условия жизни здесь очень комфортабельные и удобные. Еще оттого мне здесь так жутко, что Ахен совершенно лишен каких бы то ни было красот природы.

Недавно только получил я письмо Ваше, адресованное в Боржом. Из него я узнал, что бедный Вл. Альб. Пахульский болен серьезно. Бедный друг мой! Я отлично понимаю, какую бездну неприятных минут Вы претерпели по этому поводу. Но я надеюсь, что, если только причина его болезни — о д и н и е р в ы, он в более или менее отдаленном будущем совсем поправится. Пожалуйста, потрудитесь передать ему мое живейшее участие.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

395. *Чайковский — Мекк*

1887 г. августа 31 - сентября 9. Майданово

Майданово.
31 августа 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Очень, очень давно не имею я никаких известий о Вас. Сколько раз собирался я писать Вам, но куда адресовать письмо, не знал. Мне известно только, что в конце июля Вы уехали за границу. Вероятно, одно мое ахенское письмо пришло в Плещеево, когда Вас уже не было, но надеюсь, что оно дошло до Вас. После этого письма я остался в Ахене еще более месяца и только двадцать пятого числа уехал. Шесть недель, проведенных в Ахене в постоянном сообществе сильно страждущего человека, обреченного на смерть, но никак не могущего умереть, были для меня невыразимо мучительны. Это одна из самых мрачных полос моей жизни. Я очень постарел и похудел за это время. У меня какая-то усталость от жизни, какая-то печальная апатия, такое чувство, как будто и мне скоро умереть нужно, и ввиду этой близости всё, что составляло важное и существенное в моей личной жизни, представляется мне мелким, ничтожным и совершенно бесцельным [1]. Вероятно, вот это скоро пройдет, и я снова войду в свою колею

работающего и стремящегося к идеалу музыканта. Дай бог, чтобы так! Собственно, мне бы уже следовало быть в Петербурге, ибо там уже начали разучивать «Чародейку», но я испытывал такую потребность в отдыхе и в одиночестве, что решился неделю провести в Майданове. На мое несчастие, погода мрачная, серая, располагающая к печальным помышлениям.

Очень хотелось бы знать, что Вы делаете, каково здоровье Ваше. Что бедный Владислав Пахульский? Прошу Вас, дорогой друг, передайте ему выражения искреннейшего моего сочувствия.

[illegible]

Ах, милый друг мой! Как мне обидно, что я не знаю, г д е Вы и, главное, ч т о Вы. Адрес Ваш узнать хоть сейчас можно: стоит только съездить в Москву и спросить Ивана Васильева. Но мне гораздо важнее знать, здоровы ли Вы, благополучно ли всё у Вас. Дело в том, что я сейчас буду излагать Вам слезную мою просьбу и между тем боюсь, что она придет к Вам в такое время, когда Вам не до меня. Милый друг! Вы когда-то не советовали мне делаться с о б с т в е н н и к о м. Между тем, чем далее, тем более я убеждаюсь, что для меня было бы полнейшим благополучием и величайшим счастием обладать маленьким куском земли и своим домиком. Ведь только в деревне я бываю счастлив и спокоен, а жить в нанятом доме, на чужой земле не есть и никогда не может быть полным удовлетворением моих желаний, ибо с в о б о д н ы м и вполне п о к о й н ы м я могу быть только у себя. Старость приближается, и я всё более и более лелею сладкую мечту сделаться собственником. В настоящее время я имею возможность приобрести за двенадцать тысяч рублей прелестный участок леса, и в нем есть местечко, где бы я мог выстроить на необычайно живописном пригорке домик. Ш е с т ь тысяч я могу сейчас без затруднения достать, но остальные ш е с т ь мне хочется попросить у Вас, т. е. я ж е л а л б ы в н а с т о я щ е е в р е м я, п р и б л и з и т е л ь н о о к о л о 1 о к т я б р я, п о л у ч и т ь б ю д ж е т н у ю с у м м у з а ц е л ы й г о д!!! Возможно ли это? Деликатно ли я поступаю, беспокоя Вас этой просьбой? Простите ли Вы, что ставлю Вас в неловкое, быть может, положение, ибо отказывать Вы не умеете, а исполнить просьбу почему-либо Вам в эту минуту неудобно? Не знаю, но только страстное желание не упустить этого случая дает мне смелость беспокоить Вас. Вы так много, так бесконечно много для меня уже сделали, я Вам обязан целым десятилетием полнейшего благополучия! Дорогая моя, довершите мое безусловное счастие, дав мне возможность иметь свой собственный угол. Мне ужасно совестно писать эти строки. Боже мой, когда-то они дойдут до Вас!!!

9 сентября.

Милый, дорогой друг!

Я только что вернулся из Петербурга. Дорогой туда я ехал в одном вагоне с А. А. Римским-Корсаковым. От него я узнал, что Вы в Женеве и что можно писать Вам poste restante. Хотя адрес этот я узнал не прямо от Вас, но всё-таки решаюсь послать настоящее письмо, ввиду того, что от Вашего ответа будет зависеть вопрос о покупке мной земли и постройке дома. Последняя, в случае, если покупка состоится, должна начаться сейчас же, дабы весною дом мог быть готов. Вообще, не позже как недели через две, мне необходимо решить этот важный для меня вопрос. Тысяча сомнений терзают меня. Быть может, Вас неприятно поразит моя просьба; быть может, я злоупотребляю Вашей дружбой и поступаю неделикатно! Но, тем не менее, решаюсь; простите меня!

Я ездил в Петербург ради двух причин. Нужно было присутствовать на первой спевке «Чародейки» и сделать разнородные указания насчет музыки и текста, и нужно было вчера, 8 сентября, присутствовать на празднования двадцатипятилетия Петербургской консерватории. Теперь я буду иметь возможность остаться еще недели две в Майданове. Тем не менее, меня в каждую минуту по непредвиденным обстоятельствам могут вызвать в Петербург, а потому убедительно прошу Вас, дорогой друг мой, адресовать Ваше письмо в Москву, в магазин Юргенсона, куда во всяком случае я должен буду отправиться около двадцатых чисел для разных дел перед отъездом в Петербург на продолжительное время.

Будьте здоровы, дорогая! Еще и еще раз прошу простить меня!

Ваш П. Чайковский.

396. Мекк — Чайковскому

Женева.
15 сентября 1887 г.

Дорогой, несравненный друг мой! С величайшим удовольствием готова я служить Вам своими средствами, чтобы устроить уютный и симпатичный Вам уголок. Никто больше меня не может понять, как в известном возрасте необходимо иметь свой угол, свой приют, и дай Вам господи устроить его себе как можно уютнее и приятнее для Вас. Прошу Вас, дорогой мой, сказать мне без всякого стеснения, если, быть может, Вам еще удобнее получить бюджетную сумму за два года вперед, так как Вы будете делать постройки и деньги нужны, а мне, уверяю Вас, милый друг мой, это никакого неудобства не составит. Еще прошу, мой дорогой, сообщить мне телеграммою, чтобы не терять времени, куда, по какому адресу и на чье имя

могу я послать всю сумму, которую Вы назначите, и также не откажите помянуть в телеграмме, не прислать ли за д в а г о д а.

Простите, мой милый друг, что пишу опять карандашом, но мои головные нервы в таком ужасном состоянии, что я не только писать, но даже говорить могу с большим трудом. Моему больному теперь, слава богу, лучше, потому что мы находимся в полном уединении на даче. Адрес мой: Suisse, Genève. Pregny, villa le Bocage.

Какой я несчастный человек, что не могу писать Вам как прежде, и как хотелось бы и теперь, но, увы, нервы, нервы мои совсем в отчаянном положении. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг. Всею душою Ваша

Н. фон-Мекк.

397. *Мекк — Чайковскому*

Женева,
23 сентября/ 5 октября 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! С величайшим удовольствием препровождаю Вам здесь чек № 121424 на шесть тысяч (6 000) рублей и горячо желаю, чтобы бог дал Вам устроить себе уголок как можно более по Вашему вкусу и желаниям. Я буду бесконечно рада, если узнаю, что Вы довольны и покойны в с в о е м домике, в с в о е м саду. В Вашей телеграмме сказано: p o u r u n e a n n é e*; я не смею переступить Вашего желания и потому посылаю только шесть тысяч. Номер чека я оговариваю здесь для того, что если бы в случае чек пропал, то я попрошу Вас заявить банку Взаимного кредита, что В а м был послан чек № 121424 с м о и м подписом и что он пропал, то чтобы они не выдавали н и к о м у другому по этому чеку. Я посылаю его, как всегда, отдельно.

Простите, дорогой мой, что пишу так дурно, но Вы знаете, в каком плачевном состоянии находится моя голова, а тут еще из России беспокоящие меня известия: у моей бедной Сашиных трое детей больны и из них старший сын — воспалением в легких, и я так боюсь за нее, она такая безгранично любящая мать и готова пожертвовать собою, ухаживая за детьми. Ах, наш русский климат, какой он убийственный!

У нас также очень холодно и серо, дует женевская bise**, вообще здесь климат дурной, но всё-таки это не то, что у нас в России. Я отсюда, вероятно, поеду к себе в Belair, но еще нескоро и пока прошу Вас, милый друг, адресовать всё сюда.

Не откажите написать мне, г д е Вы хотите приобрести себе собственность. Будьте здоровы, мой милый, дорогой мой друг. Всею душою безгранично любящая Ва

Н. ф.-Мекк.

398. *Чайковский — Мекк*

1887 г. сентября 21—25. Майданово.

С. Майданово,
21 сентября 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Телеграмму Вашу я получил третьего дня. Очень хотелось тотчас же выразить Вам благодарность мою депешей, но здесь

---

* за один год
** северный ветер

иностранных депеш не принимают. Поэтому я буду уже Вам телеграфировать из Москвы, когда дело окончательно решится в том или другом смысле. Бесконечно благодарен Вам за готовность помочь мне в моем деле. Я, впрочем, и не сомневался в Вашей поддержке, но тяготился и до сих пор тягощусь мыслью о том, что злоупотребляю Вашей добротой. Завтра я еду в Москву и, согласно Вашему желанию, остановлюсь у Вас, о чем я уже известил телеграммой Ивана Васильева.

Мне хочется, милый друг, рассказать Вам, каким образом у меня явилась мысль сделаться здешним землевладельцем. Уже очень давно я постоянно помышлял о том, чтобы обзавестись на старость лет клочком земли и домом. Но до сих пор, особенно при моей крайней непрактичности, мысль эта представлялась мне недостижимой. Между тем прошлою весной случилось следующее обстоятельство. Некто В. М. Соболевский (редактор газеты «Русские ведомости») очень удачно и выгодно купил у владелицы Майданова, г-жи Новиковой, четыреста десятин леса, в мае начал строить на очаровательном местечке дом, и когда я приехал из-за границы, то очень близко от себя увидел прелестный домик, уже вполне готовый и обитаемый. Вид этого домика, около реки, около леса, с чудесным видом на даль, возбудил во мне жгучее чувство зависти. В самом деле, всё то, что с такой быстротой и ловкостью сделал Соболевский (во всяком случае не обладающий бо́льшими средствами, чем я), было полнейшим воплощением моих самых идеальных мечтаний. Меня невыносимо раздражало то чувство зависти или, лучше сказать, р е в н о с т и, о котором я упомянул выше. Почему то, что сделал Соболевский, не сделал я? Почему мне недоступно то счастье, которое выпало ему на долю? Почему я так ребячески непрактичен, что, будучи нисколько не беднее Соболевского, не могу, подобно ему, устроить себе желанный приют? И без того мрачное, настроение моего духа сделалось еще мрачнее, и я целые дни только о том и думал, как бы и мне сделаться обладателем участка земли и дома. В это время явилась ко мне г-жа Новикова и предложила купить участок леса, тоже около реки и тоже с местечком, удобным для постройки дома. Мы осмотрели этот участок, и я немедленно увлекся до самозабвения желанием купить его. Цену Новикова назначила двенадцать тысяч. Прежде всего, я написал брату Анатолию, прося его устроить, чтобы жена его могла мне дать из своего стотысячного капитала шесть тысяч взаймы, а затем написал Вам. Будучи совершенно незнаком по части цен на землю и всей процедуры покупки, измерения, наконец постройки дома, я попросил Юргенсона приехать ко мне и поторговать о деле. Юргенсон побывал у меня, осмотрел землю, переговорил с Новиковой и постарался охладить мое

увлечение, доказывая, что цена слишком велика, что за подобную цену можно найти лучше и т. д. Я, однакож, стоял на том, что я к Клину привык и что мне хочется основаться именно здесь. Через несколько дней Юргенсон прислал ко мне специалиста по делу о покупках и продажах земель, некоего г. Соколова, которому он предложил взять на себя ведение дела. Соколов тоже доказывал мне, что цена слишком дорога, и просил меня дать ему полномочие вести всё дело так, чтобы я не вмешивался вовсе, и обещаясь устроить всё как можно для меня выгоднее. Не буду Вас утомлять подробностями о бесконечных переговорах и спорах между Юргенсоном и Соколовым с одной стороны, и г-жей Новиковой — с другой. Я дал Юргенсону полную доверенность распоряжаться моими интересами, а он, с своей стороны, дал передоверие Соколову. Новикова поехала в Москву, дело шло там, а я ожидал здесь решения. Третьего дня вечером Юргенсон телеграфировал мне, что Новикова уступила три тысячи из двенадцати и что дело покончено. Я был очень обрадован, тем более, что в тот же вечер получил и Ваше согласие помочь мне. Но вчера Юргенсон телеграфировал мне, что встретились новые препятствия. Всё имение Новиковой заложено у некоей г-жи Голиковой. Эта госпожа требует огромной суммы наличными деньгами за то, чтобы разрешить продажу части имения. А так как расчет мой был в том, что долг будет переведен на меня и из двенадцати тысяч, имеющихся в моем распоряжении, я буду иметь возможность уделить значительную часть на постройку дома, то препятствие это оказалось очень серьезно. К тому же, архитектор (Альбрехт, сын консерваторского инспектора) привез мне вчера план дома. Оказалось, что постройка дома, достаточно просторного для меня, будет стоит бесконечно дороже, чем я предполагал. Затем в пылу увлечения я совершенно забыл, что нужно, покупая землю и строя дом, всё-таки не только жить, но и ездить этой зимой по Европе (я ниже объясню Вам мои планы), что, следовательно, я могу страшно запутаться в своих денежных делах и вместо удовольствия найти во всём этом деле лишь источник всяческих затруднений и беспокойств.

Всё это теперь только я, как следует, сообразил, и в настоящее время положение дел такое. Для того, чтобы исполнить мое намерение и впоследствии не раскаяться в нем, нужна громадная сумма денег. Если б я и мог ее достать, то лишь ценою или страшных материальных затруднений или же нравственных терзаний. Таким образом, я перестал относиться к этому делу по-детски, с каким-то ребяческим увлечением. Завтра еду в Москву. Переговорю с Юргенсоном, с Соколовым, узнаю, возможно ли уговорить г-жу Голикову уступить в ее требованиях, узнаю, какой

суммой денег могу распоряжаться, никого не отягощая и не наживая самому себе будущих затруднений, узнаю в точности, что может стоить постройка и устройство дома, и затем, основательно все сообразивши и обдумавши, приму р е ш е н и е, о котором и извещу Вас, дорогая моя, телеграммой.

Планы мои насчет зимы такие. «Чародейка» пойдет в Петербурге в конце октября. Вскоре после того я должен ехать в Тифлис, где дал слово присутствовать на первом представлении той же оперы. В январе я приглашен дирижировать двумя концертами из моих сочинений в Вене и Гамбурге. Февраль и март я предполагал провести в Париже, где мой издатель Маккар собирается устраивать концерты с моим дирижерством. Лишь весной я вернусь домой.

21 сентября

Был в Москве, останавливался в Вашем доме и спешу поблагодарить за оказанное гостеприимство.

После долгих бесед с моими поверенными и спокойного обсуждения дела, я решил не покупать у г-жи Новиковой земли и не строить дома. Я ясно увидел, что это повлекло бы меня к громадным финансовым затруднениям. Теперь у меня является новая надежда. Продается прелестное имение на берегу Москвы-реки, с парком, лесом и т. д. Принадлежит оно богачу Х л у д о в у. Если Юргенсону удастся уговорить его продать мне это имение в рассрочку, то, быть может, мое желание быть собственником осуществится. Вчера я получил, уже тотчас по приезде, депешу от Юргенсона, что Хлудов соглашается на рассрочку, но всё-таки очень для меня отяготительную. Но надежда еще не потеряна. На случай, что это дело состоится, я и решился воспользоваться Вашим позволением попросить у Вас бюджетную сумму вперед и телеграфировал Вам о том. Умоляю Вас не сердиться за то, что я утомляю и беспокою Вас своими делами. Даю Вам слово, что, если дело с Хлудовым не состоится, я перестаю хлопотать и мечтать о приобретении земли.

Ваше нездоровье больно огорчает меня; мне очень совестно, что я беспокоил и утруждал Вас.

21 сентября бедный мой друг Н. Д. Кондратьев скончался. Двадцать пятого начнутся в Петербурге репетиции.

Будьте здоровы, дорогой друг, и простите меня, ради бога.

Ваш П. Чайковский.

Мне ужасно как-то стыдно и совестно перед Вами. И без того Вам тяжело, а я еще пристаю с моими просьбами.

Ваш

399. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
1 октября [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Третьего дня я приехал в Петербург, а сегодня получил письмо Ваше и в одно время с ним письмо Юргенсона. Последний извещает меня, что Александр Филаретович был у него, расспрашивал о моих делах и затем обещал принести чек, о коем Вы пишете. Таким образом, я уже могу теперь известить Вас о получении чека и затем без конца благодарить, благодарить и благодарить Вас. Но вместе с тем я снова прошу у Вас прощения за беспокойство. Только теперь я вижу и понял всю значительность причиненных Вам тревог. Вы нездоровы, Вы обеспокоены Вашими семейными делами, Вы озабочены состоянием бедного Влад. Пахульского, наконец, Вы за границей, а не в России,— и я в такое время являюсь с моей просьбой, в исполнении которой я заранее бы мог предвидеть неудобства и формальные затруднения. И досаднее всего, что вся моя грандиозная затея оказалась пуфом. Судя по всему, и с Хлудовым дело не устроится. Я отрезвел от увлечения, но надолго у меня осталось чувство некоторого стыда и неудовольства самим собою; я глубоко раскаиваюсь в ребячливой непрактичности, которую проявил в данном случае столь осязательно. Еще и еще прошу Вас извинить меня.

Вчера у меня была первая оркестровая репетиция. Я, как водится, очень волновался, но обошлось всё очень благополучно. Артистами и, особенно, заботливостью, с которой отнесся Направник к разучению оперы, я очень, очень доволен. Усталость от петербургской суеты уже начинает давать себя чувствовать.

Я буду от времени до времени писать Вам, дорогой друг, о ходе постановки моей оперы и после первого представления буду телеграфировать Вам. Вас же прошу и умоляю не давать себе труда писать до тех пор, пока, бог даст, здоровье Ваше совсем окрепнет.

Будьте, ради бога, здоровы! Мне очень горько думать о том, что нервы Ваши так расстроены. Благодарю Вас бесконечно за всё!

Ваш П. Чайковский.

В прошлом письме я, кажется, известил Вас, что мой друг Кондратьев скончался. Он умер покойно, без агонии.

100. Мекк — Чайковскому

Женева,
17/29 октября 1887 г.

Милый, дорогой друг мой! Мне очень хотелось написать Вам, но я не знаю Вашего петербургского адреса и потому поручаю сыну Максу доставить Вам это письмо через Модеста Ильича. Меня ужасно радуют все приглашения, которые Вы получили за границу, и мне очень хотелось бы знать, каким Обществом Вы приглашены в Вену, так как там их есть несколько. Не откажите, дорогой мой, написать мне это, а также и какие из Ваших сочинений предполагается исполнять. Мы очень боимся,— я говорю мы, потому что и Владислав Альбертович очень беспокоится о том, что Вам придется много выстрадать в Париже за исполнение Ваших произведений, потому что эти французы уж такой немузыкальный народ и при этом самовлюблены и самообольщены до бесконечности. Дай бог, чтобы везде было хорошо и приятно для Вас, а я ужасно рада, что Ваши сочинения делаются всё более и более известными за границею. Жду с большим нетерпением известия от Вас о первом представлении «Чародейки» и благодарю горячо, милый, добрый друг мой, за обещание дать известие.

Насчет покупки собственности я всеми силами души желаю, чтобы Вы устроили себе уголок, и скажу, что очень, очень одобряю то, что Вы не решились сами строиться, потому что это Вас замучило бы: нет более неопределенного и неизвестного расхода, как постройки, и более раздражающего нервы занятия, как возня с ними. Если я приеду еще в Россию весною, то, быть может, я Вам укажу именьице, а теперь ведь всё равно к зиме Вам и бесполезно. Будьте здоровы и покойны, берегите Ваши нервы, мой милый, горячо любимый друг. Влад[ислав] Альб[ертович] часто мне играет «Евгения Онегина» и «Орлеанскую Деву», и что это за прелесть, в каком я бываю восторге, этого и выразить нельзя. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

101. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
19* октября [1887 г.]

Милый, дорогой, бесценный друг мой!

Простите, ради бога, что я столь долго не писал Вам. Причиною этого слишком долгого молчания — репетиции моей оперы, продолжавшиеся без перерыва от первого дня моего приезда до сегодняшнего дня. Первое представление «Чародейки» состоится завтра, двадцатого числа. Я буду телеграфировать Вам о результатах его. Утомление мое чрезвычайное. Бывали дни, когда я возвращался домой с репетиции до того изнеможенный, что отказывался от обеда, какого бы то ни было сообщества и прямо до утра ложился в постель. Тем не менее, как и в прошлом году во время репетиций «Черевичек», я чувствую себя несравненно более спокойным и довольным, чем при прежних постановках моих опер,

* *В подлиннике описка:* 18.

когда я сам еще не дирижировал. Положение автора разучиваемой оперы, когда он прямого участия в общих трудах не имеет, очень неловкое и странное; другое дело теперь, когда на дирижерском месте я сознаю себя настоящим хозяином и главой всего, что делается в театре. Исполнением оперы, в общем, я доволен, но, к сожалению, у меня очень неудачная главная исполнительница, г-жа Павловская. Она потеряла совершенно голос, и ее едва слышно. Между тем, еще два года тому назад, когда она была гораздо лучше, я дал ей обещание, что роль Чародейки будет ее, и нарушить слова не могу. Декорации, костюмы, вся mise en scène* великолепны.

Дело о моем переселении из Майданова находится в следующем положении. Я писал Вам, кажется, что богач Хлудов предложил мне купить его имение близ станции Воскресенск, Рязанской дороги. Усадьба эта, по отзыву Юргенсона, который ездил смотреть ее, очень хороша. Дом большой, каменный, на высоком берегу Москвы-реки, парк с громадными деревьями и т. д.! Хлудов предложил мне следующие условия: десять тысяч теперь, остальные двадцать с рассрочкой на десять лет и проценты. Так как это для меня слишком трудно, то я отказался. Тогда Хлудов предложил мне взять Кривякино (так называется это имение) в аренду на двенадцать лет с платой тысяча пятьсот рублей в год и с правом в течение этого срока во всякое время купить именье. Юргенсон находит, что это слишком дорого, ибо дом требует ремонта и полной меблировки и устройства. Он предложил Хлудову уступить мне Кривякино за тысячу рублей в год. Весьма возможно, что Хлудов, уехавший теперь на Кавказ и обещавшийся до ноября дать ответ, согласится на мое предложение, и тогда я немедленно приступлю к перестройке и меблированию дома. Всю эту зиму я буду странствовать за границей и вернусь только к весне; к тому времени всё будет готово.

Сюда съехались многие мои московские друзья; приехал также брат Анатолий с женой.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

402. Чайковский — Мекк

Москва.
13 ноября [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Простите, ради бога, простите, что так редко пишу Вам! Я переживаю очень бурную эпоху своей жизни и нахожусь по-

* обстановка на сцене

стоянно в таком возбужденном состоянии, что не имею возможности даже с Вами по душе побеседовать. Продирижировавши четыре раза своей оперой, я приехал пять дней тому назад сюда в состоянии духа очень меланхолическом. Несмотря на овации, сделанные мне на том представлении, опера моя мало нравится публике и, в сущности, успеха не имела. Со стороны же петербургской прессы я встретил такую злобу, такое недоброжелательство, что до сих пор не могу опомниться и объяснить себе,— за что и почему. Ни над какой другой оперой я так не трудился и не старался и, между тем, никогда еще я не был предметом такого преследования со стороны п р е с с ы[1].

Здесь я ежедневно имею репетиции большого симфонического концерта, которым буду дирижировать завтра, четырнадцатого числа[2]. Устаю ужасно и иногда боюсь, что гублю свое здоровье всеми этими волнениями и тревогами. От поездки в Тифлис я отказался, но едва ли успею хоть немножко отдохнуть у себя в Майданове, ибо 2 января (нов. стиля) должен дирижировать в Лейпциге, затем в Дрездене, Гамбурге, Копенгагене, Берлине, Праге. Затем в марте в Париже дам свой концерт, оттуда приглашен в Лондон на концерт Филармонического общества. Словом, предстоит бездна новых и сильных впечатлений. Вероятно, известность моя сильно возрастет после всех этих путешествий, но не лучше ли бы сидеть дома и работать? Бог знает. Одно скажу, что сожалею о тех временах, когда меня спокойно оставляли жить в деревенском уединении.

Надеюсь, что Вы здоровы, милый, добрый друг мой! Где бы я ни был и что бы со мной ни случилось, везде и всегда останусь верен до гроба в моей любви и благодарности к Вам.

Ваш П. Чайковский.

403. Мекк — Чайковскому

Женева,
21 ноября/3 декабря 1887 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Я получила Ваше последнее письмо в ту минуту, когда была переполнена восторгом от Вашей музыки; мне играли и пели Ваши романсы. Из дуэтов я прихожу в неописанный восторг от Вашего «Р а с с в е т а»; я не могу передать, что я чувствую при первых звуках этого чудного, поэтического изображения природы! Потом «В е ч е р», что это за прелесть! Из романсов solo я обожаю «Б л а г о с л о в л я ю в а с, л е с а» из «Иоанна Дамаскина». Слушая всё это, я хочу плакать, хочу броситься на колена, хочу исчезнуть с лица земли! Боже мой, как велика эта природа, которая создает людей, доставляющих такое невыразимое наслаждение! Как я благодарна Вам за него.

Милый, дорогой мой, как мне больно, что Вы огорчаетесь холодностью публики и злостью прессы, а ведь [это] не стоит ни одного мгновения Вашего горя. Первая, т. е. публика, никогда сразу не может оценить Ваших сочинений, потому что Вы не Верди и не Беллини, но она всё-таки оценит и будет восхищаться. А пресса, ведь это цепная собака, которая злится и сама не понимает—на что и за что; но, кроме того, Вас ведь всегда петербургская журналистика преследует, потому что считает Вас москвичем. Поэтому, дорогой мой, ради бога, не сокрушайтесь ни одной минуты. Я бесконечно счастлива, что слава Ваша растет с каждым днем, и думаю, что и для здоровья Вашего эта деятельность будет скорее полезна, чем вредна. Пошли Вам господи сил и энергии на наслаждение человечества и на гордость нашей родины!

Я предполагаю уехать отсюда 1 декабря в мой Belair и прошу Вас, дорогой мой, теперь туда уже и адресовать письма,— так: France Indre et Loire, Mettray, Château Belair.

Чем кончились Ваши переговоры о найме дачи у Гучкова, кажется? Мне очень интересно знать, когда и как Вы устроитесь, милый друг мой. Мне кажется, что до Вас не дошло мое письмо, которое я писала Вам в Петербург, через моего Макса. Прошу Вас убедительно, дорогой мой, по возможности сообщать мне Ваш адрес. Здоровье мое всё плохо. Пишу с большим трудом. Будьте здоровы, мой дорогой, бесподобный друг. Крепко жму Вашу руку. Всею душою всегда Вас горячо любящая

Н. Ф. Мекк

P. S. И теперь я не знаю, куда адресовать Вам. Посылаю это письмо через моего брата Александра.

404. Чайковский — Мекк

С. Майданово,
25 ноября 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я стосковался по Вас. Обстоятельства складываются так, что я всё последнее время пишу Вам очень редко, общение между нами не так постоянно, и по временам мне кажется, как будто я стал несколько чужд Вам. Между тем, никогда я так часто и много не вспоминал о Вас, как в эти самые последние дни. Я удалился для кратковременного отдыха в Майданово; работать вследствие ненормального состояния духа и тела не могу, но зато много и часто размышляю и вспоминаю. Десять лет тому назад я переживал в это именно время самый трагический период моей жизни, и бог знает, что бы со мной сталось, если бы Вы не явились ко мне с нравственной и материальной помощью. Как живо и ясно сохранились в моей памяти малейшие подробности этого уже далекого прошлого! Как я до глубины души проникаюсь чувством

благодарности и благоговения к Вам! Сколько нравственной силы я почерпнул в Ваших тогдашних письмах, в бесчисленных выражениях участия и дружбы Вашей![1]

С тех пор много воды утекло и многое переменилось. Много и работал я в эти десять лет и, сколько мне кажется, шел постоянно вперед в своем деле, хотя, увы, и теперь приходится, как в прежнее время, встречать со стороны так называемой т о л п ы неправильную и несправедливую оценку своей артистической деятельности. Два года работал я над «Ч а р о д е й к о й», напрягал все свои силы, чтобы опера моя вышла капитальным моим трудом,— и что же? Оказывается, что эта несчастная «Ч а р о д е й к а» потерпела настоящее фиаско, всё более и более делающееся несомненным печальным фактом. Я, вероятно, писал Вам, как холодно относилась ко мне публика на втором, третьем и четвертом представлении. На пятом (я уже не дирижировал) театр был не полон, а теперь мне пишут, что на седьмом представлении театр был наполовину пуст. В прежнее время случалось, что суждения публики и прессы были ко мне неблагоприятны, но не глубоко оскорбляли меня, ибо смутно я сознавал причину неуспеха. Теперь этого нет; я непоколебимо убежден, что «Чародейка» — лучшая моя опера, а, между тем, ее скоро сдадут в архив! И всего обиднее, что в п р е с с е на меня напустились с такой злобой, как будто я всю свою жизнь был бездарным писакой, незаслуженно поднявшимся выше, чем бы следовало, и не нашлось никого, кто бы за меня заступился. Ни одной горячей, сочувственной статьи во всей петербургской печати не появилось, напротив: всеобщее злорадство и торжествующий тон, точно будто все они сговорились вредить мне самым жестоким образом и видят во мне лютого врага, заслужившего мщение[2]. Не далее, как сегодня, мне пришлось прочитать статью, написанную в газете «Н о в о с т и» и проникнутую необычайно сильной злобой и ненавистью. За что? — Совершенно непонятно. Никогда и никому я не наносил сознательно никакого зла![3]

Про мои московские концерты я уже писал Вам; они имели огромный успех, и я был невыразимо тронут выражениями сочувствия московской публики, а между тем, в большинстве петербургских газет я встречаю глумления и попытки скрыть от читателей степень успеха, так что иной подумает, что успех был дутый, результат интриги, подкупа или я не знаю чего. Ужасно это огорчает и оскорбляет меня, и, если бы не предстоящее заграничное путешествие, я бы глубоко пал духом.

5 января (нового стиля) я уже должен дирижировать в Лейпциге, затем в Дрездене, 20 января в Гамбурге, 24-го в Копенгагене, 8 февраля в Берлине, 19-го в Праге. Затем в Париже я с помощью моего тамошнего издателя сам устраиваю концерт

и оттуда сделаю экскурсию в Лондон, из коего имею приглашение от тамошнего Филармонического общества.

В Петербурге я дирижирую своей сюитой «Моцартиана» 12-го числа; оттуда и поеду прямо в Лейпциг. Если будете писать мне, дорогой друг, адресуйте пока в Москву, Юргенсону. Впоследствии я буду извещать Вас о переменах своего местопребывания.

Ездил на два дня в Москву для свидания с братом Анатолием и его бедной женой, которая лежит в тифе. Вот уже двадцать четыре дня, что она в жару, но теперь, слава богу, ей лучше!

Здоровы ли Вы, дорогая? Дай бог Вам всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

405. Чайковский — Мекк

Москва,
30 ноября 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Дня три или четыре тому назад я писал Вам из Майданова и адресовал письмо в Женеву. Надеюсь, что Вам перешлют его. Здесь я получил вчера Ваше письмо и был чрезвычайно обрадован им. Повидимому, Вы были в хорошем настроении, когда писали это письмо; из этого я заключаю, что здоровье Ваше, слава богу, лучше, чем было несколько недель тому назад. Вообще, мне было как-то особенно приятно увидеть Ваш почерк, читать Ваши теплые слова о моей музыке, словом, быть в общении с Вами.

В последнее время я не могу особенно хвалиться состоянием своего здоровья. У меня часто бывают прежде никогда со мной не случавшиеся припадки как бы удушья или астмы с биением сердца и сильным расстройством нервов. Мне кажется, что тут ничего серьезного нет и что это опять-таки все те же нервы, с присовокуплением капризного и не всегда повинующегося мне желудка. Этот орган у меня именно капризен, ибо нельзя быть более строгим и воздержным в гигиене, чем я, а между тем, беспрестанно я бываю нездоров. В ту минуту, как пишу Вам, мне нехорошо: бьется сердце и дыхание стеснено.

Я приехал проститься с Москвой и устроить дела мои. На будущей неделе, как я писал Вам, еду в Петербург, а около пятнадцатого числа — за границу. Разумеется, милый друг мой, я буду постоянно уведомлять Вас о всём со мной происходящем. Писать же, если случится, впредь до более точных указаний попрошу Вас в Москву, Юргенсону, с передачей мне.

Письмо Ваше, адресованное в Петербург, я получил.

Дело о найме или, лучше, о взятии в аренду имения купца Хлудова находится в следующем положении. Он требует двенадцатилетнего срока и полторы тысячи арендной платы. Так как, в случае найма, я должен буду истратить много денег на ремонт и меблировку дома и так как впоследствии содержание усадьбы будет мне тоже стоить денег, то я нахожу, что Хлудов требует слишком много. Юргенсон писал ему на Кавказ (где он теперь находится) о моих условиях, и Хлудов отвечал, что даст ответ по возвращении, которое скоро состоится.

Таким образом, вопрос об аренде Кривякина будет решен уже после моего отъезда. Я очень желаю, чтобы дело состоялось, ибо имение это очень живописно и во многих отношениях удобно [1].

Будьте здоровы, дорогой, милый друг! Теперь буду Вам писать из Петербурга.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский

406. Мекк — Чайковскому

Ницца.
7/19 декабря 1887 г.

Дорогой, несравненный друг мой! На днях я получила Ваше милое письмо, адресованное в Женеву. Как могли Вы подумать, дорогой мой, чтобы Вы стали мне более чужды, чем были прежде? Напротив, чем больше уходит времени, чем больше я испытываю разочарований и горя, тем более Вы мне близки и дороги. В Вашей неизменной дружбе и в Вашей неизменно божественной музыке я имею единственное наслаждение и утешение в жизни. Всё, что идет от Вас, всегда доставляет мне только счастье и радость. Когда мне невыносимо тяжело и горько, я прошу сыграть мне дуэт Дюнуа и короля из «Орлеанской Девы» или сцену дуэли из «Евгения Онегина», и я забываю все тяжелое земное, я уношусь в тот неведомый, неразгаданный мир, в который нас манит музыка. Эти две вещи, о которых я сказала, это — предметы моего обожания и поклонения. Вообще из Ваших опер, дорогой мой, я больше всех люблю «Орлеанскую Деву» и «Евгения Онегина». Из симфоний — больше всех люблю Четвертую, квартеты все три обожаю страстно. Из сюит люблю ужасно Первую, из романсов боготворю так многие, что и перечислить нельзя. Потом боготворю невыразимо Славянский марш; в особенности,—там есть одно место, где скрипки играют мотив, а духовые аккомпанируют триолями, при котором я и выразить не могу, что со мною делается. И Вам огорчаться злостью какой-нибудь петербургской своры, Вам, который стоит так неизмеримо выше всей этой толпы, Вам—солнцу, которое освещает и согревает лучами своей музыки бедное человечество,— боже мой, да ведь Вы должны только презирать их.

Простите, дорогой мой, за все эти восторги, но когда я только слушаю о Вашей музыке, так я прихожу в экстаз.

Я устроилась в своем маленьком Belair и теперь хочу как можно больше наслаждаться музыкою. Погода очень дурная: то дождь, то страшный ветер. Я всё мечтаю о юге, но в нынешнем году нельзя и думать поехать туда, потому что ученые предсказывают, что будет опять землетрясение в Ницце. Будьте здоровы, милый, бесконечно дорогой мне друг. От всего сердца жму Вам руку. Всею душою всегда Ваша

Н. ф.-Мекк.

P. S. А наша молодая парочка опять в ожидании прибавления семейства и в восторге от этого. Пошли господи всякое благополучие и счастливую развязку. Меня ужасно радует их семейная жизнь.

407. Чайковский — Мекк

Берлин.
28* декабря 1887 г./9 января 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Буду Вам вкратце рассказывать всё, что со мной происходит на чужбине[1]. Выехал я из Петербурга во вторник 15 декабря. В дороге и в Берлине, где я оставался два дня, мной овладела такая безумная тоска по отчизне, такой страх и отчаяние, что я колебался, не вернуться ли мне, отказавшись от всех предстоявших мне подвигов. В довершение ужаса, ко мне приставал и как тень ходил за мной некий г. Дмитрий Фридрих, выдающий себя за русского, а в сущности какой[-то] еврейский проходимец, концертный агент, уже давно преследовавший меня своими письмами. В Берлине я провел ужасных два дня и уехал в Лейпциг, где меня встретили на вокзале Бродский и Зилоти. Они и их жены оказали мне самый теплый и радушный прием, и, если б не они, я бы не выдержал всех тягостных и мучительных тревог, через которые пришлось пройти. Первая репетиция концерта Гевандгауза, в коем я должен был дирижировать своей сюитой, прошла удачно. Оркестр, которому Рейнеке представил меня, оказался первоклассным; артисты отнеслись ко мне очень сочувственно. Брамс, находившийся в Лейпциге в то время, сидел во время репетиции и внимательно слушал. Следующая репетиция была публичная, с платой. Тут мой успех был очень велик. Что касается самого концерта, то меня предупреждали, что лейпцигская публика очень суха и холодна, и в качестве русского я ожидал самых серьезных неприятностей. Меня встретили с ледяной холодностью, но после первой же части рукоплескания были очень горячие, и так было

В подлиннике ошибка: 29

до самого конца. Это был настоящий большой успех, хотя не-чего и сравнивать его с теми восторженными овациями, которые бывают у нас в России. Только в следующие дни я из газет узнал, что успех был большой и действительный. Тотчас после концерта я в этом не был уверен, оттого и не телеграфировал Вам. На другой день было в Liszt-Verein большое торжество в мою честь. Играли мой квартет, мое трио и мелкие пьесы. Тут уж делали овации на русский лад и поднесли венок с необычайно лестной надписью на ленте.

В тот же день я выехал сюда. Вчера имел совещание с директорами здешнего Филармонического общества. Концерт мой назначен на 8 февраля нового стиля. Завтра утром еду в Гамбург, где мне хочется слышать концерт под управлением Бюлова. Там же состоится мой концерт 20/8 января. В промежутке я хочу уехать в какой-нибудь город, где меня никто не знает, чтобы несколько дней пробыть в одиночестве и молчании. Нет сил описать Вам, до чего я устал и как я жажду отдыха!

Надеюсь, дорогая моя, что Вы простите меня за то, что пишу Вам теперь так редко и мало. Зато часто, очень часто думаю о Вас и завидую тишине и миру, которые царят вокруг Вас в Belair.

Будьте здоровы, дорогой, милый, бесценный друг!!! Всем Вашим поклон.

Ваш П. Чайковский.

108. Чайковский — Мекк

Любек,
30 декабря 1887 г. 11 января 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Не правда ли, удивительно, что я попал в Любек? Не знаю, сказал ли я Вам в последнем письме моем, что намеревался скрыться куда-нибудь на несколько дней, чтобы свободно вздохнуть в одиночестве, собраться с мыслями и вооружиться терпением для будущих моих страданий! Да, именно страданий! Конечно, моя авторская амбиция удовлетворена тем, что я делаю известной свою музыку в Западной Европе, но чего мне это стоит. Ведь я создан для того, чтобы работать в тиши уединения, а совсем не для публичного выставления своей персоны напоказ. Но делать нечего, постараюсь до конца нести добровольно наложенный на себя крест, и зато если докажу, что это будет за счастие вернуться домой и надолго!

Итак, третьего дня вечером я выехал вместе с Бродским в Гамбург. Почти прямо с железной дороги мы попали на репетицию концерта, в коем Бродский должен был играть, а Бюлов дирижировать. Бюлов отнесся ко мне очень любезно и внимательно. После репетиции я посетил особ, находящихся во главе Управления Филармонического общества, в коем двадцатого состоится мой концерт. Программа, дни и часы репетиций, всё это теперь вполне улажено. Вечером я был в концерте. Бюлов — гениальный дирижер; нельзя более совершенно исполнить героическую симфонию, чем это было сделано вчера, несмотря на то, что оркестр у него по составу не первоклассный. Сегодня утром я выехал в Любек. Гостиница здесь отличная, и я устроился на несколько дней самым комфортабельным образом. С завтрашнего дня начну подготовлять вещи, которыми буду дирижировать в Гамбурге и Берлине.

Поздравляю Вас с Новым годом, дорогой, милый друг! Посылаю Вам самые горячие пожелания счастия и здоровья; всем, с Вами находящимся, передайте, пожалуйста, искреннейшие поздравления мои.

Если будете писать мне, прошу адресовать: Berlin, Leipzigerstrasse, 37. Bote u. Bock. Pour remettre à M. P. T.

Будьте здоровы, дорогая! Дай Вам бог всякого счастия.

Беспредельно преданный

П. Чайковский

Главное, будьте здоровы! Надеюсь, что Вам хорошо в Berlin

1888 год

109. Чайковский — Мекк

1888 г. января 2—10. Любек—Гамбург.

Любек.
2/14 января 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я стал до того беспамятлив, что решительно не могу припомнить, писал ли я Вам, почему и для чего попаду в Любек. Я приехал сюда отдохнуть и насладиться хоть несколькими днями одиночества. Вот уже четвертый день, что я здесь. Первые три дня были для меня самыми приятными и счастливыми, насколько при подобных обстоятельствах может быть приятность и счастие. Я невыразимо наслаждался возможностью молчать, никого не видеть, кроме встречных на улице незнакомцев, быть, одним словом, свободным от всякого напряжения и насилия над собой. Успел покаяться, т. е. приготовить к гамбургскому концерту вещи, которые вновь буду дирижировать; успел вообще собраться с мыслями, придти в себя. Даже тоска по родине меня на время оставила, и Новый год я встретил одиноко, в своем номере, нисколько не предаваясь унынию. Увы! Вчера вечером всё испортилось. Я пошел в оперу, меня узнали, в антракте масса каких-то господ пришла со мной знакомиться, я был измучен вопросами: как, почему, зачем?— и т. д. Приставали, чтобы я пошел в какой-то клуб, чтобы на другой день, т. е. сегодня, я завтракал там-то, обедал там-то, и, между прочим, особенно был назойлив какой-то русский, О г а р е в, рассказывавший про свои сочинения, желавший мне их показать и доведший меня до полного отчаяния. Я сказался больным, уверил всех, что уезжаю сейчас же, и сегодня весь день не выходил из комнаты. Раз что нужно скрываться,— удовольствие прошло.

Сегодня, милый друг мой, я получил очень важное и радостное известие. Государь назначил мне пожизненную пенсию в три тысячи рублей серебром. Меня это не столько еще обрадовало, сколько глубоко тронуло. В самом деле, нельзя не быть бесконечно благодарным царю, который придает значение не только военной и чиновничьей деятельности, но и артистической.

Я думаю, что при теперешних обстоятельствах Вам интересно будет постоянно следить за моими композиторскими и дирижерскими подвигами, и я решил писать Вам понемножку большие письма, в которых буду отмечать всё, могущее быть Вам интересным.

10/22 января. Гамбург.

Дорогой друг мой! Я благополучно отделался от моего здешнего концерта. Было три репетиции. Музыканты относились ко мне, как и в Лейпциге, с величайшей симпатией и даже восторгом. Концерт прошел вполне благополучно. Я исполнил: 1) Серенаду, 2) фортепианный концерт (играл пианист Сапельников, и играл отлично) и 3) вариации из Третьей сюиты. Успех был большой. После того был большой раут с ужином у директора Филармонического общества, Бернута. Я говорил ответную речь по-немецки!!! Вчера было торжество в мою честь в Tonkünstler-Verein. Бесконечное число знакомств, посещений, визитов. Я утомлен до безумия. В газетах читаю о себе похвальные отзывы; хотя, конечно, есть и очень странные суждения, но, в общем, пресса ко мне так же симпатична, как и музыканты и публика. Посылаю Вам, дорогой друг, одну из статей.

Простите, ради бога, что пишу мало и недостаточно обстоятельно, но я с ума схожу от усталости. Буду продолжать понемногу сообщать Вам о всём со мной происходящем.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Здоровы ли Вы? Как давно я не имею известий об Вас!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

410. Мекк — Чайковскому

Belair,
19/31 января 1888 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Как я Вам благодарна, что Вы сообщили мне Ваш адрес и тем дали возможность поздравить Вас

с наступившим Новым годом и пожелать Вам в него всего, всего, что есть наилучшего в жизни человека, а главное, здоровья, потому что при нем только и можно пользоваться другими благами жизни. От всего сердца поздравляю Вас также, дорогой мой, с монаршею милостью и горячо радуюсь, что Вы имеете такого покровителя и поклонника; пошли господь и ему здоровья за то, что он умеет ценить и награждать таланты. Скажите, кстати, дорогой мой, правда ли это, что Вы со времени коронации имеете звание придворного композитора за которое также получаете по три тысячи рублей в год? Мне это говорил Данильченко, но я ему мало верю.

Мне очень часто играют Ваши сочинения на скрипке, на виолончели и в четыре руки на фортепиано, и тогда я наслаждаюсь, всё тяжелое, всё дурное в жизни отлетает далеко, и я только счастлива этими звуками, этим божественным значением их.

Я бесконечно рада, милый друг мой, что Ваша слава растет не по дням, а по часам, но вместе с тем мне ужасно жаль Вас, что Вам приходится делать себе такую ломку, но что делать,— хорошее даром не достается. С Вами ли, по крайней мере, Ваш Алеша? А то ведь без него Вы были бы лишены даже простого комфорта.

Из России я не получаю ничего радостного, а, напротив, печальные вести о том, что все больны и больны: у бедной моей Саши все дети больны разными болезнями легких. Старший мальчик, Маня, только что поступил в Училище правоведения, отлично учился, как вторично заболел воспалением легких и теперь опять не выходит. Мой любимец, сын Володи, Воличка также всю зиму болен, и другие тоже всё хворают. Но парочка, Коля и Анна, должны уже быть теперь в Москве; Вы, вероятно, знаете, дорогой мой, что Анна опять ожидает разрешения, и вот к этому-то случаю они и приехали в Москву. Они так пристрастились к своему Копылову, что совсем несчастные люди, когда им надо уезжать оттуда, но зато бесконечно счастливы от ожидания нового члена семейства. Сашок с женою живут в Москве, в моем доме. Сашок всё сидит за книгами, всё учится — это его страсть; теперь берет уроки бухгалтерии, потому что я очень желаю, чтобы он поступил в какой-нибудь банк на службу. Я надеюсь, что ко мне скоро приедет мой Володя с семейством; я буду ужасно рада.

У меня здесь тихо, однообразно, но хорошо. Моя жизнь в настоящее время есть диаметральная противоположность Вашей, милый друг мой. Насколько Ваша разнообразна и богата всякими дарами, настолько моя монотонна, неинтересна и бездарна, но, конечно, каждому то, на что он имеет право. У нас в настоящее время лежит снег и пять градусов мороза по Реомюру, но это всё-таки не мешает нам играть в крокет на воздухе. Очень, очень благодарю Вас, дорогой мой, за присылку мне газетной статьи о Вашем концерте; мы уже и раньше читали в немецких журналах отзывы об нем. Конечно, Вашу музыку очень хвалят, но мне всё-таки не нравятся эти немецкие критики: я понимаю один отзыв о Вашей музыке, это — восторг, тем более, что Вы исполняли Первую сюиту; она такая чудная, а восторга-то у них никогда и не найдешь,—амфибии!

Будьте здоровы, мой милый, безгранично дорогой мне друг. Если можно, не откажите сообщить мне и далее Ваш адрес, да, пожалуйста, милый друг мой, напишите мне о звании придворного композитора. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

411. Чайковский — Мекк

[Берлин]
23 января/4 февраля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я очень обрадовался, приехавши в Берлин, когда в числе писем оказалось Ваше. Я уж, было, хотел телеграфировать Вам вопрос о здоровье. С тех пор, как я писал Вам в последний раз, я провел два дня в Магдебурге, небольшом, но очень красивом городке, где я искал отдохновения и одиночества. Затем провел несколько дней в Лейпциге. Там надеялся я прожить тихо и покойно в обществе семейств Бродского и Зилоти, но оказалось, что сохранить инкогнито было невозможно, и вследствие того я постоянно получал приглашения и проводил время в многолюдных обществах, вследствие чего очень устал и приехал в Берлин вовсе не освеженный, а, напротив, более чем когда-либо тоскующий и мечтающий о России и уединенной жизни. Иногда я с ужасом спрашиваю себя: зачем я добровольно терзаюсь, для чего гоняюсь за заграничной славой, когда эта последняя и без того должна придти, если я ее достоин? Очень часто под напором таких мыслей я прихожу в отчаяние, плачу, глубоко страдаю, а потом, когда сошла удачная репетиция или самый концерт, совсем противоположное настроение овладевает мной, даже является жажда и на будущее время иметь возможность заставлять иностранцев слушать мою музыку... Словом, подобно всем слабым и нерешительным характерам, я беспрестанно перехожу от одной крайности к другой, а время тянется, тянется бесконечно... Ужасаюсь при мысли, что не ранее апреля или даже мая попаду в Россию.

Писал ли я Вам, дорогая моя, что я буду в двадцатых числах февраля в Париже и что четвертого и одиннадцатого я буду дирижировать своими сочинениями у Colonn'a? Оттого ли, что теперь всё русское в моде или Colonne вспомнил обо мне независимо от того, русский ли я или нет, но только он пригласил меня участвовать в двух его концертах, и это для меня оттого особенно приятно, что у Colonn'a своя публика, готовое устройство, чудесный оркестр, и всё это даром! А ведь я хотел по совету M-r Felix Mackar рискнуть [дать] свой собственный концерт, и кто знает, сколько бы это стоило убытков и хлопот.

В том, что Вам говорил Данильченко, нет ни единого слова правды. Но, действительно, уж года три тому назад носились слухи о тех трех тысячах, которые теперь я получил.

Алексея я с собой не взял, ибо при постоянных переездах

в стране, языка которой он не знает, он бы не был мне утешением и помощью, а, скорее, стеснил бы меня, ибо я по опыту знаю, как он тоскует по России, если не живет, как бывало в Риме, на одном месте.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Вчера была первая репетиция моего здешнего концерта. Оркестр принял меня восторженно. Это, конечно, очень приятно, но, боже, как мне грустно здесь!..

412. Чайковский — Мекк

1888 г. января 30/февраля 11. Лейпциг.

Лейпциг,
11 февраля

Дорогой, милый друг мой!

Концерт мой в Берлине был очень удачен. Я имел дело с превосходнейшим оркестром и с музыкантами, которые с первой же репетиции выказали в отношении меня величайшее сочувствие.

Программа была следующая:

1) Увертюра «Ромео и Юлия».
2) Фортепианный концерт. Играл Зилоти.
3) Интродукция и фуга из Первой сюиты.
4) Andante из Первого квартета.
5) Романсы. Пела г-жа Фриде.
6) Увертюра «1812 г.».

Публика принимала меня восторженно. Само собой разумеется, что это очень приятно, но я всё более и более чувствую себя утомленным и просто не понимаю, как буду в состоянии выдержать всё предстоящее. Жизнь моя в Берлине была просто мученичеством. Не было ни единой минуты для себя, с утра до вечера приходилось или принимать гостей или быть в гостях. Узнаете ли Вы в этом путешествующем по Европе русском музыканте того человека, который еще немного лет тому назад прятался от жизни в обществе и пребывал в уединении за границей или в деревне!!!

В Праге меня ожидает целое торжество. На все восемь дней, которые я там проведу, уже составлена и прислана мне программа бесчисленных ований и торжественных приемов. Они хотят придать этому концерту характер патриотической антинемец-

кой демонстрации. Это меня тем более смущает, что я в Германии был принят самым дружелюбным образом.

Несмотря на всё мое утомление, я остаюсь совершенно здоров, и в этом отношении приходится удивляться выносливости моей натуры.

В Париже мои концерты состоятся 4-го и 11-го марта. Как я буду близко от Вас! Эта мысль радует меня.

Милый, бесценный друг мой, будьте здоровы и счастливы! Адрес мой теперь: Paris, 14, Rue Richépanse. Буду в Париже ожидать от Вас весточки.

Беспредельно преданный и любящий Вас

П. Чайковский.

413. Чайковский — Мекк

Прага,
10/22 февраля [1888 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Я провел в Праге десять дней и буквально ни одного письма не написал, ибо как это ни невероятно Вам покажется, но я не имел к тому никакой возможности. От первой минуты моего приезда и до сегодняшнего дня это был целый бесконечный ряд всяческих торжеств и празднеств, репетиций, осмотров достопримечательностей и т. п. Меня принимали здесь так, как будто я явился представителем не русской музыки, а вообще всей России. Положение мое было несколько неловкое, ибо почести, оказанные мне, относились вовсе не ко мне, а к России. Я и не подозревал, до какой степени чехи преданы России и как они глубоко ненавидят немцев. Быть может, Вы из газет узнаете кое-какие подробности о моем здешнем пребывании и о политическом характере их. Что касается самых концертов, то их было два: один в воскресенье 19/7, другой вчера вечером, 21/9. Успех был громадный. После первого концерта был многолюдный банкет, на коем я сказал или, лучше, прочел речь по-чешски. Это ужасно тронуло чехов, и успех речи был неописанный. Вчерашний концерт в театре был очень приятен для меня, ибо оркестр играл как-то особенно хорошо.

Усталость моя за всё это время превосходит всякие вероятия, и я просто не понимаю, откуда у меня берутся силы перенести все мои волнения[1].

Простите, дорогой, добрый друг, что так мало и редко пишу. Клянусь Вам, что как бы я того ни желал, но, ей-богу, не на-

хожу времени. Будьте здоровы и не забывайте меня. Сегодня еду в Париж (14, Rue Richepanse).

Бесконечно любящий Вас

П. Чайковский.

414. Мекк — Чайковскому

Belair,
14/26 февраля 1888 г.

Милый, несравненный друг мой! Вчера я получила Ваше дорогое письмо и спешу усердно просить Вас не стеснять себя нисколько перепискою со мною, ведь я же знаю и понимаю, как Вы теперь заняты и как Вас осаждают. Вы есть теперь l'intérêt du jour* в Европе; каждому хочется и увидать, а еще того более—поговорить с знаменитым человеком. Только теперь, дорогой мой, я попрошу, если возможно без большого неудобства, сообщить мне телеграммою в двух словах: Ваши концерты в Париже будут 10-го и 12 марта — по новому стилю или по старому? И я прошу буквально ответить мне: nouveau style или vieux style. Я имею очень мало надежды на то, чтобы могла приехать даже в Париж, чтобы доставить себе такое невыразимое и такое редкое счастье услышать Ваши сочинения под Вашим руководством. Но я теперь такой несчастный человек, что я накануне никогда не могу сказать с уверенностью, что я сделаю завтра. Нервы мои в таком ужасном состоянии: болезнь бедного Владислава Альбертовича окончательно подорвала и мои нервы, и теперь хотя ему и лучше, но я-то уже поправиться не могу; в мои лета не поправляются. К этому же, у меня теперь гостит belle-fille** Лиза, жена сына Володи, который сегодня уезжает в Лондон, а жену и сына оставляет у меня на время своей поездки. Эта бедная молодая женщина также постоянно больна, потому что, к несчастью, морфинистка, поэтому нервна страшно и всё чем-нибудь страдает; теперь ей делают электричество, то и ее оставить невозможно. Но я всё-таки хотела бы знать, в какие дни будут эти концерты, для того, чтобы хотя здесь помечтать об них.

Какой ужасный, невиданный холод на Западе. Я очень страдаю от него, у нас всё покрыто снегом, точно Псковская губерния, и это так тяжело, мертво. В настоящее время я очень счастлива пребыванием у меня моего доброго Володи и его чудесного ребенка Волички.

В газетах я читаю постоянно о Вашем триумфальном шествии в Европе и радуюсь до слез, что, наконец, Ваше имя приобретает европейскую известность и полную оценку. Пошли Вам господи сил и здоровья, а их много надо, но я надеюсь, что Вы выдержите всё хорошо, потому что триумф не нанесет вреда. Я очень хотела бы сделать Вам несколько вопросов, но отказываюсь от них, чтобы не затруднять ответом, и прошу опять, мой несравненный друг, не беспокоиться писать мне, а, самое большое, телеграммою сообщить «adresse est telle»***.

Вчера поехал в Париж Данильченко и, вероятно, от Брандукова узнает

---

* злоба дня
** невестка
*** адрес такой.

Ваш адрес и явится к Вам. Я очень рада, дорогой мой, что всё, что он мне рассказал про Вас,— неправда, а почему рада, объяснять не буду, чтобы не дискредитировать этого хохла. Знаете ли Вы, милый друг мой, что Брандуков женится на Мазуриной, пианистке? Это поправит его материальное положение, но в смысле семейного счастья его нельзя поздравить, потому что она, говорят, ужасного характера и самодурка.

Как мне радостно подумать, что Вы так близко от меня, мой милый, драгоценный друг, и какое наслаждение для меня читать все похвалы Вам. Ужасно меня интересует знать, какие из Ваших сочинений будут исполняться у Colonn'a, как бы я хотела сама их слышать; боже, какой я несчастный человек! Будьте здоровы, сильны, веселы, мой дорогой, несравненный друг. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Как это ужасно, что с Вами Алексея нет; как Вам должно быть неудобно.

415. Чайковский — Мекк

Париж,
15/27 февраля 1888 г.

Дорогой, милый друг мой!

Я ужасно был обрадован сегодня письмом Вашим, а также продолжительным свиданием с Петром Антоновичем[1], который со мной и Брандуковым обедал и многое сообщил мне относительно Вас. Этот хохол был мне всегда очень симпатичен, и я с тем бо́льшим удовольствием увидался с ним, что он Ваш, и мы с ним про Вас говорили. Это был единственный час дня, когда я сегодня мог отдохнуть. Всё утро я провел у г-жи Бенардаки, богатой русской дамы, имеющей в здешнем свете большое значение и дающей завтра в своем великолепном доме большой музыкальный вечер. У нее будут участвовать первостепенные здешние артисты и оркестр Colonn'a, которым я буду дирижировать. Репетиция продолжалась очень долго. Потом я был у M-me Conneau, певицы, которая в воскресенье 4 марта будет петь в концерте и с которой я прошел ее нумера. Засим я был у пианиста Дюэмера и проигрывал с ним мою фантазию, которую он играет в том же концерте. Засим был с визитом у двух лиц из музыкального мира (Marmontel и Fauré*). Засим у меня было свидание с делегатами Société Franco-Russe**, устраивающей концерт и приглашающей меня дирижировать, и т. д. и т. д.!!!! Вы усматриваете из этого, милый друг, какова моя жизнь. Colonne из человека, в прежнее время очень свысока ко мне относившегося, стал совсем другим, заискивающим и до крайности лю-

---

В подлиннике: Forау

** Франко-Русского общества

безным. Он надеется, повидимому, нажить мной деньги. Дай бог, чтобы он не ошибался, ибо, если концерт мой будет пуст, я буду весьма огорчен. Деньгами я нимало не интересуюсь, но успех, интерес публики нужен мне.

Не смею и мечтать о том, что Вы будете четвертого в Châtelet. Но, боже, как я бы рад был, если б знал, что Вы в числе слушателей.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

П. Чайковский.

416. Мекк — Чайковскому

Belair,
18 февраля/1 марта 1888 г.

Милый, несравненный друг мой! Бессчетно раз от всего сердца благодарю Вас за присылку мне Вашего дорогого изображения. Вы не знаете, сколько наслаждения для меня смотреть в Ваши чудные глаза и думать Вашими звуками; а что это за звуки, что за божественные звуки! Когда я слышу дуэт Дюнуа с королем, например, я содрогаюсь от восторга. Ваших героев не только слышишь, но их видишь, с ними чувствуешь,— вот где драматическая правда. Но, боже мой, если об этом говорить, то не хватит слов, чтобы выразить весь восторг, не хватит одной жизни, чтобы перечувствовать его, потому что сотни последующих жизней восхищаются и, пока мир стоит, все будут восхищаться. А кстати, по поводу мира: читали Вы, милый друг мой, что в этом году должна явиться Вифлеемская звезда и поэтому ожидают, что будет конец мира? А интересно знать, как кончится мир! Я ожидаю, что все замерзнут, а как Вы думаете, дорогой мой? Но, впрочем, Вам теперь вовсе не до этого. А что бы Вам написать, дорогой мой, ораторию к картине Микель-Анджело «Le dernier jugement»*, которая, помните, стоит в Сикстинской капелле,—сделать, так сказать, музыкальный комментарий к ней? Но всё теперь дело не в этом, а вот если бы я могла, не собираясь, не заказывая купе, не оставляя никаких распоряжений дома, вечером лечь в свою кровать, а на утро, в воскресенье в два часа дня очутиться в Châtelet,— о, как бы я была счастлива! Но, к несчастью, в жизни людей всё идет наперекор их желаниям и мечтам. Вот тоже несчастный человек Владислав Альбертович, как ему ужасно хочется поехать, но его болезнь состоит именно в том, что он боится людей: как бывает болезнь водобоязнь, так у него — людобоязнь. Несчастный человек, с этих пор уже такая ненормальная жизнь.

Юля и Милочка горячо благодарят Вас, дорогой мой, что Вы вспомнили об них и послали им Ваши портреты; это страстные Ваши поклонницы. Владислав Альбертович просит меня также передать Вам его глубочайшую благодарность за Вашу доброту к нему; в его состоянии ему в особенности ценно внимание к нему, потому что ему всё кажется, что его все ненавидят. Он хочет сам писать Вам (если соберет мысли). Еще и еще благодарю Вас, мой дорогой, несравненный друг. Пошли Вам бог здоровья и сил. Всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

---

* «Страшный суд».

417. Чайковский — Мекк

Лондон,
11/23 марта 1888 г

Милый, дорогой, бесценный друг!

Вчера состоялся мой лондонский концерт. Успех был очень большой, и особенно Струнная серенада вызвала очень шумные одобрения и троекратный вызов, что для сдержанной лондонской публики значит очень много. Вариации из Третьей сюиты понравились меньше, но всё-таки аплодировали очень дружно. Таким образом, вчера вечером кончились мои мучения, страхи, волнения, но, нужно сказать правду, и р а д о с т и. Дело в том, что если бы путешествие мое состояло бы только в репетициях и концертах, то я бы, несмотря на напряжение нервов, испытывал бы скорее удовольствие, чем томительные ощущения. Успех, коим я везде пользовался, очень приятен. Но что ужасно, невыносимо, это знакомства, приглашения на обеды и вечера, необходимость то делать, то принимать визиты, обязанность постоянно говорить или слушать других и полная невозможность уединиться, отдыхать, читать, вообще что бы то ни было делать, кроме песносного служения общественности. В Париже в последнее время дошло до того, что я едва с ума не сошел и как ребенок был рад, когда очутился в вагоне и мог, наконец, молчать и думать.

Переезд из Парижа сюда был ужасен: снежная вьюга заставила наш поезд стоять очень долго в поле и мерзнуть. На пароходе было не только ужасно, но и страшно, ибо это была настоящая буря, и каждую минуту казалось, что мы погибнем. Кроме меня не было ни одного человека, который бы не был болен. Я же окончательно убедился, что морской болезни не подвержен. Вместо семи часов вечера, мы приехали в Лондон в двенадцать часов. Я провел здесь всего трое суток и сегодня вечером уезжаю. Мечты посетить Италию пришлось оставить; я должен торопиться домой, но так как ни в Петербурге, ни в Москве теперь быть мне невозможно, ибо вместо отдыха я должен был бы опять-таки попасть в круговорот общественной жизни, а с другой стороны, деревенского убежища у меня нет, то я и решился ехать прямо на Кавказ, в Тифлис, где меня с большим нетерпением ожидают. Еду я на Кельн, Берлин, Варшаву, Воронеж, Ростов, Владикавказ. Путешествие будет очень длинное, но это меня мало пугает. Прошу Вас, дорогой, милый друг, дать о себе весточку в Тифлис, адресуя прокурору Чайковскому, для передачи П. И. Ч. Надеюсь, что Вы здоровы, слава

богу. Прошу Вас написать мне в Тифлис, когда Вы собираетесь в Россию. Всем Вашим (в том числе Влад[ославу] Альбертовичу и Данильченко) шлю поклоны и приветствия.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

418. Мекк — Чайковскому

Belair,
16/28 марта 1888 г.

Дорогой мой, несравненный друг! Ваше триумфальное путешествие по Европе приводило меня в восторг и вполне удовлетворило в моем давнем горячем желании сделать Вашу музыку известною за границею; теперь она не только известна, но и известна как бесспорно первоклассная музыка в Европе. Я так счастлива, что моя заветная мечта осуществилась и что Вы можете теперь отдыхать на лаврах. Дай Вам бог отдохнуть как можно скорее и как можно полнее, и я надеюсь, что это так и будет, потому что Вы находитесь и в месте и с людьми, которых так много любите. Как я завидую Вам, дорогой друг мой, что Вы находитесь на юге. Я в нынешнем году совсем стосковалась об юге, солнце и цветах; у нас всё пасмурно, дождь льет по целым неделям и хотя зелено, но грустно. Одно утешение, одно наслаждение — это музыка. Впрочем, я должна покаяться перед Вами, что у меня под конец жизни явилась страсть к собакам, я их приобретаю во всех концах Европы.

Но если вникнуть в мою жизнь, то это становится извинительным. Я человек, который всю жизнь живет сердцем; мне надо всегда кого-нибудь любить, кого-нибудь баловать, о ком-нибудь заботиться, но теперь мне не к кому применить своей потребности. Дети так велики, что баловать их нельзя, а заботливость моя им надоедает, внуков мне не дают, вот я и перенесла свою нежность и потребность любви на маленьких собачек: им очень приятно, когда я их балую, против моей заботливости они не восстают, потому что вполне признают мой авторитет, и сами очень любят меня,— вот и объяснение моей страсти к собачкам.

Из России я постоянно получаю какие-нибудь неприятности. Теперь приближается обыкновенное рязанское собрание акционеров, и, как обыкновенно, разгуливаются человеческие страсти, желание на чужой счет или, вернее сказать, на счет чужого благосостояния устраивать свое положение, приобретать величие, даже уважение. Козни и подлости в полном ходу, и вот я опять волнуюсь, возмущаюсь. Но что делать: это всё неизбежно, пока живешь.

Из всех газетных отзывов, которых я так много перечитала о Вашей музыке, милый друг мой, больше всех я осталась довольна отзывом из Праги. Это есть то настоящее отношение, о котором я говорила и которое должно быть к Вашей музыке: критиковать ее в музыкальном отношении даже смешно, потому что она выше всякой критики, следовательно, может говорить только каждый о своем личном впечатлении, о своем чувстве, вызванном этою музыкою. Так и сделал автор статьи из Праги; он и не критикует, он только восхищается всем в этой музыке. Это как критика Белинского Пуш-

кину. И я тем более довольна этим отзывом, что он идет из Праги, города самого музыкального и серьезного в Европе. Другие же, немцы, слишком много резонерствуют над Вашею музыкою, именно берутся критиковать и говорят вздор. Французы нахальничают, по обыкновению, больше хотят заставить Вас восхищаться ими, чем сами восхищаются Вами, ну, да эти в музыке — дурни, и вот только из Праги соответственный отзыв; это потому, что они славяне и истинные музыканты.

Будьте здоровы, покойны, веселы, милый, всегда дорогой друг мой. От всего сердца жму Вам руку и прошу не забывать безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Анна, слава богу, поправляется; мальчишечку окрестили.

419. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
18/30 марта 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! В прошлом своем письме я забыла сказать Вам, что уезжаю отсюда 7 апреля, и если бог даст благополучный путь, то тринадцатого должна быть в Москве. Поэтому, дорогой мой, прошу Вас писать мне в Москву к тринадцатому, а то я боюсь, чтобы Ваше письмо не затерялось, если не найдет меня уже здесь. Не пишу больше, потому что надо написать еще два письма. Будьте здоровы, дорогой, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

420. Чайковский — Мекк

Таганрог,
22 марта 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

После бесконечно долгого пути я наконец приехал в Таганрог. Шесть ночей я провел в вагоне, и Вы можете себе представить, до чего дошло мое утомление. Как нарочно, погода всё время была великолепная, и я очень сожалел, что у меня не хватило смелости ехать морем. Насколько я предпочитаю морское путешествие железной дороге, и вообще как сильно я начинаю любить море. Даже о переезде через канал из Дувра в Кале я припоминаю с наслаждением, хотя погода была скверная. Мечтаю о каком-нибудь отдаленном морском путешествии и буду стараться, чтобы меня в будущем году или года через два пригласили для дирижированья концертов в Америку. Не странно ли, что после утомительного более чем трехмесячного странствования по чужбине я уже снова мечтаю о путешествии? Но таков человек. Как только

мое возвращение в Россию, о чем я мечтал как об величайшем благе, стало фактом, так немедленно я уже начинаю желать, чтобы в будущем году пришлось опять поездить!.. Впрочем, это нисколько не мешает мне радоваться при мысли, что через месяц я буду жить у себя, где-нибудь в деревенской глуши. В настоящее время мой Алексей (который, между прочим, в конце февраля женился) занят поисками за дачей для лета, а если возможно, и для постоянного жилья. Очень трудно найти что-нибудь вполне подходящее к моим требованиям. В течение всей зимы Алексей и Юргенсон заботились о приискании для меня деревенского убежища и до сих пор еще ничего не нашли.

Здесь я гощу у брата Ипполита, которого не видал два года, так же как и жены его. Они оба несколько состарились за это время, и брат мой жалуется на разные недуги.

Погода стоит удивительная. Завтра я еду в Ростов, Владикавказ, Тифлис, где надеюсь получить от Вас известие. Там я намерен пробыть от двух до трех недель.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Дай Вам бог счастливо и вполне благополучно совершить Ваше путешествие в Россию.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

421. Чайковский — Мекк

Тифлис,
29 марта 1888 г.

Вот я наконец и в Тифлисе, дорогой, милый друг мой! Перевалившп через хребет, я попал прямо в жаркое, даже с л и ш к о м жаркое лето, так как солнце обожгло мне дорогой лицо, и я вот уже три дня хожу с совершенно красным носом и левой половиной лица. Фруктовые деревья отцветают, все остальные уже покрыты весенней листвой, и мне теперь как-то дико подумать, что ровно три недели тому назад я мерз в вагоне по дороге в Англию и снежный занос остановил наш поезд где-то в поле на целых два часа.

Своих я нашел вполне здоровыми и благополучными, но зато из Петербурга меня ожидали грустные известия о болезни бедной сестры моей. У ней опять невыносимые страдания вследствие к а м н я в печени. Брат Модест пишет, что она ужасно страдала и кричала от боли несколько дней; потом ей стало несколько лучше. Жду с нетерпением известий оттуда.

От Алексея получил известие, что он нанял для меня неболь-

шую усадьбу около Клина, но дальше, чем Майданово. Я знаю эту усадьбу; она в очень живописном месте, лесу много и вид прелестный. Очень радуюсь, что у меня уж есть пристанище, в которое я надеюсь попасть недели через три. Я уеду отсюда на шестой неделе поста и на страстной буду уже в с. Фроловском[1] (так называется мой новый уголок), хотя не надолго, ибо необходимо будет побывать на несколько времени в Петербурге.

Дорогое письмо Ваше от 16 марта я получил. Вы пишете о дурной погоде, преследующей Вас, и о том, что Вы стосковались об юге. По этому поводу я опять, как однажды в прошлом году, не могу удержаться, чтобы не попытаться соблазнить Вас поездкой на Кавказ. Что это за чудная страна! Сколько в ней разнообразной красоты и какое наслаждение находиться в местах, не опошленных английскими туристами, почти девственных и неистощимо богатых впечатлениями. К сожалению, ехать сюда для Вас слишком далеко, хотя путешествие можно обставить самым комфортабельным образом.

Весьма сочувствую Вашей страсти к собакам, которых я сам ужасно люблю; но я думаю, что я единственный в своем роде любитель псов. Во-первых, больше всего я люблю простых дворняжек, а во-вторых, я терпеть не могу держать собак у себя в доме и во всю мою жизнь имел только одну комнатную собачку когда-то давно, в Москве. Не люблю же я держать их потому, что вечно страдаю за них; мне всё кажется, что они голодны, что им чего-то нужно, чего выразить они не могут, что они больны и т. д. и т. д. Да кроме того, мой Алексей их не любит, а раз что прислуга недостаточно заботлива и терпелива к животному, ему не может быть хорошо. Давно уже я собираюсь завести говорящего серого попугая. Эти птицы мне ужасно симпатичны, особенно когда они так кротки и умны, как Ваш старый попугай, который теперь у Коли. Осенью непременно приобрету себе попку.

Всей душой желаю, чтобы дела по Рязанской железной дороге кончились для Вас так же хорошо, как в прошлом году.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Теперь уже я буду просить Вас иметь в виду мой будущий адрес: г. Клин, Московской губ., село Фроловское (название, которое Вам нетрудно запомнить, не правда ли?)[2].

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

422. Чайковский — Мекк

Г. Тифлис,
13 апреля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Поздравляю Вас с благополучным возвращением домой. Теперь буду с нетерпением ожидать известия о том, как решатся в нынешний раз Ваши железнодорожные дела, и успокоюсь вполне за Вас, когда узнаю, что всё совершилось согласно с Вашими желаниями и что Вы водворились в Плещееве. Не знаю, дошло ли до Вас письмо мое, посланное отсюда в Belair, как раз в утро того дня, когда я получил от Вас известие, что седьмого числа Вы уезжаете и что больше в Belair писать не нужно. Надеюсь, что Вам его переслали. Я застал в Тифлисе совершенно июльский зной, фруктовые деревья в цвету и даже несколько слишком душные ночи. После ужасной парижской и лондонской погоды чрезвычайно приятно было очутиться на благословенном юге, и под волшебным впечатлением роскошной кавказской природы я помню, что в предыдущем письме моем вздумал опять советовать Вам посетить Кавказ. Конечно, это путешествие, в конце концов, слишком утомительно, и вряд ли Вы решитесь на него, но, когда я вижу здешние красоты, мне всегда ужасно хочется, чтобы и Вы их видели.

Своих я нашел совершенно здоровыми. Маленькая племянница моя Таня очень выросла, стала очаровательно болтать по-французски, и во всех отношениях она очень развилась и изменилась к лучшему. Брат Анатолий и жена его всё более и более привязываются к Кавказу и не хотят и слышать о переезде на север. И в самом деле, всё как-то сложилось для них здесь необыкновенно благоприятно, ибо даже и люди здесь какие-то особенно милые, и я сам, находясь здесь, смутно сознаю, что человек настоящим образом может наслаждаться жизнью лишь в таких странах, где солнце всегда греет и где, куда ни взглянешь, всё — красота. Однакож привычка делает то, что без моего туманного, холодного севера я обойтись не могу. Не знаю, дорогой друг, писал ли я Вам, что новое мое убежище будет опять около Клина, но в местности, гораздо более живописной и красивой, чем Майданово. Притом же там всего один дом, одна усадьба, и я не буду видеть ненавистных дачников, гуляющих под моими окнами, как это было в Майданове. Называется это место селом Фроловским, а адрес мой будет тот же, т. е. г. Клин, куда и прошу Вас, дорогая моя, адресовать мне Ваши письма. Я ужасно рад, что к моему приезду всё уже будет готово, перевезено и устроено. Уезжаю я на этих днях. По всей

вероятности, мне придется на несколько дней съездить в Петербург, ибо говорят, что мне необходимо представиться государю. Таким образом, не скоро еще я дождусь окончательного водворения в моем новом уголке. Но зато я хочу безвыездно провести всё лето и всю осень в Фроловском и много работать. В последний год я ведь ровно ничего не делал и только слонялся по Европе и России! Теперь я ровно ничего не делаю, даже не пытаюсь начать какую-нибудь работу, ибо до сих пор еще не пришел в себя, и мне кажется, что только дома, в Фроловском, я снова получу охоту к труду. Мечтаю о новой симфонии, о струнном секстете, о ряде небольших фортепианных пьес... Многие советуют мне заняться подробным описанием моего концертного путешествия и поместить это в каком-нибудь журнале, но мне как-то совестно трубить о своих успехах. Сообщите мне, милый друг, Ваше мнение насчет этого. Советуете ли Вы мне составить исторический очерк моей поездки или нет? [1]

Будьте здоровы, драгоценный друг мой!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Всем Вашим посылаю поклоны и приветствия.

423. Мекк — Чайковскому

Москва,
21 апреля 1888 г.

Милый, несравненный друг мой! На днях я получила Ваше дорогое письмо, адресованное сюда, а раньше получила и то, которое было послано еще в Belair, и хочу написать Вам несколько слов, хотя сомневаюсь, чтобы мое письмо нашло Вас в Фроловском, а, вероятно, судя по Вашему письму, Вы будете в Петербурге. Очень и очень благодарю Вас, милый и дорогой мой друг, за Ваше внимание к моим интересам. В нынешнем году, благодаря богу, мы имели опять успех в рязанских выборах, но именно только с божьею помощью, потому что мы имеем против себя людей, которые не останавливаются ни перед какими средствами, пускают в ход сплетни, выдумки, клеветы, подкуп, обман, воровство. Вообразите, что они нанимали чужие акции и платили по шесть рублей за акцию, чтобы иметь голоса, так что, говорят, они издержали 112 000 (сто двенадцать тысяч*) на нынешнее собрание и выставили больше полутора тысяч голосов наемными акциями. Но что возмутительно, это то, что все эти расходы делаются на счет этого несчастного

---

* Пишу прописью для того, чтобы Вы не подумали, милый друг мой, что я ошиблась в нулях. *(Примечание фон-Мекк.)*

Сарпея Дервиза и что его тот господин, который устраивается на его счет, доводит до разорения; это гадко и подло!

Я, по обыкновению, плачу дань возвращению в Россию: совсем больна, простуда страшная, болит горло, голова, мучит кашель, совсем потеряла голос, так что говорила шопотом, что весьма неудобно при том условии, что я **должна** говорить целый день без умолку. Но что всего ужаснее для меня, это то, что я не пользуюсь воздухом, тогда как за границею я привыкла целые дни быть на воздухе; бедная наша Россия, какая она суровая и жесткая! А по части Кавказа, дорогой друг мой, я до бесконечности благодарна Вам за Ваше желание показать мне его, и меня самое ужасно тянет туда, но ведь там, так же как и в Крыму, бывают эпидемические лихорадки. Вспомните, дорогой мой, в прошлом году они так свирепствовали, что на железной дороге некому было сторожить пути: вся железнодорожная прислуга была больна лихорадками. К тому же, я сомневаюсь, чтобы можно было достать хорошее, удобное помещение. А очень жаль, по природе — чудный край!

Не пишу больше, потому что голова болит, и к тому же меня парализует мысль, что письмо это не дойдет до Вас. До свидания, мой милый, драгоценный друг. Будьте здоровы и покойны. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Вы пишете, милый друг мой, что ничего не делаете, а мне говорили, что Вы сочиняете теперь балет «Ундина» для Петипа,— правда ли это? Когда Вы были в Лондоне, и сын мой Володя был там; и он разыскивал Вас, хотел пригласить Вас к себе на обед, на котором у него было несколько друзей и наш русский посланник, но он не мог Вас найти. Он обращался за Вашим адресом туда, где исполнялись Ваши концерты, но там отвечали, что Вы живете на частной квартире и что она им неизвестна. Володя очень жалел, что не мог найти Вас.

Чуть было не забыла ответить Вам, дорогой мой, на Ваш вопрос по поводу того, что Вам советуют издать описание Вашего путешествия. О да, милый друг мой, конечно, это было бы очень интересным и дорогим произведением для истории музыки и для литературы вообще; поэтому я буду ужасно рада, если Вы возьметесь за этот труд. Я давно очень жалею, что Вы больше ничего не пишете литературного. Вы так хорошо писали; я никогда не забуду одной Вашей статьи, в которой Вы отвечали на отзыв одной барышни или барыни о Вашей музыке [1]. Что это была за прелесть! Пишите, дорогой мой, пожалуйста пишите.

424. Чайковский — Мекк

С. Фроловское, г. Клин,
24 апреля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я в своем новом жилище. Оно мне очень по душе; дом стоит на горе, вид чудесный, сад переходит прямо в лес, дачников ни-

каких нет, комнаты высокие, меблированы старинной мебелью, и, одним словом, я совершенно доволен своей новой обстановкой. Алексей в один месяц из необитаемого, заброшенного дома сделал очень приятный, симпатичный приют для усталого от всевозможных волнений и впечатлений странника! Кстати, об Алексее. Не помню, писал ли я Вам, что во время моего отсутствия он женился и, кажется, очень удачно, ибо жена его на вид чрезвычайно симпатична.

Я посетил в Москве Колю с Анной и рад был видеть как их, так и детей их. Девочка изумительно выросла и развилась с тех пор, как я не видал ее.

Радуюсь всем сердцем, что Вы восторжествовали на рязанских выборах. Дорогой, из газет узнал я об избрании г. Алехина (которого, кстати, я отлично знал в детстве), и первое, что я спросил при свидании с Колей, это то: Ваш ли кандидат был Алехин? Поздравляю Вас, дорогая моя, с этой удачей.

Относительно Кавказа скажу Вам, что знаменитые кавказские лихорадки свирепствуют далеко не повсеместно и что, например, в божественной Алазанской долине (в Кахетии), где Вам бы следовало приобрести себе именье, об них и помину нет. Лихорадки бывают на Черноморском берегу, например в Сухуме, но и то их жестокость очень преувеличивают. Что касается помещения, то в Кахетии можно, наверно, достать именья с богато устроенными усадьбами. В больших городах гостиницы хороши, а в Тифлисе гостиница «Лондон» превосходна.

Всё, что пишут в газетах относительно моих новых работ, есть ложь. Я, действительно, иногда помышлял и помышляю до сих пор об опере на сюжет «Капитанской дочки»; я, действительно, помышлял также о принятии сделанного мне дирекцией театров предложения написать музыку к балету «Ундина», но всё это только одна возможность, а вовсе не действительность[1]. После поездки в Петербург и нескольких посещений Москвы по поводу консерваторских экзаменов, я намерен приняться прежде всего за сочинение симфонии, а там что бог даст.

Как я был обрадован, приехавши сюда, получить Ваше дорогое письмо. Оно было первым письмом, полученным мною на новом пепелище, и это, надеюсь, принесет мне счастие.

Примите, дорогой друг, мои поздравления с праздником и всяческие пожелания счастия и благополучия!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

425. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
9 мая 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Простите, что я из Петербурга не писал Вам. По обыкновению, мне пришлось там выносить адскую жизнь человека, не принадлежащего себе и каждый час которого занят другими. Зато трудно изобразить с достаточной силой, как я рад, что всё это кончилось и что, наконец, я у себя дома, в деревне, сознавая свою безусловную свободу и имея перед собой несколько месяцев пребывания в одиночестве. Жаль только, что погоду здесь я застал сырую, холодную, неприветную. Вы еще более меня должны страдать от нее, если Вы уже в Плещееве.

В Петербурге я провел десять дней и вернулся только сегодня утром. После двух лет увиделся, наконец, с сестрой Сашей, но, увы, ничего особенно утешительного это свидание не принесло. Она очень постарела, поседела и всё время, пока я был в Петербурге, была больна. Несчастная страдалица! Нужен огромный запас жизненной силы, чтобы переносить всё, что выпадает на ее долю. Представьте, милый друг, что кроме невероятных болей печени, которые после месячного перерыва снова появились, у нее еще образовалось два громадных нарыва, которые пришлось резать. Нарывы эти суть следствие уколов от морфинных вспрыскиваний, и время от времени они терзают ее, но, кажется, таких глубоких и болезненных еще никогда не было. Собиралась она выехать на этой неделе в Карлсбад, но теперь об отъезде и думать нечего. Тася тоже постоянно нездорова; об Вере неутешительные известия из Парижа; мальчики болеют постоянно один за другим, а у моего любимца Володи появилась какая-то неестественно чудовищная тучность болезненного характера. Только одна Анна из всей семьи обладает, слава богу, хорошим здоровьем.

Я представлялся в Петербурге государю. Он был, как и прежде, очень милостив и внимателен ко мне, но на сей раз куда-то спешил и говорил со мной очень недолго. Мне очень хотелось рассказать ему в подробности про руссофильские демонстрации в Праге, но я имел возможность только упомянуть о них.

В мое отсутствие Алексей окончательно привел в порядок мой дом; он сделался необычайно симпатичен и уютен. Сад в эти несколько дней сильно позеленел, и вообще я очень, очень доволен моим новым помещением.

Письмо это адресую в Москву, надеясь, что, в случае Вашего отъезда в Плещеево, оно немедленно будет Вам доставлено.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

426. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
17 мая 1888 г.

Милый, несравненный друг мой! На днях я получила Ваше дорогое письмо и очень желала бы отвечать на него сейчас же, но мое здоровье теперь в таком отчаянном состоянии, что я с трудом нахожу минуту, в которую могу подписать только свое имя, что мне очень часто бывает необходимо делать, как, например, подписывать чеки или какие-либо акты, как доверенности и т. п. Я давно уже стала дорого платить за каждое возвращение в Россию, но так, как в нынешнем году, мне еще не было ни разу плохо; конечно, это потому, что и холод такой, какой редко бывает, а это ведь мой самый злейший враг.

Я ужасно рада, что Вы довольны Вашим новым помещением. Дай бог, чтобы и Ваше здоровье и все обстоятельства жизни способствовали самому приятному, мирному наслаждению.

Меня очень радует, что Вы теперь постоянно представляетесь государю и что он так ценит Вас. А читали Вы, дорогой мой, что он пожаловал какой-то орден, не помню, Alphonce Daudet? Как это хорошо, что он так неравнодушен к великим талантам.

Сегодня у меня день рождения Милочки, ей кончается шестнадцать лет, невеста уже и по летам и по виду, но по характеру такой ребенок, что я даже боюсь за нее. Я не помню, милый друг мой, передавала ли я Вам горячую благодарность моих барышень за Ваши фотографии, которые Вы им прислали через Данильченко. Если нет, то примите теперь, дорогой мой, их глубочайшую благодарность за память об них и дорогое внимание. Прилагаю Вам здесь, милый друг мой, фотографии Юли, Милочки и еще Милочки в парке с ее племянником Манею Беннигсеном, который теперь держит экзамен в Петербурге на переход в старший класс приготовительного отделения Училища правоведения. Это большой друг Милочки. А об ее фотографии я могу сказать без всякого хвастовства, что она хуже натуры, хотя вообще портрет вышел очень хорош, но в натуре Милочка лучше. Я скоро Вам пришлю, дорогой мой, ее фотографию еще, раскрашенную акварелью.

Завтра у меня опять праздник: именины двух дочерей, Саши и Юли. Саша также у меня еще, с детьми. Простите, дорогой мой, что пишу так мало, но голова совсем слабая. Будьте здоровы, милый, драгоценный друг мой. Дай Вам бог полного отдыха от всех тревог и волнений нынешнего года. Всею душою безмерно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

427. *Чайковский — Мекк*

С. Фроловское, близ Клина,
18 мая 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

От глубины сердца благодарю Вас за портреты Юлии и Людмилы Карловен, а также прошу Вас и им самим передать мою искреннейшую признательность. Итак, та Милочка, которая, кажется, еще так недавно была симпатичной и бойкой маленькой девочкой, успела превратиться в взрослую барышню!! Я очень давно не видел ее портретов и потому привык воображать ее всё еще девочкой, и мое удивление было очень велико, когда в изображенной на фотографии красивой большой барышне узнал Вашу младшую дочку. Поздравляю ее и Вас с минувшим шестнадцатилетием. Маленький Беннигсен на фотографии вышел удивительно похожим на сына Вашего Макса; вероятно, и в действительности сходство большое. Подобно Вам, милый друг мой, я заплатил и теперь плачу еще дань русской весне. Несколько дней я был совсем нездоров и даже боялся, как бы нездоровье это не было началом серьезной болезни, но теперь, слава богу, гораздо лучше, и я уже выхожу гулять. Гулять здесь раздолье. Хочу серьезно заняться в это лето цветами; всё у меня уже приготовлено к посеву и к сажанию, но холод мешает. Надеюсь, что теперь, наконец, установится хорошая погода; сегодня у нас здесь день чудный, хотя всё еще недостаточно теплый для того, чтобы начать мои садовнические подвиги.

В последние дни по поводу печатания оркестровых голосов моей Четвертой (*нашей*) симфонии я возобновил с ней знакомство, а то, было, начал уже немножко позабывать ее. Для меня было большим и очень приятным сюрпризом, что я, оказывается, не только не охладел к ней, как охладеваю к большей части старых своих сочинений, но, напротив, проникся к этому своему чаду очень сильной и живой симпатией. Не знаю, как впоследствии будет, а теперь мне кажется, что это *лучшее мое симфоническое произведение*. Оно достойно того человека, которому посвящено.

Ради бога, дорогая моя, не утруждайте себя ответами на мои письма. Будьте здоровы; дай бог, чтобы тепло скорей пришло.

Ваш П. Чайковский.

428. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
20 мая 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Будьте так добры, не откажите сообщить мне, если Вам известно, каков климат в Тифлисе з и м о ю. Какая бывает средняя температура в самое холодное время и много ли бывает ветров и сильны ли они? Еще не известно ли Вам, дорогой мой, бывали ли землетрясения в Тифлисе и когда было последнее? Если Вам не известны самому все эти вопросы, то не будете ли Вы так добры спросить в письме Анатолия Ильича. Я в последнее время очень часто попадаю на мысль, вследствие Ваших отзывов о Кавказе и рассказов об нем моего сына Володи, перенести туда свою зимнюю жизнь, но для этого, конечно, необходимо точно знать климатические условия той местности, а описаний Кавказа у нас так мало, что я никогда не держала в руках ни одного, и только теперь мне Володя сказал, что есть русское, составленное Марковым, и два французские, сделанные двумя французами; теперь я хлопочу достать их, но не знаю, найду ли.

Ваш отзыв, дорогой мой, о н а ш е й симфонии мне ужасно приятен, потому что и у меня это есть самое любимое, самое дорогое мне сочинение Ваше, и не только по его связи со мною, но как музыку я боготворю его: каждый такт в этой симфонии меня чарует и удивляет.

Как мне больно узнать, что Вы также хвораете, милый друг мой, но неудивительно: после теплоты Тифлиса попасть в этот медвежий холод. Я простужена всё время, что мы находимся в России, кашляю целый день, и вот почему еще больше мечтаю о Грузии, о горячем солнце, о пальмах, о виноградниках. А читали Вы, милый друг мой, что в Нахичевани было теперь землетрясение? Это меня ужасно пугает.

Будьте здоровы, мой милый, бесконечно дорогой мне друг. Всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Что, Ваш Алеша доволен [illegible] каковы его дела?

429. Чайковский — Мекк

Москва,
24 мая [1888 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Извините, что я не сейчас по получении письма в с. Фроловском ответил на вопросы Ваши. Письмо Ваше пришло туда, когда я только что уехал в Москву, и лишь сегодня мне его прислали оттуда.

Климат в Тифлисе зимой очень теплый; это мне известно самым положительным образом. Ветры периодически бывают, но от них страдает лишь часть города, называемая К у к и. Это нечто

кроме сквозного ветра из горных ущелий. Степень теплоты зимнего климата такова, что в Новый год очень часто ходят в одних платьях. Самыми лучшими месяцами считаются апрель и май и потом сентябрь, октябрь, ноябрь. Самым худшим — март, который дождлив. Июнь, июль и август слишком жарки, до того, что на день все запираются и живут только вечером и ночью. Землетрясения в Тифлисе бывали, но, во-первых, очень слабые, во-вторых, очень давно. Более подробные сведения я сообщу Вам из Фроловского, а также пришлю книги, касающиеся Кавказа, если таковые имеются. Впрочем, теперь же могу Вам указать на книгу Владыкина «Путеводитель по Кавказу», из коей Вы можете почерпнуть много интересных сведений. Отлично помню, что в этой книге есть очень подробное описание тифлисского климата. Как я желал бы, чтобы мысль Ваша пожить зимой на Кавказе осуществилась! Вы могли бы, мне кажется, купить имение в Кахетии, в Алазанской долине, и устроить себе там подходящее к Вашим требованиям и привычкам местожительство. Если прикажете, я попрошу брата Анатолия собрать сведения о продающихся имениях, а также подробности насчет того, где бы Вам можно было найти помещение в самом Тифлисе.

Я здесь по разным делам Русского музыкального общества, а также для присутствования на некоторых особенно интересных экзаменах консерватории. Останусь здесь еще дня три.

Будьте здоровы, дорогой друг! Кажется, хорошая погода устанавливается.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

P. S. Жена Алексея — очень кроткая, симпатичная женщина. Лицом очень недурна. Была мастерицей в модном магазине. У меня исполняет должность прачки.

430. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
1 июня [1888 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Надеюсь, что Вы получили мое письмо, адресованное из Москвы. В письме этом по поводу Ваших вопросов о Кавказе я написал Вам, что ношу у себя книг, способных разъяснить подробности о кавказском климате и о всём, что Вам может быть интересно насчет Кахетии, Тифлиса и т. д. Но у меня не нашлось ничего, кроме книги Владыкина, о которой я упомянул уже

Вам в прошлом письме, «Очерков» Маркова, уже Вам известных, и «Военной Истории Кавказа», составленной г. Потто. Из этих трех книг всего обстоятельнее познакомит Вас с Кавказом Владикин. Вероятно, Вы уже приобрели ее; если же оказалось, что ее в продаже нет, то, как только вы прикажете, я немедленно пошлю Вам ее.

Чрезвычайно было приятно вернуться в деревню из Москвы, но, к несчастию, я немедленно простудился и чувствую себя нездоровым. Брат Модест со своим воспитанником посетили меня по пути на Кавказ и уже уехали. Я очень озабочен в настоящее время вопросами о цветах и цветоводстве; хотелось бы иметь как можно больше цветов в саду своем, а знаний и опытности никакой нет. Но усердия очень много, и, должно быть, именно роясь и копаясь в сырой земле, я простудился. Слава богу, наступило тепло. Я радуюсь и за Вас, и за себя, и за милые цветы мои, которых я насеял в грунт огромное множество, и очень боялся холодных ночей. Надеюсь, что ничего не погибнет.

Консерваторские экзамены оставили во мне самое приятное впечатление. Благодаря энергии, добросовестности и любви к делу Танеева, всё идет очень хорошо. Плохи только финансовые дела консерватории, и в нынешнем году опять большой дефицит. Но мы решили с будущего года держаться строжайшей экономии и сократили в смете будущего учебного года всё, без чего можно без особенного ущерба обойтись.

Как только здоровье мое совершенно восстановится (у меня флюс и лихорадочное состояние), примусь за работу. Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

431. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
2 июня 1888 г.

Простите, ради бога, милый, дорогой друг мой, что до сих пор не отвечала на Ваше письмо и не благодарила еще за Вашу всегдашнюю готовность оказать мне помощь и сделать добро, но меня так мучила головная боль целую неделю, что я думала, что с ума сойду. Только теперь стало немножко легче, и я спешу от всего сердца благодарить Вас, милый, добрый друг мой, за все сведения, которые Вы мне даете насчет Тифлиса, и за Ваше доброе предложение обратиться с просьбою к Анатолию Ильичу, но, видно, уж мне не судьба попасть на Кавказ. Я в то же время, как обратилась с вопросами к Вам, спрашивала мнения моего доктора, который, в свою очередь, обратился к другому доктору, кавказскому уроженцу, которого семейство прожило

прошлую зиму в Тифлисе, и они определили так климат Тифлиса: что это, как они выражаются, не санаторная станция, потому что климат зимою очень неровный — то тепло, то мороз доходит до семнадцати градусов. А тут, как нарочно, чтобы дразнить меня, Володя получил сведения из Тифлиса, что можно нанять большую квартиру, которую занимал Шереметев (это хороший знакомый моего Володи), но я боюсь решиться на такой для меня трудный путь, как переезд двое суток в экипаже от Владикавказа до Тифлиса и рисковать найти несовсем подходящий для меня климат, и поэтому я с величайшею грустью и величайшим раздражением за то, что у нас в России нет железных дорог там, где они непременно должны бы быть, отказалась от мечты пожить на Кавказе. Тем не менее, много и много благодарю Вас, мой милый, несравненный друг. Скажите, милый друг мой, Анатолий Ильич товарищ прокурора или сам прокурор? Я недавно спорила об этом; я утверждала, что он прокурор, а мне говорили, что товарищ прокурора.

Ко мне вчера приехала Соня, а Саша уже уехала к себе в Гурьево: ее Маня выдержал экзамен и переходит третьим учеником. Для начала это очень хорошо.

Не пишу больше, потому что боюсь, чтобы голова опять не заболела. Будьте здоровы, мой милый, бесконечно дорогой мне друг. Всею душою Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

432. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
4 июня 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я никак не могу, чтобы от времени до времени не беспокоить Вас денежными просьбами. Конечно, Вам покажется удивительным, что теперь, когда я сделал концертное путешествие по Европе и получил пенсию от царя, я могу всё-таки нуждаться в деньгах. Но дело в том, что путешествие имело в результате, кроме утомления и увеличения известности, страшные, невероятные денежные расходы. Только с будущего года я могу предпринимать поездки за границу для участия в концертах, не иначе как с платой. В нынешний же раз я получил ничтожную плату только в Гамбурге и Лондоне. Это была капля в море в сравнении с тем, что я истратил. Случились и разные другие обстоятельства, весьма невыгодно отозвавшиеся на моих финансах: например, неуспех «Чародейки», устройство моего нового жилища, ради которого пришлось обзаводиться всем, ибо тут ровно ничего не было и дом был в состоянии необитаемости; ввиду пенсии, о которой все знают, удесятерились обращения ко мне за денежною помощью, и многое, многое другое. В настоящее время истощились на довольно долгий срок все мои ресурсы, и после долгих колебаний я решаюсь, если возможно это, просить Вас вместо 1 октября

прислать мне бюджетную третную сумму в настоящее время. Вы оказали бы мне этим огромное удовольствие и облегчение в моем временном стесненном положении. Пожалуйста простите меня, дорогая моя, и, если возможно, в той или другой форме, как Вам удобнее, исполните мою просьбу. Очень совестно и стыдно беспокоить Вас, особенно ввиду того, что теперь, казалось бы, меньше чем когда-либо я имел бы повод беспокоить Вас и злоупотреблять добротой Вашей.

Я уже несколько дней не выхожу вследствие нездоровья. Жестоко страдал я от зубной боли.

Сегодня получил письмо Ваше. Глубоко сожалею, что Вы отказались от мысли о Кавказе. Ради бога, когда я, как в данном случае, вызываю Вас письмом на ответ, не отвечайте мне иначе, как двумя словами, и, во всяком случае, выждав такого момента, когда Вы совсем хорошо себя чувствуете.

Будьте здоровы и, ради бога, простите меня.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

P. S. Брат Анатолий — прокурор.

433. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
8 июня 1888 г.

Дорогой, милый друг мой! Спешу написать Вам только несколько слов (потому что голова опять угрожает болеть) о том, что посылаю отдельным пакетом третную сумму от срока 1 октября.

Кажется, теперь наступило наконец лето, хотя никак нельзя еще жаловаться на жар, но, бог даст, придет же он наконец.

Как мне жаль бедного германского императора[1]. Так страдал, терпел такие лишения и не выстрадал себе даже и нескольких лет жизни, а в последний год еще имел так много тяжелого горя и разочарования от самых близких людей. Боже мой, от этого никто не избавлен, даже императоры.

Я думаю, теперь Ваши цветы поправятся, милый друг мой. У меня в Плещееве также много сделано перемен: цветник переделан, оранжереи расширены и прелестно устроены, всё это сделал мой сын Володя, которому я поручала Плещеево на время моего отсутствия; но так же все растения очень малы и еще не цветут от холода.

Вчера уехала и Соня, а в субботу поедут Юля и Милочка к Саше в Гурьево на несколько дней. У Саши теперь очень оживленно: у нее гостит моя родная племянница, княгиня Урусова, с дочерью лет четырнадцати, а еще товарищ по Училищу и друг моего Макса, князь Ширинский-Шихматов, и все очень живые и веселые люди, и поэтому дом очень оживлен, хотя и хозяин в отсутствии; он, т. е. граф Бенингсен, уехал по моим делам в Берлин.

У нас попрежнему много музыки. Соня теперь много пела, у нее [illegible] голос, глубокий contralto, но еще нет уменья петь; она [illegible] начала учиться, и всё с перерывами.

Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. От всего сердца [illegible] Вашу руку. Всею душою безгранично Вас любящая

П. ф.-Мекк.

434. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
10 июня 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сейчас получил я письмо Ваше и повестку. Спешу от всей души поблагодарить Вас и еще раз извиниться за беспокойство. Мне очень совестно перед Вами, и хотя я очень рад выйти из временного стеснения, но никак не могу заглушить глухих укоров совести и какого-то неопределенного чувства своей виновности перед Вами. Буду теперь усиленно работать; мне ужасно хочется доказать не только другим, но и самому себе, что я еще не выдохся. Частенько находит на меня сомнение в себе и является вопрос: не пора ли остановиться, не слишком ли напрягал я всегда свою фантазию, не иссяк ли источник? Ведь когда-нибудь должно же это случиться, если мне суждено еще десяток-другой лет прожить, и почему знать, что не пришло уже время слагать оружие? Не знаю, писал ли я Вам, что решился симфонию писать?[1] Сначала шло довольно туго, теперь вдохновение как будто снизошло. Увидим.

Все эти дни я был в состоянии выздоравливанья, и надеюсь, что теперь, наконец, здоровье совсем восстановилось. Но вообще мое здоровье летом всегда хуже, чем зимой.

Часть моих цветов погибла, а именно все резеды и почти все левкои. Почему это, не знаю; вероятно, от излишней влаги. Очень жаль!

Еще раз благодарю Вас от всей души. Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

435. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
22 июня 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я так заработался, и притом жизнь моя здесь так однообразна, что сейчас, надписывая наверху число и месяц, я пришел в большое удивление. Уже конец июня! Как быстро пролетел этот месяц! Как скоро кончится лето! А между тем, мои несчастные цветы, за

немногими исключениями, идут чрезвычайно тихо и плохо, и вряд ли придется дождаться расцвета. Всё это время я хорошо занимался, у меня готовы уже вчерне симфония и увертюра к трагедии «Гамлет»[1], которую я давно уже собирался написать. На будущей неделе примусь за инструментовку того и другого. На здоровье должен пожаловаться, т. е. я стал ужасно часто простужаться и, в сущности, уже целый месяц почти не перестаю находиться в болезненном состоянии, однакож не настолько, чтобы недомогание мешало работе. Трудно сказать теперь, каковa вышла моя симфония сравнительно с предыдущими и особенно сравнительно с «нашей». Как будто бы прежней легкости и постоянной готовности материала нет; припоминается, что прежде утомление бывало к концу дня не так сильно. Теперь я так устаю по вечерам, что даже читать не в состоянии. Про печальную погоду писать Вам не буду, так как у Вас в Плещееве она, наверно, не лучше. Я не помню более ужасного лета, и думаю, что в последний раз в жизни провожу лето на севере. Когда вспомню, какие божественно-чудные дни были в прошлом году в это время на Кавказе, то у меня является страстное стремление к югу. Модест, брат мой, пишет, что в Тифлисе, где он прожил неделю, было изумительно хорошо.

Всё это время я находился в очень оживленной переписке с вел. кн. Конст[антином] Константиновичем, который прислал мне недели три тому назад свою поэму «Св. Севастьян» с просьбой высказать ему свое мнение. Я похвалил в общем, но откровенно раскритиковал некоторые частности. Это ему очень понравилось, но он заступился за себя, и, таким образом, вышла целая переписка, которая рисует этого человека с необычайно симпатичной стороны[2]. Он не только талантлив и умен, но удивительно скромен, полон беззаветной преданности искусству и благородного честолюбия отличиться не по службе, что было бы так легко, а в художественной сфере. Он же и музыкант прекрасный, вообще, редкостно симпатичная натура.

Весьма приятно, что на политическом горизонте стало светлее и чище, и если правда, что новый германский император собирается в Россию, то можно с уверенностью сказать, что ненавистной войны в течение еще долгих лет не будет.

Не без некоторого ужаса я помышляю о том, что зимой мне придется опять ездить по Европе. Немножко уж не по летам мне подобные многомесячные странствования, сопряженные с множеством волнений и с постоянной тоской по родине. Надеюсь, дорогой друг, что Вы, несмотря на ужасную погоду, слава богу, здоровы! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

436. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
29 июня 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Прежде всего позвольте поздравить Ва[с] со днем Вашего ангела и пожелать Вам от всего горячо Вас любящего сердца здоровья, спокойствия, счастья, возможных радостей и удовлетворения во всех Ваших желаниях.

Как жаль, что и нынешнее лето так неприветливо, так жестоко к нам, бедным жителям Московской губернии, что и Вы повторяете то же, что и я, что никогда больше лето не будете проводить в России. Я совсем прихожу в отчаяние и теперь уже даже впадаю в апатию. Вы всё-таки много счастливее меня: Вы имеете с собою свое творчество, и какое богатое. Как изумительно быстро Вы работаете, милый друг мой: уже симфония и увертюра готовы,— бог мой, какой неизмеримо глубокий источник мыслей! Увертюра к «Гамлету» очень интересна; мне очень хотелось бы знать, какими звуками Вы изобразите Офелию. Это очень трудный субъект; проживя так долго на свете, я не встретила девушки, о которой можно было бы сказать, что она олицетворяет Офелию. Вероятно, нынешнюю зиму в симфонических концертах Музыкального общества уже будут исполнять оба эти Ваши произведения? Одно, чего я жалею в России, это возможности слышать Ваши произведения, дорогой друг мой, и такими, как Вы их написали, потому что уже нигде их лучше не исполнят, как в России и, в особенности, в Москве.

Думаете Вы проехаться на Парижскую выставку в мае, милый друг мой, и предполагаются ли опять русские концерты или нет? Не откажите сообщить мне об этом, дорогой мой.

Из моих путешественников Юля вернулась из Гурьева, а Милочка еще нет, но в субботу ее привезут также. Саша приедет сама с мужем и с Манею,— у меня опять несколько оживится.

А в Петербурге идут приготовления для встречи нового императора Вильгельма; интересно очень было бы узнать, зачем это он приедет? Мне несимпатичен этот молодой человек, я не могу ему простить его отношений к родителям; дурной сын — дурной человек. Как это Бисмарк его отпускает без себя; должно быть, уж очень уверен в его покорности. А наш курс, слава богу, поправляется, я только боюсь, что не надолго.

Из Копылова я имею хорошие известия; большие и малые дети мои, слава богу, здоровы, только погода также испортилась. А у меня в настоящую минуту наводнение у реки,—знаете, дорогой мой, где купальня; всё под водою: павильон, диваны и вся площадка. Я мысленно называю всегда это место Brühlische Terrasse, знаете, в Дрездене, над Эльбою,— ну, так вот моя Brühlische Terrasse исчезла, а ведь на днях мы там обедали. Бедные Ваши цветочки, что они пропали, а у меня теперь масса цветов, аромат на балконе чудесный.

У меня попрежнему каждую неделю два раза концерты, составленные из своих домашних артистов, Пахульского и Данильченко, но я ими вполне довольна и наслаждаюсь безмерно. Недавно у меня была Соня и много пела. У нее чудный голос, глубокий контральто и того timbr'a, который проходит дрожью по нервам. Но петь она еще совсем не умеет, недавно начала учиться и с своим голосом далеко справиться не может, но, тем не менее, я с восторгом ее слушаю. Этот [illegible] голос — это дар божий!

Будьте здоровы, милый, несравненный друг мой. От всего сердца жму Вам руку. Всею душою безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

437. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
1 июля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

От души благодарю Вас и за дорогое письмо Ваше и за телеграмму. Потрудитесь также передать мою благодарность за их милое внимание Влад[иславу] Альберт[овичу] и Петру Антоновичу. Я не знал, что последний всё еще находится у Вас. Очень радуюсь этому.

Именины мои отняли у меня много времени от работы, ибо еще накануне съехались мои гости и лишь вчера вечером все до последнего уехали. Гостями моими были: Ларош с женой, Юргенсон, Альбрехт, Зилоти и, кроме того, еще неожиданно приехал из Петербурга некто г. Цет. Этот г. Цет (которого со всех сторон мне рекомендуют наилучшим образом) уже с мая месяца взялся быть моим концертным агентом, т. е., в случае приглашений меня на концерты, предъявлять мои условия, заключить контракты и т. д. Г. Цет — горячий любитель моих сочинений и делает всё это не ради выгод, а ради стремления к наибольшему распространению моей известности по Европе и даже в Америке. Теперь он приезжал специально, чтобы переговорить, принимаю ли я приглашение какого-то американского антрепренера, который предлагает мне целую серию концертов в Америке в течение трех месяцев. Денежное вознаграждение, которое он предлагает, кажется мне несколько фантастично: двадцать пять тысяч долларов!!! Или г. Цет слишком увлекается, или американец ошибается в своих расчетах, и мне трудно поверить, чтобы подобные деньги можно было выручить. Но если это состоится, то я буду очень рад, ибо, благодаря американскому путешествию, наконец, без всякого затруднения, осуществится моя мечта быть землевладельцем. Условие такое, что я отправляюсь в путь, получивши за неделю до отъезда, в виде задатка, несколько тысяч долларов; следовательно, я ничем не рискую, и потому я объявил г. Цету, что с своей стороны охотно принимаю предложение. Окончательно дело это решится месяца через два. Кроме того, я уже подписал через посредство Цета условие с неким г. Германом, устраивающим мне концертное путешествие по Швеции и Норвегии, тоже на выгодных условиях, из коих главное то, что третья часть гонорара уплачивается за неделю до отъезда и служит ручательством серьезности пред-

принятия. Всему этому я и очень рад, и в то же время сердце болезненно сжимается при мысли о предстоящих бесчисленных нравственных страданиях.

Оба мои новые сочинения, конечно, будут исполнены в Москве, но, увы, вероятно, в такое время года, когда Вы уже будете за границей!!!

В бытность мою в Париже мне говорили, что желалось бы устроить русский музыкальный отдел, но ввиду того, что Россия не примет официального участия в выставке, я не знаю, каким образом всё это состоится. Какой-то господин, чиновник в министерстве, приходил ко мне в Париже и спрашивал, соглашусь ли я быть представителем русского музыкального отдела. Я отвечал, что, быть может, и не откажусь, но только в таком случае, если дело будет поставлено так, что я не навлеку на себя неудовольствие государя. Он сказал в ответ, чтобы я не беспокоился и что само правительство неофициально уполномочит меня быть русским музыкальным делегатом. Не знаю, что из всего этого выйдет, но знаю, что мне было бы неизмеримо приятнее оставаться летом дома* и работать, а не торчать в Париже среди невероятной сутолоки, которая будет царить там целых четыре месяца.

Цветы мои все или почти все частью пропали, частью больны, а частью так лениво и туго растут, что надеяться на них нечего.

Очень приятно слышать, что у Софьи Карловны такой прекрасный голос. Дай бог, чтобы она попала в руки хорошего учителя.

Засим будьте здоровы, милый, дорогой друг мой! Дай бог, чтобы погода установилась хорошая, хоть не надолго.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

138. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
5 июля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Я хочу поделиться с Вами моей семейной новостью: третьего дня моя Милочка помолвлена за князя Андрея Ширинского-Шихматова. Это очень еще молодой человек (в декабре ему будет двадцать один год), товарищ Макса по Училищу правоведения, но кончать курса, конечно, не будет: это слишком деятельная, подвижная натура для того, чтобы быть в состоянии высидеть на одном месте семь-восемь лет. Хотя он очень молод, но очень практичен и смышлен, пишет статьи в «Новом времени» и в других журналах, изъездил всю Россию вдоль и поперек, охотился в Сибири на медведей, в деревне у матери занимается хозяйством, всегда веселый, всегда

* Я мечтал о Кавказе! *(Примечание Чайковского.)*

чем-нибудь занят и при всём этом необыкновенно религиозен. Вот Вам, милый друг мой, легкий портрет этого юноши. Пожелайте счастья моей Милочке, этому ребенку-невесте. Юная парочка влюблена друг в друга невыразимо и теперь пока счастливы до бесконечности, а что будет дальше, то находится в руках божьих. Молодой человек есть сын того князя Шихматова, который умер товарищем министра народного просвещения, а раньше был попечителем учебного округа в Москве. У отца его осталось много друзей, и поэтому он надеется получить место. Мать жива и очень уважаема всеми, кто ее знает; братьев и сестер, считая и Андрея, всех восемь человек. Старший брат был также товарищ по Правоведению и друг моего Коли, и также уже женат.

Как я радуюсь, милый, дорогой друг мой, всем приглашениям, которые Вы получаете. Как Ваша слава быстро выросла, но оно и неудивительно: она существовала уже давно и только и ждала возможности пронестись по всему земному шару. Вы выступили перед публикою, Вы, так сказать, этим выпустили Вашу славу на волю, как птичку из клетки, вот она и облетает весь мир. Вы не верите в сумму двадцать пять тысяч долларов? Да ведь это очень мало для такого лица, как Вы, дорогой мой, Вы необыкновенно скромны и уже слишком мало требовательны. Вам следовало бы иметь теперь при себе смышленого и добросовестного секретаря, который бы вел теперь все переговоры за Вас и отстаивал бы Ваши интересы, а то Вас очень эксплоатируют, милый друг мой.

Не пишу больше, потому что теперь приходится много писать, а голова всё болит или хочет болеть. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг. Всею душою Ваша

Н. ф.-Мекк.

439. Чайковский — Мекк

С. Фроловское
12 июля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

На прошлой неделе, пятого числа, мне пришлось ехать по делу в Москву, а оттуда я прямо проехал в Петербург, где провел четверо суток, и лишь теперь, вернувшись, нашел письмо Ваше, в коем Вы сообщаете приятное известие о помолвке Людмилы Карловны. Очень жалею, что Алексей не догадался отправить письма в Петербург и что вследствие этого я так не во-время приношу Вам и Людмиле Карловне свои поздравления. Я очень радуюсь, что она выходит замуж за столь симпатичного Вам человека, даже, признаться, и тому радуюсь, что Милочка будет княгиней, но всё-таки у меня при мысли о Вас сжалось сердце. Отсутствие Вашей младшей дочки будет, я думаю, очень тягостно для Вас, особенно в первое время. Она вносила так много оживления и прелести в семейную жизнь Вашу! Впрочем, свадьба состоится, вероятно, не ранее начала будущего года, так что до Вашей разлуки с Людмилой Карловной еще много времени осталось. Как бы то

ни было, но нельзя не радоваться, что она выходит замуж по любви и за такого чудесного юношу.

Ездил я в Петербург почти единственно для того, чтобы исполнить давно уже данное обещание. В Павловске играет теперь оркестр г. Лаубе. Этого Лаубе взяли туда по моей рекомендации (я познакомился с ним зимой в Гамбурге), и он много раз убедительно просил приехать послушать его исполнение. Так как, кроме того, мне нужно было повидаться теперь с человеком, ведущим переговоры относительно моей поездки в Америку, то я и предпринял поездку в Петербург. Она оставила во мне приятное воспоминание. Благодаря чудесной погоде и экскурсиям в Царское, Павловск и Петергоф, я провел время очень приятно. Теперь с удвоенным усердием примусь за работу. Мне приятно было послушать в Петербурге хорошей музыки: ее там летом очень много. В этом отношении Москва ужасно отстала от своего соперника. Оркестр Лаубе в Павловске превосходен.

Еще раз от души поздравляю Вас, дорогой друг мой!!!

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

440. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
21 июля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! От всего сердца благодарю Вас за добрые Ваши пожелания моей Милочке к предстоящей ей новой жизни и все теплые чувства, выраженные в письме Вашем. Ваша дружба мне бесконечно дорога.

У меня в настоящее время порядочная суета, и это дурно влияет на моего бедного душевнобольного Владислава Альбертовича, так что мне приходится всё возиться с докторами. Но вот, слава богу, пришло, наконец, теплое время, даже жаркие дни, хотя вечера большею частью свежие. Я в нынешнем году поздно уеду за границу, по случаю Милочкиной свадьбы, которая, вероятно, будет в октябре. Это зависит от разрешения моей Саши, которая, бедная, опять в таком положении, и я теперь каждый раз ужасно беспокоюсь за нее: она сделалась так страшно нервна, что ей очень опасны такие разделки. Сашок также ожидает первого ребенка; у меня, слава богу, внуки прибывают успешно, дал бы бог только, чтобы были здоровы.

Я нынешнюю зиму хотела бы провести во Флоренции, я так измучилась от годового холода, что хотелось бы погреться, где потеплее. Милочка со своим будущим мужем также поедут со мною и пробудут, вероятно, вместе до февраля, а тогда ему надо отбывать воинскую повинность, и они вернутся в Россию. От всего сердца благодарю Вас, дорогой мой, за Ваше участие к моему положению от разлуки с моею bébé, как мы недавно еще ее называли. Вы, конечно, совершенно верно понимаете, как тоскливо мне будет расстаться с нею, но, тем не менее, я сама желала ее пристроить при своей жизни и

радуюсь, что это исполняется, потому что ей было бы очень тяжело остаться без меня: она, как Вениамин семейства*, очень избалована дома, и ей без матери трудно было бы мириться с жизнью. Теперь же, хотя, конечно, ее никто больше не будет так баловать, как родная мать, но у нее является другое чувство, которое заменяет ей это баловство, и сознание обязанности и самой заботиться о другом человеке,— и потребность баловства сама собою исчезает. Но в настоящее время это такая парочка д е т е й, что смешно смотреть на них.

Как идут Ваши переговоры об Америке, милый друг мой? Меня очень интересует этот ангажемент Ваш. Дай бог, чтобы это состоялось, чтобы Вы получили как можно больший гонорар и устроили себе как можно роскошнее свой собственный уголок. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

441. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
25 июля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Благодарю Вас от души за дорогое письмо Ваше. В ту минуту, как пишу Вам, дождь льет как из ведра, и я думаю о том, какое уныние это наводит на Вас. К счастию, у Вас теперь есть чем развлечь себя, ибо я понимаю, как отрадно смотреть на юную парочку жениха и невесты, которые теперь перед Вами.

Недолго простояла настоящая летняя погода, но зато сколько наслаждения она мне доставила! Между прочим, цветы мои, из коих многие я считал погибшими, все или почти все поправились, а иные даже роскошно расцвели, и я не могу Вам выразить удовольствия, которое я испытывал, следя за их ростом и видя, как ежедневно, даже ежечасно появлялись новые и новые цветы. Теперь их у меня вполне достаточно. Думаю, что, когда совсем состарюсь и писать уже будеть нельзя, займусь цветоводством.

Я очень успешно теперь работал и больше половины симфонии уже инструментовал. Но года мои хотя еще и не очень старые, но уже дают себя чувствовать. Я стал очень уставать и по вечерам неспособен уже ни читать, ни играть, как прежде. Вообще, с некоторых пор я стал сожалеть, что по вечерам не имею возможности составлять у себя партию в в и н т; это единственное препровождение вечернего времени, которое могло бы быть для меня полезным развлечением и отдыхом.

Относительно дела о поездке в Америку: дело остановилось

---

* Образное выражение. Вениамин — младший сын библейского патриарха Иакова, «сын его старости».

на том, что в принципе я изъявил полное согласие, но предложил явиться в Америку не только как автор, но и как вообще представитель русской музыки, т. е. я хочу, чтобы мои концерты там были составлены из произведений не одного меня, а всех русских композиторов. Кроме того я просил в точности назначить, в каких городах и с каким оркестром я буду иметь дело. Мой представитель г. Цет обо всем этом написал, и теперь ожидается ответ. Но откровенно Вам скажу, что сильно сомневаюсь, чтобы всё это устроилось. Мне кажется, что г. Цет в пылу увлечения зашел слишком далеко и что я не могу возбуждать среди американской публики большого интереса.

Очень печально слышать, что бедный В. А. Пах[ульский] всё еще болен. Что это с ним? Передайте ему, пожалуйста, мое дружеское приветствие, а также всем членам семьи Вашей и П. А. Данильченко.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

442. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
7 августа 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу Вам, только что оправившись от болезни. Дом, в коем я живу, оказывается возможным для обитания только в сухую и жаркую погоду. В начале лета, когда шли непрерывные дожди, я постоянно простужался, теперь же, когда стало близко к осени, по ночам в комнатах невообразимая сырость, следствием которой и была моя простуда, а к ней присоединилась еще усталость от чрезмерных усилий поскорее кончить партитуру новой симфонии. У меня был сильный жар, бред, полное отсутствие аппетита, и несколько времени я думал, что начинается тиф или другая серьезная болезнь. Слава богу, всё обошлось благополучно, и сегодня я принимаюсь за работу.

Как редко в течение этого лета приходилось радоваться за Вас по случаю настоящей теплой, летней погоды! Воображаю, как несносно Вам терпеть эту нескончаемую скверную погоду! Но надеюсь, что здоровье Ваше не пострадало от нее.

В конце этого месяца, кончивши симфонию, я собираюсь съездить на несколько дней в Каменку, где не был ровно три года. Сестра и Лев Васильевич очень сокрушаются, что я так отдалился от них; старушка Александра Ивановна Давыдова тоже очень

желает меня видеть, и вот я решился оторваться от своих работ (после симфонии мне предстоит еще бездна работы) и съездить повидаться с каменскими родными.

Я приютил у себя на время моего старого приятеля Ларош и жену его. Они находятся в отчаянном материальном положении, до того, что буквально есть нечего, и бог знает, когда удастся выйти из этого кризиса. Оба виноваты сами. Он впал в болезненную праздность, а она, имея хорошие средства, запуталась до того, что почти нет надежды выпутаться.

Теперь, когда симфония подходит к концу, я отношусь к ней объективнее, чем в разгар работы, и могу сказать, что она, слава богу, не хуже прежних. Это сознание очень для меня сладостно!

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Ваш, беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Простите мой скверный сегодняшний почерк. У меня всё еще маленький жар, и писать немного трудно.

443. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
11 августа 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Как это ужасно, что Вы опять были больны; какая неудача с этими дачами. Вот, если бог даст, Вы приобретете себе свой собственный уголок, тогда будет лучше и покойнее для Вас, хотя у меня, например, в Плещееве ужасно сыро, и в нынешнем году не может и просушиться даже, потому что солнце вовсе не выглядывает. В настоящее время у меня лежит подкошенное сено, второй укос, и просто жалость смотреть, как оно гибнет на лугу, а мне сена много надо, потому что у меня четвероногих много.

На днях мне прочли в газетах известие о том, что Вы написали еще симфонию и что она будет исполнена в нынешний сезон; а где будет исполнена, в Москве или Петербурге? Я очень рада, милый друг мой, что Вы кончаете ее, и горячо прошу Вас, отдохните хорошенько после такой большой работы. Вы д о л ж н ы беречь свое здоровье для человечества, которому Вы доставляете столько наслаждения. Я очень рада, что Вы собираетесь проехаться в Каменку, и Коля говорил здесь, что Вас там очень желают видеть. А как Вы думаете распорядиться зимою, милый друг мой? У меня теперь очень тихо в доме; моя парочка, жених и невеста, опять гостят в Гурьеве у Саши и вернутся шестнадцатого числа вместе с Сашею, которая проедет в Москву к своему разрешению. Свадьбу я назначаю на тридцать первое этого месяца, в Москве; венчанье, вероятно, будет в церкви Архива, знаете, который на Моховой. Если Вы будете еще в Фроловском, дорогой мой, приезжайте в церковь, посмотрите мою невесту-bébé, как ее назвала ее сестра Соня. Она, действительно, совсем ребенок. На фотографии она выглядывает вдвое старше, чем есть в натуре.

Как мне жаль несчастного Ларош; такой способный человек, и одержим таким ужасным недугом—ленью. Говорят, что лень есть мать всех пороков,—я прибавлю к этому, что и источник всяких бедствий. А что же его профессура в консерватории, разве уж больше не служит?

Я очень рада, милый, дорогой друг мой, что Вы довольны Вашею симфониею,—не потому, чтобы я не была уверена в ее, конечно, великих достоинствах (Ваше творение не может быть иным), а потому, что Вы бываете часто несправедливы к Вашим произведениям, и это, конечно, для Вас тяжело.

Дай Вам бог, дорогой мой, самого полного душевного довольства и спокойствия и самого прочного здоровья. От всего сердца жму Вам руку. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

444. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
14 августа 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Благодарю Вас от всей души за письмо Ваше. А мне опять приходится жаловаться на нездоровье. Сегодня опять всю ночь не спал вследствие жара и жесточайшей зубной боли. Уж такое неудачное лето вышло: будь оно теплое, солнечное, ничего бы этого не было. Но мог ли дом, который несколько лет не топили, настолько обогреться, чтобы живущие в нем постоянно не простужались, когда солнца всё лето не было видно!

Приехал ко мне на три дня Модест, брат, и тоже болен. Впрочем, всё это болезни пустячные; я так доволен, что благополучно окончил свою симфонию, что об маленьких телесных недомоганиях и думать не стоит. Определенных планов на зиму у меня нет. Существуют, как я писал Вам, предположения концертной поездки в Скандинавию и даже в Америку, но время для первой еще не назначено, а ко второй я отношусь как к чему-то фантастическому и не могу поверить, чтобы это было серьезно. Кроме того, я обещал дирижировать в нескольких местах за границей, например в Дрездене, Берлине, Праге, но ничего еще определенного нет. Мое желание было бы до января не уезжать из России и, по возможности, проводить первые зимние месяцы до рождества здесь. Во время моей поездки в Каменку печи будут переделаны, окна вставлены, и я надеюсь, что дом будет удобообитаем. 5 ноября я буду дирижировать в Петербурге целым рядом своих сочинений и в том числе новой симфонией в концерте Филармонического общества. Очень зовут меня также в Тифлис, но не знаю, удастся ли это.

Ларош уже давно не состоит в консерватории. Он так манкировал своими классами, так запустил их, что, наконец, пришлось

их отнять у него. Это человек неисправимый и окончательно отпетый как деятель. От времени до времени он может, если я его заставлю диктовать себе, написать блестящую статейку, но к постоянному и ровному труду он решительно утратил способность.

Я еду в Каменку в двадцатых числах и вряд ли успею вернуться к тридцать первому, но если буду здесь, то, конечно, отправлюсь посмотреть на симпатичную Людмилу Карловну под венцом.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг мой!

Ваш П. Чайковский.

445. Мекк — Чайковскому

Плещеево.
14 августа 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Посылаю Вам еще самые последние фотографии Милочки, и одной и с ее женихом.

Как я рада хорошей погоде. Вы не можете себе представить, дорогой мой, какое счастье для меня солнце, теплота и свет; я вся расцветаю душою. Ну, вот и эти [дни] блаженствую невыразимо, и только дрожу от страха, как бы опять не пошел дождь. Теперь и у Вас в доме будет менее сыро, и Ваше здоровье, бог даст, поправится. Я всё продолжаю слушать музыку, между которою меня постоянно приводит в неописанный восторг дуэт Дюнуа с королем из «Орлеанской». Боже мой, какое это чудо совершенства! Пошли Вам бог здоровья и счастья за то наслаждение, какое Вы доставляете другим. Бесконечно и безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

446. Чайковский — Мекк

Москва,
22 августа* 1888 г.

Вы не можете себе представить, дорогой, милый друг мой, с каким мучительным чувством стыда и недовольства самим собою я принимаюсь за письмо это. Ведь я опять обращаюсь к Вам с денежной просьбой. Мне кажется, что Вы должны немножко сердиться на меня за мою непостижимую расточительность, за мое ребяческое неумение устраивать дела свои. Как бы то ни было, но давно я не находился в таком скверном денежном положении, и мне невозможно обойтись или без крупного займа или без того, чтобы вновь не утрудить Вас просьбой о помощи. В течение зимы дела мои, несомненно, поправятся, и я, как Вам известно,

* *В подлиннике описка:* сентября

могу даже, может быть, серьезно разбогатеть. Теперь же обстоятельства так сложились, что я принужден убедительно, горячо просить Вас прислать мне остающиеся две трети всей бюджетной суммы за будущий год, т. е. четыре тысячи рублей серебром. Если это возможно, убедительнейше прошу Вас прислать эту сумму приблизительно ко 2 сентября или в Москву, адресуя в магазин Юргенсона (в случае, если это чек на какой-нибудь банк) или же в Клин (в случае, если это будут прямо деньги). Завтра я еду в Каменку, а 2 сентября на один день приеду в Москву.

Ради бога, если будете в скором времени писать мне, скажите, сердитесь ли Вы на меня. Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы не беспокоить Вас, не надоедать Вам, но, видно, горбатого могила исправит, и от времени до времени я утруждаю Вас подобными несносными просьбами.

Если же Вам угодно знать, почему я в последнее время совсем сбился с бюджетной колеи, то я скажу Вам, что меня временно совершенно разорило прошлогоднее заграничное путешествие, да кроме того и масса других мелких причин есть. Как бы то ни было, но могу Вам дать честное слово, что в последний раз обращаюсь [к] Вам с таким ходатайством. Мне необходимо теперь освободиться от одолевших меня долгов, и после того я принял безусловно твердое намерение не выходить из бюджета.

Тысячу благодарностей за превосходные портреты Людмилы Карловны и ее жениха. Я получил их, садясь в вагон, чтобы ехать в Москву.

Простите, ради бога.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

447. Чайковский — Мекк

Москва,
3 сентября 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я получил сейчас письмо Ваше и чек[1]. Тем более благодарен Вам, дорогая моя, что мне пришлось Вас беспокоить в такое время, когда у Вас так много забот и всяческой суеты и хлопотни! Кроме того, в Каменке я от Коли узнал, что Вы всё лето особенно нехорошо себя чувствовали, и мне трудно Вам передать, как я стыдился и мучился! Но уверяю Вас, что, как всегда прежде в подобных случаях, Вы оказали мне настоящее благодеяние и что без Вас, ей богу, я не знаю, как бы я теперь извернулся. Бесконечно благодарен Вам, милый друг мой!

Вы уже слышали, вероятно, дорогая моя, об отчаянном положении племянницы моей Веры. Это повергает меня в невыразимое огорчение. И жаль этой симпатичнейшей молодой женщины, и страшно за сестру и за Льва Васильевича! Я не постигаю, как у них хватит сил перенести столь ужасное новое горе! Нужно правду сказать, что если эти родители в воспитании своих детей сделали многие ошибки, если они грешили чрезмерною гордостью и преувеличенным преклонением перед качествами своих детей, то бог посылает им наказание не по силам. Я всё это время нахожусь под подавляющим впечатлением известий из Парижа и не помню, чтобы когда-нибудь так много плакал. Надежды очень мало или, лучше сказать, нет вовсе!

Поздравляю Вас, дорогой друг мой, с совершившимся бракосочетанием и прошу Вас поздравить от меня юную княгиню. Дай бог Вам и им всяческого блага.

Завтра утром еду в деревню, увы, не надолго! Мне предстоит в Петербурге 18 сентября большой концерт!

Еще раз глубоко благодарю Вас, дорогой друг мой.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

448. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
14 сентября 1888 г.

Милый, дорогой друг!

Надеюсь, что Вы получили письмо мое, писанное дней десять тому назад из Москвы, в коем я докладывал Вам о получении присланных Вами денег. Вы не можете себе и представить, какое неизмеримое благо доставили Вы мне исполнением просьбы моей!!!

Вот уже около десяти дней, что я живу у себя в деревне. В мое отсутствие дом был подвергнут некоторому исправлению, а именно везде вставлены новые рамы и в кабинете сделан камин. Благодаря этому я не страдаю от холода и чувствовал бы себя отлично, если бы, по обыкновению, не переутомлял себя работой. Не знаю, писал ли я Вам, милый друг мой, что я взялся, согласно давно данному обещанию, инструментовать уже давно сочиненную моим старым приятелем Ларошем увертюру, которую он сам отчасти от отвычки, отчасти от болезненной лени инструментовать не в состоянии[1]. Вещь необычайно талантливая и доказывающая, как много музыка потеряла от того, что этот гениально одаренный человек страдает болезнью воли, совершенно парал-

ующей его творческую деятельность. Увертюра эта стоила мне большого усидчивого труда, но едва я кончил ее, как мне пришлось тотчас же приняться за партитуру своей собственной увертюры-фантазии «Гамлет». Да кроме того, я с лихорадочною поспешностью делаю корректуры Пятой симфонии. Усталость страшная, я работаю как каторжник, с какой-то страстною усидчивостью, происходящей оттого, что мне всё кажется, что нужно торопиться, а то время уйдет!.. Но слава богу! Работа есть для меня величайшее и ни с чем несравнимое благо, ибо, не будь ее, чувствую, что печаль и тоска угнетали бы меня до чрезвычайности. А есть о чем потосковать и попечалиться. Умирает моя бедная племянница Вера, умирает мой старый друг Губерт! Доходили ли до Вас слухи о его болезни? У него какая-то страшная болезнь: жар без конца вот уж полтора месяца, и при этом полная потеря памяти, хотя сознание всего происходящего в данную минуту сохранилось. Ужасно тяжело было видеть его в этом положении! Говорят, что это злокачественная возвратная горячка. Надежды очень мало.

Милый друг, все московские музыкальные друзья в восторге от моей новой симфонии, особенно Танеев, мнением которого я ужасно дорожу. Это мне очень приятно, ибо я почему-то воображал, что симфония неудачна.

Письмо это будет в Плещееве как раз перед Вашими именинами. Приношу Вам, дорогой друг мой, мои самые усердные поздравления.

Концерт, которым я должен был дирижировать 18 сентября в Петербурге, отменен. Я очень рад.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

449. Мекк — Чайковскому

Москва,
22 сентября 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Пишу Вам из Москвы, куда приехала повидаться с докторами, потому что здоровье мое очень плохо. Сегодня еду обратно в Плещеево. Вчера со мною приехали мои молодые, Шихматовы, и вчера же с курьерским поездом уехали в Крым. Очень жутко мне было прощаться с Милочкою: она такой ребенок, да и оба они такие дети, что страшно и отпускать их одних, но за границу не было никакой возможности их взять, потому что Андрей Александрович с 1 ноября должен отбывать воинскую повинность и не мог бы успеть вернуться. Кроме этой тяжелой разлуки, у меня вообще расстройство в моей обстановке: Владислав Альбертович уже больше недели уехал за границу и находится в Дрездене, хочет позаняться музыкою, но, конечно, это не главный мотив его отъезда, а есть другая причина, которую я Вам, как моему единственному другу, скажу: мне готовится большое горе,— моя Юля хочет выйти замуж за Владислава Альбер-

говича, и ввиду этого он поехал поправить свои нервы. Я говорю, что это *большое горе* для меня не потому, чтобы я имела что-нибудь против выбора Юли,—нет, Владислав Альбертович прекрасный человек, но для меня это доставляет огромную и незаменимую потерю, я теряю мою дочь, которая мне *необходима* и без которой мое существование невозможно. Конечно, она жаждет и просит меня об одном, чтобы я позволила ей остаться при мне, но ведь это будет не то, не то,—и ей, быть может, самой окажется слишком трудным иметь двоих на своем попечении. Это очень давний роман, он тянется уже семь лет с разными перипетиями, при которых я надеялась, что при моей жизни эта чаша не коснется моих уст, но, однако, вышло иначе, и это-то одна из главных причин моего нервного расстройства. В настоящее время я хлопотала найти доктора, чтобы взять с собою за границу, потому что боюсь в таком душевном состоянии отправиться в дорогу. Доктора нашла, теперь хлопочу ужасно найти пианиста, чтобы также взять с собою, потому что при такой тоске, какую я чувствую, только музыка может мне облегчать ее, и хотя у меня есть Данильченко, но без аккомпанемента и он не может играть. До сих пор я еще ничего не нашла и никого не имею в виду, и это меня очень расстраивает. Написала вчера в Петербург,— не знаю, что будет, а тут и ехать пора за границу. Погода ужасная, а тоска еще хуже; пожалейте меня, дорогой мой,— Вы, который так умеете изобразить безысходную тоску и глубокое горе, а мне очень тяжело. Судьба преследует меня во всём, не дает мне хоть кое-как дотянуть до могилы, и эти удары падают на меня тогда, когда и здоровье, и энергия, и силы, всё подорвано под конец жизни, когда так нужен *покой*. Простите, дорогой мой, что изливаю перед Вами свои жалобы, но поверите ли Вы, что Вы—*единственный человек*, которому я их выражаю, и то потому, что чаша уже переполнилась.

Прощайте, милый, добрый друг мой, будьте здоровы и не забывайте горячо любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Я хочу уехать 2 октября.

450. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
24 сентября [1888 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Верьте, что если Вы под влиянием горести испытываете потребность высказаться мне, то более сочувствующего и, мне кажется, более способного понять сущность Вашей скорби человека нет на свете. Между мной и Вами существует духовное родство, проявляющееся решительно во всём, и есть бездна случаев, где Вы и я для остальных людей являемся *странными* или *чудаками*, но каждый из нас в этих случаях отлично понимает один другого.

Ваша дочь Юлия Карловна выходит замуж за человека, уже более десяти лет постоянно живущего около Вас, они оба при Вас останутся, и, тем не менее, Вы тоскуете и предаетесь почти отчаянию. Дело в том, что оба эти столь необходимые и привычные человека, соединившись узами брака, делаются *другими*; отно-

шение Ваше к ним принимает другое значение. Освещение, обстановка — другие, и этого достаточно, чтобы Вам, живущей так давно в тесной домашней сфере, было больно и жутко. А тут еще лучшее украшение Вашей жизни, Людмила Карловна, тоже сделалась другая! И всё это ушло в бездну прошлого! А прошлое так безвозвратно, и эта безвозвратность так печальна и горестна!

Но у меня есть надежда, что всё, что теперь так убийственно действует на Вас, со временем установится, уложится в новую рамку, к которой Вы привыкнете, и кто знает? — быть может, еще и что-нибудь неожиданно хорошее и радостное из всего этого выйдет.

Вчера и сегодня я всё старался вспомнить какого-нибудь пианиста, которого бы можно было рекомендовать Вам, но безуспешно. А что если Генрих Пахульский возьмет годовой отпуск? Я берусь устроить, что годовое отсутствие не помешает его дальнейшему пребыванию в консерватории в качестве учителя.

Не знаю, милый друг, получили ли Вы последнее письмо мое, где я Вам писал про отчаянную болезнь моего старого друга Губерта. Я имею об нем ежедневно известия, и они очень печальны: он никого не узнает, с каждым днем делается слабее, и надежды попрежнему нет никакой.

Я очень много работаю и, как водится, очень устаю, — но нисколько не жалуюсь. Слава богу, что еще есть охота работать. А охота, чем дальше, тем больше делается, планы мои растут, и, право, двух жизней мало, чтобы всё исполнить, что бы хотелось! Наша жизнь возмутительно коротка!!!

Будьте здоровы, дорогой друг мой! Если вскоре уедете, то дай Вам бог счастливого пути и всяких радостей и утешения.

Ваш П. Чайковский.

Потрудитесь перед отъездом дать знать, куда писать Вам.

451. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
27 октября 1888 г.

Милый, дорогой друг мой! Надеюсь, что Вы уже на берегах желтого Арно, что Вам тепло, хорошо и что здоровье Ваше вполне восстановилось. Я всегда радуюсь за Вас, когда Вы в Италии, климат которой, по-моему, вполне удовлетворяет потребностям Вашего организма. У нас теперь стоят сильные морозы без снегу, но дни солнечные, чудесные, и я с грустью помышляю о том, что скоро придется расстаться со своим тихим убежищем, с правильно и ровно распределенной жизнью, с ежедневными моими большими

прогулками, с моим уединением. Через три дня я еду в Петербург, где 5 ноября состоится мой концерт. 12-го числа там же я участвую в концерте Музыкального общества, а на другой день должен уехать в Прагу на репетиции моего «Онегина». Я страшно много работал в последнее время. Кончил инструментовку своей увертюры к «Гамлету», сделал бесчисленное множество корректур симфонии, а теперь занят приготовлением к дирижированию всего того, что пойдет в предстоящих мне концертах. В моем концерте (я называю его «мой», ибо программа состоит исключительно из моих произведений, но концерт дает Филармоническое общество) будут исполнены следующие вещи: 1) Новая симфония; 2) Второй фортепианный концерт; 3) Итальянское каприччио и 4) Увертюра Ларош, мной инструментованная летом. В Музыкальном же обществе я буду исполнять своего Гамлета».

В Москве у нас начался сезон симфонических концертов. Число членов опять уменьшилось, и это очень печальное явление; с каждым годом их становится меньше, и финансовое положение консерватории, которая главнейшим образом поддерживается доходами с концертов, становится более критическим[1]. Трудно понять причину охлаждения московской публики к Музыкальному обществу. После смерти Николая Григорьевича можно было ожидать, что наше Музыкальное общество потеряет весь свой престиж, однакож этого не случилось, а напротив, число посетителей концертов даже увеличилось. Но года четыре тому назад оно стало уменьшаться, и следует думать, что уменьшение это будет прогрессивно. Страшно за консерваторию, которую, быть может, придется закрыть, если не удастся придумать средства к привлечению публики в наши концерты. Первый концерт был очень удачен по программе и исполнению.

В консерватории был недавно вечер, в коем исполнялись сочинения консерваторских преподавателей и в том числе были сыграны два сочинения Генриха Пахульского[2]. Они мне понравились; у него положительный талант.

Декабрь я надеюсь провести здесь, т. е. мечтаю из Праги прямо проехать в Москву, где в одном из концертов Муз[ыкального] общества буду дирижировать новой симфонией, а засим скроюсь в своем убежище. Ввиду моих скитаний прошу Вас, дорогой друг мой, адресовать мне дорогие письма Ваши в Москву на имя Юргенсона, которому я поручу высылать их во время моего отсутствия.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

452. Чайковский — Мекк

[Петербург]
13 ноября 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу Вам эти несколько строк за час до выезда из Петербурга в Прагу. Я провел здесь две недели среди такой лихорадочной суеты, что неудивительно, если даже Вам я не имел возможности писать подробно и обстоятельно.

В субботу 5 ноября состоялся мой концерт в Филармоническом обществе[1], а вчера, 12-го, я дирижировал в Музыкальном обществе двумя новыми своими вещами: «Гамлетом» и Симфонией[2]. И то и другое было принято публикой хорошо. Вообще я не могу не признать, что в Петербурге меня, т. е. музыку мою, любят больше, чем где-либо, не исключая Москвы, и повсюду я встречаю здесь сочувственное, теплое к себе отношение. На прошлой неделе, тотчас после первого концерта, я сильно захворал и два дня пролежал в постели; вероятно, причиной нездоровья было крайнее утомление. Теперь хорошо бы было уехать к себе и предаваться отдыху...

Но, увы! Нужно стремиться в Прагу и там снова переживать мучительные волнения!.. В Праге останусь недолго, ибо 6 декабря нужно уже быть в Москве.

Милый, дорогой друг мой! Дойдет ли до Вас это письмо? Я про Вас давно не имею никаких известий. Надеюсь, что Вы хорошо устроились, что Вы здоровы и что Италия живительно влияет на Вас!

Простите, ради бога, мое редкое писание! Из Праги уведомлю Вас о себе!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

453. Мекк — Чайковскому

St.-Jean,
21 ноября/3 декабря 1888 г.
Villa Vial.

Милый, дорогой друг мой! Я очень давно не писала Вам, но так как я знаю, что Вы не находитесь на месте, то эта мысль, что мое письмо не скоро дойдет до Вас, а быть может, и совсем не дойдет, парализует мое всегдашнее желание побеседовать с Вами. Ваши письма, дорогой мой, я все получаю исправно. Теперь прошу Вас адресовать мне так: Nice, St.-Jean, Villa Vial, Alpes Maritimes. В настоящую минуту мои нервы опять совсем взволнованы смертью Веры Львовны:

мне так невыразимо жаль и этой молодой женщины, и бедных родителей, и маленьких детей, и, в особенности, несчастного мужа. После нескольких лет семейной жизни очутиться опять одиноким или хуже, чем одиноким — с двумя маленькими детьми на руках, о которых он не может и заботиться, как хотел бы, потому что он мужчина, у него служба, общественные обязанности на руках. У родителей остаются другие дети, а у мужа уж никого не остается; бедный, бедный человек. Как это ужасно, как бесчеловечно! Сегодня ее хоронят в Ницце, Юля поедет на погребение, а вчера она была на выносе тела в восемь часов вечера из гостиницы в Beaulieu, это шагов сто от нашей дачи. Коля только что был здесь, он привез Тасю и пробыл три дня, и в тот же день, как он уехал (в шесть часов утра), Вера Львовна скончалась в половине шестого вечера. Так ужасно, так тяжело это событие, что трудно оторвать мысли от него.

У нас никак не может установиться хорошая ницкая погода, всё часто дожди.

О Ваших концертах я с жадностью читаю в русских газетах, и сверх того мне Саша пишет отзывы о них из Петербурга, конечно, самые восторженные. Теперь Вы будете опять пожинать лавры и за границею; меня это несказанно радует, потому что я давно так желала распространять Вашу музыку за границею. Что бы Вам, дорогой мой, вспомнить о Ницце и подарить Вашею музыкою, под Вашим управлением; какое бы это было счастье для меня, но, конечно, это только мечта.

Я на даче совсем устроилась. Вообще здесь прелестно, сад совсем зеленый, пальмы, померанцевые деревья, бананы, розы окружают вас, и в конце сада, под самою террасою, это чудное голубое море,— восхитительно!

Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Пошли Вам бог здоровья и сил для всех Ваших трудов. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Александра Ильинична осталась у Коли в Копылове после его отъезда.

454. Чайковский — Мекк

Вена,
26 ноября/8 декабря 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я уже нахожусь на возвратном пути в Петербург. В Праге я был до того поглощен репетициями, а по вечерам приглашениями в гости, что ни разу пера не взял в руки. Началось с того, что в самый день приезда у меня уже была репетиция к концерту [1]. Нужно Вам припомнить, что в прошлом году я дирижировал безвозмездно двумя громадными концертами с патриотическою целью. В нынешний раз дирекция пражского театра, в благодарность за прошлые заслуги и за то, что я теперь приехал к постановке оперы, устроила концерт, половина сбора с которого должна была

поступить в мою пользу. Но концерт был назначен в такой неподходящий день и вообще устроен так несвоевременно и неумело, что доходу он принес всего триста гульденов. После того, что в прошлом году меня встречали как какого-нибудь могущественного властителя, причем энтузиазм доходил до беснования, мне показалось обидным получить такую жалкую подачку от пражской публики. Поэтому я денег не принял и пожертвовал их в пенсионный фонд артистов. Обстоятельство это быстро сделалось известным, на дирекцию театра посыпались обвинения, вся пресса восстала на нее, и благодаря всему этому состоявшееся третьего дня представление «Онегина»[2], которым я дирижировал, было бесконечным рядом самых восторженных оваций. Исполнение было очень хорошее, и особенно певица, исполнявшая роль Татьяны, мне очень понравилась. Вчера я выехал из Праги снабженный обильными лаврами, но только лаврами. Не умею я соблюдать свои денежные интересы.

Здесь вчера из газеты «Новое время» я узнал, что Вера, племянница моя, скончалась. Хотя я уже давно потерял всякую надежду на ее выздоровление, но известие это очень потрясло меня. Всю ночь и весь сегодняшний день чувствую себя совершенно больным. Завтра, однакож, выезжаю в Петербург, где узнаю все подробности о последних днях Веры и о том, что с бедной сестрой моей!

Дорогая моя! Я очень томлюсь, что не имею известий о Вас. Дай бог, чтобы Вы были здоровы и благополучны! До свиданья!

Ваш П. Чайковский.

455. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
2 декабря 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Не знаю, получили ли Вы письмо мое, адресованное из Вены во Флоренцию, poste restante. Я писал Вам в нем о Праге, о полученном в Вене известии о смерти Веры и о моем нездоровье. Не вполне оправившись, я выехал в Петербург и дорогой, благодаря превосходным спальным вагонам, оправился совсем. В Петербурге я узнал все подробности о последних днях бедной нашей Веры. Она с необыкновенной покорностью переносила свои страдания и совершенно сознавала близость конца. Лев Васильевич пишет, что в самое последнее время она от слабости не могла уже говорить, а только улыбалась, смотря на отца, мужа и детей. Нельзя

без глубокого и умилительного чувства читать письмо это. Вера была необыкновенно симпатичное, кроткое, милое существо. Вы пишете, дорогая моя, что Вам более всего жаль мужа. Мне же гораздо больше жаль отца и мать, ибо я не видал в жизни родителей, более страстно привязанных к детям, как они. Слепая любовь эта заставила их сделать относительно воспитания детей много ошибок, но наказание слишком ужасно! Потерять одну за другой двух взрослых дочерей, которым всё сулило одни только радости и счастье,— это ужасно!

В Петербурге я провел всего один день и теперь приехал не надолго отдохнуть в одиночестве. Здесь нашел я письмо Ваше от 21 ноября. Состояние моего духа, независимо от семейной горести, довольно мрачно еще по одной причине. Сыграв мою новую симфонию два раза в Петербурге и раз в Праге, я пришел к убеждению, что симфония эта неудачна. Есть в ней что-то такое отталкивающее, какой-то излишек пестроты и неискренность, деланность. И публика инстинктивно сознает это. Мне было очень ясно, что овации, коих я был предметом, относились к моей предыдущей деятельности, а самая симфония неспособна увлекать или, по крайней мере, нравиться. Сознание всего этого причиняет мне острое, мучительное чувство недовольства самим собою. Неужели я уже, как говорится, исписался, и теперь могу только повторяться и подделываться под свою прежнюю манеру? Вчера вечером я просматривал Четвертую симфонию, и а ш у! Какая разница, насколько она выше и лучше! Да, это очень, очень печально!

Ваша мысль, дорогая моя, чтобы я попал в Ниццу, едва ли осуществима. Ведь для этого нужно, чтобы кто-нибудь занялся устройством этого концерта и нашел бы в этом выгоду! А я, разумеется, рад бы!

Будьте здоровы, дорогой друг!

П. Чайковский.

456. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
26 декабря 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Меня мучит мысль, что приходится теперь так редко писать Вам и что, быть может, Вы усматриваете в этом недостаток к Вам внимания, любви и благодарности. Но я надеюсь, дорогая моя, что ни в том, ни в другом, ни третьем Вы не сомневаетесь. Жизнь моя теперь складывается совсем не так, как прежде! Ну, вот хоть бы

теперь. С тех пор, как я в последний раз писал Вам, пришлось ехать в Москву, где репетиции, два концерта, заседания Дирекции и всяческая городская суета решительно не давали возможности браться за перо. То же самое было и в Петербурге, где, как Вы, быть может, знаете из газет, я появился в концерте так называемом русском симфоническом[1]. Кроме того, я имел там частые совещания с директором театров и балетмейстером Петипа по поводу балета, который я буду писать («La Belle au bois dormant») *, и вообще вел жизнь, полную движения и суеты. Как бы то ни было, но всегда и везде я пренсполнен к Вам чувств пламенной любви и благодарности, и если иногда подолгу не пишу, то потому, что буквально возможности нет найти несколько минут для письменной беседы. Итак, прошу Вас, милый друг, простить меня за редкое писанье и верить, что я до последней минуты жизни буду беспредельно любить и чтить Вас.

Московские два концерта (один обыкновенный симфонический, другой общедоступный с тою же программой) прошли благополучно, но, тем не менее, оставили во мне печальное воспоминание. С каждым разом я все больше и больше убеждаюсь, что последняя симфония моя — произведение неудачное, и это сознание случайной неудачи (а может быть, и падения моих способностей) очень огорчает меня. Симфония оказалась слишком пестрой, массивной, неискренней, растянутой, вообще очень несимпатичной. За исключением Танеева, упорно стоящего на том, что Пятая симфония — лучшее мое сочинение, все честные и искренние доброжелатели мои невысокого мнения о ней. Неужели я, как говорится, исписался? Неужели уже началось le commencement de la fin?** Если так, то это ужасно. Будущее покажет, ошибаюсь я в своих опасениях или нет, но, во всяком случае, жаль, что симфония, написанная в 1888 г., хуже написанной в 1877 г. А что наша симфония бесконечно лучше последней, в этом я совершенно убежден.

Мое участие в русском симфоническом концерте произвело в петербургском музыкальном мире некоторую сенсацию. Концерты эти устраиваются неким купцом Беляевым, страстным поклонником той нашей музыкальной партии, которая называет себя «новой русской школой» и во главе которой стоят Балакирев и Римский-Корсаков. До сих пор партия эта в лице лучших своих представителей выказывала мне сочувствие, но не считала своим. Я же всегда старался поставить себя вне всяких партий и всячески высказывать, что уважаю и люблю всякого

---

* («Спящая красавица»)

** начало конца?

честного и даровитого музыкального деятеля, какого бы он ни был направления. Для меня одинаково симпатичны и Балакирев, и Корсаков, и А. Рубинштейн, и Направник, ибо всё это люди талантливые и добросовестные. Всякая бездарность, всякая посредственность, претендующая быть талантом и не пренебрегающая никакими средствами для того, чтобы о себе рекламировать, для меня ненавистна. Поэтому личности вроде гг. Кюи, Соловьева и tutti quanti всегда будут мне чужды и антипатичны. Итак, я очень рад был воспользоваться случаем публично высказать, что хотя к школе, называемой «новой русской» или «могучей кучкой», принадлежит глубоко ненавистная мне личность г. Кюи, но это нисколько мне не мешает уважать и любить таких представителей школы, как Балакирев, Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов, и считать для себя лестным появиться на концертной эстраде рядом с ними. Я сыграл там «Бурю» и имел огромный успех.

Теперь, дорогая моя, я приехал отдохнуть у себя в деревне и поработать над балетом. В конце января поеду за границу. Я приглашен дирижировать в Кельне, Франкфурте, Дрездене, Гамбурге, Лондоне и т. д. По всей вероятности, я побываю в каком-нибудь антракте между двумя концертами в Ницце.

Поздравляю Вас, дорогой друг мой, с наступающим Новым годом. Дай бог Вам всякого благополучия. Будьте, главное, здоровы!!!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

457. Мекк — Чайковскому

St.-Jean,
26 декабря 1888 г./7 января 1889 г.
Villa Vial.

Дорогой, несравненный друг мой! Я совсем в отчаянии, что так редко могу писать Вам, но здоровье мое так ухудшается с каждым годом, головные боли появляются всё чаще и продолжаются всё дольше, нервы в ужасном состоянии, так что я все больше и больше теряю возможность писать что-либо. Теперь пью Виши, но они больше не помогают.

Поздравляю Вас, дорогой мой, с наступившим праздником рождества и наступающим Новым годом; от всего сердца желаю Вам полного здоровья и полного удовлетворения жизнью. Мы уже живем в новом году, я и рада, что високосный кончился; говорят, это несчастливые года. Простите, дорогой мой, что чернила такие бледные, но я не знаю, что с ними поделать; были отличные и вдруг стали совсем белесые.

Про исполнение Вашей новой симфонии, милый друг мой, я только читаю в газетах и сокрушаюсь, что лишена наслаждения слышать ее.

Увы, я не Людвиг Баварский, который мог приказывать исполнять оперы для *него одного*! А я бы не затрудняла операми, а требовала бы только оркестровых сочинений и камерной музыки, Ваших божественных квартетов! Ваше недовольство новою симфониею, дорогой мой, я приписываю только Вашей всегдашней излишней строгости к себе и имею в этом поддержку и в газетных отзывах и в мнении Танеева, который же в восторге от Вашей Пятой симфонии, и, конечно, иначе и быть не может. В будущее воскресенье будет в Monte-Karlo *русский концерт*, в котором будут исполнять Вашу Первую сюиту; мне очень хочется поехать. Я не помню, сообщала ли я Вам, милый друг мой, что у меня теперь в доме превосходный пианист Петербургской консерватории Б. Р. Доманевский. Он замечательный виртуоз, техника у него поразительная и хорошая передача сочинений, но я как-то мало могу пользоваться его талантом,—такой уж у него характер. Он поляк, и его портрет находится в издании «Célébrités Musicales», наружность самая некрасивая, какую только природа могла придумать, но талант огромный. Данильченко попрежнему у меня, попрежнему ленив и теперь только увлекается рулеткою. Так как Monte-Carlo от меня всего девять километров, то он ездит беспрестанно и проигрывает всё свое жалование, а получает по двести рублей в месяц, и всё отыскивает систему, чтобы выиграть, а советов не слушает; упрям, как хохол. Есть еще у меня в доме доктор из Москвы, бесцветная личность, но с претензиями на значение. Я очень мало имею удовольствия от своего персонала, но что делать: хороших людей надо искать *днем с огнем*, и то не найдешь.

Из Вашего письма, милый друг мой, я вижу, что Вы получили только *одно* мое письмо через Юргенсона, а я послала *два*. Мне очень обидно, если мои письма пропадают, и я очень прошу Вас, дорогой мой, дать мне теперь Ваш адрес.

Я езжу иногда на могилу Веры Львовны и всегда с болью в сердце смотрю на эту преждевременную могилу, хотя она очень красива, вся убрана цветами; на середине крест из белых цветов. Недавно я отвезла венок по поручению дочери моей, Сони Корсаковой. А ей, т. е. моей Соне, бог дал сына на днях, которого назовут Дмитрием. А моя бедненькая Милочка также попала в такое положение; сама только что вышла из bébé, а уже будет возиться со своим bébé. Она рада, а я очень боюсь, ей ведь только шестнадцать с половиною лет, и, к несчастью, она не может себя держать так, как следует, т. е. делать побольше движения, быть на воздухе и т. п., потому что в Москве это невозможно, в особенности ей, которая не привыкла ни к русскому холоду, ни к московскому неблагоустройству.

Но, однако, я всё Вам жалуюсь на что-нибудь; видно, уже по свойству старости. Но вот скажу теперь, что у нас чудно хорошо: солнце, розы, море упоительны, восхитительны! Нельзя и поверить, что в России люди замерзают в сугробах. Будьте здоровы, мой милый, дорогой друг, и не забывайте горячо любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

1889 год

458. Мекк — Чайковскому

St.-Jean,
2/14 января 1889 г.
Villa Vial.

Милый, несравненный друг мой! Получила Ваше дорогое письмо и усердно прошу Вас нисколько не беспокоиться о том, что Вы редко пишете теперь, ведь я же знаю, как у Вас много хлопот, и вполне понимаю, что при такой деятельности и массе ощущений Вам необходим бывает отдых и писать писем невозможно, и если Вы несколько раз в году напишете мне, то я и буду счастлива и довольна. Я вчера для Нового года получила очень печальное известие от Коли с Анною: их маленький Андрюша умер в последний день старого года. Мне так жаль их, они так горячо любят своих детей, и теперь опять одна Кируша осталась; бедные, бедные молодые родители.

Я встретила и провожу праздники так тихо, как никогда. Вчера, в день Нового года, чтобы несколько веселее провести день, мы поехали в Monte-Carlo, в русский концерт. Я хотела слышать Ваше сочинение, потому что было назначено оркестровое, но не сказано что, но оказалось, что они сыграли Ваш Andante из Первого квартета, и играли квартетом, а мы не могли найти места впереди и стояли совсем назади, в тамбуре входа, и я ни одной ноты не слышала. Вообще, эти концерты — безобразие; они даровые, и поэтому публики так много, что невозможно места достать и даже не пускают входить, потому что все полно.

Дорогой друг мой, будьте так добры, не откажите сообщить мне, в каком положении дело о русских концертах на Парижской выставке, будете ли Вы ими распоряжаться или нет, и если нет, то не известно ли Вам, кто будет заведывать. У меня Даниельченко жаждет играть на этих концертах, и я обещала ему просить Вас дать мне сведения о них.

У нас сегодня ясная погода, а барометр стоит совсем дурно, и меня это беспокоит, потому что так было перед землетрясением, что при ясной, чудесной погоде барометр несколько дней стоял дурно, и разразилось это землетрясение.

При всем желании писать много, много,— не могу, должна идти пить Виши. Будьте здоровы, мой милый, дорогой друг. Всею душою безгранично любящая Вас

Надежда фон-Мекк.

P. S. А насчет Пятой симфонии я еще прочла самый восторженный о ней отзыв в московской газете, и, конечно, дорогой мой, Вы совершенно напрасно сокрушаетесь, и я совершенно уверена, что через некоторое время Вы и сами согласитесь с другими, что она превосходна. Не откажите сообщить мне Ваш дальнейший адрес.

Откуда Вы взяли, милый друг мой, сюжет для нового балета?

459. *Чайковский — Мекк*

С. Фроловское,
8 января 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Безгранично благодарен Вам за дорогие два письма Ваших, полученных на этих днях. Жаль только читать в этих письмах, что здоровье Ваше далеко не так хорошо, как бы хотелось этого нам, любящим Вас! Признаюсь, что мне при таком состоянии здоровья Вашего чрезвычайно приятно думать, что Вы находитесь на Riviera Ponente, а не в Вашем Belair. Помню, что в прошлом году мне жутко было воображать Вас зимой в Вашем замке, лишенной солнца и воздуха и слишком одинокой.

Пианиста Доманевского я немножко знаю; помню, что он был у меня давно когда-то в Москве, но игры его не знаю, хотя слышал о нем много лестного. Данильченко — большой чудак, и его пристрастие к рулетке меня не удивляет. В прошлом году в Париже он нередко удивлял меня странностью своих фантазий, речей и суждений. Но, тем не менее, в этом хохле для меня всегда было что-то очень симпатичное. По поводу русских симфонических концертов произошло следующее. В прошлом году в Париже ко мне явился какой-то украшенный ленточкой Légion d'honneur* господин и спросил, соглашусь ли я быть музыкальным делегатом от России на выставке. Я ответил, что хотя мне это и очень тягостно, но готов принести себя в жертву ради русской музыки, если хотят, чтобы именно *я* был представителем ее. При этом я сказал, что, ввиду неучастия (в официальном смысле) русского правительства в выставке, дело это будет частным концертным предприятием и что я только тогда могу дирижировать на этих концертах, если кто-нибудь, имеющий денежные средства на предварительные расходы, возьмет на себя их устройство. Словом, я согласился лишь быть дирижером предположенных концертов, а не устроителем их, ибо не имею ни времени, ни охоты, ни, наконец, таких капиталов, чтобы взять на себя административную часть предприятия. С тех пор ко мне письменно обращались с вопросом, кого я могу

* ордена Почетного легиона.

рекомендовать в качестве устроителя концертов. Я рекомендовал Юргенсона[1]. Последний в ответ на сделанное ему предложение отвечал, что концерты будут возможны, если Комитет выставки гарантирует убытки, весьма возможные в таком большом предприятии. С тех пор никакого ответа и вообще никакого разъяснения дела не воспоследовало. Таким образом, я решительно не знаю еще до сих пор, состоятся ли русские концерты, и скорее склонен думать, что нет, ибо ни наше, ни французское правительство не дадут ни субсидии, ни гарантии, а без этого невозможно начинать столь сложное и рискованное дело.

Я работал в последнее время с таким упорством и старанием, что написал уже целых два действия балета[2]. Ездил на два дня в Москву по делам Музык[ального] общества и теперь опять принимаюсь за работу. Сюжет балета, который я пишу, обработан самим директором театров Всеволожским. Он взят из знаменитой сказки Perrault «La Belle au bois dormant». Сюжет чрезвычайно симпатичный и поэтический.

Уезжаю я отсюда 19 января в Петербург, а из Петербурга за границу 22-го. Прежде всего еду прямо в Кельн, где концерт с моим участием состоится 12 февраля/31 января, оттуда во Франкфурт, Дрезден, Берлин, Гамбург, Женеву, Лондон. Очень может быть, что перед поездкой в Лондон я успею съездить в Ниццу, чтобы посетить могилу бедной Веры и чтобы повидать бедную сестру мою.

Прошу Вас, дорогая моя, на случай, что Вы обрадуете меня известиями от себя, адресовать мне в течение всего моего трехмесячного путешествия — в Берлин, а именно: Berlin W. am Carlsbad, 19, Hermann Wolff, pour remettre à P. T. Разумеется, в свое время, в случае, если я поеду в Ваши страны, я извещу Вас и вообще буду извещать Вас об успехах или неуспехах концертов.

Будьте здоровы, милый, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

460. Чайковский — Мекк

Берлин,
11/23 февраля 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера после необычайно утомительного путешествия приехал я на несколько дней в Берлин[1]. В продолжение восьми дней я имел три концерта и девять репетиций! А именно, в воскресенье 10 февраля/29 января я выехал из Берлина в Кельн. На другой день у меня были репетиции утром и вечером, а на следующий

день репетиция и концерт. На следующий день я выехал во Франкфурт, и там опять пришлось выдержать в один день две репетиции и потом репетицию и концерт, затем в Дрездене опять то же. Решительно не понимаю, откуда у меня сил хватает на всё это. Что-нибудь одно: или подобное столь новое для меня напряжение сил отзовется на мне очень вредно, или же, наоборот, как противоядие против моих сочинительских трудов, сопряженных с постоянным сидением, такого рода безумно кипучая деятельность мне здорова. Середины быть [не] может, т. е., другими словами, я должен вернуться в Россию «*или со щитом, или на щите*»[2]. Но скорее я думаю, что, несмотря на трудные минуты и на постоянную борьбу с самим собой, всё это мне здорово! Успех во всех трех городах был большой, но особенно сильный в Кельне и Франкфурте. В Дрездене я играл *нашу* симфонию, и, к сожалению, выбор этот был неудачный, ибо я не знал, что оркестр, с которым я буду иметь дело, очень плохой, и эта трудная симфония была ему не по силам. Тем не менее, и тут меня принимали очень хорошо.

Теперь мне предстоит концерт в Берлине в среду 27/15 февраля, а через два дня в Гамбурге. Затем я еду в Швейцарию и хочу неделю там отдохнуть перед большим *женевским* концертом, который назначен на 11 [марта]/27 февраля. Что дальше будет и успею ли я согласно моему желанию побывать в Ницце у сестры, не знаю. Надеюсь, что Вы простите меня, дорогой, милый друг мой, за редкое писание. Поневоле я принужден почти вовсе отказываться от корреспонденции.

Будьте, ради бога, здоровы!!

Весь Ваш П. Чайковский.

461. Чайковский — Мекк

Женева,
21 февраля/5 марта 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

После того, как я писал Вам из Дрездена, там состоялся мой концерт, в коем я играл *нашу* симфонию (впрочем, кажется, я уже об этом писал Вам). Она сыграна была старательно, но, по недостаточности сил оркестра, не особенно блестяще. Однакож, судя по статьям, посланным мне уже по отъезде в Берлин, произвела большую сенсацию. Что касается приема публики, то он был далеко не столь восторженный, как в Кельне и Франкфурте. Затем я провел неделю в Берлине. Концерт мой состоялся во втор-

ник 26/14 числа. Я играл только две вещи: Струнную серенаду и «Франческа да-Римини». Струнная серенада очень понравилась публике, «Франческа» вызвала громкие рукоплескания большей части публики и весьма явственные свистки меньшей. К этому обстоятельству я совершенно равнодушен. Пусть шикают, лишь бы интересовались; а что интересовались, доказывается тем, что зал был совершенно полон. Концерт этот устраивал известный концертный устроитель Герман Вольф. Когда-нибудь я расскажу Вам, как этот еврей бесцеремонно эксплоатировал меня и в прошлом и в этом году. Только еврей может так беззастенчиво злоупотреблять бесхарактерностью и наивностью людей вроде меня.

Из Берлина я проехал прямо сюда. Я приглашен дирижировать в здешнем великолепном новом театре целым концертом из моих сочинений. Он состоится в субботу 9 марта/25 февраля. Вчера состоялась уже первая репетиция. Оказалось, что оркестр в Женеве—ничтожный по составу и состоящий из третьестепенных оркестровых музыкантов. Если б я знал это, то ни за что бы не приехал, но директор театра, сделавший мне приглашение (вовсе не музыкант), вероятно, думал, что качество оркестра и количество музыкантов, его составляющих, не имеет никакого значения для приезжего композитора-дирижера. Как я справлюсь с этим провинциальным оркестриком, решительно не знаю. Впрочем, нужно сказать, что они проявили удивительную старательность и усердие на вчерашней репетиции.

Продолжаю неописанно скучать, тосковать и с болезненным нетерпением ожидать конца моих странствований.

Отсюда должен ехать в Гамбург, потом в Лондон (но побываю и в Париже). Рад бы был, дорогая моя, узнать о Вашем здоровье. Уж очень давно не получал от Вас известий.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

462. Мекк — Чайковскому

[St.-Jean]
27 февраля/11 марта 1889 г.
Villa Vial.

Милый, дорогой друг мой! Уж очень давно я Вам не писала, но при Ваших передвижениях это было и невозможно. Благодарю Вас от всего сердца, дорогой мой, за то, что Вы при Ваших неустанных занятиях даете мне о себе весточку время от времени, но прошу Вас усердно не принуждать себя к этому никогда. Ведь я же более, чем кто-либо, понимаю, как необходим отдых при таких нервных утомлениях, какие выносите Вы в настоящее время, а Вы так мало имеете минут для какого-нибудь отдыха. Прошу бога подкрепить Ваши

силы и здоровье на триумфальном шествии, которое Вы совершаете на славу Вашей родины.

Мое здоровье плохо, головные боли доводят до отчаяния. Несмотря на то, что я нахожусь в таком божественном климате, здоровье становится всё хуже и хуже, да и не удивительно: забот и горя у меня много. Вот и теперь грызет меня и днем и ночью участь моей бедной Милочки. Замужество ее оказалось очень неудачно (конечно, я говорю это только Вам, дорогой мой), муж ее с таким неспокойным характером, что ссорится со всеми ее родными, отдалил и развел ее со всеми, ревнив, груб, эгоист и в довершение всего мот, который проматывает состояние своей жены. Этот бедный ребенок, Милочка, любит его всеми силами души, и ей, конечно, кажется, что к нему все несправедливы, ей это больно, она страдает, но не знает, что ей делать, как помочь этому. А больше всех, конечно, страдаю я; буквально ни днем, ни ночью не знаю покоя от тоски и беспокойств за участь этого несчастного ребенка.

В настоящее время Коля и Анна здесь, они живут в Ницце с Давыдовыми, но прожили полторы недели и у меня. Кируша — прелестный ребенок, необыкновенно умна и развита, и при этом ласковый, любящий детеныш; такая славная. Семейная жизнь их меня продолжает радовать, дай, господи, не сглазить.

На карнавале все много веселились. Дети Веры Львовны у Александры Ильиничны; Рину взяла на свое попечение Тася, дети и останутся у бабушки. Николай Александрович также здесь. В настоящее время здесь находится русский корвет «Рында», и вот Коля, Ник[олай] Алекс[андрович] часто ездят туда и приглашают к себе офицеров. Коля уезжает послезавтра, а Анна остается здесь до мая или июня, т. е. здесь за границею, но не в Ницце, а поедет со мною в Belair.

Данильченко отказался от службы у меня и сделал это в очень нехорошей форме: завел сплетни у меня в доме, перессорился с доктором, который у меня в доме, и в конце концов заявил мне, что он не хочет читать для меня. Он совсем неотесанный мужик, любит только деньги, а нравственных понятий не имеет никаких. Я им очень недовольна; завтра он уезжает. Владислав Альбертович с декабря месяца находится в Париже, лечится у нервного доктора, пишет, что ему гораздо лучше. Юлина свадьба будет, вероятно, в апреле месяце здесь, в Ницце.

Как мне жаль, что Вы так много вытерпели в Женеве. Я знала, что там музыкальные средства очень плохи, но, тем не менее, они постоянно приглашают французских композиторов, и те всегда охотно приезжают. Будьте здоровы, милый, дорогой друг мой, и по возможности не забывайте всею душою безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

463. Чайковский — Мекк

Ганновер,
5/17 марта 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я был бесконечно обрадован письмом Вашим, полученным мной в Гамбурге. Разумеется, очень печально было прочесть, что Вы по-прежнему нехорошо себя чувствуете и что причиною Вашего расстройства неудачное замужество Милочки! Очень, очень грустно,

но я теперь в таком постоянном состоянии тоски, хандры и скуки, что мне и печальные письма радостны, лишь бы был отзыв от людей, которых горячо я люблю. Уже одно то, что я вновь увидел письмо с Вашим столь знакомым и милым мне почерком, было для меня большой радостью. Удивительно странно, что я так страшно и мучительно хандрю, когда жаловаться решительно не на что и поездка моя есть ряд полных и безусловных успехов. В Гамбурге новая симфония моя имела огромный успех, и принимали меня там все как старого и любимого друга[1]. Но всё это мне приятно только в данную минуту; как только кончилась репетиция или прошел концерт, я снова впадаю в уныние и тоску по родине до отчаяния.

В Ганновер я приехал на несколько часов, чтобы в совершенно незнакомом городе провести в одиночестве дня два или три, собраться с мыслями, отдохнуть и привести в порядок свою корреспонденцию.

То, что Вы пишете о Данильченко, очень удивило меня. Я был о нем бесконечно лучшего мнения. Слава богу, что Коля и Анна радуют Вас. Мне очень хотелось бы Анне рассказать разные подробности про Женеву, да не имею времени. Скажите ей, милый друг, что место, где они когда-то жили, неузнаваемо.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Из Парижа снова напишу Вам.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Адрес мой: 14, Rue Richepanse, Paris.

464. Мекк — Чайковскому

[St.-Jean]
9/21 марта 1889 г.
Villa Vial.

Милый, дорогой друг мой! Для меня совершенный сюрприз Ваш приезд в Париж, и я так рада, что Вы так близко от меня и в той же стране, где я. Через неделю я также предполагаю выехать из Ниццы сперва в Париж дня на два, а потом в мой милый Belair. Я так устала жить в наемной даче, где не только всё чужое, но и так многого недостает для самого обыкновенного комфорта, что я с наслаждением думаю о том, чтобы перенестись в свое, где всё так уютно и где всё есть, что мне надо, хотя еще и боюсь немного холода.

Анна приедет ко мне в Belair через несколько дней после меня, для того чтобы я могла успеть приготовить для нее комнаты. Я отпускаю также и других господ из своего штата, доктора и пианиста, и тут опять претензия за то, что отпускаю. Я такой несчастный человек, что, раз взявши в дом кого-нибудь, я уже не могу потом отделаться от таких людей: непременно претензии и обиды. Коля уехал, Анна

и Кируша слава богу здоровы. Ваши хотели уехать восемнадцатого, но, быть может, уедут позже. Мне и Юле приходится ехать совсем одним, т. е. не имея никакого кавалера, который бы охранял нас в пути, и, конечно, обеим нам немножко жутко; слава богу еще, что недалекий переезд. Сегодня светит солнце—чудно хорошо.

Долго ли Вы пробудете в Париже, дорогой мой? Если Вы захотите обрадовать меня Вашим письмом, то до среды прошу адресовать на Villa Vial, а потом в Belair. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

465. Чайковский — Мекк

Париж,
13/25 марта [1889 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Не посчастливилось мне в Париже; приехал я сюда совсем больной, и до сих пор не могу вполне поправиться. Нездоровье мое простудного свойства и теперь приняло характер периодической лихорадки. Каждое утро просыпаюсь здоровый, но около двух часов наступает жар, зубная боль, сонливость и продолжается это состояние до вечера. Я стал теперь принимать хинин. До сих пор я, по возможности, старался избегать встреч с знакомыми, но вчера уже пришлось провести вечер в большом обществе у M-r Colonn'a. Это очень утомило меня. Вообще и в Париже меня мучительно преследует всё та же idée fixe, т. е. сознание, что я бесплодно трачу время, а может быть, и подтачиваю свое здоровье, делая над собой усилие свыше меры. Жить в деревенском уединении, работать, много ходить и дышать чистым воздухом—вот условия, необходимые для моего благосостояния. Не скоро, однако, попаду я в свое милое с. Фроловское. Из Лондона, где мой концерт состоится 11 апреля/30 марта, вероятно придется ехать на Кавказ, где меня ожидает с нетерпением брат Анатолий и жена его. Как ни люблю я Кавказ и брата своего, но на сей раз предпочел бы ехать прямо к себе. В Париже проведу я еще около двух недель. Мне очень хочется повидать своих в Ницце, но как это сделать, не знаю. Сейчас напишу по этому поводу письмо к Анне. Меня очень беспокоит мысль, что Вы едете из Ниццы один с Юлией Карловной; с непривычки это будет очень тяжело Вам.

Будьте здоровы, бесценный друг мой!..

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

466. *Чайковский — Мекк*

Лондон.
30 марта 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу Вам из мрачного, антипатичного Лондона. Представьте себе, что когда я вышел сегодня из репетиции в двенадцать с половиной часов дня, то на улице была ночь, совсем настоящая, безлунная, темная ночь. Много слышал я о лондонских туманах, но этого не мог вообразить себе! Но, впрочем, сами лондонцы поражены сегодняшним туманом, особенно потому, что в апреле здесь их никогда не бывает. В Париже я, как водится, очень утомился от обедов и вечеров, особенно в последнее время. Colonne на одном из последних концертов, по случаю моего пребывания в Париже, исполнил мои оркестровые вариации, и успех был большой. От русских концертов в Париже я отказался. Ни Комитет выставки, ни французское правительство не соглашаются гарантировать расходы, а рискнуть на свой собственный страх давать концерты я и не могу и не хочу. Впрочем, русские концерты в Париже всё-таки состоятся. Богатый купец Беляев, поклонник Глазунова, Римского-Корсакова, Бородина и т. д., устраивает en grand* в Trocadero два концерта из их сочинений[1].

Сегодня была первая репетиция здешнего концерта, завтра утром вторая, вечером концерт, а на другой день рано утром я выезжаю отсюда прямо в Марсель и в субботу 13/1 апреля сажусь на пароход, который в четыре часа отправляется прямо в Батум. Недели через две с половиной я уже буду в Тифлисе.

Здесь со мной находится русский пианист Сапельников, который на концерте завтра будет играть мой Первый фортепианный концерт. Благодаря его присутствию я уже не так тоскую и скучаю, как в начале путешествия. Впрочем, теперь моим треволнениям наступает конец. Буду писать Вам, дорогой мой друг, уже из Тифлиса.

Будьте, ради бога, здоровы!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Всем Вашим, т. е. Юлии Карловне и Влад[ославу] Альбертовичу, кланяюсь.

---

* в большом масштабе

467. Чайковский — Мекк

Г. Тифлис,
20 апреля 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу Вам это письмо в Belair, предполагая, что Вы всё еще там, и в надежде, что, в случае Вашего отсутствия, Вам перешлют его. Надеюсь, что Вы получили письмо мое, посланное из Константинополя. Дальнейшее мое плавание совершилось вполне благополучно, и вот уже неделя, что я в Тифлисе. Здесь нашел я весну вполне установившейся. Что за чудная страна этот Кавказ! Нельзя описать, например, до чего роскошна, красива, богата растительностью Рионская долина, по которой идет железная дорога сюда из Батума. Представьте себе, дорогая моя, широкую долину, окаймленную с двух сторон причудливой формы горами и скалами, на которых растут рододендроны и другие весенние цветы, а в самой долине деревья с яркой, свежей зеленью листьев, и, наконец, многоводный, шумный, извилистый Рион. Уверяю Вас, что ради одного этого стоит посетить Кавказ. В Тифлисе теперь тоже чудесно: все фруктовые деревья в цвету; благодаря ясной погоде виднеются дальние снежные вершины, и в воздухе что-то весеннее, живительное и благоуханное. После лондонских туманов, оставивших во мне воспоминание какого-то тяжелого кошмара, всё это до того прекрасно, что нет слов выразить.

Тем не менее, я не могу сказать, чтобы особенно хорошо себя чувствовал. Какая-то усталость, апатия, неопределенная тоска часто нападают на меня. Работать нет ни малейшей охоты, даже читать как-то мало хочется. Думаю, что это результат трехмесячного напряжения всех сил, и надеюсь, что, когда возвращусь домой и начну жить тихой, правильной деревенской жизнью, всё это бесследно пройдет.

Своих я нашел совершенно здоровыми. Брат мой Анатолий (перешедший из судебного ведомства в администрацию) очень доволен своим новым положением. Племянница выросла и очень развилась в умственном отношении. Я останусь здесь до второго мая. В этот день собираюсь выехать в Москву и Клин. Прошу Вас, дорогая моя, отныне адресовать мне, в случае, если захотите обрадовать письмецом, в г. Клин.

Будьте здоровы и вполне благополучны!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

468. *Мекк — Чайковскому*

Château Belair.
5/17 мая 1889 г.

Милый, несравненный друг мой! На днях я получила дорогое Ваше письмо и с большим горем увидела из него, что одно из Ваших писем не дошло до меня, а именно то, которое, как Вы говорите, Вы послали из Константинополя. Это мне ужасно досадно, и из этого видно, что почты в Турции не очень исправны. Расскажите мне, дорогой мой, что-нибудь про Константинополь. Это очень интересный город, но он вообще мне всегда представляется каким-то мифом, так мне очень интересно услышать об нем действительное описание: каковы там гостиницы, на каком языке говорит прислуга, как можно объясняться в магазинах, каковы мостовые? Простите, дорогой мой, что надоедаю Вам этими вопросами, но мне так интересно знать все это.

Из Вашего письма, милый друг мой, я вижу, что мы с Вами страдаем одними и теми же недугами. Я также постоянно чувствую какую-то безнадежную тоску, апатию, неудовольствие, и мне тем более ужасно жаль Вас, что и Вы страдаете тем же. Дай бог, чтобы это оказалось только следствием утомления и слишком продолжительного напряжения нервов и чтобы, отдохнувши в Вашем уголке, Вы опять оживились бы и почувствовали все Ваши обычные симпатии.

В позапрошлое воскресенье, 16 апреля, была свадьба Юли в Париже. К этому дню приезжали Коля, Сашок, граф Беннигсен с братом и брат Владислава Альбертовича. Молодые, как водится, блаженствуют; здоровье Владислава Альбертовича совсем поправилось. Анна еще гостит у меня и, вероятно, со мною же и поедет в Россию, так как Коля хочет окончить дом и тогда перевезти семью в Копылово. Кира попрежнему прелестна и удивляет всех своим развитием.

Погода у нас теплая, но редко бывает солнце, а мне от этого жутко; я ведь всю жизнь ищу с в е т а и т е п л о т ы и в нравственном и в физическом мирах. Мой любимец Воличка еще у меня, но на днях я ожидаю приезда Володи, который возьмет его с собою. Около пятнадцатого я перееду в Париж, где для меня уже нанята дача и где я пробуду приблизительно месяц, чтобы осмотреть выставку. А русские концерты всё-таки будут на выставке; кажется, Римский-Корсаков распорядитель.

Не пишу Вам много, дорогой мой: боюсь, чтобы голова не разболелась, она у меня ужасно часто стала болеть. Будьте здоровы, мой милый, дорогой друг, и не забывайте всею душою безмерно Вас любящую.

Н. ф.-Мекк.

469. *Чайковский — Мекк*

С. Фроловское,
19 мая 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня я наконец возвратился домой после четырехмесячного отсутствия. В Москве я провел неделю и занят был исключительно консерваторскими делами, а также делами Музыкального общества. В консерватории произошла крупная перемена: Т а н е е в отказался от директорства и место его занял Сафонов. Отказ Танеева объясняется его крайним утомлением и желанием

заниматься сочинением и игрой. Он уже давно тяготился своей должностью, а в нынешнем году, вследствие смерти матери, к которой он питал глубокую привязанность, состояние духа его крайне подавленное, и я очень хорошо понимаю, что он нуждается в отдыхе. Можно предполагать, что Сафонов будет дельный и хороший директор. Как человек он бесконечно менее симпатичен, чем Танеев, но зато по положению в обществе, светскости, практичности более отвечает требованиям консерваторского директорства. Инспектор Альбрехт вышел в отставку. Между нами сказать, эта отставка вынужденная, ибо Сафонов согласился принять на себя директорство под условием, чтобы Альбрехт был удален. Я был посредником между дирекцией и Альбрехтом, и всё устроилось хорошо и мирно. Не могу и никогда не мог понять, почему Альбрехт, которого я считаю человеком хорошим, возбуждает против себя всеобщую враждебность! Это какая-то загадка.

Вы спрашиваете, милый друг мой, про Константинополь. Нужно в этом городе различать европейскую часть, называемую Пера, от турецкой — Стамбула. Последний грязен, отвратительно мощен, переполнен стаями одичалых, отвратительных собак; Пера же есть во всех отношениях прекрасный европейский город с отличными гостиницами, магазинами, театрами, конными железными дорогами и всякими удобствами. В общем, Константинополь очень интересен, а Босфор с его дворцами, виллами, садами изумительно хорош и живописен. Французский язык понимается в Пере везде. Из древних памятников наиболее грандиозное впечатление производит Св. София, но и кроме нее очень много интересного в Константинополе. Очень сожалею, что константинопольское письмо мое пропало.

После Москвы я ездил на несколько дней в Петербург. Погода всё время и в Москве и в Петербурге стояла небывало жаркая. Здесь тоже превосходно, и мне очень жаль, что в этом году Вы так поздно приедете в Россию. Кто знает, может быть, лето опять будет такое же холодное, как в прошлом году.

Позвольте поздравить Вас с совершившимся бракосочетанием Юлии Карловны с Вл[адиславом] Альбертовичем. Я питаю надежду, что эта коренная перемена в Вашей семейной обстановке не нарушит Вашего благополучия.

Не зная Вашего теперешнего адреса, посылаю это письмо на Мясницкую, в надежде, что Вам перешлют его.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

470. Мекк — Чайковскому

Château Belair.
29 мая/10 июня 1889 г.

Милый, несравненный друг мой! Перед самым отъездом из Belair хочу написать Вам несколько слов, чтобы сообщить о перемене адреса. Уезжаю я теперь в Париж смотреть выставку; пробуду там дней десять и тогда — в Россию, в Москву, где надеюсь быть около 20 июня, и прошу Вас, дорогой мой, Ваши письма адресовать теперь в Москву, Сокольники, на Ширяево поле, в собственную дачу. Я буду жить нынешнее лето в Сокольниках, потому что мне удобнее для моих дел.

На днях я получила Ваше дорогое письмо, пересланное мне из Москвы, и премного благодарю Вас за него. Как я завидую Вам, что Вы побывали в Константинополе; если бы я имела еще прежние силы и прежнее здоровье, я бы сейчас поехала туда,—так интересно видеть этот город.

У меня не всё в порядке. Анна немножко нездорова и лежит в кровати несколько дней, вследствие маленькой неурядицы при предполагаемой беременности, но теперь ей, слава богу, лучше. Сегодня приезжает Коля, и мы все вместе двинемся в Париж, а затем и в Россию, но на полдороге разъединимся: они направятся в Киев, а я в Москву. Кися такой прелестный ребенок, что я ужасно жалею, что Вы не можете ее видеть, милый друг мой.

Теперь в Москве меня ожидает много тяжелого и много неприятного по отношению к Милочкиному мужу и ее делам; этому бедному ребенку так не повезло в жизни. Будьте здоровы, мой милый, бесценный друг. Крепко жму Вашу руку и прошу не забывать всею душою безгранично Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

471. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
26 июня 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Теперь уже Вы, вероятно, отдохнули от Вашего путешествия, освоились с новой обстановкой, и письмо мое не будет несвоевременно. Если я не ошибаюсь, Вы уже очень давно не жили на своей сокольницкой даче и должны испытывать удовольствие некоторой новизны, водворившись в ней. От всей души желаю, чтобы Вам хорошо жилось этим летом, и главнейшим образом, чтобы столь беспокоящее Вас положение бедненькой Людмилы Карловны изменилось к лучшему.

Я всё это время безвыездно жил в деревне и только третьего [дня] ездил в Москву по делу. Работал я, по обыкновению, очень напряженно и усиленно, ибо я связан сроком, и нужно употребить все усилия, чтобы представить партитуру во-время. (Пишу я, как

уже, кажется, прежде сообщал Вам, балет «Спящая красавица»). Благодаря прохладной погоде, стоявшей во всё продолжение июня, полному спокойствию и симпатичности сюжета работа не особенно утомляла меня, и вообще всё это последнее время я чувствовал себя очень хорошо.

Я уже писал Вам, вероятно, милый друг мой, что у нас в консерватории совершился coup d'état*. С. И. Танеев, давно уже просивший отпустить его, теперь решительно отказался быть директором, и мы просили Сафонова принять на себя его наследие. Есть полнейшее основание надеяться, что Сафонов будет хорошим директором. Это очень деятельный, энергический человек, если не ошибаюсь, немножко честолюбивый (следовательно, находящий удовольствие не только в исполнении своего дела, но и в относительной высоте своего положения) и при всём этом прекрасный музыкант. Танеев остался в консерватории в качестве преподавателя в контрапунктном классе. Инспектором назначена и уже утверждена в должности вдова покойного Губерта. Что касается Альбрехта, то он покидает свою должность, и дирекция назначила ему очень большую пенсию. Словом, всё было бы благополучно, если бы только финансы нашего Муз[ыкального] общ[ества] были хороши. К сожалению, они в самом критическом положении, и величайших трудов стоит сводить концы с концами.

Я решился, милый друг мой, на зиму искать квартиры в Москве. Во-первых, потому что мне очень много будет там дела по устройству наших концертов, а во-вторых, потому что, живя в деревне зимой, я в последние годы стал сильно страдать головными болями. Проработав целый день, вечером необходимо какое-нибудь рассеяние, например небольшая партия в винт или хотя прогулка, чего в деревне сделать невозможно. И вот я решил попробовать основаться в Москве. Ищу небольшой отдельный дом или флигель в окраинах города и, вероятно, в конце сентября перееду. В Фроловском же всё равно я остаться не могу, ибо моя хозяйка вырубила все леса, и вся прелесть моей здешней обстановки исчезла.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Убедительно прошу Вас не стесняться ответами на мои письма и писать лишь, когда полнейший досуг.

---

* Государственный переворот

Проводы П. И. Чайковского в Тифлисе

С фотографии 1889 г.

472. Мекк — Чайковскому

Сокольники,
1/13 июля 1889 г.

Милый, несравненный друг мой! Получила Ваше дорогое письмо, за которое бесконечно благодарю Вас, но сама с трудом нашла одну минуту, чтобы написать Вам несколько слов, потому что я так завалена делами и, в особенности, так удручена горем и неприятностями, что мне трудно собрать мысли, чтобы говорить о чем-нибудь кроме того, о чем поет сердце, чем занята голова с утра до вечера.

Ваше доброе желание по поводу моей Милочки не сбывается, напротив: ее супруг довел меня до того, что я заявила ему, что больше видеть его у себя не желаю. А это вызвалось тем, что он на другой день моего приезда в Москву объявил мне, что он сейчас подает прошение в опеку, чтобы *его* назначили попечителем Милочки, так как ей исполнилось семнадцать лет. На это я ответила ему, что он может делать, что хочет, но что при этом я считаю наши отношения покончеными и видеть его больше никогда не желаю. Он так обрадовался (потому что ведь он этого и добивался, чтобы Милочку совершенно отдалить от меня), что подхватил бедную Милочку в двенадцать часов ночи, в ее положении—на последнем месяце беременности, и повез ее за двадцать верст от Сокольников на дачу, где они живут. Печальнее всего то, что все эти подлости делаются ведь *из-за денег*; ему хочется захватить Милочкино состояние в руки и распоряжаться им бесконтрольно. Для этого и надо было отдалить Милочку от меня и всего ее семейства и сделать себя ее попечителем. Теперь он и достиг этого, потому что закон не дает мне никакой возможности отстранить это злоупотребление, и вот теперь я сдаю опеку и имею еще удовольствие получать от этого князя грубые требования. Он ведь груб как животное, лжет на каждом слове невообразимо, нахален, как самый неотесанный лакей,— словом, у этого человека нет *никаких* нравственных понятий, а природные инстинкты отвратительные. Теперь он увозит Милочку в деревню к своей матери, и я лишаюсь возможности даже знать что-нибудь об ней. Вы спросите, быть может, как же Милочка сама относится ко всему этому,— то она такой ребенок, который сама ничего не может разобрать. Он совершенно завладел ею, и она верит всему, что он говорит. Хочу при этом случае, дорогой мой, сообщить Вам, какое состояние получила моя дочь, которое он захватил теперь в руки, и прошу Вас делать это как можно более известным, потому что я уверена, что этот лжец будет рассказывать, что он получил пятьдесят тысяч за моею дочерью,— то вот Вам истина: он получил за Милочкою *полмиллиона* рублей. Как видите, было из-за чего так добиваться *попечительства* над этим состоянием, тем более, что у него уже готовы *расходы* для этого капитала: он покупает имение, строит каменный дом, устраивает охоту в имении и т. д., и при всех своих мотовствах он имеет похвальную привычку уверять всех, что это *Милочка* требует всего этого; конечно, это ложь, как всё, что он говорит. Но тяжело невыносимо и говорить об этом.

Будьте здоровы, мой добрый, дорогой мой друг. Я предполагаю пробыть в России до 1 сентября и в это время съезжу к дочери Саше в Гурьево. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

473. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
12 июля 1889 г.

Дорогой, милый друг мой!

Последнее письмо Ваше я уже давно получил и не отвечал сейчас же, ибо очень боюсь, что своими частыми письмами вызываю Вас как бы на ответ, а ведь я знаю, что теперь Вам вовсе не до переписки со мной. Очень возмутительно и печально то, что Вы пишете о кн. Шир[инском-Шихматове]! Я живо сочувствую Вам и понимаю, как Вы должны страдать от столь наглого и оскорбительного поведения человека, связанного с Вами столь близкими узами. Рассчитываю, что только время загладит понемногу Ваши раны. Дай бог, чтобы это время пришло скорее.

Я продолжаю жить тихой, трудовой, деревенской жизнью. Балет понемногу подвигается, но именно понемногу: теперь я уже не могу с такой быстротой работать, как в прежнее время. Хорошо то, что я доволен своим новым трудом и сознаю, что в отношении упадка изобретательной способности, который в более или менее близком будущем мне угрожает, я еще пока могу быть спокойным. Чувствую, что период упадка еще не наступил, и это сознание, что я еще не инвалид, радует меня. Знаю, что годы мои вовсе не такие, когда способности тупеют, но я в молодости слишком много работал, слишком часто переутомлял себя, и можно бояться, что упадок наступит ранее, чем бы следовало.

Я ездил в Москву, чтобы посмотреть квартиру, которую мне приискали, и уже нанял ее. Она находится в очень тихом переулке, в конце Остоженки, и очень мне нравится, главное тем, что это крошечный дом-особняк, где ни сверху, ни снизу меня не будут отравлять игрой на фортепиано и где вообще мне будет покойно, насколько в городе может быть покойно. Я Вам писал, кажется, что решился, против желания, попытаться жить в городе, потому что в последнее время у меня по вечерам, если нет возможности развлечь себя от усталости после работы, являются несноснейшие головные боли, а живя зимой в деревне, кроме чтения, я не нахожу способов развлечь себя. Чтение же, в конце концов, есть тоже головная работа и причиняет эти ужасные нервные головные боли. Теперь здесь гостят у меня брат Модест и Ларош, и вечера я провожу очень приятно.

Если вел. князь Конст[антин] Никол[аевич] скончается, а это очень вероятно, мне придется в качестве директора Муз[ыкального] общества ехать в Петербург. Едва ли можно ожидать, что он выздоровеет.

Будьте здоровы, бесценный, милый друг! Дай Вам бог всякого благополучия.

Ваш П. Чайковский.

Если Юлия Карл[овна] и Влад[ислав] Альберт[ович] с Вами, попрошу передать им мои приветствия.

474. Мекк — Чайковскому

[М...]
21 июля 1889 г.
Сокольники.

Милый, дорогой друг мой! На днях я вернулась из Гурьева от дочери Саши и нашла в Сокольниках Ваше письмо, за которое премного благодарю Вас. В Гурьеве я бы вполне отдохнула душой, если бы и туда не доходили до меня тяжелые, тревожные известия о моей бедной Милочке. Она родила дочь, и вообразите, дорогой мой, что на третий или на четвертый день по ее разрешении на даче у них делается пожар, правда в службах, не на самой даче, но такой сильный, что у них сгорели две лошади и все экипажи, словом, все жадерные строения. Милочку ночью перенесли на чужую дачу, но, к счастью, она нисколько не испугалась, но зато я за нее помучилась, пока убедилась, что этот случай не принес ей вреда. Неизвестно, от чего произошел пожар, но, конечно, от неосторожности прислуги, потому что Шихматов набрал такой штат, при котором только пожары и воровства и возможны.

Теперь Милочка встала, но я ее, конечно, не вижу, потому что не поеду туда, где могу встретить ее супруга. Уеду я из Москвы около 15 августа, потому что пребывание здесь только окончательно расстраивает мне здоровье, к тому же холодно, неприветно. Поехать я хочу сперва на Рейн, потом в Belair, а на зиму в Ниццу. Сашок с женою вернулись из Лондона и вчера были у меня с своим мальчиком; он такой молодец, Христос с ним,— я ужасно боюсь хвалить, тем более, что у меня глаз очень дурной, должно быть потому, что черный. Коля и Анна приехали в Копылов в новый дом, оба довольны и Кисечка тоже; такой п р е л е с т н ы й ребенок эта девочка.

Теперь в Гурьеве я немножко слушала музыку: играли в четыре руки Саша и Владислав Альбертович, и я наслаждалась звуками и а ш е й симфонии, Второго и Третьего квартета, Славянского марша и других Ваших сочинений, которые меня приводят в такой восторг, что я перестаю сознавать всё окружающее и уношусь в какой-то другой мир, который мне создают эти чудные звуки. Слушая их, я каждый раз благословляю Вас за то благо, которое Вы доставляете человечеству, за то облегчение, какое Вы доставляете в жизни — в моей, например, так бедной радостями и счастьем. Я только и нахожу счастье и восторги в музыке, только при ней я становлюсь полным человеком, становлюсь сама собою. Очень мне хотелось бы узнать Ваш новый балет, милый друг мой; быть может, он выйдет для фортепиано?

Милый, дорогой друг мой, я хочу просить Вас, не позволите ли Вы мне послать Вам теперь чек на бюджетную сумму от 1 октября 1889 г. до 1 июля 1890 г., т. е. четыре тысячи пятьсот рублей, потом,

что мне было бы удобнее перейти к сроку посылки Вам на 1 июля, так как в это время я обыкновенно бываю в России. Если Вы мне это разрешите, дорогой мой, то нельзя ли Вам, будучи в Москве, зайти ко мне в дом и получить от Ивана Васильева пакет с чеком, который я бы ему и дала для передачи Вам? Если так можно, то не откажите сообщить мне, милый друг мой.

Будьте здоровы, несравненный, дорогой мой. Всегда и везде всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Юля и Владислав Альбертович у меня; от души благодарят Вас за память об них и сами свидетельствуют Вам свое глубочайшее уважение.

475. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
25 июля 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Предложение Ваше выдать мне теперь чек на бюджетную сумму до 1 июля 1890 г. принимаю с глубочайшей благодарностью. Это тем более для меня приятно, что именно в самом непродолжительном времени я должен приняться за устройство своей московской квартиры, и в деньгах буду сильно нуждаться. Да и вообще, я бываю в некотором финансовом кризисе именно всегда в конце лета, и потому Ваше предложение является для меня удивительно кстати! Благодарю Вас, милый, добрый, дорогой друг мой! Итак, если позволите, около 7 или [8?] августа я поеду в Москву и тогда зайду в Ваш дом к Ивану Васильеву. Еще, еще и еще благодарю Вас!

Балет мой появится в печати в ноябре или декабре. Переложение для фортепиано делает Зилоти. Мне кажется, милый друг мой, что музыка этого балета будет одним из лучших моих произведений. Сюжет так поэтичен, так благодарен для музыки, что я сочинением его был очень увлечен и писал с той теплотой и охотой, которые всегда обусловливают достоинства произведения. Инструментовка дается мне, как я, кажется, уже писал Вам, значительно туже, чем в былое время, и работа идет гораздо медленнее, но, быть может, это и хорошо. Многие прежние мои вещи отзываются поспешностью и недостаточною обдуманностью.

Удивительное счастье, что пожарный случай с Людмилой Карловной не отозвался на ее здоровье. Радуюсь за нее и за Вас, милый друг мой!

Думаю, что Вы прекрасно делаете, уезжая из России ранее, чем предполагали. Путешествие, наверное, рассеет и успокоит Вас. Мне очень хочется по окончании моей утомительной работы в конце

августа на несколько дней съездить в Каменку, и тогда я, вероятно, заеду и к Коле в Копылово.

Будьте здоровы, милый, дорогой друг мой! Еще раз приношу Вам бесконечную мою благодарность.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

476. *Чайковский — Мекк*

Москва.
7 августа 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня, приехавши в Москву, я зашел в дом Ваш к Ивану Васильеву и получил от него пакет с четырьмя тысячами пятьсот рублями серебром и с фотографическими снимками Гурьева. Поспешаю уведомить Вас о том и выразить бесконечную мою благодарность. Мне удалось пожать руку Юлии Карловны, и это доставило мне большое удовольствие. Я рад был также увидеть Макса, которого нахожу весьма симпатичным.

Если поспею устроить все дела свои, то завтра утром уеду в деревню доканчивать работу свою. Потрудитесь, дорогой друг, уведомить меня перед Вашим отъездом, куда адресовать Вам письма мои.

Будьте здоровы! Желаю Вам всяческого благополучия и еще раз от глубины души благодарю Вас.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

477. *Мекк — Чайковскому*

[Москва,]
9 августа 1889 г.
Сокольники.

Милый, дорогой друг мой! Простите мне, ради бога, что я не написала Вам седьмого числа, когда Вы были в моем доме, но меня накануне схватил такой сильный желудочный припадок, что я едва только теперь в состоянии взять перо в руки. Простите также, милый друг мой, что я послала Вам не чек, как говорила раньше, а прямо деньгами, но я подумала, что для Вас это удобнее. Я послала Вам также фотографии, работы моей дочери Саши; не правда ли, что для любительской фотографии это очень хорошая работа; она, т. е. Саша, занимается этим делом со страстью, с увлечением. Я просила ее прислать мне несколько снимков, чтобы послать Вам; она отвечала мне, что для нее очень лестно, чтобы ее работа была у Вас. Обратите

знимает, дорогой мой, на имение и дом Макса; не правда ли, очень красиво? Имение это лежит в полутора верстах от Саши, и в прошлом году я его подарила Максу, а дом построен уже на его доходы. Вот и этот последний в январе месяце сделается совершеннолетним (двадцать один год) и получает всё свое состояние в свои руки. Относительно себя я очень рада, что все мои опеки кончились, но их благосостояние становится шатким: всем им более или менее хочется распоряжаться своими капиталами и распоряжаются не совсем удачно. Вот и за Колю у меня сердце болит. Нажил себе очень много долгов, потому что пришлось делать все постройки, а на это всегда приходится тратить целые капиталы, и его состояние очень запуталось от покупки этого имения. Моему сердцу никогда нет покоя.

Какое ужасное лето, какой несвоевременный холод! Я очень боюсь, если и на Рейне будет такая же погода, то всякое удовольствие для меня пропадет. У меня теперь есть три маленькие детеныша от моей любимой собачки Blenette, и они мне доставляют огромное удовольствие.

Теперь до семнадцатого прошу Вас, дорогой мой, адресовать мне в Москву, а позже я уведомлю Вас, куда адресовать. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг. Всею душою неизменно и неограниченно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Юля также очень обрадована тем, что познакомилась с Вами, дорогой друг мой, а Владислав Альбертович два раза был у Вас, но ни разу не застал Вас дома. А великий князь Константин Николаевич, должно быть, выздоровел.

478. Чайковский — Мекк

[Фроловское]
13 августа 1889 г.

Милый, дорогой друг мой!

Радуюсь, что нездоровье Ваше прошло, и от души благодарю за дорогое письмо Ваше. Восхищаясь фотографиями Гурьева, я никак не воображал, что это работа самой графини. Потрудитесь, дорогая моя, выразить ей мою живейшую благодарность! Я догадался, что Хрустлово и недостроенный дом суть принадлежность Макса. Удивительно красиво! Дай бог, чтобы Ваши опасения не оправдались и чтобы и Коля и Макс устроили свои дела вполне благополучно.

Мне очень хочется побывать у Коли, и весьма может случиться, что, окончивши свой труд, я отправлюсь в Каменку и Копылово. А труд этот приходит к концу; через несколько дней я вздохну свободно и буду ощущать необыкновенно сладостное чувство человека, доведшего до конца сложную работу. Когда выйдет переложение для фортепиано, я тотчас же пришлю Вам его, милый друг! Но мне жалко, что Вы не будете зимой в Петербурге и не

услышите моего нового произведения. Я с особенною тщательностью и любовью занимался инструментовкой его и изобрел несколько совершенно новых оркестровых комбинаций, которые, надеюсь, будут очень красивы и интересны.

Весьма жаль, что не удалось повидаться с Вл. Альб. Пахульским. Я его ужасно давно не видал! Брата его в Москве я встречаю, и иногда он посещает меня. Мне нравится его любовь к труду, и я нахожу его весьма не лишенным сочинительского дарования. Он сделал, между прочим, отличное переложение квартета Аренского. Если Вы незнакомы с этим симпатичным сочинением, то не сыграют ли Вам его автор переложения с кем-нибудь из Ваших? Квартет этот очень нравится мне; особенно Andante и финал.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой! Желаю Вам от глубины души всяческого благополучия. Всем Вашим потрудитесь передать мои приветствия.

Беспредельно преданный и благодарный Вам

П. Чайковский.

Вел. кн. Константин Николаевич, как пишут мне, может выздороветь физически, но не умственно.

479. Чайковский — Мекк

Москва,
2 октября 1889 г.
Пречистенка, Троицкий переулок, № 6.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера я наконец приехал в свою московскую резиденцию после шестинедельного странствования. Позвольте вкратце рассказать Вам всё, что со мной в это время произошло. 20 августа я выехал из деревни в Каменку, перед тем окончив полную партитуру балета. В Каменке нашел всех здоровыми, и особенно приятно было видеть, как поправилась сестра. Увы, не надолго! Теперь, как Вы уже, вероятно, знаете, милый друг, у нее новое горе: болезнь Мити, столь ужасная, что даже страшно выговорить!

Провел я в Каменке более недели и оттуда через Киев отправился на один день к Коле и Анне. Копылово мне ужасно понравилось! Новый дом в высшей степени симпатичен; из верхнего этажа, где Коля показал мне комнату, предназначаемую, между прочим, и для меня, открывается прелестный вид совершенно деревенского характера. Молочное хозяйство и всё, что ради него устроено, очень заинтересовало меня. О своих хозяйственных не-

удачах Коля мне ничего не говорил, имел вид весьма веселый, из чего я заключил, что, может быть, кризис, через который он прошел, уже миновал. По крайней мере, так хотелось мне думать, и дай бог, чтобы я не ошибался. Кися вполне заслуживает тех восторженных отзывов, которыми изобиловали все рассказы про домашний быт Коли-Анны, а также Ваши письма. Главное, мне было приятно, что она не только не дичилась меня, как прежде, а, напротив, была чрезвычайно ласкова и общительна. Я провел у Коли всего один сутки. Возвратившись от них в Киев, я попал в театр, где шла моя опера, и неожиданно публика сделала мне очень лестную овацию. На другой день я уехал в Москву. Здесь мне предстояли очень сложные дела по Музыкальному обществу, а также репетиции «Евгения Онегина», который был дан 18 сентября в новой, весьма роскошной обстановке. Я дирижировал на этом представлении. Успех был большой, и исполнением я остался весьма доволен. На следующий день уехал в Петербург, где прожил десять дней и чрезвычайно утомился. Мне пришлось присутствовать на нескольких репетициях моего балета, на нескольких заседаниях Комитета, устраивающего юбилейные празднества в честь Рубинштейна, и, кроме всего этого, написать для этих же юбилейных торжеств два сочинения.

Пока я ездил в Петербург, Алексей мой перебрался со всеми моими пожитками в мою московскую квартиру, которая теперь уже вполне устроена. Квартира очень маленькая, даже слишком маленькая в сравнении с моим последним деревенским домом, но очень милая и уютная. Теперь, милый друг мой, мне предстоит готовиться к дирижированию двумя московскими и тремя петербургскими концертами. В особенности меня пугают два юбилейных концерта из Рубинштейновской музыки. Программа будет очень сложная и трудная, и, ввиду исключительности этого торжественного случая, я уже теперь начинаю мучительно волноваться. Примите во внимание, что я начал дирижировать своими сочинениями два с половиной года тому назад; чужими же сочинениями никогда не дирижировал! Поэтому моя задача будет особенно трудная! Вообще, предстоящая зима очень пугает меня, и нужно в самом деле огромный запас здоровья, чтобы выйти целым и невредимым из предстоящих мне испытаний.

Я имел о Вас косвенные сведения, что Вы, слава богу, здоровы. Дай бог Вам, дорогой, милый друг мой, всяческого благополучия!!!

Весь октябрь я проведу в Москве, весь ноябрь — в Петербурге.

Всем Вашим усердно кланяюсь.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

480. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
2/14 октября 1889 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Я решительно не помню, писала ли я Вам уже из Belair или нет еще, а это потому, что по случаю моих именин мне пришлось так много написать писем в ответ на поздравления, что я и перепуталась.

С величайшим удовольствием слушаю я из газет сообщения о Ваших триумфах, милый друг мой. Я радуюсь вдвойне: и тому, что Вы оценены, и тому, что русская публика умеет, наконец, ценить свое. А я здесь, в своем доме, в своем отчуждении от мира наслаждаюсь столько, сколько вся московская публика в совокупности, Вашими произведениями, дорогой мой. Теперь у меня гостит Соня, и вот мне играют в четыре руки Ваши сочинения, и она поет Ваши романсы, а обе они — дуэт из «Евгения Онегина». У Сони чудный голос, только надо бы поучиться, а они теперь живут в деревне и не у кого брать уроки.

Я с удовольствием нахожусь в своем милом Belair, впрочем, м и л о м потому только, что он свой, а то жизнь здесь очень скучна, не то что в Германии, в моем любимом Wiesbaden. Я с большим сожалением оставила его, но ко мне должна была приехать Соня из Парижа, а это подогнало мой отъезд из Висбаден. Погода у нас очень дождливая, хотя и теплая, а из Ниццы мне пишут, что там отличная погода, поэтому я, вероятно, через месяц уеду в Ниццу. У меня теперь несколько больше жизни, а в Wiesbaden мы жили только втроем, так даже страшно. Я не привыкла к такому малому персоналу, а в нынешнем году я не взяла ни доктора, ни музыкантов, потому что прошлогодние истории меня уж очень напугали.

Сейчас, писавши, я вспомнила, что Вы, быть может, уже переехали в Москву, а так как мне неизвестен Ваш московский адрес, то я и посылаю это письмо на имя Юргенсона; надеюсь, что Вы его получите, но всё-таки прошу, дорогой мой, сообщить мне Ваш московский адрес. Мне прошу адресовать теперь в Belair, а о перемене я сообщу в свое время. Вы никогда не беспокойтесь, дорогой мой, о Ваших письмах ко мне; у меня это так организовано, что я всегда получаю письма из всех мест, куда они адресованы. Будьте здоровы, несравненный мой. Крепко жму Вам руку. Всею душою безгранично Вас любящая.

Н. ф.-Мекк.

481. Чайковский — Мекк

Москва,
12 октября 1889 г.
Пречистенка, Трощкий переулок, № 6.

Милый, дорогой друг мой!

Вскоре после отправки к Вам моего последнего письма я получил Ваше, и премного был им обрадован. Хоть Вы ничего не пишете о том, как себя чувствуете, но я по почерку писем Ваших всегда угадываю (по крайней мере, мне так кажется), в каком Вы были состоянии здоровья, когда их писали. Судя по почерку по-

...еднего письма, Вы отлично себя чувствуете, и дай бог, чтобы я ни ...т волос не ошибался. Радуюсь, что Вы у *себя дома*, и завидую Вам. По натуре своей я *очень, очень, очень* склонен к тому образу жизни, который Вы ведете, т. е., подобно Вам, я пламенно желал бы жить в постоянном отчуждении от людской толпы, но обстоятельства жизни моей в последние годы складываются так, что я живу поневоле совершенно не так, как бы хотелось. Дело в том, что я считаю *долгом*, пока есть силы, бороться с своей судьбой, не удаляться от людей, а действовать у них на виду, пока им этого хочется. Так например, по отношению к Московскому музыкальному обществу я не могу не сознавать, что приношу ему большую пользу, продолжая быть директором и принимая в делах его деятельное участие. И бог знает, когда еще настанет время, что без вреда для столь близкого мне учреждения можно будет ...ться!

Теперь у нас идет деятельное приготовление к концертам Муз[ыкального] общ[ества]. Мы переживаем очень интересный кризис. Московская публика охладела к Муз[ыкальному] общ[еству], число членов с каждым годом уменьшается, и нужно было обставить наши ближайшие концерты так, чтобы публика снова хлынула к нам. Этого мы надеемся добиться, и если предстоящий сезон будет удачным, то я буду очень гордиться, ибо я выдумал и посредством личных и письменных сношений устроил, что в каждом концерте появится авторитетный капельмейстер. Это придаст этим концертам исключительный, небывалый интерес [1].

Но, боже мой, сколько мне придется работать и действовать в течение этой зимы!!! Прихожу в ужас при одной мысли о всем, что мне предстоит и здесь и в Петербурге. Зато, тотчас по окончании сезона, отправлюсь для отдыха в Италию, которую не видел с 1882 г.

Дай бог Вам здоровья и всяческого благополучия, дорогой друг мой!!!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Юлии Карловне и Влад[иславу] Альбертовичу усердно кла...юсь.

182. Мекк — Чайковскому

Château Belair,
14/26 ноября 1889 г.

Милый, дорогой друг мой! Давно я не писала Вам, но мое здо...ье сделалось так дурно, головные боли почти совсем не оставляют ..., так что я часто по целым неделям собираюсь написать несколько

слов о каком-нибудь деле, и всё-таки кончается тем, что продиктую Юле то, что надо написать, а сама не в состоянии. Теперь, к тому же, я нахожусь в самом тяжелом, удрученном нравственном состоянии; на этот раз дело идет о моем материальном состоянии. Вы знаете, дорогой мой, что мои средства и все состояния моих детей заключаются в акциях Рязанской железной дороги, и в настоящее время министр так притесняет все частные и, в особенности, хорошие железные дороги, что нам предстоит лишиться своих доходов, т. е., иными словами, лишиться своего состояния. Для меня это тем более ужасно, что мои дети лишатся средств к жизни, и я не могу придти им на помощь, потому что сама их теряю, а в мои лета и с моим разбитым здоровьем слишком тяжело терпеть лишения. И вот это ожидание, это положение удручает меня до изнеможения, до отчаяния. Я пробыла три недели в Ницце и купила там дачу, потому что еще не знала всей безнадежности своего положения, и теперь эта покупка, хотя она и была для меня предметом желаний нескольких лет, теперь не радует меня, напротив, путает при предстоящей перемене моего материального положения.

Погода здесь отвратительная; я простудилась, не выхожу из комнаты, и мне очень трудно жить без воздуха. На днях у меня был сын Володя, но на этот раз даже и его приезд не доставил мне того утешения и успокоения, какое доставляет всегда, потому что от него я узнала в точности всё то, что с нами творят. В Ницце вместе со мною была и Соня; она очень часто бывала для меня, и это было для меня большое наслаждение. Теперь она уехала в Рим.

Простите, дорогой мой, что больше не пишу, голова совсем готова разболеться и на душе невыносимо тяжело. Простите еще раз за эти стоны и жалобы; я понимаю, что их очень скучно слушать, но, знаете, по поговорке: у кого что болит, тот о том и говорит. Будьте здоровы, мой милый, несравненный друг, и простите мне, что так редко пишу. Всею душою безгранично любящая Ва[illegible]

Н. ф.-Мекк.

483. Чайковский — Мекк

Москва,
22 ноября 1889 г.
Пречистенка, Троицкий пер[illegible]. № [illegible].

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня приехал из Петербурга и нашел здесь письмо В[illegible]. Очень печально, что Вас беспокоит теперь страх за будущее Ваше и детей Ваших, и ужасно жаль Вас, милый друг мой! Но я все-таки надеюсь, что дела Ваши устроятся и что Вы слишком напуганы известиями о враждебности министра к Вашей железной дороге. Дай бог, чтобы Вы вскоре получили успокоительные известия! Я понимаю, как Вам будет тяжело, если средства Ваши уменьшатся; Вам нужно богатство, и Вы едва ли не единственный из всех мне известных богачей, которые заслуживают его, которым оно необходимо, для которых судьба была бы слишком несправ-

редлива, если бы она отняла его от Вас. Буду ласкать себя надеждой, что дела Ваши не так безнадежны, как Вам в эту минуту кажется.

Вернулся я сегодня совершенно измученный трудами, которые пришлось нести по поводу юбилейных концертов Рубинштейна. Были минуты, когда у меня появлялся такой упадок сил, что я боялся за жизнь свою. Особенно трудно было разучить «Вавилонское столпотворение» с хором в семьсот человек. На концерте, бывшем третьего дня, после первой части концерта, перед тем, как надо было начинать эту ораторию, у меня сделался сильный нервный припадок, и несколько минут опасались, что я не в состоянии буду выйти на эстраду, но, может быть, благодаря именно этому кризису я мог сделать над собой усилие, и все кончилось вполне благополучно. Не буду Вам описывать подробности празднеств, ибо Вы, вероятно, уже знаете их из газет. Скажу только, что с 1 ноября по 19-е я был настоящим мучеником и теперь удивляюсь, что мог всё это перенести [1]. Нередко мучился я мыслью, что давно не писал Вам, но писать при двух ежедневных репетициях было невозможно. Как Вы добры, что не только не упрекаете меня за долгое молчание, но еще как бы извиняетесь, что сами давно не писали! Но, дорогая моя, несмотря на всё мое утомление, я всё-таки здоров, тогда как Вы дурно себя чувствуете, и я не знаю, как и благодарить Вас за дорогие письма Ваши!!!

Завтра начинаются репетиции концерта, коим я дирижирую 25-го числа (Девятая симфония), потом опять еду в Петербург на репетиции балета. Бог знает, когда удастся наконец настоящим образом отдохнуть.

Ради бога, не падайте духом, милый, добрый, дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

Всем Вашим шлю сердечные приветствия.

484. Чайковский — Мекк

1889 г. декабря 17—26. Петербург — Москва.

С.-Петербург,
17/29 декабря 1889 г.

Милый, дорогой, бесценный друг мой!

Где Вы теперь? Я слышал, что Belair Вы продали; но уехали ли Вы оттуда и куда именно,—не знаю, а между тем ощущаю такую неодолимую потребность хоть немножко побеседовать с Вами, что начинаю писать, имея в виду отослать письмо, когда в Москве узнаю Ваш адрес от Алекс[андра] Карловича.

Вот уже почти три недели, что я б е з д е л ь н и ч а ю в Петербурге. Говорю: б е з д е л ь н и ч а ю, ибо своим настоящим делом я считаю сочинение, а все мои труды по части дирижирования в концертах, присутствования на репетициях балета и т. п.—чем-то случайным, бесцельным и только сокращающим мой век, ибо нужно страшное усилие воли, чтобы переносить тот образ жизни, который я должен вести в Петербурге. Самое ужасное то, что я никогда [не] бываю один и вечно нахожусь в каком-то ненормально возбужденном состоянии. Это, несомненно, должно отозваться рано или поздно на моем здоровье. В эти три недели я постоянно должен был посещать репетиции моего балета, да, кроме того, пришлось дирижировать на русском симфоническом концерте. Балет, ради которого я так долго остаюсь здесь, со дня на день откладывается вследствие неготовых декораций, и теперь он назначен на 3 января. Между тем, у меня в Москве много всякого дела, и я решился завтра, восемнадцатого, туда уехать; к первому же представлению балета снова вернусь сюда. 6 января я должен опять быть в Москве, чтобы дирижировать в концерте Муз[ыкального] общ[ества], где А. Г. Рубинштейн будет играть свое новое сочинение, а четырнадцатого снова в Петербурге дирижирую в общедоступном концерте. Но затем!.. больше сил нет, я решил отказаться от всех заграничных и здешних приглашений и уехать месяца на четыре куда-нибудь в Италию отдыхать и работать над будущей моей оперой. Я выбрал сюжет для этой оперы «П и к о в у ю Д а м у» Пушкина. Случилось это таким образом. Брат мой М о д е с т три года тому назад приступил к сочинению либретто на сюжет «П и к о в о й Д а м ы» по просьбе некоего Кленовского и в течение этих трех лет понемногу сделал очень удачное либретто.

Москва, 26 декабря.

Продолжаю письмо уже более чем через неделю, в Москве.

Итак, либретто для «П и к о в о й Д а м ы» сделано братом Модестом для г. К л е н о в с к о г о, но сей последний от сочинения музыки в конце концов отказался, почему-то не сладив с своей задачей. Между тем, директор театров В с е в о л о ж с к и й увлекся мыслью, чтобы я написал на этот самый сюжет оперу, и притом непременно к будущему сезону. Он высказал мне это желание, и так как это совпало с моим решением бежать из России в январе и заняться сочинением, то я согласился. Было назначено заседание целой импровизированной комиссии, на которой брат мой прочел свое либретто, причем были обстоятельно обсуждены сценические достоинства и недостатки его произведения, проектированы декорации, даже распределены роли и т. д. Таким образом, уже теперь в дирекции

театрах идут толки о постановке оперы, ни одной ноты из которой еще не написано. Мне очень хочется работать, и, если удастся хорошо устроиться где-нибудь в уютном уголке за границей, мне кажется, что я свою задачу осилю и к маю представлю в дирекцию клавираусцуг, а летом буду инструментовать его[1].

Здесь я провел неделю в очень скверном состоянии духа. У меня была большая неприятность, и виновница этой неприятности — женщина, которую в переписке с Вами я называл когда-то известной особой[2]. Не буду об этом распространяться, ибо слишком отвратительно всё это. Уезжать, поскорее уезжать куда-нибудь! Никого не видеть, ничего не знать, работать, работать и работать... вот чего теперь жаждет душа моя. Между тем, до отъезда еще много предстоит хлопот и утомлений! Послезавтра еду в Петербург, где, наконец, балет мой пойдет 3 января; 5-го буду опять здесь, 7-го опять еду в Петербург и 15-го уезжаю за границу.

Был я на днях на концерте Г. Пахульского. Он играл очень мило, музыкально и безупречно в техническом отношении. Но ему недостает силы и огня.

Посылал Алексея к Ивану Васильеву, чтобы узнать Ваш адрес. Слышал я, что Вы Belair продали, но не знал, где теперь находитесь.

Желаю Вам, дорогой, милый друг, всякого благополучия и спокойствия на наступающий год. Будьте, главное, здоровы!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Юлии Карловне и Влад[иславу] Альберт[овичу] шлю приветствия и пожелания.

1890 год

485. Чайковский — Мекк

Рим,
27 марта/8 апреля 1890 г.
Hôtel Molaro, via Gregoriana.

Милый, дорогой друг мой!

Третьего дня я неожиданно решился переехать в Рим. В последнее время во Флоренции мне постоянно нездоровилось, и, может быть, от этого обстоятельства я стал очень враждебно относиться к городу, ни в чем не повинному. Как бы то ни было, но мне захотелось переменить местопребывание, и вот я приехал в Рим, где когда-то живал зимой при самых приятных условиях. Не знаю, что будет дальше, а покамест чувствую себя здесь гораздо лучше, и состояние духа отличное. Рим очень изменился в те восемь лет, которые прошли с тех пор, как я был здесь в последний раз. Иные улицы совсем неузнаваемы и из узких, грязных сделались широкими и роскошными, например Via del Tritone. Corso тоже очень изменился, особенно та часть, которая ближе к Piazza Venezia. Конечно, все эти перемены к лучшему, но мне жаль немножко прежнего тихого и скромного Рима.

Дорогая моя! Хоть я положил себе не писать Вам вовсе до тех пор, пока Вы совсем не оправитесь от выдержанной болезни, но уж очень захотелось по-старому непосредственно к Вам отнестись [1].

Скажу Вам, что я во Флоренции сочинил целую большую оперу и уже сделал полное фортепианное переложение. Завтра принимаюсь за инструментовку и надеюсь около трех недель посвятить первому действию. Затем я намерен отправиться в Петербург, где обещал родным своим отпраздновать в среде их свое 50-летие. 25 апреля мне минет полвека. После же сего семейного празднества отправлюсь опять в с. Фроловское, которое я снова нанял, навсегда отказавшись от попыток прочно устраиваться в каком-

нибудь городе. Опыт нынешней зимы доказал мне мою решительную неспособность жить в большом городе иначе, как временным гостем. Не могу без ужаса вспомнить, как мне тяжело было в Москве. Кстати, сообщу Вам, что я вышел из дирекции Муз[ыкального] общ[ества]. Причина следующая. По случаю смерти Фитценгагена вакансия профессора виолончели сделалась вакантна. Я высказал желание, чтобы ее занял Брандуков, наш ученик, прекрасный виолончелист, притом давно мечтавший навсегда пристроиться к консерватории. Нынешний директор Сафонов решительно отказался взять Брандукова (по причинам, мне непонятным) и объявил, что ничто не заставит его согласиться на мое предложение. После этого мне пришлось выбрать одно из двух: или 1) ехать в Москву, удалить Сафонова и самому сделаться директором, ибо больше некому занять теперь эту должность, или же, 2) весьма дорожа Сафоновым как очень деятельным и умным директором, самому выйти из состава дирекции и дать ему полную свободу действий. Я выбрал последнее, ибо, во-первых, не могу по характеру быть хорошим директором; во-вторых, потому, что, в таком случае, пришлось бы вовсе отказаться от композиторства и посвятить всё свое время консерватории. Такую жертву я принести не могу, ибо для меня бросить сочинение равносильно лишению себя жизни. Очень жаль, что Сафонов оказался так упорен в своем враждебном отношении к Брандукову. Это большая несправедливость. Но, в конце концов, хороший, энергический, полный амбиции директор консерватории важнее для ее благополучия, чем тот или другой виолончельный профессор. Сафонов же, не будучи мне лично особенно симпатичен, выказал превосходнейшие административные способности и большое рвение к делу. Простите, что я так распространился об этом деле, но оно в последнее время очень занимало и немного мучило меня, и я не мог умолчать о нем в беседе с Вами[2].

Кажется, теперь, слава богу, у Коли и Анны всё благополучно. Зато маленькая Рина причиняла много беспокойства моей сестре. Теперь, впрочем, и она, кажется, совсем поправляется.

Будьте здоровы, милый, дорогой друг. Убедительно прошу Вас не отвечать мне. Передайте, пожалуйста, мой сердечный поклон Юлии Карловне и Владиславу Альбертовичу, которого прошу попрежнему сообщать сведения о Вас.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

Если Влад[ислав] Альберт[ович] захочет мне теперь послать на просмотр что-нибудь свое, то буду очень рад.

486. Мекк — Чайковскому

Ницца,
30 марта/11 апреля 1890 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Как давно я Вам не писала и как тяжело это для меня, но я выдержала такую ужасную болезнь, от которой едва ли оправлюсь когда-нибудь вполне, и теперь, хотя самая болезнь покончилась, но она произвела огромное разрушение на мое здоровье вообще. Но бог с нею, с этою болезнью. Нет худа без добра; благодаря ей я имела [возможность] много видеть своих детей. В январе меня навестили Саша (Беннигсен), Володя и Макс, и эта радость свидания была для меня спасительна, она послужила началом к моему выздоровлению. Теперь недавно у меня были опять Володя, жена его Лиза, мой дорогой любимец Воличка и брат Александр, а вчера приехала Соня Р[имская]-Корсакова с детьми и мужем, но она не для того, чтобы навестить меня, а, бедненькая, сама привезла больного ребенка, который выдержал сперва скарлатину, потом плеврит и теперь всё болен и болен бог знает чем. А Риночка очень тяжело больна; у нее воспаление в легких, и вчера вместе с Вашим письмом я получила от Саши Беннигсен письмо, где она говорит, что Риночка очень плоха. Николай Александрович вместе с моим Володею уехал в Петербург, вследствие известий о болезни ребенка.

Как я Вам благодарна, дорогой мой, за сообщение мне о Ваших занятиях и о консерваторских случаях. Меня интересует всё, что делается в московском музыкальном мире, а тем более все то, что имеет какое-нибудь отношение к Вам. Мне очень интересно знать, кого же Сафонов выбрал в профессора виолончели.

Я вижу, дорогой мой, что Вы так же, как и я, не выносите долгого пребывания на одном месте, да это и вообще свойство нервных людей, и я очень рада, что Вы переменили место, это всегда бывает очень освежительно. Дай господи, чтобы это Вашему здоровью принесло облегчение. Я не могу себе и представить, чтобы Вам могло быть пятьдесят лет, да и музыка Ваша это отвергает: сколько жизни, сколько чувств в этой чудной музыке! Пошли Вам господи, по крайней мере, еще столько же лет жизни, сколько прошло, на облегчение жизни и наслаждение всему человечеству.

Саша прислала мне из Петербурга Ваш большой портрет, очень хорошо удавшийся, и я так рада его иметь.

Как интересна будет Ваша опера на такой необыкновенный сюжет. Какой я несчастный человек, что не могу их [Ваши произведения] слышать; по крайней мере, я очень рада, что скоро, вероятно, выйдет клавираусцуг. Саша прислала мне Ваши танцы из нового балета, и я надеюсь, что теперь Соня мне будет их играть.

Вот уж и не могу больше писать. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг. Крепко жму Вам руку и прошу не забывать безгранично любящую Вас

Надежду фон-Мекк.

P. S. Юля и Влад[ислав] Альб[ертович] свидетельствуют Вам их глубочайшее почтение. Влад[ислав] Альб[ертович] в восторге от переписки с Вами. Нервы его всё очень плохи; это уже нецельный человек.

187. Чайковский — Мекк

Рим,
7/19 апреля 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше, полученное мной на прошлой неделе, доставило мне огромное удовольствие. Так давно я не видел почерка пера Вашего! И скажу Вам, что, судя по этому почерку, Вы, кажется, напрасно придаете такое большое значение следам, оставленным болезнью. Я убежден, что они совсем изгладятся, благодаря, в особенности, весне и, несмотря на страшную нервность, необычайно крепкой натуре Вашей. Вам кажется странным, что при Ваших постоянных недугах я называю натуру Вашу крепкой. Но под крепостью я разумею выносливость, и с этой точки зрения иной здоровенный гигант, в сущности, слабее тщедушного, вечно страдающего от нервов, но богатого жизненными силами человека. Прошлым летом и осенью, помню, что на Вас убийственно влияло несовсем удачное замужество Людмилы Карловны. Надеюсь, что теперь обстоятельства несколько изменились, и, во всяком случае, пламенно желаю этого. Я думаю, что если у детей Ваших всё будет благополучно, то Вы проживете еще долгие и счастливые годы. Итак, желательнее всего для Вашего благополучия, чтобы в семье Вашей всё шло хорошо, тогда и Вы будете совершенно здоровы и я получу еще от Вас много веселых и свидетельствующих о бодром настроении писем.

Мне приходится, милый друг, бежать из Рима. Я не мог сохранить здесь своего инкогнито. Несколько русских уже посетило меня с целью пригласить на обеды, вечера и т. п. Я безусловно отклонил всякие приглашения, но свобода моя уже отравлена и удовольствие пребывать в симпатичном Риме кончилось. От этих русских здешний первый музыкант Sgambati узнал, что я в Риме, и по этому случаю поставил в программу своего квартетного утра мой Первый квартет и явился с просьбой быть на этом утре. Невозможно было оказаться неблагодарным, и вот в рабочий час мне пришлось сидеть в душной зале, слушать посредственное исполнение своего квартета и быть предметом всеобщего внимания и любопытства публики, узнавшей от Сгамбати о моем присутствии и, повидимому, очень заинтересовавшейся внешностью русского сочинителя музыки. Это было в высшей степени несносно. Очевидно, если я останусь, то подобные неприятности возобновятся. Я решил, как только кончу инструментовку первого действия оперы, а это случится дня через три, уехать через Венецию и Вену в Россию. Таким образом, теперь я доживаю последние дни

в Риме. Я успел инструментовать здесь всё первое действие и, вероятно, еще успею сделать часть второго.

Вы не можете себе представить, дорогой друг мой, как я стремлюсь в Россию и с каким ощущением блаженства думаю о моем деревенском уединении. Между тем, в России теперь что-то неладное творится. Приближенные государя втягивают его в реакцию, и это очень печально. Дух реакции доходит до того, что сочинения гр. Л. Толстого преследуются как какие-то революционные прокламации. Молодежь бунтует, и атмосфера русская, в сущности, очень мрачная. Но всё это не мешает мне любить ее какою-то страстною любовью. Удивляюсь, как я мог прежде подолгу проживать за границей, находя в этом удалении от родины даже какое-то удовольствие.

Известно ли Вам, милый друг, что Ник. Ал. Римский-Корсаков женится на племяннице Таси? Свадьба их (на которую родители Таси сначала взирали недоброжелательно) состоится очень скоро, и сейчас же после свадьбы доктора посылают их в горы, ради здоровья Рины, которое внушает опасения. Меня очень трогает то, что Н. А. Р[имский]-Корсаков, находя нужным для детей жениться, избрал сестру покойной; но трогательно и со стороны Таси, что она идет за него из любви к детям сестры.

Будьте здоровы, ради бога! Покорнейше прошу Вас, дорогая моя, адресовать мне письма уже в Россию, в г. Клин.

Ваш П. Чайковский.

Усердно кланяюсь Юлии Карловне. Владислава Альбертовича прошу адресовать мне письма и рукописи в Россию.

488. Мекк — Чайковскому

Эмс,
28 мая/9 июня 1890 г.

Мой дорогой, несравненный друг! Хотя Вы находите, что и вполне справедливо, что у меня необыкновенно крепкий организм, но нет такого крепкого здоровья, которого бы жизнь и обстоятельства не разбивали впрах, так и мое здоровье и силы теперь разбиты до того, что в настоящее время я должна была отказаться от своей заветной мечты заехать к моему Коле в Копылов, exавши теперь в Россию. По нескольким опытам маленьких поездок по железной дороге, сделанным здесь, я окончательно убедилась, что мне не по силам предпринять такое негладкое путешествие, что я могу только переезжать по главным европейским линиям, где спальные и всякие вагоны устроены, поезда корреспондируют, перемены вагонов очень мало и в местах, вполне удобных, и т. д. В Эмсе мне очень не повезло: здесь такой холод и ветер, что пребывание тут принесло мне только вред. В этот четверг, тридцать

[illegible] и переезжаю в свой любимый Висбаден; надеюсь, что там будет лучше.

Про свою жизнь в настоящее время вообще не могу сказать ничего хорошего и потому не буду про нее совсем говорить.

Дорогой мой, у меня есть к Вам просьба. Срок высылки бюджетной суммы есть 1 июля, а я приеду в Москву только 1 июля, то не позволите ли Вы мне несколько дней опоздать высылкою чека, так как мне не хочется поручать этого кому-либо в Москве и предпочитаю сделать сама, когда вернусь. Не откажите, мой милый друг, сообщить мне Ваш ответ, и [если] моя просьба доставит Вам хотя малейшее денежное затруднение, то усердно прошу нисколько не стесняться сказать мне этого, и я тогда прикажу из Москвы сейчас выслать. Адрес мой в Висбаден будет: Hôtel Bristol.

Вчера от меня уехала Соня с детьми, а муж ее уехал уже раньше, потому что он выбран предводителем дворянства и не мог дольше оставаться. Поздравляю Вас, дорогой мой, с новым браком в Вашем семействе; конечно, Тася отлично сделала, что вышла за Николая Александровича; дал бы бог только, чтобы у нее своих детей не было. С отъездом Сони я теперь опять без музыки, но, впрочем, в Висбадене отличный оркестр и такой же отличный капельмейстер.

Не откажите написать мне, дорогой мой, кого взяли профессором виолончели в Московскую консерваторию. Всею душою безгранично Вас любящая и преданная Вам

Надежда фон-Мекк.

489. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
2 июня 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Поспешаю ответить на письмо Ваше, только что мной полученное. Я был до слез тронут Вашей заботливостью и памятливостью обо мне! Само собою разумеется, дорогая моя, что как Вам угодно и удобно, так пусть и будет! Дай бог, чтобы в Висбадене Вам было хорошо, чтобы путешествие в Россию было Вам не утомительно, и еще я пламенно желаю, чтобы до Вашего приезда удержалась чудная погода, которая теперь стоит у нас. Несмотря на то, что весь лес около с. Фроловского вырублен, я наслаждаюсь здешним чудным воздухом, деревенской тишиной и привольем. Работа моя идет очень успешно. Думаю, что дней через пять или шесть я кончу вполне партитуру оперы и сдам. Тогда я немедленно примусь за сочинение секстета для струнных инструментов, который давно уже собираюсь написать, согласно обещанию, данному Петербургскому квартетному обществу[1]. Затем, в конце лета я мечтаю отправиться в Каменку и на Кавказ. Я вполне понимаю, милый друг мой, что, несмотря на всё желание, Вам утомителен переезд в Москву через Киевскую

губернию. Но, может быть, в конце лета, когда Вы хорошо отдохнете, то, возвращаясь за границу, Вы и найдете возможным побывать у Коли. Я совершенно понимаю Вашу симпатию к Висбадену, который и мне очень нравится. Но я знаю Висбаден прежний, с рулеткой, когда в нем трудно было место найти. Теперь он должен быть гораздо симпатичнее и покойнее. В последний раз я был в Висбадене в 1870 г., когда Н. Г. Рубинштейн страшно проигрывал там в рулетку и одно время дошел до отчаянного положения, из которого я, по мере сил, приезжал выручать его из Содена, где проводил тогда лето. Это было перед самой войной, и я помню, что Висбаден мне ужасно нравился, что там была чудесная, хотя и скромно обставленная опера, великолепный оркестр и всяческие удовольствия. Теперь физиономия города, вследствие запрещения рулетки, должна была очень измениться. Стало не так оживленно, но зато, вероятно, покойнее.

Вы спрашиваете, милый друг, кто назначен на профессорскую виолончельную вакансию в Московской консерватории. Приглашен некий г. фон-Глен, которого я вовсе не знаю. Он много лет жил в Харькове. В одном я уверен безусловно,—это, что он бесконечно менее Брандукова имеет прав на занятие места Фитценгагена. Сафонов проявил в деле этом какое-то непостижимое упрямство. В глубине души я думаю, что он согласен со мной, но упорствовал с дипломатическою целью — выжить меня из дирекции, чтобы быть полным хозяином всего дела. Сафонов — человек с огромной амбицией и по натуре деспот. Может быть, это и хорошо для дела.

Будьте здоровы, дорогой, милый друг мой!

От всей души желаю Вам хорошо пожить в Висбадене и столь же хорошо совершить переезд в Россию.

Безгранично преданный

П. Чайковский.

Я писал в Эмс Влад[иславу] Альбертовичу, poste restante.

490. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
30 июня 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я был очень тронут и обрадован вчерашней телеграммой Вашей. Из нее я узнал, что Вы благополучно совершили переезд свой в Россию. Глубоко благодарен за внимание Ваше. Если лето будет

далее всё такое же небывало теплое и чудесное, как было до сих пор, то я уверен, что пребывание в отечестве на этот раз будет Вам приятнее, чем в прошлые года. Такой благодати, какую бог посылает нам в это лето, я не запомню. Цветы у меня расцвели в невероятном изобилии. Я всё более и более пристращаюсь к цветоводству и утешаюсь мыслью, что если наступит старческое ослабление моих музыкальных производительных способностей, то я всецело предамся цветоводству. А покамест пожаловаться нельзя. Едва успел я окончить вполне оперу, как принялся за новое сочинение, которое вчерне у меня уже окончено. Питаю надежду, что Вы будете довольны, дорогая моя, что я написал секстет для струнных инструментов. Знаю Ваше пристрастие к камерной музыке и радуюсь, что Вы секстет мой, наверное, услышите, ибо для этого Вам не нужно будет ехать в концерт, а весьма нетрудно устроить хорошее исполнение секстета у Вас дома. Я надеюсь также, что эта вещь понравится Вам; я писал ее с величайшим увлечением и удовольствием, без малейшего напряжения. На днях я напишу Владиславу Альбертовичу подробное письмо о его партитурах.

Ради бога, будьте здоровы, милый друг мой, и пусть в этом году лето продолжится такое же чудное, как было до сих пор. Думаю, что Вы на даче в Сокольниках, но письмо адресую в Москву.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

491. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
1 июля 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сейчас приехал Иван Васильев и передал мне письмо со вложенными в него 6 000 рублей серебром бюджетной суммы. Бесконечно глубоко благодарен Вам, дорогая моя!

Вчера я послал Вам письмо, адресовал его в Москву, но, вероятно, оно последовало за Вами в Плещеево.

Так как Иван Васильев решительно не хочет остаться ночевать, то я принужден ограничиться сими несколькими строками. Более обстоятельно буду писать в Плещеево.

Еще раз благодарю Вас, бесценный, милый друг!

Ваш П. Чайковский.

Дай бог, чтобы Вы хорошо отдохнули от дороги в Плещееве.

492. Чайковский — Мекк

С. Фроловское,
2 июля 1890 г.

Милый, дорогой друг!

Вчера в одно время с Иваном Васильевым ко мне неожиданно приехал композитор Аренский, и это обстоятельство помешало мне толково написать Вам. Боюсь, что я недостаточно выразил Вам благодарность свою. Да, впрочем, никакими словами я и не могу выразить, сколько я благодарен Вам, сколько тронут Вашим вниманием и заботливостью! Согласно Вашему совету, я отдам две трети бюджетной суммы на текущий счет в банк. Я твердо решился с этого года откладывать часть получаемых мной денег и со временем приобресть всё-таки какую-нибудь недвижимость, весьма может быть, Фроловское, которое мне, несмотря на вырубку леса, очень нравится.

Аренский приезжал ко мне по следующему поводу. Он написал оперу, которую Юргенсон издал. Оперу эту я внимательно проиграл, она мне очень понравилась, и я ощутил потребность высказать Аренскому мое мнение об этом действительно чудесном сочинении[1]. Письмо мое так тронуло его, что он сейчас же поехал лично благодарить меня. Аренский — человек с огромным талантом, но какой-то странный, не установившийся, болезненно нервный и слегка, как будто, не вполне нормальный в умственном отношении. Я боюсь за его будущность.

Милый друг мой, я теперь совершенно поглощен своим секстетом, доволен собой и чувствую, что он всем, питающим к моей музыке сочувствие, будет очень нравиться. Инструментовка будет готова к августу. Быть может, его еще в Плещееве Вам сыграют?

Владиславу Альбертовичу я буду писать завтра. Еще раз благодарю Вас, дорогой друг мой!

Ваш П. Чайковский.

493. Мекк — Чайковскому

Плещеево,
22 июля 1890 г.

Милый, дорогой друг мой! Хочу написать Вам несколько слов, чтобы очень, очень поблагодарить Вас за присланный мне экземпляр «Пиковой Дамы». У меня теперь в доме такая суета и такой хаос, что я не успела еще ознакомиться с Вашим новым творением, но как только моя жизнь войдет в свою нормальную колею, я поспешу наслаждаться Вашим произведением; еще раз много, много благодарю Вас, мой несравненный друг. Ваш новый секстет меня очень интересует, и

[illegible], чтобы мне удалось послушать его у себя в доме. Вы знаете, дорогой мой, какая я дикарка, а для такой музыки, как Ваша, нельзя ведь пригласить учеников, а надо профессоров, а я не в силах буду сделать им тот прием, которого они, конечно, будут ожидать. Поэтому я и бываю очень счастлива, когда Ваши сочинения аранжируются для фортепиано.

Мое здоровье все плохо, и теперь у меня в доме так шумно, что мне это производит головную боль, и нервы натянуты до крайнего утомления. У меня в гостях Саша (дочь) со всем семейством, Лида с мужем и двумя сыновьями. Сашок (сын) с женою и сыном и мой брат Александр, так что все уголки в доме заняты. Вы знаете, дорогой мой, что Лида прелестно поет; у нее кроме чудесного серебряного голоса есть и полное уменье владеть им и отличная школа, и вчера я наслаждалась целый вечер ее пением, так что опять-таки голова разболелась. Я никаким удовольствием не могу пользоваться безнаказанно.

Погода у нас холодная.

Не знаю, милый друг, известно ли Вам, что недавно у меня умер брат Владимир. Я не могу сказать, чтобы его смерть была большим горем для меня, потому что его жизнь была очень ненормальная и невеселая для него самого. Он очень пил, и хотя год назад женился, но всё-таки не бросил своей пагубной страсти, и она его и убила.

Вчера у меня был мой сын Володя,— это всегда большая радость для меня видеть его, но его здоровье меня очень беспокоит. У него так расстроились нервы от этой напряженной борьбы с министром и многих неприятностей в жизни, что я со страхом и тоскою смотрю в будущее. Будьте здоровы, мой милый, драгоценный друг, и не забывайте всею душою безгранично любящую Вас

Н. фон-Мекк.

494. Чайковский — Мекк

С.-Петербург,
30 июля 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Пишу Вам из Петербурга, где нахожусь уже пятые сутки. Цель моего приезда главнейшим образом была та, что певец Фигнер, который будет исполнять главную роль в моей новой опере, не может петь некоторые нумера в том тоне, как они написаны. Мне пришлось транспонировать их, а эта транспонировка потребовала и новой оркестровки, а так как партитура переписывается теперь на голоса в здешней театральной нотной конторе, то пришлось и работать в Петербурге. Сегодня я эту работу кончу и завтра уезжаю к себе в Фроловское, где останусь, вероятно, всего один день. Затем мне нужно будет съездить в Рязанскую губернию к директору театров Всеволожскому для обсуждения некоторых подробностей постановки «Пиковой Дамы», а потом я надолго покину север. В начале сентября мне хочется быть в Тифлисе, а по пути туда хочу побывать у братьев — Николая, Модеста,

П. И. Чайковский

С фотографии 1890 г.

Ипполита, а также в Копылово и в Каменке. Мне предстоит целая Одиссея. Путешествие это очень радует меня и будет отличным для меня отдохновением после многомесячной работы.

Мне очень бы хотелось, дорогой друг, чтобы Вы услышали мой секстет, коим я очень горжусь, ибо я превозмог большую трудность и притом, если не ошибаюсь, удачно. Владислав Альбертович говорил мне, что за границей, в Германии или в Ницце, он устроит для Вас исполнение моего секстета так, чтобы Вы не ощутили никакого беспокойства. Секстет я привез сюда; когда партии будут переписаны, он будет отдан старшине Петербургского общества камерной музыки (секстет написан по просьбе старшины Общества и посвящен ему). Во время моего пребывания на юге его будут изучать; по приезде я прослушаю, быть может кое-что исправлю, и уже после того пришлю Вам совершенно выправленные голоса, по которым Владисл[ав] Альберт[ович] с пятью товарищами и сыграет его Вам. Милый друг, Вы не слышали моих последних опер, балета, многих симфонических сочинений; по крайней мере, мне хочется, чтобы Вы познакомились с этим секстетом, и почему-то мне кажется, что он понравится Вам.

Какой Петербург, сравнительно с Москвой, музыкальный город! Я каждый день слушаю здесь музыку. Был в Аквариуме, в Петергофе, в Павловске; везде слушал хорошее исполнение хорошей музыки; сегодня буду в Озерках и опять буду наслаждаться слушанием музыки. В Москве ничего подобного нет. Кроме этого летнего преимущества северной столицы, меня еще восхищает в Петербурге чистота воздуха, сравнительно с Москвой, которая летом совершенно необитаема вследствие ужасных гигиенических и санитарных условий. И какая красавица эта Нева!

Живу я здесь у моего приятеля Ларош а, который нанимает квартиру на Адмиралтейской набережной. Перед окнами Нева и вид бесподобный. Вообще, бывши прежде отчаянным москвичом, я с некоторых пор всё более и более начинаю любить Петербург и изменять Москве. Пренебрежение и обидное невнимание ко мне дирекции Московского музыкального общества нанесло, кажется, последний удар моей приверженности к Москве.

Очень меня интересуют виды, снятые Владиславом Альбертовичем во Фроловском[1]. Я надеюсь повидаться с ним при проезде на юг, в Подольске, о чем буду сейчас письменно просить его.

Будьте здоровы, милый, дорогой, бесценный друг мой!

Следующее письмо мое буду писать Вам уже в начале моей Одиссеи.

Будьте счастливы и покойны!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

495. Чайковский — Мекк

Kharkolf,
4 Septembre 1890 г.*

Милый, дорогой друг мой!

Пишу к Вам из Харькова, где нахожусь по пути на Кавказ. Я мечтал ехать через Одессу пароходом на Батум, но меня так напугали приближающимся осенним равноденствием, во время коего Черное море всегда бушует, что я решился ехать сухим путем. Будь я один, я бы не побоялся моря и бури, ибо морской болезни совершенно не подвержен, а погибели нисколько не опасаюсь, но я не один. Со мной едет воспитанник моего брата Модеста, Конради, боящийся морской болезни. К тому же, сухим путем я попаду в Тифлис скорее, а меня ждут там с нетерпением.

Приехал я сюда почти прямо из Копылова, где провел около двух суток самым приятным образом. Копылово в этот раз понравилось мне столько же, сколько и в прошлом году, но постройки, само собой разумеется, очень подвинулись с тех пор, как я там не был. Комната, назначаемая мне на случай моих посещений, в прошлом году была еще только в виде намека,— теперь же я уже жил в ней. Она чрезвычайно симпатична, удобна и приятна, и я дал себе слово непременно погостить у Коли и Анны подольше будущим летом. Хозяин и хозяйка совершенно здоровы. Кирочка очень выросла и развилась, но несовсем была здорова. Мы с ней очень подружились. Весьма благосклонно отнесся ко мне также Марк Николаевич, чудесный, роскошный ребенок, с большим белокурым чубом на голове. Вообще копыловские жители оставляют по себе самое приятное воспоминание. Семейное счастье их полное. Я уверен, дорогой друг, что и Вы вынесете из посещения Копылова отрадное впечатление. Вас ожидают там с лихорадочным нетерпением и трепещут при мысли, что погода будет дурная и что вследствие того Вам будет у них скучно. Впрочем, о Копылове распространяться не буду, так как Коля, вероятно, будет у Вас, когда придет это письмо.

О пребывании в Каменке скажу, что вынес оттуда довольно печальные впечатления. Все там очень постарели, во всём дышит какая-то меланхолическая нотка, о прежнем веселом житье-бытье и помину нет. Старушка Александра Ивановна всё еще держится на ногах, но хилеет весьма заметно. Сестра моя очень беспокоит меня. Припадки, случающиеся теперь с ней, как объяснил мне каменский врач, очень дурного свойства. Они имеют что-то род-

* Письмо написано на бланке гостиницы с отпечатанным в дате городом.

ственное с эпилепсией и, как предполагает он, суть следствие морфина и всяких других наркотиков, без которых она не обходится. Скажу Вам (прося Вас оставить это между нами), что к морфину прибавился теперь алкоголь. Сестра прибегает к этому новому для нее яду в постоянно увеличивающейся пропорции. Бог один знает, чем это всё кончится!!!

Всё это время я предаюсь безусловному отдыху и чувствую себя превосходно, но уже начинаю немного терзаться сознанием своей праздности и, вероятно, в Тифлисе чем-нибудь займусь.

Мы очень много говорили с Анной и Колей про Вас. Между прочим, Коля рассказывал мне, как Вам отяготительна бывает корреспонденция. Я давно уж знаю, что вследствие частых головных болей Вам трудно писать письма; между тем, Вы так добры, так бесконечно внимательны, что почти на каждое письмо мое отвечаете. Мысль, что из-за меня Вы утруждаете и расстраиваете себя, для меня невыносима. Умоляю Вас, добрый, милый друг, никогда не стесняться ответами на мои письма. Как ни радуюсь я, получая Ваши письма, но предпочитаю, чтобы Вы никогда ради меня не утруждали и не расстраивали себя. Известия же о Вас, я надеюсь, не откажет сообщать мне от времени до времени Владислав Альбертович. Ему и Юлии Карловне посылаю искреннейшие мои приветствия. Вам, дорогая моя, желаю всякого благополучия и, главное, здоровья.

Адрес мой: г. Тифлис, Анатолию Ильичу Чайковскому, для передачи П. И. Ч.

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

496. Мекк — Чайковскому

[Москва,
13/25 сентября 1890 г.
Сокольники.

Милый, дорогой друг мой! Я очень рада, что Вы наконец в Тифлисе, на этом чудном Кавказе, к которому всегда стремятся мои мечты, но никак не могу попасть сама. Но в нынешнем году в России такое замечательное лето, что и здесь очень тепло, и я очень рада, что осталась еще в Сокольниках, а не переехала в грязную и вредную Москву. А в Копылов я опять не попала, и мне ужасно грустно, что меня точно какой-то рок не пускает туда, но дела мои сложились так, что я должна была отложить свой выезд из России на неопределенное время, а ведь чем дальше, тем холоднее, а чем холоднее, тем более для меня рискованно ехать в такое место, где, конечно, захочется быть как можно, как можно больше en dehors*, чтобы осмотреть вс

* вне дома

Колино хозяйство. И вот, я теперь сижу здесь, жду возвращения моего бедного Володи из Крыма и не знаю, когда поеду на запад. Я говорю б е д н о г о Володи, потому что я, кажется, Вам писала, дорогой мой, что его здоровье совсем расстроилось, нервы в ужасном состоянии, да и весь организм совсем расшатался. Для меня это ужасное несчастье, потому что Володя был всегда моим усердным и самым полезным помощником в делах, а теперь я должна даже остерегаться говорить с ним об делах, потому что доктора предписывают ему полный покой. Коля здесь; его приезд доставляет мне всегда большую радость, но его дела также приводят меня в отчаяние: он совершенно запутался на своем имении. Я думаю, Вы помните, дорогой мой, как я н е желала, чтобы он покупал имение, я находила это и слишком преждевременным и слишком крупным расходом для его средств. Но, к несчастью, Лев Васильевич ему советовал купить и даже нашел для него Копылов, а так как это согласовалось с ребяческим желанием самого Коли, то он и послушался его, заплатил за имение сто пятьдесят тысяч рублей, в котором все постройки разрушались; конечно, их было необходимо возобновить, да и всё надо было завести — и скот и орудия и т. д. Ну, вот как начал строиться и устраивать имение, так и остальное состояние ушло, и такое прекрасное состояние, какое он получил из моих рук, теперь улетучилось, и мне больно, тяжело невыносимо. Я не могу обвинять в этом Колю, потому что он был очень молод и совершенно неопытен, но я удивляюсь, что Лев Васильевич так мало заботился о благосостоянии своей собственной дочери, что мог толкнуть юного и неопытного мальчика на такой скользкий путь, как возня с имением. Ну, теперь они никогда не имеют свободных денег и долгов платить нечем, а они еще увеличиваются. Боже мой, боже мой, как это всё ужасно! Кладешь всю свою жизнь, все способности на то, чтобы доставить своим детям обеспеченную, хорошую жизнь, достигаешь этого, но для того, чтобы очень скоро увидеть, что всё здание, воздвигнутое тобою с таким трудом и старанием, разрушено, как картонный домик. Как это жестоко, как безжалостно!

Сашок на своем мясном экспорте также потерял уже половину состояния и теперь рискует потерять остальное. Весь расчет выгоды дела был основан на ц е н е за мясо и на низком курсе русского рубля. Оказалось же, ц е н а на русское мясо так низка в Лондоне, что каждый рейс пароходов обходится в убыток, и русский курс так поднялся, как и ожидать было нельзя. Вот и тоже разорение, и Вы не можете себе представить, милый друг мой, в каком я угнетенном, госкливом состоянии.

Милочку я видела, но там также ничего не поправилось: состояние продолжает уменьшаться, князь попрежнему сумасшествует, неистовствует, а она любит без ума и, как ребенок, ничего не понимает, подписывает всё, что он ей подкладывает, и не видит, что идет к гибели. Поправить я нигде ничего не могу и боюсь только, чтобы самой не сойти с ума от постоянной тревоги и постоянно ноющего сердца. Но простите, дорогой мой, что я докучаю Вам своими жалобами; никому не весело их слушать. Будьте здоровы, дорогой, несравненный друг мой, отдохните хорошенько и не забывайте безгранично любящую Вас

Надежду ф.-Мекк.

P. S. Адрес [illegible] покорно прошу в Москву.

497. Чайковский — Мекк

Тифлис,
22 сентября 1890 г.

Милый, дорогой друг мой!

Известие, сообщаемое Вами в только что полученном письме Вашем, глубоко опечалило меня, но не за себя, а за Вас.

Это совсем не пустая фраза. Конечно, я бы солгал, если бы сказал, что такое радикальное сокращение моего бюджета вовсе не отразится на моем материальном благосостоянии. Но отразится оно в гораздо меньшей степени, нежели Вы, вероятно, думаете. Дело в том, что в последние годы мои доходы сильно увеличились, и нет причины сомневаться, что они будут постоянно увеличиваться в быстрой прогрессии. Таким образом, если из бесконечного числа беспокоящих Вас обстоятельств Вы уделяете частичку и мне, — то, ради бога, прошу Вас быть уверенной, что я не испытал даже самого ничтожного, мимолетного огорчения при мысли о постигшем меня материальном лишении. Верьте, что всё это безусловная правда; рисоваться и сочинять фразы я не мастер. Итак, не в том дело, что я несколько времени буду сокращать свои расходы. Дело в том, что Вам с Вашими привычками, с Вашим широким масштабом образа жизни предстоит терпеть лишения! Это ужасно обидно и досадно; я чувствую потребность на кого-то сваливать вину во всем случившемся (ибо, конечно, уж не Вы сами виноваты в этом) и между тем не знаю, кто истинный виновник. Впрочем, гнев этот бесполезен и бесцелен, да я и не считаю себя вправе пытаться проникнуть в сферу чисто семейных дел Ваших. Лучше попрошу Владислава Альбертовича написать мне при случае, как Вы намерены устроиться, где будете жить, в какой мере должны подвергать себя лишениям. Не могу высказать Вам, до чего мне жаль и страшно за Вас. Не могу вообразить Вас без богатства!...

Последние слова Вашего письма немножко обидели меня, но думаю, что Вы не серьезно можете допустить то, что̀ Вы пишете. Неужели Вы считаете меня способным помнить о Вас только, пока я пользовался Вашими деньгами! Неужели я могу, хоть на единый миг забыть то, что̀ Вы для меня сделали и сколько я Вам обязан? Скажу без всякого преувеличения, что Вы спасли меня и что я наверное сошел бы с ума и погиб бы, если бы Вы не пришли ко мне на помощь и не поддержали Вашей дружбой, участием и материальной помощью (тогда она была якорем моего спасения) совершенно угасавшую энергию и стремление идти вверх по своему пути! Нет, дорогой друг мой, будьте уверены, что я это буду помнить до последнего издыхания и благословлять Вас.

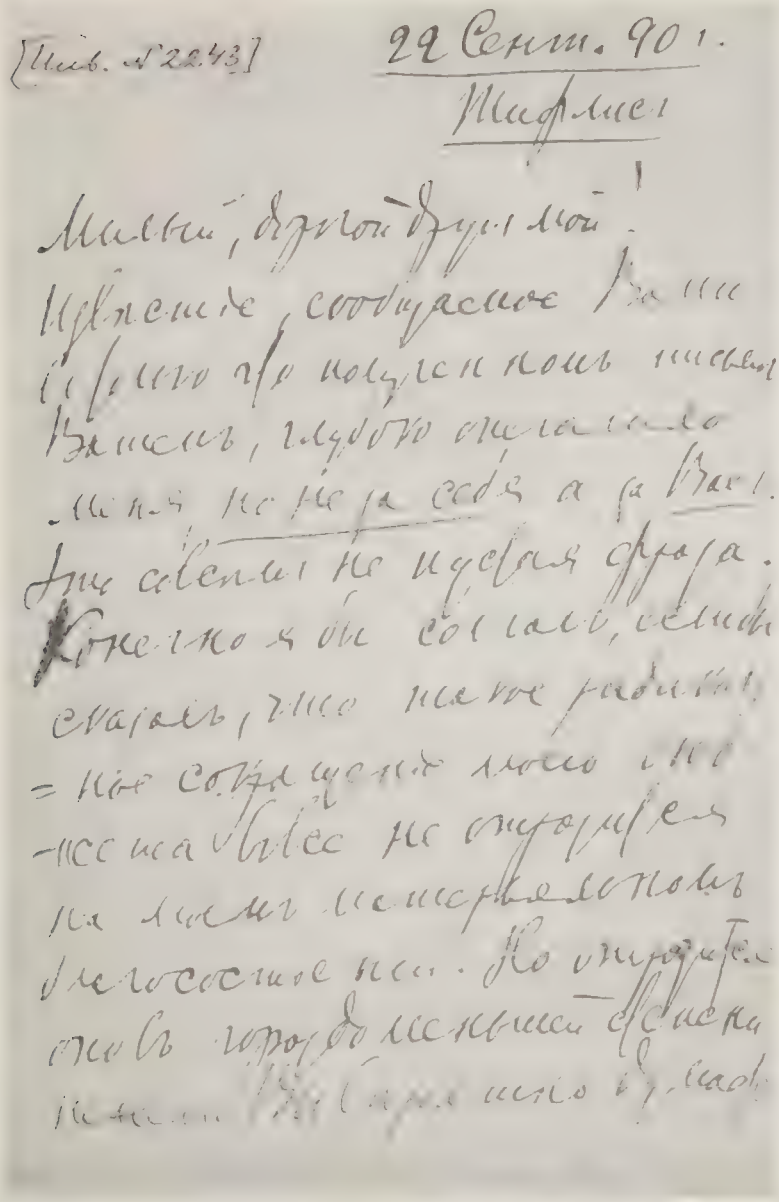
Я рад, что именно теперь, когда уже Вы не можете делиться со мной Вашими средствами, я могу во всей силе высказать мою безграничную, горячую, совершенно не поддающуюся словесному выражению благодарность. Вы, вероятно, и сами не подозреваете всю неизмеримость благодеяния Вашего! Иначе Вам бы не пришло в голову, что теперь, когда Вы стали бедны, я буду вспоминать о Вас и н о г д а!!!! Без всякого преувеличения я могу сказать, что Я Вас не забывал и не забуду никогда и ни на единую минуту, ибо мысль моя, когда я думаю о себе, всегда и неизбежно наталкивается на Вас.

Горячо целую Ваши руки и прошу раз навсегда знать, что никто больше меня не сочувствует и не разделяет всех Ваших горестей.

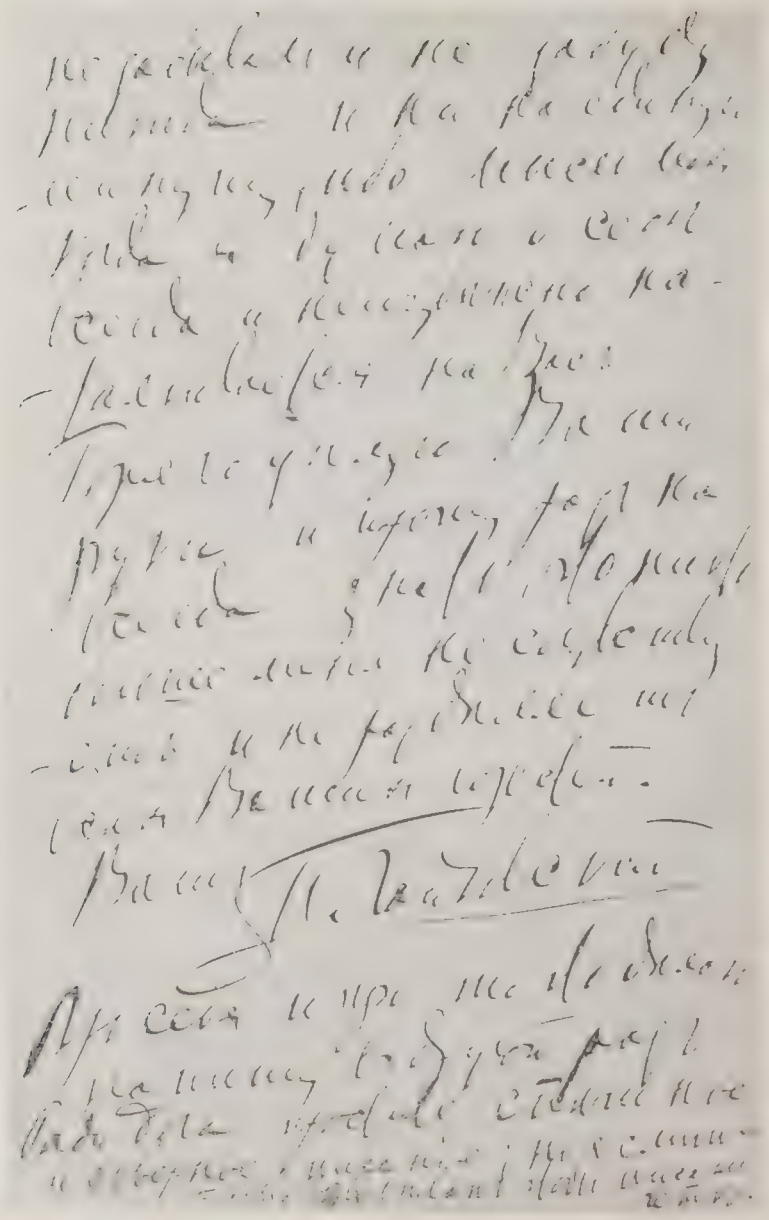
Ваш П. Чайковский.

Про себя и про то, что делаю, напишу в другой раз. Ради бога, простите спешное и скверное писание; но я слишком взволнован, чтобы писать четко.

ПРИМЕЧАНИЯ



Последнее письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк от 22 сентября (4 октября) 1890 г. (первая страница)



Последнее письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк
от 22 сентября (4 октября) 1890 г. (последняя страница)

Переписка Чайковского и фон-Мекк оборвалась. Прекратилась без явных поводов к тому, без прощальных слов, упреков и объяснений.

Нет последнего письма Мекк, на которое ответил последним письмом Чайковский*. Из его письма только известно, что она уведомила его о своем финансовом крахе, о прекращении субсидии. За несколько дней до того, в предпоследнем письме от 13 сентября, Мекк сообщила, как обычно, новый адрес для переписки, а тут обронила фразу, которую по письму Чайковского от 22 сентября можно восстановить примерно в таком виде: «Не забывайте и вспоминайте иногда». Эти слова сразу же, без дополнительных разъяснений понял Чайковский как заявление о прекращении личных и денежных отношений, хотя в письме к ней об этой догадке прямо не сказал. Отношения тем самым были поставлены в прямую зависимость от меценатства — и это оскорбило Чайковского.

Несколько дней спустя после письма Мекк Чайковский писал Юргенсону: «Сообщу тебе весьма для меня неприятную вещь. У меня отныне шестью тысячами в год будет меньше. На днях я получил от Н. Ф. фон-Мекк письмо, в коем она сообщает, что к крайнему своему прискорбию, вследствие запутанности дел и разорения почти полного, принуждена прекратить выдачу ежегодной субсидии. Я перенес этот удар философски, но, тем не менее, был неприятно поражен и удивлен. Она так много раз писала, что я обеспечен в отношении получения этой субсидии до последнего моего издыхания, что я в это уверовал и думал, что на сей предмет у нее устроена такая комбинация, что, несмотря ни на какие случайности, я не лишусь своего главного и, как я думал, самого верного дохода. Пришлось разочароваться. Теперь я должен совершенно иначе жить, по другому масштабу, и даже, вероятно, придется искать какого-нибудь занятия в Петербурге, связанного с получением хорошего жалованья. Очень, очень, очень обидно; именно обидно. Отношения мои к Н. Ф. ф.-М. были такие, что я никогда не тяготился ее щедрой подачкой. Теперь я ретроспективно

---

* М. И. Чайковский в Ж. Ч., т. III, стр. 394 датирует последнее письмо Мекк 13 сентября 1890 г. Это не верно. Письмо от 13 сентября полностью сохранилось и печатается здесь. Последнее письмо, не сохранившееся, написано позже; Чайковский «только что получил» его 22 сентября.

...ющусь; оскорблено мое самолюбие; обманута моя уверенность в ее безграничную готовность материально поддерживать меня и приносить ради меня всяческие жертвы. Теперь мне бы хотелось, чтобы она окончательно разорилась,—так, чтобы нуждалась в моей помощи. А то ведь я отлично знаю, что с нашей точки зрения она всё-таки страшно богата. Словом, вышла какая-то банальная, глупая штука, от которой мне стыдно и тошно».

Позднее брату Модесту: «Не знаю, говорил ли тебе в Москве Юргенсон о радикальном сокращении моего бюджета. Может быть, мое письмо к нему не дошло; я именно поручал ему сообщить тебе известие о себе, ибо писать тебе не мог по незнанию адреса. Н. Ф. ф.-М. написала мне, что разорилась и не может более посылать мне свою субсидию. Вот уж чего я никак не ожидал, ибо имел полнейшее основание считать эту субсидию навсегда для меня обеспеченной! Я мало огорчился уменьшением доходов, но... впрочем, о чувствах, возбуждаемых поступком Н. Ф., поговорю устно. Хочу, во всяком случае, попробовать жить менее en grand. Поэтому и квартиру в Петербурге держать не буду, а возьму номер в бывшей Знаменской гостинице».

Ответ Юргенсона: «Несказанно поразила меня весть про Н. Ф. Я наравне с тобой думал, что она всё устроила и наладила, и обеспечила. Я помню то письмо 1881 г. в Париже, которое она писала после твоего отказа от субсидии по случаю плохих ее дел*. Она и тогда утверждала, что твоя доля никоим образом не может пострадать, и т. д. Чорт ее знает, я не знаю, что у них случилось,—действительно ли крах, или умопомрачение, но мне было очень, очень обидно за тебя. Слезы как-то сидят в горле, и хочется реветь, но не могу. Надлежащим образом ничего не могу сообразить».

Ответ Модеста: «Известие о твоем новом материальном положении немало способствовало тому, что я был в меланхолии. Само собой, не шесть тысяч рублей мне жаль (по-моему, эта беда не велика, потому что стоит тебе уничтожить субсидии вроде моей, и ты будешь почти в прежнем положении). Тяжел укол гордости, сделанный тебе».

Письмо слуги Алексея Софронова: «Вы пишете, что Вы обедняли, но, бог даст, помогут театры — пока каждую неделю дают два раза в Петербурге и Москве. Если так будут давать всю зиму, как начался сезон, так это заменило бы Вашу потерю. Но Вы знаете, дорогой мой благодетель, я думаю — не настолько разорилась Н. Ф., насколько она пишет, а я думаю — это дело Вашего поляка Пахульского, так как акции Рязанской дороги стоят гораздо выше прошлого года (395 руб., когда они прошлый год стояли 365). По этому случаю и думаю, что тут главную роль сыграл Пахульский. Он летом всё завидовал Вам, как Вы хорошо живете, когда я с ним ходил с фотографией»**.

Этим исчерпываются письма, непосредственно относящиеся к разрыву. Они ничего не объясняют. От самой Мекк никаких документов не осталось. В дни дружбы с Чайковским она ни с кем не говорила о своем внутреннем отношении к нему, должно быть, осталась молчаливой и после разлуки. Выяснилось вскоре, что финансового краха Мекк не потерпела, а что было временное затруднение, случавшееся часто и прежде. Следовательно, отказ от субсидирования был необосно-

---

* См. в т. II письмо № 339.

** Письма от 28 сентября, 10 октября, 4 октября, 13 октября и 13 октября 1890 г. Местонахождение письма Чайковского к Сафронову неизвестно.

ван. Формального разрыва не было, но по одной лишь фразе Чайковский понял, что наступил конец их отношениям,— и он не ошибся: письмо его осталось без ответа. Опять-таки неопровержимых доказательств не было. Случалось и прежде, что при обострении болезни временно Мекк переставала писать и ее заменял В. А. Пахульский, ее секретарь, муж дочери, исправно информировавший Чайковского. Точно так же было и теперь: его письма не прекратились. В каждом он сообщал новости о жизни семьи, о здоровье Мекк и передавал приветы от нее. Под влиянием материальных неудач, зимой 1889/90 г. Мекк перенесла «разрушительную» (больше нервную) болезнь. В марте она писала об этом Чайковскому, а в конце октября, уже после разрыва, Пахульский уведомил его, что болезнь возобновилась. Он сказал про бронхит и о тяжелом нервном состоянии не упомянул, заметив однако: «Вся жизнь наша крайне тревожная». Были приглашены лучшие врачи. Через неделю Пахульский писал: «Только что Юлия Карловна поручила от Надежды Филаретовны сказать вам, что она чувствует себя очень больной и что состояние моральное ее очень скверно». На другой день: «Надежда Филаретовна приказала передать Вам самый сердечный привет и глубокую благодарность за внимание». Два месяца спустя после этого: «Прошу Вас сердечно извинить мне, что моей оплошностью и неаккуратностию довел Вас до предположения, которое совершенно противоположно тому, что чувствуют к Вам все, кто имеет счастие быть Вам близкими. Надежда Филаретовна, которой я дал читать Ваше письмо, велела передать Вам, «что это невозможная вещь, чтобы она когда-нибудь на Вас сердилась и что отношение ее к Вам неизменно». Виноват во всем я, а относительно меня — обстоятельства жизни, которые суетят меня и постоянно выбивают из седла... Что касается третьего вопроса в Вашем письме, то ответ на него очень прост: все у нас любят Петра Ильича и удивляются и восхищаются величайшим русским композитором. Успех «Пиковой Дамы» радует нас всех бесконечно, и хотя, по нашему мнению, он и есть весьма обыкновенной вещью, потому что это есть только должная дань Вашему гению, но приятно видеть, что публика дорастает до понимания Ваших произведений». Через несколько дней: «Надежде Филаретовне передал Ваш поклон, и она шлет Вам душевное приветствие». Еще позднее: «Надежда Филаретовна шлет Вам горячий привет и поклоны». «Надежда Филаретовна поручила мне передать Вам ее сердечный поклон». «Надежда Филаретовна, слава богу, выходит на воздух и понемножку как будто поправляется» *.

Так продолжалось восемь месяцев, до июня 1891 года. Положение создалось нелепое. У Чайковского не хватило выдержки поддерживать переписку в таком тоне, замалчивать невысказанное, но очевидное. В письме от 6 июня 1891 г. он поставил вопрос ребром. В ответ на несохранившееся письмо Пахульского он писал ему: «Многоуважаемый Владислав Альбертович, получил сейчас ваше письмо. Совершенно верно, что Надежда Филаретовна больна, слаба, нервно расстроена и писать мне попрежнему не может. Да я ни за что на свете и не хотел бы, чтобы она из-за меня страдала. Меня огорчает, смущает и, скажу откровенно, глубоко оскорбляет не то, что она мне не пишет, а то, что она совершенно перестала интересоваться мной. Ведь если бы она хотела, чтобы я попрежнему вел с ней правильную корреспонденцию,

* Письма Пахульского от 28 октября, 3 и 4 ноября 1890 г., 3, 8, 14 января, 27 февраля и 16/28 марта 1891 г. Письма Чайковского к Пахульскому не сохранились.

то разве это не было бы вполне удобоисполнимо, ибо между мной и ей могли бы быть постоянными посредниками вы и Юлия Карловна? Ни разу, однакож, ни вам, ни ей она не поручала просить меня уведомить ее о том, как я живу и что со мной происходит. Я пытался через вас установить правильные письменные сношения с Н. Ф., но каждое ваше письмо было лишь учтивым ответом на мои попытки хотя бы до некоторой степени сохранить тень прошлого. Вам, конечно, известно, что Н. Ф. в сентябре прошлого года уведомила меня, что, будучи разорена, она не может больше оказывать мне свою материальную поддержку. Мой ответ ей, вероятно, также вам известен. Мне хотелось, мне нужно было, чтобы мои отношения с Н. Ф. нисколько не изменились вследствие того, что я перестал получать от нее деньги. К сожалению, это оказалось невозможным вследствие совершенно очевидного охлаждения Н. Ф. ко мне. В результате вышло то, что я перестал писать Н. Ф., прекратил почти всякие с нею сношения после того, как лишился ее денег. Такое положение унижает меня в собственных глазах, делает для меня невыносимым воспоминание о том, что я принимал ее денежные выдачи, постоянно терзает и тяготит меня свыше меры. Осенью в деревне я перечел прежние письма Н. Ф. Ни ее болезнь, ни горести, ни ее материальные затруднения не могли, казалось бы, изменить тех чувств, которые высказывались в этих письмах. Однакож они изменились. Быть может, именно оттого, что я лично никогда не знал Н. Ф., она представлялась мне идеалом человека; я не мог себе представить изменчивости в такой полубогине; мне казалось, что скорее земной шар может рассыпаться в мелкие кусочки, чем Н. Ф. сделается в отношении меня другой. Но последнее случилось, и это перевертывает вверх дном мои воззрения на людей, мою веру в лучших из них; это смущает мое спокойствие, отравляет ту долю счастья, которая уделяется мне судьбой. Конечно, не желая этого, Н. Ф. поступила со мной очень жестоко. Никогда я не чувствовал себя столь приниженным, столь уязвленным в своей гордости, как теперь. И тяжелее всего то, что, ввиду столь сильно расстроенного здоровья Н. Ф., я не могу, боясь огорчить и расстроить ее, высказать ей все то, что меня терзает. Мне невозможно высказаться,— а это одно облегчило бы меня. Но довольно об этом. Быть может, буду раскаиваться в том, что написал всё вышеизложенное,— но я повиновался потребности хоть сколько-нибудь излить накопившуюся в душе горечь. Конечно, ни слова об этом Н. Ф. Если она пожелает узнать, что я делаю, скажите, что я благополучно вернулся из Америки, поселился в Майданове и работаю. Здоров. Не отвечайте мне на это письмо».

Пахульский ответил уклончиво: «Вы не так понимаете Надежду Филаретовну и совершенно ошибаетесь на ее счет. Если при том, что она сама писать не могла, многое изменилось, то главною причиною, повторяю, есть и было состояние ее здоровья, тревога за которое, отодвигала на задний план всё, что не было ее лечением... Благодаря ее состоянию, да и моему тоже, мои отношения к Надежде Филаретовне сильно изменились тоже, и неудивительно при этом, что у нее нет желания делать меня посредником между ею и Вами... Вам нечего высказывать что бы то ни было Надежде Филаретовне, а если бы Вы по-старому написали ей о себе да об ней спросили, то ручаюсь, что она тогда откликнется всей душою, и тогда Вы увидите, как ничуть ее отношение к Вам не переменилось; но не надо ничуть спрашивать, почему она переменилась, потому что этого нет. Не считаю вправе себе оставлять Ваше письмо от 6 июня и прошу усердно позволения

отослать его Вам обратно. Вы очень скоро убедитесь, что я не имел права оставлять его у себя»*.

Письмо только подтвердило, ничего не разъяснив. Сразу же после этого, опять без мотивировки, и с Пахульским переписка прекратилась — оборвалась последняя нить, связывавшая Чайковского с Мекк. Осталась, правда, связь семейная: племянница Чайковского была замужем за сыном Мекк. Однако близкое родство не только не влияло на ход событий, но даже не помогло Чайковскому узнать причины разрыва. Молодые супруги, вероятно, сами ничего не могли понять, Мекк с ними об этом не говорила, а Чайковский по каким-то мотивам не хотел делать их посредниками.

Тем всё и кончилось. Можно делать только предположения о причинах разрыва. Их несколько. Одни объясняют прекращение переписки, т. е. знакомства, тем обстоятельством, что усилившаяся болезнь руки лишила Мекк возможности продолжать переписку, а вести ее через третьих лиц она не хотела. Действительно, Мекк все чаще и чаще жаловалась на боль в руке и число ее писем в последний год резко сократилось, но все же навряд ли справедливо такое объяснение. Мекк, конечно, прямо объявила бы об этом Чайковскому, и разрыв не был бы разрывом, а был бы только прекращением личного общения, отнюдь не сопряженным с отменой материальной поддержки. Мотивы такого разрыва были бы известны Чайковскому и не могли бы оскорбить его. Вот другое предположение. Постепенно в течение последних лет переписка сама собой замирала,—было много искусственного в обязательном обмене писем двух лиц, ничем в жизни не связанных; он должен был прерваться, что и случилось, наконец. Но и это объяснение нельзя счесть правильным. Все дело в том, что произошел н е о ж и д а н н ы й разрыв,—и в оскорбившей Чайковского форме. Остается еще одно объяснение.

Старшие дети Мекк были шокированы установившимися отношениями между их матерью и Чайковским. Проще говоря: им стыдно было за ее восторженность, а может быть, и влюбленность, за ее обожание композитора (в обществе уже толковали о Чайковском и «Мекше»). Кроме того их раздражал сам Чайковский, свободно бравший ее деньги, хотя в последние годы и был вполне обеспеченным. Они стремились прекратить отношения, имевшие налет какой-то скандалезности (так могли преломиться эти отношения в глазах враждебно настроенных родственников). Поэтому возможно, что дети (а может быть, и ее брат) раскрыли Н. Ф. фон-Мекк факты, порочащие личную жизнь Чайковского. В одном из последних писем Мекк сообщала, что ее дочь, Беннигсен, прислала ей большой портрет Чайковского и его ноты, —как будто никаких осложнений и не было. Но в то же время очень странны поспешность Мекк в выплате последней «бюджетной суммы» (без его просьбы и за целый год вперед), а также ее нежелание делать кого-либо посредником при этой уплате. Уже видимо тогда (семья была в сборе) резко был поставлен вопрос об их отношениях.

При этой гипотезе становятся понятными развернувшиеся события: разрыв без объяснений и без формального разрыва, обострившаяся нервная болезнь Мекк, смущенно-любезные письма Пахульского.

Чайковский мог догадываться о такой причине разрыва, и это

---

* Письмо от 13/25 июня 1891 г. из Франции. Возвращенное Пахульским письмо Чайковского от 6 июня в Клинском архиве не сохранилось; приводится по публикации в Ж. Ч., т. III, стр. 398—399.

было самое для него страшное. Всю жизнь боялся он огласки, его преследовала возможность скандала. Сплетен было много. Если они доходили, то нервировали и пугали, но гроза разразилась с неожиданной и страшной силой и без шума, — молчаливым отходом близкого человека.

Идя по пути такой гипотезы, можно представить себе, до какой степени была отравлена жизнь Чайковского после разрыва, до каких пределов доходили его раздражение, а потом ненависть к той, которая в самые трудные дни его жизни помогала ему вернуться к творчеству и была, как он называл ее, добрым его гением, лучшим другом, а теперь так неожиданно оттолкнула его.

Через три года, в день смерти, уже в полузабытьи Чайковский вспоминал Мекк. Он упрекал ее. Передавали со слов М. И. Чайковского, что среди бессвязного бреда последнее слово, которое удалось разобрать, относилось к ней: Проклятая.

К письму № 2

[1] Трио, посвященное «Памяти великого артиста» [Н. Г. Рубинштейна] была начато в декабре 1881 г., закончено 30 января 1882 г. Летом внесены были некоторые исправления (см. в т. II прим. 3 к письму № 426). О первом исполнении см. письмо № 85.

[2] См. в т. II переписки прим. к письму № 356.

[3] На вилле Бончиани во Флоренции Чайковский жил в конце 1878 г. См. т. I переписки.

К письму № 6

[1] В библиотеке Чайковского сохранилось издание труда Тена «Les origines de la France contemporaine»: «L'ancien régime» и «La révolution», tomes I—III, Librairie Hachette, Paris, 1882—1885. Во втором томе до стр. 49 есть много отчеркнутых мест.

К письму № 8

[1] Чайковский не хотел задерживать рукопись из-за переписки копии. Он писал брату Анатолию: «Я теперь стал ужасно прилежен: кончил свое трио, в глубине души доволен им и уже с свойственною мне торопливостью принялся переписывать его. Хочется поскорее кончить, чтобы послать в Россию и узнать, что про него скажут Танеев, Альбрехт и др., мнением коих дорожу». «Трио, которое я теперь переписываю, мне очень нравится. Быть может, потом я изменю ему и буду так же ненавидеть, как большинство всех моих прежних сочинений, но теперь я им горжусь, оно удовлетворяет меня вполне и возвышает в собственном мнении. Ведь я начинал думать, что уже больше никогда ничего не напишу, а для меня жизнь без сочинительских трудов имеет мало прелести» (письма от 17 и 22 января 1882 г.).

К письму № 9

[1] Струнная серенада Чайковского была впервые исполнена в Москве 16 января 1882 г. в экстренном Симфоническом собрании Р. М. О. в пользу фонда для вспомоществования вдовам и сиротам артистов, под управлением Эрдмансдерфера. Серенада имела большой успех.

К письму № 11

[1] За неправильное истолкование [в №№ 20 и 21] напечатанных в «Сельском вестнике» сообщений [о воинской повинности] и заподозривание их официального значения» министр внутренних дел объявил газете «Голос» первое предостережение и запретил розничную продажу. Газета «Порядок» была приостановлена на полтора месяца.

К письму № 13

[1] Очень интересным письмом ответил Чайковский брату на его сообщение: «Сейчас получил твое письмо с подробностями о сватовстве. Я ужасно рад, что ты чувствуешь себя счастливым, и хотя никогда ничего подобного не испытал, но мне кажется, что отлично понимаю всё, через что ты проходишь. Есть известного рода потребность в ласке и уходе, которую может удовлетворить только женщина. На меня находит иногда сумасшедшее желание быть обласканным женской рукой. Иногда я вижу симпатичные женские лица (впрочем, не молодых женщин), к которым так и хочется положить голову на колени и целовать руки их. Впрочем, мне трудно это выразить. Когда ты совершенно успокоишься, т. е. уже после свадьбы, прочти «Анну Каренину», которую я недавно в первый раз прочитал с восторгом, доходящим до фанатизма. То, что ты теперь испытываешь, так превосходно выражено по поводу женитьбы Левина» (письмо от 7/19 февраля 1882 г.).

К письму № 17

[1] А. Мицкевич, «Dziady». См. в т. II переписки стр. 314.

К письму № 19

[1] Здесь и дальше ответ на письмо Мекк от 20? февраля 1882 г. (на несохранившуюся его часть).

[2] Это письмо А. И. Давыдовой к Чайковскому от 14 февраля 1882 г. Чайковский цитирует его со стилистическими искажениями.

К письму № 21

[1] Об этой поездке Чайковского в Италию см. Ж. Ч., т. I, стр. 432 и сл.

К письму № 23

[1] «Bellini. Memorie e lettere». A cura di Francesco Florimo. Firence. G. Barbèra-Editore, 1882. Книга имеется в библиотеке Чайковского в Клину. Об отношении Чайковского к Беллини см. Ж. Ч., т. I, стр. 126—127.

К письму № 24

[1] Чайковский имеет в виду статью С. Васильева (псевд. Флерова) «Письма из Италии»—«Московские ведомости» 1882, № 42 от 17 февраля.

К письму № 36

[1] О работе Чайковского над изданием произведений Бурнашевского см. т. II переписки, по указателю, а также письмо к А. Д. Бурнашевому от 15 апреля 1882 г. в Ж. Ч., т. II, стр. 529.

К письму № 39

[1] См. в т. II переписки письма 1881 г.

К письму № 40

[1] Т. Л. Давыдова была морфинисткой.

[2] Письмо, в котором Чайковский писал о «Мазепе», до адресатки не дошло (см. письмо № 42). Первые наброски оперы (либретто Буренина по Пушкину, с исправлением Чайковского) были сделаны еще летом 1881 г. Новый приступ к работе в середине мая 1882 г., напряженная работа началась с июня. К 15 сентября окончены эскизы и началась инструментовка, оконченная в апреле 1883 г. См. Ж. Ч., т. II, стр. 598—601. О первом представлении см. письмо № 185.

К письму № 41

[1] В Москве была открыта Всероссийская промышленно-художественная выставка. На первом симфоническом концерте на выставке, 18 мая, под управлением А. Рубинштейна, был впервые исполнен Танеевым Второй фортепианный концерт Чайковского. Успех был большой. См. Ж. Ч., т. II, стр. 536.

К письму № 44

[1] К. Ю. Давыдов писал Чайковскому 10 мая 1881 г.: «Милейший Петр Ильич, вместо ответа на твое письмо от 5 мая прилагаю при сем либретто «Полтавы» (составленное Бурениным). Сам я давно благоразумно отказался от мысли писать оперу и рад, что сюжет, которым когда-то увлекался, находится теперь в руках такого гениального художника, как ты».

К письму № 47

[1] Ответ на несохранившееся письмо Мекк. Плещеево — новое имение Мекк близ Подольска, под Москвой.

К письму № 52

[1] 30 июня 1882 г. между станциями Чернь и Бастыево потерпел крушение почтовый поезд; семь вагонов было разбито.

[2] Скобелев умер в гостинице во время кутежа от разрыва сердца.

К письму № 58

[1] «Орлеанская дева» («Panna Orleansca») была поставлена в Праге 16/28 июля 1882 г. Это первая постановка оперы Чайковского на заграничной сцене. Было несколько спектаклей летом и в зимнем се-

ме. Публика и пресса встретили оперу сочувственно, но сдержанно. См. Ж. Ч., т. II, стр. 543.

Из письма Чайковского к Танееву от 26 июля 1882 г.: „Недавно я получил от Юргенсона по телеграфу известие, что в Праге дана «Орлеанская дева» с блестящим успехом. Я, было, страшно возгордился, но, приехавши в Каменку, встретился с лицом, присутствовавшим на втором представлении оперы, и гордость моя значительно поубавилась... Оказывается, что театр, на коем эта «Panna» блистает своей доблестностью, есть не что иное, как летний, балаганоподобный третьестепенный театрик с мизерной обстановкой. Певцы и певицы старые, хоры и оркестр недостаточны, декорации жалкие, но, тем не менее, судя по ее рассказу, по мере сил, приложено много старания, и если мне нечем гордиться, то всё-таки меня немножко трогает и радует эта чешская «Panna»". См. также письмо к Юргенсону в Ж. Ч., т. II, стр. 542.

К письму № 62

[1] Шестой симфонический концерт, состоявшийся 8 августа 1882 г. в зале Промышленно-художественной выставки в Москве, под управлением Альтани, был посвящен творчеству Чайковского. Программа: «Буря», Скрипичный концерт в исполнении Бродского (первый раз в России), увертюра «1812 год» (в первый раз) и романсы. Положительные отзывы были в «Русских ведомостях» № 222 и «Московских ведомостях» № 223, резко отрицательный — в «Современных известиях» № 223. Скрипичный концерт был признан «столь скучным до сногсворности целым, что и разбираться в его подробностях не хочется», увертюра «1812 год» — «шумом из ничего». «Скоро талант стал засыпать, фантазия слабее работать... и вот композитор хватается за соломинку: талант угас, мастерство одно без таланта не оценят, — снизойду до толпы, буду потворствовать ее грубым вкусам».

К письму № 65

[1] Из письма к брату Модесту от 15 августа 1882 г.: «Я наверное когда-нибудь перейду в лучший мир именно от этой неопределенной, адовитой, мучительной, ужасной болезни, которую я неспособен определить, но которая состоит в том, что ни единого дня, ни единого часа я не могу провести в русских столицах без лютых страданий. И чем они неопределеннее, чем менее я могу излить свою беспричинную скорбь, чем менее вправе жаловаться — тем хуже я страдаю... Одно знаю, что как ни мало пленительна Каменка, как ни скверно там подчас, но всё же мечтаю о своем тамошнем уголке как об неизъяснимом счастье. Думаю послезавтра выехать».

[2] В ночь на 14 августа у станции Клин потерпел крушение курьерский поезд.

[3] Подольск — ближайшая станция к Плещееву. Чайковский проезжал ее по дороге в Каменку.

К письму № 72

[1] См. в т. II переписки письма №№ 303 и сл.

[2] В конце августа — начале сентября 1882 г. Чайковский написал шесть фортепианных пьес, составивших ор. 51: 1. Valse de Salon, посв. М. С. Кондратьевой; 2. Polka peu dansante, посв. А. Л. Давыдовой;

3. Menuetto scherzoso, посв. А. П. Мерклинг; 4. Natha-valse, посв. Н. А. Плесской; 5. Romance, посв. В. Л. Римской-Корсаковой; 6. Valse sentimentale, посв. Э. И. Жентон.

По поводу этой работы Чайковский писал брату Модесту 30 августа 1882 г.: «Жаль, что я задался ради денег написать шесть пьес для фортепиано, которые оба брата Юргенсоны мне заказали. Это смущает мое оперное вдохновение; я слишком вымучиваю из головы свою музыку и для оперы и для пьес — и в результате от постоянного напряжения дурно, беспокойно сплю, но, впрочем, здоров как всегда».

[4] Эта переписка была с Александром Ивановичем Шидловским, бывшим репетитором детей Давыдовых. Шидловский просил устроить в консерваторию талантливую дочь одного композитора-самоучки. Письма его хранятся в Клинском музее, письмо Чайковского к Шидловскому по поводу произведений этого композитора опубликовано в Ж. Ч., т. II, стр. 531.

К письму № 80

[1] Чайковский писал Танееву и брату Модесту об этой работе: «Не могу Вам выразить, до чего тяжело вновь возиться с вещью, уже давно сочиненною и к которой авторское чувство успело совершенно остынуть». «Дела с этой переделкой много, и какая несносная работа! Разогревать старое кушанье, которое от долгого пребывания в кладовой уже начало вонять — вот с чем можно сравнить эту работу! Я совершенно разочарован в этой «Деве» и скорее даже ненавижу ее, подобно тому, как ненавижу «Опричника», хотя в меньшей дозе» (письма от 8 и 1 октября 1882 г.). Об этой работе см. переписку Чайковского с Направником в сборнике «Чайковский», воспоминания и письма, под редакцией Игоря Глебова, П., 1924, стр. 141 и сл.

К письму № 85

[1] Трио Чайковского, посвященное «Памяти великого артиста [Н. Г. Рубинштейна], было впервые исполнено 18 октября 1882 г. в квартетном собрании Р. М. О. Танеевым, Гржимали и Фитценгеном. Публика и музыканты остались очень довольны новым произведением, но рецензенты отнеслись к нему сдержанно. «Трио слишком продолжительно, чтобы сохранить в слушателе единство впечатления», оно «страдает большими стилистическими недостатками». Особенно шокировала непосредственная последовательность мазурки после девятой вариации — плача при похоронном звоне. Чайковского очень рассердило предположение С. В. Флерова (псевд.: Ignotus) в «Московских ведомостях», что трио является «личными воспоминаниями и впечатлениями» о Рубинштейне. См. «Русские ведомости» 1882, №№ 283, 290; «Московские ведомости» № 290; «Современные известия» № 293 и Ж. Ч., т. II, стр. 556—557. Письмо Танеева к Чайковскому опубликовано в книге «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», М. [1916], стр. 88—89.

К письму № 87

[1] См. прим. к письму № 58. Письмо Направника от 17 октября 1882 г. опубликовано в указанном выше сборнике, стр. 146—147.

[2] В то время Чайковский вел оживленную переписку с детьми

Мекк, Александром и Николаем. По этому поводу он писал брату Модесту 8 ноября 1882 г.: «Меня в последнее время порядочно утомляет переписка с братьями Мекк. Оба мне пишут письма, требующие ответов, оба так милы и симпатичны, что нельзя не отвечать, а письма для меня становятся чистой мукой, когда я тороплюсь какую-нибудь работу окончить».

К письму № 90

[1] Это письмо М. И. Чайковского к брату от 24 ноября 1882 г. В подлиннике вторая цитата начинается так: «Надежда Филаретовна из великодушной меценатки и баварского короля [покровителя Вагнера] en petit [в миниатюре] в моих глазах после знакомства с ее детьми обратилась в человека, равного которому я не знаю».

К письму № 92

[1] Первая сюита Чайковского была исполнена 27 ноября 1882 г. в пятом Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера. Выступления нового дирижера были восторженно приняты и публикой и прессой после первого же концерта. Находили, что он «прирожденный» дирижер, обладающий необыкновенной уверенностью, одушевляющей оркестр, что субъективность его интерпретаций вполне художественная, не нарушающая объективного характера композиции, что он «достойный преемник» Н. Г. Рубинштейна и т. п. См. «Московские ведомости» (которые обычно читал Чайковский) 1882, № 22, 314 и др.

К письму № 94

[1] В седьмом Симфоническом собрании Р. М. О., состоявшемся 11 декабря 1882 г., были исполнены Увертюра на русскую тему (C-dur) Танеева и «Зигфрид» Вагнера.

К письму № 96

[1] Об отношении Чайковского к Вагнеру см. тт. I и II переписки по указателю.

К письму № 100

[1] Чайковский для арфы ничего не написал, за исключением соло в балетах и некоторых симфонических произведениях («Манфред», «Ромео и Джульета»). Имеются следующие переложения: Valse sentimentale, аранжировка В. Чиарионе (издано); Колыбельная, «На тройке», Valse sentimentale, Баркаролла, аранжировка К. А. Эрдели (не издано); парафразы на темы из оперы «Евгений Онегин», аранжированы Е. А. Вальтер-Кюне (изданы, посвящены К. А. Эрдели); квартет для четырех арф, в который входят танцы из балетов «Спящая красавица», «Щелкунчик» и «Лебединое озеро», аранжированные Н. Г. Парфеновым.

К письму № 101

[1] Принц Наполеон, претендент на престол, выпустил манифест против республиканского правительства. Манифест был конфискован, а принц арестован. Был внесен законопроект об изгнании из Франции членов правивших династий (принят только в 1886 г.).

К письму № 103

[1] Племянница Чайковского, Т. Л. Давыдова, приехала за границу не столько для лечения, сколько по другим обстоятельствам. Она забеременела от Блуменфельда и, чтобы скрыть роды от семьи, уехала из дома под предлогом лечения от морфинизма. Об этом знали только Чайковский и его брат Модест. Даже Анатолию сообщалась официальная версия в той же редакции и почти с теми же подробностями, как в письмах к Мекк. 26 апреля родился сын Жорж Леон, оставленный на воспитание во французской семье. Через несколько лет его усыновил брат Чайковского Николай под именем Георгия Николаевича (даже тогда остальные члены семьи не знали об его происхождении). Позднее распространилось в близких к Давыдовым кругах мнение, что мальчик — сын П. И. Чайковского, принимавшего в его судьбе близкое участие до своей смерти.

К письму № 106

[1] Роман Альфонса Доде «Проповедница» напечатан в «Русском вестнике» 1882, ноябрь — декабрь.

К письму № 109

[1] В Ж. Ч., т. II, стр. 575 М. И. Чайковский дал к этой части письма примечание: «К несчастью, хозяйка отеля, в конце концов, оказалась права».

К письму № 110

[1] Это письмо Кондратьева в архиве Чайковского не сохранилось.
[2] Из письма к А. И. Чайковскому от 25 февраля 1883 г.: «До сих пор еще не видел новую оперу St.-Saëns'a [«Henry VIII»], которую дали на этой неделе после многих месяцев ожидания. Весь Париж говорит теперь об этом представлении. Успех был большой. С издателя Saint-Saëns получил шестьдесят тысяч франков. Да, счастье родиться французом! Я чувствую, знаю, что мой «Мазепа» гораздо лучше Сен-Санса, а между тем дальше поскудной Мариинской сцены моя опера нигде не пойдет и получу я за нее гроши медные».

К письму № 111

[1] Дневник Чайковского 1882 г. не сохранился,— дневники за несколько лет Чайковский впоследствии уничтожил. Сохранившиеся изданы под заглавием «Дневники П. И. Чайковского» Музсектором Госиздата, М.—П., 1923.
[2] В феврале и марте 1883 г. в Париже происходили демонстрации безработных, возглавляемые Луизой Мишель.

К письму № 112

[1] В марте 1883 г. для коронационных торжеств Чайковский написал Торжественный коронационный марш для оркестра и кантату «Москва» на слова Майкова, для солистов, хора и оркестра. Марш был исполнен 23 мая в Сокольниках на «празднике», под управлением

Чайковского, кантата — 15 мая, во время коронации, на обеде в Грановитой палате, под управлением Направника. См. Ж. Ч., т. II, стр. 597—598.

[2] В архиве Чайковского находятся два письма к нему Рихтера, председателя Коронационной комиссии, от 4 и 31 марта 1883 г.

К письму № 119

[1] О произведениях В. А. Пахульского говорится в переписке в продолжение нескольких лет (в каждом томе). Будучи связан отношениями с Мекк, Чайковский лишен был возможности со всей откровенностью высказывать свое мнение. Вот его отзывы в письмах к брату Модесту: Очень хотелось в театр идти какой-нибудь, но решил, что нужно, наконец, покончить с Пахульским, и просидел весь вечер дома, разбирая эту неудобоваримую музыкальную тарабарщину». Вернулся домой часов в девять, решившись на этот раз покончить, наконец, с Пахульским, который отравлял мое существование». «Первый день провел в Москве для свидания с Пахульским, который просил меня рассмотреть его новую симфонию (дрянь страшную), и я должен был посвятить несколько часов для собеседования с ним по этому поводу... Весьма жаль, что я не могу откровенно высказать Пахульскому всю тщету его композиторской мании. Когда я спросил Колю, советует ли он мне сказать ему правду, он отвечал: «Ради бога не говори, это страшно огорчит маму»! Нечего делать, пришлось серьезно говорить об мерзопакостных Пахульских писаниях» (письма от 9 апреля, 11/23 апреля и 20 июня 1883 г.).

К письму № 123

[1] Имеется в виду статья О. Л[евенсо]на («Музыкальная хроника») в «Русских ведомостях» 1883, № 100 от 11 апреля.

К письму № 124

[1] Речь идет не об операции, а о родах Т. Л. Давыдовой. См. прим. к письму № 103.

[2] В архиве Чайковского сохранился ряд писем А. Я. Левенсона за несколько лет.

К письму № 127

[1] Денежные затруднения были вызваны большими расходами, связанными с родами племянницы и устройством на воспитание ее сына. Чайковский писал брату Модесту 25 апреля/7 мая 1883 г., в день своего рождения, по получении повестки на lettre chargée (заказное или денежное письмо): «Я вспомнил lettre chargée и стал соображать, от кого бы это. Вследствие целого ряда рассуждений я пришел к тому заключению, что это от Н. Ф. Вероятно (решил я), ты как-нибудь проговорился Коле, что у меня денег много вышло, он вероятно сказал матери, и та, исполняя свою миссию благодетельствовать меня, летит ко мне на помощь с экстраординарной субсидией тысяч в пять франков. И не только я заподозрил, что это она, но прямо и безвозвратно решил. Это меня отчасти радовало, но еще гораздо больше волновало и тяготило, ибо казалось, что я, наконец, просто отнимаю от ее детей то, что она бы на них тратила. А между тем, как она должна себе объяснять эту невероятную расточитель-

ность, не зная, в чем дело? Мысль эта так мучила меня, что я ничего не мог есть за обедом и весь вечер ходил в величайшем волнении. Наконец я решился сказать ей правду, и даже в голове носился целый рой благодарных слов за помощь и выражения, в которых я открою ей горькую истину. Даже ночь спал беспокойно и видел какой-то страшный сон (что я с папашей стремительно катился по горе) и проснулся весь в поту. Но дальнейшую часть ночи провел спокойно и, проснувшись утром, ощущал уже не столько тягость сколько удовольствие иметь в виду деньги, которые несомненно сейчас получу. Едва я начал мыться, как старик facteur постучался и подал письмо. О, тщета ожиданий! Письмо было заказное и незнакомого почерка. Раскрываю и читаю подпись: Петя Генке. Ему дозарезу нужно сто пятьдесят рублей, и, не зная, к кому обратиться, просит меня дать их ему. Вот тебе и получение! А у меня накануне даже левая рука чесалась. Чтобы потом уже не возвращаться к этому предмету, скажу, что мало того: днем я получил письмо от Левенсон, которая умоляет ей выслать деньги, сто рублей, и не почтой, а переводом по телеграфу. Но разве это не курьезное стечение обстоятельств, что именно в день моего рождения вместо подарков я получил два письма и оба — просьбы о деньгах». Ему же 7/19 мая: «И вот я дни целые всё считаю и всё соображаю, где еще можно достать денег. Я утратил уже способность жалеть деньги на всю эту историю и готов был бы хоть тысячи рублей еще истратить, если б только можно было где-нибудь занять. Но теперь остается одно героическое средство: Н. Ф.!!! А это ужасно, ужасно тяжело. Прости, что письмо арифметическое, но пишу то, что занимает меня. Даже по ночам вижу какие-то счеты, деньги, и всё это вместе с музыкой».

К письму № 129

[1] Заявление Чайковского напечатано в «Gaulois», в номере от 23 мая 1883 г. Помещено в Ж. Ч., т. II, стр. 587.

К письму № 131

[1] Мекк прислала вырезку из «Нового времени» 1883, № 2580 от 6 мая. В этой заметке опровергался распространившийся слух, что А. Рубинштейн «не смог» или «не захотел» написать кантату для коронационных торжеств. В действительности, он отказался и указал на Чайковского лишь потому, что не имел времени, будучи занят репетициями концерта.

[2] Концерт состоялся 14 мая. В газетах появились краткие отчеты.

К письму № 133

[1] Подушкино — село близ Москвы по Смоленской дороге. Там нанимал на лето усадьбу А. П. Чайковский.

К письму № 134

[1] Был смертельно болен сын Мекк, Михаил. Еще 16 апреля 1883 г. Чайковский писал брату Модесту: «Убийственно грустно известие о Мише Мекк. Н. Ф., как вижу из письма, вовсе не ожидает такого исхода, а лишь нетерпеливо ждет выздоровления его. Я боюсь, как бы это не убило ее».

К письму № 137

[1] Подробности об этом есть в письме Танеева к Чайковскому от 2 марта 1883 г. См. «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 91—93.

К письму № 141

[1] Очевидно, Мекк через своего сына Николая и его жену (сестру Г. Л. Давыдовой) узнала некоторые подробности о происшедшем в Париже. См. прим. к письму № 103.

[2] Чайковский был возмущен тем, что Юргенсон назначил ему за «Мазепу» гонорар в тысячу рублей,— тот же, что и за «Орлеанскую деву». «Ведь с тех пор прошло четыре года. Каким образом цена моя за всё это время не поднялась ни на грош? — писал он Юргенсону.— К тому же, тогда я не сам делал переложение... не сам делал все три корректуры. Когда ты начинал гравировать «Деву», ее постановка была вопросом, судьба ее была неизвестна. Теперь, когда уже оба столичные театры соревнуют в получении от тебя голосов, партий, клавираусцугов «Мазепы»,— ты назначаешь мне тысячу за оперу, которой я посвятил два года и три месяца усидчивой работы... Я полагаю, что в «Мазепе» заключаются сотни романсов, в нем есть целая симфоническая картина, еще один симфонический номер не без будущности и что если быть логичным, то она должна мне принести по крайней мере в десять раз более мзды, чем десять романсов или десять дрянных фортепианных пьес» (письмо от 28 июля 1883 г.). Чайковский сам определил гонорар в две тысячи четыреста рублей. Это один из немногих случаев, когда Чайковский активно протестовал против расценок Юргенсона.

К письму № 147

[1] Вторая сюита для оркестра начата в конце июня 1883 г. и вчерне закончена в середине августа; инструментована в сентябре. Дата партитуры: 13 октября 1883 г. Посвящена П. В. Чайковской (у нее в Подушкине Чайковский жил в то время, когда писалась сюита). О первом исполнении см. письмо № 184.

Из писем к брату Модесту: «Корректуры [«Мазепы»] меня замучили... Кроме того, вместо отдыха от композиторства, я вздумал во что бы то ни стало написать с ю и т у. Вдохновения нет, каждый день что-нибудь начинаю и разочаровываюсь потом; боюсь, что исписался, терзаюсь этой мыслью. Вымучиваю из себя, вместо того чтобы ждать вдохновения, и в результате какое-то постоянное недовольство собой». «Вместо отдыха я теперь сиднем сижу за с ю и т о й. Что за проклятый нрав: не умею жить праздно хотя бы несколько дней» (письма от 3 июля и 10 августа 1883 г.).

К письму № 156

[1] Переписку с Направником по этому поводу см. в указанном выше сборнике «Чайковский», стр. 151 и сл. Желание Чайковского было удовлетворено.

К письму № 160

[1] «Война и мир», ч. 5, гл. VIII.

К письму № 164

За период с 16 октября по 3 ноября 1883 г. Чайковский написал пятнадцать детских пьес для одного голоса, составивших ор. 54: 1. Бабушка и внучек, 2. Птичка, 3. Весна, 4. Мой садик, 5. Легенда, 6. На берегу, 7. Зимний вечер, 8. Кукушка, 9. Весна, 10. Колыбельная песнь в бурю, 11. Цветок, 12. Зима, 13. Весенняя песня, 14. Осень (все на слова Плещеева) и 15. Ласточка, на слова Сурикова. В этот же сборник включена Детская песенка («Мой Лизочек...») на слова С. Т. Аксакова, написанная в 1881 г.

К письму № 167

[1] «Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow». Lettres écrites de Petersbourg et de Moscou 1817—1819.—«Русский архив» 1883, №№ 1—6.

К письму № 168

[1] Первая симфония была исполнена 19 ноября в пятом Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера. «Русские ведомости» 1883, № 325 отметили: «Вот это настоящая русская симфония. В каждом такте ее чувствуется, что ее мог написать только русский человек. В выработанную на чужбине форму композитор влагает чисто русское содержание».

К письму № 173

[1] В «Московских ведомостях» в 1883 г. были напечатаны две статьи Ларош о Глинке в №№ 261 и 270 от 16 и 29 сентября. В январской книжке «Русского вестника» 1884 г. напечатана его статья «Русское музыкальное общество в Москве».

К письму № 174

[1] Об этом Мекк писала в письме от 30 октября, которое до Чайковского дошло. См. письмо № 165.

К письму № 175

[1] В конце 1883 г. на итальянской сцене в Петербурге была поставлена опера Винцентини и Сальвейера «Ричард III». Во французской прессе появился ряд статей по поводу успеха этой французской оперы среди «не приученной к новинкам публики». Тон статей покровительственно снисходительный. «Не обидно ли в конце XIX столетия, когда мы имеем собственное искусство, известное и в Европе, читать о себе отзывы, которые напоминают презрительные отзывы о Москве XVI столетия?» — возмущалось «Новое время» («Французское нахальство» — «Новое время» 1883, № 2804 от 17 декабря).

К письму № 179

[1] Требование Чайковского было удовлетворено.

К письму № 181

[1] Вторая сюита была впервые исполнена 4 февраля 1881 г. в Москве, в экстренном Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера, и повторена 11 февраля. Большой успех у публики, одобрительные отзывы прессы. Рецензент «Современных известий» писал в № 48: «Сюита полна достоинств и почти юношеской свежести. Она в значительной степени искупает прегрешения Чайковского последних лет».

К письму № 185

[1] Первое представление «Мазепы» в Москве, в Большом театре, под управлением Альтани, состоялось 3 февраля 1884 года. Присутствие автора воодушевило публику, но произведение само по себе не произвело большого впечатления. В газетных отчетах отзывы были сдержанные: «Либретто никуда не годится, композитор не мог почерпнуть в этом либретто вдохновения» («Московские ведомости» 1884, № 40; см. также «Русские ведомости» № 38 и «Современные известия» №№ 38 и 40).

Первое представление в Петербурге, под управлением Направника, состоялось 7 февраля. Автор не присутствовал. Внешний успех был удовлетворительный, но меньший, чем в Москве. Отзывы печати единодушно отрицательные. Все сходились в мнении, особенно, вероятно, задевшем автора, что он по природе своей симфонический композитор, а не оперный, и что драматический сюжет «Мазепы» чужд его лирическому таланту. Опера неудачная. В ней нет «большого полета, большой ширины творчества», отсутствуют характеристики действующих лиц, нет драматизма. «Если бы г. Чайковский писал бы меньше и более критически относился к своим произведениям, то он гораздо больше выиграл бы, чем теперь. Право, лучше написать только две-три действительно хороших оперы, чем написать десятки слабых или плохих, т. е. таких опер, которые умирают вскоре после своего рождения». «Один текст без музыки произвел бы наверное большее впечатление, чем с музыкой г. Чайковского... Вследствие несостоятельности «Мазепы» г. Чайковского, этот превосходный сюжет следует считать открытым и желать, чтобы он попал в руки композитора более свежего талантом и более способного к оперному делу, чем г. Чайковский» (М. Иванов, «Новое время» 1884, № 2860; «Биржевые ведомости» № 29; Ц. Кюи, «Неделя» № 7. См. также «Петербургский листок» № 39, «Петербургская газета» № 37; С.-Петербургские ведомости» № 45 и Ж. Ч., т. II, стр. 618 и сл.).

К письму № 187

[1] В тот же день, 13 февраля 1884 г., Чайковский писал об этой опере брату Модесту: «Я ожидал большего. Очень изящно, очень отделано, но ни единого мгновения, способного тронуть, пленить, поразить. Исполнение и постановка — какие только в Париже возможны... Но сам Massenet совсем не отличился тут. Он начинает быть бесцветным до скуки, хотя старания бездна, и работа от начала до конца необычайно тонкая».

К письму № 189

[1] Юргенсон писал Чайковскому 11 февраля 1881 г.: «В Питере «Мазепа» имела, как немцы выражаются, «geteilten Beifall» [частичный успех]. Не в укор тебе быть сказано, а этому ты, виноват. Ведь и хорошее вино подогревают. Присутствие автора возвышает дух публики и есть могущественный рычаг, пользоваться которым далеко не лишнее. Но это так, мимоходом... Вчерашнее московское второе представление «Мазепы» имело такой же шумный успех, как и первое: вызовам не было конца. Упорно стали тебя после первого акта вызывать, но начальство театра так же упорно утаило твое отсутствие. Успех был так же велик. Чайковский ответил 18 февраля: «Это старая истина, что никто не умеет так уязвить, как близкий друг. Твой упрек, что я не поехал в Петербург на «Мазепу», нанес мне [чувствительное огорчение. Неужели ты думаешь, что я сам не понимаю лучше, чем кто-либо другой, как многого я лишаюсь и как парализирую все свои успехи своим несчастным нравом? Неужели ты думал, что несомненная истина о пользе «подогревания хотя бы и хорошего вина» не сознается мной? Больше, мучительнее, сильнее чем кем-либо. И подобно шулеру, который говорит, что всю жизнь занимался шулерством, но пускает шандалом [подсвечником] в тех, кто это ему дает чувствовать, подобно тому ничто так не может меня разозлить, как фраза: «ты сам виноват». Конечно «сам», но виноват ли я в том, что я так создан, а не иначе? Вообще относительный «неуспех» «Мазепы» в Петербурге, только вчера благодаря твоему письму разъяснившийся для меня (ибо Модест, зная наперед, как я буду убит дурными известиями, очень лгал в своих телеграммах и письмах насчет успеха), глубоко, убийственно уязвил меня». В тот же день М. И. Чайковскому: «Воображаю, как тебе было тяжело лгать насчет «grand succés» [«большого успеха»] «Мазепы» в Петербурге. А всё-таки ты хорошо сделал, что лгал, ибо меня, право, можно было убить правдой, если б по разным признакам и вследствие разных недомолвок в письмах Эммы ко мне и Левы к Тане я не был приготовлен к этому. Только вчера из письма Юргенсона (который имел жестокость не только прямо правду сказать, но и упрекнуть меня за то, что я не поехал в Петербург) я узнал истину. Не знаю, как я мог пережить вчерашний день. Это подействовало на меня как громовой удар, и весь день я страдал так ужасно, как будто случилось непоправимое громадное бедствие. Конечно, тут есть всегдашнее преувеличение, но, в самом деле, в мои годы, в моем положении, когда уже надеяться на будущее трудно, всякий даже относительный неуспех приобретает размеры позорного фиаско. А главное обидно, что, будь я другой человек и возьми на себя настолько, чтобы поехать в Петербург,— и, вероятно, я уехал бы увенчанный лаврами. Сегодня я уже гораздо покойнее, но есть всё еще не могу».

К письму № 195

[1] «Исповедь» Толстого имела распространение в гектографированных, литографированных и рукописных списках, а также в женевском издании. Впервые напечатана в России только в 1906 г.

В дневнике (запись 29 июня 1886 г.) Чайковский так критиковал новое направление деятельности Толстого. «Нередко (особенно выпивши) я внутренно злюсь на него, почти ненавижу. Зачем, думаю себе, человек этот, умеющий, как никто и никогда не умел до него, настраивать

нашу душу на самый высокий и чудодейственно-благозвучный строй, писатель, коему даром досталась никому еще до него не дарованная свыше сила заставить нас, скудных умом, постигать самые непроходимые закоулки тайников нашего нравственного бытия,— зачем человек этот ударился в учительство, в манию проповедничества и просветления наших омраченных или ограниченных умов?.. Прежний Толстой был полубог, теперешний — жрец. А ведь жрецы суть учители по взятой на себя роли, а не в силу призвания. И всё-таки не решусь положить осуждение на его новую деятельность. Кто его знает? Может быть так и нужно, и я просто не способен понять и оценить как следует величайшего из всех художественных гениев, перешедшего от поприща романиста к проповедничеству».

Об отношении Чайковского к Толстому см. также тт. I и II переписки, по указателю и в книге «Дневники П. И. Чайковского», стр. 210—212.

К письму № 196

[1] Об изменениях в «Мазепе» см. письмо к Направнику от 26 марта 1884 г. в указанном выше сборнике «Чайковский», стр. 159.

К письму № 198

[1] Об этом спектакле см. также письмо к Танееву от 1 апреля 1884 г. («Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева, стр. 105).

К письму № 199

[1] Чайковский не имел постоянной квартиры: он гостил в Каменке, у братьев, путешествовал, а в Москве и в Петербурге жил в номерах. Он не имел почти никаких вещей, даже книг и нот (в его библиотеке есть книги лишь позднейших изданий — того времени, когда он поселился в Клинском уезде). С весны 1884 г. у него появилось страстное желание оседлости, приведшее к решению нанять или купить усадьбу. Он писал брату Модесту из Каменки: «Комната моя продолжает быть мне дорогой и симпатичной. Я думаю — это только оттого, что она моя. Что же будет если у меня свой дом будет???». «Тот мир, который столь отдохновительно подействовал на меня тотчас после приезда, обратился в беспокойную и преисполненную раздражающих меня подробностей жизнь. Начинаю понимать, что теперь уж я слишком стар для того, чтобы быть приживалкой. Я дошел до того, что вчера весь вечер немилосердно дулся за то, что к ужину была подана курица и отменено какое-то другое кушанье, а вместо него — простокваша. Да и тысяча других мелочей было, обнаруживших во мне приживальщичий нрав, который может сделаться совсем несносным, если я не поселюсь у себя» (письма от 12 и 25 апреля 1884 г.).

[2] Из письма к М. И. Чайковскому от 18 апреля 1884 г.: «Я еще не начал работать, да и вдохновения настоящего нет, но во время прогулок заношу в свою записную книжечку кое-какие мысленки. Они что-то жидки и неважны, и я нахожусь вообще в периоде недоверия к своим творческим силам. Но даже если и так — теперь это уж не действует на меня удручающим образом. Достаточно мной наработано, и неудивительно, если, наконец, и выдохся немножко». Из дневника: «Пытался положить основы новой симфонии, но всё недоволен» (15 апреля). «Гулял по саду и изобрел семя будущей не симфонии, а сюиты

(16 апреля). «Очень недоволен собой по причине казенности всего, что в голову лезет. Выдохся я что ли? С трудом писал Надежде Филаретовне» (19 апреля).

Третью сюиту, посвященную Эрдмансдерферу, Чайковский писал с 16 апреля по 23 мая 1884 г., оркестровал между 12 июня и 19 июля. О первом исполнении см. письмо № 257.

К письму № 201

[1] Был выпущен внешний жел.-дор. заем на пятнадцать миллионов фунтов стерлингов. Чайковский имеет в виду передовую статью в «Московских ведомостях» 1884, № 106 от 18 апреля.

[2] Чайковский записал в дневнике вечером, накануне дня рождения, 24 апреля 1884 г.: «Сейчас стукнет сорок четыре года. Как много прожито, и, по правде, без ложной скромности, как мало сделано! Даже в моем настоящем д е л е: ведь, положа руку на сердце, ничего с о в е р ш е н н о г о, о б р а з ц о в о г о нет. Всё еще ищу, колеблюсь, шатаюсь».

К письму № 203

[1] Из писем к братьям: «Я пишу понемножку с ю и т у. Чудесная форма, но отвратительное слово. Придумай-ка, Модичка, какое-нибудь слово, могущее заменить этот б е з и к о в ы й термин. Скерцо уже написал, а теперь изобретаю обязательный в а л ь с о о б р а з н ы й номер. Но мне всё более и более начинает казаться, что я исписался, и если не ворую у других, то у себя очень много». «Очень много занимаюсь, даже до утомления. Хочется написать такую вещь, чтобы прежние за пояс заткнула». «Я теперь в периоде тяжелой беременности; не знаю, хорошо ли выйдет чадо, но старания много. Я работаю теперь далеко не с прежней легкостью, ценой большого напряжения; года дают себя чувствовать». (М. И. Чайковскому 2 мая и А. И. Чайковскому 13 и 19 мая 1884 г.).

К письму № 206

[1] Впоследствии трио было переложено для фортепиано в четыре руки Э. Лангером. Есть также переложение для двух фортепиано в восемь рук.

[2] Это не опечатка. И в письме к Мекк № 163 Чайковский назвал первую часть сюиты Jeu de tons. В первых изданиях это название сохранено и только в следующих исправлено.

К письму № 207

[1] Это письмо Мекк не сохранилось.

[2] В ночь на 13 марта около ст. Бологое потерпел крушение почтовый поезд. Были раненые и убитые.

К письму № 210

[1] Это новое произведение превратилось в Концертную фантазию для фортепиано с сопровождением оркестра, в двух частях, ор. 56. Задумана еще в апреле, закончена к 4 сентября 1884 г. Впервые исполнена Танеевым в феврале 1885 г.

К письму № 219

[1] Эта книга: «Муравьи, пчелы и осы». Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых Сэр-Джона Лёббока. Изд. Суворина, Спб. [1884]—сохранилась в библиотеке Чайковского. В книге есть много его пометок и отчеркнутых мест.

К письму № 229

[1] Письмо Танеева от 12 августа 1884 г. опубликовано в книге Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 118.

К письму № 235

[1] Для альбома, изд. парижской газеты «Le Gaulois» под названием Aux abonnés — le Gaulois» 1885, Чайковский писал Impromptu-Caprice для фортепиано. В отдельном издании Юргенсона (т. VI собрания ф.-п. произведений) посвящено С. И. Юргенсон. Альбом имеется в библиотеке Чайковского в Клинском музее.

К письму № 239

[1] См. в т. II переписки прим. к письму № 332.

К письму № 241

[1] «Евгений Онегин» был поставлен в Петербурге под управлением Направника 19 октября 1884 г. По словам М. И. Чайковского, «это было лучшее из представлений «Евгения Онегина» по сравнению со всеми предшествовавшими, единственно благодаря Направнику... Все солисты были в высшей степени приличны — не более». Рецензенты получили возможность еще раз высказать свое мнение об этой опере. Повторились рассуждения о слабом оперном композиторе, отмечалось отсутствие характеристик и сценического действия при отличной оркестровке произведения. Два наиболее контрастных отзыва: Ц. Кюи («Неделя» 1884, № 45) и М. Иванова («Новое время» № 3108). Кюи: «В музыке «Евгения Онегина» нет ни одного нового слова; вся она вращается в тесном кругу жиденьких мыслей, общеизвестных, много раз повторяемых идеек, выраженных, впрочем, благозвучно и с полной порядочностью. А как опера «Евгений Онегин» — произведение мертворожденное, безусловно несостоятельное и слабое». Иванов: С музыкальной стороны «Евгений Онегин» следует признать не только за один из chef-d'oeuvr'ов грации, но вообще за chef-d'oeuvre оперного творчества Чайковского». См. также «Петербургский листок» № 289, С.-Петербургские ведомости» № 291, «Новости» № 293 и Ж. Ч., т. II, стр. 666 и сл.

К письму № 246

[1] Чайковский имеет в виду фельетон Коломенского Кандида «Вчера и сегодня. Маленькие новости», появившийся в газете «Новости» 1884, № 312 от 11 ноября: «К числу маленьких новостей дня следует причислить также необычайный успех оперы г. Чайковского «Евгений Онегин». Странный успех и странная опера! Слишком четыре часа слушаете вы эту переложенную на музыку поэму и никакого музыкального определенного впечатления из нее не выносите... Я — не музыкаль-

ный критик, но я хорошо знаю поэму Пушкина, и меня не могло не поразить то, что композитор, взяв ее темой для своей оперы, не только не развил ее благодарных мотивов, но как-то неумело скомкал их и оборвал... Бедность фантазии композитора выразилась, между прочим, в обилии танцев... Это, положим, оживляет представление, но в ущерб драматической нити оперы, которую г. Чайковский ведет урывками, крайне слабо мотивированными эпизодами... За всем тем я того мнения, что в произведении г. Чайковского кроме Татьяны нет ни одного о п е р н о г о сюжета. Его Онегин — деревянен... Потом в высшей степени странно слышать со сцены этих фрачных, мундирных героев, изъясняющихся в мелодических ариях... Боюсь, не слишком ли наши реалисты в музыке ударились в реализм, в верность действительности. Если они пойдут далее этим путем — они просто убьют оперу.

К письму № 247

[1] Чайковский обдумывал переделку оперы «Кузнец Вакула» в оперу «Черевички». К работе приступил в середине февраля 1885 г. и закончил к 22 марта. «Кроме изменений в прежней музыке, облегчения оркестровки, сокращений и упрощений гармонизации во многих местах, Петр Ильич включил в «Черевички» несколько новых номеров: 1. дуэт Вакулы и Оксаны, а также заключительную сцену второй картины первого акта; 2. песенку Школьного учителя; 3. квинтет в первой картине второго акта; 4. куплеты Светлейшего в третьем» (Ж. Ч., т. III, стр. 58—59). О первом представлении см. прим. к письму № 364.

К письму № 250

[1] Пьеса М. И. Чайковского «Лизавета Николаевна» впервые была поставлена в Александринском театре 11 декабря 1884 г. Отзывы см. в «Новом времени» 1884, №№ 3159 и 3164.

К письму № 253

[1] Эти намеки расшифровываются письмом к брату Модесту от 2 января 1885 г.: «Коля Мекк ежедневно на все лады повторяет, что 1) Надежда Филаретовна, в сущности, взбалмошная и несносная старуха, что 2) Влад. Мекк мошенник, а жена его распутная баба; 3) что Ю л и я злая фурия; 4) Саша Беннигсен с п л е т н и ц а; 5) С а ш о к злой, мстительный, бездушный; 6) И о л ш и н а набитая дура, и только Соня почему-то превозносится до небес. Помнишь этого добряка Колю, который носился с карточками членов семьи? Что из него сделала Анна!».

[2] Объявление анонимное: «Одинокий человек ищет дачу-усадьбу для найма».

К письму № 257

[1] В Петербурге Третья сюита впервые была исполнена 12 января 1885 г. в пятом Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Ганса фон-Бюлова, в присутствии автора, которому устраивали овации после каждой части сюиты. Это был первый огромный успех, триумф Чайковского в Петербурге, где его имя стало популярным только с осени 1884 г., после первой постановки «Евгения Онегина» в Мариинском театре. Отзывы прессы были восторженные. «Сюита Чайковского

составляет событие в музыкальном мире». «Несомненно истинно мастерское произведение». «По богатству воображения, мелодическому размаху, мастерству и легкости, с которыми композитор распоряжается средствами новейшего оркестра, сюита может быть поставлена в ряду лучших произведений Чайковского». «Мы искренне радуемся за успех г. Чайковского, которого петербургская публика до нынешнего года, в сущности до представления «Евгения Онегина», как-то мало ценила, и нужна была, конечно, вся сила обаятельного таланта г. Чайковского, чтобы рано или поздно пробить эту брешь равнодушия!» («Петербургский листок» 1885, № 12; «С.-Петербургские ведомости», № 17; «Новости», № 14).

К письму № 258

[1] В Москве Третья сюита была впервые исполнена 19 января 1885 г. в экстренном Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера. Успех был большой, но без тех оваций, которые были в Петербурге. Отзывы прессы сочувственные. Ларош писал: «Чайковский в последние три-четыре года подарил нас несколькими такими произведениями, после которых легко может показаться, что центр тяжести современного музыкального мира не в Германии, не во Франции, а у нас, что истинная музыка, «музыка будущего» есть музыка г. Чайковского. Широкою и глубокою рекой, ровно и роскошно, без усилия, без утомления и без остановки течет его творческое вдохновение» («Русский вестник» 1885, № 1, «Музыкальное обозрение»). См. Ж. Ч., т. III, стр. 21—22.

К письму № 260

[1] О переписке Чайковского со Шпажинским см. Ж. Ч., т. III, стр. 22—23. Об опере «Чародейка» см. прим. к письму № 297.

К письму № 264

[1] Майданово — село и усадьба близ г. Клина Московской области. Чайковский занимал барский дом в парке. Жил там дважды: в 1885—1887 гг. и с мая 1890 по май 1891 г. Впоследствии дом был разобран и на его месте построен театр местной фабрики.

К письму № 268

[1] М. Иванов писал о Чайковском в «Новом времени» 1885, № 3245 от 11 марта: «И большими и мелкими формами г. Чайковский владеет одинаково... В трех своих сюитах он является мастером, владеющим безукоризненно своим материалом, художником порою грациозным и нежным, порою шутливым и увлекающимся миниатюрным миром, порою блестящим и грандиозным, но всегда, во всяких пределах большим талантом... К числу последних же сочинений г. Чайковского принадлежат шестнадцать песен для детей «старшего возраста», написанные почти все на текст г. Плещеева... Конечно, песни г. Чайковского гораздо доступнее детям, чем «Музыкальные картинки» г. Кюи, назначенные для детей... однако, всё-таки не думаю, чтобы песни г. Чайковского нашли широкое распространение... Хотя аккомпанемент песен, о которых идет речь, не сложен, но мелодии их не достаточно рельефны. Не думаю, чтобы и самый выбор текста особенно бы способствовал успеху песен г. Чайковского среди детей: в тексте стихотворений г. Плещеева,

Карикатура на П. И. Чайковского — «Обер-композитор русской оперы»

каков бы ни был сюжет даже и при описании радостного чувства, возбуждаемого весною, звучит тоскливое чувство... Но решительно трудно понять выбор стихотворения Аксакова «Мой Лизочек так уж мал»; тут дети и старшего возраста и младшего наверное останутся в недоумении: слишком текст уж наивен и не поэтичен».

[2] Ларош, «Музыкальное обозрение» — «Русский вестник 1885, I. Большое место уделено в статье Чайковскому, основная особенность творчества которого — необыкновенная мелодичность при монументальности построения. «Широкою и глубокою рекой, ровно и роскошно, без усилия, без утомления и без остановки течет его творческое вдохновение, и кантилены одна другой богаче, пластичнее и привлекательнее, чем дальше, тем чаще следуют одна за другою в его композициях».

К письму № 269

[1] Чайковский имел в виду статью М. Иванова по поводу первого представления «Кузнеца Вакулы», напечатанную в «Новом времени» 1875, № 272 («Музыкальная хроника»). Статью эту нельзя назвать «бранной»,— резких нападок в ней нет. Основным недостатком оперы автор считает несоответствие ее сюжета с меланхолическим характером всей музыки Чайковского.

К письму № 270

[1] В конце марта — апреле 1885 г. Чайковский написал шесть церковных песнопений. Изданы Юргенсоном. См. Ж. Ч., т. III, стр. 59—60.

К письму № 272

[1] Опера Серовой «Уриэль Акоста» была поставлена в московском Большом театре и вскоре с репертуара была снята. В архиве Чайковского имеется письмо к нему Серовой от 6 мая 1885 г. с просьбой сообщить отзыв об ее опере. «Чем правдивее и резче Вы выразите свое мнение, тем признательнее я Вам буду. Ведь я хочу работать, считаю себя новичком в оперном деле, и теперь именно время слушать советы опытных людей. Характер у меня сильный: никакое резкое слово меня не собьет с толку».

К письму № 277

[1] Это письмо Мекк не сохранилось.

[2] Переписка об этом Чайковского с Римским-Корсаковым опубликована в Ж. Ч., т. III, стр. 34—38 (письма от 6 и 15 апреля 1885 г.).

К письму № 278

[1] 20 мая 1885 г. состоялось в Смоленске торжественное открытие памятника Глинке. На другой день на банкете выступавший с приветствием Т. И. Филиппов упрекнул музыкальных деятелей за недооценку таланта Балакирева и других членов «могучей кучки», являющихся действительными преемниками Глинки. Отвечавшие ему в свою очередь возражали против нежелания кучкистов считаться со значением других композиторов, с исторической ролью братьев Рубинштейнов и Р. М. О.

К письму № 281

[1] Чайковский вышел из состава профессоров Московской консерватории в 1878 г. Теперь он принял это звание по просьбе С. И. Танеева. Оказалось, что по уставу он не мог быть одновременно и директором Московского отделения Р. М. О. и профессором консерватории. Он писал Танееву 13 июня 1885 г.: «Как Вы решите, так я и поступлю. Мне кажется, что лучше остаться директором, а впрочем, как хотите. Во всяком случае, и ту и другую обязанность буду исполнять добросовестно, но лишь с одним непременным условием, чтобы я не был стеснен в моей свободе и чтобы я мог уезжать, когда мне угодно. Я считаю свою свободу величайшим из всех благ, которых я достиг упорным трудом, и так давно пользуюсь ею, что решительно не в состоянии приковать себя хотя бы даже к Москве, к которой привязан глубоко». По совету Танеева, Чайковский отказался от профессорства. См. «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 129—130.

К письму № 283

[1] Идею симфонии «Манфред» дал Чайковскому Балакирев. Он писал об этом Чайковскому еще 28 октября 1882 г. (опубликовано в Ж. Ч., т. III, стр. 51—53). Симфония закончена 12 сентября 1885 г., впервые исполнена в Москве, в концерте Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера 11 марта 1886 г. Посвящена Балакиреву. См. прим. к письму № 320.

В тот же день, 13 июня 1885 г., Чайковский писал Танееву: «После некоторого колебания я решился написать «Манфреда», ибо чувствую, что, пока не исполню обещания, неосторожно данного Балакиреву зимой, не буду покоен. Не знаю, что выйдет, но покамест я недоволен собой. Нет! В тысячу раз приятнее писать беспрограммно! Сочиняя программную симфонию, у меня такое ощущение, как будто я шарлатаню и надуваю публику: плачу ей не звонкой монетой, а дряннными кредитными бумажонками».

К письму № 291

[1] Из письма к А. П. Мерклинг от 13 сентября 1885 г.: «Всё лето под впечатлением мрачного сюжета «Манфреда» я первничал и хандрил» (Ж. Ч., т. III, стр. 72).

К письму № 293

[1] Чайковский писал Танееву 30 августа 1885 г.: «Если Вы найдете нужным, прошу Вас не стесняясь сказать Художественному совету, почему я так пристаю с Пахульским» (публикуется впервые).

К письму № 297

[1] Работа над оперой «Чародейка», по либретто И. В. Шпажинского, переделанного из его одноименной драмы, была начата в сентябре 1885 г., и к началу октября была написана бо́льшая часть первого действия. После перерыва, в январе 1886 г. закончены два первых действия. Новый приступ к работе был в июле; к 18 августа 1886 г. были закончены черновые эскизы. С 23 сентября до 17 октября и дальше — с большими перерывами до мая — инструментовка. 6 мая

1887 г. опера была закончена. Впервые поставлена в Мариинском театре под управлением автора 20 октября 1887 г. См. Ж. Ч., т. III, стр. 193—196 и прим. к письму № 402.

В тот же день, 27 сентября 1885 г., Чайковский писал брату Модесту: «Я положил себе оперу писать понемножку, только два часа утром. Хочу перестать утомлять себя и вообще пересаливать в композиторском усердии».

[2] В сентябре 1885 г. Чайковский написал: слова и музыку хора в честь пятидесятилетнего юбилея Училища правоведения, а в октябре — Правоведский марш для большого оркестра. (Чайковский окончил Училище правоведения в 1859 г.).

К письму № 300

[1] В переписке Чайковского с Юргенсоном этот вопрос не освещен.

[2] Об этом Кюи писал в «Музыкальном обозрении» 1885, № 2 от 3 октября.

К письму № 302

[1] Программа первого Симфонического собрания Р. М. О., состоявшегося 19 октября 1885 г.: Чайковский, Коронационный марш (в первый раз); Годар, Концерт для скрипки (romantique) a-moll, op. 35; Бах, Сюита (D-dur), для оркестра; Бетховен, Восьмая симфония (F-dur).

К письму № 305

[1] Концерт Зилоти состоялся 12 ноября в малом зале Благородного собрания. В программе: трио Чайковского, ноктюрн Аренского, этюд А. Рубинштейна, канцонетта Кюи, «Исламей» Балакирева и др. 16 ноября состоялось третье Симфоническое собрание Р. М. О. Программа: Рафф, симфония «В лесу»; Вьетан, Четвертый концерт для скрипки, d-moll (исполн. Марсик) и др. Второе квартетное собрание было 17 ноября. Исполнялись: Шуман, квартет № 1 (a-moll), op. 41; Марсик, Марш и Scherzando и Саразате, Цыганские песни (исполн. Марсик); Бетховен, квартет № 12 (Es-dur), op. 27.

К письму № 306

[1] Конкуренция между Московским отделением Р. М. О. и Шостаковским, основателем Филармонического общества, началась еще в 1878 г. (см. в т. 1 переписки прим. к письмам №№ 214 и 247). Число членов Р. М. О. стало с каждым годом уменьшаться. В 1884/85 г. было действительных членов 175, членов-посетителей 2396; в 1885/96 г.— 161 и 2272, в 1886/87 г.—144 и 1818; 1887/88—135 и 1729; 1888/89— 136 и 1684; 1889/90—135 и 1869; 1890/91 — 126 и 1649; 1891/92—107 и 765. См. изданные отчеты Общества.

[2] К этой опере Чайковский относился отрицательно, считая ее «мало интересной и мало даровитой». См. письмо к Э. К. Павловской от 20 июля 1885 г. в Ж. Ч., т. III, стр. 56.

К письму № 309

[1] Чайковский этого письма не сжег. См. письмо № 304.

К письму № 312

[1] В архиве Чайковского сохранилось большое количество писем Феликса Маккара с ценными сведениями об успехах музыки Чайковского во Франции.

К письму № 315

[1] Чайковский писал Юргенсону 19 июля 1886 г.: «...Почта весьма часто причиняет мне тяжелые минуты, но она же приносит мне и величайшие радости. Есть личность, играющая первенствующую роль в истории моей жизни за последние десять лет; личность эта есть мой добрый гений; всем моим благополучием и возможностью всецело отдаваться любимому труду я обязан ей — и, однакож, я никогда ее не видел, не слыхал звука ее голоса, и все отношения мои к ней суть исключительно почтовые».

К письму № 316

[1] В тот же день, 6 февраля 1886 г., Чайковский писал брату Модесту: «У меня два действия «Чародейки» готовы, и я так же влюблен в них, как бываю влюблен во всякое новое свое чадо».

К письму № 317

[1] Произведения Чайковского исполнялись в седьмом историческом концерте А. Рубинштейна 18 февраля (Песнь без слов, Романс (ор. 5), Скерцо à la Russe и др.).

[2] О том же Чайковский писал в дневнике: «Вообще я не по себе. Отвращение к работе полнейшее... Всю вторую половину дня я болезненно тосковал» (14 февраля). «Спал крепко, но болезненно тяжело. Вообще весь день хандрил, грустил, занимался мало и с трудом» (15 февраля).

К письму № 318

[1] См. в т. II переписки прим. к письму № 339.

К письму № 320

[1] «Манфред» исполнялся в Симфоническом собрании Р. М. О., под управлением Эрдмансдерфера, 11 марта. Газетные отклики были очень скудные. Отмечалась трудность восприятия и исполнения. «Русские ведомости» писали: „Это бесспорно выдающееся произведение... По мастерству и по вдохновению «Манфред» (в особенности первые две его части) очень близко подходит к лучшим симфоническим произведениям композитора, к его «Франческа да-Римини» и «Ромео и Джульетта»".

К письму № 323

[1] Торжество подробно описано в газете «Кавказ» 1886, № 101. См. Ж. Ч., т. III, стр. 104—106. В дневнике Чайковский отметил в этот день: «Театр. Ложа. Овации. Очень тронут. Ужин в «Лондоне». Официальные тосты. Пьян как... Тысяча нежностей со всеми. Не мог дойти до дому. Пьян».

К письму № 327

[1] Запись в дневнике через день, 21 мая: «Решаюсь идти к Mackar'y. Что я выстрадал и до чего я волновался,—пересказать нельзя. Десять раз подходил и снова уходил,—даже большой стакан Absynthe не помог. Наконец вошел. Он ждал меня. Я воображал его иначе, меньше ростом. Взгляд поразительно похож на Бесселя. Поговорили (и при мне приходил покупатель моих вещей), и я ушел. Разумеется, как гора с плеч, и стало легче».

К письму № 329

[1] Из письма к П. В. Чайковской от 1/13 июня 1886 г.: «Вчера завтракал у старушки Виардо. Это такая чудная и интересная женщина, что я совершенно очарован ею. Несмотря на свои семьдесят лет, она держит себя на положении сорокалетней женщины, подвижна, весела, любезна, обходительна, и сумела так устроить, что я с первой же минуты почувствовал себя у ней как дома».

К письму № 330

[1] На Малой Никитской улице в Москве, в доме Полуэктова Чайковский жил с осени 1874 г. до лета 1876 г. (на разных квартирах). Написал там Первый фортепианный концерт, закончил Третий квартет и инструментовку балета «Лебединое озеро» и сочинил фортепианные пьесы «Времена года».

[2] Баварский король Людовик II (поклонник Вагнера, построивший для него театр в Байрейте) комиссией психиатров был признан душевнобольным; через несколько дней после назначения регентства, 13 июня нов. ст. 1886 г., утопился в озере.

К письму № 338

[1] Из дневника: «Был необычайно нервен, чуть не до дурноты... Отвратительное состояние: не то болезнь, не то нервность до безумия. Отвращение совершенно непобедимое к Москве и ко всему, что там. Странно это» (29 июля). «Тоска прошла, но скука заменила ее» (30 июля).

К письму № 341

[1] За время с 19 августа по 8 сентября 1886 г. Чайковский написал двенадцать романсов, посвященных императрице Марии Федоровне (ор. 60): 1. «Вчерашняя ночь», слова Хомякова; 2. «Я тебе ничего не скажу», слова Фета; 3. «О, если б знали вы», слова Плещеева; 4. «Соловей», слова Пушкина; 5. «Простые слова», слова NN; 6. «Ночи безумные», слова Апухтина; 7. «Песнь цыганки», слова Полонского; 8. «Прости», слова Некрасова; 9. «Ночь», слова Полонского; 10. «За окном в тени мелькает», слова Полонского; 11. «Подвиг», слова Хомякова; 12. «Нам звезды кроткие сияли», слова Полонского.

Судя по дневниковым записям, романсы эти Чайковский писал с трудом, без вдохновения. 28 августа он отметил: «С отвращением фабриковал романс. Пороху нет, но как посвятить императрице менее, по крайней мере, десяти романсов».

К письму № 342

[1] Impromptu-Caprice для ф.-п. (1884), посв. С. И. Юргенсон, и «Лужка», русская деревенская сцена, для ф.-п. (февраль 1886), посв. Ю. Мармонтелю.

К письму № 343

[1] Этот дневник Чайковского не сохранился.

[2] См. тт. I и II переписки с фон-Мекк.

К письму № 344

[1] В августе 1886 г. под давлением русского правительства болгарский князь Александр (принц Баттенбергский) отрекся от престола. Стремление дипломатического представителя России вызвать движение против регентов и опасность оккупации Болгарии со стороны России усилили национальное движение, направленное против ее вмешательства. Либералы искали поддержки у Австрии, и произошел дипломатический разрыв с Россией. В это же время началось то сближение между Россией и Францией, которого так желала фон-Мекк (см. письмо № 190).

К письму № 345

[1] 22 сентября 1886 г. в московском Большом театре в бенефис декоратора Вальца был поставлен «Демон» Рубинштейна (в 101-й раз), под управлением автора. Спектакль был торжественный, цены очень высокие. На сцене чествовали и Вальца и Рубинштейна. Многие недоумевали, почему было отмечено не сотое, а сто первое исполнение оперы и почему торжество совпало с бенефисом Вальца. См. К. Ф. Вальц, «Шестьдесят пять лет в театре», Л., 1928, стр. 139—140.

К письму № 350

[1] Из дневника: «Так напряженно работал, что, вставши, шатался как пьяный» (7 октября). «Я работал, и до головной боли. Если так пойдет, то я, право, кажется, не в состоянии буду дописать оперу» (8 октября). «Так напрягался в работе, что заболела голова и вообще расстроился» (11 октября). «Спал очень много, но всё-таки проснулся с остатками г в о з д я... Что же это? Я потерял способность много работать? Да ведь это смерть!» (13 октября).

К письму № 353

[1] В сентябре 1886 г. Петербургское общество камерной музыки избрало Чайковского почетным членом. Об этом пребывании Чайковского в Петербурге см. Ж. Ч., т. III, стр. 137 и сл.

К письму № 357

[1] Из письма к брату Модесту от 4 декабря 1886 г.: «Сегодня, Модинька, совершилось очень знаменательное для меня событие. Я д и р и ж и р о в а л на первой оркестровой репетиции и дирижировал так, что (если только это не лесть) все удивлялись, ибо ожидали, что я осрамлюсь. Не стану тебе рассказывать все мучения, какие я

претерпел, когда, наконец, за несколько дней Альтани назначил репетицию. Чем ближе наступал ужасный день, тем невыносимее я страдал, и множество раз решался, было, бросить дирижирование. Но наконец кое-как переломил себя, пришел, был восторженно принят музыкантами, сказал довольно смело речь и очень смело стал махать палочкой. Теперь я уж знаю, что м о г у д и р и ж и р о в а т ь, и даже вряд ли на спектакле бояться буду». В тот же день в дневнике: «Тревожно спал. Готовился. Водка. Репетиция. Как благодарить мне бога, давшего силу победить себя! Ничего—порядочно. Рад до самозабвения».

К письму № 358

[1] Дом Мекк на Рождественском бульваре в Москве, где она жила в 1876—1878 гг. См. т. I переписки.

К письму № 360

[1] Ларош, «По поводу «Каменного гостя» в Москве» — «Русский вестник» 1887, январь.

К письму № 364

[1] Первое представление «Черевичек» в московском Большом театре состоялось 19 января 1887 г., под управлением автора. Опера имела огромный успех — и у публики и у рецензентов (см. «Русские ведомости» 1887, № 19; «Московские ведомости» № 29 и «Современные известия» № 23). Чайковский писал об этом Э. К. Павловской. «Не в состоянии изобразить вам всех претерпенных мною нравственных страданий в течение дня. Однако, ни жив, ни мертв появился в театре в назначенный час. Меня ввел в оркестр Альтани, тотчас же взвился занавес и началось поднесение венков от оркестра, от хоров и т. д., при громе рукоплесканий. Во время этой процедуры я несколько оправился, начал увертюру хорошо и к концу ее уже совершенно уверенно... Все меня хвалили, говорили, что н е о ж и д а л и, что будто у меня даже оказался дирижерский талант. Но так ли это? Не комплименты ли всё лестное, что по поводу этого слышу? Я буду дирижировать еще два раза и только после третьего мне самому будет ясно, на сколько правды в том, что говорят». См. Ж. Ч., т. III, стр. 152—158.

К письму № 369

[1] Об этом писал Феликс Маккар в письме от 21 февраля пов. ст. 1887 г. (хранится в архиве Чайковского).

К письму № 371

[1] Концерт состоялся 5 марта в зале Дворянского собрания. Программа: Вторая сюита (в Петербурге в первый раз), Ария и пляска скоморохов из «Чародейки», Анданте и вальс из Струнной серенады, «Франческа да-Римини», романсы, увертюра «1812 г.». Подробности и библиографию газетных отзывов см. в Ж. Ч., т. III, стр. 161.

[2] К этому времени племянник Чайковского Владимир (Боб) Давыдов начинает играть всё бóльшую и бóльшую роль в его жизни. Во время пребывания Чайковского в Петербурге в октябре — ноябре 1886 г. почти

[illegible] записях дневника упоминается его имя. Наиболее значительные из них: Боб (моя радость!) нездоров и остался на весь день дома (27 октября). Сердился, что Боб не пришел к Литке, и ревновал его (31 октября). «Долго болтал с Бобом. Странное чувство у меня, когда я с Бобом. Я чувствую, что он меня не только не любит, но просто питает ко мне нечто вроде антипатии. Ошибаюсь я или нет?» (8 ноября). Много внимания стало уделяться ему также и в письмах к М. И. Чайковскому.

[illegible] Портрет находится в Музее Чайковского в Клину.

[illegible] 1 марта было опубликовано официальное сообщение о задержании 1 марта в Петербурге, на Невском проспекте, нескольких студентов с бомбами.

К письму № 376

[1] Концерты Сен-Санса состоялись в Москве, в Благородном собрании, 18 и 19 апреля 1887 года. Программа из его произведений. Оркестр под управлением автора и В. И. Главача.

К письму № 377

[1] См. в т. II переписки прим. к письму № 330.

К письму № 384

[1] В июне 1887 г. скончался гр. Н. Ф. Литке, муж двоюродной сестры Чайковского, Амалии Васильевны, рожд. Шоберт.

К письму № 387

[1] Этот вопрос в переписке Чайковского с Танеевым не освещен. По поводу претензий фон-Мекк Чайковский Танееву тоже ничего не писал.

К письму № 395

[1] Пребывание около больного было очень тягостно Чайковскому. Об этом он много писал и в дневнике и в письмах. См. Ж. Ч., т. III, стр. 174 и сл. и «Дневники П. И. Чайковского», стр. 161 и сл.

К письму № 402

[1] Первое представление «Чародейки» состоялось 20 октября 1887 г. в Мариинском театре, под управлением автора. Публика встретила оперу холодно, одобрены были лишь отдельные места первого и второго действия. «Вызовов, даже с поднощениями, всё-таки было много,— куда больше, чем на первом представлении «Евгения Онегина», но все они начинались несколько секунд после того, как занавес опускался, и не единодушным взрывом всего театра, а с постепенным нарастанием,— верный признак, что не само произведение, а симпатии к исполнителям и автору были их причиною. Автор-дирижер этого не заметил, и в вечер 20 октября ему казалось, что опера понравилась. Он начал сомневаться в этом после второго представления, 23 октября, прошедшего гораздо лучше в отношении исполнения и, тем не менее, почти при полном молчании публики. Холодность приема публики возрастала с количеством представлений, и, после четвертого, которым еще дирижировал

сам Петр Ильич и на котором даже при первом появлении за дирижерским пюпитром он не был встречен рукоплесканиями, он понял, что «Чародейка» «почетно провалилась». Пятое представление уже не сделало полного сбора» (Ж. Ч., т. III, стр. 185).

В газетах появились обстоятельные статьи, мало приятные автору, но без явных признаков травли, на которую жаловался Чайковский. Вероятно, его всего больше задело единодушно высказанное мнение, что он, будучи выдающимся симфонистом и лириком, не является оперным композитором и что драматический сюжет «Чародейки» совсем чужд его дарованию. «Чародейка»— неудачная опера, и не в этой области ждут от Чайковского новых произведений. «Едва ли кто будет спорить, что талант г. Чайковского, сильный и неистощимый в творениях симфонической музыки, гораздо слабее и уже в музыке оперной». «Г. Чайковский, так хорошо знающий оркестр, намного менее знаком с голосами, несмотря на то, что им написана масса романсов и семь опер, и, самое главное, г. Чайковский далеко не большой знаток в сцене, что он доказал своими первыми шестью операми, из коих в репертуаре удержалась лишь одна опера «Евгений Онегин». «В своем новом произведении Чайковский не подвинулся вперед как оперный композитор». «Трудностей техники для него не существует; он владеет оркестром, как великий мастер. Но не оперы главным образом доставили ему и упрочили за ним это исключительное почетное положение и громкую известность». «Зная, что г. Чайковский мало вокальный композитор, что он вовсе не декламатор, что он преимущественно лирик, можно было вперед предположить, что едва ли опера, написанная на такой драматический сюжет, как «Чародейка», может выйти удачной, и, действительно, это самая слабая из его опер». «Во всяком случае, «Чародейка» представляет произведение крупного таланта. Она не прибавит, быть может, ничего к установившейся уже репутации своего автора, не станет столь популярною, как «Онегин», но всегда встретит сочувствие лиц с развитым вкусом, способных обращать внимание на отдельные частности и ценить талант, вложенный туда автором» («Петербургский листок» 1887, № 287; П. С. Макаров, «Биржевые ведомости» № 277; Н. Соловьев, «Новости» № 291; К. Галлер, «С.-Петербургские ведомости» № 297; Ц. Кюи, «Гражданин» № 28; М. Иванов, «Новое время» № 4188).

[2] 14 ноября состоялось второе симфоническое собрание Р. М. О., под управлением Чайковского. Программа из его произведений: «Моцартиана» (в первый раз), «Франческа да-Римини», фортепианная фантазия, ор. 56 (исп. Танеев); увертюра «1812 год»; ариозо из «Чародейки» и романсы (исп. А. Скомпская). 15 ноября утром концерт был повторен по общедоступным ценам. Это было первое выступление Чайковского перед московской публикой в качестве концертного дирижера (до этого под его управлением шли «Черевички»). Успех был огромный. Овации при каждом появлении, венки, подарки от оркестра, артистов оперы, дирекции Р. М. О., профессоров консерватории и др. В «Русских ведомостях» 1887, № 321 напечатана обширная статья Н. К[ашк]ина по поводу этих концертов. См. также № 315 и «Московские ведомости» № 317.

К письму № 404

[1] См. т. I переписки.

[2] В таком же тоне писал об этом Чайковский Юргенсону 24 ноября. См. Ж. Ч., т. III, стр. 189.

[1] В «Новостях» 1887, № 322 от 18 ноября напечатана корреспонденция из Москвы, по поводу концертов 14 и 15 ноября (см. прим. 2 к письму № 402), с резкими нападками против Чайковского: «...Московские фабричные и мастеровые — народ любопытный, за полтинником не постоят, но шума и неприличий могут при непривычке к таким собраниям наделать много и, пожалуй, отучат от концертов тех, которые привыкли слушать симфонические концерты при известной приличной обстановке... В видах общедоступности, концерт составлен был с соблюдением экономии, и исполнителями явились свои люди, заинтересованные успехом придуманной комбинации: г.г. Чайковский и Танеев, прихватив на пристяжку ученицу консерватории, услаждали публику вечером и на другой день утром. Вечерняя изысканная публика под неостывшим впечатлением петербургской критики, дерзнувшей усомниться в композиторской непогрешимости г. Чайковского, воспользовалась случаем, чтобы заявить ему свое сочувствие рядом восторгов и преподношений, благодаря чему вечерний концерт имел характер торжества. Это не помешало, однако, публике отнестись довольно трезво к исполнению концерта: за исключением поэмы «Франческа да-Римини», остальным пьесам аплодировали очень сдержанно и умеренно. Москвичи более чем кто-нибудь убеждены, что произведения Чайковского художественны, но слушать их с восторгом в течение нескольких часов, при всей любви к Чайковскому, показалось им несовсем удобным, тем более, что в числе пьес были довольно слабые, хотя бы, например, фантазия ор. 56, исполненная г. Танеевым». Дальше нападки на Танеева, навеявшего «порядочную скуку», на певицу и «посредственного» дирижера Чайковского. «В движениях его палочки видны робость, отсутствие энергии и той воли, которую приобрести опытом едва ли возможно».

К письму № 405

[1] Из письма к Юргенсону от 1 декабря 1887 г.: «Напомни мне при свидании поговорить о Кривякине. Появились некоторые причины, по которым я думаю, что даже на полторы тысячи арендной платы можно согласиться. А впрочем, увидим, поговорим. Штука в том, что от Н. Ф. ф.-М. получаю ясные намеки, что она подарит мне Кривякино по ее приезде в Россию. Я без всякого стыда приму подарок».

К письму № 407

[1] Об этой поездке см. Ж. Ч., т. III, стр. 198 и сл. и «Автобиографическое описание путешествия за границу в 1888 году» в книге «Музыкальные фельетоны и заметки П. И. Чайковского», М. 1898.

К письму № 415

[1] Из письма к брату Модесту от того же числа, 10/22 февраля 1888 г.: «Выразить тебе, до чего я устал, нет возможности; следует [illegible] выдерживаю без ущерба [illegible] приятных минут. Конечно, в России я и помышлять не могу когда-нибудь иметь такой успех, как здесь. С Дворжаком и со всеми здешними композиторами я в дружбе. Вообще, нужно сказать, что чехи оказались молодцы, и смелость, с которою они по поводу моего приезда проявляли свои симпатии к России, удивительна... Мое пражское пребывание есть целая эпопея. Я думаю

что она отчасти попадет в газеты и ты кое-что узнаешь вскоре; если нет, то подожди, пока приеду и расскажу. Ничего подобного я и представить себе не мог. Вчера был второй концерт в театре и после него давался великолепно обставленный второй акт из «Лебединого озера». Мой успех был грандиозный. Во время моего десятидневного пребывания здесь я сказал множество речей, а на большом банкете в день первого концерта прочел большую речь по-чешски. В общем чехи оказались очень симпатичны, и многих из тех, которые постоянно при мне состояли, я ужасно полюбил.

К письму № 417

[1] П. А. Данильченко.

К письму № 421

[1] Фроловское — село и имение в семи верстах от Клина. Чайковский жил там с апреля 1888 г. по сентябрь 1889 г. и с мая 1890 г. по май 1891 г. В настоящее время в этом доме помещается школа; внешний вид (со стороны парка) несколько изменен.

[2] Мекк — рожденная Фроловская.

К письму № 422

[1] Чайковский написал «Автобиографическое описание путешествия за границу в 1888 г.», помещенное в книге «Музыкальные фельетоны и заметки П. И. Чайковского». М. 1898.

К письму № 423

[1] Очевидно, имеется в виду фельетон Чайковского, помещенный в «Русских ведомостях» 1875, № 252 (см. «Музыкальные фельетоны и заметки» Чайковского, стр. 308 и сл.).

К письму № 424

[1] Эти замыслы не осуществились. По поводу «Капитанской Дочки» Чайковский писал вел. кн. Константину Константиновичу 30 мая 1888 г.: „«Капитанскую Дочку» я не пишу и вряд ли когда-нибудь напишу. По зрелом обдумании, я пришел к заключению, что этот сюжет не оперный. Он слишком дробен, требует слишком многих не подлежащих музыкальному воспроизведению разговоров, разъяснений и действий. Кроме того героиня, Мария Ивановна, недостаточно интересна и характерна, ибо она безупречно добрая и честная девушка и больше ничего, а этого для музыки недостаточно. При распределении сюжета на действия и картины оказалось, что таковых потребуется ужасно много, как бы ни заботиться о краткости. Но самое важное препятствие (для меня, по крайней мере, ибо весьма возможно, что другому оно бы нисколько не мешало) — это Пугачев, Пугачевщина, Берда и все эти Хлопуши, Чики и т. п. Чувствую себя бессильным их художественно воспроизвести музыкальными красками. Быть может, задача и выполнима, но она не по мне. Наконец, несмотря на самые благоприятные условия, я не думаю, чтобы оказалось возможным появление на сцене Пугачева. Ведь без него обойтись нельзя, а изображать его приходится таким, каким он у Пушкина, т. е. в сущности удивительно симпатичным злодеем. Думаю, что как бы цензура ни

залась благосклонной, она затруднится пропустить такое сценическое представление, из коего зритель уходит совершенно очарованный Пугачевым. В повести это возможно,—в драме и опере вряд ли, по крайней мере у нас".

К письму № 413

[1] 15 июня нов. ст. 1888 г., через девяносто девять дней царствования, скончался германский император Фридрих III, страдавший продолжительной болезнью горла. На престол вступил его сын, Вильгельм II.

К письму № 431

[1] В середине мая 1888 г. Чайковский стал писать Пятую симфонию e-moll, законченную к 14 августа. О первом исполнении см. прим. 1 к письму № 452.

Из писем к брату Модесту: «По правде сказать, и охоты творить пока еще вовсе нет. Что это значит? Неужели я окончательно исписался? Мыслей и настроений никаких! Но я надеюсь, что мало-помалу наберется материалу для симфонии» (15 мая 1888 г.). «Я теперь понемножку начинаю с трудом симфонию выжимать из отупелых мозгов своих. Поэтому буду наверное часто не в духе и буду наводить на тебя уныние» (19 мая).

К письму № 435

[1] Гамлет», увертюра-фантазия для оркестра, написана летом 1888 г., оркестрована между 14 сентября и 8 октября. Посвящена Григу. Предполагалось первоначально, что это будет небольшая вещь, приуроченная к благотворительному спектаклю с участием известного драматического артиста Гитри в роли Гамлета. См. Ж. Ч., т. III, стр. 319. О первом исполнении см. прим. 2 к письму № 452.

[2] Несколько писем Чайковского к вел. кн. Константину Константиновичу опубликовано в Ж. Ч., т. III, вся их переписка хранится в Институте русской литературы, копии — в Клинском музее.

К письму № 447

[1] Письмо Мекк не сохранилось.

К письму № 448

[1] Увертюру-фантазию Ларош Чайковский инструментовал в августе — середине октября 1888 г. Впервые исполнена на авторском концерте Чайковского 5 ноября того же года. Об этом произведении см. Ж. Ч., т. III, стр. 281–282.

К письму № 451

[1] См. прим. 1 к письму № 306.

Были исполнены следующие произведения Г. Пахульского: фортепианные вариации (ор. 1) и «Мелодия» для виолончели (ор. 4). Изданы Юргенсоном.

К письму № 452

[1] В этом концерте впервые были исполнены Пятая симфония Чайковского и увертюра-фантазия Ларош. Публика восторженно встретила автора. Было много подношений. Пресса отнеслась иначе. Положительные оценки были только в «Новостях» 1888, № 308 и «С.-Петербургских ведомостях» № 309. Другие рецензенты признали, что это — шаг назад, что симфония «носит на себе следы торопливости». Особенно обрушились некоторые за включение в симфонию вальсов. «Симфония с тремя вальсами и притом с инструментовкой, рассчитанной на самый пошлый эффект! Не характеризует ли это г. Чайковского как истощенного и выдохшегося композитора? Не доказывает ли это полный упадок таланта?» («День» № 191). «В целом симфония отличается безыдейностью, рутиной, преобладанием звука над музыкой» (Кюи, «Музыкальное обозрение» № 25). См. также «Петербургская газета» № 88, «Новое время» № 4562 и Ж. Ч., т. III, стр. 282 и сл.

[2] Первое исполнение «Гамлета» оставило у публики и критики смутное впечатление. Отмечались достоинства увертюры как музыкального произведения и в то же время — недостаток ее как программного сочинения, внутренно не связанного с трагедией Шекспира. См. Ж. Ч., т. III, стр. 284.

К письму № 454

[1] В этом концерте были исполнены произведения Чайковского: Пятая симфония и Второй фортепианный концерт в исполнении Сапельникова.

[2] По поводу этой постановки Дворжак писал Чайковскому из Праги 1/14 января 1889 г.: «С радостью признаюсь, что ваша опера произвела на меня большое и глубокое впечатление,— именно такое, как я ожидаю всегда от настоящего артистического творения, и не задумываюсь сказать, что ни одно из ваших сочинений мне так не нравилось, как ваш «Онегин». Это чудное сочинение, полное теплого чувства и поэзии, разработанное до деталей; коротко сказать, это музыка, манящая нас к себе и проникающая так глубоко в душу, что ее нельзя забыть».

К письму № 456

[1] Чайковский участвовал 17 декабря в четвертом Русском симфоническом концерте (устраивавшемся М. П. Беляевым, пропагандистом произведений «Могучей кучки»). Исполнялась «Буря» Чайковского. По этому поводу он писал брату Анатолию 19 декабря 1888 г.: «В субботу я участвовал в Русском симфоническом концерте. Очень рад, что мне пришлось публично доказать, что я вне всяких партий и что я считаю для себя лестным быть там, где главным действующим лицом Римский-Корсаков».

К письму № 459

[1] Письмо Чайковского к Юргенсону по этому поводу см. в Ж. Ч., т. III, стр. 263.

[2] Балет «Спящая красавица» (по сказке Перро того же названия) Чайковский начал в конце декабря 1888 г. и к 18 января 1889 г. написал черновые эскизы четырех картин. Следующие четыре месяца мало работал над балетом, закончил его в период с 19 по 26 мая. Посвящен И. А. Всеволожскому. Впервые поставлен в Мариинском театре 3 января 1890 г.

К письму № 460

[1] Об этом путешествии Чайковского, об его огромном успехе см. Ж. Ч., т. III, стр. 291 и сл.

- Из письма к Глазунову от 15 февраля 1889 г.: «Если бы всё мое путешествие состояло только из репетиций и концертов, то оно было бы даже приятно. Но, к сожалению, меня одолевают приглашениями на завтраки, обеды и ужины. Я никогда не бываю один, и вследствие того чувствую такую усталость, такую тоску, что нередко, попавши домой, плачу как маленький ребенок. В тоске, которая гнетет меня, есть что-то болезненное, жгучее и в высшей степени неприятное. Говорю вам совершенно искренно, что я не выдержал и удрал бы домой, если бы не мысль, что в лице моем чествуется русская музыка вообще и что я должен являться туда, где мной интересуются. Весьма сожалею, что в русских газетах про одержанные мною победы ничего не пишут. Но что тут делать? У меня нет друзей в русской прессе, да если бы и были, как-то совестно посылать о себе известия».

К письму № 463

[1] Успех у публики изменил и отношение Чайковского к Пятой симфонии. Он писал брату Модесту в тот же день, 5/17 марта 1889 г.: «Симфония перестала казаться мне скверной; я снова полюбил ее».

К письму № 466

[1] Об этих концертах см. Н. А. Римский-Корсаков, «Летопись моей музыкальной жизни», гл. XXI.

К письму № 481

[1] В прежние годы симфонические собрания Московского отделения Р. М. О. проводились под управлением одного дирижера (последнее время Эрдмансдерфера). В сезоне 1889/90 г. на двенадцать концертов были приглашены двенадцать дирижеров: Римский-Корсаков, Чайковский, Зилоти, Аренский, Клиндворт, А. Рубинштейн, Сатин, Дворжак, Альтани, Ипполитов-Иванов, Направник, Колони. Общедоступными дирижировал Сафонов. Количество членов-посетителей увеличилось с 1684 до 1863. В следующем году был только один дирижер, Сафонов, и число членов-посетителей снова уменьшилось до 1643.

К письму № 485

[1] Об этих концертах см. Ж. Ч., т. III, стр. 330 и сл. К юбилею Рубинштейна Чайковский написал «Impromptu» для ф.-п. и «Привет А. Г. Рубинштейну», хор a capella на слова Полонского. Оба произведения были исполнены на торжественном акте юбилея Рубинштейна 18 ноября 1889 г.

К письму № 487

[1] Чайковский начал писать «Пиковую Даму» 19 января 1890 г. во Флоренции и в эскизах закончил 3 марта. К 26 марта был сделан клавираусцуг, 8 июня окончена инструментовка. Вся опера написана в че-

тыре месяца и двадцать дней. Впервые поставлена в Мариинском театре 7 декабря того же года. См. Ж. Ч., т. III, стр. 388 и сл.

[2] «Известная особа» — жена композитора, Антонина Ивановна Чайковская. Ее имя не упоминалось в переписке с Мекк с 1881 г. (см. т. II по указателю), но Чайковскому нередко приходилось вспоминать о ней. Материальная помощь с его стороны почти не прекращалась, и по поводу этого дела он несколько раз писал Юргенсону, являвшемуся его доверенным. Приводим несколько отрывков из писем к Юргенсону:

Посоветуй мне пожалуйста, что мне отвечать Ант. Ив. Посылаю тебе ее письмо. Это совершенно подобие сказки Пушкина о рыбаке и рыбке. Год тому назад я ей удвоил пенсию, теперь она просит опять удвоить! В сущности, лишь бы от нее отделаться, я готов, пожалуй, исполнить ее просьбу, но кто поручится, что через год она не попросит 100 рублей? Женщина, столь глупая, ничтожная, способная нескольких детей отдать в воспитательный дом и нисколько об них не беспокоиться, не заслуживает ни малейшего сочувствия, и веры в ее нужду я не имею, ибо на сто рублей можно очень порядочно жить. А с другой стороны, чем более я буду сознавать, что я ее осчастливил, тем лучше для меня, тем я покойнее. Ведь бывают минуты, когда мне эту дуру жаль. Чем она виновата, что она глупа, жалка, лишена всякой гордости, всякой порядочности. Одним словом, есть много за и много против удовлетворения ее просьбы. Будь так добр, вели ей к тебе зайти и поговори с ней. Не назначить ли покамест ей 150 рублей? Или не сказать ли ей, что, имея верных в год всего 3 000 р. (об остальном ведь она не знает, да и притом бог знает насколько это верно), я не могу ей, не способной ни на какой труд и ни на какое дело, отдавать $^4/_5$ моей пенсии.— А что от времени до времени, при хороших заработках я ей буду выдавать сколько можно сверх 1 200 р. в год. Одним словом, позволь снова злоупотребить твоей дружбой и попросить решить это дело. Я нахожу совершенно возможным подарить ей теперь 200 р. в виде поощрения (9/21 марта 1889 г.). «По зрелом размышлении я пришел к тому, что можно назначить Ант. Ив. 150 рублей. Бог с ней. В этом смысле я тебе телеграфировал. Если ты станешь бранить меня, то я объясню тебе следующее. Года три тому назад у нас с тобой по поводу приставаний ко мне Ант. Ив. было решено, что ты никаких писем от нее передавать мне не будешь, что ты будешь постоянным посредником между нами, причем я тебя уполномочил решать всякие ее просьбы по своему произволу. Ей было тогда объявлено, чтобы она не смела мне писать. Года два она повиновалась, а теперь снова начала обращаться ко мне прямо. Согласно нашему уговору, ты не должен был вовсе передавать мне ее писем, а—распечатывать, читать и решать. Дело в том, что, во-первых, письма Ант. Ив. буквально делают меня больным,— до того мне неприятно всякое напоминание об этой личности, а во-вторых, по слабости характера я всегда в конце концов исполню ее просьбу. В данном случае так и вышло. Говорю это не в виде упрека, но в виду будущего времени. Всякие ее письма открывай, читай, решай и не говори мне ничего про нее до тех пор, пока я не попрошу тебя дать о ней сведения» (21 марта/2 апреля 1889 г.). «Письмо Ант. Ив. распечатай, прочти и потрудись, пожалуйста, написать ей, чтобы она перечла несколько раз то, что я ей писал летом, и поняла бы, как с ее стороны глупо и бесплодно писать мне. Потрудись ей сказать, что она может, если уж ей непременно нужно скрипеть пером, писать к тебе. Извини, что я сваливаю на тебя эту обузу, но представь, что я имею слабость просто физически заболевать при каждом напоминании об А. И., а уж про письма и говорить нечего.

Вот и теперь пишу тебе и весь нервно трясусь как в лихорадке. Ах, ради бога избавь меня от этого отвратительного кошмара» (21 октября 1889 г.). «Как ты жесток ко мне, друг мой! Конечно, только невольно можно причинять приятелю столько огорчения, как ты мне сегодняшним письмом. Ради бога, не пиши мне никогда без особенной надобности об Ант. Ивановне. Всякое известие о ней, о какой-нибудь новой ее штуке без всякой пользы для кого бы то ни было раздражает, убивает меня! Это ужасная рана моя, до которой, умоляю, не касайся, если это не необходимо. Я сегодня весь день как сумасшедший, не могу ни есть, ни работать (главное, убийственно, что теперь я несколько дней не в состоянии буду работать), ни читать, ни гулять,— словом, я глубоко несчастлив. Конечно, во всем этом какое-то болезненное преувеличение дела. Ну что в том, что сумасшедшая новое безумие учинила? Но тут уж играет роль ненормальность, истеричность моей натуры. Нужно что-нибудь сделать, чтобы эта сумасшедшая перестала скандальничать. Но что? Я целый день сочинял письма к ней, но злоба заставляла меня вдаваться в мелочные попреки и в споры с ней, а этого отнюдь не следует. Наконец одно письмо написал и посылаю тебе его. Если ты найдешь нужным, пошли его; если же оно слишком мягко или вообще не так, как следует, то брось» (30 января 1890 г.).

Письмо не было отправлено, оно находится в Клинском музее — единственное сохранившееся письмо Чайковского к жене. В данном случае Чайковского особенно взволновало ее обращение к А. Рубинштейну с просьбой о месте в Петербургской консерватории и ее намерение обратиться за материальной помощью на высочайшее имя. Приводим полностью это письмо, датированное 30 января/11 февраля 1890 г.: «Антонина Ивановна! Вы совершаете в последнее время целую серию поступков детски-неосмысленных, и я принужден наказать Вас, как наказывают детей, т. е. лишением их какого-либо материального блага. Я лишаю Вас одной трети Вашей пенсии; отныне, впредь до изменения, Вы будете получать 100 рублей. Уведомляю Вас об этом и при сем считаю не излишним побеседовать с Вами, хотя плохо надеюсь, что Вы прочтете в моих строках то, что в них есть, а не то, что Вы вообразите. Вы, опять-таки как дети, верите в создание Вашего воображения как в истину. Пожалуйста, прочтите внимательно то, что я Вам сейчас скажу, и хоть раз в жизни отнеситесь сколько-нибудь здраво к суровой и печальной действительности. Четыре года тому назад в письме, преисполненном уничижения, Вы просили у меня денежной помощи. Вы таковой не заслуживали и вот почему. 1) Когда в 1878 г. я предлагал Вам средство, к которому прибегают все неудачно соединившиеся супруги, Вы по какому-то слепому капризу от *развода*, давшего бы и Вам и мне свободу, наотрез отказались. 2) Расставшись со мной, Вы были гораздо богаче меня, и я не виноват в том, если Вы маленького состояния своего не сохранили. 3) Отказавшись от развода, Вы сначала систематически отравляли мне жизнь то письмами с бранью, попреками, какими-то угрозами (смысла коих я никогда не мог понять), то появлением своим у меня и преследованием из одной столицы в другую. 4) Вступивши в нелегальную связь с неизвестным мне человеком, Вы перестали адресовать мне письма и просьбы только потому, что *боялись* каких-то моих воображаемых посягательств на Ваше благополучие (о чем впоследствии Вы мне весьма подробно писали). 5) От связи этой Вы имели *трех детей*, коих отдали в Воспитательный дом!!!! (Об этом имеется также очень подробное письмо Ваше.) 6) В то время, когда Вы ко мне обратились, т. е. четыре года тому назад, Вы были совершенно здоровы и способны к труду. Итак: отка-

завшись от развода, заслуживши мое справедливое негодование за преследование меня, быв женщиной состоятельной, поместив, несмотря на то, детей своих в Воспитательный дом и, следовательно, быв совершенно здоровой, не старой и лишенной забот,— Вы заслуживали отказа. Однакож, жалея Вас, я назначил Вам 50 р. в месяц, и благодарность Ваша тогда была безгранична, ибо смутно Вы сознавали, что не имеете ни малейшего права требовать от меня чего бы то ни было. Весьма скоро затем, я, сделавшись богаче вследствие высочайше дарованной пенсии, удвоил мою ежемесячную помощь Вам. Не прошло после того и году, как Вы пожелали нового увеличения ее. Я и тут согласился. Теперь Вы предъявляете какие-то совершенно фантастические требования, доходящие до того, что Вы желаете места в консерватории, ссылаясь на пример А. И. Губерт!!!! Ваша новая мания писать прошения, жалобы и письма становится, наконец, для меня несносна. Я не имею никакого права препятствовать Вам в этом, и хотя каждым новым произведением неутомимого пера Вашего Вы даете лишь новое очевидное доказательство всей правоты моей,— но у меня нет ни малейшей охоты своими трудовыми деньгами увеличивать Ваше материальное благополучие, когда Вы выказываете так много неблагодарности и забывчивости о весьма недавнем прошлом! Всё это я говорю, очень сожалея, что должен высказать много для Вас неприятного. Но виноват ли я, что Вы вызываете меня на крутые меры? А между тем, как легко бы Вам было вызывать во мне лишь одно живое желание по возможности услаждать Вашу действительно безотрадную жизнь. Очень рад был бы навсегда искоренить из моего сердца недобрые чувства к Вам, быть Вам по мере сил полезным, быть, одним словом, для Вас хоть и издали, но помощью и опорой. Увы! Как только жалость к Вам берет у меня верх над недоброжелательством, как только у меня является охота выказать Вам участие и забвение прошлого,— Вы с удивительным непониманием, с непостижимою бестактностью, с совершенно невероятным в Ваши годы легкомыслием снова восстановляете меня против себя. Я узнал от Петра Ивановича, что Вы писали Рубинштейну. Это поистине непостижимо!!! Чаша терпения переполнилась. Прошу Вас не отвечать мне, иначе я приму еще более крутые меры. Прощайте. Не скоро теперь буду писать Вам. Постарайтесь понять, как Вам следует вести себя. А если Вы не поймете, то тем хуже для Вас. П. Чайковский. [P. S.]. Еще посоветую Вам стряхнуть с себя Вашу враждебность к П. И. Юргенсону, которого еще так недавно Вы восхваляли. Он, с своей стороны, никакой враждебности к Вам не питает и может быть отличным посредником между нами».

В письме к Мекк имя А. И. Чайковской упоминается под впечатлением ее письма от 15 декабря 1889 года. Письмо огромное, полное упреков и жалоб. Очень взволновали, вероятно, Чайковского ее угрозы предать гласности особенности его конституции, ей известные. Она писала: «Моя матушка была дружна с сестрой покойного шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Он знал про Вас и прямо мне лично предлагал подать ему докладную записку, по которой он мог бы действовать против Вас... Если бы я захотела, я и теперь могла бы причинить Вам зло. Но этого никогда не будет. Какое право имею я судить Вас».

К письму № 485

[1] В эти месяцы перерыва в переписке Чайковский получал сведения о Мекк через В. А. Пахульского.

Заявление Чайковского о выходе из дирекции Московского отделения Р. М. О. опубликовано в журнале «Музыка и Революция» 1928, № 11.

К письму № 487

Первая записи секстета «Воспоминание о Флоренции» (ор. 70) относится к 1887 г., начал работать над ним Чайковский 12 июня 1890 г., закончил к 13 июля. Впервые исполнен в ноябре того же года на квартире у Чайковского. Оставшись после исполнения недовольным этим произведением, Чайковский переделывал его в декабре 1891 г.—январе 1892 г.

Из письма к брату Модесту: «Я начал [секстет] третьего дня и пишу с лихорадочной натугой; меня затрудняет не недостаток мыслей, а недостаток формы. Нужно шесть самостоятельных и притом однородных голосов. Это невероятно трудно. Гайди никогда не мог побороть этой трудности и, иначе как для квартета, ничего камерного не писал. Может возможно, что я устал. Если замечу, что так пойдет дальше, временно прекращу». «Ах, Модя, что за секстет вышел, и какая там фуга в конце, просто прелесть. Страх как я собой доволен» (15 июня и 4 июля 1890 г.).

К письму № 492

Чайковский писал Аренскому (письмо не датировано): «Когда два года тому назад я прослушал «Сон Воеводы» [«Сон на Волге»] у Сергея Ивановича [Танеева] при Альтани, то опера Ваша понравилась мне, но с оговорками, и большими. Многое тогда мне не выяснилось, и (как это нередко бывает после поверхностного знакомства) я не отдал тогда Вашему чудесному сочинению должной справедливости. Теперь я оперу хорошо изучил и, проиграв ее от начала до конца два раза подряд, могу иметь о ней настоящее суждение. Чем более я узнавал ее, тем более красоты ее пленяли меня, и теперь я того мнения, что это одна из самых симпатичных и прелестных опер, какие только существуют. Некоторые же места безусловно превосходны. Сюда я особенно отношу первую картину четвертого действия, которая, по-моему, и по музыке великолепна и в сценическом отношении чрезвычайно удалась. Всё второе действие тоже в высшей степени удачно. Мизгирь Вам чрезвычайно удался; шествие великолепно. Одним словом, я ужасно рад, милый Антон Степанович, что могу самым искреннейшим образом поздравить Вас с сочинением прекрасной, симпатичной и, как мне кажется, очень эффектной оперы. Я надеюсь, что и в публике опера произведет сенсацию, а впрочем, если нет, что за беда! — напишете еще несколько других. Главное то, что ни один сколько-нибудь понимающий человек не отнесется к ней иначе, как с горячим сочувствием».

К письму № 491

В Музее Чайковского сохранился альбом с этими снимками. Помещенный в книге портрет 1890 г. воспроизведен с фотографии из этого альбома.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Кроме имен, в список включены названия всех упомянутых музыкальных произведений — под фамилией автора. Имена, упоминаемые только при их произведениях, не аннотированы. Имена, встречающиеся в первом томе, отмечены звездочкой, во втором—двумя звездочками, в первом и втором—тремя звездочками; они не аннотированы. В иностранном указателе сделаны ссылки на русский указатель у тех имен, которые в письмах встречаются на русском и иностранных языках.

Ададуров Иван Евграфович (ум. 1907 г.) — организатор технических железнодорожных съездов, член правления Московско-Казанской железной дороги и член дирекции Моск. отд. Р. М. О.—481, 487.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859). На его слова Чайковский написал песенку «Мой Лизочек» (ор. 54).—625, 634.

Александр I (1857—1893)—кн. Болгарский.—625.

Александр II.—17.

Александр III.—32, 100, 159, 184—185, 189, 199, 202, 209, 212, 263—265, 268, 320—321, 337, 347, 352, 366, 409, 448, 470, 513—514, 527, 530—531, 536, 542, 595.

Алексеев Николай Александрович.—196, 204, 206.

Алехин Александр Александрович—член правления Рязанской железной дороги.—529.

д'Альбер Евгений-Франсис-Шарль (р. 1864 г.)—пианист и композитор.—289, 336, 340.

Альбрехт Константин (Карл) Карлович.—359—360, 362, 365, 499, 541, 574, 576, 615.

Альбрехт Константин Карлович—сын предыдущего, архитектор.—499.

Альтани Ипполит Карлович (1846—1919)—дирижер оперы московского Большого театра.—393, 618, 626, 639, 650.

Апухтин Алексей Николаевич.—637.

Аренский Антоний Степанович (1861—1905)—композитор. Посвятил Чайковскому фантазию для оркестра «Маргарита Готье» (1886) и памяти его квартет (a-moll) ор. 35.—355, 583, 599, 635, 646, 650.

— Опера «Сон на Волге».—599, 650.

— Ноктюрн.—635.

Ахшарумов Николай Дмитриевич (1819—1893)—беллетрист и критик.—84.

Бакулевская Екатерина Петровна (ум. 1884 г.)—племянница Давыдовых.—278.
* *Байрон* лорд Джордж-Ноэль-Гордон.—366, 373.
** *Балакирев* Милий Алексеевич.—561, 633—635.
— Фантазия «Исламей», для ф.-п. (1869).—560—561, 635.
Бамбергер фон Генрих (1822—1888)—известный клиницист, директор клиники в Вене.—133.
Барановский—член дирекции Моск. отд. Р. М. О.—488.
* *Барцевич* Станислав Карлович.—125.
* *Бах* Иоганн-Себастьян.—264, 350, 444, 635.
— Сюита (D-dur), для оркестра.—387, 635.
— Соната, для скрипки.—350.
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848).—522.
* *Беллини* Винченцо.—40, 505, 616.
Беляев Митрофан Петрович (1836—1904)—лесопромышленник, меценат, покровительствовавший «Могучей кучке», организатор русских симфонических собраний и музыкально-издательской фирмы.—560, 571, 645.
Бенардаки Мария Павловна (ум. 1913 г.)—жена крупного капиталиста, жившая в Париже.—519.
Беннигсен гр. Адам Павлович (Адя) (р. 1882 г.)—внук Мекк, впоследствии офицер л.-гв. Конного полка.—71, 75, 204, 214, 284, 286, 369, 425, 480.
Беннигсен гр. Александра Карловна—см. Мекк А. К.
Беннигсен гр. Ксения Павловна (Кася) (р. 1884 г.)—внучка Мекк.—286, 288, 290, 369, 425, 480.
** *Беннигсен* гр. Леонтий Павлович (Леля).—22, 204, 214, 284, 286, 290, 369, 480.
*** *Беннигсен* гр. Павел Александрович.—15, 36, 44, 75, 147, 204, 214, 284, 290, 453, 480, 537, 540.
Беннигсен гр. Юрий Павлович (р. 1879 г.)—внук Мекк, впоследствии офицер л.-гв. Гусарского полка.—204, 214, 284, 286, 290, 369, 480.
*** *Беннигсен* Эммануил Павлович (Маня).—15, 28, 204, 214, 284, 286 313, 361, 369, 480, 497, 514, 531—532, 536, 540.
*** *Берлиоз* Гектор.—139, 147, 262.
** *Бернар* Сарра.—41.
* *Бернард* Матвей Иванович.—384.
Бернут фон Юлиус (1830—1902)—дирижер, директор Филармонического общества в Гамбурге.—513.
Бертенсон Лев Бернардович (1850—1929)—известный клиницист, лечивший Чайковского в 1893 г., автор воспоминаний о нем.—398—399.
*** *Бессель* Василий Васильевич.—637.
** *Бетховен* ван Людвиг.—139, 326, 381—382, 444.
— Опера «Фиделио», ор. 72 (1805).—381.
— 3-я (героическая) симфония (Es-dur), ор. 55 (1804).—511.
— 5-я симфония (c-moll), ор. 67 (1808).—444.
8-я симфония (F-dur), ор. 93 (1812).—326, 387, 635.
— 9-я симфония (d-moll), ор. 125 (1824).—588.
— Соната Appassionata, для ф.-п. (f-moll), ор. 57 (1807). 13.
12-й квартет (Es-dur), ор. 127.—635.
— Сонаты.—264.
*** *Бизе* Жорж.—147, 287, 340, 425.
— Опера «Кармен» (1875).—119, 130.
* *Бисмарк* кн. Отто.—438, 471, 540.
** *Блуменфельд* Станислав Михайлович.—233, 621.

Блюменталь—см. Блуменфельд.
Бобринская гр. Юлия Станиславовна (1804—1892).—85, 90.
** *Бойков* Иван Васильевич.—328, 331, 359, 453, 457—459, 462, 470, 483—484, 495, 498, 580—581, 590, 598—599.
— *Бончиани*.—14, 16.
— *Бородин* Александр Порфирьевич.—571.
— *Бортнянский* Дмитрий Степанович. — 51—53, 88, 617.
— *Боткин* Сергей Петрович. — 473—474.
Бочаров Михаил Ильич (1832—1895)—академик пейзажной живописи, декоратор московского Большого театра.—209.
Брамс Иоганнес. — 326—327, 336, 385, 509.
— Симфония.—326.
— 2 концерта, для ф.-п. с оркестром.—327.
Брандуков Анатолий Андреевич.—398, 400, 421, 425—426, 518—519, 592, 597.
Брандус, Дюфур и К°.—251, 254.
*** *Бродский* Адольф. — 509—511, 515, 617—618.
* *Брюллов* Владимир Александрович. — 64—65, 68, 129.
Брюллова Алина Ивановна—см. Конради А. И.
Буренин Виктор Петрович. — 61—62, 617, 626.
Бутаков Иван Иванович.—53, 55, 57.
** *Бутакова* Вера Васильевна.—53, 55—58, 130.
Буц—ювелир в Петербурге.—229.
*** *Бюлов* барон фон Ганс-Гвидо.—326—327, 331—333, 336, 510—511, 631.
Бюссик, Бюссиков.—См. Дебюсси Клод.

Вагнер Козима—дочь Ф. Листа, вторая жена Р. Вагнера.—153.
Вагнер Рихард.—125, 131—132, 136—137, 139, 151, 153, 157, 172, 180, 185, 257, 261—262, 310—311, 313, 326, 637.
Опера «Зигфрид» (1870).—128, 326, 620.
— » «Летучий голландец» (1843).—262, 326.
— » «Лоэнгрин» (1847).—185, 262, 326.
— » «Мейстерзингеры» (1865).—137, 326.
— » «Парсифаль» (1882).—310—311, 313, 326.
— » «Тангейзер» (1845).—262, 326.
— » «Тристан и Изольда» (1859).—131, 135, 229, 262, 326, 444.
Вальтер-Кюне Е. А.—автор переложений произведений Чайковского для арфы.—620.
Вальц Карл Федорович (1846—1929)—декоратор московского Большого театра.—357, 638.
** *Вебер* Карл-Мария.—330.
*** *Верди* Джузеппе.—505.
— Опера «Травиата» (1853).—41.
— » «Трубадур» (1853)—30, 41.
Вержбилович Александр Валерьянович (1849 — 1911)— виолончелист, профессор Петербургской консерватории.—125.
Виардо Луи (1800—1883) — историк и критик искусства, муж Полины Виардо.—426.
** *Виардо* Полина—421, 425—426, 637.
Виардо Поль—сын Полины Виардо, скрипач. — 425—426.
Вилинбахов Афанасий Петрович (р. 1831 г.) — директор правления Рязанской железной дороги.—474—475.
Вильгельм II (р. 1859 г.) — 261, 539—540, 644.
Вицентини и *Сальвейер*, опера «Ричард III». — 625.

Владыкин—автор путеводителя по Кавказу. — 534—535.
«Водовоз», опера — см. Керубини.
Вольф Герман (р. 1845 г.)—концертный антрепренер в Германии.—565, 567.
Воронец—племянник Мекк.—383, 461.
Воронцов-Дашков гр. Илларион Иванович (1837—1916)—министр двора.—249.
Всеволожский Иван Александрович (1835—1909)—директор императорских театров.—249, 356, 565, 589, 600, 645.
— *Вьетан* Анри, 4-й концерт для скрипки (d-moll), ор. 31.—635.

— *Гайдн* Франц-Иосиф.—239, 449, 650.
Галлер Константин Петрович (1845—1888) — музыкальный критик.—504, 641
— *Гензельт* фон Адольф Львович.—404.
Генке Петр—знакомый Чайковского.—623.
Генрих V (1820—1883)—граф Шамбор, герцог Бордоский, последний представитель старшей линии Бурбонов, претендент на французский престол.—438.
Гербер—инспектор музыки московских императорских театров.—80.
Герман—концертный антрепренер в Швеции и Норвегии.—541.
— *Гете* Иоганн-Вольфганг.—317.
Гитри Люсьен—артист петербургского Михайловского театра. По его просьбе Чайковский написал музыку к «Гамлету» (ор. 67а).—644.
Главач Войцех Иванович (1849—1907)—композитор и дирижер.—640.
Глазунов Александр Константинович (1865—1936)—композитор. Посвятил Чайковскому 3-ю симфонию (D-dur), ор. 33.—561, 571, 646.
Глен фон Альфред Эдмундович (1858—1922) — виолончелист (ученик К. Ю. Давыдова), с 1890 г. профессор Московской консерватории.—593, 596—597
— *Глинка* Михаил Иванович.—52, 330, 352, 360, 625, 633.
— Опера «Жизнь за царя» (1836)—434, 454.
— — «Руслан и Людмила» (1842).—226, 330, 445, 454.
— Испанская увертюра «Арагонская хота», для оркестра (1845).—22.
Голикова (у нее было заложено Майданово).—499.
Голицын кн. Сергей Михайлович (1843—1915)—крупный помещик.—371, 394.
Гончаров Иван Александрович (1812—1891).—419, 456.
— *Горчаков* кн. Константин Александрович.—56.
— *Гретенер* Ксаверий.—122.
— *Гржимали* Иван Войцехович.—51, 619.
Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829).—413.
— *Григ* Эдвард.—644.
— *Губерт* Александра Ивановна.—229, 230—231, 233, 292, 576, 649.
— *Губерт* НиколайАльбертович.—148, 195—196, 204, 206, 209—210, 212, 228—229, 293, 298, 300—301, 303, 316, 361—364, 552, 554, 576.
Гучков—владелец дачи под Москвой.—565.
Гюббенет Адольф Яковлевич (ум. 1901 г.) — министр путей сообщения.—587, 600.

Давыдов Владимир Александрович (1816—1886) — двоюродный брат Л. В. Давыдова, камергер, гродненский губ. предводитель дворянства.—421, 423, 427—428.

Давыдов Владимир Львович.—79, 81, 83, 97, 99, 113, 127, 141, 186 272, 307, 461, 468, 530, 640.
** *Давыдов* Дмитрий Львович.—92, 94, 97, 99, 113, 127, 141, 186 215 281, 307, 583.
*** *Давыдов* (Давидов) Карл Юльевич.—61, 617.
Давыдов Лев Васильевич.—28, 30, 35, 46—48, 53, 55—58, 61, 63, 73, 75 78—79, 82, 86, 88, 94, 96—97, 100—101, 105—106, 108—109, 115, 119—120, 134—135, 142, 147, 157, 161—163, 173—174, 182—184, 200, 205, 211, 216, 218—221, 230—231, 242, 248, 257, 270, 272, 275—276, 278, 282, 294, 296 298, 315, 329, 345, 380, 385, 388—390, 421, 423, 427—429, 460, 546, 551 557—559, 595, 604.
** *Давыдов* Юрий Львович.—14, 30, 82, 92, 94, 96—97, 215.
*** *Давыдова* Александра Ивановна.—53, 57, 223, 272, 387—388, 540 547, 602.
*** *Давыдова* Александра Ильинишна.—14—15, 21, 25—26, 28, 30—31, 34—35, 37, 46—49, 53, 55—59, 63, 69—71, 76, 78—79, 81, 83, 88, 91—95, 98 100—102, 104—106, 108—111, 114, 117—122, 125—127, 130, 135, 139, 141 143, 146—147, 155, 157, 160—163, 173—174, 182—184, 194, 199—200, 204—207, 210—211, 216, 218—221, 223, 228, 241, 248, 252, 257, 259, 266, 268, 272 273, 283, 296, 313, 315, 327, 380, 385, 406, 428, 460—461, 524, 540, 546, 551 557—559, 565, 568, 583, 592, 595, 602—603, 616.
*** *Давыдова* Анна Львовна.—34—35, 37, 47—51, 53—58, 61, 65, 67, 75—76, 82, 91—94, 96—102, 104—106, 108—112, 114—115, 117—120, 122, 127 129, 141, 155, 163—166, 187, 189—190, 193—195, 197, 202, 204, 211, 214, 218 219, 221—226, 228, 232—233, 235, 237, 239, 243—244, 246, 248, 251—253 255—261, 265, 268, 272, 274, 277—278, 282—284, 290, 296, 298—299, 312—313, 315, 321—323, 327—334, 336, 341, 350, 368, 370, 374, 387—391, 395 397, 400, 406, 410, 417, 420, 423, 435, 437, 439—444, 451, 453, 458—460, 463, 465—466, 472, 496, 509, 514, 523, 529—530, 563, 568—570, 573, 575, 579, 582—584, 592, 602—604, 613, 618, 624, 631.
**** *Давыдова* Вера Львовна.—26, 28, 53, 55, 92, 96, 99, 101—102, 220 221, 274, 284, 318, 320, 374—375, 378, 380, 471, 530, 551—552, 556—559, 562 565, 568, 595, 619.
Давыдова Елизавета Васильевна (1823—1902)—сестра Л. В. Давыдова.—218.
***** *Давыдова* Наталья Львовна (Тася).—75—77, 79—80, 92, 105, 112, 127, 141, 147, 153, 160—162, 164—165, 226, 297, 327, 530, 557, 568, 595—596.
*** *Давыдова* Татьяна Львовна.—30, 46—47, 57, 59, 79, 88, 92—94, 97 99, 105, 114, 119, 127, 130, 142—146, 148—155, 157, 159, 161—167, 169—176, 178, 181—186, 190, 194, 196—197, 199, 202, 204—207, 210—211, 219—221 223, 225, 229, 231, 233, 257—259, 261, 266, 272, 274, 283, 296, 298—299, 313, 329, 357, 388, 418—419, 460—462, 468, 470, 472, 475, 559, 617, 621—623
**** *Данильченко* Петр Антонович.—491—492, 514—515, 518—519, 522 531, 540—541, 546, 553, 562—563, 568—569, 643.
* *Даргомыжский* А. С., опера «Каменный гость» (1866—1869).—456
Дворжак Антоний (1841—1904)—чешский композитор.—642, 645—646.
*** *Дебюсси* Клод.—25, 94, 122, 228, 287—288.
Кантата «Enfant prodigue» (1884).—287.
* *Дервиз* фон Иван Григорьевич.—487.
*** *Дервиз* фон Сергей Павлович.—284, 474, 480—481, 487—488, 527—528.
Диэмер Луи (1843—1919)—французский пианист и композитор. Чайковский посвятил ему 3-й ф.-п. концерт (ор. 75).—519.
Диккенс Чарльз.—234, 312.

Доде Альфонс.—147, 150, 287, 291—292, 296, 340, 531, 621.
Долгоруков кн. Владимир Андреевич (1810—1891)—с 1865 г. московский генерал-губернатор.—32.
Доманевский Б. Р.—пианист.—562, 564.
«*Дон-Жуан*», опера—см. Моцарт.
Достоевский Федор Михайлович.—419.

Екатерина II.—20.
Елизавета Маврикиевна вел. кн. (1865—1927)—жена вел. кн. Константина Константиновича.—448.
Ершов—землевладелец.—289.

Жентон Эмма—гувернантка детей Н. Д. Кондратьева, почитательница Чайковского, посвятившего ей «Valse sentimentale», для ф.-п. (ор. 51).—267, 271, 619.

Завадский Анатолий—пианист, в 1882—1886 г. ученик Московской консерватории.—481 — 482, 486—487, 492.
Захарьин Григорий Антонович.—171.
Зверев Николай Сергеевич (1832—1893)—пианист, преподаватель Московской консерватории. Чайковский посвятил ему ф.-п. пьесу «Passé lointain» (ор. 72).—481, 487—488.
Зилоти Александр Ильич.—287, 289, 391, 467—468, 509, 515—516, 541, 580, 635, 646.
Зилоти Вера Павловна (р. 1867 г.)—дочь П. М. Третьякова, с 1887 г. жена А. И. Зилоти. — 467—468, 509.

Иван Васильевич—см. Бойков И. В.
Иван Иванович—слуга Мекк.—25, 110, 134, 188.
Иванов Михаил Михайлович (1849—1927)—музыкальный критик (сотрудник «Нового времени») и композитор.—349, 350—351, 504, 626, 630, 632—633, 641.
Иоахим Иосиф.—449.
Иолшин Александр Александрович.—94.
Иолшина Елизавета Карловна—см. Мекк Е. К.
Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859—1935)—композитор, видный музыкальный деятель. Посвятил Чайковскому оперу «Руфь», ор. 6.—413, 646.

Каменская Мария Даниловна.—106, 130.
Каменский — врач.—181.
Канарский—фотограф в Москве. — 269—270.
Карл XII (1682—1718).—60, 62.
«*Кармен*», опера—см. Бизе.
Карцев Георгий Павлович (р. 1861 г.)—двоюродный племянник Чайковского, муж А. В. Панаевой, поручик Кавалергардского полка.—337.
Катков Михаил Никифорович.—24, 275, 306.
Катуар Георгий Львович (1861—1926)—композитор.—387.
Кашкин Николай Дмитриевич.—316, 641.
Керубини Луиджи, опера «Водовоз» (1800).—350.
Кленовский Николай Семенович.—589.
Клиндворт Карл.—361, 364, 395, 645.
Кокорев Василий Алексеевич.—286.

Коломенский Кандид, фельетон «Вчера и сегодня. Маленькие новости».—325, 630.
Колонн Эдуард.—157, 257, 340, 401, 424—427, 462, 464, 515, 519—520, 570—571, 646.
Кондратьев Николай Дмитриевич.—198, 267, 271, 469, 473, 475—476, 483, 489—490, 492—494, 500—501, 621, 640.
Кондратьева Мария Сергеевна (р. 1840 г.)—жена Н. Д. Кондратьева.—85—86, 89—91, 94, 97, 100, 267, 271, 492—493, 618.
Конради Алина Ивановна.—19—21, 42, 61—65, 68—69, 72, 75, 116, 129.
Конради Вера Германовна.—19, 62, 64, 68—69, 150.
Конради Герман Карлович.—41, 61—65, 68—69, 75.
Конради Николай Германович.—14, 16, 18—20, 22—24, 26, 29—30, 38—39, 41—43, 61—65, 68—69, 72, 75, 77—78, 116, 129, 131, 138, 144, 148, 156, 167, 169, 180, 189, 215, 247, 286, 302, 376, 431, 433, 483, 535, 602.
Константин Константинович вел. кн.—433, 448, 539, 643—644.
Константин Николаевич вел. кн.—15, 26, 136, 141, 187, 263, 350, 361, 410, 578, 582—583.
Коншин Владимир Дмитриевич (ум. 1915 г.)—отец жены А. И. Чайковского, крупный коммерсант.—35, 46—47, 192.
Корганов Геннадий Осипович (1858—1890)—пианист и композитор.—413.
Корещенко Арсений Николаевич (1870—1921)—пианист, композитор.—350.
Котек Иосиф Иосифович.—320—325, 328—331, 469.
Кочубей Василий Леонтьевич (1640—1708)—обличитель Мазепы.—62.
Крен Франц (1816—1897)—органист, профессор гармонии Венской консерватории.—119, 125, 168, 171, 179, 323.
Кюи Цезарь Антонович.—350, 385, 504, 561, 626, 630, 632, 635, 641, 645.
— Канцонетта.—635.
— Музыкальные картинки.—632.

Лангер—сын Э. Л. Лангера, пианист, преподаватель у детей Мекк.—369, 629.
Ларош Герман Августович.—121, 130, 135, 210, 212, 241—242, 269, 293, 302, 304—305, 310, 314—316, 325, 349, 351, 456, 472, 541, 547—549, 551—552, 578, 601, 625, 632—633, 639.
— Увертюра для оркестра (инстр. П. Чайковского).—551—552, 555, 644—645.
Лаубе—дирижер из Гамбурга.—544.
Леббок Джон, «Муравьи, пчелы и осы».—295, 297, 630.
Левенсон Анна Яковлевна, в замужестве Александрова (1863—1930)—учительница музыки, выступавшая в камерных и симфонических собраниях.—176—178, 622—623.
Левенсон Осип Яковлевич (ум. 1892 г.)—присяжный поверенный, музыкальный критик.—176—177, 179—181, 187, 622.
Левис Лидия Карловна—см. Мекк Л. К.
Левис Фредерик (Федор).—84, 188, 268, 600.
Левицкий Сергей Львович (1819—1898)—фотограф в Петербурге.—269.
Лекок Шарль (1832—1918)—французский композитор известных оперетт.—262.
Ливен кн. Никита Александрович (1848—1902)—товарищ прокурора в Киеве, впоследствии сенатор.—114—115.

Лимнандер-де-Нивенгове Арман (1814—1892) — бельгийский композитор.—157.
Лист Франц.—23, 151, 404, 446.
Литвинов Александр Александрович (1861—1931)—с 1882 г. первый скрипач московского Большого театра, с 1895 г. дирижер учрежденного им Общества любителей оркестровой, камерной и вокальной музыки.—463—465, 468—469.
Литке гр. Амалия Васильевна, рожд. Шоберт.—48, 51, 53—54, 56, 65, 640.
Литке гр. Николай Федорович (ум. 1887 г.)—чиновник министерства путей сообщения, муж двоюродной сестры Чайковского.—640.
Личков.—124, 188.
Личкова—жена Личкова.—188.
Лукка Паулина.—119.
Людовик II (Людвиг) (1845—1886)—король баварский.—423, 561, 620, 637.
Людовик XIV (1643—1715).—17.
Людовик XIX—см. Наундорф.
Лядов Анатолий Константинович (1855—1914).—561.

Мазепа Иван Степанович (1629—1709).—60, 62, 72.
Мазурина Надежда Митрофановна.—519.
Майков Аполлон Александрович—с 1886 г. директор московских театров.—439, 567.
Майков Аполлон Николаевич.—159, 166—168, 621.
Макаров Павел Семенович (1841—1891)—музыкальный критик.—504, 641.
Маккар Феликс—основатель музыкально-издательской фирмы в Париже, издатель сочинений Чайковского.—400—401, 406, 419, 425—426, 462, 464, 466, 500, 506, 515, 636—637, 639.
Маковский Владимир Егорович (1846—1929)—художник-жанрист, передвижник.—126.
Манасеин Николай Авксентьевич (1835—1895)—министр юстиции.—366.
Маренко Ромуальдо, балет «Excelsior».—30.
Мария Федоровна императрица.—263, 337, 433, 448, 470—471, 514, 637.
Марков Е. Л., «Очерки Кавказа».—533, 535.
Мармонтель Антуан-Франсуа.—638.
Марсель Карлович.—302.
Марсик Мартен-Пьер-Жозеф (1848—1924)—скрипач-виртуоз, гастролировавший в Европе.—391, 398, 635.
Махотин—студент, учитель детей Мекк.—429.
Мезенцов Николай Владимирович.—649.
Мейер киевский фотограф.—94.
Мейербер Джакомо.—139.
Мекк Александр Карлович (Сашок).—13, 15, 21, 25, 27—28, 30—31, 34—37, 45, 47—49, 51, 56, 58, 67—68, 71, 73, 75—88, 91—95, 97—100, 102—104, 107, 110—111, 119—120, 122, 125—126, 133, 135, 145, 147—148, 153, 160, 167—169, 171, 175, 181, 187, 192—193, 195, 198, 201—203, 206—208, 212—213, 215, 222, 224, 228, 233, 238, 240—241, 244, 252—253, 256, 259, 264, 268, 273, 275, 277, 282, 287, 290, 296, 304, 313—315, 318, 322—323, 325, 327, 329, 342, 367—369, 371, 375, 383, 394, 397—398, 417, 420, 429, 434, 437, 467, 470, 514, 544, 573, 579, 600, 604, 619—620, 631.

Мекк Александра Карловна, в замужестве гр. Бенингсен. — 13—15, 22, 25, 28, 36, 44, 49, 54, 68, 71, 75, 84, 86, 103—104, 118, 121, 125, 147, 160, 169, 178, 204, 206, 214, 222—224, 228, 241, 249, 251—252, 259, 273, 284—287, 290, 295, 313, 315, 342, 348, 361, 367, 369, 379, 417, 420, 425, 427, 434—435, 437, 439—440, 444, 453, 480, 484, 491, 497, 514, 531, 536—537, 540, 547, 558, 577, 579, 581—582, 593, 600, 613, 631.

**** Мекк* Андрей Николаевич (1888—189?)—сын Н. К. Мекк.—563.

Мекк Анна Львовна—см. Давыдова А. Л.

Мекк Анна Георгиевна, рожд. Франс (ум. 1914 г.)—жена А. К. Мекк.—367—369, 371, 375, 383, 394, 397, 417, 420, 429, 514, 579, 600.

**** Мекк* Владимир Владимирович (Воличка).—13—14, 22, 39, 58—59, 198, 257, 259, 264—265, 306, 327, 335—337, 342, 361, 393, 514, 518, 573, 593.

**** Мекк* Владимир Карлович.—25, 32, 35, 39, 58—59, 179, 198, 252, 257, 259, 264, 295—296, 304, 306, 315, 334—337, 356, 361, 369, 380, 382, 389—391, 393—394, 407—409, 427, 435, 452, 454, 465, 467, 469, 471, 481, 492, 514, 518, 528, 533, 536—537, 573, 587, 593, 600, 604, 631.

**** Мекк* Елизавета Карловна, в замужестве Иолшина.—94, 178, 217, 249, 297, 338, 362, 631.

**** Мекк* Елизавета Михайловна.—25, 32, 39, 59, 257, 259—260, 264, 296, 306, 335—337, 339, 361, 369, 393, 481, 514, 518, 593, 631.

**** Мекк* Карл Оттонович (Федорович). — 295—296, 334.

Мекк Кира Николаевна (р. 1886 г.)—дочь Н. К. Мекк, по мужу Запольская.—420, 435, 437, 440, 442, 444, 451, 453, 458, 460, 463—467, 491, 529, 563, 568, 570, 573, 575, 579, 584, 602.

**** Мекк* Лидия Карловна, в замужестве Левис.—15, 84, 188, 252, 268, 420, 470, 600.

**** Мекк* Людмила Карловна (Милочка), в замужестве кн. Ширинская-Шихматова. — 14—15, 77, 88, 95, 104, 119, 167—169, 172, 187—188, 193, 224, 228, 233, 267—268, 325, 342, 378, 396, 420, 429, 520, 531—532, 537, 540, 542—545, 547—548, 550—552, 554, 562, 568, 575, 577, 579—580, 582, 594, 604.

**** Мекк* Максимилиан Карлович (Макс).—25, 58—59, 92, 110, 124, 130, 133—134, 137, 160, 188, 193, 213, 240, 268, 273, 290, 297—298, 315, 369, 379, 397, 399, 417, 420, 429, 437, 467, 502, 505, 532, 537, 542, 581—582, 593.

Мекк Марк Николаевич (1890—1919)—сын Н. К. Мекк.—442, 458, 602.

**** Мекк* Михаил Карлович.—25, 58—59, 92, 110, 124, 130, 133—134, 137, 158, 160, 164, 166, 168—172, 174—175, 177—181, 183, 186—187, 189, 193, 213, 312—314, 623.

**** Мекк* Николай Карлович.—13, 15, 21, 25, 28, 30—31, 34—37, 44, 47—51, 54—58, 61, 65, 67—68, 71, 73, 75—76, 78—88, 91—95, 97—98, 100—106, 108—111, 113, 115—120, 122, 124—125, 127, 129—130, 132—134, 137, 141, 146—147, 150, 153, 155—156, 158, 160, 166, 169—173, 175—176, 178, 181, 183, 187—196, 198, 202—204, 206—208, 210—223, 225—226, 228—233, 237, 239—240, 243, 246—248, 251—253, 255—261, 265, 268, 272, 275, 278—279, 282—284, 295—299, 304, 313, 315, 321—323, 327—328, 330—334, 336, 338—341, 345, 350, 355, 357, 368, 373—375, 380, 387—391, 396—397, 400, 406, 410, 416—417, 420, 422, 439—442, 444, 451, 456—459, 463, 465—466, 469—470, 472, 474—475, 491, 509, 514, 525, 529, 543, 547, 550, 557, 563, 568—569, 573, 575, 579, 583—584, 592, 595, 597, 602—604, 613, 619—620, 622, 624, 631.

**** Мекк* София Карловна, в замужестве Римская-Корсакова. — 13—14, 77, 84, 88, 91, 95, 104, 119, 122, 153, 169, 172, 208—209, 211, 217, 221, 224—225, 228, 232—233, 240, 243—244, 249—250, 252—254, 256, 258—259, 261, 264, 273—274, 278, 282, 284—288, 297, 304, 306, 313, 318, 320—321, 323, 325, 327, 330, 336, 338—339, 342—344, 361—362, 367, 370—372,

375—376, 417, 420, 470—472, 536—538, 540, 542, 547, 562, 585, 587, 593, 596, 631.

Мекк Юлия Карловна, в замужестве Пахульская.—14, 45, 77, 84, 88, 91, 95, 104, 120, 167—168, 172, 179, 181, 197, 215, 224, 228, 233, 240, 264, 267, 286, 288, 325, 369, 378—379, 396, 420, 423, 429, 480, 520, 531—532, 537, 540, 552—554, 557, 568, 570—571, 573—574, 579—582, 586—587, 590, 592—593, 595, 603, 611—612, 631.

Мельников-Печерский (1819—1885)—беллетрист, автор «В лесах» и «На горах».—40—41.

Мендельсон (Мендельсон-Бартольди) Феликс.—96, 151, 264.

Мерклинг Анна Петровна—двоюродная сестра Чайковского; находилась с ним в постоянной переписке. Ей посвящен «Menuetto Scherzoso», для ф.-п. (ор. 51).—619, 634.

Мецгер Иоганн-Георг (р. 1839 г.)—известный голландский массажист.—37, 39, 59, 85—87, 89—91, 94, 97, 100, 107, 114, 117—118.

Микель Анджело.—520.

Милюкова Ольга.—649.

Михаил Николаевич вел. кн. (1832—1909).—485.

Мицкевич Адам.—32, 616.

Мишель Луиза (1833—1905)—революционерка-анархистка, участница Парижской коммуны.—621.

Молас—воспитательница В. Г. Конради.—150—152, 154—155, 167, 172, 174, 186, 205, 207, 219, 261.

Моцарт Вольфганг-Амедей.—40, 123, 139, 226—227, 293, 302, 426—427.

— Опера «Волшебная флейта» (1791).—269.

— » «Дон-Жуан» (1787).—123, 139, 226, 426—427.

— » «Свадьба Фигаро» (1786).—135—136, 139, 226.

Мусоргский Модест Петрович.—310—311, 313.

— Опера «Хованщина» (1880)—310—311, 313.

Наполеон принц (1822—1891)—племянник Наполеона I, претендент на французский престол, выпустивший манифест против республиканского правительства.—140, 620.

Направник Эдуард Францевич.—106, 108, 117, 120, 222, 263, 361, 364, 448, 501, 561, 619, 622, 624, 626, 628, 630, 646.

— Опера «Гарольд» (1886).—448.

Наундорф—сын часовщика Карла-Вильгельма Наундорфа, выдававшего себя за Людовика XVII, в свою очередь претендовавший на французский престол в качестве Людовика XIX и дважды возбуждавший процессы против другого претендента, гр. Шамбора, Генриха V (см.).—438.

Некрасов Николай Алексеевич.—637.

Новикова Надежда Васильевна—помещица, владелица Майданова.—357, 368, 376, 379, 498—500.

Огарев—композитор-дилетант.—512.

Ольденбургский принц Петр Георгиевич.—171.

Островский—доверенный Мекк.—75.

Остроумов Алексей Александрович (1844—1908)—известный терапевт, профессор Московского университета.—118, 316, 372.

Пабст Павел Августович.—75.

Paraphrase de concert sur l'opéra «Eugène Onégin», op. 81.—75.

Павлов Аркадий—буфетчик в Плещееве.—308.

Павловская Эмилия Карловна (1857—1935)—оперная певица (сопрано),

артистка московского Большого театра. Чайковский посвятил ей романс «Не спрашивай» (ор. 57).—250, 256, 320, 503, 635, 639.

Панаева Александра Валерьяновна.—337.

Панина—хозяйка Фроловского.—576.

Париш-Альварс Элиас (1808—1849)—знаменитый венский виртуоз на арфе, автор ряда произведений для арфы.—137, 139.

Парфенов Н. Г.—артист оркестра московского Большого театра, автор переложений произведений Чайковского для арфы.—620.

Патрикеев—московский домовладелец.—357.

Пахульская—мать Г. А. и В. А. Пахульских.—371.

* *Пахульский* Альберт Игнатьевич.—103, 146, 200, 308.

** *Пахульский* Владислав Альбертович.—16, 26, 43—44, 49—50, 53, 59, 74, 77, 83—88, 90, 93, 95—96, 99, 107, 119—120, 125, 132, 136—137, 148, 153, 155—156, 158—160, 167—168, 170—173, 179, 192—193, 198, 201, 209, 212—217, 224, 228, 233, 239—241, 251—252, 254, 257—259, 271, 273, 275—277, 279—282, 290, 299—309, 322—323, 325, 342, 350, 366—367, 370—372, 375—376, 378, 381, 394, 396, 398, 401, 407, 420, 428—429, 446, 449, 454, 477, 479—480, 490—492, 494—495, 497, 501—502, 518, 520, 522, 541, 544, 546, 552—554, 568, 571, 574, 579—580, 582—583, 586, 590, 592—593, 595, 597—599, 601, 603, 605, 610—611, 622, 634, 649.

— Сцена из «Спартака».—50.

— «Молитва Маргариты».—93, 96.

— Симфония.—622.

— Симфоническая фантазия (d-moll).—309.

— Увертюра «Siegfried».—276.

— Увертюра «Кромвель».—276.

— Увертюра.—168.

** *Пахульский* Генрих Альбертович.—212, 215, 304, 350, 353—355, 359, 362—363, 365, 367—370, 376—378, 380, 420, 446, 477, 540, 554—555, 573, 583, 590, 613.

— Вариации для ф.-п., ор. 1.—555, 644.

— Мелодия для виолончели, ор. 4.—555, 644.

Перро Шарль (1628—1703)—французский писатель.—565, 645.

Петипа Мариус Иванович (1822—1910)—балетмейстер петербургского балета.—528, 560.

*** *Писемский* Алексей Феофилактович.—419.

Плесская Наталья Андреевна—помещица, соседка и друг семьи Давыдовых. Чайковский посвятил ей «Natha-valse», для ф.-п. (ор. 51).—28, 31—32, 69, 102, 105—106, 109, 111, 116, 138, 140—141, 166, 283, 294, 312, 619.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893)—поэт. На его слова Чайковский написал четырнадцать детских песен (ор. 54) и романс «О если б знали вы» (ор. 60).—625, 632—633, 637.

*** *Полонский* Яков Петрович.—350, 358, 637, 646.

Полуэктов—московский домовладелец.—637.

Попов Михаил Андреевич—отец Е. М. Мекк.—335.

* *Попова* Ирина Сергеевна (мать Е. М. Мекк).—335.

* *Потехин* Алексей Антипович.—328, 433.

Потто Василий Александрович (1836—1911)—ген.-лейт., редактор многих изданий о Кавказе.—535.

Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865).—170.

** *Прянишников* Ипполит Петрович.—320.

Пугачев Емельян Иванович (1744?—1775).—643—644.

*** *Пушкин* Александр Сергеевич.—61—62, 220, 224, 226, 272, 522—523, 589, 617, 631, 637, 643, 647.

Рааб Вильгельмина Ивановна.—221—222.
Рагозин—врач.—171.
*** *Рафф* Иосиф, симфония «В лесу» (F-dur), ор. 153.—635.
Рейнеке Карл (1824—1910)—композитор, дирижер концертов Гевандгаузена в Лейпциге.—509.
— Увертюра к опере «König Manfred».—444.
Римская-Корсакова Екатерина Алексеевна (р. 1886 г., ум. семи месяцев) — дочь С. К., рожд. Мекк. — 420, 435, 470—472.
Римская-Корсакова Ирина Николаевна (Рина) (р. 1882 г.)—дочь В. Л., рожд. Давыдовой, впоследствии жена русского морского агента в США, Васильева.—94, 96, 99, 101, 221, 471, 557—558, 568, 592—593, 595.
Римский-Корсаков Алексей Александрович (1860—1920)—тверской губернский предводитель дворянства, первый муж С. К. Мекк. — 254—256, 258, 274, 278, 284, 286, 288, 297, 338, 342—343, 371, 496, 596.
Римский-Корсаков Борис Алексеевич (1885—1920) — сын С. К., рожд. Мекк, впоследствии чиновник цензурного комитета. — 362, 417, 593, 596.
Римский-Корсаков Дмитрий Алексеевич (р. 1888 г.) — сын С. К., рожд. Мекк, в настоящее время педагог. — 562, 593, 596.
** *Римский-Корсаков* Николай Александрович.—26, 28, 53, 55, 99, 284, 471, 557—559, 568, 593, 595—596.
*** *Римский-Корсаков* Николай Андреевич.—359, 362, 364, 387, 560—561, 571, 573, 633, 645—646.
— Опера «Снегурочка» (1881).—387.
**** *Рихтер* Ганс.—153, 330, 622.
Рихтер Петр Александрович (1829—1895) — тайный советник, президент коронационной комиссии, впоследствии директор департамента уделов. — 159, 174, 622.
Ромашкин—слуга Мекк.—304, 317.
Ротшильд—миллионер, банкир. — 479—480.
**** *Рубинштейн* Антон Григорьевич.—159, 185, 264, 272, 305, 355, 404—406, 409, 423, 439, 561, 584, 588—589, 617, 623, 633, 635—636, 638, 646, 648.
— Опера «Демон» (1875).—439.
— » «Вавилонское столпотворение» (1870).—588.
— «Concertstück», ор. 113.—589.
— Соната для виолончели.—50.
— Этюд.—635.
***** *Рубинштейн* Николай Григорьевич.—43, 123—124, 126—127, 287, 289, 353—356, 358—359, 361, 365, 395, 406, 480, 555, 597, 619—620, 633, 639.

Савельев Александр Васильевич (ум. 1907 г.)—тайный советник, московский домовладелец.—372.
Самберг Варвара—племянница Л. В. Давыдова.—231.
Сапельников Василий Львович (р. 1868 г.)—пианист, с успехом гастролировавший в России и за границей. Чайковский посвятил ему ф.-п. пьесу «Scène dansante (Invitation au trépak)» (ор. 72).—513, 571, 645.
**** *Сарасате* Пабло.—446.
— Цыганские песни.—635.
Сафонов Василий Ильич (1852—1918)—пианист, дирижер, профессор, а потом директор Московской консерватории. Чайковский посвятил ему ф.-п. пьесу «Méditation» (ор. 72). — 573—574, 576, 592—593, 597, 646.
** *Сгамбати* Джованни.—23, 594.
— Квартет, ор. 17.—23.
*** *Сен-Санс* Камилл.—151, 157, 473, 621, 640.
Опера «Etienne Marcel» (1879).—157.

— Опера «Henri VIII» (1883). — 156—157, 621.
— » «Princesse jaune» (1872).—157.
— » «Samson et Dalila» (1877).—157.
** *Серов* Александр Николаевич.—353, 355.
Серова Валентина Семеновна (1846—1927)—композитор и музыкальная писательница, жена А. Н. Серова. — 353—355, 633.
— Опера «Уриель Акоста» (1885).—354, 633.
* *Скобелев* Михаил Дмитриевич. — 71—73, 617.
Скомпская (Больская) Аделаида Юлиановна (р. 1864 г.)—оперная певица (сопрано), артистка московского Большого театра.—641.
Слатин Илья Ильич (р. 1845 г.)—дирижер, директор Харьковск. отд. Р. М. О.—646.
Словацкий Юлий (1809—1849)—польский поэт.—276.
Соболев—купец.—309.
Соболевский Василий Михайлович (1846—1913)—публицист, редактор «Русских ведомостей».—498.
Соколов—агент по продаже имений.—499.
Соловьев Николай Феопемптович (1846—1916)—композитор, музыкальный критик.—393, 504, 561, 641.
— Опера «Корделия» (1885).—393, 635.
** *Софронов* Алексей Иванович.—63, 88, 113, 134, 153—154, 157—158, 169, 176, 186—187, 190, 200, 202, 253, 255, 257, 268—269, 301—302, 304—305, 307—308, 314—315, 317, 340—341, 343—344, 378, 397, 401, 411, 415, 478, 489—491, 514—516, 519, 524—525, 529—530, 533, 543, 584, 590, 610.
Софронова Фекла Григорьевна (ум. 1889 г.)—крестьянка, первая жена А. И. Софронова.—153, 524, 529, 533—534.
Степан—камердинер А. И. Чайковского.—304.
Степанов—врач.—223.
Стрепетова Пелагея Антипьевна (1850—1903)—артистка Александринского театра.—286, 289, 328.
Сукочева—вдова врача, владелица имения близ Подольска под Москвой.—146.
** *Суриков* Иван Захарович.—625.
Таганцев Николай Степанович—юрист, профессор, впоследствии сенатор.—171, 216—217.
** *Тальберг* Сигизмунд.—404.
*** *Танеев* Сергей Иванович.—51, 116, 125, 180, 287, 289, 307, 359—365, 370, 391, 410, 421, 477, 480—492, 535, 552, 560—561, 573—574, 576, 615, 617—619, 622, 624, 628—630, 634, 640—642, 650.
— Увертюра на русскую тему (1882).—128, 620.
— 2-й квартет (1883).—176.
— Кантата «Иоанн Дамаскин» (1884).—421.
Тарнье—врач в Париже.—219.
*** *Толстой* Лев Николаевич.—226, 266, 317, 419, 440, 595, 616, 624, 627—628.
** *Томсен* — врач в Риме.—22—23.
«*Травиата*», опера—см. Верди.
Третьяков Павел Михайлович (1832—1908)—крупный коммерсант, создатель Третьяковской галлереи.—126.
Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892)—московский городской голова, член дирекции Моск. отд. Р. М. О., коммерсант, вместе с братом создавший Третьяковскую галлерею.—488.
Третьякова В. П.—см. Зилоти В. П.
«*Тристан и Изольда*», опера—см. Вагнер.

«*Трубадур*», опера—см. Верди.
** *Трубецкой* кн. Василий Андреевич.—119.
* *Тургенев* Иван Сергеевич.—317, 419, 425—426.
* *Тэн* Ипполит.—17—18, 615.

*** *Ульрих* Юлия Францевна.—107, 420, 429.
Урусова кн. Надежда Васильевна, рожд. Воронец—племянница Мекк, жена гвардейского офицера.—537.

Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925)—артистка московского Малого театра.—327.
Ферре—врач в Париже.—155, 157, 166, 196—197, 219—220, 225, 231.
Ферри Жюль (1832—1893)—французский политический деятель, антиклерикал.—441.
Ферстер-Лаутерер Берта—певица, исполнявшая в Праге партию Татьяны из оп. «Евгений Онегин».—558.
* *Фет* Афанасий Афанасьевич.—637.
Фигнер Николай Николаевич (1856—1918)—оперный певец (тенор). Чайковский посвятил ему 6 романсов (ор. 73).—600.
Филиппов Тертий Иванович (1827—1899)—товарищ государственного контролера (с 1889 г. госуд. контрол.), собиратель народных песен, друг Балакирева.—633.
** *Фильд* Джон.—264.
*** *Фитценгаген* Вильгельм Федорович.—51—53, 592, 597, 619.
Фишер София Николаевна (18..—1913)—основательница и начальница частной женской классической гимназии.—242.
** *Флеров* Сергей Васильевич (псевд.: С. Васильев, Jgnotus).—24, 26, 42, 616, 619.
** *Флотов* фон Фридрих.—157.
Фрейсине Шарль-Луи (р. 1828 г.)—французский политический деятель.—438, 441.
Фриде—немецкая камерная певица.—516.
Фридрих III (1831—1887)—германский император.—537, 644.
Фридрих Дмитрий—концертный агент в Берлине.—509.
*** *Фроловский* Александр Филаретович.—49, 228—229, 237, 252, 257, 260, 264, 312, 387, 458, 465, 481, 486, 501, 505, 588, 593, 600, 613.
*** *Фроловский* Владимир Филаретович.—121, 319, 600.

Хлопуша Афанасий—сподвижник Пугачева.—643.
Хлудов Василий Алексеевич (1840—1913)—фабрикант, владелец имения под Москвой.—500—501, 503, 508.
Хомяков Алексей Степанович (1804—1860)—поэт, славянофил.—637.
Хрулев—учитель сына Мекк.—290.

Цет—импрессарио Чайковского.—541, 546.

Чайковская Александра Ильинишна—см. Давыдова А. И.
*** *Чайковская* Антонина Ивановна (жена композитора).—180, 590, 647—649.
Чайковская Ольга Сергеевна—жена Н. И. Чайковского.—276.
Чайковская Прасковья Владимировна, рожд. Коншина—жена А. И. Чайковского. Чайковский посвятил ей 2-ю сюиту, для оркестра (ор. 53).—21, 24, 27, 35—36, 38—39, 43, 45—48, 59, 63, 77, 81, 84, 116, 123, 148, 157, 177, 186, 190, 192, 194, 199, 208, 267, 294, 307, 366, 376, 378, 380, 396, 409, 412, 414—415, 468, 479, 498, 503, 507, 526, 570, 624, 637.
*** *Чайковская* Софья Петровна.—524.

Чайковская Татьяна Анатольевна—племянница композитора.—155, 157, 190, 192, 194, 211, 267, 376, 479, 526, 572.

** *Чайковский* Анатолий Ильич.—21, 24—25, 27, 35—36, 38—39, 43, 45—48, 59, 62—63, 77, 81, 84, 86, 88, 113, 116, 123, 135, 143, 148—149, 153—155, 157—158, 175, 177, 182, 185—188, 190, 192—194, 208, 217, 255, 267, 270—271, 275, 277—278, 280, 283, 288, 294, 296, 298—300, 302, 304—305, 307, 354, 357, 366—367, 374, 376, 380, 393, 395, 399, 409, 412, 414—416, 435, 468—469, 474—475, 477, 479, 498, 503, 507, 521, 526, 533—534, 536—537, 570, 572, 603, 615, 621, 623, 629, 645.

Чайковский Жорж-Леон (Георгий Николаевич) (р. 1883 г.)—сын Т. Л. Давыдовой, племянник композитора, впоследствии инженер.—621—622.

** *Чайковский* Илья Петрович (отец).—180, 623.

*** *Чайковский* Ипполит Ильич.—105, 147, 151, 411—412, 524, 601.

**** *Чайковский* Модест Ильич.—13—14, 16, 18—30, 34, 36—39, 41—42, 45, 52, 55—56, 59, 61—75, 77—78, 80, 85, 88, 104, 112—113, 116, 118, 120, 124—125, 127, 129—136, 138, 140—145, 148—151, 154, 156, 158, 161—162, 167, 169—170, 172, 174—175, 177, 180, 182, 185—186, 189, 199, 206, 208—211, 214—215, 236—237, 242—243, 245—248, 250, 255, 259—260, 281—284, 286—287, 289, 300, 302, 305, 310, 326—328, 330, 357, 376, 398, 410, 431, 433—436, 455—457, 459—461, 483, 502, 524, 535, 539, 548, 578, 589, 600, 602, 610, 614, 616, 618—624, 626—631, 635—636, 638, 640, 642, 644, 646, 650.

***** *Чайковский* Николай Ильич.—47, 199, 213, 276, 600, 621.

Чиарионе Вержинна—автор переложений произведений Чайковского для арфы.—620.

Чиж—врач-акушер.—440.

Чика—прозвище Ивана Зарубина, сподвижника Пугачева.—643.

Чистяков—муж сестры И. Котека.—469, 471.

Шарко Жан-Мартен (1825—1893)—французский невропатолог и психиатр.—142, 144, 155, 219, 231.

*** *Шекспир* Вильям.—645.

Шереметев Сергей Алексеевич (1836—1896)—в то время командующий войсками Кавказского военного округа.—536.

Шидловский Александр Иванович—бывший репетитор детей Давыдовых.—619.

Шиншина—воспитательница внука Мекк.—337.

Ширинская-Шихматова кн. Екатерина Павловна (ум. 1911 г.).—мать А. А. Ширинского-Шихматова.—577.

Ширинская-Шихматова кн. Павла Андреевна (р. 1889 г.).—дочь Л. К., рожд. Мекк.—562, 579.

Ширинский-Шихматов кн. Андрей Александрович (1868—1927)—муж Л. К. (Милочки) Мекк, с 1892 г. чиновник, впоследствии саратовский губернатор.—537, 542—545, 547, 549—550, 552, 568, 575, 577—579, 604.

*** *Шопен* Фредерик.—264, 363, 404.

— Прелюдии для ф.-п.—363.

*** *Шостаковский* Петр Адамович.—635.

Шпажинский Ипполит Васильевич (1844—1917)—драматург. На его либретто написана «Чародейка».—341, 352, 366, 632, 634.

*** *Шуберт* Франц.—264.

Шульц Эдуард Францевич (1826—1884)—инспектор Училища правоведения.—297.

*** *Шуман* Роберт.—96, 137, 139, 151, 264, 350, 367, 379, 381—382, 404.

— Опера «Геновефа», ор. 81 (1848).—379, 381—382.

— Музыка к «Манфреду» Байрона, ор. 115 (1850).—367, 382.

— 1-я симфония (B-dur), ор. 38 (1841).—96.

— 1-й квартет (a-moll), op. 41 (1842).—635.
— Соната для ф.-п. (g-moll), op. 22 (1835).—212.
— «Frühlingslied».—137.

Эрдели Ксения Александровна—арфистка московского Большого театра, заслуженная артистка.—620.
Эрдмансдерфер Макс (1848—1905)—в 1882—1883 гг. профессор Московской консерватории, в 1882—1889 гг. дирижер симфонических собраний Р. М. О. Чайковский посвятил ему 3-ю сюиту, для оркестра (ор. 55). 123—124, 126, 128, 254, 387, 392, 395, 615, 620, 625—626, 629, 632, 634, 636, 646.
Эркардт—доктор в Риме.—21, 23—24, 27.

** *Юргенсон* Осип Иванович.—229, 619.
*** *Юргенсон* Петр Иванович.—52, 78, 85, 97, 120—121, 124—125, 154, 162, 181, 198, 203, 212, 225, 228—229, 234, 249, 260, 275, 288, 290, 316, 318, 320, 331, 362, 381—382, 384, 400, 496, 498—501, 503, 507—508, 524, 541, 550, 555, 562, 565, 585, 599, 609—610, 618—619, 624, 627, 630, 635—636, 641—642, 644—645, 647—648.
*** *Юргенсон* София Ивановна (1837—1911)—жена П. И. Юргенсона. Чайковский посвятил ей ф.-п. пьесу «Impromptu-Caprice».—630, 638.

Языкова, рожд. Воронец—племянница Мекк.—383.

Acher (Ашер Иосиф)—композитор легкой, салонной музыки.—382.
Alessandi (Алессанди)—фотограф в Риме.—14.
Angremont d' (Ангремон де)—скрипач.—449.
Aufrag (Офраг)—уполномоченный по делам Мекк в Париже.—168, 206—207.

Balmas (Бальмас)—гувернантка дочери Мекк.—446.
Bellini—см. Беллини.
** *Beyer* (Бейер).—244.
Bizet—см. Бизе.
Bonciani—см. Бончиани.
Brahms—см. Брамс.
*** *Bruch* (Брух Макс).—444.
Bühlow—см. Бюлов.

Carvalho (Карвальхо Каролина, рожд. Миолан) (1827—1895)—известная французская оперная певица (сопрано).—135.
Colonne—см. Колонн.
Conneau J. (Конно)—певица.—519.
Corday (Корде Шарлотта) (1769—1793)—убийца Марата.—438.

Daudet—см. Доде.
Debussy—см. Дебюсси.
*** *Delibes* (Делиб Лео).—151, 424—425.

*** *Erard* (Эрар Себастьен).—466.
«*Excelsior*», балет—см. Маренко Ромуальдо.

Fauré (Форе Габриэль) (р. 1845 г.)—французский композитор, органист.—519.
Ferré—см. Ферре.
Florimo Francesco, «Bellini. Memorie e lettere».—40, 616.

Genton Emma—см. Жентон Э.
*** *Godard* (Годар Бенжамен-Луи-Поль).—151, 244, 635.
— «Concert romantique», для скрипки (a-moll), op. 35.—387, 635.
Goëns van—голландский виолончелист.—259.
* *Goldmark*, опера «Die Königin von Saba» (1875).—330.
** *Gounod* (Гуно Шарль).—94, 157.
Gradvalle—концертмейстер в Туре.—407.
Grünfeld (Грюнфельд Альфред) (1852—1924)—пианист и композитор; жил в Вене.—336, 452.
Guiraud (Гиро Эрнест) (1837—1892)—французский композитор.—151.

Jimenez—виолончелист.—394, 407.
Jungmann (Юнгман Альберт) (1824—1892)—композитор салонной музыки и музыкальный издатель.—382.
Jürgenson—см. Юргенсон С. И.

Haydn—см. Гайдн.
Henri IV (1553—1610)—французский король.—252.

** *Lalo* (Лало Эдуард).—151, 291.
Lamoureux (Ламуре Шарль) (1834—1899)—скрипач, дирижер, основатель Concerts Lamoureux, программа которых составлялась из лучших новых произведений.—157, 401, 421, 425—426.
Louis XIII (Людовик XIII) (1601—1643)—французский король.—244.
Lüstner (Люстнер Луи) (1840—1918)—скрипач и дирижер оркестра в Баден-Бадене.—452, 454.

Mackar—см. Маккар.
** *Marmontel* (Мармонтель Антуан-Франсуа).—519.
Marschner (Маршнер Генрих) (1795—1861)—оперный композитор.—329—330.
— Опера «Vampyr» (1828).—329.
*** *Massenet* (Массне Жюль).—258—259, 626.
— Опера «Manon Lescaut» (1884).—258—259.
— » «Le roi de Lahore» (1877).—147.
Maupassant (Мопассан Гюи де) (1850—1893).—291.
Menther (Ментер София) (1848—1917)—известная пианистка, ученица Листа.—445.
Mercadante, опера «Orazii e Curiazii».—41.
Mezger—см. Мецгер.
Möring (Мериг Фридрих Фридрихович) (1822—1887)—терапевт, профессор Киевского университета.—127.
Miolan-Carvalho—см. Carvalho
** *Moszkowsky* (Мошковский Мориц).—50.
— Симфония «Krönungsmarsch».—50.
— Симфоническая поэма «Johanna d'Ark».—50.

Nothnagel (Нотнагель Герман) (1841—1905)—выдающийся терапевт, профессор университета в Вене.—133.

Parish-Alvars—см. Париш-Альварс.
*** *Pasdeloup* (Падлу Жюль-Этьен).—157, 178.
Perrault—см. Перро.
Plátanéy—скрипач-венгерец.—406—407.
Postiglione (Постиглионе)—владелец виллы в Неаполе.—28—29, 33—34, 36—37, 41, 146, 152.
Purriapoli (Пурриаполи кн.)—владелец виллы в Неаполе.—29.

Reinecke—см. Рейнеке.
Remenyi (Ременьи Эдуард) (1830—1898)—венгерский скрипач-виртуоз.—394.
Robespierre (Робеспьер Максимилиан) (1758—1794).—340.
«*Roi de Lahore*», опера.—см. Массне.
Rossini G., «Stabat Mater».—44.
Rotschild (Ротшильд)—меценатка, жившая в Париже.—259.

Saint-Just (Сен-Жюст Луи Антуан) (1767—1794).—284, 340.
St.-Saëns—см. Сен-Санс.
Sauret (Соре Эмиль).—414.
Schemboche—фотограф в Риме.—18.
Sgambati—см. Сгамбати.
Spindler (Шпиндлер Фриц) (1817—1905)—немецкий пианист и композитор.—382.
Sütterlin (Зюттерлин)—учитель дочери Мекк.—446.

Thomas (Тома Амбруаз-Шарль) (1811—1896)—композитор, директор Парижской консерватории.—94, 421, 424—425.

Viardot Paul—см. Виардо Поль.
Vivés (Вивс Жан)—гувернер детей Мекк.—214.

Zdeneray—учительница музыки в Вене.—329.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАЙКОВСКОГО

(упоминаемых в т. III переписки)

Для сцены (оперы, балет, музыка к драматическим произведениям):

«Евгений Онегин», оп. (лирические сцены) в 3-х действиях (7 картин), ор. 24 (1878).—18, 62, 75, 224, 227—228, 230, 263, 265, 294, 318—321, 323, 325, 327, 337, 339, 502, 508, 555, 557—558, 584—585, 620, 630—632, 640—641, 645.

«Капитанская дочка», проект оперы (неосуществившийся).—529, 643—644.

«Кузнец Вакула», оп. в 3-х действиях (7 картин), ор. 14 (1874), посвящена памяти вел. кн. Елены Павловны. — 350—351, 356, 631, 633.

«Мазепа», оп. в 3-х действиях (6 картин) (1883).—56—58, 60—62, 65—66, 69—75, 77—80, 93, 97, 99, 101—102, 112, 117, 127, 136, 138, 154, 159, 162, 172—174, 177, 181, 194—195, 198—200, 203, 205, 208—209, 211—212, 215, 220—221, 232—237, 239—242, 244—245, 247—251, 253—256, 259—260, 265—266, 268—269, 274, 315, 318—319, 399, 413, 485, 617, 619, 621, 624, 626—628.

«Опричник», оп. в 4-х действиях (1872), посвящена вел. кн. Константину Николаевичу.—619.

«Орлеанская дева», оп. в 4-х действиях (6 картин) (1879), посвящена Э. Ф. Направнику.—79, 106—108, 112, 117, 120—122, 125, 130, 181, 222, 318, 395, 502, 508, 520, 549, 617—619, 624.

«Пиковая дама», оп. в 3-х действиях (7 картин), ор. 68 (1890). — 589—591, 593—596, 598—600, 611, 646—647.

«Чародейка», опера в 4-х действиях (1887).—341, 352, 366, 381, 399, 402, 405, 424, 426, 428—429, 431—433, 440—441, 445, 447—452, 454—458, 462—463, 466—468, 472—473, 475—476, 486, 495—496, 499, 501—504, 506, 536, 601, 632, 634—636, 638—641.

«Черевички», оп. в 4-х действиях (8 картин) (1885) [2-я редакция оп. «Кузнец Вакула»].—326, 344, 350, 356—358, 380, 392—393, 399, 431, 433, 439—442, 445, 447—448, 450—451, 452, 454—455, 457—463, 466, 502, 601, 631, 638—639.

«Лебединое озеро», бал. в 4-х действиях, ор. 20 (1876).—620, 637, 643.

«Спящая красавица», бал. в 3-х действиях с прологом, ор. 66 (1889), посвящен И. А. Всеволожскому.—560, 564—565, 575—576, 578, 580—584, 588—590, 601, 620, 645.

«Ундина», проект балета (неосуществившийся).—528—529.
«Щелкунчик», бал. в 2-х действиях (3 картины), ор. 71 (1892).—620.

Для оркестра:

1-я симфония «Зимние грезы» (g-moll), ор. 13 (1866), посвящена Н. Г. Рубинштейну.—235—236, 238, 625.

2-я симфония (c-moll), ор. 17 (1872), посвящена Московскому отделению Русского музыкального общества.—20.

4-я симфония (f-moll), ор. 36 (1877), посвящена «Моему лучшему другу» [Н. Ф. фон-Мекк].—238—239, 329, 332, 395, 397, 508, 532—533, 559—560, 566, 579.

5-я симфония (e-moll), ор. 64 (1888), посвящена Теодору фон-Авелалле-ман.—527, 529, 538—540, 542, 545—548, 552, 555—556, 559—562, 564, 569, 644—646.

1-я сюита, ор. 43 (1879), посвящена негласно Н. Ф. фон-Мекк.—126, 168, 244, 258, 329, 332, 382, 397, 508, 514, 516, 562, 620, 632.

2-я сюита, ор. 53 (1883), посвящена П. В. Чайковской.—192, 194, 209, 211—212, 218, 220, 230—233, 236, 238—239, 243, 254, 259, 264, 275, 280, 319, 624, 626, 632, 639.

3-я сюита, ор. 55 (1884), посвящена Максу Эрдмансдерферу.—265, 269, 271—278, 282—290, 292—293, 316, 321, 325, 331, 332, 337, 339—340, 393, 395, 513, 521, 571, 628—629, 631—632.

4-я сюита «Моцартиана», ор. 61 (1887).—507, 509, 641.

«Буря», фантазия по Шекспиру, ор. 18 (1873), посвящена В. В. Стасову.—561, 618, 645.

«Гамлет», увертюра-фантазия, ор. 67 (1888), посвящена Эдварду Григу.—539—540, 542, 552, 555—556, 644—645.

Итальянское каприччио, ор. 45 (1888), посвящено К. Ю. Давыдову.—555.

«Манфред», симфония в 4-х картинах по Байрону, ор. 58 (1885), посвящена М. А. Балакиреву.—366—368, 373, 375, 377, 379—382, 392, 399, 402, 405—406, 410, 417, 420—421, 425—426, 620, 634, 636.

Правоведский марш (1885).—387—388, 635.

«Ромео и Джульетта», увертюра-фантазия по Шекспиру (1869, 1870, 1880), посвящена М. А. Балакиреву.—516, 620, 636.

Серенада для струнного оркестра, ор. 48 (1880), посвящена К. К. Альбрехту.—22, 398, 513, 521, 567, 615, 639.

Славянский марш, ор. 31 (1876).—329, 332, 508, 579.

Торжественный коронационный марш (1883) [сочинен по случаю коронации Александра III].—159, 162, 165—168, 170—171, 173—174, 387, 622, 635.

«1812 год», торжественная увертюра, ор. 49 (1880) [сочинена по случаю освящения храма Христа-спасителя в Москве].—51, 516, 618, 639, 641.

«Франческа да-Римини», фантазия по Данте, ор. 32 (1876), посвящена С. И. Танееву.—567, 636, 639, 641—642.

Для камерного ансамбля:

1-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (D-dur), ор. 11 (1871), посвящен С. А. Рачинскому.—178, 329, 332, 407, 446, 508, 516, 563, 594.

2-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (F-dur), ор. 22 (1874), посвящен вел. кн. Константину Николаевичу.—329, 332, 397, 406—407, 508, 579.

3-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (es-moll), ор. 30 (1876), посвящен памяти Фердинанда Лауба.—241, 259, 329, 332, 394, 398, 508, 579, 637.

Секстет «Воспоминание о Флоренции» («Souvenir de Florence»), для 2-х

скрипок, 2-х альтов и 2-х виолончелей (d-moll), ор. 70 (1890), посвящен Обществу камерной музыки в Петербурге.—527, 595, 598—601, 650.

Трио для скрипки, виолончели и ф.-п. (a-moll), ор. 50 (1882), посвящено «Памяти великого артиста» [Н. Г. Рубинштейна].—14, 16, 19—20, 23—26, 43—44, 51, 78, 88, 116, 125, 187, 275, 280, 398, 448, 510, 615, 619, 629, 635.

Для отдельных инструментов (ф.-п., скрипка):

1-й концерт, для ф.-п. с оркестром (b-moll), ор. 23 (1875), посвящен Гансу фон-Бюлову.—363, 513, 516, 571, 637.

2-й концерт, для ф.-п. с оркестром (G-dur), ор. 44 (1880), посвящен Н. Г. Рубинштейну.—555, 617, 645.

Вальс-каприс (Valse-caprice), для ф.-п., ор. 4 (1868), посвящен Антону Доору [в письмах называется Концертный вальс].—82, 87.

«Времена года», 12 пьес для ф.-п., ор. 37bis (1876).—251, 254.

— № 6 Баркаролла.—660.

— № 11. На тройке.—620.

«Думка» (русская сельская сценка), для ф.-п., ор. 59 (1886), посвящена А. Ф. Мармонтелю.—434, 436, 638.

Концертная фантазия, для ф.-п. с оркестром, ор. 56 (1884), первоначально была посвящена А. Н. Есиповой, а потом Софии Ментер.—285—287, 289, 292—294, 299, 307, 314, 316, 321, 325, 417, 420, 519, 629, 641—642.

Песня без слов (Chant sans paroles), для ф.-п., ор. 2, № 3 (1867), посвящена В. В. Давыдовой.—13, 636.

Романс, для ф.-п., ор. 5 (1868), посвящен Дезире Арто.—636.

Русское скерцо (Scherzo à la Russe), для ф.-п., ор. 1, № 1 (1867), посвящено Н. Г. Рубинштейну.—636.

Шесть пьес, для ф.-п., ор. 21, посвящены А. Г. Рубинштейну.—272.

6 пьес, для ф.-п., ор. 51 (1882).—97, 618—619.

— № 6. Сентиментальный вальс.—620.

Экспромт (Impromptu), для ф.-п. (1889), посвящен А. Г. Рубинштейну.—584, 646.

Экспромт-каприс (Impromptu-Caprice), для ф.-п. (1885), посвящен С. И. Юргенсон [сочинен для альбома парижской газеты «Le Gaulois»].—314, 434, 436, 630, 638.

Концерт, для скрипки с оркестром (D-dur), ор. 35 (1878), посвящен первоначально Леопольду Ауэру, а потом Адольфу Бродскому.—86, 89, 618.

Для пения (хор, дуэты, романсы):

«Всенощное бдение», для четырехголосного хора, ор. 52 (1882).—14, 26, 37, 39—40.

«Москва», кантата, для 2-х голосов, хора и оркестра, слова А. Майкова (1883) [сочинена по случаю коронации Александра III].—159, 162, 166—168, 170—171, 173—174, 177, 185, 187—188, 199, 202, 249, 621—622.

«Привет А. Г. Рубинштейну», для четырехголосного хора, слова Я. Полонского (1889).—584, 646.

Хор в честь 50-летнего юбилея Училища правоведения, слова композитора (1885).—379, 381, 386, 635.

Шесть духовно-музыкальных сочинений, для четырехголосного хора (1885).—352, 633.

«Благословляю вас, леса», романс, для голоса с ф.-п., слова А. Толстого, ор. 47, № 5 (1880), посвящен А. В. Панаевой.—504.

«Вечер», дуэт для 2-х голосов с ф.-п., слова Сурикова, ор. 46, № 1 (1880), посвящен Т. Л. Давыдовой.—504.
«Рассвет», дуэт для 2-х голосов с ф.-п., слова Сурикова, ор. 46 (1880), посвящен Т. Л. Давыдовой.—504.
Двенадцать романсов, для голоса с ф.-п., ор. 60 (1886), посвящены императрице Марии Федоровне.—433, 637.
Колыбельная песня, для голоса с ф.-п., слова Майкова, ор. 16, № 1 (1872), посвящена Н. Н. Римской-Корсаковой.—620.
Шестнадцать детских песен, для голоса с ф.-п., ор. 54 (1883).—232, 234, 349, 625, 632—633.

Редактирование духовно-музыкальных сочинений Бортнянского (1881).—51—53, 88, 617.
Инструментовка для оркестра увертюры-фантазии Лароша (1888).—551—552, 555, 644—645.

«Автобиографическое описание путешествия за границу в 1888 году».—528, 642—643.
«Музыкальные фельетоны и заметки», М. 1898. — 642—643.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. П. И. Чайковский. С фотографии 1885 г. 5
2. Афиша представления «Орлеанской Девы» Чайковского в Праге в 1882 г. 80
3. П. И. Чайковский. С фотографии 1886 г. 400
4. Проводы П. И. Чайковского в Тифлисе. С фотографии 1889 г. 576
5. П. И. Чайковский. С фотографии 1890 г. 600
6. Последнее письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк от 22 сентября/4 октября 1890 г. (первая и последняя страницы) 608
7. Карикатура на П. И. Чайковского: «Обер-композитор русской оперы» (Из книги Михневича «Наши знакомые», Спб. 1884). . 632

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

ПИСЬМА

(указаны даты старого стиля)

1.	Мекк — Чайковскому	1882 г. января	3	. . . .	13
2.	Чайковский — Мекк	» »	5—6	. . . .	
3.	Мекк — Чайковскому	» »	11	. . . .	14
4.	Чайковский — Мекк	» »	13	. . . .	16
5.	Мекк — Чайковскому	» »	14	. . . .	—
6.	Чайковский — Мекк	» »	16—20	. . . .	17
7.	Мекк — Чайковскому	» »	23	. . . .	18
8.	Чайковский — Мекк	» »	25—26	. . . .	19
9.	Мекк — Чайковскому	» »	26	. . . .	21
10.	Чайковский — Мекк	» »	30	. . . .	22
11.	» »	» февраля	1—3	. . . .	23
12.	Мекк — Чайковскому	» »	4	. . . .	25
13.	Чайковский — Мекк	» »	7—8	. . . .	26
14.	Мекк — Чайковскому	» »	11	. . . .	27
15.	Чайковский — Мекк	» »	11	. . . .	28
16.	» »	» »	13	. . . .	29
17.	Мекк — Чайковскому	» »	20?	. . . .	32
18.	Чайковский — Мекк	» »	21	. . . .	33
19.	» »	» »	22	. . . .	34
20.	Мекк — Чайковскому	» »	27	. . . .	36
21.	Чайковский — Мекк	» »	27—28	. . . .	37
22.	Мекк — Чайковскому	» марта	7	. . . .	39
23.	Чайковский — Мекк	» »	7	. . . .	—
24.	» »	» »	9	. . . .	42
25.	» »	» »	17	. . . .	43
26.	Мекк — Чайковскому	» »	17	. . . .	—
27.	Чайковский — Мекк	» »	18	. . . .	44

28.	Мекк — Чайковскому	1882 г.	марта	20	. . . .	44
29.	Чайковский— Мекк	»	»	20	. . . .	45
30.	» »	»	»	22	. . . .	—
31.	» »	»	»	31	. . . .	46
32.	» »	»	апреля	3—5	. . . .	47
33.	Мекк — Чайковскому	»	»	6	. . . .	48
34.	» »	»	»	15	. . . .	49
35.	» »	»	»	16	. . . .	50
36.	Чайковский — Мекк	»	»	16—26	. . . .	51
37.	Мекк — Чайковскому	»	мая	5	. . . .	54
38.	Чайковский — Мекк	»	»	5	. . . .	55
39.	Мекк — Чайковскому	»	»	11	. . . .	56
40.	Чайковский — Мекк	»	»	17—18	. . . .	57
41.	Мекк — Чайковскому	»	»	20	. . . .	58
42.	» »	»	»	24	. . . .	59
43.	Чайковский — Мекк	»	»	23—27	. . . .	60
44.	» »	»	»	29 —июня 3	. . . .	61
45.	» »	»	июня	4	. . . .	63
46.	» »	»	»	7 —9	. . . .	64
47.	» »	»	»	16	. . . .	66
48.	Мекк — Чайковскому	»	»	24	. . . .	67
49.	Чайковский — Мекк	»	»	24	. . . .	68
50.	» »	»	»	26	. . . .	69
51.	» »	»	»	30	. . . .	70
52.	Мекк — Чайковскому	»	июля	5	. . . .	71
53.	Чайковский — Мекк	»	»	5	. . . .	72
54.	» »	»	»	12—13	. . . .	73
55.	Мекк — Чайковскому	»	»	13	. . . .	74
56.	Чайковский — Мекк	»	»	20	. . . .	75
57.	Мекк — Чайковскому	»	»	23	. . . .	78
58.	Чайковский — Мекк	»	»	27	. . . .	—
59.	Мекк — Чайковскому	»	августа	2	. . . .	80
60.	Чайковский — Мекк	»	»	3	. . . .	81
61.	Мекк — Чайковскому	»	»	7	. . . .	83
62.	Чайковский — Мекк	»	»	10	. . . .	85
63.	» »	»	»	11	. . . .	—
64.	Мекк — Чайковскому	»	»	12	. . . .	87
65.	Чайковский — Мекк	»	»	17	. . . .	88
66.	Мекк — Чайковскому	»	»	18	. . . .	89
67.	Чайковский — Мекк	»	»	20	. . . .	—
68.	Мекк — Чайковскому	»	»	24	. . . .	90
69.	Чайковский — Мекк	»	»	22 —25	. . . .	92
70.	Мекк — Чайковскому	»	»	28	. . . .	94
71.	Чайковский — Мекк	»	»	28	. . . .	95
72.	» »	»	»	31—сентября 2	. . . .	96
73.	Мекк — Чайковскому	»	сентября	3	. . . .	97
74.	» »	»	»	7	. . . .	99
75.	Чайковский — Мекк	»	»	9	. . . .	100
76.	» »	»	»	14	. . . .	101
77.	Мекк — Чайковскому	»	»	19	. . . .	103
78.	Чайковский — Мекк	»	»	22—24	. . . .	104
79.	Мекк — Чайковскому	»	октября	1	. . . .	106
80.	Чайковский — Мекк	»	сентября 28—октября 8		. . . .	107
81.	Мекк — Чайковскому	»	октября	14	. . . .	109

82. Чайковский — Мекк 1882 г. октября 14 111
83. » » » » 20 112
84. » » » » 19—26 113
85. » » » » 30—ноября 3 115
86. Мекк — Чайковскому » ноября 7 118
87. Чайковский — Мекк » » 9—10 119
88. » » » » 17 121
89. Мекк — Чайковскому » » 24 . . . . —
90. Чайковский — Мекк » » 2—26 122
91. Мекк — Чайковскому » декабря 4 124
92. Чайковский — Мекк » » 5 125
93. Мекк — Чайковскому » » 11 126
94. Чайковский — Мекк » » 12—13 127
95. » » » » 25 128
96. » » » » 31 130
97. Мекк — Чайковскому 1883 г. января 2 133
98. Чайковский — Мекк » » 3—5 134
99. Мекк — Чайковскому » » 6 136
100. Чайковский — Мекк » » 11 138
101. » » » » 15 139
102. Мекк — Чайковскому » » 20 140
103. Чайковский — Мекк » » 19—24 142
104. » » » » 26 144
105. Мекк — Чайковскому » » 28 145
106. » » » февраля 2 146
107. Чайковский — Мекк » января 31—февраля 9 148
108. Мекк — Чайковскому » февраля 13 152
109. Чайковский — Мекк » » 14—16 153
110. » » » » 21—24 155
111. » » » марта 3—4 157
112. » » » » 9 158
113. Мекк — Чайковскому » » 11 160
114. Чайковский — Мекк » » 14—16 161
115. Мекк — Чайковскому » » 18 164
116. Чайковский — Мекк » » 20 165
117. » » » » 26 166
118. Мекк — Чайковскому » » 31 168
119. Чайковский — Мекк » апреля 6 169
120. Мекк — Чайковскому » » 14 170
121. Чайковский — Мекк » » 16 172
122. » » » » 23 174
123. Мекк — Чайковскому » » 26 175
124. Чайковский — Мекк » » 29 176
125. Мекк — Чайковскому » мая 1 178
126. Чайковский — Мекк » » 3 179
127. » » » » 8 181
128. » » » » 9 183
129. » » » » 12 184
130. » » » » 19 185
131. Мекк — Чайковскому » » 24 186
132. Чайковский — Мекк » » 24 188
133. » » » июня 1—8 189
134. » » » » 15 191
135. Мекк — Чайковскому » » 23 193

136.	Чайковский — Мекк	1883 г.	июня	27	. . . .	193
137.	» »	»	июля	8	. . . .	195
138.	Мекк — Чайковскому	»	»	14	. . . .	197
139.	Чайковский — Мекк	»	»	17	. . . .	198
140.	» »	»	»	18	. . . .	199
141.	» »	»	»	27	. . . .	202
142.	Мекк — Чайковскому	»	»	29	. . . .	204
143.	Чайковский — Мекк	»	августа	1	. . . .	205
144.	Мекк — Чайковскому	»	»	2	. . . .	206
145.	Чайковский — Мекк	»	»	4	. . . .	207
146.	Мекк — Чайковскому	»	»	8	. . . .	—
147.	Чайковский — Мекк	»	»	10	. . . .	208
148.	» »	»	»	19	. . . .	209
149.	Мекк — Чайковскому	»	»	20	. . . .	211
150.	Чайковский — Мекк	»	»	23	. . . .	212
151.	Мекк — Чайковскому	»	»	31	. . . .	213
152.	Чайковский — Мекк	»	сентября	1	. . . .	215
153.	Мекк — Чайковскому	»	»	5	. . . .	—
154.	Чайковский — Мекк	»	»	6	. . . .	217
155.	» »	»	»	8—10	. . . .	218
156.	» »	»	»	16	. . . .	221
157.	» »	»	»	21—22	. . . .	222
158.	Мекк — Чайковскому	»	»	24	. . . .	223
159.	Чайковский — Мекк	»	»	27	. . . .	225
160.	» »	»	»	28—30	. . . .	226
161.	Мекк — Чайковскому	»	октября	1	. . . .	228
162.	Чайковский — Мекк	»	»	5	. . . .	229
163.	» »	»	»	11—19	. . . .	230
164.	» »	»	»	25	. . . .	231
165.	Мекк — Чайковскому	»	»	30	. . . .	232
166.	Чайковский — Мекк	»	ноября	1	. . . .	234
167.	» »	»	»	15	. . . .	235
168.	» »	»	»	23	. . . .	236
169.	» »	»	декабря	2	. . . .	237
170.	Мекк — Чайковскому	»	»	5	. . . .	—
171.	Чайковский — Мекк	»	»	11	. . . .	239
172.	Мекк — Чайковскому	»	»	15	. . . .	240
173.	Чайковский — Мекк	»	»	21	. . . .	241
174.	Мекк — Чайковскому	»	»	23	. . . .	243
175.	» »	»	»	30	. . . .	244
176.	Чайковский — Мекк	»	»	31	. . . .	245
177.	» »	1884 г.	января	6	. . . .	247
178.	Мекк — Чайковскому	»	»	11	. . . .	248
179.	Чайковский — Мекк	»	»	14	. . . .	—
180.	» »	»	»	20	. . . .	250
181.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	. . . .	251
182.	» »	»	»	25	. . . .	252
183.	Чайковский — Мекк	»	»	27	. . . .	253
184.	» »	»	февраля	3	. . . .	254
185.	» »	»	»	7	. . . .	255
186.	Мекк — Чайковскому	»	»	8	. . . .	256
187.	Чайковский — Мекк	»	»	13	. . . .	257
188.	Мекк — Чайковскому	»	»	19	. . . .	258
189.	Чайковский — Мекк	»	»	19	. . . .	259

190.	Мекк — Чайковскому	1884 г.	февраля	25	260
191.	Чайковский — Мекк	»	»	27	261
192.	» »	»	»	29	263
193.	Чайковский — Мекк	»	марта	8	—
194.	Мекк — Чайковскому	»	»	9	264
195.	Чайковский — Мекк	»	»	13	265
196.	» »	»	»	23	266
197.	Мекк — Чайковскому	»	апреля	6	267
198.	Чайковский — Мекк	»	»	1—12	269
199.	» »	»	»	16—19	271
200.	Мекк — Чайковскому	»	»	26	273
201.	Чайковский — Мекк	»	»	24—27	274
202.	Мекк — Чайковскому	»	»	29	275
203.	Чайковский — Мекк	»	мая	3	276
204.	» »	»	»	4	277
205.	Мекк — Чайковскому	»	»	8	278
206.	Чайковский — Мекк	»	»	9	279
207.	» »	»	»	21—26	280
208.	» »	»	июня	7	283
209.	Мекк — Чайковскому	»	»	11	—
210.	Чайковский — Мекк	»	»	16	285
211.	» »	»	»	26	—
212.	Мекк — Чайковскому	»	июля	5	286
213.	Чайковский — Мекк	»	»	5	287
214.	» »	»	»	14—17	288
215.	Мекк — Чайковскому	»	»	23	290
216.	Чайковский — Мекк	»	»	23	291
217.	» »	»	»	28	292
218.	» »	»	августа	1	293
219.	» »	»	»	8	294
220.	Мекк — Чайковскому	»	»	9	295
221.	» »	»	»	10 ?	296
222.	Чайковский — Мекк	»	»	11—15	297
223.	» »	»	»	21	299
224.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	300
225.	Чайковский — Мекк	»	»	23	301
226.	Мекк — Чайковскому	»	»	25	304
227.	Чайковский — Мекк	»	»	27	305
228.	Мекк — Чайковскому	»	»	28	306
229.	Чайковский — Мекк	»	»	30	307
230.	Мекк — Чайковскому	»	сентября	2	—
231.	Чайковский — Мекк	»	»	3	308
232.	» »	»	»	4—6	309
233.	» »	»	»	8—10	310
234.	Мекк — Чайковскому	»	»	13	312
235.	Чайковский — Мекк	»	»	13—18	313
236.	Мекк — Чайковскому	»	»	18	315
237.	Чайковский — Мекк	»	»	24	—
238.	» »	»	октября	1—3	316
239.	» »	»	»	12	318
240.	Мекк — Чайковскому	»	»	17	—
241.	Чайковский — Мекк	»	»	22	319
242.	» »	»	»	28	320
243.	» »	»	ноября	3	321

244.	Мекк — Чайковскому	1884 г.	ноября	11	323
245.	Чайковский — Мекк	»	»	12	—
246.	» »	»	»	18	324
247.	» »	»	»	24	325
248.	Мекк — Чайковскому	»	»	28	326
249.	Чайковский — Мекк	»	декабря	9	327
250.	» »	»	»	18	328
251.	Мекк — Чайковскому	»	»	19	329
252	» »	»	»	28	330
253.	Чайковский — Мекк	1885 г.	января	1	331
254.	» »	»	»	5	332
255.	Мекк — Чайковскому	»	»	10	334
256.	» »	»	»	11	336
257.	Чайковский — Мекк	»	»	18	337
258.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	338
259.	» »	»	»	27	339
260.	Чайковский — Мекк	»	»	28	340
261.	» »	»	февраля	3	341
262.	Мекк — Чайковскому	»	»	4	342
263.	Чайковский — Мекк	«	»	10	343
264.	» »	»	»	16	—
265.	Мекк — Чайковскому	»	»	25	344
266.	Чайковский — Мекк	»	марта	5	346
267.	Мекк — Чайковскому	»	»	16	348
268.	» »	»	»	21	349
269.	Чайковский — Мекк	»	апреля	3—9	—
270.	» »	»	»	15	351
271.	Мекк — Чайковскому	»	»	18	352
272.	Чайковский — Мекк	»	»	20	354
273.	Мекк — Чайковскому	»	»	27	355
274.	Чайковский — Мекк	»	»	28	356
275.	» »	»	»	30	357
276.	» »	»	мая	9	358
277.	» »	»	»	18	359
278.	» »	»	»	26	360
279.	Мекк — Чайковскому	»	»	30	361
280.	Чайковский — Мекк	»	»	31	362
281.	» »	»	июня	2	363
282.	Мекк — Чайковскому	»	»	5	365
283.	Чайковский — Мекк	»	»	13	366
284.	Мекк — Чайковскому	»	»	26	367
285.	Чайковский — Мекк	»	»	28	368
286.	Мекк — Чайковскому	»	июля	3	369
287.	Чайковский — Мекк	»	»	6	370
288.	Мекк — Чайковскому	»	»	12	371
289.	» »	»	»	18	—
290.	Чайковский — Мекк	»	»	19	372
291.	» »	»	августа	3 —10	373
292.	Мекк — Чайковскому	»	»	16	375
293.	Чайковский — Мекк	»	»	31	376
294.	» »	»	сентября	11	377
295.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	378
296.	Чайковский — Мекк	»	»	22	379
297.	» »	»	»	27	380

298.	Мекк — Чайковскому	1885 г.	октября	6	382
299.	» »	»	»	7	383
300.	Чайковский — Мекк	»	»	11	—
301.	» »	»	»	13	385
302.	» »	»	»	27	386
303.	» »	»	ноября	5	387
304.	Мекк — Чайковскому	»	»	13	389
305.	Чайковский — Мекк	»	»	19	391
306.	» »	»	декабря	11	392
307.	Мекк — Чайковскому	»	»	13	393
308.	» »	»	»	18	395
309.	Чайковский — Мекк	»	»	23	396
310.	Мекк — Чайковскому	1886 г.	января	7	397
311.	Чайковский — Мекк	»	»	13	398
312.	» »	»	»	14	400
313.	» »	»	»	23	402
314.	Мекк — Чайковскому	»	»	28	403
315.	Чайковский — Мекк	»	февраля	4	—
316.	» »	»	»	6	404
317.	» »	»	»	14	405
318.	Мекк — Чайковскому	»	»	15	406
319.	Чайковский — Мекк	»	»	21—25	408
320.	» »	»	марта	13	410
321.	» »	»	»	29	411
322.	» »	»	апреля	1	—
323.	» »	»	»	23	413
324.	» »	»	мая	3	415
325.	Мекк — Чайковскому	»	»	11	416
326.	Чайковский — Мекк	»	»	13	417
327.	» »	»	»	19	418
328.	Мекк — Чайковскому	»	»	29	419
329.	Чайковский — Мекк	»	июня	3	421
330.	» »	»	»	5	422
331.	Мекк — Чайковскому	»	»	8	423
332.	Чайковский — Мекк	»	»	17—18	—
333.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	424
334.	Чайковский — Мекк	»	»	28	425
335.	Мекк — Чайковскому	»	июля	7	426
336.	Чайковский — Мекк	»	»	8	427
337.	Мекк — Чайковскому	»	»	13	428
338.	Чайковский — Мекк	»	»	29	429
339.	» »	»	августа	4	430
340.	Мекк — Чайковскому	»	»	5	432
341.	Чайковский — Мекк	»	сентября	3	—
342.	Мекк — Чайковскому	»	»	6	434
343.	Чайковский — Мекк	»	»	9	435
344.	Мекк — Чайковскому	»	»	22	437
345.	Чайковский — Мекк	»	»	23	439
346.	» »	»	»	26	440
347.	Мекк — Чайковскому	»	октября	3	441
348.	Чайковский — Мекк	»	»	5	443
349.	Мекк — Чайковскому	»	»	19	444
350.	Чайковский — Мекк	»	»	26	445
351.	Мекк — Чайковскому	»	ноября	2	446

352.	Чайковский — Мекк	1886 г.	ноября	4	447
353.	» »	»	»	10	—
354.	Мекк — Чайковскому	»	»	21	449
355.	Чайковский — Мекк	»	»	14—24	450
356.	Мекк — Чайковскому	»	декабря	8	451
357.	Чайковский — Мекк	»	»	9	452
358.	Мекк — Чайковскому	»	»	14	453
359.	Чайковский — Мекк	»	»	26	454
360.	» »	1887 г.	января	5	456
361.	Мекк — Чайковскому	»	»	6	457
362.	Чайковский — Мекк	»	»	14	458
363.	Мекк — Чайковскому	»	»	15	459
364.	Чайковский — Мекк	»	»	22	460
365.	Мекк — Чайковскому	»	»	28	461
366.	Чайковский — Мекк	»	февраля	2	462
367.	» »	»	»	9	463
368.	Мекк — Чайковскому	»	»	19	464
369.	Чайковский — Мекк	»	»	20	465
370.	Мекк — Чайковскому	»	марта	2	466
371.	Чайковский — Мекк	»	»	10	467
372.	» »	»	»	12	469
373.	Мекк — Чайковскому	»	»	16	470
374.	» »	»	»	19	471
375.	Чайковский — Мекк	»	»	23	472
376.	» »	»	апреля	24	473
377.	Мекк — Чайковскому	»	»	30	474
378.	Чайковский — Мекк	»	мая	5	475
379.	» »	»	»	14	476
380.	» »	»	»	20	—
381.	» »	»	»	28	477
382.	» »	»	»	30	478
383.	Мекк — Чайковскому	»	июня	11	479
384.	Чайковский — Мекк	»	»	13	482
385.	Мекк — Чайковскому	»	»	15	483
386.	Чайковский — Мекк	»	»	22	484
387.	» »	»	»	26	486
388.	» »	»	»	27	487
389.	» »	»	июля	1	489
390.	» »	»	»	5	490
391.	Мекк — Чайковскому	»	»	середина	—
392.	» »	»	»	17	491
393.	Чайковский — Мекк	»	»	20	492
394.	» »	»	»	29	493
395.	» »	»	августа 31—сентября	9	494
396.	Мекк — Чайковскому	»	сентября	15	496
397.	» »	»	»	23	497
398.	Чайковский — Мекк	»	»	21—25	—
399.	» »	»	октября	1	501
400.	Мекк — Чайковскому	»	»	17	502
401.	Чайковский — Мекк	»	»	19	—
402.	» »	»	ноября	13	503
403.	Мекк — Чайковскому	»	»	21	504
404.	Чайковский — Мекк	»	»	25	505
405.	» »	»	»	30	507

406. Мекк — Чайковскому 1887 г. декабря 7 508
407. Чайковский — Мекк » » 28 509
408. » » » » 30 510
409. » » 1888 г. января 2—10 512
410. Мекк — Чайковскому » » 19 513
411. Чайковский — Мекк » » 23 515
412. » » » » 30 516
413. » » » февраля 10 517
414. Мекк — Чайковскому » » 14 518
415. Чайковский — Мекк » » 15 519
416. Мекк — Чайковскому » » 18 520
417. Чайковский — Мекк » марта 11 521
418. Мекк — Чайковскому » » 16 522
419. » » » » 18 523
420. Чайковский — Мекк » марта 22 . . . . —
421. » » » » 29 524
422. » » » апреля 13 526
423. Мекк — Чайковскому » » 21 527
424. Чайковский — Мекк » » 24 528
425. » » » мая 9 530
426. Мекк — Чайковскому » » 17 531
427. Чайковский — Мекк » » 18 532
428. Мекк — Чайковскому » » 20 533
429. Чайковский — Мекк » » 24 . . . . —
430. » » » июня 1 534
431. Мекк — Чайковскому » » 2 535
432. Чайковский — Мекк » » 4 536
433. Мекк — Чайковскому » » 8 537
434. Чайковский — Мекк » » 10 538
435. » » » » 22 . . . . —
436. Мекк — Чайковскому » » 29 540
437. Чайковский — Мекк » июля 1 541
438. Мекк — Чайковскому » » 5 542
439. Чайковский — Мекк » » 12 543
440. Мекк — Чайковскому » » 21 544
441. Чайковский — Мекк » » 25 545
442. » » » августа 7 546
443. Мекк — Чайковскому » » 11 547
444. Чайковский — Мекк » » 14 548
445. Мекк — Чайковскому » » 14 549
446. Чайковский — Мекк » » 22 . . . . —
447. » » » сентября 3 550
448. » » » » 14 551
449. Мекк — Чайковскому » » 22 552
450. Чайковский — Мекк » » 24 553
451. » » » октября 27 554
452. » » » ноября 13 556
453. Мекк — Чайковскому » » 21 . . . . —
454. Чайковский — Мекк » » 26 557
455. » » » декабря 2 558
456. » » » » 26 559
457. Мекк — Чайковскому » » 26 561
458. » » 1889 г. января 2 563
459. Чайковский — Мекк » » 8 564

460. Чайковский — Мекк 1889 г. февраля 11 565
461. » » » » 21 566
462. Мекк — Чайковскому » » 27 567
463. Чайковский — Мекк » марта 5 568
464. Мекк — Чайковскому » » 9 569
465. Чайковский — Мекк » » 13 570
466. » » » » 30 571
467. » » » апреля 20 572
468. Мекк — Чайковскому » мая 5 573
469. Чайковский — Мекк » » 19 . . . .
470. Мекк — Чайковскому » » 29 575
471. Чайковский — Мекк » июня 25 . . . .
472. Мекк — Чайковскому » июля 1 577
473. Чайковский — Мекк » » 12 578
474. Мекк — Чайковскому » » 24 579
475. Чайковский — Мекк » » 25 580
476. » » » августа 7 581
477. Мекк — Чайковскому » » 9 . . . .
478. Чайковский — Мекк » » 13 582
479. » » » октября 2 583
480. Мекк — Чайковскому » » 2 585
481. Чайковский — Мекк » » 19 . . . .
482. Мекк — Чайковскому » ноября 14 586
483. Чайковский — Мекк » » 22 587
484. » » » декабря 17 26 588
485. » » 1890 г. марта 27 591
486. Мекк — Чайковскому » » 30 593
487. Чайковский — Мекк » апреля 7 594
488. Мекк — Чайковскому » мая 28 595
489. Чайковский — Мекк » июня 2 596
490. » » » » 30 597
491. » » » июля 1 598
492. » » » » 2 599
493. Мекк — Чайковскому » » 22 . . . .
494. Чайковский — Мекк » » 30 600
495. » » » сентября 4 602
496. Мекк — Чайковскому » » 13 603
497. Чайковский — Мекк » » 22 605

Примечания 609

Указатель собственных имен 651

Указатель произведений Чайковского 669

Перечень иллюстраций 673

Ред. Я. Е. Эльсберг
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-техническое наблюдение А. Ф. Кемпер.
Техред. Л. Фрязинова

Сдано в набор 28/II—36 г.
Подп. в печать 16/VII—36.
Тираж 5.300. Уполн. Главлита Б—21383. Зак. тип. № 578. Ас» 220. Инд. А—6.
Бум. 62 × 94 — 1/16. П. л. 42 3/4 + 6 вкл. У. а. л. 45,14.

Отпечатано на ф-ке книги «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 14.00
Переплет Р. 3.00

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
104	10 сн.	прятный	приятный
281	14 св.	На	Из
363	3 сн.	необычайный	необычайной
458	22 св.	1887 г.	1887 г. *
610	1 сп.	Сафронову	Софронову
622	18 сп.	А. Я. Левенсона	А. Я. Левенсон
628	19 сп.	будет	будет,
635	9 сп.	1885/96 г.	1885/86 г.
641	4 сн.	К п №	К письму № 404
661	11 св.	Паухльский	Пахульский
676	9 св.	2—26	22—26

M 18

75

1/3

П. В. Т.
Магазин № 73
ц. 75 р.
на. ………

385
21

М-03